

История мира от историков в двадцати пяти томах,
том 07. История поздней Римской империи

Генри Смит Уильямс

THE HISTORIANS' HISTORY OF THE WORLD

A comprehensive narrative of the rise and development of nations
as recorded by over two thousand of the great writers of
all ages: edited, with the assistance of a distinguished
board of advisers and contributors,
by

HENRY SMITH WILLIAMS, LL.D.

IN TWENTY-FIVE VOLUMES
VOLUME VII—THE LATER ROMAN EMPIRE

The Outlook Company
New York

The History Association
London

1904

Содержание

[ИСТОРИЯ МИРА ОТ ИСТОРИКОВ](#)

[Авторы и редакторы.](#)

[ЧАСТЬ XI](#)

[СОДЕРЖАНИЕ](#)

[ОБЗОР ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ](#)

[ПЕРЕХОД К СРЕДНЕВЕКОВЬЮ](#)

[СРЕДНЕВЕКОВЬЕ](#)

[КНИГА I ПОЗДНЯЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ НА ВОСТОКЕ](#)

[ВВЕДЕНИЕ ОБЪЕМ, ИСТОЧНИКИ И ХРОНОЛОГИЯ ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИСТОРИИ НА ВОСТОКЕ](#)

[КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ](#)

[ХРОНОЛОГИЯ ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИСТОРИИ НА ВОСТОКЕ](#)

[ГЛАВА I ПРАВЛЕНИЕ АРКАДИЯ \[395-408 гг.](#)

[СРАВНЕНИЕ ДВУХ ИМПЕРИЙ](#)

[ВЕЛИЧИЕ КОНСТАНТИНОПОЛИЯ](#)

[ВОСТОК И ЗАПАД](#)

[ВОСТОЧНАЯ И ЗАПАДНАЯ ЧАСТИ](#)

[ЕВТРОПИЙ ЕВНУХ](#)

[Трибигильд острогот; падение Эвтропия](#)

[Св. Иоанн Златоуст](#)

[ГЛАВА II. ПРАВЛЕНИЕ ТЕОДОСИЯ МЛАДШЕГО ДО ВОЗВЫШЕНИЯ ЮСТИНИАНА \[408-527 г. н. э.\]](#)

[ГУННЫ](#)

[Аммиан Марцеллин описывает гуннов](#)

[Аттила, царь гуннов](#)

[Дипломатия Атtilы](#)

[Попытка убийства Атtilы](#)

[Преемники Флеверия](#)

[Юстин I](#)

[Сноски](#)

[ГЛАВА III. ЮСТИНИАН И ТЕОДОРА \[525-548 гг.](#)

[Фракции цирка](#)

[Жадность и роскошь Юстиниана](#)

[Строительство св. Софии](#)

[ДРУГИЕ СОЗДАНИЯ ЮСТИНИАНА](#)

[УКРЕПЛЕНИЯ](#)

[ЗАКРЫТИЕ ШКОЛ](#)

[ИСЧЕЗНОВЕНИЕ РИМСКОГО КОНСУЛЬСТВА](#)

[ВАНДАЛЬСКАЯ ВОЙНА](#)

[БЕЛИСАРИЙ](#)

[БЕЛИСАРИЙ ВХОДИТ В КАРТАГО](#)

[ТРИУМФ И КРОТОСТ БЕЛИСАРИЯ](#)

[ВОЙНЫ СОЛОМОНА С МАВРИТАНЦАМИ](#)

[ВОЕННАЯ ТАКТИКА ПРИ ЮСТИНИАНЕ](#)

[УПАДОК СОЛДАТСКОГО СТАНДАП](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА IV ПОЗДНИЕ ГОДА ПРАВЛЕНИЯ ЮСТИНИАНА \[535-565 ГОДЫ Н. Э.\]](#)

[ВИЗАНТИЯ ОСВОБОЖДАЕТ РИМ ОТ ГОТОВ](#)

[ОЦЕНКА ФИНЛЭЯ ОТНОСИТЕЛЬНО БЕЛИСАРИЯ](#)

[ГОТЫ ВОЗОБНОВЛЯЮТ ВОЙНУ](#)

[БЕЛИСАРИЙ В РИМЕ](#)

[ОЦЕНКА ГИББОНА БЕЛИСАРИЯ И ЕГО ВРЕМЕН](#)

[ВТОРЖЕНИЯ ВАРВАРОВ](#)

[СЛАВЯНСКИЕ НАПАДЕНИЯ](#)

[ТУРКИ И АВАРЫ](#)

[ОТНОШЕНИЯ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ С ПЕРСИЕЙ](#)

[ВОСТОЧНО-РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ](#)

[ВТОРЖЕНИЕ КОТРИГУРСКИХ ГУННОВ](#)

[КОНЕЦ БЕЛИСАРИЯ](#)

[СМЕРТЬ ЮСТИНИАНА](#)

[ЮСТИНИАН КАК ЗАКОНОДАТЕЛЬ](#)

[ОЦЕНКА ЮСТИНИАНА БЕРИ](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА V. ПРАВЛЕНИЕ ЮСТИНА II ДО ГЕРАКЛИЯ \[565-629 гг. н. э.\]](#)

[ПРАВЛЕНИЕ ТИБЕРИЯ](#)

[ИМПЕРАТОР МАВРИЙ \(582-602\) И ВОЙНА С ПЕРСИЕЙ](#)

[ПЕРСИДСКАЯ ВОЙНА \(572-591\)](#)

[АВАРЫ](#)

[СОСТОЯНИЕ РИМСКИХ ВОЙСК](#)

[ВОССТАНИЕ ПРОТИВ МАВРИКА](#)

[ИМПЕРАТОР ФОКА \(602-610\)](#)

[ИМПЕРАТОР ГЕРАКЛИЙ \(610-641\)](#)

[ГЕРАКЛИЙ ПЛАНИРУЕТ ПЕРЕНЕСТИ СТОЛИЦУ В КАРТАГО \(618\)](#)

[ПРОБУЖДЕНИЕ ГЕРАКЛИЯ](#)

[ТРИУМФ ГЕРАКЛИЯ](#)

[ОСАДА КОНСТАНТИНОПОЛЯ \(626\)](#)

[ТРЕТЬЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ГЕРАКЛИЯ](#)

[БИТВА ПРИ НИНЕВЕ \(627\)](#)

[КОНЕЦ ХОЗРОСА \(628\)](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА VI. ГЕРАКЛИЙ И ЕГО ПРЕЕМНИКИ \[610-717 ГОДЫ Н.Э.\]](#)

[ПРОВИНЦИИ ПОД УПРАВЛЕНИЕМ ГЕРАКЛИЯ](#)

[БАРЬЕРЫ ПРОТИВ СЕВЕРНЫХ ВАРВАРОВ](#)

[РЕЛИГИОЗНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГЕРАКЛИЯ](#)

[ВОЙНЫ С МУСУЛЬМАНАМИ](#)

[ПРАВЛЕНИЕ КОНСТАНТА II \(641-668 гг. н. э.\)](#)

[РЕЛИГИОЗНЫЕ ФЕОДЫ](#)

[РАСТУЩАЯ ОПАСНОСТЬ СО СТОРОНЫ САРАЦЕНОВ](#)

[ПРАВЛЕНИЕ КОНСТАНТИНА IV \(668-685 гг. н. э.\)](#)

[ВОЙНЫ С САРАЦЕНАМИ И ОСАДА КОНСТАНТИНОПОЛЯ \(672 г. н. э.\)](#)

[ЮСТИНИАН II \(685 г. н. э.\)](#)

[ПРАВЛЕНИЕ ЛЕОНТИЯ \(695-698 гг. н. э.\)](#)

[ЮСТИНИАН ВОЗВРАЩАЕТ СЕБЕ ТРОН](#)

[АНАРХИЯ](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА VII ЛЕО ИСАВРИЙСКИЙ К ИОАННУ ЗИМИСЦУ \[717-969 гг. н. э.\]](#)

[Лев III \(Лев Исаврийский\), 717-741 гг.](#)

[ОСАДА КОНСТАНТИНОПОЛЯ \(717-718 гг. н. э.\)](#)

[ВОССТАНИЕ ПРОТИВ ЛЕОНА](#)

[ИКОНОБОРЦЫ](#)

[ИКОНОБОРЕЦТВО ПОСЛЕ ЛЕОНА](#)

[ПРАВЛЕНИЕ КОНСТАНТИНА V \(КОПРОНИМ\) \(741-775 гг. н. э.\)](#)

[ПРАВЛЕНИЕ КОПРОНИМА; ВОЙНЫ С САРАЦЕНАМИ](#)

[ВОЙНЫ С БОЛГАРИЕЙ](#)

[СОВЕТ 754 ГОДА](#)

[ЛЕО IV И КОНСТАНТИН VI \(775-797 гг. н. э.\)](#)

[ИМПЕРАТРИЦА ИРЕНА](#)

[ИРЕНА И ИКОНОБОЙСТВО](#)

[КОНЕЦ ВЛАСТИ ВИЗАНТИИ В РИМЕ](#)

[НИКИФОР \(802-811 гг. н. э.\) И МИХАИЛ I \(812-813 гг. н. э.\)](#)

[ЛЕО ВЕРМЕНСКИЙ \(813-820 гг. н. э.\)](#)

[Аморийская династия \(820-867 гг. н. э.\) МИХАИЛ II \(820-829 гг. н. э.\)](#)

[ФЕОФИЛ \(829-842 гг. н. э.\)](#)

[ФЕОДОРА И МИХАИЛ ПЬЯНИЦА \(842-867 гг. н. э.\)](#)

[Династия Василиев или Македонов \(867-1057 гг. н. э.\) ВАСИЛИЙ \(867-886 гг. н. э.\)](#)

[ЛЕВ VI ФИЛОСОФ \(886-911 гг. н. э.\)](#)

[КОНСТАНТИН VII ПОРФИРОГЕНЕТ \(911-919 гг. н. э.\) \(944-959 гг. н. э.\)](#)

[РОМАН ЛЕКАПЕН \(919-944 гг. н. э.\)](#)

[РОМАН II \(959-963 гг. н. э.\)](#)

[НИКИФОР ФОКА \(963-969 гг. н. э.\)](#)

[ВОЙНЫ НИКИФОРА](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА VIII СЛАВА И УПАДОК ИМПЕРИИ \[969-1204 гг.\]](#)

[ВОЙНА С РУССКИМИ \(970-971 гг. н. э.\)](#)

[ВОЙНА С САРАЦЕНАМИ \(972-976 гг. н. э.\)](#)

[ВЕРШИНА СЛАВЫ](#)

[ВАСИЛИЙ II И ЕГО ПРЕЕМНИКИ \(976-1054 гг. н. э.\)](#)

[РАЗДЕЛЕНИЕ ГРЕЧЕСКОЙ И ЛАТИНСКОЙ ЦЕРКВЕЙ](#)

[КОМНИ](#)

[РОМАН НА ПОЛЕ БОЯ \(1067-1071\)](#)

[ПОЛОНОСЕНИЕ ИМПЕРАТОРА](#)

[СЫНОВЬЯ КОНСТАНТИНА XI И НИКИФОРА III \(1071-1081 гг. н. э.\)](#)

[ИСТОРИЯ АННЫ КОМНИНОЙ](#)

[БЕСПОРЯДКИ АЛЕКСИЯ](#)

[Норманнское вторжение](#)

[ИОАНН \(II\) КОМНИН \(КАЛО-ИОАНН\) \(1118-1143 гг. н. э.\)](#)

[МАНУЭЛЬ I \(1143-1180 гг. н. э.\)](#)

[Приключения Андроника](#)

[АЛЕКСИЙ II \(1180-1183 гг.\)](#)

[АНДРОНИК I, ИМПЕРАТОР \(1183-1185 гг. н. э.\)](#)

[ОБЗОР ГИББОНА О ИМПЕРАТОРАХ](#)

[ИСААК \(II\) АНГЕЛ \(1185-1195 гг. н. э.\)](#)

[ВМЕШАТЕЛЬСТВО КРЕСТНОСЦЕВ](#)

[ЗАХВАТ КОНСТАНТИНОПОЛИЯ \(1203 г. н. э.\)](#)

[ВТОРОЙ ЗАХВАТ И РАЗГРАБЛЕНИЕ ГОРОДА \(1204 г. н. э.\)](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА IX. ЛАТИНСКАЯ ИМПЕРИЯ \[1204-1261 гг.\]](#)

[ВЫБОР ИМПЕРАТОРА](#)

[КОРОНАЦИЯ БАЛДУИНА](#)

[РАЗДЕЛ ТЕРРИТОРИИ](#)

[ПРИЗНАНИЕ ПАПЫ](#)

[СУДЬБА КОРОЛЕВСКИХ БЕЖЕНЦЕВ](#)

[БАЛДУИН ССОРИТСЯ С БОНИФАЦИЕМ](#)

[ДРУГИЕ ЗАВОЕВАНИЯ](#)

[БОЛГАРСКАЯ ВОЙНА](#)

[ПОРАЖЕНИЕ ЛАТИНЦЕВ](#)

[СУДЬБА БАЛДУИНА](#)

[ГЕНРИХ ГАЙНОЛЬСКИЙ](#)

[ПЬЕР ДЕ КУРТЕНАИ И РОБЕРТ НАМЮРСКИЙ](#)

[ЖАН ДЕ БРИЕН](#)

[БАЛДУИН II](#)

[ВЕНЕЦ ТЕРНИЙ](#)

[ПРОГРЕСС ГРЕЧЕСКОГО НАРОДА \(1237-1261 гг. н. э.\)](#)

[КОНСТАНТИНОПОЛ, ВОЗВРАЩЕННЫЙ ГРЕКАМИ \(1261 г. н. э.\)](#)

[СЛЕДЫ, ОСТАВЛЕННЫЕ ФРАНКСКИМ ГОСУДАРСТВОМ В ГРЕЧЕСКОЙ ИМПЕРИИ](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА X ВОССТАНОВЛЕНИЕ ГРЕЧЕСКОЙ ИМПЕРИИ \[1204-1391 гг.\]](#)

[ФЕОДОР \(I\) ЛАСКАРИС И ИОАНН ВАТАТЗЕС \(1204-1254 гг. н. э.\)](#)

[ФЕОДОР \(II\) ЛАСКАРИС И ИОАНН \(IV\) ЛАСКАРИС \(1254-1259 гг.\)](#)

[Михаил \(VIII\) Палеолог \(1259-1282 гг. н. э.\)](#)

[МИХАИЛ ПАЛЕОЛОГ ВОЗВЕЩЕН В ИМПЕРАТОРЫ \(1259 г. н. э.\)](#)

[ВОЗВРАЩЕНИЕ И ПРАВЛЕНИЕ ГРЕЧЕСКОГО ИМПЕРАТОРА](#)

[ПРОВИНЦИИ ИМПЕРИИ](#)

[АНДРОНИК II \(1282-1325 гг.\)](#)

[КАТАЛОНСКАЯ ВЕЛИКАЯ КОМПАНИЯ](#)

[Герцогство Афин](#)

[ВАЛЬТЕР ДЕ БРИЕНН И КЕФИС](#)

[АНДРОНИК II ДО ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПАЛЕОЛОГОВ \(1311-1355 гг. н. э.\)](#)

[КРЕСТОВЫЙ ПОХОД XIV ВЕКА](#)
[ИМПЕРИЯ, ПОДЧИНЕННАЯ ТУРКАМ](#)
[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА XI МАНУЭЛЬ II ДО ПАДЕНИЯ КОНСТАНТИНОПОЛЯ \[1391-1453 гг.](#)

[МАНУЭЛЬ II \(1391-1399 гг. н. э.\)](#)
[ПРАВЛЕНИЕ ИОАННА VII \(1423-1448 гг. н. э.\)](#)
[КРАТКИЙ СОЮЗ ГРЕЧЕСКОЙ И РИМСКОЙ ЦЕРКВЕЙ](#)
[ПРАВЛЕНИЕ КОНСТАНТИНА XIII \(1448-1453 гг. н. э.\)](#)
[ВОЙНА С МУХАММАДОМ](#)
[РАЗНОГЛАСИЯ В ЦЕРКВИ](#)
[ПОДГОТОВКА К ОБОРОНЕ](#)
[НАЧАЛО ОСАДЫ](#)
[ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ШТУРМ](#)
[РАЗГРАБЛЕНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ](#)
[КОНЕЦ ДИНАСТИЙ КОМНИНОВ И ПАЛЕОЛОГОВ](#)
[СНОСКИ](#)

[КРАТКИЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПО ГЛАВАМ](#)

[Глава I. Царствование Аркадия](#)
[Глава II. Царствование Феодосия Младшего до возвышения Юстиниана](#)
[Глава III. Юстиниан и Феодора](#)
[Глава IV. Поздние годы правления Юстиниана](#)
[Глава V. Юстин II до Ираклия](#)
[Глава VI. Ираклий и его преемники](#)
[Глава VII. Лев Исаврийский до Иоанна Зимиска](#)
[Глава VIII. Слава и упадок империи](#)
[Глава IX. Латинская империя](#)
[Глава X. Восстановление Греческой империи](#)
[Глава XI. Мануил II до падения Константинополя](#)

[КНИГА II ПОЗДНЯЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ НА ЗАПАДЕ](#)

[ВВЕДЕНИЕ КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ИМПЕРИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР,
СОДЕРЖАЩИЙ КРАТКИЙ ОБЗОР СОБЫТИЙ И ХРОНОЛОГИЧЕСКУЮ ТАБЛИЦУ](#)

[ОТ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГУННОВ ДО ОСНОВАНИЯ ВЕСТГОТСКОГО ЦАРСТВА \(375-415
ГГ. Н. Э.\)](#)
[ВЕСТГОТСКОЕ ЦАРСТВО ВО ФРАНЦИИ И ИСПАНИИ \(415-711 гг. н. э.\)](#)
[ЦАРСТВО ВАНДАЛОВ В АФРИКЕ \(439-534 гг. н. э.\)](#)
[ГЕРУЛЫ И ОСТРОГОТЫ В ИТАЛИИ \(476-555 гг. н. э.\)](#)

[ЭКЗАРХАТ НАД ВСЕЙ ИТАЛИЕЙ \(553-568 гг. н. э.\)](#)

[ЛОМБАРДСКОЕ ЦАРСТВО В ИТАЛИИ \(568-774 гг. н. э.\)](#)

[ФРАНКСКИЕ КОРОЛИ И ИМПЕРАТОРЫ В СЕВЕРНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ИТАЛИИ \(774-888 гг. н. э.\)](#)

[КВАЗИ-ИТАЛЬЯНСКАЯ СЛЕДОВАТЕЛЬСТВО \(888-962 гг. н.э.\)](#)

[ПЕРВОЕ КОРОЛЕВСТВО БУРГУНДИИ \(413-534 гг. н. э.\)](#)

[ВТОРОЕ КОРОЛЕВСТВО БУРГУНДИИ ИЛИ АРЛЯ \(879-1032 гг. н. э.\)](#)

[КОРОЛЕВСТВО ТЮРИНГИЯ](#)

[КОРОЛЕВСТВО САЛИЧЕСКИХ ФРАНКОВ ИЛИ МЕРОВИНГИЕВ \(486-751 гг. н. э.\)](#)

[ЦАРИ ИЗ ДИНАСТИИ КАРЛОВИНГОВ \(751-800 гг. н. э.\)](#)

[ИМПЕРИЯ КАРЛА ВЕЛИКОГО И КОРОЛЕВСТВО ВОСТОЧНОЙ ФРАНКИИ \(800-961 гг. н. э.\)](#)

[СВЯЩЕННАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ](#)

[ГЛАВА I ОДОАКР ДО ТРИУМФА НАРСЕСА \[476-568 гг. н. э.\]](#)

[ВОЗВЫШЕНИЕ ТЕОДОРИКА](#)

[ГОТЫ НАСТУПАЮТ НА ИТАЛИЮ](#)

[ТЕОДОРИК ВЕЛИКИЙ \(493-526 гг. н. э.\)](#)

[ТЕОДОРИК И ЦЕРКОВЬ](#)

[СУДЬБА БОЭЦИЯ И СИММАХА](#)

[БЕСПОРЯДКИ АМАЛАСУНТЫ](#)

[ЮСТИНИАН ВМЕШИВАЕТСЯ](#)

[ВИТИГ, КОРОЛЬ ГОТОВ](#)

[БЕЛИСАРИЙ И ОСАДА РИМА \(536-538 гг. н. э.\)](#)

[СТРАДАНИЯ РИМЛЯН](#)

[ПОДВЕРЖЕНИЕ ПАПЫ](#)

[ТРЕХМЕСЯЧНОЕ ПЕРЕМИРИЕ \(537-538 гг. н. э.\)](#)

[ПОСЛЕДНИЕ УСИЛИЯ ГОТОВ \(538 г. н. э.\)](#)

[РЕВНОСТЬ РИМСКИХ ГЕНЕРАЛОВ](#)

[ФРАНКСКОЕ ВТОРЖЕНИЕ \(539 г. н. э.\)](#)

[ПРОВЕРКА ВЕРНОСТИ БЕЛИСАРИЯ](#)

[ВОССТАНИЕ ТОТИЛЫ](#)

[БЕЛИСАРИЙ СНОВА В ИТАЛИИ](#)

[ВТОРАЯ ОСАДА РИМА \(МАЙ 544 Г. – ДЕКАБРЬ 545 Г.\)](#)

[ТОТИЛА ЗАХВАТЫВАЕТ РИМ \(546 г. н. э.\)](#)

[БЕЛИСАРИЙ ОСТАВЛЯЕТ ПУСТЫННЫЙ ГОРОД](#)

[ТОТИЛА СНОВА ЗАХВАТЫВАЕТ РИМ \(549 Г. Н. Э.\)](#)

[НАРСЕС ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ИТАЛИЮ \(551 г. н. э.\)](#)

[БИТВА ПРИ ТАГИНАХ И СМЕРТЬ ТОТИЛА \(552 г. н. э.\)](#)

[ПРОГРЕСС НАРСЕСА](#)

[ВМЕШАТЕЛЬСТВО ФРАНКОВ](#)

[БИТВА ПРИ КАПУЕ ИЛИ ВУЛТУРНУСЕ \(554 г. н. э.\)](#)

[КОНЕЦ ВЛАСТИ ГОТОВ](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА II ВТОРЖЕНИЕ ЛОМБАРДОВ ДО СМЕРТИ ЛЮТПРАНДА \[568-744 г. н. э.\]](#)

[РАННЯЯ ИСТОРИЯ ЛОМБАРДОВ](#)

[ИХ СТРАНСТВИЯ ОТ ЭЛЬБЫ ДО ДУНАЯ](#)

[ЛОМБАРДЫ В РЕГИОНАХ ДУНАЯ](#)

[ВОЙНЫ С ГЕПИДАМИ](#)

[АЛЬБОИН УНИЧТОЖАЕТ МОГУЧНОСТЬ ГЕПИДОВ](#)

[АЛЬБОИН ПЛАНИРУЕТ ВТОРЖЕНИЕ В ИТАЛИЮ](#)

[КОНЕЦ НАРСЕСА](#)

[ЛОМБАРДЫ ВХОДЯТ В ИТАЛИЮ](#)

[КОНЕЦ АЛЬБОИНА \(573 г. н. э.\)](#)

[РАСШИРЕНИЕ ВЛИЯНИЯ ЛАМБАРДОВ](#)

[ПРАВЛЕНИЕ И УХАЖИВАНИЕ АУТАРИ](#)

[ПРАВЛЕНИЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЛОМБАРДОВ](#)

[УПАДОК РИМА](#)

[ЛОМБАРДСКИЕ КОРОЛИ \(636-712 гг. н. э.\)](#)

[УПАДОК ЛОМБАРДСКОГО ЦАРСТВА](#)

[ПРАВЛЕНИЕ ЛЮТПРАНДА \(712-744 гг. н. э.\)](#)

[ЛИУТПРАНД И МАРТЕЛ](#)

[ЛИУТПРАНД И ИТАЛЬСКИЕ МОГУЩЕСТВА](#)

[ЛИУТПРАНД, ПАПА И КОНСТАНТИНОПОЛЬ](#)

[МИР С РИМОМ](#)

[ОЦЕНКА ЛЮТПРАНДА ХОДКИНОМ](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА III ФРАНКИ ДО ВРЕМЕН ЧАРЛЬЗА МАРТЕЛЯ \[55 г. до н. э. – 732 г. н. э.\]](#)

[ПЕРВЫЕ КОНФЛИКТЫ С РИМОМ](#)

[ФРАНКИ В РИМСКОЙ АРМИИ](#)

[ПЕРВЫЕ КОРОЛИ И САЛИЧЕСКИЕ ЗАКОНЫ](#)

[ПРАВЛЕНИЕ КЛОВИСА](#)

[КЛОВИС ПРИНИМАЕТ ХРИСТИАНСТВО \(496 г. н. э.\)](#)

[ПРЕЕМНИКИ КЛОВИСА ДО ПЕПИНА](#)

[ВОЗВЫШЕНИЕ ПЕПИНА](#)

[ПЕПИН ИЗ ХЕРИСТАЛА](#)

[КАРЬЕРА ШАРЛЯ МАРТЕЛЯ \(714-732 г. н. э.\)](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА IV ОТ ШАРЛЯ МАРТЕЛЯ ДО КАРЛА ВЕЛИКОГО \[732-768 гг.](#)

[САРАЦЕНЫ СНОВА ОТБИТЫ](#)

[ДЕЛА РИМА](#)

[ПАПА ПРИЗЫВАЕТ ШАРЛЯ](#)

[КАРЛОМАНА И ПЕПИНА КОРОТКОГО](#)

[ПЕПИН ЕДИНСТВЕННЫЙ ПРАВИТЕЛЬ](#)

[СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ](#)

[ПОМАЗАНИЕ ПЕПИНА \(751 г. н. э.\)](#)

[ЛОМБАРДСКИЕ ДЕЛА](#)

[ПАПА РИМСКИЙ ПОСЕЩАЕТ ПЕПИНА](#)

[ПЕПИН ВТОРГАЕТСЯ В ИТАЛИЮ \(755 г. н. э.\)](#)

[ВТОРАЯ ВОЙНА С ЛОМБАРДАМИ](#)

[ДЕСИДЕРИЙ СТАЛ КОРОЛЕМ ЛОМБАРДОВ](#)

[ПЕПИН И АКВИТАНЦЫ](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА V КАРЛ ВЕЛИКИЙ \[768-814 г. н. э.\]](#)

[ЕГО БИОГРАФИЯ, НАПИСАННАЯ СОВРЕМЕННОКОМ](#)

[ИТАЛЬЯНСКАЯ ВОЙНА \(772-774 гг. н. э.\)](#)

[САКСОНСКАЯ ВОЙНА \(772-804 гг. н. э.\)](#)

[ПЕРЕВАЛ РОНСЕСВАЛЬЕС \(778 г. н. э.\)](#)

[ТРЕТЬЯ ПОЕЗДКА В ИТАЛИЮ \(787 г. н. э.\)](#)

[БАВАРСКАЯ ВОЙНА С ТАСИЛО \(787-788 гг. н. э.\)](#)

[ВОЙНЫ НА СЕВЕРЕ И С АВАРАМИ \(791-796 гг. н. э.\)](#)

[ДАНСКАЯ ВОЙНА \(808-810 гг. н. э.\)](#)

[СЛАВА КАРЛА ВЕЛИКОГО](#)

[ЕГО СЕМЬЯ](#)

[ЕГО ВНЕШНИЙ ВИД И ПРИВЫЧКИ](#)

[ЕГО ИМПЕРСКИЙ ТИТУЛ \(800 г. н. э.\)](#)

[ЕГО СМЕРТЬ \(814 г. н. э.\)](#)

[ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЯ СМЕРТИ КАРЛА ВЕЛИКОГО](#)

[ЕГО ЗАВЕЩАНИЕ](#)

[ГИЗЕБРЕХТ О КАРЛЕ ВЕЛИКОМ](#)

[Окончательное подчинение саксов](#)

[Императорская коронация 800 г.](#)

[Администрация и реформы Карла](#)

[Последние годы Карла](#)

[ЛЕГЕНДАРНЫЙ КАРЛ ВЕЛИКИЙ](#)

[История монаха из Санкт-Галлена](#)

[Краткое изложение легенд Шеппардом](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА VI ПРЕЕМНИКИ КАРЛА МАГНУМА ПО ДОГОВОРУ ВЕРДУНА \[814-843 ГГ.\]](#)

[ЛУИ ЛЕ ДЕБОНАИР, ИЛИ ПИОС \(814-840 гг. н. э.\)](#)

[УНИЖЕНИЕ ЛУИ](#)

[ЛУИ ВОЗВРАЩАЕТСЯ К ВЛАСТИ](#)

[ПОСЛЕДНИЕ ГОДА ЖИЗНИ ЛУИ](#)

[СВАРКИ ЕГО ПРЕЕМНИКОВ](#)

[ЧАРЛЬЗ ЛЫСЫЙ И ЛЮДВИГ НЕМЕЦКИЙ ОБЪЕДИНЯЮТСЯ](#)

[ЛОТАР ПРИМИРИЛСЯ \(842 г. н. э.\)](#)

[УГНЕТЕНИЕ САКСОНСКИХ СВОБОДНЫХ ЛЮДЕЙ](#)

[ДОГОВОР В ВЕРДУНЕ \(843 г. н. э.\)](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА VII РОЖДЕНИЕ НЕМЕЦКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ \[843-936 ГОДА\]](#)

[Правление Людвига Немцкого \(843-876 г. н. э.\)](#)

[ВОЙНА С СЛАВЯНСКИМИ ПЛЕМЕНАМИ](#)

[ЛЮДВИГ ВСТАЕТ ПРОТИВ КАРЛА ЛЫСОГО \(853-860 гг. н. э.\)](#)

[КОНЕЦ ЛОТАРА](#)

[ЛЮДВИГ И КАРЛ ДЕЛИТ ВЛАДЕНИЯ ЛОТАРА \(870 г. н. э.\)](#)

[ПОСЛЕДНИЕ ГОДА ЖИЗНИ ЛЮДВИГА НЕМЦА](#)

[СЫНОВЬЯ ЛЮДВИГА НЕМЦА; КАРЛ ТОЛСТЫЙ \(876-887 гг. н. э.\)](#)

[ЛЮДВИГ МЛАДШИЙ](#)

[РАЗГРАБЫВАНИЯ СЕВЕРЯН](#)

[ЧАРЛЬЗ ТОЛСТЫЙ \(882-887 г. н. э.\)](#)

[АРНУЛЬФ \(887-899 гг. н. э.\)](#)

[АРНУЛЬФ ВХОДИТ В ИТАЛИЮ](#)

[ФЕОДАЛЬНАЯ ВОЙНА БАБЕНБЕРГОВ](#)

[ВТОРЖЕНИЯ ВЕНГЕРОВ](#)

[КОНРАД ПЕРВЫЙ \(911-918 гг. н. э.\)](#)

[ПРАВЛЕНИЕ ГЕНРИХА \(I\) ПТИЦЕЛАВА \(918-936 гг. н. э.\)](#)

[ОБЪЕДИНЕНИЕ ИМПЕРИИ](#)

[ВОЙНЫ ПРОТИВ ВНЕШНИХ ВРАГОВ](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА VIII ОТТО ВЕЛИКИЙ И ЕГО ПРЕЕМНИКИ \[936-1024 гг.\]](#)

[КОРОНАЦИЯ ОТТО \(936 г. н. э.\)](#)

[СВЕРЖЕНИЕ ГЕРЦОГАТ](#)

[РЕНЕССАНС X ВЕКА](#)

[УКРЕПЛЕНИЕ МАРКОВ](#)

[ПОБЕДА НАД МАГЯРАМИ И ВЕНДАМИ](#)

[ВОЗРОЖДЕНИЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ](#)

[ИМПЕРСКАЯ КОРОНАЦИЯ \(962 г.\)](#)

[ВОЙНЫ В ИТАЛИИ ПРОТИВ ВИЗАНТИИ](#)

[СРАВНЕНИЕ ГЕНРИХА ПТИЦЕЛОВЦА И ОТТО С КАРЛОМ ВЕЛИКИМ](#)

[НЕВИДИМЫЕ ЗЛА ПРАВЛЕНИЯ ОТТО](#)

[ОТТО II \(973-983 гг. н. э.\)](#)

[ОТТО ВО ФРАНЦИИ И ИТАЛИИ](#)

[ПОДЧИНЕНИЕ СЛАВЯН](#)

[ОТТО III \(983-1002 гг. н. э.\)](#)

[ОТТО III НАЗНАЧАЕТ И СНИМАЕТ ПАП](#)

[ГЕНРИХ \(II\) СВЯТОЙ \(1002-1024 гг. н. э.\)](#)

[ПОЛИТИКА ГЕНРИХА](#)

[ОТНОШЕНИЯ ИТАЛИИ К ИМПЕРИИ ПОСЛЕ СМЕРТИ ГЕНРИХА II](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА IX ФРАНКОНСКАЯ, ИЛИ САЛИЙСКАЯ, ДИНАСТИЯ \[1024-1125 гг.\]](#)

[НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ](#)

[КОНРАД II УКРЕПЛЯЕТ СВОЮ ВЛАСТЬ](#)

[КОНРАД В ИТАЛИИ И ГЕРМАНИИ \(1026-1039 гг. н. э.\)](#)

[ВСТУПЛЕНИЕ НА ТРОН ГЕНРИХА III \(1039 г. н. э.\)](#)

[УСИЛИЯ ГЕНРИХА ПО ДОСТИЖЕНИЮ МИРА](#)

[ПАПСТВО ПОДЧИНЯЕТСЯ ГЕНРИХУ](#)

[БОЖЕСТВЕННОЕ ПЕРЕМИРИЕ](#)

[ГОРЕЧЬ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ ГЕНРИХА](#)

[ГЕНРИХ IV \(1056-1106 гг. н. э.\)](#)

[Спор между Генрихом IV и Григорием VII](#)

[«ПУТЕШЕСТВИЕ В КАНОССУ»: СОВРЕМЕННЫЙ ОПИСАНИЕ](#)

[БОРЬБА ГЕНРИХА ЗА ВОЗВРАЩЕНИЕ ВЛАСТИ \(1077-1090 гг. н. э.\)](#)

[ГЕНРИХ И КОНРАД](#)

[КОНЕЦ ГЕНРИХА IV](#)

[ГЕНРИХ V И ВОЙНА ЗА ИНВЕСТИТУРЫ](#)

[СНОСКИ](#)

[КРАТКИЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПО ГЛАВАМ](#)

[Глава I. Одоакр до триумфа Нарсеса](#)

[Глава II. Вторжение лангобардов до смерти Лютпранда](#)

[Глава III. Франки до времени Карла Мартеля](#)

[Глава IV. От Карла Мартеля до Карла Великого](#)

[Глава V. Карл Великий](#)

[Глава VI. Преемники Карла Великого до Верденского договора](#)

[Глава VII. Рождение немецкой нации](#)

[Глава VIII. Оттон Великий и его преемники](#)

[Глава IX. Франконская, или Салианская, династия](#)

[ПОЛНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ](#)

Электронная книга Проекта Гутенберга «История мира в двадцати пяти томах», том 07

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и большинства других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой электронной книге или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: История мира в двадцати пяти томах, том 07

История поздней Римской империи

Редактор: Генри Смит Уильямс

Дата выпуска: 26 марта 2019 г. [электронная книга № 59134]

Язык: английский

Кредиты: Произведено Дэвидом Эдвардсом и командой онлайн-корректоров <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, любезно предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ «ИСТОРИЯ МИРА В ДВАДЦАТИ ПЯТИ ТОМАХ, ТОМ 07» ***

Примечание транскрибатора: в результате редакционных недочетов в оригинале некоторые ссылки в тексте не имеют соответствующих записей в списках ссылок и наоборот.

ИСТОРИЯ МИРА ОТ ИСТОРИКОВ

ГИББОН

ИСТОРИЯ МИРА ОТ ИСТОРИКОВ

Всеобъемлющее повествование о возникновении и развитии народов, записанное более чем двумя тысячами великих писателей всех веков: под редакцией, при содействии

выдающего совета консультантов и авторов ,
ГЕНРИ СМИТ УИЛЬЯМСОМ, LL.D.

В ДВАДЦАТИ ПЯТИ ТОМАХ
ТОМ VII — ПОЗДНЯЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

The Outlook Company
Нью-Йорк

The Историческая ассоциация
Лондон
1904

АВТОРСКОЕ ПРАВО, 1904,
АВТОР: ХЕНРИ СМИТ УИЛЬЯМС.

Все права защищены.

Издательство J. J. Little & Co.
Нью-Йорк, США.

Авторы и редакторы.

Проф. Адольф Эрман, Берлинский университет.

Проф. Жозеф Алеви, Коллеж де Франс.

Проф. Томас К. Чейн, Оксфордский университет.

Проф. Эндрю К. МакЛафлин, Мичиганский университет.

Проф. Дэвид Х. Мюллер, Венский университет.

Проф. Альфред Рамбо, Парижский университет.

Капитан Ф. Бринкли, Токио.

Проф. Эдуард Мейер, Берлинский университет.

Д-р Джеймс Т. Шотвелл, Колумбийский университет.

Проф. Теодор Нёльдеке, Страсбургский университет.

Проф. Альберт Б. Харт, Гарвардский университет.

Д-р Пол Броннле, Королевское азиатское общество.

Д-р Джеймс Гэйрднер, С.В., Лондон.

Проф. Ульрих фон Виламовиц-Мёллендорф, Берлинский университет.

Проф. Х. Марнали, Будапештский университет.

Д-р Г. В. Ботсфорд, Колумбийский университет.

Проф. Юлиус Веллхаузен, Гёттингенский университет.

Проф. Франц Р. фон Кронес, Университет Граца.

Проф. Вильгельм Солтау, Университет Заберна.

Проф. Р. В. Роджерс, Теологическая семинария Дрю.

Проф. А. Вамбери, Будапештский университет.

Проф. Отто Хиршфельд, Берлинский университет.

Д-р Фредерик Робертсон Джонс, Колледж Брин Моур.

Барон Барнардо ди Сан Северино Кваранта, Лондон.

Д-р Джон П. Питерс, Нью-Йорк.

Д-р С. Раппопорт, Школа восточных языков, Париж.

Проф. Герман Дильс, Берлинский университет.

Проф. К. В. К. Оман, Оксфордский университет.

Проф. И. Гольдзихер, Венский университет.

Проф. В. Л. Флеминг, Университет Западной Вирджинии.

Проф. Р. Козер, Берлинский университет.

ЧАСТЬ XI

ИСТОРИЯ ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Основанная главным образом на следующих источниках

АГАТИАС, АММИАН, АВГУСТАНСКАЯ ИСТОРИЯ, Дж. Б. БЕРИ, ГЕНРИ ФАЙНЕС КЛИНТОН, ГЕОРГИЙ ЦЕДРЕН, АННА КОМНЕНА, ДИОН КАССИЙ, МИХАИЛ ДУКАС, ЭЙНХАРД (ЭГИНХАРД), ЭВТРОПИЙ, ДЖОРДЖ ФИНЛЕЙ, ГЕЙНРИХ ГЕЛЬЦЕР, ЭДУАРД ГИББОН, ФРИДРИХ ВИЛЬГЕЛЬМ БЕНЯМИН ФОН ГИЗЕБРЕХТ, ФЕРДИНАНД ГРЕГОРОВИУС, Г. Ф. ГЕРЦБЕРГ, ТОМАС ХОДКИН, ЙОРДАНЕС (ЙОРНАНДЕС), ИОАНН МАЛАЛАС, ПРОКОПИЙ, Л. ФОН РАНКЕ, СТРАБОН, ТАЦИТ, ВЕЛЛЕЙ, ГЕОРГ ВЕБЕР, ИОАНН ЗОНАРАС, ЗОСИМ

ВМЕСТЕ С ОБЗОРОМ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ДЖЕЙМСА Т. ШОТУЭЛЛА

С ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМИ ЦИТАТАМИ ИЗ

СИГУРДА АБЕЛА, ИОГАННА КРИСТОФА АДЕЛЬУНГА, АГОБАРДА, АНАСТАСИЯ, АННАЛОВ ФУЛЬДЕНСЕС, АННАЛОВ МЕТТЕНСЕС, БАРОНИУСА, ФРИДРИХА БЛУМЕ, ГЕНРИ БРЭДЛИ, GERMANA БРОЗИЕНА, ДЖЕЙМСА БРАЙСА, КОДЕКС КАРОЛИНУС, КАССИОДОР, ХРОНИКА МОИССИАКА, РОБЕРТ КОМИН, КОРИПП, К. ДУ Ф. ДУ КАНЖ, С. А. ДАНХЭМ, ЖАН ВИКТОР ДЮРУИ, ЭРХАНБЕРТУС, ЭВАГРИЙ ЭПИФАНИЙСКИЙ, ЭРНСТ ВИЛЬГЕЛЬМ ФЁРСТЕМАНН, ФРЕДЕГАРИЙ СХОЛАСТИК, Э. А. ФРИМЭН, ГАБРИЭЛЬ Г. ГАЙЯР, ГЕОРГИЙ МОНАХ, ГЕЙНРИХ ГЕРДЕС, АВГУСТ ФРИДРИХ ГФЁРЕР, ГРЕГОРИЙ ТУРСКИЙ, ЯКОБ ГРИММ, АЛЬБЕРТ ГУЭЛДЕНПЕННИНГ, ГЕНРИ ХАЛЛАМ, ИОСИФ ВОН ХАММЕР-ПУРГСТАЛЛ, ЖАН БАРТЕЛЕМИ ХАУРЕО, КАРЛ ИОСИФ ВОН ХЕФЕЛЕ, Исидор Испанский, Генри Х. Хоуорт, Иоанн Эфесский, Юлиан, Ламберт фон Херсфельд (или Ашаффенбург), ЭРНСТ ЛАВИСС И АЛЬФРЕД РАМБО, ШАРЛЬ ЛЕКОИНТ, ЛЕО ДИАКОН, ЧАРЛТОН Т. ЛЬЮИС, МАРИ ПОЛЛИН ДЕ ЛЕЗАРДЬЕР, ЛИБАНИЙ, ЮЛИЙ ЛИППЕРТ, МАЛХ ФИЛАДЕЛЬФ, ВИЛЬГЕЛЬМ МАРТЕНС, АНРИ МАРТЕН, ВОЛЬФГАНГ МЕНЦЕЛЬ, Ж. Ф. МИШО, МОНАХ СВ. ГАУЛА, ДАВИД МЮЛЛЕР, ФРИДРИХ МЮЛЛЕР, НИКИФОР ПАТРИАРХ, НИЦЕТАС АКОМИНАТ, ОЭЛСНЕР, ГЕОРГИЙ ПАХИМЕР, Р. ПАЛЛМАНН, ПАНЕГИРИКИ ВЕТЕРЕС, ПАВЕЛ ДИАКОН, ВАЛТЕР С. ПЕРРИ, ПЕТР ПАТРИАРХ, ГЕОРГИЙ ФРАНЦЕС, ПРОСПЕР АКВИТАНСКИЙ, ПТОЛЕМЕЙ, GERMAN ВОН РАЙХЕНАУ, Э. РОБЕРТ РОЕСЛЕР, САЛВИАН МАРСЕЛЬСКИЙ, Ф. Ж. САУЛЬСИ, К. ШЕНК, Ф. К. ШЛОССЕР, ЛЮДВИГ ШМИДТ, ДЖ. Й. ШЕППАРД, К. СОЛЛИУС АПОЛЛИНАРИС СИДОНИЙ, ДЖЕЙМС СИМЕ,

М. Э. ТАЛХАЙМЕР, ТЕОФАН, ТЕОФИЛАКТ СИМОЦАТТА, ТИЕТМАР МЕРСЕБУРГСКИЙ,
ЖЕФФРЕ ДЕ ВИЛЬ-АРДУАН, ВАЛАФРИД СТРАБУС, ВИПО, ИОГАНН Г. А. ВИРТ, И. К. ЗЕВС

СОДЕРЖАНИЕ

ТОМ VII

СТРАНИЦА

КНИГА I. ПОЗДНЯЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ НА ВОСТОКЕ

<u>ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ. ОБЗОР ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ</u>	Джеймс Т. Шотвелл, доктор философии	<u>xiii</u>
--	-------------------------------------	-------------

<u>КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ НА ВОСТОКЕ</u>		<u>1</u>
---	--	----------

ГЛАВА I

<u>ПРАВЛЕНИЕ АРКАДИЯ (395-408 гг. н. э.)</u>		<u>25</u>
--	--	-----------

Сравнение двух империй, 25. Величие Константинополя, 28(. Восток и Запад) 30. Восстание Алариха, 30. Евтропий Евнух, 33. Трибигильд Остгот; падение Евтропия, 35. Святой Иоанн Златоуст, 39.

ГЛАВА II

<u>ПРАВЛЕНИЕ ФЕОДОСИЯ МЛАДШЕГО ДО ВОЗВЫШЕНИЯ ЮСТИНИАНА (408-527 гг. н. э.)</u>		<u>42</u>
--	--	-----------

(Гунны,) 45. Аммиан Марцеллин описывает гуннов, 47. Аттіла, король гуннов, 48. Дипломатия Аттілы, 54. Покушение на Аттілу, 58. Преемники Феодосия, 60.

ГЛАВА III

<u>ЮСТИНИАН И ФЕОДОРА (525-548 гг. н. э.)</u>		<u>66</u>
---	--	-----------

Фракции цирка, 69. Аваргисе и профессия Юстиниана, 74. Строительство собора Святой Софии, 79. Другие постройки Юстиниана, 81. Укрепления, 82. Упразднение школ, 85. Упразднение римского консульства, 87(. Вандальская война,) 87. Велизарий, 89. Велизарий входит в Карфаген, 92. Триумф и кротость Велизария, 96. Войны Соломона с маврами, 98. Военная тактика при Юстиниане, 100. Упадок воинства, 103.

ГЛАВА IV

<u>ПОЗДНИЕ ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ ЮСТИНИАНА (535-565 гг. н. э.)</u>		<u>106</u>
---	--	------------

Византия избавляет Рим от готов, 106. Оценка Белисария Финлеем, 109(. Готы возобновляют войну,) 110(. Велизарий в Риме,) 111(. Оценка Гиббона Велизария и его времени,) 113(. Вторжения варваров,) 114(. Набеги славян,) 116(. Турки и авары,) 119(. Отношения Римской империи с Персией,) 121(. Восстание в Африке,) 124. Вторжение котригурских гуннов, 127. Конец Белисария, 129. Смерть Юстиниана, 130. Юстиниан как законодатель, 131. Оценка Юстиниана Берри, 136.

ГЛАВА V

[ПРАВЛЕНИЕ ЮСТИНА II до ИРАКЛИЯ \(565-629 гг. н. э.\)](#)

[137](#)

Правление Тиберия, [140](#). Император Маврикий, [142](#). Персидская война, [143](#). Авары, [147](#). Состояние римских войск, [150](#). Восстание против Маврикия, [151](#). Император Фокас, [153](#). Император Ираклий, [155](#). Ираклий планирует перенести столицу в Карфаген, [158](#)(. Пробуждение Ираклия,) [159](#). Триумф Ираклия, [162](#). Осада Константинополя, [164](#). Третья экспедиция Ираклия, [165](#). Битва при Ниневии, [166](#). Конец Хосрова, [167](#).

ГЛАВА VI

[ИРАКЛИЙ И ЕГО ПРЕЕМНИКИ \(610-717 гг. н. э.\)](#)

[170](#)

Провинции под властью Ираклия, [173](#). Барьеры против северных варваров, [176](#). Религиозная деятельность Ираклия, [177](#). Войны с мусульманами, [179](#). Царствование Констанса II, [182](#). Религиозные распри, [183](#)(. Растущая опасность со стороны сарацин,) [184](#). Правление Константина IV, [186](#). Войны с сарацинами и осада Константинополя, [187](#). Юстиниан II, [189](#). Правительство Леонтия, [192](#). Юстиниан возвращается на престол, [193](#). Анархия, [194](#).

ГЛАВА VII

[ЛЕВ ИСАВРИЙСКИЙ — ИОАНН ЗИМИСЦ \(717-969 гг. н. э.\)](#)

[197](#)

Лев (III) Исаврийский, [201](#). Осада Константинополя, [202](#). Восстание против Льва, [205](#). Иконоборцы, [207](#). Иконоборчество после Льва, [209](#). Правление Константина (V) Копронима, [210](#). Правительство Копронима; войны с сарацинами, [211](#). Войны с Болгарией, [212](#). Собор 754 года, [214](#). Лев IV и Константин VI, [215](#). Императрица Ирина, [216](#). Ирина и иконоборчество, [217](#). Конец византийской власти в Риме, [219](#). Никифор и Михаил I, [220](#). Лев Армянин, [221](#). Династия Аморинов (820-867 г. н. э.: Михаил II,) [222](#). Феофил, [222](#). Феодора и Михаил Пьяница, [223](#). Династия Василиев или Македониев (867-1057 г. н. э.: Василий,) [225](#)(. Лев (VI) Философ,) [228](#)(. Константин VII Порфирогенет,) [228](#)(. Роман Лекапен,) [229](#)(. Роман II,) [230](#)(. Никифор Фокас,) [231](#)(. Войны Никифора,) [231](#)(.)

ГЛАВА VIII

[СЛАВА И УПАДОК ИМПЕРИИ \(969-1204 гг. н. э.\)](#)

[235](#)

Русская война, [237](#). Война с сарацинами, [241](#). Вершина славы, [242](#). Василий II и его преемники, [243](#). Разделение греческой и латинской церквей, [250](#). Комнины, [251](#). Роман на поле боя, [253](#). Пленение императора, [255](#). Сыновья Константина XI и Никифора III, [257](#). История Анны Комнины, [259](#). Беды Алексея, [259](#). Норманнское вторжение, [260](#). Иоанн (II) Комнин (Коло-Иоанн), [263](#). Мануил I, [264](#). Приключения Андроника, [266](#). Алексей II, [269](#). Император Андроник I, [270](#). Обзор императоров Гиббона, [271](#)(. (Исаак (II) Ангел,) [273](#)(. (Вмешательство крестоносцев,) [273](#)(. (Захват Константинополя,) [275](#)(. (Второй захват и разграбление города,) [278](#)(.

ГЛАВА IX

[ЛАТИНСКАЯ ИМПЕРИЯ \(1204-1261 гг. н. э.\)](#)

[282](#)

Избрание императора, [283](#). Коронация Болдуина, [284](#). Раздел территории, [285](#). Признание папы, [286](#). Судьба королевских беженцев, [287](#). Ссора Болдуина с Бонифацием, [288](#). Другие завоевания, [290](#). Болгарская война, [291](#). Поражение латинян, [292](#). Судьба Бодуэна, [295](#). Генрих Геннегауский, [296](#). Пьер де Куртенэ и Роберт Намюрский, [298](#). Жан де Бриен, [299](#). Бодуэн II, [300](#). Терновый венец, [300](#). Прогресс греков, [301](#). Константинополь отвоёван греками, [302](#).

ГЛАВА X

[ВОССТАНОВЛЕНИЕ ГРЕЧЕСКОЙ ИМПЕРИИ \(1204-1391 гг. н. э.\)](#)

[304](#)

Феодор (I) Ласкарис и Иоанн Ватац, [304](#). Феодор (II) Ласкарис и Иоанн (IV) Ласкарис, [305](#). Михаил (VIII) Палеолог, [305](#). Михаил Палеолог коронован императором, [307](#). Возвращение и правление греческого императора, [308](#). Провинции империи, [311](#). Андроник II, [317](#). Каталонская Великая Компания, [320](#). Герцогство Афинское, [322](#). Вальтер де Бриенн и Кефис, [322](#). Андроник II и восстановление Палеологов, [323](#) (. Крестовый поход XIV века.) [329](#). Империя, подчиненная туркам, [330](#).

ГЛАВА XI

[МАНУИЛ II ДО ПАДЕНИЯ КОНСТАНТИНОПОЛЯ \(1391-1453 гг. н. э.\)](#)

[331](#)

Мануил II, [331](#). Царствование Иоанна VII, [336](#). Кратковременное объединение греческой и римской церквей, [337](#). Царствование Константина XIII, [338](#). Война с Мухаммедом, [340](#). Расколы в церкви, [341](#). Подготовка к обороне, [342](#) (. Начало осады,) [344](#). Финальный штурм, [349](#). Разграбление Константинополя, [352](#). Конец династий Комнинов и Палеологов, [356](#).

[КРАТКИЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПО ГЛАВАМ](#)

[359](#)

[КНИГА II. ПОЗДНЯЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ НА ЗАПАДЕ](#)

[ВВЕДЕНИЕ](#)

[361](#)

ГЛАВА I

[ОДОАКР ДО ТРИУМФА НАРСЕСА \(476-568 гг. н. э.\)](#)

[377](#)

Возвышение Теодориха, [380](#). Готы движутся на Италию, [383](#). Теодорих Великий, [385](#). Теодорих и Церковь, [389](#). Судьба Бозция и Симмаха, [391](#). Беды Амаласунты, [394](#). Юстиниан вмешивается, [396](#). Витиг, король готов, [399](#). Велизарий и осада Рима, [399](#). Страдания римлян, [402](#). Папа низложен, [403](#). Трехмесячное перемирие, [404](#). Последние усилия готов, [405](#). Ревность римских полководцев, [406](#). Франкское вторжение, [407](#). Испытание верности Велизария, [409](#). Восстание Тотилы, [410](#). Белисарий снова в Италии, [412](#). Вторая осада Рима, [413](#). Тотила захватывает Рим, [415](#). Белисарий восстанавливает разрушенный город, [416](#). Тотила снова захватывает Рим, [417](#) (. Нарсес возвращается в Италию,) [418](#). Битва при Тагинае и смерть Тотилы, [419](#). Прогресс Нарсеса, [420](#). Вмешательство франков, [422](#). Битва при Капуе, или при Вултурне, [423](#). Конец готского господства, [424](#).

ГЛАВА II

[ВТОРЖЕНИЕ ЛАНГОБАРДОВ ДО СМЕРТИ ЛИУТПРАНДА \(568-744 гг. н. э.\)](#)

[426](#)

Ранняя история лангобардов, [426](#). Их странствия от Эльбы до Дуная, [427](#). Лангобарды в регионе Дуная, [429](#). Войны с гепидами, [431](#). Альбоин уничтожает гепидскую державу, [433](#). Альбоин планирует вторжение в Италию, [434](#). Конец Нарсеса, [435](#). Ломбарды входят в Италию, [436](#). Конец Альбоина, [437](#). Распространение власти лангобардов, [440](#). Правление и ухаживание за Аутари, [442](#). Лангобардское правительство и закон, [443](#). Упадок Рима, [444](#). Ломбардские короли, [445](#). Упадок Ломбардского королевства, [446](#). Царствование Лиутпранда, [447](#). Лиутпранд и Мартел, [448](#). Лиутпранд и итальянские державы, [449](#) (. Лиутпранд, папа и Константинополь,) [450](#) (. Мир с Римом,) [454](#) (. Оценка Лиутпранда Ходжином,) [455](#) (.)

ГЛАВА III

[ФРАНКИ ДО ВРЕМЕНИ КАРЛА МАРТЕЛЯ \(55 г. до н. э. — 732 г. н. э.\)](#)

[457](#)

Первые конфликты с Римом, [460](#). Франки в римской армии, [462](#). Ранние короли и салические законы, [463](#)(. Правление Хлодвига,) [466](#). Хлодвиг принимает христианство, [469](#). Преемники Хлодвига до Пепина, [477](#). Возвышение Пепина, [481](#). Пепин из Эристаля, [482](#). Карьера Карла Мартелла, [488](#).

ГЛАВА IV

[ОТ КАРЛА МАРТЕЛЯ ДО КАРЛА ВЕЛИКОГО \(732-768 гг. н. э.\)](#)

[497](#)

Отпор сарацинам, [498](#). Дела Рима, [499](#). Папа призывает Карла, [500](#). Карломан и Пипин Короткий, [502](#). Пипин — единоличный правитель, [504](#). Секуляризация, [506](#)(.ПомазаниеПипина,) [507](#)(. Дела лангобардов,) [509](#)(. Папа посещает Пипина,) [511](#)(. Пипин вторгается в Италию,) [513](#)(. Вторая война с лангобардами,) [513](#)(. Дезидерий становится королем лангобардов,) [515](#)(. Пипин и аквитанцы,) [516](#)(.)

ГЛАВА V

[КАРЛ ВЕЛИКИЙ \(768-814 гг. н. э.\)](#)

[520](#)

Его биография, написанная современником, [520](#). Итальянская война, [523](#). Саксонская война, [524](#). Перевал Ронсесвальес, [525](#). Третий визит в Италию, [526](#). Баварская война с Тассило, [526](#). Войны на севере и с аvaraми, [527](#). Датская война, [528](#). Слава Карла Великого, [528](#). Его семья, [530](#). Его внешность и привычки, [532](#). Его императорский титул, [535](#). Его смерть, [535](#). Его завещание, [537](#). Гизебрехт о Карле Великом, [539](#). Окончательное подчинение саксов, [543](#)(. Императорская коронация,) [544](#). Управление и реформы Карла, [546](#). Последние годы Карла, [552](#). Легендарный Карл Великий, [554](#). Рассказ монаха из Санкт-Галлена, [554](#). Краткое изложение легенд Шеппардом, [555](#).

ГЛАВА VI

[ПРЕЕМНИКИ КАРЛА ВЕЛИКОГО ПОСЛЕ ВЕРДЕНСКОГО ДОГОВОРА \(814-843 гг. н. э.\)](#)

[557](#)

Луи le Débonnaire, или Благочестивый, [557](#). Унижение Луи, [560](#). Луи возвращается к власти, [561](#)(. Последние годы Людовика,) [563](#). Ссоры его преемников, [565](#). Карл Лысый и Людвиг Немецкий объединяются, [566](#). Лотарь принужден к соглашению, [569](#). Угнетение саксонских вольных людей, [570](#). Верденский договор, [571](#).

ГЛАВА VII

[РОЖДЕНИЕ НЕМЕЦКОЙ НАЦИИ \(843-936 гг. н. э.\)](#)

[574](#)

Правление Людовика Немецкого, [575](#). Война со славянскими племенами, [576](#). Людовик обращается против Карла Лысого, [577](#). Конец Лотаря, [578](#). Людовик и Карл делят владения Лотаря, [580](#). Последние годы Людовика Немецкого, [580](#). Сыновья Людвига Немецкого; Карл Толстый, [582](#). Людвиг Младший, [583](#). Разрушения северян, [586](#). Карл Толстый, [587](#). Арнульф, [589](#). Арнульф вступает в Италию, [591](#). Феодалная борьба Бабенбергов, [593](#)(. Вторжения венгров,) [594](#). Конрад I, [595](#). Царствование Генриха (I) Птицелова, [598](#). Объединение империи, [599](#). Войны с внешними врагами, [601](#).

ГЛАВА VIII

[ОТТОН ВЕЛИКИЙ И ЕГО ПРЕЕМНИКИ \(936-1024 гг. н. э.\)](#)

[608](#)

Коронация Оттона I, [608](#). Свержение герцогств-предков, [609](#). Ренессанс X века, [610](#). Укрепление марок, [613](#). Победа над мадьярами и вендами, [613](#). Возрождение Римской империи, [614](#).

Императорская коронация, [615](#). Войны в Италии против Византии, [617](#). Сравнение Генриха Птицелова и Оттона с Карлом Великим, [618](#). Непредвиденные беды правления Оттона, [620](#). Оттон II, [621](#). Оттон во Франции и Италии, [622](#) (. Подавление славян,) [622](#) (. Оттон III,) [623](#) (. Оттон III назначает и смещает пап,) [624](#) (. Генрих (II) Святой,) [626](#) (. Политика Генриха,) [627](#) (. Отношения Италии с империей после смерти Генриха II,) [628](#) (.)

ГЛАВА IX

[Франконская, или Салианская династия \(1024-1125 гг. н. э.\)](#) [630](#)

Национальное собрание, [631](#). Конрад II усиливает свою власть, [633](#). Конрад в Италии и Германии, [635](#). Восхождение на престол Генриха III, [638](#). Усилия Генриха по установлению мира, [639](#). Папство подчиняется Генриху, [640](#). Божья перемирие, [644](#). Страдания последних лет жизни Генриха, [645](#). Генрих IV, [646](#). Спор между Генрихом IV и Григорием VII, [648](#)(. «Путь в Каноссу»: современное описание,) [650](#). Борьба Генриха за восстановление власти, [653](#). Генрих и Конрад, [654](#). Конец правления Генриха IV, [655](#). Генрих V и война за инвеституру, [656](#).

[Краткий список источников по главам](#) [660](#)

ОБЗОР ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

НАПИСАНО СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ НАСТОЯЩЕЙ РАБОТЫ
ДЖЕЙМСОМ Т. ШОТУЭЛЛОМ, ДОКТОРОМ ФИЛОСОФИИ
Колумбийского университета

ПЕРЕХОД К СРЕДНЕВЕКОВЬЮ

Пятый век, в некотором смысле, является началом истории Европы. До тех пор, пока орды готов, вандалов и франков не вышли из крепостей за Рейном и Дунаем и не сыграли свою роль на очищенной арене самой империи, история мира была античной. История поздней империи по-прежнему является частью непрерывной, но меняющейся истории народов Средиземноморья. Цивилизация, которую защищали легионы Константина, не была продуктом Рима, она была делом древности, которая даже тогда уходила в прошлое в три раза дальше, чем все расстояние, отделяющее его время от нашего. Империя была всей древностью, слитой в гигантское целое и защищаемой легионами, привлеченными со всех концов света, от Испании до Сирии. По мере своего старения ее корни все глубже уходили в прошлое. Когда она взяла все, что Греция могла предложить в искусстве и литературе, греческий язык открыл свободный доступ к философии Востока, и по мере того, как ее пантеон наполнялся всеми богами мира, ее мышление стало отражением мышления эллинизированного Востока. Если Рим завоевал древний мир, то в ответ он был пленен им. Последним языческим богом, сиявшим на знаменах легионов, был Митра, бог солнца персов, а Исида делила храм на Капитолии с Юпитером. Этот мир, укрепившийся за бастионами, простиравшимися от Солвея до Ниневии, погруженный в размышления о своем прошлом, был оживлен лишь одной новой мыслью — и это была неримская мысль — странной, неземной христианской верой. Народы, ставшие подданными Рима, теперь должны были присягать на верность тому, кого он осудил как еврейского преступника; на грани собственного разрушения империя стала христианской. Модно осуждать пагубное влияние окружения раннего христианства, но оно было лучшим, что когда-либо давала человеческая история. Как бы сложилась судьба христианского учения, если бы оно имело дело с германскими варварами, а не с греческими философами, которые могли приспособить новые истины к учениям своей собственной древности, и римскими администраторами, которые могли выковать из пламенного энтузиазма странствующих евангелистов великолепную структуру католицизма. До того, как разразилась буря, которая должна была проверить полезность всей античной цивилизации, церковь уже была сильнее своих защитников. Итак, в конце концов, империя олицетворяла две вещи: античность и христианство.

В своей структуре правительство и общество также были римскими только по названию. Администрация империи превратилась в персидский абсолютизм, а ее общество приближалось к восточной кастовой системе. Если искусство, философия и наука древних могли быть сохранены только при таких условиях, то было хорошо, что они исчезли. Империя, перестав быть римской, унаследовала как худшее, так и лучшее из прошлого, и по мере того, как она становилась уважаемой под влиянием стоического или христианского учения, она становилась безразличной к высоким порывам патриотизма, холодной и формальной внешне, утомленной внутренне своим бременем.

Однако северные границы этой империи не оказались непреодолимым барьером для германцев, и в течение двух веков до разграбления Рима они пересекали, поодиночке или

целыми племенами, мирные просторы цивилизованного мира. Их племенные войны на родине делали империю еще более привлекательной. Долгое время римские армии () удерживали этих варваров от чего-либо, напоминающего завоевание, но даже побежденные, которые выжили после поражения, находили приют в римских виллах или среди федеративных войск. Пятый век лишь выявил то, что давно готовилось, и для окончательного свержения потребовалось лишь несколько захватчиков. Успех этих последних вторжений заставил историков преувеличить их масштабы. Это были не настоящие кочевания народов, а скорее набеги авантюристов. Варвары, которых мы называем готами, были смесью многих народов, а армия Хлодвиге едва ли превышала численность одной римской легиона. Однако важным фактом является то, что вторжения V века были успешными, и с ними началась новая эпоха.

Было два движения, которые привели к свержению Римской империи: одно среди варваров, другое внутри самой империи. Гунны давили с востока на германские народы, которые были настолько ослаблены длительными гражданскими войнами, что должны были сдаться или бежать. Как раз когда сила римской границы должна была пройти испытание, сможет ли она сдержать совместное наступление германцев и гуннов, вестготы внутри империи нанесли удар по ее сердцу. Захват Рима Аларихом не положил конец империи; похоже, что он не вызвал всеобщего смятения, с которым мы сейчас его ассоциируем. Поэты и ораторы по-прежнему говорили о Риме как о вечном городе, а преемник Алариха, Атаульф, искал возможности служить государству, которое он считал себя неспособным разрушить. Но разграбление Рима было не самым страшным из ущербов, нанесенных Аларихом; оно было одним из наименьших. Еще до того, как он достиг стен Рима, произошла катастрофа, которую не смог искупить весь энтузиазм Атаульфа. Согласно легенде, Стилихон, последний героический защитник старой империи, призвал гарнизоны с пограничных территорий, чтобы остановить продвижение готов. Вторжения Алариха в пределы Италии открыли путь колеблющимся, но все еще жаждущим варварам вдоль Рейна. Буря разразилась сразу: германцы пересекли Рейн, прежде чем Аларик смог достичь Рима. Вместо своих германских лесов они получили виноградники Мозеля и оливковые рощи Аквитании. Гордые дворяне Галлии, не привыкшие к войне и опасностям, могли только стоять и смотреть, как их виллы грабят налетчики. В конце концов, буря — по крайней мере, эта — скоро прошла. Швабы и вандалы пересекают Пиренеи, а вестготы поднимаются из Италии, покрытые лаком культуры, чтобы подавить своих беззаконных сородичей и изгнать их в крепости Леона или через Африку. Через пятнадцать лет после вторжения поэт Авзоний снова поет о покрытых виноградниками холмах Мозеля и их богатым урожае. Галлия изменилась лишь частично. Благородный Сидоний Аполлинарий обедает с королем Теодорихом и проявляет искренний интерес к своим бургундским соседям, поселившимся в восточной части страны. К середине века, без помощи тeneвых императоров в Италии, эта смесь народов, осознавая ценность своих нынешних преимуществ, объединяется, чтобы победить вторгшихся гуннов в битве при Шалоне. Но другой, более варварский народ теперь захватывает север. Франки почти так же отличаются от вестготов, как ирокезы от норманнских крестоносцев. Постоянно пополняясь из лесов нижнего Рейна, они не отрываются от своей древней родины и не теряются в цивилизации; сначала они разрушают римское государство к северу от Луары, а затем вытесняют вестготов в сторону Испании. К 500 году Галлия становится Францией, а франки — католическими христианами. Добавьте к этим фактам завоевание Англии саксами, королевство остготов в Италии и падение империи на Западе, и мы получим обзор части преобразований, которые произошли в Западной Европе в V веке. С этим мы вступаем в средневековье.

Таково наше введение в новую страницу истории. Позади нас теперь осталась угасающая слава старого Рима; античное общество внешне вытеснено молодой и необученной

энергией германских народов. Но число завоевателей сравнительно невелико, а завоеванный ими мир обширен и в течение четырехсот лет подвергался романизации. Античный элемент все еще сохранялся; на Востоке он сохранил свое господство еще на тысячу лет, на Западе он пошел на компромисс с германским элементом, создав Римскую империю на германской основе, которая просуществовала до дней Наполеона, и признав авторитет римской иерархии. Церковь и империя, эти две институции, о которых мы слышим больше всего в средневековье, были обе римскими, но обе обязаны своим политическим возвышением германским королям из династии Каролингов. Именно Бонифаций Саксонский, «проконсул папства», привязал германцев к римскому престолу, но Пепин оказал ему сильную помощь, а Карл Великий вдвойне закрепил этот союз.

Коронация великого короля франков императором римлян предвещала развитие истории, которое, однако, не пошло по пути, который он имел в виду. Союз германцев и римлян, или, лучше сказать, германцев и античности, не был предназначен развиваться так просто и мирно. Вместо скорого возрождения великого прошлого мир погрузился в темные века и был вынужден на протяжении многих столетий медленно бороться за то, чтобы вновь оценить забытую античность. Другими словами, средневековье вмешалось, чтобы разделить возрождение Карла Великого и то, которое достигло своего апогея в Эразме. Как мы можем объяснить это явление? В чем его значение? Важно, чтобы мы задались этими вопросами, если мы хотим хоть немного понять историю Европы. И все же, когда мы исследуем само явление, мы можем обнаружить, что необходимо пересмотреть наши собственные представления о нем.

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Обратимся теперь к средневековью. В этом действии мы обнаружим нечто новое, поскольку во всей мировой истории нет другого периода, который обычно вызывает у нас столь мало интереса, как этот. Оглядываясь на прошедшие столетия с высоты современности (), нас учили обращать взор на далекие, но великолепные равнины Рима и игнорировать промежуточный период, как будто это было лишь унылое пустое пространство между двумя великими эпохами нашей истории. Темные века и средневековье для большинства из нас являются почти синонимами — тысяча лет, наполненных хаосом, без каких-либо других признаков жизни, кроме сражений и песнопений, ужасный и неестественный мир, в котором доминировали либо воинственные, либо монашеские идеалы, и в котором отсутствовало почти все, что нам дорого и чего мы ищем сегодня.

Странно, что такая точка зрения сохраняется так долго, ведь даже самый поверхностный анализ фактов доказывает ее полную ложность. Самый беглый взгляд на прошедшие столетия показывает, что этот тысячелетний период не является ровной равниной, не является монотонным повторением не прогрессивных поколений, но отличается разнообразием и прогрессивностью во всех более глубоких и существенных элементах цивилизации; короче говоря, он отмечен всеми признаками эволюции, как и любой другой подобный период в истории мира. Однако эта ошибка в представлении была сделана давно; она является наследием эпохи Возрождения. Когда люди оглядывались с высоты достижений шестнадцатого века на древний мир, который так их очаровывал, они забывали, что сама высота, на которой они стояли, была построена терпеливым трудом их собственных предков, и что просвещение, которого они достигли, сама культура Возрождения, были бы невозможны без суровых усилий тех, кто заложил основы нашего общества на германской и христианской основе в так называемом Средневековье. Ошибка людей эпохи Возрождения вошла в историю и живет там, облеченная всей риторикой современной литературы и подкреплённая всем пламенем религиозных споров. Как могло быть что-то достойное внимания в эпоху, которая, с одной стороны, была лишена чувства к античным идеям и не могла писать предложения, подобные предложениям Цицерона, а с другой стороны, была подчинена религиозной системе, которая не удовлетворяла все классы нашего современного мира? Но если мы осуждаем средневековье по этим основаниям, мы отворачиваемся от построения современной Европы, потому что ее эстетические и религиозные идеалы не были столь разнообразными и радикальными, как наши. И за это нас просят пройти мимо того блестящего XII века, который дал нам университеты, политику, зарождение науки, высокую философию, гражданскую жизнь и национальное самосознание, или XIII века, который дал нам парламенты. Неужели во всей этой бурной жизни нет ничего, кроме блужданий суеверия? По мере того, как мы вникаем в это, становится ясно, что заблуждение эпохи Возрождения становится все более абсурдным. Наша перспектива должна быть скорее перспективой длинного подъема веков, плавно, но неуклонно поднимающихся от времени вторжений до полноценной современности.

Давайте посмотрим на детали. Распад римского мира, который привел к первому зарождению современных наций, не вызвал той огромной катастрофы, которую мы называем «темными веками». Вторжение германцев и прилив их энергии в изнеженное общество южной Европы не были смертельным ударом для цивилизации. Несмотря на свою грубость, когда они впервые пересекли границы империи, германские народы, и особенно их лидеры, дали обещание, что почти в их собственное время все, что имело постоянную ценность в римском мире, будет вновь включено в новое общество. Эта серия восстановлений должна была повторяться с каждым новым народом, но в конце концов она, казалось, должна была завершиться более широким возрождением при Карле Великом. К

800 году казалось, что Европа уже находится на прямом пути к современности. Но как только молодая германская цивилизация достигла света, на нее обрушилась вторая волна вторжений. Викинги, которых, возможно, старые глаза Карла Великого наблюдали, пробирающихся мимо холмов Кале, не только захлестнули северные моря (), но и терроризировали Францию от Рейна до Роны, пока прогресс не остановился, и единственной мыслью девятого века стала оборона. Затем венгры начали набеги по долине Дуная, а славяне наступали на север. Вдоль побережья Средиземного моря мавританские корсары душили слабую торговлю итальянских городов, высаживаясь на берег, они атаковали такие порты, как Пиза, и даже разграбили часть Рима. Зарождающаяся цивилизация германцев была вынуждена столкнуться с опасностью, которая требовала бы всех легионов Августа. Неудивительно, что слабые короли эпохи Карла Великого не выдержали этой нагрузки, а военачальники разных племен усилились, когда бессильное государство оказалось беззащитным перед второй великой миграцией или сохранило лишь частичную безопасность в естественных крепостях страны.

В такой ситуации самооборона стала системой. Палисады на центральных холмах, изгороди и заросли на равнинах или рвы в болотах стали убежищем и центром жизни для каждого района, который стоял на пути новых варваров. Владелец крепости вел своих соседей и арендаторов в бой; они отдавали ему свой труд в обмен на его защиту, частоколы превратились в каменные стены, а «маленькие лагеря» (*castella*) стали феодальными замками. Эти мрачные башни с зубцами, возвышающиеся перед нами из темных веков, были знаками надежды на последующие столетия. Общество было спасено, но оно преобразилось. Защита в период опасности превратилась в угнетение в период безопасности, и феодальная тирания обрушилась на Европу с такой силой, что города и короли могли лишь смягчить ее, но не уничтожить.

Однако с X века по настоящее время история Европы — это история непрерывной эволюции, медленной, порой удручающей, с множеством трагедий, которые нужно было пережить, и множеством унижений, которые нужно было перетерпеть. Но в целом ни один век с тех пор до наших дней не закончился без каких-либо значительных достижений в той или иной области в Англии, Франции, Италии или Германии. К середине X века были сделаны первые неуклонные шаги, когда саксонские короли Германии начали строить свои укрепленные города вдоль верхней Эльбы и заселять немецкими колонистами восточные границы, как Рим задолго до этого защищал северные границы цивилизации. К концу века мадьяры поселились в среднем течении Дуная под властью короля, который был одновременно христианином и святым, а величайший король датчан стал защитником христианского мира. Еще через пятьдесят лет неугомонные норманны снова отправились на завоевания, но теперь они принесли с собой в Англию и Италию бодрящее дух прикосновение молодой расы, которая была в авангарде своего времени, а не его врагом.

Это новое движение старого племени викингов принесло в свое время больше пользы, чем вреда, но нанесло неизмеримый ущерб истории. Ибо и писатели, и читатели в этот момент отвернулись от твердой истории прогресса, чтобы следовать за знаменами этих странствующих рыцарей, жить в нереальном мире рыцарства в то время, когда все европейское общество формировалось в современные нации, когда возрождение торговли строило города вдоль всех магистралей Европы, а школы были переполнены студентами, изучающими право и философию. Из такой широкой области жизненных интересов мы отвлеклись, чтобы следовать по стопам какого-нибудь жестокого дворянина, который одерживает бесполезные победы, не решающие ничего, или осаждают города без видимой цели и оставляет мимолетное княжество на разграбление соседям. Таковы обычные пути истории в средние века, и что удивительного в том, что они бесплодны, если следовать за такими людьми.

Но эпоха рыцарства была также эпохой университетов. Обратимся от странствующего рыцаря к странствующему ученому, если хотим найти истинный ключ к пониманию этой эпохи (), но все равно должны оставить его в сфере романтики. Немногие догадывались, что истинное Возрождение было не во Флоренции Лоренцо и не в Риме Николая V, а скорее в том более раннем веке, когда великие юристы Болоньи восстановили на все времена кодекс Юстиниана. Величайшим наследием Рима была не его литература и не его философия, а его право. Лучшие принципы, которые были разработаны во всем древнем мире в области правосудия, прав человека и собственности, безопасность которой является основой всего прогресса, — все эти бесценные истины были вновь выявлены благодаря возрождению римского права и вновь включены средневековыми юристами в структуру общества за два века до литературного Возрождения итальянских городов. Толпы студентов, стекавшиеся в Болонью для изучения права и образовавшие свою гильдию или университет на столь необычной основе, знаменуют начало современной эпохи не меньше, чем академия во Флоренции или основание библиотеки Ватикана. Уже тогда была возрождена политическая наука, а проблемы государственного управления подверглись практической и научной проверке.

Затем наступила гигантская трагедия Столетней войны, которая на более чем столетие задержала рост промышленности и торговли, на которых основана даже политическая структура. Но в то время как англичане и французы опустошают самые красивые провинции Франции, Парижский университет способен диктовать политику вселенской церкви и на целое поколение ограничить величайший абсолютизм эпохи, папство, ограничениями парламентского правительства. Собор в Констанце заседал в год битвы при Азенкуре. А тем временем происходит другое событие, гораздо более важное, чем сражения Черного Принца или походы Дю Гесклена. Торговля процветает на побережье Италии, и, несмотря на бесчисленные междоусобицы и мелкие войны, города Тосканы и Ломбардии готовятся к великому художественному пробуждению. История Средневековья, как и история нашего времени, в меньшей степени связана с кострами в лагерях, чем с городскими площадями. И даже там, сколько всего упущено! Караваны, выстраивающиеся на грубом базаре, никогда бы не достигли его, если бы не подавление разбойников на пути, в основном благодаря усилиям королевской власти. Богатство народа — это возможность для развития культуры, но без безопасности, обеспечиваемой законом и порядком, ни то, ни другое не может быть достигнуто. Поэтому, в конечном счете, защита общества в процессе его развития является великой политической темой средневековья. И теперь пришло время признать, что мы затронули только половину этой темы. Не только феодализм спас Европу, и не только королевская власть придала ей форму. Помимо замка существовало еще одно убежище — церковь. Как бы ни хотелось людям в последние годы признавать это, средневековая церковь сыграла огромную роль в сохранении и развитии нашей цивилизации.

На протяжении веков церковь была единственным влиятельным государством в Европе — учреждением, сильно отличающимся от того, каким мы его представляем себе сегодня. Она была не только религиозным наставником и хранителем спасения человечества, но и взяла на себя обязанности управления после падения Римской империи. Она помогла сохранить лучшее из древности, потому что, когда варвары были склонны уничтожать то, что им было не нужно, именно церковь, как говорит Рашдалл, расширила сферу полезного. Она, больше чем меч Карла Великого, укротила варварских германцев, и благодаря своим кодексам покаяния с наказаниями, почти столь же суровыми, как законы Дракона, она обуздала инстинкты дикости и научила наших предков этике Моисея, обещая им спасение Христа. Она взяла на себя большую часть отправления правосудия в незаконную эпоху, предоставила неприкосновенное убежище преследуемым и взяла на себя образование народа. Ее монахи были не только первопроходцами-фермерами в труднодоступных местах

дикой природы, но и их гостеприимство по отношению к путешественникам сделало возможным развитие торговли. Ее приходская церковь стала колыбелью демократии, где у дверей церкви собирались люди для совещаний и обсуждений. Она открыла сыновьям крестьян карьеру, которая обещала равенство с самыми высокомерными сеньорами или даже власть над королями. Едва ли была какая-то деталь повседневной жизни, которая не подпадала бы под знание или контроль церкви — вопросы брака и законности, завещания, клятвы, даже войны находились под ее надзором.

Но, описывая эту замечательную систему, которая так доминировала в Европе в раннем средневековье, когда короли были лишь тенью или военными диктаторами над неопределенными королевствами, мы должны быть осторожны, чтобы не придать всему средневековью слишком религиозный оттенок. Не все люди средневековья жили в монашеских одеждах. Симондс в своей блестящей истории Возрождения в Италии сравнивает все средневековое мировоззрение с мировоззрением святого Бернарда, величайшего из аскетов того времени. Святой Бернард гулял по берегу голубых вод Женевского озера, сосредоточенный только на своем розарии и молитве. На другом берегу озера сверкал снег Монблана — зрелище, которое ни один путешественник не забудет, увидев его однажды; но святой, с капюшоном, натянутым на глаза, видел только свои грехи и видение Страшного суда. Так, по словам Симондса, человечество шло по своему пути, как осторожный паломник, не обращая внимания на красоту и радости окружающего мира. Это очень поразительно, но верно ли? Прежде всего, средневековье, как обычно считается, охватывает период в десять веков. Мы уже видели, насколько эти века были непохожи друг на друга, насколько они отличались друг от друга, как и любые века до или после них. Девятнадцатый век едва ли отличается от восемнадцатого больше, чем двенадцатый отличался от одиннадцатого. Вот и все, что можно сказать об универсализации, если мы проследим за веками; она вряд ли применима ко всем. Некоторые дали нам «*Chansons des Gestes*», «*Песнь о Роланде*», легенды о Карле Великом и его паладинах. Другие подарили нам восхитительные тексты миннезингеров и трубадуров, Вальтера фон дер Фогельвейде и Бертрана де Борна. А что касается их разнообразия, то мы должны снова вспомнить, что тот же век, который подарил нам святого Франциска Ассизского — этого жонглера Бога — и «*Божественную комедию*», подарил нам также Великую хартию вольностей и представительное правительство.

Но даже если мы согласимся с тем, что монахи доминировали в средневековом обществе, как это описывает Симондс, мы не должны представлять себе, что все они были святыми Бернардами. Лишь немногие — святые немногие — были способны настолько абстрагироваться от этой жизни, что не замечали своего окружения. Последовательные реформы, Клуни, картезианцы, цистерцианцы, начавшиеся в бедности и закончившиеся богатством и мирским влиянием, показывают, какие люди носили монашеские одеяния. Монахи не были все одинаковыми; некоторые были мирскими, некоторые — религиозными, некоторые — учеными, а некоторые — просто ленивыми. Монастырь был домом для ученого, убежищем для унылого и пристанищем для опального. И монах часто мог быть человеком, чья чувствительность, вместо того чтобы быть притупленной, была более острой, чем наша сегодняшняя. Его вера разжигала воображение, которое приносило мир иной в его повседневную жизнь, и тот, кто находится в общении с вечностью, является бессознательным поэтом, а также преданным. Великая поэма Данте — это суть тысячелетия таких видений. Те этапы средневековья, которые наиболее далеки от нашего времени и наших привычек мышления, не обязательно мрачны. Они озарены самым притягательным светом, который когда-либо озарял человечество — надеждой и видением бессмертия.

Казалось необходимым сказать хотя бы столько о церковности средневековья, чтобы мы могли получить новую или, по крайней мере, более благожелательную точку зрения (),

изучая его детали. Человечество не находилось в коматозном состоянии в течение тысячи лет, чтобы однажды проснуться и вновь открыть для себя эпоху Возрождения. Такая идея дает ложное представление как о средневековье, так и о том медленном изменении, благодаря которому люди приобрели новые интересы, — о Возрождении.

Что же такое итальянский Ренессанс? В чем заключалось его значение и результаты? Прежде всего, никакое новое рождение человеческого духа, как нас обычно учили, не могло произойти после тех замечательных XII и оживленных XIII веков. Бродячему жонглеру или странствующему студенту, чьи сатирические и веселые песни XII века мы до сих пор поем в наших студенческих обществах, было бы странно услышать, что у него не было радости в этом мире, что он не понимал его меняющихся настроений, что у него не было темперамента, способного понять красоту. Если кто-либо когда-либо «открыл себя», то это, безусловно, был тот остроумный, свободолюбивый ученый, голиард, и все же между ним и падением Константинополя, самой распространенной датой начала Ренессанса, прошло двести и более лет. Небольшое исследование предыдущих веков показывает мир, полный жизни и великого обещания современности. Юристы правили от имени королей; университеты росли в количестве и влиянии. Говорят, и, возможно, это недалеко от истины, что в средневековой Европе было три великие силы — Церковь, Империя и Парижский университет. И не все люди в университетах Парижа, Оксфорда или Болоньи были заняты подсчетом, сколько ангелов может танцевать на острие иглы, как мы склонны думать, читая осуждение схоластов лордом Бэконом. Если половина из них — а это щедрая оценка — занималась теологией, то не все из этой половины изучали ее для своего религиозного назидания. Их интересы были научными. В некотором смысле они были учеными — учеными будущего мира, а не этой бренной жизни. Они анализировали теологию с примерно таким же настроем, как и современные физики, несмотря на все, что говорилось против их метода. Когда человек исследует мир, которого он еще не может достичь, или провидение, пути которого не являются путями человека, он, естественно, примет авторитет тех, кого он считает вдохновенными, если он хочет сделать хотя бы небольшой шаг вперед в великое неизвестное. Схоластики расширили значение слова «вдохновенный» и слишком легко принимали авторитет. Но они подходили к своей проблеме с чем-то, похожим на научный дух, даже если они еще не достигли научного метода. И я могу добавить, что, на мой взгляд, величайшая трагедия человеческого интеллекта заключается именно в этом — в истории злоупотребления схоластами. Начав с уверенности, что все пути Бога можно понять и свести к определенным данным, спокойно полагаясь на способность человеческого интеллекта понять пути Божественного управления, они были вынуждены пункт за пунктом, через непримиримые выводы и необъяснимые спорные моменты, признать, что та или иная доктрина, тот или иной факт лежат за пределами сферы разума и должны быть приняты на веру. Озадаченный в своем огромном стремлении построить науку о божественных вещах, человеческий разум отвернулся от этой задачи и занялся более близкими проблемами современного мира. Если работа схоластов была бесполезной, как утверждают многие, то это была великая бесполезность, доходящая до трагедии. Но из самой этой бесполезности выросла современная наука.

И теперь, при всей этой интеллектуальной деятельности, частью которой является схоластика, где же появился так называемый Ренессанс? К 1300 году проблема схоластов была решена. В трудах Фомы Аквинского был систематизирован и кодифицирован весь положительный результат их работы. только после этого их работа стала пустой и бессмысленной, но когда схоластика обратилась против самой себя, даже гений великого Дунса Скотуса все больше и больше обнаруживал ее бесполезность. Люди культуры начали находить ее неприятной; они не хотели изучать право — другой основной предмет интереса. Настало время для нового элемента в интеллектуальной сфере. Потребность была

удовлетворена, как только она была ощущена. Изучение античного языческого мира дало ученым и людям, имеющим свободное время, желаемое изменение. Открытие этого античного мира не было новым процессом, но черты, которые раньше игнорировались, — искусство и литература языческого мира — теперь привлекали всеобщее внимание. «Гуманитарные науки» постепенно пробились в университетские программы, особенно в Германии и Англии, и с XVI века по настоящее время гуманитарные науки являются доминирующим направлением в университетах. Оглядываясь на эпоху Возрождения, мы обычно начинаем ее с XIV века, именно там, где закончился наш предыдущий обзор других интеллектуальных условий. Эпоха Петрарки была ее рассветом. Франция и Англия, где ранее был достигнут наибольший прогресс, теперь погрузились в варварство международных и гражданских войн; и так последний этап того долгого Возрождения, которое мы называем Средневековьем, стал задачей и славой Италии.

На первый взгляд может показаться, что, возвышая достижения Средневековья, мы недооцениваем работу гуманистов. Признание этого обвинения не соответствовало бы той научной объективности, к которой мы сейчас стремимся. Мы должны отдать должное влиянию тех новых знаний, тех новых критериев и, особенно, той новой и здоровой критике, которые пришли с итальянским Ренессансом. Его работа в мире была абсолютно необходима, чтобы современное общество могло должным образом принять наследие всех тех великолепных веков, которые украшали Парфенон и сделали Форум центром мира. Вся интеллектуальная энергия, которая была вложена в античное общество, должна быть перенесена в наше. Но в конце концов, корни нашего общества являются германскими и христианскими даже в большей степени, чем римскими или античными. Мы должны научиться датировать наше современное время не только литературным возрождением, которое стало свидетелем восстановления давно утраченного языческого прошлого, но и реальной и великолепной молодостью Европы, когда она боролась с серьезными проблемами закона и порядка и поставила между собой и временами викингов барьеры национального государства — король и народ охраняли дороги мира для защиты караванов, которые создавали города. Для нас так же важно наблюдать за теми лодками, которые поднимались по Роне и Рейну, и за купцами, которые разбивали свои палатки на ярмарках Шампани, как и знать, кто открыл правильное происхождение слова *agnus*.

КНИГА I

ПОЗДНЯЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ НА ВОСТОКЕ

ВВЕДЕНИЕ

ОБЪЕМ, ИСТОЧНИКИ И ХРОНОЛОГИЯ ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИСТОРИИ НА ВОСТОКЕ

Период, к которому мы сейчас переходим, представляет собой особую сложность для историка. Рассматриваемое государственное устройство в некоторых отношениях уникально. Историки даже не пришли к единому мнению относительно того, как его следует правильно называть. Это империя со столицей в Константинополе; империя, которая не возникла внезапно в 395 году, с которого мы для удобства начинаем рассматривать эту историю, но которая на самом деле является ни чем иным, как продолжением Римской империи на Востоке, дела которой мы оставили со смертью Феодосия. Этот император, как мы видели, властвовал над неразделенной Римской республикой. После его смерти власть, которой он обладал, перешла к его двум сыновьям, один из которых номинально властвовал на Востоке, а другой — на Западе. Дела западной части империи под властью Гонория и его преемников привлекали наше внимание вплоть до окончательного падения Рима в 476 году. Теперь мы возвращаемся, чтобы проследить за судьбой Аркадия, другого наследника Феодосия, и его преемников.

Но следует ли правильно называть это восточное княжество Поздней Римской империей или Восточной, Византийской или Греческой империей, как уже было сказано, является предметом споров среди историков. Возможно, эту трудность легче всего преодолеть, если мы проигнорируем спорные аспекты вопроса и будем свободно использовать все эти названия; действительно, таким образом удобство сочетается с логичностью. Империя Аркадия и его непосредственных преемников, безусловно, имела полное право называться Римской империей, так же как, например, владения Диоклетиана и Константина. С приходом Аркадия к власти не произошло внезапного разрыва преемственности, не было мысли о вступлении в новую эпоху. Разделение власти и наличие двух столиц, одной на Востоке и одной на Западе, не были чем-то новым. Напротив, как мы видели, с дней Диоклетиана власть была разделена не только на две, но и на четыре части. Ни один современник не мог предсказать, что после смерти Феодосия римские владения на Востоке и Западе никогда больше не будут прочно объединены под единым правителем. И действительно, не совсем верно, что разделение было полным и постоянным, поскольку, как мы увидим, были правители, такие как Юстиниан и Зенон, которые имели доминирующее влияние на западные территории и считали себя хозяевами всего римского владения. И даже когда разделение стало полным и постоянным, что едва ли произошло до времени Карла Великого, все еще можно было справедливо утверждать, что Римская империя продолжала существовать со своей единственной столицей в Константинополе, куда Константин перенес резиденцию власти, несмотря на то, что западные владения были отделены от империи. Тот факт, что это западное владение включало в себя сам город Рим, который дал имя империи и, следовательно, казался неотделимым от нее, является главной причиной кажущейся несообразности применения термина «Позднеримская империя» к владениям Востока.

Однако не следует упускать из виду, что были и другие причины для отказа от использования безоговорочного названия «Римская империя» в отношении восточных владений. Главная из них заключается в том, что константинопольский двор очень радикально отошел от западных традиций, переняв восточные нравы и обычаи и, что

наиболее примечательно, постепенно отказавшись от латинского языка и заменив его греческим. В наших исследованиях ранней истории Рима мы видели явную тенденцию к эллинизации Рима через внедрение греческой культуры со времени окончательного свержения Греции Римской республикой. Следует напомнить, что некоторые из наиболее важных исторических трудов о Риме, в частности труды Полибия, Аппиана, Дионисия и Диона Кассия, были написаны на греческом языке. Император Марк Аврелий написал свои *«Размышления»* на том же языке. Но это было лишь отражением тенденции в мире ученых. До тех пор, пока столица империи оставалась на Западе, не было склонности заменять латынь греческим языком в повседневной жизни. Однако теперь, как уже было сказано, произошла эта странная замена; писатели поздней Римской империи на Востоке брали за образец исключительно классическую Грецию, и со временем языком двора и простого народа стал греческий, несколько изменившийся с течением времени по сравнению с древним диалектом, но по сути остававшийся тем же языком, на котором говорили в Афинах во времена Перикла. Очевидно, что использование термина «Греческая империя» в отношении княжества, территория которого включала древние царства Афин, а обычаи, нравы и язык сохраняли традиции древней Эллады, вполне уместно.

Использование терминов «Восточная империя» и «Византийская империя» не требует пояснений, поскольку имеет очевидное правомерность. Как уже было сказано, здесь будет удобно использовать любой из четырех терминов без разбора, отдавая предпочтение, если приходится выбирать, самому простому и наиболее нейтральному термину «Восточная империя».

Как бы ни называли княжество, судьбу которого мы будем следить, оно будет интересовать нас на протяжении более тысячи лет, с момента смерти Феодосия в 395 году до окончательного падения Константинополя в 1456 году. Этот период почти точно совпадает с эпохой, которую историки обычно называют Средневековьем и которая обычно считается временем интеллектуального упадка.

В целом эта оценка, несомненно, справедлива. Однако следует иметь в виду, что эта характеристика гораздо менее применима к условиям Восточной империи, чем к условиям Западной Европы. Эпоха Юстиниана, безусловно, не была темным веком в полном смысле этого слова. Хотя ни один последующий период не мог сравниться с ней по блеску, были эпохи, когда Восточная империя демонстрировала нечто от своей былой жизнеспособности. Действительно, интеллектуальная деятельность была почти непрерывной (), что, по крайней мере, помогало сохранить воспоминания о древней культуре, хотя и не могло соперничать с золотыми веками прошлого. На самом деле, главным недостатком литературы того времени было то, что она пыталась соперничать с классической литературой. Мы только что указали, что позднейшая Византийская империя была по сути греческой в языке и мышлении. К сожалению, писатели того времени не осознавали, что за тысячу лет нормального развития язык — всегда пластичная, подвижная вещь, никогда не имеющая фиксированной структуры — меняется, растет, эволюционирует.

Вместо того чтобы довольствоваться использованием языка, которым они были знакомы в повседневной речи, в качестве средства выражения своих мыслей в письменной форме, они настаивали на возвращении к более раннему классическому периоду, сознательно моделируя свою фразеологию и стиль по образцу авторов, которые жили и умерли тысячу лет назад. Ни одно великое произведение искусства не было создано путем такого сознательного подражания. Великое искусство по своей сути спонтанно, оно никогда не является сознательным подражанием; эпохальные произведения создаются на народном языке художниками, чья первая мысль — выразить свои спонтанные чувства и эмоции, не сдерживаемые традициями. Именно так писали Гомер, Софокл, Еврипид, Геродот и

Аристофан; и если Вергилий, Гораций, Овидий, Ливий и Тацит были более сознательными мастерами, то в той же мере они были менее великими художниками.

Но византийских писателей скорее можно сравнить с александрийцами эпохи Птолемея. Они были гораздо более научными, чем их предшественники, и пропорционально менее художественными. Как грамматик, он анализировал и критиковал язык, настаивая на сохранении тех случайных форм речи, которые мастера более ранних времен использовали спонтанно. Критический дух грамматиков находил свое отражение повсюду в преобладании аналитического, а не синтетического типа мышления. Поскольку мастера прошлого были образцами для подражания, их запасы знаний были главными источниками, из которых можно было черпать. То, что говорил Аристотель, должно было считаться последним словом в области физических знаний. То, что писали классические поэты и историки, необходимо было копировать, анализировать и восхвалять как окончательное выражение человеческой мысли. Люди, которые в других условиях и в другой атмосфере, возможно, создали бы оригинальные произведения, имеющие некоторое значение, довольствовались составлением антологий, сборников словарей и энциклопедий, а также кратким изложением хроник мировой истории из древних источников. Столь же характерно для того времени, что писатели, которые все же пытались заниматься творчеством, находили в прозаическом романе наиболее подходящее средство для выражения своих идеалов. Даже эта мера творческого энтузиазма в основном характеризовала самый ранний период византийской эпохи и была подавлена консерватизмом более поздней эпохи.

КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

Но если культура Византийской империи, основанная на воспоминаниях, и не смогла произвести на свет Геродота, Фукидида или Ливия, она, тем не менее, дала миру целую плеяду историков и хронологов более скромного класса, начиная с Прокопия, секретаря генерала Юстиниана Велизария, и заканчивая Дукасом, Францесом, Лаоником Халкокондилом и Критобулом, описавшими окончательное падение Константинополя, которые оставили нам довольно полные записи почти всей жизни Восточной империи. Список этих историков, насчитывающий около пятидесяти имен, приведен в нашей общей библиографии Рима в томе VI.

Здесь мы добавим только очень краткое резюме по этой теме, назвав наиболее важных авторов. Для более позднего периода неразделенной Римской империи и ранней византийской эпохи у нас есть, среди прочего, следующие работы: история войны с Аттилой, доносящая рассказ об империи до 474 года, написанная Приском, фракийцем, и продолжение его истории до 480 года, написанное Мальхом из Филадельфии; важная история Зосима, которую мы уже цитировали в одном из предыдущих томов; и, самое главное, исторические труды Прокопия Кесарийского из Палестины. Последний из названных авторов был, как уже упоминалось, секретарем знаменитого полководца Юстиниана, Велизария. Он сопровождал этого полководца во многих его походах и, по-видимому, был с ним в очень близких отношениях. Эта связь, а также характер его сочинений привели к тому, что в более поздние времена Прокопий часто назывался Полибием Восточной империи, что было вполне заслуженной похвалой.

Его произведения являются, безусловно, наиболее важными из византийских исторических сочинений, отчасти благодаря их внутренней ценности, отчасти благодаря характеру эпохи, о которой они рассказывают. Наиболее претенциозные из его произведений — две книги о Персидской войне, две о войне с вандалами и четыре о

Готической войне. Любопытно, что другое произведение, приписываемое Прокопию и в настоящее время общепризнанное как его, посвящено жизни Юстиниана и Феодоры и в некоторой степени самому Велизарию, причем в стиле, сильно отличающемся от стиля вышеупомянутой истории. Эта так называемая тайная история, по-видимому, была предназначена для публикации после смерти автора; поэтому в ней дается воля выражению, вероятно, истинных чувств автора, показывая характер его покровителей в очень отличном и гораздо менее лестном свете, чем в более ранней работе. Это расхождение в описаниях, написанных одной и той же рукой, представляет собой чрезвычайно интересный пример различия между дипломатическим и откровенным изложением событий. Мораль для историка, ярко иллюстрирующая знаменитое высказывание Сент-Бёва о том, что история — это согласованная традиция, едва ли нуждается в подчеркивании.

Среди более поздних византийских историков имена Иоанна Зонараса, Никиты Акомината, Никифора Грегораса встречаются как авторы, описывающие события довольно обширных периодов; Агафий, Симокатта, Эпифания, Анна Комнина и Георгий Францес — как биографы или писатели, посвятившие свои работы более ограниченным эпохам. Из них особого внимания заслуживает Анна Комнина, поскольку ее жизнь ее отца Алексея I считается единственным действительно художественным историческим произведением того периода. Оно широко известно тем, что послужило сэру Уолтеру Скотту источником сюжета и некоторых материалов для его последнего романа *«Граф Роберт из Парижа»*. Но наиболее примечательным является тот факт, что это первое важное историческое произведение, насколько известно, которое когда-либо было написано женщиной-писательницей.

Список хронологий или кратких изложений всемирной истории включает *«Хронику Пасхальную»* и труды Георгия Синкелла, Малаласа, Кедрена, Михаила Гликаса и Константина Манассии. В некоторых отношениях более важными, чем все перечисленные, были сборники отрывков из древних авторов, составленные Стобеем, Фотием и Суидой. Они сохранили многие фрагменты сочинений историков древности, которые в противном случае были бы полностью утрачены. Очень примечательная коллекция отрывков, составляющая в совокупности всеобъемлющую историю мира, составленную из сочинений греческих историков, составляет одну из частей энциклопедии, которую император Константин (VII) Порфирородный — сам писатель, имевший некоторое значение в области «» — поручил составить в X веке. Это произведение содержало часто очень обширные выдержки из сочинений большинства греческих классических историков. Оно, по-видимому, было очень популярно в средние века и, как предполагается, стало причиной утраты многих произведений, из которых были взяты выдержки. К сожалению, сама энциклопедия дошла до нас только фрагментарно, но даже в таком виде она дает нам отрывки из таких авторов, как Полибий, Дионисий Галикарнасский, Диодор, Николай Дамасский, Аппиан и Дион Кассий, а также из многочисленных византийских исторических сочинений, которые не сохранились в других источниках.

В совокупности даже сохранившиеся части византийских историй составляют очень объемную литературу. Поскольку они были созданы в относительно недавнее время, сохранилась соответственно большая их часть. Конечно, до нас дошло не так много оригинальных рукописей византийских историков, но, по-видимому, они были очень широко копированы монахами Западной Европы, которые находили в них интерес, которого часто не удавалось пробудить классическим сочинениям. Сам факт, что многие из этих сочинений являются кратким изложением древней истории, возможно, объясняет их популярность. В те времена, когда воспроизведение книг было таким трудоемким процессом, краткость, естественно, была достоинством, которое привлекало издателей. Поэтому, как уже было сказано, краткое изложение часто заменяло более подробное

оригинальное произведение, которое в результате полностью исчезало из поля зрения. Но современный мир не относится к византийским сочинениям с таким же интересом. По большей части они никогда не переводились на современные европейские языки, а оригинальные тексты были сверены, отредактированы и напечатаны относительно недавно.

С другой стороны, эти сочинения были почти первыми, подвергшимися критическому анализу историков, работавших в духе того, что мы называем современным духом. Тильмон начал кропотливый процесс детальной реконструкции хронологии поздней римской истории с помощью этих материалов, и немного позже эту работу продолжил Эдвард Гиббон, завершив ее в том, что, без сомнения, является величайшим историческим трудом современности, а может быть, и всех времен — *«Упадок и падение Римской империи»*. В этой работе Гиббон не только установил эпохальный стандарт для будущих историков, но и настолько исчерпывающе осветил тему, что почти ничего не оставил для своих последователей в этой области. Его работа тем более примечательна, что была создана в то время, когда общей тенденцией было принимать сочинения древних гораздо менее критически, чем в более позднее время. Гиббон, однако, сразу поднялся на критические высоты. Более того, он пошел на шаг дальше большинства критиков более поздних поколений, настаивая на применении одинаковых критических стандартов к традициям и суевериям всех древних народов. Большинство современников Гиббона и значительная часть его последователей до самого последнего времени, скептически относясь к традициям Греции и Рима, желали судить еврейские традиции по другим стандартам. Любопытной иллюстрацией нелогичности даже критически настроенных умов является то, что те же критики, которые резко осуждали легкое верие эпох, которые могли принять мифы Греции и Рима как исторические, также резко осуждали ум, который обладал широтой взглядов, позволявшей видеть, что все древние мифы и традиции должны быть взвешены на одних и тех же исторических весах. Только в наши дни значительное число критиков достигло того уровня исторической беспристрастности, которого Гиббон достиг сто двадцать пять лет назад, но в большинстве других отношений его пример нашел более готовых последователей.

ХРОНОЛОГИЯ ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИСТОРИИ НА ВОСТОКЕ

РАННИЕ ДНИ ВОСТОЧНОЙ ИМПЕРИИ (395-565 гг. н. э.)

Римская империя, окончательно разделенная после смерти Феодосия (395 г.) на восточную и западную части, тем не менее не утратила своего единства как организация. Начался период распада, и исчезновение западной части в 476 г. является скорее событием этого распада, чем «падением» империи. Только в 800 году, когда к власти пришел Карл Великий, появились две империи, и термин «Восточная империя» стал уместным. Но для удобства мы называем историю Аркадия и его преемников историей Восточной Римской империи.

395 г.

395 **Аркадий**, соправитель и старший сын Феодосия, продолжает править в Константинополе. Гунны разоряют Малую Азию, а вестготы под предводительством Алариха поднимают восстание в Мезии и Фракии. После смерти Руфина главным советником императора становится евнух Эвтропий, поддерживаемый Гайной.

398 Аларик становится правителем Восточной Иллирии.

399 Смерть Эвтропия.

401 Смерть Гайны. Император полностью попадает под влияние своей распутной жены Евдоксии.

408 **Феодосий II** наследует престол своего отца. Ему всего семь лет, и им управляет его сестра Пульхерия. Аларик движется на Рим.

410 Смерть Алариха.

421 Феодосий женится на Афинаиде (Евдокии). Начинается война с Персией.

425 Организация Константинопольского университета.

438 Публикация Кодекса Феодосия.

439 г. Гензерик захватывает Карфаген.

441 Война с Персией. Продолжается война с гуннами и вандалами.

442 Атила вторгается во Фракию и Македонию.

447 Мир Анатолия с гуннами.

450 Смерть Феодосия. **Маркиан** возведен на престол Пульхерией, на которой он женится. Он становится мудрым правителем и отказывается платить дань гуннам.

457 Династия Феодосиев заканчивается с Марцианом. Выбор императора остается за армией, и генерал Аспар добивается избрания **Льва I**, уроженца Фракии.

465 Великий пожар в Константинополе.

468 При содействии Антемия Лев планирует большую экспедицию против Гензериха в Африке, но она проваливается из-за предательства Аспара, который казнен в 469 году.

474 Лео I умирает, оставив империю своему внуку **Лео II**. Последний умирает в том же году, и на престол вступает его отец **Зенон**, но **Василиск** сразу же изгоняет его и правит в течение двадцати месяцев, после чего Зенон возвращает себе трон.

476 С отречением Ромула Августа западная часть окончательно отделяется от империи.

478-481 гг. Остготы вторгаются на Балканский полуостров.

- 483 г. Обнародование *Энотикона*.
- 488 Зенон побуждает Теодориха и остготов покинуть Иллирикум и напасть на Рим.
- 491 После смерти Зенона императором провозглашается **Анастасий I** под влиянием императрицы Ариадны, которая выходит за него замуж.
- 491-496 Исаврийская война, развязанная сторонниками Лонгина, заканчивается победой Анастасия.
- 499 г. Болгары вторгаются во Фракию.
- 502-505 Неудачная война с персами, которые захватывают несколько провинций.
- 507 Построена «Длинная стена» Фракии для защиты от готов.
- 514 Восстание Виталиана.
- 518 Смерть Анастасия; **Юстин I**, неграмотный иллирийский крестьянин, становится императором благодаря поддержке армии. С ним империя вступает в новую эру. Он готовит своего племянника Юстиниана к преемственности.
- 527 Юстиниан провозглашен августом.
- 528 г. Умирает Юстин; **Юстиниан I**, «Великий», становится единоличным правителем. Он является главной фигурой своего времени. Его женой является императрица Феодора. Он сразу же начинает активную войну против ариан, иудеев и язычников. Велизарий назначается главнокомандующим на Востоке.
- 529 г. Издано первое издание *Кодекса* Юстиниана.
- 530 Белисарий наносит поражение персам при Даре.
- 531 Хосров вступает на персидский трон.
- 532 Заключен мир с Персией. В Константинополе вспыхивают восстания. Собор Святой Софии сожжен. Велизарий подавляет беспорядки.
- 533 Белисарий начинает кампанию против вандалов в Африке. Публикуются *Пандекты*.
- 534 Белисарий захватывает вандальского короля Гелимера и уничтожает его королевство, за что становится единоличным консулом.
- 535-540 Белисарий в Италии и Сицилии против остготов. Он становится хозяином Рима и других городов.
- 540 Отзыв Велизария. Персидское вторжение в Сирию.
- 542 Отпор персам. Белисарий низложен Феодорой по возвращении из похода. Великая чума.
- 543 Тотила, король готов, захватывает Неаполь.
- 544 Белисарий отправляется в Италию против Тотилы.
- 545 Пятилетний мир с Персией. Тотила осаждает Рим. Велесарий не имеет достаточных сил, чтобы противостоять ему.
- 546 Захват Рима Тотилой.
- 547 Римляне отвоевывают Рим.
- 548 Тотила вновь захватывает Рим. Велизарий возвращается в Константинополь. Смерть Феодоры. Заговор против Юстиниана.

- 549 Императорские войска занимают земли лазиев.
- 550 Славяне и гунны вторгаются в империю.
- 551 Битва при Синигалье. Готы теряют Сицилию.
- 552 Евнух Нарсес прибывает в Италию в качестве главнокомандующего. Освобождает Рим. Поражение и смерть Тотилы.
- 553 Конец Восточно-Готской войны.
- 554-557 Страшные землетрясения обрушиваются на Константинополь и другие города.
- 558 Белисарий отбивает вторжение гуннов под командованием Забергана.
- 562 Пятьдесят лет мира с Персией. Нарсес продолжает свою победоносную карьеру в Италии.
- 565 Смерть Юстиниана.

ОТ ЮСТИНА II ДО СВЕРЖЕНИЯ ЮСТИНИАНА II (565-695 гг. н.э.)

- 565 **Юстин II** наследует Юстиниана I. Он решает изменить непопулярную систему Юстиниана и отказывается выплачивать выкуп посольству аваров, что становится причиной серьезных грабежей в провинциях.
- 567 Гепидское царство свергнуто лангобардами и аварами.
- 568 г. Вторжение лангобардов в Италию.
- 571 г. Рождение Мухаммеда.
- 572 Начинается война с персами. Они совершают несколько важных завоеваний, и
- 574 Юстин, осознав свою неспособность управлять, назначает Тиберия, капитана гвардии, цезарем.
- 575 Мир с Персией.
- 576 Битва при Мелитене. Римляне достигают Каспийского моря.
- 578 Умирает Юстин. **Тиберий** становится императором.
- 581 Императорская армия под командованием Маврикия наносит поражение персам при Константине.
- 582 год. **Маврикий** избран императором. Смерть Тиберия.
- 584 Договор с аварами, чьи грабежи стали очень серьезными.
- 586 Победа римлян при Солахоне.
- 589 Персы одерживают победу при Мартирополисе. Славянские колонии начинают селиться на Пелопоннесе.
- 590 Морис коронуется своего сына Феодосия на Пасху. Восстание Вахарана Персидского, который свергает Гормизда или Гормуза.
- 591 год. Маврикий возводит Хосрова II на персидский трон. Он выступает против вторжения аваров в Фракию.
- 602 Восстание в армии. Центурион **Фока** становится императором. Маврикий казнен.
- 603 Начинается война с Персией.

- 604 Мирный договор с аварами.
- 606-608 Катастрофическое вторжение персов в Малую Азию. Они продвигаются к Халкидону.
- 609 Восстания в Африке и Александрии.
- 610 **Гераклий**, сын правителя Африки, свергает Фоку и убивает его.
- 614 Персидская война продолжается. Захвачен Дамаск.
- 615 Персы захватывают Иерусалим.
- 616 Персидское вторжение в Египет.
- 617 Персы оккупируют Халкидон. Ираклий подумывает о переезде в Карфаген.
- 620 Заключен мир с аварами, которые пытались захватить императора.
- 622 Ираклий лично принимает командование Персидской войной.
- 622-628 Война ведется энергично. Походы в Каппадокию, Понт, Армению, Киликию и Ассирию, завершившиеся в 628 году заключением мирного договора с Сиромом.
- 629 г. Ираклий возвращает Святой Крест в Иерусалим.
- 632 Смерть Мухаммеда.
- 633 Начало завоеваний мусульман. Имперские города падают перед ними в следующем порядке: Босра (634), Дамаск (635), Эмеса, Гелиополис, Антиохия, Халкис, Верия, Эдесса (636), Иерусалим (637).
- 638 г. Константин, сын короля, терпит неудачу в попытке вернуть Сирию. Месопотамия утрачена в пользу мусульман.
- 639 Амру вторгается в Египет.
- 641 Смерть Ираклия. Смерть **Константина III** после трёх месяцев правления. Другой сын Ираклия от Мартини, **Гераклеон**, которого Ираклий назначил соправителем Константина, правит в одиночку в течение пяти месяцев, а затем изгнан. Его брат Давид назначен императором под именем Тиберий. Его судьба неизвестна. **Констант II**, сын Константина, становится императором. Александрия захвачена мусульманами.
- 647 год. Мусульмане изгоняют римлян из Африки.
- 648 г. Опубликован «*Тип Констанса*».
- 649 год. Мусульмане вторгаются на Кипр.
- 650 Они захватывают Арадус.
- 652 Армения падает в их руки.
- 654 Они захватывают Родос.
- 655 Они наносят поражение Констансу в великой морской битве у горы Феникс в Ликий. Папа Мартин изгнан в Херсонес.
- 658 Поход Констанса против славян. Заключение мира с мусульманами.
- 661 Констант покидает Константинополь и проводит зиму в Афинах.
- 662-663 Великое вторжение мусульман в Малую Азию.

663 Константин в Риме.

668 Мусульмане продвигаются к Халкидону и на короткое время захватывают Амориум. Убийство Констанса в Сиракузах. Его преемником становится его сын **Константин (IV) Погонат**.

669 Мусульмане вторгаются в Сицилию и увозят 180 000 пленников из Африки.

670 Основание Кайруана, недалеко от Карфагена.

673-677 Магометане осаждают Константинополь. Римляне используют против них недавно изобретенный греческий огонь.

678 Заключение мира с мусульманами.

679 Болгарская война и основание Болгарского царства.

681 Константин лишает своих братьев Ираклия и Тиберия императорского титула. Войска Востока требовали, чтобы и они получили корону, и таким образом Троица на небесах могла быть представлена на земле.

685 **Юстиниан II** наследует отцу. Халиф и император заключают мир.

687 Переселение мардаев из Ливана во Фракию и Малую Азию.

689-690 Успешная экспедиция Юстиниана против болгар и славян. Греки вынуждены эмигрировать с Кипра; двести тысяч славян переселены в Малую Азию.

692 Битва при Себастополе. Восстание Симбатия. Покорение Армении мусульманами.

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ АНАРХИИ (695-716 гг. н. э.)

695 Вследствие своих жестокостей генерал Леонтий свергает Юстиниана, отрезает ему нос и изгоняет в Херсонес. **Леонтий** становится императором.

697 Восстание Лазики. Великое мусульманское вторжение в Малую Азию. Хасан успешно продвигается в Африку. Карфаген взят.

698 г. Мусульмане вновь захватывают Карфаген. Леонтий свергнут с престола. Аспимар становится императором под именем **Тиберий III**. Мусульмане продолжают разорять империю.

705 г. **Юстиниан II**, теперь называемый **Ринотметом** из-за увечья носа, возвращает себе трон.

709 Тиана падает перед мусульманами, разоряющими Босфор.

710 Император проявляет большую жестокость по отношению к Равенне и Херсонесу.

711 г. Юстиниан свергнут Барданом, который становится императором под именем **Филиппик**. Во время его правления мусульмане вторгаются в Испанию (711 г.), а болгары разоряют Фракию (712 г.). Мусульмане захватывают Антиохию в Писидии.

713 Филиппик свергнут с престола и ослеплен. Его секретарь Артемий возведен на престол под именем **Анастасия II**. Он честно пытается провести реформы и посылает посольство в Дамаск, чтобы заключить мир с мусульманами.

715 Армия решает свергнуть Анастасия и выбирает малоизвестного человека, **Феодосия III**, который неохотно принимает пурпур.

716 Мусульмане вновь вторгаются в Малую Азию и осаждают Амориум. **Лев III Исаврийский** освобождает город, заключает перемирие с осаждающими и провозглашается императором армией.

ИСАВРИЙСКАЯ ДИНАСТИЯ И ПОСЛЕДУЮЩИЕ ЦАРИ (716-820 гг. н. э.)

717 год Мусульмане осаждают Пергам. Они начинают осаду Константинополя, которая снимается в следующем году.

726 Возникает спор о поклонении образам. Публикация первого иконоборческого указа. Начинается великий иконоборческий раскол, погружающий империю во множество бедствий и восстаний, приводящий к окончательному разделению греческой и латинской церквей.

Мусульмане вторгаются в Каппадокию.

727-728 Восстания в Италии и Греции.

734 Вторжение мусульман в Малую Азию.

739 Битва при Акронуме.

740 **Константин (V) Копроним** наследует престол своего отца.

742 Поражение мятежника Артавазда, захватившего Константинополь.

744-747 Великая чума опустошает империю.

746 г. Вторжение мусульман на Кипр.

750 Падение династии Омейядов. Образуются две соперничающие сарацинские державы. Равенна захвачена лангобардами.

751 Константин захватывает Мелитену и Феодосиполь.

753 Вторжение Пепина в Италию. Константинопольский собор поддерживает иконоборчество.

755 Вторжение болгар в Фракию. Пепин продолжает вторжение в Италию.

757 г. Болгары отброшены на свою территорию с большими потерями.

760-765 Константин вторгается в Болгарию. Победа при Анхиалусе, 762.

766 Кораблекрушение римского флота в устье Дуная. Расширение и активное применение указов против поклонения изображениям.

773-774 Военные кампании против болгар. Победа при Литосории. Заключение мира с болгарским монархом, который Константин нарушает.

775 **Лев IV**, сын Константина, наследует ему престол. Он является ревностным иконоборцем. Женится на императрице Ирине.

778 Успешная кампания против болгар.

780 Захват Семалуоса Харуном ар-Рашидом. Смерть Льва. **Ирина** становится регентшей десятилетнего **Константина VI**.

781 Восстание Элпидия на Сицилии.

782 Мусульмане под предводительством Харуна ар-Рашида вторгаются в Малую Азию.

787 Никейский собор санкционирует поклонение изображениям.

- 788 Болгары одерживают победу при Стримоне.
- 789 Арабы вторгаются в Румынию.
- 790 Константин берет на себя управление государством. Ирина не желает отказываться от власти, и между ними начинается борьба.
- 791 Император проводит кампанию против болгар.
- 792 Заговор против Константина, организованный его дядями, подавлен и жестоко наказан. Ирина восстановлена в достоинстве. Вторая кампания против болгар.
- 795 Константин разводится с женой Марией и женится на Феодоте.
- 796 Третья болгарская кампания Константина.
- 797 Ирина, воспользовавшись непопулярностью Константина из-за его отношения к Марии, заключает его в тюрьму и выкалывает ему глаза. Теперь она правит одна. Заговор с целью посадить на трон одного из сыновей Константина V.
- 798 Заключение мира с мусульманами.
- 800 Возрождение западной части империи путем коронации Карла Великого. Теперь существуют две отдельные империи.
- 802 Заговор против Ирины и ее свержение. **Никифор I**, казначей, избран императором. Он поддерживает политический порядок, но является жестким финансовым угнетателем.
- 803 Смерть Ирины в изгнании. Генерал Варданос провозглашает себя императором, но, не получив поддержки, договаривается о своем помиловании. Договор с Карлом Великим, регулирующий границы двух империй.
- 806 Унизительный мир с Харуном ар-Рашидом.
- 808 Неудачная попытка Арсабера занять трон.
- 809 Смерть Харуна ар-Рашида вновь открывает борьбу с мусульманами.
- 810 Мирный договор с Карлом Великим, который безуспешно пытается подчинить венецианцев и их союзников.
- 811 Император ведет войну с мусульманами и болгарами. Смерть Никифора в результате нападения болгар. Его преемником становится его сын **Ставракий**. Он не в состоянии противостоять непопулярности жесткой финансовой политики своего отца. После двух месяцев правления в результате революции на престол восходит **Михаил (I) Рангабе**. Мусульмане из-за гражданских беспорядков не беспокоят империю, но болгары продолжают свои нападения, которые приносят им такой успех, что
- 813 Михаил свергнут, и генерал **Лев (V) Армянин** провозглашен императором. Михаил уходит в монастырь. Болгары подходят к стенам Константинополя.
- 814 год. Лео уничтожает болгарскую армию при Месембрии. Заключено тридцатилетнее перемирие. Лео проводит изменчивую политику в отношении поклонения изображениям.
- 820 год. Лев убит в результате заговора в пользу **Михаила (II) Заика**, который занимает трон.

- 821 г. Восстание Фомы, претендента на престол. Он коронуется в Антиохии и осаждает Константинополь.
- 822 г. Болгары, воспользовавшись гражданскими раздорами, вторгаются в империю. Фома сдается Михаилу и казнен через повешение.
- 823 год. Мусульмане захватывают Крит.
- 827 Начинается завоевание мусульманами Сицилии. Оно завершается только в 878 году.
- 829 **Феофил** наследует престол своего отца. Он является ревностным иконоборцем.
- 831 Начинается длительное мусульманское вторжение.
- 832 Блестящая победа Феофила в Харсиане. Мусульмане захватывают Гераклею.
- 836 Феофил разрушает Запетру.
- 838 Победа мусульман при Дасимоне. Аморий захвачен.
- 842 Смерть Феофила из-за огорчения успехами мусульман. Его сын **Михаил (III) Порфирогенет**, или **Пьяница**, наследует престол в возрасте четырех лет, а его мать **Феодора** становится регентшей. Восстановление почитания икон на Константинопольском соборе. Конец иконоборческой полемики. Подавление славянского восстания на Пелопоннесе. Неудача попытки завоевать Абасгов и отвоевать Крит. Продолжение войны с мусульманами.
- 845 г. Перемирие с мусульманами.
- 847 г. Обращение хазар в христианство. Болгары следуют их примеру несколько лет спустя.
- 848 г. Восстание павликианцев, которые присоединяются к арабам.
- 854 г. Феодора уходит в частную жизнь.
- 856 Бардас, ее брат, становится цезарем. Фотий избран патриархом вместо свергнутого Игнатия.
- 858 Начинается великая война с арабами. Омар опустошает Понт. Успешная кампания главнокомандующего Льва, который в конце концов был захвачен мусульманами.
- 860 Михаил терпит тяжелое поражение под Мелитене.
- 862 Омар вторгается в Каппадокию, Понт и Киликию.
- 863 Битва при Амасии. Великая победа Петронаса, дяди императора. Смерть Омара. На несколько лет заканчиваются беспорядки с мусульманами.
- 865 Первое появление русских в империи. Они атакуют Константинополь, но отбиты.
- 866 Михаил убивает Вардаса с помощью Василия Македонского, который становится цезарем.
- 867 Убийство Михаила по инициативе **Василия**, который занимает трон. Василий смещает Фотия и восстанавливает Игнатия.

БАЗИЛИАНСКАЯ ДИНАСТИЯ (867-1057 гг. н. э.)

- 871 г. Пауликиане подверглись нападению и были подчинены.

872 г. Василий выступил против мусульман.

875-876 Победы Василия в Киликии.

877 Смерть Игнатия. Фотий вновь становится патриархом.

881 г. Василий планирует изгнать мусульман из Сицилии и Италии. Кипр отвоеван и удерживается в течение одиннадцати лет.

885 Никифор Фока изгоняет мусульман из Италии. Они по-прежнему удерживают Сицилию. Обвинение против Льва, сына императора, со стороны Сантабарена, в результате которого первый едва избегает смерти.

886 Смерть Василия, раненого во время охоты. Его преемником становится его сын **Лев (VI) Философ**. Он выкалывает глаза Сантабарену и изгоняет его. Фотий свергнут.

887-888 Арабы вторгаются в Малую Азию и пытаются вернуть Италию. В 891 году они отказываются от попытки завоевать последнюю страну.

Стилиан, тесть Льва и премьер-министр, своим обращением с болгарскими купцами провоцирует войну с Болгарией. Эта страна одерживает несколько побед, и

893 году Лев заключает мирный договор.

895 год. Заговор Самонаса против императора. Дальнейшие арабские вторжения в Сицилию.

904 Арабы захватывают Фессалоники с помощью флота. Последние остатки власти сената уничтожены конституцией Льва. Вторая русская экспедиция в Константинополь.

911 год. Победа мусульманского флота у острова Самос. Смерть Льва. Его малолетний сын **Константин (VII) Порфирогенет** и его брат **Александр** правят совместно.

912 Смерть Александра. Перед смертью он назначает регентство из шести членов, исключая патриарха, которое будет действовать в период несовершеннолетия Константина. Попытка Константина Дукаса занять трон подавлена Иоанном Эладасом, одним из регентов. **Зоя Карбонопсина**, мать Константина, признана регентством верховной властью.

913-914 Симеон, царь Болгарии, вторгается в империю, но без положительных результатов.

917 Пацинаки наносят поражение Леону Фокесу при Ахелосе, что побуждает Романа Лекапена интриговать за престол.

919 Константин женится на дочери Романа, Елене. **Роман (I) Лекапен** коронован императором как коллега Константина.

920 **Христофор**, сын Романа, возвышен до императорского достоинства.

921 Война с болгарам приобретает серьезные масштабы; она еще более усугубляется

923 из-за союза между королем Болгарии Симеоном и мусульманами.

926 Временное прекращение конфликта с болгарам и арабам достигается благодаря встрече Романа и Симеона.

927 Петр, преемник Симеона, вторгся на византийскую территорию, требуя войны или руки внушки императора. Роман согласился на последнее.

928 Роман назначает своих сыновей **Стефана** и **Константина VIII** соправителями. Теперь императоров пять.

931 Смерть Христофора.

- 934-940 гг. Период полного мира в империи, за исключением мелких войн с лангобардскими князьями. Константин VII планирует вернуть себе единоличную власть.
- 941 год. Российский флот из десяти тысяч галер появляется перед Константинополем. Римляне отбивают их с помощью небольших сил.
- 944 Стефан и Константин VIII по наущению Константина VII изгоняют своего отца в Проту. Константин VII восстанавливает полную власть и в 945 году изгоняет Стефана и Константина VIII в Проту.
- В течение остальной части правления Константина война с мусульманами ведется с большой энергией, особенно после того, как Никифор Фокас удается собрать большую армию. Многочисленные заговоры против Константина со стороны свергнутых императоров.
- 959 г. Смерть Константина в результате отравления его сыном **Романом II**, который становится императором.
- 961 г. Блестящее завоевание Крита Никифором. Мусульмане изгнаны после 150 лет оккупации.
- 962 г. Никифор нападает на Алеппо, но не может взять цитадель.
- 963 Смерть Романа, которая приписывается отравлению императрицей Феофано. **Никифор (II) Фокас** женится на Феофано и получает трон. Его главная цель — сломить могущество мусульман.
- 964-965 Завоевание Тарса византийцами. Никифор отзывается в Константинополь из-за беспорядков с болгарами и венграми. Чтобы отразить их, он заключает союз со Святославом, князем Киевским, что приводит к кровопролитной войне с русскими.
- 965 Посольство Лютпранда в Константинополь. Император заключает его в тюрьму.
- 968 Никифор возвращается в Малую Азию и отвоевывает Антиохию, 328 лет находившуюся под властью мусульман. Он готовится к нападению на Багдад.
- 969 г. Генерал Иоанн Зимиск и Феофано замышляют заговор против Никифора, который убит. **Иоанн (I) Зимиск** занимает трон. Он привлекает к правлению молодых сыновей Романа II, **Василия II** и **Константина IX**, которые были номинальными правителями во время правления Никифора. Брат Никифора, Лев, и его сын Вардас Фокас предпринимают неудачные попытки поднять восстание и вернуть трон. Они изгнаны.
- 970 г. Святослав завоевывает Болгарию и вторгается в Фракию. Филиппополь захвачен, жители убиты.
- 971 Иоанн выступает против русских. Пленение Престлавы и короля Болгарии Бориса. Осада и пленение Дористолона. Мир с русскими. Болгария вновь становится частью империи, а Борис — пенсионером византийского двора. Продолжаются войны с мусульманами.
- 972 Брак Оттона Великого и Феофано, дочери Романа II.
- 973 Императорская победа при Нисибисе. Поражение при Амиде.
- 974 Иоанн принимает командование войной с мусульманами.
- 975 Многочисленные победы, но безуспешная осада Триполиса. Антиохия отгораживается от имперских войск.

976 Смерть Иоанна Зимиска, вероятно, от яда. **Василий II** возглавляет дела империи вместе со своим братом в качестве коллеги. Он является одним из величайших восточных императоров.

Начало периода величайшего расцвета империи

979 г. Поражение Склера генералом Вардасом Фокой после отчаянного восстания с целью захватить трон. Болгары начинают долгую борьбу за восстановление своей независимости.

982 После смерти Отто Базил укрепляет свою власть в южной Италии.

989 Смерть Вардаса Фоки, который в течение двух лет восставал против императора. Склерус, вступивший во второй раз в заговор против престола, умирает.

991 год. Южная Иберия уступается империи королем Давидом.

995 Поход Василия в Сирию. Взятие Алеппо. Неудачная атака на Триполис.

996 Великое поражение короля Болгарии Самуила при Сперхии.

1002 г. Самуил вторгается во Фракию, захватывает Адрианополь, но отбит. Война продолжается в течение нескольких лет в беспорядочном порядке.

1014 Василий возобновляет болгарскую войну. Великая победа Никифора Ксифиаса при Зетунии. Василий выкалывает глаза 15 000 пленников. Смерть Самуила. Жестокость императора вызывает последнюю попытку болгар, но к 1018 году разрушение королевства завершено. Гиббон называет это самым важным триумфом римского оружия со времен Велизария.

1022 Победа Василия над коалицией армянских князей. Они просят о мире.

1025 г. Василий готовится изгнать мусульман из Сицилии, но умирает. Его брат **Константин IX** становится единоличным императором.

1027 Отбит напад патзинаков и мусульман.

1028 Константин на смертном одре назначает **Романа (III) Аргира** своим преемником, заставляет его развестись с женой и жениться на своей дочери Зое.

1030 Роман потерпел поражение от мусульман при Азазе и укрылся в Антиохии. Он впадает в меланхолию, и Зоя берет бразды правления в свои руки.

1031 г. Мусульманские пираты разоряют Иллирикум и Корфу. Они изгнаны жителями Рагузы.

1032 Заговор и смерть Константина Диогена.

1033 Императорский флот захватывает Эдессу.

1034 Смерть Романа, вероятно, от медленного отравления Зоей, которая теперь провозглашает императором своего любовника **Михаила (IV) Пафлагонского** и выходит за него замуж в день смерти своего мужа. Землетрясение в Иерусалиме, длившееся сорок дней. Великий голод по всей империи.

1037 год. Мусульмане атакуют империю со всех сторон. Они захватывают Эдессу. Патзинаки вторгаются во Фракию.

- 1038 год Мусульмане отвоевывают Эдессу, применив хитрость, которая легла в основу сказки «Али-Баба и сорок разбойников».
- 1039 Императорские войска и норманны атакуют мусульман в Сицилии. Мессина (Мессана) и Сиракузы взяты.
- 1040 Новая мусульманская армия из Африки терпит полное поражение на Сицилии. Норманны начинают устанавливать контроль над островом. Болгары пытаются восстановить независимость. Они вторгаются в Фракию и Македонию.
- 1041 Михаил оттесняет их и возвращает страну под власть Византии. Смерть Михаила. **Зоя** пытается править в одиночку, но оказывается не на высоте задачи. Она усыновляет племянника своего мужа, **Михаила (V) Калафата**, и делает его императором. Он изгоняет Зою. Его неосторожные действия вызывают восстание народа.
- 1042 После ожесточенной битвы между жителями Константинополя и сторонниками Михаила последний и его дядя бегут. **Зоя** и ее сестра **Феодора** провозглашаются соправительницами. **Зоя** велела выколоть глаза Михаилу и его дяде. Ревнуя сестру, **Зоя** выходит замуж за **Константина (X) Мономаха**. Восстание Маниака, брата любовницы Константина Склерены. Он убит в своем лагере.
- 1043 Вторжение русских; отбиты после поражения от Катакалона.
- 1045 Успешная война с Кациком, вассальным королем Армении и Иберии, закончившаяся разрушением его королевства.
- 1047 г. Восстание Торнициуса.
- 1048 Пацинаки вторгаются в империю с большой армией. Нападение сельджукских турок под командованием Тогрила. Неопределенный исход битвы при Капетроне.
- 1050 год. Тогрил уходит в Персию. Смерть Зои.
- 1052 Второе вторжение Тогрила.
- 1053 Пацинаки оттеснены на свою территорию.
- 1054 Начинается великий раскол между греческой и римской церквями. Смерть Михаила. **Феодора** правит единолично.
- 1056 Смерть Феодоры после назначения **Михаила (VI) Стратиотика** своим преемником. Попытка Феодосия Мономаха захватить трон.
- 1057 Битва при Аде. Поражение Михаила от Исаака Комнина и Катакалона.

УПАДОК И ПАДЕНИЕ ВИЗАНТИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА (1057-1204 гг. н.э.)

- 1057 г. **Исаак (I) Комнин** провозглашен императором. Михаил уходит в монастырь. Император вводит систему жесткой экономии во всех ветвях правительства.
- 1059 Вторжение в северные границы венгров и патзинаков. Заключение мирного договора. Исаак, после тяжелой болезни, передает корону **Константину (XI) Дуку**. По соображениям экономии последний существенно сокращает численность армии.
- 1060-1064 Тогрил-бег и Альп Арслан вторгаются в империю из Месопотамии. Ани захвачен в 1064 году.

- 1064 г. Кочевое турецкое племя узегов вторгается с севера. Они отступают из-за вспышки чумы.
- 1067 Смерть Константина. Императорский титул передается его молодым сыновьям, **Михаилу (VII) Дукасу Парапинаку Андронику** и **Константину (XII) Дукасу**. Регентшей становится императрица **Евдокия**. Она выходит замуж за **Романа (IV) Диогена**, который провозглашается императором. Великие опустошения, причиненные турками. Резня в Кесарии.
- 1068-1069 Успешная кампания Романа против турок.
- 1070 Мануил Комнин принимает командование войсками против турок. Альп Арслан захватывает Манцикерт. Роман возвращается к командованию.
- 1071 Византийская экспедиция на Сицилию потерпела поражение от норманнов. Капитуляция Бари. Конец имперской власти в Италии. Роман был взят в плен Альп Арсланом при Манцикерте. Восстановлен в свободе и заключает мирный договор. Отказано во въезде в Константинополь. Михаил VII восстанавливает власть, правя совместно с Константином XII. Роман ослеп, умирает от ран.
- 1072 г. Альп Арслан, не сумев получить выкуп за Романа, вторгается в империю. В конце концов он завоевывает византийскую часть Малой Азии и передает ее под власть Сулеймана.
- 1074 Восстание Урсея. Договор с турками.
- 1076 Турки захватывают Иерусалим.
- 1078 год. Бриенний пытается занять трон. После ожесточенной борьбы Михаил отрекается от престола в пользу **Никифора (III) Ботаниата**.
- 1081 Никифор, после постоянной борьбы со многими претендентами, свергается **Алексеем (I) Комнином** после захвата и разграбления Константинополя. Многие претенденты на трон уничтожены. Мирный договор с Сулейманом. Поражение Алексея от Роберта Гвискара.
- 1084 Поражение Боэмунда, норманнского вождя. Освобождение Ларисы.
- 1085 Алексей отвоевывает Диррах у норманнов.
- 1087-1099 Война с пачинаками, закончившаяся имперской победой при Левунионе.
- 1092 Цахас, эмир Смирны, принимает титул императора.
- 1093 Убийство Цахаса по инициативе Алексия.
- 1096 Первые крестоносцы появляются в Константинополе.
- 1097-1098 С помощью крестоносцев Алексей отвоевывает Никею, Антиохию и всю Малую Азию.
- 1103-1108 Война Алексея с Боэмондом, князем Антиохии.
- 1110-1116 Война с турками в Малой Азии, закончившаяся большими потерями для турок, что позволило Алексию заключить мирный договор.
- 1111 Военные действия Алексея против Танкреда и крестоносцев.
- 1118 Смерть Алексея. Его преемником становится его сын **Иоанн Комнин**. Неудача заговора Анны Комнины и Никифора Бриенния, целью которого было возведение последнего на престол.

- 1119 Иоанн захватывает Лаодикию и
1120 Созополь в походах против турок.
- 1122 Великая победа Иоанна над патзинаками в Македонии.
- 1124 Иоанн отбивает сербов, захвативших Белград и Браницеву. Теперь он снова выступает против турок Икониума и на короткое время удерживает Кастамонию и Гангру.
- 1131 Поход против Ливо Киликийского, чьи владения
1137 присоединяются к империи.
- 1138 Иоанн выступает против Раймунда Антиохийского, который отказывается признать его своим сюзереном. Раймунд извиняется и помогает Иоанну в успешной кампании против турок в Сирии.
- 1141 Иоанн наносит поражение султану Икония.
- 1142 Он отправляется в Киликию, чтобы завоевать все латинские княжества, отнятые у империи, но 1143 умирает в результате ранения, полученного на охоте. Его преемником становится его сын **Мануил (I) Комнин**.
- 1144 Раймонд, князь Антиохии, вынужден возобновить вассальные обязательства.
- 1145 Мануил вторгается в Исаврию и заключает мирный договор с турками.
- 1147 Мануил обещает помочь Второму крестовому походу, но тайно передает информацию о нем туркам.
- 1148 Война с Роджером Сицилийским, который пытается вторгнуться в Грецию. Мануил быстро отбивает вторжение патзианов и с помощью Венеции выступает против норманнов на Корфу.
- 1149 Крепость на Корфу взята. Роджер приглашает венгров и сербов атаковать с севера.
- 1152 Императорские войска потерпели поражение в Киликии, но добились больших успехов в Италии.
- 1153 Заключен мир с королем Венгрии Гейзой.
- 1153-1155 Норманнская война обращается против империи. Множество поражений. Маюс, сицилийский адмирал, высаживается в Константинополе.
- 1155 Заключен мир с Вильгельмом Сицилийским, преемником Роджера. Наказание Рейнольфа Антиохийского, преемника Раймона, и его превращение в вассала.
- 1157 Возобновление войны с султаном Икония. Заключение мира.
- 1161 Начинается война со Стефаном III Венгерским.
- 1163 Короткий перерыв в войне с Венгрией.
- 1168 Битва при Зевгмине. Великая имперская победа. Конец венгерской войны. Мануил объединяется с Альмериком Иерусалимским для нападения на Египет.
- 1171 Неудача нападения из-за ревности Альмерика. Война с Венецией закончилась, Мануил напал на лангобардов. После безуспешной борьбы в 1174 году заключен мир с Венецией.
- 1176 Возобновление войны с Килидж-Арсланом, султаном Икониума. Сокрушительное поражение Мануила под Мириоцефалом. Мануил заключает бесчестный мир.
- 1177 г. Мануил нарушает мир. Имперская победа на Меандре. Почётный мир.

- 1180 Смерть Мануила. Его сын **Алексей II Комнин** становится преемником под опекой матери Марии Антиохийской.
- 1183 **Андроник (I) Комнин** узурпирует трон, убедив Алексия казнить свою мать, а затем убив его. Женится на вдове Алексия, Агнессе, дочери Людовика VII Французского.
- 1184 Исаак, посланный императором управлять Кипром, вызывает восстание своим бесправием, в результате чего остров полностью отделяется от империи.
- 1185 Вторжение сицилийцев по подстрекательству греческих беженцев. Вильгельм II разрушает Фессалоники, но его убеждают отказаться от нападения на Константинополь. Лейтенант Агиохристофорит поднимает в Константинополе восстание против Исаака. Народ принимает сторону Исаака и провозглашает его императором. Смерть Андроника от рук толпы. **Исаак (II) Ангел** становится императором. Победа над сицилийскими захватчиками при Демеризе.
- 1186 Восстание болгар и валахов из-за несправедливого налогообложения.
- 1187 г. Поражение мятежников Иоанном Кантакузеном. Алексей Бранас получает командование армией. Он пользуется победами, чтобы провозгласить себя императором, и появляется перед Константинополем, но терпит поражение и убит зятем Исаака, Конрадом Монферратским. Вильгельм II Сицилийский отказывается от своих завоеваний в Греции.
- 1188 Успехи валахов приводят к образованию независимого королевства.
- 1189 Император Фридрих I Германия появляется с 150 000 крестоносцев. Испуганный Исаак предлагает заключить союз с Саладином, но тот отказывается.
- Феодор Манкафа провозглашает себя императором. Он получает помилование и отказывается от своих притязаний. Карьера «ложного Алексея» и других претендентов на престол.
- 1191 Захват Кипра Ричардом I Английским. Он навсегда утрачен для империи.
- 1194 г. Исаак признает Валахийское царство.
- 1195 г. Исаак свергнут дворянами, и его брат **Алексей (III) Ангел-Комнин** «тиран» провозглашен императором. Алексей выкалывает Исааку глаза и заключает его в константинопольскую темницу. Расточительное поведение Алексея довершает разрушение финансового механизма Римской империи. По всей империи царит беспорядок и анархия.
- 1197 Мир, купленный у Муэддина, султана Ангоры.
- 1198 Война с султаном Икония.
- 1199 г. Восстание Хриса, валашского военачальника. Алексей заключает мир, оставив ему в владении несколько городов.
- 1200 Иван Болгарский пытается основать независимую монархию во Фракии и Македонии.
- 1202 г. Алексей, сын Исаака II, бежав в Италию, заключает договор между венецианцами и крестоносцами о замене Исаака и себя на троне.
- 1203 Осада Константинополя. Бегство Алексия III в Италию. Крестоносцы занимают город. **Исаак III** и **Алексий (IV) Ангел** на троне. Великий пожар в Константинополе. Постоянные конфликты между Алексием и крестоносцами, в результате которых 1204 **Алексий (V) Дука «Мурзуфл»**, лидер одной из партий, захватывает трон. Убийство

Алексия IV. Исаак умирает от горя. Алексей понимает, что ему невозможно противостоять крестоносцам. Захват и разграбление Константинополя крестоносцами и венецианцами. Договор о разделе. Конец истинной Византийской империи. Основание Латинской империи Румынии под руководством Бодуэна, графа Фландрии. Греческая империя продолжает существовать в Никее.

ЛАТИНСКАЯ ИМПЕРИЯ РУМЫНИИ (1204-1261 гг. н.э.)

- 1204 г. **Бодуэн I** избран императором. Его владения состоят только из Константинополя и Фракии, остальная часть империи разделена между фламандскими, французскими и венецианскими лидерами.
- 1205 г. Йоаннис Болгарский поднимает восстание и захватывает Адрианополь. Пленение Бодуэна во время осады города. Он умирает в плену. Его брат **Генрих I** становится преемником.
- 1206 Заключен договор с Давидом Комнином, братом императора Трапезунда, в интересах последнего.
- 1207 Смерть Иоанниса. Генрих женится на его дочери и тем самым устанавливает мир с Болгарией. Договор с Феодором Ласкарисом, императором Никеи.
- 1209 г. Генрих созывает парламент в Равенике (древняя Халкидики) для окончательного определения феодальных отношений всех подданных империи.
- 1214 Война между Генрихом и Феодором. Поражение Генриха в Вифинии. Осада Пемане. Мир, уступка Феодору всех территорий к востоку от Сардиса и Никии.
- 1215 год. Фиктивный союз между греческой и римской церквями на землях Генриха.
- 1216 Смерть Генриха во время похода против Феодора, деспота Эпира. **Пьер де Куртений**, находившийся в то время во Франции, избран императором. Он попадает в руки Феодора Эпирского по пути в Константинополь и умирает в плену в 1219 году.
- 1221 Его второй сын, **Роберт де Куртений**, после двухлетней задержки становится императором.
- 1222 г. Феодор Эпирский захватывает Ломбардское королевство Фессалоники. Поражение Роберта при Серре.
- 1223-1224 Роберт вторгается в Никею с большими потерями. Восстание греков в Адрианополе. Феодор Эпирский захватывает город.
- 1228 Смерть Роберта. Его младший брат, **Балдуин II**, становится преемником. **Жан де Бриенн**, титулярный король Иерусалима, избран опекуном и коллегой. Империя подвергается нападению со стороны Иоанна Ватацеса из Никии и Иоанна Асана, короля Болгарии.
- 1233 Жан де Бриенн разгромлен в Вифинии.
- 1234 г. Союз Ватацеса и Асана для нападения на Константинополь. Они разоряют всю Латинскую империю.
- 1236 Опасность для Константинополя предотвращена благодаря помощи венецианцев и Жоффруа Ахайского.

- 1237 Смерть Жана де Бриенна. Болгарский король покидает Никею и заключает союз с латинянами. Балдуин посещает Западную Европу, чтобы получить помощь. Людовик IX Французский оказывает денежную помощь.
- 1240 Год. Балдуин с новой армией нападает на Никею и добивается некоторых успехов.
- 1243 Балдуин заключает союз с турками-сельджуками, но, несмотря на это, вынужден в 1245 году вновь обратиться за помощью к Западной Европе.
- 1259 г. После вступления на престол Михаила Палеолога Никейская империя нападает на Латинскую империю.
- 1261 Греки Никеи отвоевывают Константинополь. Конец Латинской империи Румынии. Несмотря на изгнание из своих владений, потомки Болдуина II известны в Восточной Европе как титулярные императоры до 1383 года, когда со смертью Джеймса де Бо, семья Болдуина вымирает.

ГРЕЧЕСКИЕ ИМПЕРАТОРЫ В НИЦЦЕ (1204-1261 гг. н. э.)

- 1204 После захвата Константинополя Феодор Ласкарис, лидер антилатинской партии, бежит в Вифинию и становится правителем города Никеи.
- 1206 **Феодор (I) Ласкарис** коронован императором греческим патриархом. Его титул оспаривают несколько князей, в том числе Алексей Комнин, правивший как император Трапезунда. Давид Комнин, брат последнего, выступает против него, но терпит тяжелое поражение на Сангарии.
- 1210 г. Алексей, тесть Феодора, претендует на трон при поддержке султана Икония. Последний погибает в сражении, Алексей попадает в руки Феодора и помещается в монастырь.
- 1214 Война с Генрихом Румынским. Мир, определяющий границы империи.
- 1214-1222 годы мира.
- 1222 Смерть Феодора. Его зять, **Иоанн (III) Дука Ватац**, становится преемником. Феодор Ангел, деспот Эпира и Этолии, принимает титул императора Фессалоник.
- 1224 Победа Пемана над Робертом, латинским императором.
- 1225 Мир с латинянами. Заговор Нестонгоса.
- 1233 Поражение латинян от Иоанна в Вифинии. Морская кампания за господство на море. Греческий флот оттеснен в Азию венецианцем Марино Санути.
- 1234 Союз Иоанна Ватацеса и Асана Болгарского против Балдуина II. Ватацес превращает империю Фессалоник в деспотат (деспотат Эпира).
- 1236 Неудачное нападение союзников на Константинополь.
- 1237 Асан разрывает союз, когда Константинополь готовится к второму нападению.
- 1241 После смерти Иоанна Асана Болгарского Ватацес начинает утверждать свое превосходство над императором Фессалоник.
- 1242 Иоанн Комнин, император Фессалоник, понижен Ватацесом до ранга деспота. Союз с султаном Икония для сопротивления угрозе вторжения монголов, которые уже разрушили империю сельджуков.

- 1245 Иоанн Ватац завоевывает обратно византийские владения в Фракии у малолетнего короля Болгарии Михаила.
- 1246 Ватац присоединяет деспотат Эпир к империи.
- 1251-1253 Война с Михаилом II, деспотом Эпира, закончившаяся миром, по которому часть фракийской территории была уступлена Ватацесу.
- 1254 Смерть Иоанна Ватацеса. Его преемником становится сын **Феодор (II) Ласкарис**.
- 1255-1256 Война с Болгарией, закончившаяся небольшими уступками Феодору.
- 1257 Война с Михаилом Эпирским, веденная Михаилом Палеологом, с неблагоприятным исходом.
- 1258 Смерть Феодора. Его преемником становится его молодой сын **Иоанн (IV) Ласкарис**. Регентами становятся премьер-министр Музалон и патриарх Арсений.
- 1259 **Михаил (VIII) Палеолог** провозглашен императором в результате успешного заговора. Музалон убит. Император вступает в войну с Михаилом Эпирским и заставляет его бежать. Битва при Пелагонии. Пленение Вильгельма Вильярдуэна, князя Ахайского.
- 1261 Генерал Стратегопул захватывает Константинополь. Падение Латинской империи. Михаил переносит туда столицу империи.

ДИНАСТИЯ ПАЛЕОЛОГОВ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ (1261-1453 гг. н.э.)

- 1261 Михаил заключает в тюрьму Иоанна IV и выкалывает ему глаза. За это Арсений отлучает Михаила от церкви. Важный торговый договор с генуэзцами возобновляется после военных действий в 1275 году. Папа Урбан IV освобождает Вильярдуэна от его обещаний Михаилу после его освобождения. Результатом становится война.
- 1263 Урбан IV выступает посредником между Михаилом и Вильярдуэном.
- 1264 Мир между императором и Михаилом Эпирским.
- 1265 Смещение Арсения, вызвавшее арсенитский раскол.
- 1269 Карл Анжуйский, при поддержке Иоанна Фессалийского и Михаила Эпирского, поднимает оружие против императора, чтобы восстановить на троне Балдуина II.
- 1271 г. Великое поражение императорских войск при Деметриаде (Воло). Константинополь в опасности. Михаил предлагает объединение греческой и латинской церквей как средство спасения своего трона.
- 1274 Объединение церквей осуществлено на Лионском соборе. Ему противостоит большая фракция в греческой церкви. Оно так и не было до конца завершено и распалось после смерти Михаила.
- 1280 г. Сельджукские турки захватывают Ниссу.
- 1281 Договор в Орвиетто между папой, Неаполем и Венецией о завоевании Греческой империи для Филиппа, сына Балдуина II. План срывается из-за Сицилийской вечерни.
- 1282 Смерть Михаила в походе против Иоанна Дукаса Фессалийского. Он является ярким примером злоупотребления деспотической властью. Его преемником становится сын **Андроник (II) Палеолог**. Церковные проблемы вынуждают императора на время пренебречь военными делами.
- 1290 Неудачное нападение на Никифора Эпирского.

- 1295 **Михаил IX**, сын Андроника, получает императорский титул от своего отца.
- 1301 Основание Османской империи Османом, который нападает на Греческую империю. Позорное поражение греков под командованием Михаила под Никомедией. Командование передано татарскому вождю. Османцы постепенно завоевывают все византийские владения в Азии.
- 1303 Каталонская великая компания, нанятая Михаилом для помощи в борьбе с турками и возглавляемая Рожером де Флором, высаживается в Константинополе.
- 1304 Роджер освобождает Филадельфию. Он задумывает создать княжество на Востоке.
- 1305 Роджер де Флор посещает Константинополь, чтобы потребовать оплату для своих людей.
- 1306 Турки вновь захватывают Филадельфию. План Фердинанда Майоркского по завоеванию королевства в Греческой империи.
- 1307 Роджер де Флор становится цезарем. Он отправляется в Азию, но убит. Компания разрывает связи с Михаилом и начинает завоевывать территории для себя. Битва при Апросе. Компания захватывает несколько районов. Отлучение Андроника Климентом V.
- 1310 Компания и ее турецкие союзники поступают на службу к герцогу Афинскому. Завоевание Родоса рыцарями Святого Иоанна.
- 1311 Битва при Кефисе и победа Каталонской великой компании над герцогом Афинским открывают путь к завоеванию Аттики. Турецкие вспомогательные войска возвращаются домой.
- 1315 Победа Филеса Палеолога над турками при Бизии.
- 1320 Умирает император Михаил.
- 1321 Начало гражданской войны сторонников внука императора Андроника под предводительством Кантакузена и Синадена.
- 1322 Мир Эпибата завершает гражданскую войну.
- 1325 Андроник вынужден передать императорскую корону своему внуку **Андронику (III) Палеологу**; они правят совместно.
- 1327 Андроник II выдвигает обвинения против Андроника III. Вновь разгорается гражданская война.
- 1328 Синаден побеждает гарнизон Константинополя. Отречение Андроника II положит конец гражданской войне, но при дворе по-прежнему царит интрига.
- 1329 Императорское поражение при Пелеканоне от османского Орхана.
- 1330 Сдача Никеи Орхану.
- 1330-1337 Османские вторжения в европейские провинции.
- 1334-1337 Экспедиция Андроника в Эпир.
- 1337 Монголы пересекают Дунай и разоряют северные районы. **Анна**, регентница Никифора II, деспота Эпира, передает деспотат Андронику.
- 1338 Сдача Никомедии Орхану.
- 1339 Подавление восстания в деспотате Эпир.
- 1341 Смерть Андроника. Его молодой сын **Иоанн (V) Палеолог** наследует престол, а императрица **Анна** Савойская становится регентшей. Восстание премьер-министра

Иоанна (VI) Кантакузена, который провозглашает себя императором и опекуном Иоанна. Он часто называет себя Иоанном V. Апокаух и Иоанн Апри интригуют против Кантакузена. Начинается длительная гражданская война.

- 1342 Стефан Душан Сербский вступает в союз с мятежниками и вторгается в империю.
- 1343 г. Кантакузен заключает союз с турками. Война продолжается с особой жестокостью.
- 1344 г. Кантакузен захватывает Гратианополь и заключает договоры с Сербией и Болгарией.
- 1345 Убийство Апокауха. Окрестности Константинополя опустошены.
- 1346 Отступничество Орхана от дела Анны приводит к триумфу Кантакузена. Землетрясение в Константинополе разрушает часть собора Святой Софии.
- 1347 Договор Кантакузена с Анной признает право первого править в течение десяти лет. Бушует Черная смерть.
- 1350 г. Кантакузен использует деньги, присланные русскими на восстановление собора Святой Софии, для оплаты услуг османских наемников.
- 1351 Иоанн V поднимает оружие против Кантакузена.
- 1352 Мир с Генуей после трехлетней войны. Кантакузен нанимает турецких наемников для борьбы с болгарами и сербами.
- 1353 г. Кантакузен провозглашает своего сына Матфея императором, и между ним и семьей Палеологов начинается смертельная борьба.
- 1354 г. Кантакузен свергнут с престола. Иоанн V становится единоличным императором. Матфей Кантакузен продолжает гражданскую войну.
- 1357 Матфей Кантакузен сдан Иоанну его пленниками-сербам и вынужден отказаться от всех прав на престол.
- 1361 Османские турки под предводительством Мурада I захватывают Адрианополь. Это определяет судьбу Греческой империи.
- 1363 Османцы захватывают Филиппополь и Серре. Поражение Людовика Венгерского.
- 1369-1370 Иоанн посещает Рим, чтобы получить помощь для своей падающей империи, но безуспешно. По дороге домой он арестован за долги в Венеции и освобожден благодаря деньгам, собранным его сыном Мануилом.
- 1375 Андроник, старший сын Иоанна, замышляет заговор против отца, пока император находится в Мураде (). Ему помогает Саугди, старший сын Мурада. Мурад спешит в Европу и подавляет восстание. Андронику и Саугди выкалывают глаза.
- 1377 Андроник сбегает из тюрьмы, заключает своего отца в тюрьму и присваивает титул своему сыну.
- 1381 Иоанн спасен венецианцами под командованием Карло Зено. Заключает договор с Андроником, признавая его права и права его сына на титул. Договор с Мурадом, в котором Иоанн признает себя вассалом Османской империи.
- 1384 Мануил, второй сын Иоанна, провозглашен императором и коронован.
- 1389 Битва при Косово. Великая победа Османской империи над сербами. Убийство Мурада. Баязит становится преемником, возобновляет договор с Иоанном и ставит Мануила во главе греческих войск в османской армии.

- 1390 Османцы захватывают Филадельфию, последнюю независимую греческую общину в Малой Азии.
- 1391 Смерть Иоанна. **Мануил (II) Палеолог** становится единоличным императором. Он спешит в Константинополь, опасаясь, что его брат захватит корону.
- 1396 Великая победа Баязета при Никополе. Теперь он решает продолжить поход на Константинополь. Мануил посещает Францию в поисках помощи.
- 1398 Маршал Бусико прибывает в Константинополь со своим флотом. Татарский завоеватель Тимур отвлекает внимание Баязета от империи.
- 1399 Иоанн Селимбрийский, сын Андроника, входит в Константинополь и провозглашается императором. Мануил посещает европейские дворы в поисках помощи.
- 1402 Мануил возвращается домой, его миссия не увенчалась успехом. Битва при Ангоре. Сокрушительное поражение Баязета от Тимура.
- 1403 Договор между Сулейманом и Мануилом, по которому первый уступает территории в Македонии и Фессалии.
- 1410 Муса, брат Сулеймана, после смерти последнего, отвоевывает территории, уступленные Сулейманом Мануилу.
- 1412 Муса начинает слабую осаду Константинополя, но вскоре отвлекается на внутренние беспорядки.
- 1413-1421 гг. Во время правления Мухаммеда I Греческая империя наслаждается непрерывным миром. Мануил использует время для реорганизации администрации и укрепления своей власти.
- 1419 Мануил делает своего сына **Иоанна (VII) Палеолога** соправителем.
- 1422 Мурад II осаждает Константинополь, чтобы наказать Мануила за его интриги. Он вынужден снять осаду, чтобы продолжить борьбу со своим братом Мустафой.
- 1423 Мануил принимает монашество, принимая имя Матфей. Иоанн становится единоличным императором. Империя теперь сокращается до города Константинополя и его окрестностей, Фессалоник и части Пелопоннеса. Финансы истощены из-за выплаты дани туркам. Империя вступает в последнюю стадию летаргии.
- 1430 год. Мурад II завоевывает Фессалоники. Генуэзцы из Галаты атакуют Константинополь из-за торгового спора в Черном море.
- 1431 г. Страшная эпидемия в Константинополе.
- 1439 Иоанн и греческий патриарх принимают участие в Флорентийском соборе и ратифицируют союз греческой и римской церквей. Папа обещает помочь империи, но забывает о соглашении отправить флот в Константинополь.
- 1440 г. По возвращении императора епископ Эфесский добивается ограничения союза только дворцом. Брат императора Деметрий пытается занять трон, но терпит неудачу.
- 1447 Мурад выступил против брата императора Константина, правившего Пелопоннесом. Взяты Коринф и Патры. Заключен договор с Константином, который платит дань.
- 1448 Смерть Иоанна. Его брат **Константин (XIII) Палеолог** или **Драгаз**, деспот Спарты, становится преемником.

- 1449 Мухаммед II наследует Мурада II. Его главной целью является завоевание Константинополя, и он сразу же начинает к этому готовиться. Строит крепость на Босфоре.
- 1452 Иоанн обращается за помощью к папе Николаю V. Отправляются кардинал Исидор и небольшой отряд вспомогательных войск.
- 1453 Осада и захват Константинополя Мухаммедом II. Смерть Константина в битве. Мухаммед входит в свою новую столицу. Конец Восточной империи.

ИМПЕРИЯ ТРАПЕЗИНДА (1204-1461 гг. н. э.)

Исаак Ангел, как только его возвели на престол разъярённая толпа, убившая тирана Андроника I (1185), велел выколоть глаза Мануилу Комнину, старшему сыну убитого императора. Мануил умирает во время операции, оставив двух сыновей, Алексея и Давида. Они жили в неизвестности в Константинополе, пока крестоносцы не осадили столицу (1203 г.), после чего бежали на побережье Колхиды. Алексей собрал вокруг себя небольшое войско и в 1204 г., примерно в то же время, когда пал Константинополь, вошел в Трапезунд, древний Трапезус, на Черном море, будучи провозглашен «императором римлян». Он называет себя **Алексием (I) Комнином**, чтобы отличаться от семьи Алексея Ангела-Комнина. Слабость изгнанного дома Ангелов позволяет Алексею основать свою империю и начать завоевательную карьеру. В течение нескольких месяцев вся страна от Фазиса до Термодона становится его владением. Давид Комнин присоединяет к новой империи побережье от Синопы до Гераклеи.

- 1206 г. Поражение Давида на Сангарии от Феодора (I) Ласкариса. Алексей терпит тяжелое поражение при Амисе от султана Икония или Рума, вступившего в союз с Феодором. Давид заключает договор с императором Генрихом Румынским в интересах своих владений.
- 1214 г. Феодор I пытается воссоединить территории Давида с Никейской империей. Смерть Давида при защите Синопы, осажденной и захваченной турками. Понт подвергается нападению турок. Колхида — грузин.
- 1216 Алексей вынужден объявить себя вассалом султана Икония.
- 1222 Смерть Алексея. Его зять **Андроник (I) Гидус** наследует престол, минуя старшего сына Иоанна.
- 1224 Договор с Ала ад-Дином, султаном Икония. Хайтон, турецкий губернатор Синопы, захватывает трезбизонтийское судно. Андроник нападает на Синопу; Ала ад-Дин нарушает договор и нападает на Трапезунд. Андроник изгоняет его и договором освобождает себя от вассальной зависимости.
- 1226 Андроник признает себя вассалом Гела ад-Дина, шаха Хорезма.
- 1230 После поражения Гела ад-Дина от монголов Андроник возобновляет вассальную зависимость от Икония. Иберийские провинции Трапезунда объединяются с новым Иберийским королевством, где король Давид по-прежнему сохраняет свою независимость от турок.
- 1235 Смерть Андроника. Его зять, **Иоанн (I) Ауксух**, становится преемником.
- 1238 Смерть Иоанна. Его брат, **Мануил (I) Великий Капитан**, становится преемником. О событиях его правления известно мало, но он был вассалом сельджуков, а после их поражения в 1244 году в Кушадаке монгольского хана Октара.

1263 **Андроник II** наследует престол своего отца.

1266 **Георгий** наследует трон своего брата. Власть монголов и сельджуков в Малой Азии ослабевает, и Георгий освобождается от них. Он пытается завоевать новые территории, но в 1280 году его дворяне покидают его во время похода, и он попадает в плен к туркменам. **Иоанн III** наследует престол. Он приглашен партией в Константинополе, возмущенной союзом Михаила VIII с латинской церковью, чтобы встать во главе православных христиан и Греческой империи, но Иоанн боится это сделать.

1281 год. Михаил посылает историка Георгия Акрополита с миссией к Иоанну, чтобы убедить его отказаться от титула императора римлян или вступить в брачный союз с его семьей. Миссия не увенчивается успехом. Восстание в Трапезунде лишает Иоанна власти, но он вскоре восстанавливает ее.

1282 Иоанн соглашается жениться на дочери Михаила Евдокии. Церемония проводится в Константинополе, и Иоанн отказывается от титула «императора римлян», принимая титул «императора всего Востока, Иберии и Ператии». Давид Иберийский предпринимает неудачную попытку нападения на Трапезунд. Георгий освобождается туркменами, но не удается вернуть трон.

1285 Сестра Иоанна, **Феодора**, собирает армию и восходит на престол, но Иоанн вскоре восстанавливает свою власть и изгоняет ее. Папа Николай IV приглашает Иоанна принять участие в крестовом походе с целью восстановления Птолемаиды, но дела в стране не позволяют ему это сделать.

1297 Смерть Иоанна. Его сын **Алексей II** наследует престол в возрасте пятнадцати лет. Вскоре он освобождается от своего опекуна, Андроника II Константинопольского.

1302 Алексей отбивает турецкое вторжение в великой битве под Керасунтом.

1310 После многочисленных торговых споров с генуэзскими поселениями на Черном море Генуя требует заключения выгодного договора с Алексием, который отказывается. Разъяренные генуэзцы сжигают часть Трапезунда, но страх перед венецианцами заставляет их согласиться на торговлю на прежних условиях.

1314 Пираты из Синопы поджигают Трапезунд, нанося ему большой ущерб.

1330 Смерть Алексея. Его преемником становится старший сын **Андроник III**. Начинается период анархии и гражданской войны. Андроник, по всей видимости, казнил двух братьев. Другой брат и дядя бежали в Константинополь.

1332 Смерть Андроника. На престол вступает его молодой сын **Мануил II**, и все, кто находится у власти, пытаются взять на себя руководство делами. Воспользовавшись ситуацией, туркмены вторгаются в империю, которая находится в большой опасности, и **Василий**, беглый сын Алексея II, приглашается стать императором. Мануил свергнут. Василий оказывается расточительным монархом и женится на своей любовнице, несмотря на то, что у него есть жена. Власть становится децентрализованной.

1340 Смерть Василия. Его законная жена **Ирина Палеологина**, дочь византийского императора, возведена на престол своими сторонниками. Начинается гражданская война.

1341 **Анна Анахоулу**, дочь Алексея II, возведена на престол партией Комнинов. Ирина свергнута. Михаил, второй сын Иоанна II, претендует на престол. Он заключен в тюрьму, но вокруг его сына Иоанна формируется партия.

- 1342 **Иоанн III** отбирает трон у Анны. Она задушена.
- 1344 Разочарованные поведением Иоанна, молодые дворяне освобождают его отца **Михаила** из тюрьмы и провозглашают императором. Михаил заключает Иоанна в монастырь, а затем отправляет его в Адрианополь. Он пытается улучшить положение дел и уменьшить власть дворян, но не имеет достаточной силы для этой задачи.
- 1347 г. В Трапезунде бушует Великая чума (Черная смерть). Туркмены разоряют империю вплоть до стен столицы.
- 1348 Турки захватывают Керасунт. Генуэзские воины атакуют Трапезунд. Греки в отместку убивают франков.
- 1349 Михаил заключает мир с генуэзцами, уступая им крепость Леонтокастрон. Вспыхивают гражданские беспорядки. Михаил свергнут, и **Алексей III**, сын Василия, и его любовница Ирина Трапезундская привезены из Константинополя, чтобы занять трон. Восстания аристократии продолжаются.
- 1355 Мятежники во главе с великим князем Никитой появляются с флотом перед Трапезундом. Алексей отбивает их. Он начинает укреплять свою власть, но туркмены постепенно захватывают территории империи, пока не остается только узкая полоса морского побережья.
- 1380 Алексей ссорится с Меголло Лескари, генуэзским купцом, который оснащает галеры для разграбления Черного моря. Алексей подчиняется и подтверждает торговые привилегии генуэзцев.
- 1390 Смерть Алексея. Его преемником становится сын **Мануил III**.
- 1400 Мануил посылает войска на помощь армии Тимура, но сам не принимает участия в битве при Ангоре (1402).
- 1405 После смерти Тимура Мануил освобождает империю от дани монголам.
- 1417 Смерть Мануила. Его преемником становится сын **Алексей IV**. После отступления монголов империя захватывается двумя великими туркменскими ордами Черных и Белых овец. Кара Юсуф, вождь Черной Орды, заставляет Алексея отдать дочь замуж за своего сына и требует дань.
- 1420 Смерть Кара-Юсуфа — император перестает платить дань Черной Орде.
- 1426 г. Восстание сына Алексея Кало-Иоанна, который был возведен в императорское достоинство. Вельможи спасают императора. Алексей передает права наследника престола и императорское достоинство своему второму сыну Александру, который вскоре после этого умирает.
- 1442 Первое нападение османских турок на Трапезунд отбито.
- 1446 Второе восстание Кало-Иоанна. Он убивает Алексия и становится **Иоанном IV**. Его ненавидят за его преступления.
- 1449 Шейх Эртебиля терпит неудачу в попытке захватить Трапезунд. Иоанн разрабатывает план изгнания османов из Малой Азии, и Мухаммед II вынужден вторгнуться в империю. Иоанн вынужден стать вассалом Мухаммеда и платить дань.
- 1458 Смерть Иоанна, когда он формирует великий союз против османов. Четырехлетний сын отстранен в пользу его брата **Давида**, который продолжает работу Иоанна по созданию союза.

1461 Осада и захват Трапезунда Мухаммедом II. Конец империи Трапезунда. Давид уходит в отставку в Мавронарос, который он получает в обмен на свою империю, и несколько лет спустя казнен в Константинополе за отказ принять мусульманскую веру.

КОРОЛЕВСТВО САЛОНИКИ (1204-1222 гг. н.э.)

1204 г. При разделе Византийской империи между крестоносцами **Бонифаций**, маркиз Монферратский, главнокомандующий, получает феодальное королевство в Азии, но, не желая находиться так далеко от своих итальянских владений, он обменивает его на провинцию Македония со столицей в Салониках. Он называет его королевством Салоники. Он также считает, что имеет право на Крит, и обменивает его с венецианцами на части Фессалии. Бонифаций хотел бы сохранить независимое королевство, но Балдуин I Румынский незамедлительно заставляет его принести ему присягу на верность.

1204-1207 Бонафаций отражает попытки греков вернуть себе его королевство. Он вступает в Пелопоннес и осаждает Коринф и Аргос, но его отзывают из-за восстания в Фессалониках.

1207 Смерть Бонифация в стычке с болгарами. Его двухлетний сын **Деметрий** наследует престол, а королева Маргарита становится регентшей.

Королевство защищается от князя Эпира и короля Болгарии румынским императором до смерти Пьера де Куртене.

1222 В то время как Деметрий еще продолжает свое образование в Италии, Феодор, принц Эпира, завоевывает королевство и коронуется императором Фессалоник. Деметрий предпринимает безуспешные попытки вернуть свое королевство. Титул принадлежит потомкам Деметрия до тех пор, пока Вильгельм, маркиз Монферратский, не уступает его византийскому императору в 1284 году.

1266 Год. Бодуэн II, тогдашний титулярный император Румынии, передает королевство Салоники дому Бургундии, где оно остается до 1320 года, когда Эudes IV продает его Филиппу Тарентскому, титулярному императору Румынии.

ДЕСПОТАТ ЭПИР И ИМПЕРИЯ САЛОНИКИ (1204-1469 гг. н.э.)

1204 г. После завоевания Константинополя **Михаил I**, внебрачный сын Константина Ангела и дядя Исаака II и Алексея III, бежит в Эпир, женится на местной женщине и устанавливает власть на территории к западу от Пиндосских гор. Его столица находится в Йоаннине. Это типичное византийское государство, полностью отличающееся от франкских феодальных правительств. Михаил и все его потомки принимают имя Ангел Комнин Дукас. Он является способным военачальником и расширяет свое княжество на всю Эпир, Акарнанию, Этолию и часть Македонии и Фессалии. Он фактически независим, но признает Феодора Ласкариса I законным императором Востока.

1214 год. Убийство Михаила одним из его рабов. Его брат **Феодор** наследует престол, поклявшись в верности Никейскому трону. Он сразу же начинает расширять свои владения.

1217 Феодор захватывает латинского императора Пьера де Куртене, который направляется в Константинополь.

1222 Феодор изгоняет лангобардов из Салоник и коронуется императором Фессалоник.

Империя Фессалоник

1224 Феодор захватывает Адрианополь. Его империя теперь простирается от Адриатического до Черного моря. Он планирует нападение на Константинополь, но вступает в войну с Иоанном Асаном из Болгарии.

1230 Иоанн Асан берет Феодора в плен и выкалывает ему глаза. Брат Феодора **Мануил** принимает императорский титул.

1232 Иоанн Асан женится на дочери Феодора и отпускает его. Феодор возвращается в Фессалоники и формирует партию, достаточно сильную, чтобы изгнать Мануила. Слепота Феодора не позволяет ему править, поэтому титул принимает его сын **Иоанн**. Мануил бежит в Никею и возвращается с помощью Иоанна Ватацеса, но Феодор убеждает его и его брата Константина помочь в защите империи от Никеи.

1234 год Ватац захватывает Фессалоники. Иоанн вынужден отказаться от императорского достоинства и принять титул деспота.

Деспотат Эпира

1244 г. **Деметрий** наследует своего брата Иоанна.

1246 Иоанн Ватац, в результате споров, изгоняет Деметрия с поста и присоединяет Фессалоники к Греческой империи. Однако внебрачный сын Михаила I, Михаил, владеет частью деспотата, а слепой Феодор — другой. Иоанн Ватацетс делает **Михаила II** деспотом под обещание абсолютной верности, но Феодор, 1251-1255, своими интригами втягивает Михаила в войну с Ватацетом.

1255 Михаил выдает Феодора и заключает мир с Ватацесом. Михаил изгнан из своих владений, но восстанавливает южную часть и правит там.

1267 Смерть Михаила. Его сын **Никифор** получает титул и женится на дочери Феодора Ласкариса II. Он расширяет свои владения в Акарнании и Этолии.

1290 г. Никифор подвергается нападению Андроника II и генуэзцев, но отбивает их с помощью князя Ахайи и графа Кефалонии.

1293 Смерть Никифора. Его преемником становится его сын **Фома**.

1318 Убийство Фомы его племянником, **Фомой II**, графом Кефалонии, который убит своей женой **Анной**, опекуницей своего двенадцатилетнего сына Никифора II, когда в 1337 году Андроник III вторгается в страну. Анна передает ему деспотат. Никифор убит в 1358 году в сражении с албанцами при попытке вернуть деспотат.

Валахские князья Фессалии

1259 **Иоанн Дука I**, внебрачный сын деспота Михаила II, женится на дочери валашского вождя в Фессалии. Он основывает независимое правительство, сражаясь с Эпиром или Константинополем или против них, в зависимости от своих интересов.

1290 Его преемником становится сын, имя которого неизвестно.

1300 **Иоанн Дукас (II)** наследует престол под опекой своего двоюродного брата Ги II, герцога Афинского.

1308 После смерти Иоанна его владения были разделены между приграничными государствами.

Сербские деспоты Эпира

1367 г. **Томас Прелубос** признан Стефаном Душаном князем Йоаннины или Арта.

1385 Убийство Прелубоса из-за его жестокости. Его вдова выходит замуж за **Эсау Буондельмонте**, который воюет с албанцами до своего пленения в 1399 году.

Семья Токко в Эпире (Деспотат Румынии)

1400 **Карл Токко**, внук Леонардо Токко, которому Роберт Тарентский, титулярный император Румынии, передал Кефалонию, вторгся в Эпир около 1390 года и в конце концов завоевал достаточно территории, чтобы провозгласить себя деспотом Румынии.

1429 **Карл II** наследует трон своего дяди.

1431 Турки захватывают Йоаннину и Этолию.

1433 Карл становится гражданином Венеции, чтобы получить защиту этой республики.

1452 **Леонард** наследует престол своего отца.

1469 г. Турки изгоняют Леонарда с трона.

ГЕРЦОГСТВО АФИН (1205-1456 гг. н.э.)

Дом де ла Рош

Между королевством Салоники и Пелопоннесом располагаются несколько феодальных государств, распределенных между крестоносцами. Из них наиболее важным является герцогство Афинское.

1205 **Отто де ла Рош**, бургундский дворянин, захватывает Афины. Он является властелином всей Аттики и Беотии, но приносит дань Бонифацию Салоникскому.

1207 После смерти Бонифация Фивы отнимаются у Оттона и присоединяются к Салоникам, но позже возвращаются Генрихом Румынским.

- 1225 Отто предпочитает вернуться в свои владения во Франции и отрекается от престола в пользу своего племянника **Ги I**.
- 1264 **Иоанн** наследует отцу. Он помогает Иоанну Дуку против византийской армии и позже заключает с ним тесный союз. Иоанн пленен в битве при Ореусе войсками Михаила VIII и освобожден без выкупа.
- 1275 г. Иоанн уступает трон своему брату **Вильгельму I**.
- 1280 г. Вильгельм принимает управление Ахайей во время несовершеннолетия Изабеллы Вильярдун.
- 1290 Смерть Вильгельма. Его преемником становится его сын **Ги II**.
- 1293 Гюй приглашен управлять владениями деспота Валахии, своего подопечного. Анна, вдова Никифора Эпирского, готовится напасть на него, но отступает из-за страха.
- 1304 Гюи после женитьбы на Моде из Эно получает феодал в Морее, но претендует на все княжество Ахайя.
- 1308 Смерть Ги, не успевшего осуществить свои притязания. Его двоюродный брат, **Вальтер де Бриенн**, становится преемником.

Дом Бриеннов

Деспоты Эпира и Валахии угрожают вторжением. Вальтер заключает союз с Каталонской великой компанией для защиты и 1310 Вальтер побеждает своих врагов, но каталонцы отказываются покинуть землю.

1311 Каталонцы наносят поражение Вальтеру в битве при Кефисе. Франкская власть падает в северной Греции; дом Бриенн по-прежнему владеет феодалами в Нафплионе и Аргосе.

Каталонская великая компания

Роджер Деслау назначен герцогом Афин. Его владения расширяются на север и запад.

Дом Арагона, герцог Афинский и Неопатрасский

- 1326 После смерти Роджера **Манфред**, сын Фридриха II Сицилийского, получает герцогство, которое становится апанажем дома Арагона.
- 1330 **Уильям**, брат Манфреда, становится преемником.
- 1331 Сын Вальтера де Бриенна предпринимает неудачную попытку вернуть герцогство.
- 1338 **Джон**, брат Вильгельма и Манфреда, становится наследником.
- 1348 **Фридрих**, маркиз Рандаццо, сын Иоанна, становится наследником. Он никогда не посещает Афины.
- 1355 **Фридрих III**, король Сицилии, наследует маркиза Рандаццо.

1377 **Мария**, дочь Фридриха III, наследует герцогство.

1386 Завоевание Афин Нерио Аччаджуоли, губернатором Коринфа, в войне за графиню Салону и ее наследство.

Дом Аччаджуоли

1394 **Нерио I** подтверждает свое право на герцогство королем Ладиславом Неаполитанским. Нерио попадает в плен к войскам Наварры и выкупает свою свободу. Смерть Нерио; его внебрачный сын **Антонио** становится преемником. Баязит признает его власть. Афины наслаждаются сорока годами спокойного правления.

1435 г. **Нерио II**, внучатый племянник Нерио I, наследует престол после смерти Антонио. Управление переходит в руки его брата Антонио, пока Нерио находится в Западной Европе.

1443 г. Нерио платит дань деспоту Морей.

1450 Нерио объединяет силы с Мухаммедом II и становится вассалом Османской империи.

1453 Младший сын Нерио наследует престол после смерти отца, а его мать становится регентом.

1455 Мухаммед приказывает передать герцогство **Франко**, племяннику Нерио II.

1456 Мухаммед, обнаружив, что афиняне недовольны Франко, присоединяет герцогство к Османской империи.

К северу от Коринфского перешейка существуют и другие феодальные государства, управляемые лордами Будоницы, Салоны и Негропонта, но подробности их истории неизвестны. Как и Афины, они в конечном итоге входят в состав Османской империи.

КНЯЖЕСТВО АХАЙЯ (1205-1460 гг. н. э.)

1205-1208 **Гийом де Шамплитт**, получивший в качестве своей доли Византийской империи территории на Пелопоннесе, объединяется с Жоффре Вильардуэном, племянником летописца, и за три года завоевывает около половины полуострова, организуя сильное феодальное правительство. Жоффре является его самым важным феодальным вассалом и получает в ленон Каламату.

1210 Гийом возвращается во Францию, оставив управление своим родственником Хью, но после смерти последнего Жоффруа избирается на его место. **Жоффруа** овладевает княжеством. Он укрепляет его всеми возможными способами.

1218 **Жоффруа II** наследует отцу.

1219-1222 Серьезный конфликт Жоффруа с папой. В конце концов отлучение от церкви снимается.

1246 Смерть Жоффруа. Его брат **Гийом Вильардуэн** наследует престол. Он предлагает завершить завоевание Пелопоннеса.

1247 Завоевание Нафплиона с помощью венецианцев из Модона.

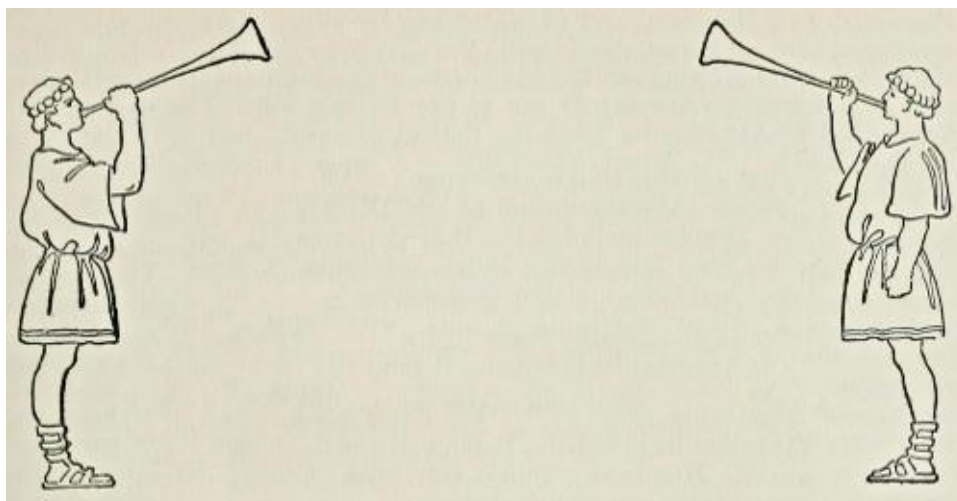
1248 Завоевание Монемиасии. До конца года весь Пелопоннес находится под властью франков.

- 1259 Гийом помогает своему тестю Михаилу II Эпирскому в войне против Михаила VIII Константинопольского. Битва при Пелагонии и пленение Гийома Михаилом VIII.
- 1261 Гийом освобожден в обмен на передачу Михаилу VIII трех крепких городов: Монемвасии, Миситры и Майны.
- Папа Урбан IV освобождает Гийома от обещания не вести войну против Михаила. Война приводит к Морее.
- 1263 Урбан IV выступает посредником между Михаилом и Гийомом.
- 1267 г. Княжество становится зависимым от Неаполитанского королевства, будучи ранее владением румынских императоров.
- 1277 Смерть Гийома. Его дочь **Изабелла** становится преемницей.
- 1278 Смерть мужа Изабеллы Филиппа Анжуйского. **Гийом де ла Рош**, герцог Афинский, правит в течение десяти лет.
- 1291 Изабелла выходит замуж за Флоренца из Эно.
- 1297 Смерть Флоренца и конец последнего периода процветания княжества. Суверенитет Ахайи переходит к Филиппу Тарентскому.
- 1301 Изабелла выходит замуж за Филиппа Савойского.
- 1304 Изабелла и Филипп покидают Грецию в результате споров с вассалами и Филиппом Тарентским.
- 1311 Смерть Изабеллы в Италии. Ее преемницей становится дочь **Мод из Эно**, вдова Ги II Афинского.
- 1313 Мод выходит замуж за Людовика Бургундского.
- 1315 Мод и Людовик отправляются в Грецию. Фердинанд Майоркский претендует на княжество и отправляется его захватывать.
- 1316 Смерть Фердинанда в сражении с Людовиком.
- 1317 Смерть Людовика. Дом Анжу пытается выдать Мод замуж за графа Иоанна Гравина, но обнаруживает, что она уже вышла замуж за Хью де ла Паллиссе. Король Неаполя объявляет этот брак недействительным, и Мод вынуждена пройти церемонию бракосочетания с Иоанном. Затем она попадает в тюрьму и умирает около 1324 года. **Филипп Тарентский** принимает титул князя.
- 1332 год. **Роберт**, титулярный император Румынии, наследует отцу Филиппу титул князя, а его мать Екатерина Валуа становится сюзереном. Джон Гравина по-прежнему оспаривает княжество. Ахейские бароны терпят неудачу в попытке перенести свою верность Константинополю и дону Хайме II Майоркскому.
- 1346 г. После смерти Екатерины Валуа Роберт становится сюзереном Ахайи, а также князем.
- 1364 Смерть Роберта, оставляющего княжество своей вдове **Марии** Бурбонской, сюзеренитет переходит к Филиппу III, титульному императору Румынии. Мария устанавливает свою власть в Греции, но не может удержать эту позицию.
- 1373 Джеймс де Бо становится сюзереном.
- 1387 Мария уходит в отставку в Италию. Она является последним правителем, управлявшим всем княжеством. Ахайя погружается в анархию. Страна опустошена сельджукскими и

османскими турками; стратеги и деспоты из семьи Палеологов, основанной императором Константинополя на территории Мореи, которая была ценой выкупа Вильгельма Вильярдвуэна, постепенно отвоевывают Пелопоннес у французских феодалов. Около 1425 года Мурад II приступает к разрушению византийских владений на Пелопоннесе. После этого османская власть в этой земле неуклонно растет. В 1458 году Мухаммед II посещает Пелопоннес, и в 1460 году он окончательно завоевывает его, за исключением некоторых городов, которые все еще находятся в руках венецианцев. С точки зрения мировой истории, возможно, наиболее важная особенность феодальных государств в Греции была сформулирована Финлеем следующим образом: «Франки правили большей частью Пелопоннеса в течение двух столетий, и введенная ими феодальная система сохранялась в полной силе в течение достаточно долгого времени, чтобы оказать влияние на цивилизованные сообщества, жившие по более простой системе личных прав, заложенной в римском праве, которая была полностью развита. В результате франки были деморализованы, греки обеднели, а Греция была разрушена».

ВЕНЕЦИАНСКИЕ ЗАВОЕВАНИЯ (1207-1566 гг. н. э.)

При разделе Византийской империи республика Венеция получает около трех восьмых всей империи Румынии, но, поскольку ее ресурсы недостаточны для завоевания такой территории, она не предпринимает никаких усилий, чтобы захватить значительную часть своей доли. Мы видели, как часть Фессалии была обменена с Бонифацием Монферратским, а значительная часть земель перешла в руки других авантюристов. Венеция проводит политику, позволяющую ее баронам лично завоевывать определенные территории при условии, что они будут удерживаться в качестве феодалов республики. Таким образом, семьи Дандоло и Виаро захватывают Галлиполи и остров Андрос; Гизи захватывают Тинос, Скирос, Микон и другие острова. Кеос достается Джастиниани и Микикле, Лемнос — Навигайоза, Астипалия — Квирины. Двенадцать островов архипелага, образующих византийскую тему Эгейского моря, захватывает Марк Сандуно. Он вторгается на Наксос около 1207 года. Сандуно и Делла Карчери правят островами, являясь вассалами Румынии и Венеции — это было спокойное правление, в котором, пожалуй, самым важным событием было жестокое вторжение сельджуков на Наксос в 1330 году, — до 1381 года, когда в результате заговора семья Криспо захватывает герцогство. В договоре между Мухаммедом II и Венецией после захвата Константинополя герцоги Архипелага выступают в качестве подданных Венеции. Когда республика и Османская империя вступают в военные действия, герцог Архипелага вынужден стать вассалом Высокой Порты в 1537 году. В 1566 году по жалобе греческих жителей султан Селим II захватывает герцогство и присоединяет его к своей империи, и последнее феодальное владение Румынской империи исчезает.

ГЛАВА I

ПРАВЛЕНИЕ АРКАДИЯ

[395-408 гг. н. э.]

Император Феодосий I умер в Медиолане 17 января 395 года после продолжительной болезни. Несколькими месяцами ранее он нанес поражение в битве при Фригидусе, в ущелье Юлианских Альп, Евгению, второму претенденту на трон во время его правления. Благочестивый монарх встретил смерть иначе, чем его молодые соправители Грациан и Валентиниан II, но так же, как и многие его предшественники. Его жизнь не прервала убийственная сталь наемных претендентов, но, окруженный верными друзьями и последователями и в присутствии почтенного епископа Амвросия, его великая душа покинула тело, изношенное бедами, тревогами и многочисленными сражениями почти непрерывающейся войны. Он умер не старым, так как родился в 346 году и еще не достиг пятидесяти лет, и поэтому, судя по перспективам долголетия, считалось, что он будет править гораздо дольше.

Никогда еще римский мир не переживал более процветающего периода, чем именно тогда, поскольку после поражения Евгения вся Римская империя вновь перешла под единовременное управление одного человека. Феодосий с его двусторонней политикой — открыто приветствовать германцев, вторгающихся в его страну, если они соглашались соблюдать мир и дружбу, или же решительно противостоять их враждебным наступательным действиям — был бы вполне способен еще много лет противостоять перенаселению запада племенами, преследуемыми гуннами; но смерть столь могущественного врага, которого очень боялись даже варвары, стала сигналом к внутреннему восстанию, а также к внешнему бунту.

В разгар всех этих бедствий и бедствий правитель умер, оставив королевство своим двум сыновьям Аркадию и Гонорию, первый из которых был еще юношей, а второй — одиннадцатилетним ребенком. Что касается разделения империи, то все было решено, по крайней мере в отношении Аркадия, поскольку осторожный Феодосий, конечно, не на смертном одре впервые задумался об этом вопросе. Восточная половина, ранее управляемая отцом, была оставлена Аркадию как старшему сыну, в то время как до убийства Валентиниана II часть Запада, вероятно, должна была быть разделена между ним (Валентинианом) и Гонорием.

СРАВНЕНИЕ ДВУХ ИМПЕРИЙ

[395 г. н. э.]

Западная империя состояла из Британии до пограничной стены Адриана, Галлии, Германии до *лимеса трансрэнанус*, Испании, Италии, западной части провинции Иллирик, которая включала Норикум, Паннонию и Далмацию, и граница которой простиралась на юго-восток от устья Сходры (Скутари) через Боснийские горы, вдоль Дрины (Drina) до Савуса (Save), а также всего северного побережья Африки от Атлантического океана до равнины Барка. Восточная половина, завещанная Аркадию, включала Балканский полуостров, ограниченный на севере Дунаем, Малую Азию, Таврический полуостров (Крым), Сирию, Палестину, Египет, Нижнюю Ливию и Пентаполис.

Один взгляд на карту показывает, что площадь западной половины значительно превышала площадь восточной. Действительно, владения Гонория занимали примерно в полтора раза больше территории, чем владения его брата Аркадия. Производительность и плодородие отдельных районов Запада также превосходили Восток; Британия, самая отдаленная часть Западной Римской империи, по сообщению Страбона, поставляла олово с полуострова Корнуолл, зерно и прекрасный скот с равнин юго-востока, а с холмов запада и севера — золото, серебро и руду. Галлы славились разведением свиней и овец, Италия поставляла ткани и маринованное мясо, а равнинные северные и восточные районы производили такое количество зерна, что в конце IV века жители Рима вполне могли обойтись без зерна, поставляемого из Африки, и закупать пшеницу в Галлии. Испания, хотя и не преуспевала в выращивании зерна, с лихвой компенсировала это великолепными винами, которые она производила; реки давали золотой песок, горы — серебро, медь и железо, а море — богатство рыбы.

Африка, благодаря плодородию, которое на протяжении веков наполняло зернохранилища Рима, была настолько густо заселена, что в IV веке в Нумидии было 123 епископства, а в консульской провинции Африка — 170, по сравнению с чем Триполис на границе Сахары значительно отставал. Италия была и остается в гораздо большей степени сельскохозяйственной страной, чем Греция.

Восточная империя, с другой стороны, на первый взгляд отличается замечательным отсутствием равнин и большим количеством гор. Балканский полуостров, например, почти полностью состоит из горных цепей, которые пересекаются и пересекаются таким образом, что очень затрудняют исследование; даже по сей день об этой стране мало что известно. Из-за гористого характера Балканского полуострова только часть земли (из которой сегодня 30 процентов непродуктивны в Турции, но в Греции — 58,9 процента) могла быть возделана. Обширный север был настолько благоприятен для выращивания зерна, особенно в долинах рек, что Фракия когда-то славилась производством лучшей и самой тяжелой пшеницы для экспорта в Грецию; в то время как в самой Греции только Фессалия и Беотия были известны своей сельскохозяйственной почвой, а остальные районы были наиболее подходящими для выпаса скота.

Кроме того, в Малой Азии и на восточном побережье Средиземного моря только часть земель окупает затраты на их возделывание, поскольку только западные долины рек, впадающих в Эгейское море, и северная граница Черного моря дают хорошие урожаи вина,

масла и зерна; ведь побережье Средиземного моря, за исключением богатого района Аданы, не предлагает особо плодородных земель.

Восточная часть Римской империи, хотя и значительно уступала западу не только по размеру, но и по своим продуктам, в других отношениях обладала многими преимуществами, недоступными для Запада. Из-за обширности Западной империи различные города и важные места были широко разбросаны и отделены от главного центра большими расстояниями, что, несомненно, было выгодно недовольным легионам и амбициозным офицерам, желавшим восстать против законного главы государства. Однако обширная территория на северо-западе привела к роковому удлинению восточной границы, охраняемой легко пересекаемыми Рейном и Дунаем.

Восток, напротив, имел единственную береговую линию, ограниченную Средиземным морем, которое было очень оживленным и часто посещаемым морем. Ни один город или поселок не был отделен от других длинными участками суши, поскольку море позволяло войскам из одного гарнизона добраться до другого за несколько дней. Дунай был слабой защитой от варваров, наступавших с севера, а естественная магистраль Баку не вела захватчиков в долину реки, впадающей в Малую Азию, а прямо в Армению, которая, будучи полна ущелий и оврагов, была легко защищаема. Даже в случае вторжения с севера весь Восток, за исключением Египта, представлял бы для врага лишь дикую незаселенную местность.

Не только одинаковый климат и, как следствие, сходство продуктов сближали различные части Востока больше, чем части Запада, но и единое духовное учение и равномерное развитие образования ставили Восток выше Запада. Последний имел перед собой две великие задачи цивилизации — привить религиозные знания жителям северо-западных провинций и ввести католическое христианство, пока им неизвестное. Восток, с другой стороны, состоял исключительно из чистых греков или тех, кто давно научился не только говорить, но и думать по-гречески от своих предков, которые семь веков назад сопровождали Александра в его славном триумфальном походе на Гидасп. Все население давно отвернулось от арианской веры, так что любые различия в толковании догматов теперь принимались во внимание и тщательно обдумывались всеми, богатыми и бедными, от севера до юга.

На Западе, однако, при дворе существовала сильная языческая партия, которая была свергнута лишь внешне с падением Евгения и нуждалась лишь в благоприятном случае, чтобы вновь провозгласить многобожие, даже если это стоило бы им их патриотизма.

Амвросий утверждает, что Феодосий, находясь на смертном одре, был гораздо более озабочен святостью церкви, чем благосостоянием государства, поскольку он и не думал, что две части его империи разделятся и станут двумя мирами с совершенно разной историей. Он умер в твердой вере, что его сыновья и потомки никогда не утратят понимания ценности и важности единства и что каждый из них будет разделять опасности другого.

Благодаря этому две империи оставались едиными, по крайней мере внешне, на протяжении многих веков. Все законы и постановления обеих империй без исключения были подписаны именами двух правителей и до времени Юстиниана составлялись на латинском языке; год, как и сейчас, назывался в честь двух консулов, по одному от каждой части империи.

В Европе к северу от Дуная страна постоянно подвергалась вторжениям, и, следовательно, соседние провинции, такие как Скифия, Мезия Вторая, Дакия Рипенсис и Мезия Первая, имели многочисленные войска, которые находились под командованием дуков. Тридцать один кавалерийский полк, тридцать девять вспомогательных полков, часть которых

состояла из хорошо обученных разведчиков (*exploratores*), тридцать два легиона *riparenses*, три из которых были *exploratores*, и три отряда моряков (*nauclerii*) были расквартированы в многочисленных крепостях, расположенных либо прямо на берегах Дуная, либо как можно ближе к ним, особенно в Новиодунуме, Дуросторуме, Виминациуме, Кебре и Эмпирике Маргусе. Вся активная военная сила, что касается пехоты, состояла из семидесяти легионов, что в сумме составляло армию в 420 000 человек и, таким образом, превосходило турецкую мирную армию в 151 129 человек (в военное время 758 000 человек), которая оккупировала эту территорию в 1885 году.

Поскольку границы страны были так хорошо защищены, можно предположить, хотя информации по этому вопросу очень мало, что у нее был также сильный военно-морской флот. Флот служил для защиты военных транспортов и зерновых судов, а также помогал в перевозке войск и багажа.

Как Восточная, так и Западная империя имели флот на Рейне и Дунае, контролируемый правителями армии в этом районе, но местонахождение баз не может быть указано с точностью.

Оружие для всех сухопутных и морских войск изготавливалось на огромных государственных фабриках, а должность рабочего была наследственной, как и должность декурия. Все находилось под непосредственным контролем магистра официнумов. На Востоке в Дамаске ковали щиты и другое оружие, а в Антиохии — щиты и кольчуги для лошадей и людей. В Одессе изготавливали щиты и предметы, необходимые для оснащения кораблей, а в Иренополисе (Киликия) — копья и пики. Епархия Понта в Кесарии (Каппадокия) поставляла кольчуги и щиты; в Азии была только одна мануфактура по производству оружия, и она находилась в Сардах, в то время как во Фракии для этих же целей было построено много зданий.

ВЕЛИЧИЕ КОНСТАНТИНОПОЛИЯ

Столицей восточных владений, теперь навсегда отделенных от западных, был Константинополь, город, который до сих пор занимал второе место после Рима. Его историю и существование невозможно было бы сравнить с историей и существованием Рима, но благодаря своему отличному положению он был выше его. Константин Великий совершил бы величайшую ошибку, если бы выбрал Сардику, Фессалоники, территорию Илиона или Халкидон, между которыми он некоторое время колебался, в качестве нового Рима Востока, поскольку, какими бы богатыми ни были все эти места, выбор любого из них выглядел бы лишь удовлетворением принцевской прихоти; поскольку Константинополь на проливе Босфор был тогда и всегда будет единственным естественным городом, господствующим над всем Балканским полуостровом, Малой Азией и многочисленными морями и реками, соединяющимися в этом месте.

Где еще можно найти такой город на берегу моря, на который природа так щедро пролила свои дары? Именно отсюда путь ведет через Фессалоники и Диррахиум на Запад; через Филиппополь, Адрианополь, Сардику и вдоль Моравы в сердце Европы; с другой стороны, можно пересечь страну через равнины Малой Азии до великого мегаполиса Антиохии, до Вавилона и еще дальше, прямо к пряностям, жемчугу и драгоценным камням богатой Индии. По морю путь открыт к богатым зерновым районам на побережье Понта, на восток к Трапезунду, Фазису, а еще дальше в этом направлении находится Тифлис с Каспийским морем и Центральной Азией; на юг — к процветающим греческим колониям на западном побережье Малой Азии и мимо Родоса к ценной земле Египта (); и, наконец, на юг — к островному миру в Эгейском море, Афинам и далее на запад Средиземного моря.

Константинополь был особенно подходящим местом для ведения такой гигантской морской торговли, поскольку в глубоко врезанном «Золотом Роге» он обладал одной из самых красивых и наиболее защищенных гаваней, которые только можно найти в мире.

Для пропитания жителей море было богато рыбой, и миллионы тунцов ежегодно проплывали через Мраморное море, где их ловили, солили и коптили. Хотя с годами это богатство рыбы начало уменьшаться, многие люди могли и до сих пор могут зарабатывать на жизнь рыбной ловлей, поскольку помимо этого особого вида рыб ловят также меченосцев, анчоусов и т. д. На суше обитали зайцы, свиньи и фазаны, великолепные перепела и куропатки, а в целом мягкий климат благоприятствовал росту питательных фиг.

ВИЗАНТИЙСКИЙ ИМПЕРАТОР

(По данным Монже)

Хотя в прежние времена окрестности Фракии поставляли достаточно пшеницы для удовлетворения потребностей населения, рост населения теперь требовал большего количества продовольствия, и в страну стали ввозить пшеницу из Понта и Египта.

К сожалению, этот город, в остальном столь совершенный, часто подвергался землетрясениям, иногда сопровождавшимся сильными волнениями на море; но, несмотря на ненадежные фундаменты зданий, особенно крупных и важных, императоры не колебались обогащать город, перестроенный Константином Великим в 330 году, внушительными сооружениями. Поскольку сам Константин, страдавший неизменной страстью к строительству, стремился покрыть землю в радиусе примерно пятнадцати стадий вокруг города зданиями всех возможных видов, последующие императоры не могли оставаться в стороне; и так, вплоть до момента разделения двух империй, резиденции императоров на семи холмах () в четырнадцати департаментах, по образцу Рима, были весьма внушительными.

В первой части, которая занимала восточные точки перешейка, омываемого Золотым Рогом и Босфором, находился великий императорский дворец, который включал в себя, помимо частной резиденции императора с тронным залом и апартаментами, полностью выполненными из порфира, в которых рождались принцы и принцессы, дома всех главных лиц, занимавших должности при дворе, обширные прачечные и множество прекрасных залов, дворов и садов. К нему примыкали другие дворцы, такие как дворец, в котором жила дочь Феодосия Платидия, а также пятнадцать частных бань, снабжаемых горячими источниками Аркадии; через халею с окружающей ее площадью и позолоченным крытым входом вела дорога ко второй части, в которой стояла «великая церковь», построенная Константином и позже перестроенная Юстинианом как собор Святой Софии, а также резиденции сенаторов, все выполненные в лучшем стиле с использованием самого дорогого мрамора. Неискусный Константин велел перенести статуи Зевса Родосского и Афины Линдосской с их первоначальных мест и поставить перед этими зданиями. Наконец, были бани Зексиппа в роще Зевса, достаточно огромные, чтобы ежедневно в них могли купаться две тысячи человек.^b

ВОСТОК И ЗАПАД

Число и важность готских войск в римской армии во время правления Феодосия позволили нескольким их командирам достичь высшего звания; и среди этих офицеров Аларик наиболее выделялся своим будущим величием.

Смерть Феодосия передала управление Восточной империей в руки Руфина, министра Аркадия, а Западной — в руки Стилихона, опекуна Гонория. Несогласованные элементы, составлявшие Римскую империю, начали проявлять все свои несоответствия под руководством этих двух министров. Руфин был гражданским лицом из Галлии и, из-за своих римских привычек, чувств и западных предрассудков, был неприятен грекам. Стилихон был варварского происхождения и, следовательно, столь же неприемлем для римской аристократии, но он был способным и популярным военачальником и с отличием служил как на Востоке, так и на Западе. Поскольку Стилихон был мужем Серены, племянницы и приемной дочери Феодосия Великого, его союз с императорской семьей давал ему необычайное влияние в администрации. Два министра ненавидели друг друга со всей яростью амбиций; не сдерживаемые никаким чувством патриотизма, они были больше заинтересованы в уничтожении своего соперника, чем в служении государству. Большинство чиновников на римской службе, как гражданских, так и военных, были столь же склонны жертвовать любыми общественными обязанностями ради удовлетворения своей алчности или амбиций.

ВОСТАНИЕ АЛАРИКА

В это время Аларик, отчасти из-за разочарования тем, что не получил всех ожидаемых им повышений, а отчасти в надежде заставить правительство Восточной империи согласиться на его условия, покинул императорскую службу и удалился к границам, где собрал достаточно большую армию, чтобы действовать независимо от любой власти. Воспользовавшись спорами между министрами двух императоров и, возможно, подталкиваемый Руфином или Стилихоном к поддержке их интриг, он обосновался в провинциях к югу от Дуная. В 395 году он подошел к стенам Константинополя, но это движение было явно финт, так как он, должно быть, знал о своей неспособности атаковать большой и густонаселенный город, защищаемый мощным гарнизоном и даже в обычное

время получавший большую часть своих припасов по морю. После этой демонстрации Аларик вторгся во Фракию и Македонию и распространил свои грабежи на Фессалию. Руфин был обвинен в содействии вторжению Аларика, и его переговоры с ним в окрестностях Константинополя подтверждают это подозрение. Когда готы обнаружили, что северные провинции истощены, они решили вторгнуться в Грецию и Пелопоннес, которые долгое время наслаждались глубоким спокойствием. Трусливое поведение проконсула Ахайи Антиоха и командующего римскими войсками Геронтия, обоих друзей Руфина, было расценено как подтверждение его измены. Термопилы остались без охраны, и Аларик вторгся в Грецию, не встретив никакого сопротивления.

Разрушения, совершенные армией Алариха, описывались в ужасающих выражениях: деревни и города были сожжены, мужчины убиты, а женщины и дети увезены, чтобы быть проданными готами в рабство. Но даже это вторжение свидетельствует о том, что Греция оправилась от того опустошенного состояния, в котором ее видел Павсаний. Стены Фив были восстановлены, и город находился в таком состоянии обороны, что Аларик не осмелился осаждать его, а поспешил в Афины. Он заключил договор с гражданскими и военными властями, что позволило ему войти в город без сопротивления; его успеху, вероятно, способствовали вероломные договоренности с Руфином и договор с муниципальными властями, который защищал город от грабежей готских солдат; ведь он, по-видимому, действительно оккупировал Афины скорее как лидер федерации, чем как иностранный завоеватель.

Рассказ, записанный Зосимом^{[e](#)} о том, что христианин Аларик был побужден явлением богини Минервы пощадить Афины, опровергается прямыми свидетельствами других писателей, которые упоминают о капитуляции города. В то же время совершенно достоверно установлено, что грабежи Алариха едва ли выходили за рамки обычной свободы действий мятежного полководца. Общественные здания и памятники древнего великолепия не подверглись бессмысленному разрушению во время его визита, но нет сомнений в том, что Аларик и его войска взыскали с города и его жителей тяжелые дани. Афины, очевидно, обязаны своим благоприятным положением состоянию своего населения и, возможно, прочностью своих стен, которые внушали готам некоторое уважение; остальная часть Аттики не избежала обычной участи районов, через которые прошли варвары. Город Элевсин и великий храм Цереры были разграблены, а затем разрушены. Было ли это разрушение делом рук христианских монахов, сопровождавших готское войско и подстёгивавших своих фанатичных арианских последователей отомстить за религию на храмах язычников в Элевсине, поскольку они были вынуждены пощадить святилища в Афинах, или же это было случайным результатом жадного стремления к грабежу или бессмысленной любви к разрушению среди беспорядочной группы солдат, не имеет большого значения. В отряде Алариха было много фанатичных монахов, алчных офицеров и беспорядочных солдат.

Геронтий, который покинул перевал Фермопилы, не принял никаких мер для защиты Коринфского перешейка или трудных перевалов горы Геранион, так что Аларик беспрепятственно вторгся в Пелопоннес и в короткие сроки захватил все города в нем, не встретив никакого сопротивления. Коринф, Аргос и Спарта были разграблены готами. Безопасность, в которой Греция долгое время пребывала, и политика правительства, которая препятствовала развитию независимых институтов, привели к тому, что провинция осталась без защиты, а народ — без оружия. Легкость, с которой Аларик осуществил свое завоевание, и его планы, направленные на то, чтобы закрепиться в империи в качестве императорского чиновника или феодального правителя, сделали поведение его армии не таким, как у явных врагов. Тем не менее, часто случалось, что они опустошали все на своем пути, сжигали деревни и убивали жителей.

Аларик провел зиму на Пелопоннесе, не встретив никакого сопротивления со стороны населения; однако многие греческие города по-прежнему имели муниципальную полицию, которая, несомненно, могла бы выйти на поле боя, если бы имперские чиновники выполняли свой долг и пытались организовать регулярное сопротивление в сельских районах. Умеренность готов и измена римского губернатора, по-видимому, подтверждаются этим обстоятельством. Правительство Восточной империи в начале правления Аркадия впало в такой беспорядок, что даже после убийства Руфина армией новые министры империи почти не заботились о судьбе Греции.

У Гонория был более способный, активный и амбициозный министр в лице Стилихона, и он решил наказать готов за их дерзость, с которой они осмелились обосноваться в империи без императорской власти. Стилихон пытался спасти Фессалию в предыдущем году, но был вынужден вернуться в Италию после того, как достиг Фессалоник, по специальному приказу императора Аркадия, или, вернее, его министра Руфина. Весной 396 года он собрал флот в Равенне и переправил свою армию прямо в Коринф, который, по-видимому, не был укреплен готами и где, вероятно, все еще проживал римский губернатор. Армия Стилихона, при поддержке местных жителей, вскоре очистила открытую местность от готских отрядов, и Аларик собрал остатки своей уменьшившейся армии на возвышенной равнине горы Фолое, которая с тех пор служила местом отступления для северных захватчиков Греции. Стилихон довольствовался оккупацией перевалов своей армией, но его небрежность или ослабленная дисциплина его войск вскоре дали бдительному Алариху возможность сбежать со своей армией, унести всю добычу, которую они собрали, и, совершив форсированный марш, достичь Коринфского перешейка.

[395-396 гг. н. э.]

Аларик успешно провел свою армию в Эпир, где он расположил свои войска, чтобы управлять и грабить эту провинцию, как он и предполагал править Пелопоннесом. Стилихон, как полагают, закрыл глаза на его действия, чтобы сделать свои услуги незаменимыми, оставив опасного врага в самом сердце Восточной империи; но, по-видимому, на самом деле Аларик так умело воспользовался ревностью, с которой константинопольский двор относился к действиям Стилихона, что сумел заключить договор, по которому он был принят на римскую службу, и действительно вошел в Эпир как генерал Аркадия. Стилихону вновь приказали уйти из Восточной империи, и он подчинился, не желая начинать гражданскую войну, преследуя Алариха. Поведение готских войск в Эпире было, пожалуй, столь же дисциплинированным, как и поведение римских легионеров, так что Аларик, вероятно, был принят как защитник, когда он получил назначение главнокомандующим имперскими войсками в восточной Иллирии, которое он занимал в течение четырех лет. В течение этого времени он готовил свои войска к поиску счастья в Западной империи. Военные командиры, будь то римляне или варвары, были одинаково равнодушны к судьбе народа, которого они должны были защищать; и греки, по-видимому, страдали от одинакового угнетения со стороны армий Стилихона и Алариха.

Византийский крестьянин

В результате этой несчастной грабительской экспедиции готов положение европейских греков значительно ухудшилось. Ущерб их имуществу и потери рабов были настолько велики, что исправить это зло можно было только постепенно, при самом лучшем правительстве и полной безопасности их владений. В том плачевном состоянии, в которое пришла Восточная империя, это было безнадежно; и прошло много времени, прежде чем большинство населения Греции вновь достигло того благополучного состояния, в котором Аларик его застал; а некоторые из городов, которые он разрушил, так и не были восстановлены. Разрушение дорог, акведуков, цистерн и общественных зданий, построенных за счет накопления капитала в процветающие и предприимчивые века, было ущербом, который никогда не мог быть возмещен сократившимся и обедневшем населением.

История обычно сохраняет лишь немногие следы разрушений, которые затрагивают только народ, но внезапное бедствие, обрушившееся на Грецию, было настолько велико по сравнению с ее прежним спокойствием, что свидетельства ее страданий можно найти в законах империи. Ее положение вызвало сострадание правительства во время правления Феодосия II. Существует закон, который освобождает города Иллирии от обязанности вносить взносы на расходы публичных зрелищ в Константинополе вследствие страданий, которые причиняли жителям разорения готов и угнетательное правление Алариха. Существует еще один закон, который доказывает, что многие поместья остались без владельцев в результате депопуляции, вызванной готскими вторжениями; а третий закон освобождает Грецию от двух третей обычных взносов правительству вследствие бедности, в которую были ввергнуты ее жители.

Этот несчастный период примечателен как опустошениями, совершенными гуннами в Азии, так и готами в Европе, и знаменует начало быстрого сокращения греческой расы и

упадка греческой цивилизации во всей империи. В то время как Аларик опустошал провинции европейской Греции, армия гуннов с берегов Танаиса проникла через Армению в Каппадокию и распространила свои разрушения на Сирию, Киликию и Месопотамию. Антиохия, наконец, сопротивлялась их нападениям и остановила их продвижение, но они захватили многие важные греческие города и нанесли неисчислимый ущерб населению провинций, в которые они вторглись. Через несколько месяцев они отступили на свои позиции на Палус Меотис, значительно ускорив разрушение самой богатой и густонаселенной части цивилизованного мира.

ЕВТРОПИЙ ЕВНУХ

[396-399 гг. н.э.]

Первые события правления Аркадия и Гонория настолько тесно связаны между собой, что восстание готов и падение Руфина уже заняли свое место в истории Запада.

Евтропий, один из главных евнухов Константинопольского дворца, сменил высокомерного министра, чью гибель он ускорил и чьи пороки вскоре стал подражать. Все сословия государства склонились перед новым фаворитом, и их покорность и раболепие подтолкнули его к нарушению законов и, что еще сложнее и опаснее, к нарушению нравов своей страны. При самом слабом из предшественников Аркадия правление евнухов было тайным и почти незаметным. Они втирались в доверие к принцу, но их видимые функции ограничивались подсобными работами в гардеробной и императорской спальне.

Теперь в сенате, столице и провинциях были воздвигнуты статуи Эвтропия из меди или мрамора, украшенные символами его гражданских и военных достоинств и с надписью с помпезным титулом третьего основателя Константинополя. Он был возведен в ранг патриция, что в народном и даже юридическом понимании означало отца императора; и последний год IV века был осквернен консульством евнуха и раба.

Смелый и энергичный ум Руфина, по-видимому, был движим более кровожадным и мстительным духом; но алчность евнуха была не менее ненасытной, чем алчность префекта. До тех пор, пока он грабил угнетателей, обогатившихся за счет грабежа народа, Эвтропий мог удовлетворять свою алчную натуру без особой зависти или несправедливости; но вскоре его грабежи затронули богатства, приобретенные законным наследованием или похвальным трудом.

Среди генералов и консулов Востока Абунданций имел основания опасаться первых проявлений недовольства Евтропия. Он был виновен в непростительном преступлении, введя этого презренного раба во дворец Константинополя; и в какой-то степени следует отдать должное могущественному и неблагодарному фавориту, который был доволен позором своего благодетеля. Абунданций был лишен своего огромного состояния императорским указом и сослан в Питиус на берегу Эвксинского моря, последней границе римского мира, где он жил, полагаясь на милость варваров, пока после падения Эвтропия не получил более мягкое изгнание в Сидоне во Фоникии.

Для уничтожения Тимазия требовался более серьезный и организованный удар. Этот великий военачальник, главнокомандующий армиями Феодосия, прославился своей доблестью, одержав решительную победу над готами Фессалии, но, следуя примеру своего повелителя, он был слишком склонен наслаждаться роскошью мира и доверять злобным и коварным льстецам. Тимасий пренебрег общественным недовольством, повысив в должности на гнусного приспешника до командира когорты, и заслужил неблагодарность

Баргуса, который был тайно подстрекаем фаворитом обвинить своего покровителя в изменническом заговоре.

Генерал был привлечен к суду перед самим Аркадием, а главный евнух стоял рядом с тронном, подсказывая вопросы и ответы своего повелителя. Но поскольку такая форма суда могла быть сочтена пристрастной и произвольной, дальнейшее расследование преступлений Тимасия было поручено Сатурнину и Прокопию; первый имел консульский ранг, а второй по-прежнему пользовался уважением как тесть императора Валента. Внешний вид справедливого и законного разбирательства поддерживался резкой честностью Прокопия; он с неохотой уступил услужливой ловкости своего коллеги, который вынес приговор несчастному Тимасию. Его огромные богатства были конфискованы от имени императора и в пользу фаворита, а сам он был приговорен к пожизненной ссылке в Оазис, уединенное место посреди песчаных пустынь Ливии (399).

Общественная ненависть и отчаяние отдельных лиц постоянно угрожали или, по крайней мере, казались угрозой личной безопасности Евтропия, а также многочисленных сторонников, которые были привязаны к его состоянию и получили повышение благодаря его продажной благосклонности. Для их взаимной защиты он придумал защиту в виде закона, который нарушал все принципы гуманности и справедливости.

(1) От имени и по полномочию Аркадия постановлено, что все, кто вступит в заговор, либо с подданными, либо с иностранцами, против жизни любого из лиц, которых император считает членами своего собственного тела, будут наказаны смертью и конфискацией имущества.

(2) Такая крайняя суровость, возможно, была бы оправдана, если бы она была направлена только на то, чтобы защитить представителей власти от любого фактического насилия при исполнении их обязанностей. Но все императорские подданные требовали привилегий, или, скорее, безнаказанности, которая защищала их в самые тяжелые моменты их жизни от поспешного, возможно оправданного, недовольства со стороны сограждан; и в результате странного извращения законов одинаковая степень вины и наказания применялась как к частной ссоре, так и к преднамеренному заговору против императора и империи. В эдикте от Аркадий самым категорическим и абсурдным образом заявляет, что в таких случаях измены мысли и действия должны наказываться с одинаковой строгостью; что знание о злонамеренном намерении, если оно не раскрывается немедленно, становится столь же преступным, как и само намерение; и что те опрометчивые люди, которые осмелятся просить о помиловании изменников, сами будут заклеены публичным и вечным позором.

(3) «Что касается сыновей предателей», продолжает император, «хотя они и должны разделить наказание, поскольку, вероятно, повторят грехи своих родителей, тем не менее, благодаря особой мягкости нашей императорской милости, мы пощадим их жизни; но в то же время мы объявляем их неспособными наследовать ни по отцовской, ни по материнской линии, а также получать какие-либо подарки или наследство по завещанию как от родственников, так и от посторонних лиц. Клейменные наследственной позором, лишённые надежды на почести или богатство, пусть они терпят муки бедности и презрения, пока не сочтут жизнь бедствием, а смерть — утешением и облегчением». Такими словами, столь хорошо подходящими для оскорбления чувств человечества, император, или, вернее, его любимый евнух, одобрил умеренность закона, который переносил те же несправедливые и бесчеловечные наказания на детей всех тех, кто поддерживал или не раскрывал эти вымышленные заговоры. Некоторые из самых благородных положений римского права были отменены, но этот указ, удобный и сильный инструмент министерской тирании (), был тщательно включен в кодексы Феодосия и Юстиниана; и те же принципы были

возрождены в современную эпоху для защиты избирателей Германии и кардиналов римской церкви.

Трибигильд Острогот; Падение Эвтропия

[399-400 гг. н. э.]

Однако кроважидные законы, сеявшие ужас среди разоруженного и унылого народа, были слишком слабы, чтобы сдержать смелое предприятие Трибигильда Острогота. Колония этого воинственного народа, основанная Феодосием в одном из самых плодородных районов Фригии, с нетерпением сравнивала медленные плоды трудолюбивого земледелия с успешными грабежами и щедрыми наградами Алариха; а их вождь воспринял как личное оскорбление свой неблагодарный прием во дворце Константинополя.

Мягкая и богатая провинция в сердце империи была потрясена звуками войны, и верный вассал, которого пренебрегали или угнетали, вновь стал пользоваться уважением, как только он вновь обрел враждебный характер варвара. Виноградники и плодородные поля между быстрым Марсиасом и извилистым Меандром были уничтожены огнем; обветшалые стены города обрушились в прах при первом ударе врага; дрожащие жители спаслись от кровавой резни на берегах Геллеспонта; и значительная часть Малой Азии была опустошена восстанием Трибигильда. Его быстрое продвижение было остановлено сопротивлением крестьян Памфилии; и остготы, атакующие в узком проходе между городом Селге, глубоким болотом и скалистыми утесами горы Тавр, были разгромлены с потерей своих самых храбрых войск. Но дух их вождя не был сломлен несчастьем, и его армия постоянно пополнялась толпами варваров и разбойников, желавших заниматься грабежом под более почетными названиями войны и завоевания. Слухи об успехах Трибигильда какое-то время удавалось подавлять страхом или маскировать лестью, но постепенно они начали тревожить и двор, и столицу.

Приближение опасности и упрямство Трибигильда, который отвергал все условия урегулирования, вынудили Эвтропия созвать военный совет. Заявив о своих привилегиях ветерана, евнух доверил охрану Фракии и Геллеспонта готу Гайну, а командование азиатской армией — своему фавориту Леону; эти два генерала по-разному, но эффективно продвигали дело мятежников. Лео, которого из-за его крупного телосложения и тупости ума прозвали Аяксом Востока, бросил свою первоначальную профессию шерсточесателя, чтобы с гораздо меньшим мастерством и успехом заниматься военным делом; его неопределенные действия были причудливо спланированы и выполнены, с незнанием реальных трудностей и боязливым пренебрежением каждой благоприятной возможностью. Опрометчивость остготов привела их в невыгодное положение между реками Мелас и Эвримедон, где они были почти осаждены крестьянами Памфилии; но прибытие императорской армии, вместо того чтобы довершить их уничтожение, дало им возможность спастись и одержать победу. Трибигильд застал врасплох неохраняемый лагерь римлян в темноте ночи; он подкупил большую часть варварских вспомогательных войск и без особых усилий рассеял войска, развращенные ослаблением дисциплины и роскошью столицы.

Смелый сатирик, который дал волю своему недовольству, частично и страстно осуждая христианских императоров, нарушает скорее достоинство, чем правду истории, сравнивая сына Феодосия с одним из тех безобидных и простых животных, которые едва ли чувствуют, что являются собственностью своего пастуха. Однако две страсти, страх и супружеская любовь, пробудили вялую душу Аркадия; он был напуган угрозами победоносного варвара и

поддался нежной красноречивости своей жены Евдоксии, которая, проливая потоки искусственных слез, представила своих маленьких детей отцу и умоляла его о справедливости за реальное или мнимое оскорбление, которое она приписывала дерзкому евнуху. Рука императора была направлена, чтобы подписать приговор Евтропию; магическое заклинание, которое в течение четырех лет связывало принца и народ, мгновенно рассеялось; и восторженные возгласы, которые еще недавно приветствовали заслуги и удачу фаворита, превратились в крики солдат и народа, которые упрекали его в преступлениях и требовали его немедленной казни.

В этот час отчаяния и бедствия его единственным убежищем было святилище церкви, привилегии которой он мудро или кощунственно пытался ограничить; и самый красноречивый из святых, Иоанн Златоуст, наслаждался триумфом защиты поверженного служителя, выбор которого вознес его на церковный престол Константинополя. Архиепископ, взойдя на амвон собора, чтобы его могли ясно видеть и слышать бесчисленные толпы людей обоих полов и всех возрастов, произнес своевременную и трогательную речь о прощении обид и нестабильности человеческого величия. Мучения бледного и испуганного несчастного, который лежал, пресмыкаясь под столом алтаря, представляли собой торжественное и поучительное зрелище; и оратор, который впоследствии был обвинен в оскорблении несчастий Евтропия, старался возбудить презрение, чтобы успокоить ярость народа. Силы человечности, суеверия и красноречия возобладали. Императрица Евдоксия была сдержана своими собственными предрассудками или предрассудками своих подданных от нарушения святыни церкви, а Евтропий был склонен к капитуляции благодаря мягким методам убеждения и клятве, что его жизнь будет пощажена.

Не заботясь о достоинстве своего правителя, новые министры дворца немедленно издали указ, в котором объявляли, что его бывший фаворит опозорил звания консула и патриция, приказали снести его статуи, конфисковать его богатство и приговорить его к пожизненной ссылке на остров Кипр. Презируемый и дряхлый евнух уже не мог вызывать страх у своих врагов; он также не был способен наслаждаться тем, что ему еще оставалось — комфортом мира, уединением и благоприятным климатом. Но их неумолимая месть все еще завидовала ему последним мгновениям его жалкой жизни, и как только Евтропий ступил на берег Кипра, его поспешно отозвали. Тщетная надежда уклониться от обязательств клятвы путем смены места жительства побудила императрицу перенести место его суда и казни из Константинополя в соседний пригород Халкидон. Консул Аврелиан вынес приговор, мотивы которого раскрывают юриспруденцию деспотического правительства. Преступления, которые Евтропий совершил против народа, могли бы оправдать его смерть, но он был признан виновным в том, что запряг в свою колесницу священных животных, которые по своей породе или окраске были зарезервированы для использования исключительно императором.

В то время как происходила эта внутренняя революция, Гайнас открыто отказался от своей верности, объединил свои силы в Тиатире в Лидии с силами Трибигильда и по-прежнему сохранял свое превосходство над мятежным лидером остготов. Союзные армии без сопротивления продвинулись к проливам Геллеспонт и Босфор, и Аркадию было велено предотвратить потерю своих азиатских владений, уступив свою власть и свою личность верующим варварам. Церковь святой мученицы Евфимии, расположенная на возвышенности недалеко от Халкидона, была выбрана местом встречи. Гайнас с почтением поклонился у ног императора, а затем потребовал принести в жертву Аурелиана и Сатурнина, двух министров консульского ранга; их обнаженные шеи были подвергнуты высокомерным мятежником острию меча, пока он не снизошел до того, чтобы даровать им ненадежную и позорную отсрочку. Согласно условиям соглашения, готы были немедленно

перевезены из Азии в Европу, а их победоносный вождь, принявший титул главнокомандующего римскими войсками, вскоре заполнил Константинополь своими войсками и распределил между своими подданными почести и награды империи.

ВИЗАНТИЙСКИЙ СВЯЩЕННИК

В юности Гайнас пересек Дунай как проситель и беглец; его возвышение было делом доблести и удачи, а его неосторожное или вероломное поведение стало причиной его быстрого падения. Несмотря на энергичное сопротивление архиепископа, он настойчиво требовал для своих арианских сектантов владения особой церковью, а гордость католиков была оскорблена публичной терпимостью к ереси. [Император, по требованию Гайнаса, переплавил церковную посуду церкви Апостолов].

[400-401 гг. н. э.]

Каждый квартал Константинополя был наполнен суматохой и беспорядками; варвары с таким жаром смотрели на богатые магазины ювелиров и столы банкиров, покрытые золотом и серебром, что было сочтено разумным убрать эти опасные соблазны из их поля зрения. Они возмутились этой оскорбительной мерой предосторожности, и ночью были предприняты несколько тревожных попыток напасть на императорский дворец и уничтожить его огнем. В этой обстановке взаимной и подозрительной вражды стража и жители Константинополя закрыли ворота и взялись за оружие, чтобы предотвратить или наказать заговор готов. Во время отсутствия Гайны его войска были застигнуты врасплох и подавлены; семь тысяч варваров погибли в этой кровавой бойне. В ярости преследования католики сняли крышу и продолжали бросать горящие поленья, пока не подавили своих противников, которые отступили в церковь или молельню ариан. Гайнас либо не был в курсе заговора, либо был слишком уверен в своем успехе; он был потрясен известием о том, что лучшие силы его армии были бесславно уничтожены, что он сам был объявлен врагом народа и что его соотечественник Фравитта, храбрый и верный союзник, взял на себя руководство войной на море и на суше.

Предприятия мятежника против городов Фракии встретили твердую и хорошо организованную оборону; его голодные солдаты вскоре были вынуждены питаться травой, которая росла на окраине укреплений; и Гайнас, тщетно сожалея о богатстве и роскоши Азии, принял отчаянное решение форсировать Геллеспонт. У него не было кораблей, но леса Херсонеса давали материал для плотов, и его бесстрашные варвары не отказались довериться волнам. Но Фравитта внимательно следил за ходом их предприятия. Как только они достигли середины реки, римские галеры, движимые всей силой весел, течения и благоприятного ветра, устремились вперед в плотном порядке и с непреодолимой силой; и Геллеспонт покрылся обломками готского корабля.

После разрушения своих надежд и потери многих тысяч своих самых храбрых воинов Гайнас, который больше не мог претендовать на управление или порабощение римлян, решил вернуться к независимому дикому образу жизни. Легкий и подвижный отряд варварской конницы, освобожденный от пехоты и обоза, мог за восемь или десять дней пройти триста миль от Геллеспонта до Дуная. Этот план был тайно доведен до сведения национальных войск, которые посвятили себя судьбе своего вождя; и прежде чем был дан сигнал к отправлению, большое число провинциальных вспомогательных войск, которых он подозревал в привязанности к своей родине, было вероломно убито.

Но на помощь империи пришел грозный союзник, чтобы защитить ее величие и охранить мир и свободу Скифии. Превосходящие силы Улдина, царя гуннов, противостояли продвижению Гайны; враждебная и разрушенная страна не позволяла ему отступить; он презирал капитуляцию и, после неоднократных попыток прорваться через ряды врага, был убит вместе со своими отчаянными последователями на поле битвы. Через одиннадцать дней после морской победы в Геллеспонте голова Гайнаса, бесценный дар завоевателя, была принята в Константинополе с самыми щедрыми выражениями благодарности, а общественное освобождение отпраздновали фестивалями и иллюминацией. Триумфы Аркадия стали предметом эпических поэм, и монарх, больше не угнетаемый враждебными страхами, смирился с мягким и абсолютным господством своей жены, прекрасной и коварной Евдоксии, которая запятнала свою славу преследованием святого Иоанна Златоуста.

СВЯТОЙ ИОАНН ЗЛАТОУСТ

Родившийся в знатной и богатой семье в столице Сирии, Златоуст был воспитан заботливой матерью под руководством самых искусных учителей. Его набожность вскоре побудила его отказаться от прибыльной и почетной профессии юриста и уединиться в соседней пустыне, где он шесть лет подчинял плотские страсти суровым покаяниям. Недуги заставили его вернуться в общество людей, но даже в кругу своей семьи, а затем и на архиепископском престоле Златоуст продолжал практиковать монашеские добродетели. Обильные доходы, которые его предшественники тратили на пышность и роскошь, он усердно направлял на создание больниц; и множество людей, которых поддерживала его благотворительность, предпочитали красноречивые и назидательные речи своего архиепископа развлечениям в театре или цирке.

Пастырская деятельность архиепископа Константинополя вызвала и постепенно объединила против него два вида врагов: амбициозное духовенство, завидовавшее его успеху, и упрямых грешников, обиженных его упреками. [Проповеди Златоуста с амвона собора Святой Софии о деградации христиан нашли свое самое суровое применение в придворных кругах, где значительная доля вины приходилась на относительно небольшое число преступников.] Тайное недовольство двора поощряло недовольство духовенства и монахов Константинополя, которые были слишком поспешно реформированы горячим рвением своего архиепископа. Он осудил с амвона домашних женщин духовенства Константинополя, которые под видом служанок или сестер давали постоянный повод либо для греха, либо для скандала.

Молчаливые и уединенные аскеты, отрекшиеся от мира, заслуживали самого горячего одобрения Златоуста; но он презирал и осуждал, как позор их святого призвания, толпу развращенных монахов, которые из каких-то недостойных побуждений удовольствия или выгоды так часто наводняли улицы столицы. К голосу убеждения архиепископ был вынужден добавить ужасы власти; и его рвение в осуществлении церковной юрисдикции не всегда было свободно от страсти; оно также не всегда руководствовалось благоразумием. Златоуст был по натуре холериком. Хотя он боролся, согласно заповедям Евангелия, чтобы любить своих личных врагов, он позволял себе ненавидеть врагов Бога и церкви; и его чувства иногда выражались с чрезмерной энергией в мимике и интонации.

Осознавая чистоту своих намерений и, возможно, превосходство своего гения, архиепископ Константинополя расширил юрисдикцию имперского города, чтобы увеличить сферу своего пастырского труда; и поведение, которое неверующие приписывали амбициозным мотивам, самому Златоусту казалось священным и незаменимым долгом. Во время своего визита в азиатские провинции он сместил тринадцать епископов Лидии и Фригии и неосторожно заявил, что глубокая коррупция, симония и разврат заразили весь епископский сан. Если эти епископы были невиновны, то такое опрометчивое и несправедливое осуждение должно было вызвать вполне обоснованное недовольство. Если же они были виновны, то многочисленные соучастники их вины вскоре обнаружили бы, что их собственная безопасность зависит от гибели архиепископа, которого они старались представить как тирана Восточной церкви.

Этим церковным заговором руководил Феофил, архиепископ Александрийский, активный и амбициозный прелат, который демонстрировал плоды грабежа в памятниках роскоши. Его национальная неприязнь к растущему величию города, который понизил его со второго на третье место в христианском мире, была усугублена некоторыми личными спорами с самим Златоустом. По частному приглашению императрицы Феофил прибыл в

Константинополь с отрядом египетских моряков, чтобы противостоять населению, и сопровождением зависимых епископов, чтобы обеспечить большинство голосов на синоде.

[403-404 гг. н. э.]

Синод был созван в пригороде Халкидона, прозванном Дубом, где Руфин построил величественную церковь и монастырь; его работы продолжались в течение четырнадцати дней или сессий. Епископ и диакон обвинили архиепископа Константинополя, но легкомысленный или невероятный характер сорока семи статей, которые они представили против него, можно справедливо считать честной и безупречной похвалой. Хризостому было направлено четыре последовательных вызова, но он по-прежнему отказывался доверять свою личность или репутацию своим непримиримым врагам, которые, благоразумно отказавшись от рассмотрения каких-либо конкретных обвинений, осудили его непокорное неповиновение и поспешно вынесли приговор о смещении с должности. Синод Дуба немедленно обратился к императору с просьбой утвердить и исполнить их приговор и милосердно намекнул, что смелый проповедник, который под именем Иезавели оскорблял саму императрицу Евдоксию, может быть подвергнут наказанию за измену. Архиепископ был грубо арестован и проведен через город одним из императорских гонцов, который после короткого плавания высадил его у входа в Эвксинский залив; но через два дня он был с честью отозван.

Первое удивление его верных последователей было безмолвным и пассивным; но вдруг они поднялись с единодушной и непреодолимой яростью. Феофил бежал, но разнородная толпа монахов и египетских моряков была безжалостно убита на улицах Константинополя. Своевременное землетрясение оправдало вмешательство небес; поток мятежа прокатился к воротам дворца, и императрица, взволнованная страхом или угрызениями совести, бросилась к ногам Аркадия и признала, что общественную безопасность можно обеспечить только восстановлением Златоуста.

Короткий перерыв в вероломном перемирии был использован для согласования более эффективных мер по дискредитации и уничтожению архиепископа. Многочисленный совет восточных прелатов, которые на расстоянии руководствовались советами Феофила, подтвердил действительность прежнего приговора, не рассматривая его справедливость, и в город был введен отряд варварских войск, чтобы подавить волнения народа. В канун Пасхи торжественное крещение было грубо прервано солдатами, которые нарушили скромность обнаженных катехуменов и своим присутствием осквернили священные таинства христианского богослужения. Арсаций занял церковь Святой Софии и архиепископский престол. Католики отступили в бани Константина, а затем в поля, где их по-прежнему преследовали и оскорбляли стражники, епископы и магистраты. Роковой день второго и последнего изгнания Златоуста был отмечен пожаром собора, здания сената и прилегающих построек; и это бедствие было приписано, без доказательств, но не без вероятности, отчаянию преследуемой фракции.

Вместо того, чтобы прислушаться к его скромной просьбе разрешить ему поселиться в Кизике или Никомедии, неуступчивая императрица назначила местом его изгнания отдаленный и пустынный город Кукус, расположенный среди горных хребтов Таврской горы в Малой Армении. Тайная надежда заключалась в том, что архиепископ погибнет в трудном и опасном семидесятидневном походе в летнюю жару через провинции Малой Азии, где ему постоянно угрожали враждебные нападения исаврийцев и еще более неумолимая ярость монахов. Однако Златоуст благополучно прибыл в место своего заключения, и три года, которые он провел в Кукусе и соседнем городе Арабиссе, стали последними и самыми славными в его жизни. Его характер был освящен отсутствием и

преследованиями; о недостатках его управления больше не вспоминали, но все повторяли похвалы его гению и добродетели, и уважительное внимание христианского мира было приковано к пустынному месту среди гор Тавр.

[404-408 гг. н. э.]

Из этой уединенности архиепископ, чей активный ум был ободрен несчастьями, поддерживал строгую и частые переписку с самыми отдаленными провинциями; призывал отдельные общины своих верных последователей к стойкости в своей преданности; настаивал на разрушении храмов Финикии и искоренении ереси на острове Кипр; распространял свою пастырскую заботу на миссии в Персии и Скифии; через своих послов вел переговоры с римским понтификом и императором Гонорием; и смело апеллировал от частичного синода к верховному трибуналу свободного и общего собора. Ум прославленного изгнанника по-прежнему оставался независимым, но его плененное тело было подвержено мести угнетателей, которые продолжали злоупотреблять именем и авторитетом Аркадия. Был отправлен приказ о немедленном перемещении Златоуста в крайнюю пустыню Пителиус; и его стражи так верно выполнили свои жестокие инструкции, что, не дойдя до побережья Эвксинского моря, он скончался в Комане, в Понте, в шестидесятом году своей жизни. Следующее поколение признало его невиновность и заслуги. Архиепископы Востока, которые могли краснеть от того, что их предшественники были врагами Златоуста, постепенно, под влиянием твердости римского понтифика, были склонны восстановить честь этого почтенного имени. По благочестивой просьбе духовенства и народа Константинополя, через тридцать лет после его смерти, его мощи были перенесены из их неизвестного захоронения в царский город. Император Феодосий вышел навстречу им в Халкидон и, пав ниц перед гробом, умолял от имени своих виновных родителей, Аркадия и Евдоксии, о прощении обиженного святого. Однако можно усомниться в том, что какое-либо пятно наследственной вины могло перейти от Аркадия к его преемнику. Евдокия была молодой и красивой женщиной, которая предавала себя страстям и презирала своего мужа; граф Иоанн пользовался, по крайней мере, доверием императрицы, и народ называл его настоящим отцом Феодосия Младшего. Однако рождение сына было воспринято благочестивым мужем как событие, принесшее счастье и честь ему самому, его семье и всему восточному миру. Менее чем через четыре года после этого Евдокия, в расцвете молодости, умерла от последствий выкидыша (404 г.), а еще через четыре года (в мае 408 г.), после правления (если можно так сказать) тринадцать лет, три месяца и пятнадцать дней, Аркадий скончался во дворце Константинополя. Невозможно охарактеризовать его характер, поскольку в период, очень богато снабженный историческими материалами, не удалось найти ни одного поступка, который действительно принадлежал бы сыну великого Феодосия.^d

ГЛАВА II.

ПРАВЛЕНИЕ ФЕОДОСИЯ МЛАДШЕГО ДО ВОЗВЫШЕНИЯ ЮСТИНИАНА [408-527 гг. н. э.]

[408-444 гг. н. э.]

Аркадий был сменин своим сыном Феодосием, который на момент смерти отца был еще ребенком. Римский мир был глубоко заинтересован в образовании своего правителя. Был разумно организован регулярный курс обучения и занятий: военные упражнения по верховой езде и стрельбе из лука; гуманитарные науки: грамматика, риторика и философия; самые искусные учителя Востока амбициозно добивались внимания своего королевского ученика, и в дворец были приглашены несколько знатных юношей, чтобы подстегнуть его усердие соперничеством в дружбе. Пульхерия в одиночку выполняла важную задачу обучения своего брата искусству управления, но ее наставления могут вызвать некоторые подозрения относительно степени ее способностей или чистоты ее намерений.^[1]

Но Феодосий никогда не стремился поддерживать вес и славу своего прославленного имени; и вместо того, чтобы стремиться подражать своим предкам, он деградировал (если мы можем позволить себе оценивать степень неспособности) ниже слабости своего отца и дяди. Аркадий и Гонорий пользовались опекой родителя, чьи уроки подкреплялись его авторитетом и личным примером. Но несчастный принц, родившийся в пурпуре, должен оставаться чужим для голоса истины; и сын Аркадия был обречен провести всю свою жизнь в вечном детстве, окруженный лишь раболепной свитой женщин и евнухов. Обильное свободное время, которое он приобрел, пренебрегая основными обязанностями своей высокой должности, было заполнено праздными развлечениями и бесполезными занятиями. Охота была единственным активным занятием, которое могло выманить его за пределы дворца; но он усердно трудился в механических занятиях живописи и резьбы; и изящество, с которым он переписывал религиозные книги, дало римскому императору право на необычное прозвище Каллиграф, или красивый писатель.

Отделенный от мира непроницаемой завесой, Феодосий доверял людям, которых любил; он любил тех, кто был привычен развлекать и льстить его лени, и, поскольку он никогда не просматривал документы, представляемые на королевскую подпись, от его имени часто совершались акты несправедливости, наиболее противоречащие его характеру. Сам император был целомудрен, умерен, великодушен и милосерден; но эти качества, которые заслуживают названия добродетелей только тогда, когда они подкреплены мужеством и регулируются благоразумием, редко приносили пользу, а иногда оказывались вредными для человечества. Его ум, ослабленный королевским воспитанием, был угнетен и деградирован низким суеверием; он постился, пел псалмы, слепо принимал чудеса и

доктрины с , которыми постоянно питалась его вера. Он благочестиво поклонялся мертвым и живым святым католической церкви.

История о прекрасной и добродетельной девушке, возвышенной из частного положения на императорский трон, могла бы считаться невероятной романтической выдумкой, если бы такая романтическая выдумка не подтвердилась в браке Феодосия. Знаменитая Афинаида была образована своим отцом Леонтием в религии и науках греков; и настолько благоприятным было мнение, которое афинский философ имел о своих современниках, что он разделил свое наследство между двумя сыновьями, завещав дочери небольшое наследство в сто золотых монет, в живой уверенности, что ее красота и достоинства будут достаточным приданым. Ревность и скупость братьев вскоре вынудили Афинаиду искать убежища в Константинополе и, надеясь на справедливость или благосклонность, броситься к ногам Пульхерии. Эта мудрая принцесса выслушала ее красноречивую жалобу и тайно предназначила дочь философа Леонтия в будущие жены императору Востока, которому к тому времени исполнилось двадцать лет.

Афинаида, которую легко убедили отказаться от заблуждений язычества, при крещении получила христианское имя Евдокия; но осторожная Пульхерия не давала ей титул августы, пока жена Феодосия не доказала свою плодовитость рождением дочери, которая пятнадцать лет спустя вышла замуж за императора Запада. Братья Евдокии с некоторым беспокойством подчинились ее императорскому приказу, но, поскольку она легко прощала их счастливую недоброжелательность, она потакала нежности, а может быть, и тщеславию сестры, повысив их до ранга консулов и префектов. В роскоши дворца она по-прежнему культивировала те искренние искусства, которые способствовали ее величию, и мудро посвятила свои таланты чести религии и своему мужу. Евдокия сочинила поэтическую парафразу первых восьми книг Ветхого Завета и пророчеств Даниила и Захарии; центоний стихов Гомера, примененный к жизни и чудесам Христа, легенду о святом Киприане и панегирик персидским победам Феодосия; и ее сочинения, которые были встречены с восторгом в век рабского поклонения и суеверий, не были презираемы беспристрастной критикой.

[420-460 гг. н. э.]

Любовь императора не ослабевала со временем и властью; и Евдокия, после замужества своей дочери, получила разрешение исполнить свои благодарственные обеты торжественным паломничеством в Иерусалим. Ее показное путешествие по Востоку может показаться несовместимым с духом христианского смирения. Но это паломничество стало роковым концом славы Евдокии. Насытившись пустой пышностью и, возможно, забыв о своих обязательствах перед Пульхерией, она амбициозно стремилась к правлению Восточной империей; дворец был потрясен женскими раздорами, но в конце концов победу одержала сестра Феодосия, обладавшая большим влиянием.

Как только императрица поняла, что любовь Феодосия безвозвратно утрачена, она попросила разрешения удалиться в отдаленную и уединенную обитель Иерусалима (). Ее просьба была удовлетворена, но ревность Феодосия или мстительный дух Пульхерии преследовали ее и в последнем убежище. Остаток своей жизни, около шестнадцати лет, Евдокия провела в изгнании и поклонении Богу; приближение старости, смерть Феодосия, несчастья ее единственной дочери, которую увезли из Рима в Карфаген, и общение со святыми монахами Палестины незаметно укрепили религиозный настрой ее души. После полного опыта превратностей человеческой жизни дочь философа Леонтия скончалась в Иерусалиме в шестьдесят седьмом году своей жизни, до последнего вздоха утверждая, что она никогда не преступала границ невинности и дружбы (460).^[2]

Кротовый ум Феодосия никогда не был охвачен жадой завоеваний или военной славы, и небольшая тревога, вызванная персидской войной, едва ли нарушила спокойствие Востока. Мотивы этой войны были справедливыми и благородными. В последний год правления персидского царя Дездегерда епископ, стремившийся к венцу мученичества, разрушил один из храмов огня в Сузах. Его рвение и упрямство обернулись местью со стороны его братьев: маги развязали жестокие гонения, а нетерпимое рвение Дездегерда подражал его сын Варанес, или Бахрам, вскоре вступивший на престол. Некоторых христианских беженцев, которые сбежали к римской границе, строго требовали выдать, но им великодушно отказали; и этот отказ, усугубленный торговыми спорами, вскоре разжег войну между соперничающими монархиями. Горы Армении и равнины Месопотамии были заполнены враждующими армиями, но две последовательные кампании не принесли никаких решающих результатов.

Было торжественно ратифицировано столетнее перемирие, и хотя революция в Армении могла угрожать общественному спокойствию, основные условия договора соблюдались в течение почти восьмидесяти лет преемниками Константина и Артаксеркса.^b

Прежде чем перейти к теме прихода гуннов, следующий отрывок из книги Дж. Б. Берри *«История поздней Римской империи»* поможет читателю понять, почему варварские вторжения оказали столь различное влияние на восточную и западную части империи.^a

«Когда мы читаем летописи правления Феодосия II, сначала создается впечатление, что это был период, в котором произошло мало важных событий, хотя и изобилующий любопытными историями. Вторжения Атилы и Вселенский собор в Эфесе — единственные факты, которые, кажется, выделяются в летописях, в то время как они полны историй и интересных черт, которые привлекают воображение, таких как жизнь Афинаиды, мученичество Гипатии, монашеская жизнь императорских поклонниц Пульхерии и ее сестер, история пробуждения семи спящих — молодых святых, которые во время правления Деция уснули в пещере. Но при более глубоком изучении мы приходим к выводу, что это был период огромной важности, период, когда империя переживала жизненный кризис.

«Непредвзятому наблюдателю во время правления Аркадия могло показаться, что восточные части империи обречены на быстрый упадок. Человек, обладающий проницательностью Синезия, мог бы посчитать невозможным, что она просуществует еще восемьсот лет, учитывая угрожающие массы варваров, окружавшие ее, коррупцию и расколы в императорском дворе, угнетение подданных и все зло, на которое Синезий фактически указывал. Ведь с началом V века для всей империи наступил критический момент (). В конце того же века мы видим, что в то время как западная половина не выдержала испытания, восточная половина успешно преодолела кризис и все опасности; мы видим, что в Новом Риме правили сильные и мудрые императоры, склонные облегчить бремя подданных, а при дворе царила атмосфера, отличная от той, что была во времена Аркадия.

«Значение правления Феодосия II заключается в том, что оно было переходным этапом от двора Аркадия к двору устойчивых реформаторов во второй половине века и сочетало в себе черты обоих. Эта двойственность является его особенностью. Феодосий был слаб, как и его отец, но не настолько слаб, и, похоже, он больше извлек пользу из своего образования. Сенат эффективно борется с безответственным чиновничеством, и хотя мы слышим, что во времена Пульхерии существовали продажность и коррупция, происходит значительное улучшение. В хрониках мы не слышим много о сенате, все приписывается Пульхерии или Феодосию; но слова Сократа о том, что император был очень любим «сенатом и народом», значимы, и нет сомнения, что столь восхваляемая мудрость регентства Пульхерии заключалась в мудрости сената, который она поддерживала. И хотя к концу правления

власть принадлежала евнухам, сенат не утратил завоеванных позиций; дух его управления и линия его политики были продолжены последующими императорами, и он благополучно провел государство через самый важный период, который оказался роковым для целостности западных провинций.

«Двумя наиболее важными деяниями Феодосия были основание университета в Константинополе и составление кодекса, названного в его честь. Открытие университета было важной мерой для византийской жизни и свидетельствовало о просвещенности правления Феодосия. Оно было призвано заменить университет в Афинах, центр язычества, и тем самым способствовать делу христианства.

В 429 году Феодосий решил составить сборник всех конституций, изданных «прославленным Константином, божественными императорами, которые сменили его, и нами самими». Новый свод законов должен был быть составлен по образцу кодексов Григория и Гермогена, и выполнение этой работы было поручено комиссии из девяти человек, среди которых был Апеллес, профессор права в новом университете. В 438 году работа была завершена и опубликована».^e

ГУННЫ

[175-375 гг. н. э.]

Вопрос о расовом происхождении гуннов вызвал множество споров. Различные авторы связывали их с монголами, турками, уграми и т. д., но до сих пор не достигнуто согласия, которое позволило бы поставить этот вопрос на прочную основу.^a

История гуннов обычно начинается с рассказов Аммиана Марцеллина и Иордана, но в Европе они были известны и раньше. Птолемей (175-182 гг. н. э.) упоминает чуннов между бастарнами и роксоланами и помещает их на Днепре, но Шафарик предполагает, что это может быть вставкой; см. *Slavische Alterthümer*, 1-322. Дионисий Перриегет, около 200 г. н. э., называет их среди народов, проживающих на берегах Каспийского моря, в следующем порядке: скифы, гунны, каспийцы, албаны.

[375-451 гг. н. э.]

В 374 или 375 году гунны совершили свое первое действительно важное вторжение в Европу. Иорданес сообщает нам, что их вождь звался Баламиром, или, как указывают некоторые рукописи, Баламбером; см. Тьерри, *«История Аттилы и его преемников»*, стр. 617. Аммиан рассказывает нам, что гунны, возбужденные неудержимым желанием грабить чужие владения, продолжали разорять и убивать все соседние народы, пока не дошли до аланов. Напав на них и разгромив их, они взяли их на службу, а затем приступили к вторжению в империю остготов, или гутунгов, правителем которой был Германрик. Потерпев поражение в двух сражениях с ними, Германрик покончил жизнь самоубийством. Его сын Витимир продолжил борьбу, но также был разгромлен и убит в бою, и остготы стали подчиняться гуннам. Последние теперь двинулись к Днестру, на берегах которого жили вестготы, или тервинги. Атанарик, король последних, принял серьезные меры предосторожности, но, тем не менее, был застигнут врасплох гуннами, которые ночью переправились через реку, внезапно напали на его лагерь и нанесли ему сокрушительное поражение. Теперь он попытался возвести линию укреплений между Прутом и Дунаем, за которой можно было бы найти убежище (), но был покинут большей частью своих подданных, которые под командованием Алавива перешли Дунай и с разрешения императора Валента поселились во Фракии.

Гунны теперь заняли страну, освобожденную готами; они фактически унаследовали империю Гермарики и, по-видимому, подчинили себе различные народы, которыми он правил. В течение пятидесяти лет они не беспокоили римский мир своими вторжениями, а довольствовались покорением различных племен, живших к северу от Дуная, в Сарматии и Германии. Многие из них, по сути, поступили на службу к римлянам. Так, в 405 году один из королей гуннов, Хулдин, помог Гонорию в его борьбе против вестготов Радагайса.

По словам Тьерри, во время регентства Плацидии на римской службе находилось шестьдесят тысяч гуннов. Между тем, хотя они и не нападали на Рим напрямую, гунны постепенно вытесняли племена Германии, свевов, вандалов, аланов и т. д. за Рейн и постепенно продвигались по долине Дуная. В 407 году они появились под предводительством своего вождя Октара в долине Рейна и сражались с бургундами на Майне [см. Тьерри]. Этот Октар был братом Мундзука, отца Атилы; у них было еще два брата, Абарре и Руас, которые разделили между собой большую часть гуннских племен.

Последний стал известным правителем и, как и многие другие, утратил свою репутацию из-за более удачливого преемника. Он был другом Аэция. Император Феодосий II выплачивал ему ежегодную стипендию в размере 350 фунтов золота и сделал его римским генералом. Эти добрые отношения были нарушены тем, что римляне дали убежище некоторым восставшим гуннским племенам: аннульдури, итимари, тоносури и боиси (согласно Приску, цитируемому Тьерри), той же конфедерации, которая, как я уже упоминал по Иордану, первой пересекла Меотис. Эта ссора привела к отправке послов, которые прибыли после смерти Руаса и были приняты его племянниками Атилой и Бледой.

В 448 году Атила завоевал Акацири Унни, говорит Приск, еще одно гуннское содружество на Понте, которое впоследствии возродилось под названием хазар. Уничтожив их вождей, за исключением одного по имени Куридах, он поставил над ними своего сына Эллаха. Затем он приступил к покорению различных славянских и германских племен, которые все еще оставались независимыми, распространив свои завоевания на Баттик. Затем последовала долгая и в целом победоносная борьба, которую он вел против Рима и которая завершилась страшной битвой на Каталаунских полях ⁴ [Шалон, в которой был убит Теодорих I, король вестготов].

АММИАН МАРКЕЛЛИН ОПИСЫВАЕТ ГУННОВ

Они никогда не укрываются под крышами домов, но избегают их, как люди обычно избегают могил, как вещей, непригодных для обычного использования. Среди них не найти даже хижины, крытой тростником: они бродят, скитаются по горам и лесам и с самого детства привыкают терпеть мороз, голод и жажду. И даже когда они находятся за пределами своего дома, они никогда не входят в дом, если только их не вынуждает к этому крайняя необходимость; более того, они не считают людей, живущих под крышей, такими же безопасными, как другие.

Они носят льняную одежду или одежду из шкур полевых мышей; они не носят на улице другую одежду, кроме той, которую носят дома; но после того, как туника однажды надета на шею, как бы она ни изнасилась, ее никогда не снимают и не меняют, пока она от долгого износа не станет настолько рваной, что развалится на куски.

Они покрывают головы круглыми шапками, а свои мохнатые ноги — кожами козлят; их обувь не делается на колодках, а настолько неформенна, что мешает им ходить свободной походкой. По этой причине они не очень подходят для пехотных сражений, но почти всегда

находятся верхом на лошадях, которые у них некрасивые, но выносливые; а иногда они даже сидят на них как женщины, если хотят сделать что-то более удобно. В целом народе нет ни одного человека, который не мог бы оставаться на лошади днем и ночью. Верхом на лошадях они покупают и продают, едят и пьют, и там, на узкой шее своего скакуна, они откидываются назад и погружаются в такой глубокий сон, что могут наслаждаться самыми разнообразными снами.

А когда нужно обсудить какой-то важный вопрос, они все собираются на совет верхом на лошадях. Они не подчиняются власти короля, но довольствуются нерегулярным правлением своих дворян и под их руководством пробиваются через все препятствия.

Иногда, когда их провоцируют, они сражаются; и когда они вступают в бой, они формируют сплоченный отряд и издают всевозможные ужасающие крики. Они очень быстры в своих действиях, чрезвычайно скоростны и любят удивлять своих врагов. С этой целью они внезапно рассеиваются, затем вновь объединяются и, нанеся врагу огромные потери, снова рассеиваются по всей равнине в нерегулярных формациях, всегда избегая фортов и укреплений.

И в одном отношении их можно назвать самыми грозными из всех воинов, потому что на расстоянии они используют различные метательные снаряды с заостренными костями вместо обычных наконечников копьев, и эти кости замечательно закреплены в древке копья или стрелы; но когда они находятся в непосредственной близости, они сражаются мечом, не заботясь о своей безопасности; и часто, пока их противники отражают их удары, они опутывают их скрученными веревками, так что, будучи скованными по рукам, те теряют всякую возможность ехать верхом или ходить.

Никто из них не пашет и даже не прикасается к ручке плуга, потому что у них нет постоянного места жительства, они бездомны и незаконны, вечно кочуют со своими повозками, которые служат им домом; по сути, они кажутся народом, всегда находящимся в бегах. Их жены живут в этих повозках и там ткут свою убогую одежду; там же они спят со своими мужьями и воспитывают своих детей до достижения ими половой зрелости; и если их спросить, ни один из них не сможет сказать, где он родился, поскольку он был зачат в одном месте, родился в другом, находящемся на большом расстоянии, и воспитывался в еще более отдаленном.⁴

АТТИЛА, ЦАРЬ ГУННОВ

[375-434 гг. н. э.]

Западный мир был угнетен готами и вандалами, которые бежали от гуннов, но достижения самих гуннов не соответствовали их мощи и процветанию. Их победоносные орды распространились от Волги до Дуная, но общественная сила была истощена раздорами между независимыми вождями; их доблесть бездельно расходовалась на малозначительные и грабительские походы; и они часто унижали свое национальное достоинство, соглашаясь, в надежде на добычу, вступать под знамена своих беглых врагов. Во время правления Аттилы гунны вновь стали ужасом всего мира; и мы теперь опишем характер и действия этого грозного варвара, который поочередно оскорблял и вторгался на Восток и Запад и ускорил быстрое падение Римской империи.

В потоке эмиграции, который стремительно катился от границ Китая до границ Германии, самые могущественные и многочисленные племена обычно находились на

границе римских провинций. Накопленный груз некоторое время удерживался искусственными барьерами, а легкомысленная снисходительность императоров привлекала, но не удовлетворяла, наглые требования варваров, которые приобрели жадный аппетит к роскоши цивилизованной жизни. Венгры, которые с гордостью включают имя Атиллы в число своих родных королей, могут с полной уверенностью утверждать, что орды, подчинявшиеся его дяде Роасу (Руасу) или Ругиласу, разбили свои лагеря в пределах современной Венгрии, в плодородной стране, которая щедро удовлетворяла потребности народа охотников и пастухов.

В этом выгодном положении Ругилас и его доблестные братья, которые постоянно укрепляли свою власть и репутацию, диктовали два империи выбор между миром и войной. Его союз с западными римлянами был укреплен личной дружбой с великим Аэтием, который всегда был уверен, что в лагере варваров его ждет гостеприимный прием и мощная поддержка. По его просьбе и от имени узурпатора Иоанна шестьдесят тысяч гуннов продвинулись к границам Италии; их поход и отступление были одинаково дорогостоящими для государства, и благодарная политика Аэция оставила владение Паннонией его верным союзникам.

Римляне Востока не менее опасались оружия Ругиласа, которое угрожало провинциям и даже столице. Некоторые церковные историки уничтожили варваров молнией и мором, но Феодосий был вынужден прибегнуть к более скромному средству, оговорив ежегодную выплату 350 фунтов золота и замаскировав эту позорную дань титулом генерала, который король гуннов снизошел принять. Общественное спокойствие часто нарушалось яростным нетерпением варваров и вероломными интригами византийского двора. Четыре зависимые народы, среди которых можно выделить баварцев, отказались от суверенитета гуннов, и их восстание поощрялось и защищалось римским союзом, пока справедливые требования и грозная сила Ругиласа не были эффективно поддержаны голосом его посла Эслава. Мир был единодушным желанием сената. Их декрет был ратифицирован императором, и были назначены два посла: Плинфас, генерал скифского происхождения, но имевший консульский ранг, и квестор Эпиген, мудрый и опытный государственный деятель, который был рекомендован на эту должность своим амбициозным коллегой.

[434-444 гг. н. э.]

Смерть Ругиласа приостановила продвижение договора. Его два племянника, Аттила и Бледа, которые унаследовали трон своего дяди, согласились на личную встречу с послами Константинополя; но поскольку они гордо отказались спешиться, дело было решено верхом на лошадях, на просторной равнине недалеко от города Маргус, в верхней Мезии. Цари гуннов получили как реальные выгоды, так и пустые почести от переговоров. Они диктовали условия мира, и каждое из этих условий было оскорблением величия империи. Помимо свободы безопасного и обильного рынка на берегах Дуная, они требовали, чтобы ежегодная дань была увеличена с 350 до 700 фунтов золота; чтобы за каждого римского пленника, сбежавшего от своего варварского хозяина, выплачивался штраф или выкуп в размере восьми золотых монет; чтобы император отказался от всех договоров и обязательств с врагами гуннов; и чтобы все беглецы, укрывшиеся при дворе или в провинциях Феодосия, были выданы правосудию своего оскорбленного суверена. Это правосудие было строго приведено в исполнение в отношении нескольких несчастных юношей из королевской семьи. По приказу Атиллы они были распяты на территории империи; и как только король гуннов внушил римлянам страх перед своим именем, он даровал им короткую и произвольную передышку, пока он подчинял себе мятежные или независимые народы Скифии и Германии.

Аттила, сын Мундзука, вел свою благородную, возможно, царскую родословную от древних гуннов, которые ранее сражались с монархами Китая. По наблюдениям готского историка, его черты лица несли отпечаток его национального происхождения, и портрет Аттилы демонстрирует подлинную уродливость современного калмыка: большая голова, смуглая кожа, маленькие глубоко посаженные глаза, плоский нос, несколько волосков вместо бороды, широкие плечи и короткое квадратное тело, обладающее нервной силой, но непропорциональной формой. Высокомерная походка и манеры короля гуннов выражали его осознание своего превосходства над остальным человечеством; он имел привычку яростно вращать глазами, как будто хотел насладиться ужасом, который он внушал. Тем не менее, этот дикий герой был не лишен сострадания; его просящие пощады враги могли рассчитывать на мир или прощение, а Аттила считался своими подданными справедливым и снисходительным правителем. Он любил войну, но после того, как он вступил на престол в зрелом возрасте, завоевание севера было достигнуто скорее его умом, чем его рукой, и слава авантюрного солдата была с пользой заменена славой благоразумного и успешного полководца.

КОСТЮМ ВИЗАНТИЙСКОГО ИМПЕРАТОРА

Влияние личной доблести настолько незначительно, за исключением поэзии и романтики, что победа, даже среди варваров, зависит от степени мастерства, с которым страсти толпы объединяются и направляются на службу одному человеку. Скифские завоеватели Аттила и Чингис превосходили своих грубых соотечественников скорее в искусстве, чем в мужестве; и можно заметить, что монархии как гуннов, так и монголов были созданы их основателями на основе народных суеверий. Чудесное зачатие, которое обман и легковерие приписывали девственной матери Чингиза, возвысило его над уровнем

человеческой природы; а обнаженный пророк, который от имени Бога наделил его властью над землей, наполнил монголов непреодолимым энтузиазмом. Религиозные искусства Атилы были не менее искусно приспособлены к характеру его эпохи и страны.

Вполне естественно, что скифы с особой преданностью поклонялись богу войны, но, поскольку они были неспособны сформировать ни абстрактное представление, ни телесное изображение, они поклонялись своему покровителю под символом железного ятагана. Один из пастухов гуннов заметил, что пасущаяся телка поранила себе ногу, и с любопытством проследил след крови, пока не обнаружил среди высокой травы острие старинного меча, который он выкопал из земли и преподнес Атиле. Этот великодушный, или, скорее, хитрый князь с благочестивой благодарностью принял эту небесную милость и, как законный владелец меча Марса, утвердил свое божественное и незыблемое право на власть над землей.

Византийская императорская гвардия

Если в этот торжественный день совершались скифские обряды, то на просторной равнине возводился высокий алтарь, или, вернее, костер из хвороста, длиной и шириной в триста ярдов, и меч Марса ставился вертикально на вершине этого деревянного алтаря, который ежегодно освящался кровью овец, лошадей и сотого пленника. Независимо от того, составляли ли человеческие жертвоприношения часть культа Атилы или он умилялся жертвами, которые он постоянно приносил на поле битвы, любимец Марса вскоре приобрел священный характер, что делало его завоевания более легкими и более постоянными; и варварские князья признавали, на языке преданности или лести, что они не смеют смотреть прямо в глаза божественному величию короля гуннов. Его брат Бледа, правивший значительной частью народа, был вынужден отказаться от своего скипетра и своей жизни. Однако даже этот жестокий поступок был приписан сверхъестественному порыву, а энергия, с которой Атила владел мечом Марса, убедила мир в том, что он был предназначен только для его непобедимой руки. Но только размер его империи свидетельствует о количестве и важности его побед; и скифский монарх, как бы он ни был невежественен в вопросах науки и философии, возможно, сожалел о том, что его

неграмотные подданные были лишены искусства, которое могло бы увековечить память о его подвигах.

Если бы была проведена граница между цивилизованными и дикими климатическими зонами земного шара, между жителями городов, возделывавшими землю, и охотниками и пастухами, жившими в палатках, Атила мог бы претендовать на титул верховного и единственного монарха варваров. Он один, среди завоевателей древних и современных времен, объединил два могущественных царства Германии и Скифии; и эти расплывчатые названия, когда они применяются к его правлению, можно понимать с большой свободой. Тюрингия, простиравшаяся за пределы своих нынешних границ до Дуная, входила в число его провинций; он вмешивался, используя вес своего могущественного соседа, во внутренние дела франков; а один из его лейтенантов наказал и почти истребил бургундов Рейна. Он подчинил себе острова океана, королевства Скандинавии, окруженные и разделенные водами Балтики; и гунны могли получать дань мехом из этой северной области, которая была защищена от всех других завоевателей суровым климатом и мужеством коренных жителей.

На востоке трудно определить границы владений Атилы над скифскими пустынями; однако мы можем быть уверены, что он правил на берегах Волги; что король гуннов был страшен не только как воин, но и как волшебник; что он оскорблял и побеждал хана грозных геугенов; и что он посылал послов для переговоров о равном союзе с империей Китая. В гордом обзоре народов, признававших верховенство Атилы и никогда не задумывавшихся о восстании при его жизни, гепиды и остготы отличались своей численностью, храбростью и личными достоинствами своих вождей.

Послы гуннов могли привлечь внимание Феодосия, напомнив ему, что они были его соседями как в Европе, так и в Азии, поскольку с одной стороны они граничили с Дунаем, а с другой доходили до Танаиса. Во время правления его отца Аркадия группа авантюрных гуннов опустошила провинции Востока, откуда они увезли богатую добычу и бесчисленное количество пленников. Они продвигались по тайному пути вдоль берегов Каспийского моря, пересекли заснеженные горы Армении, прошли Тигр, Евфрат и Галис, пополнили свою уставшую кавалерию щедрыми каппадокийскими лошадьми, заняли холмистую местность Киликии и нарушили праздничные песни и танцы жителей Антиохии. Египет задрожал при их приближении, а монахи и паломники Святой Земли готовились спастись от их ярости, поспешно садясь на корабли. Воспоминания об этом вторжении были еще свежи в памяти восточных народов. Подданные Атилы могли бы с помощью превосходящих сил осуществить замысел, который так смело пытались осуществить эти авантюристы, и вскоре все стали с тревогой гадать, обрушится ли буря на владения Рима или Персии.

Некоторые из великих вассалов короля гуннов, которые сами были могущественными князьями, были посланы для заключения союза и военного соглашения с императором, или, вернее, с генералом Запада. Во время своего пребывания в Риме они рассказали об ных обстоятельствах недавней экспедиции на Восток. Пройдя пустыню и болото, которое римляне считали озером Меотис, они проникли через горы и через пятнадцать дней марша достигли границ Мидии, где продвинулись до неизвестных городов Базик и Курсик. На равнинах Мидии они столкнулись с персидской армией, и, по их собственному выражению, воздух потемнел от облака стрел. Но гунны были вынуждены отступить перед превосходящими силами врага. Их трудное отступление прошло по другой дороге; они потеряли большую часть своей добычи и в конце концов вернулись в королевский лагерь, приобретя некоторое знание страны и нетерпеливое желание мести.

В свободной беседе имперских послов, которые обсуждали при дворе Аттилы характер и замыслы своего грозного врага, министры Константинополя выразили надежду, что его силы могут быть отвлечены и задействованы в длительной и неопределенной борьбе с князьями дома Сасанидов. Более прозорливые итальянцы предупреждали своих восточных братьев о глупости и опасности такой надежды и убеждали их, что мидяне и персы неспособны противостоять оружию гуннов и что легкое и важное завоевание усилит как гордость, так и мощь завоевателя. Вместо того чтобы довольствоваться умеренной данью и военным титулом, который ставил его в один ряд с генералами Феодосия, Аттила намеревался наложить позорное и невыносимое иго на шею поверженных и плененных римлян, которые тогда окажутся со всех сторон окруженными империей гуннов.

В то время как державы Европы и Азии стремились предотвратить надвигающуюся опасность, союз Аттилы поддерживал власть вандалов в Африке. Между дворами Равенны и Константинополя было согласовано предприятие по восстановлению этой ценной провинции, и порты Сицилии уже были заполнены военными и морскими силами Феодосия. Но хитрый Гензерик, который распространил свои переговоры по всему миру, помешал их планам, подбудив короля гуннов к вторжению в Восточную империю, и незначительный инцидент вскоре стал мотивом или предлогом для разрушительной войны.

В соответствии с договором Маргуса на северном берегу Дуная, охраняемом римской крепостью под названием Констанция, был открыт свободный рынок. Отряд варваров нарушил торговую безопасность, убил или рассеял ничего не подозревающих торговцев и сравнял крепость с землей. Гунны оправдали это преступление как акт возмездия, утверждая, что епископ Маргуса вторгся на их территории, чтобы обнаружить и похитить тайное сокровище их королей, и строго потребовали выдать виновного прелата, святотатственную добычу и беглых подданных, которые избежали правосудия Аттилы. Отказ византийского двора стал сигналом к войне, и мезы сначала приветствовали щедрую твердость своего правителя. Но вскоре они были запуганы разрушением Виминиакума и соседних городов, и народ был убежден принять удобную максиму, что частный гражданин, каким бы невиновным или уважаемым он ни был, может быть справедливо принесен в жертву ради безопасности своей страны. Епископ Маргуса, не обладавший духом мученика, решил предотвратить замыслы, которые он подозревал. Он смело вступил в переговоры с князьями гуннов, обеспечил себе, торжественной клятвой, помилование и награду, разместил многочисленный отряд варваров в тихой засаде на берегах Дуная и в назначенный час собственноручно открыл ворота своего епископского города. Это преимущество, полученное благодаря предательству, послужило прелюдией к более почетным и решительным победам.

Иллирийская граница была покрыта цепью замков и крепостей; и хотя большая часть из них состояла только из одной башни с небольшим гарнизоном, они обычно были достаточны, чтобы отразить или перехватить вторжение врага, который не знал искусства и не терпел задержек, связанных с регулярной осадой. Но эти незначительные препятствия были мгновенно сметены наводнением гуннов. Они уничтожили огнем и мечом густонаселенные города Сирмий и Сингидунум, Ратиария и Марцианополис, Наиссус и Сардика, где все обстоятельства дисциплины народа и конструкции зданий были постепенно приспособлены к единственной цели — обороне. Вся Европа, простирающаяся на пятьсот миль от Эвксинского моря до Адриатики, была сразу же захвачена, оккупирована и опустошена мириадами варваров, которых Аттила вывел на поле боя. Однако общественная опасность и бедствие не смогли заставить Феодосия прервать свои

развлечения и поклонение богам или лично появиться во главе римских легионов. Но войска, которые были отправлены против Гензериха, были поспешно отозваны из Сицилии, гарнизоны на стороне Персии были истощены; и в Европе была собрана военная сила, грозная своим оружием и численностью, если бы генералы понимали науку командования, а солдаты — долг повиновения. Армии Восточной империи были разгромлены в трех последовательных сражениях, и продвижение Аттилы можно проследить по полям сражений. Два первых сражения, на берегах Утуса и под стенами Марцианополя, были сражены на обширных равнинах между Дунаем и горой Эмус. [В последнем сражении был убит римский полководец Арнегисклус].

[447-448 гг. н. э.]

Под натиском победоносного врага римляне постепенно и неумело отступали к Херсонесу Фракийскому, и этот узкий полуостров, крайняя точка суши, стал свидетелем их третьего и непоправимого поражения. Уничтожив эту армию, Аттила бесспорно завладел полем сражения. От Геллеспонта до Фермопил и пригородов Константинополя он без сопротивления и без пощады опустошал провинции Фракии и Македонии. Гераклея и Адрианополь, возможно, избежали этого ужасного вторжения гуннов, но слова, наиболее выразительно описывающие полное истребление и уничтожение, применимы к бедствиям, которые они обрушили на семьдесят городов Восточной империи. Феодосий, его двор и невоенный народ были защищены стенами Константинополя, но эти стены были потрясены недавним землетрясением, и падение пятидесяти восьми башен открыло большой и ужасающий пролом. Ущерб был быстро устранен, но это происшествие усугублялось суеверным страхом, что само небо предало имперский город в руки скифских пастухов, которые были чужды законам, языку и религии римлян.

Во всех своих вторжениях в цивилизованные империи юга скифские пастухи всегда руководствовались диким и разрушительным духом. Законы войны, ограничивающие национальные грабежи и убийства, основаны на двух принципах существенного интереса: осознании постоянных выгод, которые можно получить при умеренном использовании завоеваний, и справедливом опасении, что опустошение, которое мы наносим стране врага, может обернуться мстостью в отношении нашей собственной страны. Но эти соображения надежды и страха почти неизвестны в пастушеском состоянии народов. Гуннов Аттилы можно без несправедливости сравнить с могилами и татарами до того, как их первобытные нравы были изменены религией и роскошью; а свидетельства восточной истории могут пролить некоторый свет на краткие и несовершенные анналы Рима.

После того как монголы покорили северные провинции Китая, было выдвинуто серьезное предложение, не в час победы и страсти, а в ходе спокойного, обдуманного совета, истребить всех жителей этой густонаселенной страны, чтобы освободившуюся землю можно было превратить в пастбища для скота. Решительность китайского мандарина, который внушил Чингизу некоторые принципы рациональной политики, отвратила его от осуществления этого ужасного замысла. Но в городах Азии, которые сдались монголам, бесчеловечное нарушение прав войны осуществлялось с регулярной дисциплиной, что с равной степенью обоснованности, хотя и не с равной степенью авторитетности, можно приписать победоносным гуннам.

Три великие столицы Хорасана, Мару, Нейсабур и Герат, были разрушены войсками Чингисхана; точный подсчет убитых составил 4 347 000 человек. Тимур, или Тамерлан, был воспитан в менее варварскую эпоху и в мусульманской религии ; однако, если Аттила

равнялся по жестокости с Тамерланом, то и татары, и гунны заслуживают прозвища «бич Божий».

Можно с большей уверенностью утверждать, что гунны обезлюднили провинции империи, уводя в плен большое количество римских подданных. В руках мудрого законодателя такая трудолюбивая колония могла бы способствовать распространению по пустыням Скифии основ полезных и декоративных искусств; но эти пленники, взятые в плен во время войны, были случайно рассеяны по ордам, подчинявшимся империи Аттилы. Оценка их соответствующей ценности была сформирована простым суждением непросвещенных и непредвзятых варваров. Возможно, они не понимали достоинств теолога, глубоко разбирающегося в спорах о Троице и Воплощении, но они уважали священнослужителей всех религий, и активное рвение христианских миссионеров, не приближаясь к личности или дворцу монарха, успешно трудились в деле распространения Евангелия.

Кочевые племена, не знавшие различия между землевладением, наверняка пренебрегали как использованием, так и злоупотреблением гражданским правом, а мастерство красноречивого юриста могло вызвать у них только презрение или отвращение. Постоянные контакты между гуннами и готами привели к знакомству с двумя национальными диалектами, и варвары стремились общаться на латыни, военном языке даже Восточной империи. Но они презирали язык и науки греков; и тщеславный софист или серьезный философ, которые пользовались лестными аплодисментами школ, были унижены, обнаружив, что их крепкий слуга был пленником, более ценным и важным, чем они сами. Механические искусства поощрялись и ценились, поскольку они удовлетворяли потребности гуннов.

Архитектор на службе у Онегезия, одного из фаворитов Аттилы, был нанят для строительства бани; но эта работа была редким примером частной роскоши; а ремесла кузнеца, плотника, оружейника гораздо больше подходили для снабжения кочевого народа полезными инструментами мира и войны. Но заслуги врача встречали всеобщее одобрение и уважение; варвары, презиравшие смерть, могли опасаться болезней, а высокомерный завоеватель трепетал в присутствии пленника, которому он, возможно, приписывал воображаемую способность продлевать или сохранять его жизнь. Гунны могли быть спровоцированы на издевательства над несчастными рабами, над которыми они осуществляли деспотическое господство, но их нравы не допускали утонченной системы угнетения, и мужество и усердие часто вознаграждались даром свободы.

ДИПЛОМАТИЯ АТТИЛЫ

Боязливая или эгоистичная политика западных римлян оставила Восточную империю на произвол гуннов. Потеря армий и отсутствие дисциплины или добродетели не компенсировались личными качествами монарха. Феодосий мог по-прежнему использовать титул Непобедимого Августа, но он был вынужден просить о милости Аттилу, который властно диктовал эти суровые и унижительные условия мира.

(1) Император Востока по явному или молчаливому соглашению уступил обширную и важную территорию, простиравшуюся вдоль южного берега Дуная от Сингидунума или Белграда до Нове в епархии Фракии. Ширина была определена приблизительно как пятнадцатидневный путь, но из предложения Аттилы перенести национальный рынок из Нисса () вскоре стало ясно, что он включает разрушенный город Нисс в пределы своих владений.

(2) Король гуннов потребовал и добился увеличения своей дани или субсидии с семисот фунтов золота до ежегодной суммы в две тысячи сто фунтов; он также оговорил немедленную выплату шести тысяч фунтов золота для покрытия расходов или искупления вины за войну. Можно было бы предположить, что такое требование, которое едва ли равнялось размеру частного состояния, было бы с готовностью выполнено богатой Восточной империей; однако общественное бедствие является ярким свидетельством обеднения или, по крайней мере, беспорядка в финансах. Большая часть налогов, вымогаемых у народа, задерживалась и перехватывалась на пути в казну Константинополя самыми гнусными способами. Доходы расходовались Феодосием и его фаворитами на расточительную и безмерную роскошь, которая маскировалась под императорское великолепие или христианскую благотворительность. Непредвиденная необходимость военных приготовлений исчерпала запасы продовольствия. Личный вклад, строго, но произвольно наложенный на членов сенаторского сословия, был единственным средством, которое могло без потери времени унять нетерпеливую алчность Атиллы; а бедность дворян заставила их прибегнуть к скандальному средству — выставить на публичные торги драгоценности своих жен и наследственные украшения своих дворцов.

Царь гуннов, по-видимому, установил в качестве принципа национальной юриспруденции, что он никогда не может лишиться собственности, которую он однажды приобрел, в лице тех, кто добровольно или против воли подчинился его власти. Из этого принципа он сделал вывод, а выводы Атиллы были неотменяемыми законами, что гунны, взятые в плен во время войны, должны быть немедленно освобождены без выкупа; что каждый римский пленник, осмелившийся бежать, должен выкупить свое право на свободу по цене двенадцати золотых монет; и что все варвары, дезертировавшие из войска Атиллы, должны быть возвращены без каких-либо обещаний или условий помилования. При исполнении этого жестокого и позорного договора имперские офицеры были вынуждены убить нескольких верных и благородных дезертиров, которые отказались пойти на верную смерть; а римляне утратили все разумные права на дружбу со скифскими народами, публично признав, что они лишены либо веры, либо силы защитить просителей, которые примкнули к трону Феодосия.

Решительность одного небольшого города, настолько неизвестного, что, за исключением этого случая, он никогда не упоминался ни одним историком или географом, обнажила позор императора и империи. Азимус, или Азимунтиум, небольшой город во Фракии на границе с Иллирией, отличался воинственным духом своей молодежи, мастерством и репутацией выбранных ими вождей, а также их смелыми подвигами против бесчисленных полчищ варваров. Вместо того чтобы пассивно ждать их приближения, азимунтийцы наносили частые и успешные выпады на войска гуннов, которые постепенно покинули опасное соседство; они спасли из их рук добычу и пленников и пополнили свои войска за счет добровольного присоединения беглецов и дезертиров.

После заключения договора Атиллы по-прежнему угрожал империи неумолимой войной, если азимунтины не будут убеждены или принуждены выполнить условия, которые принял их правитель. Министры Феодосия с позором и правдиво признали, что они больше не обладают никакой властью над обществом людей, которые так храбро отстаивают свою естественную независимость, и король гуннов снизошел до переговоров о равноценном обмене с гражданами Азимуса. Они потребовали возвращения нескольких пастухов, которые вместе со своим скотом были случайно захвачены. Было разрешено провести строгое, хотя и бесплодное, расследование (), но гунны были вынуждены поклясться, что они не удерживают никаких пленников, принадлежащих городу, прежде чем они смогли

вернуть двух выживших соотечественников, которых азимунтины оставили в качестве залога за безопасность своих потерянных товарищей.

Аттила, со своей стороны, был удовлетворен и обманут их торжественным заверением, что остальные пленники были преданы мечу и что они всегда немедленно отпускали римлян и дезертиров, которые получили гарантию общественного доверия. Этот осторожный и услужливый обман может быть осужден или оправдан казуистами, склоняющимися к строгому постановлению святого Августина или к более мягкому мнению святого Иеронима и святого Златоуста; но каждый солдат, каждый государственный деятель должен признать, что если бы род азимунтинов был поощрен и умножен, варвары перестали бы попираť величие империи.

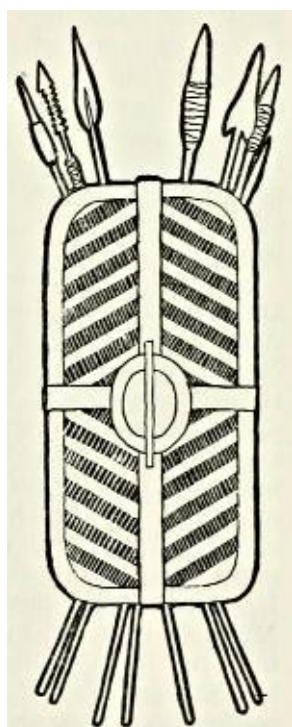
Было бы действительно странно, если бы Феодосий купил безопасный и прочный покой ценой потери чести; или если бы его покорность не привела к повторению обид. Византийский двор был оскорблен пятью или шестью последовательными посольствами, и министры Аттилы были единодушно проинструктированы настаивать на медленном или неполном выполнении последнего договора; предоставить имена беглецов и дезертиров, которые все еще находились под защитой империи; и с кажущейся умеренностью заявлять, что, если их правитель не получит полного и немедленного удовлетворения, ему будет невозможно, даже если он того пожелает, сдержать негодование своих воинственных племен.

Помимо мотивов гордости и интереса, которые могли побудить короля гуннов продолжать эту череду переговоров, на него влияло менее почетное стремление обогатить своих фаворитов за счет своих врагов. Императорская казна была истощена, чтобы обеспечить дружественные услуги послов и их главных помощников, чьи благоприятные отчеты могли способствовать поддержанию мира. Варварский монарх был польщен радушным приемом своих министров; он с удовольствием подсчитывал ценность и великолепие их подарков, строго требовал выполнения всех обещаний, которые могли бы способствовать их личному обогащению, и рассматривал брак своего секретаря Констанция как важное государственное дело. Этот галльский авантюрист, рекомендованный Аэтием королю гуннов, поступил на службу к министрам Константинополя за оговоренное вознаграждение в виде богатой и знатной жены; и дочь графа Сатурнина была выбрана для выполнения обязательств своей страны. Нежелание жертвы, некоторые семейные проблемы и несправедливая конфискация ее состояния охладили пыл ее заинтересованного поклонника, но он все же требовал от имени Аттилы равноценного союза, и после многих двусмысленных отсрочек и оправданий византийский двор был вынужден пожертвовать этому наглому чужаку вдову Арматия, чье происхождение, богатство и красота ставили ее в ряд самых знатных римских матрон.

За эти назойливые и угнетающие посольства Аттила требовал соответствующего возмещения; он с подозрительной гордостью взвешивал характер и положение имперских послов, но снизошел к обещанию, что он продвинется до Сардики, чтобы принять любых министров, наделенных консульским достоинством. Совет Феодосия уклонился от этого предложения, указав на опустошенное и разрушенное состояние Сардики, и даже осмелился намекнуть, что любой офицер армии или двора был вполне компетентен вести переговоры с самыми могущественными князьями Скифии. Максимин, уважаемый придворный, чьи способности давно проявились в гражданской и военной службе, с неохотой принял на себя трудную и, возможно, опасную задачу примирить разгневанного царя гуннов. Его друг, историк Приск, воспользовался возможностью понаблюдать за варварским героем в мирных и бытовых сценах жизни; но секрет посольства, роковой и виновный секрет, был доверен

только переводчику Вигилию. Два последних посланника гуннов, Орест, благородный подданный Паннонской провинции, и Эдекон, доблестный вождь племени скирров, вернулись в одно и то же время из Константинополя в королевский лагерь. Их малоизвестные имена впоследствии прославились благодаря необычайной судьбе и контрасту их сыновей: два слуги Атиллы стали отцами последнего римского императора Запада и первого варварского короля Италии.

Послы, которых сопровождала многочисленная свита людей и лошадей, сделали свою первую остановку в Сардике, в 350 милях или тринадцати днях пути от Константинополя. Поскольку руины Сардики все еще находились в пределах империи, римляне были обязаны проявить гостеприимство. С помощью провинциалов они обеспечили достаточное количество овец и волов и пригласили гуннов на роскошный или, по крайней мере, обильный ужин. Но гармония приема была вскоре нарушена взаимными предрассудками и неосторожностью.

Оружие гуннов

Величие императора и империи горячо отстаивали их министры; гунны с не меньшим рвением утверждали превосходство своего победоносного монарха. Спор разгорелся из-за опрометчивой и неуместной лести Вигилия, который страстно отверг сравнение простого смертного с божественным Феодосием; и Максимину и Приску с большим трудом удалось перевести разговор на другую тему и успокоить разгневанных варваров. Когда они встали из-за стола, императорский посол преподнес Эдекону и Оресту богатые дары в виде шелковых одежд и индийских жемчужин, которые они с благодарностью приняли. Однако Орест не смог удержаться от намека на то, что к нему не всегда относились с таким уважением и щедростью; и оскорбительное различие, которое подразумевалось между его гражданской должностью и наследственным званием его коллеги, по-видимому, сделало Эдекона сомнительным другом, а Ореста непримиримым врагом.

После этого приема они проделали около ста миль от Сардики до Наисса. Этот процветающий город, который дал миру великого Константина, был сравнен с землей; его жители были уничтожены или рассеяны (), а вид нескольких больных людей (), которым

все еще позволяли существовать среди руин церквей, только усиливал ужас от увиденного. Поверхность страны была покрыта костями убитых, и послы, направлявшиеся на северо-запад, были вынуждены пройти через холмы современной Сербии, прежде чем спуститься на равнинную и болотистую местность, заканчивающуюся Дунаем.

Когда Аттила впервые принял римских послов на берегу Дуная, его шатер был окружен грозной стражей. Сам монарх сидел на деревянном стуле. Его суровое лицо, гневные жесты и нетерпеливый тон поразили твердость Максимиана, но Вигилий имел больше причин дрожать, поскольку он ясно понимал угрозу, что, если Аттила не будет уважать закон народов, он прибьет лживого переводчика к кресту и оставит его тело на съедение стервятникам. Римляне, как восточные, так и западные, были дважды приглашены на банкеты, где Аттила пировал с князьями и вельможами Скифии. Максимин и его коллеги были остановлены на пороге, пока не совершили благочестивое возлияние за здоровье и процветание короля гуннов, и после этой церемонии были проведены на свои места в просторном зале. Прежде чем удалиться, они имели возможность понаблюдать за нравами этого народа в их веселых развлечениях. Посреди безудержных беспорядков только Аттила, не изменяя выражения лица, сохранял свою непоколебимую и неуступчивую серьезность, которая не ослабевала ни на минуту, за исключением появления Ирнака, младшего из его сыновей; он обнял мальчика с улыбкой отцовской нежности, ласково ущипнул его за щеку и проявил пристрастную привязанность, которая была оправдана уверенностью его пророков в том, что Ирнак станет будущей опорой его семьи и империи.

Через два дня послы получили второе приглашение, и у них были основания похвалить Аттилу за его вежливость и гостеприимство. Царь гуннов провел долгую и дружескую беседу с Максимином, но его вежливость прерывалась грубыми выражениями и высокомерными упреками, и он был вынужден из соображений интереса с неуместным рвением поддерживать личные притязания своего секретаря Констанция. «Император, — сказал Аттила, — давно обещал ему богатую жену; Констанций не должен быть разочарован; и римский император не должен заслуживать звания лжеца». На третий день послы были отпущены; нескольким пленникам была предоставлена свобода за умеренный выкуп по их настойчивым просьбам; и, помимо королевских подарков, им было позволено принять от каждого из скифских вельмож почетный и полезный подарок в виде лошади. Максимин вернулся той же дорогой в Константинополь и, хотя он был вовлечен в случайный спор с Бериком, новым послом Аттилы, он льстил себе, что своим трудом в этом путешествии он способствовал укреплению мира и союза между двумя народами.

ПОПЫТКА УБИЙСТВА АТТИЛЫ

[448-449 гг. н. э.]

Но римский посол не знал о вероломном замысле, который скрывался под маской публичной веры. Удивление и удовлетворение Эдекона, когда он созерцал величие Константинополя, побудили переводчика Вигилия организовать для него тайную встречу с евнухом Хрисафием, который управлял императором и империей. После некоторого предварительного разговора и взаимной клятвы в секретности (), евнух, который по своим собственным чувствам и опыту не питал никаких возвышенных представлений о министерской добродетели, осмелился предложить смерть Аттилы как важную услугу, за которую Эдекон мог бы заслужить щедрую долю богатства и роскоши, которыми он восхищался. Посол гуннов выслушал заманчивое предложение и с видимым рвением заверил в своей способности и готовности совершить кровавое деяние; замысел был доведен до сведения главы канцелярии, и благочестивый Феодосий дал согласие на

убийство своего непобедимого врага. Но этот вероломный заговор был сорван благодаря лицемерию или раскаянию Эдекона; и, хотя он, возможно, преувеличивал свое внутреннее отвращение к измене, которую он, казалось, одобрял, он ловко присвоил себе заслугу раннего и добровольного признания.

Если мы теперь проанализируем посольство Максимиана и поведение Аттилы, то мы должны похвалить варвара, который уважал законы гостеприимства и великодушно принял и отпустил министра князя, который замышлял против его жизни. Но опрометчивость Вигилия будет казаться еще более необычной, поскольку он вернулся, осознавая свою вину и опасность, в королевский лагерь в сопровождении своего сына и с тяжелым мешком золота, который любимый евнух предоставил ему, чтобы удовлетворить требования Эдекона и подкупить верность стражников. Переводчик был немедленно схвачен и приведен перед трибунал Аттилы, где он с убедительной твердостью утверждал свою невиновность, пока угроза немедленной казни его сына не вынудила его искренне раскрыть преступную сделку.

Под видом выкупа или конфискации алчный царь гуннов принял двести фунтов золота за жизнь предателя, которого он презирал наказывать. Он направил свое справедливое негодование на более благородную цель. Его послы, Эслав и Орест, были немедленно отправлены в Константинополь с категорическим поручением, которое для них было гораздо безопаснее выполнить, чем послушаться. Они смело вошли в императорскую аудиторию, а роковой кошелек висел на шее Ореста, который спросил евнуха Хрисафия, стоящего рядом с тронном, признает ли он доказательства своей вины. Но право упрека было зарезервировано для более высокого достоинства его коллеги Эслава, который торжественно обратился к императору Востока со следующими словами: «Феодосий — сын знаменитого и уважаемого родителя; Аттила также происходит из благородного рода; и своими действиями он поддержал достоинство, унаследованное от своего отца Мундзука. Но Феодосий утратил отцовские почести и, согласившись платить дань, унизил себя до положения раба. Поэтому справедливо, что он должен почитать человека, которого судьба и заслуги поставили выше него, а не пытаться, как злой раб, тайно замышлять заговор против своего господина».

[449-450 гг. н. э.]

Сын Аркадия, привыкший слышать только лестные слова, с удивлением выслушал суровые слова правды; он покраснел и задрожал; он не осмелился прямо отказать в просьбе Эслава и Ореста, которые были уполномочены потребовать голову Хрисафия. Спешно было отправлено торжественное посольство, вооруженное полными полномочиями и великолепными дарами, чтобы умиловить гнев Аттилы; и его гордость была удовлетворена выбором Номия и Анатолия, двух министров консульского или патрицианского ранга, один из которых был великим казначеем, а другой — главнокомандующим восточными войсками. Он снизошел до встречи с этими послами на берегу реки Дренко; и хотя сначала он притворялся суровым и надменным, его гнев незаметно смягчился под влиянием их красноречия и великодушия. Он снизошел до того, что простил императора, евнуха и переводчика; обязался клятвой соблюдать условия мира; освободил большое количество пленных; оставил беглецов и дезертиров на произвол судьбы; и уступил обширную территорию к югу от Дуная, которую он уже опустошил, лишив ее богатств и жителей. Но этот договор был куплен ценой, которая могла бы поддержать энергичную и успешную войну; и подданные Феодосия были вынуждены искупить безопасность бесполезного фаворита угнетающими налогами, которые они с большей радостью заплатили бы за его уничтожение.

Император Феодосий не прожил долго после этого самого унижительного события в своей бесславной жизни. Во время верховой езды или охоты в окрестностях Константинополя он упал с лошади в реку Ликус; в результате падения он повредил позвоночник и скончался через несколько дней, в пятидесятом году своей жизни и сорок третьем году своего правления. Его сестра Пульхерия, чья власть как в гражданских, так и в церковных делах сдерживалась пагубным влиянием евнухов, была единодушно провозглашена императрицей Востока, и римляне впервые подчинились правлению женщины. Как только Пульхерия взошла на престол, она удовлетворила свое собственное и общественное недовольство актом народного правосудия. Без какого-либо судебного разбирательства евнух Хрисафий был казнен перед воротами города, а огромные богатства, накопленные алчным фаворитом, только ускорили и оправдали его наказание.

ПРЕЕМНИКИ ТЕОДОСИЯ

Среди всеобщего одобрения духовенства и народа императрица не забыла о предрассудках и невыгодном положении, в котором находился ее пол, и мудро решила предотвратить их ропот, выбрав коллегу, который всегда будет уважать высший ранг и девственную целомудрие своей жены. Она отдала свою руку Марциану, сенатору около шестидесяти лет, и номинальный муж Пульхерии был торжественно облачен в императорскую пурпурную мантию. Одно только его рвение в защите православного вероучения, установленного Халкидонским собором, могло бы вдохновить католиков на благодарную красноречивость. Но поведение Марциана в частной жизни, а затем и на троне, может подкрепить более рациональное убеждение в том, что он был способен восстановить и укрепить империю, которая была почти разрушена последовательной слабостью двух наследственных монархов.

Он родился во Фракии и получил военное образование, но юность Маркиана была тяжело испытана бедностью и несчастьями, поскольку его единственным ресурсом, когда он впервые прибыл в Константинополь, были двести золотых монет, которые он одолжил у друга. Он провёл девятнадцать лет на домашней и военной службе у Аспара и его сына Ардабурия; следовал за этими могущественными генералами в персидские и африканские войны; и благодаря их влиянию получил почётное звание трибуна и сенатора. Его мягкий характер и полезные таланты, не вызывая ревности, рекомендовали Марциана к уважению и благосклонности его покровителей; он видел, а может быть, и чувствовал злоупотребления продажной и деспотичной администрации, и его собственный пример придавал вес и энергию законам, которые он провозгласил для исправления нравов.

[453-468 гг. н. э.]

После смерти Пульхерии он показал своему народу пример религиозного почитания, которое полагалось памяти императорского святого. Внимательный к процветанию своих владений, Марциан, казалось, с безразличием смотрел на несчастья Рима; а упорный отказ храброго и активного принца взять меч против вандалов объяснялся тайным обещанием, которое было вынуждено из него, когда он был пленником в руках Гензериха.

Смерть Марциана после семи лет правления подвергла бы Восток опасности народных выборов, если бы влияние одной семьи не смогло склонить чашу весов в пользу кандидата, интересы которого она поддерживала. Патриций Аспар () мог бы возложить диадему на свою голову, если бы он подписал Никейский символ веры. На протяжении трех поколений армиями Востока последовательно командовали его отец, он сам и его сын Ардабурий; его варварская гвардия составляла военную силу, которая устрашала дворец и столицу; а

щедрое распределение его огромных сокровищ делало Аспара столь же популярным, сколь и могущественным. Он рекомендовал малоизвестного Леона Фракийского, военного трибуна и главного управляющего его домом. Его кандидатура была единогласно одобрена сенатом, и слуга Аспара получил императорскую корону из рук патриарха или епископа, которому было позволено выразить этим необычным обрядом поддержку божества (457).

Этот император, первый из носивших имя Лев, был отмечен титулом «великий» среди целой плеяды правителей, которые, по мнению греков, постепенно установили весьма скромный стандарт героического или, по крайней мере, королевского совершенства. Однако умеренная твердость, с которой Лев сопротивлялся угнетению со стороны своего благодетеля, показывала, что он осознавал свой долг и свои прерогативы. Когда Лев освободился от этого позорного рабства, он выслушал жалобы итальянцев, решил искоренить тиранию вандалов и объявил о своем союзе с зятем Марциана Антемием, которого он торжественно короновал и наделил пурпуром Запада.

Во всех своих публичных заявлениях император Лев принимает на себя власть и выражает любовь отца к своему сыну Антемию, с которым он разделит управление вселенной. Положение и, возможно, характер Льва удерживали его от того, чтобы подвергать себя тяготам и опасностям африканской войны. Но силы Восточной империи были напряженно задействованы, чтобы освободить Италию и Средиземноморье от вандалов; и Гензерик, который так долго угнетал и сушу, и море, был угрожаем со всех сторон грозным вторжением. Поход был начат смелым и успешным предприятием префекта Ираклия. Расходы на военно-морское вооружение, которое Лев направил против вандалов, были точно установлены; и любопытный и поучительный отчет показывает богатство угасающей империи. Королевские владения, или частное имущество принца, предоставили 17 тысяч фунтов золота; 47 тысяч фунтов золота и 700 тысяч фунтов серебра были взысканы и уплачены в казну преторианскими префектами. Но города были доведены до крайней нищеты, и тщательный расчет штрафов и конфискаций, как ценного источника дохода, не вызывает мысли о справедливом или милосердном управлении.

Общие расходы на африканскую кампанию, независимо от того, каким образом они были покрыты, составили 130 000 фунтов золота [около 5 200 000 фунтов стерлингов или 26 000 000 долларов], в то время, когда стоимость денег, судя по сравнительной цене на зерно, была несколько выше, чем в настоящее время. Флот, отплывший из Константинополя в Карфаген, состоял из 1113 кораблей, а число солдат и моряков превышало 100 000 человек. Базилик, брат императрицы Верины, был наделен этим важным командованием. Его сестра, жена Льва, преувеличила заслуги его прежних подвигов против скифов. Но обнаружение его вины или неспособности было отложено до Африканской войны; и его друзья могли спасти его военную репутацию, только утверждая, что он сговорился с Аспаром, чтобы пощадить Гензериха и предать последнюю надежду Западной империи.

[468-491 гг. н. э.]

Он вернулся в Константинополь, потеряв более половины своего флота и армии, и укрыл свою виновную голову в храме Святой Софии, пока его сестра своими слезами и мольбами не добилась его помилования от возмущенного императора. Лео подтвердил и опозорил свое правление вероломным убийством Аспара и его сыновей, которые слишком строго требовали долга благодарности и повиновения. Наследство Леона и Востока мирно перешло к его малолетнему внуку Леону II, сыну его дочери Ариадны; а ее изаврийский муж, счастливый Траскалиссей, сменил свое варварское имя на греческое Зенон. После смерти старшего Льва он с неестественным почтением приблизился к трону его сына, смиренно принял в дар второе место в империи и вскоре вызвал общественное подозрение в связи с

внезапной и преждевременной смертью своего молодого коллеги, жизнь которого больше не могла способствовать успеху его амбиций. Но дворец Константинополя находился под влиянием женщин и был взволнован женскими страстями; и Верина, вдова Льва, претендуя на его империю как на свою собственную, вынесла приговор о смещении с трона бесполезного и неблагодарного слуги, которому она одна даровала скипетр Востока.

Как только она заговорила о восстании на ухо Зенону, тот поспешно бежал в горы Исаурии, а ее брат Василиск, уже прославившийся своей африканской экспедицией, был единодушно провозглашен раболепным сенатом. Но правление узурпатора было коротким и бурным.

Василиск осмелился убить любовника своей сестры; он осмелился оскорбить любовника своей жены, тщеславного и надменного Харматия, который, живя в азиатской роскоши, подражал одежде, манерам и фамилии Ахилла. В результате заговора недовольных Зенон был возвращен из изгнания; армии, столица и сам Василиск были преданы; вся его семья была обречена на долгие мучения от холода и голода безжалостным завоевателем, которому не хватило мужества встретиться с врагами или простить их. [Именно после возвращения Зенона на престол Теодорих, король остготов, покинул Иллирикум со своим народом, чтобы вторгнуться в Италию (488 г.). Это событие будет подробно описано в главе I «Западной империи».

Высокомерный дух Верины по-прежнему был неспособен к покорности или покою. Она вызвала вражду любимого генерала, поддержала его дело, как только он был опазан, создала нового императора в Сирии и Египте, собрала армию из семидесяти тысяч человек и до последнего момента своей жизни продолжала бесплодное восстание, которое, согласно моде того времени, было предсказано христианскими отшельниками и языческими магами. В то время как Восток страдал от страстей Верины, ее дочь Ариадна отличалась женскими добродетелями мягкости и верности; она последовала за мужем в изгнание, а после его восстановления в должности умоляла его о милосердии по отношению к своей матери. После смерти Зенона Ариадна, дочь, мать и вдова императора, отдала свою руку и императорский титул Анастасию, пожилому слуге дворца, который прожил после своего возвышения более двадцати семи лет и чей характер подтверждается восклицанием народа: «Правь так, как ты жил!»

[491-518 гг. н. э.]

Восшествие Анастасия на престол не прошло без споров. Брат Зенона Лонгин претендовал на трон и вместе со своими братьями-исаврами сражался за него. Результатом стала пятилетняя война, начавшаяся в 491 году. Константинополь стал ареной нескольких кровавых беспорядков, особенно когда, после решительной победы войск в Колизее в 493 году, Анастасий издал указ об изгнании исаврийцев из столицы. Сторонники изгнанного народа продолжали беспорядочные бои, пока в 496 году Лонгин и его брат не были взяты в плен. Исаврийская война привела к временному разорению Малой Азии, и персидскому монарху Кобад не составило труда захватить Мартирополь, Амиду и другие армянские крепости в 503 году. Причина этого враждебного акта является предметом споров; возможно, император отказался выплатить обещанную Леоном Великим сумму, или Анастасий отказался предоставить Кобад ссуду, которую тот хотел получить. Последствия этой войны могли бы быть самыми серьезными для империи, если бы в этот критический момент в Персию не вторглись гунны. Кобад теперь был заинтересован в заключении мира, тем более что новый римский полководец Целер быстро исправлял ошибки своего предшественника Гипатия. Договор был подписан в 505 году. Следующие несколько лет ознаменовались главным образом восстанием гота Виталиана. В 514 году он попытался

захватить трон, но Анастасий умиротворил его, назначив его магистром милитум Фракии и подарив ему деньги.

ЮСТИН I

Говорят, что Юстин I был неграмотным иллирийским крестьянином, который вместе с двумя другими крестьянами из той же деревни бросил более полезную профессию земледельца или пастуха ради военной службы. Пешком, с небольшим запасом сухарей в рюкзаках, трое молодых людей пошли по большой дороге в Константинополь и вскоре были зачислены, благодаря своей силе и росту, в охрану императора Льва.

При двух последующих правителях счастливый крестьянин обрел богатство и почести, а его спасение от нескольких опасностей, угрожавших его жизни, впоследствии было приписано ангелу-хранителю, который следит за судьбой королей. Его долгая и достойная похвалы служба в Исаврийской и Персидской войнах не спасла бы имя Юстина от забвения, но она могла бы оправдать военное продвижение, которое он постепенно получил в течение пятидесяти лет — звание трибуна, графа и генерала, достоинство сенатора и командование гвардией, которая подчинялась ему как своему начальнику в важный кризисный момент, когда император Анастасий был удален из мира. Могущественные родственники, которых он возвысил и обогатил, были отстранены от престола, а евнух Амантий, правивший во дворце, тайно решил возложить диадему на голову самого услужливого из своих подданных. Для этой цели в руки их командира было вверено щедрое пожертвование, чтобы примирить голоса гвардейцев. Но эти весомые аргументы были вероломно использованы Юстином в свою пользу; и, поскольку никто из соперников не осмелился выступить, дакийский крестьянин был надет пурпурным плащом по единодушному согласию солдат, которые знали его как храброго и кроткого человека, духовенства и народа, которые считали его православным, и провинциалов, которые слепо и безоговорочно подчинялись воле столицы.

[518-527 гг. н. э.]

Старший Юстин, чтобы отличать его от другого императора из той же семьи и с тем же именем, взошел на византийский престол в возрасте шестидесяти восьми лет; и если бы он остался один у руля, то каждое мгновение его девятилетнего правления должно было бы показать его подданным несостоятельность их выбора. Его невежество было сходно с невежеством Теодориха; и примечательно, что в эпоху, не лишенную образования, два современных монарха никогда не были обучены алфавиту. Но гений Юстина был намного уступал гению готского короля; опыт солдата не подготовил его к управлению империей, и, хотя он был лично храбрым, осознание своей слабости естественно сопровождалось сомнениями, недоверием и политическими опасениями. Однако официальные дела государства были добросовестно и верно ведены квестором Проклом, а пожилой император принял таланты и амбиции своего племянника Юстиниана, честолубивого юноши, которого его дядя вытащил из деревенской глуши Дакии и воспитал в Константинополе как наследника своего личного состояния и, в конечном счете, Восточной империи.

Поскольку евнух Амантиус был обманут и лишен своих денег, стало необходимо лишить его жизни. Эта задача была легко выполнена под предлогом реального или вымышленного заговора; судьям было сообщено, в качестве дополнительного обвинения, что он тайно привержен манихейской ереси. Амантиус лишился головы; трое его товарищей, первые слуги дворца, были наказаны либо смертью, либо изгнанием; а их несчастный кандидат в императоры был брошен в глубокую темницу, засыпан камнями и без погребения с позором брошен в море.

Гибель Виталиана была делом более сложным и опасным. Этот готский вождь завоевал популярность благодаря гражданской войне, которую он смело вел против Анастасия в защиту православной веры, и после заключения выгодного договора он по-прежнему оставался в окрестностях Константинополя во главе грозной и победоносной армии варваров. Хрупкая надежность клятв соблазнила его отказаться от этого выгодного положения и довериться стенам города, жители которого, особенно синяя фракция, были искусно возмущены против него воспоминаниями даже о его благочестивых враждебных действиях. Император и его племянник приняли его как верного и достойного защитника церкви и государства и с благодарностью удостоили своего фаворита титулом генерального консула; но в седьмом месяце своего консульства Виталиан был заколот семнадцатью ударами ножа на королевском банкете; и Юстиниан, унаследовавший добычу, был обвинен в убийстве духовного брата, которому он недавно поклялся в верности, участвуя в христианских таинствах.

После падения своего соперника он был повышен, без каких-либо заслуг в военной службе, до должности генерал-мастера восточных армий, которых он должен был вести в поход против общественного врага. Но в погоне за славой Юстиниан мог утратить свое нынешнее господство над возрастом и слабостью своего дяди; и вместо того, чтобы завоевать аплодисменты своих соотечественников сцитскими или персидскими трофеями, благоразумный воин добивался их благосклонности в церквях, цирке и сенате Константинополя. Католики были привязаны к племяннику Юстина, который между несторианской и евтихианской ересями шел по узкому пути неуклонной и нетерпимой ортодоксии.

В первые дни нового правления он подстегнул и удовлетворил народный энтузиазм против памяти умершего императора. После тридцатичетырехлетнего раскола он примирил гордый и разгневанный дух римского понтифика и распространил среди латинян благоприятные отзывы о своем благочестивом уважении к апостольскому престолу. Восточные престолы были заняты католическими епископами, преданными его интересам, духовенство и монахи были привлечены его щедростью, а народ был научен молиться за своего будущего правителя, надежду и опору истинной религии. Великолепие Юстиниана проявлялось в превосходной пышности его публичных зрелищ, которые в глазах народа были не менее священными и важными, чем вероучение Никейского или Халкидонского соборов (); расходы на его консульство оценивались в 288 000 золотых монет; в амфитеатре одновременно выводили двадцать львов и тридцать леопардов, а многочисленная процессия лошадей с богатыми убранствами была подарена в качестве экстраординарного подарка победившим колесничим цирка.

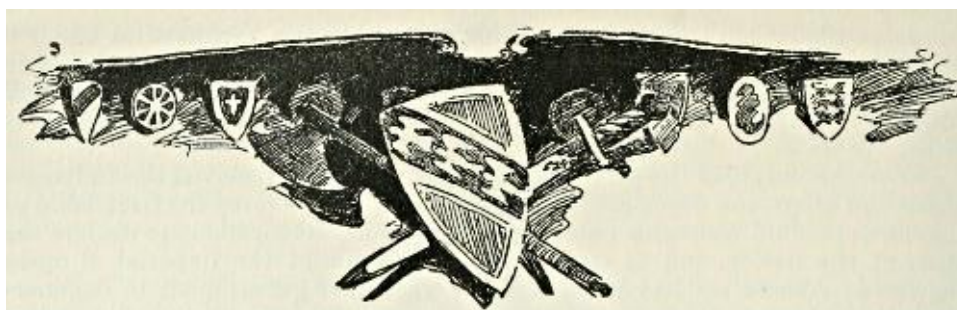
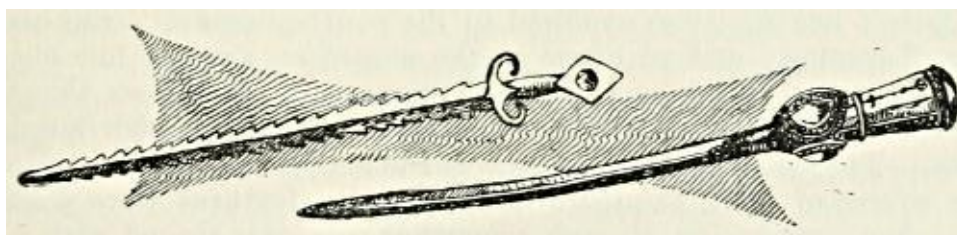
Пока он баловал жителей Константинополя и принимал подарки от иностранных королей, племянник Юстина усердно культивировал дружбу с сенатом. Это почтенное имя, казалось, давало его членам право выражать мнение нации и регулировать преемственность императорского престола; слабый Анастасий допустил, чтобы энергия правительства деградировала до формы или сущности аристократии; за военными офицерами, получившими сенаторский ранг, следовали их домашние гвардейцы, отряд ветеранов, чьи оружие или оvation могли в бурный момент определить судьбу императорской короны Востока. Сокровища государства были растрочены, чтобы заручиться голосами сенаторов- ; и их единодушное желание, чтобы он удостоил Юстиниана чести стать его коллегой, было доведено до сведения императора. Но эта просьба, слишком явно напоминавшая ему о приближающемся конце, была неприятна ревнивому характеру пожилого монарха, желавшего удержать власть, которой он был неспособен пользоваться; и Юстин, крепко держась за пурпур, посоветовал им, раз выборы были столь выгодны, отдать предпочтение какому-нибудь более пожилому кандидату.

Несмотря на этот упрек, сенат приступил к награждению Юстиниана королевским эпитетом *nobilissimus*; и их декрет был ратифицирован любовью или страхом его дяди. Спустя некоторое время слабость ума и тела, к которой он был приведен неизлечимой раной в бедре, сделала необходимым помощь опекуна. Он созвал патриарха и сенаторов и в их присутствии торжественно возложил диадему на голову своего племянника, которого провели из дворца в цирк, где его встретили громкими и радостными аплодисментами. Жизнь Юстина продлилась еще около четырех месяцев, но с момента этой церемонии он считался мертвым для империи, которая признала Юстиниана, в возрасте сорока пяти лет, законным правителем Востока.^b

СНОСКИ

[1] [Префект претория Антемий взял на себя руководство государством до тех пор, пока Пульхерия не была провозглашена августой в 414 году, и, по словам Бьюри,^e «меры, принятые в течение этих шести лет, свидетельствуют о разумной и искренней заботе о благосостоянии народа и исправлении злоупотреблений». Антемий защищал границы Мезии и Скифии от гуннов и оказывал материальную помощь иллирийским провинциям в восстановлении после разорения вестготами.

[2] [При дворе ходили слухи, что некий Паулин, глава канцелярии, казненный, когда Пульхерия стала властью имущей, был любовником Евдокии.

ГЛАВА III. ЮСТИНИАН И ТЕОДОРА [525-548 гг. н. э.]

Приступив к осуществлению верховной власти, Юстиниан первым делом разделил ее с любимой женщиной, знаменитой Феодорой, чье странное возвышение нельзя приветствовать как триумф женской добродетели. При правлении Анастасия забота о диких зверях, содержащихся зеленой фракцией в Константинополе, была поручена Акакию, уроженцу острова Кипр, который по роду своей деятельности получил прозвище «хозяин медведей». Эта почетная должность после его смерти была передана другому кандидату, несмотря на старания его вдовы, которая уже нашла мужу преемника.

[525-527 гг. н. э.]

Акакий оставил трех дочерей: Комито, Феодору и Анастасию, старшей из которых тогда не было и семи лет. Во время торжественного праздника эти беспомощные сироты были отправлены своей опечаленной и возмущенной матерью в одеждах просителей в центр театра; зеленая фракция приняла их с презрением, а синяя — с состраданием; и эта разница, которая глубоко запечатлелась в сознании Феодоры, еще долго сказывалась на управлении империей. По мере того как они росли и становились все красивее, три сестры поочередно посвящались публичным и частным удовольствиям византийского народа; и Феодора, после того как она следовала за Комито на сцене в одежде рабыни с табуреткой на голове, наконец получила разрешение проявить свои независимые таланты. Она не танцевала, не пела и не играла на флейте; ее мастерство ограничивалось искусством пантомимы; она превосходила в ролях буффона, и каждый раз, когда комедиантка надувала щеки и жаловалась смешным тоном и жестами на нанесенные ей удары, весь театр Константинополя гремел смехом и аплодисментами. Красота Феодоры была предметом более лестных похвал и источником более изысканного восторга. Ее черты лица были тонкими и правильными; ее кожа, хотя и была несколько бледной, имела естественный оттенок; каждое чувство мгновенно отражалось в ее живых глазах; ее легкие движения подчеркивали изящество ее небольшой, но элегантной фигуры.

[Вопрос о красоте Феодоры был предметом многих дискуссий. «Ее современник, — говорит Бэри (—), — утверждал, что простому человеку невозможно описать ее красоту словами или имитировать ее с помощью искусства», но он добавляет, что мы не можем судить, насколько это замечание было вызвано энтузиазмом лести. Однако он признает, что она, несомненно, была красива, хотя и была невысокого роста и имела бледный цвет лица.

В самом убогом состоянии своей судьбы и репутации какое-то видение, либо во сне, либо в воображении, шепнуло Феодоре приятную уверенность в том, что ей суждено стать супругой могущественного монарха. Осознавая свое приближающееся величие, она вернулась из Пафлагонии в Константинополь; как искусная актриса, приняла более пристойный образ жизни; избавилась от бедности благодаря похвальному труду по прядению шерсти; и вела целомудренную и уединенную жизнь в маленьком домике, который впоследствии превратила в великолепный храм. Ее красота, подкрепленная искусством или случайностью, вскоре привлекла, очаровала и завоевала сердце патриция Юстиниана, который уже правил абсолютной властью под именем своего дяди. Возможно, она сумела повысить ценность дара, которым так часто щедро одаривала самых низких из людей; возможно, она разжигала, сначала скромными отсрочками, а в конце концов чувственными соблазнами, желания любовника, который по природе или из преданности был привержен долгим бдениям и воздержанию. Когда его первые восторги улеглись, она по-прежнему сохраняла над его умом ту же власть, благодаря более прочному достоинству характера и ума. Юстиниан с удовольствием облагораживал и обогащал объект своей любви; сокровища Востока сыпались к ее ногам, и племянник Юстина был полон решимости, возможно из религиозных соображений, наделить свою наложницу священным

и законным статусом жены. Но законы Рима () прямо запрещали брак сенатора с любой женщиной, которая была опозорена рабским происхождением или театральной профессией; императрица, варварка с деревенскими манерами, но безупречной добродетелью, отказалась принять проститутку в качестве своей племянницы.

[527-548 гг. н. э.]

Эти препятствия были устранены благодаря неуклонной стойкости Юстиниана. Он терпеливо ждал смерти императрицы; он презирал слезы своей матери, которая вскоре сломалась под тяжестью своего горя; и от имени императора Юстина был обнародован закон, отменявший жесткую юриспруденцию древности. Славная покаяние (слова эдикта) было оставлено открытым для несчастных женщин, которые prostituировали себя в театре, и им было позволено заключить законный брак с самыми прославленными римлянами. За этой снисходительностью быстро последовала торжественная свадьба Юстиниана и Феодоры; ее достоинство постепенно возвышалось вместе с достоинством ее возлюбленного; и как только Юстин возложил пурпур на своего племянника, патриарх Константинополя возложил диадему на головы императора и императрицы Востока. Но обычные почести, которые строгость римских нравов позволяла оказывать женам принцев, не могли удовлетворить ни амбиции Феодоры, ни привязанность Юстиниана. Он посадил ее на трон как равную и независимую коллегу в правлении империи, и губернаторам провинций была наложена присяга на верность от имени Юстиниана и Феодоры. Восточный мир пал ниц перед гением и удачей дочери Акация.

Ее частная жизнь была посвящена разумному и благодарному уходу за своей красотой, роскоши бани и стола, а также долгому сну вечером и утром. Ее тайные покои занимали любимые женщины и евнухи, чьим интересам и страстям она потакала в ущерб справедливости; самые именитые деятели государства толпились в темной и душной приемной, и когда, наконец, после утомительного ожидания, их допускали, чтобы поцеловать ноги Феодоры, они испытывали, в зависимости от ее настроения, либо молчаливую надменность императрицы, либо капризную легкомысленность комедиантки. Ее алчную жадность к накоплению огромных сокровищ можно оправдать опасением смерти мужа, которая не оставляла альтернативы между разорением и троном; и страх, как и амбиции, могли раздражать Феодору против двух генералов, которые во время болезни императора опрометчиво заявили, что не намерены соглашаться с выбором столицы.

Но упрек в жестокости, столь отвратительной даже для ее более мягких пороков, оставил неизгладимое пятно на памяти о Феодоре. Ее многочисленные шпионы наблюдали и ревностно докладывали о каждом действии, слове или взгляде, оскорбляющем их королевскую госпожу. Все, кого они обвиняли, бросали в ее особые тюрьмы, недоступные для расследований правосудия; и ходили слухи, что пытки на дыбе или бичеванием подвергались в присутствии женщины-тирана, невосприимчивой к мольбам и состраданию. Некоторые из этих несчастных жертв погибали в глубоких, нездоровых подземельях, а другим, лишившимся конечностей, рассудка или состояния, разрешалось появляться на свет как живые памятники ее мести, которая обычно распространялась и на детей тех, кого она подозревала или обидела. Сенатор или епископ, смерть или изгнание которых объявляла Феодора, передавались надежному посланнику, и его усердие подстегивалось посланием из ее собственных уст: «Если ты не выполнишь мои приказы, клянусь Тем, Кто живет вечно, что твоя кожа будет содрана с твоего тела».

Если бы вероучение Феодоры не было заражено ересью, ее образцовая преданность могла бы, по мнению ее современников, искупить гордыню, алчность и жестокость. Но если она

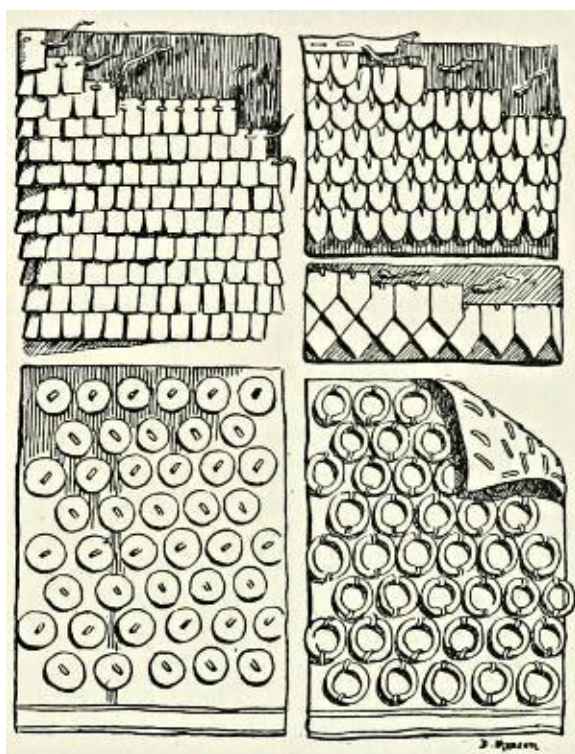
использовала свое влияние, чтобы успокоить нетерпимую ярость императора, то современники признают некоторые достоинства ее религии и прощают ей ее спекулятивные ошибки. Имя Феодоры с одинаковой честью было введено во все благочестивые и благотворительные учреждения Юстиниана; и самое благотворительное учреждение его правления можно приписать сочувствию императрицы к ее менее удачливым сестрам. Дворец на азиатской стороне Босфора был преобразован в величественный и просторный монастырь, и щедрое содержание было предоставлено пятистам женщинам, которые были собраны с улиц и из борделей Константинополя. В этом безопасном и святом убежище они были обречены на вечное заключение; и отчаяние некоторых, которые бросались в море, терялось в благодарности кающихся, которые были избавлены от греха и страданий своей щедрой благодетельницей. Благоразумие Феодоры прославляется самим Юстинианом, а его законы приписываются мудрым советам его достопочтенной супруги, которую он принял как дар Бога. Ее мужество проявилось среди бурных волнений народа и ужасов двора. Ее целомудрие с момента союза с Юстинианом основано на молчании ее непримиримых врагов.

Желания и молитвы Феодоры так и не были услышаны, и она похоронила младенца-дочь, единственного ребенка от этого брака. Несмотря на это разочарование, ее власть была постоянной и абсолютной; она сохранила, благодаря своему искусству или заслугам, любовь Юстиниана, и их кажущиеся разногласия всегда были роковыми для придворных, которые верили в их искренность. Возможно, ее здоровье было подорвано распутством молодости, но оно всегда было слабым, и врачи прописали ей пифийские теплые ванны. В этом путешествии императрицу сопровождали префект претория, великий казначей, несколько графов и патрициев, а также роскошная свита из четырех тысяч слуг. В связи с ее приближением были отремонтированы дороги, построен дворец для ее приема, и, проходя через Вифинию, она раздавала щедрые пожертвования церквям, монастырям и больницам, чтобы они молили небеса о восстановлении ее здоровья. Наконец, на двадцать четвертом году своего брака и двадцать втором году своего правления она умерла от рака; и эту невосполнимую утрату оплакивал ее муж, который вместо театральной проститутки мог бы выбрать самую чистую и благородную девственницу Востока.

ФРАКЦИИ ЦИРКА

В играх древности можно заметить существенное различие: самые выдающиеся из греков были участниками, а римляне — лишь зрителями. Олимпийский стадион был открыт для богатых, заслуженных и амбициозных; и если кандидаты могли полагаться на свои личные навыки и активность, они могли пойти по стопам Диомеда и Менелая и вести своих лошадей в быстрой гонке. Десять, двадцать, сорок колесниц могли стартовать одновременно; венком из листьев награждался победитель, а его слава, вместе со славой его семьи и страны, воспевалась в лирических стихах, более долговечных, чем памятники из меди и мрамора. Но сенатор или даже гражданин, сознающий свое достоинство, покраснел бы от стыда, выставив себя или своих лошадей на всеобщее обозрение в римском цирке. Игры проводились за счет республики, магистратов или императоров, но вожжи были отданы в руки рабов, и если доходы любимого колесничего иногда превышали доходы адвоката, то их следовало считать результатом народной расточительности и высокой платой за позорную профессию. Вначале гонка представляла собой простое состязание двух колесниц (), водители которых отличались белыми и красными ливреями; позже были введены два дополнительных цвета — светло-зеленый и голубой, и, поскольку гонки повторялись двадцать пять раз, в один день сто колесниц способствовали великолепию цирка. Четыре

фракции вскоре приобрели легальный статус и таинственное происхождение, а их причудливые цвета были взяты из различных проявлений природы в четырех сезонах года: красная собачья звезда лета, снега зимы, глубокие оттенки осени и веселая зелень весны.

Кольчуги, очень ранний период

Другое толкование отдавало предпочтение стихиям, а не временам года, и борьба зеленого и синего цветов, как полагали, символизировала конфликт земли и моря. Их соответствующие победы предвещали либо обильный урожай, либо благоприятное плавание, и вражда между земледельцами и моряками была несколько менее абсурдной, чем слепая страсть римского народа, который посвящал свою жизнь и состояние цветам, который он поддерживал. Такая глупость вызывала презрение и потворство со стороны мудрейших принцев; но имена Калигулы, Нерона, Вителлия, Вера, Коммода, Каракаллы и Элагабала были внесены в списки синих или зеленых фракций цирка; они часто посещали их конюшни, аплодировали своим фаворитам, наказывали их противников и заслуживали уважение народа естественным или притворным подражанием их манерам. Кровавые и бурные состязания продолжали нарушать общественные празднества вплоть до последнего века римских зрелищ; и Теодорих, движимый справедливостью или привязанностью, вмешался со своей властью, чтобы защитить зеленых от насилия консула и патриция, которые страстно пристрастились к синей фракции цирка.

Константинополь перенял безумства, но не добродетели древнего Рима; и те же самые фракции, которые будоражили цирк, с удвоенной яростью бушевали на ипподроме. При правлении Анастасия это народное безумие разжигалось религиозным рвением; и зеленые, которые вероломно спрятали камни и кинжалы под корзинами с фруктами, во время торжественного праздника убили три тысячи своих синих противников. Из столицы эта зараза распространилась на провинции и города Востока, и игривое различие двух цветов породило две сильные и непримиримые фракции, которые пошатнули основы слабого правительства. Народные разногласия, основанные на самых серьезных интересах или святых притязаниях, едва ли могли сравниться с упорством этой бессмысленной розни, которая нарушила мир в семьях, разделила друзей и братьев и побудила женщин, хотя их

редко можно было увидеть в цирке, поддержать склонности своих любовников или противоречить желаниям своих мужей.

Все законы, как человеческие, так и божественные, были попорчены, и пока партия была успешна, ее обманутые последователи казались равнодушными к частным бедам и общественным бедствиям. В Антиохии и Константинополе возродилась демократия без свободы, и поддержка одной из фракций стала необходимой для каждого кандидата на гражданские или церковные почести. Зеленым приписывали тайную привязанность к семье или секте Анастасия; синие были ревностно преданны делу православия и Юстиниану, и их благодарный покровитель более пяти лет защищал беспорядки фракции, чьи сезонные волнения устрашали дворец, сенат и столицы Востока. Наглые благодаря королевской милости, синие пытались вселять ужас своей своеобразной и варварской одеждой — длинными волосами гуннов, узкими рукавами и широкими одеждами, высокой походкой и звучным голосом.

Днем они скрывали свои обоюдоострые кинжалы, но ночью смело собирались с оружием в руках и в многочисленных бандах, готовых к любым актам насилия и грабежа. Их противники из зеленой фракции, а также даже безобидные граждане, были ограблены и часто убиты этими ночными разбойниками, и стало опасно носить золотые пуговицы или пояса, а также появляться в позднее время на улицах мирной столицы. Смелый дух, поднимающийся безнаказанно, приступил к нарушению безопасности частных домов; и огонь использовался для облегчения нападения или для сокрытия преступлений этих мятежных бунтовщиков. Ни одно место не было в безопасности или свято от их грабежей; чтобы удовлетворить свою алчность или месть, они проливали кровь невинных; церкви и алтари были осквернены жестокими убийствами; и убийцы хвастались тем, что их ловкость всегда позволяла наносить смертельные ранения одним ударом кинжала.

Распутная молодежь Константинополя приняла синюю ливрею беспорядка; законы молчали, а узы общества ослабли; кредиторы были вынуждены отказаться от своих обязательств, судьи — отменить свои приговоры, хозяева — освободить своих рабов, отцы — удовлетворять расточительность своих детей; благородные матроны были преданы разврату своих слуг; красивые мальчики были вырваны из объятий своих родителей; а жены, если они не предпочитали добровольную смерть, были изнасилованы на глазах у своих мужей. Отчаяние зеленых, преследуемых врагами и покинутых магистратами, привело к тому, что они взяли на себя право на защиту, а может быть, и на месть; но те, кто выжил в бою, были приведены к казни, а несчастные беглецы, укрывшись в лесах и пещерах, безжалостно грабили общество, из которого были изгнаны. Те служители справедливости, которые имели мужество наказывать преступления и противостоять недовольству синих, стали жертвами их неосторожного рвения; префект Константинополя бежал в святую гробницу; граф Востока был позорно выпорочен, а губернатор Киликии был повешен по приказу Феодоры на могиле двух убийц, которых он осудил за убийство своего жениха и дерзкое покушение на его собственную жизнь.

Амбициозный кандидат может испытать искушение построить свое величие на общественном замешательстве, но в интересах и в обязанности правителя поддерживать авторитет законов. Первый эдикт Юстиниана, который часто повторялся и иногда исполнялся, провозглашал его твердое намерение поддерживать невинных и наказывать виновных, независимо от их вероисповедания и цвета кожи. Тем не менее, чаша весов правосудия все еще склонялась в пользу синей фракции из-за тайной привязанности, привычек и страхов императора; его справедливость, после явной борьбы, без сопротивления подчинилась неумолимым страстям Феодоры, и императрица никогда не забывала и не прощала обиды комика. С вступлением на престол младшего Юстина

провозглашение равного и строгого правосудия косвенно осудило пристрастность предыдущих правлений. «Вы, синие, Юстиниан больше нет! Вы, зеленые, он все еще жив!»

[532 г. н. э.]

Восстание, которое едва не превратило Константинополь в пепел, было вызвано взаимной ненавистью и временным примирением двух фракций. На пятом году своего правления Юстиниан праздновал праздник идов января: игры постоянно прерывались громким недовольством зеленых; до двадцать второй гонки император сохранял молчаливую серьезность; наконец, уступив своему нетерпению, он снизошел до того, что с помощью резких фраз и голоса глашатая провел самый необычный диалог, который когда-либо происходил между принцем и его подданными.

Первые жалобы были уважительными и скромными; они обвиняли подчиненных министров в угнетении и провозглашали свои пожелания долгой жизни и победы императора. «Будьте терпеливы и внимательны, вы, наглые злословы, — воскликнул Юстиниан, — замолчите, вы, иудеи, самаритяне и манихеи!» Зеленые все еще пытались пробудить его сострадание. «Мы бедны, мы невиновны, мы обижены, мы не смеем ходить по улицам: против нашего имени и цвета кожи ведется всеобщее преследование. Пусть мы умрем, о император! Но пусть мы умрем по твоему приказу и за твою службу!» Но повторение пристрастных и страстных упреков, в их глазах, унизило величие пурпура; они отказались от верности князю, который отказал своему народу в справедливости; сожалели о том, что родился отец Юстиниана, и заклеили его сына постыдными именами убийцы, осла и клятвопреступного тирана. «Вы презираете свои жизни?» — воскликнул возмущенный монарх. Синие с яростью поднялись со своих мест; их враждебные крики гремели на ипподроме; а их противники, покинув неравную схватку, сеяли ужас и отчаяние на улицах Константинополя.

Военные силы, отправленные на помощь гражданскому магистрату, столкнулись с яростным сопротивлением вооруженной толпы, число и смелость которой постоянно росли; а герулы, самые дикие варвары на службе империи, опрокинули священников и их реликвии, которые из благочестивых побуждений опрометчиво вмешались, чтобы разнять кровавую схватку. Это святотатство еще больше разжегло бунт; люди с энтузиазмом сражались во имя Бога; женщины с крыш и окон засыпали камнями головы солдат, которые бросали горящие факелы в дома; и различные пламени, разжигаемые руками горожан и пришельцев, неконтрольно распространялись по всему городу. Пожар охватил собор Святой Софии, бани Зеуксиппа, часть дворца Агамемнона () от первого входа до алтаря Марса и длинный портик от дворца до форума Константина; сгорела большая больница с больными пациентами; были разрушены многие церкви и величественные здания, а огромное сокровище из золота и серебра было либо расплавлено, либо утрачено. Из таких сцен ужаса и страданий мудрые и богатые граждане бежали через Босфор на азиатскую сторону; и в течение пяти дней Константинополь был предоставлен на произвол фракций, чей лозунг «*Ника*» (победить) дал название этому памяtnому восстанию.

Пока фракции были разделены, торжествующие синие и унылые зеленые, казалось, с одинаковым безразличием наблюдали за беспорядками в государстве. Они согласились осудить коррумпированное управление правосудием и финансами, и два ответственных министра, хитрый Трибониан и алчный Иоанн Каппадокийский, были громко обвинены в качестве виновников общественного бедствия. Мирные ропоты народа были бы проигнорированы, но когда город охватили пламя, к ним прислушались с уважением; квестор и префект были немедленно смещены, а их должности заняли два сенатора, известные своей безупречной честностью. После этой уступки народу Юстиниан отправился

на ипподром, чтобы признать свои ошибки и принять покаяние своих благодарных подданных; но они не поверили его заверениям, хотя они были торжественно произнесены в присутствии святых Евангелий; и император, встревоженный их недоверием, поспешно удалился в крепкую крепость дворца.

Упорство бунтующих теперь приписывалось тайному и амбициозному заговору, и возникло подозрение, что повстанцы, особенно зеленая фракция, были снабжены оружием и деньгами Гипатием и Помпеем, двумя патрициями, которые не могли ни забыть с честью, ни вспомнить без опасности, что они были племянниками императора Анастасия. Капризно доверяемые, опальные и помилованные из-за ревливой легкомысленности монарха, они представляли перед троном как верные слуги; и в течение пяти дней беспорядков они содержались под стражей как важные заложники; пока, наконец, страхи Юстиниана не взяли верх над его благоразумием, и он не стал рассматривать двух братьев как шпионов, а может быть, и как убийц, и строго приказал им покинуть дворец.

После безуспешного заявления о том, что повиновение может привести к невольной измене, они удалились в свои дома, и на утро шестого дня Гипатий был окружен и схвачен народом, который, не обращая внимания на его добродетельное сопротивление и слезы его жены, перенес своего любимца на форум Константина и вместо диадемы надел ему на голову богатый ожерелье. Если бы узурпатор, который впоследствии оправдывался своей задержкой, последовал совету сената и поддержал ярость толпы, их первое непреодолимое усилие могло бы подавить или изгнать его дрожащего соперника. Византийский дворец имел свободный выход к морю; суда стояли наготове у садовых ступеней; и уже было принято тайное решение переправить императора с его семьей и сокровищами в безопасное убежище, в некотором удалении от столицы.

Юстиниан был бы потерян, если бы проститутка, которую он взял из театра, не отказалась от робости и добродетелей своего пола. Во время совета, на котором присутствовал Велизарий, только Феодора проявила дух героя; и только она, не опасаясь его будущей ненависти, смогла спасти императора от надвигающейся опасности и его недостойных страхов. «Если бегство, — сказала супруга Юстиниана, — было единственным средством спасения, я все равно презирала бы бегство. Смерть — это условие нашего рождения; но те, кто царствовал, никогда не должны переживать утрату достоинства и власти. Я молю небо, чтобы я ни одного дня не видела себя без диадемы и пурпура; чтобы я не видела больше света, когда перестану приветствоваться как королева. Если ты решишь, о Цезарь, бежать, у тебя есть сокровища; вот море, у тебя есть корабли; но трепещи, чтобы желание жить не подвергло тебя жалкой изгнанию и позорной смерти. Что касается меня, я придерживаюсь древней пословицы, что трон — это славная гробница».

Твердость женщины вернула мужество для размышлений и действий, а мужество скоро обнаруживает ресурсы даже в самой отчаянной ситуации. Это была легкая и решительная мера, чтобы возродить вражду между фракциями. Синие были потрясены своей виной и глупостью, что незначительная обида побудила их вступить в заговор со своими непримиримыми врагами против милостивого и щедрого благодетеля; они вновь провозгласили величие Юстиниана, и зеленые с их выскочкой-императором остались одни на ипподроме. Верность стражи была сомнительна, но военная сила Юстиниана состояла из трех тысяч ветеранов, которые были обучены доблести и дисциплине в персидских и иллирийских войнах.

Византийский костюм

Под командованием Велизария и Мунда они молча вышли из дворца двумя отрядами, пробившись через узкие проходы, погасающие пламя и рушащиеся здания и в один момент взломали две противоположные ворота ипподрома. В этом узком пространстве беспорядочная и испуганная толпа была неспособна сопротивляться решительной и организованной атаке с обеих сторон; синие знаки сигнализировали ярость их раскаяния; и подсчитано, что более тридцати тысяч человек были убиты в безжалостной и беспорядочной бойне того дня.^[3] Гипатий был стащен с трона и вместе со своим братом Помпеем приведен к ногам императора; они умоляли его о милосердии, но их преступление было очевидным, их невиновность сомнительной, а Юстиниан был слишком напуган, чтобы простить. На следующее утро два племянника Анастасия вместе с восемнадцатью знатными сообщниками патрицианского или консульского ранга были тайно казнены солдатами; их тела были брошены в море, их дворцы разрушены, а их состояния конфискованы. Сам ипподром был обречен на несколько лет печального молчания; с возобновлением игр возобновились и те же беспорядки, и синие и зеленые фракции продолжали мучить правление Юстиниана и нарушать спокойствие Восточной империи, которая все еще охватывала народы за Адриатикой и до границ Эфиопии и Персии.

ЖАДНОСТЬ И РАСХОДЫ ЮСТИНИАНА

Юстиниан правил шестьюдесятью четырьмя провинциями и 935 городами, его владения были благословлены природой преимуществами почвы, положения и климата; а достижения человеческого искусства постоянно распространялись вдоль побережья Средиземного моря и берегов Нила, от древней Трои до египетского Фив. Авраам был избавлен от известного изобилия Египта; та же страна, небольшой и густонаселенный участок, по-прежнему была способна ежегодно экспортировать 260 000 четвертей пшеницы для использования в Константинополе; а столица Юстиниана снабжалась изделиями Сидона, спустя пятнадцать веков после того, как они были прославлены в стихах Гомера.

Подданные Юстиниана были недовольны временем и правительством. Европа была захвачена варварами, а Азия — монахами; бедность Запада сдерживала торговлю и производство Востока; плоды труда потреблялись нерентабельными слугами церкви, государства и армии, и было ощутимо быстрое сокращение постоянного и оборотного капитала, составляющего национальное богатство. Общественное бедствие было облегчено экономией Анастасия, и этот благоразумный император накопил огромное сокровище, освободив свой народ от самых ненавистных и угнетающих налогов. Его пример был проигнорирован, а его сокровище было растрачено племянником Юстина. Богатства Юстиниана были быстро исчерпаны милостыней и строительством, амбициозными войнами и позорными договорами. Его доходы оказались недостаточными для покрытия его расходов.

Были испробованы все уловки, чтобы вымогать у народа золото и серебро, которое он щедро разбрасывал от Персии до Франции; его правление было отмечено переменами, или, скорее, борьбой между алчностью и скупостью, роскошью и бедностью; он жил с репутацией обладателя тайных сокровищ и завещал своему преемнику выплату своих долгов. Такой характер был справедливо осужден голосом народа и потомков; но общественное недовольство легковерно, частная злоба дерзка, и любитель истины будет с подозрением изучать поучительные анекдоты Прокопия.^е Тайный историк изображает только пороки Юстиниана, и эти пороки затемнены его злобным пером. Неоднозначные поступки приписываются худшим мотивам, ошибка путается с виной, случайность с замыслом, а законы с злоупотреблениями; частичная несправедливость одного момента ловко применяется в качестве общей максимы тридцатидвухлетнего правления. Император один несет ответственность за ошибки своих чиновников, беспорядки того времени и коррупцию своих подданных; и даже стихийные бедствия, эпидемии, землетрясения и наводнения приписываются князю демонов, который злонамеренно принял облик Юстиниана.

После этой оговорки мы кратко изложим анекдоты о скупости и грабежах под следующими заголовками: (1) Юстиниан был настолько расточителен, что не мог быть щедрым. Гражданские и военные чиновники, когда их принимали на службу во дворец, получали скромное звание и умеренное жалованье; по старшинству они поднимались до положения богатства и покоя; годовые пенсии, из которых наиболее почетные были отменены Юстинианом, составляли четыреста тысяч фунтов; и эта внутренняя экономия была осуждена продажными или бедными придворными как последнее оскорбление величия империи. Почтовые службы, зарплаты врачей и ночное освещение были предметом более общей озабоченности; и города могли справедливо жаловаться, что он узурпировал муниципальные доходы, которые были выделены на эти полезные учреждения. Даже солдаты пострадали; и настолько упал военный дух, что они пострадали безнаказанно. Император отказывался каждые пять лет выплачивать обычные подарки в виде пяти золотых монет, сводя своих ветеранов к просьбам о милостыне и позволяя неплатежеспособным армиям таять в войнах в Италии и Персии.

(2) Гуманность его предшественников всегда смягчала, в некоторых благоприятных обстоятельствах их правления, задолженности по государственным даньям; и они ловко присваивали себе заслугу отказа от тех требований, которые было невозможно исполнить. «Юстиниан за тридцать два года ни разу не проявил подобной снисходительности; и многие из его подданных отказались от владения землями, стоимость которых была недостаточна для удовлетворения требований казны. Городам, пострадавшим от вражеских вторжений, Анастасий обещал общее освобождение от уплаты налогов на семь лет; провинции Юстиниана были разорены персами и арабами, гуннами и славянами, но его тщетное и смешное освобождение от уплаты налогов на один год было ограничено теми местами, которые были фактически захвачены врагом». Таковы слова тайного историка, который прямо отрицает, что Палестине была предоставлена какая-либо льгота после восстания самаритян; ложное и отвратительное обвинение, опровергаемое достоверными записями, которые свидетельствуют о помощи в размере тринадцати центенариев золота (52 000 фунтов стерлингов или 260 000 долларов), полученной для этой опустошенной провинции по заступничеству святого Саввы.

(3) Прокопий не снизошел до объяснения системы налогообложения, которая обрушилась на землю как град, как пожирающая чума на ее жителей; но мы стали бы соучастниками его злобы, если бы возложили на Юстиниана одну ответственность за древний, хотя и жестокий принцип, согласно которому весь район должен был нести частичную утрату людей или имущества отдельных лиц. *Аннона*, или поставка зерна для нужд армии и столицы, была тяжелым и произвольным обложением, которое, возможно, в десять раз превышало возможности фермера; его бедственное положение усугублялось частичной несправедливостью весов и мер, а также расходами и трудом, связанными с транспортировкой на большие расстояния. В период нехватки продовольствия к соседним провинциям Фракии, Вифинии и Фригии были предъявлены чрезвычайные требования, но землевладельцы, после утомительного путешествия и опасного плавания, получили настолько неадекватную компенсацию, что они предпочли бы доставить зерно и деньги прямо к дверям своих зернохранилищ. Эти меры предосторожности могли свидетельствовать о заботе о благосостоянии столицы, однако Константинополь не избежал грабительского деспотизма Юстиниана. До его правления проливы Босфор и Геллеспонт были открыты для свободной торговли, и ничего не было запрещено, кроме экспорта оружия для нужд варваров. У каждого из этих ворот города стоял претор, министр имперской алчности; на суда и их товары налагались тяжелые пошлины; угнетение оплачивалось беспомощным потребителям; бедняки страдали от искусственного дефицита и непомерных цен на рынке; и народ, привыкший полагаться на щедрость своего князя, иногда мог жаловаться на нехватку воды и хлеба. Воздушная дань, не имевшая названия, закона или определенного объекта, представляла собой ежегодный подарок в размере 120 000 фунтов стерлингов или 600 000 долларов, который император принимал от своего префекта претория; а средства оплаты были оставлены на усмотрение этого могущественного магистрата.

(4) Даже такой налог был менее невыносимым, чем привилегия монополий, которая сдерживала честную конкуренцию в промышленности и ради небольшой и нечестной выгоды налагала произвольное бремя на потребности и роскошь подданных. «Как только», — говорит Прокопий, — «[е](#)» — «как только исключительная продажа шелка была узурпирована императорским казначеем, весь народ, производители Тира и Беритуса, был доведен до крайней нищеты и либо погиб от голода, либо бежал в враждебные владения Персии». Провинция могла пострадать от упадка своего производства, но в этом примере Прокопий частично упустил из виду неоценимую выгоду, которую империя получила от введения Юстинианом шелководства. Его добавление одной седьмой к обычной цене

медных денег можно интерпретировать с той же откровенностью; и это изменение, которое могло быть мудрым, кажется безобидным; поскольку он не снизил чистоту и не повысил стоимость золотой монеты, законного средства платежа в государственных и частных сделках.

(5) Широкие полномочия, необходимые сборщикам налогов для выполнения своих обязанностей, могли быть представлены в невыгодном свете, как будто они купили у императора жизни и состояния своих сограждан. А более прямая продажа почестей и должностей осуществлялась во дворце с разрешения или, по крайней мере, с молчаливого согласия Юстиниана и Феодоры. Претензии на заслуги, даже на благосклонность, игнорировались; и было почти разумно ожидать, что смелый авантюрист, который занялся торговлей должностями, найдет богатую компенсацию за позор, труд, опасность, долги, которые он на себя взял, и высокие проценты, которые он платил. Осознание позора и вреда этой продажной практики наконец пробудило дремлющую добродетель Юстиниана, и он попытался с помощью клятв и наказаний защитить целостность своего правительства, но через год клятвопреступлений его строгий указ был приостановлен, и коррупция бесчинно злоупотребляла своим триумфом над бессилием законов.

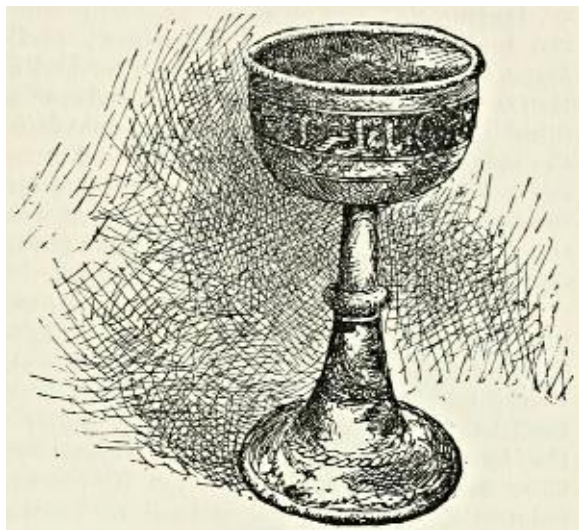
(6) В завещании Эулалия, графа домашней стражи, император был объявлен его единственным наследником, однако при условии, что он погасит его долги и выполнит завещания, обеспечит своим трем дочерям достойное содержание и выдаст каждую из них замуж с приданым в десять фунтов золота. Но великолепное состояние Эулалия было уничтожено пожаром, и инвентарь его имущества не превышал ничтожной суммы в 564 золотых монеты. Подобный случай в греческой истории напомнил императору о почетной роли, которую он должен был сыграть. Он подавил эгоистичные ропоты казначейства, одобрил доверие своего друга, погасил завещания и долги, воспитал трех дев под присмотром императрицы Феодоры и удвоил приданое, которое удовлетворяло нежность их отца. Человечность принца (ведь принцы не могут быть щедрыми) заслуживает некоторой похвалы; однако даже в этом благородном поступке мы можем обнаружить укоренившуюся традицию вытеснения законных или естественных наследников, которую Прокопий приписывает правлению Юстиниана. Его обвинение подкрепляется именами выдающихся личностей и скандальными примерами; ни вдов, ни сирот не щадили; искусство выпрашивания, вымогательства или подделки завещаний с выгодой для себя практиковали агенты дворца. Эта низкая и вредная тирания посягает на безопасность частной жизни; и монарх, потакающий своей жажде наживы, вскоре будет искушен предвосхитить момент наследования, истолковать богатство как доказательство вины и перейти от права на наследство к праву конфискации.

(7) Среди форм грабежа философ может назвать преобразование языческих или еретических богатств в пользу верующих; но во времена Юстиниана это святое ограбление осуждали только сектанты, которые стали жертвами его ортодоксальной алчности.

В конечном итоге это могло отразиться на репутации Юстиниана, но большая часть вины, и еще большая часть прибыли, была перехвачена министрами, которые редко получали повышение за свои добродетели и не всегда выбирались за свои таланты. Заслуги квестора Трибониана будут в дальнейшем оценены в реформе римского права; но экономика Востока подчинялась преторианскому префекту, и Прокопий оправдал свои анекдоты портретом, который он раскрывает в своей публичной истории о печально известных пороках Иоанна Каппадокийского.

Порча его сердца была равна силе его ума. Хотя его подозревали в магии и языческих суевериях, он казался невосприимчивым к страху Божьему или упрекам людей; и его стремительная карьера была построена на смерти тысяч, бедности миллионов, разрушении

городов и опустошении провинций. С рассвета до обеда он усердно трудился, чтобы обогатить своего господина и себя за счет римского мира; остальную часть дня он проводил в чувственных и непристойных удовольствиях, а тихие часы ночи прерывались постоянным страхом перед правосудием убийцы. Его способности, а может быть, и пороки, обеспечили ему прочную дружбу Юстиниана; император с неохотой уступил ярости народа; его победа проявилась в немедленном восстановлении их врага; и в течение более десяти лет, под его гнетом, они чувствовали, что он движим мстью, а не уроками несчастья. Их ропот только укрепил решимость Юстиниана; но префект, в своей надменности, вызвал недовольство Феодоры, пренебрег властью, перед которой преклонялись все, и попытался посеять семена раздора между императором и его любимой супругой.

Византийский кубок

Даже сама Феодора была вынуждена притворяться, ждать благоприятного момента и с помощью хитроумного заговора сделать Иоанна Каппадокийского соучастником собственной гибели. В то время, когда Велизарий, если бы он не был героем, должен был бы проявить себя мятежником, его жена Антонина, пользовавшаяся тайным доверием императрицы, сообщила о его притворном недовольстве Евфимии, дочери префекта; доверчивая дева рассказала отцу об опасном замысле, и Иоанн, который, возможно, знал цену клятвам и обещаниям, поддался искушению согласиться на ночную и почти изменническую встречу с женой Велизария. По приказу Феодоры была устроена засада из стражников и евнухов; они бросились с обнаженными мечами, чтобы схватить или наказать виновного министра; его спасла верность его слуг; но вместо того, чтобы обратиться к милостивому правителю, который в частном порядке предупредил его об опасности, он малодушно бежал в святилище церкви.

Фаворит Юстиниана был принесен в жертву супружеской нежности или домашнему спокойствию; превращение префекта в священника погасило его амбициозные надежды, но дружба с императором смягчила его позор, и он сохранил в мягком изгнании в Кизике значительную часть своих богатств (). Такая несовершенная месть не могла удовлетворить неумолимую ненависть Феодоры; убийство его старого врага, епископа Кизика, послужило приличным предлогом, и Иоанн Каппадокийский, чьи поступки заслуживали тысячу смертей, был наконец осужден за преступление, в котором он был невиновен. Великий министр, удостоенный почестей консула и патриция, был позорно выпорочен, как самый гнусный преступник; единственным остатком его богатства был рваный плащ; его перевезли на лодке в место его изгнания в Антинополис в Верхнем Египте, и префект

Востока просил милостыню в городах, которые трепетали при одном упоминании его имени.

В течение семи лет изгнания его жизнь была защищена и угрожаема изобретательной жестокостью Феодоры; и когда ее смерть позволила императору вернуть слугу, которого он с сожалением покинул, амбиции Иоанна Каппадокийского были сведены к скромным обязанностям священнической профессии. Его преемники убедили подданных Юстиниана, что искусство угнетения можно еще усовершенствовать опытом и трудолюбием; в управление финансами были введены махинации сирийского банкира, и пример префекта был усердно скопирован квестором, государственным и частным казначеем, губернаторами провинций и главными магистратами Восточной империи.

Здания Юстиниана были построены на крови и сокровищах его народа, но эти величественные сооружения, казалось, провозглашали процветание империи и действительно демонстрировали мастерство их архитекторов. Как теория, так и практика искусств, которые зависят от математической науки и механической силы, культивировались под покровительством императоров; слава Архимеда соперничала со славой Прокла и Антемия; и если бы их чудеса были описаны умными зрителями, они могли бы сейчас расширить спекуляции, а не вызывать недоверие философов. Существует предание, что римский флот был превращен в пепел в порту Сиракуз с помощью горящих стекол Архимеда; и утверждается, что подобный прием был использован Проклом для уничтожения готских кораблей в гавани Константинополя и для защиты своего благодетеля Анастасия от смелого предприятия Виталиана. На стенах города была установлена машина, состоящая из шестиугольного зеркала из полированной латуни с множеством меньших подвижных многоугольников, которые принимали и отражали лучи полуденного солнца; и пожирающее пламя бросалось на расстояние, возможно, до двухсот футов.

Достоверность этих двух необычных фактов опровергается молчанием наиболее авторитетных историков; кроме того, использование горящих стекол никогда не применялось при нападении или обороне городов. Тем не менее, замечательные эксперименты французского философа [Бюффона] продемонстрировали возможность создания такого зеркала; и, поскольку это возможно, мы более склонны приписывать это искусство величайшим математикам древности, чем отдавать должное выдумке праздношатающегося монаха или софиста. Согласно другой истории [рассказанной Иоанном Малаласом^{[h](#)}], Прокл применил серу для уничтожения готского флота; в современном воображении название «сера» сразу же ассоциируется с подозрением о применении пороха, и это подозрение распространяется благодаря тайным искусствам его ученика Антемия.

ВИЗАНТИЙСКИЙ АРИСТОКРАТ

Слава грамматика Метродора и математика и архитектора Антемия дошла до ушей императора Юстиниана, который пригласил их в Константинополь; и пока один обучал молодое поколение в школах красноречия, другой наполнял столицу и провинции более долговечными памятниками своего искусства. В незначительном споре, касавшемся стен или окон их смежных домов (), он был побежден красноречием своего соседа Зенона; но оратор, в свою очередь, был побежден мастером механики, чьи злонамеренные, хотя и безобидные, уловки мрачно представлены невежеством Агафия. В нижней комнате Антемий расположил несколько сосудов или котлов с водой, каждый из которых был накрыт широким дном кожаной трубы, которая поднималась к узкой вершине и была искусственно проложена между балками и стропилами соседнего здания. Под котлом развели огонь; пар от кипящей воды поднимался по трубам; дом сотряслся от усилий заключенного воздуха, и его дрожащие обитатели могли удивляться, что город не почувствовал землетрясения, которое они ощущали.

В другой раз друзья Зенона, сидя за столом, были ослеплены невыносимым светом, который мелькал в их глазах от отражающих зеркал Антемия; они были потрясены шумом, который он производил при столкновении определенных мелких и звучных частиц; и оратор трагическим стилем заявил сенату, что простой смертный должен уступить силе противника, который сотрясал землю трезубцем Нептуна и имитировал гром и молнию самого Юпитера. Гений Антемия и его коллеги Исидора Милесийского был воодушевлен и использован принцем, чья любовь к архитектуре переросла в пагубную и дорогостоящую страсть. Его любимые архитекторы представляли свои проекты и трудности Юстиниану и сдержанно признавались, насколько их кропотливые размышления превосходили интуитивное знание или небесное вдохновение императора, чьи взгляды всегда были направлены на благо его народа, славу его правления и спасение его души.

СТРОИТЕЛЬСТВО СВ. СОФИИ

Главная церковь, посвященная основателем Константинополя Святой Софии, или вечной Мудрости, дважды была разрушена пожаром: после изгнания Иоанна Златоуста и во время *Ники* синих и зеленых фракций. Как только беспорядки утихли, христианское население сожалело о своей кощунственной опрометчивости; но они могли бы радоваться бедствию, если бы предвидели славу нового храма, который через сорок дней был энергично возведен благочестивым Юстинианом. Руины были убраны, был разработан более просторный план, и, поскольку для его реализации требовалось согласие некоторых владельцев земли, они добились самых непомерных условий, воспользовавшись горячим желанием и боязливой совестью монарха. Антемий разработал проект, и его гений руководил руками десяти тысяч рабочих, которым платили серебряными монетами, и никогда не задерживали выплату до вечера. Сам император, одетый в льняную тунику, каждый день наблюдал за их быстрым прогрессом и поощрял их усердие своей дружелюбием, рвением и наградами.

Новый собор Святой Софии был освящен патриархом через пять лет, одиннадцать месяцев и десять дней после закладки первого камня; и в разгар торжественного праздника Юстиниан воскликнул с благочестивой гордостью: «Слава Богу, который счел меня достойным совершить столь великое дело; я победил тебя, о Соломон!». Но гордость римского Соломона менее чем через двадцать лет была умерщвлена землетрясением, которое разрушило восточную часть купола. Его великолепие было вновь восстановлено благодаря настойчивости того же принца, и на тридцать шестом году своего правления Юстиниан отпраздновал второе освящение храма, который и по прошествии двенадцати веков остается величественным памятником его славы. Архитектура собора Святой Софии, который сейчас превращен в главную мечеть, была подражена турецкими султанами, и это почтенное сооружение продолжает вызывать восторженное восхищение греков и более рациональное любопытство европейских путешественников. Взгляд зрителя разочаровывает неровный вид полукуполов и наклонных крыш; западный фасад, главный подход, лишен простоты и величия; а по своим размерам собор значительно уступает нескольким латинским соборам. Но архитектор, который первым воздвиг воздушный купол, заслуживает похвалы за смелый замысел и искусное исполнение.

Сам алтарь, название которого незаметно стало привычным для христианских ушей, был расположен в восточной нише, искусственно построенной в форме полуцилиндра; и это святилище сообщалось несколькими дверями с ризницей, приталиями, баптистерием и смежными зданиями, служащими либо для торжественных богослужений, либо для частного использования церковными служителями. Воспоминания о прошлых бедствиях вдохновили Юстиниана на мудрое решение, что в новом здании не должно быть дерева, за исключением дверей, и выбор материалов был обусловлен прочностью, легкостью или величием соответствующих частей. Прочные сваи, поддерживающие купол, были сложены из огромных блоков тесаного камня, высеченных в форме квадратов и треугольников, укрепленных железными кольцами и прочно скрепленных с помощью свинца и негашеной извести; но вес купола был уменьшен за счет легкости его материала, состоящего либо из пемзы, которая плавает в воде, либо из кирпичей с острова Родос, в пять раз легче обычных. Вся конструкция здания была построена из кирпича, но эти простые материалы были скрыты под мраморной оболочкой, и внутреннее убранство собора Святой Софии, купол, два больших и шесть меньших полукуполов, стены, сотня колонн и полы радуют даже глаза варваров богатой и пестрой картиной.

Поэт, который видел первоначальный блеск собора Святой Софии, перечисляет цвета, оттенки и пятна десяти или двенадцати видов мрамора, яшмы и порфира, которые природа обильно разнообразила и которые были смешаны и контрастировали, как будто их смешал

и контрастировал искусный художник. Триумф Христа был украшен последними трофеями язычества, но большая часть этих дорогостоящих камней была добыта в карьерах Малой Азии, на островах и материке Греции, в Египте, Африке и Галлии. Восемь колонн из порфира, которые Аврелиан поместил в храме солнца, были подарены благочестивой римской матроной; еще восемь, из зеленого мрамора, были подарены амбициозными магистратами Эфеса: обе группы колонн восхищают своими размерами и красотой (), но ни один архитектурный стиль не признает их причудливые капители.

Разнообразие орнаментов и фигур было любопытно выражено в мозаике; а изображения Христа, Богородицы, святых и ангелов, которые были испорчены турецким фанатизмом, были опасно подвержены суеверию греков. В соответствии со святостью каждого объекта драгоценные металлы распределялись в виде тонких листов или твердых масс. Балюстрада хора, капители колонн, орнаменты дверей и галерей были из позолоченной бронзы; зрителя ослеплял блеск купола; святилище содержало сорок тысяч фунтов серебра; а священные сосуды и облачения алтаря были из чистейшего золота, украшенного бесценными драгоценными камнями. Еще до того, как конструкция церкви поднялась на два локтя над землей, было израсходовано уже 45 200 фунтов; а общая сумма расходов составила 320 000 фунтов; каждый читатель, в зависимости от степени своей веры, может оценить их стоимость либо в золоте, либо в серебре; но сумма в 1 000 000 фунтов стерлингов, или 5 000 000 долларов, является результатом самого низкого расчета. Великолепный храм — это достойный памятник национального вкуса и религии, и энтузиаст, вошедший в купол Святой Софии, может быть склонен предположить, что это резиденция или даже творение Божества. Но как скучно это искусство, как незначительна эта работа, если сравнить ее с созданием самого гнусного насекомого, ползающего по поверхности храма!

ДРУГИЕ ЗДАНИЯ ЮСТИНИАНА

[527-565 гг. н. э.]

Столь подробное описание здания, которое уважает время, может подтвердить правду и оправдать рассказ о бесчисленных сооружениях, как в столице, так и в провинциях, которые Юстиниан построил в меньших масштабах и на менее прочных фундаментах.^[4] Только в Константинополе и прилегающих пригородах он посвятил двадцать пять церквей в честь Христа, Богородицы и святых; большинство из этих церквей были украшены мрамором и золотом; их разнообразное расположение было искусно выбрано на густонаселенной площади или в приятной роще; на берегу моря или на каком-нибудь возвышенном холме, с которого открывался вид на континенты Европы и Азии.

Богородица Иерусалимская могла радоваться храму, воздвигнутому ее императорским поклонником на самом неблагоприятном месте, которое не предоставляло архитектору ни земли, ни материалов. Была выровнена поверхность, подняв часть глубокой долины до высоты горы. Камни из соседнего карьера были вытесаны в правильные формы; каждый блок крепился на специальном телеге, запряженной сорока самыми сильными волами, а дороги были расширены для прохода таких огромных грузов. Ливан предоставил свои самые высокие кедры для строительства церкви, а своевременное открытие жилы красного мрамора обеспечил ее красивыми колоннами, две из которых, поддерживающие внешний портик, считались самыми большими в мире.

Благочестивая щедрость императора распространилась на всю Святую Землю: и если разум осуждает монастыри для мужчин и женщин, построенные или восстановленные Юстинианом, то милосердие должно приветствовать колодцы, которые он пробурил, и больницы, которые он основал для помощи уставшим паломникам. Раскольнический

характер Египта не заслуживал королевской щедрости, но в Сирии и Африке были приняты некоторые меры для устранения последствий войн и землетрясений, и как Карфаген, так и Антиохия, восстанавливающиеся из руин, могли почитать имя своего милостивого благодетеля.

Почти каждый святой в календаре удостоился чести иметь свой храм; почти каждый город империи получил такие существенные преимущества, как мосты, больницы и акведуки; но суровый великодушный монарх не позволяло ему баловать своих подданных популярными роскошными банями и театрами. Хотя Юстиниан трудился на благо общества, он не забывал о своем собственном достоинстве и комфорте. Византийский дворец, поврежденный пожаром, был восстановлен с новой роскошью; и некоторое представление о всем здании можно получить по вестибюлю, или залу, который, возможно, из-за дверей или крыши, получил прозвище «халке», или «медный». Купол просторного четырехугольника поддерживали массивные колонны; пол и стены были инкрустированы разноцветным мрамором — изумрудно-зеленым из Лаконии, огненно-красным и белым фригийским камнем, пересеченным прожилками морского зеленого оттенка; мозаичные росписи купола и боковых стен изображали славу африканских и итальянских триумфов.

На азиатском берегу Пропонтиды, недалеко к востоку от Халкидона, были построены роскошный дворец и сады Гераона, которые служили летней резиденцией Юстиниана и, в особенности, Феодоры. Поэты того времени воспевали редкое соединение природы и искусства, гармонию нимф рощ, фонтанов и волн; однако толпа слуг, сопровождавших двор, жаловалась на неудобные условия проживания, а нимфы слишком часто пугались знаменитого Порфирио, кита шириной в десять локтей и длиной в тридцать, который выбросился на берег в устье реки Сангарис после того, как более полувека терроризировал моря Константинополя.

УКРЕПЛЕНИЯ

Юстиниан увеличил количество укреплений в Европе и Азии, но повторение этих робких и бесплодных мер предосторожности показывает философскому взгляду слабость империи. От Белграда до Эвксинского моря, от слияния Савы до устья Дуная, вдоль берегов великой реки простиралась цепь из более чем восьмидесяти укрепленных мест. Одиночные сторожевые башни были превращены в просторные цитадели; пустующие стены, которые инженеры сокращали или расширяли в зависимости от характера местности, были заполнены колониями или гарнизонами; крепкая крепость защищала руины моста Траяна, а несколько военных постов стремились распространить за пределы Дуная гордость римского имени. Но это имя утратило свой страшный смысл; варвары, совершая ежегодные набеги, с презрением проходили мимо этих бесполезных укреплений; а жители пограничных районов, вместо того чтобы отдыхать под сенью общей обороны, были вынуждены с неустанной бдительностью охранять свои отдельные жилища.

Одиночество древних городов было восполнено; новые основания Юстиниана приобрели, возможно, слишком поспешно, эпитеты «неприступный» и «населенный»; а благоприятное место его собственного рождения привлекало благодарное почтение самых тщеславных принцев. Под названием *Юстиниана Прима* неизвестная деревня Таурезиум стала резиденцией архиепископа и префекта, чья юрисдикция распространялась на семь воинственных провинций Иллирии, а коррумпированное название *Джустендил* до сих пор обозначает, примерно в двадцати милях к югу от Софии (), резиденцию турецкого санджака. Для нужд соотечественников императора были быстро построены собор, дворец и акведук; общественные и частные здания были приспособлены к величию королевского города; а прочность стен выдержала при жизни Юстиниана неумелые нападения гуннов и славян. Их

продвижение иногда замедлялось, а надежды на грабеж не оправдывались из-за бесчисленных замков, которые, по-видимому, покрывали всю поверхность страны в провинциях Дакия, Эпир, Фессалия, Македония и Фракия. Шестьсот из этих крепостей были построены или отремонтированы императором, но есть основания полагать, что большая часть из них представляла собой лишь каменную или кирпичную башню, расположенную посреди квадратной или круглой площади, окруженной стеной и рвом, которая в случае опасности обеспечивала некоторую защиту крестьянам и скоту соседних деревень.

Однако эти военные сооружения, которые истощили государственную казну, не смогли развеять обоснованные опасения Юстиниана и его европейских подданных. Теплые ванны Анхиалуса во Фракии стали такими же безопасными, как и полезными для здоровья, но богатые пастбища Фессалоник были опустошены скифской кавалерией; восхитительная долина Темпе, расположенная в трехстах милях от Дуная, постоянно тревожилась звуками войны, и ни одно неукрепленное место, каким бы отдаленным или уединенным оно ни было, не могло безопасно наслаждаться благами мира. Пролив Фермопилы, который, казалось, защищал, но который так часто предавал безопасность Греции, был тщательно укреплен трудами Юстиниана. От края морского побережья, через леса и долины, и до вершины Фессалийских гор, была построена прочная стена, которая занимала все проходимые входы. Вместо спешно собранной толпы крестьян вдоль вала был размещен гарнизон из двух тысяч солдат; для них были предусмотрены зернохранилища и водохранилища; и в качестве меры предосторожности, вдохновленной предвидением трусости, были построены удобные крепости для их отступления. Стены Коринфа, разрушенные землетрясением, и разрушающиеся укрепления Афин и Платы были тщательно восстановлены; варвары были обескуражены перспективой последовательных и мучительных осад, а незащищенные города Пелопоннеса были покрыты укреплениями Коринфского перешейка.

На краю Европы другой полуостров, Фракийский Херсонес, уходит в море на три дня пути, образуя вместе с прилегающими берегами Азии пролив Геллеспонт. Пространство между одиннадцатью густонаселенными городами занимали высокие леса, прекрасные пастбища и пахотные земли; а перешеек длиной в тридцать семь стадий или стадий был укреплен спартанским полководцем за девятьсот лет до правления Юстиниана. В эпоху свободы и доблести даже самый незначительный вал может предотвратить внезапное нападение, и Прокопий, по-видимому, не осознает превосходство древних времен, когда он хвалит прочное сооружение и двойной парапет стены, длинные рукава которой простирались по обе стороны в море, но прочность которой считалась недостаточной для защиты Херсонеса, если бы каждый город, и в особенности Галлиполи и Сестос, не были защищены своими особыми укреплениями.

Длинная стена, как ее подчеркнуто называли, была сооружением столь же позорным по своему назначению, сколь и достойным уважения по своему исполнению. Богатства столицы распространялись на соседние земли, и территория Константинополя, рай природы, была украшена роскошными садами и виллами сенаторов и богатых граждан. Но их богатство служило лишь для привлечения смелых и алчных варваров; самые благородные из римлян, погруженные в мирную леность, были увезены в скифский плен, а их правитель мог наблюдать из своего дворца вражеские пламени, которые дерзко распространялись до ворот имперского города. Всего в сорока милях от него Анастасий был вынужден установить последнюю границу; его длинная стена, протянувшаяся на шестьдесят миль от Пропонтиды до Эвксинского моря, провозглашала бессилие его оружия; и по мере того, как опасность становилась все более неминуемой, неутомимая предусмотрительность Юстиниана добавляла новые укрепления.

Малая Азия, после подчинения исавров, осталась без врагов и без укреплений. Эти смелые дикари, которые презирали быть подданными Галлиена, в течение 230 лет продолжали вести независимую и грабительскую жизнь. Самые успешные князья уважали силу гор и отчаяние туземцев; их яростный дух иногда умиротворялся подарками, а иногда сдерживался террором; и военный граф с тремя легионами обосновался на постоянной и позорной службе в сердце римских провинций.

Если мы расширим наш взгляд от тропика до устья Танаиса, то с одной стороны мы можем наблюдать меры предосторожности Юстиниана по сдерживанию дикарей Эфиопии, а с другой — длинные стены, которые он построил в Крыму для защиты своих дружественных готов, колонии из трех тысяч пастухов и воинов. От этого полуострова до Трапезунда восточная дуга Эвксинского моря была защищена крепостями, союзами или религией; и владение Лазикой, древней Колхидой, современной Мингрелией, вскоре стало предметом важной войны. Трапезунд, впоследствии ставшая столицей романтической империи, обязана была щедрости Юстиниана церковью, акведуком и замком, рвы которого высечены в твердой скале. От этого приморского города можно провести пограничную линию длиной в пятьсот миль до крепости Киркезиум, последней римской станции на Евфрате.

Среди римских городов за Евфратом мы выделяем два недавно основанных, названных в честь Феодосия и мощей мучеников, а также две столицы, Амиду и Эдессу, которые прославились в истории всех веков. Их сила была соразмерна опасности их положения, как считал Юстиниан. Ров и частокол могли быть достаточными для сопротивления неискушенной силе скифской кавалерии, но для отражения регулярной осады, направленной против оружия и сокровищ великого царя, требовались более сложные сооружения. Его искусные инженеры знали, как прокладывать глубокие подземные ходы и возводить платформы до уровня вала; он сотрясал самые прочные зубцы своими военными машинами, а иногда переходил к штурму с помощью ряда подвижных башен на спинах слонов. В великих городах Востока недостаток пространства, а может быть, и положения, компенсировался рвением народа, который поддерживал гарнизон в защите своей страны и религии; а сказочное обещание Сына Божьего, что Эдесса никогда не будет взята, наполняло горожан мужественной уверенностью и охлаждало осаждающих сомнениями и унынием.

Подчиненные города Армении и Месопотамии были тщательно укреплены, а посты, которые, казалось, контролировали землю или воду, были заняты многочисленными фортами, построенными из камня или более поспешно возведенными из подручных материалов — земли и кирпича. Глаз Юстиниана исследует каждое место, и его жестокие меры предосторожности могут привлечь войну в какую-нибудь уединенную долину, мирные жители которой, связанные торговлей и браками, не знают о национальных разногласиях и ссорах князей. К западу от Евфрата песчаная пустыня простирается на шестьсот миль до Красного моря. Природа вставила пустую пустыню между амбициями двух соперничающих империй; арабы, до появления Мухаммеда, были грозны только как разбойники, и в гордой уверенности в мире укрепления Сирии были заброшены на самой уязвимой стороне.

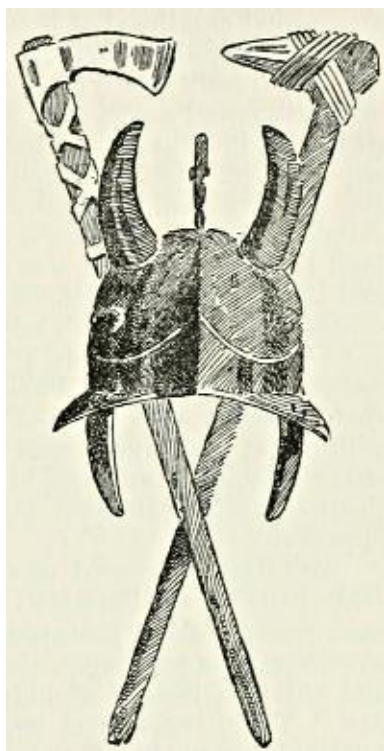
ПОДАВЛЕНИЕ ШКОЛ

[529-541 гг. н. э.]

Юстиниан закрыл школы Афин и консульство Рима, которые дали человечеству столько мудрецов и героев. Обе эти институты уже давно утратили свою первоначальную славу, но все же можно справедливо упрекнуть в алчности и зависти правителя, который уничтожил такие почитаемые руины.

Афинские школы находились под защитой самых мудрых и добродетельных римских правителей. Библиотека, основанная Адрианом, была расположена в портике, украшенном картинами, статуями и алебастровой крышей, и поддерживаемом ста колоннами из фригийского мрамора. Государственные зарплатy были назначены щедрым духом Антонинов; и каждый профессор политики, риторики, платонической, перипатетической, стоической и эпикурейской философии получал ежегодную стипендию в размере десяти тысяч драхм [более 300 фунтов стерлингов или 1500 долларов]. После смерти Марка эти щедрые пожертвования и привилегии, связанные с тронem науки, были отменены, а затем восстановлены, уменьшены и увеличены; но некоторые следы королевской щедрости можно найти у преемников Константина, и их произвольный выбор недостойного кандидата мог побудить философов Афин с ностальгией вспоминать дни независимости и бедности. Примечательно, что беспристрастная благосклонность Антонинов была оказана четырем противостоящим друг другу философским сектам, которые они считали одинаково полезными или, по крайней мере, одинаково невинными.

Готские оружия были менее губительны для афинских школ, чем установление новой религии, священники которой заменили собой разум, решали каждый вопрос статьей веры и обрекали неверующих или скептиков на вечные муки. Во многих томах кропотливых споров они разоблачали слабость разума и развращенность сердца, оскорбляли человеческую природу в мудрецах древности и запрещали дух философского исследования, столь отвратительный для доктрины или, по крайней мере, для нрава скромного верующего. Выжившая секта платоников, которую Платон постеснялся бы признать, экстравагантно смешивала возвышенную теорию с практикой суеверий и магии; и, оставаясь в одиночестве посреди христианского мира, они питали тайную злобу к правительству церкви и государства, чья суровость все еще висела над их головами.

Готское оружие и шлем

Примерно через столетие после правления Юлиана Проклусу было позволено преподавать на философской кафедре академии; и он был настолько трудолюбив, что часто за один день читал пять лекций и сочинял семьсот строк. Его проникательный ум исследует

самые глубокие вопросы морали и метафизики, и он осмелился выдвинуть восемнадцать аргументов против христианского учения о сотворении мира. Но в перерывах между занятиями он лично беседовал с Паном, Эскулапом и Минервой, в тайны которых он был тайно посвящен и чьи простертые статуи он поклонялся в благочестивом убеждении, что философ, который является гражданином вселенной, должен быть жрецом ее различных божеств. Затмение солнца предвещало его приближающийся конец; и его жизнь, наряду с жизнью его ученика Исихора, описанная двумя из их самых ученых учеников, представляет собой прискорбную картину второго детства человеческого разума.

[527-565 гг. н. э.]

Тем не менее, золотая цепь, как ее ласково называли, платонического преемства продолжалась сорок четыре года от смерти Прокла до указа Юстиниана, который наложил вечное молчание на школы Афин и вызвал скорбь и возмущение немногих оставшихся поклонников греческой науки и суеверий. Семь друзей и философов, Диоген и Гермияс, Эулалий и Присциан, Дамаский, Исихор и Симплиций, которые не соглашались с религией своего правителя, приняли решение искать в чужой стране свободу, которая была им отказана в родной стране. Они слышали и легковерно поверили, что республика Платона была воплощена в деспотическом правительстве Персии и что патристичный царь правил над самым счастливым и добродетельным из народов. Вскоре они были потрясены естественным открытием, что Персия похожа на другие страны мира; что Хосров, который называл себя философом, был тщеславен, жесток и амбициозен; что среди магов царили фанатизм и дух нетерпимости; что дворяне были высокомерны, придворные раболепны, а магистраты несправедливы; что виновные иногда уходили от наказания, а невинные часто подвергались угнетению.

Разочарование философов заставило их не замечать настоящих добродетелей персов; и они были возмущены, возможно, даже больше, чем подобало их профессии, множеством жен и наложниц, кровосмесительными браками и обычаем выставлять трупы на съедение собакам и стервятникам, вместо того чтобы хоронить их в земле или сжигать. Их раскаяние выразилось в поспешном возвращении, и они громко заявили, что лучше умрут на границах империи, чем будут наслаждаться богатством и благосклонностью варваров. Однако из этого путешествия они извлекли пользу, которая отражает чистейший блеск характера Хосрова. Он потребовал, чтобы семь мудрецов, посетивших двор Персии, были освобождены от уголовных законов, которые Юстиниан ввел против своих языческих подданных; и эта привилегия, прямо оговоренная в мирном договоре, охранялась бдительностью могущественного посредника.^[5]

Симплиций и его спутники закончили свою жизнь в мире и безвестности; и, поскольку они не оставили после себя учеников, они завершают длинный список греческих философов, которых, несмотря на их недостатки, можно по праву назвать самыми мудрыми и добродетельными из их современников. Сочинения Симплиция сохранились до наших дней. Его физические и метафизические комментарии к Аристотелю ушли вместе с модой того времени, но его моральное толкование Эпиктета сохранилось в библиотеке народов как классическая книга, превосходно подходящая для направления воли, очищения сердца и укрепления разума посредством справедливого доверия к природе как Бога, так и человека.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ РИМСКОГО КОНСУЛЬСТВА

[541 г. н. э.]

Примерно в то же время, когда Пифагор впервые придумал название «философ», свобода и консульство были основаны в Риме старшим Брутом. Первые магистраты республики были избраны народом для осуществления в сенате и в лагере полномочий по вопросам мира и войны, которые впоследствии были переданы императорам. Но традиция древнего достоинства долгое время почиталась римлянами и варварами. Готский историк Иорданес¹ восхваляет консульство Теодориха как вершину всей мирской славы;¹⁶ сам король Италии поздравляет тех, кому ежегодно сопутствует удача и кто без забот наслаждается великолепием трона; а в конце тысячелетия правители Рима и Константинополя создали двух консулов с единственной целью — дать дату году и праздник народу. Но расходы на этот праздник, в котором богатые и тщеславные стремились превзойти своих предшественников, незаметно выросли до огромной суммы в 80 000 фунтов стерлингов [400 000 долларов]; мудрейшие сенаторы отказались от бесполезной чести, которая влекла за собой верную гибель их семей; и эту нежелательность мы должны приписать частым пробелам в последнем веке консульских *фастов*.

Предшественники Юстиниана помогали из государственного казначейства менее состоятельным кандидатам; алчность этого правителя предпочла более дешевый и удобный метод советов и регулирования. Семь процессий или зрелищ — таково было число, на которое его эдикт ограничивал скачки на лошадях и колесницах, спортивные состязания, музыку и пантомимы в театре, а также охоту на диких зверей; а золотые медали, которые всегда вызывали беспорядки и пьянство, когда их щедро разбрасывали среди народа, были незаметно заменены небольшими серебряными монетами. Несмотря на эти меры предосторожности и его собственный пример, преемственность консулов окончательно прекратилась в тринадцатый год правления Юстиниана, чье деспотическое настроение могло быть удовлетворено молчаливым исчезновением титула, напоминавшего римлянам об их древней свободе.

ВАНДАЛЬСКАЯ ВОЙНА

[523-533 гг. н. э.]

Когда Юстиниан взошел на престол, примерно через пятьдесят лет после падения Западной империи, королевства готов и вандалов обрели прочное и, как могло показаться, законное положение как в Европе, так и в Африке. Титулы, завоеванные римлянами, были с одинаковой справедливостью стерты мечом варваров, а их успешные грабежи получили более почётное одобрение со стороны времени, договоров и клятв верности, уже повторенных вторым или третьим поколением покорных подданных.

После того как Рим был лишен императорской пурпурной мантии, князя Константинополя взяли на себя единоличное и священное правление монархией; потребовали в качестве своего законного наследия провинции, которые были покорены консулами или принадлежали цезарям; и слабо стремились освободить своих верных подданных на Западе от узурпации еретиков и варваров. Реализация этого великолепного замысла в некоторой степени была отложена для Юстиниана. В течение первых пяти лет своего правления он неохотно вел дорогостоящую и бесполезную войну против Персии, пока его гордость не подчинилась его амбициям, и он не купил за 440 000 фунтов стерлингов [2 200 000 долларов] преимущество неустойчивого перемирия, которое на языке обеих наций было удостоено достоинства названия «бесконечный мир». Безопасность на Востоке позволила императору направить свои силы против вандалов, а внутреннее

положение в Африке давало почетный повод и обещало мощную поддержку римским войскам.

Согласно завещанию основателя, африканское королевство перешло по прямой линии к Хильдерiku, старшему из вандалских принцев. Мягкий характер склонял сына тирана и внука завоевателя к тому, чтобы предпочитать советы милосердия и мира; его вступление на престол ознаменовалось благотворным эдиктом, который вернул двести епископов в их церкви и разрешил свободное исповедание Афанасийского вероучения. Но католики приняли с холодной и мимолетной благодарностью такую милость, столь несоразмерную их притязаниям, а добродетели Хильдерика оскорбляли предрассудки его соотечественников. Арианское духовенство осмелилось намекнуть, что он отрекся от веры, а солдаты еще громче жаловались, что он утратил мужество своих предков. Его послы были заподозрены в тайных и позорных переговорах при византийском дворе, а его генерал, Ахилл, как его называли, потерпел поражение в сражении с головными и беспорядочными маврами.

Общественное недовольство усугублялось Гелимером, чей возраст, происхождение и военная слава давали ему явное право на престол. С согласия народа он взял на себя бразды правления, а его несчастный повелитель без сопротивления скатился с трона в темницу, где его строго охраняли верный советник и его непопулярный племянник, Ахилл Вандалов. Но снисходительность, которую Хильдерик проявлял к своим католическим подданным, сильно расположила к нему Юстиниана, который в интересах своей собственной секты мог признать целесообразность и справедливость религиозной терпимости; их союз, пока племянник Юстина оставался в частном положении, был укреплен взаимным обменом подарками и письмами, и император Юстиниан отстаивал дело королевской власти и дружбы.

В двух последовательных посольствах он призывал узурпатора раскаяться в своей измене или, по крайней мере, воздерживаться от дальнейшего насилия, которое могло вызвать недовольство Бога и римлян; уважать законы родства и наследования и позволить немощному старику мирно дожить свои дни либо на троне Карфагена, либо во дворце Константинополя. Страсти или даже благоразумие Гелимера заставили его отклонить эти просьбы, которые были высказаны в высокомерном тоне угрозы и приказа, и он оправдал свою амбицию языком, редко используемым при византийском дворе, сославшись на право свободного народа смещать или наказывать своего верховного магистрата, который не справился с исполнением королевских обязанностей. После этой бесплодной перепалки плененный монарх подвергся более суровому обращению, его племянник был лишен глаз, а жестокий вандал, уверенный в своей силе и удаленности, насмеялся над тщетными угрозами и медленными приготовлениями императора Востока. Юстиниан решил освободить или отомстить за своего друга, а Гелимер — сохранить свою узурпацию; и войне, в соответствии с обычаями цивилизованных народов, предшествовали самые торжественные заявления о том, что каждая из сторон искренне желает мира.

Сообщение о войне в Африке порадовало только тщеславную и праздношатающуюся толпу Константинополя, чья бедность освобождала ее от уплаты дани, а трусость редко подвергала военной службе. Но более мудрые граждане, судящие о будущем по прошлому, вспоминали огромные потери, как в жизнях, так и в деньгах, которые империя понесла в походе Василиска. Войска, которые после пяти тяжелых кампаний были отозваны с персидской границы, боялись моря, климата и оружия неизвестного врага.

Силы вандалов были ослаблены раздорами и подозрениями; римские войска были воодушевлены духом Велизария, одного из тех героических имен, которые знакомы каждому веку и каждому народу.

БЕЛИСАРИЙ

Африканец Нового Рима родился и, возможно, получил образование среди фракийских крестьян (17) без тех преимуществ, которые сформировали добродетели старшего и младшего Сципионов — благородного происхождения, гуманитарного образования и соперничества со свободным государством. Молчание болтливого секретаря можно считать доказательством того, что юность Велизария не давала повода для похвалы; он служил, несомненно, с доблестью и честью, в личной страже Юстиниана, и когда его покровитель стал императором, слуга был повышен до военного командования. После смелого вторжения в Персидскую Армению, в котором его слава была разделена коллегой, а продвижение было остановлено врагом, Велизарий отправился в важный город Дара, где он впервые принял на службу Прокопия, 1 верного спутника и прилежного историка своих подвигов.

Вождь ВАНДАЛОВ

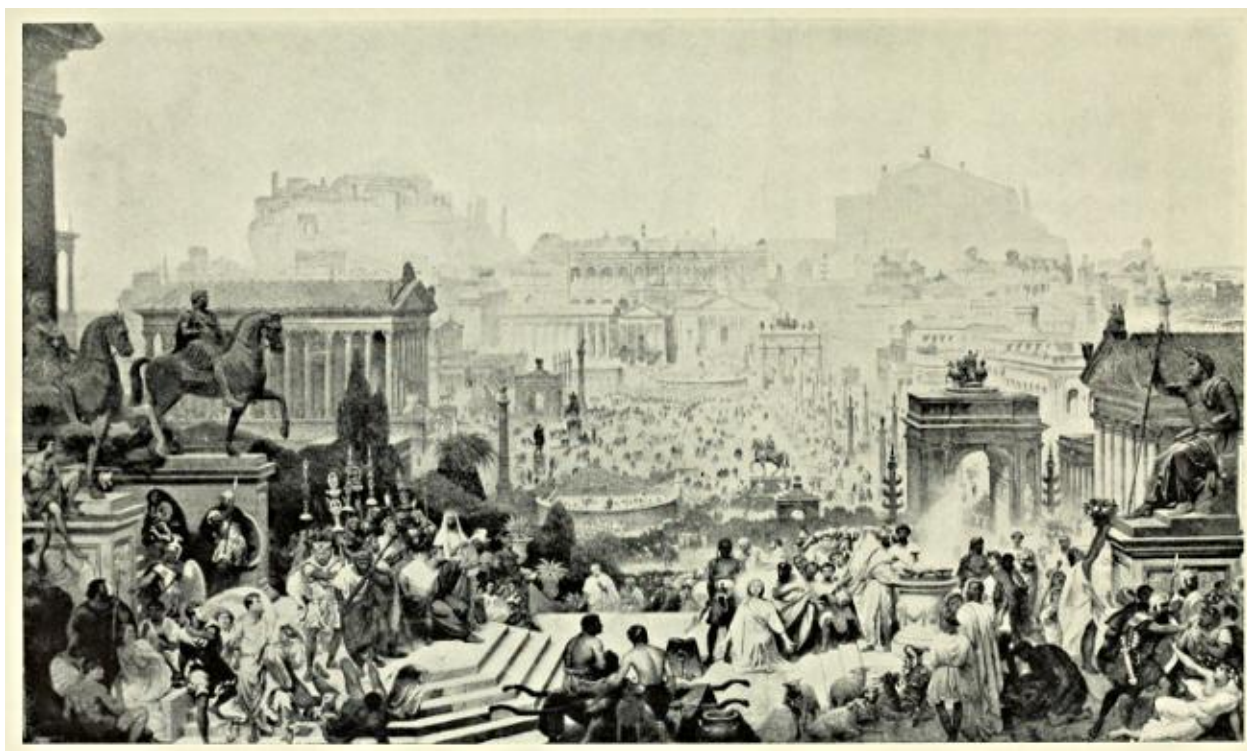
Мир освободил его от охраны восточной границы, а его поведение во время мятежа в Константинополе в полной мере оправдало его обязательства перед императором. Когда африканская война стала темой популярных разговоров и тайных обсуждений, каждый из римских полководцев с опаской, а не с амбициями, относился к этой опасной чести; но как только Юстиниан объявил о своем предпочтении высших заслуг, их зависть вновь разгорелась под влиянием единодушных аплодисментов, которыми был встречен выбор Велизария. Настроение византийского двора может породить подозрение, что герою тайно помогали интриги его жены, красивой и хитрой Антонины, которая то пользовалась доверием, то вызывала ненависть императрицы Феодоры. Антонина была низкого происхождения; она происходила из семьи колесничих, и ее целомудрие было запятнано самым гнусным позором. Тем не менее она долго и абсолютно властвовала над умом своего прославленного мужа; и если Антонина презирала достоинства супружеской верности, то она проявляла мужскую дружбу к Велизарии, которого она сопровождала с неустрашимой решимостью во всех трудностях и опасностях военной жизни.

Подготовка к африканской войне была достойна последнего сражения между Римом и Карфагеном. Гордость и цвет армии составляли гвардейцы Велизария, которые, в соответствии с пагубной потокаемостью того времени, посвятили себя особой клятвой верности служению своим покровителям. Их сила и рост, по которым они были тщательно отобраны, качество их лошадей и доспехов, а также усердное выполнение всех военных упражнений позволяли им действовать так, как подсказывал им их мужество; а их мужество было возвышено социальной честью их ранга и личной амбицией получить благосклонность и богатство.

Пятьсот транспортных судов, управляемых двадцатью тысячами моряков из Египта, Киликии и Ионии, были собраны в гавани Константинополя. Самые маленькие из этих судов можно оценить в тридцать, самые большие — в пятьсот тонн; и средний показатель даст достаточно щедрую, но не чрезмерную норму в сто тысяч тонн для приема тридцати пяти тысяч солдат и моряков, пяти тысяч лошадей, оружия, орудий и военных запасов, а также достаточного запаса воды и провианта для путешествия, возможно, продолжительностью в три месяца. Гордые галеры, которые в прежние века бороздили Средиземное море с сотнями весел, давно исчезли, и флот Юстиниана сопровождали только девяносто две легкие бригантины, защищенные от метательного оружия врага и гребные двумя тысячами храбрых и крепких юношей Константинополя. Названы имена двадцати двух генералов, большинство из которых впоследствии прославились в войнах в Африке и Италии, но верховное командование как на суше, так и на море было возложено исключительно на Велизария, наделенного безграничной властью действовать по своему усмотрению, как если бы сам император был присутствовал. Разделение морской и военной профессий является одновременно следствием и причиной современных усовершенствований в науке навигации и морской войны.

Если бы Гелимер был проинформирован о приближении врага, он должен был бы отложить завоевание Сардинии для немедленной защиты своей личности и королевства.

Отряд из 5000 солдат и 120 галер присоединился бы к оставшимся силам вандалов, и потомок Гензерика мог бы застать врасплох и подавить флот тяжело груженных транспортных судов, неспособных к действию, и легких бригантин, которые, казалось, были пригодны только для бегства. Белисарий тайно задрожал, когда подслушал, как его солдаты в проходе ободряли друг друга, признаваясь в своих опасениях: если они высадятся на берег, то надеются сохранить честь своего оружия, но если их атакуют в море, то они не стесняются признать, что им не хватает мужества сражаться одновременно с ветрами, волнами и варварами. Зная об их чувствах, Велизарий решил воспользоваться первой же возможностью высадить их на побережье Африки и на военном совете благоразумно отклонил предложение плыть с флотом и армией в порт Карфагена.

РИМСКИЙ ФОРУМ

Через три месяца после отправления из Константинополя люди и лошади, оружие и военные припасы были благополучно выгружены, и на каждом из кораблей, расположенных полукругом, оставили по пять солдат для охраны. Остальные войска заняли лагерь на берегу моря, который они укрепили в соответствии с древней дисциплиной рвом и валом; а обнаружение источника пресной воды, хотя и утолило жажду, но возбудило суеверную уверенность римлян. На следующее утро некоторые из соседних садов были разграблены; и Велизарий, наказав виновных, воспользовался этим незначительным, но решающим моментом, чтобы внушить им принципы справедливости, умеренности и подлинной политики. «Когда я впервые принял поручение покорить Африку, я полагался гораздо меньше, — сказал генерал, — на численность или даже храбрость моих войск, чем на дружеское расположение туземцев и их вечную ненависть к вандалам. Только вы можете лишить меня этой надежды; если вы продолжите грабить то, что можно купить за небольшие деньги, такие акты насилия примирят этих непримиримых врагов и объединят их в справедливый и святой союз против захватчиков их страны».

Эти увещевания подкреплялись строгой дисциплиной, благотворное воздействие которой вскоре почувствовали и оценили сами солдаты. Жители, вместо того чтобы покидать свои дома или прятать зерно, снабжали римлян на справедливом и щедром рынке; гражданские чиновники провинции продолжали исполнять свои обязанности от имени Юстиниана, а духовенство, движимое совестью и интересами, усердно трудилось, чтобы продвигать дело католического императора.

Белисарий без сопротивления продвинулся до Грасса, дворца королей вандалов, расположенного в пятидесяти милях от Карфагена. Близкое приближение римлян к Карфагену наполнило ум Гелимера тревогой и ужасом. Он благоразумно желал затянуть войну до тех пор, пока его брат с его ветеранскими войсками не вернется из завоевания Сардинии; и теперь он сожалел о опрометчивой политике своих предков, которые, разрушив укрепления Африки, оставили ему только опасное средство — рискнуть сражением в

окрестностях его столицы. Число вандалов-завоевателей, изначально составлявшее 50 000 человек, увеличилось, не считая женщин и детей, до 160 000 воинов; и такие силы, воодушевленные доблестью и единством, могли бы разгромить слабые и изможденные отряды римского полководца при первом же высадке на берег. Но друзья пленного короля были более склонны принять приглашения, чем сопротивляться продвижению Велизария; и многие гордые варвары скрывали свою неприязнь к войне под более убедительным предлогом ненависти к узурпатору. Тем не менее, авторитет и обещания Гелимера позволили собрать грозную армию, и его планы были согласованы с определенной степенью военного мастерства.

Его брату Амматасу был отправлен приказ собрать все силы Карфагена и встретить авангард римской армии в десяти милях от города; его племянник Гибамунд с двумя тысячами всадников должен был атаковать их левый фланг, а сам монарх, молча следовавший за ними, должен был атаковать их тыл в месте, где они не могли рассчитывать на помощь или даже видеть свой флот. Но опрометчивость Амматаса стала роковой для него самого и для его страны. Он опередил час атаки, обогнал своих медлительных последователей и был смертельно ранен, после того как собственноручно убил двенадцать своих самых смелых противников. Его вандалы бежали в Карфаген; шоссе протяженностью почти десять миль было усыпано трупами; и казалось невероятным, что такое множество людей могло быть убито мечами трехсот римлян. Племянник Гелимера был разгромлен после короткого сражения шестьюстами массагетами; их число не достигало и трети его войска, но каждый скиф был воодушевлен примером своего вождя, который с честью воспользовался привилегией своей семьи, выехав впереди всех и в одиночку выпустив первую стрелу в врага.

Тем временем сам Гелимер, не зная о событии и заблудившись в извилинах холмов, нечаянно миновал римскую армию и достиг места сражения, где пал Амматас. Он оплакивал судьбу своего брата и Карфагена, с неотразимой яростью атаковал наступающие отряды и, возможно, преследовал бы их и, возможно, одержал бы победу, если бы не потратил эти бесценные мгновения на выполнение тщетного, хотя и благочестивого долга перед мертвыми.^[8]

Пока его дух был сломлен этой печальной обязанностью, он услышал трубу Велизария, который, оставив Антонину и свою пехоту в лагере, продвигался вперед со своей гвардией и остатками кавалерии, чтобы собрать свои разбежавшиеся войска и восстановить удачу дня. В этой беспорядочной битве не было места для таланта полководца, но король бежал перед героем, а вандалы, привыкшие только к мавританскому врагу, были неспособны противостоять оружию и дисциплине римлян.^[9] Гелимер поспешно отступил в пустыню Нумидии, но вскоре его утешила весть о том, что его личные приказы о казни Хильдерика и его пленных друзей были верно выполнены. Месть тирана принесла пользу только его врагам. Смерть законного принца вызвала сострадание его народа; его жизнь могла бы поставить в затруднительное положение победоносных римлян; и лейтенант Юстиниана, благодаря преступлению, в котором он был невиновен, был избавлен от мучительного выбора между потерей чести и отказом от своих завоеваний.

БЕЛИЗАРИЙ ВХОДИТ В КАРТАГИНУ

Белисарий вскоре убедился, что может без опаски довериться мирному и дружественному облику столицы. Карфаген сиял бесчисленными факелами, символами общественной радости; цепь, охранявшая вход в порт, была снята; ворота были распахнуты, и народ с

восклицаниями благодарности приветствовал и приглашал своих римских освободителей. О поражении вандалов и освобождении Африки было объявлено городу в канун дня святого Киприана, когда церкви были уже украшены и освещены для празднования мученика, которого три века суеверий почти возвели в ранг местного божества. Ариане, осознавая, что их власть подошла к концу, уступили храм католикам, которые спасли своего святого от нечестивых рук, совершили священные обряды и громко провозгласили вероучение Афанасия и Юстиниана. Один ужасный час перевернул судьбу противоборствующих сторон.

Вандалы, которые еще недавно предавалось порокам завоевателей, искали скромного убежища в святилище церкви, а восточные купцы были освобождены из глубочайшей темницы дворца своим испуганным стражем, который умолял о защите своих пленников и показал им через отверстие в стене паруса римского флота. Но императорский флот, продвигаясь при попутном ветре, прошел через узкий вход в Голетту и занял в глубоком и вместительном озере Туниса () безопасное место примерно в пяти милях от столицы. Как только Белисарий узнал о их прибытии, он отдал приказ, чтобы большая часть моряков немедленно высадилась на берег, чтобы присоединиться к триумфу и увеличить видимую численность римлян. Прежде чем разрешить им войти в ворота Карфагена, он обратился к ним с речью, достойной его самого и случая, призвав их не позорить славу своего оружия и помнить, что вандалы были тиранами, а они — освободителями африканцев, которых теперь следует уважать как добровольных и преданных подданных их общего правителя.

Римляне шли по улицам в плотных рядах, готовые к бою, если бы появился враг; строгий порядок, поддерживаемый генералом, запечатлел в их умах долг послушания; и в эпоху, когда обычаи и безнаказанность почти освящали злоупотребления завоевателями, гений одного человека подавил страсти победоносной армии. Голоса угроз и жалоб умолкли; торговля Карфагена не прерывалась; пока Африка меняла своего господина и правительство, магазины продолжали работать и были полны покупателей; а солдаты, после того как было выставлено достаточное количество стражи, скромно удалились в дома, отведенные для их проживания. Белисарий поселился во дворце. Он сел на трон Гензериха, принял и распределил варварскую добычу, пощадил жизнь просящих о пощаде вандалов и приложил усилия, чтобы восстановить ущерб, нанесенный пригороду Мандрациум предыдущей ночью.

Только укрепления Карфагена были исключены из общего проскрипции, но за 95 лет правления они пришли в упадок из-за бездумности и лени вандалов. Более мудрый завоеватель с невероятной быстротой восстановил стены и рвы города. Его щедрость воодушевила рабочих; солдаты, моряки и граждане состязались друг с другом в этом благотворном труде; и Гелимер, который боялся доверять свою жизнь открытому городу, с изумлением и отчаянием наблюдал за ростом силы неприступной крепости.

ВИЗАНТИЙСКАЯ МАСЛЯНАЯ ВАЗА

Этот несчастный монарх, после потери своей столицы, занялся сбором остатков армии, которая была скорее рассеяна, чем уничтожена в предыдущей битве; надежды на грабеж привлекли некоторые мавританские отряды к знамени Гелимера. Он разбил лагерь в полях Буллы, в четырех днях пути от Карфагена; оскорблял столицу, лишив ее возможности пользоваться акведуком; обещал высокую награду за голову каждого римлянина; делал вид, что щадит людей и имущество своих африканских подданных, и тайно вел переговоры с арианскими сектантами и союзными гуннами.

В этих обстоятельствах завоевание Сардинии только усугубило его страдания; он с глубокой скорбью размышлял о том, что в этом бесполезном предприятии он потерял пять тысяч своих самых храбрых воинов; и с горечью и стыдом читал победоносные письма своего брата Зано, который выражал оптимистическую уверенность в том, что король, следуя примеру своих предков, уже наказал опрометчивость римского завоевателя (). «Увы, брат мой, — ответил Гелимер, — небо обрушилось на наш несчастный народ. Пока ты подчинял Сардинию, мы потеряли Африку. Как только появился Велизарий с горсткой солдат, мужество и процветание покинули дело вандалов. Твой племянник Гибамунд, твой брат Амматас были преданы смерти из-за трусости своих последователей. Наши лошади, наши корабли, сам Карфаген и вся Африка находятся во власти врага. И все же вандалы по-прежнему предпочитают позорный покой, ценой своих жен и детей, своего богатства и свободы. Теперь ничего не осталось, кроме поля Булла и надежды на твою доблесть. Оставь Сардинию, приди нам на помощь, восстанови нашу империю или погибни вместе с нами». Получив это письмо, Зано поделился своим горем с главными вандалами, но эту информацию осторожно скрыли от жителей острова.

Войска погрузились на 120 галер в порту Кальяри, на третий день бросили якорь на границе Мавретании и поспешно продолжили свой марш, чтобы присоединиться к королевскому знамени в лагере Буллы. Встреча была печальной. Два брата обнялись и молча плакали; никто не спрашивал о победе на Сардинии, никто не интересовался африканскими несчастьями; они видели перед своими глазами всю полноту своих бедствий, а отсутствие их жен и детей было печальным доказательством того, что их постигла либо смерть, либо плен.

Вялый дух вандалов наконец пробудился и объединился благодаря мольбам их короля, примеру Зано и неминуемой опасности, угрожавшей их монархии и религии. Военная сила

нации выступила в бой; и рост был настолько быстрым, что, прежде чем их армия достигла Трикамерона, примерно в двадцати милях от Карфагена, они могли похвастаться, возможно, с некоторым преувеличением, что превосходили в десять раз небольшие силы римлян. Но эти силы находились под командованием Велизария; и, осознавая их превосходство, он позволил варварам застать его врасплох в неподходящий час. Римляне мгновенно взялись за оружие. Ручей покрывал их фронт; кавалерия образовала первую линию, которую Велизарий поддерживал в центре, во главе с пятьюстами гвардейцами; пехота, на некотором расстоянии, была размещена во второй линии; и бдительность генерала следила за отдельной позицией и двусмысленной верностью массагет, которые тайно сохраняли свою помощь для завоевателей.

Зано с войсками, которые последовали за ним на завоевание Сардинии, был размещен в центре; и трон Гензерика мог бы устоять, если бы множество вандалов последовало их бесстрашному решению. Отбросив копья и метательное оружие, они вытащили мечи и ждали атаки. Римская кавалерия трижды переходила ручей, трижды была отбита, и сражение продолжалось, пока не пал Зано и не был поднят штандарт Велизария. Гелимер отступил в свой лагерь; гунны присоединились к преследованию, и победители ограбили тела убитых. Тем не менее, на поле битвы было найдено не более пятидесяти римлян и восьмисот вандалов; настолько незначительной была бойня того дня, которая уничтожила целую нацию и перенесла империю в Африку.

Вечером Велизарий повел свою пехоту на штурм лагеря, и малодушное бегство Гелимера разоблало тщетность его недавних заявлений о том, что для побежденных смерть — это облегчение, жизнь — бремя, а позор — единственный предмет страха. Его отъезд был тайным, но как только вандалы обнаружили, что их король покинул их, они поспешно рассеялись, заботясь только о своей личной безопасности и не обращая внимания на все, что дорого или ценно для человечества. Римляне вошли в лагерь без сопротивления, и самые дикие сцены беспорядков были скрыты в темноте и суматохе ночи. Каждый варвар, который попадался на их мечи, был безжалостно убит; их вдовы и дочери, как богатые наследницы или красивые наложницы, были обняты разнузданными солдатами; и сама алчность была почти насыщена сокровищами золота и серебра, накопленными плодами завоеваний или экономии в течение долгого периода процветания и мира. В этом безумном поиске войска, даже войска Велизария, забыли о своей осторожности и уважении. Опьяненные похотью и грабежом, они небольшими группами или в одиночку исследовали соседние поля, леса, скалы и пещеры, где могла скрываться какая-нибудь желанная добыча; обремененные добычей, они покидали свои ряды и блуждали без проводника по большой дороге в Карфаген; и если бы бежавшие враги осмелились вернуться, очень немногие из завоевателей смогли бы спастись.

Глубоко осознавая позор и опасность, Велизарий провел тревожную ночь на поле битвы; на рассвете он водрузил свое знамя на холме, отозвал своих стражников и ветеранов и постепенно восстановил скромность и послушание в лагере. Римский полководец был одинаково заинтересован в том, чтобы подчинить врагов и спасти поверженных варваров; и просящие пощады вандалы, которых можно было найти только в церквях, были защищены его властью, разоружены и отдельно заключены, чтобы они не нарушали общественный порядок и не стали жертвами народной мести. Отправив легкий отряд по следам Гелимера, он продвинулся со всей своей армией примерно на десять дней марша, до Гиппона Региуса, где уже не было мощей святого Августина. Время года и достоверная информация о том, что вандалы бежали в недоступную страну мавров, заставили Велизария отказаться от тщетной погони и обосноваться на зимовку в Карфагене. Оттуда он отправил своего главного лейтенанта, чтобы сообщить императору, что за три месяца он завоевал Африку.

Белисарий говорил правду. Выжившие вандалы без сопротивления сдали оружие и свою свободу; окрестности Карфагена подчинились его присутствию, а более отдаленные провинции были поочередно покорены вестью о его победе. Триполис подтвердил свою добровольную верность; Сардиния и Корсика сдались офицеру, который вместо меча нес голову доблестного Зано; а острова Майорка, Менорка и Ивица согласились остаться скромным придатком Африканского королевства. Цезарея, королевский город, который в более свободной географии можно спутать с современным Алжиром, находился в тридцати днях марша к западу от Карфагена; по суше дорога была заражена маврами, но море было открыто, и римляне теперь были хозяевами моря.

Активный и осмотрительный трибун доплыл до пролива, где занял Септем или Сеуту, расположенную напротив Гибралтара на африканском побережье; это отдаленное место впоследствии было украшено и укреплено Юстинианом; и он, по-видимому, потакал тщетной амбиции расширить свою империю до Геркулесовых столбов. Он принял вестников победы в тот момент, когда готовился опубликовать пандекты римского права; и набожный или ревнивый император прославлял божественную доброту и молча признавал заслуги своего успешного полководца. Нетерпеливый избавиться от мирской и духовной тирании вандалов, он без промедления приступил к полному установлению католической церкви. Ее юрисдикция, богатство и иммунитеты, возможно, наиболее существенная часть епископской религии, были восстановлены и расширены щедрой рукой; арианское богослужение было запрещено; собрания донатистов () были объявлены вне закона, и синод Карфагена, голосом 217 епископов, одобрил справедливую меру благочестивого возмездия.

В таком случае нельзя предполагать, что многие православные прелаты были отсутствующими; но сравнительно небольшое их число, которое в древних соборах было в два или даже в три раза больше, явно указывает на упадок как церкви, так и государства. В то время как Юстиниан провозгласил себя защитником веры, он питал амбициозную надежду, что его победоносный лейтенант быстро расширит узкие границы его владений до тех пределов, которые они занимали до вторжения мавров и вандалов; и Белисарий получил указание назначить пятерых герцогов или полководцев в удобных местах: Триполи, Лептисе, Цирте, Кесарии и Сардинии, а также рассчитать военную силу палатинов или пограничников, которая могла бы быть достаточной для защиты Африки. Королевство вандалов было достойно присутствия преторианского префекта, и четыре консула, три президента, были назначены для управления семью провинциями, находящимися под его гражданской юрисдикцией. После отъезда Велитария, который действовал по высокому и особому поручению, не было принято никаких обычных мер для назначения главнокомандующего войсками; но должность преторианского префекта была поручена солдату; гражданская и военная власть были объединены, в соответствии с практикой Юстиниана, в руках главного губернатора; и представитель императора в Африке, как и в Италии, вскоре стал отличаться титулом экзарха.

ТРИУМФ И КРОТОСТЬ БЕЛИЗАРИЯ

Однако завоевание Африки было неполным, пока ее бывший правитель не был доставлен, живым или мертвым, в руки римлян. Неуверенный в исходе событий, Гелимер тайно приказал перевезти часть своих сокровищ в Испанию, где он надеялся найти безопасное убежище при дворе короля вестготов. Но эти намерения были сорваны случаем,

предательством и неустанным преследованием его врагов; когда королевский пленник обратился к своему завоевателю, он разразился смехом. Толпа могла бы естественно полагать, что крайнее горе лишило Гелимера рассудка; но в этом печальном состоянии неуместная веселость намекала более умным наблюдателям, что тщетные и преходящие проявления человеческого величия не заслуживают серьезного внимания.

Их презрение вскоре оправдалось новым примером вульгарной истины — что лести прилипает к власти, а зависть — к превосходным заслугам. Вожди римской армии осмелились считать себя соперниками героя. В своих частных депешах они злобно утверждали, что завоеватель Африки, сильный своей репутацией и любовью народа, замышляет занять трон вандалов. Юстиниан выслушал их слишком терпеливо, и его молчание было скорее результатом ревности, чем уверенности. Белисарию действительно было предоставлено право выбора между остаться в провинции и вернуться в столицу, но он мудро заключил из перехваченных писем и знания характера своего повелителя, что ему придется либо отдать свою голову, либо поднять знамя, либо сбить с толку своих врагов своим присутствием и покорностью. Невинность и мужество определили его выбор; его стражи, пленники и сокровища были тщательно погружены на корабли, и плавание было настолько удачным, что его прибытие в Константинополь предшествовало любому достоверному сообщению о его отправлении из порта Карфагена. Такая беспристрастная лояльность развеяла опасения Юстиниана; зависть была утишена и разжечена общественной благодарностью; и третий Африканец получил почетные почести триумфа (), церемонию, которую город Константина никогда не видел и которую древний Рим со времен правления Тиберия сохранял для благоприятных вооруженных сил цезарей.

[534-535 гг. н. э.]

Славная процессия вошла в ворота Ипподрома, была встречена овациями сената и народа и остановилась перед тронном, на котором сидели Юстиниан и Феодора, чтобы принять дань уважения пленного монарха и победоносного героя. Оба они выполнили обычные обряды поклонения и, пав ниц на землю, с почтением коснулись подножия трона принца, который не вынимал меча из ножен, и проститутки, которая танцевала в театре; чтобы сломить упрямый дух внука Гензериха, пришлось применить некоторую мягкую силу, и, как бы ни был он приучен к рабству, гений Велизария, должно быть, тайно восстал. Он был немедленно провозглашен консулом на следующий год, и день его инаугурации напоминал пышность второго триумфа; его курульный трон несли на плечах пленные вандалы, а военные трофеи, золотые кубки и богатые пояса щедро раздавали народу.^[10]

Византийский серебряный кубок

Но самой чистой наградой для Велизария было верное исполнение договора, за который он поручился перед королем вандалов. Религиозные убеждения Гелимера, приверженного арианской ереси, были несовместимы с достоинством сенатора или патриция; но он получил от императора обширные владения в провинции Галатия, где отрекшийся от престола монарх уединился со своей семьей и друзьями, чтобы вести мирную, богатую и, возможно, счастливую жизнь. Дочерей Хильдерика принимали с уважительной нежностью, подобающей их возрасту и несчастью; а Юстиниан и Феодора приняли честь воспитать и обогатить женских потомков великого Феодосия.

Самые храбрые из вандальской молодежи были распределены по пяти кавалерийским эскадронам, которые приняли имя своего благодетеля и поддерживали в персидских войнах славу своих предков. Но эти редкие исключения, награда за рождение или доблесть, недостаточны, чтобы объяснить судьбу народа, численность которого до короткой и бескровной войны составляла более шестисот тысяч человек. После изгнания своего короля и знати раболепная толпа могла бы купить свою безопасность, отрекаясь от своего характера, религии и языка, и их выродившиеся потомки незаметно смешались бы с обычной толпой африканских подданных. Однако даже в наше время, в сердце мавританских племен, любознательный путешественник обнаружил белый цвет кожи и длинные льняные волосы северной расы; и раньше считалось, что самые смелые из вандалов бежали за пределы власти или даже знания римлян, чтобы наслаждаться своей уединенной свободой на берегах Атлантического океана. Африка была их империей, она стала их тюрьмой; они не могли питать надежду или даже желание вернуться на берега Эльбы, где их братья, менее предприимчивые, все еще бродили по родным лесам.

Трусам было невозможно преодолеть преграды неизвестных морей и враждебных варваров; храбрым людям было невозможно обнажить свою наготу и поражение перед глазами своих соотечественников, описывать королевства, которые они потеряли, и требовать долю скромного наследства, от которого в более счастливые времена они почти единодушно отказались. В стране между Эльбой и Одером несколько густонаселенных деревень Лужицы заселены вандалами: они до сих пор сохраняют свой язык, свои обычаи и чистоту своей крови; с некоторым нетерпением терпят саксонское или прусское иго; и тайно и добровольно служат потомку своих древних королей, который по своему одеянию и нынешнему положению неотличим от самых низких своих вассалов. Название и положение этого несчастного народа могут указывать на их происхождение от одного общего рода с завоевателями Африки. Но использование славянского диалекта более ясно представляет их как последний остаток новых колоний, которые сменили подлинных вандалов, уже рассеянных или уничтоженных в эпоху Прокопия.

ВОЙНЫ СОЛОМОНА С МАВРИКАНЦАМИ

[439-534 гг. н. э.]

Если бы Велизарий был склонен колебаться в своей верности, он мог бы настоять, даже вопреки самому императору, на необходимости спасти Африку от врага, более варварского, чем вандалы. Происхождение мавров окутано мраком; они не знали письменности. Их границы нельзя точно определить: безграничный континент был открыт для ливийских пастухов; смена сезонов и пастбищ регулировала их перемещения; их грубые хижины и скудная мебель перевозились с той же легкостью, что и их оружие, семьи и скот, состоявший из овец, волов и верблюдов. Во время расцвета римской власти они соблюдали уважительную дистанцию от Карфагена и морского побережья; при слабом правлении

вандалов они вторглись в города Нумидии, заняли морское побережье от Тингиса (Танжера) до Кесарии и безнаказанно разбили свои лагеря в плодородной провинции Бизациум.

Грозная сила и искусная тактика Велизария обеспечили нейтралитет мавританских князей, чье тщеславие стремилось получить от имени императора знаки их царского достоинства. Они были потрясены стремительным развитием событий и трепетали в присутствии своего завоевателя. Но его приближающийся отъезд вскоре развеял опасения дикого и суеверного народа; количество их жен позволяло им не заботиться о безопасности своих младенцев-заложников; и когда римский полководец поднял паруса в порту Карфагена, он услышал крики и почти увидел пламя опустошенной провинции. Тем не менее он остался тверд в своем решении и, оставив только часть своей стражи для усиления слабых гарнизонов, доверил командование Африкой евнуху Соломону, который доказал, что достоин быть преемником Велизария.

[534-535 гг. н. э.]

Во время первого вторжения некоторые отряды с двумя заслуженными офицерами были застигнуты врасплох и перехвачены, но Соломон быстро собрал свои войска, выступил из Карфагена вглубь страны и в двух великих сражениях уничтожил шестьдесят тысяч варваров. Мавританцы полагались на свою численность, быстроту и недоступные горы; говорят, что вид и запах их верблюдов вызвали некоторую растерянность в римской кавалерии. Но как только им приказали спешиться, они с презрением отнеслись к этому незначительному препятствию; как только колонны поднялись на холмы, обнаженная и беспорядочная толпа была ослеплена блеском оружия и упорядоченными маневрами; и угроза их пророчиц неоднократно сбылась: мавры были разгромлены безбородым противником. Победоносный евнух продвинулся на тринадцать дней пути от Карфагена, чтобы осадить гору Ауразиус, цитадель и одновременно сад Нумидии. Этот горный хребет, ответвление великого Атласа, содержит в пределах окружности 120 миль редкое разнообразие почв и климата; промежуточные долины и возвышенные равнины изобилуют богатыми пастбищами, вечными ручьями и фруктами восхитительного вкуса и необычайных размеров. Эта прекрасная уединенная местность украшена руинами Ламбезы, римского города, некогда бывшего резиденцией легиона и местом проживания сорока тысяч жителей.

Ионический храм Эскулапа окружен мавританскими хижинами, а скот теперь пасется посреди амфитеатра, в тени коринфских колонн. Над уровнем горы возвышается острая вертикальная скала, где африканские принцы хранили своих жен и сокровища; арабы знают пословицу, что тот, кто осмелится напасть на скалистые утесы и негостеприимных туземцев горы Эскулап (Aurasius), может съесть огонь. Эту смелую затею дважды пытался осуществить евнух Соломон. В первый раз он отступил с некоторым позором, а во второй раз его терпение и запасы провианта были почти исчерпаны, и он, наверное, снова отступил бы, если бы не уступил стремительному мужеству своих войск, которые, к удивлению мавров, смело взобрались на гору, вражеский лагерь и вершину скалы Джеминиан. Была построена цитадель, чтобы закрепить это важное завоевание и напомнить варварам об их поражении; и когда Соломон продолжил свой поход на запад, давно утраченная провинция Мавританская Ситифи была вновь присоединена к Римской империи. Мавританская война продолжалась еще несколько лет после отъезда Велизария, но лавры, которые он уступил своему верному лейтенанту, можно по праву приписать его собственному триумфу.

Опыт прошлых ошибок, который иногда может исправить зрелый возраст человека, редко приносит пользу последующим поколениям человечества. Народа древности, не заботясь о безопасности друг друга, были по отдельности побеждены и поработаны римлянами. Этот

страшный урок мог бы научить варваров Запада противостоять, с помощью своевременных советов и союзных войск, безграничной амбиции Юстиниана. Однако та же ошибка повторилась, и последствия были такими же: готы Италии и Испании, не осознавая приближающейся опасности, с безразличием и даже с радостью наблюдали за быстрым падением вандалов.

После падения королевской династии в 531 году на испанский трон взошел Теудес, доблестный и могущественный вождь, который ранее управлял страной от имени Теодориха и его малолетнего внука. Под его командованием вестготы осадили крепость Сеута на африканском побережье; но пока они проводили субботний день в мире и молитвах, благочестивая безопасность их лагеря была нарушена вылазкой из города; и сам король с некоторым трудом и опасностью спасся из рук кощунственного врага. Вскоре его гордость и обида были удовлетворены просьбой несчастного Гелимера, который в своем отчаянии умолял испанского монарха о помощи. Но вместо того, чтобы пожертвовать этими недостойными страстями в угоду великодушию и благоразумию, Теудес развлекал послов, пока ему не сообщили в тайне о потере Карфагена, а затем отпустил их с неясным и презрительным советом искать в своей родной стране истинные сведения о положении вандалов.

[535-625 гг. н. э.]

Длительное продолжение итальянской войны задержало наказание вестготов, и глаза Теудеса закрылись, прежде чем он успел вкушать плоды своей ошибочной политики. После его смерти за скипетр Испании разгорелась гражданская война. Более слабый кандидат обратился за защитой к Юстиниану и, движимый амбициями, подписал договор о союзе, который нанес глубокий ущерб независимости и благополучию его страны. Несколько городов, как на побережье океана, так и на побережье Средиземного моря, были уступлены римским войскам, которые впоследствии отказались покинуть эти залоговые территории, как представляется, либо в целях безопасности, либо в целях оплаты; и, поскольку они были укреплены постоянными поставками из Африки, они удерживали свои неприступные позиции с коварной целью разжечь гражданские и религиозные распри между варварами. Прошло семьдесят лет, прежде чем этот болезненный терн был извлечен из лонона монархии; и пока императоры сохраняли за собой какую-либо долю этих отдаленных и бесполезных владений, их тщеславие могло включать Испанию в список своих провинций, а преемников Алариха — в число своих вассалов.^b

ВОЕННАЯ ТАКТИКА ПРИ ЮСТИНИАНЕ

[527-565 гг. н. э.]

В то время, когда генералы Юстиниана меняли облик Европы и уничтожали некоторые из народов, раздробившие Западную империю, обстоятельства, не поддающиеся контролю международной политической системы, арбитрами которой были правители Константинополя и Персии, вызвали общее движение среди населения Центральной Азии. Все человечество было ввергнуто в состояние судорожного волнения от границ Китая до берегов Атлантического океана. Это волнение разрушило многие существующие правительства и уничтожило несколько могущественных народов, но в то же время заложило основу для власти новых государств и народов, некоторые из которых сохранили свое существование до наших дней.

Восточная империя сыграла немалую роль в развязывании этой могучей бури на Западе и в подавлении ее ярости на Востоке, в истреблении готов и вандалов и в остановке продвижения аваров и турок. Тем не менее, историки часто считали численность и состав римских войск слабыми и незначительными. В этом очерке невозможно попытаться проанализировать всю военную систему Римской империи во время правления Юстиниана, но, отмечая влияние, которое военная система оказывала на греческое население, необходимо сделать несколько общих замечаний. Армия состояла из двух отдельных классов — регулярных войск и наемников. Регулярные войска состояли как из коренных подданных Римской империи, призывных по призыву, так и из варваров, которым было позволено занимать земли в пределах владений императора и сохранять свои обычаи при условии, что они будут поставлять армии определенное количество новобранцев. Римское правительство по-прежнему придерживалось великого закона империи, согласно которому часть подданных, уплачивавших земельный налог, не могла уклоняться от этой обязанности, поступая на военную службу. Владельцы земли несли ответственность за уплату дани; земледельцы, как рабы, так и крепостные, обеспечивали поступление государственных доходов; ни тем, ни другим не могло быть позволено отказываться от своих финансовых обязательств в пользу военной службы.

На протяжении нескольких столетий было более экономично нанимать варваров, чем использовать местные войска; и, возможно, если бы угнетательная система имперской администрации не истощила ресурсы государства и не сократила население, поглотив капитал народа, это могло бы продолжаться еще долго. Местные войска всегда набирались из горных районов, которые платили скудную дань и в которых население с трудом добывало средства к существованию. Вторжения варваров также лишили работы многих крестьян из провинций к югу от Дуная, и многие из них поступили в армию. Пополнение рекрутами также обеспечивалось за счет безработного и нуждающегося населения городов. Самые активные и умные солдаты поступали в кавалерию — войско, которое тренировалось с особой тщательностью, подчинялось самой строгой дисциплине и поддерживало славу римского оружия на поле боя. Поскольку высшие и средние классы в провинциях на протяжении веков были исключены из военной профессии, и армия в конце концов состояла в основном из самых грубых и невежественных крестьян, освобожденных рабов и натурализованных варваров, военная служба вызывала отвращение, и среди гражданского населения возникло сильное нежелание становиться солдатами. Между тем, депопуляция империи с каждым днем увеличивала трудности с набором необходимого количества рекрутов для службы, которая охватывала огромную территорию и влекла за собой огромные человеческие жертвы.

Вооруженные силы, особенно пехота, значительно ухудшились во времена Юстиниана, но артиллерия и инженерные войска не сильно уступали по научному уровню и эффективности тому, что было в лучшие дни империи. Сократились военные ресурсы, а не военные знания. Те же арсеналы продолжали существовать; механические навыки непрерывно оттачивались, а постоянный спрос на военных механиков, оружейников и инженеров не позволял пренебрегать теоретическим обучением этой категории специалистов и не давал их практическим навыкам угасать из-за недостатка работы. Этот факт необходимо иметь в виду.

Наемники составляли самую ценную и блестящую часть армии; в то время было модно копировать и восхищаться одеждой и манерами варварской кавалерии. Империя теперь была окружена множеством мелких князей, которые, хотя и захватили силой провинции, когда-то принадлежавшие римлянам, и часто вступали в войну с императором, все же признавали определенную степень зависимости от римской власти. Некоторые из них, такие как короли герулов и гепидов, а также король Колхиды, удерживали свой

королевский титул благодаря регулярной инвеституре от Юстиниана. Эти князья, а также короли лангобардов, гуннов, сарацин и мавров, все получали регулярные субсидии. Некоторые из них предоставляли ряд своих лучших воинов, которые поступали на римскую службу и служили в отдельных отрядах под командованием своих собственных вождей и с использованием своего национального оружия, но подчинялись регулярной организации и дисциплине римских войск, хотя и не римской системе военных учений и маневров. Некоторые из этих варварских отрядов также формировались из добровольцев, которых привлекала высокая плата, которую они получали, и свобода поведения, которая им предоставлялась.

Превосходство этих войск было обусловлено естественными причинами. Северные народы, вторгшиеся в империю, состояли из населения, с детства обученного военному делу и не имевшего никакой другой профессии, кроме военной. Их земли возделывались трудом рабов или римских подданных, которые еще оставались в оккупированных ими провинциях, но их единственные денежные ресурсы поступали от грабежей соседей или субсидий римских императоров. Их образ жизни, быстрота движений и превосходство доспехов делали их лучшими войсками того времени, и их самые активные воины, как правило, служили в императорских войсках. Императоры предпочитали армии, состоящие из множества разношёрстных отрядов наёмных иностранцев, привязанных к ним высокой платой и подчинявшихся вождям, которые никогда не могли претендовать на политический ранг и которые имели многое, что терять, и малое, что приобрести, в случае восстания; ведь опыт показывал, что они подвергали свой трон опасности, доверяя командование национальной армией местному генералу, который из популярного солдата мог стать опасным соперником. Хотя варварские наемники на службе у Рима, как правило, оказывались гораздо более эффективными войсками, чем их свободные соотечественники, в целом они не могли сравниться с коренной римской кавалерией армии Юстиниана, *катафрактами*, облеченными в полные доспехи по персидскому образцу и вооруженными греческим копьем, которые по-прежнему были лучшими войсками на поле битвы и являлись настоящим воплощением рыцарства средневековья.

Юстиниан ослабил римскую армию несколькими способами своими реформами. Его стремление сократить расходы побудило его уменьшить количество верблюдов, лошадей и колесниц, которые сопровождали войска для перевозки военной техники и багажа. Ранее этот обоз был очень большим, так как он был рассчитан на то, чтобы избавить крестьян от опасности прерывания их работы или конфискации их скота под предлогом необходимости его использования для транспортировки. Многочисленные злоупотребления были введены путем уменьшения жалования войскам, нерегулярной выплаты жалования и ненадлежащего обеспечения их продовольствием и одеждой. В то же время эффективность армии на поле боя была еще более серьезно подорвана продолжением политики Анастасия, направленной на ограничение власти генералов; однако следует признать, что эта политика была необходима для предотвращения более серьезных бедствий. Это очевидно из многочисленных восстаний во время правления Юстиниана и абсолютного отсутствия каких-либо национальных или патриотических чувств у большинства римских офицеров.

Крупные армии порой состояли из нескольких корпусов, каждый из которых командовал свой собственный офицер, над которым номинальный главнокомандующий имел мало или вообще не имел власти; и именно этому обстоятельству следует приписывать неудачные результаты некоторых готских и персидских кампаний, а не какую-либо неполноценность римских войск. Даже сам Велизарий, хотя он многократно доказывал свою приверженность трону Юстиниана, находился под пристальным наблюдением. К нему относились с постоянным недоверием, а его офицеров порой поощряли оспаривать его меры и никогда не наказывали за неподчинение его приказам. Дело в том, что Велисарий, если бы захотел, мог бы вступить на престол и, возможно, свергнуть своего господина. Нарсес был единственным генералом, которому безоговорочно доверяли и которого постоянно поддерживали; но Нарсес был пожилым евнухом и никогда не мог бы стать императором.

Императорские вооруженные силы насчитывали 150 000 человек;^[11] и хотя граница, которую эти войска были вынуждены охранять, была очень обширной и открытой для вторжений многих активных враждебных племен, Юстиниан все же смог собрать несколько прекрасно оснащенных армий для своих зарубежных экспедиций. Вооружение, которое сопровождало Велизария в Африку, состояло из десяти тысяч пехотинцев, пяти тысяч всадников и двадцати тысяч моряков. Велисарий, должно быть, имел под своим командованием около тридцати тысяч солдат в Италии до взятия Равенны. Германус, когда он прибыл в Африку, обнаружил, что только одна треть римских войск около Карфагена осталась верной, а мятежники под командованием Стозаса насчитывали восемь тысяч человек. Поскольку в Нумидии все еще оставались войска, которые не присоединились к дезертирам, общая численность римских войск в Африке не могла быть менее пятнадцати тысяч. В 551 году, когда империя начала испытывать явные последствия плохого правления Юстиниана, Нарсес смог собрать тридцать тысяч отборных солдат, армию, которая разгромила ветеранов Тотилы и уничтожила свирепые отряды франков и аламаннов, надеявшихся отнять Италию у римлян. Несмотря на все, что современные писатели говорили, чтобы принизить их, репутация римских войск по-прежнему была настолько высока, что Тотила, воинственный монарх готов, пытался склонить их присоединиться к его знамени, предлагая высокую плату. Ни одна армия еще не доказала своего равенства римлянам на поле битвы, и их подвиги в Испании, Африке, Колхиде и Месопотамии доказали их превосходство, хотя поражения, которые они потерпели как от персов, так и на Дунае, свидетельствуют о том, что их враги совершенствовались в военном деле и следили за любой возможностью воспользоваться пренебрежением римского правительства в поддержании боеспособности армии.

УПАДОК СОЛДАТСКОГО СТАНДАРТА

Можно привести множество примеров почти невероятного беспорядка в армиях, который, как правило, был вызван неправомерными действиями императорского правительства. Велизарий пытался, но не смог обеспечить строгую дисциплину (¹²¹), когда солдатам не платили жалованье, а офицеры были уполномочены действовать независимо от его приказов. Две тысячи герулов осмелились покинуть его знамя в Италии и, обойдя Адриатическое море, были помилованы Юстинианом и вновь приняты на имперскую службу. Прокопий неоднократно упоминает, что поведение не получавших жалованья и не подвергавшихся наказанию войск разрушило провинции; а в Африке не менее трех римских офицеров, Стозас, Максимин и Гонтарис, пытались обрести независимость и были поддержаны большими отрядами войск. Греки были единственной частью населения, которую считали искренне приверженной имперскому правительству или, по крайней мере, готовой защищать его от любого врага; поэтому Гонтарис, желая обеспечить безопасность Карфагена, приказал без разбора убить всех греков. Однако греки, в силу своего положения и ранга в обществе как горожане или налогоплательщики, были почти полностью исключены из армии, и хотя они составляли большую часть моряков флота, в целом они были невоенным населением. Витигес, король готов, называет римскую армию Велизария армией греков, бандой пиратов, актеров и шарлатанов.

Одной из самых неудачных мер Юстиниана было расформирование всей провинциальной милиции. Об этом вскользь упоминается в *«Тайной истории»* Прокопия, который сообщает нам, что Термопилы ранее охранялись двумя тысячами этой милиции, но что этот корпус был расформирован, а в Греции размещен гарнизон регулярных войск. В целом эта мера, вероятно, была продиктована планом финансовой реформы, а не страхом перед народным восстанием, но ее последствия были чрезвычайно пагубными для империи в условиях упадка общества и растущей дезорганизации центральной власти; и хотя она, возможно, помешала некоторым провинциям восстановить свою независимость собственными силами, она подготовила почву для легких завоеваний аваров и арабов. Юстиниан стремился централизовать всю власть и сделать все общественные налоги едиными и систематическими; он пришел к мнению, что дешевле защищать империю стенами и крепостями, чем подвижной армией. Практика быстрого перемещения войск для защиты границ побудила офицеров отказаться от древней практики укрепления регулярных лагерей, и в конце концов даже искусство разбивания лагерей было заброшено. Однако варвары всегда могли передвигаться быстрее, чем регулярные войска империи.

Чтобы обеспечить безопасность границ, Юстиниан принял план строительства обширных линий, поддерживаемых бесчисленными фортами и замками, в которых он разместил гарнизоны, чтобы они были готовы выйти на встречу вторгшимся отрядам. Эти линии простирались от Адриатического до Черного моря и были дополнительно укреплены длинной стеной Анастасия, которая охраняла Константинополь стенами, защищавшими Фракийский Херсонес и полуостров Паллен, а также укреплениями в Фермопилах и на Коринфском перешейке, которые были тщательно отремонтированы. На всех этих постах содержались постоянные гарнизоны. Похвала Прокопия общественным зданиям Юстиниана кажется почти несовместимой с событиями последних лет его правления, поскольку Заберган, царь гуннов, проник через неотремонтированные бреши в длинной стене и продвинулся почти до самых пригородов Константинополя.

Можно упомянуть еще один пример упадка военной тактики, поскольку он, вероятно, возник в самой армии, а не был следствием каких-либо мер правительства. Совместные маневры подразделений полков были настолько запущены, что когда-то использовавшиеся сигналы горнов вышли из употребления и были неизвестны солдатам. Разношерстные

новобранцы, имевшие разные привычки, не могли с необходимой быстротой освоить тонкости древней музыки, и римская пехота больше не двигалась

«в идеальной фаланге, под дорийский настрой,

под звуки флейт и мягких блокфлейт».

Во время осады Аксиму в Италии Белисарий оказался в затруднительном положении из-за отсутствия средства мгновенной связи с войсками, участвовавшими в стычках с готами, для передачи им приказов (). В этой ситуации его секретарь и историк его войн Прокопий предложил ему заменить забытые сигналы горна, используя медную трубу кавалерии для подачи сигнала к атаке и горн пехоты для подачи сигнала к отступлению.

Императоры предпочитали назначать иностранцев на высшие военные должности, а доверие, которым варварские вожди пользовались при дворе, позволило многим из них достичь высших званий в армии. Нарсес, самый выдающийся полководец после Велизария, был пленником из Персии и Армении. Петр, командовавший войсками против персов в походе 528 года, также был персидско-армянского происхождения. Фарас, осаждавший Гелимера на горе Паппуа, был герулом. Мундус, командовавший в Иллирии и Далмации, был гепидским князем. Чилбуд, который после нескольких побед погиб со своей армией, защищая границы от славян, был северного происхождения, как можно заключить из его имени. Соломон, который с большим мужеством и умением управлял Африкой, был евнухом из Дары. Артабан был армянским принцем. Патриций Иоанн Троглита, герой поэмы Кориппа под названием «Иоаннид», также, как полагают, был армянином. Тем не менее, империя по-прежнему могла поставлять отличных офицеров, а также доблестных солдат, поскольку исаврийцы и фракийцы продолжали отличаться на всех полях сражений и по мужеству не уступали самым свирепым варварам.

В армии стало модно подражать манерам и привычкам варваров; их безрассудная личная храбрость стала самым почитаемым качеством даже в высших чинах, и ничто так не способствовало ускорению упадка военного искусства. Офицеры римской армии стали больше стремиться к личным подвигам, чем к точному порядку и строгой дисциплине в своих войсках. Даже сам Велизарий, по-видимому, порой забывал о своих обязанностях генерала в своем стремлении продемонстрировать личную доблесть на своем гнедом коне; хотя в таких случаях он, возможно, считал, что необходимость поддерживать боевой дух своей армии является достаточным оправданием его опрометчивости. Несомненно, армия как военная организация утратила свое превосходство еще до вступления на престол Юстиниана, а его правление привело к еще большему ее упадку; тем не менее, вероятно, что она никогда не была более замечательной по предприимчивой доблести своих офицеров или по их личным навыкам в обращении с оружием. Смерть многих высших чинов в сражениях и стычках, в которые они опрометчиво вступали, подтверждает этот факт. Однако в римской армии сохранилась одна важная черта древней тактики, которая давала ей явное преимущество над врагами. Она по-прежнему была уверена в своей дисциплине и умении формировать ряды и сражаться с противником в линии; самые смелые из ее врагов, будь то на берегах Дуная или Тигра, осмеливались атаковать ее или принимать ее атаку только в плотной массе.^d

СНОСКИ

[3] Марцеллинⁿ говорит в общих чертах: *Innumeris populis in circo trucidatis*. Прокопий насчитывает 30 000 жертв, а 35 000 Теофана увеличиваются до 40 000 более поздним Зонарасом. Таково обычное развитие преувеличения.

[4] Шесть книг «Зданий» Прокопия-[d](#) распределены следующим образом. Первая ограничивается Константинополем; вторая включает Месопотамию и Сирию; третья — Армению и Эвксин; четвертая — Европу; пятая — Малую Азию и Палестину; шестая — Египет и Африку. Италия забыта императором или историком, который опубликовал это произведение восхваления до даты (555 г. н. э.) ее окончательного завоевания.

[5] Агафий-[e](#) рассказывает эту любопытную историю. Хосров взойшел на престол в 531 году и заключил первый мир с римлянами в начале 533 года.

[6] [Сам Теодорих, согласно Кассиодору,[i](#) утверждал, что его политика основана на римской, и сказал Анастасию: «Наше царство — подражание вашему».]

[7] [Прокопий-[f](#) говорит, что он родился в районе Фракии под названием Германия. Согласно фон Хаммеру-[k](#), его имя является славянским словом «Белицар», что означает «белый принц». Бэри-[j](#) также считает его славянским, но переводит как «белый рассвет».]

[8] [Бэри¹ называет это «милой неосторожностью».]

[9] Армия Велизария в основном состояла из варварских наемников, которых он обучил римской дисциплине и стратегии. Но неполноценность вандалов, чьи предки завоевали еще лучше обученные войска, была следствием дегенерации, которая уже началась после всего лишь тридцати лет пребывания в Африке. Теперь, когда они уже столетие были хозяевами этой страны, причина, которая тогда показала себя ослабляющей их, действовала с прогрессирующим эффектом и привела их к состоянию, почти столь же беспомощному и безнадежному, как и у народа, который они покорили.

[10] [«Увидев великолепие императорского двора», — говорит Бэри¹ о Гелимере, — он просто сказал: «Суета сует, все суета», — замечание, которое, как отмечает Ранке², имело своего рода историческое значение. Ведь вместе с Гелимером Велизарий привез в Константинополь те золотые сосуды, которые Гайзерик (или Гензерик) похитил из Рима, а Тит — из Иерусалима. Они были частью богатств царя, которому традиционно приписываются слова «Суета сует». Как утверждает Гиббон, сосуды позже были возвращены христианской церкви Иерусалима.

[11] Агафий³ утверждает, что военный состав империи когда-то насчитывал 645 000 человек. Вероятно, в него входили местные ополченцы и гарнизоны.

[12] Согласно Прокопию⁴, Велизарий сказал своим войскам, что персы превосходили их в дисциплине.

ГЛАВА IV

ПОСЛЕДНИЕ ГОДА ПРАВЛЕНИЯ ЮСТИНИАНА

[535-565 гг. н. э.]

ВИЗАНТИЯ ОСВОБОЖДАЕТ РИМ ОТ ГОТОВ

Империя остготов, хотя и основанная на принципах справедливого управления благодаря мудрости великого Теодориха, вскоре начала страдать от такой же полной национальной деморализации, как и империя вандалов, хотя сами готы, будучи более цивилизованными и живя в более строгом соответствии с законами, защищавшими собственность их римских подданных, не стали настолько коррумпированными из-за обладания богатством.

Завоевание Италии¹³ не привело к каким-либо серьезным революционным изменениям в государстве. Римляне давно привыкли к тому, что их защищали номинально, но фактически ими правили командиры наемных войск, служивших императору. Готские племена даже

после завоевания позволили им сохранить две трети своих земельных владений со всем движимым имуществом; и поскольку они действительно были полностью исключены из военной службы при своих императорах, их социальное положение претерпело лишь небольшие изменения. Политические соображения побудили Теодориха относиться к жителям Италии с мягкостью. Для постоянного поддержания своих завоеваний ему требовались значительные доходы, а эти доходы могли быть обеспечены только благодаря труду и цивилизованности его итальянских подданных. Его прозорливость подсказывала ему, что разумнее облагать римлян налогами, чем грабить их, и что для обеспечения плодов регулярной системы налогообложения необходимо оставить им те законы и привилегии, которые позволяли им защищать свою цивилизацию.

[535-537 гг. н. э.]

Королевство, которое великий Теодорих оставил своему внуку Аталариху под опекой своей дочери Амаласунты, охватывало не только Италию, Сицилию и часть юга Франции, но также включало Далмацию, часть Иллирии, Паннонию, Норикум и Ретию. В этих обширных владениях готы составляли лишь небольшую часть населения, и все же, благодаря привилегиям, которыми они пользовались, готы повсюду вызывали ревность со стороны большинства жителей. В королевской семье возникли разногласия; Аталарих умер молодым; Амаласунта была убита своим преемником Феодотом; а поскольку она постоянно поддерживала связь с двором Константинополя, это преступление дало Юстиниану удобный повод для вмешательства в дела готов. Чтобы подготовить почву для повторного завоевания Италии, Белисарий был отправлен на Сицилию, которую он вторгся с армией в 7500 человек в 535 году и без труда подчинил. Во время той же кампании Далмация была завоевана имперскими войсками, отвоевана готами, но вновь завоевана войсками Юстиниана. Восстание войск в Африке на время остановило продвижение Велизария и вынудило его посетить Карфаген, но вскоре он вернулся на Сицилию, переправился в Региум и направился прямо в Неаполь. По пути его повсюду приветствовали жители, которые в то время были почти все греками; даже готский полководец на юге Италии благосклонно относился к продвижению римского генерала.

Город Неаполь оказал яростное сопротивление, но после трехнедельной осады был взят путем ввода войск через древний акведук. Поведение Велизария после взятия города было продиктовано политическими соображениями и не отличалось гуманностью. Поскольку жители проявили некоторую готовность помочь готскому гарнизону в обороне города, а такое поведение значительно усложнило бы его кампанию в Италии, он, по-видимому, закрыл глаза на разграбление города, чтобы запугать население других городов, допустил массовое убийство многих горожан в церквях, где они искали убежища, и закрыл глаза на восстание низших слоев населения, в ходе которого были убиты лидеры готской партии. Из Неаполя Велизарий двинулся на Рим.

Прошло всего шестьдесят лет с тех пор, как Рим был завоеван Одоакром, и за это время его население, церковная и гражданская власть епископа, который был высшим сановником христианского мира, и влияние сената, который по-прежнему оставался в глазах человечества самым почетным политическим органом, позволили ему сохранить своего рода независимую гражданскую конституцию. Теодорих воспользовался этим муниципальным правительством, чтобы сгладить многие трудности, которые возникали в управлении Италией. Однако готы, оставив римлянам их гражданские законы и институты, не уменьшили своей неприязни к иностранному игу; но, поскольку они не имели четкого чувства национальной принадлежности, кроме своей связи с имперским господством и религиозной ортодоксией, они никогда не стремились к независимости и были довольны

тем, что обращали свой взор на императора Востока как на своего законного суверена. Поэтому Велитарий вошел в Вечный город скорее как друг, чем как завоеватель, но едва он вошел в него, как понял, что необходимо принять все меры, чтобы защитить свою добычу от нового готского короля Витигеса. Он немедленно отремонтировал стены Рима, укрепил их брусьями, собрал большие запасы продовольствия и подготовился к осаде.

Готская война является важной эпохой в истории города Рима, поскольку за шестнадцать лет он пять раз менял хозяев и трижды подвергался жестоким осадам. Его население было почти полностью уничтожено; его общественные здания и стены, вероятно, претерпели много изменений в соответствии с требованиями различных мер, необходимых для его защиты. Вследствие этого слишком широко распространилось мнение, что существующие стены указывают точное положение стен Аврелиана. Этот период также запомнился разрушением многих памятников древнего искусства, которые генералы Юстиниана уничтожили без угрызений совести.^[14]

[537-540 гг. н. э.]

Витигес осадил Рим с армией, которая, по словам Прокопия^d, насчитывала 150 000 человек; однако этой армии было недостаточно, чтобы окружить весь город. Готский король распределил свои войска по семи укрепленным лагерям; шесть из них были сформированы для окружения города, а седьмой был размещен для защиты Мильвийского моста. Пять лагерей охватывали пространство от Пренестинских ворот до Фламинийских ворот, а оставшийся лагерь был сформирован за Тибром, на равнине ниже Ватикана. Благодаря этим расположениям готы контролировали только половину окружения Рима, а дороги в Неаполь и к портам в устье Тибра оставались открытыми. Римская пехота теперь была самой слабой частью римской армии. Даже при обороне укрепленного города она подчинялась кавалерии, и военное превосходство римского оружия поддерживалось наемными всадниками. Странно видеть тактику средневековья, описанную Прокопием на классическом греческом языке.

Несмотря на разумные меры, принятые Велитарием для обеспечения снабжения продовольствием из недавно завоеванных им Сицилии и Африки, Рим сильно страдал от голода во время осады; но готская армия была вынуждена переносить такие же лишения и понесла гораздо большие потери от болезней. Связь гарнизона с побережьем была на время прервана, но в конце концов в Рим вошло пять тысяч свежих войск и обильные запасы продовольствия, отправленные Юстинианом на помощь Велитария. Вскоре после прибытия этого подкрепления готы были вынуждены прекратить осаду, которую они продолжали в течение года. Юстиниан снова усилил свою армию в Италии, отправив туда семь тысяч солдат под командованием евнуха Нарсеса, человека, чьи военные таланты ни в чем не уступали талантам Велитария и чье имя занимает не менее важное место в истории Италии. Император, руководствуясь благоразумной ревностью, которая диктовала ему строжайший контроль над всеми влиятельными генералами империи, наделил Нарса независимой властью над своей дивизией, и этот генерал, слишком полагаясь на свое знание настроений Юстиниана, осмелился создать серьезные препятствия на пути Велитария. Разногласия между двумя генералами задержали продвижение римских войск. Готы воспользовались этой возможностью, чтобы продолжить войну с новой силой; им удалось отвоевать Медиолан, который принял римский гарнизон, и разграбить город, уступавший по богатству и численности населения только Риму. Они убили всех мужчин и проявили такую жестокость, что, по некоторым данным, погибло триста тысяч человек — число, которое, вероятно, соответствует общей численности населения Медиолана в тот период.

Витиг, обнаружив, что его ресурсы недостаточны для сдерживания завоеваний Велизария, обратился за помощью к франкам и отправил посольство к Хосросу, чтобы возбудить ревность персидского монарха. Франки под командованием Теодеберта вторглись в Италию, но вскоре были вынуждены отступить; а Велизарий, поставленный во главе всей армии после отзыва Нарсеса, вскоре положил конец войне. Равенна, столица готов, была осаждена, но осада была более примечательна переговорами, которые велись в ходе ее проведения, чем военными операциями. Готы, с согласия Витигеса, сделали Белисарию необычное предложение признать его императором Запада при условии, что он присоединит свои войска к их войскам, позволит им сохранить свои позиции и собственность в Италии и тем самым обеспечит им сохранение их национальности и особых законов.

Возможно, ни состояние наемной армии, которой он командовал, ни положение готского народа не делали этот проект вполне осуществимым. Несомненно, что Велизарий только выслушал его, чтобы ускорить сдачу Равенны и обеспечить безопасность Витигеса без дальнейшего кровопролития. Италия подчинилась Юстиниану, и немногие готы, которые все еще сохраняли свою независимость за По, тщетно настаивали на том, чтобы Велизарий провозгласил себя императором. Но даже без этих просьб его власть пробудила опасения его повелителя, и он был отозван, хотя и с почестями, со своего поста в Италии. Он вернулся в Константинополь, ведя в плену Витигеса, как когда-то он появлялся, ведя Гелимера.

ОЦЕНКА БЕЛИСАРИЯ ФИНЛЕЕМ

Несмотря на то, что таланты Белисария были действительно велики, а его суждения, по-видимому, были здравыми, все же следует признать, что его имя занимает в истории более видное место, чем того заслуживают его заслуги. Случайность, что его завоевания положили конец двум могущественным монархиям, что он привел в плен в Константинополь представителей грозного Гензериха и великого Теодориха, в сочетании с тем обстоятельством, что ему посчастливилось, что его подвиги были записаны на классическом языке Прокопия, последнего историка греков, сделали его блестящую карьеру еще более блестящей благодаря тому средству, через которое она воспринимается. В то же время рассказы о его слепоте и бедности вызвали сочувствие к его несчастьям в кругах, которые остались бы равнодушными к реальным событиям его истории, и сделали его имя символом героического величия, низведенного до крайней нищеты королевской неблагодарностью.

Но Велизарий, хотя и отказался от готского престола и империи Запада, не презирал и не пренебрегал богатством; он накопил богатства, которые не мог бы приобрести ни один главнокомандующий в условиях войн и голода того периода, не подчинив военную и гражданскую администрацию своим денежным интересам. По возвращении из Италии он жил в Константинополе почти в царском великолепии и содержал отряд из семи тысяч всадников, прикрепленных к его дому.

В империи, где конфискация была обычным финансовым ресурсом, и при правителе, положение которого делало ревность лишь обычной осторожностью, неудивительно, что богатство Велизария возбудило императорскую алчность и побудило Юстиниана захватить большую его часть. Его состояние дважды сокращалось в результате конфискаций. Поведение генерала в условиях несчастья и печальная картина его уныния, нарисованная Прокопием, когда он потерял часть своего состояния после первого опаления, не способствуют улучшению его репутации. Позже его богатство было снова конфисковано по обвинению в измене, и в этот раз, как говорят, он лишился зрения и оказался в таком бедственном положении, что просил милостыню на публичной площади, взывая: «Дайте Велизарии обол!» Но древние историки не знали этой басни, которая была отвергнута

всеми современными авторитетами в области византийской истории . Юстиниан, спокойно обдумав ситуацию, не поверил в измену человека, который в молодости отказался взойти на престол; либо же он простил то, что считал ошибкой генерала, услугам которого он был так глубоко обязан; и Велитарий, частично восстановивший свое состояние, умер, обладая богатством и честью.

ГОТЫ ВОЗОБНОВЛЯЮТ ВОЙНУ

[540-544 гг. н. э.]

Белисарий едва покинул Италию, как готы вновь собрали свои войска. Они были привычны к правлению и воспитаны в военном деле. Юстиниан послал гражданского Александра Логофета управлять Италией, надеясь, что его финансовые меры сделают новое завоевание источником дохода для императорской казны.^[15] Финансовое управление нового губернатора вскоре вызвало большое недовольство. Он сократил численность римских войск и положил конец тем прибылям, которые обычно приносит военным состояние войны; в то же время он отменил пенсии и привилегии, которые составляли немалую часть доходов высших классов и которые никогда не были полностью отменены во время готского господства. Возможно, в некоторых случаях Александр действовал с чрезмерной суровостью, приводя в исполнение эти меры, но из их характера очевидно, что он, должно быть, получил четкие указания положить конец тому, что Юстиниан считал расточительными расходами Велитария.

Гот высокого происхождения

(По Хоттенроту)

Часть готов на севере Италии сохранила свою независимость после капитуляции Витигена. Они возвели на престол Хильдебальда, который пробыл на троне около года, после чего был убит одним из своих собственных охранников. Затем племя ругиев возвело на престол своего вождя Эрарика, но когда он вступил в переговоры с римлянами, он был убит, пробыв на троне всего пять месяцев. Тогда королем готов был избран Тотила, и если бы он не столкнулся с сопротивлением величайших людей, которых породил закат Римской империи, он, вероятно, сумел бы восстановить готскую монархию в Италии. Его успехи сделали его любимым среди соотечественников, а справедливость его правления контрастировала с алчностью правительства Юстиниана и принесла ему уважение и покорность местных жителей провинций. Он был на грани начала осады Рима, когда Велизарий, который после своего отъезда из Равенны участвовал в Персидской войне, был отправлен обратно в Италию, чтобы вернуть утраченные территории.

[544-547 гг. н. э.]

Имперские войска были полностью лишены единства и военной организации, которые объединяют несколько различных корпусов в одну армию. Различные подразделения войск находились под командованием офицеров, полностью независимых друг от друга и подчинявшихся только Велизария как главнокомандующему. Юстиниан, действуя в соответствии со своими обычными принципами ревности и недоверия к Велизария, более чем раньше, оставил большую часть его телохранителей и всех его ветеранов в Константинополе, так что теперь он появился в Италии без сопровождения штаба научных офицеров и отряда ветеранов, на опыт и дисциплину которых он мог положиться для беспрекословного выполнения своих приказов. Неоднородный состав его армии делал невозможным проведение совместных операций, а его положение еще более ухудшилось в результате изменений, произошедших в лагере противника. Тотила теперь мог требовать от своих последователей любых жертв, поскольку готы, наученные несчастьями и лишенные богатства, осознавали важность единства и дисциплины и строго выполняли приказы своего правителя. Готский король осадил Рим, а Велизарий обосновался в Порто, у устья Тибра; но все его попытки освободить осажденный город оказались безуспешными, и Тотила заставил его сдаться под его глазом и вопреки всем его усилиям.

Национальные и религиозные чувства ортодоксальных римлян сделали их непримиримыми врагами арианских готов. Тотила вскоре понял, что ему не под силу защитить Рим от научного врага и враждебно настроенного населения из-за обширности укреплений и невозможности вытеснить имперские войска из фортов у устья Тибра. Но он также понял, что восточные императоры не смогут удержаться в центральной Италии без поддержки римского населения, чье промышленное, торговое, аристократическое и церковное влияние было сосредоточено в городском населении Рима. Поэтому он решил уничтожить Вечный город, и если политика позволяет королям в важных случаях попирает заповеди гуманности, то король готов мог претендовать на право уничтожить род римлян. Даже государственный деятель может до сих пор сомневаться, не очистило ли бы решение Тотилы, если бы оно было выполнено самым безжалостным образом, нравственную атмосферу итальянского общества.

Он приступил к разрушению стен, но либо трудность осуществления своего замысла, либо чувства гуманности, неотделимые от его просвещенных амбиций, побудили его прислушаться к доводам Велизария, который умолял его отказаться от своего варварского плана разрушения. Тем не менее, Тотила сделал все, что было в его силах, чтобы обезлюдить Рим: он заставил жителей уйти в Кампанию и вынудил сенаторов покинуть свой родной

город. Именно этой эмиграции следует приписать полное исчезновение старой римской расы и гражданского правления; ибо когда Велизарий, а позднее и сам Тотила, пытались заново заселить Рим, они заложили основы нового общества, которое скорее связано с историей средневековья, чем с историей предшествующих эпох.

БЕЛИЗАРИЙ В РИМЕ

Белисарий вошел в город после ухода готов и, обнаружив его заброшенным, с большим трудом привел его в состояние обороны. Но хотя Белисарий благодаря своему военному таланту смог защитить Рим от нападений Тотилы, он не смог противостоять готской армии в открытом поле; и после тщетных попыток вернуть победу римским знаменам в Италии он получил разрешение сложить с себя командование и вернуться в Константинополь. Его неудачу следует объяснять исключительно недостаточностью средств, предоставленных ему для противостояния такому активному и способному правителю, как Тотила. Непопулярность его второго правления в Италии была вызвана нежеланием Юстиниана платить войскам и необходимостью, которую эта нерегулярность налагала на их командующего, взимать с итальянцев тяжелые налоги, в то время как это делало совершенно невыполнимой задачу обеспечения строгой дисциплины и защиты собственности народа от плохо оплачиваемых солдат. Однако справедливость требует, чтобы мы не упустили из виду, что Белисарий, хотя и вернулся в Константинополь с умаленной славой, не пренебрег своими денежными интересами и вернулся без какого-либо уменьшения своего богатства.

[547-553 гг. н. э.]

Как только Тотила освободился от ограничений, наложенных на его действия страхом перед Велизарием, он быстро отвоевал Рим, и потеря Италии казалась неизбежной, когда Юстиниан решил предпринять новую попытку удержать ее. Поскольку необходимо было отправить против готов большую армию и наделить главнокомандующего большими полномочиями, вряд ли Юстиниан доверил бы кому-либо из своих генералов больше, чем Велизарию, если бы у него не было счастливого обстоятельства в виде способного офицера, евнуха Нарсеса, который никогда не мог бы восстать с надеждой возложить императорскую корону на свою голову. Уверенность в его верности давала Нарсесу большое влияние во дворце и обеспечивала ему поддержку, которая никогда не была бы предоставлена какому-либо другому генералу. Его военные таланты и отсутствие упреков в алчности или растрате увеличивали его личное влияние, а его усердие и щедрость вскоре позволили собрать мощную армию. Лучшие наемные войска — гунны, герулы, армяне и лангобарды — шли под его знаменем вместе с ветеранами римской армии. Первой целью Нарсеса после его прибытия в Италию было заставить готов рискнуть общим сражением, полагаясь на превосходство своих войск и на свое собственное умение использовать их превосходную дисциплину.

Соперничающие армии встретились в Тагине (Тадинум) недалеко от Нуцерии (Ночера), и Нарсес одержал полную победу.^[16] Тотила и шесть тысяч готов погибли, и Рим вновь попал под власть Юстиниана. По просьбе готов Теобальд, король Австразии, разрешил армии франков и германцев войти в Италию с целью отвлечь внимание в их пользу. Буцелин, вождь этой армии, встретил Нарсеса на берегах Казилинуса, недалеко от Капуи. Силы франков насчитывали тридцать тысяч человек, а римлян — не более восемнадцати тысяч, но победа Нарсеса была настолько полной, что лишь немногие из первых смогли спастись. Оставшиеся готы избрали другого короля, Теяса, который погиб со своей армией у берегов Сарнуса (Сарно). Его смерть положила конец королевству остготов и позволила Нарсесу

полностью сосредоточиться на гражданском управлении своими завоеваниями, обеспечить безопасность собственности и строгое отправление правосудия. Он, по-видимому, был человеком, исключительно хорошо приспособленным к своей ситуации, обладавшим высочайшими военными талантами в сочетании с совершенным знанием гражданского и финансового управления; в результате он был способен точно рассчитать сумму, которую мог взыскать с провинции и перечислить в Константинополь, не останавливая постепенное улучшение положения в стране. Тем не менее, его финансовое управление считалось итальянцами чрезвычайно суровым, и он был непопулярен среди жителей Рима.

[535-625 гг. н. э.]

Наличие многочисленного римского населения в Испании, связанного с Восточной империей воспоминаниями о древних узах, активными торговыми отношениями и сильным православным чувством против арианских вестготов, позволило Юстиниану воспользоваться этими преимуществами так же, как он сделал это в Африке и Италии. Король Теуд попытался отвлечь внимание Юстиниана от Италии, осадив Сеуту в Африке. Его нападение не увенчалось успехом, но обстоятельства в то время не были благоприятны для Юстиниана, чтобы отомстить за нанесенный ущерб. Вскоре после этого разногласия в стране позволили императору принять участие в гражданской войне, и он воспользовался предложением отправки флота и войск для поддержки претензий мятежного вождя, чтобы обеспечить себе владение значительной частью юга Испании. Мятежник Атанагильд, избранный королем вестготов, тщетно пытался изгнать римлян из занятых ими провинций. Последующие победы расширили завоевания Юстиниана от устья Тежу, Эборы и Кордубы вдоль побережья океана и Средиземного моря почти до Валентии; а порой отношения римлян с католическим населением внутренних районов позволяли им продвигать свои войска почти до центра Испании. Восточная империя удерживала эти далекие завоевания в течение примерно шестидесяти лет.^b

ОЦЕНКА ГИББОНА БЕЛИСАРИЯ И ЕГО ВРЕМЕНИ

Наша оценка личных заслуг относительна по отношению к общим способностям человечества. Стремления гения или добродетели, как в активной, так и в теоретической жизни, измеряются не столько их реальной величиной, сколько высотой, на которую они поднимаются над уровнем своего века или страны; и тот же рост, который в народе великанов остался бы незамеченным, должен казаться заметным в расе пигмеев. Леонид и его триста товарищей посвятили свои жизни в Фермопилах; но воспитание младенца, мальчика и мужчины подготовило и почти гарантировало эту памятную жертву; и каждый спартанец скорее одобрил бы, чем восхитился бы актом долга, на который были способны он сам и восемь тысяч его сограждан.

Великий Помпей мог бы написать на своих трофеях, что он победил в сражении два миллиона врагов и подчинил полторы тысячи городов от озера Меотис до Красного моря; но удача Рима следовала за его орлами; народы были угнетены собственными страхами, а непобедимые легионы, которыми он командовал, были сформированы привычкой к завоеваниям и вековой дисциплиной. С этой точки зрения, характер Велизария может быть по праву поставлен выше героев древней республики. Его недостатки были следствием заразы того времени; его добродетели были его собственными, даром природы или размышлений; он поднялся без учителя или соперника; и оружие, вверренное его рукам, было настолько неадекватным, что его единственное преимущество проистекало из гордости и самонадеянности его противников. Под его командованием подданные Юстиниана часто заслуживали называться римлянами, но невоенное название «греки» было

навязано им в качестве упрека высокомерными готами, которые делали вид, что краснеют от того, что им приходится оспаривать королевство Италии с народом трагиков, пантомимов и пиратов.

Климат Азии действительно оказался менее благоприятным для военного духа, чем климат Европы; эти густонаселенные страны были ослаблены роскошью, деспотизмом и суеверием, а монахи были дороже и многочисленнее, чем солдаты Востока. Регулярные войска империи когда-то насчитывали 645 000 человек: во времена Юстиниана их численность сократилась до 150 000, и это число, каким бы большим оно ни казалось, было рассеяно по морю и суше — в Испании и Италии, в Африке и Египте, на берегах Дуная, побережье Эвксинского моря и границах Персии. Граждане были истощены, а солдаты не получали жалованья; их бедность злонамеренно утешалась привилегией грабежа и праздности; а задержки с выплатами задерживались и перехватывались мошенничеством тех агентов, которые без мужества и опасности узурпировали доходы от войны. Государственные и частные бедствия пополняли армии государства, но на поле боя, и тем более в присутствии врага, их численность всегда была недостаточной.

Нехватка национального духа компенсировалась неустойчивой верностью и беспорядочной службой варварских наемников. Даже военная честь, которая часто выживала после утраты добродетели и свободы, была почти полностью утрачена. Генералы, число которых превышало число в прежние времена, трудились только для того, чтобы помешать успеху или запятнать репутацию своих коллег; опыт научил их, что если заслуги иногда вызывали зависть, то ошибки или даже вина заслуживали снисхождение милостивого императора.

В такую эпоху триумфы Велизария, а затем и Нарсеса сияют несравненным блеском, но они окружены мрачными тенями позора и бедствий.^[17]

ВТОРЖЕНИЯ ВАРВАРОВ

[100-550 гг. н. э.]

Даже победы Велизария над готами были вредны для государства, поскольку они устранили важный барьер на верхнем Дунае, который так верно охраняли Теодорих и его дочь. Для защиты Италии готы эвакуировали Паннонию и Норикум, которые они оставили в мирном и процветающем состоянии; суверенитет был заявлен императором римлян, а фактическое владение было оставлено на откуп смелости первого захватчика. На противоположном берегу Дуная равнины верхней Венгрии и холмы Трансильвании с момента смерти Атилы принадлежали племенам гепидов, которые уважали готское оружие и презирали не столько золото римлян, сколько тайный мотив их ежегодных субсидий.

Эти варвары мгновенно заняли пустующие укрепления на реке; их знамена были водружены на стенах Сирмиума и Белграда; и иронический тон их извинений усугубил это оскорбление величия империи. «Так обширны, о Цезарь, твои владения, так многочисленны твои города, что ты постоянно ищешь народы, которым, в мирное или военное время, ты мог бы уступить эти бесполезные владения. Гепиды — твои храбрые и верные союзники; и если они опередили твои дары, то они проявили справедливую уверенность в твоей щедрости». Их самонадеянность была оправдана способом мести, который избрал Юстиниан. Вместо того чтобы отстаивать права суверена на защиту своих подданных, император пригласил чужой народ вторгнуться и завладеть римскими провинциями между

Дунаем и Альпами; а амбиции гепидов были сдержаны растущей мощью и славой лангобардов.

Это искаженное название было распространено в XIII веке купцами и банкирами, итальянскими потомками этих диких воинов, но первоначальное название «лангобарды» отражает только особенную длину и форму их бород.^[18] Примерно во времена Августа и Траяна луч исторического света пробивается сквозь мрак их древности, и они впервые обнаруживаются между Эльбой и Одером. Будучи более жестокими, чем германцы, они с удовольствием распространяли ужасающее поверье, что их головы были похожи на головы собак и что они пили кровь своих врагов, которых побеждали в бою. Небольшую численность своего народа они пополняли, усыновляя самых храбрых рабов, и в одиночку, среди своих могущественных соседей, они защищали оружием свою высокомерную независимость.

Готский вождь

В буре севера, которая поглотила столько имен и народов, эта маленькая лодка лангобардов все еще плыла по поверхности. Они постепенно спускались на юг к Дунаю, и через четыреста лет^[19] они снова появляются со своей древней доблестью и славой. Их нравы были не менее жестокими. Убийство королевского гостя было совершено в присутствии и по приказу дочери короля, которую спровоцировали несколько оскорбительных слов и разочаровали его маленький рост;^[20] и его брат, король герулов, наложил на лангобардов дань, цену крови. Неблагоприятные обстоятельства возродили чувство умеренности и справедливости, а дерзость завоевателей была наказана явным поражением и непоправимым рассеянием герулов, которые селились в южных провинциях Польши.^[21]

Победы лангобардов расположили к ним императоров, и по просьбе Юстиниана они перешли Дунай, чтобы, согласно договору, подчинить города Норикума и крепости Паннонии. Но дух грабежа вскоре соблазнил их выйти за эти широкие пределы; они бродили по побережью Адриатики до Диррахия () и с привычной грубостью осмелились входить в города и дома своих римских союзников и захватывать пленников, которые ускользнули из их дерзких рук. Эти акты враждебности, вылазки, как можно было бы предположить, некоторых разрозненных авантюристов, были отвергнуты нацией и оправданы императором; но оружие лангобардов было более серьезно задействовано в тридцатилетней борьбе, которая закончилась только истреблением гепидов.

[550-554 гг. н. э.]

Враждебные народы часто защищали свою правоту перед тронем Константинополя, а хитрый Юстиниан, которому варвары были почти одинаково ненавистны, выносил пристрастные и двусмысленные приговоры и ловко затягивал войну медленными и неэффективными попытками оказать помощь. Их сила была грозна, поскольку лангобарды, выставившие на поле боя несколько мириад солдат, по-прежнему требовали, как более слабая сторона, защиты римлян. Их дух был бесстрашным, но мужество бывает столь нестабильным, что обе армии внезапно охватила паника; они бежали друг от друга, и соперничающие короли остались со своими стражами посреди пустой равнины. Было заключено короткое перемирие, но взаимная неприязнь вновь разгорелась, и воспоминание о позоре сделало следующее сражение еще более отчаянным и кровавым. Сорок тысяч варваров погибли в решающей битве^[22], которая сломила силу гепидов, изменила страхи и желания Юстиниана и впервые продемонстрировала характер Альбоина, молодого принца лангобардов и будущего завоевателя Италии.

СЛАВЯНСКИЕ НАПАДЕНИЯ

[100-540 гг. н. э.]

Дикие народы, которые жили или кочевали на равнинах России, Литвы и Польши, в эпоху Юстиниана можно было разделить на две большие семьи: болгары и славяне. Согласно греческим писателям, первые, которые доходили до Эвксинского моря и Меотического озера, получили свое название или происхождение от гуннов; и нет нужды повторять простую и хорошо известную картину татарских нравов. Они были смелыми и ловкими лучниками, пили молоко и лакомились мясом своих неутомимых лошадей; их стада и стада следовали, или, скорее, направляли движения их кочующих лагерей; для их набегов не было ни одной страны, которая была бы удалена или недоступна, и они были опытны в бегстве, хотя и не знали страха.

Народ был разделен на два могущественных и враждующих племени, которые преследовали друг друга с братской ненавистью. Они жадно спорили за дружбу, или, скорее, за подарки императора; и различие, которое природа установила между верным псом и хищным волком, было применено послом, который получил только устные инструкции из уст своего неграмотного князя. Болгары, какого бы рода они ни были, в равной степени привлекались римским богатством; они взяли на себя неопределенное господство над славянским именем, и их быстрые походы могли быть остановлены только Балтийским морем или крайней холодностью и бедностью севера. Но та же самая славянская раса, по-видимому, сохраняла во все времена владение теми же странами. Их многочисленные племена, какими бы отдаленными или враждебными они ни были, использовали один общий язык (он был грубым и нерегулярным) и были известны по сходству своей

внешности, которая отличалась от смуглой татарской и приближалась к высокому росту и светлой коже немцев, но не достигала их уровня.

Четыре тысячи шестьсот деревень были разбросаны по провинциям России и Польши, а их хижины были построены наспех из грубого дерева в стране, где не хватало ни камня, ни железа. Возведенные, или, скорее, спрятанные в глубине лесов, на берегах рек или на краю болот, мы можем, возможно, не без лести, сравнить их с архитектурой бобра, которой они напоминали в двойном смысле: земля и вода для спасения диких обитателей — животных, менее чистых, менее трудолюбивых и менее социальных, чем этот удивительный четвероногий. Плодородие почвы, а не труд туземцев обеспечивало сельское изобилие славонцев. Их овцы и рогатый скот были крупными и многочисленными, а поля, которые они засеивали просом и просовым зерном, давали вместо хлеба грубую и менее питательную пищу. Непрекращающиеся грабежи соседей заставляли их зарывать это сокровище в землю, но при появлении незнакомца оно свободно раздавалось народом, чья неблагоприятная репутация смягчалась эпитетами «целомудренный», «терпеливый» и «гостеприимный». В качестве верховного бога они поклонялись невидимому повелителю грома. Реки и нимфы получали второстепенные почести, и народное поклонение выражалось в обетах и жертвоприношениях.

Славяне презирали подчиняться деспоту, князю или даже магистрату, но их опыт был слишком ограничен, а страсти слишком сильны, чтобы создать систему равных законов или общей обороны. Определенное добровольное уважение вызывали возраст и доблесть, но каждое племя или деревня существовали как отдельные республики, и всех нужно было убеждать, поскольку никого нельзя было заставить. Они сражались пешком, почти обнаженные и, за исключением громоздкого щита, без какой-либо защитной брони; их оружием нападения были лук, колчан с маленькими отравленными стрелами и длинная веревка, которую они ловко бросали с расстояния и запутывали врага в бегущей петле. На поле боя славонская пехота была опасна своей скоростью, ловкостью и выносливостью: они плавали, ныряли, оставались под водой, дыша через полый тростник, и реки или озера часто становились местом их неожиданных засад. Но это были достижения шпионов и отставших; военное искусство было неизвестно славонцам; их имя было неизвестно, а их завоевания были бесславны.

[540-565 гг. н. э.]

Равнинные земли Молдавии и Валахии были заняты андами (или антиями), славянским племенем, которое пополнило титулы Юстиниана эпитетом завоевателя. Против антов он воздвиг укрепления в нижнем течении Дуная и старался обеспечить союз с народом, проживавшим в непосредственной близости от северного наводнения, на расстоянии двухсот миль между горами Трансильвании и Эвксинским морем. Но анты не имели ни силы, ни желания сдерживать ярость потока; и легко вооруженные славяне из ста племен почти с такой же скоростью преследовали болгарскую конницу.^[23] Выплата одной золотой монеты за каждого солдата обеспечила безопасное и легкое отступление через страну гепидов, которые контролировали проход по верхнему течению Дуная.

Надежды или страхи варваров, их внутреннее единство или раздор, случайность замерзшего или мелкого русла, перспектива урожая или сбора винограда, процветание или бедствие римлян — все это были причины, которые приводили к ежегодному повторению набегов, утомительных в повествовании и разрушительных по своим последствиям. Тот же год, и, возможно, тот же месяц, в котором Равенна сдалась, был отмечен вторжением гуннов или болгар,^[24] настолько ужасным, что оно почти стерло память об их прошлых набегах. Они

распространились от пригородов Константинополя до Ионического залива, разрушили тридцать два города или замка, стерли с лица земли Потидею, построенную Афинами и осажденную Филиппом, и перешли Дунай, уводя за собой 120 000 подданных Юстиниана. В ходе последующего вторжения они пробили стену Фракийского Херсонеса, истребили жилища и жителей, смело пересекли Геллеспонт и вернулись к своим товарищам, груженные добычей из Азии. Другая группа, которая казалась многочисленной в глазах римлян, без сопротивления проникла из пролива Фермопилы в Коринфский перешеек; и последнее разрушение Греции показалось слишком незначительным событием, чтобы привлечь внимание истории.

Сооружения, которые император воздвиг для защиты, но за счет своих подданных, послужили лишь для того, чтобы выявить слабость некоторых заброшенных участков; а стены, которые благодаря лестям считались неприступными, были либо покинуты гарнизоном, либо взяты штурмом варварами. Три тысячи славян, которые нагло разделились на две группы, обнаружили слабость и нищету триумфального правления. Они перешли Дунай и Гебр, победили римских полководцев, которые осмелились противостоять их продвижению, и безнаказанно разграбили города Иллирии и Фракии, каждый из которых имел оружие и численное превосходство, чтобы подавить своих презренных нападавших.

Византийский костюм

Какую бы похвалу ни заслуживала смелость славян, она омрачена бессмысленной и преднамеренной жестокостью, в которой их обвиняют по отношению к пленным. Без различия ранга, возраста или пола пленники были подвергнуты пыткам на кол, заживо сняты с кожи, подвешены между четырьмя столбами и избиты дубинками до смерти, или же заперты в каком-нибудь просторном здании и оставлены погибать в пламени вместе с добычей и скотом, которые могли помешать маршу этих диких победителей. Возможно, более беспристрастное повествование уменьшило бы количество и смягчило бы характер этих ужасных деяний; иногда их можно было бы оправдать жестокими законами возмездия. Во время осады Топируса, чья упорная оборона разгневала славян, они убили пятнадцать тысяч мужчин (^[25]), но пощадили женщин и детей. Самых ценных пленников всегда оставляли для работы или выкупа; рабство не было суровым, а условия их освобождения были быстрыми и умеренными. Но подданный или историк Юстиниана выразил свое справедливое возмущение в языке жалоб и упреков; а Прокопий с уверенностью утверждал, что за тридцать два года правления каждое ежегодное вторжение варваров уносило жизни двухсот тысяч жителей Римской империи. Все население турецкой Европы, которое почти соответствует провинциям Юстиниана, возможно, не смогло бы дать шесть миллионов человек, что является результатом этой невероятной оценки.

На фоне этих мрачных бедствий Европа испытала потрясение революции, которая впервые открыла миру имя и народ турок.^c

ТУРКИ И АВАРЫ

[545-557 гг. н. э.]

С тех пор турки всегда занимали памятное место в истории человечества как разрушители древней цивилизации. В их продвижении на запад им предшествовали авары, народ, чье прибытие в Европу вызвало величайшую тревогу, чье господство вскоре широко распространилось, но чье полное истребление или слияние с подданными оставляет историю их расы проблемой, которая вряд ли когда-нибудь получит удовлетворительное решение. Предполагается, что авары были частью населения могущественной азиатской

империи, которая фигурирует в анналах Китая как правившая большей частью центральной Азии и простиравшаяся до Корейского залива. Великая империя аваров была свергнута восстанием их турецких подданных, и благородная каста вскоре исчезла из истории на фоне революций в Китайской империи.

Первоначально тюрки проживали в окрестностях великой горной цепи Алтая. Будучи подданными аваров, они отличались своим мастерством в обработке и закаливании железа; их трудолюбие принесло им богатство, а богатство вдохновило их на стремление к независимости. Сбросив иго аваров, они вступили с ними в войну и заставили военную мощь этой нации бежать перед ними двумя отдельными отрядами. Одна из этих частей отступила в Китай, другая продвинулась в Западную Азию и в конце концов вошла в Европу. Турки начали завоевательную кампанию, и за несколько лет их владения простирались от Волги и Каспийского моря до берегов океана, или Японского моря, и от берегов Оксуса (Гихона) до пустынь Сибири. Западная армия аваров, пополненная многими племенами, которые боялись турецкого правительства, продвинулась в Европу как народ завоевателей, а не как банда беженцев. Предполагается, что основную часть этой армии составляли люди турецкой расы, потому что те, кто впоследствии носил имя аваров в Европе, по-видимому, принадлежали к этой семье. Однако не следует забывать, что могучая армия аварских эмигрантов могла легко, за несколько поколений, утратить все национальные особенности и забыть свой родной язык среди большого числа своих гуннских подданных, даже если предположить, что эти две расы изначально происходили из разных племен. Однако аварцы иногда называются турками даже самыми ранними историками. Использование названия «турк» в расширенном смысле, включая монгольскую расу, встречается у Феофилакта Симокатты ([m](#)), писателя, обладающего значительными знаниями о делах Восточной Азии и говорящего о жителях процветающего королевства Таугус как о турках. Такое применение термина, по-видимому, возникло из-за того, что часть Китая, о которой он упоминал, в то время подчинялась иностранной, или, по его выражению, турецкой династии.

Авары вскоре завоевали все страны вплоть до берегов Дуная, и до смерти Юстиниана они прочно обосновались на границах Паннонии.^{[b](#)}

Они следовали по хорошо известной дороге по Волге, лелея ошибку народов, которые путали их с первоначальными аварами, и распространяя ужас этого ложного, хотя и известного названия, которое, однако, не спасло его законных владельцев от ига турок. После долгого и победоносного похода новые авары прибыли к подножию Кавказа, в страну аланов и черкесов, где они впервые услышали о великолепии и слабости Римской империи. Они смиренно попросили своего союзника, князя аланов, привести их к этому источнику богатства, и их посол с разрешения правителя Лазики был переправлен через Черное море в Константинополь. Весь город вышел посмотреть с любопытством и ужасом на странный народ; их длинные волосы, свисавшие косами по спинам, были изящно перевязаны лентами, но остальная часть их одежды, по-видимому, имитировала моду гуннов. Когда их приняли на аудиенции у Юстиниана, Кандиш, первый из послов, обратился к римскому императору со следующими словами: «Перед вами, о могущественный князь, представители самого сильного и многочисленного народа, непобедимые, непреодолимые авары. Мы готовы посвятить себя вашей службе, мы способны победить и уничтожить всех врагов, которые сейчас нарушают ваш покой. Но в качестве платы за наш союз, в качестве награды за нашу доблесть мы ожидаем драгоценных даров, ежегодных субсидий и плодородных владений».

[557-565 гг. н. э.]

Во время этого посольства Юстиниан правил более тридцати лет, он прожил более семидесяти пяти лет; его ум, как и тело, был слаб и вял; и завоеватель Африки и Италии, не

заботясь о постоянных интересах своего народа, стремился только закончить свои дни в лоне даже бесславного мира. В тщательно подготовленной речи он сообщил сенату о своем решении скрыть оскорбление и купить дружбу аваров; и весь сенат, подобно китайским мандаринам, аплодировал несравненной мудрости и дальновидности своего правителя. Немедленно были приготовлены предметы роскоши, чтобы очаровать варваров: шелковые одежды, мягкие и роскошные постели, а также инкрустированные золотом цепи и ошейники. Послы, довольные таким щедрым приемом, покинули Константинополь, и Валентин, один из телохранителей императора, был отправлен с аналогичным поручением в их лагерь у подножия Кавказских гор. Поскольку их уничтожение или их успех должны были быть одинаково выгодны для империи, он убедил их вторгнуться на территорию врагов Рима; и они легко поддались соблазну подарков и обещаний, чтобы удовлетворить свои господствующие наклонности. Эти беженцы, спасавшиеся от турецкого оружия, пересекли Танаис и Борисфен и смело продвинулись вглубь Польши и Германии, нарушая закон народов и злоупотребляя правами победителей.

Не прошло и десяти лет, как их лагерь расположились на Дунае и Эльбе, многие болгарские и славянские названия были стерты с лица земли, а остатки их племен оказались в качестве данников и вассалов под знаменем аваров. Чаган, особый титул их короля, по-прежнему стремился поддерживать дружбу с императором, а Юстиниан подумывал о том, чтобы поселить их в Паннонии, чтобы уравновесить преобладающую мощь лангобардов. Но добродетельность или вероломство одного аварца выдали тайную вражду и амбициозные замыслы их соотечественников; и они громко жаловались на робкую, хотя и ревнивую политику удержания их послов и отказа в оружии, которое им было разрешено приобрести в столице империи.

Возможно, видимое изменение в настроении императоров можно объяснить посольством, которое было принято от завоевателей аварцев. Огромное расстояние, которое ускользало от их оружия, не могло погасить их обиду; турецкие послы следовали по стопам побежденных до Жайка, Волги, Кавказа, Эвксинского моря и Константинополя и, наконец, явились перед преемником Константина, чтобы просить его не поддерживать дело мятежников и беглецов. Император отказался, или, по крайней мере, сделал вид, что отказался, от беглых аваров, но принял союз с турками; ратификация договора была доставлена римским министром к подножию горы Алтай. При преемниках Юстиниана дружба между двумя народами поддерживалась частыми и сердечными контактами.^с

ОТНОШЕНИЯ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ С ПЕРСИЕЙ

[400-527 гг. н. э.]

Азиатская граница Римской империи была менее благоприятна для нападения, чем для обороны. Кавказский хребет был занят, как и сейчас, группой небольших народов, говорящих на разных языках и сильно привязанных к своей независимости, которую природа их страны позволяла им сохранять среди войн и конфликтных переговоров римлян, персов и гуннов, окружавших их. Колхидское царство (Мингрелия) находилось в постоянном союзе с римлянами, и его правитель регулярно получал инвеституру от императора. Цаны, населявшие горы вокруг истоков Фазиса, пользовались вспомогательным союзом с Юстинианом, пока их грабительские походы в пределы империи

не побудили его разместить в их стране гарнизон. Иберия, к востоку от Колхиды, современная Грузия, образовала независимое королевство под покровительством Персии.

Армения, как независимое королевство, долгое время составляла небольшой противовес между Римской и Персидской империями. Во время правления Феодосия II она была поделена между своими могущественными соседями, а около 429 года утратила ту тень независимости, которую ей было позволено сохранить. Большая часть Армении досталась персам, но поскольку ее население было христианским и имело свою церковь и литературу, оно сохранило свою национальность нетронутой после потери политического правительства. Западная, или римская, часть Армении была ограничена горами, в которых берут начало реки Аракс, Боас и Евфрат, и защищалась от Персии крепостью Феодосиополис (Эрзерум), расположенной на самой границе Персии и Армении. От Феодосиополя империя граничила с горными хребтами, которые пересекают Евфрат и простираются до реки Нимфеус, и здесь находился город Мартирополь, столица римской Армении, к востоку от Евфрата. От слияния Нимфея с Тигром граница снова следовала по горам до Дары, а оттуда продолжалась до Хабора и крепости Киркезиум.

Арабы или сарацины, населявшие район между Киркесиумом и Идумеей, были разделены на два королевства: королевство Гассана, расположенное ближе к Сирии, поддерживало союз с римлянами, а королевство Хира, расположенное на востоке, пользовалось защитой Персии. Пальмира, которая пришла в упадок после правления Феодосия II, была восстановлена и укреплена гарнизоном; а территория между заливами Айлат и Суэц, образующая провинцию под названием Третья Палестина, была защищена крепостью, построенной у подножия горы Синай и занятой сильным отрядом войск.

Такая граница, хотя и представляла большие трудности для вторжения в Персию, давала замечательные средства для защиты империи; и, соответственно, очень редко случалось, чтобы персидская армия проникала в римскую провинцию. Именно во время правления Юстиниана персы прорвали линию обороны и способствовали разорению богатств и разрушению цивилизации некоторых из самых процветающих и просвещенных частей Восточной империи. Войны, которые Юстиниан вел с Персией, не принесли его правлению особой славы, но прославленное имя его соперника, великого Хосрова Нуширвана, сделало его неудачи и промахи простительными в глазах историков.

В то время Персидская и Римская империи были почти равны по силе и уровню цивилизации; обеими правили князья, чьи правления стали национальными эпохами, однако история дает достаточно доказательств того, что блестящие подвиги обоих этих правителей были достигнуты за счет расточительного расходования национальных ресурсов и непоправимой потери жизней и капитала их подданных. Ни одна из империй так и не смогла вернуть себе прежнее процветание, а общество не смогло оправиться от потрясения, которое оно пережило. Правительства были слишком деморализованы, чтобы рискнуть провести политические реформы, а народ был слишком невежествен и слаб, чтобы попытаться совершить национальную революцию.

Правительства стран, находящихся в упадке, часто дают лишь слабые признаки своей слабости и приближающегося распада, пока обычные отношения войны и мира требуют поддержания только с привычными друзьями или врагами, хотя малейшее усилие, вызванное чрезвычайными обстоятельствами, может привести к распаду политической структуры. Армии Восточной империи и Персии, благодаря длительному знакомству с военной силой друг друга, нашли способ уравновесить любое особое преимущество своего врага путем изменения тактики или улучшения военной дисциплины, что нейтрализовывало его эффект. В результате война между двумя государствами велась в соответствии с обычной военной рутинной и продолжалась в течение ряда кампаний, в

которых было пролито много крови, потрачено много денег и завоевано много славы, при этом относительная военная мощь двух империй практически не изменилась, а их границы остались прежними.

[527-532 гг. н. э.]

Жадность Юстиниана или его непостоянные планы часто побуждали его оставлять восточную границу империи с очень недостаточным количеством гарнизонов; и эта граница представляла собой обширную территорию, на которой персидская армия, сосредоточенная за Тигром, могла выбрать точку для нападения. Выбор вести войну в Сирии, Месопотамии, Армении или Колхиде обычно оставался за персами, и Хосров пытался проникнуть в империю через любую часть этой границы во время своих долгих войн. Римская армия, несмотря на изменения, произошедшие в ее вооружении и организации, по-прежнему сохраняла свое превосходство.^b

Первая война с персами началась вскоре после вступления на престол Юстиниана. В 528 году он послал Велизария построить крепость недалеко от Нисибиса; персы под командованием принца Ксеркса вторглись в Месопотамию и нанесли римлянам тяжелое поражение. Следующий год был посвящен набегам обеих сторон, но в 530 году Велизарий, которому тогда было всего двадцать пять лет, одержал победу при Дарасе. «Это было, — говорит Прокопий, — ^d — первое поражение, которое персы потерпели за долгое время». Однако в следующем году при Каллиникуме Велизарий потерпел тяжелое поражение, и хотя его секретарь Прокопий говорит, что он сражался храбро, Иоанн Малалас ^e обвиняет его в трусости. В любом случае он был отозван, и его преемник Мундус завоевал некоторую славу. Затем умер старый царь Кобад, и на персидский трон вступил его знаменитый сын Хосров I.a

[532-562 гг. н. э.]

И вот война, в которую Юстиниан вступил после своего вступления на престол, закончилась миром, названным «Вечным миром», который римляне купили, заплатив Хосросу одиннадцать тысяч фунтов золота. Персидский монарх нуждался в мире, чтобы наладить внутренние дела своего королевства; и расчет Юстиниана, что сумма, которую он заплатил Персии, была гораздо меньше, чем расходы на продолжение войны, хотя и был правильным, но был неразумным, так как на самом деле означал признание неполноценности и слабости. Целью Юстиниана было освободить большую часть своих вооруженных сил, чтобы сосредоточить все свое внимание на восстановлении утраченных провинций Западной империи. Если бы он воспользовался миром с Персией, чтобы уменьшить бремя своих подданных и укрепить оборону империи вместо расширения ее границ, он, возможно, смог бы восстановить римскую мощь. Как только Хосров узнал о завоеваниях Юстиниана в Африке, Сицилии и Италии, его ревность побудила его возобновить войну. Говорят, что просьбы посольства, посланного Витигесом, оказали некоторое влияние на его решение взяться за оружие.

В 540 году Хосров вторгся в Сирию с мощной армией и осадил Антиохию, второй по численности населения и богатству город империи. Он предложил снять осаду в обмен на тысячу фунтов золота, но эта небольшая сумма была отклонена. Антиохия была взята штурмом, ее здания были преданы пламени, а жители увезены в плен и поселены в Персии в качестве колонистов. Иераполис, Верия (Алеппо), Апамея и Халкида избежали этой участи, заплатив требуемый от каждого выкуп. Чтобы спасти Сирию от полного разрушения, Белисарий был отправлен, чтобы принять командование армией, собранной для ее защиты, но он не получил должной поддержки, и его успех был отнюдь не блестящим. Тем не менее,

тот факт, что он спас Сирию от полного опустошения, сделал его кампанию 543 года весьма важной для империи.^{[b](#)}

Персидский вельможа

(На основе Бардона)

В 545 году было подписано пятилетнее перемирие, по которому Юстиниан выплатил две тысячи фунтов золота. В 549 году римляне уступили просьбе лазов и отправили войска, чтобы помочь им сбросить персидское иго. После нескольких осад в 551 году было заключено новое перемирие, по которому римляне выплатили 2600 фунтов золота. Тем не менее, военные действия продолжались, в результате чего, как отмечает Бэри^{[e](#)}, персы не смогли осуществить свой план по получению доступа к Эвксинскому морю, и «на водах моря римляне остались без соперников». Однако римлянам, как обычно, пришлось заплатить за это.^{[a](#)} Война продолжалась двадцать лет, но в последний период ее продолжительности военные действия ограничивались Колхидой. В 562 году она закончилась перемирием на пятьдесят лет, которое мало изменило границы империи. Наиболее примечательным пунктом этого мирного договора было то, что он налагал на Юстиниана позорную обязанность выплачивать Хосросу ежегодную субсидию в размере тридцати тысяч золотых монет [18 750 фунтов стерлингов или 93 750 долларов]; и он был вынужден немедленно выплатить сумму в 210 000 фунтов стерлингов за семь лет. Сумма, правда, была не очень велика, но положение Римской империи печально изменилось, когда ей пришлось покупать мир у всех своих соседей золотом и на золото нанимать наемные войска для ведения войн. Поэтому, как только в императорской казне закончились запасы золота, безопасность римской власти оказалась под угрозой.

Слабость Римской империи и необходимость найти союзников на Востоке, чтобы обеспечить себе долю в прибыльной торговле, монополией на которую долгое время обладала Персия, побудили Юстиниана поддерживать дружеские отношения с королем Эфиопии (Абиссинии). Элесбоас, который тогда занимал эфиопский трон, был князем с

большой властью и верным союзником римлян. О войнах этого христианского монарха в Аравии рассказывают историки империи; Юстиниан пытался таким образом перенести торговлю шелком с Индией из Персии на маршрут через Красное море.

Попытка провалилась из-за большой длины морского путешествия и трудностей с налаживанием промежуточной торговли между странами на этом пути сообщения; но торговля через Красное море была настолько велика, что король Эфиопии во время правления Юстина смог собрать флот из семисот местных судов и шестисот римских и персидских торговых кораблей, которые он использовал для перевозки своих войск в Аравию.⁴

ВОССТАНИЕ В АФРИКЕ

[535-545 гг. н. э.]

Обзор народов от Дуная до Нила показал со всех сторон слабость римлян, и мы вполне обоснованно удивляемся, как они могли осмелиться расширять империю, древние границы которой они были неспособны защитить. Но войны, завоевания и триумфы Юстиниана — это слабые и пагубные усилия старости, которые истощают остатки сил и ускоряют угасание жизненных сил. Он ликовал, восстановив Африку и Италию в составе республики, но бедствия, последовавшие за отъездом Велизария, выдали бессилие завоевателя и привели к гибели этих несчастных стран.

От своих новых приобретений Юстиниан ожидал, что его алчность, как и гордость, будут щедро удовлетворены. Жадный министр финансов следовал по стопам Велизария; и поскольку старые реестры дани были сожжены вандалами, он потакал своей фантазии, произвольно оценивая богатства Африки. Увеличение налогов, которые уходили к далекому правителю, и общее возвращение наследственных или королевских земель вскоре рассеяли опьянение народной радости, но император был невосприимчив к скромным жалобам народа, пока его не разбудили и не встревожили крики военного недовольства. Многие римские солдаты женились на вдовах и дочерях вандалов. По двойному праву завоевания и наследования они претендовали на поместья, которые Гензерик передал своим победоносным войскам. Они с презрением слушали холодные и эгоистичные объяснения своих офицеров, что щедрость Юстиниана подняла их из дикого или рабского положения, что они уже обогатились добычей Африки, сокровищами, рабами и движимым имуществом побежденных варваров, и что древнее и законное наследство императоров будет использовано только для поддержки того правительства, от которого в конечном итоге зависит их собственная безопасность и вознаграждение.

Мятеж был тайно разжег тысячей солдат, в основном герулами, которые прониклись доктринами и были подстрекаемы духовенством арианской секты; а причина клятвопреступления и мятежа была освящена распределяющей силой фанатизма. Ариане сожалели о гибели своей церкви, более века торжествующей в Африке, и были справедливо возмущены законами завоевателя, которые запрещали крещение их детей и отправление всех религиозных обрядов. Большая часть вандалов, выбранных Велизарием, в чести восточной службы забыла свою страну и религию. Но отважная группа из четырехсот человек заставила моряков, когда они были в поле зрения острова Лесбос, изменить курс; они причалили к Пелопоннесу, высадились на пустынном побережье Африки и смело воздвигли на горе Ауразиус знамя независимости и восстания.

В то время как войска провинции отказывались подчиняться приказам своих начальников, в Карфагене был организован заговор против жизни Соломона, который с честью занимал место Велизария; и ариане благочестиво решили принести тирана в жертву у подножия алтаря во время страшных таинств пасхального праздника. Страх или угрызения совести удержали кинжалы убийц, но терпение Соломона ободрило их недовольство; и через десять дней в цирке разгорелась яростная междоусобица, которая опустошала Африку более десяти лет. Грабеж города и безразборная резня его жителей прекращались только с наступлением темноты, сна и опьянения; правитель с семьей спутниками, среди которых был историк Прокопий, бежал на Сицилию. Две трети армии были замешаны в измене; и восемь тысяч повстанцев, собравшись на полях Буллы, избрали своим вождем Стоза, рядового солдата, который в высшей степени обладал добродетелями мятежника. Под маской свободы его красноречие могло вести, или, по крайней мере, подталкивать, страсти его равных. Он поднялся на один уровень с Велизарием и племянником императора, осмелившись встретиться с ними на поле боя; и победоносные полководцы были вынуждены признать, что Стоза заслуживал более чистой цели и более законного командования. Побежденный в битве, он ловко применил искусство переговоров; римская армия была отвращена от своей верности, а вожди, доверившиеся его неверному обещанию, были убиты по его приказу в церкви Нумидии.

Когда все ресурсы, как силы, так и вероломства, были исчерпаны, Стозас с несколькими отчаянными вандалами удалился в дикие земли Мавритании, женился на дочери варварского князя и ускользнул от преследования своих врагов, распространив слух о своей смерти. Личный авторитет Велизария, звание, дух и характер Германа, племянника императора, а также энергия и успех второго правления евнуха Соломона восстановили скромность лагеря и на время сохранили спокойствие в Африке. Но пороки византийского двора ощущались и в этой отдаленной провинции; войска жаловались, что им не платят и не дают отдыха; и как только общественные беспорядки достигли достаточной зрелости, Стозас снова ожил, взялся за оружие и подошел к воротам Карфагена. Он пал в единоборстве, но улыбался в агонии смерти, когда ему сообщили, что его собственное копье пронзило сердце его противника.

[545-558 гг. н. э.]

Пример Стоза и уверенность в том, что первым царем был счастливый солдат, воодушевили амбиции Гонтариса, и он пообещал в частном соглашении разделить Африку с маврами, если с их опасной помощью он взойдет на престол Карфагена. Слабый Ареобинд, неискушенный в делах мира и войны, был возведен в должность экзарха благодаря браку с племянницей Юстиниана (). Он был внезапно угнетен мятежом гвардейцев, и его униженные мольбы, вызвавшие презрение, не смогли вызвать сострадание у неумолимого тирана. После тридцатидневного правления Гонтарис был убит на банкете рукой Артабана, и достаточно странно, что армянский принц из королевской семьи Арсаков восстановил в Карфагене власть Римской империи. В заговоре, в результате которого Брут обнажил кинжал против жизни Цезаря, каждое обстоятельство любопытно и важно для потомков; но вина или заслуги этих верных или мятежных убийц могли интересовать только современников Прокопия, которые своими надеждами и страхами, своей дружбой или обидой были лично вовлечены в революции в Африке.

Эта страна быстро погружалась в состояние варварства, из которого ее поднимали финикийские колонии и римские законы; и каждый шаг внутренней розни отмечался какой-нибудь прискорбной победой дикого человека над цивилизованным обществом. Мавры, хотя и не знавшие справедливости, не терпели угнетения; их бродячий образ жизни

и безграничная дикая природа разочаровывали оружие и ускользали от цепей завоевателя, а опыт показал, что ни клятвы, ни обязательства не могли обеспечить верность их привязанности. Победа на горе Ауразиус заставила их на время подчиниться, но если они уважали характер Соломона, то ненавидели и презирали гордость и роскошь его двух племянников, Кира и Сергия, которым их дядя неосторожно поручил управление провинциями Триполис и Пентаполис.

Золотой медальон Юстиниана

[558-559 гг. н. э.]

Мавританское племя разбило лагерь под стенами Лептиса, чтобы возобновить союз и получить от губернатора обычные подарки. Восемьдесят их представителей были введены в город как друзья, но по мрачному подозрению в заговоре они были убиты за столом Сергия, и крики оружия и мести раздались эхом по долинам горы Атлас, от Сирт до Атлантического океана. Личное оскорбление, несправедливая казнь или убийство его брата сделали Анталаса врагом римлян. Победа над вандалами ранее прославила его доблесть; начатки справедливости и благоразумия были еще более заметны в мавре; и, когда он превратил Хадруметум в пепел, он спокойно предупредил императора, что мир в Африке может быть обеспечен отзывом Соломона и его недостойных племянников. Экзарх вывел свои войска из Карфагена, но на расстоянии шести дней пути, в окрестностях Тебеста,^[26] он был потрясен превосходством по численности и свирепым видом варваров. Он предложил заключить договор, просил о примирении и предложил связать себя самыми торжественными клятвами. «Какими клятвами он может связать себя?» — прервали его возмущенные мавританцы. «Будет ли он клясться Евангелием, священными книгами христиан? Именно на этих книгах вера его племянника Сергия была заложена в пользу восьмидесяти наших невинных и несчастных братьев. Прежде чем довериться им во второй раз, давайте проверим их эффективность в наказании клятвопреступников и защите своей чести». Их честь была восстановлена на поле битвы при Тебесте смертью Соломона и полной потерей его армии.

Прибытие свежих войск и более умелых полководцев^[27] вскоре остановило наглость мавров; семнадцать их князей были убиты в той же битве; и сомнительное и временное подчинение их племен было встречено бурными аплодисментами жителей Константинополя. Последовательные вторжения сократили провинцию Африка до одной трети размера Италии, но римские императоры продолжали более века править Карфагеном и плодородным побережьем Средиземного моря. Однако победы и поражения Юстиниана были одинаково пагубны для человечества, и опустошение Африки было

настолько велико, что во многих местах чужой мог бродить целыми днями, не встречая ни одного друга или врага.

Народ вандалов исчез; когда-то он насчитывал 160 000 воинов, не считая детей, женщин и рабов. Их число бесконечно превосходило число мавританских семей, истребленных в безжалостной войне; и такое же уничтожение было отомщено римлянам и их союзникам, которые погибли от климата, взаимных распрей и ярости варваров. Когда Прокопий впервые высадился на берег, он восхищался густонаселенностью городов и сельской местности, усердно занимавшихся торговлей и сельским хозяйством. Менее чем за двадцать лет эта оживленная картина превратилась в безмолвную пустошь; богатые граждане бежали в Сицилию и Константинополь; и тайный историк с уверенностью утверждает, что пять миллионов африканцев погибли в результате войн и правления императора Юстиниана.

ВТОРЖЕНИЕ КОТРИГУРСКИХ ГУННОВ

[559-563 гг. н. э.]

Покой престарелого Велизария был увенчан последней победой, спасшей императора и столицу. Варвары, ежегодно навещавшие провинции Европы, были менее обескуражены случайным поражением, чем воодушевлены двойной надеждой на добычу и субсидии.

В тридцать вторую зиму правления Юстиниана Дунай был глубоко замерзшим; Заберган возглавлял кавалерию гуннов-котригуров (или котугуров), и за его знаменем следовала разношерстная толпа. Дикий вождь без сопротивления переправился через реку и горы, распределил свои войска по Македонии и Фракии и продвинулся с не более чем семью тысячами всадников к длинным стенам, которые должны были защищать территорию Константинополя. Но дела рук человеческих бессильны перед натиском природы; недавнее землетрясение пошатнуло основания стены, а силы империи были задействованы на дальних границах Италии, Африки и Персии. Семь школ, или рот гвардии или внутренних войск, были увеличены до пяти тысяч пятисот человек, которые обычно дислоцировались в мирных городах Азии. Но места храбрых армян незаметно заняли ленивые граждане, которые купили освобождение от гражданских обязанностей, не подвергаясь опасностям военной службы. Из таких солдат немногие могли быть соблазнены выйти из ворот, и никого нельзя было убедить остаться на поле боя, если только они не хотели иметь силу и скорость, чтобы убежать от котригуров.

Отчет беглецов преувеличивал численность и жестокость врага, который осквернял святых дев и бросал новорожденных детей на съедение собакам и стервятникам;^[28] толпа крестьян, умоляющих о еде и защите, усилила смятение в городе, а шатры Забергана были разбиты на расстоянии двадцати миль, на берегу небольшой реки, которая окружает Мелантию, а затем впадает в Пропонтис. Юстиниан дрожал; и те, кто видел императора только в старости, с удовольствием предполагали, что он утратил бодрость и энергию своей молодости. По его приказу из церквей в окрестностях и даже пригородах Константинополя были вывезены сосуды из золота и серебра; валы были уставлены дрожащими зрителями; Золотые ворота были переполнены бесполезными генералами и трибунами, а сенат разделил усталость и опасения народа.

Но взоры принца и народа были устремлены на слабого ветерана, который из-за общественной опасности был вынужден снова надеть доспехи, в которых он вступил в Карфаген и защищал Рим. Были поспешно собраны лошади из королевских конюшен, частных граждан и даже из цирка; имя Велизария пробудило соперничество старых и

молодых, и его первый лагерь был разбит в присутствии победоносного врага. Его благоразумие и труд дружественных крестьян обеспечили ночной покой с помощью рва и вала; бесчисленные костры и облака пыли были искусно устроены, чтобы усилить мнение о его силе; его солдаты внезапно перешли от уныния к самонадеянности, и в то время как десять тысяч голосов требовали сражения, Велизарий скрывал, что в час испытания он должен полагаться на стойкость трехсот ветеранов.

На следующее утро котригурская кавалерия пошла в атаку. Но они услышали крики толпы, увидели оружие и дисциплину фронта; они были атакованы с флангов двумя засадами, которые поднялись из леса; их передовые воины пали от рук пожилого героя и его охранников; и быстрота их маневров оказалась бесполезной из-за плотной атаки и быстрого преследования римлян. В этом сражении (так быстро было их бегство) котригурские гунны потеряли только четыреста всадников; но Константинополь был спасен; и Заберган, почувствовав руку хозяина, отступил на почтительное расстояние. Но его друзья были многочисленны в совете императора, и Велизарий с неохотой подчинился приказам зависти и Юстиниана, которые запрещали ему освободить свою страну.

По возвращении в город народ, все еще осознавая опасность, сопровождал его триумф криками радости и благодарности, что было приписано победоносному полководцу как преступление. Но когда он вошел во дворец, придворные молчали, и император, после холодного и неблагодарного объятия, отпустил его, чтобы он смешался с толпой рабов. Тем не менее, впечатление от его славы было настолько глубоким (), что Юстиниан в семьдесят семь лет решил продвинуться на сорок миль от столицы и лично осмотреть восстановление длинной стены. Котригуры провели лето на равнинах Фракии, но неудача их опрометчивых попыток захватить Грецию и Херсонес склонила их к миру. Угроза убить пленных ускорила выплату тяжелых выкупов, а отъезд Забергана был ускорен сообщением о том, что на Дунае были построены корабли с двойными носами, чтобы перехватить его проход. Опасность была скоро забыта, и бесполезный вопрос о том, проявил ли их правитель больше мудрости или слабости, развлекал праздных жителей города.

КОНЕЦ БЕЛИСАРИЯ

[563-565 гг. н. э.]

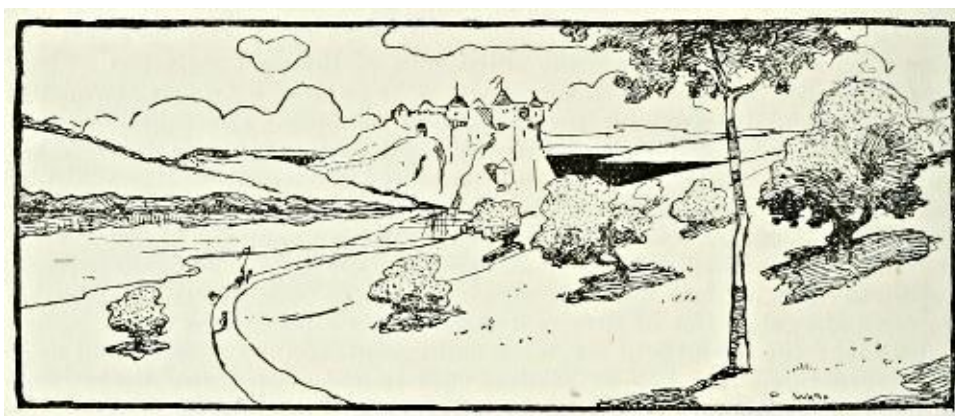
Примерно через два года после последней победы Велизария император вернулся из Фракии, куда он отправился по состоянию здоровья, по делам или по религиозным мотивам. Юстиниан страдал от головных болей, и его частный приезд подтвердил слухи о его смерти. Еще до третьего часа дня пекарни были ограблены, дома закрыты, и все жители города с надеждой или страхом готовились к надвигающимся беспорядкам. Сами сенаторы, испуганные и подозрительные, собрались в девятый час, и префект получил от них приказ посетить все кварталы города и объявить всеобщее освещение в честь выздоровления императора. Бунт утих, но каждый случайный инцидент свидетельствовал о бессилии правительства и раздоре среди народа; стражи были склонны к мятежу всякий раз, когда их переводили в другие казармы или задерживали жалованье; частые бедствия в виде пожаров и землетрясений давали повод для беспорядков; споры между «синими» и «зелеными», между ортодоксами и еретиками, перерастали в кровавые сражения; и в присутствии персидского посла Юстиниан краснел за себя и за своих подданных.

Капризное помилование и произвольное наказание усугубляли раздражение и недовольство долгим правлением; во дворце был организован заговор; и, если нас не обманывают имена Марцелла и Сергия, самые добродетельные и самые развратные придворные были связаны одним и тем же замыслом. Они назначили время казни; их

звание давало им доступ к королевскому банкету; а их черные рабы были размещены в вестибюле и портиках, чтобы объявить о смерти тирана и поднять мятеж в столице. Но неосторожность одного из сообщников спасла бедные остатки дней Юстиниана. Заговорщики были обнаружены и схвачены с кинжалами, спрятанными под одеждой; Марцелл умер собственной рукой, а Сергей был вытащен из святилища. Под давлением угрызений совести или соблазненный надеждой на спасение, он обвинил двух офицеров из дома Велизария, и пытки заставили их признаться, что они действовали в соответствии с тайными инструкциями своего покровителя.

Потомки не поспешат поверить, что герой, который в расцвете сил презирал самые заманчивые предложения амбиций и мести, опустил до убийства своего принца, которого он не мог долго ожидать выжить. Его последователи были нетерпеливы бежать, но бегство должно было быть поддержано восстанием, а он прожил достаточно для природы и для славы. Белисарий предстал перед советом скорее с возмущением, чем со страхом. После сорока лет службы император заранее осудил его, и несправедливость была освящена присутствием и авторитетом патриарха. Жизнь Белисария была милостиво пощажена, но его имущество было конфисковано, и с декабря по июля он содержался под стражей как заключенный в своем собственном дворце. Наконец его невиновность была признана; ему вернули свободу и почести; и смерть, которую могли ускорить обида и горе, унесла его из этого мира примерно через восемь месяцев после освобождения (март 565 года).

Имя Велизария никогда не умрет, но вместо похорон, памятников и статуй, которые по праву принадлежат его памяти, кажется, что его сокровища, добыча готов и вандалов, были немедленно конфискованы императором. Однако некоторая часть была оставлена для его вдовы, и, поскольку Антонина имела много поводов для раскаяния, она посвятила последние годы своей жизни и состояние основанию монастыря. Таково простое и подлинное повествование о падении Велизария и неблагодарности Юстиниана. То, что он был лишен зрения и из-за зависти вынужден просить милостыню — «Дайте пенни генералу Велизарию!» — является вымыслом более поздних времен, который получил признание, или, скорее, благосклонность, как странный пример превратностей судьбы.

Византийский замок

СМЕРТЬ ЮСТИНИАНА

[527-565 гг. н. э.]

Если император и мог радоваться смерти Велизария, то он наслаждался этим низким удовольствием всего восемь месяцев, последний период своего тридцативосьмилетнего правления и восьмидесятитрехлетней жизни. Трудно проследить характер правителя,

который не является самым заметным объектом своего времени, но признания врага можно считать самым надежным свидетельством его достоинств. Сходство Юстиниана с бюстом Домициана злобно подчеркивается, однако с признанием его пропорциональной фигуры, румяного цвета лица и приятного облика.

Император был доступен, терпелив в слушании, вежлив и приветлив в разговоре, а также владел гневными страстями, которые бушуют с такой разрушительной силой в груди деспота. Прокопий [х](#)валит его характер, упрекая его в спокойной и обдуманной жестокости; но в заговорах, которые нападали на его власть и личность, более беспристрастный судья одобрит справедливость или восхитится милосердием Юстиниана. Он превосходил в частных добродетелях целомудрия и воздержания; но беспристрастная любовь к красоте была бы менее вредной, чем его супружеская нежность к Феодоре, а его воздержанная диета регулировалась не благоразумием философа, а суеверием монаха. Его трапезы были короткими и скромными; во время торжественных постов он довольствовался водой и овощами; и такая была его сила, а также пыл, что он часто проводил два дня и столько же ночей, не вкушая никакой пищи. Его сон был не менее строгим; после часового отдыха тело пробуждалось душой, и, к удивлению своих камергеров, Юстиниан ходил или занимался до утра. Такая неустанная работа продлевала время, которое он мог посвятить приобретению знаний и ведению дел; и он, возможно, действительно заслуживал упрек в том, что своим мелочным и нелепым усердием нарушал общий порядок своего правления.

Император провозгласил себя музыкантом и архитектором, поэтом и философом, юристом и теологом; и если он потерпел неудачу в попытке примирить христианские секты, то пересмотр римской юриспруденции является благородным памятником его духа и трудолюбия. В управлении империей он был менее мудрым и менее успешным. Времена были несчастливые; народ был угнетен и недоволен; Феодора злоупотребляла своей властью; череда плохих министров порочила его суждения; и Юстиниан не был ни любим при жизни, ни оплакан после смерти. Любовь к славе была глубоко укоренилась в его душе, но он снисходил к ничтожной амбиции титулов, почестей и современной похвалы; и, стремясь завоевать восхищение, он утратил уважение и любовь римлян.

План африканских и итальянских войн был смело задуман и осуществлен; его проницательность позволила обнаружить таланты Велизария в лагере и Нарсеса во дворце. Но имя императора затмено именами его победоносных полководцев; а Велизарий все еще жив, чтобы упрекать своего повелителя в зависти и неблагодарности. Пристрастная благосклонность человечества приветствует гений завоевателя, который ведет и направляет своих подданных в военном деле.

Характеры Филиппа II и Юстиниана отличаются холодной амбицией, которая наслаждается войной и отвергает опасности поля сражения. Тем не менее, колоссальная бронзовая статуя изображала императора на коне, готовящегося к походу на персов в одежде и доспехах Ахилла. На большой площади перед церковью Святой Софии этот памятник был воздвигнут на медной колонне и каменном пьедестале из семи ступеней; а колонна Феодосия, весившая семь тысяч четыреста фунтов серебра, была удалена с того же места из-за алчности и тщеславия Юстиниана. Будущие правители были более справедливы и снисходительны к его памяти; старший Андроник в начале XIV века отремонтировал и украсил его конную статую; после падения империи она была переплавлена в пушки победоносными турками.

ЮСТИНИАН КАК ЗАКОНОДАТЕЛЬ

Тщетные титулы побед Юстиниана превратились в прах, но имя законодателя увековечено на величественном и вечном памятнике. При его правлении и благодаря его заботе гражданское право было обобщено в бессмертных трудах *Кодекса*, *Пандект* и *Институций*: общественное сознание римлян было тихо и тщательно перенесено в внутренние институты Европы, а законы Юстиниана по-прежнему вызывают уважение и повиновение независимых народов. Мудр и счастлив тот правитель, который связывает свою репутацию с честью и интересами вечного порядка людей. Защита своего основателя — первая причина, которая в каждое время вызывала рвение и усердие гражданских лиц. Они благочестиво чтят его добродетели, скрывают или отрицают его недостатки и жестоко наказывают вину или глупость мятежников, которые осмеливаются осквернять величие пурпура. Идолопоклонство любви, как это обычно бывает, вызвало злобу оппозиции; характер Юстиниана подвергся слепой ярости лести и ругательств, а несправедливость одной секты (антитрибонианцев) лишила князя, его министров и его законы всякой похвалы и заслуг.

Когда Юстиниан взошел на престол, реформа римской юриспруденции была трудной, но необходимой задачей. За десять веков бесконечное разнообразие законов и юридических мнений заполнило многие тысячи томов, которые не могли быть куплены ни за какие деньги и не могли быть осмыслены ни одним умом. Книги было трудно найти, и судьи, бедные среди богатства, были вынуждены полагаться на свою неграмотную дискрецию. Подданные греческих провинций не знали языка, который распоряжался их жизнями и имуществом, а варварский диалект латинян был несовершенно изучен в академиях Беритуса и Константинополя. Как иллирийский солдат, Юстиниан с детства был знаком с этим языком; в юности он изучал юриспруденцию, и его императорский выбор пал на самых ученых гражданских юристов Востока, которые должны были работать со своим правителем над реформой. Теория профессоров подкреплялась практикой адвокатов и опытом магистратов, а все это предприятие одухотворял дух Трибониана. Этот необыкновенный человек, объект стольких похвал и порицаний, был уроженцем Сиде в Памфилии, и его гений, подобно гению Бэкона, охватывал все дела и знания своей эпохи.

В первый год своего правления Юстиниан поручил верному Трибониану и девяти ученым соратникам пересмотреть постановления своих предшественников, которые с времен Адриана были собраны в кодексах Григория, Гермогена и Феодосия; очистить их от ошибок и противоречий, сократить все устаревшее и лишнее и отобрать мудрые и полезные законы, наиболее подходящие для практики судов и использования его подданными. Работа была выполнена за четырнадцать месяцев, и двенадцать книг или таблиц, созданных новыми децемвирами, были, по-видимому, призваны имитировать труды их римских предшественников. Новый *кодекс* Юстиниана был удостоен его имени и утвержден его королевской подписью; подлинные копии были размножены перами нотариусов и писцов. Впереди еще предстояла более трудная задача — извлечь дух юриспруденции из решений и предположений, вопросов и споров римских гражданских юристов. Семнадцать юристов во главе с Трибонианом были назначены императором для осуществления абсолютной юрисдикции над работами своих предшественников. Если бы они подчинились его приказам в течение десяти лет, Юстиниан был бы доволен их усердием; а быстрое составление «*Сборника пандект*» за три года заслуживает похвалы или порицания в зависимости от достоинств исполнения. Из библиотеки Трибониана они выбрали сорок самых выдающихся гражданских юристов прошлых времен; две тысячи трактатов были включены в сокращенную версию из пятидесяти книг; и было тщательно зафиксировано, что три миллиона строк или предложений были сокращены в этом абстракте до умеренного числа 150 000. Издание этого великого труда было отложено на месяц после издания «*Институций*»; и казалось разумным, что элементы должны предшествовать своду

римского права. Как только император одобрил их работу, он ратифицировал своей законодательной властью предположения этих частных граждан: их комментарии к двенадцати таблицам, вечному эдикту, законам народа и декретам сената унаследовали авторитет текста; а сам текст был заброшен как бесполезный, хотя и почитаемый, пережиток древности. *Кодекс, Пандекты и Институции* были объявлены законной системой гражданского права; только они допускались в судах и только они преподавалось в академиях Рима, Константинополя и Беритуса. Юстиниан обратился к сенату и провинциям со своими вечными оракулами; и его гордость, под маской благочестия, приписывала завершение этого великого замысла поддержке и вдохновению Божества.

Поскольку император отказался от славы и зависти, связанных с оригинальным сочинением, мы можем требовать от него только метода, выбора и верности — скромных, но незаменимых добродетелей составителя. Среди различных комбинаций идей трудно выделить какую-либо разумную предпочтительность, но, поскольку порядок Юстиниана в его трех работах различен, возможно, что все они неверны, и точно известно, что две из них не могут быть верными. При отборе древних законов он, по-видимому, относился к своим предшественникам без зависти и с равным уважением: серия не могла подняться выше правления Адриана, а узкое различие между язычеством и христианством, введенное суеверием Феодосия, было отменено с согласия человечества. Но юриспруденция *Пандект* ограничена периодом в сто лет, от вечного эдикта до смерти Севера Александра: гражданские лица, жившие при первых цезарях, редко имеют право голоса, и только три имени могут быть отнесены к эпохе республики. Любимец Юстиниана (как яростно утверждалось) боялся столкнуться со светом свободы и серьезностью римских мудрецов. Трибониан обрек на забвение подлинную и родную мудрость Катона, Сцеволы и Сульпиция, в то время как он призывал духов, более близких ему самому, сирийцев, греков и африканцев, которые стекались ко двору императора, чтобы изучать латынь как иностранный язык и юриспруденцию как прибыльную профессию. Но министры Юстиниана были проинструктированы трудиться не ради любопытства антикваров, а ради непосредственной выгоды его подданных. Их долгом было отобрать полезные и применимые части римского права; а сочинения старых республиканцев, какими бы любопытными или превосходными они ни были, больше не подходили для новой системы нравов, религии и правления. Возможно, если бы наставники и друзья Цицерона были еще живы, наша искренность признала бы, что, за исключением чистоты языка, их внутренние достоинства превосходили школу Папиниана и Ульпиана. Наука о законах — это медленный рост времени и опыта, и преимущество как метода, так и материалов естественным образом принадлежит самым последним авторам. Гражданские юристы правления Антонинов изучали труды своих предшественников: их философский дух смягчил строгость древности, упростил формы разбирательств и избавил от ревности и предрассудков соперничающих сект. Выбор авторитетов, составляющих *Пандекты*, зависел от суждения Трибониана, но власть его повелителя не могла освободить его от священных обязательств правды и верности. Как законодатель империи, Юстиниан мог отменить акты Антонинов или осудить как мятежные свободные принципы, которые поддерживались последними римскими юристами. Но существование прошлых фактов находится вне досягаемости деспотизма, и император был виновен в мошенничестве и подделке, когда он искажил целостность их текста, вписал в их почтенные имена слова и идеи своего раболепного правления и подавил рукой власти чистые и подлинные копии их мнений. Изменения и вставки Трибониана и его коллег оправдываются стремлением к единообразию, но их усилия оказались недостаточными, и антиномии, или противоречия, *Кодекса* и *Пандект* () по-прежнему испытывают терпение и проницательность современных гражданских юристов.

Но император был не в состоянии исправить свою собственную непостоянность; и в то время как он хвастался возобновлением обмена Диомеда, превращением меди в золото, он обнаружил необходимость очистить свое золото от примесей более низкопробных сплавов. Не прошло и шести лет с момента публикации *Кодекса*, как он осудил эту несовершенную попытку, выпустив новое, более точное издание того же труда, которое он обогатил двумя сотнями своих собственных законов и пятьюдесятью решениями по самым темным и сложным вопросам юриспруденции. Каждый год, или, по словам Прокопия, каждый день его долгого правления, отмечался каким-либо правовым нововведением. Многие из его актов были отменены им самим; многие были отвергнуты его преемниками; многие были стерты временем; но шестнадцать эдиктов и сто шестьдесят восемь новелл были включены в аутентичный свод гражданского права. По мнению философа, превосходящего предрассудки своей профессии, эти непрекращающиеся и в большинстве своем незначительные изменения можно объяснить только продажностью принца, который без зазрения совести продавал свои суждения и законы.

Монархи редко снисходят до того, чтобы становиться наставниками своих подданных; и некоторая похвала принадлежит Юстиниану, по приказу которого обширная система была сведена к краткому и элементарному трактату. Среди различных институтов римского права институты Гая были наиболее популярны на Востоке и Западе, и их использование можно считать доказательством их достоинств. Они были отобраны имперскими делегатами Трибонианом, Феофилом и Дорофеем, а свобода и чистота Антонинов была покрыта грубыми материалами упаднической эпохи. Тот же том, который познакомил молодежь Рима, Константинополя и Беритуса с постепенным изучением *Кодекса* и *Пандект*, по-прежнему ценен для историков, философов и магистратов. *Институции* Юстиниана разделены на четыре книги: они продвигаются, с помощью неплохой методики, от лиц к вещам, а от вещей к действиям; а статья о частных правонарушениях заканчивается принципами уголовного права.^c

Недостатки или достоинства правовой системы Юстиниана принадлежат юристам, которым было поручено осуществление его проекта, но честь руководства этой работой может быть приписана только императору. Жаль, что положение абсолютного правителя настолько подвержено искушению со стороны текущих событий, что сам Юстиниан не смог удержаться от нанесения ущерба самому надежному памятнику своей славы, приняв позднее законы, которые слишком явно свидетельствуют о его растущей алчности или слабости, поддавшись страстям своей жены или придворных.

Нельзя было ожидать, что его политическая прозорливость придумает средства для защиты прав его подданных от произвольного использования его собственной власти; но он мог бы закрепить великий принцип справедливости, согласно которому законодательство никогда не может действовать как ретроспективное решение; и он мог бы приказать своим магистратам принять клятву египетских судей, которые, вступая в должность, клялись, что никогда не отступят от принципов справедливости (закона) и что, если правитель прикажет им поступить неправильно, они не будут подчиняться. Однако Юстиниан был слишком большим деспотом и слишком маленьким государственным деятелем, чтобы провозгласить закон, даже сохраняя за собой законодательную власть, выше исполнительной ветви власти.

Но, утверждая, что законы Юстиниана могли бы быть более совершенными и составлены так, чтобы приносить больше пользы человечеству, нельзя отрицать, что эта работа является одним из самых замечательных памятников человеческой мудрости; и мы должны с благодарностью помнить, что на протяжении тринадцати столетий Пандекты служили хранилищем или источником правовых знаний и конституцией гражданских прав для христианского мира, как на Востоке, так и на Западе; и если сейчас они стали инструментом

административной тирании в континентальных монархиях Европы, то вина за это лежит на народах, которые отказываются логически следовать принципам справедливости при регулировании отправления правосудия и не ставят закон выше суверена, а также не подчиняют каждого министра и государственного служащего обычным судам за каждое действие, которое он может совершить при исполнении своих служебных обязанностей, как и самый скромный гражданин.

Правительство империи Юстиниана было римским, его официальным языком была латынь. Восточные обычаи и традиции, а также время и деспотическая власть действительно внесли изменения в старые формы, но было бы ошибкой считать, что имперская администрация приобрела греческий характер. Случайность того, что греческий язык стал обычным диалектом, используемым при дворе, а церковь в Восточной империи была глубоко проникнута греческими чувствами, может создать впечатление, что Восточная империя утратила часть своей римской гордости, чтобы принять греческий характер. Тот факт, что ее враги часто упрекали ее в том, что она греческая, является доказательством того, что это обвинение рассматривалось как оскорбление. Поскольку администрация была полностью римской, законы Юстиниана — Кодекс, Пандекты и Институции — были опубликованы на латыни, хотя многие из более поздних эдиктов (новеллий) были опубликованы на греческом языке. Ничто не может более ярко иллюстрировать искусственную и антинациональную позицию Восточной Римской империи, чем тот факт, что латинский язык использовался для промугляции системы законов империи, языком церкви и литературы которой был греческий. Латинский язык сохранялся в официальных делах и публичных церемониях из чувства гордости, связанного с древней славой римлян и достоинством Римской империи. Столь сильна власть устаревших обычаев над умами людей, что даже такой явный реформатор, как Юстиниан, не смог преодолеть столь иррациональные обычаи, как публикация своих законов на языке, непонятном для большинства тех, для кого они были созданы.

Законы и законодательство Юстиниана бросают лишь неясный и расплывчатый свет на положение греческого населения. Они были полностью взяты из римских источников, рассчитаны на римское общество и занимались римскими формами и институтами. Юстиниан был настолько заинтересован в том, чтобы сохранить их в всей их чистоте, что принял две меры для защиты их от изменений. Переписчикам было приказано воздерживаться от любых сокращений, а комментаторам было предписано следовать буквальному смыслу законов. Все юридические школы были также запрещены, за исключением школ в Константинополе, Риме и Берите, что, вероятно, было сделано для защиты римского права от искажения в руках греческих учителей и смешения с обычным правом различных греческих провинций. Это ограничение и важность, которую ему придавал император, доказывают, что римское право было теперь универсальным правилом поведения в империи.

Юстиниан принял все меры, которые диктовала ему осторожность, чтобы обеспечить лучшее и самое чистое юридическое образование и управление для римских трибуналов; но только небольшое число студентов могло учиться в лицензированных школах, а одна из этих школ, находившаяся в Риме, на момент публикации закона была в руках готов. Поэтому неудивительно, что вскоре после обнародования законодательства Юстиниана начался быстрый упадок в знании римского права.

Законы Юстиниана были вскоре переведены на греческий язык, причем император не требовал, чтобы эти пересказы были буквальными; были опубликованы греческие комментарии пояснительного характера. Его новеллы были впоследствии опубликованы на греческом языке, когда это было необходимо; но очевидно, что любые остатки греческих

законов и обычаев быстро уступали место превосходной системе римского законодательства, усовершенствованной благодаря разумной работе советников Юстиниана. В это время были внесены некоторые изменения в юрисдикцию судей и муниципальных магистратов; и мы должны признать свидетельство Прокопия доказательством того, что Юстиниан продавал судебные должности, хотя неопределенность обвинения не дает нам возможности установить, под каким предлогом было принято изменение в прежней системе. Возможно, невозможно определить, какую долю власти греческие муниципальные магистраты сохранили в области правосудия и полиции после реформ, проведенных Юстинианом в их финансовых делах, и конфискации большей части их местных доходов. Существование греческих корпораций в Италии показывает, что они имели признанное существование в Римской империи.^b

ОЦЕНКА ЮСТИНИАНА БЕРИ

VI век можно назвать веком Юстиниана. Его можно сравнить с колоссальным Янусом, стоящим на перепутье между древним и средневековым мирами. С одной стороны, его лицо было обращено к прошлому. Говорят, что его идеалом было восстановление гордого облика древней Римской империи, и это было в основном реализовано завоеваниями в Италии, Африке и Испании. Великие юридические труды, выполненные в начале его правления, в некоторой степени дышат духом древнего Рима. Более того, он представляет собой последнюю стадию в эволюции римского империя; в нем осуществился ее окончательный абсолютизм.

Юстиниан завоевал бессмертное имя в четырех областях: военном деле, праве, архитектуре и истории церкви. Стоя на берегу средневековья или современности, он бросил в воды будущего большие камни, которые создали огромные круги. Его военные достижения определили ход истории Италии и повлияли на развитие Западной Европы; его юридические труды неразрывно вплетены в ткань европейской цивилизации; его собор Святой Софии является одним из величайших памятников мира, одним из видимых знаков преемственности истории, постоянным протестом против узурпации турок; а его церковная власть повлияла на далекое будущее христианского мира.^c

СНОСКИ

[13] [Более полное описание войны в Италии см. в конце этого тома, в разделе «Западная империя».]

[14] «С завоеванием Рима Велизарием, — пишет Финлей (^b), — история древнего города может считаться завершённой, а с его обороной от Витигена начинается история Средневековья — время разрушений и перемен». Подобным образом, хотя и по другим причинам, Бэри-^e говорит о чуме 542 года н. э.: «Если мы можем говорить о переломных моментах в истории, то эта чума знаменует перелом между тем, что мы называем древней эпохой, и тем, что мы называем средневековьем. На самом деле нет ничего более поразительного, чем разница между первой и второй половиной правления Юстиниана».

[15] [Согласно Бэри-^e «Александр был прозван «Ножницами» за то, что он обрезал монеты». Прокопий говорит, что он «отвратил итальянцев от Юстиниана, и ни один из солдат не был готов подвергнуться опасностям войны».]

[16] [Бэри-^e говорит, что местонахождение этого места является предметом спора: некоторые помещают его недалеко от Сассоферрато, а другие — недалеко от Шеггия. Он считает, что мы вправе датировать это событие июлем или августом 552 года.]

[17] [«Белисарий, — говорит Фриман,^f — был, пожалуй, величайшим полководцем, который когда-либо жил, поскольку он совершал величайшие дела с помощью самых скромных средств».]

[18] [Это старая теория, и Ходкин-^a говорит: «Я признаю, что для меня старомодное происхождение, которое было принято Исидором-^h и Павлом, по-прежнему кажется наиболее вероятным». Слово *bard*, обычно связанное с латинским *barba*, «борода», также относится к староверхненемецкому *barta*, «топор», и к *bord*, «берег», и некоторые авторы переводят Langobards как «люди с длинными топорами» или «люди с длинных берегов».

[19] [Ходкин-^a говорит о «трехстах годах».]

[20] [Павел Диакон-ⁱ рассказывает эту историю в I. 20. Родульф был тогда королем герулов, и его брат был убит слугами короля Тато, «седьмого короля лангобардов».]

[21] [Ходкин-^a называет герулов «вечной загадкой для этнологов» и цитирует Зейсса,^j который называет их «самым нестабильным из германских племен». Их местонахождение в тот момент также вызывает различные догадки, Ходкин склоняется к Венгрии. Эта роковая битва произошла около 508 года. Ломбарды были арианами — как они были обращены в христианство, мы не знаем — и они принесли в Италию иерархию епископов, священников и диаконов.

[22] [Йорданес-^k говорит, что «с обеих сторон пало более 6000 человек. В наше время не было слышно о подобной битве со времен Атиллы, за исключением битвы Каллука против тех же гепидов или Мундо с готами». Дата — около 554 года.

[23] [Бэри-^e говорит: «Болгары вскоре перестают упоминаться, и, по-видимому, они были поработаны соседними славянами». Он добавляет, что эти болгары VI века не имели никакого отношения к основанию Болгарского царства в VII веке.]

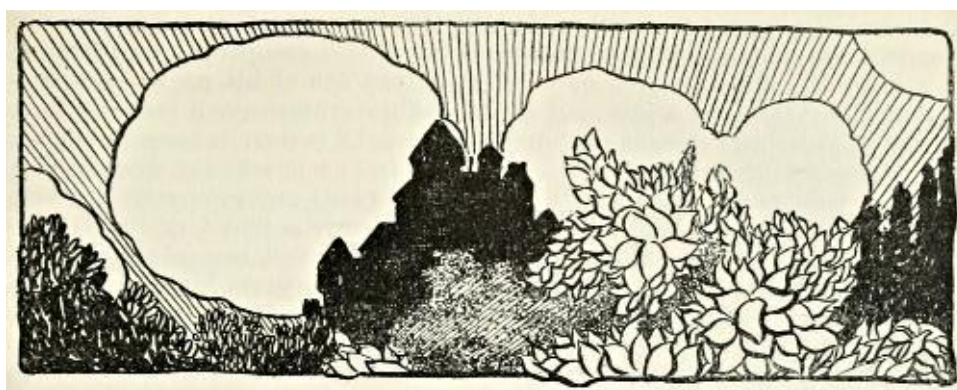
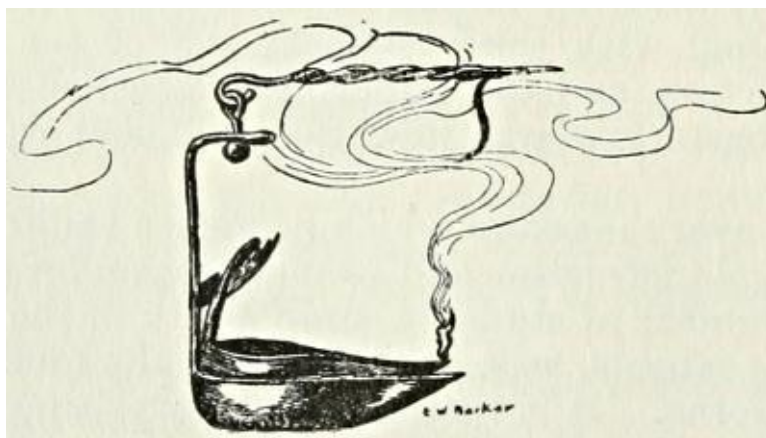
[24] [Прокопий-^d называет болгар «гунами». Рослер-^l называет котригурских гунов «болгарами». Происхождение этих народов будет более подробно рассмотрено в последующих томах современной истории.]

[25] [Для такой резни потребовалось гораздо большее население, чем могло иметь малоизвестное городке Топирус.]

[26] [Теперь Тибеш в Алжире.]

[27] [«Слава Велизария заслуживает того, чтобы ее противопоставить забвению, которое покрыло подвиги Йоханнеса Патриция, одного из самых способных полководцев Юстиниана. Этот опытный полководец принял командование в Африке, когда провинция погрузилась в состояние великого беспорядка; жители были подвержены опасному союзу мавров, а римская армия находилась в таком бедственном положении, что ее вождь был вынужден ввозить необходимые провизии для своих войск. Хотя Иоанн победил мавров и восстановил процветание провинции, его имя почти забыто. Его действия и таланты затрагивали только интересы Византийской империи и продлили существование римской провинции Африка; они не оказали никакого влияния на судьбу европейских народов, история которых является предметом изучения в наше время, так что они были полностью забыты, пока открытие поэзии Кориппа, одного из последних и худших римских поэтов, не спасло их от полного забвения». — Финлей.^b]

[28] [«Как будто, — комментирует Агафий,^a — это было единственной целью их появления в мире».]

ГЛАВА V.

ПРАВЛЕНИЕ ЮСТИНА II ДО ГЕРАКЛИЯ

[565-629 гг. н. э.]

[565-574 гг. н. э.]

В последние годы жизни Юстиниан, его слабый разум был поглощен небесными размышлениями, и он пренебрегал делами земными. Его подданные с нетерпением ждали конца его долгой жизни и правления, но все, кто был способен к размышлениям, понимали, что его смерть может привести к беспорядкам в столице и гражданской войне в империи. Семь племянников детского монарха, сыновья или внуки его брата и сестры, были воспитаны в роскоши княжеского состояния; они занимали высокие посты в провинциях и армиях; их характеры были известны, их последователи были ревностны, и поскольку ревность пожилых откладывала объявление преемника, они могли с равными надеждами рассчитывать на наследство своего дяди. Он скончался в своем дворце после тридцати восьми лет правления, и решающий момент был использован друзьями Юстина, сына Вигилантии.

В полночь его слуги были разбужены назойливой толпой, которая грохотала у его дверей и получила доступ, представившись главными членами сената. Эти желанные представители объявили о недавней и важной тайне смерти императора; сообщили, а может быть, и придумали, о его предсмертном выборе самого любимого и заслуживающего из его племянников, и убедили Юстина предотвратить беспорядки среди народа, если с наступлением света они обнаружат, что остались без правителя. Сложив на лице выражение удивления, печали и приличной скромности, Юстин, по совету своей жены Софии, подчинился власти сената. Его быстро и в тишине провели во дворец; стражи приветствовали своего нового повелителя, и военные и религиозные обряды его коронации были тщательно выполнены. Руками соответствующих должностных лиц на него были надеты императорские одежды: красные башмаки, белая туника и пурпурная мантия. Счастливый солдат, которого он немедленно повысил до звания трибуна, обвинил его шею военным воротником; четверо крепких юношей подняли его на щит; он стоял твердо и прямо, принимая поклонение своих подданных, и их выбор был освящен благословением патриарха, который возложил диадему на голову православного принца.

Ипподром был уже заполнен бесчисленной толпой; и как только император появился на своем троне, голоса синих () и зеленых () фракций слились в одном и том же лояльном приветствии. В речах, которые Юстин обратил к сенату и народу, он пообещал исправить злоупотребления, которые опозорили эпоху его предшественника, изложил принципы справедливого и благотельного правления и объявил, что в наступающих календах января он лично возродит имя и щедрость римского консула. Немедленное погашение долгов своего дяди стало твердым залогом его верности и щедрости; колонна носильщиков, груженных мешками с золотом, прошла по середине ипподрома, и безнадежные кредиторы Юстиниана приняли эту справедливую выплату как добровольный дар. Не прошло и трех лет, как его примеру последовала и превзошла императрица София, которая избавила многих неимущих граждан от бремени долгов и ростовщичества; этот акт доброжелательности заслуживает наибольшей благодарности, поскольку он облегчает невыносимые страдания, но в котором щедрость правителя наиболее подвержена злоупотреблениям со стороны расточительных и мошенников.

На седьмой день своего правления Юстин принял послов аваров, и сцена была украшена так, чтобы произвести на варваров впечатление удивления, почтения и ужаса. Покойный император, как заявил глава посольства Таргетиус, ежегодно дарил дорогие подарки, чтобы завоевать дружбу благодарного монарха, и враги Рима уважали союзников аваров. Та же осторожность подсказывала племяннику Юстиниана подражать щедрости своего дяди и купить благословение мира у непобедимого народа, который любил и преуспевал в ведении войны. Ответ императора был дан в том же высокомерном и вызывающем тоне, и он черпал свою уверенность в Боге христиан, древней славе Рима и недавних триумфах Юстиниана. «Империя, — сказал он, — изобилует людьми, лошадьми и оружием, достаточным для защиты наших границ и наказания варваров. Вы предлагаете помощь, вы угрожаете враждой; мы презираем вашу вражду и вашу помощь. Завоеватели аваров просят нашего союза; должны ли мы бояться их беглецов и изгнанников? Щедрость нашего дяди была оказана вашему несчастью, вашим смиренным мольбам. От нас вы получите более важное обязательство — осознание своей собственной слабости. Уйдите из нашего присутствия; жизни послов в безопасности; и если вы вернетесь, чтобы умолять о прощении, возможно, вы вкусите нашу доброжелательность».^[29]

По докладу своих послов хаган был потрясен явной твердостью римского императора, о характере и ресурсах которого он ничего не знал. Вместо того чтобы исполнить свои угрозы в отношении Восточной империи, он вторгся в бедные и дикие страны Германии, которые находились под властью франков. После двух сомнительных сражений он согласился

отступить, и король Австразии облегчил страдания своего лагеря, немедленно поставляя зерно и скот. Такие повторяющиеся разочарования охладили дух аваров, и их сила растворилась бы в сарматской пустыне, если бы союз Альбоина, короля лангобардов, не дал новый объект для их оружия и не обеспечил прочное урегулирование их измученной судьбы.

Летописи второго Юстина отмечены позором за рубежом и бедствиями внутри страны. На Западе Римская империя страдала от потери Италии, опустошения Африки и завоеваний персов. Несправедливость царилла как в столице, так и в провинциях; богатые дрожали за свою собственность, бедные — за свою безопасность, обычные магистраты были невежественны или продажны, случайные меры по исправлению положения, по-видимому, были произвольными и жестокими, и жалобы народа уже не могли быть заглушены великолепными именами законодателя и завоевателя.

Мнение, которое приписывает принцу все бедствия его времени, может быть поддержано историком как серьезная правда или благотворное предубеждение. Однако возникает искреннее подозрение, что чувства Юстина были чистыми и благожелательными и что он мог бы занимать свой пост без упреков, если бы его умственные способности не были ослаблены болезнью, которая лишила императора возможности ходить и приковала его к дворцу, где он был чужд жалобам народа и порокам правительства. Поздно осознав свою беспомощность, он решил сложить с себя бремя короны, и в выборе достойного преемника проявил некоторые признаки проницательного и даже великодушного духа.

Единственный сын Юстина и Софии умер в младенчестве; их дочь Арабия была женой Бадуария, управляющего дворцом, а впоследствии командующего итальянскими войсками, который тщетно стремился подтвердить права брака правами усыновления. В то время как империя казалась объектом желания, Юстин привык с ревностью и ненавистью смотреть на своих братьев и двоюродных братьев, соперников его надежд; он также не мог полагаться на благодарность тех, кто принимал пурпур как возмещение, а не как дар. Один из этих соперников был удален в изгнание, а затем умер; а другому император сам нанес такие жестокие оскорбления, что тот должен был либо бояться его обиды, либо презирать его терпение. Эта внутренняя вражда вылилась в великодушное решение искать преемника не в своей семье, а в республике; и хитрая София порекомендовала Тиберия, его верного капитана гвардии, чьи добродетели и состояние император мог бы ценить как плод своего мудрого выбора.

[574-578 гг. н. э.]

Церемония его возвышения до ранга цезаря, или августа, была проведена в портике дворца в присутствии патриарха и сената. Юстин собрал остатки сил своего ума и тела, но распространенное мнение, что его речь была вдохновлена божеством, свидетельствует о весьма скромном отношении как к самому человеку, так и к той эпохе: «Вы видите, — сказал император, — знаки верховной власти. Вы получите их не из моих рук, а из рук Бога. Почитайте их, и от них вы получите честь. Уважайте императрицу, вашу мать; теперь вы ее сын, а раньше вы были ее слугой. Не радуйся крови; воздержись от мести; избегай тех поступков, которыми я навлек на себя общественную ненависть; и руководствуйся опытом, а не примером своего предшественника. Как человек, я согрешил; как грешник, даже в этой жизни я был сурово наказан; но эти слуги», — и он указал на своих министров, — «которые злоупотребили моим доверием и разжигали мои страсти, предстанут со мной перед судом Христа. Я был ослеплен блеском диадемы; будь мудр и скромн; помни, кем ты был, помни, кем ты являешься. Ты видишь вокруг нас своих рабов и своих детей; с властью принимай на

себя нежность родителя. Люби свой народ, как себя самого; возвращай привязанность, поддерживай дисциплину в армии; защищай состояние богатых, облегчай нужду бедных».^[30]

Собрание в тишине и со слезами на глазах одобрило советы и сочувствовало раскаянию своего князя: патриарх прочитал молитвы церкви; Тиберий на коленях принял диадему, и Юстин, который после отречения казался наиболее достойным править, обратился к новому монарху со следующими словами: «Если ты согласен, я буду жить; если ты прикажешь, я умру; да вдохнет Бог неба и земли в твое сердце все, что я пренебрег или забыл». Последние четыре года жизни императора Юстина прошли в спокойной неизвестности; его совесть больше не мучила память об обязанностях, которые он был неспособен выполнять, и его выбор был оправдан сыновним почтением и благодарностью Тиберия.^b

Правление Юстиниана и Юстина знаменует собой важный поворотный момент в истории. Еще во время правления Юстиниана официальная фикция, согласно которой латынь считалась языком империи, начала давать трещины; с этого момента она неуклонно уступает место греческому языку. Ломбардские и сирийские летописцы не замедлили отметить эту перемену; они указывают на нее, возглавляя список «греческих» императоров именем Маврикия.^b

Иоанн Эфесский^{-d} цитирует сатиру, составленную каким-то остроумцем, отражающую мнение того времени в нелестном для Юстиниана ключе:

«Строй, строй высоко свой столб,

И возвысь его широко и высоко;

Затем взойди на него и стой на нем,

Гордо взмывая в небо:

На восток, юг, север и запад,

Куда бы ты ни посмотрел,

Ты не увидишь ничего, кроме опустошения,

Дело твоих собственных дней».

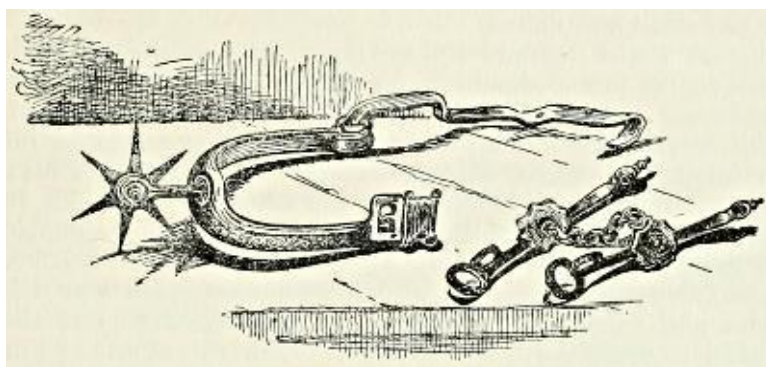
ЦАРСТВОВАНИЕ ТИБЕРИЯ

[578-582 гг. н. э.]

Среди достоинств Тиберия его красота (он был одним из самых высоких и красивых римлян) могла бы обеспечить ему благосклонность Софии; и вдова Юстина была убеждена, что она сохранит свое положение и влияние при правлении второго, более молодого мужа. Но если амбициозный кандидат и был склонен к лести и лицемерию, он уже не был в силах оправдать ее ожидания или свои собственные обещания. Фракции Ипподрома с нетерпением требовали назвать имя новой императрицы; и народ, и София были удивлены провозглашением Анастасии, тайной, хотя и законной, женой императора Тиберия.^[31] Все, что могло смягчить разочарование Софии, — императорские почести, величественный дворец, многочисленная прислуга — было щедро даровано ей благочестивым приемным сыном; в торжественных случаях он посещал вдову своего благодетеля и советовался с ней; но ее амбиции презирали тщетную видимость королевской власти, и уважительное обращение «мать» скорее раздражало, чем умиротворяло ярость обиженной женщины. В то время как она принимала и отвечала вежливой улыбкой на выражения уважения и доверия,

между вдовствующей императрицей и ее давними врагами был заключен тайный союз, и Юстиниан, сын Германа, был использован в качестве инструмента ее мести.

Узнав о ее замыслах, Тиберий вернулся в Константинополь, и заговор был подавлен его присутствием и твердостью. От роскоши и почестей, которыми она злоупотребляла, София была лишена скромного содержания; Тиберий уволил ее свиту, перехватил ее переписку и поручил ее охрану верной страже. Но услуги Юстиниана не были расценены этим великодушным принцем как усугубление его преступлений; после мягкого выговора его измена и неблагодарность были прощены; и было общепринято считать, что император подумывал о заключении двойного союза с соперником своего трона.

Византийский шпоры и удила

Сменив ненавистное имя Тиберий, он принял более популярное имя Константин и стал подражать более чистым добродетелям Антонинов. После описания пороков и глупостей стольких римских принцев приятно на мгновение остановиться на личности, отличавшейся человечностью, справедливостью, умеренностью и мужеством; созерцать правителя, приветливого в своем дворце, набожного в церкви, беспристрастного на судейском месте и победоносного, по крайней мере благодаря своим полководцам, в Персидской войне. Самым славным трофеем его победы было множество пленников, которых Тиберий принимал, выкупал и отпускал в свои родные дома с милосердным духом христианского героя. Заслуги или несчастья его подданных имели для него большее значение, и он измерял свою щедрость не столько их ожиданиями, сколько своим собственным достоинством. Эта максима, каким бы опасным она ни была для хранителя общественного богатства, уравновешивалась принципом человечности и справедливости, который учил его презирать золото, добытое из слез народа.

Мудрые и справедливые законы Тиберия вызывали восхищение и сожаление в последующие времена.^[32] Константинополь считал, что император обнаружил сокровище, но его настоящее сокровище заключалось в практике либеральной экономики и презрении ко всем тщетным и лишним расходам. Римляне Востока были бы счастливы, если бы лучший дар Небес, патриотичный царь, был подтвержден как надлежащее и постоянное благословение. Но менее чем через четыре года после смерти Юстина его достойный преемник заболел смертельной болезнью, которая оставила ему только достаточно времени, чтобы вернуть диадему, в соответствии с условиями, на которых он ее получил, наиболее достойному из своих сограждан. Он выбрал из толпы Маврикия, и это решение было ценнее самой пурпурной мантии. Патриарх и сенат были вызваны к постели умирающего принца; он отдал ему свою дочь и империю, а его последний совет был торжественно оглашен голосом квестора. Тиберий выразил надежду, что добродетели его сына и преемника воздвигнут величайший мавзолей его памяти.

ИМПЕРАТОР МАВРИКИЙ (582-602) И ВОЙНА С ПЕРСИЕЙ

[582-602 гг. н. э.]

Император Маврикий происходил из древнего Рима, но его ближайшие родители поселились в Арабиссе в Каппадокии, и их необыкновенное счастье позволило им дожить до того момента, когда они смогли увидеть и разделить удачу своего августейшего сына. Юность Маврикия прошла в военной службе; Тиберий повысил его до командования новым и любимым легионом из двенадцати тысяч союзников; его доблесть и поведение были отмечены в Персидской войне; и он вернулся в Константинополь, чтобы принять, как справедливое вознаграждение, наследство империи. Маврикий вззошел на престол в зрелом возрасте сорока трех лет и более двадцати лет правил Востоком и самим собой, изгнав из своего ума бурную демократию страстей и установив (согласно причудливому выражению Евагрия) совершенную аристократию разума и добродетели.

Некоторые подозрения могут умалить значение свидетельства подданного, хотя он и заявляет, что его тайная похвала никогда не должна дойти до ушей его повелителя, а некоторые недостатки, кажется, ставят характер Маврикия ниже чистых достоинств его предшественника. Его холодное и сдержанное поведение можно было бы приписать высокомерию; его справедливость не всегда была свободна от жестокости, а его милосердие — от слабости; а его жесткая экономия слишком часто подвергала его упрекам в скупости. Но разумные желания абсолютного монарха должны быть направлены на счастье его народа; Маврикий был наделен здравым смыслом и мужеством, чтобы способствовать этому счастью, и его правление руководствовалось принципами и примером Тиберия. Малодушие греков привело к столь полному разделению должностей короля и генерала, что рядовой солдат, заслуживший и получивший пурпур, редко или никогда не появлялся во главе своих войск. Тем не менее, император Морис пользовался славой восстановления персидского монарха на его троне; его лейтенанты вели сомнительную войну против аваров на Дунае; и он с состраданием, бесполезным состраданием, смотрел на убогое и бедственное положение своих итальянских провинций.

Из Италии императоры постоянно получали мучительные вести о бедствиях и просьбы о помощи, которые вынуждали их признавать свою слабость. Угасающее величие Рима проявлялось только в свободе и энергии его жалоб. «Если вы неспособны, — говорила она, — избавить нас от меча лангобардов, спасите нас хотя бы от бедствия голода». Тиберий простил упрек и облегчил страдания; из Египта на Тибр была доставлена партия зерна, и римский народ, призывая не имя Камилла, а святого Петра, отразил варваров от своих стен. Но облегчение было случайным, опасность оставалась постоянной и неотложной; и духовенство и сенат, собрав остатки своего древнего богатства, сумму в три тысячи фунтов золота, отправили патриция Памфрония, чтобы он возложил их дары и жалобы к ногам византийского престола. Внимание двора и вооруженных сил Востока было отвлечено Персидской войной; но справедливый Тиберий направил субсидию на оборону города и отпустил патриция с лучшим советом: подкупить вождей лангобардов или купить помощь королей Франции.

Искусство ведения переговоров, неизвестное простому величию сената и цезарей, усердно культивировалось византийскими князьями; и мемориалы их бесконечных посольств повторяют с одинаковой однообразной многословностью язык лжи и деклараций, наглость варваров и раболепный нрав данных греков.

ПЕРСИДСКАЯ ВОЙНА (572-591)

[572-576 гг. н. э.]

В бесполезных спорах, предшествовавших и оправдывавших ссоры князей, греки и варвары обвиняли друг друга в нарушении мира, заключенного между двумя империями примерно за четыре года до смерти Юстиниана. Правитель Персии и Индии стремился подчинить себе провинцию Йемен или Аравия Феликс — далекую землю мирры и ладана, которая скорее избежала, чем противостояла завоевателям Востока. После поражения Абрахама под стенами Мекки раздор между его сыновьями и братьями облегчил персам вторжение; они прогнали чужеземцев из Абиссинии за Красное море, и местный принц древних гомеров был восстановлен на троне в качестве вассала или наместника великого Нуширвана. Но племянник Юстиниана объявил о своем решении отомстить за обиды своего христианского союзника, принца Абиссинии, поскольку они давали приличный повод для прекращения ежегодной дани, которая была плохо замаскирована под названием пенсии. Церкви Персидской Армении были угнетены нетерпимым духом магов; они тайно призывали защитника христиан, и после благочестивого убийства своих сатрапов мятежники были признаны и поддержаны как братья и подданные римского императора. Жалобы Нуширвана были проигнорированы византийским двором; Юстин уступил настойчивым просьбам турок, которые предложили союз против общего врага; и в тот же момент персидская монархия оказалась под угрозой со стороны объединенных сил Европы, Эфиопии и Скифии.

В возрасте восьмидесяти лет правитель Востока, возможно, предпочел бы мирно наслаждаться своей славой и величием, но как только война стала неизбежной, он вышел на поле боя с энергией молодости, в то время как агрессор дрожал в дворце Константинополя. Нуширван, или Хосров, лично руководил осадой Дары; и хотя эта важная крепость была лишена войск и складов, доблесть ее жителей более пяти месяцев сопротивлялась лучникам, слонам и военным машинам Великого царя.

[576-589 гг. н. э.]

Тем временем его генерал Адарман выдвинулся из Вавилона, пересек пустыню, перешел Евфрат, осквернил пригороды Антиохии, превратил в пепел город Апамею и положил добычу Сирии к ногам своего повелителя, чья настойчивость в середине зимы наконец разрушила оплот Востока. Но эти потери, поразившие провинции и двор, произвели благотворное воздействие на покаяние и отречение императора Юстина; в византийских советах возник новый дух, и благодаря благоразумию Тиберия было заключено трехлетнее перемирие. Этот благоприятный перерыв был использован для подготовки к войне, и слухи пронесли по всему миру, что из дальних стран Альп и Рейна, из Скифии, Мезии, Паннонии, Иллирии и Исаврии императорская кавалерия была усилена 150 000 солдат. Однако царь Персии, не испытывая ни страха, ни веры, решил предотвратить нападение врага, вновь перешел Евфрат и, отпустив послов Тиберия, высокомерно приказал им ждать его прибытия в Кесарию, столицу Каппадокийских провинций.

Две армии столкнулись в битве при Мелите; варвары, затмевавшие небо облаком стрел, вытянули свои ряды и раскинули крылья по всей равнине; римляне же, сформировав глубокие и плотные шеренги, рассчитывали одержать верх в ближнем бою благодаря весу

своих мечей и копий. Скифский вождь, командовавший их правым флангом, Артаксеркс () внезапно обошел фланг врага, атаковал их арьергард в присутствии Хосрова, проник в середину лагеря, разграбил царскую палатку, осквернил вечный огонь, загрузил караван верблюдов добычей Азии, пробился через персидское войско и вернулся с песнями победы к своим друзьям, которые провели день в одиночных боях или бесплодных стычках. Темнота ночи и разрозненность римлян дали персидскому монарху возможность отомстить, и один из их лагерей был сметен быстрым и стремительным нападением. Но, оценив свои потери и осознав опасность, Хосров решил быстро отступить; на пути он сжег пустой город Мелитене и, не заботясь о безопасности своих войск, смело переплыл Евфрат на спине слона. После этой неудачной кампании нехватка продовольствия и, возможно, некоторые вторжения турок вынудили его распустить или разделить свои войска; римляне остались хозяевами поля сражения, и их полководец Юстиниан, выдвинувшись на помощь персидско-армянским мятежникам, водрузил свое знамя на берегах Аракса.

Великий Помпей ранее останавливался в трех днях марша от Каспия; это внутреннее море было впервые исследовано вражеским флотом, и семьдесят тысяч пленников были переселены из Гиркании на остров Кипр. С возвращением весны Юстиниан спустился в плодородные равнины Ассирии, пламя войны приблизилось к резиденции Нуширвана, возмущенный монарх скончался, и его последний указ запрещал его преемникам подвергать себя опасности в сражении с римлянами. Однако память об этом мимолетном оскорблении была утрачена в славе долгого правления, и его грозные враги, после того как удовлетворили свою мечту о завоевании, вновь просили о короткой передышке от бедствий войны.

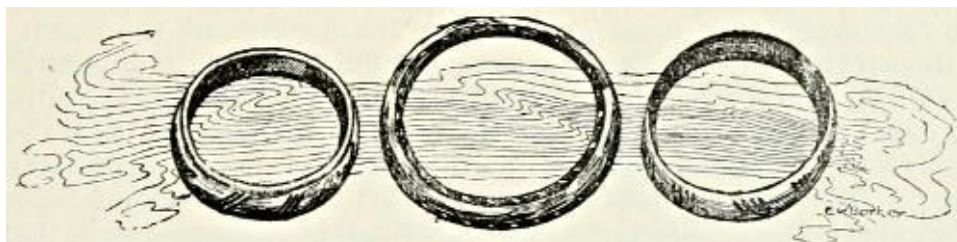
Трон Хосрова Нуширвана занял Хормуз, или Хормисдас, старший и самый любимый из его сыновей (579). В каждом слове и в каждом действии сын Нуширвана отступал от добродетелей своего отца. Его алчность обманывала войска; его ревнивая прихоть унижала сатрапов; дворец, суды, воды Тигра были окрашены кровью невинных, и тиран ликовал от страданий и казни тринадцати тысяч жертв. В оправдание своей жестокости он иногда снисходительно замечал, что страхи персов породят ненависть, а их ненависть приведет к восстанию; но он забывал, что его собственная вина и глупость породили чувства, которые он так осуждал, и подготовили событие, которое он так справедливо предвидел. Раздраженные длительным и безнадежным угнетением, провинции Вавилон, Сузы и Кармания подняли знамя восстания, а князья Аравии, Индии и Скифии отказались платить обычные дани недостойному преемнику Нуширвана. Оружие римлян, в медленных осадах и частых набегах, терзало границы Месопотамии и Ассирии; один из их генералов провозгласил себя учеником Сципиона, а солдаты были воодушевлены чудесным образом Христа, чей кроткий облик никогда не должен был появляться на поле битвы. В то же время восточные провинции Персии были захвачены великим ханом, который перешел Оксус во главе трехсот или четырехсот тысяч турок. Неосторожный Гормуз принял их вероломную и грозную помощь; городам Хорасана и Бактрии было приказано открыть ворота; поход варваров к горам Гиркании показал взаимодействие турецких и римских войск; и их союз, должно быть, повалил бы трон дома Сасанидов.

Персия была потеряна царем, но спасена героем. В то время как нация дрожала, а Хормуз скрывал свой ужас под маской подозрительности, а Бахрам и его слуги скрывали свою нелояльность под маской страха, только Бахрам проявлял свою неустрашимую храбрость и явную верность; и как только он обнаружил, что за ним против врага последуют не более двенадцати тысяч солдат, он благоразумно заявил, что небеса зарезервировали для этого рокового числа честь триумфа. Крутой и узкий спуск Пуле Рудбар, или Гирканская скала, — единственный перевал, через который армия может проникнуть на территорию Рей и равнины Мидии. С высоких возвышенностей отряд решительных людей мог засыпать

камнями и дротиками мириады турецкого войска; их император и его сын были пронзены стрелами, а беглецы, лишенные совета и провианта, были оставлены на произвол озлобленного народа.

[589-590 гг. н. э.]

Патриотизм персидского полководца был подкреплён его любовью к городу своих предков; в час победы каждый крестьянин стал солдатом, а каждый солдат — героем; их пыл разжигали великолепные зрелища кроватей, тронов и столов из массивного золота, трофеев Азии и роскоши вражеского лагеря. Принц с менее злобным характером не смог бы легко простить своего благодетеля, и тайная ненависть Хормуза была отравлена злобным слухом о том, что Бахрам тайно оставил себе самые ценные плоды своей победы над турками. Но приближение римской армии со стороны Аракса заставило неумолимого тирана улыбнуться и аплодировать; и труды Бахрама были вознаграждены разрешением сразиться с новым врагом, который по своему мастерству и дисциплине был более грозным, чем скифское множество.

Византийские браслеты из цветного стекла

Воодушевленный недавним успехом, он послал глашатая с дерзким вызовом в лагерь римлян, требуя от них назначить день сражения и выбрать, будут ли они сами переходить реку или позволят свободно пройти войскам Великого царя. Наместник императора Маврикия предпочел более безопасный вариант, и это местное обстоятельство, которое усилило бы победу персов, сделало их поражение более кровавым, а побег более трудным. Но потеря подданных и опасность для его королевства были перевешены в уме Хормуза позором его личного врага; и как только Бахрам собрал и проверил свои войска, он получил от королевского посланника оскорбительный подарок в виде прялки, веретена и полного набора женской одежды. Послушный воле своего повелителя, он показался солдатам в этом недостойном обличье; они возмутились его позором и своим собственным; по их рядам пронёсся крик восстания, и генерал принял их клятву верности и обещания мести. Второй гонец, которому было приказано привести мятежника в цепях, был затоптан слоном, и были тщательно распространены манифесты, призывающие персов отстаивать свою свободу против ненавистного и презренного тирана. Переход на сторону мятежников был быстрым и всеобщим; его верные рабы были принесены в жертву общественному гневу, а войска перешли на сторону Бахрама.

[590-591 гг. н. э.]

Поскольку перевалы были надёжно охраняемы, Хормуз мог рассчитывать число своих врагов только по свидетельству своей виновной совести и ежедневным перебежчикам, которые в час его бедствия мстили за свои обиды или забывали о своих обязательствах. Он гордо демонстрировал знаки королевской власти, но город и дворец Модайна уже

вырвались из рук тирана. Среди жертв его жестокости был Биндос, принц из династии Сасанидов, который был брошен в темницу; его оковы были разорваны благодаря рвению и мужеству его брата, и он предстал перед королем во главе тех верных стражников, которые были выбраны для его содержания под стражей и, возможно, для его смерти. Встревоженный поспешным вторжением и смелыми упреками пленника, Гормуз оглянулся, но тщетно, в поисках совета или помощи; он обнаружил, что его сила заключалась в послушании других, и терпеливо подчинился единственной руке Биндоса, который утащил его с трона в ту же темницу, в которой он сам недавно был заключен.

Хосров, старший из сыновей Гормуза, бежал из города. В сопровождении только своих наложниц и отряда из тридцати стражников он тайно покинул столицу, прошел по берегам Евфрата, пересек пустыню и остановился в десяти милях от Киркезия. Около третьей стражи ночной римский префект был проинформирован о его приближении и на рассвете ввел королевского незнакомца в крепость. Оттуда персидский царь был отправлен в более почетную резиденцию Иераполис; а Маврикий скрыл свою гордость и проявил доброжелательность, приняв письма и послов внука Нуширвана. Они смиренно изложили превратности судьбы и общие интересы князей, преувеличили неблагодарность Бахрама, агента злого начала, и убедительно доказали, что в интересах самих римлян поддерживать две монархии, которые уравнивают мир, два великих светила, благотворным влиянием которых он оживает и украшается. Беспокойство Хосрова вскоре было снято заверениями, что император поддержал дело справедливости и королевской власти, но Маврикий благоразумно отказался от затрат и задержек, связанных с бесполезным визитом в Константинополь.

От имени своего великодушного благодетеля беглому принцу был преподнесен богатый диадема с бесценным даром драгоценных камней и золота; на границах Сирии и Армении была собрана мощная армия под командованием доблестного и верного Нарсеса, и этот генерал, из его собственного народа и по его собственному выбору, получил приказ перейти Тигр и не вкладывать свой меч в ножны, пока не восстановит Хосрова на троне его предков. После объединения императорских войск, которое Бахрам тщетно пытался предотвратить, исход борьбы был решен двумя сражениями на берегах Заба и на границах Мидии. Римляне вместе с верными подданными Персии насчитывали шестьдесят тысяч человек, в то время как все силы узурпатора не превышали сорока тысяч человек; оба генерала проявили свою доблесть и способности, но победа в конечном итоге была определена превосходством в численности и дисциплине. С остатками разбитой армии Бахрам бежал в восточные провинции Оксуса; вражда с Персией примирила его с турками, но его дни были сокращены ядом, возможно, самым неизлечимым из ядов — укусами совести, отчаянием и горьким воспоминанием о утраченной славе. Тем не менее, современные персы по-прежнему чтят подвиги Бахрама, а некоторые прекрасные законы продлили срок его беспокойного и мимолетного правления.

Восстановление Хосрова было отмечено пирами и казнями; музыка королевского банкета часто прерывалась стонами умирающих или калеченных преступников (). Группа из тысячи римлян, которые продолжали охранять Хосрова, провозгласила его веру в преданность чужеземцев; его растущая сила позволила ему отказаться от этой непопулярной помощи, но он по-прежнему выражал ту же благодарность и почтение своему приемному отцу; и до смерти Маврикия мир и союз двух империй верно поддерживались. Однако наемная дружба римского принца была куплена дорогостоящими и важными подарками; были восстановлены крепкие города Мартирополь и Дара, и персидские армяне стали добровольными подданными империи, восточная граница которой была расширена, в отличие от прежних времен, до берегов Аракса и окрестностей Каспия. Была питаема благочестивая надежда, что в этой революции торжествуют как церковь, так и государство;

но если Хосров и искренне прислушивался к христианским епископам, то это впечатление было стерто рвением и красноречием магов; если он был вооружен философским безразличием, то он приспособливал свои убеждения, или, вернее, свои заявления, к различным обстоятельствам изгнанника и правителя.

АВАРЫ

В то время как величие римского имени возродилось на Востоке, перспективы Европы были менее радужными и менее славными. С уходом лангобардов и гибелью гепидов баланс сил на Дунае был нарушен, и аварцы распространили свое постоянное господство от подножия Альп до побережья Черного моря. Царствование Баяна является самым ярким периодом их монархии; их каган, который занял деревенский дворец Аттилы, по-видимому, подражал его характеру и политике; но поскольку те же сцены повторялись в меньшем кругу, то точное копирование оригинала было лишено величия и новизны. Гордость второго Юстиниана, Тиберия и Маврикия была унижена гордым варваром, более склонным наносить, чем терпеть ущерб от войны; и так же часто, как Азия подвергалась угрозе со стороны персидского оружия, Европа страдала от опасных вторжений или дорогостоящей дружбы аваров.

Когда римские послы приблизились к хагану, им было велено ждать у входа в его шатер, пока, возможно, через десять или двенадцать дней, он не соизволил принять их. Если содержание или стиль их послания оскорбляли его слух, он с настоящей или притворной яростью оскорблял их достоинство и достоинство их князя; их багаж был разграблен, и их жизни были спасены только обещанием более богатых подарков и более уважительного обращения. Но его священные послы пользовались и злоупотребляли безграничной свободой в Константинополе; они настойчиво требовали увеличения дани или возвращения пленных и дезертиров; и величие империи было почти в равной степени унижено низким уступчивостью или ложными и страшными оправданиями, с помощью которых они уклонялись от таких наглых требований.

Языком варвара, лишённого лукавства, князь аварцев делал вид, что жалуется на неискренность греков, но по изысканности притворства и вероломства он не уступал самым цивилизованным народам. Как преемник лангобардов, каган заявил свои права на важный город Сирмий, древний оплот иллирийских провинций. Равнины нижней Венгрии были покрыты аварской конницей, а в Герцинийском лесу был построен флот больших лодок, чтобы спуститься по Дунаю и перевезти в Саву материалы для моста. Но поскольку сильный гарнизон Сингидунума (), контролировавший слияние двух рек, мог остановить их проход и сорвать его планы, он развеял их опасения торжественной клятвой, что его намерения не враждебны империи. Он поклялся своим мечом, символом бога войны, что он, как враг Рима, не строил моста через Саву. «Если я нарушу свою клятву, — продолжал бесстрашный Байан, — пусть я сам и последний из моего народа погибнем от меча; пусть небо и огонь, божество небес, обрушатся на наши головы! Пусть леса и горы погребут нас под своими руинами! И пусть Савус, возвращаясь, вопреки законам природы, к своему истоку, захлестнет нас своими яростными водами!»

После этого варварского проклятия он спокойно спросил, какая клятва является самой священной и почитаемой среди христиан, какая вина за клятвопреступление является самой опасной. Епископ Сингидунума представил Евангелие, которое хаган принял с благоговейным почтением. «Клянусь, — сказал он, — Богом, который говорил в этой святой книге, что у меня нет лжи на языке и предательства в сердце». Как только он поднялся с колен, он ускорил работы по строительству моста и отправил посланника, чтобы объявить то, что он больше не хотел скрывать. «Сообщите императору, — сказал вероломный Байан, — что Сирмий окружен со всех сторон. Советуйте ему проявить благоразумие, вывести граждан и их имущество и сдать город, который теперь невозможно ни освободить, ни защитить».

Без надежды на помощь оборона Сирмиума продолжалась более трех лет; стены оставались нетронутыми, но голод осаждал город, пока милосердная капитуляция не позволила обнаженным и голодным жителям спастись. Сингидунум, расположенный в пятидесяти милях, постигла более жестокая судьба: здания были разрушены, а побежденный народ был приговорен к рабству и изгнанию. Однако руины Сирмиума больше не видны; выгодное расположение Сингидунума вскоре привлекло новую колонию славян, а слияние Савуса и Дуная по-прежнему охраняется укреплениями Белграда, или Белого города, столь часто и упорно оспариваемого христианскими и турецкими войсками. От Белграда до стен Константинополя можно измерить линию в шестьсот миль; эта линия была отмечена пламенем и кровью; лошади аваров поочередно купались в Эвксинском и Адриатическом морях; а римский понтифик, встревоженный приближением более жестокого врага, был вынужден лелеять лангобардов как защитников Италии. Отчаяние пленника, которого его страна отказалась выкупить, открыло аварам изобретение и практику военных машин; но в первых попытках они были грубо сконструированы и неуклюже управлялись; и сопротивление Диоклетианополя и Берии, Филиппополя и Адрианополя вскоре исчерпало мастерство и терпение осаждающих.

Война Баяна была войной татарина, но его ум был восприимчив к гуманным и великодушным чувствам: он пощадил Анхиалус, чьи целебные воды восстановили здоровье его любимой жены, и римляне признали, что их голодающая армия была накормлена и отпущена благодаря щедрости врага. Его империя простиралась от устья Дуная до устья Одера, охватывая Венгрию, Польшу и Пруссию, а его новые подданные были разделены и переселены в соответствии с ревнивой политикой завоевателя. Восточные регионы Германии, которые были опустошены в результате эмиграции вандалов, были заселены славянскими колонистами; те же племена обнаруживаются в окрестностях Адриатического и Балтийского морей, а под именем самого Баяна иллирийские города Нейсе и Лисса вновь встречаются в сердце Силезии. В расположении как своих войск, так и провинций хаган подверг вассалов, чьи жизни он пренебрегал, первому удару; и мечи врага были затуплены, прежде чем они столкнулись с природной доблестью аваров.

[592-594 гг. н. э.]

Персидский союз вернул войска Востока к защите Европы; и Маврикий, который в течение десяти лет терпел наглость хагана, объявил о своем решении лично выступить против варваров. В течение двух столетий ни один из преемников Феодосия не появлялся на поле боя; они бездейственно проводили свою жизнь во дворце Константинополя, и греки уже не могли понять, что имя императора в его первоначальном значении обозначало главу армий республики. Военному рвению Маврикия противостояли серьезные лести сената, робкое суеверие патриарха и слезы императрицы Константины; все они умоляли его возложить на какого-нибудь менее значительного генерала тяготы и опасности скифской кампании.

ВИЗАНТИЙСКИЙ СВЯЩЕННЫЙ СОСУД

Не вняв их советам и мольбам, император смело продвинулся на семь миль от столицы; священный знак креста был выставлен впереди, и Маврикий с осознанной гордостью осмотрел оружие и ряды ветеранов, которые сражались и побеждали за Тигром. Анхиал видел последний этап своего продвижения по морю и суше. Он безрезультатно просил чудесного ответа на свои ночные молитвы; его разум был сбит с толку смертью любимой лошади, встречей с диким кабаном, бурей и дождем, а также рождением чудовищного ребенка; и он забыл, что лучшее предзнаменование — это обнажить меч в защиту своей страны. Под предлогом приема послов Персии император вернулся в Константинополь, заменил мысли о войне мыслями о преданности и разочаровал надежды народа своим отсутствием и выбором своих лейтенантов. Слепая пристрастность братской любви могла бы оправдать продвижение его брата Петра, который с одинаковым позором бежал от варваров, от своих собственных солдат и от жителей римского города. Этот город, если верить сходству названий и характера, был знаменитым Азимунтиумом, который в одиночку отразил натиск Атиллы. Пример его воинственной молодежи был передан последующим поколениям, и они получили от первого или второго Юстиниана почетную привилегию, согласно которой их доблесть должна была всегда оставаться зарезервированной для защиты своей родной страны. Брат Маврикия попытался нарушить эту привилегию и смешать патриотическую группу с наемниками своего лагеря; они укрылись в церкви. Он не был устрешен святостью этого места; народ поднялся на их защиту, валы были укомплектованы, и Петр проявил себя трусом.

[594-600 гг. н. э.]

Военная слава Коментиола является скорее предметом сатиры или комедии, чем серьезной истории, поскольку ему не хватало даже низкой и вульгарной черты личной храбрости. Его торжественные совещания, странные маневры и тайные приказы всегда служили оправданием для бегства или промедления. Если он выходил на врага, то приятные долины горы Эмус представляли собой непреодолимую преграду; но при отступлении он с бесстрашным любопытством исследует самые трудные и заброшенные тропы, которые почти исчезли из памяти самых старых местных жителей. Единственная кровь, которую он терял, была взята при реальном или притворном заболевании скальпелем хирурга; а его здоровье, которое с исключительной чувствительностью ощущало приближение варваров, всегда восстанавливалось благодаря покою и безопасности зимнего сезона. Принц, который мог продвигать и поддерживать этого недостойного фаворита, не мог черпать славу из случайных заслуг своего коллеги Приска. В пяти последовательных сражениях, которые, по видимому, были проведены с умением и решимостью, в плен было взято 17 200 варваров;

около шестидесяти тысяч, включая четырех сыновей кагана, были убиты. Римский полководец застал врасплох мирный район гепидов, которые спали под защитой аваров; и его последние трофеи были воздвигнуты на берегах Дуная и Тиса. Со времени смерти Траяна войска империи не проникали так глубоко в старую Дакию; однако успех Приска был мимолетным и бесплодным, и вскоре он был отозван из-за опасений, что Баян, с неустрашимым духом и пополненными силами, готовился отомстить за свое поражение под стенами Константинополя.

СОСТОЯНИЕ РИМСКИХ ВОЙСК

Теория войны была не менее знакома лагерям Цезаря и Траяна, чем лагерям Юстиниана и Маврикия. Железо из Тосканы или Понта по-прежнему получало самую высокую прочность благодаря мастерству византийских мастеров. Склады были в изобилии заполнены всеми видами наступательного и оборонительного оружия. В строительстве и использовании кораблей, машин и укреплений варвары восхищались превосходной изобретательностью народа, которого они так часто побеждали на поле боя. Наука о тактике, порядке, маневрах и стратегиях древности была переписана и изучена в книгах греков и римлян. Но уединение или деградация провинций больше не могли поставлять людей, способных обращаться с этим оружием, охранять эти стены, управлять этими кораблями и претворять теорию войны в смелую и успешную практику.

Гении Велизария и Нарсеса сформировались без учителя и умерли без учеников. Ни честь, ни патриотизм, ни великодушное суеверие не могли оживить безжизненные тела рабов и чужеземцев, которые унаследовали почести легионов. Император должен был осуществлять деспотическое правление только в лагере; только в лагерях его власть не подчинялась и оскорблялась; он умиротворял и разжигал золотом разнузданность войск; но их пороки были неотъемлемыми, их победы были случайными, а их дорогостоящее содержание истощало ресурсы государства, которое они были не в состоянии защитить. После долгого и пагубного потворства излечением этого закоренелого зла занялся Маврикий; но опрометчивая попытка, которая принесла ему гибель, только усугубила болезнь. Реформатор должен быть свободен от подозрений в корысти и обладать доверием и уважением тех, кого он намеревается исправить. Войска Маврикия могли прислушиваться к голосу победоносного полководца; они презирали наставления государственных деятелей и софистов; и когда они получили указ, согласно которому из их жалованья вычиталась стоимость оружия и одежды, они проклинали алчность принца, не чувствующего опасностей и тягот, от которых он избавился.

Лагеря как в Азии, так и в Европе были взволнованы частыми и яростными мятежами; разъяренные солдаты Эдессы преследовали своих дрожащих генералов упреками, угрозами и ранениями; они опрокидывали статуи императора, бросали камни в чудотворный образ Христа и либо отвергали иго всех гражданских и военных законов, либо устанавливали опасную модель добровольного подчинения. Монарх, всегда отстраненный и часто обманутый, был неспособен уступать или настаивать в соответствии с требованиями момента. Но страх перед всеобщим восстанием побудил его слишком легко принять любой акт доблести или любое проявление лояльности в качестве искупления за народное оскорбление; новая реформа была отменена так же поспешно, как и объявлена, и войска, вместо наказания и ограничений, были приятно удивлены милостивым провозглашением иммунитетов и наград. Но солдаты приняли без благодарности запоздалые и неохотные подарки императора; их наглость возросла от осознания его слабости и своей силы, а взаимная ненависть разгорелась до такой степени, что желание прощения или надежда на примирение стали невозможны.

Историки того времени разделяют вульгарное подозрение, что Маврикий замыслил уничтожить войска, которые он с таким трудом реформировал; неподобающее поведение и благосклонность Коментиола приписываются этому злобному замыслу; и каждое поколение должно осуждать бесчеловечность или алчность князя, который за ничтожный выкуп в шесть тысяч золотых монет мог бы предотвратить массовое убийство двенадцати тысяч пленных, находившихся в руках хагана.^[33] В справедливом порыве возмущения армии на Дунае был отдан приказ пощадить склады провинций и разбить зимние квартиры на вражеской территории аваров. Меры их недовольства были исчерпаны; они объявили Маврикия недостойным царствовать, изгнали или убили его верных сторонников и под командованием Фоки, простого центуриона, поспешным маршем вернулись в окрестности Константинополя.

ВОССТАНИЕ ПРОТИВ МАВРИКИЯ

[600-602 гг. н. э.]

После долгой череды законных преемников военные беспорядки III века вновь возобновились; однако это предприятие было настолько новым, что повстанцы были потрясены собственной опрометчивостью. Они колебались, стоит ли возлагать на своего фаворита вакантную пурпурную мантию, и, отвергая любые переговоры с самим Маврикием, поддерживали дружескую переписку с его сыном Феодосием и с Германом, тестем королевского юноши. Прежнее положение Фоки было настолько неизвестным, что император не знал ни имени, ни характера своего соперника; но как только он узнал, что центурион, хотя и смел в мятеже, но робкий перед лицом опасности, «Увы!» — воскликнул унылый принц, — «если он трус, то он наверняка будет убийцей».

Однако если бы Константинополь остался твердым и верным, убийца мог бы выплеснуть свою ярость на стены, и мятежная армия была бы постепенно уничтожена или примирена благоразумием императора. На цирковых играх, которые он повторял с необычайной пышностью, Маврикий скрывал за улыбками уверенности тревогу своего сердца, снисходительно просил одобрения у фракций и льстил их гордости, принимая от их трибунов список из девятисот синих и полутора тысяч зеленых, которых он делал вид, что уважает как прочные опоры своего трона. Их вероломная или вялая поддержка выдала его слабость и ускорила его падение; зеленая фракция была тайным союзником мятежников, а синие рекомендовали мягкость и умеренность в борьбе с их римскими братьями.

Жесткие и скупые добродетели Маврикия давно отдалили от него сердца его подданных; когда он шел босиком в религиозной процессии, его грубо забросали камнями, и его охранники были вынуждены применить железные булавы для защиты его личности. Фанатичный монах бежал по улицам с обнаженным мечом, проклиная его гневом и приговором Божьим; а подлый плебей, изображавший его лицо и одежду, сидел на осле и преследовался проклятиями толпы.

Император подозревал Германа в популярности среди солдат и граждан; он боялся, он угрожал, но не решался нанести удар; патриций бежал в святилище церкви; народ поднялся на его защиту, стены были покинуты стражниками, и незаконный город был брошен на произвол пламени и грабежа ночного бунта. В маленькой лодке несчастный Маврикий с женой и девятью детьми бежал на азиатский берег, но сильный ветер заставил его высадиться у церкви Святого Автонома, недалеко от Халкидона, откуда он послал своего старшего сына Феодосия, чтобы тот умолял персидского монарха о благодарности и дружбе. Сам он отказался бежать; его тело мучили ишиас, его разум был ослаблен суеверием; он терпеливо ждал исхода революции и обратился с горячей и публичной молитвой к

Всемогущему, чтобы наказание за его грехи было наложено в этом мире, а не в будущей жизни.

Византийский офицер

После отречения Маврикия две фракции спорили о выборе императора; но фаворит «синих» был отвергнут из-за ревности их противников, а сам Германус был увлечен толпой, которая устремилась к дворцу Хебдомон, в семи милях от города, чтобы поклониться величию центуриона Фоки. С скромное желание уступить пурпур Герману, учитывая его ранг и заслуги, было встречено его более упорным и столь же искренним сопротивлением; сенат и духовенство подчинились его приказу, и как только патриарх убедился в его православной вере, он освятил успешного узурпатора в церкви Святого Иоанна Крестителя. На третий день, среди восторженных возгласов бездумного народа, Фокас совершил свой публичный вход в колеснице, запряженной четырьмя белыми лошадьми; восстание войск было вознаграждено щедрыми подарками, и новый правитель, посетив дворец, со своего трона наблюдал за играми на Ипподроме. В споре о старшинстве между двумя фракциями его пристрастное суждение склонилось в пользу зеленых. «Помните, что Маврикий еще жив», — раздалось с противоположной стороны; и нескромный шум синих предостерег и подстегнул жестокость тирана. Министры смерти были отправлены в Халкидон; они вытащили императора из его убежища; и пять сыновей Маврикия были поочередно убиты на глазах у их мучающегося родителя. При каждом ударе, который он чувствовал в своем сердце, он находил в себе силы произнести благочестивую молитву: «Ты справедлив, Господи! И суды Твои праведны». И в последние минуты его жизни он был настолько привержен истине и справедливости, что раскрыл солдатам благочестивую ложь кормилицы, которая представила своего собственного ребенка вместо королевского младенца.

Трагическая сцена завершилась казнью самого императора на двадцатом году его правления и в шестьдесят третьем году его жизни (602 г.). Тела отца и его пяти сыновей были брошены в море, а их головы выставлены в Константинополе на позорище или сострадание толпы; и только когда на них появились признаки разложения, Фокас разрешил тайно похоронить эти почтенные останки. В этой могиле были милостиво

похоронены ошибки и промахи Маврикия. В памяти осталась только его судьба; и спустя двадцать лет, при пересказе истории Феофилакта, печальная история была прервана слезами слушателей.

ИМПЕРАТОР ФОКАС (602-610)

[602-610 гг. н.э.]

Такие слезы, должно быть, текли в тайне, и такое сострадание было бы преступлением при правлении Фоки, который был мирно признан в провинциях Востока и Запада. Изображения императора и его жены Леонтии были выставлены в Латеране для почитания духовенством и сенатом Рима, а затем помещены во дворце цезарей, между изображениями Константина и Феодосия. Как подданный и христианин, Григорий был обязан подчиняться установленному правительству, но радостные аплодисменты, с которыми он приветствует удачу убийцы, запятнали характер святого неизгладимым позором.

Преемник апостолов мог бы с должной твердостью внушить виновность крови и необходимость покаяния; но он довольствуется тем, что празднует освобождение народа и падение угнетателя; радуется тому, что благочестие и доброжелательность Фоки были возвышены провидением на императорский трон; молится, чтобы его руки были укреплены против всех его врагов; и выражает желание, а может быть, и пророчество, что после долгого и триумфального правления он может быть перенесен из временного царства в вечное. Мы уже проследили этапы революции, столь приятной, по мнению Григория, как для неба, так и для земли; и Фокас не выглядит менее ненавистным в осуществлении власти, чем в ее приобретении. Карандаш беспристрастного историка нарисовал портрет чудовища — его маленького и уродливого человека, с близко посаженными густыми бровями, рыжими волосами, безбородым подбородком и щекой, изуродованной и обесцвеченной страшным шрамом. Не зная ни грамоты, ни законов, ни даже оружия, он предался в высшем ранге более широким привилегиям похоти и пьянства, и его жестокие удовольствия были либо вредны для его подданных, либо позорны для него самого. Не принимая на себя обязанности принца, он отказался от профессии солдата; и правление Фоки принесло Европе позорный мир, а Азии — опустошительную войну. Его дикий нрав разжигался страстью, закалялся страхом, обострялся сопротивлением или упреками.

Бегство Феодосия к персидскому двору было прервано быстрой погоней или обманчивым сообщением; он был обезглавлен в Никее, и последние часы молодого принца были утешены утешением религии и сознанием своей невиновности. Однако этот призрак нарушал покой узурпатора; по Востоку ходили слухи, что сын Маврикия все еще жив; народ ждал своего мстителя, а вдова и дочери покойного императора были готовы принять в качестве сына и брата самого подлого из людей. Во время массового убийства императорской семьи милосердие, или, скорее, благоразумие Фоки пощадило этих несчастных женщин, и они были достойно заключены в частном доме. Но дух императрицы Константины, все еще помнящей своего отца, мужа и сыновей, стремился к свободе и мести. Глубокой ночью она сбежала в святилище Святой Софии, но ее слезы и золото ее союзника Германа оказались недостаточными, чтобы спровоцировать восстание. Ее жизнь была обречена на месть и даже на справедливость, но патриарх добился и дал клятву о ее безопасности; ей выделили монастырь в качестве тюрьмы, и вдова Маврикия приняла и злоупотребила снисходительностью своего убийцы.

Обнаружение или подозрение о втором заговоре расторгло договоренности и вновь разжегло ярость Фоки. Матрона, вызывавшая уважение и сострадание людей, дочь, жена и мать императоров, была подвергнута пыткам, как самый гнусный преступник, чтобы заставить ее признаться в своих замыслах и соучастниках; и императрица Константина вместе со своими тремя невинными дочерьми была обезглавлена в Халкидоне, на той же земле, которая была окрашена кровью ее мужа и пяти сыновей. После такого примера было бы излишне перечислять имена и страдания менее значимых жертв. Их осуждению редко предшествовали формальные судебные разбирательства, а их наказание усугублялось изысканной жестокостью: им прокалывали глаза, вырывали языки, отрезали руки и ноги; некоторые умирали под плетью, другие в пламени, третьи были пронзены стрелами; и простая быстрая смерть была милостью, которую они редко могли получить. Ипподром, священное убежище удовольствий и свободы римлян, был осквернен головами, конечностями и изуродованными телами; и спутники Фоки были наиболее чувствительны к тому, что ни его благосклонность, ни их услуги не могли защитить их от тирана, достойного соперника Калигулы и Домициана из первой эпохи империи.

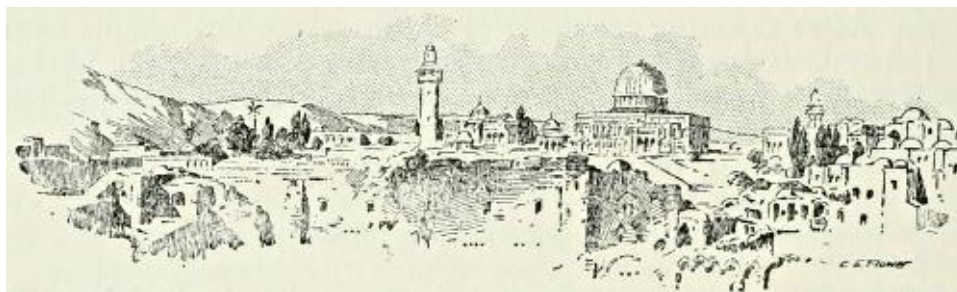
Дочь Фоки, его единственное дитя, была выдана замуж за патриция Криспа, и королевские изображения невесты и жениха были неосторожно размещены в цирке рядом с императором. Отец, должно быть, желал, чтобы его потомки унаследовали плоды его преступлений, но монарх был оскорблен этой преждевременной и популярной ассоциацией: трибуны зеленой фракции, которые обвинили скульпторов в служебной ошибке, были приговорены к немедленной смерти; их жизни были пощажены по просьбе народа, но Крисп мог обоснованно сомневаться, что ревнивый узурпатор сможет забыть и простить его невольное соперничество. Зеленая фракция была отчуждена неблагодарностью Фоки и потерей своих привилегий; каждая провинция империи была готова к восстанию; и Ираклий, экзарх Африки, более двух лет упорно отказывался платить дань и подчиняться центуриону, опозорившему престол Константинополя.

Тайные посланники Криспа и сената убеждали независимого экзарха спасти и управлять своей страной, но его амбиции были охлаждены возрастом, и он передал опасное предприятие своему сыну Ираклию и Никете, сыну своего друга и лейтенанта Григория. Два предприимчивых юноши вооружили силы Африки; они договорились, что один из них поведет флот из Карфагена в Константинополь, а другой поведет армию через Египет и Азию, и что императорская пурпурная мантия будет наградой за усердие и успех. Слабые слухи об их предприятии дошли до ушей Фоки, и жена и мать младшего Ираклия были взяты в заложницы в знак его верности: но коварное искусство Криспа приуменьшило отдаленную опасность, средства защиты были заброшены или отложены, и тиран бездеятельно спал, пока африканский флот не бросил якорь в Геллеспонте. К их знамени присоединились в Абидосе беглецы и изгнанники, жаждущие мести; корабли Гераклия, чьи высокие мачты были украшены священными символами религии, проложили свой триумфальный путь через Пропонтис; и Фокас созерцал из окон дворца свою приближающуюся и неизбежную судьбу. Зеленая фракция была соблазнена подарками и обещаниями оказать слабое и бесплодное сопротивление высадке африканцев; но народ и даже стража были решены своевременным перебежчиком Криспом; и тиран был схвачен частным врагом, который смело вторгся в уединение дворца. Лишенный диадемы и пурпура, одетый в гнусную одежду и обремененный цепями, он был перевезен на небольшой лодке к императорской галере Ираклия, который упрекнул его в преступлениях его отвратительного правления. «Ты будешь править лучше?» — такими были последние слова отчаявшегося Фоки. После того как он перенес всевозможные оскорбления и пытки, его голову отсекли, а изуродованное тело бросили в огонь. То же самое сделали со статуями тщеславного узурпатора и мятежным знаменем зеленой фракции (610 г. н. э.).

ИМПЕРАТОР ИРАКЛИЙ (610-641)

Голос духовенства, сената и народа пригласил Ираклия взойти на трон, который он очистил от вины и позора; после некоторого изящного колебания он уступил их просьбам. Его коронация сопровождалась коронацией его жены Евдокии, и их потомки до четвертого поколения продолжали править Восточной империей. Путешествие Ираклия было легким и удачным, а утомительный поход Никетаса не был завершен до решения спора; но он безропотно подчинился судьбе своего друга, и его похвальные намерения были вознаграждены конной статуей и дочерью императора. Более трудно было довериться верности Криспа, чьи недавние заслуги были вознаграждены командованием каппадокийской армией. Его высокомерие вскоре вызвало и, казалось, оправдало неблагодарность его нового повелителя. В присутствии сената зять Фоки был приговорен к монашеской жизни, и приговор был оправдан весомым замечанием Ираклия о том, что человек, предавшего своего отца, никогда не сможет быть верным своему другу.

Даже после его смерти республика страдала от преступлений Фоки, которые вооружили благочестивой причиной самых грозных из ее врагов. В соответствии с дружественными и равными формами византийского и персидского дворов, он объявил о своем возвышении на престол; и его посол Лилий, который преподнес ему головы Маврикия и его сыновей, был наиболее подходящим для описания обстоятельств этой трагической сцены. Как бы это ни было приукрашено вымыслом или софизмом, Хосров с ужасом отвернулся от убийцы, заключил в тюрьму мнимого посланника, отрекся от узурпатора и провозгласил себя мстителем своего отца и благодетеля. Чувства скорби и негодования, которые испытывает любое человеческое существо и которые диктует честь, в данном случае способствовали интересам персидского царя; а его интересы были значительно усилены национальными и религиозными предрассудками магов и сатрапов. В духе искусного льстецкого подхалимажа, прикрываясь языком свободы, они осмелились осудить чрезмерную благодарность и дружбу царя к грекам — народу, с которым было опасно заключать ни мир, ни союз; суеверие которого было лишено правды и справедливости, и который, совершив самое жестокое из преступлений — безбожное убийство своего правителя, — не мог быть способен ни на какую добродетель. За преступление амбициозного центуриона народ, который он угнетал, был наказан бедствиями войны; и те же бедствия, по прошествии двадцати лет, обрушились с удвоенной силой на персов. Генерал, вернувшей Хосрова на трон, по-прежнему командовал на Востоке, а имя Нарсеса было грозным звуком, которым ассирийские матери привыкли пугать своих детей.

ИЕРУСАЛИМ

Но герой не мог полагаться на верность тирана, а тиран осознавал, как мало он заслуживает покорности героя. Нарсес был отстранен от военного командования; он поднял независимое знамя в Иераполисе в Сирии: его предали ложными обещаниями и сожгли заживо на рыночной площади Константинополя. Лишенные единственного вождя, которого они могли бояться или уважать, отряды, которые он привел к победе, были дважды разбиты

кавалерией, растоптаны слонами и пронзены стрелами варваров; и большое количество пленных было обезглавлено на поле битвы по приговору победителя, который мог справедливо осудить этих мятежных наемников как виновников или соучастников смерти Маврикия. При правлении Фоки укрепления Мердина, Дары, Амиды и Эдессы были последовательно осаждены, взяты и разрушены персидским монархом; он перешел Евфрат, занял сирийские города Иераполис, Халкис и Верею или Алеппо и вскоре окружил стенами Антиохии своим непобедимым войском. Быстрый поток успехов свидетельствовал о упадке империи, неспособности Фоки и недовольстве его подданных; Хосров предоставил достойное оправдание их подчинению или восстанию, представив самозванца, который находился в его лагере как сын Маврикия и законный наследник монархии.

Первой вестью из Востока, которую получил Ираклий, было известие о потере Антиохии; но старинная метрополия, столь часто разрушаемая землетрясениями и разграбляемая врагом, могла дать лишь небольшой и слабый поток соковок и крови. Персы были столь же успешны и более удачливы в разграблении Кесарии, столицы Каппадокии.

После покорения Галилеи и области за Иорданом, сопротивление которой, по-видимому, отсрочило судьбу столицы, сам Иерусалим был взят штурмом. Гробница Христа и величественные церкви Елены и Константина были уничтожены или, по крайней мере, повреждены пламенем; благочестивые подношения трехсот лет были разграблены в один кощунственный день; патриарх Захария и Истинный Крест были перевезены в Персию; а массовое убийство девяноста тысяч христиан приписывается евреям и арабам, которые усугубили беспорядки во время персидского похода. Беженцы из Палестины были приняты в Александрии милосердным архиепископом Иоанном, который выделяется среди множества святых прозвищем «милостивый». Доходы церкви, включая сокровища на сумму триста тысяч фунтов, были возвращены истинным владельцам — бедным всех стран и всех конфессий.

[615-617 гг. н.э.]

Но сам Египет, единственная провинция, которая со времен Диоклетиана была избавлена от внешних и внутренних войн, был вновь покорен преемниками Кира. Пелузий, ключ к этой неприступной стране, был захвачен врасплох персидской кавалерией; они безнаказанно прошли через бесчисленные каналы дельты и исследовали длинную долину Нила от пирамид Мемфиса до границ Эфиопии. Александрия могла бы быть освобождена морскими силами, но архиепископ и префект отплыли на Кипр, и Хосров вошел во второй город империи, который все еще сохранял богатые остатки промышленности и торговли. Его западный трофей был воздвигнут не на стенах Карфагена, а в окрестностях Триполи; греческие колонии Кирены были окончательно истреблены; и завоеватель, следуя по стопам Александра, вернулся с триумфом через пески Ливийской пустыни. В той же кампании другая армия продвинулась от Евфрата до Фракийского Босфора; Халкидон сдался после долгой осады, а персидский лагерь просуществовал более десяти лет в непосредственной близости от Константинополя. Морское побережье Понта, город Анкира и остров Родос входят в число последних завоеваний великого царя; и если бы Хосров обладал какой-либо морской мощью, его безграничная амбиция распространила бы рабство и опустошение на провинции Европы.

Византийский священник

От давно оспариваемых берегов Тигра и Евфрата власть внука Нуширвана внезапно распространилась на Геллеспонт и Нил, древние границы Персидской монархии. Но провинции, которые на протяжении шестисот лет привыкали к добродетелям и порокам римского правительства, с неохотой поддерживали иго варваров. Идея республики поддерживалась институтами, или, по крайней мере, писаниями греков и римлян, а подданные Ираклия были воспитаны в духе свободы и закона. Но гордостью и политикой восточных князей всегда было демонстрировать титулы и атрибуты своего всемогущества, упрекать народ рабов их истинным именем и униженным положением и с помощью жестоких и надменных угроз обеспечивать строгое выполнение своих абсолютных приказов.

Христиане Востока были возмущены поклонением огню и безбожной доктриной двух принципов; маги были не менее нетерпимы, чем епископы, и мученичество некоторых коренных персов, отрекшихся от религии Зороастра, было воспринято как прелюдия к жестоким и всеобщим гонениям. По угнетательным законам Юстиниана противники церкви были объявлены врагами государства; союз иудеев, несторианцев и яковитов способствовал успеху Хосрова, а его частичная благосклонность к сектантам вызвала ненависть и страх католического духовенства. Осознавая их страх и ненависть, персидский завоеватель правил своими новыми подданными железным скипетром; и как будто подозревая в нестабильности своего господства, он истощал их богатства непомерными данью и разгульным грабежом, разорял или разрушал храмы Востока и перевозил в свои наследственные владения золото, серебро, драгоценный мрамор, произведения искусства и художников азиатских городов.

В то время как персидский монарх созерцал чудеса своего искусства и могущества, он получил письмо от неизвестного гражданина Мекки, приглашающего его признать Мухаммеда апостолом Бога. Он отверг приглашение и разорвал письмо. «Так, — воскликнул арабский пророк, — Бог разорвет царство и отвергнет мольбы Хосрова». Находясь на границе двух великих империй Востока, Мухаммед с тайной радостью наблюдал за их взаимным уничтожением и, несмотря на триумфы персов, осмелился предсказать, что через несколько лет победа вновь вернется к знаменам римлян.

ГЕРАКЛИЙ ПЛАНИРУЕТ ПЕРЕНЕСТИ СТОЛИЦУ В КАРТАГИНУ (618)

[618 г. н.э.]

В то время, когда, как говорят, было сделано это предсказание, никакое пророчество не могло быть более далеким от своего исполнения, поскольку первые двенадцать лет правления Ираклия предвещали приближающийся распад империи. Если бы мотивы Хосрова были чистыми и благородными, он должен был бы положить конец спору со смертью Фоки и принять в качестве своего лучшего союзника счастливого африканца, который так великодушно отомстил за обиды своего благодетеля Маврикия. Продолжение войны раскрыло истинный характер варвара; и мольбы Ираклия, умолявшего о милосердии, чтобы тот пощадил невинных, принял дань и даровал мир миру, были отвергнуты презрительным молчанием или наглыми угрозами. Сирия, Египет и провинции Азии были покорены персидским оружием, а Европа, от границ Истрии до длинной стены Фракии, была угнетена аварами, ненасытными кровью и грабежами итальянской войны.

Этими непримиримыми врагами Ираклий с обеих сторон подвергался оскорблениям и осаде, и Римская империя была сокращена до стен Константинополя с остатками Греции, Италии и Африки, а также некоторыми приморскими городами от Тира до Трапезунда на азиатском побережье. После потери Египта столица была поражена голодом и мором, и император, неспособный сопротивляться и не надеясь на помощь, решил перенести свою резиденцию и правительство в более безопасное место — Карфаген. Его корабли были уже загружены сокровищами дворца, но его бегство было остановлено патриархом, который вооружил силы религии для защиты своей страны, привел Ираклия к алтарю Святой Софии и вынудил его дать торжественную клятву, что он будет жить и умереть вместе с народом, который Бог вверил его попечению.

Хаган разбил лагерь на равнинах Фракии, но скрывал свои вероломные замыслы и просил о встрече с императором недалеко от города Гераклея. Их примирение отмечалось конными играми; сенат и народ в своих самых нарядных одеждах пришли на праздник мира, а авары с завистью и вожделием наблюдали за зрелищем римской роскоши. Внезапно ипподром окружила скифская кавалерия, которая проделала свой тайный ночной марш: грозный звук кнута хагана дал сигнал к нападению, и Ираклий, обернув свою диадему вокруг руки, был спасен с большим трудом благодаря скорости своего коня. Преследование было настолько быстрым, что авары почти вошли в золотые ворота Константинополя вместе с бегущей толпой; но грабеж пригородов вознаградил их измену, и они переправили через Дунай 270 000 пленников. На берегу Халкидона император провел более безопасную встречу с более почтенным врагом, который, прежде чем Ираклий сошел с галеры, с почтением и состраданием поприветствовал величество пурпура.

Дружеское предложение персидского генерала Саина провести посольство к Великому Царю было принято с теплой благодарностью, и просьба о прощении и мире была смиренно представлена префектом претория, префектом города и одним из первых священнослужителей патриаршей церкви. Но лейтенант Хосрова фатально ошибся в

намерениях своего господина. «Это было не посольство, — сказал тиран Азии, — это был сам Ираклий, скованный цепями, которого он должен был привести к моему трону. Я никогда не дам мира императору Рима, пока он не отречется от своего распятого Бога и не примет поклонение солнцу». Саин был заживо снят с кожи, согласно бесчеловечной практике его страны; а отдельное и строгое заключение послов нарушало закон народов и верность явному соглашению. Однако шестилетний опыт в конце концов убедил персидского монарха отказаться от завоевания Константинополя и определить ежегодную дань или выкуп Римской империи: тысячу талантов золота, тысячу талантов серебра, тысячу шелковых одежд, тысячу лошадей и тысячу дев. Ираклий подписал эти позорные условия, но время и пространство, которые он получил для сбора такого сокровища из бедных восточных стран, были усердно использованы для подготовки смелого и отчаянного нападения.

ПРОБУЖДЕНИЕ ИРАКЛИЯ

[616-622 гг. н. э.]

Среди выдающихся исторических личностей Ираклий является одной из самых необычных и противоречивых. В первые и последние годы своего долгого правления император казался рабом лени, удовольствий или суеверий, беспечным и бессильным зрителем общественных бедствий. Но вялые туманы утра и вечера разгоняются ярким солнцем полудня: Аркадий из дворца превратился в Цезаря из лагеря, и честь Рима и Ираклия была с триумфом восстановлена благодаря подвигам и трофеям шести авантюрных походов.

Византийские историки были обязаны раскрыть причины его лени и бдительности. С такого расстояния мы можем только предполагать, что он был наделен большей личной храбростью, чем политической решимостью; что его удерживали чары и, возможно, искусство его племянницы Мартины, с которой он после смерти Евдокии заключил кровосмесительный брак; и что он поддался низким советам советников, которые настаивали на том, что жизнь императора никогда не должна подвергаться опасности на поле боя. Возможно, его пробудило последнее наглое требование персидского завоевателя; но в тот момент, когда Ираклий обрел дух героя, единственная надежда римлян заключалась в переменах судьбы, которые могли угрожать гордому процветанию Хосрова и должны были благоприятствовать тем, кто достиг самого низкого уровня упадка.

Обеспечение расходов на войну было первоочередной заботой императора, и для сбора дани ему было позволено просить о благотворительности восточные провинции. Но доходы больше не поступали по обычным каналам; кредит произвольного правителя уничтожен его властью; и мужество Ираклия впервые проявилось в том, что он осмелился одолжить освященное богатство церквей, торжественно поклявшись вернуть с процентами все, что он был вынужден использовать на службе религии и империи. Само духовенство, по-видимому, сочувствовало общественному бедствию, и благоразумный патриарх Александрии, не признавая прецедента святотатства, помог своему правителю чудесным или своевременным откровением о тайном сокровище.^[34] Из солдат, заговорщиков Фоки, только двое пережили испытания временем и варварами; потеря даже этих мятежных ветеранов была не полностью восполнена новыми рекрутами Ираклия, и золото святилища объединило в одном лагере имена, оружие и языки Востока и Запада. Он был бы доволен нейтралитетом аваров, и его дружеская просьба, чтобы каган действовал не как враг, а как защитник империи, сопровождалась более убедительным подарком в виде двухсот тысяч

золотых монет. Через два дня после праздника Пасхи император, сменив пурпурную одежду на простую одежду покаяния и воина, дал сигнал к отправлению. Ираклий поручил своих детей вере народа; гражданская и военная власть были переданы в самые достойные руки, а патриарху и сенату было дано право по своему усмотрению спасти или сдать город, если в его отсутствие они будут угнетаемы превосходящими силами врага.

Соседние высоты Халкидона были покрыты палатками и оружием: но если бы новые рекруты Ираклия были опрометчиво подведены к атаке, победа персов на глазах у Константинополя могла бы стать последним днем Римской империи. Столь же неосмотрительно было бы продвигаться в провинции Азии, оставляя их бесчисленную кавалерию перехватывать его конвой и постоянно преследовать его уставшие и разбросанные тылы. Но греки по-прежнему были хозяевами моря; в гавани был собран флот галер, транспортных и складских кораблей; варвары согласились сесть на корабли; устойчивый ветер пронес их через Геллеспонт; западные и южные побережья Малой Азии остались по левую руку; дух их вождя впервые проявился в шторме; и даже евнухи из его свиты были воодушевлены примером своего господина и готовы были терпеть лишения и трудиться. Он высадил свои войска на границе Сирии и Киликии, в заливе Скандерон, где побережье внезапно поворачивает на юг; и его проницательность проявилась в выборе этого важного места.

Со всех сторон разбросанные гарнизоны приморских городов и гор могли быстро и безопасно присоединиться к его императорскому знамени. Естественные укрепления Киликии защищали и даже скрывали лагерь Ираклия, который был разбит недалеко от Исса, на том же месте, где Александр победил войско Дария. Угол, который занимал император, глубоко врезался в обширный полукруг азиатских, армянских и сирийских провинций; и в какую бы точку окружности он ни направил свое наступление, ему было легко скрыть свои движения и предотвратить движения врага. В лагере Исса римский полководец исправил леность и беспорядок ветеранов и обучил новых рекрутов знанию и практике военных добродетелей. Раскрывая чудотворный образ Христа, он призывал их отомстить за святые алтари, оскверненные поклонниками огня; обращаясь к ним с ласковыми словами «сыновья» и «братья», он сожалел о публичных и частных несправедливостях республики. Подданные монарха были убеждены, что они сражаются за дело свободы; и подобный энтузиазм был передан иностранным наемникам, которые, должно быть, с одинаковым безразличием относились к интересам Рима и Персии.

Сам Ираклий, с умением и терпением центуриона, внушал уроки школы тактики, и солдаты усердно тренировались в обращении с оружием, а также в полевых учениях и маневрах. Кавалерия и пехота, в легких или тяжелых доспехах, были разделены на две части; трубы были установлены в центре, и их сигналы направляли марш, атаку, отступление или преследование; прямой или косой порядок, глубокую или расширенную фалангу; чтобы в фиктивном бою изобразить действия настоящей войны. Какие бы лишения ни налагал император на войска, он с такой же строгостью налагал их и на себя; их труд, питание, сон регулировались жесткими правилами дисциплины; и, не пренебрегая врагом, их учили безоговорочно доверять своей доблести и мудрости своего вождя.

Киликия вскоре была окружена персидскими войсками, но их кавалерия не решалась войти в ущелья горы Тавр, пока не была обманута маневрами Ираклия, который незаметно обошел их с тыла, в то время как казалось, что он выстраивается в боевой порядок. Ложным движением, которое, казалось, угрожало Армении, он вынудил их, вопреки их желанию, вступить в общее сражение. Их соблазнило искусственное беспорядке в его лагере, но когда они выдвинулись в бой, местность, солнце и ожидания обеих армий были неблагоприятны для варваров; римляне успешно повторили свою тактику на поле битвы, и исход дня ^[35] объявил миру, что персы не непобедимы и что герой был облечен в пурпур.

Укрепившись победой и славой, Ираклий смело поднялся на высоты горы Тавр, направил свой поход через равнины Каппадокии и разместил свои войска на зиму в безопасных и богатых кварталах на берегах реки Халис. Его душа была выше тщеславия развлекать Константинополь несовершенным триумфом, но присутствие императора было необходимо, чтобы успокоить беспокойный и хищный дух аваров.

ТРИУМФ ГЕРАКЛИЯ

Со времен Сципиона и Ганнибала не было предпринято ничего более смелого, чем то, что совершил Ираклий для освобождения империи. Он позволил персам на время угнетать провинции и безнаказанно оскорблять столицу Востока, в то время как римский император прокладывал опасный путь через Черное море и горы Армении, проник в самое сердце

Персии и вынудил армии Великого царя вернуться на защиту своей истекающей кровью страны. С отборным отрядом из пяти тысяч солдат Ираклий отплыл из Константинополя в Трапезунд, собрал свои войска, которые зимовали в понтийских регионах, и от устья Фазиса до Каспийского моря призывал своих подданных и союзников идти вместе с преемником Константина под верным и победоносным знаменем креста.

Когда легионы Лукулла и Помпея впервые перешли Евфрат, они покраснели от своей легкой победы над коренными жителями Армении. Но долгий опыт войны закалил умы и тела этого изнеженного народа; их рвение и храбрость были одобрены на службе у угасающей империи; они ненавидели и боялись узурпации дома Сасанов, а память о гонениях отравила их благочестивую ненависть к врагам Христа. Границы Армении, как она была уступлена императору Маврикию, простирались до Аракса; река подчинилась унижению в виде моста; и Ираклий, следуя по стопам Марка Антония, продвигался к городу Таврису или Гандзаке, древней и современной столице одной из провинций Мидии. Во главе сорока тысяч человек Хосров сам вернулся из какой-то далекой экспедиции, чтобы противостоять продвижению римских войск, но отступил при приближении Ираклия, отказавшись от щедрого выбора между миром и сражением.

Быстрые завоевания Ираклия были приостановлены только зимним сезоном; мотивы благоразумия или суеверия определили его отступление в провинцию Албания, расположенную на берегу Каспийского моря; и его палатки, скорее всего, были разбиты на равнинах Могана, излюбленном месте стоянок восточных князей. В ходе этого успешного вторжения он продемонстрировал рвение и месть христианского императора: по его приказу солдаты потушили огонь и разрушили храмы магов; статуи Хосрова, который стремился к божественным почестям, были преданы пламени; а разрушение Тебармы или Ормии, где родился сам Заратустра, стало некоторой компенсацией за оскорбления Святого Гроба. Более чистый дух религии проявился в освобождении и спасении пятидесяти тысяч пленников. Ираклий был вознагражден их слезами и благодарными возгласами; но эта мудрая мера, которая распространила славу о его доброжелательности, вызвала ропот персов против гордости и упрямства их собственного правителя.

Среди славы последующих кампаний Ираклий почти исчезает из поля зрения наших глаз и глаз византийских историков. С просторных и плодородных равнин Албании император, по-видимому, следует по цепи Гирканских гор, спускается в провинцию Мидия или Ирак и несет свои победоносные знамена до королевских городов Касбин и Исфахан,^[36] к которым никогда не приближался римский завоеватель. Встревоженный опасностью, угрожавшей его царству, Хосров уже отозвал свои войска с Нила и Босфора, и три грозные армии окружили лагерь императора в далекой и враждебной стране. Колхидские союзники готовились покинуть его знамя, а самые отважные ветераны скорее выражали свои опасения, чем скрывали их, своим унылым молчанием. «Не бойтесь, — сказал бесстрашный Ираклий, — многочисленности ваших врагов. С помощью небес один римлянин может победить тысячу варваров. Но если мы посвятим свои жизни спасению наших братьев, мы получим венец мученичества, и наша бессмертная награда будет щедро вознаграждена Богом и потомками».^[37] Эти великодушные чувства подкреплялись энергией его действий. Он отразил тройную атаку персов, усилил раскол между их вождями и, благодаря хорошо скоординированной череде маршей, отступлений и успешных действий, в конце концов изгнал их с поля боя в укрепленные города Мидии и Ассирии.

[625-626 гг. н. э.]

В суровую зиму Шахр Барз (или Сарбараза) считал себя в безопасности за стенами Салбана; он был удивлен активностью Ираклия, который разделил свои войска и совершил

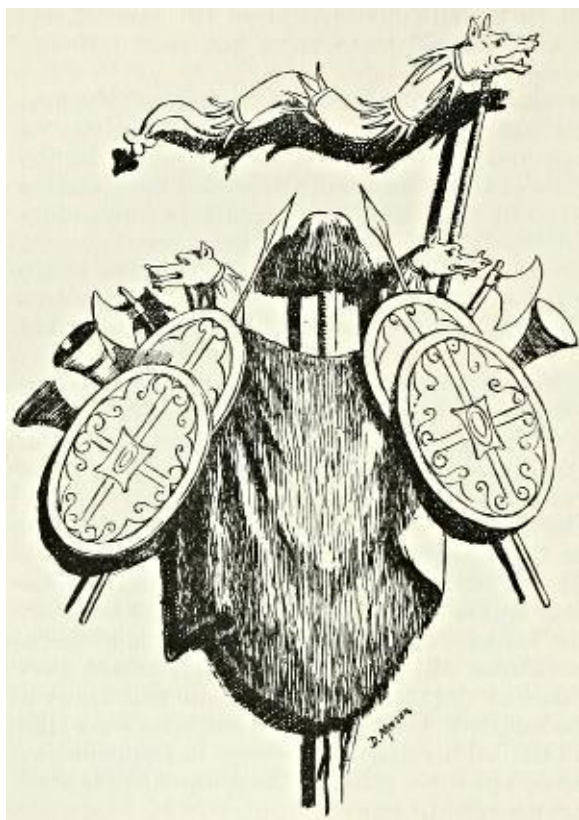
труденый поход в тишине ночи. Плоские крыши домов были защищены бесполезной доблестью от дротиков и факелов римлян: сатрапы и вельможи Персии с женами и детьми, а также цвет их воинственной молодежи были либо убиты, либо взяты в плен. Генерал спасся бегством, но его золотые доспехи стали трофеем завоевателя; а солдаты Ираклия наслаждались богатством и покоем, которые они так благородно заслужили.

С возвращением весны император за семь дней пересек горы Курдистана и без сопротивления переправился через быстрый поток Тигра. Угнетенная тяжестью добычи и пленников, римская армия остановилась под стенами Амиды; и Ираклий сообщил сенату Константинополя о своей безопасности и успехе, которые они уже почувствовали по отступлению осаждающих. Мосты через Евфрат были разрушены персами, но как только император обнаружил брод, они поспешно отступили, чтобы защищать берега Саруса в Киликии. Эта река, бурный поток, была шириной около трехсот футов; мост был укреплен крепкими башнями, а берега были уставлены варварскими лучниками. После кровопролитного сражения, которое продолжалось до вечера, римляне одержали победу в штурме, и перс гигантского роста был убит и брошен в Сарус рукой самого императора. Враги были рассеяны и приведены в смятение; Ираклий продолжил свой поход к Себасте в Каппадокии, и по истечении трех лет то же самое побережье Эвксинского моря приветствовало его возвращение из долгого и победоносного похода.

Вместо стычек на границе, два монарха, которые оспаривали власть над Востоком, нанесли отчаянные удары по сердцу своего соперника. Военная сила Персии была истощена двадцатилетними походами и сражениями, и многие ветераны, пережившие опасности меча и климата, все еще находились в крепостях Египта и Сирии. Но месть и амбиции Хосрова истощили его королевство; и новые наборы подданных, иностранцев и рабов были разделены на три грозных отряда. Первая армия из пятидесяти тысяч человек, прославленная украшением и титулом золотых копий, была предназначена для похода против Ираклия; вторая была размещена для предотвращения его соединения с войсками его брата Феодора; а третья получила приказ осадить Константинополь и поддерживать действия кагана, с которым персидский царь ратифицировал договор о союзе и разделе.

ОСАДА КОНСТАНТИНОПОЛИЯ (626)

Шахр Барз, генерал третьей армии, проник через провинции Азии к известному лагерю Халкидон и развлекался разрушением священных и светских зданий азиатских пригородов, нетерпеливо ожидая прибытия своих скифских друзей с противоположной стороны Босфора. 29 июня тридцать тысяч варваров, авангард аваров, прорвали длинную стену и ворвались в столицу, где находилась смешанная толпа крестьян, горожан и солдат. Восемьдесят тысяч его подданных и вассальных племен гепидов, русских, болгар и славян продвигались под знаменем кагана; месяц прошел в походах и переговорах, но 31 июля весь город был осажден, от пригородов Пера и Галата до Блачерн и семи башен; и жители с ужасом разглядели пылающие сигналы с европейского и азиатского берегов.

Трофей римского оружия и знамя

Тем временем магистраты Константинополя неоднократно пытались выкупить отступление кагана, но их посланцы были отвергнуты и оскорблены; он позволил патрициям стоять перед своим тронem, в то время как персидские послы в шелковых одеждах сидели рядом с ним. «Вы видите, — сказал высокомерный варвар, — доказательства моего совершенного союза с Великим Царем; и его наместник готов послать в мой лагерь отборный отряд из трех тысяч воинов. Не смейте больше искушать своего господина частичным и недостаточным выкупом: ваше богатство и ваш город — единственные подарки, достойные моего принятия. Что касается вас, я позволю вам уйти, каждому с нижним бельем и рубашкой; и, по моей просьбе, мой друг Шахр Барз не откажет вам в проходе через его линии. Ваш отсутствующий принц, даже сейчас пленник или беглец, оставил Константинополь на произвол судьбы; и вы не сможете избежать рук аваров и персов, если только не сможете взлететь в воздух, как птицы, или погрузиться в волны, как рыбы».

В течение десяти дней подряд столица подвергалась нападениям аваров, которые достигли некоторых успехов в науке ведения войны; они продвигались, чтобы подкопать или разрушить стены, прикрываясь непробиваемой черепахой; их машины непрерывно выбрасывали градие и дротики; а двенадцать высоких деревянных башен поднимали воинов на высоту соседних валов. Но сенат и народ были воодушевлены духом Ираклия, который направил им на помощь отряд из двенадцати тысяч кирасиров; силы огня и механики были использованы с превосходным мастерством и успехом в обороне Константинополя; а галеры с двумя и тремя рядами весел господствовали в Босфоре и превратили персов в беспомощных зрителей поражения своих союзников. Авары были отбиты; флот славянских каноэ был уничтожен в гавани; вассалы хагана угрожали дезертировать, его запасы были исчерпаны, и, сожги свои машины, он дал сигнал к медленному и грозному отступлению. Преданность римлян приписывала это спасение Деве Марии; но мать Христа наверняка осудила бы их бесчеловечное убийство персидских

послов, которые имели право на человеческое отношение, если бы они не были защищены законами народов.

ТРЕТЬЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ГЕРАКЛИЯ

[626-627 гг. н. э.]

После разделения своей армии Ираклий благоразумно отступил к берегам Фазиса, откуда вел оборонительную войну против пятидесяти тысяч золотых копий Персии. Его беспокойство было снято освобождением Константинополя; его надежды подтвердились победой его брата Феодора; и враждебному союзу Хосрова с аварами римский император противопоставил полезный и почетный союз с турками. По его щедрому приглашению орда хазар перенесла свои шатры с равнин Волги в горы Грузии; Ираклий принял их в окрестностях Тифлиса, и хан со своими вельможами, если верить грекам, спешили с лошадей и пали ниц на землю, чтобы поклониться пурпуру цезаря. Такое добровольное почтение и важная помощь заслуживали самой горячей благодарности; и император, сняв свою диадему, возложил ее на голову турецкого князя, которого он приветствовал нежным объятием и названием сына. После роскошного банкета он подарил Зибелю посуду и украшения, золото, драгоценные камни и шелк, которые использовались за императорским столом, и собственноручно раздал богатые драгоценности и серьги своим новым союзникам.

В тайной беседе он показал портрет своей дочери Евдокии, снизошел до того, что пообещал варварам прекрасную и величественную невесту, получил немедленную помощь в виде сорока тысяч всадников и договорился о сильном отвлечении турецких войск на сторону Оксуса. Персы, в свою очередь, поспешно отступили; в лагере Эдессы Ираклий проинспектировал армию из семидесяти тысяч римлян и иностранцев; и несколько месяцев были успешно потрачены на восстановление городов Сирии, Месопотамии и Армении, укрепления которых были не полностью восстановлены. Шахр Барз по-прежнему удерживал важную позицию в Халкидоне, но ревность Хосрова или хитрость Ираклия вскоре отвратили этого могущественного сатрапа от службы своему царю и стране. Был перехвачен гонец с подлинным или поддельным приказом кадаригану, или второму по рангу, с указанием немедленно отправить на трон голову виновного или несчастного генерала. Дешети были переданы самому Шахр-Барзу, и как только он прочитал приговор о своей собственной смерти, он ловко вписал имена четырехсот офицеров, созвал военный совет и спросил кадаригана, готов ли он выполнить приказ своего тирана. Персы единодушно объявили, что Хосров () утратил право на скипетр; с правительством Константинополя был заключен отдельный договор; и если какие-то соображения чести или политики удерживали Шахр-Барза от присоединения к знамени Ираклия, император был уверен, что он сможет без помех преследовать свои планы победы и мира.

Лишенный своей самой твердой опоры и сомневаясь в верности своих подданных, величие Хосрова все еще было заметно в его руинах. Число пятьсот тысяч можно интерпретировать как восточную метафору, описывающую людей и оружие, лошадей и слонов, которые покрывали Мидию и Ассирию против вторжения Ираклия. Тем не менее римляне смело продвигались от Аракса до Тигра, а робкая осторожность Разатеса довольствовалась тем, что следовала за ними форсированными маршами через пустынную страну, пока он не получил категорический приказ рискнуть судьбой Персии в решающей битве. К востоку от Тигра, в конце моста Мосул, когда-то была построена великая Ниневия; город и даже его руины давно исчезли: пустое пространство предоставляло просторное поле для действий двух армий. Но эти действия игнорируются византийскими историками, и,

подобно авторам эпической поэзии и романов, они приписывают победу не военному мастерству, а личной доблести своего любимого героя.

БИТВА ПРИ НИНЕВЕ (627)

В этот памятный день Ираклий на своем коне Фаллусе (¹³⁸¹) превзошел самых храбрых из своих воинов; его губа была пронзена копьем, конь был ранен в бедро, но он пронес своего хозяина в безопасности и победу через тройную фалангу варваров. В разгаре сражения три доблестных вождя были последовательно убиты мечом и копьем императора; среди них был сам Разат; он пал как солдат, но вид его головы посеял скорбь и отчаяние в падающих в обморок рядах персов. Его доспехи из чистого и массивного золота, щит из 120 пластин, меч и пояс, седло и кураса украшали триумф Ираклия; и если бы он не был верен Христу и его матери, чемпион Рима мог бы принести четвертую *богатую* добычу в жертву Юпитеру Капитолийскому. В битве при Ниневии, которая велась ожесточенно от рассвета до одиннадцатого часа, у персов было взято двадцать восемь знамен, помимо тех, которые могли быть сломаны или разорваны; большая часть их армии была изрезана на куски, и победители, скрывая свои потери, провели ночь на поле боя. Они признали, что в этом случае было легче убить, чем разгромить солдат Хосрова; среди тел своих друзей, не более чем в двух выстрелах от врага, остатки персидской кавалерии держались до седьмого часа ночи; около восьмого часа они отступили в свой неразграбленный лагерь, собрали свой багаж и рассеялись по всем сторонам, скорее из-за отсутствия приказов, чем из-за недостатка решимости.

Усердие Ираклия было не менее замечательным в использовании победы; пройдя сорок восемь миль за двадцать четыре часа, его авангард занял мосты через большой и малый Заб, и города и дворцы Ассирии впервые открылись для римлян. Последовательно проходя через великолепные пейзажи, они проникли в королевскую резиденцию Дастагерд, и хотя большая часть сокровищ была вывезена, а многое израсходовано, оставшееся богатство, по-видимому, превзошло их надежды и даже удовлетворило их алчность. Все, что нельзя было легко транспортировать, они сожгли, чтобы Хосров почувствовал боль от тех ран, которые он так часто наносил провинциям империи; и справедливость могла бы оправдать это, если бы опустошение ограничилось объектами королевской роскоши, если бы национальная ненависть, военная вседозволенность и религиозный фанатизм не уничтожили с такой же яростью жилища и храмы ни в чем не повинных подданных.

[627-628 гг. н. э.]

Возвращение трехсот римских знамен и освобождение многочисленных пленников из Эдессы и Александрии отражают более чистую славу на оружии Ираклия. Из дворца Дастагерда он продолжил свой поход в нескольких милях от Модайна или Ктесифона, пока не был остановлен на берегах Арбы из-за трудностей перехода, суровости сезона и, возможно, славы неприступной столицы. Возвращение императора отмечено современным названием города Шерхзур; ему посчастливилось пройти гору Зара до того, как выпал снег, который шел без перерыва тридцать четыре дня; и жители Ганцаки, или Тауриса, были вынуждены гостеприимно принять его солдат и их лошадей.

КОНЕЦ ХОСРОСА (628)

Когда амбиции Хосрова свелись к защите его наследственного королевства, любовь к славе или даже чувство стыда должны были подтолкнуть его к встрече с соперником на

поле боя. В битве при Ниневии его мужество могло научить персов побеждать, или он мог пасть с честью от копья римского императора. Преемник Кира предпочел же с безопасного расстояния дожидаться исхода событий, собрать остатки разгромленной армии и отступить размеренными шагами перед наступающим Ираклием, пока он с вздохом не увидел когда-то любимые дворцы Дастагерда. И его друзья, и его враги были убеждены, что Хосров намеревался похоронить себя под руинами города и дворца; и поскольку и те, и другие могли быть одинаково неблагосклонны к его бегству, монарх Азии вместе с Сирой и тремя наложницами сбежал через дыру в стене за девять дней до прибытия римлян. Медленная и величественная процессия, в которой он показался преклонившейся толпе, сменилась быстрым и тайным путешествием; в первый вечер он остановился в хижине крестьянина, скромная дверь которой едва могла пропустить великого царя. Его суеверие было подавлено страхом: на третий день он с радостью вошел в укрепления Ктесифона; однако он все еще сомневался в своей безопасности, пока не переправился через реку Тигр, чтобы уйти от преследования римлян.

Хосров все еще имел возможность заключить разумный мир; и посланцы Ираклия неоднократно призывали его пощадить кровь своих подданных и избавить гуманного завоевателя от болезненного долга нести огонь и меч по прекраснейшим странам Азии. Но гордость перса еще не опустилась до уровня его судьбы; он черпал временную уверенность в отступлении императора; он плакал от бессильной ярости над руинами своих ассирийских дворцов и слишком долго игнорировал нарастающее недовольство народа, который жаловался, что их жизни и судьбы приносятся в жертву упрямству старика. Этот несчастный старик сам мучился от острых болей, как душевных, так и телесных; и, осозная приближение своего конца, он решил возложить тиару на голову Мердазы, самого любимого из своих сыновей. Но воля Хосрова больше не почиталась, и Сирос, гордившийся рангом и заслугами своей матери Сиры (), вступил в заговор с недовольными, чтобы отстоять и предвосхитить права первородства. Двадцать два сатрапа, называвшие себя патриотами, были соблазнены богатством и почестями нового царства; солдатам наследник Хосрова обещал повышение жалованья, христианам — свободу вероисповедания, пленникам — свободу и награды, а народу — немедленный мир и снижение налогов.

Заговорщики решили, что Сирос должен появиться в лагере с королевскими знаками, а если предприятие провалится, то его побег будет организован в императорский двор. Но новый монарх был встречен единодушными овациями; побег Хосрова (но куда он мог бежать?) был грубо пресечен, восемнадцать его сыновей были убиты на его глазах, а он сам был брошен в темницу, где и скончался на пятый день. Греки и современные персы подробно описывали, как Хосров был оскорблен, голодал и подвергался пыткам по приказу бесчеловечного сына, который так превзошел пример своего отца; но в момент его смерти, какой язык мог бы рассказать историю об отцеубийстве, какой глаз мог бы проникнуть в башню тьмы? Согласно вере и милосердию его христианских врагов, он без надежды погрузился в еще более глубокую бездну; и нельзя отрицать, что тираны всех веков и сект имеют наибольшее право на такие адские обители. Слава дома Сасана закончилась со смертью Хосрова; его неродной сын наслаждался плодами своих преступлений всего восемь месяцев; и в течение четырех лет королевский титул присвоили девять претендентов, которые сражались мечами и кинжалами за обломки истощенной монархии. Каждая провинция и каждый город Персии были ареной независимости, раздора и кровопролития; и состояние анархии продолжалось еще около восьми лет, пока фракции не были усмирены и объединены под общим игом арабских халифов.

Как только горы стали проходимыми, император получил долгожданную весть об успехе заговора, смерти Хосрова и возведении его старшего сына на престол Персии. Авторы революции, стремясь продемонстрировать свои заслуги при дворе или в лагере Тавриды, опередили послов Сирова, которые доставили письма своего господина его брату, императору римлян. На языке узурпаторов всех времен он приписывает свои собственные преступления божеству и, не унижая своего равного величества, предлагает примирить давнюю вражду двух народов мирным договором и союзом, более прочным, чем медь или железо. Условия договора были легко определены и добросовестно выполнены.

Возвращая знамена и пленников, попавших в руки персов, император последовал примеру Августа: их забота о национальном достоинстве была воспета поэтами того времени, но упадок гения можно измерить расстоянием между Горацием и Георгием Писидийским; подданные и братья Ираклия были освобождены от преследований, рабства и изгнания; но вместо римских орлов, по настоятельным требованиям преемника Константина, были возвращены частицы святого креста (). Победитель не стремился усилить слабость империи; сын Хосрова без сожаления отказался от завоеваний своего отца; персы, эвакуировавшие города Сирии и Египта, были с честью проведены к границе, и война, которая нанесла удар по жизненно важным органам двух монархий, не привела к каким-либо изменениям в их внешнем и относительном положении. Возвращение Ираклия из Тавриды в Константинополь было вечным триумфом; и после подвигов шести славных кампаний он мирно наслаждался отдыхом после своих трудов. После долгого нетерпения сенат, духовенство и народ вышли навстречу своему герою со слезами и восторженными возгласами, с оливковыми ветвями и бесчисленными лампами; он въехал в столицу на колеснице, запряженной четырьмя слонами; и как только император смог вырваться из бурной толпы, он испытал более искреннее удовлетворение в объятиях своей матери и сына.

[628-629 гг. н.э.]

Следующий год ознаменовался триумфом совсем иного рода — возвращением истинного креста в Гроб Господень. Ираклий лично совершил паломничество в Иерусалим, подлинность реликвии была подтверждена благоразумным патриархом, и эта торжественная церемония была увековечена ежегодным праздником Воздвижения Креста. Прежде чем император осмелился ступить на освященную землю, ему было велено снять диадему и пурпур, символы роскоши и тщеславия мира, но, по мнению его духовенства, преследование евреев было более легко совместимо с заповедями Евангелия. Он вновь взошел на трон, чтобы принять поздравления послов Франции и Индии, и слава Моисея, Александра и Геракла была затмлена в народном сознании превосходными заслугами и славой великого Ираклия. Однако освободитель Востока был беден и слаб. Самая ценная часть персидской добычи была потрачена на войну, распределена между солдатами или погребена несчастной бурей в волнах Эвксинского моря.

Совесть императора была угнетена обязательством восстановить богатство духовенства, которое он заимствовал для их собственной защиты; для удовлетворения этих неумолимых кредиторов требовался постоянный фонд; провинции, уже опустошенные оружием и алчностью персов, были вынуждены во второй раз уплатить те же налоги; а задолженность простого гражданина, казначея Дамаска, была заменена штрафом в сто тысяч золотых монет. Потеря двухсот тысяч солдат, павших от меча, была менее фатальной, чем упадок искусств, сельского хозяйства и населения в этой долгой и разрушительной войне: и хотя под знаменем Ираклия была сформирована победоносная армия, неестественное усилие, по-видимому, скорее истощило, чем укрепило их силы. В то время как император торжествовал

в Константинополе или Иерусалиме, сарацины разграбили неизвестный городок на границе Сирии и расправились с отрядом войск, который выдвинулся на его помощь: обычное и незначительное событие, если бы оно не было прелюдией к великой революции. Эти разбойники были апостолами Мухаммеда; их фанатичная доблесть вышла из пустыни; и за последние восемь лет своего правления Ираклий потерял в пользу арабов те же провинции, которые он спас от персов.^b

СНОСКИ

[29] [Описание этого посольства можно найти в стихах африканца Кориппа,^c который описал в латинских гекзаметрах обстоятельства вступления Юстина на престол.]

[30] [Эта речь, которая, по словам Иоанна Эфесского^d, была записана стенографически, цитируется с извиняющимся заявлением о точности Феофилакта Симокатты.^e]

[31] [Это рассказ Феофана,^f но Иоанн Эфесский^d приводит анекдот, прямо противоречащий этому, согласно которому София знала о существовании жены, но отказалась разрешить ей проживать во дворце, решив, что пока она жива, никакая другая королева не должна править. Однако, когда Тиберий был коронован, он привел Анастасию во дворец и заставил признать ее.]

[32] [Бэри,^g однако заявляет, что «есть веские причины спустить Тиберия с пьедестала», поскольку он «не был хорошим императором».]

[33] [Финлейⁱ предполагает, что эти люди могли быть дезертирами, но приводит очень скудные основания для своего благожелательного предположения.]

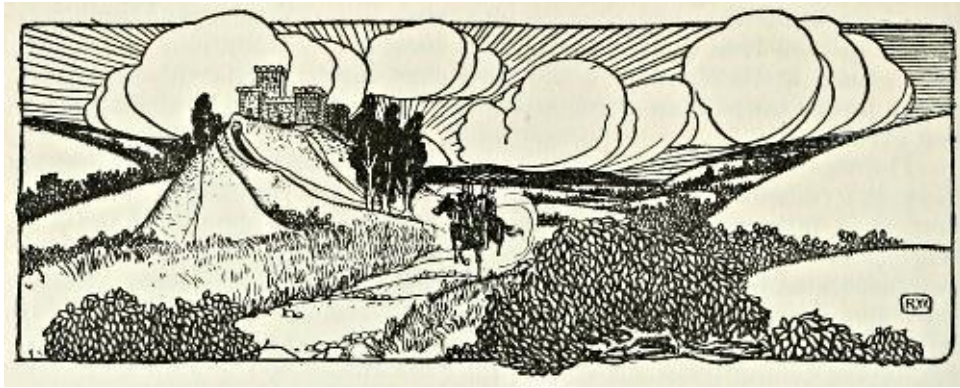
[34] [Бароний^j серьезно относится к этому открытию, или, скорее, к превращению бочек не в мед, а в золото. Однако заем был произвольным, поскольку его собирали солдаты, которым было приказано оставить патриарху не более ста фунтов золота.]

[35] [Лунное затмение, произошедшее двумя днями ранее, устанавливает дату битвы в январе 623 года].

[36] [Это мнение Гиббона^b, но Финлейⁱ считает, что оно «основано на весьма сомнительном предположении».]

[37] [Эти слова приводятся Феофаном^f, но Берри^g считает, что эти строки настолько метричны, что, по его мнению, они должны быть цитированы из утраченного произведения Георгия Писидийского, чьи «Персидская экспедиция Гераклиана» и «Война с аварами» являются важными источниками информации в этом отношении.]

[38] [По мнению других, имя должно быть Фальбас или Доркон.]

ГЛАВА VI. ГЕРАКЛИЙ И ЕГО ПРЕЕМНИКИ [610-717 гг. н. э.]

«Каждый, кто читает историю Гераклия, — говорит Бэри,^b — сталкивается с вопросами: как великий герой последней Персидской войны провел первые десять лет своего правления и почему он впал в летаргию после своего окончательного триумфа?»

Было выдвинуто множество объяснений поступков этого человека, который сначала построил империю, а затем позволил ей рухнуть у него под ногами. Объяснение Бэри заключается в предположении, что его воля была по природе слабой, а чувствительность сильной, и что в течение некоторого времени он был как бы возвышен над собой вдохновенным энтузиазмом. Когда в более поздние годы этот покров энтузиазма был снят, слабость его истинного характера обнажилась.^a

[610-641 гг. н. э.]

Правление Ираклия — одна из самых замечательных эпох как в истории империи, так и в анналах человечества. Оно отсрочило почти неизбежное разрушение римского правительства еще на столетие; оно заложило основу той политики, которая продлила существование имперской власти в Константинополе в новой модификации, как византийская монархия; и оно было современником начала великого морального изменения в положении народа, которое преобразовало язык и нравы древнего мира в язык и нравы современных народов. Восточная империя была обязана талантам Ираклия своим спасением от тех веков варварства, которые на протяжении многих столетий царили во всей Западной Европе. Ни один период в истории общества не мог бы предложить более поучительного поля для изучения, которое с большей вероятностью принесло бы практические результаты высокоцивилизованным политическим сообществам современной Европы; однако нет времени, о котором сохранившиеся памятники конституции и структуры общества были бы столь несовершенными и неудовлетворительными.

Возможно, для человечества было несчастьем, что Ираклий по рождению был римлянином, а не греком, поскольку из-за этого его взгляды были направлены на поддержание имперского господства, без какого-либо отношения к национальной организации его народа. Его цивилизация, как и цивилизация большей части правящего класса Восточной империи, была слишком далека от состояния невежества, в которое впала масса населения, чтобы одна могла влиять на чувства другой или чтобы обе могли

действовать вместе с энергией, присущей единству целей в различных слоях общества. Ираклий, будучи по рождению и семейным связям африканским дворянином, должно быть, считал себя чистокровным римлянином, превосходящим все национальные предрассудки и связанным долгом и политикой подавлять господствующий дух греческой аристократии в государстве и греческой иерархии в церкви.

Язык и манеры начали придавать национальным чувствам почти столько же силы в формировании людей в отдельные общества, сколько и политические договоренности. Влияние духовенства следовало за разделением, установленным языком, а не политической организацией, принятой правительством: и поскольку духовенство теперь составляло самую популярную и способную часть общества, церковь оказывала большее влияние на умы людей, чем гражданская администрация и имперская власть, даже несмотря на то, что император был признанным сувереном и господином патриархов и папы.

Здесь необходимо отметить, что установленная церковь империи перестала быть всеобщей христианской церковью. Греки сделали себя хранителями ее власти и влияния; они уже извратили христианство, превратив его в греческую церковь; а другие народы быстро формировали отдельные церковные общества, чтобы удовлетворить свои духовные потребности. Армяне, сирийцы и египтяне были побуждены национальной неприязнью к церковной тирании греков, а также духовным предпочтением учений Нестория и Евтихия, противостоять установленной церкви. К моменту вступления Ираклия на престол эти национальные и религиозные чувства уже оказали свое влияние, изменив деятельность римского правительства и позволив человечеству сделать еще один шаг к установлению индивидуальной свободы и интеллектуальной независимости.

Чтобы в полной мере понять плачевное состояние слабости, в которое было приведено империя, необходимо бегло ознакомиться с положением в различных провинциях. Непрекращающиеся грабежи варваров, занявших земли за Дунаем, распространились вплоть до южных берегов Пелопоннеса. Сельское население было почти полностью истреблено, за исключением тех мест, где оно находилось под защитой укрепленных городов или было в безопасности благодаря труднодоступности горных местностей. Население всех стран между Архипелагом и Адриатикой значительно сократилось, а плодородные провинции повсюду остались опустошенными, готовыми принять новых заселенцев. Поскольку большая часть этих стран приносила правительству очень небольшой доход, константинопольский двор считал их практически бесполезными, за исключением тех случаев, когда они защищали столицу от вражеских нападений или контролировали торговые пути на запад Европы. В это время индийская и китайская торговля была частично вынуждена обойти север Каспийского моря вследствие персидских завоеваний в Сирии и Египте, а также беспорядков в стране, расположенной непосредственно к востоку от Персии. Богатые продукты, перевозимые караванами, которые доходили до северных берегов Черного моря, затем доставлялись в Константинополь, а оттуда распределялись по Западной Европе.

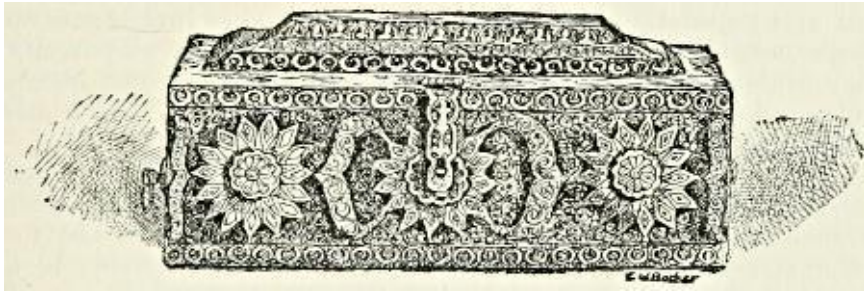
В этих условиях Фессалоники и Диррахиум стали очень важными для империи пунктами и были успешно защищены императором во всех его бедствиях. Эти два города контролировали крайние точки обычной дороги между Константинополем и Равенной и соединяли города на архипелаге с Адриатикой и Римом. Открытая местность была оставлена аварам и славянам, которым было позволено основать постоянные поселения даже к югу от Виа Эгнатия; но ни одно из этих поселений не могло помешать этим линиям связи, без которых имперское влияние в Италии было бы скоро уничтожено, а торговля Запада утрачена для греков. Амбиции варваров склоняли их к любым попыткам посягать на богатства Восточной империи, и они пытались установить систему морских грабежей в

архипелаге; но Ираклий сумел сорвать их планы, хотя, вероятно, он обязан своим успехом скорее усилиям торгового населения греческих городов, чем подвигам своих собственных войск.

Национальные различия и религиозные интересы способствовали разделению населения и уравниванию политической власти, гораздо в большей степени в Италии, чем в других странах Европы. Влияние церкви в защите народа, слабость лангобардских правителей, обусловленная небольшой численностью лангобардского населения, и угнетательное фискальное правление римских экзархов дали итальянцам возможность создать национальное существование среди конфликтов своих господ. Однако единство интересов было настолько несовершенным, а трудности в общении между народами разных частей Италии настолько велики, что имперская власть не только успешно защищала свои владения от иностранных врагов, но и с легкостью подавляла амбициозные или патриотические попытки пап приобрести политическую власть и одинаково наказывала как мятежи народа, так и восстания вождей, которые, подобно Иоанну Компсу из Неаполя и экзарху Элевтерину, стремились к независимости.

Из всех провинций империи только Африка продолжала использовать латинский язык в повседневной жизни, и ее жители считали себя, с некоторым основанием, чистейшими потомками римлян. После побед патриция Иоанна она наслаждалась длительным периодом спокойствия, и ее процветание не нарушалось ни духом национальности, враждебным верховенству империи, ни раскольническими взглядами, враждебными церкви. Варварские племена на юге были слабыми врагами, и ни одно иностранное государство не обладало военно-морскими силами, способными нарушить ее покой или прервать ее торговлю. Под умелым и удачным управлением Ираклия и Грегора, отца и дяди императора, Африка стала наиболее процветающей частью империи. Ее благоприятное положение и войны, бушевавшие в других странах, перенесли большую часть торговли Средиземноморья в руки африканцев. Богатство и население увеличились до такой степени, что морская экспедиция императора Ираклия и армия его двоюродного брата Никета были оснащены исключительно за счет ресурсов Африки. Еще одним убедительным доказательством процветания провинции, ее важности для империи и ее приверженности интересам семьи Ираклия является решение, принятое императором на девятом году своего правления, о переносе императорской резиденции из Константинополя в Карфаген.

В Константинополе собралось огромное количество бездельников, которые долгое время были бременем для государства и приобрели право на часть его ресурсов. Многочисленная знать и постоянная императорская семья считали, что они являются частью римского правительства, поскольку играли важную роль в церемониях, связывающих императора с народом. Таким образом, огромные природные преимущества географического положения столицы были нейтрализованы моральными и политическими причинами, в то время как запустение европейских провинций и близость северной границы начали подвергать ее частым осадам. Как крепость и место расположения войск, она все еще могла бы служить оплотом империи в Европе, но, оставаясь столицей, ее огромное непродуктивное население требовало, чтобы слишком большая часть ресурсов государства шла на его снабжение продовольствием, на охрану от фракций и восстаний его населения и на содержание в нем мощного гарнизона. Роскошь римского двора в века безграничного богатства и неограниченной власти собрала вокруг императора бесконечное множество придворных должностей и привела к огромным расходам, которые было чрезвычайно опасно сокращать и невозможно продолжать.

САРАЦИНСКИЙ МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ ЛАРЕЦ

Никакие национальные чувства или особая линия политики не связывали Ираклия с Константинополем, и его частые отсутствия в активные годы жизни указывают на то, что, пока его личная энергия и здоровье позволяли ему руководить государственным управлением, он считал постоянное пребывание императора в этом городе вредным для общих интересов государства. С другой стороны, Карфаген в то время был типичным римским городом и, по своему фактическому богатству, количеству независимых граждан и активности всего населения, вероятно, не уступал ни одному городу в империи. Поэтому неудивительно, что Ираклий, когда был вынужден прекратить публичную раздачу хлеба в столице, сократить расходы своего двора и провести многочисленные реформы в гражданском управлении, пожелал разместить императорскую казну и свои собственные ресурсы в более безопасном месте, прежде чем вступить в отчаянную борьбу с Персией. Таким образом, желание сделать Карфаген столицей Римской империи, скорее всего, было связано с его смелым проектом восточных походов, а не с трусливыми или эгоистичными мотивами, приписываемыми ему византийскими писателями. Карфаген предлагал военные ресурсы для восстановления владения Египтом и Сирией, масштабы которых мы можем оценить только сейчас, принимая во внимание экспедицию, которая возвела на престол самого Ираклия. Можно привести и многие другие причины, связанные с устройством гражданского правительства империи, которые, вероятно, повлияли на этот выбор.

ПРОВИНЦИИ ПОД УПРАВЛЕНИЕМ ГЕРАКЛИЯ

Египет, благодаря своим чудесным природным ресурсам и многочисленному и трудолюбивому населению, долгое время был самой ценной провинцией империи. Он вносил очень большую часть своего валового производства в имперскую казну, поскольку его сельскохозяйственное население, лишённое всякой политической власти и влияния, было вынуждено платить римскому правительству не только налоги, но и дань, которая рассматривалась как рента за землю. Однако в это время богатство Египта находилось в упадке. Обстоятельства, которые вынудили индийскую торговлю переместиться на север, привели к значительному снижению спроса на египетское зерно на побережье Красного моря и на его продукцию () в Аравии и Эфиопии. Канал между Нилом и Красным морем, существование которого тесно связано с процветанием этих стран, был заброшен во время правления Фоки.

Большая часть греческого населения Александрии была разорена, потому что было положено конец публичному распределению зерна, и бедность охватила плодородные земли Египта. Иоанн Милостивый, который был патриархом и императорским префектом во время правления Ираклия, сделал все, что в его силах, чтобы облегчить это бедствие. Он основал больницы и посвятил доходы своей епархии благотворительности, но он был врагом ереси и, следовательно, местное население вряд ли считало его другом. Национальные чувства, религиозные взгляды и местные интересы всегда питали в умах

коренных египтян глубоко укоренившуюся ненависть к римской администрации и греческой церкви; и это чувство вражды только усилилось после объединения должностей префекта и патриарха Юстинианом. Между греческой колонией Александрии и местным населением существовала полная разделительная линия, и последнее, во время упадка греков и евреев Александрии, вторглось в политическую жизнь и приобрело некоторую официальную значимость. Дело императора теперь было связано с коммерческими интересами греческой и мелхитской партий, но эти правящие классы рассматривались сельским населением остальной части провинции как посторонние на их священной яковитской земле. Иоанн Милостивый, хотя и был греческим патриархом и имперским префектом, не был полностью свободен от обвинений в ереси и, возможно, в использовании доходов, находившихся под его контролем, с большим вниманием к благотворительности, чем к общественной пользе.

Потребности Ираклия были настолько велики, что он послал своего двоюродного брата патриция Никету в Египет, чтобы захватить огромное богатство, которым, как говорили, обладал патриарх Иоанн. В следующем году персы вторглись в провинцию, и патриций и патриарх, неспособные защитить даже город Александрию, бежали на Кипр, в то время как враг смог подчинить долину Нила до границ Ливии и Эфиопии, не встретив никакого сопротивления со стороны имперских войск и, по-видимому, при благосклонном отношении египтян. Добыча, полученная из государственной собственности и рабов, была огромна; и поскольку власть греков была уничтожена, коренные египтяне воспользовались возможностью приобрести доминирующее влияние в управлении своей страной.

В течение десяти лет провинция была подчинена Персии, хотя и пользовалась определенной степенью сомнительной независимости под непосредственным управлением местного генерал-интенданта по земельным доходам по имени Мокаукас, который впоследствии, во время завоевания сарацинами, сыграл заметную роль в истории своей страны. Во время персидского господства он стал настолько влиятельным в администрации, что несколько писателей называют его принцем Египта. Мокаукас при римском правительстве приспособился к установленной церкви, чтобы сохранить свою официальную должность, но, как и большинство его соотечественников, в душе он был монофизитом и, следовательно, склонен был противостоять имперской администрации как по религиозным, так и по политическим мотивам. Тем не менее, похоже, что часть монофизитского духовенства упорно отказывалась подчиняться персидскому правительству; их патриарх Бенджамин покинул свою резиденцию в Александрии, когда город попал в руки персов, и не вернулся, пока Ираклий не восстановил власть над Египтом.

Мокаукас обосновался в городе Вавилон, или Миср, который с упадком Мемфиса стал столицей провинции и главным городом внутренних районов. Этот момент казался чрезвычайно благоприятным для создания независимого государства монофизитскими египтянами, поскольку в условиях конфликтов между Персидской и Римской империями огромные доходы и запасы зерна, ранее выплачивавшиеся императору, могли быть направлены на оборону страны. Однако, судя по поведению патриарха Бенджамина, коренное население, по-видимому, не было единодушно в своих взглядах; и, вероятно, сельскохозяйственные классы, хотя и многочисленные, жившие в достатке и твердые в своих монофизитских убеждениях, не обладали необходимыми знаниями, чтобы стремиться к национальной независимости, силой характера, необходимой для ее достижения, или запасами драгоценных металлов, необходимых для покупки услуг наемных войск и обеспечения военных материалов. Они так долго были лишены оружия и всех политических прав, что, вероятно, пришли к мнению, распространенному среди подданных всех деспотических правительств, что государственные чиновники неизменно являются мошенниками, а угнетение коренного населения более тягостно, чем иго чужеземцев.

Моральные недостатки народа, безусловно, в этой благоприятной ситуации могли бы сами по себе помешать созданию независимого египетского и яковитского государства.

Говорят, что примерно в это время ходило пророчество, гласившее, что Римская империя будет свергнута обрезанным народом. Эта весть, возможно, была распространена евреями, чтобы возбудить свой пыл и поддержать свои планы восстания, но пророчество было спасено от забвения последующими завоеваниями сарацин, которые его авторы не могли предвидеть. Поведение евреев возбудило фанатизм и, возможно, пробудило страхи имперского правительства, и как Фокас, так и Ираклий пытались истребить иудейскую религию и, по возможности, положить конец национальному существованию. Ираклий не только сам применял всевозможные жестокие меры для достижения этой цели в пределах своих владений, но даже сделал принудительное обращение в христианство или изгнание евреев важной частью своей дипломатии. Он утешал себя потерей большей части римских владений в Испании, убедив Сисибута включить в мирный договор, заключенный в 614 году, статью, обязывающую готского монарха принуждать евреев принимать крещение; и он считал, что, даже несмотря на то, что ему не удалось убедить франков сотрудничать с ним против аваров в 620 году, он оказал империи и христианству некоторую услугу, убедив Дагоберта присоединиться к проекту истребления несчастных евреев.

Малая Азия стала главной опорой римской власти во времена Ираклия и единственной частью империи, где большинство населения было привержено имперскому правительству и греческой церкви. До правления Фоки она избежала масштабных разрушений, так что сохранила большую часть своего древнего богатства и великолепия, а социальная жизнь народа по-прежнему строилась по образцу институтов и обычаев предыдущих веков. Велась значительная внутренняя торговля, а большие дороги, поддерживаемые в приемлемом состоянии, служили артериями для циркуляции торговли и цивилизации. Тем не менее, она сильно пострадала от общего упадка, вызванного чрезмерным налогообложением, сокращением торговли, запустением сельского хозяйства и сокращением населения, о чем свидетельствуют величественные руины городов, которые уже пришли в упадок и никогда больше не восстановили своего древнего процветания.

Власть центральной администрации над своими непосредственными подчиненными была почти полностью уничтожена в Малой Азии, как и в более отдаленных провинциях империи. Замечательное свидетельство этой общей дезорганизации правительства можно найти в истории первых лет правления Ираклия; оно заслуживает особого внимания, поскольку иллюстрирует как его личный характер, так и состояние империи. Крисп, зять Фоки, оказал Ираклию существенную помощь в завоевании трона, и в награду ему было поручено управление Каппадокией, одной из самых богатых провинций империи, а также главнокомандование войсками в своей провинции. Крисп, человек влиятельный, смелый и безрассудный, вскоре осмелился вести себя по отношению к императору не только независимо, но даже дерзко. Он пренебрегал обороной своей провинции, и когда Ираклий посетил Кесарию, чтобы осмотреть ее состояние и подготовиться к ведению войны против Персии лично, он проявил дух неповиновения и самонадеянность, которые граничили с изменой. Ираклий, который умел сдерживать свой вспыльчивый нрав, навестил слишком влиятельного офицера в его постели, где тот лежал под предлогом легкой или притворной болезни, и убедил его посетить Константинополь. При появлении в сенате он был арестован и вынужден стать монахом. Его авторитет и положение делали абсолютно необходимым для Ираклия наказать его самонадеянность, прежде чем он мог безопасно продвигаться против персов.

Многие менее важные деятели в различных частях империи действовали с такой же независимостью, но император не считал необходимым следить за их амбициями или

наказывать их. Упадок власти центрального правительства, растущее невежество народа, увеличение трудностей в общении и общая незащищенность собственности и жизни привели к обширным изменениям в состоянии общества и перенесли политическое влияние в руки местных правителей, муниципальных и провинциальных вождей и всего духовенства.

БАРЬЕРЫ ПРОТИВ СЕВЕРНЫХ ВАРВАРОВ

Ираклий, по-видимому, разработал план создания в Европе постоянного барьера против вторжений аваров и славян. Для реализации этого проекта было очевидно, что он не мог рассчитывать на помощь жителей провинций к югу от Дуная. Императорские армии, которые во времена Маврикия вели активную войну в Иллирии и Фракии и часто вторгались на территории аваров, распались во время беспорядков при правлении Фоки. Эта потеря была непоправимой, поскольку в Европе не осталось сельского населения, которое могло бы пополнить ряды новой армии.

Единственным возможным планом по ограничению разорительных набегов северных врагов империи было создание мощных колоний племен, враждебных аварам и их восточнославянским союзникам, в опустевших провинциях Далмации и Иллирии. Для достижения этой цели Ираклий убедил сербов, или западных славян, которые занимали земли вокруг Карпатских гор и успешно противостояли расширению Аварской империи в этом направлении, покинуть свои древние места обитания и переселиться на юг, в провинции между Адриатическим морем и Дунаем. Римское и греческое население этих провинций было вытеснено к побережью моря постоянными набегами северных племен, а пустынные равнины внутренних районов были заняты несколькими славянскими подданными и вассалами аваров. Наиболее важными из западных славянских племен, которые переселились на юг по приглашению Ираклия, были сербы и хорваты, которые поселились в странах, все еще населенных их потомками. Их первоначальные поселения были образованы в результате дружественных договоренностей и, несомненно, под санкцией явного договора; ибо славянское население Иллирии и Далмации долгое время считало себя обязанным выплачивать определенную территориальную дань Восточной империи.

САРАЦИН

Меры Ираклия были осуществлены умело и энергично. От границ Истрии до территории Диррахия вся страна была занята различными племенами сербского или западославянского происхождения, враждебными аварам. Эти колонии, в отличие от более ранних завоевателей империи, состояли из сельскохозяйственных общин; и, по-видимому, именно этому обстоятельству, которое позволяло им включать в свою политическую систему любые остатки старого славянского населения завоеванных территорий, следует приписывать постоянство и процветание их поселений. В отличие от предшествовавших им воинственных народов готов, гуннов и аваров, сербские народы размножались и процветали на землях, которые они колонизировали, и, поглотив все остатки древнего населения, они образовали политические общины и независимые государства, которые представляли собой прочную преграду для аваров и других враждебных народов.

Слава Ираклия могла бы соперничать со славой Александра, Ганнибала или Цезаря, если бы он скончался в Иерусалиме после успешного завершения Персидской войны. Он установил мир во всей империи, восстановил силу римского правительства, возродил власть христианства на Востоке и вновь установил святой крест на Голгофе. Его слава не допускала никаких дополнений. К сожалению, последующие годы его правления, по общему мнению, запятнали его славу. Однако эти годы были посвящены многим тяжелым трудам, и именно мудрости, с которой он восстановил силу своего правительства в это мирное время, мы должны приписать энергию азиатских греков, которые остановили великую волну мусульманских завоеваний у подножия горы Тавр. Хотя военная слава Ираклия была затмлена блестящими победами сарацин, его гражданская администрация все же заслуживает похвалы, если сравнить сопротивление, оказанное империей, которую он реорганизовал, с легкостью, с которой последователи Мухаммеда расширяли свои завоевания на все другие земли от Индии до Испании.

РЕЛИГИОЗНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИРАКЛИЯ

Политика Ираклия была направлена на установление союза, который должен был объединить все провинции его империи в одно целое, и он надеялся заменить отсутствие национального единства идентичностью религиозных убеждений. Церковь была гораздо теснее связана с народом, чем любая другая институция, и император, как политический глава церкви, надеялся руководить хорошо организованным сословием церковников. Но Ираклий взялся за невыполнимую задачу навязать своим подданным правило веры, не принимая на себя должности и не претендуя на авторитет пророка или святого. В результате его меры, как и все церковные и религиозные реформы, проводимые исключительно из политических мотивов, привели лишь к дополнительным дискуссиям и трудностям. В 630 году он выдвинул доктрину, согласно которой во Христе, после соединения двух природ, была только одна воля и одно действие. Не сумев привлечь на свою сторону значительную часть раскольников, которых он хотел вернуть в лоно установленной церкви с помощью своего нового правила веры, он сам был в целом заклеймен как еретик. К нему и его доктрине было применено прозвище «монофелит», чтобы показать, что ни он, ни его учение не были православными.

В надежде положить конец спорам, которые он опрометчиво разжег, в 639 году он снова попытался законодательно урегулировать положение в церкви и опубликовал свою знаменитую «*Эктесис*», которая, хотя и пытается исправить последствия его предыдущих действий, запрещая любые споры по вопросу о едином или двойном действии воли во Христе, тем не менее содержит заявление в пользу единства. Епископ Рима, уже стремившийся к усилению своей духовной власти, хотя, возможно, еще не размышлявший о возможности полной независимости, активно вступил в оппозицию, вызванную публикацией *Эктесиса*, и был поддержан значительной частью восточной церкви, в то время как он руководил действиями всего западного духовенства.

При внимательном рассмотрении религиозного положения империи неудивительно, что Ираклий стремился воссоединить несториан, евтихиан и яковитов с установленной церковью, особенно если помнить, насколько тесно влияние церкви было связано с управлением государством и насколько полностью религиозные страсти заменили национальные чувства в эти второстепенные века христианства. Это объединение было необходимым шагом для восстановления имперской власти в провинциях Египта, Сирии, Месопотамии и Армении; и не следует упускать из виду, что богословские спекуляции и церковные реформы Ираклия были одобрены мудрейшими советниками, которых он смог отобрать для помощи в управлении империей. Состояние общества требовало сильных мер, и Ираклий ошибся лишь в том, что принял план, который всегда преследовали абсолютные монархи, а именно: сделать мнение правителя правилом поведения для его подданных. Трудно предположить, что Ираклий добился бы большего успеха, если бы он принял на себя характер или заслужил почитание, подобающее святому.

Заметная разница, существовавшая между высшими и образованными слоями населения на Востоке и невежественным и суеверным народом, делала практически невозможным, чтобы какая-либо линия поведения могла обеспечить одобрение ученых и пробудить фанатизм народа. В качестве дополнительного оправдания Ираклия можно отметить, что его признанная власть над православным духовенством была гораздо больше, чем власть византийских императоров позднего периода или власть, признанная латинской церковью после ее отделения. Несмотря на все преимущества, которыми он обладал, его попытка закончилась самым явным провалом; однако ни один опыт не смог побудить его преемников избежать его ошибки. Его попытка укрепить свою власть путем установления принципа единства усугубила все беды, которые он намеревался исправить; ибо в то время как монофизиты и греки были так же мало склонны к объединению, как и раньше, авторитет восточной церкви как единого целого был ослаблен созданием нового раскола, а

зарождающиеся разногласия между греками и латинянами, приобретая национальный характер, начали готовить почву для отделения двух церквей.

В то время как Ираклий стремился восстановить силу империи на Востоке и навязать единство религиозных взглядов, что всегда было одной из величайших ошибок человеческого разума, Мухаммед, более справедливо применив стремление человечества к единству, сумел объединить Аравию в одно государство и убедить ее принять одну религию. Сила этой новой империи сарацин была направлена против тех провинций Римской империи, которые Ираклий с таким тревогой пытался вновь объединить в духе своего правления. Трудности их управления вынудили императора на несколько лет обосноваться в Сирии, и он хорошо осознавал неопределенность их верности еще до того, как сарацины начали свое вторжение. Успехи мусульманских войск и отступление императора, унесшего с собой святой крест из Иерусалима, побудили историков предположить, что его последние годы прошли в лени и были отмечены слабостью. Однако его здоровье было в таком неустойчивом состоянии, что он больше не мог лично руководить действиями своей армии; порой он был неспособен к каким-либо физическим нагрузкам. Тем не менее, сопротивление, которое сарацины встретили в Сирии, сильно отличалось от той легкости, с которой она поддалась персам в начале правления императора, и свидетельствует о том, что его правление не было безрезультатным.

Многие из его реформ могли быть осуществлены только после окончания Персидской войны, когда он восстановил власть над Сирией и Египтом. Похоже, что он никогда не упускал возможности укрепить свое положение; и когда вождь гуннов или болгар отказался от верности аварам, Ираклий, как свидетельствуют источники, немедленно воспользовался этой возможностью, чтобы заключить союз, с тем чтобы ограничить власть своего опасного северного врага. К сожалению, в византийских писаниях можно найти лишь немногие следы конкретных действий, с помощью которых он осуществил свои реформы, и наиболее примечательные факты, иллюстрирующие политическую историю того времени, приходится собирать из случайных упоминаний, сохранившихся в трактате императора Константина Порфирогенета об управлении империей, написанном для обучения его сына Романа.

ВОЙНЫ С МУСУЛЬМАНАМИ

[633-640 гг. н. э.]

В 633 году мусульмане вторглись в Сирию, где их продвижение было быстрым, хотя сам Ираклий находился поблизости. Императорские войска приложили значительные усилия, чтобы поддержать военную славу римских армий, но почти повсеместно потерпели неудачу. Император доверил командование армией своему брату Феодору, который отличился в персидских войнах. Вартан, командовавший после Феодора, также отличился в последней славной кампании в Персии. [Как мы уже говорили], здоровье Ираклия не позволяло ему лично выйти на поле боя, а отсутствие какого-либо морального контроля в римской администрации и полное отсутствие патриотизма у офицеров и солдат в этот период делали личное влияние императора на главе его армий необходимым для поддержания надлежащего подчинения и обеспечения единства среди ведущих деятелей империи.

К концу 633 года войска Абу Бекра осадили Бостру, крепкий пограничный город Сирии, который в начале следующего года был сдан из-за предательства его губернатора. Во время кампании 634 года римские войска потерпели поражение в Аджнадине, на юге Палестины, и в кровопролитной и решающей битве на берегах реки Ермук, в которой, как говорят, императорскими войсками командовал брат императора Феодор. Теодор был заменен

Вартаном, но восстание армии Вартана и очередное поражение положили конец карьере этого полководца. На третьем году войны сарацины захватили Дамаск путем капитуляции и гарантировали жителям полное осуществление их муниципальных привилегий, разрешили им использовать местный монетный двор и оставили православным в собственности великую церковь Святого Иоанна. Примерно в то же время Ираклий покинул Эдессу и вернулся в Константинополь, унеся с собой святой крест, который он отвоевал у персов и с большой торжественностью поместил в Иерусалиме всего шесть лет назад, но который теперь он считал необходимым перевезти в Европу для большей безопасности. Его сын, Ираклий Константин, получивший императорский титул еще в младенчестве, остался в Сирии, чтобы заменить отца и руководить военными операциями по защите провинции. Везде, где императорский гарнизон был недостаточен, чтобы утешить жителей, коренные сирийцы стремились заключить с арабами соглашения, которые бы защитили их города от грабежей, будучи уверены, что арабские власти не могут использовать свою власть с большей жестокостью и алчностью, чем императорские чиновники. Римляне все еще сохраняли некоторую надежду на возвращение Сирии, пока поражение в еще одной решающей битве в 636 году не заставило их покинуть провинцию. В следующем году, 637 году н. э., арабы продвинулись к Иерусалиму, и сдача Святого города была ознаменована договоренностями между патриархом Софронием и халифом Омаром. Легкость, с которой греческий патриарх Иерусалима Софроний в это время и патриарх Константинополя Геннадий во время завоевания Византийской империи Мухаммедом II (1453 г. н. э.) стали министрами своих мусульманских завоевателей, показывает, насколько слабо национальные чувства удерживались в умах православного греческого духовенства. В 638 году Ираклий сосредоточил армию в Амиде (Диарбекр), которая предприняла смелую попытку вернуть власть над севером Сирии. Эмеса была осаждена, но сарацины вскоре собрали подавляющую силу; римляне были разгромлены, завоевание Сирии было завершено.

Арабское завоевание не только положило конец политической власти римлян, длившейся семьсот лет, но и вскоре искоренило все следы греческой цивилизации, привнесенной завоеваниями Александра Македонского и процветавшей в стране на протяжении более девяти веков. Через год после покорения Сирии была завоевана Месопотамия, что оказалось легкой задачей.

Как только арабы завершили завоевание Сирии, они вторглись в Египет. Император Ираклий послал армянского правителя Мануила с отрядом войск для защиты провинции. Удача снова улыбнулась арабам, и римская армия была разгромлена. Если верить свидетельствам историков, то, по-видимому, население Египта меньше, чем в других частях империи, страдало от жестокого правления Римской империи и от персидского вторжения, поскольку на момент завоевания римлянами в нем проживало семь с половиной миллионов человек, не считая Александрии, а его население в настоящее время оценивалось в шесть миллионов.

СРАЖЕНИЕ РИМСКИХ ГАЛЕР

Через год после того, как Амру завершил завоевание Египта, он установил водную связь между Нилом и Красным морем: отправляя по каналу в Суэц большие запасы зерна, он смог помочь жителям Мекки, страдавшим от голода. После нескольких перерывов, вызванных пренебрежением, политика халифов Багдада привела к его запустению, и он был засыпан Альмансором в 762-767 гг. н. э.

[640-646 гг. н. э.]

Как только арабы уладили дела с коренным населением, они осадили Александрию. Этот город оказал энергичное сопротивление, и Ираклий приложил все усилия, чтобы прийти ему на помощь; но, хотя он продержался несколько месяцев, в конце концов был взят арабами, поскольку беспорядки, произошедшие в Константинополе после смерти Ираклия, помешали римскому правительству отправить подкрепление гарнизону. Уверенность сарацин побудила их оставить слабый отряд для его обороны после того, как они его взяли; и римские войска, выжидая возможности возобновить войну, отбили город и убили мусульман, но вскоре были вынуждены отступить на свои корабли и бежать. Менее чем через пять лет (646 г. н. э.) римская армия, посланная императором Констансом под командованием Мануила, вновь отвоевала Александрию при помощи греческих жителей, которые остались в городе; но мусульмане вскоре появились перед городом и при помощи египтян заставили имперские войска отказаться от своего завоевания.^[39] Стены Александрии были разрушены, греческое население изгнано, а торговое значение города уничтожено. Так погибла одна из самых замечательных колоний греческой нации и одна из самых известных столиц греческой цивилизации, основу которой заложил Александр Македонский на Востоке, процветавшая в высшей степени почти тысячу лет.

Завоевание Киренаики последовало за покорением Египта как непосредственное следствие. Говорят, что греки основали свои первые колонии в этой стране за 631 год до нашей эры, и двенадцать веков непрерывного владения, казалось, сделали их вечными арендаторами этой земли; но арабы были совсем другими хозяевами, чем римляне, и под их господством греческая раса вскоре исчезла в Африке. Здесь нет необходимости следить за дальнейшими завоеваниями сарацин на западе. В короткие сроки латинская и греческая цивилизации были истреблены на южных берегах Средиземного моря.

Хотя Ираклий не смог подчинить сирийцев и египтян, он полностью преуспел в воссоединении греков Малой Азии со своим правительством и присоединении их к империи. Его успех можно оценить по неудаче сарацин в их нападениях на население этой провинции. В тот момент, когда мусульманские армии были вынуждены полагаться на свои военные навыки и религиозный энтузиазм и не смогли извлечь никакой выгоды из враждебного отношения жителей к имперскому правительству, их завоевательная кампания была остановлена; и почти за столетие до того, как Карл Мартелл остановил их продвижение на западе Европы, греки остановили их завоевания на востоке, оказав упорное сопротивление в Малой Азии.

Трудности Ираклия были очень велики. Римские армии по-прежнему состояли из мятежных солдат, собранных из многих несогласных народов, и единственными лидерами, которым император мог доверить важные военные командования, были его ближайшие родственники, такие как его брат Феодор и его сын Ираклий Константин, или солдаты удачи, которые не могли претендовать на императорское достоинство. Вероотступничество и измена значительного числа римских офицеров в Сирии оправдывали Ираклия в том, что он считал оборону этой провинции совершенно безнадежной (); однако скудные исторические сведения о его правлении едва ли можно считать убедительным доказательством того, что во время отступления он проявлял неуместное отчаяние или преступное безразличие. Тот факт, что он увез с собой в Константинополь святой крест, который он вернул в Иерусалим, свидетельствует о том, что он потерял всякую надежду на защиту Святого города; но его восклицание «Прощай, Сирия!» было, без сомнения, произнесено с горечью в сердце, когда он увидел, что большая часть его жизненных трудов по восстановлению Римской империи оказалась совершенно тщетной.

Болезнь, которая долгое время подтачивала его здоровье, наконец положила конец его жизни примерно через пять лет после его возвращения в Константинополь. Он умер в марте 641 года, после одного из самых замечательных правлений в истории, отмеченного величайшими успехами и неудачами, в течение которого социальное положение человечества претерпело значительные изменения и зародились зародыши современного общества; однако, к сожалению, нет периода в анналах человечества, который был бы покрыт большей неизвестностью.

ПРАВЛЕНИЕ КОНСТАНСА II (641-668 гг. н. э.)

[641-668 гг. н. э.]

После смерти Ираклия короткие правления его сыновей, Константина III, или Ираклия Константина, и Ираклеона, были омрачены придворными интригами и беспорядками, которые естественно возникают в результате отсутствия установленного закона о престолонаследии. В таких условиях и народ, и придворные учатся заниматься мятежными действиями. До конца года, в котором умер Ираклий, его внук Констант II в возрасте одиннадцати лет взойшел на императорский трон в результате смерти своего отца Константина и свержения своего дяди Гераклеона.^[40] Речь, произнесенная молодым

принцем перед сенатом после его вступления на престол, в которой он призвал эту палату к помощи и с почтением отзывался о ее власти, позволяет сделать вывод, что аристократия вновь восстановила свое влияние на имперскую администрацию и что, хотя власть императора по-прежнему считалась абсолютной в соответствии с конституцией империи, на самом деле она контролировалась влиянием лиц, занимавших министерские посты.^[41]

Констант вырос и стал человеком с значительными способностями и энергичным характером, но обладающим бурными страстями и лишенным всяких благородных человеческих чувств. Начало его правления, в течение которого имперские министры находились под контролем эгоистичной аристократии, было отмечено потерей нескольких частей империи. Ломбарды расширили свои завоевания в Италии от приморских Альп до границ Тосканы; экзарх Равенны потерпел поражение с значительными потерями под Мутиной, но все же они не смогли оказать серьезного влияния на экзархат. Армения была вынуждена платить дань сарацинам. Кипр был вынужден платить дань халифу, хотя сумма наложенной дани составляла всего семь тысяч двести золотых монет — половину того, что он ранее платил императору. Эта незначительная сумма едва ли могла составить половину излишка, обычно выплачиваемого в императорскую казну после покрытия всех расходов местного правительства, и не могла иметь никакого отношения к сумме налогов, взимаемых римскими императорами.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ФЕОДАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ

[641-653 гг. н. э.]

Как только Констант достиг возраста, позволяющего ему взять на себя руководство государственными делами, двумя главными целями его политики стали установление абсолютной власти императора над православной церковью и возвращение утраченных провинций империи. С целью получить и обеспечить полный контроль над церковными делами своих владений, он издал эдикт, называемый «*Tun*», в 648 году, когда ему было всего восемнадцать лет. Он был подготовлен патриархом Константинополя Павлом и был призван положить конец спорам, вызванным «*Эктезисом*» Ираклия. *Tun* предписывал всем сторонам соблюдать глубокое молчание по поводу прежних споров о действии воли во Христе. Свобода совести была идеей, практически неизвестной никому, кроме мусульман, поэтому Констант никогда не думал апеллировать к такому праву; и ни одна из сторон в христианской церкви не была склонна отказываться от своей православной власти навязывать свои собственные мнения другим.

Латинская церковь, возглавляемая епископом Рима, всегда была готова противостоять греческому духовенству, которое пользовалось благосклонностью императорского двора, и эта ревность привела папу к яростному противостоянию *Tuny*. Но епископ Рима тогда не был так могущественен, как папы в последующий период, поэтому он не осмеливался напрямую подвергать сомнению авторитет императора в регулировании таких вопросов. Возможно, ему казалось неразумным разжигать страсти молодого восемнадцатилетнего принца, который, как, по-видимому, показывали положения *Tuna*, мог оказаться не слишком фанатичным в своей приверженности какой-либо партии.

Одеяния папы VII века

Поэтому папа Феодор направил всю свою церковную ярость против патриарха Константинополя, которого он отлучил от церкви с необычайной и впечатляющей жестокостью. Он спустился со своим духовенством в темную гробницу святого Петра в Ватикане, которая теперь находится под центром купола в склепе великого собора христианского мира, освятил священный кубок и, окунув перо в кровь Христа, подписал акт отлучения от церкви, обрекая брата-епископа на муки ада. На это непристойное поведение патриарх Павел ответил тем, что убедил императора преследовать духовенство, присоединившееся к мнению папы, более законным и легальным образом, лишив его мирских благ и приговорив к изгнанию.

Папу поддерживало почти все латинское духовенство и даже значительная часть духовенства Востока; однако, когда Мартин, преемник Феодора, осмелился анафематствовать *Эктезис* и *Тип*, он был арестован по приказу Констанса, доставлен в Константинополь, судим и осужден по обвинению в поддержке восстания экзарха Олимпия и в передаче денег сарацинам. Император, по заступничеству патриарха Павла, заменил его наказание изгнанием, и папа умер в изгнании в Херсоне Таврическом. Хотя Констант не сумел навязать свои доктрины духовенству, он полностью добился публичного подчинения своим декретам в церкви и полного признания своей верховной власти над духовенством. Эти споры между главами церковной администрации греческой и латинской церковью послужили отличным предлогом для усугубления раскола, который имел свое реальное происхождение в национальных чувствах и интересах духовенства и был только усугублен сложными и не очень понятными различиями монофелитизма. Сам Констант, благодаря своей энергии и личной активности в этой борьбе, навлек на себя горькую ненависть

значительной части духовенства, и его поведение, несомненно, было предметом многих искажений и клеветы.

РАСТУЩАЯ ОПАСНОСТЬ СО СТОРОНЫ САРАЦЕНОВ

[650-658 гг. н. э.]

Внимание Констанса к церковным делам побудило его посетить Армению, где его попытки объединить народ с его правительством путем регулирования дел их церкви были столь же безуспешны, как и его религиозное вмешательство в других местах. Расколы усилились; один из высокопоставленных имперских чиновников поднял восстание; и сарацины воспользовались этим положением дел, чтобы вторгнуться как в Армению, так и в Каппадокию, и им удалось подчинить себе несколько районов. Растущая мощь арабского полководца Моавья побудила его разработать план завоевания Константинополя, и он начал готовить большую морскую экспедицию в Триполисе в Сирии. Смелое предприятие двух братьев, христиан, проживавших в этом месте, привело к провалу экспедиции. Эти два триполитанца и их сторонники вскрыли тюрьмы, в которых содержались римские пленники, и, возглавив поспешно сформированное вооруженное отряды, захватили город, убили губернатора и сожгли флот.

В конце концов, благодаря энергии Моавья, был подготовлен второй флот, и, поскольку сообщалось, что он направляется против Константинополя, император Константин взял на себя командование своим флотом. Он встретил сарацинскую экспедицию у горы Феникс в Ликии и атаковал ее с большой энергией. Говорят, что в сражении погибло двадцать тысяч римлян, а сам император обязан своей безопасностью доблести одного из братьев Триполитанских, чья отважная защита императорской галеры позволила императору спастись, прежде чем ее доблестный защитник был убит, а судно попало в руки сарацин. Император удалился в Константинополь, но вражеский флот понес слишком большие потери, чтобы предпринимать дальнейшие операции, и экспедиция была прекращена на тот год. Смерть Османа и притязания Моавии (или Муавии) на халифат на короткое время отвлекли внимание арабов от империи, и Константин направил свои войска против славян, чтобы избавить европейские провинции от их грабежей. Они были полностью разгромлены, многие были увезены в рабство, а многие были вынуждены подчиниться имперской власти. Нет достоверных оснований для определения, была ли эта экспедиция направлена против славян, поселившихся между Дунаем и горой Эмус, или против тех, кто поселился в Македонии. В отчетах о кампании не упоминается название ни одного города.

[658-665 гг. н. э.]

Когда дела в европейских провинциях, расположенных вблизи столицы, успокоились, Константин снова приготовился вступить в борьбу с арабами; а Моавия, нуждавшийся во всех силах, которыми он мог располагать для борьбы с Али, зятем Мухаммеда, согласился заключить мир на условиях, которые странным образом контрастируют с постоянными поражениями, которые, по представлению ортодоксальных историков империи, всегда терпел Константин. Сарацины обязались ограничить свои силы Сирией и Месопотамией, а Моавия согласился выплатить Констансу за прекращение военных действий тысячу серебряных монет и предоставить ему раба и лошадь за каждый день, в течение которого будет действовать мир (659 г. н. э.).

В течение следующего года Константин приговорил к смерти своего брата Феодосия, которого он заставил принять священство. Причина этого преступления или повод для него не упоминаются. Император часто принимал причастие из рук своего брата, и предполагается, что братоубийство сделало пребывание в Константинополе невыносимым для совести преступника, который, как сообщалось, каждую ночь видел призрак своего брата, предлагающего ему освященный кубок, наполненный человеческой кровью, и восклицающего: «Пей, брат!». Несомненно, что через два года после смерти брата Константин покинул столицу с намерением никогда не возвращаться; и только восстание народа помешало ему увезти императрицу и своих детей. Он замыслил отвоевать Италию у лангобардов и предложил вновь сделать Рим резиденцией империи. По пути в Италию император остановился в Афинах, где собрал значительные войска. Это случайное упоминание Афин латинскими писателями является убедительным свидетельством спокойного, процветающего и густонаселенного состояния города и окружающей его местности. Славянские колонии в Греции в это время, должно быть, были полностью подчинены императорской власти, иначе Константин наверняка использовал бы свою армию, чтобы подчинить их. Из Афин император отплыл в Италию; он высадился со своими войсками в Таренте и попытался захватить Беневент, главную резиденцию лангобардской власти на юге Италии. Его войска дважды потерпели поражение, и тогда он отказался от всех своих завоевательных планов.

Сам император вернулся в Рим. Его визит длился всего две недели. Согласно писателям, описывающим это событие, он посвятил двенадцать дней религиозным церемониям и процессиям, а остальные два — грабежу церковных богатств. Личное знакомство с делами Италии и состоянием Рима вскоре убедило его, что Вечный город плохо подходит для столицы империи, и он покинул его, отправившись на Сицилию, где выбрал Сиракузы в качестве своей будущей резиденции. Гримвальд, способный монарх лангобардов, и его сын Ромвальд, герцог Беневентумский, энергично продолжали войну в Италии. Брундизиум и Тарент были захвачены, а римляне изгнаны из Калабрии, так что Отранто и Галлиполи были единственными городами на восточном побережье, которые остались во владении Констанса.

[665-668 гг. н. э.]

Проживая на Сицилии, Константин обратил свое внимание на положение в Африке. Его меры не описаны подробно, но, очевидно, отличались обычной для него энергией и капризностью, которые характеризовали все его поведение. Он вернул под свою власть Карфаген и несколько городов, которые арабы превратили в свои вассалы, но вызвал недовольство жителей провинции, заставив их платить ему ту же сумму дани, которую они по договору согласились платить сарацинам. А поскольку Константин не мог изгнать сарацинские войска из провинции, сумма государственных налогов африканцев часто удваивалась, поскольку обе стороны могли взимать требуемые ими сборы (). Моавия послал армию из Сирии, а Константин — из Сицилии, чтобы решить, кто станет единовременным хозяином страны. Битва произошла недалеко от Триполиса, и хотя армия Константа насчитывала тридцать тысяч человек, она была полностью разгромлена. Однако победоносная армия сарацин не смогла взять небольшой город Гелула (Усула), пока случайное падение части валов не открыло его для их штурма; и за этим незначительным завоеванием не последовало никаких дальнейших успехов. На Востоке империя подвергалась еще большей опасности, но враги Констанса в конечном итоге не добились успеха в своих замыслах. В результате восстания армянских войск, командир которых, Сапор, принял титул императора, сарацины совершили успешное вторжение в Малую Азию, захватили город Амориум во Фригии и разместили в нем гарнизон из пяти тысяч человек;

но императорский генерал, назначенный Констансом, вскоре изгнал этот мощный гарнизон и отвоевал город.

Таким образом, несмотря на все поражения, которые, по сообщениям, потерпел Константин, империя не претерпела значительного сокращения своей территории во время его правления, и он, безусловно, оставил ее вооруженные силы в более эффективном состоянии, чем они были до его прихода к власти. Он был убит в бане в Сиракузах одним из своих слуг в 668 году в возрасте тридцати восьми лет, пробыв на троне двадцать семь лет. Тот факт, что он был убит одним из своих слуг, в сочетании с капризным насилием, которое характеризовало многие его публичные действия, дает основание предположить, что он был человеком неприятным и нестабильным, что делает обвинение в братоубийстве, в которое так легко поверили его современники, отнюдь не невозможным. Однако следует признать, что события его правления являются неопровержимым свидетельством того, что его еретические взгляды побудили ортодоксальных историков придать ложный оттенок многим обстоятельствам, поскольку несомненные результаты не соответствуют их описаниям происходящих событий.

ЦАРСТВОВАНИЕ КОНСТАНТИНА IV (668-685 гг. н. э.)

Константин IV, называемый Погонатом, или Бородатым, был высоко оценен потомками. Однако его заслуги, по-видимому, заключались скорее в его превосходной правоверности, чем в его выдающихся талантах как императора. Уступки, которые он сделал римской курии, и умеренность, которую он проявлял во всех церковных делах, резко контрастировали с суровой энергией, с которой его отец подчинял православных священнослужителей гражданской власти, и принесли ему похвалу со стороны духовенства, чьи восхваления оказали немалое влияние на всех историков. Однако Константин, безусловно, был умным и справедливым правителем; он не обладал упрямой решимостью и талантами своего отца, а также был лишен его бурных страстей и неосторожного характера.

[668-681 гг. н. э.]

Как только Константин узнал об убийстве своего отца и о том, что мятежник занял пурпурный трон в Сицилии, он поспешил туда лично, чтобы отомстить за его смерть и подавить восстание. Чтобы удовлетворить свою месть, патриций Юстиниан, человек высокого характера, замешанный в мятеже, был подвергнут суровому наказанию, а его сын Германус — настолько жестокому, что духовенство зафиксировало это как пример грубой жестокости со стороны Констанса. Возвращение императора в Константинополь ознаменовалось необычным восстанием войск в Малой Азии. Они двинулись на столицу и, разбив лагерь на азиатском берегу Босфора, потребовали, чтобы Константин допустил своих двух братьев, которым он присвоил звание августа, к равной доле в государственном управлении, с тем чтобы Святая Троица на небесах, управляющая духовным миром, могла быть представлена человеческой троицей, управляющей политической империей христиан. Само это предложение является доказательством полного превосходства гражданской власти над церковной в глазах народа и самым убедительным свидетельством того, что в общественном мнении того времени император считался главой церкви. Такие рассуждения, которые использовали мятежники, не могли быть опровергнуты никакими аргументами, и Константин имел достаточно энергии, чтобы повесить лидеров мятежа, и достаточно умеренности, чтобы не преследовать своих братьев. Но несколько лет спустя, либо из-за возросших подозрений, либо из-за каких-то интриг с их стороны, он лишил их звания августа и приговорил к отрезанию носов (681 г. н. э.). Феофан [d](#) говорит, что братья Константина IV лишились носов в 669 году, но были лишены императорского титула только в 681 году.

ВОЙНЫ С САРАЦЕНАМИ И ОСАДА КОНСТАНТИНОПОЛИЯ (672 г. н. э.)

[672-678 гг. н. э.]

Главной целью имперской политики в этот период было противодействие продвижению мусульман. Констант сумел остановить их завоевания, но Константин вскоре понял, что они не дадут империи покоя, если он не сможет обеспечить ее безопасность своими победами. Едва он покинул Сицилию, чтобы вернуться в Константинополь, как арабская экспедиция из Александрии вторглась на остров и штурмом взяла город Сиракузы, а после разграбления сокровищ, накопленных Констансом, немедленно покинула это место. В Африке война продолжалась с переменным успехом, но христиане не оставались долго без помощи Константина, в то время как Моавия поставлял сарацинам сильные подкрепления. Несмотря на мужество и энтузиазм мусульман, коренное христианское население стойко держалось и вело войну с такой энергией, что в 676 году африканский вождь, командовавший объединенными силами римлян и берберов, захватил недавно основанный город Кайруан, который впоследствии прославился как столица халифов из династии Фатимидов.

САРАЦИНСКОЕ ИЗДЕЛИЕ ИЗ МЕТАЛЛА ЖАРОВНЯ

Амбиции халифа Моавья побудили его стремиться к завоеванию Римской империи; и военная организация арабской державы, которая позволяла халифу направлять все ресурсы своих владений на достижение любой цели завоевания, казалась залогом успеха этого предприятия. Мощная экспедиция была отправлена для осады Константинополя. Время, необходимое для подготовки такого вооружения, не позволило сарацинам прибыть к Босфору, не проведя зиму на побережье Малой Азии; и по прибытии весной 672 года они обнаружили, что император сделал все приготовления для обороны. Однако их силы были настолько многочисленны, что их хватило для осады Константинополя с моря и суши. Войска заняли всю сушу треугольника, на котором построен город, а флот эффективно блокировал порт.

Все попытки сарацин захватить город с моря и суши закончились неудачей, но римляне, вместо того чтобы прославлять свою доблесть и дисциплину, приписали свой успех в основном использованию греческого огня, который был изобретен незадолго до этой осады и впервые применен именно в этом случае. В предыдущем столетии военное искусство пришло в упадок так же быстро, как и все другие области национальной культуры, а ресурсы могущественной арабской империи были настолько ограничены невежеством и плохим управлением ее правителей, что халиф не смог удержать свои войска перед Константинополем в течение зимы. Тем не менее, сарацинская армия смогла собрать в Кизике достаточное количество припасов, чтобы сделать это место зимней базой, в то время как их мощный флот контролировал Геллеспонт и обеспечивал связь с Сирией. Когда наступила весна, флот снова переправил армию, чтобы она разбила лагерь под стенами Константинополя. Этот странный способ осады городов, который не применялся со времен вторжения дорийцев на Пелопоннес, продолжался семь лет, но в этой войне сарацины понесли гораздо более тяжелые потери, чем римляне, и в конце концов были вынуждены отказаться от своего предприятия.

Сухопутные войска пытались отступить через Малую Азию, но были полностью отрезаны, а шторм уничтожил большую часть их флота у побережья Памфилии. В то время, когда эта большая часть его войск была задействована против Константинополя, Моавия послал часть своих войск для вторжения на Крит, который был посещен сарацинской армией в 651 году. Остров был теперь вынужден платить дань, но с его жителями обращались очень мягко, так как в то время политика халифа заключалась в том, чтобы завоевать расположение христиан своим либеральным правлением, с тем чтобы подготовить почву для будущих завоеваний. Моавия проявил такую религиозную терпимость, что по просьбе своих христианских подданных восстановил церковь в Эдессе.

Разгром сарацинской экспедиции против Константинополя и преимущество, которое горцы Ливана сумели извлечь из отсутствия арабских войск, совершив набеги на равнины Сирии, убедили Моаву в необходимости мира. Число выносливых горцев Ливана,

называемых мардаитами, увеличилось, и они обогатились в результате отступления в их страну большого количества коренных сирийцев, бежавших от арабов. Они состояли в основном из мелхитов и монофелитов, и по этой причине присоединились к делу Римской империи, когда монофизиты присоединились к сарацинам. Их сирийское происхождение делает вероятным, что они были предками маронитов, хотя желание некоторых маронитских историков показать, что их соотечественники всегда были совершенно ортодоксальными, запутало вопрос, который сам по себе был отнюдь не простым для решения. Политическое положение империи требовало мира, и ортодоксальный Константин не был склонен лично рисковать, чтобы защитить монофелитских мардаитов. Мир был заключен между императором и халифом в 678 году, Моавия согласился ежегодно выплачивать римлянам три тысячи фунтов золота, пятьдесят рабов и пятьдесят арабских лошадей. Кажется странным, что принц, обладающий властью и ресурсами, которыми располагал Моавия, согласился на такие условия, но этот факт доказывает, что поведение халифа определялось политикой, а не гордостью, и что укрепление его реальной власти и духовных интересов мусульманской религии были для него важнее любых представлений о земном достоинстве.

[678-711 гг. н. э.]

В том же году, когда Моавия был вынужден купить мир, согласившись платить дань римскому императору, были заложены основы болгарской монархии, и сам император Константин был вынужден стать вассалом небольшой орды болгар. Одна из обычных эмиграций, которые происходят среди варварских народов, побудила Аспаруха, болгарского вождя, захватить низменную местность у устья Дуная; его сила и активность вынудили императора Константина лично выступить против этих болгар. Экспедиция была настолько плохо организована, что закончилась полным разгромом римской армии, и болгары подчинили себе всю страну между Дунаем и горой Эмус, заставив район, населенный группой славян, называемых семью племенами, стать их данниками. Эти славяне когда-то были грозными для империи, но их власть была сломлена императором Констансом. Аспарух обосновался в городе Варна, недалеко от древнего Одессуса, и заложил основу болгарской монархии, королевства, долгое время воевавшего с императорами Константинополя и чья мощь в значительной степени ускорила упадок греков и сократила численность их народа в Европе.

Однако событием, которое оказало наиболее благоприятное влияние на внутреннее положение империи во время правления Константина Погоната, было созыв шестого вселенского собора церкви в Константинополе. Этот собор проходил в условиях, особенно благоприятных для откровенного обсуждения. Церковная власть еще не была достаточно сильна, чтобы бросить вызов разуму и гражданским властям. Его решения были неблагоприятны для монофелитцев, и православная доктрина о двух природах и двух волях Христа была принята по общему согласию греческой и латинской сторон как истинное правило веры христианской церкви. Религиозные дискуссии теперь прочно укоренились в общественном мнении, и поскольку большинство греческого населения никогда не принимало взглядов монофелитов, решения шестого вселенского собора внесли весомый вклад в укрепление союза греков с имперской администрацией.

ЮСТИНИАН II (685 г. н. э.)

Юстиниан II унаследовал престол от своего отца Константина в возрасте шестнадцати лет и, несмотря на столь юный возраст, сразу же взял на себя личное руководство государством. Он отнюдь не был лишен талантов, но его жестокий и высокомерный характер не позволял ему научиться справедливо выполнять свои обязанности. Он обратил свое оружие против сарацин, хотя халиф Абдул-Малик предложил дополнительные уступки, чтобы побудить императора возобновить мирный договор, заключенный с его отцом. Юстиниан направил в Армению мощную армию под командованием Леонтия. Все провинции, которые проявляли какую-либо склонность к сарацинам, были разорены, армия унесла огромную добычу и увезла большую часть жителей в рабство. Халиф, вовлеченный в борьбу за халифат с могущественными соперниками и беспокоимый мятежниками даже в своих собственных сирийских владениях, остановил продвижение римских войск, купив мир на условиях, гораздо более выгодных для империи, чем те, что были закреплены в договоре между Константином и Моавией.

В начале своего правления Юстиниан провел успешную экспедицию в страну, занятую славянами в Македонии, которые теперь были тесно связаны с болгарским княжеством за горой Эмус. Этот народ, ободренный увеличением своей силы, продвинул свои грабительские набеги до Пропонтиды. Императорская армия одержала полную победу, и славяне, и их болгарские союзники были разгромлены. Чтобы заселить плодородные берега Геллеспонта около Абидоса, Юстиниан переселил ряд славянских семей в провинцию Опсикум. Эта колония была настолько многочисленной и могущественной, что она предоставила значительный контингент для императорских войск.

[689-692 гг. н. э.]

Мир с сарацинами продлился недолго. Юстиниан отказался принимать первые золотые монеты, отчеканенные Абдул-Маликом, на которых была надпись «Бог есть Господь». Ранее дань выплачивалась деньгами из муниципальных монетных дворов Сирии, и Юстиниан считал, что новые арабские монеты являются посягательством на Святую Троицу. Он лично возглавил свою армию против сарацин, и в результате измены вождя его славянских войск он потерпел полное поражение в сражении под Себастиполисом на побережье Киликии. Юстиниан бежал с поля битвы и по дороге в столицу отомстил славянам, которые остались верны его знамени, за дезертирство их соотечественников. Славяне, находившиеся на его службе, были казнены, и он даже приказал убить жен и детей тех, кто присоединился к сарацинам. Дезертиры были поселены сарацинами на побережье Сирии и на острове Кипр; под властью халифа они жили более благополучно, чем под властью римского императора.

Часть сарацинского знамени

Именно во время этой войны сарацины нанесли христианскому населению своих владений первый большой удар по гражданскому достоинству. Абдул-Малик ввел харатч, или христианский подушный налог, чтобы собрать деньги для продолжения войны с Юстинианом. Этот несчастный способ налогообложения христианских подданных халифа, отличавшийся от того, что применялся к мусульманам, полностью разделил эти два класса и низвел христиан до положения крепостных государства, чьими наиболее заметными политическими отношениями с мусульманской общиной было предоставление денег правительству. Уменьшение христианского населения на всей территории владений халифов было следствием этой непродуманной меры, которая, вероятно, в большей степени способствовала депопуляции Востока, чем вся тирания и военное насилие мусульманских армий.

[692-695 гг. н. э.]

Беспокойный дух Юстиниана естественным образом погрузился в церковные споры, которые разделили церковь. Он созвал всеобщий собор, обычно называемый *Труллийским*, поскольку зал его заседаний был покрыт куполом. Решения этого собора, как и следовало ожидать от собрания, контролируемого таким духом, как дух императора, только усилили растущие разногласия между греческой и латинской партиями в церкви. Из 102 канонов, утвержденных этим собором, папа в конечном итоге отверг шесть, как противоречащих обычаям латинян. Таким образом, между греками и латинянами возникла еще одна причина для разъединения, и меры церкви, а также политические договоренности того времени и социальные настроения народа делали объединение невозможным.

Любовь к строительству — обычная причуда правителей, которые располагают огромными средствами, не чувствуя при этом никакой ответственности за благо народа, которым они правят. Даже в условиях величайшего общественного бедствия казна государств, находящихся на грани разорения и банкротства, должна содержать огромные суммы денег, полученные от ежегодных налогов. Это сокровище, когда оно находится в безответственном распоряжении принцев, стремящихся к великолепию, часто используется для бесполезного и декоративного строительства; и эта мода была настолько распространена среди деспотов, что принцы, наиболее известные своей любовью к

строительству, нередко были худшими и наиболее угнетающими правителями. Для правителя всегда является деликатной и сложной задачей оценить сумму, которую нация может разумно потратить на декоративную архитектуру; и, находясь в своем положении, он редко способен правильно судить о том, на каких зданиях следует использовать украшения, чтобы искусство соответствовало вкусам и чувствам народа. Общественное мнение является единственным критерием для формирования здравого суждения в этой сфере государственного управления, поскольку, когда князья, обладающие вкусом к строительству, не вынуждены учитывать потребности и желания своих подданных при возведении национальных сооружений, они склонны своими безумными проектами и расточительными расходами создавать зло, гораздо превосходящее то, которое могло бы быть результатом проявления одного лишь дурного вкуса.

В злосчастный час любовь к строительству овладела умом Юстиниана. Его расточительные расходы вскоре вынудили его ужесточить финансовое управление, и в столице быстро распространилось всеобщее недовольство. Религиозные и суеверные чувства населения были серьезно уязвлены стремлением императора разрушить церковь Богородицы, чтобы украсить окрестности своего дворца великолепным фонтаном. Собственные угрызения совести Юстиниана требовали успокоения религиозным обрядом, но патриарх в течение некоторого времени отказывался его совершать, утверждая, что в церкви нет молитв, которые оскверняли бы святые здания. Однако император был главой церкви и повелителем епископов, которых он мог смещать с должности, так что патриарх не смел долго отказываться подчиняться его приказам. Говорят, однако, что патриарх очень ясно продемонстрировал свое недовольство, явившись на место и санкционировав разрушение церкви церковной церемонией, к которой он добавил следующие слова: «Богу, который терпит все, да будет слава, ныне и во веки веков. Аминь». Церемония была достаточна, чтобы удовлетворить совесть императора, который, возможно, не слышал и не обратил внимания на слова патриарха. Общественное недовольство громко выражалось, и Юстиниан вскоре понял, что ярость народа угрожает восстанием в Константинополе. Чтобы предотвратить опасность, он принял все меры, которые могла подсказать безжалостная жестокость; но, как обычно бывает в периоды всеобщего недовольства и возбуждения, буря разразилась в неожиданном месте, и ненависть к Юстиниану внезапно лишила его поддержки. Леонтий, один из самых способных полководцев империи, о подвигах которого уже упоминалось, был брошен в тюрьму, но в это время получил приказ взять на себя управление провинцией Эллада. Он считал это назначение лишь предлогом для того, чтобы удалить его из столицы и казнить вдали от нее без суда и следствия.

Накануне отъезда Леонтий возглавил мятеж; Юстиниан был схвачен, а его министры были убиты народом с жестокой жестокостью. Леонтий был провозглашен императором, но пощадил жизнь своего свергнутого предшественника из-за тех благ, которые он получил от Константина Погоната. Он приказал отрезать Юстиниану нос и сослал его в Херсон. Из-за этой калечащей казни свергнутый император получил оскорбительное прозвище Ринотметус, или «курносый», под которым он известен в византийской истории.

ПРАВЛЕНИЕ ЛЕОНТИЯ (695-698 гг. н. э.)

[695-698 гг. н. э.]

Правление Леонтия характеризовалось нестабильностью, которая нередко присуща правлению самых способных правителей, которые получают свои троны скорее в результате случайных обстоятельств, чем в результате систематических интриг. Самым важным событием его правления стала окончательная потеря Африки, что привело к его

свержению. Неутомимый халиф Абдул-Малик отправил в Африку мощную экспедицию под командованием Хасана ибн-Абд-Аллаха (); провинция была вскоре завоевана, а Карфаген был взят после слабого сопротивления. Экспедиция, отправленная Леонтием на помощь провинции, прибыла слишком поздно, чтобы спасти Карфаген, но главнокомандующий прорвался в порт, вернул город под свой контроль и изгнал арабов из большинства укрепленных городов на побережье. Арабы постоянно получали новые подкрепления, которые римский полководец тщетно требовал от Леонтия. Наконец арабы собрали флот, и римляне, потерпев поражение в морском сражении, были вынуждены покинуть Карфаген, который арабы полностью разрушили, слишком часто испытывая превосходство римлян как в морских делах, так и в военном искусстве, чтобы рискнуть удержать густонаселенные и укрепленные города на морском побережье. Этот любопытный факт является убедительным доказательством огромного превосходства римской торговли и военно-морских ресурсов, а также столь же убедительным свидетельством постыдного беспорядка в гражданском и военном управлении империи, который сделал эти преимущества бесполезными и позволил имперскому флоту потерпеть поражение от военно-морских сил, собранных арабами из числа их египетских и сирийских подданных. В то же время очевидно, что морские победы арабов никогда не могли бы быть одержаны, если бы мощная группа христиан не была побуждена своими чувствами вражды к Римской империи оказать им добровольную поддержку, поскольку среди мусульман еще не было ни кораблестроителей, ни моряков.

Римская экспедиция, отступая из Карфагена, остановилась на острове Крит, где среди войск вспыхнуло восстание, в ходе которого был убит их генерал. Аписмар, командующий войсками Кибираитов, был провозглашен императором под именем Тиберия. Флот направился прямо в Константинополь, который не оказал сопротивления. Леонтий был взят в плен, ему отрезали нос и заключили в монастырь. Тиберий Аписмар управлял империей с осторожностью, а его брат Ираклий успешно командовал римскими войсками. Императорские войска проникли в Сирию; в Самосате была одержана победа над арабами, но разрушения, причиненные римлянами во время этого вторжения, превзошли самые жестокие зверства, когда-либо совершенные арабами; по некоторым данным, во время этой кампании погибло двести тысяч сарацин. Армения то и дело подвергалась вторжениям и опустошениям со стороны римлян и сарацин, поскольку различные повороты войны благоприятствовали враждующим сторонам, а меняющиеся интересы армянского населения побуждали его помогать то императору, то халифу. Но пока Тиберий был занят государственными делами и жил, не опасаясь внутренних врагов, он был внезапно застигнут врасплох в своей столице Юстинианом, который появился перед Константинополем во главе болгарской армии (705 г.).

ЮСТИНИАН ВОЗВРАЩАЕТ СЕБЕ ТРОН

[698-711 гг. н.э.]

Десять лет изгнания провёл изгнанный император в тщетных попытках получить власть. Его жестокие действия вызывали повсеместную ненависть, но он обладал смелостью и жестокостью, необходимыми для главаря бандитов, а также необычайной уверенностью в ценности своего наследственного права на императорский трон, так что ни одно предприятие не казалось ему безнадёжным. После ссоры с жителями Херсона и со своим зятем, царем хазар, он, проявив отчаянную смелость, сумел добраться до страны болгар. Их правитель Тербелис согласился помочь ему вернуть трон, и они немедленно выступили с болгарской армией к стенам Константинополя. Через три дня после прибытия им удалось

ночью войти в столицу. Десять лет невзгод усилили природную жестокость характера Юстиниана, и с тех пор главным мотивом его действий, по-видимому, было желание мести.

Население Константинополя теперь опустилось до того же уровня варварства, что и окружавшие его народы, и по жестокости они были достойными подданными своего императора. Юстиниан порадовал их, отпраздновав свое восстановление на престоле великолепными гонками на колесницах в цирке. Он сидел на возвышенном троне, положив ноги на шеи свергнутых императоров Леонтия и Тиберия, которые лежали на платформе внизу, а окружавшая его греческая толпа скандировала слова псалмопевца: «Ты попрашь аспида и василиска, ты попрашь льва и дракона». Свергнутые императоры и Ираклий, который так хорошо защищал славу римского оружия против сарацин, были впоследствии повешены на крепостных стенах Константинополя. Вся душа Юстиниана была занята планами мести. Хотя завоевание Тианы открыло Малую Азию для вторжений сарацин, вместо того, чтобы противостоять им, он направил свои располагаемые силы на наказание городов Равенна и Херсон, потому что они вызвали его личную ненависть. Оба проскрибированных города радовались его свержению; оба были взяты и подвергнуты жестокому обращению. Греческий город Херсон, хотя и был центром процветающей торговли и имел многочисленное население, был обречен на полное разрушение. Юстиниан приказал сровнять все здания с землей и казнить всех, кто находился в его стенах, но войска, посланные для выполнения этих варварских приказов, взбунтовались и провозгласили императором армянина по имени Барданес под именем Филиппик. Захватив флот, они отплыли прямо в Константинополь.

Юстиниан со своей армией расположился лагерем в Малой Азии, когда прибыл Филиппик, и без какого-либо сопротивления овладел столицей. Его сразу же покинула вся армия, поскольку войска были так же недовольны его поведением после восстановления на престоле, как и все остальные его подданные; но его жестокость и мужество не подвели его, и его ярость не знала границ, когда он обнаружил, что все его покинули. Он был схвачен и казнен, не имея возможности оказать ни малейшего сопротивления. Его сын Тиберий, хотя ему было всего шесть лет, был вытасчен из алтаря церкви, куда его привели для безопасности, и жестоко убит; таким образом, род Ираклия был истреблен после того, как эта семья правила Римской империей ровно сто лет (с 610 по 711 год н. э.).

АНАРХИЯ

[711-717 гг. н. э.]

В течение шести лет, прошедших с момента смерти Юстиниана II до вступления на престол Льва Исаврийского, императорский трон занимали три правителя. Их история примечательна лишь тем, что доказывает внутреннюю силу римского государственного устройства, которое смогло пережить такие непрерывные революции, даже в состоянии ослабления, в которое оно было приведено. Филипп был роскошным и расточительным принцем, который думал только о том, как насладиться случайно полученным положением. Вскоре он был свергнут группой заговорщиков, которые увезли его из дворца в состоянии опьянения, выкололи ему глаза и оставили беззащитным посреди ипподрома. Правление Филиппика едва ли заслуживало бы внимания, если бы он не усугубил хаос, в который погрузилась империя, и не обнажил полное отсутствие характера и совести среди греческого духовенства, восстановив монофелитские доктрины на общем соборе восточных епископов.

Поскольку заговорщики, свергшие Филиппика, не разработали никакого плана по выбору его преемника, первый государственный секретарь был избран императором на общественном собрании, состоявшемся в великой церкви Святой Софии, под именем Анастасия II. Он немедленно восстановил православную веру, и его характер, как следствие, является предметом восхваления историков его правления. Сарацины, чья мощь постоянно росла, в это время готовили в Александрии большую экспедицию для нападения на Константинополь. Анастасий послал флот с войсками Опсикийского *thema*, чтобы уничтожить склады древесины, собранные на побережье Финикии для помощи в подготовке в Александрии. Римским флотом командовал диакон Святой Софии, который также занимал должность великого казначея империи. Назначение члена духовенства командующим армией вызвало большое недовольство войск, которые еще не были так глубоко проникнуты церковными идеями и нравами, как аристократия империи. Во время пребывания армии на Родосе произошло восстание; диакон Иоанн был убит, и экспедиция покинула порт, чтобы вернуться в столицу. По дороге солдаты высадились в Адрамиттии и, найдя там популярного сборщика налогов, провозгласили его императором под именем Феодосия III.

Новый император был вынужден против своей воли последовать за армией. В течение шести месяцев Константинополь был в осаде, и император Анастасий, который удалился в Никею, был разгромлен в общей битве. Столица была наконец взята мятежниками, которые так глубоко осознавали свои реальные интересы, что поддерживали строгую дисциплину, и Анастасий, чья слабость не внушала доверия его последователям, согласился уступить империю Феодосию и удалиться в монастырь, чтобы обеспечить амнистию всем своим друзьям. Феодосий отличался многими хорошими качествами, но на троне он оказался полным нулем, и его правление примечательно только тем, что послужило предлогом для захвата императорского престола Леоном III, прозванным Исаурийским. Этот способный и предприимчивый офицер, понимая, что в критические времена империя становится добычей любого, кто имеет талант захватить ее и силу защитить, поставил себя во главе войск в Малой Азии, принял титул императора и вскоре заставил Феодосия покинуть трон и стать священником.

В период между смертью Ираклия и вступлением на престол Льва последние остатки римских принципов управления, которые еще сохранялись при императорском дворе, постепенно исчезли. Давно лелеемая надежда на восстановление древней мощи и славы Римской империи исчезла, и даже аристократия, которая всегда до последнего цепляется за устаревшие формы и идеи, больше не жила с уверенностью в памяти о былых днях. Убеждение в том, что империя претерпела большие моральные и политические изменения, которые безвозвратно разделили будущее с прошлым, хотя, вероятно, и не было полностью осознано, по крайней мере, ощущалось и влияло как на народ, так и на правительство. Печальный факт, что великолепный свет цивилизации, освещавший древний мир, теперь стал таким же тусклым в Константинополе, как и в Риме, Антиохии, Александрии и Карфагене, был слишком очевиден, чтобы в нем можно было сомневаться; сам закат античности погрузился в темноту. Однако сбор всех следов этой истины, разбросанных по записям VII века, является скорее делом антиквара, чем историка.

Дезорганизация римского правительства в этот период и отсутствие какого-либо влияния греческой нации на двор видны в выборе лиц, занявших императорский трон после вымирания семьи Ираклия. Они были выбраны случайно, и некоторые из них были иностранного происхождения и даже не считали себя ни греками, ни римлянами. Филипп был армянином, а Лев III, чье правление открыло новую эру в истории Востока, был исаурийцем. На троне он доказал, что не испытывает никакой привязанности к римским политическим институтам и никакого уважения к греческой церковной иерархии.

Благодаря своим талантам и умелому руководству государством и армией ему удалось обеспечить своей семье место на византийском троне, поскольку он, несомненно, поставил себя в прямую оппозицию чувствам и мнениям своих греческих и римских подданных и передал своим преемникам борьбу между императорской властью и греческим народом по поводу почитания икон, в результате которой в конечном итоге оказалось под угрозой само существование греческой национальности, цивилизации и религии. С начала иконоборческой борьбы история греков приобретает новый облик. Их цивилизация и их связь с Византийской империей становятся неотъемлемой частью политики и судьбы Восточной церкви, а церковные дела приобретают в их сознании превосходство над всеми социальными и политическими соображениями.

Географические границы империи в период ее перехода от Римской к Византийской империи свидетельствуют о влиянии, которое территориальные изменения, вызванные завоеваниями сарацин, оказали на политическую значимость греческой нации. Граница с сарацинами Сирии начиналась в Мопсуестии в Киликии, последней крепости арабской власти. Она пролегла вдоль горных цепей Аманус и Тавр до горного района к северу от Эдессы и Нисибиса, названного после времени Юстиниана Четвертой Арменией, столицей которой был Мартирополь. Затем она следовала почти по древним границам империи, пока не достигла Черного моря, недалеко к востоку от Трапезунда. На северном побережье Эвксинского моря Херсон был теперь единственным городом, признававшим верховенство империи, сохраняя при этом все свое богатство и торговлю, а также муниципальные привилегии свободного города. В Европе гора Эмус составляла барьер против болгар, а горные хребты, ограничивавшие Македонию с северо-запада и окружавшие территорию Диррахия, считались границами свободных славянских государств. Правда, значительные группы славян проникли к югу от этой линии и жили в Греции и на Пелопоннесе, но не в таком же независимом положении по отношению к имперской администрации, как их северные братья из сербской семьи.

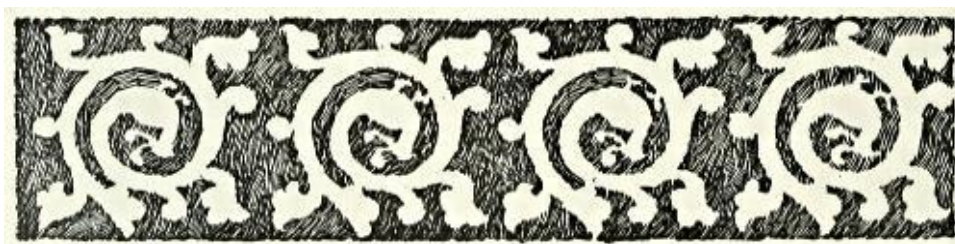
Истрия, Венеция и города на побережье Далмации по-прежнему признавали верховенство империи, хотя их удаленное положение, торговые связи и религиозные чувства все больше склоняли их к окончательному отделению. В центре Италии экзархат Равенны по-прежнему удерживал Рим в подчинении, но итальянский народ был полностью отчужден от политической администрации, которую он теперь считал чисто греческой, и итальянцы, имея перед глазами Рим, с трудом могли признать притязания греков на роль законных представителей Римской империи. Потеря северной и центральной Италии, следовательно, была событием, которое постоянно грозило произойти; потребовалось бы умелое, энергичное и справедливое правительство, чтобы подавить национальные чувства итальянцев и примирить их верность. Положение населения юга Италии и Сицилии было совсем иным. Там большинство жителей были греками по языку и нравам, но в то время города Гаэта (Кайета), Неаполь (Неаполис), Амальфи и Сорренто (Суррентум), район Отранто и полуостров к югу от древнего Сибариса, ныне называемый Калабрия, были единственными частями, которые оставались под властью Византии. Сицилия, хотя и начала страдать от набегов сарацин, все еще была густонаселенной и богатой. Сардиния, последнее владение греков к западу от Италии, была завоевана сарацинами примерно в это же время (711 г. н. э.).^с

СНОСКИ

[39] Евтихий, 2, 339. Окли, i. 325.

[40] [Во время коронации Констанса был заключен договор с армией, по условиям которого брат Гераклеона Давид был коронован императором и принял имя Тиберий. «Что стало с императором Тиберием, — говорит Бэри,^b — нам не известно».]

[41] [Это можно найти у Феофана.^d]

ГЛАВА VII

ЛЕВ ИСАВРИЙСКИЙ К ИОАННУ ЗИМИСКУ

[717-969 гг. н. э.]

С вступлением Льва Исаврийского на престол Константинополя в истории Восточной империи начинается новая эра. Прогресс общества сознательно сдерживался имперским законодательством. Законодатели империи были убеждены, что каждый порядок и профессия ее граждан должны быть закреплены по наследству, и была сделана попытка разделить население на касты. Но политические законы не только обеднили, но и обезлюдили империю и угрожали распадом самих элементов общества. Под их действием Западная империя стала добычей более мелких северных народов, а Восточная империя оказалась на грани захвата сарацинскими завоевателями.^a

Лев III вззошел на престол, и под его правлением империя не только перестала приходить в упадок, но даже начала восстанавливать большую часть своей прежней мощи. Реформированные модификации старой римской власти придали империи новую энергию. Великие политические реформы и еще более значительные изменения в положении народа сделали VIII век эпохой перехода.

Когда Лев III был провозглашен императором, казалось, что никакая человеческая сила не сможет спасти Константинополь от падения, как пал Рим. Сарацины считали, что власть над каждой землей, на которой сохранились остатки римской цивилизации, находится в их руках. Лев, исаврийец,^[42] и иконоборец, следовательно, иностранец и еретик, вззошел на престол Константина и остановил победоносную карьеру мусульман. Затем он полностью реорганизовал всю администрацию в соответствии с новыми требованиями восточного общества, так что реформированная империя пережила на многие века все правительства, современные ее созданию.

Восточная Римская империя, реформированная таким образом, называется современными историками Византийской империей; и этот термин хорошо подходит для обозначения изменений, произошедших в правительстве после исчезновения последних следов военной монархии древнего Рима. Социальное положение жителей Восточной империи уже претерпело значительные изменения за столетие, прошедшее с момента вступления на престол Ираклия до вступления на престол Льва.

Это изменение положило начало новому этапу в истории Римской империи. Постепенный характер этого изменения побудил некоторых авторов датировать начало Византийской империи еще правлением Зенона и Анастасия, а других — временем правления Маврикия и Ираклия.^[43] Но поскольку Византийская империя была лишь продолжением римского правительства в рамках реформированной системы, наиболее правильным представляется датировать ее начало периодом, когда новые социальные и политические изменения оказали заметное влияние на судьбу Восточной империи. Этот период ознаменован вступлением на престол Льва Исаврийского.

Административная система Рима, измененная Константином, продолжала функционировать, хотя и подвергалась частым реформам, до тех пор, пока Константинополь не был захвачен крестоносцами, а греческая церковь не была поработана папским господством. Вселенский собор в Никее и освящение имперского города с сопутствующими законодательными, административными и судебными институтами породили целую череду политических мер, прямые связи между которыми не прерывались до тех пор, пока не были прекращены иностранным завоеванием. Правительство Великобритании претерпело за последние три столетия больше изменений, чем правительство Восточной империи за девять столетий, прошедших с момента основания Константинополя в 330 году до его завоевания в 1204 году.

Тем не менее, Лев III имеет веские основания считаться первым из новой серии императоров. Он был основателем династии, спасителем Константинополя и реформатором церкви и государства. Он был первым христианским правителем, который остановил поток мусульманских завоеваний; он улучшил положение своих подданных; он пытался очистить их религию от суеверных пережитков эллинизма, которые все еще ее оскверняли, и остановить развитие квазиидолопоклонства в православной церкви. Ничто не может более убедительно доказать право его империи на новое имя, чем контраст между условиями жизни ее жителей и условиями жизни подданных предыдущей династии. При преемниках Ираклия Римская империя представляла собой картину упадка общества, а ее малонаселенные провинции были подвержены вторжению иностранных колонистов и враждебных захватчиков. Но при Леоне общество демонстрирует улучшение и процветание; старое население оживает от своей летаргии и вскоре увеличивается как по численности, так и по силе до такой степени, что оттесняет всех вторгшихся на его территории. В истории человеческой цивилизации Лев Исаврийский всегда будет занимать высокое место как пример того, чего может достичь центральная власть в государстве даже в упадке империи.

Таким образом, после вступления на престол Льва III становится очевидным новое состояние общества; и хотя многие старые политические злоупотребления продолжали существовать, становится очевидным, что отныне большинству жителей империи была гарантирована большая степень личной свободы, а также большая безопасность собственности. Действительно, ни одно другое правительство, о котором сохранились записи в истории, за исключением, возможно, китайского, не обеспечивало своим подданным равные преимущества в течение столь длительного периода. Империи халифов и Карла Великого, хотя историки и воспевали их в своих хвалебных речах, даже в лучшие свои времена не могли сравниться с администрацией, организованной Львом в этом отношении; и обе они пришли в упадок, в то время как Византийская империя продолжала процветать в полной силе. Надо признать, что выдающиеся историки представляют своим читателям совершенно иную картину византийской истории. Вольтер говорит о ней как о бесполезном репертуаре декламаций и чудес, позорящем человеческий разум. Даже проникательный Гиббон, [а](#) перечислив с гордостью объем своих трудов, добавляет: «Исходя из этих соображений, я бы без сожаления отказался от греческих рабов и их раболопных историков, если бы не подумал, что судьба византийской монархии пассивно связана с самыми великолепными и важными революциями, которые изменили состояние мира».

История Византийской империи делится на три периода, которые отличаются ярко выраженными особенностями.

Первый период начинается с правления Льва III в 716 году и заканчивается правлением Михаила III в 867 году. Он охватывает всю историю господства иконоборцев в официальной церкви и реакцию, которая восстановила власть православных. Он начинается с усилий, с помощью которых Лев и народ империи спасли римское право и христианскую религию от завоевателей-сарацин. Он охватывает долгую и жестокую борьбу между правительством и народом, когда императоры стремились усилить центральную власть, уничтожив все местные привилегии и даже право на личное мнение среди своих подданных. Спор о поклонении образам, исходящий из преобладания церковных идей, стал выражением этой борьбы. Его целью было как укрепление верховенства императорской власти, так и очищение практики церкви. Императоры хотели стать источниками как церковного, так и гражданского законодательства.

Долгие и кровопролитные войны этого периода, а также бурный характер правителей, занимавших трон, привлекают внимание тех, кто любит задумываться над романтическими фактами истории. К сожалению, биографические очерки и индивидуальные характеры героев этих веков скрыты в скучных хрониках. Но истинной исторической особенностью этого памятного периода является аспект угасающей империи, спасенной моральной силой, развившейся в обществе, и центральной власти, борющейся за восстановление национального процветания. Никогда еще на одном троне не наблюдалось такой череды способных правителей. Суровый иконоборец Лев Исаврийский открывает эту линию как второй основатель Восточной империи. Его сын, пламенный Константин, который, как говорили, предпочитал запах конюшни ароматам своих дворцов, вновь установил христианские стандарты на берегах Евфрата. Ирина, прекрасная афинянка, представляет собой странное сочетание таланта, бессердечности и ортодоксальности. Министр финансов Никифор погибает на поле битвы, как старый римлянин. Армянин Лев падает у алтаря своей частной часовни, убитый, когда он поет псалмы своим глубоким голосом, еще до рассвета. Михаил Аморийский, который заикался по-гречески со своим родным фригийским акцентом, стал основателем императорской династии, которой суждено было исчезнуть из-за славянского жениха. Одаренный Феофил жил в эпоху романтизма, как в действиях, так и в литературе. Его сын Михаил, последний из рода Амориан, был единственным презренным

принцем этого периода и, безусловно, самым презренным шутом, когда-либо занимавшим трон.

Византийский крестьянин

Второй период начинается с правления Василия I в 867 году и заканчивается свержением Михаила VI в 1057 году. В течение двух столетий императорский скипетр оставался в руках членов семьи Василия или тех, кто делил с ними трон в качестве опекунов или мужей. В это время Византийская империя достигла наивысшего уровня внешней мощи и внутреннего процветания. Сарацины были изгнаны на равнины Сирии. Антиохия и Эдесса были вновь присоединены к империи. Болгарская монархия была покорена, и Дунай вновь стал северной границей. Славяне в Греции были почти полностью истреблены. Византийская торговля охватила все Средиземноморье и узаконила притязания императора Константинополя на титул «автократа Средиземного моря». Но настоящая слава этого периода заключается в силе закона. Уважение к правосудию пронизывало общество в большей степени, чем когда-либо в предыдущие периоды мировой истории — факт, который, по-видимому, был полностью упущен из виду некоторыми из наших величайших историков, хотя он имеет огромное значение в истории человеческой цивилизации.

Третий период простирается от вступления на престол Исаака I (Комнина) в 1057 году до завоевания Византийской империи крестоносцами в 1204 году. Это истинный период упадка и падения Восточной империи. Он начался с восстания великих вельмож Азии, которые осуществили внутреннюю революцию в Византийской империи, вырвав управление из рук хорошо подготовленных чиновников и уничтожив ответственность, созданную систематической процедурой. Деспотизм, поддерживаемый личным влиянием, вскоре разрушил научную структуру, которая ранее поддерживала имперскую власть. Народ был придавлен финансовой алчностью, над которой великолепие дома Комнинов бросает тонкий покров. Богатство империи было растрачено, ее процветание разрушено, правосудие коррумпировано, а центральная власть утратила всякий контроль над населением, когда отряд из 20 000 авантюристов, маскирующихся под крестоносцев, положил конец Восточной Римской империи.

ЛЕВ III (ЛЕВ ИСАВРИЙСКИЙ), 717-741 гг.

Когда Лев вззошел на престол, империи угрожала неминуемая гибель. За двадцать один год было свергнуто шесть императоров. Четверо из них погибли от руки палача, один умер в

безвестности, лишившись зрения, а другому было позволено мирно дожить свои дни в монастыре только потому, что Лев чувствовал, что императорский скипетр прочно удерживается в его руках. Все армии, собранные для борьбы с сарацинами, подняли восстание. Болгары и славяне опустошили Европу вплоть до стен Константинополя; сарадины razорили всю Малую Азию до берегов Босфора.

Амориум был главным городом Anatolicum. Халиф Сулейман послал своего брата Мослему с многочисленной армией, чтобы завершить завоевание Римской империи, что казалось делом не представляющим особой сложности, и Амориум был осажден сарацинами. Лео, командовавший византийскими войсками, нуждался в некотором времени, чтобы согласовать операции, с помощью которых он надеялся снять осаду. Чтобы выиграть необходимое время, он начал переговоры с захватчиками и под предлогом ускорения заключения договора посетил сарацинского генерала, участвовавшего в осаде, в сопровождении всего пятисот всадников. Сарацинам было предложено приостановить свои атаки до тех пор, пока не будет известно решение Муслимы, который стоял во главе другого подразделения мусульманской армии.

В беседе с епископом и главными жителями Амория, касавшейся предложенных условий, Лев сумел убедить их продолжать оборону и заверил их в скорой помощи. Тем не менее осаждающие продолжали наступать. После беседы с жителями Амория Лев предложил сарацинскому полководцу сопровождать его в штаб-квартиру Мослема. Сарацин с готовностью согласился на сделку, которая позволила бы ему доставить столь важного заложника главнокомандующему. Осторожный исаурийец, хорошо зная, что за ним будут внимательно следить, разработал план побега. Дойдя до узкого ущелья, из которого перекресток вел к передовым постам его собственной армии, Лев внезапно вытащил саблю и напал на сарацин, окружавших его, в то время как его охранники, готовые к сигналу, легко проложили путь через две тысячи вражеских всадников эскорта, и все благополучно достигли византийского лагеря. Последующие военные действия и дипломатические переговоры Льва заставили врага снять осаду Амория, и благодарные жители вместе с армией приветствовали его как императора римлян. Но в своих договоренностях с Муслимой он обвиняется врагами в том, что согласился на условия, которые облегчили дальнейшее продвижение мусульман, чтобы обеспечить себе поход на Константинополь. Во время этого похода он встретил сына Феодосия III, которого он победил. Феодосий отрекся от престола и удалился в монастырь;^[44] а Лев торжественно вошел в столицу через Золотые ворота и был коронован патриархом в церкви Святой Софии 25 марта 717 года.

Положение Льва по-прежнему оставалось чрезвычайно сложным. Халиф Сулейман, который видел, как один частный авантюрист сменял другого на императорском троне, считал момент благоприятным для окончательного завоевания христиан; усилив армию своего брата, он приказал ему осадить Константинополь. Империя сарацин достигла теперь своего наибольшего размаха. От берегов Сихуна и Инда до побережья Атлантического океана в Мавритании и Испании приказам Сулеймана беспрекословно подчинялись. Недавние завоевания Испании на западе и Ферганы, Кашгара и Синдха на востоке настолько воодушевили мусульман, что ни одно предприятие не казалось им трудным. Армия, которую Муслима повел на Константинополь, была самой хорошо оснащенной из всех, когда-либо нападавших на христиан; она насчитывала восемьдесят тысяч воинов. Халиф объявил о своем намерении лично выступить в поход с дополнительными силами, если столица христиан окажет длительное сопротивление войскам ислама. Говорят, что в экспедиции участвовало 180 000 человек, и эта цифра не кажется сильно преувеличенной, если учесть моряков флота и подкрепления, которые прибыли в лагерь перед Константинополем.

ОСАДА КОНСТАНТИНОПОЛЯ (717-718 гг. н. э.)

[717-718 гг. н. э.]

Муслима, захватив Пергам, двинулся на Абидос, где к нему присоединился сарацинский флот. Затем он переправил свою армию через Геллеспонт и, маршируя вдоль берега Пропонтиды, осадил Лео в его столице как с суши, так и с моря.^[45] Крепкие стены Константинополя, оборонительные сооружения, которыми римское и греческое искусство укрепило валы, и мастерство византийских инженеров сделали безнадежными все попытки взять город штурмом, так что сарацины были вынуждены полагаться на строгую блокаду, чтобы овладеть городом. Они окружили свой лагерь глубоким рвом и укрепили его мощной дамбой. Затем Мослема отправил большие отряды для сбора фуража и уничтожения провианта, который в противном случае мог бы попасть в осажденный город. Присутствие активного врага и многолюдного города требовало постоянной бдительности со стороны значительной части его сухопутных войск.

Флот сарацин состоял из 1800 военных кораблей и транспортных судов. Для формирования блокады он был разделен на две эскадры: одна была размещена на азиатском побережье, в портах Эутропий и Антим, чтобы предотвратить поступление провианта с архипелага; другая занимала базу на европейском берегу Босфора выше мыса Галата, чтобы перекрыть все коммуникации с Черным морем и городами Херсоном и Трапезундом. Первое морское сражение произошло, когда флот занимал свои позиции в Босфоре. Течение, усилившееся из-за изменения ветра, привело к смущению тяжелых кораблей и транспортных судов. Осажденные направили несколько брандеров на скученные корабли и сумели сжечь несколько из них, а остальные оттеснили к берегу под стены Константинополя. Сарацинский адмирал Сулейман, уверенный в количестве оставшихся у него военных кораблей, решил отомстить за свое частичное поражение полной победой. Он разместил по сто отборных арабов в полном доспехе на каждом из своих лучших кораблей и, продвинувшись к стенам Константинополя, предпринял энергичную попытку ворваться в город, как это сделал много позже дож Дандоло. Лев был хорошо подготовлен к отражению атаки, и под его опытным руководством арабы были полностью разгромлены. Ряд сарацинских кораблей был сожжен греческим огнем, который осажденные запустили со своих стен. После этого поражения Сулейман отвёл европейскую эскадру своего флота в Состенийский залив.

Осаждающие разбили лагерь перед Константинополем 15 августа 717 года. Халиф Сулейман^[46] умер, не успев послать подкрепление своему брату. Зима оказалась необычайно суровой. Вся местность вокруг Константинополя оставалась покрытой глубоким снегом в течение многих недель. Большая часть лошадей и верблюдов в лагере Мослема погибла; многие из лучших солдат, привыкшие к мягким зимам Сирии, умерли из-за того, что не приняли необходимых мер предосторожности против северного климата. Трудности с добыванием продовольствия разрушили дисциплину в войсках. Эти несчастья усугубились преждевременной смертью адмирала Сулеймана. Тем временем Лев и жители Константинополя, сделав необходимые приготовления к длительной осаде, провели зиму в безопасности. Весной флот, оснащенный в Александрии, доставил Мослеме припасы. Четыреста транспортных судов в сопровождении военных кораблей проплыли мимо Константинополя, вошли в Босфор и заняли свои позиции в Калос-Агросе. Другой флот, почти столь же многочисленный, вскоре прибыл из Африки и бросил якорь в бухтах на побережье Вифинии. Эти позиции обеспечивали защиту от брандеров гарнизона Константинополя. Экипажи новых транспортных судов в основном состояли из христиан, и слабость армии Муслима наполняла их страхом. Многие сговорились дезертировать. Ночью

они захватили лодки своих кораблей и в большом количестве бежали в Константинополь, где сообщили императору о точном расположении всех сил сарацин. Лев немедленно воспользовался затруднительным положением врага. При благоприятном ветре к транспортным судам были отправлены брандеры, а военные корабли, оснащенные устройствами для метания греческого огня, усилили замешательство. Эта смелая атака увенчалась успехом, и часть военно-морских сил сарацин была уничтожена. Некоторые корабли стали жертвой пламени, некоторые были выброшены на берег, а некоторые были захвачены византийской эскадрой.

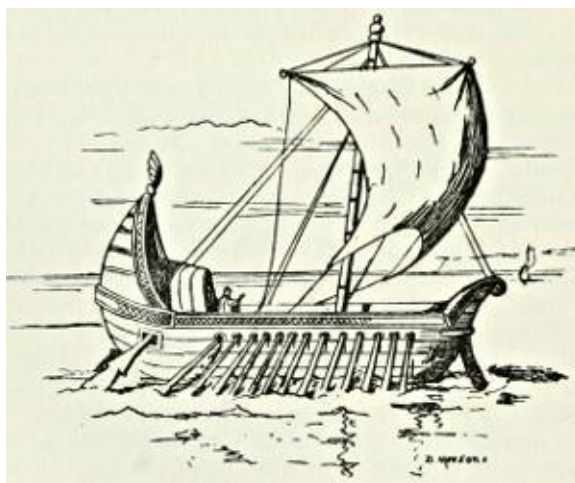
Блокада теперь закончилась, поскольку войска Мослема умирали от голода, а осажденные жили в изобилии; но сарацин упорно продолжал удерживать свой лагерь в Европе. Только после того, как его отряды, выезжавшие за провизией, были неоднократно перерезаны, а все выючные животные были съедены, он согласился позволить знамени пророка отступить перед христианами. Остатки его армии были погружены на остатки флота, и 15 августа 718 года Мослема снял осаду, разрушив одну из лучших армий, когда-либо собранных сарацинами, упорно настаивая на безнадежном предприятии. Войска высадились в Проконнесе и через Малую Азию вернулись в Дамаск, но флот столкнулся с сильным штормом при прохождении через архипелаг. Рассеянные корабли преследовались греками с островов, и так много из них было потеряно или захвачено, что только пять кораблей сирийской эскадры вернулись домой.

[718-739 гг. н. э.]

Сохранилось мало военных подробностей о защите Константинополя Львом, но нет сомнений, что это был один из самых блестящих подвигов военной эпохи.

Тщеславие галльских писателей преувеличило успех Карла Мартелла в борьбе с грабительской экспедицией испанских арабов, превратив его в чудесную победу, и приписало освобождение Европы от ига сарацин доблести франков. Завеса тайны покрыла таланты и мужество Льва, солдата удачи, только что взошедшего на императорский трон, который сорвал давно запланированные планы завоевания халифов Велида и Сулеймана. К сожалению, у нас нет литературы Исаврии.^u

Мировое историческое значение этого события невозможно переоценить. Арабское наступление достигло своего апогея. Византия и ее император, отразивший его, спасли христианство и западную цивилизацию. И по сей день в гимне «Акатист» православная церковь благодарит трех великих героев — Ираклия, Константина IV и Льва III — за спасение от опасностей, исходивших от авар, персов и арабов.^d

Катастрофа армии Муслимы и состояние халифата во время правления Омара II и Язида II избавили империю от всякой непосредственной опасности, и Лев смог продолжить свои планы по реорганизации армии и защите своих владений от будущих вторжений. Война вяло продолжалась в течение нескольких лет, и сарадины были постепенно изгнаны из большинства своих завоеваний за пределами горы Тавр. В 726 году Лев был сбит с толку мятежами и восстаниями, вызванными его указами против поклонения изображениям. Хишам воспользовался этой возможностью и послал две мощные армии для вторжения в империю. Цезарея была взята Мосумой, а другая армия под командованием Моавии продвинулась вперед и осадила Никею. Лев был очень доволен тем, что сарадины тратили свои ресурсы на атаку отдаленной крепости, но, хотя они были отбиты под Никеей, они отступили без серьезных потерь, унеся с собой огромную добычу. Грабительские набеги арабов часто возобновлялись по суше и по морю. В одной из этих экспедиций знаменитый Сид-аль-Баттал увез человека, которого сарадины провозгласили претендентом на византийский трон под предлогом, что он был Тиберием, сыном Юстиниана II. Два сына халифа не раз появлялись во главе вторгшихся армий. В 739 году сарацинские войска в огромном количестве вторглись в Малую Азию, полные энергии. Лев, принявший командование византийской армией, в сопровождении своего сына Константина выступил навстречу Сид-аль-Батталу, чья великая слава делала его самым опасным врагом. Битва произошла при Акроиноне, в Анатолийском теми, в которой сарадины были полностью разгромлены. Доблестный Сид, самый известный поборник ислама, погиб на поле боя, но слава о его подвигах заполнила многие тома мусульманских романов и послужила источником для некоторых рассказов, которые украсили память о Сиде Испанском через триста лет после победы Льва. Западные христиане всячески лишили Византийскую империю ее славы. После этого поражения сила сарацин перестала угрожать империи, пока энергия халифата не возродилась благодаря энергичной администрации Аббасидов, сменивших Омейядов в 750 году.

Победы Льва над мусульманами были необходимым шагом для установления его личной власти. Но меры административной мудрости, которые сделали его правление новой эпохой в римской истории, являются его наиболее важной чертой в анналах человечества.

ВОССТАНИЕ ПРОТИВ ЛЕОНА

[726-729 гг. н. э.]

Вся политика правления Льва оценивается по его церковным реформам. Они были строго осуждены всеми историками и, по-видимому, встретили яростное сопротивление со стороны значительной части его подданных. Общее недовольство сохранило достаточно достоверной информации, чтобы можно было объективно оценить достоинства и недостатки его политики.

Лев начал свои церковные реформы в 726 году, издав указ, предписывающий размещать все изображения в церквях на такой высоте, чтобы люди не могли их целовать,^[47] и запрещающий поклоняться этим символам или совершать какие-либо акты публичного поклонения им. Против этого умеренного указа императора патриарх Германус и папа Григорий II выступили с решительными протестами. Деспотические принципы правления Льва и жесткие меры централизации, которые он ввел в качестве средства реорганизации

государственной службы, создали его правительству много дополнительных врагов, как будет более подробно показано ниже.

Восстание жителей Греции, произошедшее в 727 году, по-видимому, было вызвано недовольством финансовыми и административными реформами Льва, которым местные обстоятельства, незамеченные историками, придали особую жестокость, а указ против поклонения изображениям разжег в еще большей степени. Единодушие всех классов и ярость народного рвения в защиту своих местных привилегий и суеверий вселяли надежду на свержение Льва и возведение на престол Константинополя грека. Для нападения на столицу была подготовлена морская экспедиция, состоящая из императорского флота в Кикладских островах и сопровождаемая армией с материка. Агаллиан, командовавший императорскими войсками, размещенными для наблюдения за славянами, поселившимися в Греции, был поставлен во главе армии, предназначенной для нападения на завоевателя сарацин. Нового императора звали Космас. В апреле греческий флот появился перед Константинополем. Вскоре стало ясно, что греки, полагаясь на правоту своего дела, сильно переоценили свою доблесть и силу или странным образом недооценили ресурсы иконоборцев. Лев встретил флот, когда тот приблизился к его столице, и полностью разгромил его. Агаллиан, проявив дух героя, увидев полное крах своего предприятия, бросился в море в полном вооружении, не желая сдаваться. Косма был взят в плен вместе с другим вождем и немедленно обезглавлен. Лев, однако, обошелся с большинством пленных мягко.

Сопrotивление, с которым столкнулся Лев, только укрепило его в убеждении, что необходимо увеличить власть центрального правительства в провинциях. Поскольку он искренне привержен мнениям иконоборцев, он был вынужден связать свои церковные реформы с политическими мерами и с еще большим рвением преследовать обе цели. Чтобы обеспечить активную поддержку со стороны всех чиновников администрации и исключить из власти всех поклонников икон, он созвал собрание, называемое *silentium*, состоящее из сенаторов и высших должностных лиц церкви и государства. В этой торжественной обстановке было принято постановление о том, что иконы должны быть удалены из всех церквей по всей империи.

[729-751 гг. н. э.]

Григорий II направил Леону решительные протесты против его первых указов по вопросу поклонения изображениям, и после *silentium* он повторил эти протесты и вступил на более решительный курс противодействия церковным реформам императора, будучи тогда убежденным, что нет никакой надежды на то, что Леон откажется от своих еретических взглядов. Похоже, что Италия, как и остальная часть империи, в некоторой степени избежала гнета имперских налогов во время анархии, предшествовавшей избранию Льва. Но за поражением сарацин под Константинополем последовало восстановление налоговой системы. Чтобы преодолеть сопротивление, которое теперь оказывалось финансовым и церковным реформам, экзарх Павлу было приказано отправиться в Рим и поддержать герцога Марина, который оказался не в состоянии противостоять влиянию папы.

Вся центральная Италия взбунтовалась против этой демонстрации, угрожавшей ее гражданским и религиозным интересам. Экзарх был вынужден запереться в Равенне, поскольку города Италии, вместо того чтобы подчиняться имперским чиновникам, избрали своих собственных магистратов, которым в некоторых случаях присвоили титул герцога. Были созваны собрания, и был принят проект избрания императора Запада; но неудачный исход восстания в Греции охладил мужество итальянцев, и хотя мятежник по имени Тиберий Петасий действительно вступил на престол в Тоскане, он был легко побежден и

убит Евтихием, который сменил Павла на посту экзарха Равенны. Лютпранд, король лангобардов, воспользовавшись этими разногласиями, вторгся на имперскую территорию и захватил Равенну; но Григорий, видя необходимость спасти страну от лангобардов и анархии, написал Урсусу, герцогу Венеции, одному из своих горячих сторонников, и убедил его присоединиться к Евтихию. Ломбарды были разгромлены византийскими войсками, Равенна была отвоевана, и Евтихий вошел в Рим с победоносной армией. Григорий умер в 731 году. Хотя он поднимал итальянские города на сопротивление имперской власти и одобрял меры, которые они принимали для прекращения перечисления налогов в Константинополь, он, по-видимому, не принимал никаких мер для провозглашения независимости Рима.

С 733 года город Рим пользовался политической независимостью под руководством и защитой пап, но чиновники византийских императоров могли проживать в городе, правосудие публично осуществлялось византийскими судьями, и верховенство Восточной империи по-прежнему признавалось. Однако Григорий III настолько полностью отказался от своей верности, что вступил в переговоры с Карлом Мартеллом, чтобы побудить этого могущественного князя принять активное участие в делах Италии. Папа теперь был гораздо более влиятельной фигурой, чем экзарх Равенны, поскольку города центральной Италии, которые взяли на себя управление местным самоуправлением, доверили ведение своих внешних политических отношений Григорию, который таким образом удерживал баланс сил между восточным императором и королем лангобардов. В 742 году, когда Константин V, сын Льва, был занят гражданской войной, лангобарды были на грани завоевания Равенны, но папа Захарий бросил все латинское влияние на сторону Византии и позволил экзарху удержать свою позицию до 751 года, когда Айстульф, король лангобардов, захватил Равенну. Экзарх удалился в Неаполь, и власть византийских императоров в центральной Италии закончилась.²

Лев III умер в 741 году.^[48] Его преемником стал его сын Константин V, прозванный Копроним, которого он короновал императором в 720 году и тринадцать лет спустя женил на Ирине, дочери хана хазар. Прежде чем перейти к более поздним правлениям, мы должны остановиться и рассмотреть ту великую и кровавую полемику, которая привела к тому, что христианство было осуждено мусульманами как идолопоклонническое и раскололо церковь, или, вернее, отделило мирян от церкви. Именно миряне не были идолопоклонниками; именно церковь придерживалась святости и активной силы образов и даже реликвий. Эта тема более подробно рассматривается в истории папства, но не может быть опущена здесь, поскольку она возникла благодаря просвещенному и бесстрашному Льву Исаврику, который осмелился быть последовательным даже до варварства.^a

ИКОНОБРЕЖАТЕЛИ

[717-723 гг. н. э.]

С двенадцатого года хиджры (634 г. н. э.) рука Измаила тяжело лежала на мире, однако в некоторых отношениях жезл надсмотрщика был полезен Византийской империи, особенно внутри страны. Бессмысленный деспотизм, беспечное лицемерие и полная некомпетентность не могли долго удерживаться на троне. Это привело к тому, что на трон вступали смелые военачальники — византийские автократы со времен ислама в среднем были действительно сильнее своих предшественников — и правящие семьи быстро отрывались друг от друга. Когда та или иная династия склонялась к меровингскому типу, она просуществовала лишь недолго. Среди семей, которые под властью ислама носили

корону Византии, выдающееся положение занимала династия, основанная Леоном Исавриком (717-741); после Юстиниана она занимала второе место в порядке византийских династий.

Лев Исавр, человек скромного происхождения, который поднялся от рядового солдата до генерала, и его сын Константин V, которому партийные настроения присвоили постыдное прозвище Копроним, были храбрыми людьми, но они подчинили церковь и народ, как и их предшественники, и, возможно, даже более безжалостно, о чем свидетельствуют их иконоборческие действия. Конечно, в начале агитации, о которой сейчас идет речь, у них не было недостатка в мотивах, которые казались справедливыми и, возможно, таковыми и были в течение некоторого времени. В результате ужасного угнетения со стороны правительственных властей и духовного застоя, который обычно возникает из этого источника, византийский народ привык к поверхностности в религии и, как следствие, к поклонению образам, которое достигло такой степени, что христианство, казалось, вот-вот погрузится обратно в эллинизм.

По этому важному вопросу, который часто был источником большой опасности в течение столетия, папа Григорий I установил неизменное правило. Епископ Серенус из Массилии (Марселя), заметив, что многие из его прихожан поклоняются иконам, принесенным в собор, изгнал их и уничтожил. Григорий I похвалил ревность, с которой Серенус запретил воздавать божественную честь произведениям рук человеческих, но в то же время осудил его за уничтожение изображений. Он также сослался на причину, приведенную другими Отцами Церкви до него, и в частности Паулином Нольским; он пишет: «Церкви украшены изображениями, чтобы те, кто не знает алфавита, могли увидеть на стене то, что они не могут прочитать в Писании.»

Это правило католической церкви — места поклонения должны быть украшены, и эти украшения должны уважаться. Горе тому, кто прикоснется к ним. Но изображение не должно быть принято за то, что оно представляет, оно не должно рассматриваться как нечто божественное. Но, согласно достоверным свидетельствам, сохранившимся до наших дней, греки VIII и IX веков не ограничивались этими рамками; они стали иконопочитателями, как и большинство из них остаются таковыми по сей день.

[723-729 гг. н. э.]

Согласно летописцу Феофану, упомянутое выше злоупотребление пробудило расчетливую амбицию очень могущественного и враждебного соседа. Халиф Язид II, сын Абдул-Малика (720-724), преемник Омара II, издал указ о том, что все изображения должны быть насильно удалены из христианских церквей его империи. Это произошло в 723 году, за три года до того, как Лев Исавр впервые запретил их использование. До этого времени мусульманский правитель не вмешивался в культ своих христианских подданных, которые без притеснений пользовались теми же привилегиями, что и иудеи. Поведение Язида, напротив, дало повод полагать, что отныне халифы будут рассматривать иконопочитание как идолопоклонство, и что те, кто придерживается этой практики, подвергнутся его недовольству, будь то в пределах халифата или за его пределами. Таким образом, вышеупомянутый приказ содержал скрытое объявление войны Византийской империи.

Капитан наемных войск, Византийская империя

Таково было положение дел, когда Лев Исавр решил взять на себя инициативу и отобрать у извечного врага византийской короны оружие, которое тот хотел использовать против нее. В 726 году он издал свой первый указ против икон; он был умеренным по тону, запрещая только поклонение им. Некоторые епископы, сторонники Льва, начали удалять изображения из своих церквей. Когда об этом стало известно, народ взбунтовался, но Лев подавил его силой.

После этого, при Леоне и его сыне Константине Копрониме (741-775), был нанесен удар за ударом. В 729 году Леон созвал конклав и пригласил на него патриарха Германа, человека, который почти достиг предельного возраста. Был представлен закон, предписывающий удалить изображения из всех церквей и побелить расписные стены. Когда от него потребовали ратифицировать этот закон, патриарх заявил, что предпочитает сложить с себя полномочия. Его слова были приняты всерьез, он был сослан в соседнее государство, а вакантное место занял священник Анастасий, готовый служить инструментом. Все епископы королевства были обязаны подчиниться новому закону; немногие, кто сопротивлялся, были смещены.

Вскоре в церквях и других местах не осталось ни одного священного изображения. Над железными воротами императорского дворца висело прекрасное изображение Христа, которое, по преданию, творило чудеса и пользовалось особым почитанием. Император приказал его удалить. При исполнении этого приказа пролилась кровь. Когда солдат по приказу Льва взобрался на ворота замка и собирался нанести первый удар по изображению,^[49] толпа разъярённых женщин набросилась на него и свалила лестницу, на которой он стоял. Солдат упал на землю и был немедленно убит толпой. После этого бунтовщики устремились к резиденции архиепископа, намереваясь разрушить ее и забить камнями патриарха Анастасия, но тот бежал в императорский дворец. Тем временем Лев принял необходимые меры предосторожности: телохранители выбежали и напали на

повстанцев; те, кто сопротивлялся, были убиты или взяты в плен. Лев одержал победу, и до его смерти в 741 году никто не осмеливался нарушать общественный порядок.

ИКОНОБОРЕЦТВО ПОСЛЕ ЛЕОНА

[741-842 гг. н. э.]

После смерти Льва против его преемника Константина вспыхнули заговоры. Он с трудом победил их, но когда обнаружил, что часть церкви, византийские монахи, с непоколебимым упорством защищают древний обычай и тем самым поддерживают его противников, его борьба с иконопочитанием превратилась в бесконечную борьбу с монастырями и всеми другими типичными формами христианства, а также с самой церковью и ее таинствами. Теперь происходили события, подобные тем, что имели место во время Реформации и в XVIII веке. Магистраты получили приказ закрыть все монастыри, многие из них были разрушены, другие превращены в конюшни для кавалерии и лагеря для пехоты; немногим оставшимся не разрешалось принимать послушников. Изгнанные монахи должны были снять свою отличительную одежду и одеваться как другие люди; император заставлял некоторых жениться, не щадя их и оружием насмешек. Однажды он заставил нескольких монахов, каждого из которых вела за руку монахиня, маршировать по ипподрому, где их встретили насмешки толпы.

Начальник варварских наемников, Византийская империя

Под влиянием таких событий при дворе, состоявшем не только из солдат и чиновников, но и из богатых и любящих удовольствия классов, сформировался особый дух, который можно сравнить только с масонством более позднего времени или с баварскими *иллюминатами* XVIII века.

Трон был всем, а церковь, по-видимому, ничем. Во второй раз папство цезарей достигло своего апогея, но не в форме благочестия, как во времена Юстиниана, а в форме просвещения. Греческие епископы терпеливо несли свое бремя, монахов больше не было,

слава империи ослепляла мир, ибо Константин был удачливым правителем и воином, увенчанным славой, победившим в многих сражениях сарацин и болгар, врагов империи. Во время его долгого правления появилась раса, которая знала монастыри и монахов только понаслышке и не имела опыта ничего, кроме масонства и *иллюминатов*.

Тем не менее, после полувекового утверждения своей власти иконоборческая партия потерпела поражение и в конце концов исчезла, не оставив следа.

Две причины в основном способствовали этому замечательному исходу. Во-первых, влияние главы христианского мира. В 726 и 729 годах, когда Лев приступил к принятию мер против икон, ему энергично противостоял папа Григорий II (715-731). Преемники Григория продолжили противодействие, и когда дом Исаврийцев упорно отказывался от справедливости, произошел разрыв с Византией. Открытие, что, несмотря на все проявления насилия, византийский двор в конце концов должен уступить, как только восточная церковь или даже ее часть серьезно встанет на сторону престола Святого Петра, впервые сделанное в догматических спорах IV и V веков, вновь проявилось.

Теперь о второй причине. Среди византийцев появился великий человек, способный собрать воедино все элементы, благоприятные делу церковной свободы, до сих пор разбросанные по всей Восточной империи, и таким образом привести их в практический контакт с Римом. Это был Феодор, игумен монастыря Студий в Константинополе. За исключением кратковременной победы, омраченной недостойной женщиной, императрицей Ириной, под властью которой она произошла (789-802), и в которой приверженцы иконопочитания, или, вернее, защитники церковной независимости, не смогли оказать никакого политического влияния, жизнь Феодора прошла в постоянной борьбе, в которой он проявил несравненный стоицизм и высочайшие способности. Он умер в 826 году.

Дело, за которое он боролся со всей силой своей великой души, торжествовало после его смерти благодаря семени, которое он посеял. В одном отношении его торжество было полным, в другом — лишь частичным. 19 февраля 842 года патриарх Константинополя Мефодий окончательно закрепил право на использование изображений в местах поклонения, учредив праздник Православия. К сожалению, вместе с иконами вернулось и уже упомянутое достойное сожаления злоупотребление. Между тем следует отметить, что в ходе спора франкская церковь неоднократно и энергично отстаивала принципы, установленные папой Григорием I в отношении церковной дисциплины.

Противодействие власти, которую император осуществлял в вопросе образов, было лишь частью плана, который преследовал Феодор Студит; церковь и народ также должны были быть защищены от тирании трона. Императрица Ирина, несомненно, по наущению партии Феодора, без поддержки которой она никогда бы не удержала свою власть, отменила некоторые из самых угнетающих налогов; а император Никифор, свергший Ирину в 802 году и, хотя из страха перед законодательством Ирины и терпевший иконы, с самого начала явно пошел по стопам Льва Исаврийского и его сына Константина Копронима, немедленно восстановил прежнюю тяжесть налогообложения.¹

ПРАВЛЕНИЕ КОНСТАНТИНА V (КОПРОНИМА) (741-775 гг. н. э.)

В течение своего долгого правления, длившегося тридцать четыре года, сын и преемник Льва, Константин V, прозванный Копронимом, с не меньшим рвением нападал на изображения или идолов церкви. Их поклонники исчерпали всю горечь религиозной желчи

в своих портретах этой пятнистой пантеры, этого антихриста, этого летающего дракона из семени змея, который превзошел пороки Элагабала и Нерона. Его правление было долгим избиением всего, что было самым благородным, святым или невинным в его империи. Император лично присутствовал при казни своих жертв, наблюдал за их мучениями, слушал их стоны и без усталости удовлетворял свою жажду крови; тарелка с носами была принята как благодарное подношение, а его слуги часто подвергались бичеванию или калечению от руки самого императора. Его прозвище было образовано от осквернения им крестильной купели. Младенца можно было бы оправдать, но мужские удовольствия Копронима опустили его ниже уровня животного.

В своей религии иконоборец был еретиком, иудеем, мусульманином, язычником и атеистом; а его вера в невидимую силу проявлялась только в его магических обрядах, человеческих жертвоприношениях и ночных жертвоприношениях Венере и демонам древности. Его жизнь была омрачена самыми противоположными пороками, а язвы, покрывавшие его тело, предвосхищали перед его смертью ощущение адских мучений. Часть этих обвинений, которые мы так терпеливо переписали, опровергается своей собственной нелепостью; а в частных анекдотах из жизни принцев ложь легче, так как ее сложнее обнаружить. Не принимая пагубной максимы, что из того, что многое утверждается, что-то должно быть правдой, мы можем, однако, различить, что Константин V был развратным и жестоким. Клевета скорее склонна к преувеличению, чем к вымыслу, и ее развязный язык в некоторой степени сдерживается опытом эпохи и страны, к которым она апеллирует. О епископах и монахах, генералах и магистратах, которые, как говорят, страдали при его правлении, записаны цифры, имена были заметны, казнь была публичной, увечья — видимыми и необратимыми.

ПРАВЛЕНИЕ КОПРОНИМА; ВОЙНЫ С САРАЦЕНАМИ

[741-775 гг. н. э.]

Католики ненавидели личность и правление Копронима, но даже их ненависть является доказательством их угнетения. Они скрывают провокации, которые могли бы оправдать или объяснить его жестокость, но даже эти провокации постепенно разжигали его негодование и укрепляли его характер в использовании или злоупотреблении деспотизмом. Тем не менее, характер пятого Константина не был лишен достоинств, и его правление не всегда заслуживало проклятий или презрения греков. Из признаний его врагов мы узнаем о восстановлении древнего акведука, о выкупе двух тысяч пятисот пленников, о необычайном изобилии того времени и о новых колониях, с помощью которых он заново заселил Константинополь и фракийские города. Они с неохотой хвалят его активность и мужество; он был в поле на коне во главе своих легионов; и хотя удача его войск была переменчива, он торжествовал на море и на суше, на Евфрате и Дунае, в гражданской^[50] и варварской войне. Еретическая похвала должна быть брошена на чашу весов, чтобы уравновесить вес православных упреков. Иконоборцы почитали добродетели князя; через сорок лет после его смерти они все еще молились перед могилой святого. Чудесное видение было распространено фанатизмом или мошенничеством; и христианский герой появился на молочно-белом коне, размахивая копьем против язычников Болгарии: «Нелепая басня», — говорит католический историк, — «поскольку Копроним прикован цепями к демонам в бездне ада».⁴

Как только Константин прочно утвердился на троне, он посвятил свое внимание завершению организации империи, задуманной его отцом. Постоянные нападения сарацин и болгар часто вызывали его во главе своих войск, поскольку состояние общества делало

опасным доверять большие силы под командование подданного. В Византийской империи немногие люди испытывали угрызения совести, нарушая политическую конституцию своей страны, если это позволяло им укрепить свою власть.

В первую очередь необходимо было подавить вторжения сарацин. Империя халифов уже была ослаблена гражданскими войнами, предшествовавшими падению династии Омейядов. Константин воспользовался этими беспорядками. Он отвоевал Германику и Доличе и на некоторое время занял значительную часть Коммагены. Сарацины попытались компенсировать эти потери завоеванием Кипра. Этот остров, по-видимому, был отвоеван Леоном III, поскольку он был оставлен мусульманам Юстинианом II. Флот халифа отплыл из Александрии и высадил армию в порту Керамия, но флот кибирайского *thema* прибыл вовремя, чтобы блокировать корабли врага, и из тысячи мусульманских судов только три смогли спастись (748 г. н. э.). Война продолжалась. Сарацины вторгались в империю почти каждое лето, но эти вторжения не приводили к постоянным завоеваниям. Мягкость и терпимость правительства императора Румынии (ибо это название теперь начали применять к той части Малой Азии, которая принадлежала Византийской империи) были настолько прославлены на Востоке, несмотря на его преследование иконопочитателей в Константинополе, что многие христиане бежали по морю из владений халифа Альмансура, чтобы поселиться в владениях Константина.

ВОЙНЫ С БОЛГАРИЕЙ

Близость болгар к Константинополю делала их более опасными врагами, чем сарацины, хотя их сила была гораздо меньше. Чтобы противостоять их вторжениям, Константин постепенно отремонтировал все укрепления городов на северной границе, а затем приступил к укреплению перевалов, пока болгары не обнаружили, что их грабительские набеги приносят им убытки, а не прибыль. Царь [Кормисос] вторгся в империю с мощной армией. Болгары дошли со своими грабежами до длинной стены, но, несмотря на помощь многочисленных славянских колоний, поселившихся во Фракии, они были разгромлены и с большими потерями отброшены обратно на свою территорию (757 г. н. э.).^[51]

Константин всегда был готов вести войну на их территории. Его предприятие сопряжено было с большими трудностями, и он потерпел несколько поражений, но его военный талант и неустанная энергия не позволили болгарам воспользоваться своими частичными успехами, и вскоре он вновь обрел превосходство. В походах 760, 763 и 765 годов Константин продвинулся далеко вглубь Болгарии и унес огромную добычу. В 766 году он намеревался завершить завоевание страны, начав поход в начале весны. Его флот, состоявший из 2600 кораблей, на которые он погрузил значительные силы пехоты, чтобы войти в Дунай, был атакован одной из тех яростных бурь, которые часто проносятся над Эвксинским морем. Силы, которые, как ожидал император, вскоре сделают его хозяином Болгарии, были внезапно уничтожены. Берега Черного моря были покрыты обломками его кораблей и телами его солдат. Константин немедленно отказался от всякой мысли о продолжении кампании и задействовал всю свою армию для оказания помощи выжившим и обеспечения христианского погребения и почестей умершим. Было заключено перемирие с врагом, и римская армия увидела, что император так же стремится использовать их услуги в интересах гуманности и религии, как и прежде стремился вести их на поле славы и завоеваний. Его поведение в этой ситуации принесло ему такую же популярность среди жителей Константинополя, как и среди войск.

В 774 году он снова собрал армию из восьмидесяти тысяч человек, сопровождаемую флотом из двух тысяч транспортных судов, и вторгся в Болгарию. Болгарский монарх [Телериг] заключил мирный договор, который, однако, был нарушен, как только

Константин вернулся в свою столицу. Но император был готов к этому, и как только он узнал, что враг осадил Верзетию, одну из крепостей, построенных им для защиты границы, он покинул Константинополь в октябре и, внезапно напав на осаждающих, разгромил их армию, нанеся ей большие потери. В следующем году его армия снова была готова выйти в поход, но когда Константин направлялся к ней, он заболел смертельной болезнью, которая заставила его повернуть назад. Взойдя на борт корабля в Селимбрии, чтобы с наименьшими усилиями добраться до Константинополя, он скончался на борту судна у замка Стронгиле, как раз когда достиг стен своей столицы, 23 сентября (775 г.).

Длительная война с болгарами велась скорее с целью обеспечения спокойствия в северных провинциях империи, чем из желания бесплодного завоевания. Необходимость подчинить славянские колонии во Фракии и Македонии центральной администрации и изолировать их от любых политических связей друг с другом или со своими соотечественниками в Болгарии, Сербии и Далмации заставила императора поддерживать сильные войска и предложила политику формирования линии греческих городов и азиатских колоний вдоль северной границы империи. Когда это было сделано, Константин приступил к искоренению разбойничества, которое значительно распространилось во время анархии, предшествовавшей избранию его отца, и которое Лев так и не смог искоренить. Многочисленные банды жили грабежами, находясь в состоянии независимости, в пределах империи. Их называли скамарами. Константин искоренил эти банды. Известный вождь скамаров был публично казнен в Константинополе с величайшей жестокостью: его живой труп был расчленен хирургами после ампутации рук и ног.

Привычная жестокость наказаний в Византийской империи едва ли может избавить память о Константине от упреков в жестокости, которую, как доказывает это наказание, он был готов применять к врагам своей власти, будь то разбойники или иконопочитатели. Поэтому его ошибкой было не только принятие законов, ограничивающих свободу совести, что было проявлением духа того времени, но и применение этих законов с жестокостью, оскорбляющей человеческие чувства. Тем не менее, во многих случаях Константин давал доказательства своей гуманности, а также желания защитить своих подданных. Славяне на побережье Фракии, оснатив несколько пиратских кораблей, увезли многих жителей Тенедоса, Имброса и Самофракии, чтобы продать их в рабство. В этом случае император выкупил две тысячи пятьсот своих подданных, предпочтя унижить свое собственное достоинство, заплатив дань пиратам, чем позволить тем, кто рассчитывал на его защиту, томиться в безнадежном страдании. Ни один другой поступок его правления не демонстрирует столько подлинного величия духа, как этот. Он также заключил с сарацинами соглашение об обмене пленными, о котором уже упоминалось — один из самых ранних примеров обмена между мусульманами и христианами, который впоследствии стал частым явлением на византийских границах. Мужчины обменивались на мужчин, женщины на женщин, а дети на детей. Эти соглашения спасли жизни бесчисленных пленных и сделали будущие войны между сарацинами и римлянами менее жестокими.

Константин активно занимался внутренним управлением, и его планы по улучшению положения жителей его империи осуществлялись в гораздо более грандиозных масштабах, чем современные правительства считают возможным. Один из его планов по возрождению сельского хозяйства в некультивированных районах заключался в заселении их колониями эмигрантов, которым он обеспечил благоприятные условия и эффективную защиту. Как обычно в таких обстоятельствах, мы видим, что годы голода и изобилия сменяют друг друга в быстрой последовательности. Тем не менее, самый ярый враг Константина, аббат Феофан,

признает, что его правление было временем всеобщего изобилия. Правда, он упрекает его в том, что он обременял земледельцев налогами, но он также обвиняет его в том, что он был новым Мидасом, который сделал золото настолько распространенным, что оно стало дешевым. Надо признать, что политическая экономия аббата не так ортодоксальна, как его клевета.

Время и внимание Константина на протяжении всего его правления были в основном заняты военными делами. В глазах его современников он оценивался по своим военным заслугам. Его стратегические способности и неутомимая деятельность были наиболее яркими чертами его правления. Его походы, финансовые меры и созданное ими изобилие были известны всем, но его церковная политика затрагивала сравнительно немногих. Тем не менее, именно по этой политике его правление было исключительно оценено и осуждено в современную эпоху. Основания для осуждения несправедливы. Он не имеет, как его отец, заслуги спасения империи от гибели, но он может претендовать на честь доведения до совершенства реформ, запланированных его отцом, и восстановления военной мощи Римской империи на основе, которая обеспечила византийское господство на несколько столетий. До сих пор историки рассматривали события его правления как случайное нагромождение фактов; но, безусловно, если его можно считать ответственным за преследование поклонников икон, в котором он принимал сравнительно небольшое участие, то он заслуживает признания за свои военные успехи и процветающее управление, поскольку они были результатом его постоянной личной деятельности. Однако история его церковных мер действительно представляет глубокий интерес, поскольку они точно отражают чувства и идеи миллионов его подданных, а также самого императора.

СОБОР 754 ГОДА

Когда его власть укрепилась, он последовательно реализовывал планы своего отца по централизации церковного управления империей. Чтобы подготовиться к окончательному решению вопроса, который, вероятно, в его представлении был связан как с правом императора управлять церковью, так и с вопросом о том, следует ли поклоняться изображениям, он приказал митрополитам и архиепископам провести провинциальные синоды, чтобы дисциплинировать народ для выполнения указов, которые он предлагал принять на общем соборе Восточной церкви.

Этот вселенский собор был созван в Константинополе в 754 году. В нем приняли участие 338 епископов, что составило самое многочисленное собрание христианского духовенства, которое когда-либо собиралось для принятия церковного законодательства.

Ни папа, ни патриархи Антиохии, Александрии и Иерусалима не направили своих представителей на этот собор, который состоял исключительно из византийского духовенства (), поэтому он не имел права считаться вселенским собором. Все его решения были направлены против поклонения изображениям, которое он объявил противоречащим Священному Писанию. Он провозгласил использование изображений и картин в церквях языческой и антихристианской практикой, отмену которой необходимо было провести, чтобы не вводить христиан в искушение. Было осуждено даже использование распятия на том основании, что единственным истинным символом воплощения были хлеб и вино, которые Христос повелел принимать для отпущения грехов.

В своем противостоянии поклонению изображениям собор проявил некоторую враждебность к самой живописи; и любая попытка воплотить священные сюжеты с помощью того, что он называл мертвым и проклятым искусством, глупо изобретенным язычниками, подвергалась резкому осуждению. Таким образом, простой народ был лишен источника идей, которые, хотя и подверженные злоупотреблениям, в целом способствовали цивилизации их умов и могли пробуждать благородные мысли и религиозные устремления. Мы можем полностью согласиться с иконоборцами в том, что с религиозной точки зрения важно не поклоняться изображениям и не позволять людям падать ниц на полу церквей перед изображениями святых, будь то написанными человеческими художниками или чудесным образом; в то же время мы считаем, что стены вестибюлей или портиков священных сооружений могут быть украшены изображениями, представляющими те священные сюжеты, которые наиболее вероятно пробуждают чувства христианской любви. Именно воплощая и облагораживая выражение чувств, общих для всего человечества, современные художники могут объединить в своих произведениях ту комбинацию истины и пламени творческого воображения, которая придает божественный отпечаток многим языческим произведениям.

В сфере человеческих дел нет ничего более демократичного, чем искусство. Однако собор 754 года счел необходимым пожертвовать искусством ради чистоты религии. «Безбожное искусство живописи» было запрещено. Все, кто изготавливал распятия или священные картины для поклонения, публично или в частном порядке, будь то миряне или монахи, подлежали отлучению от церкви и наказанию со стороны государства. В то же время, чтобы предотвратить безразборное уничтожение священных зданий и святынь, обладающих ценными украшениями, богатыми блюдами и драгоценностями, из-за иконоборческого рвения или под его предлогом, собор приказал, чтобы никакие изменения не вносились в существующие церкви без специального разрешения патриарха и императора — это правило носило явные признаки финансовой алчности центральной казны Римской империи. Фанатизм той эпохи проявился в анафеме, которую этот собор произнес против

трех самых выдающихся и добродетельных сторонников поклонения иконам: Германа, патриарха Константинополя, Георгия Кипрского и Иоанна Дамаскина, последнего из отцов греческой церкви. Однако о решениях этого собора известно только из искаженных фрагментов, сохранных его врагами в актах второго Никейского собора и враждебными историками.^[1]

ЛЕВ IV И КОНСТАНТИН VI (775-797 гг. н. э.)

[775-797 гг. н. э.]

Лев IV, сын пятого и отец шестого Константина, был слабым как духом, так и телом, и главной заботой его правления было урегулирование вопроса о престолонаследии. Объединение с молодым Константином было продиктовано чрезмерным рвением его подданных, и император, осознавая свой упадок, после осторожного колебания согласился с их единодушным желанием. Королевский младенец в возрасте пяти лет был коронован вместе со своей матерью Ириной (), и согласие народа было закреплено всеми возможными торжественными и пышными церемониями, которые могли ослепить глаза или связать совесть греков. Клятва верности была принесена во дворце, в церкви и на ипподроме представителями различных сословий государства, которые присягали на святые имена сына и матери Бога.

Первыми, кто принес клятву, и первыми, кто нарушил ее, были пять сыновей Копронима от второго брака; история этих принцев необычна и трагична. Право первородства лишало их права на престол; несправедливость их старшего брата лишила их наследства в размере около 2 000 000 фунтов стерлингов [10 000 000 долларов]; некоторые пустые титулы не считались достаточной компенсацией за богатство и власть; и они неоднократно замышляли заговор против своего племянника до и после смерти его отца (780 г.). Первая попытка была прощена; за второе преступление они были осуждены на церковное состояние; а за третью измену Никифор, старший и наиболее виновный, был лишен глаз, а его четыре брата, Христофор, Никита, Антемей и Евдокс, были наказаны более мягким приговором — ампутацией языков.

Для себя император выбрал варварскую жену, дочь хана хазар, но для своего наследника он предпочел афинскую девственницу, семнадцатилетнюю сироту, единственным достоянием которой, по-видимому, были ее личные достоинства. Свадьба Льва и Ирины была отпразднована с королевской пышностью; она вскоре завоевала любовь и доверие слабого мужа, и в своем завещании он провозгласил императрицу опекуном римского мира и их сына Константина VI, которому было не более десяти лет. В течение его детства Ирина самым умелым и усердным образом выполняла в своей государственной администрации обязанности верной матери; а ее рвение в восстановлении икон заслужило ей имя и почести святой, которые она до сих пор занимает в греческом календаре. Но император достиг зрелого возраста; материнское иго стало более тяжким, и он прислушался к фаворитам своего возраста, которые разделяли его удовольствия и стремились разделить его власть. Их доводы убедили его в его праве, их похвалы в его способности править, и он согласился вознаградить Ирину за ее услуги вечным изгнанием на остров Сицилия. Но ее бдительность и проницательность легко расстроили их опрометчивые планы; аналогичное или более суровое наказание было наложено на них самих и их советников; и Ирина наложила на неблагодарного принца наказание, как на мальчика. После этой борьбы мать и сын возглавили две внутренние фракции; и вместо мягкого влияния и добровольного повиновения она держала в цепях пленника и врага. Императрица была свергнута из-за злоупотребления победой; клятва верности, которую она требовала только для себя, была

произнесена с неохотным ропотом; а смелый отказ армянской гвардии поощрил свободное и общее заявление о том, что Константин VI был законным императором римлян. В этом качестве он взошел на свой наследственный трон и отправил Ирину на жизнь в одиночестве и покое.

ИМПЕРАТРИЦА ИРИНА

Был организован мощный заговор с целью восстановления Ирины; и секрет, хотя и широко распространенный, верно хранился более восьми месяцев, пока император, подозревая опасность, не бежал из Константинополя с намерением обратиться к провинциям и армиям. В результате этого поспешного бегства императрица оказалась на грани пропасти; однако прежде чем она стала умолять о пощаде для своего сына, Ирина направила частное письмо друзьям, которых она поместила в его окружение, с угрозой, что, если они не выполнят ее требования, она раскроет их измену. Их страх сделал их бесстрашными; они схватили императора на азиатском берегу, и его доставили в порфиновую комнату дворца, где он впервые увидел свет. В уме Ирины амбиции заглушили всякое чувство человечности и природы, и на ее кровавом совете было решено лишить Константина возможности занять трон. Слепой сын Ирины прожил еще много лет, угнетаемый двором и забытый миром; династия Исавров тихо угасла, и память о Константине была воскрешена только благодаря браку его дочери Евфросины с императором Михаилом II.^а

ИРИНА И ИКОНОБОЛЬСТВО

Императрица была известна своей поддержкой поклонения иконам. Национальное самолюбие греков и религиозные чувства православных требовали санкции конституционной государственной власти, прежде чем законы, запрещающие поклонение иконам, могли быть открыто отменены. В то время Византийская империя имела церковную, но не политическую конституцию. Одной воли правителя было недостаточно, чтобы изменить органический закон, составлявший часть церковной администрации империи. Для легализации поклонения иконам необходимо было созвать вселенский собор, и чтобы такой собор стал подходящим инструментом для предлагаемой революции, потребовалось много подготовки. Никто не обладал большим талантом устранять сопротивление и заручаться личной поддержкой, чем императрица. Патриарх Павел, ярый иконоборец, был вынужден уйти в отставку и заявить, что он раскаялся в своей враждебности к иконопочитанию, поскольку оно отрезало Константинопольскую церковь от общения с остальным христианским миром. Это заявление указало на необходимость созыва вселенского собора для восстановления этого общения.

Кризис требовал нового патриарха с безупречным характером, большими способностями и прекрасным знанием партийных связей и индивидуальных черт ведущих епископов. Никто из высокопоставленных церковных деятелей, назначенных в основном иконоборческими императорами, не мог быть выбран. Выбор Ирины пал на гражданского лица — Тарасия, главного секретаря императорского кабинета, человека благородного происхождения, пользующегося значительной популярностью и имеющего высокую репутацию благодаря своей учености и честности.

Иконоборцы по-прежнему были сильны в столице, и оппозиция солдат была возбуждена решимостью Тарасия восстановить поклонение образам. Они открыто заявили, что не позволят провести церковный собор и не допустят несправедливого обращения с церковными деятелями своей партии со стороны двора. Несколько беспорядков

предупредили императрицу, что в Константинополе собор провести невозможно. Потребовалось почти три года, чтобы подготовить почву для созыва собора, который наконец состоялся в Никее в сентябре 787 года. В нем приняли участие 367 членов, однако немалое число из них были аббатами и монахами, которые приняли титул исповедников после того, как были изгнаны из своих монастырей по указу иконоборческих правителей. Секретарем двух комиссаров, представлявших императорскую власть, был историк Никифор, впоследствии патриарх Константинополя. Его очерк истории империи с 602 по 770 год является ценным трудом и показывает, что он был человеком с здравым смыслом, когда его восприятие не было затуманено теологическими и церковными предрассудками. На соборе также присутствовали два других выдающихся византийских писателя. Георгий, называемый Синкеллом по должности, которую он занимал при патриархе Тарасии. Он оставил нам хронологическое произведение, в котором сохранились сведения о многих важных фактах, не зафиксированных ни одним другим древним авторитетом. Феофан, друг и спутник Синкелла, продолжил эту работу; и его хронография римской и византийской истории, со всеми ее недостатками, дает нам лучшее представление о состоянии империи в течение длительного периода. Феофан удостоился чести впоследствии стать исповедником в деле почитания икон. Он был изгнан из основанного им монастыря и умер на острове Самотраки в 817 году нашей эры.

[754-787 гг. н. э.]

Второй Никейский собор не имел большего права, чем иконоборческий собор в Константинополе, считаться вселенским собором церкви. Папа Адриан действительно послал представителей от латинской церкви, но церкви Иерусалима, Александрии и Антиохии, патриархи которых страдали под властью халифов, не осмелились вступать в контакт с иностранными властями.

Второй Никейский собор санкционировал поклонение образам как православную практику. В пользу этой практики приводились поддельные отрывки, якобы взятые из ранних отцов церкви, и подлинные цитаты из современных авторов. Симония уже была распространенным злом в греческой церкви. Многие епископы купили свои епархии, и большинство из них, естественно, предпочитали насиловать свои убеждения, чем терять доходы. По этой причине единодушие было легко достигнуто благодаря влиянию двора. Собор постановил, что не только крест является объектом почитания, но и изображения Христа, а также изображения Девы Марии, ангелов, святых и праведников, будь то нарисованные красками, вышитые на священных украшениях или выполненные мозаикой на стенах церквей, являются законными объектами поклонения. В то же время, чтобы защититься от обвинений в идолопоклонстве, было объявлено, что поклонение изображению, которое является лишь знаком почитания, не должно смешиваться с поклонением, которое положено только Богу. Собор в Константинополе, состоявшийся в 754 году, был объявлен еретическим, и все, кто поддерживал его доктрины и осуждал использование изображений, были подвергнуты анафеме. Патриархи Анастасий, Константин и Никита были особенно обречены на вечное проклятие.

Папа принял декреты этого собора, но отказался официально их утвердить, поскольку императрица затягивала с возвращением поместий, принадлежавших Святому Петру. В странах Западной Европы, которые входили в состав Западной империи, суеверия поклонников образов вызывали такое же недовольство, как и фанатизм иконоборцев; и Никейский собор был так же осужден, как и Константинопольский, большим числом просвещенных церковников. Общественное мнение на Западе было почти так же разделено, как и на Востоке; и если бы был созван всеобщий собор латинской церкви, его

беспристрастные решения, вероятно, противоречили бы тем, которые поддерживали папа и Никейский собор.

Карл Великий опубликовал опровержение доктрин этого собора по вопросу поклонения образам. Его работа, называемая *«Книги Карла Великого»*, состоит из четырех частей и, несомненно, была составлена под его непосредственным личным руководством, хотя он, без сомнения, был неспособен написать ее сам.

Темная ночь средневекового невежества и местных предрассудков еще не опустилась на Запад; феодальная анархия еще не ограничила идеи и потребности общества узкой сферой провинциальных интересов. Общественное мнение встревожило папу Адриана, чьи интересы требовали, чтобы отношения между Западом и Востоком не становились дружественными (). Однако его положение заставляло его с большим подозрением относиться к Константину и Ирине, несмотря на их православность, чем к Карлу Великому со всеми его неортодоксальными идеями. Франкский монарх, хотя и отличался от него в церковных взглядах, был надежным политическим защитником. В результате папа старался разжечь ревность, царившую между франкским и византийским правительствами в отношении Италии, где торговые отношения греков все еще уравнивали военное влияние франков. Его клевета, должно быть, глубоко проникла в общественное сознание и способствовала формированию у западных народов неприязни к грекам, которая впоследствии усилилась из-за торговой ревности и религиозных распрей.

КОНЕЦ ВЛАСТИ ВИЗАНТИИ В РИМЕ

[797-802 гг. н. э.]

Исчезновение последних следов верховенства Восточной империи в Риме было самым приятным результатом интриг пап. В Рождество 800 года н. э. Карл Великий возродил Западную империю и получил императорскую корону от папы Льва III в соборе Святого Петра. До этого франкский монарх признавал титульное превосходство Восточной империи и носил титул патриция Римской империи как знак достоинства, присвоенного ему императорами Константинополя; но теперь он возвысил себя до равенства с императорами Востока, приняв титул императора Запада.⁴

МАНТИЯ АРХИЕПИСКОПА, VIII ВЕК

На земле преступления Ирины оставались безнаказанными в течение пяти лет; ее правление было увенчано внешним великолепием;^[52] и если она могла заставить замолчать голос совести, то она не слышала и не принимала во внимание упреки человечества. Римский мир склонился перед правлением женщины; и когда она проезжала по улицам Константинополя, вожжи четырех молочно-белых коней держали столько же патрициев, которые шли пешком перед золотой колесницей своей королевы. Но эти патриции были в большинстве своем евнухами; воспитанные, обогащенные, наделенные первыми достоинствами империи, они подло сговорились против своей благодетельницы; великий казначей Никифор был тайно наделен пурпуром; ее преемник был введен во дворец и коронован в соборе Святой Софии продажным патриархом. Во время их первой встречи она с достоинством пересказала перемены в своей жизни, мягко обвинила Никифора в вероломстве, намекнула, что он обязан своей жизнью ее доверчивой милосердностью, и, в обмен на трон и сокровища, от которых она отказалась, попросила о достойном и почетном отставке. Его алчность отвергла эту скромную компенсацию, и в изгнании на острове Лесбос императрица зарабатывала скудное пропитание трудом на прялке.

НИКИФОР (802-811 гг. н. э.) И МИХАИЛ I (812-813 гг. н. э.)

[802-813 гг.

Несомненно, многие тираны правили более преступно, чем Никифор, но, пожалуй, ни один из них не вызывал столь глубокого всеобщего отвращения у своего народа. Его характер был запятнан тремя отвратительными пороками: лицемерием, неблагодарностью и алчностью; его недостаток добродетели не компенсировался какими-либо выдающимися талантами, а недостаток талантов — какими-либо приятными качествами. Неумелый и неудачливый в войне, Никифор был побежден сарацинами и убит болгарами; и его смерть перевесила в общественном мнении уничтожение римской армии. Его сын и наследник

Ставракий сбежал с поля битвы со смертельным ранением: однако шести месяцев умирающей жизни хватило, чтобы опровергнуть его непристойное, хотя и популярное заявление о том, что он во всем будет избегать подражать примеру своего отца.

В связи с приближающейся смертью Никифора все в дворце и городе, кроме его завистливого брата, называли Михаила, великого магистра дворца и мужа его сестры Прокопии. Не желая отпускать из рук скипетр, который теперь выпадал из его рук, он замыслил убийство своего преемника и лелеял идею превращения Римской империи в демократию. Но эти опрометчивые замыслы только разжигали рвение народа и устраняли сомнения кандидата: Михаил I принял пурпур, и прежде чем он опустился в могилу, сын Никифора умолял нового правителя о милосердии. Если бы Михаил в мирное время взошел на наследственный трон, он мог бы править и умереть отцом своего народа: но его мягкие добродетели были приспособлены к тени частной жизни, и он не был способен контролировать амбиции своих равных или сопротивляться оружию победоносных болгар. В то время как его неспособность и неудачи подвергали его презрению солдат, мужественный дух его жены Прокопии пробуждал их негодование.

Даже греки IX века были возмущены наглостью женщины, которая, стоя перед знаменами, осмеливалась руководить их дисциплиной и воодушевлять их доблесть; и их разнузданные крики советовали новой Семирамиде почитать величие римского лагеря. После неудачной кампании император оставил в зимних кварталах Фракии недовольную армию под командованием своих врагов, и их искусная красноречивость убедила солдат сломать господство евнухов, низвести мужа Прокопии и отстоять право военных выборов. Они двинулись на столицу, но духовенство, сенат и народ Константинополя придерживались дела Михаила, а войска и сокровища Азии могли бы затянуть бедствия гражданской войны. Но его человечность (амбициозные люди назовут это слабостью) не позволяла пролить ни капли христианской крови в его споре, и его посланцы преподнесли победителям ключи от города и дворца. Они были обезоружены его невинностью и покорностью; его жизнь и его глаза были пощажены; и императорский монах наслаждался уединением и религией более тридцати двух лет после того, как он был лишен пурпура и разлучен со своей женой.

ЛЕВ ВЕРМЕНСКИЙ (813-820 гг. н. э.)

[813-820 гг. н. э.]

Мятежник во времена Никифора, знаменитый и несчастный Барданес, однажды из любопытства обратился к азиатскому пророку, который, предсказав его падение, объявил о судьбах трех его главных офицеров: Льва Армянина, Михаила Фригийского и Фомы Каппадокийского, о последовательных правлениях двух первых и о бесплодном и роковом предприятии третьего. Это предсказание подтвердилось, или, скорее, было вызвано событиями. Десять лет спустя, когда фракийский лагерь отверг мужа Прокопии, корона была представлена тому же Леону, первому по военному званию и тайному автору мятежа. Когда он сделал вид, что колеблется, его товарищ Михаил сказал: «Этим мечом я открою ворота Константинополя для вашего императорского владычества или мгновенно вонжу его в вашу грудь, если вы будете упорно сопротивляться справедливым желаниям ваших сослуживцев». Согласие армянина было вознаграждено империей, и он правил семь с половиной лет под именем Льва V.^a

Через шесть дней после коронации болгарский царь Крум напал на Константинополь; заговор с целью убийства болгарина провалился, но была взята полная месть в виде широкомасштабного грабежа и увода в Болгарию пятидесяти тысяч пленных. Крум умер,

готовясь к новому вторжению; Лев уничтожил его армию в Месембрии и опустошил Болгарию (814 г.).^[4]

Воспитанный в лагере и не знакомый ни с законами, ни с литературой, он ввел в свое гражданское управление строгость и даже жестокость военной дисциплины; но если его суровость иногда была опасна для невинных, то для виновных она всегда была грозной. Его религиозная непостоянность была отмечена эпитетом «хамелеон», но католики признали голосом святого и исповедников, что жизнь иконоборца^[53] была полезна для республики. Рвение его товарища Михаила было вознаграждено богатством, почестями и военным командованием; а его подчиненные таланты были с пользой использованы на государственной службе. Однако фригийский вождь был недоволен тем, что получил в качестве милости скудную долю императорской награды, которую он даровал своему равном; и его недовольство, которое иногда испарялось в поспешных речах, в конце концов приняло более угрожающий и враждебный характер по отношению к князю, которого он представлял как жестокого тирана. Однако этот тиран неоднократно выявлял, предупреждал и увольнял своего старого соратника, пока страх и обида не взяли верх над благодарностью; и Михаил, после тщательного расследования его действий и замыслов, был признан виновным в измене и приговорен к сожжению заживо в печи частных бань. Набожная гуманность императрицы Феоданы оказалась роковой для ее мужа и семьи. Для казни был назначен торжественный день, двадцать пятое декабря; она настаивала, что годовщина рождения Спасителя будет осквернена этим бесчеловечным зрелищем, и Лев с неохотой согласился на достойную отсрочку.

Во время великих праздников избранная группа священников и певцов входила во дворец через частные ворота, чтобы петь утреню в часовне; и Лев, который с одинаковой строгостью регулировал дисциплину в хоре и в лагере, редко пропускал эти ранние богослужения. В церковной одежде, но с мечами под одеждами, заговорщики смешались с процессией, притаились в углах часовни и ждали, как сигнал к убийству, интонации первого псалма самим императором. Недостаточное освещение и одинаковая одежда могли бы способствовать его побегу, в то время как их нападение было направлено против безобидного священника; но они скоро обнаружили свою ошибку и окружили со всех сторон королевскую жертву. Без оружия и без друзей он схватил тяжелый крест и встал на пути охотников за его жизнью, но когда он просил пощады, ему ответили: «Сейчас не время пощады, а время мести». Точный удар меча отделил от его тела правую руку и крест, и Лев Армянин был убит у подножия алтаря.

АМОРИЙСКАЯ ДИНАСТИЯ (820-867 гг. н. э.)

МИХАИЛ II (820-829 гг. н. э.)

[820-829 гг. н. э.]

Запоминающийся поворот судьбы произошел с Михаилом II, которого из-за дефекта речи прозвали Заикой. Он был вырван из раскаленной печи и возведен на престол империи; и поскольку в суматохе не удалось быстро найти кузнеца, кандалы оставались на его ногах еще несколько часов после того, как он занял трон цезарей. Королевская кровь, которая была ценой его возвышения, была потрачена напрасно; в пурпуре он сохранил низкие пороки своего происхождения; и Михаил потерял свои провинции с такой безразличностью, как будто они были наследством его отцов.^[54] Его титул оспаривал Томас, последний из военного триумvirата, который перевез в Европу восемьдесят тысяч варваров с берегов Тигра и Каспийского моря. Он организовал осаду Константинополя, но столица была

защищена духовным и мирским оружием; болгарский царь атаковал лагерь восточных войск, и Томас имел несчастье или слабость попасть живым в руки завоевателя. Мятежнику отрубили руки и ноги, посадили на осла и под оскорблениями народа провели по улицам, которые он окропил своей кровью. После смерти своей первой жены император по просьбе сената взял из монастыря Евфросинию, дочь Константина VI. Ее высокое происхождение могло оправдать условие в брачном договоре, что ее дети должны будут поровну делить империю со своим старшим братом. Но брак Михаила и Евфросинии был бездетным, и она довольствовалась титулом матери Феофила, его сына и преемника.

ТЕОФИЛ (829-842 гг. н. э.)

[829-854 гг.]

Характер Феофила является редким примером того, как религиозный фанатизм позволил, а возможно, и усилил добродетели еретика и гонителя. Его доблесть часто ощущалась врагами, а справедливость — подданными монархии; но доблесть Феофила была опрометчивой и бесплодной, а справедливость — произвольной и жестокой (). Он поднял знамя креста против сарацин, но его пять походов закончились сокрушительным поражением (838 г.); Амориум, родной город его предков, был сравнен с землей, и от своих военных трудов он получил только прозвище Несчастный. Мудрость правителя заключается в установлении законов и выборе магистратов, и хотя он кажется бездействующим, его гражданское правительство вращается вокруг его центра с тишиной и порядком планетной системы. Но правосудие Феофила было построено по образцу восточных деспотов, которые в личных и нерегулярных актах власти руководствуются разумом или страстью момента, не соотнося приговор с законом или наказание с преступлением. За некоторые простительные проступки, некоторые недостатки справедливости или бдительности главные министры, префект, квестор, капитан гвардии были изгнаны, или калечены, или ошпарены кипящей смолой, или сожжены заживо на ипподроме; и поскольку эти ужасные примеры могли быть следствием ошибки или прихоти, они, должно быть, отвратили от его службы лучших и мудрейших граждан.

Феофил мог нанести запоздалую месть убийцам Льва и спасителям своего отца, но он наслаждался плодами их преступления, а его ревнивая тирания принесла в жертву брата и принца ради будущей безопасности своей жизни. Перс из рода Сасанидов умер в бедности и изгнании в Константинополе, оставив единственного сына, рожденного от брака с плебейкой. В возрасте двенадцати лет было раскрыто королевское происхождение Феофоба, и его заслуги были достойны его рода. Он получил образование в византийском дворце, был христианином и воином; быстро продвигался по карьерной лестнице, добиваясь удачи и славы; получил руку сестры императора и был повышен до командования тридцатью тысячами персов, которые, как и его отец, бежали от мусульманских завоевателей.

ТЕОДОРА И МИХАИЛ-ПЬЯНИЦА (842-867 гг. н. э.)

Эти войска, вдвойне зараженные наемническими и фанатическими пороками, жаждали восстать против своего благодетеля и поднять знамя своего родного короля, но верный Феофоб отверг их предложения, сорвал их планы и сбежал из их рук в лагерь или дворец своего королевского брата. Щедрая доверительность могла бы обеспечить верного и способного опекуна для его жены и младенца, которым Феофил, в расцвете сил, был вынужден оставить наследство империи. Но его ревность была разжигается завистью и болезнью: он боялся опасных добродетелей, которые могли бы либо поддержать, либо

угнетать их детство и слабость; и умирающий император потребовал голову персидского принца. С диким восторгом он узнал знакомые черты своего брата: «Ты больше не Феофоб», — сказал он и, опускаясь на ложе, добавил дрожащим голосом: «Скоро, слишком скоро, я перестану быть Феофилом!»

Тем не менее, своим последним решением он доверил своей жене Феодоре опеку над империей и своим сыном Михаилом, который остался сиротой в пятилетнем возрасте. Восстановление икон и окончательное искоренение иконоборцев ^[55] сделали ее имя любимым для греков; но в пылу религиозного рвения Феодора с благодарностью относилась к памяти и спасению своего мужа. После тринадцати лет благоразумного и бережливого управления она почувствовала упадок своего влияния; но вторая Ирина подражала только добродетелям своей предшественницы. Вместо того чтобы замышлять заговор против жизни или правления своего сына, она без борьбы, хотя и не без ропота, удалилась в уединение частной жизни, сожалея о неблагодарности, пороках и неизбежной гибели бесполезной молодежи.

[854-867 гг. н. э.]

Среди преемников Нерона и Элагабала мы до сих пор не нашли подражания их порокам, характера римского принца, который считал удовольствие целью жизни, а добродетель — врагом удовольствия. Какой бы ни была материнская забота Феодоры о воспитании Михаила III, ее несчастный сын был королем, прежде чем стал мужчиной. Если амбициозная мать и старалась сдерживать развитие разума, она не могла охладить бурление страстей, и ее эгоистичная политика была справедливо вознаграждена презрением и неблагодарностью упрямого юноши. В возрасте восемнадцати лет он отверг ее власть, не осознавая своей собственной неспособности управлять империей и самим собой. С уходом Феодоры из двора исчезли всякая серьезность и мудрость: их место заняли поочередно господство порока и глупости; и было невозможно, не утратив общественного уважения, приобрести или сохранить благосклонность императора. Миллионы золота и серебра, накопленные для нужд государства, были растрочены на самых низких людей, которые льстили его страстям и разделяли его удовольствия; и за тринадцать лет правления самый богатый из правителей был вынужден лишить дворец и церкви их драгоценного убранства. Как и Нерон, он наслаждался театральными развлечениями и вздыхал о том, чтобы его превзошли в тех достижениях, в которых он должен был бы краснеть от стыда за свое превосходство. Тем не менее, увлечение Нерона музыкой и поэзией свидетельствовало о некоторых признаках либерального вкуса; более низкие искусства сына Феофила ограничивались гонками на колесницах на ипподроме.

Но самой необычной чертой характера Михаила является его кощунственное издевательство над религией своей страны. Суеверие греков действительно могло вызвать улыбку философа, но его улыбка была бы разумной и сдержанной, и он, несомненно, осудил бы невежественную глупость молодого человека, оскорбляющего объекты общественного почитания. Дворцовый шут был одет в одежды патриарха; его двенадцать митрополитов, среди которых был и император, надевали церковные одежды; они использовали или злоупотребляли священными сосудами алтаря; и на своих вакханалиях святое причастие совершалось с помощью отвратительной смеси уксуса и горчицы. Эти безбожные зрелища не скрывались от глаз горожан. В день торжественного праздника император и его епископы, или шуты, ехали на ослах по улицам, встретили истинного патриарха во главе своего духовенства и своими развратными криками и непристойными жестами нарушили торжественность христианской процессии.^[56] Преданность Михаила проявлялась только в некоторых оскорблениях разума или благочестия; он получал свои театральные венцы от

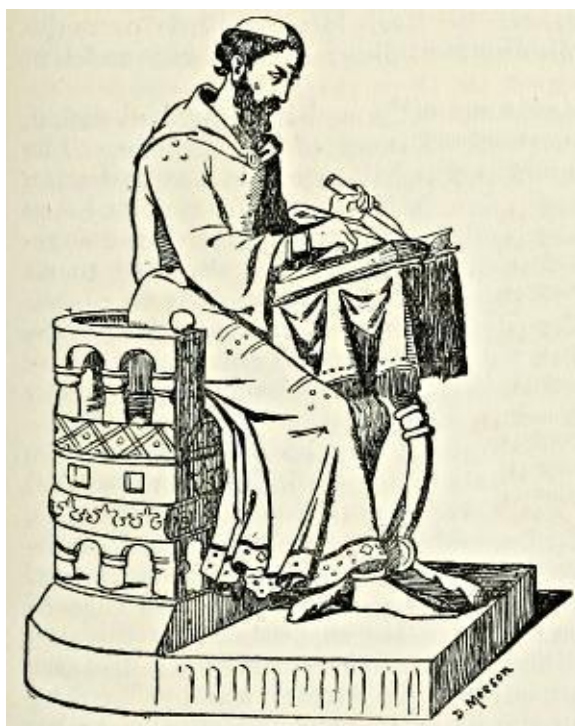
статуи Богородицы, а императорская гробница была осквернена ради сожжения костей Константина Иконоборца. Этим экстравагантным поведением сын Феофила стал столь же презренным, сколь и ненавистным; каждый гражданин с нетерпением ждал освобождения своей страны; и даже фавориты того времени опасались, что каприз может отнять то, что каприз даровал. В тридцатилетнем возрасте, в час опьянения и сна, Михаил III был убит в своей комнате основателем новой династии, которого император возвысил до равного с собой ранга и власти.^a

Именно во время его правления Фотий был незаконно назначен патриархом, что вызвало такие разногласия, что к римскому папе была подана апелляция, как описано в следующем томе под заголовком «Папство». В 865 году русские также совершили набег на Константинополь. Это было их первое появление в цивилизованном мире, и хотя они были отбиты, они произвели глубокое впечатление своей жестокостью.^a

Династия Василиев или Македонидов (867-1057 гг. н. э.)

ВАСИЛИЙ (867-886 гг. н. э.)

Арсакиды, соперники Рима, владели скипетром Востока почти четыреста лет, младшая ветвь этих парфянских царей продолжала править в Армении, и их королевские потомки пережили раздел и порабощение этой древней монархии. Двое из них, Артабан и Хлиен, бежали или удалились ко двору Льва I, который щедро предоставил им безопасное и гостеприимное изгнание в провинциях Македонии; Адрианополь стал их окончательным местом поселения.

Ученый IX века

[835-886 гг. н. э.]

На протяжении нескольких поколений они сохраняли достоинство своего происхождения, а их римский патриотизм отвергал заманчивые предложения персидских и арабских

властей, которые призывали их вернуться на родину. Но их великолепие незаметно померкло под воздействием времени и бедности, и отец Василия был вынужден довольствоваться небольшой фермой, которую он обрабатывал своими руками; тем не менее, он презирал мысль о том, чтобы опозорить кровь Арсакидов плебейским союзом; его жена, вдова из Адрианополя, с удовольствием считала среди своих предков великого Константина; а их королевский младенец был связан каким-то темным родством по линии происхождения или страны с македонским Александром. Едва он родился, как колыбель Василия, его семья и его город были сметены наводнением болгар; он был воспитан как раб в чужой стране; и в этой суровой дисциплине он приобрел крепость тела и гибкость ума, которые способствовали его будущему возвышению. В юности или зрелом возрасте он участвовал в освобождении римских пленников, которые великодушно разорвали свои оковы, прошли через Болгарию к берегам Эвксинского моря, разгромили две армии варваров, сели на корабли, которые были приготовлены для их приема, и вернулись в Константинополь, откуда их распределили по их домам. Но свобода Василия была голой и нищей; его ферма была разрушена бедствиями войны. После смерти отца его физический труд или служба больше не могли прокормить семью сирот, и он решил искать более заметную сцену, на которой каждая добродетель и каждый порок могут привести к величию.

В первую ночь после прибытия в Константинополь, без друзей и денег, уставший пилигрим спал на ступенях церкви Святого Диомеда; его накормил случайный гостеприимный монах и представил на службу двоюродному брату и тезке императора Феофила, который, хотя и был небольшого роста, всегда окружен был свитой высоких и красивых слуг. Василий сопровождал своего покровителя в правительство Пелопоннеса; затмил своими личными достоинствами происхождение и достоинство Феофила и установил полезные связи с богатой и благотворительной матроной из Патры. Ее духовная или плотская любовь охватила молодого авантюриста, которого она усыновила. Даниэлис подарила ему тридцать рабов, а плоды ее щедрости были потрачены на содержание его братьев и покупку нескольких крупных поместий в Македонии. Его благодарность или амбиции по-прежнему привязывали его к службе Феофилу, и счастливый случай привлек к нему внимание двора.

Известный борец из свиты болгарских послов бросил вызов самым смелым и сильным грекам на королевском банкете. Сила Василия была высоко оценена; он принял вызов, и варварский чемпион был повержен с первого же удара. Красивая, но злобная лошадь была приговорена к кастрации; она была укрощена ловкостью и мужеством слуги Феофила, а его победитель был повышен до почетного звания в императорских конюшнях. Но было невозможно завоевать доверие Михаила, не подчиняясь его порокам; и его новый фаворит, великий камергер дворца, был возвышен и поддержан позорным браком с королевской наложницей и бесчестьем его сестры, которая заняла ее место.

Государственное управление было передано цезарю Бардасу, брату и врагу Феодоры; но искусство женского влияния убедило Михаила ненавидеть и бояться своего дядю; он был вывезен из Константинополя под предлогом экспедиции на Крит и заколот в палатке для аудиенций мечом камергера в присутствии императора. Примерно через месяц после этой казни Василий был удостоен титула Августа и правления империей. Он поддерживал это неравный союз, пока его влияние не укрепилось благодаря уважению народа. Его жизнь была подвержена опасности из-за капризов императора, а его достоинство было осквернено вторым коллегой, который греб на галерах. Тем не менее, убийство его благодетеля должно быть осуждено как акт неблагодарности и измены, а церкви, которые он посвятил имени святого Михаила, были слабым и детским искуплением его вины.

Но самая весомая похвала Василию вытекает из сравнения разрушенной и процветающей монархии, той, которую он отнял у развратного Михаила, и той, которую он завещал македонской династии.^[57] Зло, освященное временем и примером, было исправлено его мастерской рукой; и он возродил, если не национальный дух, то, по крайней мере, порядок и величие Римской империи. Он был неутомим в своих усилиях, хладнокровен, обладал энергичным и решительным умом; в своей практике он соблюдал ту редкую и благотворную умеренность, которая стремится к каждой добродетели, находящейся на равном расстоянии от противоположных пороков. Его военная служба ограничивалась дворцом; император не был наделен духом или талантами воина. Однако под его правлением римское оружие вновь стало грозным для варваров.^[58] Как только он сформировал новую армию, обучив ее дисциплине и тренировкам, он лично появился на берегах Евфрата, обуздал гордость сарацин и подавил опасное, хотя и справедливое восстание манихеев.^[59]

[867-886 гг. н. э.]

Но его главная заслуга заключалась в гражданском управлении финансами и законами. Чтобы пополнить истощенную казну, было предложено возобновить щедрые и неуместные подарки его предшественника; его благоразумие уменьшило половину суммы возмещения, и сумма в 1 200 000 фунтов стерлингов [6 000 000 долларов] была немедленно получена для удовлетворения самых насущных потребностей и для обеспечения некоторого пространства для зрелых операций экономии. Среди различных схем по улучшению доходов был предложен новый способ подушной подати, или дани, который слишком сильно зависел бы от произвола оценщиков. Министр немедленно составил достаточный список честных и способных агентов, но при более тщательном рассмотрении самим Василием удалось найти только двух, которым можно было бы безопасно доверить такие опасные полномочия, и они оправдали его уважение, отказавшись от его доверия. Но серьезное и успешное усердие императора постепенно установило справедливый баланс между собственностью и платежами, доходами и расходами; для каждой службы был выделен специальный фонд, а публичный метод обеспечил интересы князя и собственность народа. После реформирования роскоши он выделил два родовых поместья для обеспечения достойного изобилия императорского стола; взносы подданных были зарезервированы для его защиты, а остаток был использован для украшения столицы и провинций.

В качестве судьи он был прилежен и беспристрастен, стремясь спасти, но не боясь наказать; угнетатели народа подвергались суровому наказанию, но его личные враги, которых было небезопасно прощать, были осуждены, после потери глаз, на жизнь в одиночестве и покаянии. Изменение языка и нравов потребовало пересмотра устаревшей юриспруденции Юстиниана. Объемный корпус его *«Институтов»*, *«Пандект»*, *«Кодекса»* и *«Новелл»* был переработан под сорока названиями на греческом языке; а *«Базилика»* и ^[60], которые были усовершенствованы и завершены его сыном и внуком, должны быть отнесены к гению первоначального основателя их рода. Это славное правление закончилось несчастным случаем на охоте. Разъяренный олень запутался рогами в поясе Василия и сбросил его с лошади; его спас слуга, который перерезал пояс и убил животное; но падение или лихорадка истощили силы пожилого монарха, и он скончался во дворце среди слез своей семьи и народа. Если он отрубил голову верному слуге за то, что тот осмелился направить свой меч на своего повелителя, то гордость деспотизма, которая дремлющая в его жизни, возродилась в последние минуты отчаяния, когда он уже не хотел и не ценил мнения человечества.

Из четырех сыновей императора Константин умер раньше своего отца, чье горе и доверчивость были развлечены льстивым самозванцем и тщеславным привидением.^[61] Стефан, самый младший, был доволен почестями патриарха и святого; и Лев, и Александр были наделены пурпуром, но власть в государстве принадлежала исключительно старшему брату.^а

ЛЕВ VI ФИЛОСОФ (886-911 гг. н. э.)

Во время его правления продолжалась война с сарацинами; главным бедствием стала потеря второго по величине города империи, Фессалоник, который был взят после ожесточенной осады в 904 году и безжалостно разграблен. Более двадцати тысяч жителей, избежавших смерти, были проданы в рабство. В 912 году римляне также потерпели поражение на море. В 893 году болгары навязали Льву позорный мир.⁴

Имя Льва VI удостоено титула философа, и союз принца и мудреца, активных и спекулятивных добродетелей, действительно составлял бы совершенство человеческой природы. Но претензии Льва далеко не соответствуют этому идеальному совершенству.

Если мы все еще ищем причину его прозвища «мудрец», то можно ответить только тем, что сын Василия был менее невежественен, чем большая часть его современников в церкви и государстве; что его образованием руководил ученый Фотий; и что несколько книг по светской и церковной науке были написаны пером или от имени императорского философа. Но репутация его философии и религии была разрушена внутренним пороком — повторением его браков.

В начале своего правления Лев сам отменил институт наложниц и осудил, не аннулируя, третьи браки; но его патриотизм и любовь вскоре заставили его нарушить свои собственные законы и подвергнуть себя наказанию, которое в подобном случае он наложил на своих подданных. В первых трех браках его брачное ложе было бесплодным; император нуждался в женском обществе, а империя — в законном наследнике. Красавица Зоя была представлена во дворец в качестве наложницы; и после проверки ее плодовитости и рождения Константина ее любовник объявил о своем намерении узаконить мать и ребенка, заключив четвертый брак. Но патриарх Николай отказал ему в благословении; императорское крещение молодого принца было получено благодаря обещанию разлуки, а непокорный муж Зои был исключен из общения с верующими. Ни страх изгнания, ни отступничество его братьев, ни авторитет латинской церкви, ни опасность неудачи или сомнения в преемственности империи не могли сломить дух неуступчивого монаха. После смерти Льва он был отозван из изгнания в гражданскую и церковную администрацию; а эдикт о союзе, который был обнародован от имени Константина, осуждал будущий скандал четвертых браков и оставлял негласное обвинение в отношении его собственного рождения.

КОНСТАНТИН VII ПОРФИРОГЕНЕТ (911-919 гг. н. э.) (944-959 гг. н. э.)

В греческом языке «пурпур» и «порфир» — одно и то же слово; и поскольку цвета природы неизменны, мы можем понять, что темно-красный цвет был тирийским красителем, который окрашивал пурпур древних. Один из залов византийского дворца был облицован порфиром; он был предназначен для беременных императриц; а королевское происхождение их детей выражалось в названии «порфиорогенет», или «рожденный в пурпуре». Несколько римских принцев были благословлены наследником, но это особое прозвище впервые было применено к Константину VII. Его жизнь и титульное правление были одинаковой продолжительности (), но из пятидесяти четырех лет шесть прошло до смерти его отца, и сын Лева всегда был добровольным или невольным подданным тех, кто угнетал его слабость или злоупотреблял его доверием. Его дядя Александр, который долгое время носил титул Августа, был первым коллегой и правителем молодого принца; но в своей стремительной карьере порока и глупости брат Льва уже превзошел по репутации Михаила; и когда он умер в своё время, он задумывал кастрировать своего племянника и оставить империю ничтожному фавориту.

РОМАН ЛЕКАПЕН (919-944 гг. н. э.)

[919-944 гг. н. э.]

Следующие годы несовершеннолетия Константина были заняты его матерью Зоей и семью регентами (^[62]), которые преследовали свои интересы, удовлетворяли свои страсти, отказались от республики, вытесняли друг друга и, наконец, исчезли в присутствии солдата. Роман Лекапен, происходивший из неизвестной семьи, поднялся до командования военноморскими силами и в условиях анархии того времени заслужил, или, по крайней мере, получил, национальное уважение. С победоносным и лояльным флотом^[63] он вплыл из устья Дуная в гавань Константинополя и был провозглашен освободителем народа и защитником принца. Его высшая должность сначала определялась новым титулом отца императора, но Роман вскоре презирал подчиненные полномочия министра и, приняв титулы Цезаря и Августа, обрел полную независимость королевской власти, которой он обладал почти двадцать пять лет. Его три сына, Христофор, Стефан и Константин VIII, были удостоены тех же почестей, а законный император был понижен с первого до пятого ранга в этом колледже принцев. Тем не менее, сохранив жизнь и корону, он все еще мог радоваться своей удаче и милосердию узурпатора.

Примеры древней и современной истории оправдывали бы амбиции Романа; власть и законы империи были в его руках; незаконное происхождение Константина оправдывало бы его исключение; и могила или монастырь были готовы принять сына наложницы. Но Лекапен, по-видимому, не обладал ни добродетелями, ни пороками тирана. Ученый нрав и уединенность Константина обезоруживали ревность к власти: его книги и музыка, его перо и карандаш были постоянным источником развлечения; и если он мог пополнить скудное содержание продаж своих картин, то, хотя их цена и не повышалась благодаря имени художника, он был наделен личным талантом, которым немногие принцы могли воспользоваться в час бедствия.

Падение Романа было вызвано его собственными пороками и пороками его детей. После смерти Кристофера, его старшего сына, два выживших брата поссорились друг с другом и сговорились против своего отца. В полдень, когда все посторонние были, как обычно, исключены из дворца, они вошли в его апартаменты с вооруженной силой и перевезли его, одетого в монашескую одежду, на небольшой остров в Пропонтиде, который был заселен религиозной общиной. Слухи об этой внутренней революции вызвали беспорядки в городе, но только Порфириогенет, истинный и законный император, был объектом общественной заботы, а сыновья Лекапена поздним опытом поняли, что они совершили преступное и опасное предприятие в интересах своего соперника. Их сестра Елена, жена Константина, раскрыла или предположила их вероломный замысел убить ее мужа на королевском банкете. Его верные сторонники были встревожены, и двух узурпаторов задержали, лишили императорского титула и отправили на тот же остров и в тот же монастырь, где недавно был заключен их отец. Старый Роман встретил их на берегу с саркастической улыбкой и, справедливо упрекнув их в глупости и неблагодарности, предложил своим императорским коллегам равную долю своей диеты, состоящей из воды и овощей.

[944-963 гг. н. э.]

На сороковом году своего правления Константин VII получил во владение восточный мир, которым он правил, или казалось, что правил, около пятнадцати лет. Но он был лишен той энергии характера, которая могла бы проявиться в жизни, полной действий и славы; а занятия, которые развлекали его и придавали достоинство его досугу, были несовместимы с

серьезными обязанностями правителя. Император пренебрегал практикой обучения своего сына Романа теории управления; потакая своим привычкам к невоздержанности и лени, он передал бразды правления в руки своей жены Елены; и в условиях меняющихся прихотей и капризов Елены каждый министр с сожалением уступал место более бесполезному преемнику. Тем не менее, происхождение и несчастья Константина сделали его любимым для греков; они прощали ему его недостатки; они уважали его ученость, его невинность и милосердие, его любовь к справедливости; и церемония его похорон сопровождалась искренними слезами его подданных (959). Тело, согласно древнему обычаю, было выставлено в вестибюле дворца, и гражданские и военные чиновники, патриции, сенат и духовенство подходили в установленном порядке, чтобы поклониться и поцеловать безжизненное тело своего повелителя. Прежде чем процессия двинулась к императорской гробнице, глашатай провозгласил это страшное предупреждение: «Встань, о царь мира, и повинуйся призыву Царя царей!»

РОМАН II (959-963 гг. н. э.)

Смерть Константина была приписана отравлению, и его сын Роман, получивший это имя от своего деда по материнской линии, взошел на престол Константинополя. Принц, которого в возрасте двадцати лет можно было заподозрить в стремлении к преждевременному получению наследства, наверняка уже утратил уважение народа; однако Роман был скорее слабым, чем злым, и большая часть вины была возложена на его жену Феофано, женщину низкого происхождения, с мужским характером и порочными манерами. Чувство личной славы и общественного счастья, истинные удовольствия королевской власти, были неизвестны сыну Константина; и пока два брата, Никифор и Лев, одерживали победы над сарацинами, часы, которые император должен был посвятить своему народу, были потрачены на напряженное безделье.

По силе и красоте он выделялся среди своих сверстников; высокий и прямой, как молодой кипарис, он имел светлый и румяный цвет лица, блестящие глаза, широкие плечи, длинный и орлиный нос. Однако даже эти совершенства были недостаточны, чтобы завоевать любовь Феофано; и после четырех лет правления Феофано смешала для своего мужа тот же смертельный напиток, который, как полагали, она приготовила для его отца.

От брака с этой безбожной женщиной Роман Младший оставил двух сыновей, Василия II и Константина IX, и двух дочерей, Феофано и Анну. Старшая сестра была выдана замуж за Оттона II, императора Запада; младшая стала женой Владимира, великого князя и апостола Руси, и благодаря браку ее внучки с Генрихом I, королем Франции, кровь Македонов и, возможно, Арсакидов до сих пор течет в жилах династии Бурбонов.

После смерти мужа императрица стремилась править от имени своих сыновей, старшему из которых было пять лет, а младшему — всего два года; но вскоре она почувствовала нестабильность трона, который поддерживали женщина, которую нельзя было уважать, и два младенца, которых нельзя было бояться. Феофано огляделась в поисках защитника и бросилась в объятия самого храброго воина; ее сердце было вместительным, но уродство нового фаворита делало более чем вероятным, что мотивом и оправданием ее любви были интересы.

НИКИФОР ФОКА (963-969 гг. н. э.)

Никифор Фока, по общему мнению, обладал двойным достоинством героя и святого. В первом качестве его качества были подлинными и великолепными: потомок рода, прославленного своими военными подвигами, он проявил на каждой должности и в каждой провинции мужество солдата и поведение вождя; и Никифор был увенчан недавними лаврами за важное завоевание острова Крит. Его религиозность была более неоднозначной; его власяница, пост, благочестивые выражения и желание уйти из мира были удобной маской для его мрачных и опасных амбиций. Тем не менее он оказал влияние на святого патриарха, благодаря чему и по указу сената ему было доверено, пока молодые принцы были несовершеннолетними, абсолютное и независимое командование восточными армиями. Как только он обеспечил себе поддержку военачальников и войск, он смело двинулся на Константинополь, разгромил своих врагов, признался в своей переписке с императрицей и, не лишая ее сыновей титулов, присвоил себе титул Августа, высший ранг и полную власть. Но его брак с Феофано был отвергнут тем же патриархом, который возложил на его голову корону; за свой второй брак он был подвергнут году канонического покаяния; их торжеству препятствовало духовное родство; и потребовались некоторые уловки и клятвопреступления, чтобы заставить замолчать сомнения духовенства и народа. Популярность императора была утрачена в пурпуре; за шесть лет правления он вызвал ненависть иностранцев и подданных, а лицемерие и алчность первого Никифора возродились в его преемнике. В использовании своего наследства Никифор проявил щедрость, и доходы строго направлялись на нужды государства; каждую весну император лично выходил на поход против сарацин, и каждый римлянин мог рассчитать, как его налоги используются для триумфов, завоеваний и безопасности восточной границы.⁴

ВОЙНЫ НИКИФОРА

Любимым делом Никифора было сломить мощь сарацин и расширить границы империи в Сирии и Месопотамии. Весной 964 года он собрал армию против Тарса, который был крепостью, защищавшей сирийскую границу. В следующем году (965) Никифор снова осадил Тарс с армией в сорок тысяч человек. Место было недостаточно снабжено провизией, и хотя его жители были воинственным народом (), который долгое время совершал набеги на византийскую территорию, они были вынуждены покинуть свой родной город и уйти в Сирию, взяв с собой только личную одежду. Богатый крест, который сарацины захватили, когда разгромили византийскую армию под командованием Стипиота в 877 году, был возвращен и помещен в собор Святой Софии в Константинополе. Бронзовые ворота Тарса и Мопсуестии, отличавшиеся богатой отделкой, также были сняты и помещены Никифором в новой цитадели, построенной им для защиты дворца. В том же году Кипр был вновь завоеван экспедицией под командованием патриция Никиты.

[965-968 гг. н. э.]

В течение двух лет император был занят в Константинополе гражданским управлением империи, угрозой вторжения венгров и спорами с королем Болгарии, но в 968 году он вновь принял командование армией на Востоке. Ранней весной он прошел мимо Антиохии во главе восьмидесяти тысяч человек и, не останавливаясь, чтобы осадить этот город, захватил укрепленные места в его окрестностях, чтобы отрезать его от всякой помощи со стороны халифа Багдада. Затем он продолжил свои завоевания: были взяты Лаодикия, Иераполис, Алеппо, Арка и Эмеса, а Триполис и Дамаск заплатили дань, чтобы спасти свои территории от разорения. В ходе этой кампании мусульмане сдали многочисленные реликвии. В связи с приближением зимы император повел свою армию на зимние квартиры и отложил осаду Антиохии до следующей весны. Он оставил патриция Бурцеса в крепости на Черной горе с

приказом наблюдать за городом и не давать жителям собирать провизию и военные припасы. Остальная часть армии под командованием Петра была размещена в Киликии. Поскольку он стремился сохранить за собой славу восстановления Антиохии в составе империи, он приказал своим лейтенантам не атаковать город во время его отсутствия. Но один из шпионов, нанятых Бурцесом, принес ему измерения высоты башни, к которой было легко подойти, и соблазну захватить это место врасплох было невозможно устоять. Соответственно, в темную зимнюю ночь, когда шел сильный снег, Бурц поставил себя во главе трехсот отборных воинов и захватил две башни Антиохии. Он немедленно отправил курьера к Петру с просьбой выдвинуться и захватить город, но Петр, опасаясь ревности императора, три дня медлил с оказанием помощи Бурцу. Однако за это время Бурц защищался от неоднократных атак всего населения, хотя и с большим трудом. Наконец прибыла византийская армия, и Антиохия была присоединена к империи после 328 лет пребывания под властью сарацин. Император Никифор, вместо того чтобы вознаградить Бурца за его энергию, уволил его и Петра с их постов.

Фатимидский халиф Моэз правил в Кайруане и уже подумывал о завоевании Египта. Никифор не только отказался платить ему дань в размере одиннадцати тысяч золотых византийских динаров, оговоренную Романом I, но даже отправил экспедицию, чтобы отбить Сицилию у сарацин. Главное командование было поручено Никете, завоевавшему Кипр, а армия, состоявшая в основном из кавалерии, была поставлена под командование Мануила Фоки, двоюродного брата императора, смелого офицера. Войска высадились на восточном побережье, и Мануил опрометчиво продвинулся вперед, пока не был окружен врагом и убит. Никита также так плохо подготовился к обороне своей позиции, что его лагерь был взят штурмом, а он сам был взят в плен и отправлен в Африку.

[965-969 гг. н. э.]

Дела в Италии, как обычно, были запутаны из-за местных причин. Отто, император Запада, появился во главе армии в Апулии и, заручившись поддержкой Пандульфа, принца Беневентума, прозванного Железной Головой, вел войну с частыми переменами удачи. Железноголовый был взят в плен византийским генералом и отправлен в Константинополь. Но тираническое поведение византийских чиновников свело на нет все, что было достигнуто благодаря высокой дисциплине войск, и способствовало продвижению немецких войск. Общество оказалось в таком состоянии изоляции, что люди были более заинтересованы в освобождении от всех налогов, чем в защите промышленности и собственности, и преимущества византийской администрации перестали цениться.

Европейские провинции империи были под угрозой вторжения как венгров, так и болгар. В 966 году Никифор был проинформирован о намерениях венгров и обратился за помощью к Петру, королю Болгарии, чтобы предотвратить их переход через Дунай. Петр отказался, поскольку был вынужден заключить мирный договор с венграми, которые незадолго до этого вторглись в Болгарию. Говорят даже, что Петр воспользовался затруднительным положением, в котором оказался Никифор из-за многочисленных войн, в которых участвовали его войска, чтобы потребовать выплаты дани, которую Роман I обещал Симеону. Никифор, чтобы наказать за дерзость того, кого он считал своим подчиненным, послал Калокира, сына правителя Херсона, в качестве посла в Русь, чтобы пригласить Святослава, варяжского князя Киева, вторгнуться в Болгарию, и доверил ему сумму в полторы тысячи фунтов золота для оплаты расходов экспедиции. Калокир оказался предателем: он заключил союз со Святославом, провозгласил себя императором и втянул империю в кровопролитную войну с русскими.

Несмотря на все свои недостатки, Никифор был одним из самых добродетельных людей и добросовестных правителей, когда-либо занимавших престол Константинополя. Хотя он родился в одной из самых знатных и богатых семей Восточной империи и был уверен, что получит высокие должности при гордом и роскошном дворе, он выбрал жизнь, полную лишений, в погоне за военной славой; и современный историк Лео Диакон ([а](#)), писавший после того, как его семья была разорена проскрипцией, а его имя стало презираемым, отмечает, что никто никогда не видел, чтобы он предавал себя разгулу или разврату, даже в молодости.[л](#)

Среди воинов, которые способствовали его возвышению и служили под его знаменем, благородный и доблестный армянин заслужил и получил самые выдающиеся награды. Рост Иоанна Зимисца был ниже среднего, но это маленькое тело было наделено силой, красотой и душой героя. Из-за зависти брата императора он был понижен в должности с генерала Востока до директора почты, а его ропот был наказан позором и изгнанием. Но Зимисц был в числе многочисленных любовников императрицы. По ее заступничеству ему было позволено проживать в Халкидоне, недалеко от столицы; он отплатил ей за щедрость тайными любовными визитами во дворец, и Феофано с готовностью согласилась на смерть своего уродливого и скупого мужа. Некоторые смелые и надежные заговорщики были спрятаны в ее самых укромных покоях; в темноте зимней ночи Зимисц с его главными сподвижниками сел в маленькую лодку, пересек Босфор, высадился у лестницы дворца и бесшумно поднялся по веревочной лестнице, которую спустили служанки. Ни его собственные подозрения, ни предупреждения друзей, ни запоздалая помощь брата Льва, ни крепость, которую он построил во дворце, не смогли защитить Никифора от домашнего врага, по голосу которого все двери были открыты для убийц. Когда он спал на медвежьей шкуре на земле, его разбудил их шумное вторжение, и тридцать кинжалов сверкнули перед его глазами.

Сомнительно, что Зимисц окрасил свои руки кровью своего повелителя, но он наслаждался бесчеловечным зрелищем мести. Убийство сопровождалось оскорблениями и жестокостью, и как только голова Никифора была показана из окна, шум утих, и армянин стал императором Востока. В день своей коронации он был остановлен на пороге собора Святой Софии бесстрашным патриархом, который обвинил его совесть в предательстве и кровопролитии и потребовал в знак покаяния, чтобы он разорвал отношения со своей более преступной соратницей. Это проявление апостольского рвения не было оскорбительным для принца, поскольку он не мог ни любить, ни доверять женщине, которая неоднократно нарушала самые священные обязательства; и Феофано, вместо того чтобы разделить его императорскую судьбу, была с позором изгнана из его постели и дворца.

В их последней беседе она проявила безумную и бессильную ярость, обвинила своего любовника в неблагодарности, набросилась со словами и ударами на своего сына Василия, который молча и покорно стоял в присутствии своего старшего коллеги, и призналась в своей проституции, объявив его рождение незаконным. Общественное возмущение было успокоено ее изгнанием и наказанием более мелких соучастников; смерть непопулярного принца была прощена, а вина Зимиска была забыта в блеске его добродетелей. Возможно, его щедрость была менее полезна для государства, чем скупость Никифора, но его мягкое и великодушное поведение радовало всех, кто приближался к его личности, и только на пути к победе он следовал по стопам своего предшественника. Большую часть своего правления он провел в лагере и на поле боя. Его личная доблесть и активность проявились на Дунае и Тигре, древних границах римского мира; и благодаря своему двойному триумфу над русскими и сарацинами он заслужил титулы спасителя империи и завоевателя Востока.[а](#)

СНОСКИ

[42] Исаврия — устаревшее название района в Малой Азии, граничащего с Киликией, Ликаонией, Фригией и Писидией. Этот регион был холодным и суровым, а исаврийцы, соответственно, независимыми и любившими набеги. В 75 г. до н. э. римский проконсул П. Сервилий привел их к соглашению и получил прозвище Исаврийский, но в конце концов римляне с радостью предоставили им свободу в обмен на мир. Юстиниан утверждал, что покорил их. Два императора были родом из Исаврии: Зенон (474-495) и эпохальный Лев.

Герцберг^b утверждает, что Лев был назван Исаврийцем «вероятно, по месту рождения его родителей», и полагает, что он «родился около 675 года в Германике, на границе Каппадокии, Армении и Сирии», откуда его родители увезли в Месембрию во Фракии после арабского вторжения. К. Шенк,^c однако, говорит: «Я использую эпитет, освященный вековыми заблуждениями, хотя Лев был родом из Германики и, следовательно, является сирийцем». Гельцер^d соответственно называет Льва «сирийским (исаврийским) императором». Он называет вступление Льва на престол «моментом, имеющим истинное мировое историческое значение».]

[43] [Клинтон^e говорит: «Империя Рима, собственно говоря, закончилась в 476 году н. э.», то есть в третий год правления Зенона. Нумизматы, такие как Солси,^f относят начало Византийской империи к правлению Анастасия I. Гиббон^g говорит нам: «Тиберий для арабов и Маврикий для итальянцев считаются первыми греческими цезарями, основателями новой династии и империи. Тихая революция была завершена еще до смерти Ираклия». Бэри,^h с другой стороны, категорически отрицает правомерность использования слова «византийский», заявляя, что «Византийская империя никогда не существовала; Римская империя просуществовала до 1453 года». Соответственно, он придерживается выражения «Поздняя Римская империя». Тем не менее, поскольку Финлейⁱ считает слово «византийский» удобным термином и помещает его начало именно здесь, а также поскольку многие другие историки, как старые, так и новые, придают этому слову авторитет, его вполне можно оставить.

[44] Феодосий закончил свою жизнь в Эфесе, где был похоронен в церкви Святого Филиппа. Он распорядился, чтобы на его надгробной плите не было никакой надписи, кроме слова ΥΓΕΙΑ (Здоровье).

[45] [Это было в августе 717 года, согласно западным источникам, хотя арабы датируют это событие 716 годом.

[46] [8 октября, согласно Феофану.^j]

[47] [Согласно Хефеле^m это общепринятое утверждение не соответствует действительности, поскольку первым приказом Льва было полное упразднение изображений.]

[48] [Июнь 741 года — это дата, обычно приписываемая смерти Льва, но Бэри^h считает, что Феофанⁱ допустил ошибку в расчетах, и, исходя из солнечного затмения и даты Пасхи, он полагает, что смерть Льва на самом деле произошла в 740 году.]

[49] [Согласно другим источникам, он на самом деле трижды ударил статую по лицу.]

[50] [Его зять Артавазд восстал вскоре после его вступления на престол и удерживал Константинополь в течение двух лет, прежде чем его удалось изгнать и заключить в монастырь.]

[51] [Так утверждает Никифор^k, но Феофанⁱ говорит, что они вернулись без притеснений.]

[52] [Во время правления Льва IV, Константина VI и Ирины часто происходили конфликты с сарацинами, болгарами и войсками Карла Великого, который в одно время намеревался воссоединить старую Римскую империю, женившись на Ирине, на что Бэри^h комментирует, что такой брак несочетаемых народов привел бы к быстрому разводу.]

[53] [Он созвал Вселенский собор, который анафематствовал Тарасия и Никифора и, отменив решения Никейского собора, вновь утвердил решения собора 754 года.]

[54] [«Крит и Сицилия были завоеваны сарацинами без сопротивления, которое можно было бы ожидать, учитывая богатство и численность их жителей. Более того, мы вынуждены сделать вывод, что переход от православного господства императоров Константинополя к господству мусульман не был воспринят большинством греков Крита и Сицилии как столь тяжелое бедствие, как мы обычно полагаем». — Финлей.ⁿ]

[55] [«Ортодоксальные историки хвастаются тем, что десять тысяч павликианцев погибли таким образом. Однако гораздо большее число бежало в провинцию Мелитене, где сарацинский эмир предоставил им защиту и помог им разработать планы мести». — Финлей.^н]

[56] [Финлей.^н считает, что некоторые из этих историй могут быть выдумками льстецов убийцы и преемника Михаила, Василия.]

[57] [«Василий основал», — говорит Финлей.^н, — «крупнейшую династию, правившую в Византийской империи».]

[58] [Сарадины были изгнаны из различных итальянских крепостей, которые присягали на верность Константинополю. Но Сицилия была потеряна в 878 году, и хотя Кипр был возвращен, он также был снова потерян.]

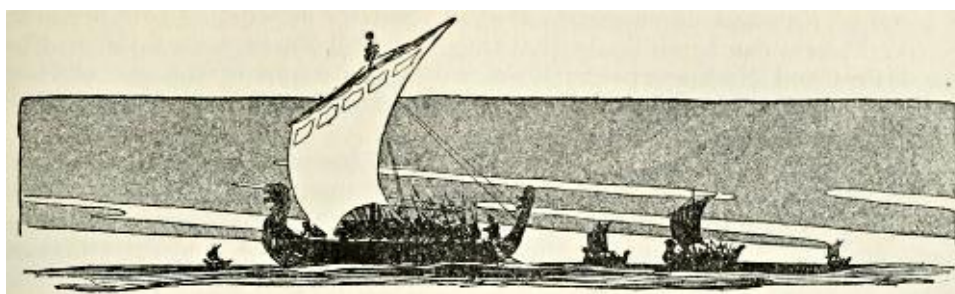
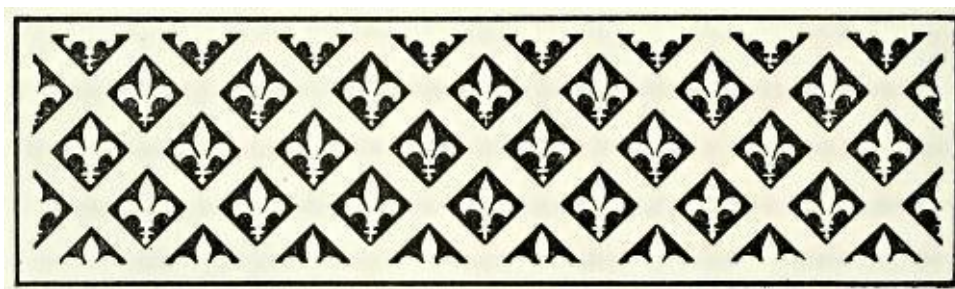
[59] [То есть колония беженцев-павликианцев, образовавшаяся в Тефрике после гонений Феодоры.]

[60] [«Базилика оставалась законом Византийской империи», — говорит Финлей.^н «до ее завоевания франками, и она продолжала использоваться в качестве национального закона греков в Никее, Константинополе, Трапезунде и Морее, пока они не были завоеваны османами».]

[61] [Константин был провозглашен Августом в 868 году и умер в 879 году. Он был восьмым по счету с таким именем по данным Эхеля и девятым по данным Хамфриса.]

[62] [Во время регентства византийцы выиграли битву в Кари и успешно вторглись на территорию сарацин.]

[63] [Согласно Финлею,^н Роман уплыл без сражения после того, как сухопутные войска были разгромлены болгарским царем Симеоном при Ахелосе в 917 году. В 921 году, а затем и в 923 году Симеон проник к стенам Константинополя. В 934 и 943 годах венгры добились такого же успеха, но в обоих случаях их подкупили. Однако в 963 году они были разгромлены. Итальянские провинции пережили аналогичные перипетии.]

ГЛАВА VIII

СЛАВА И УПАДОК ИМПЕРИИ

[969-1204 гг. н. э.]

Российская война была великим событием правления Иоанна Зимисца. Военная слава византийского императора, который был, без сомнения, самым способным полководцем своего времени, величие русского народа, чья мощь теперь затмевает Европу, место сражения, которое в наши дни вновь стало полем битвы русских войск, а также политический интерес, связанный с первой попыткой русского князя пройти по суше к Константинополю, — все это придает этой войне как практический, так и романтический интерес.

Первая русская морская экспедиция против Константинополя в 865 году, вероятно, была бы сопровождаемая серией грабительских походов, подобных тем, которые проводили датчане и норманны на побережьях Англии и Франции, если бы турецкое племя патзинаков не стало хозяином нижнего течения Днепра и инструментом в руках императоров для пресечения деятельности смелых варягов. Северные правители Киева были теми же грубыми воинами, которые наводняли Англию и Францию, но русский народ в то время находился в более развитом состоянии общества, чем большинство населения Британии и Галлии. Большинство русских были свободными людьми, а большинство жителей Британии и Галлии были крепостными.

После поражения в 865 году русские убедили своих правителей послать послов в Константинополь, чтобы возобновить торговые отношения и пригласить христианских миссионеров посетить их страну; и немалая часть народа приняла христианство, хотя христианская религия долгое время оставалась более известной русским купцам, чем варяжским воинам. Торговые отношения русских с Херсоном и Константинополем теперь поддерживались напрямую, и многие русские торговцы поселились в этих городах. Первый торговый договор между русскими Киева и Византийской империей был заключен во время правления Василия I. С того времени торговые связи усилились. В 902 году упоминается, что семьсот русских служили на борту византийского флота с высокой зарплатой; в 935 году семь русских кораблей с 415 людьми входили в состав византийской экспедиции в Италию; а в 949 году шесть русских кораблей с 629 людьми участвовали в неудачной экспедиции Гонгила против Крита. В 966 году отряд русских сопровождал неудачную экспедицию Никиты на Сицилию. Несомненно, что все они были варягами, знакомыми, как датчане и норманны на Западе, с опасностями моря, а не коренными русскими, чьи услуги на борту флота могли быть малоценными для хозяев Греции.

[907-944 гг. н. э.]

Но вернёмся к истории византийских войн с русскими. В 907 году Олег, который был регентом Киева во время несовершеннолетия Игоря, сына Рюрика, собрал армию варягов, славян и хорватов и, собрав две тысячи кораблей или лодок, которые тогда использовались на северном берегу Эвксинского моря, двинулся на Константинополь. Подвиги этой армии, которая якобы стремилась к завоеванию Цараграда, или Города Цезарей, ограничились грабежом окрестностей Константинополя; и вполне вероятно, что экспедиция была предпринята с целью получить компенсацию за некоторые торговые потери, понесенные из-за имперской халатности, монополии или угнетения. Подданные императора были убиты, а русские развлекались, подвергая своих пленников самым жестоким пыткам. В конце концов Лев выкупил их отступление, заплатив большую сумму денег. Таков отчет, переданный нам русским монахом Нестором, поскольку ни один византийский писатель не упоминает об этой экспедиции, которая, без сомнения, была не чем иным, как грабительским набегом, в ходе которого город Константинополь не подвергался никакой опасности. Эти военные действия были прекращены торговым договором в 912 году, условия которого подробно описаны Нестором.

В 941 году Игорь напал на Константинополь, движимый либо духом приключений, который был частью жизни всех племен северян, либо желанием отомстить за нарушение договора 912 года. Русская флотилия, состоящая из бесчисленных небольших судов, появилась в Босфоре, пока византийский флот отсутствовал в Архипелаге. Игорь высадился в разных местах на побережье Фракии и Вифинии, разоряя и грабя страну; с жителями обращались с невероятной жестокостью; некоторых распинали, других сжигали заживо, греческих священников убивали, вбивая гвозди в их головы, а церкви разрушали. В Константинополе осталось только пятнадцать кораблей, но они были вскоре оснащены дополнительными трубами для стрельбы греческим огнем. Эта сила, незначительная по численности, дала византийцам немедленное превосходство на море, и патриций Феофан вышел из порта, чтобы атаковать русских. Игорь, увидев небольшое количество кораблей врага, окружил их со всех сторон и попытался захватить их, но греческий огонь стал еще более эффективным против лодок и скученных людей, и атака была отбита с ужасными потерями. Тем временем часть русских, высадившихся в Вифинии, была разгромлена Вардасом Фокой и Иоанном Куркуасом, а те, кто спасся от морского поражения, были без пощады преследованы и убиты на побережье Фракии. Император Роман приказал казнить всех пленных, привезенных в Константинополь. Феофан догнал бежавшие корабли в сентябре, и остатки экспедиции были уничтожены, а Игорь сумел спастись на нескольких лодках. Русская летопись Нестора гласит, что в 944 году Игорь, при содействии других варягов и патзинаков, подготовил вторую экспедицию, но жители Херсона настолько встревожили императора Романа своими сообщениями о ее масштабах, что он послал послов, которые встретились с Игорем в устье Дуная и просили о мире на условиях, с которыми Игорь и его бояре согласились. Вероятно, это всего лишь утешение, примененное летописцем к тщеславию киевлян, но несомненно, что в 945 году между императорами Константинополя и князьями Киева был заключен мирный договор.

[944-970 гг. н. э.]

Жестокость варяжского князя Игоря после его возвращения в Русь привела к тому, что он был убит своими мятежными подданными.^[64] Его вдова Ольга стала регентшей их сына Святослава. Она приняла христианскую веру и в 957 году посетила Константинополь, где была крещена. Император Константин Порфирогенет оставил нам описание церемонии ее приема при византийском дворе. Русский монах сохранил торговые договоры империи; византийский император записывает торжества, которые развлекали русскую княжну. Высокое положение, занимаемое киевским двором в X веке, подтверждается также стилем, в котором к нему обращался константинопольский двор. Золотые буллы восточного римского императора, адресованные князю Руси, были украшены подвесной печатью размером с двойной солидус, подобно тем, что адресовались королям Франции.

РУССКАЯ ВОЙНА (970-971 гг. н. э.)

[970-971 гг.]

Мы видели, что император Никифор II послал патриция Калокираса, чтобы подтолкнуть Святослава к вторжению в Болгарию, и что византийский посол оказался предателем и взял на себя власть. Святослав вскоре вторгся в Болгарию во главе мощной армии, которую ему помогло оснастить золото, привезенное Калокиром, и разгромил болгарскую армию в

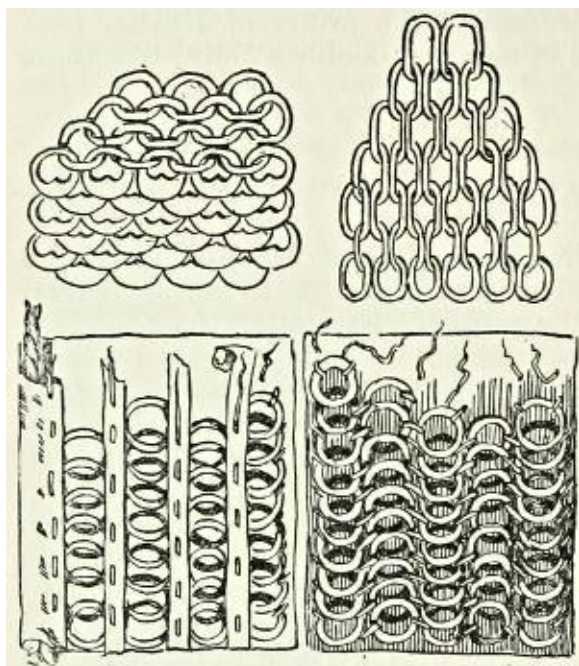
великой битве в 968 году. Петр, царь Болгарии, умер вскоре после этого, и страна погрузилась в гражданские беспорядки; воспользовавшись этим, Святослав захватил столицу Престлаву и стал властелином всего царства.

Никифор теперь заключил союз с болгарам и готовился защищать их от русских, когда Святослав был вынужден вернуться домой, чтобы защитить свою столицу от патзинаков. Никифор помог Борису и Роману, сыновьям Петра, вернуть Болгарию и заключил союз о взаимной помощи с Борисом, который занял трон. После убийства Никифора Святослав вернулся, чтобы вторгнуться в Болгарию с армией в шестьдесят тысяч человек, и его предприятие приобрело характер одного из тех великих вторжений, которые отрывали целые провинции от Западной империи. Его армия была усилена благодаря договору с пазинаками и союзу с венграми, так что они начали мечтать о завоевании Константинополя и надеялись перенести империю Востока от римлян Византии к русским. К счастью для Византийской империи, ею правил военачальник, который умел извлекать выгоду из ее превосходства в тактике и дисциплине. Русский не был невежественен в стратегии, и, обеспечив свой фланг союзом с венграми, он вошел в Фракию через западные перевалы горы Эмус, которые в то время были самой оживленной дорогой между Германией и Константинополем и по которой венгры обычно совершали свои грабительские набеги на империю.

Иоанн Зимисц был занят на Востоке, когда Святослав завершил второе завоевание Болгарии и перешел гору Эмус, рассчитывая с такой же легкостью подчинить Фракию во время отсутствия императора, 970 г. Империя все еще страдала от голода. Святослав взял Филиппополь и убил двадцать тысяч жителей. Посланная Зимиссом посольская делегация была отправлена с требованием дани, и русская армия продвинулась к Аркадиополису (), где одна дивизия была разгромлена Вардасом Склером, а остальные снова отступили за гору Эмус.

Следующей весной, в 971 году, император Иоанн выступил в поход во главе армии из пятнадцати тысяч пехотинцев и тринадцати тысяч всадников, помимо телохранителей из отборных войск, называемых Бессмертными, и мощной батареи полевых и осадных орудий.^[65] Флот из трехсот галер, сопровождаемый множеством более мелких судов, был отправлен, чтобы войти в Дунай и перерезать связь русских с их собственной страной.^[66]

Император Иоанн выступил из Адрианополя незадолго до Пасхи, когда никто не ожидал, что византийский император выйдет в поход. Он знал, что перевала на великой восточной дороге были оставлены русскими без охраны, и провел свою армию через все ущелья горы Эмус, не встретив никаких трудностей. Русские войска, дислоцированные в Престхаве, которые должны были охранять перевалы, вышли навстречу императору, когда услышали, что он вступил в Болгарию. Вся их армия состояла из пехоты, но солдаты были покрыты кольчугами и привыкли сопротивляться легкой кавалерии патзинаков и других турецких племен.^[67] Однако они оказались не в силах противостоять тяжеловооруженным копейщикам императорской армии и, после энергичного сопротивления, были полностью разгромлены Иоанном Зимиссом, оставив на поле битвы 8500 человек. На следующий день Престлава была взята штурмом, и семь тысяч русских и болгар, пытавшихся защитить королевский дворец, укрепленный как цитадель, были убиты после доблестной обороны. Сфенгелос, командовавший этой частью русских войск, и предатель Калоцирес успели бежать в Дористолон, где Святослав сосредоточил остатки армии, но Борис, царь Болгарии, со всей своей семьей был взят в плен в своей столице.

Типы ранних кольчужных доспехов.

Император, отпраздновав Пасху в Престлаве, продвинулся через Плискову и Динею к Дористолону, где Святослав все еще надеялся на победу, хотя его положение с каждым днем становилось все более опасным. Византийский флот вошел в Дунай и занял позицию напротив города, перерезав все водные пути связи русских, в то же время император разбил лагерь перед стенами и блокировал их с суши. Зимисц, зная, что ему приходится иметь дело с отчаянным врагом, укрепил свой лагерь рвом и валом по старой римской модели, которая традиционно сохранялась византийскими инженерами (). Русские, заключенные в стенах Дористолона, превосходили осаждающих по численности, и Святослав надеялся, что сможет открыть коммуникации с окружающей местностью, вступив в общее сражение на равнине до того, как будут завершены все укрепления лагеря врага. Он рассчитывал отразить атаки византийской кавалерии, выстроив своих людей в квадраты, и, поскольку русские солдаты были прикрыты длинными щитами, доходившими до ног, он надеялся, что, продвигая свои квадраты как движущиеся башни, сможет очистить равнину от врага. Но пока византийские легионы сражались с русскими на фронте, тяжеловооруженная кавалерия атаковала их с фланга длинными копьями, а лучники и пращники, укрывшись, хладнокровно наблюдали за тем, чтобы пронзить каждого, кто давал возможность проникнуть их снарядам. Тем не менее сражение продолжалось весь день, но вечером русские, несмотря на свою отчаянную доблесть, были вынуждены отступить в Дористолон, не добившись ничего.

Пехота севера теперь начала ощущать свое неравенство по сравнению с опытной азиатской кавалерией, одетой в доспехи и дисциплинированной долгими походами против сарацин. Святослав, однако, продолжал защищаться, проводя не вылазки, а серию сражений, в которых он тщетно предпринимал отчаянные попытки прорвать ряды осаждающих, пока наконец не стало очевидно, что ему придется либо заключить мир, либо погибнуть на поле боя, либо умереть от голода в Дористолоне. Прежде чем смириться со своей судьбой, он предпринял последнюю попытку прорваться через византийскую армию; и в этот раз русские сражались с таким отчаянием, что современники приписывали победу византийских войск не превосходной тактике императора и не дисциплине опытной армии, а личной помощи святого Феодора, который считал необходимым возглавить атаку римских

копейщиков () и сам сразить русских копьем, прежде чем их фаланга была прорвана. Победа была полной, и Святослав послал послов к императору, чтобы предложить условия мира.

Осада Дористолон длилась уже более двух месяцев, и русская армия, хотя и уменьшилась из-за многократных потерь, все еще насчитывала двадцать две тысячи человек. Доблесть и пренебрежение смертью, проявленные варягами в сражении, убедили императора, что настаивать на том, чтобы они сложили оружие, приведет к потере многих храбрых ветеранов; поэтому он был готов пойти на уступки, и мир был заключен на условиях, что Святослав сдаст Дористолон со всей добычей, рабами и пленными, находящимися во владении русских, и обязуется поклясться в вечной дружбе с империей и никогда не вторгаться ни на территорию Херсона, ни в царство Болгарии; с другой стороны, император Иоанн обязался разрешить русским спуститься по Дунаю на своих лодках, снабдить их двумя медами пшеницы на каждого выжившего солдата, чтобы они могли вернуться домой, не рассеиваясь для добычи пропитания, и возобновить старые торговые договоры между Киевом и Константинополем, июль 971 года.

После заключения договора Святослав пожелал лично встретиться со своим победителем. Иоанн, одетый в великолепные доспехи и в сопровождении блестящей свиты конных гвардейцев, спустился к берегу Дуная. Невысокий рост императора не был недостатком, поскольку он выделялся красотой своего коня и великолепием своего оружия, а его светлое лицо, светлые волосы и пронзительные голубые глаза привлекали внимание всех к его смелому и добродушному лицу, которое хорошо контрастировало с темными, мрачными лицами его свиты. Святослав прибыл по воде на лодке, которую он сам управлял веслом. Его одежда была белой и ничем не отличалась от одежды его подчиненных, за исключением того, что была чище. Сидя на корме своей лодки, он коротко беседовал с императором, который оставался верхом на лошади рядом с берегом. Внешний вид смелого варяга вызвал большое любопытство и был описан историком, который был близок со многими из тех, кто присутствовал на встрече: Русский был среднего роста, хорошо сложен, с крепкой шеей и широкой грудью. У него были голубые глаза, густые брови, плоский нос и выбритая борода, но верхняя губа была затенена длинными и густыми усами. Волосы на голове были коротко подстрижены, за исключением двух длинных прядей, свисавших по обеим сторонам лица, что было признаком его скандинавского происхождения. В ушах он носил золотые серьги.

Святослав немедленно покинул Дористолон, но был вынужден перезимовать на берегах Эвксинского моря, и голод истощил его ряды. Весной он попытался прорваться через территорию пачинаков со своей уменьшенной армией. Он был разгромлен и погиб у водопадов Днепра. Кур, князь пачинаков, стал обладателем его черепа, из которого он сделал кубок для питья и украсил его моральной максимой, несомненно, не менее подходящей к его собственному черепу, если бы он попал в руки других: «Тот, кто жаждет чужого имущества, часто теряет свое». Мы уже имели возможность упомянуть, что череп византийского императора Никифора I украшал праздники болгарского царя, а череп русского правителя теперь украшал шатры турецкого племени.

[971-988 гг. н. э.]

Результаты кампании были столь же выгодны для Византийской империи, сколь и славны для императора Иоанна. Болгария была завоевана, в Дористолоне был создан сильный гарнизон, и Дунай вновь стал границей Римской империи. Мир с русскими продолжался без перерывов примерно до 988 года, когда по какой-то неизвестной причине () Владимир, сын Святослава, напал на Херсон и захватил его, перекрыв водоснабжение.

Греческий город Херсон, расположенный на крайней окраине древней цивилизации, на протяжении веков избегал обнищания и морального упадка, в которые погрузилась

эллинская раса из-за римской системы концентрации всей власти в столице империи. Херсон на протяжении веков управлялся своими собственными выборными магистратами, и только в середине IX века император Феофил уничтожил его независимость. Когда Владимир, правитель России, напал на него в 988 году, город был предан в его руки священником, который сообщил ему, как перекрыть водоснабжение. Великой целью всех князей Востока, со времен Ираклия до последнего Комнина Трапезундского, было заключение брачных союзов с императорской семьей. Владимир получил руку Анны, сестры императоров Василия II и Константина IX, был крещен и женился в церкви Панагия в Херсоне. Чтобы успокоить тщеславие империи, он притворился, что сохраняет за собой завоеванные земли в качестве приданого своей жены. Многие священники, обратившие русских в христианство, и многие художники, украсившие самые ранние русские церкви росписями и мозаикой, были уроженцами Херсона. Церковь возвела Владимира в ранг святых; русские присвоили ему титул «великий».

Иоанн Зимисц, положив конец русской войне, заставил Бориса отказаться от короны Болгарии и принять титул «магистра» как пенсионера византийского двора. Граница Восточной империи вновь простиралась до Дуная.

ВОЙНА С САРАЦЕНАМИ (972-976 гг. н. э.)

[972-975 гг.

Война с сарацинами велась энергично на границах Сирии, пока император Иоанн был занят русской кампанией. Непрерывные успехи византийских войск настолько встревожили мусульманских князей, что они образовали обширный союз для возвращения Антиохии, а командование армией халифа было поручено Зохеру, лейтенанту Фатимидов в Египте. Императорскую армию возглавлял патриций Николай, человек с большим военным талантом, который был евнухом в доме Иоанна Зимискеса; он разгромил сарацин в сражении и на время спас Антиохию. Но в следующем году (973) завоевание Нисибиса наполнило город Багдад таким смятением, что был отдан приказ о призыве всех мусульман для похода против христиан. Византийские войска в Месопотамии находились под командованием армянина по имени Темелек Мелхи, который был полностью разгромлен под Амидой. Он сам был взят в плен и умер после года заключения.

Несмотря на все свои таланты полководца, Иоанн, по-видимому, не обладал таким же контролем над общей администрацией, как Никифор, и многие из городов, завоеванных его предшественником, в которых большинство жителей были мусульманами, сумели сбросить византийское иго. Даже Антиохия провозгласила свою независимость. Чтобы вернуть утраченные позиции, потребовались огромные усилия, и для этого в 974 году Иоанн Зимисц принял на себя командование византийской армией. В ходе одной кампании он прошел от горы Тавр до берегов Тигра, а от берегов Тигра вернулся в Сирию, до горы Ливан, пронеся свои победоносные знамена, согласно хвастливой неточности византийской географической номенклатуры, в Палестину (). Его последняя кампания, проведенная в следующем году, была самой блестящей из всех его подвигов. В Месопотамии он вернул себе Амиду и Мартирополь, но в этих городах было так мало христианских жителей, что он был вынужден оставить управление в руках сарацинских эмиров, которые были ответственны за сбор дани и налогов. Нисибис он застал заброшенным и оттуда прошел через Эдессу в Иераполис или Мембиг, где захватил много ценных реликвий, среди которых особо выделяются обувь Иисуса и волосы Иоанна Крестителя. Из Иераполиса Иоанн прошел в

Апамею, Эмесу и Баальбек, не встретив серьезного сопротивления. Эмир Дамаска прислал ценные подарки и согласился платить ежегодную дань, чтобы избежать визита.

Затем император пересек гору Ливан, штурмом взял крепость Борзо, которая контролировала перевал, и, спустившись к побережью, осадил Беритус, который вскоре сдался, и в котором он нашел изображение распятия, которое он считал достойным отправки в Константинополь. Из Беритуса он двинулся на север к Триполису, который он безуспешно осаждал в течение сорока дней. Доблесть гарнизона и прочность укреплений заставили его снять осаду, но его отступление было приписано страху перед кометой, которая освещала небо странным блеском. Поскольку наступил сентябрь, он хотел разместить свои измученные войска на зимних квартирах в Антиохии, но жители закрыли перед ним ворота. Чтобы наказать их за восстание, он совершил глупость, разорив их территорию и вырубив их фруктовые деревья, забыв в своей варварской и недальновидной мести, что он разрушает свою собственную империю. Бертцесу пришлось вновь завоевывать Антиохию, что, однако, ему удалось только после смерти императора Иоанна.

[975-976 гг. н. э.]

Затем армия была размещена на зимние квартиры на границах Киликии, и император поспешил вернуться в Константинополь. Во время путешествия, проходя мимо плодородных равнин Лонгиас и Дризе, в окрестностях Аназарбы и Поданда, он увидел, что они покрыты стадами овец и коров, с хорошо укрепленными фермами, но без улыбающихся деревень. Он с удивлением поинтересовался, кому принадлежит эта земля, на которой ведется столь масштабное скотоводство, и узнал, что большая часть провинции была приобретена президентом Василием за счет пожертвований от него самого и его предшественника Никифора. Удивленный огромным накоплением собственности в руках одного человека, он воскликнул: «Увы! Богатство империи растрачено, сила армий исчерпана, а римские императоры трудятся как наемники, чтобы приумножить богатство ненасытного евнуха!» Эти слова были донесены президенту. Он считал, что поднял на престол и Никифора, и Иоанна; теперь его интересы требовали, чтобы престол вернулся к своему законному владельцу, а молодой Василий получил свое наследство. Император Иоанн остановился по пути в Константинополь во дворце Романа, внука Романа I, и, как говорят, там выпил отравленный кубок, поданный ему слугой, подкупленным президентом. Несомненно, что Иоанн Зимисц достиг столицы в умирающем состоянии и скончался 10 января 976 года в возрасте пятидесяти одного года.^e

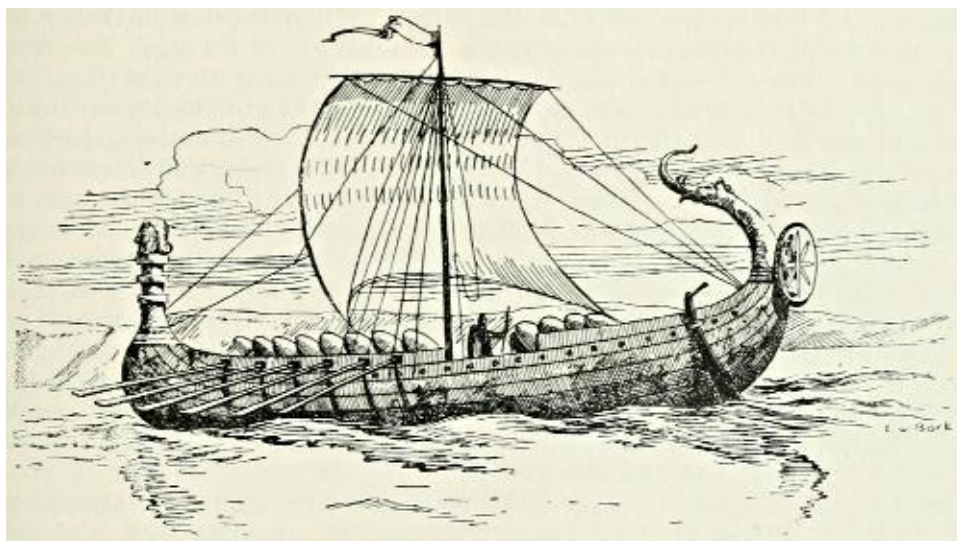
ВЕРШИНА СЛАВЫ

«Период наибольшей мощи Византии, — говорит Гельцер,^f — наступил во время правления Никифора II (963-969), Иоанна Зимиска (969-976) и Василия Болгароктона (976-1025)». Финлей^g также называет его «периодом завоеваний и военной славы». О том, что эта слава была понятна в то время, свидетельствуют восторженные восклицания анонимного продолжателя Георгия Монаха.^g О Никифоре Фоке он говорит: «Тогда Фока сверкнул, как молния, и обрушился на врагов римлян. Он опустошал, сжигал и уводил в плен города и земли варваров. Он поразил мириады чужих земель и расширил царство и могущество римлян. Арабы дрожали, армяне и сирийцы трепетали, сарацины были напуганы, а турки бежали; римляне захватили их крепости и провинции, и имя Фоки было страшным для всех». О Зимиске тот же летописец отзывался с таким же восторгом: «И народы были в великом страхе перед яростью Зимиска. И он распространил царство римлян за границы;

сарацины и армяне бежали; персы дрожали и со всех сторон приносили ему дары; они просили у него милости и мира. Он дошел даже до Эдессы и до реки Евфрат; и земля была полна шатров римлян. Сирийцы и финикийцы были растоптаны римскими конями. Он принес домой великие победы, и меч Христов косил, как коса».

И все же в Зимиске Гельцер видит регресс империи и расширение феодализма; он все больше и больше видит, что старое римское военное и гражданское государство приобретает военный и аристократический облик. После его смерти движение продолжилось с ростовщичеством.

Преждевременная смерть Зимисциса была скорее убытком, чем выгодой для сыновей Романа II. Их недостаток опыта задержал их на двенадцать лет дольше в качестве неизвестных и добровольных учеников министра, который продлил свое правление, убедив их предаться удовольствиям молодости и презирать труды управления. В этой шелковой паутине слабость Константина () навсегда запуталась, но его старший брат почувствовал импульс гения и желание действовать; он нахмурился, и министр исчез. Василий был признанным правителем Константинополя и провинций Европы, но Азия была угнетена двумя ветеранами-генералами, Фокой и Склером, которые, попеременно являясь друзьями и врагами, подданными и мятежниками, сохраняли свою независимость и стремились подражать примеру успешного узурпатора.

Военная галера, VIII и IX века

Против этих внутренних врагов сын Романа первым обнажил свой меч, и они затрепетали в присутствии законного и энергичного принца. Первый, находившийся на переднем крае сражения, был сброшен с лошади ударом ядовитой стрелы; второй, который дважды был обременен цепями и дважды облачен в пурпур, желал мирно дожить оставшиеся ему дни. Когда престарелый проситель приблизился к трону, с тусклыми глазами и шаткой походкой, опираясь на двух слуг, император воскликнул с высокомерием молодости и власти: «И это тот человек, который так долго был предметом нашего страха?» После того как он укрепил свою власть и мир в империи, трофеи Никифора и Зимиска не позволили их королевскому ученику спать во дворце. Его долгие и частые походы против сарацин были скорее славными, чем полезными для империи, но окончательное уничтожение Болгарского царства, по-видимому, является самым важным триумфом римского оружия со времен Велизария.⁴

ВАСИЛИЙ II И ЕГО ПРЕЕМНИКИ (976-1054 гг. н. э.)

Правление Василия II является кульминацией величия Византии. Во время его жизни орлы Константинополя пролетели в своей долгой победной карьере от берегов Дуная до берегов Евфрата и от гор Армении до берегов Италии. Неукротимая храбрость Василия, ужасающая жестокость, безразличие к искусству и литературе, а также религиозное суеверие — все это вместе делает его истинным олицетворением своей империи и эпохи. Главной целью его политики было укрепление единства администрации в Европе путем полного подчинения болгар и славян, которых сходство языков почти слило в один народ и полностью объединило в враждебности к имперскому правительству.

Четверо сыновей болгарского вельможи высшего ранга начали революционное движение в Болгарии против королевской семьи после смерти Петра и первых побед русских. Чтобы положить конец этим беспорядкам, Никифор II после отступления Святослава вернул на болгарский престол Бориса, сына Петра, и когда русские вернулись, Борис подчинился их господству. Вскоре после смерти Иоанна I (Зимисца) болгарские вожди вновь подняли народ на борьбу за независимость. Борис, бежавший из Константинополя, чтобы попытаться вернуть отцовский трон, был случайно убит, и четыре брата вновь стали вождями народа. Вскоре трое из них погибли, и Самуил, оставшийся единственным, принял титул короля. Силы империи были заняты восстанием Склера, так что энергия и военный талант Самуила позволили ему изгнать византийские власти из Болгарии и поднять славян Македонии на борьбу за освобождение от византийского ига. Затем Самуил вторгся в Фессалию и распространил свои грабительские походы на те части Греции и Пелопоннеса, которые все еще были заселены эллинским народом. Он увез жителей Ларисы, чтобы заселить город Преспа, который он затем предложил сделать своей столицей, умными ремесленниками и производителями; и, чтобы привязать их к новому месту жительства узами старого суеверия, он перенес в Преспу тело их покровителя-мученика, святого Ахилла, которого одни считали римским солдатом, а другие — греческим архиепископом. Самуил проявил себя как достойный соперник Василия как по способностям, так и по мужеству, и империя Востока на некоторое время оказалась под угрозой перехода от византийских римлян к славянским болгарам.

В 981 году император Василий лично возглавил свою первую кампанию против новой болгарской монархии. Его план действий заключался в том, чтобы захватить крупные западные перевалы через гору Эмус на пути из Филиппополя в Сардику, и, завоевав последний город, он надеялся перерезать связь между болгарскими к северу от горы Эмус и славянами в Македонии. Но его военная неопытность и ослабленная дисциплина в армии привели к провалу этого хорошо продуманного плана. Сардика была безрезультатно осаждаема в течение двадцати дней. Небрежность офицеров и непослушание солдат привели к тому, что несколько отрядов, выехавших за провизией, были отрезаны; осажденные сожгли осадные машины в победоносной вылазке (), и император почувствовал необходимость начать отступление. Когда его армия проходила ущелья Эмуса, она была атакована войсками, которые Самуил собрал для наблюдения за его операциями, и полностью разгромлена. Багаж и военный сундук, посуда и палатки императора попали в руки болгарского царя, а сам Василий с трудом бежал в Филиппополь, где собрал остатки беглецов. Лев Диакон, ^b византийский историк, сопровождавший экспедицию в качестве одного из священнослужителей императорской капеллы и имевший счастье спастись от преследования, оставил в своей «Истории» краткое, но достоверное сообщение об этой первой катастрофической кампании Василия, убийцы болгар.^[68]

Реорганизация его армии, упорядочение внутреннего управления империей, восстание Фоки и войны в Италии и на азиатской границе не позволяли Василию в течение многих лет лично атаковать Самуила. Тем не менее, часть имперских войск продолжала эту войну, и Самуил вскоре понял, что не в силах противостоять византийским генералам на равнинах Болгарии, где тяжелая кавалерия, военные машины и превосходная дисциплина имперских армий могли быть использованы с максимальной эффективностью. Поэтому он решил перенести столицу болгарского государства в более недоступное место, в Ахриду. Здесь Самуил основал столицу созданного им Болгаро-Славонского царства.

Владения Самуила вскоре стали такими же обширными, как и европейская часть владений Василия. Владения двух монархов граничили друг с другом в очень нерегулярной форме, и оба были заселены различными народами, находящимися на разных стадиях цивилизации, объединенными лишь небольшой симпатией друг к другу и отсутствием общей привязанности к национальным институтам. Самуил был хозяином почти всей древней Болгарии, а император сохранил за собой лишь крепость Дористолон, форты в устье Дуная и перевалы горы Эмус. Но сила болгарского царя заключалась в его владениях в верхней части Македонии, в Эпире, южной части Иллирии, в горной цепи Пиндус и в горах, возвышающихся над северными и западными склонами великих равнин Фессалоники и Фессалии. Он неустанно формировал большую армию и постоянно использовал ее для разграбления равнины Фессалии и нападения на греческие города.

В 996 году он быстро прошел через Фессалию, Беотию и Аттику в Пелопоннес, но города повсюду закрыли свои ворота и приготовились к длительной обороне, так что он не смог сделать ничего, кроме как грабить и опустошать открытую местность. Тем временем император послал Никифора Урана со всеми силами, которые он смог собрать, в погоню за Самуилом. Уран вторгся в Фессалию и быстро продвинулся на юг к берегам Сперхия, где обнаружил Самуила, расположившегося лагерем на другом берегу и спешащего домой с добычей из Греции. Ночью местные жители показали Урану брод, по которому он переправился через реку и застал болгар врасплох в их лагере. Самуил и его сын Гавриил с большим трудом сумели спастись. Болгарская армия была полностью уничтожена, а вся добыча и рабы, захваченные во время экспедиции, попали в руки Урана в 996 году НАШЕЙ ЭРЫ. Это великое поражение на некоторое время парализовало военные операции Самуила.

Василий наконец наладил внешние отношения империи таким образом, что смог собрать большую армию для военных операций против королевства Ахрида, которые он решил провести лично. Славяне теперь составляли наиболее многочисленную часть населения страны между Дунаем, Эгейским и Адриатическим морями и владели горной грядой, простирающейся от Диррахия в виде нескольких цепей до окрестностей Константинополя. Василий видел много признаков того, что весь славянский народ в этих странах был объединен в оппозиции византийскому правительству, так что существование его империи требовало завоевания болгаро-славянского царства, основанного Самуилом. Этому трудному заданию он посвятил себя с присущей ему энергией.

В 1000 году его генералам было приказано войти в Болгарию через восточные перевалы горы Хемус; и в этой кампании они взяли города Большую и Малую Преславу и Плискову, древние столицы Болгарии. В следующем году император взял на себя командование армией, предназначенной для борьбы с Самуилом. Установив свой штаб в Фессалониках, он вернул под свой контроль крепости Водена, Берея и Сервию.

В следующей кампании (1002 г.) император изменил театр военных действий и, выйдя из Филиппополя через западные перевалы горы Хемус, занял всю линию дороги до Дуная и отрезал Самуила от всех коммуникаций с равнинами Болгарии. Самуил предпринял смелое предприятие, которое, как он надеялся, заставит Василия снять осаду с Виддина или, во всяком случае, позволит ему нанести глубокий удар по империи. Длинным маршем в самое сердце империи Самуил завладел огромной добычей. Его успех не позволил ему вернуться так же быстро, как он продвигался, но ему удалось пройти мимо гарнизона Филиппополя и безопасно пересечь Стримон и Вардар, когда Василий внезапно настиг его во главе византийской армии. Самуил расположился лагерем под стенами Скупи; Василий переправился через реку, штурмом взял болгарский лагерь, захватил военный сундук и запасы и вернул добычу, захваченную в Адрианополе. Таким образом, он получил удовлетворение, отомстив за поражение, которое он потерпел от Самуила двадцать один год назад в перевалах горы Эмус.

[1014-1019 гг. н. э.]

В 1014 году Василий считал, что все готово для окончательного порабощения славянского населения горных районов вокруг верхней долины Стримона. Говорят, что император взял в плен пятнадцать тысяч человек и, чтобы отомстить за страдания своих подданных от грабежей болгар и славян, удовлетворил свою жестокость актом мести, который вполне справедливо навлек на его имя позор. Его ужасная бесчеловечность заставила историю с отвращением отвернуться от его поведения и почти похоронила в забвении записи о его военных достижениях. В этот раз он приказал выколоть глаза всем пленникам, оставив по одному глазу лидеру каждой сотни, и в таком состоянии он отправил несчастных пленников искать своего короля или погибнуть по дороге. Когда они приблизились к Ахриде, слух о том, что пленники были освобождены, побудил Самуила выйти им навстречу. Узнав о всей тяжести бедствия, он упал без чувств на землю, охваченный яростью и горем, и умер через два дня. Говорят, что он убил своего собственного брата, чтобы обеспечить себе власть над тронem, так что его сердце было разбито первым прикосновением человечности, которое оно когда-либо испытывало.^[69]

Жестокость Василия вызвала энергичное сопротивление со стороны славян и болгар, и Гавриил Радомир, храбрый сын Самуила, смог создать неожиданные препятствия для продвижения византийских войск.

Габриэль, король Ахриды, хотя и был храбрым, но своей неосторожностью оттолкнул от себя подданных, и его двоюродный брат Иоанн Ладислав, которому он спас жизнь в юности, оказался настолько подлым, что стал его убийцей, чтобы завладеть тронem. Ладислав, чтобы выиграть время для укрепления своей власти на троне и сопротивления византийскому вторжению (), послал к Василию () послов с выгодными предложениями о мире; но император, убежденный в том, что борьба между славянами и греками может быть прекращена только путем завоевания одной из сторон, отверг все условия, кроме абсолютной капитуляции, и с обычной энергией продолжил свои действия. После того как он опустошил всю окружающую Островос и Молискос местность, населенную славянами, и отремонтировал разрушенные укрепления Берии, он захватил Сетаину, где Самуил создал огромные склады пшеницы. Эти склады были хорошо заполнены Ладиславом, так что Василий стал владельцем такого огромного запаса, что разделил его между своими войсками. Наконец, царь Ахриды подошел к императору во главе значительной армии, и часть императорских войск попала в засаду. Император случайно находился с передовой частью армии. Он немедленно сел на лошадь и повел войска, которые были с ним, на место сражения, приказав всем остальным частям поспешить на помощь. Его внезапное появление

во главе сильного отряда тяжеловооруженных копейщиков византийской армии, ярость его атаки, ужас, который внушало само его имя, и крик «Император наступает!» вскоре посеяли смятение в рядах болгар и решительно изменили ход сражения (1018 г.).

Ладислав, чье положение становилось отчаянным, предпринял попытку восстановить свой авторитет, осадив Диррахиум. Захват этого города позволил бы ему установить связь с врагами Василия в Италии и даже с сарацинами Сицилии и Африки, но он был убит вскоре после начала осады. Болгарские вожди потеряли всякую надежду на сопротивление. Император продолжил свое продвижение через Скупи, Стипею и Просакон, и, достигнув Ахриды, был принят скорее как законный правитель, чем как иностранный завоеватель. Он немедленно завладел всеми сокровищами, накопленными Самуилом; одно только золото составляло сто центнеров (эта сумма не совсем равна 480 000 или 2 400 000 долларов), и на эти деньги он выплатил все задолженности своим войскам и вознаградил их подарками за их долгую и доблестную службу в этой тяжелой войне. Почти вся королевская семья Ахриды подчинилась и получила самое щедрое обращение. Трое сыновей Ладислава, которые бежали на гору Тморус и пытались продлить борьбу, были вскоре схвачены. Благородные болгары поспешили подчиниться, и многие из них были удостоены почетных званий при императорском дворе.

Ничто, действительно, не доказывает более решительно отсутствие какой-либо греческой национальности в византийской администрации в этот период, чем легкость, с которой все иностранцы получали благосклонность при дворе Константинополя; ничто не может быть более убедительным доказательством того, что централизация власти в лице императора, завершенная династией Василиев, теперь разрушила административную централизацию старой римской имперской системы, поскольку у нас есть доказательства того, что значительное греческое население все еще занимало города Фракии и Македонии, хотя греческие настроения имели мало влияния на правительство.

Проведя зиму в своих новых завоеваниях, Василий совершил поездку по Греции. В Зетунии он посетил поле битвы, где власть Самуила была впервые сломлена победой Никифора Урана, и обнаружил, что земля все еще усыпана костями убитых. Стена, защищавшая проход Фермопилы, сохранила свое древнее название Склос, и ее каменная кладка, датируемая эллинистическим периодом, вызвала восхищение императора. Наконец Василий прибыл к стенам Афин и стал единственным императором, который на протяжении нескольких веков удостоил этот город своим визитом. Многие великолепные сооружения в городе и все храмы на Акрополе тогда едва ли пострадали от времени. Если первоначальное великолепие внешней росписи и позолоты, когда-то украшавших Парфенон Перикла, и поблекло, то настенные росписи святых, мучеников, императоров и императриц, покрывавшие внутреннюю часть целлы, придавали новый интерес церкви Богородицы, в которую она была преобразована. Ум Василия, хотя и невосприимчивый к греческой литературе, был глубоко чувствителен к религиозным впечатлениям, и великолепное сочетание разнообразия красоты в искусстве и природе, которое он видел в Акрополе, тронуло его суровую душу. Он выразил свои чувства великолепными подарками городу и богатыми подношениями в святилище Богородицы в Парфеноне.

Из Греции император вернулся в Константинополь, где он предался пышности триумфа, въехав в столицу через Золотые ворота и с удовлетворением слушая крики народа, который приветствовал его жестокость, воздавая ему титул «Убийца болгар» [Bulgaroctonus].^e

[1019-1028 гг. н. э.]

Однако его подданные ненавидели алчность и жестокость Василия; и в несовременном повествовании о его подвигах мы можем разглядеть только мужество, терпение и

свирепость солдата. После первой распушенности юности Василий II посвятил свою жизнь, как во дворце, так и в лагере, покаянию отшельника, носил монашескую одежду под своим плащом и доспехами, соблюдал обет воздержания и наложил на свои аппетиты вечное воздержание от вина и мяса. В шестьдесят восьмом году своей жизни его воинственный дух побудил его лично отправиться в священную войну против сарацин Сицилии; ему помешала смерть, и Василий, прозванный «убийцей болгар», покинул этот мир с благословением духовенства и проклятиями народа. После его смерти в 1025 году его брат Константин IX около трех лет наслаждался властью, или, скорее, удовольствиями королевской жизни; и его единственной заботой было урегулирование вопроса о престолонаследии. Он шестьдесят шесть лет носил титул Августа; и правление двух братьев является самым длительным и самым мрачным в византийской истории.

[1028-1042 гг. н. э.]

Пять императоров, правивших в течение 160 лет, привязали греков к македонской династии, которую трижды уважали узурпаторы их власти. После смерти Константина IX, последнего мужчины королевской династии, на сцену выходит новая и разбитая картина, и накопленные годы двенадцати императоров не равны сроку его единственного правления. У Константина было только три дочери. Когда их брак обсуждался на совете умирающего отца, холодная или благочестивая Феодора отказалась дать наследника империи, но ее сестра Зоя представила себя добровольной жертвой на алтаре. Роман Аргир, патриций с изящной внешностью и хорошей репутацией, был выбран в качестве ее мужа, и, когда он отказался от этой чести, ему сообщили, что вторым вариантом будет слепота или смерть. Причиной его нежелания была супружеская любовь, но его верная жена пожертвовала своим счастьем ради его безопасности и величия, и ее вступление в монастырь устранило единственное препятствие для императорской свадьбы.

После смерти Константина скипетр перешел к Роману III, но его усилия как внутри страны, так и за рубежом^[70] были одинаково слабыми и бесплодными, а зрелый возраст Зои, сорок восемь лет, был менее благоприятен для надежд на беременность, чем для удовольствий. Ее любимым камергером был красивый пафлагонец по имени Михаил, чьим первым ремеслом было меняльничество; и Роман, либо из благодарности, либо из справедливости, закрывал глаза на их преступные отношения или принимал незначительные заверения в их невиновности. Но Зоя вскоре оправдала римскую пословицу, что каждая прелюбодейка способна отравить своего мужа; и за смертью Романа сразу последовал скандальный брак и возвышение Михаила IV.

Однако ожидания Зои не оправдались; вместо энергичного и благодарного любовника она взяла в свою постель несчастного несчастного, чье здоровье и разум были подорваны эпилептическими приступами, а совесть мучилась от отчаяния и угрызений совести. К его помощи были призваны самые искусные врачи души и тела; его надежды возбуждались частыми паломничествами в бани и к могилам самых популярных святых; монахи приветствовали его покаяние, и, за исключением возмещения ущерба (но кому он должен был его возместить?), Михаил искал все способы искупить свою вину. Пока он стонал и молился в вретисе и пепле, его брат, евнух Иоанн, улыбался его раскаянию и наслаждался плодами преступления, тайным и самым виновным автором которого был он сам. Его управление^[71] было лишь искусством удовлетворения своей алчности, и Зоя стала пленницей во дворце своих отцов и в руках своих рабов. Когда он понял, что здоровье его брата безнадежно ухудшается, он представил своего племянника, другого Михаила, который получил фамилию Калафат от профессии своего отца, занимавшегося ремонтом судов; по

приказу евнуха Зоя усыновила сына механика, и этот фиктивный наследник был наделен титулом и пурпуром цезарей в присутствии сената и духовенства.

Характер Зои был настолько слабым, что она не смогла справиться со свободой и властью, которые она обрела после смерти Пафлагонского; и через четыре дня она возложила корону на голову Михаила V, который со слезами и клятвами заверил, что всегда будет править как первый и самый послушный из ее подданных. Единственным деянием его короткого правления была его подлая неблагодарность по отношению к своим благодетелям, евнуху и императрице. Позор первого был приятен публике, но ропот, а в конце концов и крики Константинополя осуждали изгнание Зои, дочери стольких императоров; ее пороки были забыты, и Михаил узнал, что есть период, когда терпение самых покорных рабов превращается в ярость и месть. Граждане всех сословий собрались в грозном бунте, который длился три дня; они осадили дворец, взломали ворота, вернули своих матерей — Зою из тюрьмы, Феодору из монастыря — и приговорили сына Калафата к потере глаз или жизни.

Впервые греки с удивлением увидели двух королевских сестер, сидящих на одном троне, председательствующих в сенате и принимающих послов других стран. Но этот необычный союз просуществовал не более двух месяцев; две правительницы, их характеры, интересы и сторонники были тайно враждебны друг другу; и поскольку Феодора по-прежнему была против брака, неутомимая Зоя в возрасте шестидесяти лет согласилась, ради общественного блага, принять объятия третьего мужа и осуждение греческой церкви. ^[73]Его имя и номер были Константин X, а прозвище Мономах (^[72], «одинокый боец») должно было отражать его доблесть и победу в какой-то публичной или частной ссоре (). Однако его здоровье было подорвано мучениями подагры, и его разгульное правление прошло в чередовании болезни и удовольствий. Красивая и благородная вдова сопровождала Константина в его изгнании на остров Лесбос, и Склерена гордилась званием его любовницы. После его женитьбы и возвышения она была удостоена титула и почестей Августы и занимала смежные апартаменты во дворце. Законная супруга (такова была деликатность или развращенность Зои) согласилась на это странное и скандальное разделение, и император появлялся на публике между своей женой и наложницей.^h

РАЗДЕЛ ГРЕЧЕСКОЙ И ЛАТИНСКОЙ ЦЕРКВЕЙ

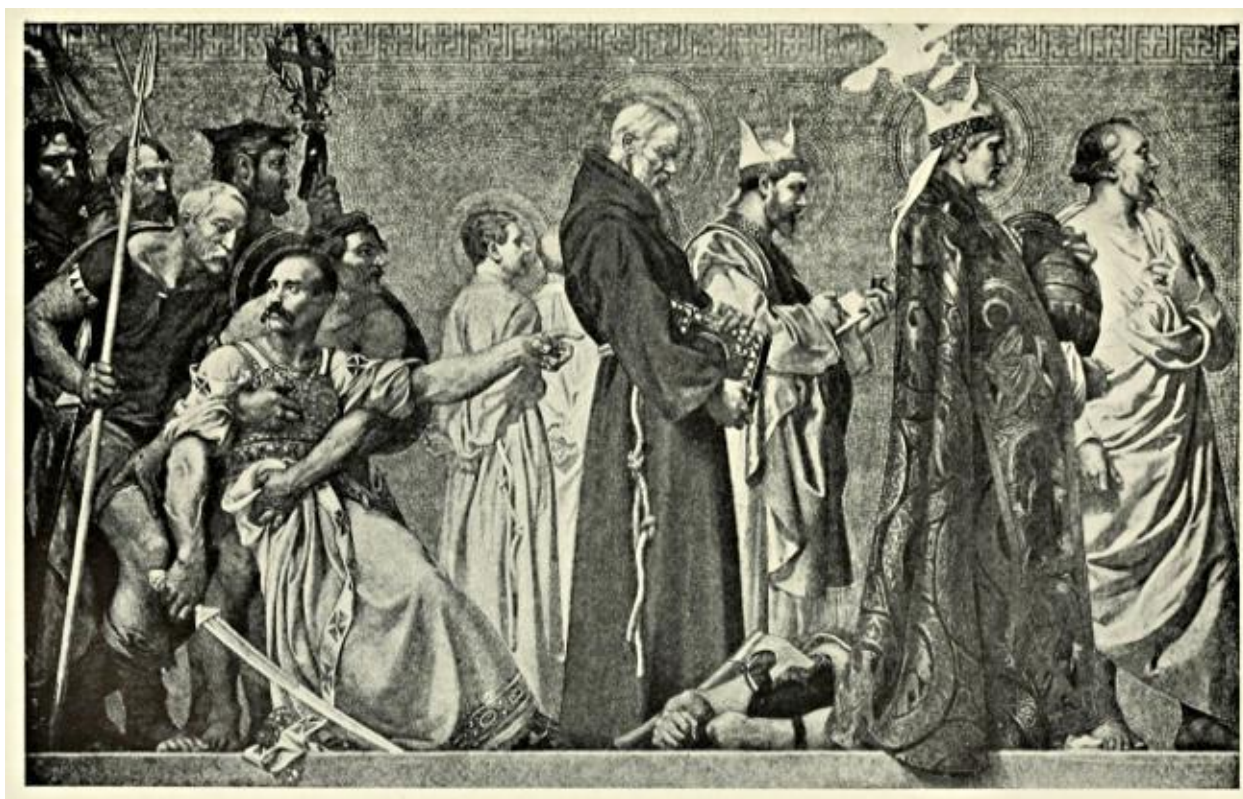
[1042-1053 гг. н. э.]

Оглядываясь из современности на историю Византийской империи, разделение греческой и латинской церквей представляется самым важным событием в правлении Константина X; но его значимость обусловлена, с одной стороны, тем обстоятельством, что вскоре после этого между восточными и западными народами начали устанавливаться более тесные связи; с другой стороны, к упадку могущества Византийской империи, который придал церковным делам большее значение, чем они заслуживали. Если бы преемники Константина X продолжали обладать властью и ресурсами преемников Льва III или Василия I, раскол никогда не приобрел бы того политического значения, которое он фактически приобрел; поскольку он касался мнений по второстепенным вопросам и деталей церковной практики, народ оставил бы эту тему духовенству и церкви, как не затрагивающую благосостояние христиан и интересы христианства. Император Василий II, который был не только набожным, но и фанатичным, все же обладал здравым смыслом и рассматривал этот вопрос скорее как политический, чем как религиозный.

Он знал, что воссоединить две церкви будет невозможно; он видел склонность греческого духовенства к разжиганию спора, и чтобы этого избежать, он пытался договориться о мирном отделении византийской церкви от папской верховной власти. Он предложил,

чтобы папа почитался как первый по рангу христианский епископ, но получал денежную компенсацию и признавал право восточной церкви управлять своими делами в соответствии со своей конституцией и местными обычаями, а также признавал патриарха Константинополя ее главой. Этот план, каким бы разумным он ни казался государственным деятелям, имел мало шансов на успех.

Претензия епископа Рима на роль представителя теократии, управлявшей христианской церковью, была слишком широко признана, чтобы можно было установить какие-либо ограничения его власти. Предложения Василия II были отклонены, но открытый разрыв с Римом произошел только в 1053 году, когда его вызвало жестокое и несправедливое поведение греческого патриарха Михаила Керуляра. Он приказал закрыть все латинские церкви в Византийской империи, в которых месса отправлялась по обрядам западной церкви, и совместно с Леоном, епископом Ахриды, патриархом Болгарии, направил спорное письмо епископу Трани, которое возродило все старые споры с папской церковью, добавив к ним вопрос об использовании пресного хлеба в святом причастии.

ТРИУМФ КЛОВИСА

(В ПАНТЕОНЕ, ПАРИЖ)

Люди с обеих сторон, которые мало понимали в спорных вопросах духовенства, приняли простое правило, что их долг — ненавидеть членов другой церкви; и греки, чья национальность была сконцентрирована в их церковной организации, значительно превосходили западные народы в церковном фанатизме, поскольку люди в западных странах Европы часто не были очень дружелюбны к папским притязаниям. Крайняя фанатичность греков вскоре привела к тому, что жители Византийской империи стали неприятельно относиться ко всем контактам с латинянами как с равными и стали считать себя выше народов, быстро прогрессирующих в деятельности, богатстве, силе и интеллекте,

только потому, что считали их еретиками. В результате разделение двух церквей оказалось более вредным для греков, находившихся в состоянии социальной стагнации, чем для западных христиан, которые энергично продвигались по многим путям социального прогресса.

[1053-1056 гг. н.э.]

Императрица Зоя умерла в 1050 году в возрасте семидесяти лет. Константин X прожил до 1054 года. Когда император почувствовал приближение своей кончины, он приказал, в соответствии с суеверными обычаями того времени, перевезти себя в монастырь Мангана, который он построил. Его министры, и особенно его премьер-министр Иоанн Логофет и президент сената, убеждали его назначить своим преемником Никифора Бриенния, командующего македонскими войсками. Согласно имперской конституции, монарх должен был быть коронован в Константинополе, и курьер был отправлен, чтобы вызвать Бриенния в столицу. Но как только Феодора узнала об этой попытке своего зятя лишить ее трона, который она была вынуждена уступить ему, она поспешила в императорский дворец, созвала сенат, приказала вывести стражу и, представившись законной императрицей, была провозглашена правительницей империи под всеобщие восторженные возгласы. Известие об этом событии омрачило последние минуты умирающего сластолюбивого правителя, который ненавидел Феодору за уважение, которое вызывало ее поведение.⁴

От ее имени и под влиянием четырех евнухов восточный мир мирно управлялся около девятнадцати месяцев; и, желая продлить свое господство, они убедили пожилую принцессу назначить своим преемником Михаила VI. Фамилия Стратиотик указывает на его военную профессию, но сумасшедший и дряхлый ветеран мог видеть только глазами и действовать только руками своих министров. В то время как он взошел на престол, Феодора скончалась — последняя из династии Македонов или Василиев. Мы поспешно прошли и с радостью оставили позади этот позорный и разрушительный период двадцати восьми лет, в течение которого греки, униженные ниже обычного уровня рабства, были перемещены, как стадо скота, по выбору или прихоти двух бессильных женщин.

КОМНИ

Из этой ночи рабства начинает пробиваться луч свободы, или, по крайней мере, духа; греки либо сохранили, либо возродили использование фамилий, которые увековечивают славу наследственной добродетели; и теперь мы видим подъем, смену и союз последних династий Константинополя и Трапезунда. Комнины, которые некоторое время поддерживали судьбу гибнущей империи, присвоили себе честь римского происхождения; но семья уже давно была переселена из Италии в Азию. Их родовое поместье находилось в районе Кастамоны, недалеко от Эвксинского моря; и один из их вождей, уже вступивший на путь амбиций, с любовью, а может быть, и с сожалением, вновь посетил скромное, но почётное жилище своих отцов.

[1057-1059 гг. н. э.]

Первым в их роду был прославленный Мануил, который во время правления второго Василия способствовал умиротворению Востока с помощью войн и договоров. Он оставил в юном возрасте двух сыновей, Исаака и Иоанна, которых, осознавая свою вину, завещал благодарности и милости своего повелителя. Благородные юноши были тщательно обучены монастырскому образованию, дворцовым искусствам и военному делу; из домашней службы гвардии они быстро продвинулись до командования провинциями и армиями. Их братский союз удвоил силу и репутацию Комнинов, а их древняя знатность была прославлена браком двух братьев с плененной принцессой Болгарии и дочерью патриция, который получил имя Харон за количество врагов, которых он отправил в адские тени. Солдаты с неохотной лояльностью служили ряду изнеженных господ; возвышение Михаила VI было личным оскорблением для более заслуженных генералов; и их недовольство разжигалось скупостью императора и наглостью евнухов. Они тайно собрались в святилище Святой Софии, и голоса военного синода были бы единодушны в пользу старого и доблестного Катакалона, если бы патриотизм или скромность ветерана не подсказали, что при выборе правителя важно не только достоинство, но и происхождение. Исаак Комнин был одобрен общим согласием, и союзники без промедления разошлись, чтобы встретиться на равнинах Фригии во главе своих эскадронов и отрядов.

Дело Михаила защищали в единственной битве наемники императорской гвардии, которые были чужды общественным интересам и руководствовались только принципами чести и благодарности. После их поражения страхи императора побудили его заключить договор, который был почти принят умеренностью Комнино. Но первый был предан своими посланцами, а второй был остановлен своими друзьями. Одиноким Михаил подчинился голосу народа; патриарх аннулировал их клятву верности; и, обривая голову королевского монаха, поздравил его с выгодной сделкой — обменом земной короны на царство небесное; сделкой, от которой, однако, священник, по всей вероятности, отказался бы, если бы дело касалось его самого.

[1059-1067 гг. н. э.]

Руками того же патриарха Исаак Комнин был торжественно коронован; меч, который он изобразил на своих монетах, мог бы быть оскорбительным символом, если бы он означал его титул, завоеванный путем завоевания; но этот меч был бы обнажен против иностранных и внутренних врагов государства.^[74] Ухудшение его здоровья и силы приостановило действие активной добродетели;^[75] и перспектива приближающейся смерти побудила его встать между жизнью и вечностью. Но вместо того, чтобы оставить империю в качестве приданого своей дочери, его разум и склонности совпали в предпочтении его брата Иоанна, солдата, патриота и отца пяти сыновей, будущих столпов наследственной преемственности. Его первоначальное скромное нежелание могло быть естественным проявлением благоразумия и нежности, но его упорное и успешное настойчивое стремление, как бы оно ни ослепляло видимостью добродетели, должно быть осуждено как преступное уклонение от долга и редкое преступление против его семьи и страны. Пурпур, от которого он отказался, был принят Константином Дукасом, другом дома Комнинов, чье благородное происхождение было украшено опытом и репутацией в области гражданской политики. В монашеском одеянии Исаак восстановил свое здоровье и прожил еще два года после добровольной отречения. По приказу своего аббата он соблюдал правила святого Василия и выполнял самые подчиненные обязанности в монастыре, но его скрытое тщеславие

удовлетворялось частыми и уважительными визитами правящего монарха, который почитал его как благодетеля и святого.

Если Константин XI действительно был самым достойным императором, то мы должны сожалеть о падении нравов эпохи и нации, в которой он был избран. В своих детских декламациях он стремился, но не смог достичь, венца красноречия, который, по его мнению, был драгоценнее венца Рима; и, выполняя подчиненные функции судьи, он забыл об обязанностях правителя и воина. Дукас стремился только обеспечить, даже ценой республики, власть и процветание своих детей. Его три сына, Михаил VII, Андроник I и Константин XII, в юном возрасте были наделены равным титулом Августа, и смерть их отца быстро открыла путь к престолу. Управление государством было поручено его вдове, Евдокии.

Не прошло и семи месяцев, как нужды Евдокии или нужды государства громко потребовали мужских добродетелей воина; и ее сердце уже выбрало Романа Диогена, которого она подняла с эшафота на трон. Обнаружение попытки измены подвергло его суровости законов; его красота и доблесть оправдали его в глазах императрицы, и Роман, из мягкого изгнания, на второй день был возвращен к командованию восточными армиями. Ее королевский выбор еще не был известен публике, и обещание, которое выдало бы ее ложь и легкомыслие, было украдено ловким посланником из амбиций патриарха. Сначала Ксифилин ссылаясь на святость клятвы и священный характер доверия, но слухи о том, что его брат будет будущим императором, ослабили его сомнения и заставили его признать, что общественная безопасность является высшим законом. Он отказался от важной бумаги, и когда его надежды были разрушены назначением Романа, он уже не мог вернуть себе безопасность, отречься от своих заявлений и противостоять второму браку императрицы. Тем не менее, в дворце раздались ропот, и варварские стражники подняли боевые топоры в защиту дома Дука, пока молодые принцы не были успокоены слезами своей матери и заверениями в верности своего опекуна, который занимал трон с достоинством и честью.

РОМАН НА ПОЛЕ БОЯ (1067-1071)

[1067-1070 гг. н.э.]

Ложное или подлинное великодушие Махмуда Газневида не было подражаемо Альп Арсланом, и он без колебаний напал на греческую императрицу Евдокию и ее детей.^[76] Его угрожающее продвижение заставило ее отдать себя и свой скипетр в руки солдата, и Роман Диоген был наделен императорской пурпурной мантией. Его патриотизм и, возможно, гордость заставили его покинуть Константинополь в течение двух месяцев после вступления на престол; и в следующей кампании он самым скандальным образом вышел на поле боя во время святого праздника Пасхи. Во дворце Диоген был не более чем мужем Евдокии; в лагере он был императором римлян и поддерживал этот статус слабыми ресурсами и непобедимым мужеством. Его дух и успехи научили солдат действовать, подданных надеяться, а врагов бояться. Турки проникли в самое сердце Фригии, но сам султан передал ведение войны своим эмирам, и их многочисленные отряды разбрелись по Азии, уверенные в победе. Обремененные добычей и не заботясь о дисциплине, они были по отдельности застигнуты врасплох и разгромлены греками; активность императора, казалось, умножала его присутствие; и пока они слышали о его походе на Антиохию, враг почувствовал его меч на холмах Трапезунда.

В ходе трех трудоемких кампаний^[77] турки были изгнаны за Евфрат; в четвертой и последней кампании Роман предпринял освобождение Армении. Опустошение земли заставило его перевозить запасы провианта на два месяца; и он двинулся вперед к осаде

Манцикерта, важной крепости на полпути между современными городами Эрзерум и Ван. Его армия насчитывала, по меньшей мере, сто тысяч человек. Войска Константинополя были усилены беспорядочными толпами из Фригии и Каппадокии, но реальная сила состояла из подданных и союзников Европы, легионов Македонии и эскадронов Болгарии; узи, молдавской орды, которые сами были турецкой расы, и, прежде всего, наемных и авантюрных отрядов французов и норманнов. Их копьями командовал доблестный Урсел из Балиола, родственник или отец шотландских королей, и им было позволено преуспевать в военном деле или, согласно греческому стилю, в практике пиррового танца.

ВИЗАНТИЙСКИЙ ИМПЕРАТОР В КОСТЮМЕ ГЕНЕРАЛА

[1071 г. н.э.]

Узнав об этом смелом вторжении, угрожавшем его наследственным владениям, Альп Арслан поспешил на место событий во главе сорока тысяч всадников. Его быстрые и умелые маневры вызвали смятение и панику среди превосходящих по численности греков; и в битве, в которой был убит Василий, один из их главных полководцев, он продемонстрировал первый пример своей доблести и милосердия. Неосторожность императора привела к разделению его войск после взятия Манцикерта. Он тщетно пытался отозвать наемных франков; они отказались подчиниться его приказу; он не стал ждать их возвращения; дезертирство узи наполнило его ум тревогой и подозрением; и, вопреки самым разумным советам, он бросился вперед, чтобы принять быстрые и решительные меры.

Если бы он прислушался к справедливым предложениям султана, Роман мог бы обеспечить отступление, а может быть, и мир; но в этих предложениях он усмотрел страх или слабость врага, и его ответ был сформулирован в тоне оскорбления и вызова. «Если

варвар желает мира, пусть он покинет землю, которую он занимает для лагеря римлян, и сдаст свой город и дворец Рей в знак своей искренности». Альп Арслан улыбнулся по поводу тщеславия этого требования, но он оплакивал смерть стольких верных мусульман; и, после благочестивой молитвы, объявил о свободном разрешении всем, кто желал уйти с поля боя. Своими руками он связал хвост своей лошади, променял лук и стрелы на булаву и ятаган, одел белую одежду, надушил свое тело мускусом и объявил, что если он будет побежден, это место станет местом его погребения.

Султан сам сделал вид, что отбросил свое метательное оружие, но его надежды на победу были связаны со стрелами турецкой кавалерии, эскадроны которой были распределены в форме полумесяца. Вместо последовательных линий и резервов греческой тактики, Роман вел свою армию в виде единой и прочной фаланги и с энергией и нетерпением давил на хитрое и уступчивое сопротивление варваров. В этом беспорядочном и бесплодном сражении он потратил большую часть летнего дня, пока благоразумие и усталость не заставили его вернуться в лагерь. Но отступление всегда опасно перед лицом активного врага; и как только знамя было повернуто назад, фаланга была разбита из-за подлой трусости или еще более подлой зависти Андроника, соперничающего принца, который опозорил свое происхождение и пурпур цезарей. Турецкие отряды обрушили облако стрел на этот момент замешательства и утомления; и рога их грозного полумесяца сомкнулись в тылу греков. В ходе уничтожения армии и разграбления лагеря нет нужды упоминать число убитых или пленных. Византийские писатели сожалеют о потере бесценной жемчужины; они забывают упомянуть, что в этот роковой день азиатские провинции Рима были безвозвратно потеряны.

Пока оставалась надежда, Роман пытался собрать и спасти остатки своей армии. Когда центр, императорский стан, остался без защиты со всех сторон и был окружен победоносными турками, он все еще с отчаянным мужеством продолжал сражение до конца дня, возглавляя храбрых и верных подданных, которые придерживались его знамени. Они падали вокруг него; его лошадь была убита; император был ранен; но он стоял один и бесстрашен, пока не был подавлен и связан силой множества. Слава этой знаменитой добычи была предметом спора между рабом и солдатом; рабом, который видел его на троне Константинополя, и солдатом, чья крайняя уродливость была прощена в обмен на обещание оказать какую-то выдающуюся услугу. Лишенный оружия, драгоценностей и пурпура, Роман провел мрачную и опасную ночь на поле битвы, среди беспорядочной толпы низших варваров.

ПЛЕН ИМПЕРАТОРА

Утром королевский пленник был представлен Альп Арслану, который сомневался в своей удаче, пока личность пленника не была подтверждена докладом его послов и более трогательным свидетельством Василиация, который со слезами обнял ноги своего несчастного повелителя. Преемник Константина, одетый в плебейскую одежду, был приведен в турецкий диван и получил приказ поцеловать землю перед повелителем Азии. Он с неохотой подчинился, и Альп Арслан, вскочив со своего трона, как говорят, поставил ногу на шею римского императора. Но этот факт сомнителен; и если в этот момент надменности султан следовал национальному обычаю, то остальное его поведение вызвало восхищение даже у его фанатичных врагов и может служить уроком для самых цивилизованных эпох. Он немедленно поднял королевского пленника с земли и, трижды сжав его руку с нежной симпатией, заверил его, что его жизнь и достоинство будут неприкосновенны в руках принца, который научился уважать величие своих равных и превратности судьбы. С дивана Романуса провели в соседнюю палатку, где ему с помпой и

почтением служили офицеры султана, которые дважды в день усаживали его на почетное место за своим столом. В течение восьми дней свободных и дружеских бесед завоеватель не произнес ни одного оскорбительного слова и не бросил ни одного унижительного взгляда, но он строго осудил недостойных подданных, которые покинули своего доблестного князя в час опасности, и мягко упрекнул своего противника за некоторые ошибки, которые тот допустил в ведении войны. В ходе предварительных переговоров Альп Арслан спросил его, какого обращения он ожидает, и спокойное безразличие императора продемонстрировало свободу его ума. «Если вы жестоки, — сказал он, — вы лишите меня жизни; если вы прислушаетесь к гордости, вы потащите меня за колесами своей колесницы; если вы будете руководствоваться своими интересами, вы примете выкуп и вернете меня в мою страну». «А как бы вы себя вели, — продолжил султан, — если бы удача улыбнулась вашим войскам?» Ответ грека выдал чувство, которое благоразумие и даже благодарность должны были научить его скрывать. «Если бы я победил, — яростно сказал он, — я бы нанес вашему телу много ударов».

Турецкий завоеватель улыбнулся надменности своего пленника, заметил, что христианский закон внушает любовь к врагам и прощение обид, и благородно заявил, что не будет подражать примеру, который он осуждает. После зрелого размышления Альп Арслан диктовал условия свободы и мира — выкуп в миллион, ежегодную дань в 360 000 золотых монет, брак королевских детей и освобождение всех мусульман, находившихся во власти греков. Роман с вздохом подписал этот договор, столь позорный для величия империи; ему немедленно надели турецкую мантию чести; его вельможи и патриции были возвращены своему правителю; и султан, после вежливого объятия, отпустил его с богатыми подарками и военной охраной. Едва он достиг границ империи, как ему сообщили, что дворец и провинции отказались от верности пленнику; с трудом была собрана сумма в двести тысяч монет, и падший монарх передал эту часть выкупа с печальным признанием своей беспомощности и позора.

В мирном договоре не указано, что Альп Арслан вымогал у пленного императора какие-либо провинции или города; его месть была удовлетворена трофеями победы и добычей Анатолии от Антиохии до Черного моря. Самая прекрасная часть Азии подчинялась его законам; двенадцать сотен князей или сыновей князей стояли перед его троном, а двести тысяч солдат шли под его знаменами. Султан пренебрег преследованием бежавших греков, но задумывал более славное завоевание Туркестана, первоначальной резиденции дома Сельджуков.

[В то время как турки устанавливали контроль над Малой Азией, Византийская империя потеряла свои последние владения в Италии. Роберт Гвискар один за другим захватывал города империи и в 1068 году осадил Бари. Роман послал флот под командованием Госселина, но брат Гвискара Роджер нанес ему поражение. Бари капитулировала в апреле 1071 года, и прямая власть Римской империи в Италии исчезла навсегда].

СЫНОВЬЯ КОНСТАНТИНА XI И НИЦЕФОРА III (1071-1081 гг. н. э.)

[1071-1081 гг.

Поражение и пленение Романа IV нанесли смертельный удар византийской монархии Востока; и после того, как он был освобожден из цепей султана, он тщетно искал свою жену и подданных. Его жена была заключена в монастырь, а подданные Романа приняли строгую максиму гражданского права, согласно которой пленник в руках врага лишается, как

смертельным ударом, всех публичных и частных прав гражданина. В общем смятении цезарь Иоанн отстаивал незыблемое право своих трех племянников. Константинополь прислушался к его голосу, и турецкий пленник был объявлен в столице и принят на границе как враг республики. Роман не был более удачлив в внутренней войне, чем в внешней: поражение в двух сражениях заставило его сдаться, получив заверения в справедливом и честном обращении; но его враги были лишены веры и человечности, и после жестокого лишения зрения его раны были оставлены кровоточить и гнить, пока через несколько дней он не был избавлен от страданий.

При тройном правлении дома Дукаса два младших брата были низведены до тщетных почестей пурпура, но старший, малодушный Михаил, был неспособен удержать римский скипетр, и его прозвище Парапинак означает упрек, который он разделил с алчным фаворитом, который повысил цену и уменьшил меру пшеницы. В школе Пселлуса и по примеру своей матери сын Евдокии достиг некоторых успехов в философии и риторике, но его характер был скорее унижен, чем облагорожен добродетелями монаха и знаниями софиста.

Сильные в презрении к своему правителю и в самоуважении, два генерала, стоявшие во главе европейских и азиатских легионов, взяли на себя власть в Адрианополе и Никее. Их восстание произошло в одном и том же месяце; они носили одно и то же имя Никифор, но двух кандидатов отличали фамилии Бриенний и Ботаниат: первый отличался зрелостью мудрости и мужества, второй — только воспоминаниями о своих прошлых подвигах. В то время как Ботаниат продвигался осторожными и медленными шагами, его активный конкурент стоял с оружием перед воротами Константинополя. Имя Бриенния было прославлено, его дело пользовалось популярностью, но его разнузданные войска не могли удержаться от поджогов и грабежей пригородов, и народ, который приветствовал бы мятежника, отверг и отразил поджигателя своей страны. Это изменение общественного мнения было благоприятно для Ботаниата, который в конце концов с армией турок приблизился к берегам Халкидона.

Официальное приглашение от имени патриарха, синода и сената было распространено по улицам Константинополя; и общее собрание в куполе собора Святой Софии обсуждало выбор своего правителя в порядке и спокойствии. Охрана Михаила могла бы разогнать эту безоружную толпу, но слабый император, восхваляя свою умеренность и милосердие, отказался от королевских регалий и был вознагражден монашеским облачением и титулом архиепископа Эфеса. Он оставил сына, Константина, родившегося и воспитанного в пурпуре, а дочь из рода Дукасов прославила кровь и подтвердила преемственность династии Комнинов.

Иоанн Комнин, брат императора Исаака, пережил в мире и достоинстве свой великодушный отказ от скипетра. От своей жены Анны, женщины с мужским характером и политическим чутьем, он оставил восемь детей; три дочери, умножили союзы Комнинов с самыми знатными греками; из пяти сыновей Мануил был прерван преждевременной смертью; Исаак и Алексей восстановили имперское величие своего дома, которым без труда и опасностей наслаждались два младших брата, Адриан и Никифор. Алексей, третий и самый прославленный из братьев, был от природы наделен лучшими дарами ума и тела; они были культивированы либеральным образованием и отработаны в школе послушания и невзгод. Юноша был избавлен от опасностей турецкой войны благодаря отцовской заботе императора Романа (^[78]), но мать Комнинов с ее амбициозным родом была обвинена в измене и сослана сыновьями Дукаса на остров в Пропонтиде. Два брата вскоре вернулись в милость и к делу, сражались бок о бок против мятежников и варваров и оставались верными императору Михаилу, пока он не был покинут миром и самим собой.

В своей первой беседе с Ботаниатом Алексей с благородной откровенностью сказал: «Князь, мой долг сделал меня вашим врагом; воля Бога и народа сделала меня вашим подданным. Судите о моей будущей верности по моему прошлому противостоянию». Преемник Михаила принял его с уважением и доверием; его доблесть была направлена против трех мятежников, которые нарушали мир в империи, или, по крайней мере, среди императоров. Урсель, Бриенний и Василий были грозны благодаря своим многочисленным войскам и военной славе: они были последовательно побеждены на поле боя и приведены в цепях к подножию трона; и какое бы обращение ни ждало их от робкого и жестокого двора, они приветствовали милосердие, а также мужество своего победителя. Но верность Комнинов вскоре была запятнана страхом и подозрением; и нелегко урегулировать между подданным и деспотом долг благодарности, который первый искушается требовать путем восстания, а второй — погасить с помощью палача. Отказ Алексея выступить против четвертого мятежника, мужа своей сестры, уничтожил заслуги и память о его прошлых услугах; фавориты Ботаниата провоцировали амбиции, которые они опасались и обвиняли; а отступление двух братьев можно было оправдать защитой своей жизни или свободы.

Женщины семьи были помещены в святилище, уважаемое тиранами; мужчины, сев на лошадей, выехали из города и подняли знамя гражданской войны. Солдаты, которые постепенно собирались в столице и окрестностях, были преданны делу победоносного и обиженного вождя; узы общих интересов и семейного союза обеспечили приверженность дома Дукасов; и великодушный спор Комнинов был разрешен решительным решением Исаака, который первым наделил своего младшего брата именем и знаками королевской власти. Они вернулись в Константинополь, чтобы скорее угрожать, чем осаждать эту неприступную крепость; но верность стражи была подкуплена; ворота были взяты врасплох, и флот был захвачен благодаря активной смелости Георгия Палеолога, который сражался против своего отца, не предвидя, что он трудится для своего потомства. Алексей вззошел на престол, а его пожилой соперник скрылся в монастыре. Армия из разных народов была вознаграждена грабежом города, но общественные беспорядки были искуплены слезами и постом Комнинов, которые подчинились всякому покаянию.

ИСТОРИЯ АННЫ КОМНИН

Жизнь императора Алексея была описана его любимой дочерью, вдохновленной нежной любовью к отцу и похвальным стремлением увековечить его добродетели. Осознавая справедливые подозрения своих читателей, принцесса Анна Комнина ¹ неоднократно заявляет, что, помимо своих личных знаний, она изучила высказывания и сочинения самых уважаемых ветеранов; что после тридцатилетнего перерыва, забытая миром и забывшая о нем, ее печальное одиночество было недоступно надежде и страху; и что правда, голая, совершенная правда, была ей дороже и святее, чем память о ее отце. Однако вместо простоты стиля и повествования, которые завоевывают наше доверие, на каждой странице прослеживается тщательно выверенная риторика и научная вычурность, выдающие тщеславие женщины-автора. Подлинный характер Алексия теряется в неясной созвездии добродетелей, а постоянная напряженность панегириков и апологий пробуждает нашу ревность и заставляет усомниться в правдивости историка и заслугах героя. Однако мы не можем отвергнуть ее разумное и важное замечание о том, что беспорядки того времени были несчастьем и славой Алексия, и что все бедствия, которые могут постигнуть угасающую империю, накопились в его правлении по справедливости небес и порокам его предшественников.

БЕСПОРЯДКИ АЛЕКСИЯ

[1081-1084 гг. н. э.]

Византийский солдат

На Востоке победоносные турки распространили от Персии до Геллеспонта власть *Корана* и полумесяца; Запад был захвачен авантюрной доблестью норманнов; а в мирные времена Дунай выплескивал новые полчища, которые приобрели в военном искусстве то, что утратили в жестокости нравов. Море было не менее враждебным, чем суша; и пока границы подвергались нападениям открытого врага, дворец был озабочен тайными изменами и заговорами.^{[h](#)}

Одним из первых действий Алексея на престоле было заключение мирного договора с эмиром сельджуков Сулейманом, который действовал в Малой Азии, как будто он был полностью независим от великого султана Малекшаха. Измена Никифора Мелисеноса позволила Сулейману овладеть Никеей, а его войска заняли несколько постов на берегах Босфора и Мраморного моря; в то время как Алексей, которому потребовались все силы империи, чтобы противостоять вторжению Роберта Гвискара, был вынужден покупать мир любой ценой. В таких условиях было вполне ожидаемо, что только ближайшие окрестности Константинополя могли остаться свободными от турок, и, соответственно, границы Римской империи в Малой Азии были этим договором сведены к очень узким пределам. Территория, непосредственно прилегающая к столице, вплоть до устья реки Сангарий и вершины залива Никомедия, была эвакуирована турками, как и побережье Мраморного моря от небольшой реки Драко, впадающей в залив Никомедия, на запад до города Прусиас. Горы турецкой территории были уже видны из дворца Алексея и купола собора Святой

Софии, но крестовые походы были суждено отразить мусульманское вторжение с берегов Европы на несколько столетий.

Норманнское вторжение

Дух предприимчивости и завоевания, который, под руководством религиозного энтузиазма, привел самых храбрых воинов Западной Европы в качестве крестоносцев на Восток, в предыдущем поколении, под руководством гражданской мудрости, привел к завоеванию Англии и южной Италии норманами. Эти завоевания подняли их военную репутацию и уверенность в себе до предела; и Роберт Гвискар, который был владыкой владений в Италии, намного превосходивших по богатству герцогство Нормандия, надеялся затмить подвиги герцога Вильгельма в Англии, завоевав Византийскую империю. Но поскольку он знал, что ему следует ожидать более длительного сопротивления, чем то, которое оказала Англия своему завоевателю, он искал предлог для начала войны, который скрыл бы его собственные цели и склонил бы одну из партий в стране взять в руки оружие против правительства, которое он стремился свергнуть. Его дочь Елена была обручена с Константином Дукасом, сыном Михаила VII, и была еще настолько молода, что проживала в императорском дворце в Константинополе, чтобы получить образование, когда Михаил был свергнут с престола. Никифор III отправил девочку в монастырь, а ее отец Роберт выступил защитником права Михаила на возвращение трона, с которого он был изгнан. Под прикрытием этого предложения норманн надеялся стать хозяином Константинополя или, в всяком случае, завладеть богатыми провинциями на восточном побережье Адриатики.

Подготовка Роберта Гвискара была уже в полном разгаре, когда Алексей взойшел на престол. Чтобы разжечь рвение своих войск, он убедил папу Григория VII, что греческий монах, принявший на себя роль Михаила VII, на самом деле был свергнутым императором, и таким образом склонил папу одобрить его поход и даровать отпущение грехов всем захватчикам Византийской империи, как если бы они собирались начать священную войну. Солдаты были глубоко убеждены в справедливости своего дела и воодушевлены надеждами на грабеж и славу.

В июне 1081 года Роберт Гвискар отплыл из Бриндизи с хорошо оснащенной флотом из ста пятидесяти кораблей, на которых находилась армия из тридцати тысяч отборных солдат. Его первой операцией было завоевание богатого острова Коркира (Корфу), который тогда приносил византийскому правительству годовой доход в размере полутора тысяч фунтов золота. Затем он захватил порты Бутринто, Авона и Канино на материке и осадил важный город Диррахиум, самую крепкую крепость на восточном побережье Адриатики и столицу византийской Иллирии. К счастью для империи, Георгий Палеолог, один из ее самых храбрых военачальников, вошел в город до того, как Роберт начал осаду.

Интересы Венеции в то время связывали ее с византийским правительством. Венецианцы опасались, что их прибыльная торговля с Грецией () и Левантом окажется во власти алчных норманнов, если Роберт Гвискар удастся захватить вход в Адриатическое море. Поэтому они без колебаний и оговорок вступили в войну.

Дож Доминик Сильвио выплыл из Венеции с мощным флотом, чтобы атаковать норманнов до того, как император Алексей сможет собрать свою армию и выступить на помощь Диррахию. Норманнский флот, которым командовал Боэмунд, прославленный сын Роберта Гвискара, потерпел полное поражение, и связь вторгшейся армии с Италией была прервана. Эта трудность только подстегнула Роберта с еще большей энергией продолжать осаду. Он использовал все известные на тот момент приемы для штурма городов. Военные действия Алексея, когда он достиг окрестностей Диррахия, были весьма неразумными.

Произошедшая битва была столь же позорной для византийского оружия, сколь и для суждения императора.

В феврале 1082 года венецианец, охранявший одну из башен, предал город Роберту, который ранее разместил свою армию на зимние квартиры в Глабинице и Йоанине, чтобы избежать суровых холодов зимы, царивших дальше на севере. Алексей собрал остатки византийской армии в Деаволисе и отправился в Фессалоники, где провел зиму, собирая вторую армию, что ему удалось сделать, поскольку он пополнил свою военную казну за счет церковного имущества самых богатых соборов и монастырей в своих владениях. Перед началом второй кампании события в Италии, к счастью, вынудили Роберта Гвискара покинуть Иллирию и оставить своего сына Боэмунда во главе норманнской армии.

Весной 1083 года Алексей собрал настолько мощную армию, что снова выступил в поход, чтобы атаковать норманнов. Чтобы сломить страшную атаку их кавалерии, которой не могла противостоять ни одна византийская конница, император разместил перед своими войсками ряд колесниц, вооруженных колющими с зазубринами, вытянутыми вперед, как линия копий, и в этих колесницах он разместил сильный отряд тяжеловооруженной пехоты. Однако Боэмунд, разведав эту странную и неуклюжую меру защиты, разделил свою кавалерию на две колонны и, оставив центр византийской армии с колесницами без прицепа, с яростью обрушился на крайние части двух флангов. Сопротивление было недолгим, и император Алексей снова бежал.

Алексий, получив от Сулеймана и султана Никеи подкрепление в виде семи тысяч легкой кавалерии, весной 1084 года снова вышел на поле боя. Он разделил свою армию на две части и двинулся на норманнов под Лариссой. На этот раз он подготовился к сражению с большим мастерством. Боэмунд, видя, что ему грозит опасность остаться без подкрепления, отступил в Касторию. Как только нормандская армия лишилась возможности грабить и потеряла всякую надежду на дальнейшие завоевания, в ней начались мятежи, и Боэмунд был вынужден вернуться в Италию, чтобы получить деньги и свежие войска. Бриенн, констебль Апулии, командовавший в его отсутствие, был вынужден сдать Касторию императору Алексею и дать обещание больше не поднимать оружие против Византийской империи.

В то время как Боэмунд вел войну против императора Востока, Роберт Гвискар изгнал императора Запада из Рима и, победив Генриха IV, разграбил Вечный город, как другой Гензерик. Теперь он был готов возобновить свои амбициозные планы на Востоке. Собрал мощный флот для переброски своей победоносной армии в Эпир, он снял осаду с Корфу (Коркиры), которая была окружена объединенными военно-морскими силами Византийской империи и Венецианской республики (). Объединенные флоты были полностью разгромлены в великой морской битве, в которой, по словам Анны Комниной (Anna Comnena),¹ они потеряли тринадцать тысяч человек. Но в июле 1085 года Роберт умер на острове Кефалония, и вместе с ним погибли все норманнские планы завоевания Византийской империи. Диррахиум был отвоёван Алексием при помощи венецианских и амальфитанских купцов, поселившихся в этом месте, и услуги венецианцев в этой войне были вознаграждены многими торговыми привилегиями, которые были им предоставлены золотой буллой.²

[1084-1118 гг. н. э.]

Нормандская война едва закончилась, как в империю вторглись патзинки (1086 г.). Эта война длилась пять лет, пока Алексей не заключил договор с команам, союзниками патзинков, а затем нанес последним сокрушительный удар при Левунионе в 1091 году. Незначительные войны с Сербией и Далмацией не заслуживают упоминания, но продвижение сельджукских турок продолжало ускорять упадок империи. Они осмеливались

на все, и в 1092 году Цахас, эмир Смирны, принял титул императора. Он был свергнут, но сохранил достаточно сил, чтобы осадить Абидос в 1093 году. Однако Алексей убил его в том же году. Отношения Алексея и Первого крестового похода будут подробно рассмотрены в рассказе о Священных войнах. Древняя вражда между Алексеем и Боэмундом возобновилась, когда последний вступил в его княжество Антиохия. Война длилась с 1103 по 1108 год, то есть до смерти Боэмунда. Последние годы правления Алексея были заняты военными действиями с крестоносцами и снова с сельджукскими турками. Последние понесли ряд тяжелых потерь и в 1116 году с радостью заключили мир. На этом закончилась военная карьера Алексея.

В бурные времена крестовых походов Алексей умело и мужественно управлял имперским кораблем. Во главе своих войск он был смел в действиях, искусен в стратегии, терпелив к усталости, готов использовать свои преимущества и с неиссякаемой энергией поднимался после поражений.

В отношениях с латинянами Алексей был терпелив и искусен; его проницательный взгляд проникал в новую систему неизвестного мира; и далее мы опишем ту превосходную политику, с помощью которой он уравнивал интересы и страсти участников Первого крестового похода. За долгие тридцать семь лет правления он укротил и простил зависть своих равных; были восстановлены законы общественного и частного порядка; культивировались искусства богатства и науки; границы империи были расширены в Европе и Азии; и скипетр Комнинов был передан его детям третьего и четвертого поколения.

Анна является верным свидетелем того, что его счастье было разрушено, а здоровье подорвано заботами общественной жизни; терпение Константинополя было измотано длительностью и суровостью его правления; и перед смертью Алексей утратил любовь и почтение своих подданных. Духовенство не могло простить ему использование священных богатств для защиты государства, но оно приветствовало его богословские знания и горячую преданность православной вере, которую он защищал своим языком, пером и мечом. Его характер был унижен суеверием греков; и тот же непоследовательный принцип человеческой природы заставлял императора основать больницу для бедных и немощных и руководить казнью еретика, который был сожжен заживо на площади Святой Софии.

В последние часы своей жизни, когда жена Ирина настаивала на изменении порядка престолонаследия, он поднял голову и произнес благочестивую молитву о тщетности этого мира. Возмущенный ответ императрицы можно высечь в качестве эпитафии на его могиле: «Ты умираешь так, как жил — лицемером!» [1118].

ИОАНН (II) КОМНИН (КАЛО-ИОАНН) (1118-1143 гг. н. э.)

[1118-1143 гг. н. э.]

Ирина хотела заменить старшего из своих выживших сыновей в пользу своей дочери, принцессы Анны, чья философия не отвергла бы бремя диадемы. Но порядок престолонаследия был подтвержден друзьями их страны; законный наследник снял королевскую печать с пальца своего бесчувственного или бессознательного отца, и империя подчинилась хозяину дворца. Анна Комнина, движимая амбициями и местью, замыслила заговор против жизни своего брата; и когда этот замысел был сорван страхами или сомнениями ее мужа, она страстно воскликнула, что природа ошиблась в отношении двух полов и наделила Бриенния душой женщины.

Два сына Алексея, Иоанн и Исаак, поддерживали братское согласие, наследственную добродетель своего рода; младший брат был доволен титулом себастократора, который приближался к достоинству императора, не разделяя его власти. В одной личности удачно соединились права первородства и заслуги; его смуглая кожа, суровые черты лица и невысокий рост дали повод для иронического прозвища Кало-Иоанн, или Иоанн Красивый, которое его благодарные подданные более серьезно относились к красоте его ума.

После раскрытия ее измены жизнь и состояние Анны были по праву конфискованы по закону. Ее жизнь была пощажена милосердием императора, но он посетил ее роскошный дворец и разделил его богатства между своими самыми заслуженными друзьями. Этот уважаемый друг, Аксук, раб турецкого происхождения, осмелился отказаться от подарка и заступиться за преступницу; его великодушный господин одобрил и подражал добродетели своего любимца, и упрек или жалоба обиженного брата были единственным наказанием виновной принцессе. После этого примера милосердия остаток его правления никогда не был нарушен заговорами или восстаниями; опасаемый своими вельможами, любимый своим народом, Иоанн никогда не был вынужден прибегать к болезненной необходимости наказывать или даже прощать своих личных врагов.

За двадцать пять лет его правления в Римской империи была отменена смертная казнь — закон милосердия, который очень радовал гуманистов-теоретиков, но который в большом и порочном обществе редко согласуется с общественной безопасностью. Строгий к себе, снисходительный к другим, целомудренный, бережливый, воздерживающийся от излишеств, философ Марк не презирал бы искренних добродетелей своего преемника, проистекающих из его сердца, а не заимствованных из школ. Он презирал и сдерживал величественное великолепие византийского двора, столь угнетающее для народа и столь презренное в глазах разума. При таком правителе невинность не имела ничего, чего можно было бы бояться, а заслуги могли надеяться на все; и, не принимая на себя тираническую должность цензора, он ввел постепенную, но заметную реформу в общественные и частные нравы Константинополя. Единственным недостатком этого совершенного характера была слабость благородных умов — любовь к оружию и военной славе. Тем не менее, частые походы Иоанна Красивого можно оправдать, по крайней мере в принципе, необходимостью отразить турок от Геллеспонта и Босфора. Султан Икониума был ограничен своей столицей, варвары были изгнаны в горы, а приморские провинции Азии наслаждались временными благами своего освобождения. От Константинополя до Антиохии и Алеппо он неоднократно шествовал во главе победоносной армии, и в осадах и сражениях этой священной войны его латинские союзники были поражены превосходным духом и доблестью грека. Когда он начал питать амбициозную надежду восстановить древние границы империи, когда он обдумывал в уме Евфрат и Тигр, власть над Сирией и завоевание Иерусалима, нить его жизни и общественного счастья была прервана странным несчастным случаем. Он охотился на дикого кабана в долине Аназарбуса и вонзил копье в тело разъяренного животного, но в борьбе из его колчана выпала отравленная стрела, и небольшая рана на руке, которая привела к гангрене, стала роковой для лучшего и величайшего из комниновских князей.

МАНУЭЛЬ I (1143-1180 гг. н. э.)

[1143-1180 гг.]

Преждевременная смерть унесла двух старших сыновей Иоанна Красивого; из двух выживших, Исаака и Мануила, его разум или любовь отдали предпочтение младшему; и выбор умирающего князя был одобрен солдатами, которые приветствовали доблесть его любимца в турецкой войне. Верный Аксук поспешил в столицу, обеспечил Исааку почетную

изоляцию и за дваста фунтов серебра подкупил ведущих церковных деятелей собора Святой Софии, которые имели решающий голос в вопросе о коронации императора. Своими опытными и преданными войсками Мануил вскоре посетил Константинополь; его брат согласился на титул Себастократора; его подданные восхищались высоким ростом и воинственными манерами своего нового правителя и с доверием слушали лестные обещания, что он сочетает мудрость возраста с активностью и энергией молодости. Опыт его правления показал им, что он подражал духу и обладал талантами своего отца, чьи социальные добродетели были похоронены в могиле. Тридцатисемилетнее правление было наполнено непрерывными, хотя и разнообразными войнами против турок, христиан и орд из пустынь за Дунаем. Мануил сражался на горе Тавр, на равнинах Венгрии, на побережье Италии и Египта, на морях Сицилии и Греции; влияние его переговоров простиралось от Иерусалима до Рима и России; и византийская монархия на время стала объектом уважения или страха для держав Азии и Европы.

Воспитанный в роскоши и великолепии Востока, Мануэль обладал железным характером солдата, с которым можно сравнить разве что Ричарда I Английского и Карла XII Шведского. Он был настолько силен и искусен в оружии, что Раймонд, прозванный Гераклом Антиохийским, не смог овладеть копьем и щитом греческого императора. В знаменитом турнире он вышел на арену на огненном скакуне и в своей первой карьере опрокинул двух самых крепких итальянских рыцарей. Первый в атаке, последний в отступлении, он заставлял дрожать как своих друзей, так и врагов: первых — за его безопасность, а вторых — за свою. Устроив засаду в лесу, он поехал вперед в поисках опасного приключения, сопровождаемый только своим братом и верным Аксухом, которые отказались покинуть своего повелителя. Восемнадцать всадников после короткого боя бежали от них, но число врагов увеличивалось; подкрепление шло медленно и боязливо (), и Мануэль, не получив ни одной раны, пробился через отряд из пятисот турок. В сражении с венграми, нетерпеливый из-за медлительности своих войск, он вырвал знамя из рук вожака колонны и был первым, почти единственным, кто перешел мост, отделявший его от врага. В той же стране, переправив свою армию через Саву, он отправил лодки обратно с приказом под страхом смерти, чтобы их командир оставил его побеждать или умирать на этой вражеской земле. Во время осады Корфу, буксируя за собой пленную галеру, император стоял на корме, противостоя залпам дротиков и камней большим щитом и развевающимся парусом; и он не смог бы избежать неминуемой смерти, если бы сицилийский адмирал не приказал своим лучникам уважать личность героя. Говорят, что за один день он убил более сорока варваров собственными руками; он вернулся в лагерь, таща за собой четырех турецких пленников, которых привязал к кольцам своего седла; он всегда был первым, кто провоцировал или принимал вызов на единоборство; и гигантские воины, которые встретились с его рукой, были пронзены копьем или рассечены мечом непобедимого Мануила. История его подвигов, которая выглядит как образец или копия рыцарских романов, может вызвать обоснованные сомнения в правдивости греков; однако мы можем заметить, что в длинной череде их летописей Мануил — единственный принц, который был предметом подобного преувеличения. С доблестью солдата он не соединял умение и благоразумие полководца; его победы не приносили никаких постоянных или полезных завоеваний; а его турецкие лавры были уничтожены в его последней неудачной кампании, в которой он потерял свою армию в горах Писидии и обязан своим спасением великодушию султана.

Но самой необычной чертой характера Мануила является контраст и переменчивость между трудом и ленью, между выносливостью и изнеженностью. На войне он казался незнакомым с миром, а в мире он казался неспособным к войне. В поле он спал на солнце или на снегу, изнурял самых выносливых из своих людей и лошадей длинными маршами и с улыбкой разделял воздержание и диету лагеря. Как только он возвращался в

Константинополь, он предавал себя искусствам и удовольствиям роскошной жизни; расходы на его одежду, стол и дворец превосходили расходы его предшественников, и целые летние дни он бездельничал на восхитительных островах Пропонтиды, предаваясь кровосмесительной любви к своей племяннице Феодоре. Двойные расходы воинственного и развратного принца исчерпали доходы и увеличили налоги; и Мануил, в отчаянии после своей последней турецкой кампании, выслушал горький упрек из уст отчаявшегося солдата. Утоляя жажду, тот жаловался, что вода из фонтана смешана с христианской кровью.

«Это не первый раз, — воскликнул кто-то из толпы, — когда ты пьешь, о император, кровь своих христианских подданных».

Мануил Комнин был дважды женат: на добродетельной Берте или Ирине из Германии и на прекрасной Марии, французской или латинской принцессе из Антиохии. Единственная дочь его первой жены была предназначена для Белы, венгерского принца, который воспитывался в Константинополе под именем Алексия; и заключение их брака могло бы перенести римский скипетр к роду свободных и воинственных варваров. Но как только Мария Антиохийская родила сына и наследника империи, предполагаемые права Белы были отменены, и он был лишен обещанной невесты; однако венгерский принц восстановил свое имя и королевство своих отцов и проявил такие добродетели, которые могли вызвать сожаление и зависть греков. Сына Марии называли Алексием, и в возрасте десяти лет он взошел на византийский престол после того, как смерть его отца положила конец славе династии Комнинов.

Братское согласие двух сыновей великого Алексея иногда омрачалось противостоянием интересов и страстей. Амбиции Исаака Себастократора побудили его к бегству и восстанию, откуда его вернул твердость и милосердие Иоанна Красивого. Ошибки Исаака, отца императоров Трапезунда, были кратковременными и простительными; но Иоанн, старший из его сыновей, навсегда отрекся от своей религии. Раздраженный реальным или мнимым оскорблением со стороны своего дяди, он сбежал из римского лагеря в турецкий; его вероотступничество было вознаграждено дочерью султана, титулом Челеби, или дворянина, и наследством княжеского имения; и в XV веке Мухаммед II хвастался своим императорским происхождением из семьи Комнинов.

Приключения Андроника

Андроник, младший брат Иоанна, сын Исаака и внук Алексея Комнина, является одной из самых заметных фигур той эпохи; его подлинные приключения могли бы стать предметом весьма необычного романа. Чтобы оправдать выбор трех дам королевского происхождения, следует отметить, что их счастливый возлюбленный обладал идеальным соотношением силы и красоты, а недостаток мягких черт компенсировался мужественным лицом, высоким ростом, атлетическими мускулами и манерами солдата. Сохранение здоровья и энергии в старости было наградой за умеренность и физические упражнения. Кусок хлеба и глоток воды часто были его единственной вечерней трапезой; а если он и пробовал дикого кабана или оленя, которых он сам запекал, то это был заслуженный плод трудоемкой охоты. Искусен в оружии, он не знал страха; его убедительная красноречивость могла приспособиться к любой ситуации и любому характеру; его стиль, хотя и не его практика, был сформирован примером святого Павла: и в каждом злодеянии у него было сердце, чтобы решить, голова, чтобы придумать, и рука, чтобы исполнить.

В молодости, после смерти императора Иоанна, он последовал за отступающей римской армией, но во время похода через Малую Азию замысел или случайность побудили его блуждать по горам; охотник был окружен турецкими охотниками и некоторое время

оставался невольным или добровольным пленником султана. Его добродетели и пороки снискали ему благосклонность его двоюродного брата; он разделял опасности и удовольствия Мануила; и пока император жил в открытом кровосмешении со своей племянницей Феодорой, Андроник соблазнил и наслаждался любовью ее сестры Евдокии. Превосходя приличия своего пола и ранга, она гордилась званием его наложницы; и как во дворце, так и в лагере все могли видеть, как она спала или бодрствовала в объятиях своего любовника. Она сопровождала его в его военное командование в Киликии, первую арену его доблести и неосторожности. Он с активным рвением продолжал осаду Мопсуестии; день был посвящен самым смелым атакам, но ночь пропадала в песнях и танцах, и группа греческих комедиантов составляла избранную часть его свиты.

Андроник был застигнут врасплох вылазкой бдительного врага; но пока его войска бежали в беспорядке, его непобедимое копье пронзило самые густые ряды армян. По возвращении в императорский лагерь в Македонии он был встречен Мануилом с публичными улыбками и частным упреком; но герцогства Наиссус, Бранисеба и Кастория стали наградой или утешением для неудачливого полководца. Евдокия по-прежнему сопровождала его; в полночь их палатку внезапно атаковали ее разгневанные братья, нетерпеливые искупить ее позор его кровью; его смелый дух отверг ее совет и переодевание в женскую одежду; смело вскочив с ложа, он вытащил меч и прорубил себе путь через многочисленных убийц. Именно здесь он впервые проявил свою неблагодарность и вероломство; он вступил в изменническую переписку с королем Венгрии и германским императором, подошел к королевской палатке в подозрительное время с обнаженным мечом и под маской латинского солдата объявил о своем намерении отомстить смертельному врагу; и неосторожно похвалил быстроту своей лошади как средство бегства и безопасности. Монарх скрыл свои подозрения, но после окончания кампании Андроник был арестован и строго заключен в башне дворца в Константинополе.

В этой тюрьме он пробыл более двенадцати лет, испытывая мучительное ограничение свободы, от которого жажда действия и удовольствий постоянно подталкивала его к побегу. Одиноким и задумчивым, он заметил несколько разбитых кирпичей в углу комнаты и постепенно расширил проход, пока не обнаружил темную и забытую нишу. В эту дыру он пробрался сам и пронес остатки своих запасов, вернув кирпичи на прежние места и тщательно стерев следы своего отступления. В час обычного посещения его стражи были потрясены тишиной и пустотой тюрьмы и с позором и страхом доложили о его непостижимом побеге.

Ворота дворца и города были немедленно закрыты: в провинции были разосланы строжайшие приказы о поимке беглеца, а его жена, подозреваемая в благочестивом поступке, была подло заключена в ту же башню. Глубокой ночью она увидела призрак: она узнала своего мужа; они поделились своими запасами, и плодом их тайных встреч стал сын, который облегчал тягостность их заключения. Под присмотром женщины бдительность стражников незаметно ослабла, и пленник совершил настоящий побег, но был обнаружен, возвращен в Константинополь и обременен двойной цепью.

Византийский солдат

Наконец он нашел момент и средство для своего освобождения. Мальчик, его домашний слуга, напоил охранников и получил отпечаток ключей на воске. Благодаря усердию его друзей, в тюрьму в бочке был пронесен похожий ключ и связка веревок. Андроник с усердием и мужеством использовал инструменты своего спасения, открыл двери, спустился с башни, весь день скрывался в кустах и ночью без труда перелез через садовую стену дворца.

Для его приема была подготовлена лодка; он посетил свой дом, обнял своих детей, сбросил цепи, сел на быструю лошадь и направился к берегам Дуная. В Анхиалусе во Фракии отважный друг снабдил его лошадьми и деньгами; он переправился через реку, быстро пересек пустыню Молдавии и Карпатские горы и почти достиг города Халиец в польской Руси, когда его перехватила группа валахов, которые решили доставить своего важного пленника в Константинополь.

Его присутствие духа снова избавило его от этой опасности. Под предлогом болезни он спешился ночью, и ему разрешили отойти в сторону от отряда (); он воткнул в землю свой длинный посох, накрыл его своей шапкой и верхней одеждой и, ускользнув в лес, оставил призрак, чтобы на некоторое время развлечь глаза валахов. Из Галича его с почестями сопровождали в Киев, резиденцию великого князя; хитрый грек вскоре завоевал уважение и доверие Ярослава; его характер мог приспосабливаться к любому климату, и варвары восхищались его силой и мужеством при охоте на лосей и медведей в лесу. В этой северной области он заслужил прощение Мануила, который убеждал русского князя присоединиться к его войскам в походе на Венгрию. Влияние Андроника позволило достичь этой важной цели; его частный договор был подписан с обещанием верности с одной стороны и забвения с другой; и он двинулся во главе русской кавалерии от Борисгена к Дунаю. В своем недовольстве Мануил всегда симпатизировал воинственному и распутному характеру своего двоюродного брата из рода Киликийцев (); и его полное помилование было закреплено в штурме Землина, в котором он был вторым, и вторым только после доблести императора.

Он был удален из королевского двора почетным изгнанием, вторым командованием на киликийской границе с абсолютным распоряжением доходами Кипра. На этом посту армяне снова испытали его мужество и разоблачили его халатность; и тот же самый мятежник, который сорвал все его операции, был сбит с лошади и почти убит силой его копья. Но Андроник вскоре обнаружил более легкую и приятную добычу — прекрасную Филиппу, сестру императрицы Марии и дочь Раймона де Пуату, латинского принца Антиохии. Ради нее он покинул свой пост и провел лето на балах и турнирах; ради его любви она пожертвовала своей невинностью, репутацией и предложением выгодного брака. Но негодование Мануила по поводу этого домашнего оскорбления прервало его удовольствия. Император по-прежнему жаждал мести; его подданные и союзники на сирийской границе неоднократно подвергались давлению, чтобы схватить беглеца и выколоть ему глаза. В Палестине он больше не был в безопасности, но нежная Феодора раскрыла ему опасность и сопровождала его в бегстве. После долгого путешествия вокруг Каспийского моря и гор Грузии он наконец поселился среди турок Малой Азии, наследственных врагов своей страны. Султан Колонии предоставил гостеприимное убежище Андронику, его любовнице и его банде преступников; долг благодарности был погашен частыми набегами на римскую провинцию Трапезунд, и он редко возвращался без обильного урожая добычи и христианских пленников.

Его бдительность позволяла ему ускользать от открытых и тайных преследований императора, но в конце концов он был пойман в ловушку из-за плена его спутницы. Губернатор Трапезунда преуспел в своей попытке захватить Феодору; королева Иерусалима и ее двое детей были отправлены в Константинополь, и их потеря еще больше усугубила тягостное одиночество изгнания. Беглец умолял и получил окончательное помилование с разрешением броситься к ногам своего повелителя, который был удовлетворен покорностью этого гордого духа. Простершись на земле, он со слезами и стонами сожалел о вине своего прошлого восстания; он не осмеливался подняться, пока какой-нибудь верный подданный не потащил его к подножию трона.

Это необычное покаяние вызвало удивление и сострадание собравшихся; его грехи были прощены церковью и государством, но справедливые подозрения Мануила заставили его поселиться вдали от двора, в Эное, городе Понта, окруженном богатыми виноградниками и расположенном на побережье Эвксинского моря. Смерть Мануила и беспорядки, связанные с несовершеннолетием, вскоре открыли перед его амбициями самые благоприятные условия.

АЛЕКСИЙ II (1180-1183 гг. н. э.)

[1180-1183 гг.]

Император был мальчиком двенадцати или четырнадцати лет, лишенным энергии, мудрости и опыта; его мать, императрица Мария, предала себя и управление страной любимцу по имени Комнин; а его сестра, другая Мария, чей муж, итальянец, был удостоен титула цезаря, подняла заговор и в конце концов восстание против своей ненавистной мачехи. Провинции были забыты, столица была в огне, и столетие мира и порядка было разрушено в результате пороков и слабости нескольких месяцев. В Константинополе разгорелась гражданская война; две фракции сражались в кровопролитной битве на площади дворца, а мятежники укрывались в соборе Святой Софии. Патриарх с честным рвением старался залечить раны республики, самые уважаемые патриоты громко призывали к появлению защитника и мстителя, и все повторяли похвалы талантам и даже добродетелям Андроника. Во время его похода из Эноэ в Константинополь его небольшая

свита незаметно разрослась до толпы и армии; его заявления о религиозности и лояльности были приняты за выражение его сердца; а простота иностранной одежды, которая выгодно подчеркивала его величественную фигуру, ярко отражала его бедность и изгнание. Всякая оппозиция падала перед ним; он достиг пролива Фракийский Босфор; византийский флот вышел из гавани, чтобы встретить и перевезти спасителя империи; поток был громким и непреодолимым, и насекомые, которые грелись в лучах королевской милости, исчезли под порывом бури. Первым делом Андроник занял дворец, поприветствовал императора, заключил под стражу свою мать, наказал ее министра и восстановил общественный порядок и спокойствие. Затем он посетил гробницу Мануила; зрителям было приказано стоять в стороне, но, когда он склонился в позе молитвы, они слышали шепот триумфа и мести.

«Я больше не боюсь тебя, мой старый враг, который заставил меня скитаться по всем континентам земли. Ты надежно покоишься под семислойным куполом, откуда никогда не сможешь подняться до сигнала последней трубы. Теперь настала моя очередь, и я скоро растопчу твой прах и твоё потомство». Исходя из его последующей тирании, мы можем приписывать такие чувства этому человеку и этому моменту. Но маловероятно, что он озвучил свои тайные мысли. В первые месяцы своего правления его замыслы были завуалированы справедливым подобием лицемерия, которое могло обмануть только глаза толпы: коронация Алексея была проведена с должной торжественностью, и его вероломный опекун, держа в руках тело и кровь Христа, самым горячим образом заявлял, что он живет и готов умереть на службе своему любимому ученику. Очернив ее репутацию и разжегши против нее страсти толпы, тиран обвинил и судил императрицу за изменническую переписку с королем Венгрии. Его собственный сын, молодой человек, отличавшийся честью и человечностью, открыто выразил свое отвращение к этому гнусному поступку, и трое судей проявили достоинство, предпочтя свою совесть личной безопасности; но раболепный суд, не требуя никаких доказательств и не выслушав никакой защиты, осудил вдову Мануила, а ее несчастный сын подписал приговор о ее смерти. Мария была задушена, ее тело было похоронено в море, а ее память была оскорблена самым унижительным для женского самолюбия образом — ложным и уродливым изображением ее прекрасной фигуры. Судьба ее сына не заставила себя долго ждать: он был задушен тетивой лука, и тиран, не испытывая ни сострадания, ни раскаяния, осмотрев тело невинного юноши, грубо ударил его ногой.

АНДРОНИК I, ИМПЕРАТОР (1183-1185 гг. н. э.)

[1183-1185 гг. н. э.]

Андроник, награда за его преступления, держал римский скипетр около трех с половиной лет, сначала как опекун, а затем как правитель империи. Его правление демонстрировало необычное сочетание пороков и добродетелей. Когда он поддавался своим страстям, он был бичом своего народа, а когда прислушивался к голосу разума, он был его отцом. В осуществлении частного правосудия он был справедлив и строг; позорная и пагубная продажность была упразднена, а должности заполнялись наиболее достойными кандидатами принцем, который обладал здравым смыслом в выборе и суровостью в наказании. Он запретил бесчеловечную практику грабежа имущества и людей, потерпевших кораблекрушение; провинции, так долго подвергавшиеся угнетению или пренебрежению, возродились в процветании и изобилии; и миллионы людей приветствовали отдаленные блага его правления, в то время как свидетели его ежедневных жестокостей проклинали его. Древняя пословица, гласящая, что кровожадным является человек, возвращающийся из

изгнания к власти, слишком точно применима к Марию и Тиберию; и теперь она подтвердилась в третий раз в жизни Андроника. В его памяти хранился черный список врагов и соперников, которые порочили его заслуги, противостояли его величию или оскорбляли его несчастьем; и единственным утешением в изгнании была священная надежда и обещание мести. Необходимое уничтожение молодого императора и его матери наложило роковое обязательство истребить друзей, которые ненавидели и могли наказать убийцу; а повторение убийства сделало его менее склонным и менее способным прощать.

Самые благородные из греков, особенно те, кто по происхождению или союзу мог претендовать на наследство Комнинов, бежали из логова чудовища; Никея или Пруса, Сицилия или Кипр стали их убежищем; и поскольку их бегство уже было преступлением, они усугубили свою вину открытым восстанием и императорским титулом. Однако Андроник противостоял кинжалам и мечам своих самых грозных врагов; Никея и Пруса были покорены и наказаны; сицилийцы довольствовались разграблением Фессалоник; а удаленность Кипра была не более благоприятна для мятежника, чем для тирана. Его трон был свергнут соперником, не имевшим никаких заслуг, и народом, не имевшим оружия. Исаак Ангел, потомок по женской линии великого Алексея, был обречен на гибель из-за осторожности или суеверия императора. В момент отчаяния Ангел защищал свою жизнь и свободу, убил палача и бежал в церковь Святой Софии. Святилище незаметно заполнилось любопытной и скорбной толпой, которая в его судьбе предвидела свою собственную. Но их стенания вскоре превратились в проклятия, а проклятия — в угрозы: они осмелились спросить: «Почему мы боимся? Почему мы подчиняемся? Нас много, а он один; наше терпение — единственная связь нашего рабства». С рассветом в городе вспыхнуло всеобщее восстание, тюрьмы были открыты, самые холодные и рабские были подняты на защиту своей страны, и Исаак, второй по счету, был возведен из святилища на трон.

Не подозревая об опасности, тиран отсутствовал, уединившись от государственных забот на восхитительных островах Пропонтиды. Когда страх улетучился, послушание исчезло; императорская галера была преследована и захвачена вооруженным бригаантином, а тиран был притащен к Исааку Ангелу, обремененный кандалами и с длинной цепью на шее. Его красноречие и слезы его спутниц тщетно умоляли о его жизни; но вместо приличной законной казни новый монарх предал преступника на произвол многочисленных страдальцев, которых он лишил отца, мужа или друга. Ему вырвали зубы и вырвали волосы, выкололи глаз и отрубили руку в качестве жалкой компенсации за их утрату; ему дали небольшую отсрочку, чтобы он мог почувствовать всю горечь смерти. Сев на верблюда, без всякой опасности спасения, его пронесли по городу, и низшая часть народа с радостью топтала падшее величие своего князя. После тысячи ударов и оскорблений Андроник был подвешен за ноги между двумя колоннами, на которых стояли статуи волка и свиноматки; и каждая рука, которая могла дотянуться до общественного врага, наносила его телу какой-нибудь след изобретательной или жестокой жестокости, пока два дружественных итальянца, вонзив свои мечи в его тело, не освободили его от всех человеческих наказаний. В этой долгой и мучительной агонии «Господи, помилуй меня!» и «Зачем ты ломаешь согнутую трость?» были единственными словами, которые вырывались из его уст. Наша ненависть к тирану теряется в сострадании к человеку; мы также не можем винить его за малодушную покорность, поскольку греческий христианин больше не был хозяином своей жизни.

САРАЦИНСКИЙ МЕДНЫЙ СОСУД

[1185-1204 гг. н. э.]

Ветви, выросшие из ствола Комнинов, незаметно увяли, и мужская линия продолжалась только в потомстве самого Андроника, который в общей суматохе узурпировал власть в Трапезунде, столь малоизвестном в истории и столь знаменитом в романах. Частный гражданин Филадельфии Константин Ангел обрел богатство и почести благодаря браку с дочерью императора Алексея. Его сын Андроник отличался только своей трусостью. Его внук Исаак наказал тирана и унаследовал его власть, но был свергнут с престола своими собственными пороками и амбициями своего брата, а их раздор привел латинян к завоеванию Константинополя, что стало первым важным этапом в падении Восточной империи.

ОБЗОР ГИББОНА О ИМПЕРАТОРАХ

[641-1204 гг. н. э.]

Если мы подсчитаем количество и продолжительность правлений, то обнаружим, что период в шестьсот лет заполнен шестьюдесятью императорами, включая в список Августа некоторых женщин-правителей; и вычтем некоторых узурпаторов, которые никогда не были признаны в столице, и некоторых принцев, которые не дожили до того, чтобы вступить во владение своим наследством. Средняя пропорция дает десять лет на каждого императора, что намного ниже хронологического правила сэра Исаака Ньютона, который, исходя из опыта более поздних и регулярных монархий, определил около восемнадцати или двадцати лет как срок обычного правления. Византийская империя была наиболее спокойной и процветающей, когда она могла согласиться с наследственной преемственностью (); пять династий, семьи Гераклидов, Исавров, Аморинов, Василиев и Комнинов, наслаждались и передавали королевское наследие в течение своих соответствующих серий из пяти, четырех, трех, шести и четырех поколений; несколько принцев считают годы своего правления вместе с годами своего детства; а Константин VII и его два внука занимают целый век. Но в промежутках между византийскими династиями преемственность быстрая и прерывистая, и имя успешного кандидата быстро стирается более удачливым конкурентом.

Многие были пути, ведущие к вершине королевской власти; структура восстания была свергнута ударом заговора или подорвана тихими интригами; фавориты солдат или народа, сената или духовенства, женщин и евнухов поочередно облачались в пурпур; средства их возвышения были низкими, а их конец часто был презренным или трагическим. Существо человеческой природы, наделенное теми же способностями, но с более длительным сроком существования, с улыбкой сострадания и презрения смотрело бы на преступления и

глупости человеческой амбиции, столь жаждущей в узком промежутке времени схватить ненадежное и недолговечное удовольствие.

Именно так опыт истории возвышает и расширяет горизонты нашего интеллектуального видения. В сочинении, написанном за несколько дней, в чтении, занявшем несколько часов, пролетело шестьсот лет, а продолжительность жизни или правления сократилась до мимолетного мгновения; могила всегда рядом с тронном; за успехом преступника почти мгновенно следует потеря его награды; и наш бессмертный разум выживает и презирает шестьдесят призраков королей, которые прошли перед нашими глазами и слабо живут в нашей памяти.

Наблюдение, что в любом веке и климате амбиции преобладали с одинаковой энергией, может уменьшить удивление философа; но, осуждая тщеславие, он может искать мотив этого всеобщего желания получить и удержать скипетр власти. Большей части византийской династии мы не можем обоснованно приписать любовь к славе и человечеству. Только Иоанн Комнин обладал добродетелью и чистотой; самые прославленные из князей, предшествовавшие или следовавшие за этим уважаемым именем, с некоторой ловкостью и энергией шли по извилистым и кровавым путям эгоистичной политики; при внимательном рассмотрении несовершенных характеров Льва Исаврийского, Василия I и Алексея Комнина, Феофила, второго Василия и Мануила Комнина, наше уважение и осуждение почти равновесны; а остальные императоры могли только желать и ожидать, что они будут забыты потомками.

Было ли личное счастье целью и объектом их амбиций? Я не буду рассуждать на банальные темы о несчастьях королей, но могу с уверенностью заметить, что их положение, как ни у кого другого, наиболее насыщено страхом и наименее поддается надежде. Для противоположных страстей в революциях древности было больше места, чем в спокойном и устойчивом мире современности, который не может легко повторить ни триумф Александра, ни падение Дария. Но особое несчастье византийских князей подвергало их внутренним опасностям, не давая никаких живых надежд на завоевания за рубежом. С вершины величия Андроник был низвергнут смертью, более жестокой и позорной, чем смерть самого гнусного преступника; но самые славные из его предшественников должны были гораздо больше бояться своих подданных, чем надеяться на своих врагов. Армия была разнузданной и бездуховной, народ буйным и несвободным; варвары с востока и запада давили на монархию, и потеря провинций завершилась окончательным порабощением столицы.

Вся серия римских императоров, от первого из Цезарей до последнего из Константинов, простирается на более чем полторы тысячи лет: и срок их господства, не прерванный иностранными завоеваниями, превосходит срок существования древних монархий: ассирийцев, мидийцев, преемников Кира или Александра.

ИСААК (II) АНГЕЛ (1185-1195 гг. н. э.)

[1185-1202 гг. н. э.]

Исаак спал на троне и просыпался только от звуков удовольствия; в свободное время его развлекали комедианты и шуты, и даже для этих шутов император был предметом презрения; его пиры и постройки превосходили примеры королевской роскоши; число его евнухов и слуг достигало двадцати тысяч; а ежедневная сумма в четыре тысячи фунтов серебра увеличивала годовые расходы его дома и стола до четырех миллионов фунтов

стерлингов. Его бедность сглаживалась угнетением, а общественное недовольство разжигалось равными злоупотреблениями при сборе и расходовании доходов. В то время как греки считали дни своего рабства, лстивый пророк, которого он наградил достоинством патриарха, заверил его в долгом и победоносном правлении, длившемся тридцать два года, в течение которых он должен был распространить свою власть на гору Ливан и свои завоевания за Евфрат. Но единственным шагом к осуществлению этого предсказания было великолепное и скандальное посольство к Саладину с требованием возвращения Гроба Господня и предложением заключить союз наступательной и оборонительных действий с врагом христианского имени. В этих недостойных руках Исаака и его брата остатки Греческой империи превратились в прах. Остров Кипр, чье название вызывает ассоциации с элегантностью и удовольствиями, был узурпирован его тезкой, принцем Комнином; и в результате странного стечения обстоятельств меч английского Ричарда передал это королевство дому Лузиньян, что стало богатой компенсацией за потерю Иерусалима.

Честь монархии и безопасность столицы были глубоко уязвлены восстанием болгар и валахов. Несколько претендентов на императорский трон сменяли друг друга при правлении Исаака; генерал, отразивший флотилии Сицилии, был доведен до восстания и гибели неблагодарностью принца; его роскошный покой был нарушен тайными заговорами и народными восстаниями. Император был спасен случайно или благодаря заслугам своих слуг; в конце концов он был подавлен амбициозным братом, который в надежде на ненадежную корону забыл о своих обязательствах перед природой, лояльностью и дружбой. Пока Исаак в фракийских долинах предавался праздным и одиноким удовольствиям охоты, его брат Алексей Ангел был возведен в императорское достоинство единодушным голосованием лагеря; столица и духовенство поддержали их выбор, и тщеславие нового правителя отвергло имя его отцов в пользу высокого и царственного титула рода Комнинов. Мы исчерпали слова презрения по поводу презренного характера Исаака и можем только добавить, что в течение восьми лет правления низкий Алексей поддерживался мужскими пороками своей жены Евфросины.

ВМЕШАТЕЛЬСТВО КРЕСТОНОСЦЕВ

[1202-1203 гг. н. э.]

Первое известие о его падении было передано покойному императору враждебным взглядом и преследованием стражников, которые больше не были его собственными; он бежал от них более пятидесяти миль, до Стагиры в Македонии; но беглец, не имея цели и последователей, был арестован, возвращен в Константинополь, лишен глаз и заключен в одиночную башню, где его кормили скудной порцией хлеба и воды. В момент революции его сын Алексей, которого он воспитывал в надежде на имперскую власть, был двенадцати лет. Он был пощажен узурпатором и вынужден присутствовать на его триумфе как в мирное, так и в военное время; но когда армия разбила лагерь на берегу моря, итальянское судно помогло королевскому юноше бежать; и, переодевшись в обычного матроса, он ускользнул от преследования врагов, пересек Геллеспонт и нашел безопасное убежище на острове Сицилия. Поприветствовав порог апостолов и умоляя о защите папу Иннокентия III, Алексей принял любезное приглашение своей сестры Ирины, жены Филиппа Швабского, короля римлян. Но во время своего путешествия по Италии он услышал, что в Венеции собралась элита западного рыцарства для освобождения Святой Земли, и в его душе зажгся луч надежды, что их непобедимые мечи могут быть использованы для восстановления власти его отца.

ФРАНКСКИЙ СОЛДАТ

Он пообещал от своего имени и от имени своего отца, что, как только они вступят на престол Константинополя, они положат конец долгому расколу греков и подчинят себя и свой народ законному верховенству римской церкви. Он обязался вознаградить труды и заслуги крестоносцев немедленной выплатой двухсот тысяч марок серебром; лично сопровождать их в Египет; или, если это будет сочтено более выгодным, содержать в течение года десять тысяч человек и в течение своей жизни пятьсот рыцарей для служения Святой Земле. Эти заманчивые условия были приняты Венецианской республикой, а красноречие дожа и маркиза убедило графов Фландрии, Блуа и Сен-Поля, а также восьмерых баронов Франции присоединиться к славному предприятию.

Отправление флота и армии энергично продвигали венецианцы, чье рвение служить королевскому юноше скрывало справедливое недовольство его народом и семьей. Они были оскорблены недавним предпочтением, оказанным Пизе, сопернице их торговли; у них были большие задолженности и обиды, которые нужно было урегулировать с византийским двором; а Дандоло не мог опровергнуть популярную легенду о том, что он был лишен зрения императором Мануилом, который вероломно нарушил неприкосновенность посла. Подобного вооружения на Адриатике не было уже много веков; оно состояло из 120 плоскодонных судов или паландров для лошадей; 240 транспортных судов, заполненных людьми и оружием; 70 судов с провизией; и 50 крепких галер, хорошо подготовленных к встрече с врагом.

В Дураццо союзники впервые высадились на территории Греческой империи; остров Корфу предоставил им место для стоянки и отдыха; они без происшествий обогнули опасный мыс Малеа (), южную оконечность Пелопоннеса или Мореи; высадились на

островах Негропонт и Андрос; и бросили якорь в Абидосе на азиатской стороне Геллеспонта. Эти прелюдии к завоеванию были легкими и бескровными; греки провинций, лишенные патриотизма и мужества, были сокрушены непреодолимой силой; присутствие законного наследника могло оправдать их покорность, и она была вознаграждена скромностью и дисциплиной латинян.

Башня Галата в пригороде Пера была атакована и взята штурмом французами, в то время как венецианцы взяли на себя более сложную задачу — прорвать заграждение, или цепь, протянутую от этой башни до византийского берега. После нескольких безуспешных попыток их неустрашимое упорство возобладало; двадцать военных кораблей, остатки греческого флота, были либо потоплены, либо захвачены; огромные и массивные железные звенья были разрезаны ножницами или разорваны под весом галер; и венецианский флот, безопасный и торжествующий, бросил якорь в порту Константинополя. Этими смелыми подвигами остатки двадцати тысяч латинян добились разрешения осадить столицу, в которой проживало более четырехсот тысяч жителей, способных, хотя и не желающих, взять в руки оружие для защиты своей страны. Такие подсчеты предполагают население почти в два миллиона человек, но каким бы ни было уменьшение числа греков, вера в эти цифры в равной степени возвышает бесстрашный дух их нападающих.

ЗАХВАТ КОНСТАНТИНОПОЛЯ (1203 г. н. э.)

Дрожащий узурпатор был поддержан Феодором Ласкарисом, его зятем, отважным юношей, который стремился спасти и править своей страной; греки, не обращая внимания на эту страну, пробудились к защите своей религии; но их самая твердая надежда была в силе и духе варяжской гвардии, датчан и англичан, как их называют писатели того времени. После десяти дней непрерывной работы земля была выровнена, ров засыпан, подходы осаждающих были подготовлены, и 250 штурмовых машин применили свои различные возможности, чтобы очистить вал, разрушить стены и подкопать фундамент. Как только появилась брешь, были применены штурмовые лестницы, и защитники выгодной позиции отбили и подавили отважных латинян; но те восхищались решимостью пятнадцати рыцарей и сержантов, которые поднялись наверх и удерживали свою опасную позицию, пока не были сброшены или взяты в плен императорской гвардией.

Со стороны гавани венецианцы провели более успешную морскую атаку; этот трудолюбивый народ использовал все средства, которые были известны и применялись до изобретения пороха. Галеры и корабли образовали двойную линию, расположенную на расстоянии трех выстрелов из лука. Быстрое движение первых поддерживалось весом и высотой вторых, палубы, кормы и башни которых служили платформами для военных машин, стрелявших над головами первой линии. Солдаты, которые спрыгнули с галер на берег, немедленно установили и подняли свои лестницы, в то время как большие корабли, продвигаясь более медленно в промежутки и опуская подъемный мост, открыли путь через воздух от своих мачт к валу. В разгар сражения дож, почтенная и заметная фигура, стоял в полном доспехе на носу своей галеры. Перед ним был развернут великий штандарт Святого Марка; его угрозы, обещания и увещевания подстегивали усердие гребцов; его корабль был первым, который ударил, а Дандоло был первым воином на берегу.

Народы восхищались великодушием слепого старика, не задумываясь о том, что его возраст и немощь уменьшали цену жизни и увеличивали ценность бессмертной славы. Внезапно, невидимой рукой (поскольку знаменосец, вероятно, был убит), знамя республики было водружено на валу; двадцать пять башен были быстро заняты; и с помощью жестокого средства — огня — греки были изгнаны из соседнего квартала. Дождь отправил известие о своем успехе, когда его остановила опасность, исходившая от его союзников. Благородно

заявив, что он предпочитает умереть вместе с паломниками, чем одержать победу за счет их гибели, Дандоло отказался от своего преимущества, отозвал свои войска и поспешил на место событий. Он обнаружил шесть измученных небольших отрядов французов, окруженных шестьюдесятью эскадронами греческой кавалерии, самый маленький из которых был многочисленнее самого большого из их подразделений.

Стыд и отчаяние подтолкнули Алексея к последней попытке общего вылазки, но он был потрясен твердым порядком и мужественным видом латинян и, после перестрелки на расстоянии, в конце вечера отвёл свои войска. Тишина или шум ночи усугубляли его страхи, и робкий узурпатор, собрав сокровища на сумму в десять тысяч фунтов золота, подло бросил свою жену, свой народ и свое состояние, бросился в лодку, пробрался через Босфор и в позоре и безопасности высадился в неизвестной гавани Фракии. Как только греческие вельможи узнали о его бегстве, они обратились за прощением и миром в темницу, где слепой Исаак с каждым часом ждал визита палача. Снова спасенный и возвышенный превратностями судьбы, пленник в императорских одеждах был возвращен на трон и окружен павшими ниц рабами, чью настоящую тревогу и притворную радость он был не в состоянии различить. На рассвете военные действия были приостановлены, и латинские вожди были удивлены посланием от законного и правящего императора, который с нетерпением ждал возможности обнять своего сына и вознаградить его щедрых освободителей.

[1203-1204 гг. н. э.]

Но эти великодушные освободители не хотели отпускать своего заложника, пока не получили от его отца оплату или, по крайней мере, обещание вознаграждения. Отец молодого Алексея с некоторым беспокойством поинтересовался характером их условий. Подчинение Восточной империи папе, помощь Святой Земле и нынешний взнос в размере двухсот тысяч марок серебра — «Эти условия весомы, — был его осторожный ответ, — их трудно принять и трудно выполнить. Но никакие условия не могут превысить меру ваших заслуг и заслуг».

После этого удовлетворительного заверения бароны сели на лошадей и ввели наследника Константинополя в город и дворец. Его молодость и удивительные приключения расположили к нему все сердца, и Алексей был торжественно коронован вместе со своим отцом в соборе Святой Софии. За шестнадцать сот фунтов золота он убедил маркиза Монферратского возглавить его армию и провести ее по провинциям Европы, чтобы установить свою власть и преследовать своего дядю, пока Константинополь был подавлен присутствием Балдуина и его союзников из Франции и Фландрии. Экспедиция увенчалась успехом. Слепой старый император ликовал от успеха своих войск и слушал предсказания своих льстецов, что та же Провидение, которое подняло его из темницы на трон, исцелит его подагру, вернет ему зрение и будет охранять долгое процветание его царствования.

Недавнее вторжение пробудило греков от девятивекового сна, от тщетного предположения, что столица Римской империи неприступна для иностранных войск. Пришельцы с Запада вторглись в город и отдали скипетр Константина; их имперские клиенты вскоре стали такими же непопулярными, как и они сами; известные пороки Исаака стали еще более презренными из-за его немощи, а молодой Алексей был ненавидим как отступник, отрекшийся от нравов и религии своей страны. Его тайный договор с латинянами был раскрыт или вызвал подозрения; народ, и особенно духовенство, были преданно привязаны к своей вере и суеверию; и в каждом монастыре, в каждой лавке звучали разговоры об опасности для церкви и тирании папы. Пустая казна не могла

удовлетворить требования королевской роскоши и иностранного вымогательства; греки отказались предотвратить общим налогом надвигающиеся беды рабства и грабежей; угнетение богатых вызвало более опасное и личное недовольство; и если император расплавил серебро и ограбил святыни, он, казалось, оправдывал жалобы на ересь и святотатство.

Алексий колебался между благодарностью и патриотизмом, между страхом перед своими подданными и союзниками. Своим слабым и непостоянным поведением он утратил уважение и доверие и тех, и других; и в то время как он пригласил маркиза Монферратского занять дворец, он допустил, чтобы дворяне замыслили заговор, а народ вооружался для освобождения своей страны. Несмотря на его тяжелое положение, латинские вожди повторили свои требования, возмутились его промедлением, заподозрили его намерения и потребовали решительного ответа: мир или война.

В глазах обеих наций Алексей был лживым и презренным; низкая и поддельная династия Ангелов была отвергнута с громким презрением; и народ Константинополя окружил сенат, чтобы потребовать от него более достойного императора. Каждому сенатору, выдающемуся своим происхождением или достоинством, они поочередно предлагали пурпурную мантию; каждый сенатор отвергал эту смертоносную одежду; борьба длилась три дня; и мы можем узнать от историка Никета, одного из членов собрания, что страх и слабость были хранителями их лояльности. Призрак, исчезнувший в небытие, был насильно провозглашен толпой; но автором беспорядков и лидером войны был принц из дома Дукасов; и его общее имя Алексей следует отличать от эпитета Мурцуфл, который в просторечии обозначал сросшиеся черные и густые брови.

Будучи одновременно патриотом и придворным, вероломный Мурцуфл, не лишенный хитрости и мужества, противостоял латинянам как словом, так и делом, разжигал страсти и предрассудки греков и втерся в доверие к Алексию, который доверил ему должность великого камергера и окрасил его башмаки в цвета королевской власти. Глубокой ночью он ворвался в спальню с испуганным видом, восклицая, что дворец атакован народом и предан стражей. Вскочив с ложа, ничего не подозревающий принц бросился в объятия своего врага, который ухитрился сбежать по тайной лестнице. Но эта лестница вела в тюрьму; Алексей был схвачен, раздет и закован в цепи; и, прочувствовав несколько дней горечь смерти, он был отравлен, задушен или забит дубинками по приказу и в присутствии тирана. Император Исаак Ангел вскоре последовал за своим сыном в могилу, и Мурцуфл, возможно, мог бы пощадить излишнее преступление, ускорившее исчезновение бессилия и слепоты.

ВТОРОЕ ЗАХВАТ И РАЗГРАБЛЕНИЕ ГОРОДА (1204 г. н. э.)

[1204 г. н. э.]

Смерть императоров и узурпация власти Мурцуфлом изменили характер конфликта. Это уже не было разногласием союзников, которые переоценивали свои заслуги или пренебрегали своими обязательствами; французы и венецианцы забыли свои жалобы на Алексию, прослезившись над безвременной судьбой своего товарища и поклялись отомстить вероломному народу, который короновал его убийцу. Почти три месяца, не исключая святой период Великого поста (), прошли в стычках и приготовлениях, прежде чем латиняне были готовы или решились на общее наступление.

В более чем ста местах шли атаки, и оборона удерживалась, пока превосходство в местности и численности не взяло верх, и латинские трубы не протрубили отступление. В

последующие дни атака возобновилась с той же силой и закончилась аналогичным результатом. В третьем штурме два корабля были соединены вместе, чтобы удвоить их силу; сильный северный ветер гнал их к берегу; епископы Труа^[79] и Суассона^[80] возглавили авангард; и благоприятные имена «Паломник» и «Рай» раздавались по всей линии. Епископские знамена были вывешены на стенах; первым смельчакам было обещано сто марок серебра; и если их награда была перехвачена смертью, их имена были увековечены славой. Были взяты четыре башни, взломаны три ворота, и французские рыцари, которые могли дрожать на волнах, чувствовали себя непобедимыми на лошадях на твердой земле. Стоит ли рассказывать, что тысячи, охранявшие императора, бежали при приближении и перед копьем одного-единственного воина? Их позорное бегство подтверждает их соотечественник Никетас¹ — армия призраков шла вместе с французским героем, и в глазах греков он выглядел гигантом. Латиняне вошли в город под знаменами своих вождей; улицы и ворота открылись для их прохода; и либо по замыслу, либо по случайности разгорелся третий пожар, который за несколько часов поглотил площадь, равную трем крупнейшим городам Франции.

Константинополь был взят штурмом, и законы войны не налагали на завоевателей никаких ограничений, кроме религиозных и гуманитарных. Бонифаций, маркиз Монферратский, по-прежнему действовал в качестве их генерала; и греки, которые почитали его имя как имя своего будущего правителя, слышно были восклицать жалобным тоном: «Святой маркиз-король, помилуй нас!» Его благоразумие или сострадание открыли ворота города беженцам; и он призвал солдат креста пощадить жизни своих братьев-христиан. Кровь, льющаяся по страницам Никиты, может быть сведена к убийству двух тысяч его незащитных соотечественников; и большая часть была убита не чужеземцами, а латинянами, которые были изгнаны из города и мстили как победившая фракция. Однако некоторые из этих изгнанников были менее озабочены обидами, чем благодеяниями; и сам Никита был обязан своей безопасностью щедрости венецианского купца.

Папа Иннокентий III обвиняет паломников в том, что в своей похоти они не уважали ни возраст, ни пол, ни религиозную профессию, и горько сетует на то, что деяния тьмы, блуд, прелюбодеяние и инцест совершались среди бела дня, а благородные матроны и святые монахини были осквернены слугами и крестьянами из католического лагеря. Вполне вероятно, что вседозволенность победы побуждала к множеству грехов и прикрывала их, но несомненно, что в столице Востока, известной как « », было достаточно продажной или добровольной красоты, чтобы удовлетворить желания двадцати тысяч паломников, а женщины-пленницы больше не подвергались правам или злоупотреблениям домашнего рабства. Маркиз Монферратский был покровителем дисциплины и приличия; граф Фландрский был зеркалом целомудрия; они под страхом смертной казни запретили изнасилование замужних женщин, девственниц или монахинь; и эта прокламация иногда призывалась к жизни побежденными и уважалась победителями. Их жестокость и похоть сдерживались авторитетом вождей и чувствами солдат, ибо мы больше не описываем вторжение северных дикарей; и, какими бы свирепыми они ни казались, время, политика и религия цивилизовали нравы французов и еще в большей степени итальянцев. Но их алчности была предоставлена полная свобода, которая была удовлетворена даже в святую неделю грабежом Константинополя.

Руины сарацинской башни

Право на победу, не ограниченное никакими обещаниями или договорами, позволяло конфисковать общественное и частное имущество греков; и каждый, в соответствии со своими возможностями и силами, мог законно исполнить приговор и захватить конфискованное имущество. Переносным и универсальным средством обмена были чеканные и нечеканные металлы — золото и серебро, которые каждый захватчик, как в своей стране, так и за рубежом, мог обменивать на имущество, наиболее подходящее его характеру и положению. Из сокровищ, накопленных благодаря торговле и роскоши, самыми ценными были шелка, бархаты, меха, драгоценные камни, пряности и богатые движимые вещи, поскольку их нельзя было приобрести за деньги в более диких странах Европы. Был введен порядок грабежа; доля каждого человека не зависела от его трудолюбия или удачи. Под угрозой суровых наказаний за клятвопреступление, отлучение от церкви и смерть латиняне были обязаны сдавать свою добычу в общий фонд; для хранения и распределения добычи были выбраны три церкви; пехотинцу выделялась одна доля, сержанту на лошади — две, рыцарю — четыре, а баронам и князьям — более крупные доли в соответствии с их рангом и заслугами. За нарушение этого священного обязательства рыцарь, принадлежавший графу Сен-Полю, был повешен с щитом и гербом на шее; его пример мог бы сделать подобных правонарушителей более хитроумными и осторожными, но алчность оказалась сильнее страха, и общепринято считать, что тайные добычи значительно превышали признанные. Тем не менее, величина добычи превзошла самые смелые ожидания и прогнозы. После того как все было поровну разделено между французами и венецианцами, пятьдесят тысяч марок было вычтено для погашения долгов первых и удовлетворения требований вторых. Остаток французской доли составил четыреста тысяч марок серебра [около 800 000 фунтов стерлингов или 4 000 000 долларов].

В этой великой революции мы имеем уникальную возможность сравнить рассказы Вильярдюэна и Никетаса, противоположные чувства маршала Шампани и византийского сенатора. На первый взгляд может показаться, что богатство Константинополя было просто перенесено от одной нации к другой, и что утрата и горе греков точно уравниваются радостью и выгодой латинян. Но в жалком отчете о войне выигрыш никогда не равен

потере, удовольствие — боли; улыбки латинян () были мимолетными и обманчивыми; греки вечно плакали над руинами своей страны, а их реальные бедствия усугублялись святотатством и насмешками. Какую выгоду получили завоеватели от трех пожаров, уничтоживших столь обширную часть зданий и богатств города? Какое количество вещей, которые нельзя было ни использовать, ни транспортировать, было злонамеренно или бездумно уничтожено! Сколько сокровищ было напрасно потрачено на азартные игры, разврат и беспорядки! И какие драгоценные предметы были обменены за ничтожную цену из-за нетерпения или невежества солдат, чья награда была украдена низким ремеслом последних греков!

Только они, у которых не было ничего, что можно было бы потерять, могли извлечь некоторую выгоду из революции; но бедственное положение высших слоев общества ярко отражено в личных приключениях самого Никетаса. Его величественный дворец был превращен в пепел во время второго пожара, и сенатор со своей семьей и друзьями нашел скромное убежище в другом доме, который он владел недалеко от церкви Святой Софии. Именно дверь этого скромного жилища охранял его друг венецианец, переодетый солдатом, пока Никетас не смог спасти, бежав в спешке, остатки своего состояния и целомудрие своей дочери. В холодную зимнюю пору эти беженцы, вскормленные на коленях процветания, отправились в путь пешком; его жена была беременна; из-за дезертирства их рабов им пришлось нести багаж на своих плечах; а их женщинам, которых они поместили в центре, велели скрыть свою красоту грязью, вместо того чтобы украшать ее косметикой и драгоценностями.

Каждый шаг был сопряжен с оскорблениями и опасностью; угрозы незнакомцев были менее болезненны, чем насмешки плебеев, с которыми они теперь были поставлены на одну доску; изгнанники не могли вздохнуть свободно, пока их печальное паломничество не закончилось в Селимбрии, более чем в сорока милях от столицы. По дороге они догнали патриарха, без свиты и почти без одежды, едущего на ослике и доведенного до апостольской нищеты, которая, будь она добровольной, могла бы, возможно, считаться заслугой. Тем временем его опустошенные церкви были осквернены развратом и партийным рвением латинян. Сняв драгоценные камни и жемчуг, они превратили чаши в питьевые кубки; их столы, на которых они играли в азартные игры и пировали, были покрыты изображениями Христа и святых; и они попирали ногами самые почитаемые предметы христианского поклонения. В соборе Святой Софии широкая завеса святилища была разорвана ради золотой бахромы, а алтарь, памятник искусства и богатства, был разбит на куски и поделен между захватчиками.

Их мулы и лошади были отгружены кованым серебром и позолоченными резными изделиями, которые они сорвали с дверей и амвона; и если животные спотыкались под тяжестью, их нетерпеливые погонщики пронзали их ножами, и святая мостовая была залита их нечистой кровью. На троне патриарха сидела проститутка, и эта дочь Белиала, как ее называли, пела и танцевала в церкви, высмеивая гимны и процессии восточных народов. Даже места упокоения королевских особ не были защищены от осквернения; в церкви Апостолов были разграблены гробницы императоров; и говорят, что спустя шесть веков тело Юстиниана было найдено без каких-либо признаков разложения или гниения. На улицах французы и фламандцы одевали себя и своих лошадей в расписные одежды и струящиеся головные уборы из льна; а грубая неумеренность их пиров оскорбляла великолепную трезвость Востока. Чтобы продемонстрировать оружие народа писцов и ученых, они делали вид, что выставляют на показ перо, чернильницу и лист бумаги, не понимая, что инструменты науки и доблести бесполезны в руках современных греков.

Однако их репутация и язык побуждали их презирать невежество и игнорировать прогресс латинян. В любви к искусству национальные различия были еще более очевидными и реальными; греки с почтением хранили произведения своих предков, которые они не могли повторить; и, глядя на разрушение статуй Константинополя, мы не можем не присоединиться к жалобам и упрекам византийского историка. Медные статуи были разбиты и переплавлены бездушной алчностью крестоносцев; затраты и труд были уничтожены в одно мгновение; душа гения испарилась в дыму; а остатки неблагородного металла были отчеканены в деньги для оплаты войск. Бронза не является самым долговечным материалом для памятников; латиняне могли с глупым презрением отвернуться от мраморных скульптур Фидия и Праксителя, но, если только они не были разрушены в результате случайного повреждения, эти бесполезные камни надежно стояли на своих постаментах. Наиболее просвещенные из чужеземцев, возвышавшиеся над грубыми и чувственными устремлениями своих соотечественников, более благочестиво осуществляли право завоевания, разыскивая и захватывая реликвии святых. [h](#)

СНОСКИ

[64] Лео Диакон^b называет своих убийц германцами, имея в виду, несомненно, северян.

[65] Эти цифры приведены Лео Диаконом.^b Кедрен^c указывает пять тысяч пехотинцев и четыре тысячи всадников; Зонарас^d — то же самое число. Эта пропорция дает некоторое представление о составе византийской армии в этот период военной славы. Кавалерия служила образцом для европейского рыцарства, но меч легионера все еще мог выиграть сражение.

[66] Лео Диакон^b называет более крупные суда триремами, хотя они, безусловно, имели не более двух рядов весел.

[67] По словам Лео Диакона, русские носили доспехи, похожие на те, что позже носили норманны в Западной Европе.^b

[68] Лео Диакон,^b 171.

[69] Жестокость, подобная жестокости Василия, в меньших масштабах проявлял Ричард Львиное Сердце, хотя, конечно, не стоит строго полагаться на цифры, приведенные византийскими историками. Ричард, чтобы отомстить за потерю части своих людей, приказал бросить в Сену триста французских рыцарей и выколоть глаза пятнадцати из них, которых отправили домой слепыми, ведомых тем, кому пощадили правый глаз. Филипп Август, не отставая, отомстил, обратившись с пятнадцатью английскими рыцарями таким же образом. Выкалывание глаз было на протяжении нескольких столетий обычной практикой во всей Европе и не вызывало особого ужаса. Еще во времена правления Генриха IV в 1403 году был принят закон, согласно которому англичане, вырезавшие друг другу языки или выкалывавшие глаза соседям, считались преступниками.

[70] [Он был полностью разгромлен сарацинами при Агазе в 1030 году; однако флот одержал две победы].

[71] [Сараины атаковали империю со всех сторон, и Сицилия была почти завоевана генералом Маниацесом. Она была потеряна из-за неспособности зятя Михаила Стефана. В 1040 году Сербия восстановила свою свободу, а славяне и болгары были подтолкнуты к восстанию финансовыми притеснениями евнуха Иоанна, называемого Орфанотрофом.

[72] [По словам Финлея, это было всего лишь наследственное прозвище.^e]

[73] [Маниац восстал и провозгласил себя императором. Он был убит в момент победы стрелой. Лев Торник, родственник императора, осадил Константинополь, но был отбит. Императорские войска потерпели поражение от сербов, но отбили русских и патзинаков. В 1045 году была завоевана Армения, и были отбиты два вторжения сельджукских турок.

[74] «Для современников эта революция ничем не отличалась от смены правителей, которая была обычным явлением в Византийской империи и которую мудрейшие государственные деятели того времени приписывали воле неба, а не действию политических и моральных причин, которые по воле Бога позволяют человеческому разуму использовать для улучшения или ухудшения человеческих дел. Возможно, ни один из живших в то время людей не осознавал, что это событие было предначертано судьбой, чтобы изменить всю систему правления, разрушить структуру центральной администрации, предать провинции Азии легкому завоеванию сельджукских турок, а столицу — набегам крестоносцев».^e

[75] [В 1059 году Исаак выступил против венгров и патзинаков, которые опустошали северную границу, и вторгшиеся вскоре были вынуждены просить о мире. Это была единственная возможность для Исаака продемонстрировать свои военные способности].

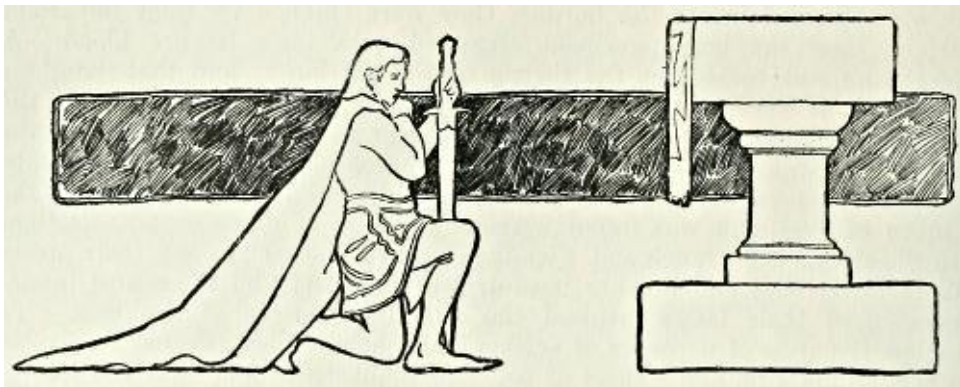
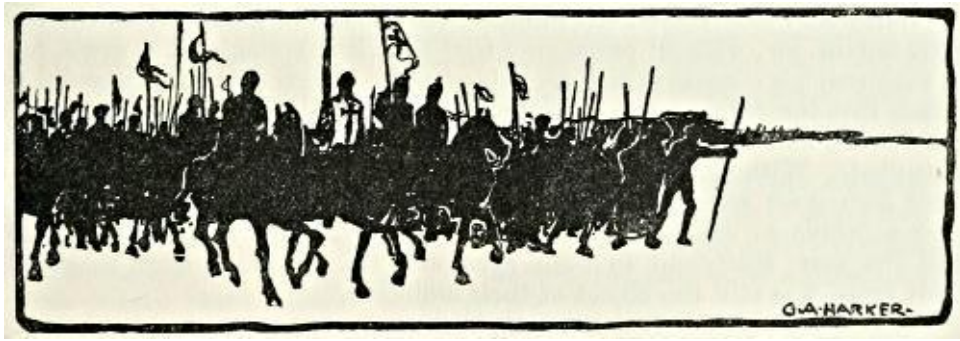
[76] [Тогрул-бег и Альп Арслан начали свое вторжение из Месопотамии в 1060 году; Авию был захвачен в 1064 году.]

[77] [Поход 1070 года проводил Мануил Комнин, но после того, как Альп Арслан захватил Манцикерт, Роман вернулся к командованию.]

[78] [Турецкая война возобновилась в 1072 году, когда Альп Арслан не смог получить выкуп за Романуса. В конце концов он завоевал византийскую часть Малой Азии и передал ее под власть Сулеймана. В 1076 году Иерусалим пал перед сельджуками, и это событие стало прямой причиной крестовых походов. Но это были не единственные внешние проблемы империи в этот период. В 1073 году болгары предприняли отчаянную попытку вернуть свою свободу.

[79] [Римская Августобона, впоследствии Трикасса.]

[80] [Римская Августа Суссонум.]

ГЛАВА IX. ЛАТИНСКАЯ ИМПЕРИЯ [1204-1261 гг. н. э.]

После пасхального праздника крестоносцы разделили захваченные богатства; четвертая часть добычи была отложена для того, кто будет избран императором, а остальная часть была разделена между французами и венецианцами. Французские крестоносцы, завоевавшие Зару исключительно в интересах венецианцев, не были освобождены от уплаты пятидесяти тысяч серебряных марок, которые они были должны республике; эта сумма была заранее вычтена из принадлежащей им доли добычи. При разделе, который был произведен между воинами Ломбардии, Германии и Франции, каждый рыцарь получил долю, равную доле двух всадников, а каждый всадник — долю, равную доле двух пеших солдат. Вся добыча греков принесла [всего](#) 400 000 серебряных марок; но хотя эта сумма значительно превышала доходы всех королевств Запада, она ни в коем случае не отражала стоимость богатств, накопленных в Византии. Если бы князья и бароны, став хозяевами города, удовлетворились введением дани для жителей, они могли бы получить гораздо большую сумму.

Разделив добычу, крестоносцы предались самой безудержной радости, не осознавая, что совершили большую ошибку, истощив страну, которая должна была стать их собственной; они не задумывались о том, что разорение побежденных может однажды привести к разорению победителей и что они могут стать такими же бедными, как греки, которых только что ограбили. Без сожалений, как и без предвидения, надеясь на свои добрые мечи, они приступили к избранию лидера, который должен был править скорбящим народом и опустошенным городом. Императорская пурпурная мантия по-прежнему имела в их глазах тот же блеск, и трон, хотя и потрясенный их оружием, по-прежнему был предметом их амбиций.

ВЫБОР ИМПЕРАТОРА

[1204 г. н.э.]

Шесть выборщиков были выбраны из венецианской знати, а шесть других — из французского духовенства, чтобы дать Константинополю правителя; двенадцать выборщиков собрались во дворце Буколеон и поклялись на Евангелии, что будут короновать только заслуги и добродетели.

Трое из главных лидеров крестового похода имели равные права на голоса выборщиков. Если пурпурная мантия должна была быть наградой за опыт, способности в совете и услуги, оказанные делу латинян, то Генри Дандоло, который был движущей силой, самой душой предприятия, безусловно, имел на нее первоочередное право. Маркиз Монферратский также имел титулы, достойные большого внимания; латиняне избрали его своим лидером, а греки уже признали его своим господином. Его храбрость, доказанная в тысяче сражений, обещала твердую и щедрую поддержку трону, который должен был подняться из руин. Его благоразумие и умеренность могли дать латинянам и народу Греции повод надеяться, что, однажды возвысившись до императора, он исправит зло войны. Претензии Балдуина на императорскую корону были не менее весомыми, чем у его соперников. Граф Фландрии был родственником самых могущественных монархов Запада и по женской линии происходил от Карла Великого. Он был очень любим своими солдатами, с которыми всегда был готов разделить опасности; он заслуженно завоевал уважение греков, которые даже в условиях беспорядков, сопровождавших завоевание, прославляли его как поборника целомудрия и чести. Балдуин был защитником слабых, другом бедных; он любил справедливость и не боялся правды.

Избиратели сначала обратили свое внимание на почтенного Дандоло, но республиканцы Венеции дрожали от одной только мысли о том, что среди их сограждан появится император: «Чего нам не ждать, — говорили они, — от венецианца, ставшего властелином Греции и части Востока? Будем ли мы подчиняться его законам, или он будет подчиняться законам нашей страны? Кто гарантирует нам, что под его правлением и правлением его преемников Венеция, королева морей, не станет одним из городов этой империи?» Говоря так, венецианцы воздавали справедливую хвалу добродетели и характеру Дандоло; они добавили, что их дож, который приближался к концу жизни, наполненной великими делами, не имел ничего другого, как закончить свои дни со славой, и что он сам считал бы более славным быть главой победоносной республики, чем правителем завоеванной нации. «Какой римлянин, — восклицали они, — согласился бы отказаться от титула гражданина Рима, чтобы стать королем Карфагена?»

Завершив свои речи, венецианцы убеждали собрание избрать императора из числа других военачальников. После этого выбор избирателей мог пасть только на графа Фландрии и маркиза Монферратского. Чтобы предотвратить последствия роковой раздоры, было решено, что принц, получивший большинство голосов за императорский трон, должен будет уступить другому, на условиях верности и покорности, владения на острове Кандия и все земли империи, расположенные по другую сторону Босфора. После этого решения собрание сосредоточило все свое внимание на выборах императора. Их выбор долгое время оставался неопределенным. Сначала казалось, что большинство голосов получит маркиз Монферратский, но венецианцы опасались увидеть на троне Константинополя князя, имевшего владения вблизи их территорий. Интересы и ревность политиков (), а также, без сомнения, мудрость и справедливость в конце концов объединили все голоса в пользу графа Фландрского.

Крестоносцы, собравшиеся перед дворцом Буколеона, с нетерпением ждали решения выборщиков. В полночь епископ Суассона вышел в вестибюль и громким голосом произнес следующие слова: «В этот час ночи, который стал свидетелем рождения Спасителя мира, рождается новая империя под покровительством Всемогущего. Вашим императором становится Бодуэн, граф Фландрии и Эно». Среди венецианцев и французов раздались громкие крики радости. Жители Константинополя, которые так часто меняли своих правителей, без сопротивления приняли нового, только что данного им, и присоединились к ликующим латинянам. Бодуэна подняли на щит и в триумфе пронесли к церкви Святой Софии. Маркиз Монферрат следовал за своим соперником; его великодушная покорность, которую он продемонстрировал, вызвала большое восхищение у его соратников, и его присутствие привлекло не меньшее внимание, чем воинственная пышность, окружавшая нового императора.

КОРОНОВАНИЕ БАЛДУИНА

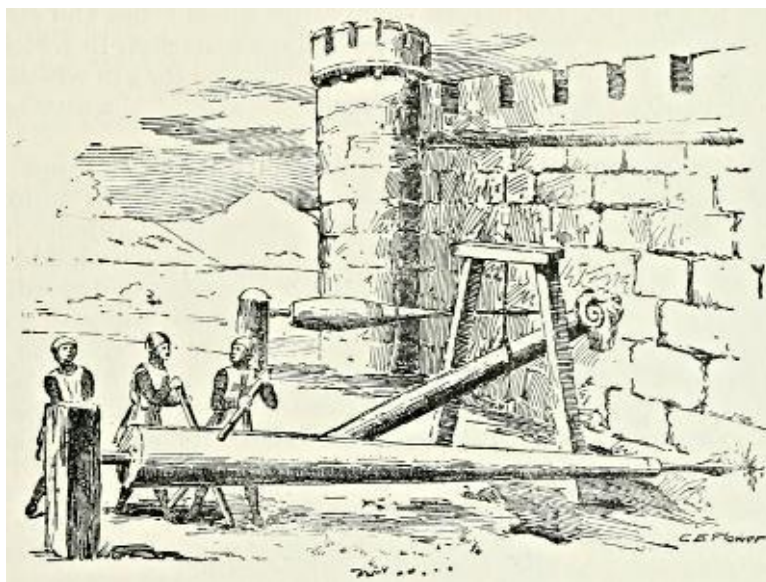
Церемония коронации была отложена до четвертого воскресенья после Пасхи. Тем временем с большим размахом отпраздновали брак маркиза Монферратского с Маргаритой Венгерской, вдовой Исаака. Константинополь стал свидетелем празднеств и зрелищ Запада, и впервые греки слышали в своих церквях молитвы и гимны латинян. В день, назначенный для коронации императора, Бодуэн отправился в собор Святой Софии в сопровождении баронов и духовенства. Во время богослужения император вззошел на золотой трон и принял пурпур из рук легата папы, который исполнял функции патриарха. Два рыцаря несли перед ним *латиклавическую тунику* римских консулов и императорский меч, вновь оказавшийся в руках воинов и героев. Глава духовенства, стоя перед алтарем, произнес на греческом языке следующие слова: «Он достоин царствовать», и все присутствующие хором повторили: «Он достоин! Он достоин!» Крестоносцы, громко выкрикивающие свои бурные приветствия, рыцари в доспехах, толпа несчастных греков, святилище, лишенное своих древних украшений и украшенное иностранной роскошью, — все это создавало торжественное и меланхоличное зрелище: все бедствия войны среди трофеев победы. Окруженные руинами империи, вдумчивые зрители не могли не заметить среди церемоний этого дня ту, в которой, согласно обычаю греков, Болдуину были преподнесены маленькая ваза, наполненная прахом и костями, и зажженная прядь льна, как символы краткости жизни и ничтожности человеческого величия.

Перед церемонией коронации новый император распределил главные должности империи среди своих соратников. Вильярдуэн, маршал Шампани, получил титул маршала Румынии; граф Сен-Поль — звание коннетабля; должности мастера гардероба, великого виночерпия и дворецкого были отданы канонику де Бетюну, Макару де Сен-Менеульту и

Майлсу де Брабанту. Дож Венеции, провозглашенный деспотом или князем Румынии, получил право носить пурпурные башмаки, что среди греков было привилегией, зарезервированной для членов императорской семьи. Генри Дандоло представлял Венецианскую республику в Константинополе; половина города находилась под его властью и признавала его законы; он возвысил себя, как благодаря своему достоинству, так и благодаря своим подвигам, над всеми князьями и всеми дворянами двора Балдуина; только он один был освобожден от обязанности приносить верность и дань императору за земли, которыми он владел.

РАЗДЕЛ ТЕРРИТОРИИ

Бароны начали с нетерпением ждать раздела городов и провинций империи. На совете, состоявшем из двенадцати венецианских патрициев и двенадцати французских рыцарей, все завоеванные земли были разделены между двумя нациями. Вифиния, Румыния или Фракия, Фессалоники, вся Греция от Фермопил до мыса Сунион, а также крупные острова архипелага Эгейского моря () достались французам и перешли под их власть. Венецианцы получили Кикладские и Спорадские острова в архипелаге; острова и восточное побережье Адриатического залива; побережья Пропонтиды и Эвксинского моря; берега Эвра и Вардаса; города Кипседес, Дидиматика и Адрианополь; приморские земли Фессалоник и т. д. Таково было первоначальное распределение территорий империи. Но непредвиденные обстоятельства, разнообразие интересов, соперничество амбиций, все превратности судьбы и войны вскоре привели к большим изменениям в этом разделении владений. История тщетно пыталась бы проследить за завоевателями в выделенных им провинциях; легче было бы отметить берега разливающегося потока или проследить путь урагана, чем зафиксировать состояние неопределенных и переходящих владений завоевателей Византии.

Методы штурма стены, XI век

(Из старинной гравюры)

Земли, расположенные за Босфором, были объединены в королевство и вместе с островом Кандия переданы маркизу Монферрату. Бонифаций обменял их на провинцию Фессалоники и продал остров Кандия Венецианской республике за тридцать фунтов золота. Провинции Азии были переданы графу Блуа, который принял титул герцога Никейского и Вифинского. При распределении городов и земель империи каждый из лордов и баронов получил

владения, соразмерные рангу и заслугам нового владельца. Услышав о стольких странах, названия которых они едва знали, воины Запада были поражены своими завоеваниями и поверили, что большая часть вселенной обещана их амбициям. В опьянении радости они провозгласили себя хозяевами всех провинций, составлявших империю Константина. Они бросали жребий на страны мидийцев и парфян, а также на королевства, находившиеся под властью турок и сарацин. На деньги, полученные от грабежа столицы, завоеватели купили провинции империи; они продавали, играли в кости целые города и их жителей. Константинополь в течение нескольких дней был рынком, на котором торговали морями и их островами, народами и их богатствами; на котором римский мир был выставлен на продажу и нашел покупателей среди малоизвестной толпы крестоносцев.

В то время как бароны таким образом распределяли города и королевства, амбиции латинского духовенства не оставались бездействующими, а были заняты захватом собственности греческой церкви. Лидеры крестового похода договорились между собой, что если император Константинополя будет выбран из французов, то патриарх должен быть венецианцем. В соответствии с этой договоренностью, которая предшествовала завоеванию, Томас Морозини был возведен на престол Святой Софии; в то же время священники и латинские епископы были отправлены в другие завоеванные города и завладели богатствами и привилегиями греческого духовенства. Таким образом, римское богослужение связало себя с победами крестоносцев и сделало свою империю признанной везде, где развевались знамена завоевателей.

ПРИЗНАНИЕ ПАПЫ

После коронации Бодуэн написал папе, чтобы сообщить ему о необычайных победах, которыми Бог увенчал рвение воинов креста. Новый император, принявший титул рыцаря Святого Престола, напомнил верховному понтифику о вероломстве и долгом восстании греков. «Мы подчинили вашим законам, — писал он, — тот город, который из ненависти к Святому Престолу едва ли слышал имя князя апостолов и не предоставил ни одной церкви тому, кто получил от Господа верховенство над всеми церквями». В своем письме Балдуин пригласил наместника Иисуса Христа последовать примеру своих предшественников Иоанна, Агапета и Льва, которые лично посетили церковь Византии.

В то же время маркиз Монферратский направил письмо верховному понтифику, в котором заявлял о своем смиренном повиновении всем решениям Святого Престола. Дож Венеции, который до того времени с такой гордостью бросал вызов угрозам и грому церкви, признал верховную власть папы и присоединился к протестам Болдуина и Бонифация. Чтобы успокоить гнев Иннокентия, они представили ему, что завоевание Константинополя подготовило освобождение Иерусалима, и хвастались богатством страны, которую крестоносцы наконец подчинили законам Святого Престола. Во всех своих письмах к папе или верующим Запада завоеватели Византии говорили о Греческой империи как о новой земле обетованной, которая ждала слуг Божьих и воинов Христовых ().

Иннокентий долгое время был раздражен непослушанием крестоносцев; в своем ответе он с горечью упрекнул победоносную армию латинян за то, что они предпочли богатства земные богатствам небесным; он упрекнул вождей за то, что они подвергли надругательствам солдат и последователей армии честь матрон и девушек, а также дев, посвятивших себя Господу; за то, что они разрушили Константинополь, ограбили как великих, так и малых, осквернили святилище и простерли руку на сокровища церквей. Несмотря на эту внешнюю демонстрацию гнева, папа одобрил избрание Балдуина, который принял титул рыцаря Святого Престола, и согласился признать империю, которой он должен был дать законы.

Большая часть защитников Святой Земли, которые испытали только зло войны, захотели разделить славу и удачу французов и венецианцев, и король Иерусалима остался почти один в Птолемаиде, не имея средств обеспечить соблюдение перемирия, которое он заключил с неверными. Балдуин тепло приветствовал защитников Святой Земли, но радость от их прибытия была сильно омрачена известием о смерти его жены, Маргариты Фландрской. Эта принцесса отправилась в плавание на флоте Жана де Несле, полагая, что встретит своего мужа в Палестине; измученная утомительным путешествием и, возможно, болью разочарования, она заболела в Птолемаиде и умерла в тот момент, когда узнала, что Бодуэн был коронован императором Константинополя. Корабль, который должен был доставить новую императрицу к берегам Босфора, привез обратно только ее прах. Балдуин, в окружении своих рыцарей, оплакивал потерю принцессы, которую он нежно любил.

Император и его бароны, со всей помощью, которую они получили с Востока, имели едва двадцать тысяч человек для защиты своих завоеваний и сдерживания народа столицы и провинций. Султан Иконии и король болгар давно угрожали вторгнуться в земли, прилегающие к их государствам, и они считали, что разногласия и последующее падение Греческой империи представляли благоприятную возможность для проявления их зависти и амбиций. Народы Греции были завоеваны, но не покорены. Поскольку в хаосе, сопровождавшем завоевание Византии, не признавалось никакого другого права, кроме права силы и меча, все греки, у которых еще оставались в руках оружие, стремились образовать княжество или королевство. Со всех сторон из руин возникали новые государства и империи, которые уже угрожали тому, что так недавно было создано крестоносцами.

СУДЬБА КОРОЛЕВСКИХ БЕГЛЦОВ

Внук Андроника основал в греческой провинции Малой Азии княжество Трапезунд; Лео Сгурре, правитель маленького города Неаполь, расширил свои владения с помощью несправедливости и насилия; и, если использовать сравнение, предложенное Никетой, он стал великим, как поток, который разбухает во время бури и увеличивается за счет вод шторма. Варварский завоеватель, жестокий и безжалостный тиран, он правил, или, скорее, сеял ужас, в Аргосе и на Коринфском перешейке. Михаил Ангел Комнин (), прибегнув к предательству, захватил царство Эпир и подчинил своим законам дикий и воинственный народ. Феодор Ласкарис, который, как Эней, бежал из своей горящей страны, собрал войска в Вифинии и провозгласил себя императором в Никее, откуда его семья была обречена в будущем вернуться с триумфом в Константинополь.

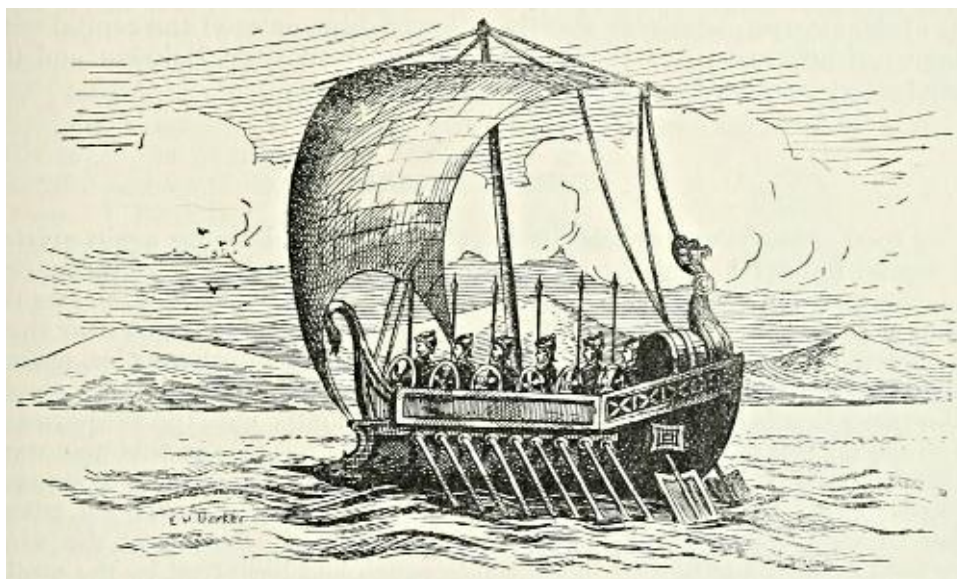
Если бы отчаяние придало хоть какую-то смелость двум беглым императорам, они могли бы получить часть своей добычи и сохранить остатки власти, но они не извлекли уроков из несчастий. Муртуфл, который довел до конца все преступления, начатые Алексием, не колеблясь, сдался в руки своего несчастного соперника, на дочери которого он женился; злые люди иногда берут на себя обязанность наказывать друг друга. Алексей, осыпав Муртуфа ласками, заманил его в свой дом и велел выколоть ему глаза. В таком состоянии Муртуфл, брошенный своими последователями, для которых он теперь был лишь предметом отвращения, отправился скрывать свое существование и свое несчастье в Азии; но по дороге он попал в руки латинян. Его привели в Константинополь и приговорили к позорной смерти за свои преступления: его сбросили с вершины колонны, воздвигнутой императором Феодосием на площади Таурис. Множество греков, которые предложили Муртуфлу пурпур, присутствовали при его трагическом конце и, по-видимому, были ужасаемы наказанием, которое было для них гораздо более новым, чем преступления, за которые оно было наложено.

Вероломство и жестокость Алексея не остались долго безнаказанными; узурпатор был вынужден скитаться из города в город и нередко скрывать императорскую пурпурную мантию под одеждой нищего. Долгое время он был в безопасности только благодаря презрению, с которым к нему относились завоеватели. После долгого скитания в нищете он был выдан маркизу Монферратскому, который отправил его в плен в Италию; оттуда он снова бежал в Азию и нашел убежище у султана Икониума. Алексей не мог довольствоваться мирной жизнью в уединении и присоединился к туркам в нападении на своего зятя Ласкариса, которому он не мог простить того, что тот спас остатки империи и правил Вифинией. Когда турки были разбиты, беглый принц в конце концов попал в руки императора Никеи, который заставил его уйти в монастырь, где он и умер, забытый как греками, так и латинянами.

Таким образом, четыре императора были принесены в жертву амбициям и мести — прискорбное зрелище, достойное сожаления! На фоне потрясений и падения империи мы видим, как князья одной семьи сражаются за призрачную власть, поочередно отнимают друг у друга скипетр и жизнь, превосходят в ярости простой народ и не оставляют ему ни одного преступления, ни одного отцеубийства, которое можно было бы совершить.

БАЛДУИН ССОРИТСЯ С БОНИФАЦИЕМ

В то время как греческие князья вели войну друг против друга и сражались за обломки империи, французские графы и бароны покинули столицу, чтобы занять города и провинции, которые достались им по праву. Многие из них были вынуждены завоевывать мечом земли, которые были им назначены. Маркиз Монферратский отправился в поход, чтобы посетить королевство Фессалоники и принять дань уважения от своих новых подданных. Император Балдуин, сопровождаемый своим братом Генрихом Гейнским и большим количеством рыцарей, прошел через Фракию и Румынию, и везде на своем пути его приветствовали шумными возгласами народа, всегда более искусного в лести своим завоевателям, чем в борьбе с врагами. Когда он прибыл в Адрианополь, где его приняли с триумфом, новый император объявил о своем намерении продолжить поход до Фессалоник. Это неожиданное решение удивило маркиза Монферратского, который желал отправиться в свое королевство в одиночку. Бонифаций пообещал быть верным императору и всегда готовым использовать свои силы против врагов империи, но он опасался присутствия армии Балдуина в своих городах, уже измученных войной.

(По старинной гравюре)

Между двумя князьями разгорелся серьезный спор. Маркиз Монферратский обвинил императора в желании завладеть его землями; Бодуэн же усмотрел в сопротивлении Бонифация тайный замысел отрицать верховную власть главы империи. Оба любили справедливость и не были лишены умеренности, но теперь, когда один стал королем Фессалоник, а другой — императором Константинополя, у них появились придворные, которые стремились разжечь их ссору и раздувать вражду. Несмотря на все представления маркиза Монферратского, Балдуин ввел свою армию в королевство Фессалоники. Бонифаций счел это упрямство императора вопиющим оскорблением и поклялся отомстить ему своим мечом. Под влиянием страсти он внезапно ушел с несколькими рыцарями, которые высказались в его пользу, и захватил Дидиматику, город, принадлежавший императору.

Маркиз Монферратский взял с собой свою жену, Марию Венгерскую, вдову Исаака; и присутствие этой принцессы, а также надежда на то, что она сможет сохранить раскол среди латинян, привлекло многих греков под знамя Бонифация. Он заявил им, что сражается за их дело, и облачил в императорскую пурпурную мантию молодого принца, сына Исаака и Марии Венгерской. Ведя за собой этого призрачного императора, вокруг которого собрались главные жители всех частей Румынии, он возобновил путь к Адрианополю и приготовился к осаде этого города. Бонифаций, с каждым днем все более раздражаясь, не слушал ни советов, ни мольбы своих соратников, и раздор едва не привел к кровопролитию между латинянами, если бы дож Венеции, граф Блуа и бароны, оставшиеся в Константинополе, не использовали свой авторитет и влияние, чтобы предотвратить бедствия, угрожавшие новой империи. Маркиз Монферратский пообещал передать свой спор с Балдуином на рассмотрение графов и баронов.

Тем временем Балдуин овладел Фессалониками. Как только он узнал о враждебных действиях маркиза Монферратского, он поспешно вернулся в Адрианополь. Он обдумывал планы мести и угрожал ответить силой на силу, войной на войну, когда встретил представителей.

Он пообещал сложить оружие и отправиться в Константинополь, чтобы урегулировать спор между ним и маркизом Монферратским. Маркиз Монферратский, который вскоре последовал за ним, въехал в столицу с некоторым недоверием, но прием, который ему устроили Бодуэн и другие лидеры, полностью успокоил его обиды.

ДРУГИЕ ЗАВОЕВАНИЯ

[1204-1205 гг.]

Как только мир был восстановлен, рыцари и бароны снова покинули столицу, чтобы пройти через провинции и подчинить непокорных. Граф Блуа, который получил Вифинию, послал своих рыцарей через Босфор; войска крестоносцев одержали несколько побед над войсками Ласкариса. Пенамения, Лопата, Никомедия и некоторые другие города открыли свои ворота завоевателям после слабого сопротивления. Латиняне подчинили своему господству все побережье Пропонтиды и Босфора вплоть до древней Эолии. Генрих Геннегауский не бездействовал в этой новой войне: пока воины графа Блуа продвигались к Никее, он повел своих воинов во Фригию, развернул свои триумфальные знамена на равнинах, где когда-то стояла Троя, сражался одновременно с греками и турками на полях,

по которым когда-то шли армии Ксеркса и Александра, и захватил всю страну, простирающуюся от Геллеспонта до горы Ида.

В то же время маркиз Монферратский, теперь мирный властелин Фессалоник, предпринял завоевание Греции. Он продвинулся в Фессалию, пересек горные цепи Олимпа и Осса и овладел Лариссой. Бонифаций и его рыцари, без страха и опасности, прошли через узкий пролив Фермопилы и проникли в Беотию и Аттику. Они обратили в бегство Лео Сгурре, который был бичом обширной провинции, и их подвиги, возможно, напомнили грекам о героях древних времен, которые путешествовали по миру, сражаясь с чудовищами и покоряя тиранов. Поскольку все греки, так долго угнетаемые, жаждали перемен, герои крестовых походов повсюду принимались как освободители. В то время как Бонифаций овладевал прекрасными землями Греции, Жоффруа де Вильардуэн, племянник маршала Шампани, установил власть латинян на Пелопоннесе. После того как он оттеснил войска Михаила Комнина в горы Эпира, он без боя занял Коронею и Патры и не встретил сопротивления, за исключением кантона Лакедемония. Завоеванные земли и города были переданы баронам, которые присягали на верность королю Фессалоник и императору Константинополя. Греция тогда увидела лордов Аргоса и Коринфа, великих сеньоров Фив, герцогов Афин и князей Ахайи. Французские рыцари диктовали законы в городе Агамемнона, в городе Минервы, в стране Ликурга и в стране Эпаминонда. Странная судьба воинов этого крестового похода, которые покинули Запад, чтобы завоевать город и земли Иисуса Христа, а судьба привела их в места, наполненные воспоминаниями о богах Гомера и славой языческой древности!

БОЛГАРСКАЯ ВОЙНА

Крестоносцы не смогли долго радоваться своим завоеваниям. Став владельцами империи, которую было гораздо сложнее удержать, чем завоевать, они не смогли овладеть судьбой, которая вскоре лишила их всего, что дала им победа. Они осуществляли свою власть с помощью насилия и не смогли примирить ни своих подданных, ни соседей. Йоаннис [Йоанница, Иоанн, Калоян или Кало-Иоанн], царь болгар, послал к Болдуину посла с предложением дружбы; Болдуин ответил с большой надменностью и пригрозил заставить Йоанниса сойти с узурпированного трона. Лишая греков их имущества, крестоносцы лишили себя всех источников процветания и довели до отчаяния людей, которым они не оставили ничего, кроме жизни. Чтобы довершить свою неосторожность, они приняли в свои армии греков, которых они обременяли презрением и которые стали их непримиримыми врагами. Не довольствуясь властью над городами, они стремились подчинить своей воле сердца людей и пробудили фанатизм. Несправедливые преследования возмутили греческих священников, которые яростно выступали против тирании и, будучи доведены до нищеты, слушались как оракулы и почитались как мученики.

Кольчуга XI века

В отчаянии поработенный народ решил прибегнуть к оружию; и, оглядываясь вокруг в поисках врагов для крестоносцев, он умолял короля болгар о союзе и защите. Был сформирован широкомасштабный заговор, в который вступили все, для кого рабство стало невыносимым. Внезапно разразилась буря, вылившаяся в массовое убийство латинян; от горы Эмус до Геллеспонта раздался боевой клич; крестоносцы, разбросанные по разным городам и странам, были застигнуты врасплох яростным и безжалостным врагом. Венецианцы и французы, охранявшие Адрианополь и Дидиматику, не смогли противостоять многочисленным грекам; некоторые были убиты на улицах, другие беспорядочно отступили и, спасаясь бегством, с горечью наблюдали, как их знамена срывают с башен и заменяют знаменами болгар. Дороги были завалены беглыми воинами, которые не нашли убежища в стране, недавно трепетавшей перед славой их оружия.

Каждый город, осажденный греками, не знал о судьбе других городов, доверившихся защите латинян; связь была прервана; в провинциях ходили зловещие слухи, что столица в огне, все города преданы грабежу, а все армии франков рассеяны или уничтожены. Когда весть об этих бедствиях дошла до Константинополя, Балдуин созвал графов и баронов. Крестоносцы, которые участвовали в военных походах по другую сторону Босфора, получили приказ оставить свои завоевания и немедленно вернуться под знамена главной армии. Балдуин ждал их несколько дней, но, поскольку он был нетерпелив начать войну и хотел поразить врага быстротой своих действий, он выступил во главе рыцарей, оставшихся в столице, и через пять дней после отправления появился перед стенами Адрианополя.

Лидеры крестового похода, привыкшие преодолевать все препятствия, не останавливались и не сдерживались ни малочисленностью своих солдат, ни многочисленностью врагов. Столица Фракии, окруженная неприступными валами, защищалась ста тысячами греков, в которых жажда мести восполняла недостаток мужества. Балдуин собрал под своими знаменами едва ли восемь тысяч человек. Вскоре прибыл дож Венеции с восемью тысячами венецианцев. Латинские беженцы со всех концов

присоединились к этой небольшой армии. Крестоносцы разбили свои палатки и приготовились осаждать город. Их приготовления шли медленно, и провизия начала заканчиваться, когда до них дошла весть о походе болгарского царя. Иоаннис, вождь варварского народа, сам более варварский, чем его подданные, наступал с грозной армией. Он скрывал свои амбициозные планы и жажду мести под маской религиозного рвения и велел нести перед собой знамя святого Петра, которое он получил от папы. Этот новый союзник греков хвастался тем, что является лидером святого дела, и угрожал истребить франков, которых он обвинял в том, что они взяли на себя крест с целью опустошить провинции и разграбить города христиан.

Впереди болгарского царя шло многочисленное войско валахов и команов, которых надежда на грабеж выманила из гор и лесов у берегов Дуная и Борисфена. Команы, более жестокие, чем народы горы Эмус, пили, как говорили, кровь своих пленников и приносили христиан в жертву на алтарях своих идолов. Подобно воинам Скифии, привыкшим сражаться на бегу, валашские всадники получили от Иоанника приказ провоцировать врага даже в его лагере и пытаться заманить тяжелую кавалерию франков в засаду. Бароны осознавали эту опасность и запретили крестоносцам покидать свои палатки или выходить за пределы укреплений. Но характер французских воинов был таков, что осторожность, по их мнению, лишала доблесть всего ее блеска, и им казалось постыдным уклоняться от сражения в присутствии и под насмешки врага.

ПОРАЖЕНИЕ ЛАТИНЦЕВ

[1205 г. н.э.]

Едва варвары появились вблизи лагеря, как их вид заставил даже самих вождей забыть о приказах, которые они отдали всего лишь накануне вечером. Император и граф Блуаский бросились навстречу врагу (), обратили его в бегство и с жаром преследовали на протяжении двух лиг. Но вдруг варвары собрались с силами и, в свою очередь, атаковали христиан. Последние, полагавшие, что одержали победу, были вынуждены защищаться в незнакомой местности. Их отряды, измученные усталостью, были застигнуты врасплох и окружены армией Иоанниса; сдавленные со всех сторон, они тщетно пытались восстановить боевой порядок, но не имели сил ни бежать, ни сопротивляться варварам. Граф Блуаский пал, покрытый ранами, а его верный оруженосец погиб рядом с ним.

Император Балдуин по-прежнему оспаривал победу; самые храбрые из его рыцарей и баронов последовали за ним в схватку, и их продвижение через ряды варваров сопровождалось ужасной бойней. Петр, епископ Вифлеема, Стефан, граф Перш, Рено де Монмирай, Матье де Валенкур, Роберт де Ронсай и множество лордов и доблестных воинов погибли, защищая своего повелителя. Балдуин остался почти один на поле битвы и продолжал храбро сражаться, но в конце концов, превосходящий по численности, он попал в руки болгар, которые надели на него цепи. Остатки армии отступили в величайшем беспорядке и обязаны были своей безопасностью только благоразумной храбрости дожа Венеции и маршала Шампани, которые остались охранять лагерь.

В ночь после битвы крестоносцы сняли осаду с Адрианополя и, преодолевая тысячи опасностей, вновь взяли курс на столицу. Болгары и команы, гордясь своей победой, без перерыва преследовали побежденную армию; эта армия, потерявшая половину своих сил, испытывала острую нужду в провизии и с большим трудом тащила за собой раненых и багаж. Крестоносцы погрузились в мрачное молчание, их отчаяние было очевидно в их действиях и на их лицах. В Родосто они встретили Генриха Гейнаутского и нескольких других рыцарей, которые направлялись из провинций Азии, чтобы присоединиться к армии

Адрианополя. Отступающие вожди со слезами рассказали о своем поражении и пленении Балдуина. Все франки были охвачены горем и ужасом, узнав, что у них больше нет императора. Греки, населявшие столицу, тайно приветствовали триумф болгар, и их плохо скрываемая радость еще больше усилила тревогу латинян. Многие рыцари, подавленные столькими неудачами, не видели спасения, кроме как в бегстве, и поспешно сели на борт венецианских кораблей.

Тем временем Иоаннис продолжал преследование побежденной армии. Греки, объединившись с болгарами, захватили все провинции и не давали латинянам покоя. Среди бедствий, о которых современная история оставила нам печальные свидетельства, нельзя забывать о массовом убийстве двадцати тысяч армян. Эта многочисленная колония покинула берега Евфрата и поселилась в провинции Натолия. После завоевания Константинополя они объявили о своей поддержке латинян, а когда последние потерпели поражение и оказались под угрозой преследования со стороны греков, пересекли Босфор и последовали за Генрихом Гейнским, который шел на Адрианополь. Армяне взяли с собой свои стада и семьи; они везли в повозках все самое ценное, что у них было, и с большим трудом, пересекая горы Фракии, пытались не отставать от армии крестоносцев. Эти несчастные люди были застигнуты врасплох варварами и до последнего человека погибли под мечами безжалостного завоевателя.

Франки оплакивали поражение и гибель армян, не имея возможности отомстить за них; у них не было ничего, кроме врагов, на всей территории обширных провинций империи. За Босфором они сохранили только замок Пегес, а на европейской стороне — только Родосто и Селимбрию. Их завоевания в древней Греции еще не были под угрозой со стороны болгар, но эти отдаленные владения только разделили их силы. Генрих Геннегауский, принявший титул регента, проявил необычайную доблесть, пытаясь отвоевать некоторые города Фракии, и потерял в различных сражениях большое количество воинов, оставшихся под его знаменами.

Епископ Суассона и некоторые другие крестоносцы, пользующиеся доверием своих несчастных соратников, были отправлены в Италию, Францию и графство Фландрия, чтобы просить помощи у рыцарей и баронов, но ожидаемая помощь прибывала медленно, а враг продолжал быстро продвигаться вперед. Армия болгар, подобно сильной буре, наступала со всех сторон; она опустошила берега Геллеспонта, распространила свои разорения на королевство Фессалоники, перешла гору Эмус и вернулась, более многочисленная и грозная, чем когда-либо, к берегам Эвра. Латинская империя не имела других защитников, кроме нескольких воинов, разбросанных по разным городам и крепостям, и с каждым днем войны и дезертирства уменьшали число и силу несчастных завоевателей Византии. Пятьсот рыцарей, отборные воины армии крестоносцев, были атакованы у стен Рузиума и изрезаны на куски бесчисленным множеством болгар и команов.^[82] Это поражение было не менее фатальным, чем битва при Адрианополе; орды с горы Эмус и из Борисгена сеяли ужас повсюду. На их пути страна была охвачена пламенем, а города не могли служить ни убежищем, ни средством защиты. Земля была покрыта солдатами, которые убивали всех, кто попадался им на пути; море было покрыто пиратами, которые угрожали своим разбоем каждому побережью. Константинополь каждый день ожидал увидеть под своими стенами знамена победоносного Иоанниса и обязан своей безопасностью только чрезмерным злом, которое опустошило все провинции империи.

Царь болгар не щадил своих союзников не больше, чем врагов; он сжигал и разрушал все города, которые попадали в его руки. Он губил жителей, тащил их в своем обозе как пленников и подвергал их, помимо бедствий войны, всем издевательствам ревливой и варварской тирании. Греки, которые просили его о помощи, в конце концов были

вынуждены умолять латинян о помощи против неумолимой ярости своих союзников. Крестоносцы с радостью приняли союз с греками, которых они никогда не должны были отвергать, и вновь вошли в Адрианополь. Дидиматика и большинство городов Румынии сбросили невыносимое иго болгар и подчинились латинянам. Греки, которых Иоаннис довел до отчаяния, проявили некоторую храбрость и стали полезными помощниками латинянам; и новая империя могла бы надеяться на возвращение дней процветания и славы, если бы столько бедствий можно было исправить несколькими мимолетными успехами. Но все провинции были усыпаны руинами, а города и деревни опустели. Орды с горы Эмус, будь то победители или побежденные, по-прежнему продолжали свои грабительские набеги. Они легко восстанавливали свои потери, а потери франков с каждым днем становились все более непоправимыми. Вождь болгар повсюду искал врагов новой империи и, будучи покинут греками Румынии, заключил союз с Ласкарисом, непримиримым врагом латинян.

Папа тщетно призывал народы Франции и Италии взяться за оружие, чтобы помочь завоевателям Византии; он не мог пробудить их энтузиазм по поводу дела, которое не сулило его защитникам ничего, кроме неминуемых бедствий и опасностей без славы.

СУДЬБА БАЛДУИНА

Среди опасностей, которые продолжали множиться, крестоносцы оставались в полном неведении о судьбе Болдуина; иногда говорили, что он разорвал свои узы и был замечен бродящим по лесам Сербии; иногда — что он умер от горя в тюрьме; иногда — что он был убит во время банкета королем болгар; что его изуродованные члены были выброшены на скалы, а его череп, заключенный в золото, служил чашей для его варварского завоевателя. Среди романтических рассказов, которые ходили о Болдуине, нельзя не упомянуть следующий: император содержался в строгом заключении в Теренове, где жена Иоанниса отчаянно влюбилась в него и предложила ему бежать с ней. Болдуин отверг это предложение, и жена Иоанниса, раздраженная его презрением и отказом, обвинила его перед мужем в прелюбодеянии. Жестокий Иоаннис приказал убить своего несчастного пленника во время банкета, а его тело бросить на скалы, где оно стало добычей стервятников и диких зверей. Но люди не могли поверить, что он мертв. Один отшельник уединился в лесу Глансон, на стороне Эно, и жители окрестностей убедились, что этот отшельник был граф Болдуин. Сначала отшельник отвечал откровенно и отказывался от почестей, которые они хотели оказать ему. Они настаивали, и в конце концов он был вынужден сыграть свою роль и выдать себя за Болдуина. Сначала у него было много сторонников, но король Франции Людовик VIII пригласил его ко двору, где он был сбит с толку задаваемыми ему вопросами: он бежал, но был арестован в Бургундии Эраром де Шастенаем, бургундским дворянином, чья семья существует до сих пор. Жанна, графиня Фландрская, приказала повесить самозванца на большой площади в Лизле.^e Несколько послов, посланных Генрихом Геннегауским, путешествовали по городам Болгарии, чтобы узнать о судьбе Бодуэна, но вернулись в Константинополь, не сумев ничего выяснить. Через год после битвы при Адрианополе папа, по просьбе крестоносцев, убедил Иоанниса вернуть латинянам Византии главу их новой империи. Царь болгар ограничился ответом, что Бодуэн умер естественной смертью и что его спасение больше не в силах смертных.^[83] Этот ответ разрушил все надежды снова увидеть плененного монарха, и латиняне больше не сомневались в смерти своего императора.

Генрих Геннегауский принял печальное наследие своего брата со слезами и глубоким сожалением и унаследовал империю в атмосфере всеобщего траура и скорби. В довершение несчастий латиняне должны были оплакивать потерю Дандоло, который закончил свою славную карьеру в Константинополе и в последний раз, наверное, увидел быстрый упадок империи, которую он основал. Большая часть крестоносцев либо погибла в бою, либо вернулась на Запад.^d

ГЕНРИХ ГАЙНОЛЬСКИЙ

Во всех цивилизованных военных конфликтах заключается договор об обмене пленными за выкуп; и если их пленение затягивается, их состояние становится известным, и с ними обращаются в соответствии с их рангом, с гуманностью и честью. Но дикие болгары не знали законов войны; их тюрьмы были погружены в темноту и тишину; и прошло более года, прежде чем латиняне смогли убедиться в смерти Болдуина, прежде чем его брат, регент Генрих, согласился принять титул императора. Его умеренность была встречена греками как акт редкой и неповторимой добродетели. Их легкомысленная и вероломная амбиция стремилась захватить или предвосхитить момент вакансии, в то время как закон о

престолонаследии, защитник как принца, так и народа, постепенно определялся и утверждался в наследственных монархиях Европы.

В поддержке Восточной империи Генрих постепенно остался без союзников, поскольку герои крестовых походов ушли из мира или из войны. Дож Венеции, достопочтенный Дандоло, в полноте лет и славы, ушел в могилу. Маркиз Монферрат был постепенно отозван из Пелопоннесской войны для мести Болдуину и защиты Салоник. Некоторые приятные споры о феодальной верности и службе были урегулированы в личной беседе между императором и королем: их прочно объединяли взаимное уважение и общая опасность; их союз был скреплен браком Генриха с дочерью итальянского принца. Вскоре он оплакивал потерю своего друга и отца.

По убеждению некоторых верных греков, Бонифаций совершил смелое и успешное вторжение в горы Родопы; болгары бежали при его приближении, но собрались, чтобы преследовать его отступление. Узнав, что его тыл подвергся нападению, не дожидаясь никакой защитной брони, он вскочил на лошадь, опустил копье и прогнал врагов перед собой; но в опрометчивом преследовании он был смертельно ранен; и голова короля Фессалоник была представлена Иоаннису, который наслаждался почестями победы, не имея в этом никаких заслуг. Именно здесь, при этом печальном событии, перо или голос Жоффруа де Вильардуэна, кажется, умолкают или угасают; и если он все еще исполнял свои военные обязанности маршала Румынии, то его последующие подвиги погребены в забвении.^[84]

Характер Генриха был не хуже его сложной ситуации: во время осады Константинополя и за Геллеспонтон он заслужил славу доблестного рыцаря и умелого полководца; его мужество сочеталось с осторожностью и мягкостью, неизвестными его импульсивному брату. В двойной войне против греков Азии и болгар Европы он всегда был в авангарде на корабле или на лошади; и хотя он осторожно обеспечивал успех своих войск, его пример часто воодушевлял унылых латинян спасти и поддержать своего бесстрашного императора. Но такие усилия, а также некоторые поставки людей и денег из Франции были менее эффективны, чем ошибки, жестокость и смерть их самого грозного противника. Когда отчаяние греческих подданных привело к тому, что они пригласили Иоанниса в качестве своего освободителя, они надеялись, что он защитит их свободу и примет их законы; вскоре они научились сравнивать степени жестокости народов и проклинать дикого завоевателя, который больше не скрывал своего намерения обезлюдить Фракию, разрушить города и переселить жителей за Дунай. Многие города и деревни Фракии были уже эвакуированы; гряда руин отмечала место, где раньше стоял Филиппополь, и первые зачинщики восстания ожидали подобной беды для Демотики и Адрианополя. Они подняли крик скорби и раскаяния перед тронем Генриха; только император проявил великодушие, простив их и доверившись им. Под его знаменем удалось собрать не более четырехсот рыцарей с их сержантами и лучниками, и с этой небольшой силой он сражался и отразил болгар, которые, помимо пехоты, имели в своем распоряжении сорок тысяч всадников. В этой экспедиции Генрих почувствовал разницу между враждебной и дружественной страной; оставшиеся города были сохранены его войсками, и дикари, с позором и потерями, были вынуждены отказаться от своей добычи.

Осада Фессалоник была последним из бедствий, которые Иоаннис причинил или перенес; он был заколот ночью в своей палатке; и генерал, возможно, убийца, который нашел его истекающим кровью, приписал этот удар, под всеобщие аплодисменты, копьё святого Димитрия.

После нескольких побед благоразумный Генрих заключил почетный мир с преемником тирана и с греческими князьями Никеи и Эпира. Хотя он уступил некоторые спорные территории, для себя и своих вассалов он сохранил обширное королевство, и его правление, длившееся всего десять лет, принесло короткий период процветания и мира. Находясь далеко выше узкой политики Балдуина и Бонифация, он свободно доверял грекам самые важные должности в государстве и армии; и эта либеральность в чувствах и действиях была тем более своевременной, что князья Никеи и Эпира уже научились соблазнять и использовать наемную доблесть латинян. Целью Генриха было объединить и вознаградить своих заслуженных подданных всех наций и языков, но он казался менее заинтересованным в осуществлении невыполнимого объединения двух церквей.

Шлем X и XI веков

Пелагий, легат папы, действовавший как суверен Константинополя, запретил греческое богослужение и строго ввел уплату десятины, двойное шествие Святого Духа и слепое повиновение римскому понтифику. Как более слабая сторона, они апеллировали к долгу совести и умоляли о праве на терпимость: «Наши тела, — говорили они, — принадлежат Цезарю, но наши души принадлежат только Богу». Преследование было остановлено благодаря твердости императора; и если мы можем верить, что этот же принц был отравлен самими греками, то мы должны с презрением относиться к чувству благодарности в человечестве. Его доблесть была обычным качеством, которым он обладал наравне с десятью тысячами рыцарей, но Генрих обладал исключительной смелостью, чтобы в век суеверий противостоять гордости и алчности духовенства. В соборе Святой Софии он осмелился поставить свой трон по правую руку от патриарха, и эта смелость вызвала резкую критику со стороны папы Иннокентия III. Своим благотворным указом, одним из первых примеров законов о неотчуждаемости, он запретил отчуждение феодалов (); многие латиняне, желая вернуться в Европу, передали свои поместья церкви в обмен на духовную или мирскую награду; эти святые земли были немедленно освобождены от военной службы, и колония солдат постепенно превратилась бы в коллегия священников.

Добродетельный Генрих умер в Салониках (1216 г.), защищая это королевство и младенца, сына своего друга Бонифация. С первыми двумя императорами Константинополя мужская линия графов Фландрии прервалась.⁴

ПЬЕР ДЕ КУРТЕНАИ И РОБЕРТ НАМЮРСКИЙ

[1216-1228 гг.]

У Бодуэна и Генриха была сестра по имени Иоланда, замужем за Пьером де Куртене, графом Осера. Последний был избран императором. Он находился тогда во Франции и поспешил собрать армию. Он посетил Гонория III в Риме, отплыл в Дураццо и оттуда последовал по Эгнатийской дороге. Подвергшись нападению эпиротов в ущельях Эльбассана, его армия была уничтожена; папский легат погиб; император был взят в плен и, без сомнения, умер в плену.

Он оставил на Западе десять детей, старшим из которых был Филипп Намюрский. Его жена, императрица, прибыла по морю в Константинополь, где у нее родился маленький сын, впоследствии ставший Балдуином II. Она взяла на себя регентство за Филиппа Намюрского, возобновила договоры с императором Никейским, вышла замуж за его падчерицу и умерла в 1219 году. Филипп Намюрский отказался покинуть свое графство Маас, и тогда был избран его младший брат Роберт.

Его правление ознаменовало быстрый упадок империи. Все вожди Первого крестового похода — Бодуэн, Генрих Фландрский, Бонифаций Монферратский, Луи де Блуа, Дандоло и Вильярдун — были мертвы. Число латинских воинов неуклонно сокращалось в результате сражений или возвращения на Запад, и не пополнялось новыми прибывшими. Роберт выдал одну из своих сестер замуж за короля Андрея Венгерского, другую — за Жоффруа Ахайского, а третью — за императора Никеи. Одна из его племянниц вышла замуж за Иоанна Асана II Болгарского; он сам собирался жениться на дочери Ласкариса. Но эти семейные союзы не принесли ему ни власти, ни безопасности.

Деспот Эпира Феодор, который не переставал отнимать земли у латинян, воспользовался тем, что салоникский король уехал на Запад за помощью, чтобы напасть на его столицу и завершить завоевание его провинций (1222). Так погибло лангобардское королевство Салоники.

В Никее Иоанн Ватац, преемник Ласкариса, возобновил войну против французов, нанес им кровопролитное поражение при Пемане (1224) и завоевал почти всю Фракию. У греков теперь было два императора, не считая того, что находился в Трапезунде, поскольку деспот Эпира был коронован архиепископом Охридским в Фессалониках. Войска этих двух императоров, отныне ставших врагами, двинулись каждая своим путем к Адрианополю. Город сначала сдался никейским войскам, затем изгнал их и открыл ворота войскам Эпира. Роберт не мог даже вмешаться в борьбу, и ему оставалось только ждать, какая из двух греческих армий первая войдет в Византий. В его собственном дворе кровавая драма показала, насколько мало уважалась и насколько слаба была суверенная власть. Роберт был очень влюблен в молодую даму из Неввиля, уже обрученную с бургундским кавалеристом; и мать согласилась расторгнуть первую помолвку. Отвергнутый кавалер собрал своих родственников и друзей и ночью ворвался во дворец. Он отрезал нос и губы молодой девушке и бросил ее мать в Босфор. Роберт не смог добиться от своих баронов возмездия за это жестокое оскорбление. Он отправился за помощью на Запад и умер в пути (1228).^c

ЖАН ДЕ БРИЕН

[1228-1237 гг. н.э.]

Только в эпоху рыцарства доблесть могла поднять человека из простого сословия на престолы Иерусалима и Константинополя. Титульное королевство Иерусалим перешло к Марии, дочери Изабеллы и Конрада Монферратского и внучке Альмерика или Амори. Она была отдана замуж за Жана де Бриенна, представителя знатной семьи из Шампани, по общему решению и приговору Филиппа Августа, который назвал его самым достойным защитником Святой Земли. Во время Пятого крестового похода он возглавил сто тысяч латинян в завоевании Египта; благодаря ему была взята Дамьетта, а последующий провал был справедливо приписан гордости и алчности легата. После брака своей дочери с Фридрихом II он был спровоцирован неблагодарностью императора принять командование армией церкви; и хотя он был уже в преклонном возрасте и лишен королевской власти, меч и дух Жана де Бриенна по-прежнему были готовы служить христианскому миру.

За семь лет правления своего брата Бодуэн де Куртэнэ не вышел из детского возраста, и бароны Румынии почувствовали острую необходимость передать скипетр в руки мужчины и героя. Ветеран, король Иерусалима, мог бы пренебречь титулом и должностью регента; они согласились наделить его пожизненным титулом и прерогативами императора при единственном условии, что Бодуэн женится на его второй дочери и в зрелом возрасте унаследует трон Константинополя. Ожидания как греков, так и латинян были возбуждены славой, выбором и присутствием Иоанна де Бриенна; они восхищались его воинственным видом, его зеленым и энергичным возрастом более восьмидесяти лет, а также его размерами и ростом, которые превосходили обычные меры человечества.

Но, по-видимому, алчность и любовь к покою охладили его любовь к предприятиям; его войска были распущены, и прошло два года без действий и славы, пока его не пробудил опасный союз Ватацеса, императора Никеи, и Асана, короля Болгарии. Они осадили Константинополь с моря и суши, с армией в сто тысяч человек и флотом из трехсот военных кораблей, в то время как все силы латинского императора сократились до 160 рыцарей и небольшого числа сержантов и лучников. Вместо того чтобы защищать город, герой совершил вылазку во главе своей кавалерии; и из сорока восьми эскадронов врага не более трех ускользнули от его непобедимого меча. Вдохновленные его примером, пехота и горожане взошли на корабли, стоявших на якоре у стен, и двадцать пять из них были торжественно введены в гавань Константинополя. По призыву императора вассалы и союзники, вооружившись для его защиты, преодолели все препятствия, мешавшие их проходу, и в следующем году одержали вторую победу над теми же врагами. Грубые поэты той эпохи сравнивают Жана де Бриенна с Гектором, Роландом и Иудой Маккавеем, но их авторитет и его слава несколько умяются молчанием греков. Империя вскоре лишилась последнего из своих чемпионов, а умирающий монарх стремился войти в рай в одежде францисканского монаха (1237).

БАЛДУИН II

[1237-1261 гг. н.э.]

В двойной победе Жана де Бриенна мы не можем обнаружить имя или подвиги его ученика Болдуина, который достиг возраста военной службы и унаследовал императорский титул после смерти своего приемного отца. Королевский юноша был занят делом, более подходящим его характеру: его послали посетить западные дворы, в частности, папу римского и короля Франции, чтобы пробудить их сострадание видом его невинности и бедственного положения и получить некоторую помощь в виде людей или денег для спасения гибнущей империи. Он трижды повторял эти нищенские визиты, в ходе которых,

казалось, продлевал свое пребывание и откладывал возвращение; из двадцати пяти лет своего правления он провел больше времени за границей, чем дома, и нигде император не чувствовал себя менее свободным и безопасным, чем в своей родной стране и столице.

С помощью таких постыдных и губительных уловок он вернулся в Румынию с армией из тридцати тысяч солдат, число которых удвоилось в представлении греков. Но войска и сокровища Франции растаяли в его неумелых руках, а трон латинского императора был защищен бесчестным союзом с турками и команам. Чтобы обеспечить первый, он согласился отдать свою племянницу за неверующего султана Когни. Чтобы угодить последним, он подчинился их языческим обрядам; между двумя армиями была принесена в жертву собака, и договаривающиеся стороны попробовали кровь друг друга в знак верности. Во дворце, или тюрьме, Константинополя преемник Августа снес пустующие дома для зимнего топлива и снял свинец с церкви для ежедневных расходов своей семьи. Некоторые ростовщические ссуды были скупно погашены итальянскими купцами, а Филипп, его сын и наследник, был заложен в Венеции в качестве обеспечения долга. Жажда, голод и нагота — это явные беды, но богатство относительно, и принц, который был бы богат в частном положении, может подвергнуться всем тревогам и горестям бедности из-за роста своих потребностей.

ВЕНЕЦ ИЗ ТЕРНИЙ

Но в этом крайнем бедствии император и империя все еще обладали идеальным сокровищем, которое черпало свою фантастическую ценность из суеверий христианского мира. Ценность истинного креста была несколько умалена его частым разделением, а длительное пребывание в плену у неверных могло вызвать некоторые подозрения в отношении фрагментов, которые были найдены на Востоке и Западе. Но в императорской капелле Константинополя хранилась еще одна реликвия Страстей Христовых: терновый венец, который был возложен на голову Христа, был столь же ценен и подлинным. Раньше египетские должники обычно оставляли в залог мумии своих родителей, и их честь и религия были связаны с выкупом залога. Точно так же, в отсутствие императора, бароны Румынии заняли сумму в 13 134 золотых монеты [7000 фунтов стерлингов или 35 000 долларов] под залог святой короны.

Успех этой сделки побудил латинского императора с той же щедростью предложить оставшуюся часть убранства своей капеллы — большую и подлинную часть истинного креста; детское белье Сына Божьего; копье, губку и цепь его Страстей; жезл Моисея; и часть черепа Иоанна Крестителя. Для приема этих духовных сокровищ святой Людовик потратил двадцать тысяч марок на величественное основание, святую капеллу Парижа, которой муза Буало даровала комическое бессмертие. Истинность таких отдаленных и древних реликвий, которую невозможно доказать никаким человеческим свидетельством, должны признать те, кто верит в чудеса, которые они совершили.

ПРОГРЕСС ГРЕЧЕСКОГО НАРОДА (1237-1261 гг. н. э.)

[1237-1261 гг. н. э.]

КРЕСТОНОСЕЦ XIII ВЕКА

Латиняне Константинополя были окружены и прижаты со всех сторон: их единственной надеждой, последней отсрочкой их гибели, было разделение их греческих и болгарских врагов; и этой надежды они были лишены благодаря превосходству в вооружении и политике Ватацеса, императора Никеи. От Пропонтиды до скалистого побережья Памфилии Азия была мирной и процветающей под его правлением; и события каждой кампании расширяли его влияние в Европе. Крепкие города на холмах Македонии и Фракии были спасены от болгар; и их королевство было ограничено своими нынешними и надлежащими границами, вдоль южного берега Дуная. Единственный император римлян не мог больше терпеть, чтобы правитель Эпира, принц Комнинов Запада, осмеливался оспаривать или делить с ним почести пурпура; и скромный Деметрий сменил цвет своих башмаков и с благодарностью принял титул деспота. Его собственные подданные были возмущены его низостью и неспособностью; они умоляли о защите своего верховного повелителя.

После некоторого сопротивления королевство Фессалоники было присоединено к Никейской империи, и Ватац правил без соперников от турецких границ до Адриатического залива. Европейские князья чтили его заслуги и власть; и если бы он подписал православное вероисповедание, то, по-видимому, папа без колебаний отказался бы от латинского престола Константинополя. Но смерть Ватацеса, короткое и насыщенное правление его сына Феодора и беспомощное детство его внука Иоанна приостановили восстановление греков.

Молодой принц был угнетен амбициями своего опекуна и коллеги Михаила Палеолога, который проявлял добродетели и пороки, присущие основателю новой династии. Император Балдуин льстил себе надеждой, что он сможет вернуть некоторые провинции или города с помощью бессильных переговоров. Его послы были отправлены из Никии с насмешками и презрением. Пленение Вильярдуэна, князя Ахайи, лишило латинян самого активного и могущественного вассала их умирающей монархии. Республика Венеция и

Республика Генуя в первой из своих морских войн оспаривали господство на море и торговлю на Востоке. Гордость и интересы привязывали венецианцев к защите Константинополя; их соперники из Генуи () были склонны содействовать замыслам его врагов, а союз генуэзцев с раскольническим завоевателем вызвал возмущение латинской церкви.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ ВОЗВРАЩЕН ГРЕКАМИ (1261 г. н. э.)

[1261 г. н. э.]

Преследуя эту великую цель, император Михаил лично посетил и укрепил войска и укрепления Фракии. Остатки латинян были изгнаны из своих последних владений; он без успеха атаковал пригород Галата и вел переписку с вероломным бароном, который оказался не желающим или неспособным открыть ворота столицы. Следующей весной его любимый генерал Алексей Стратегопул, которого он удостоил титула цезаря, переправился через Геллеспонт с восемьюстами всадниками и небольшим отрядом пехоты в секретной экспедиции. Слабость Константинополя, а также страдания и ужас латинян были хорошо известны добровольцам, и они считали, что наступил самый благоприятный момент для внезапного нападения и завоевания. Опрометчивый молодой человек, новый правитель венецианской колонии, отплыл с тридцатью галерами и лучшими французскими рыцарями в безумную экспедицию в Дафнузию, город на Черном море, расположенный на расстоянии сорока лиг; а оставшиеся латиняне были без сил и не подозревали ничего. Им сообщили, что Алексей переправился через Геллеспонт, но их опасения были успокоены небольшим числом его войск, и они по неосторожности не следили за последующим увеличением его армии. Если он оставил основные силы для поддержки своих операций, то мог незаметно продвигаться ночью с отборным отрядом. Едва Алексей переступил порог Золотых ворот, как он задрожал от собственной опрометчивости; он остановился, он раздумывал, пока отчаянные добровольцы не подтолкнули его вперед, заверив, что в отступлении заключается величайшая и неизбежная опасность. Пока цезарь держал своих регулярных войск в строгом порядке, простолюдины рассеялись по всем сторонам; прозвучал сигнал тревоги, и угрозы пожара и грабежа заставили горожан принять решительное решение. Греки Константинополя вспомнили о своих родных правителях, генуэзские купцы — о своем недавнем союзе и венецианских врагах; все кварталы были вооружены, и в воздухе раздавались всеобщие возгласы: «Да здравствуют и победа Михаилу и Иоанну, августейшим императорам римлян!».

Их соперник, Балдуин, пробудился от шума, но даже самая насущная опасность не побудила его обнажить меч в защиту города, который он покинул, возможно, с большим удовольствием, чем сожалением. Константинополь был безвозвратно потерян, но латинский император и главные семьи сели на венецианские галеры и направились к острову Эвбея, а затем к Италии, где беглый король был принят папой и королем Сицилии с смесью презрения и жалости.

С момента потери Константинополя до своей смерти он потратил тринадцать лет, убеждая католические державы присоединиться к его восстановлению; этот урок был ему знаком с юности, и его последнее изгнание не было более бедным или постыдным, чем его три предыдущих паломничества ко дворам Европы. Его сын Филипп был наследником идеальной империи, а притязания его дочери Екатерины были перенесены на ее брак с Карлом Валуа, братом Филиппа IV Красивого, короля Франции. Дом Куртен был представлен по женской линии последовательными союзами, пока титул императора Константинополя,

слишком громоздкий и звучный для частного имени, скромно не исчез в тишине и забвении.

^f

СЛЕДЫ, ОСТАВЛЕННЫЕ ФРАНКСКИМ ГОСУДАРСТВОМ В ГРЕЧЕСКОЙ ИМПЕРИИ

Крестоносцы смогли уничтожить византийскую монархию, но не смогли восстановить ее с выгодой для себя. Им пришлось сражаться не только с греками, но и со всеми народами, которым они помогли освободиться. Фактически, их господство только пробудило и укрепило греческий патриотизм. «Они сделали много хорошего для Византии, как для эллинизма, так и для религии; социальные различия были упразднены» (Сатас) — если не упразднены, то, во всяком случае, изменены.

В странах, которые латиняне удерживали дольше всего, как в Морее, произошло некоторое слияние между завоевателями и завоеванными. Никетас, Акрополит, Пахимеры дали название «*гасмули*» креольскому потомству двух рас. Французские династии Афин и Морей склонялись к эллинизму; князья изучали язык своих подданных. Греческие стратиоты и французские кавалеры рассматривались как равные; они уважали *проноиаи* эллинских городов как привилегированных и освобожденных от латинских общин. Был великий *логофет* и протоофицер Ахайи, как был великий стюард (*сенешаль*) Румынии. Во французских школах греки заново узнали значение гражданской свободы и достоинства воина-землевладельца.^c

Теперь необходимо оглянуться назад на подъем той греческой державы, которая так эффективно восстановилась после ухода в 1204 году Феодора Ласкариса и основания им королевства в Никее.^a

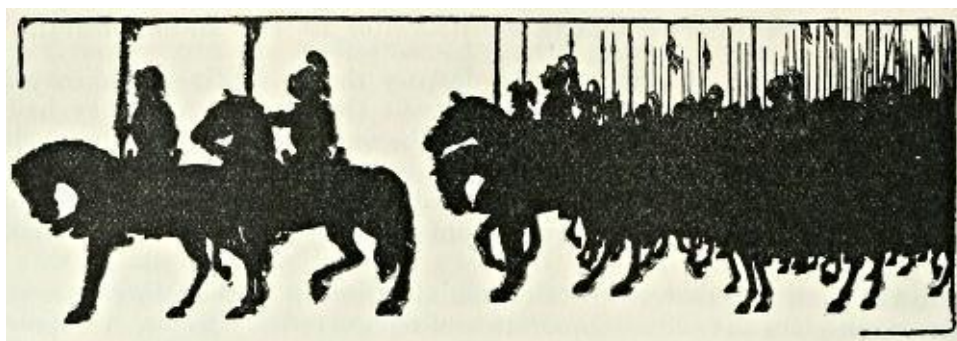
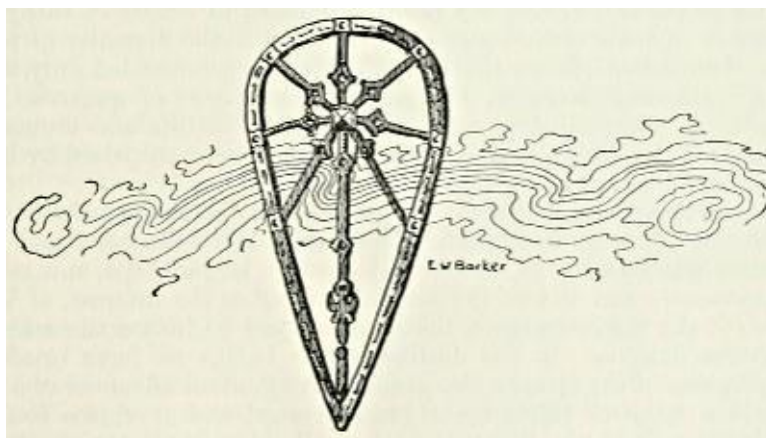
СНОСКИ

[81] В одном из изданий Вильярдуэна^b сумма добычи в Константинополе составляет 500 000 серебряных марок, что эквивалентно 24 000 000 франков; если мы добавим к этой сумме 50 000 марок, причитающихся венецианцам и вычтенных до раздела, а также долю, которую они получили в самом разделе, то получим общую сумму добычи в 50 400 000 франков [около 2 100 000 фунтов стерлингов или 10 500 000 долларов]. Столько же, по словам современного историка, который предоставил нам эту записку, было, возможно, тайно присвоено отдельными лицами. Три пожара, которые уничтожили более половины города, уничтожили по крайней мере столько же его богатств, и в разгуле, последовавшем за грабежом, самые ценные вещи потеряли столько своей стоимости, что выгода латинян, вероятно, не равнялась и четверти того, во что они обошлись грекам. Таким образом, можно предположить, что до нападения в Константинополе находилось богатств на сумму 600 000 000 франков [25 000 000 фунтов стерлингов или 125 000 000 долларов].

[82] [Гиббон^f оценивает убытки в 120 миллионов].

[83] [Лависс и Рамбо^c цитируют его слова: «Он погасил долг плоти, пока находился в тюрьме» (*debitum carnis exsolverat dum carcere teneretur*). Его две дочери унаследовали Фландрию и Эно.

[84] [Согласно Финлею^a, он «по-видимому, умер около 1218 года».]

ГЛАВА X ВОССТАНОВЛЕНИЕ ГРЕЧЕСКОЙ ИМПЕРИИ [1204-1391 гг. н. э.]

ФЕОДОР (I) ЛАСКАРИС И ИОАНН ВАТАЗ (1204-1254 гг. н. э.)

[1222-1259 гг. н. э.]

Потеря Константинополя в 1204 году на время придала грекам новых сил. Князья и дворяне были изгнаны из своих дворцов и вынуждены уйти в поле, а обломки падающей монархии были захвачены самыми энергичными или самыми умелыми кандидатами. В длинных и бесплодных страницах византийских анналов нелегко найти персонажей, равных Теодору Ласкарису и Иоанну Дуку Ватацесу, которые восстановили и укрепили римское знамя в Никее в Вифинии. Различия в их добродетелях счастливо соответствовали разнообразию их положения. В своих первых попытках беглец Ласкарис командовал только тремя городами и двумя тысячами солдат; его правление было временем щедрого и активного отчаяния; в каждой военной операции он рисковал своей жизнью и короной; и его враги из Геллеспонта и Меандра были удивлены его быстротой и покорены его смелостью.

Восемнадцатилетнее победоносное правление расширило княжество Никея до размеров империи. Трон его преемника и зятя Ватацеса был основан на более прочной основе, имел более широкий охват и более богатые ресурсы; и характер Ватацеса, а также его интересы, заключались в том, чтобы рассчитывать риск, ждать подходящего момента и обеспечивать успех своих амбициозных замыслов. В разделе, посвященном упадку латинян, мы кратко изложили прогресс греков, осторожные и постепенные успехи завоевателя, который за тридцать три года правления освободил провинции от национальных и иностранных узурпаторов, пока не подступил со всех сторон к имперской столице — безлистному и безжизненному стволу, который должен был упасть от первого удара топора.

Но его внутренняя и мирная администрация заслуживает еще большего внимания и похвалы. Бедствия того времени истощили численность и богатство греков; мотивы и средства ведения сельского хозяйства были искоренены, а самые плодородные земли остались без возделывания и жителей. Часть этой пустующей собственности была занята и улучшена по приказу и в интересах императора; сильная рука и бдительный глаз, подкрепленные умелым управлением, заменили и превзошли кропотливый труд частного фермера. Королевские владения стали садом и житницей Азии (), и, не обнищав народ, правитель приобрел фонд невинного и продуктивного богатства. Его первой женой была Ирина, дочь Феодора Ласкариса, женщина, более известная своими личными достоинствами, мягкими добродетелями своего пола, чем кровью Ангелов и Комнинов, которая текла в ее жилах и передавала наследство империи. После ее смерти он заключил брак с Анной, или Констанцей, внебрачной дочерью императора Фридриха II; но поскольку невеста еще не достигла половой зрелости, Ватац поместил в свою одинокую постель итальянскую девушку из ее свиты, и его любовная слабость удостоила наложницу почестей, хотя и не титула, законной императрицы. Рабы латинян, не имевшие ни закона, ни мира, приветствовали счастье своих братьев, которые восстановили свою национальную свободу; а Ватац использовал похвальное политическое решение, убедив греков всех владений, что в их интересах вступить в число его подданных.

ФЕОДОР (II) ЛАСКАРИС И ИОАНН (IV) ЛАСКАРИС (1254-1259 гг. н. э.)

Между Иоанном Ватацесом и его сыном Феодором прослеживается явная тенденция к дегенерации. Тем не менее, характер Феодора не был лишен энергии; он получил образование в школе своего отца, обучаясь военному делу и охоте. Константинополь пока оставался в покое, но за три года своего короткого правления он трижды вел свои войска в самое сердце Болгарии. Его достоинства были омрачены вспыльчивым и подозрительным характером. Жестокость императора усугублялась муками болезни, приближением преждевременной кончины и подозрениями в отравлении и колдовстве. Жизни и состояния, глаза и конечности его родственников и дворян приносились в жертву каждому всплеску его страстей. В последние часы своей жизни император выразил желание простить и быть прощенным, справедливую тревогу за судьбу своего сына и преемника Иоанна, который в возрасте восьми лет был обречен на опасности долгого несовершеннолетия. В последний раз он доверил должность опекуна святости патриарха Арсения и мужеству Георгия Музалона, великого вельможи, который в равной степени отличался королевской милостью и общественной ненавистью. Священные обряды были прерваны мятежом стражи. Музалон, его братья и сторонники были убиты у подножия алтаря, а отсутствующий патриарх был связан с новым коллегой, Михаилом Палеологом, самым знатным по рождению и заслугам из греческих вельмож.

Михаил (VIII) Палеолог (1259-1282 гг. н. э.)

Уже в середине XI века благородный род Палеологов занимал видное место в византийской истории. Именно доблестный Георгий Палеолог возвел на престол отца Комнинов, а его родственники и потомки из поколения в поколение продолжали возглавлять армию и государственные советы. В юности Михаил был повышен до должности констебля, или командира французских наемников; его личные расходы за день никогда не превышали трех золотых монет, но его амбиции были безграничны, а его дары удваивались благодаря его обходительности и хорошим манерам. Любовь солдат и народа вызывала зависть двора; и Михаил трижды избежал опасностей, в которые он попал по своей неосторожности или по неосторожности своих друзей.

[1251-1258 гг. н. э.]

При правлении Юстиции и Ватацеса между двумя офицерами возник спор, один из которых обвинил другого в поддержании наследственного права Палеологов. Дело было решено, в соответствии с новой юриспруденцией латинян, в единоборстве: ответчик был повержен, но он продолжал настаивать, что виновен только он сам и что он произнес эти опрометчивые или изменнические речи без одобрения или ведома своего покровителя.

Тем не менее, над невиновностью констебля висело облако подозрений; его по-прежнему преследовали злобные шепотки; и хитрый придворный, архиепископ Филадельфии, убеждал его принять суд Божий в виде огненного испытания. За три дня до суда руку пациента поместили в мешок и запечатали королевской печатью; он должен был три раза перенести раскаленный железный шар от алтаря до перил святилища, без ухищрений и без травм.

Палеолог уклонился от опасного эксперимента с помощью здравого смысла и юмора. «Я солдат, — сказал он, — и смело вступлю в схватку со своими обвинителями, но мирянин, грешник, как и я, не наделен даром чудотворения. Ваша благочестивость, святейший прелат, может заслуживать вмешательства небес, и из ваших рук я приму раскаленный шар, залог моей невиновности». Архиепископ вздрогнул, император улыбнулся, и отпущение грехов или прощение Михаила было одобрено новыми наградами и новыми услугами.

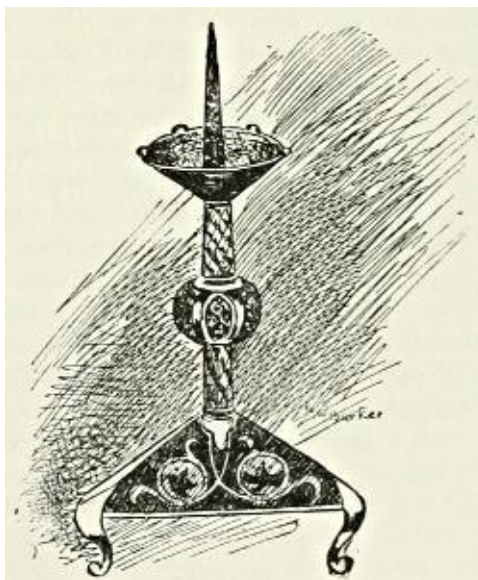
Во время следующего правления, когда он управлял Никеей, ему тайно сообщили, что ум отсутствующего принца отравлен ревностью и что смерть или слепота будут его окончательной наградой. Вместо того чтобы дожидаться возвращения и приговора Феодора, констебль с несколькими последователями бежал из города и империи; и хотя он был ограблен туркменами из пустыни, он нашел гостеприимное убежище при дворе султана. В неоднозначном положении изгнанника Михаил примирил обязанности благодарности и лояльности, обнажив меч против татар, предупреждая гарнизоны римской границы и способствуя своим влиянием восстановлению мира, в котором его помилование и возвращение были достойно включены.

В то время как он защищал Запад от деспота Эпира, Михаил снова был заподозрен и осужден на заключение во дворце; и таковы были его верность и слабость, что он подчинился и позволил вести себя в цепях более шестисот миль от Дураццо до Никеи. Вежливость посланника смягчила его позор; болезнь императора развеяла опасность; и последний вздох Феодора (), который рекомендовал своего младенца-сына, сразу же подтвердил невиновность и власть Палеолога.

Но его невиновность была слишком недостойно обработана, а его власть была слишком сильно ощутима, чтобы сдержать амбициозного подданного на поле, открывшемся для его амбиций. На совете после смерти Феодора он был первым, кто произнес, и последним, кто нарушил клятву верности Музалону; и его поведение было настолько ловким, что он пожнал плоды, не навлекая на себя вины или, по крайней мере, упреков за последующую резню. При выборе регента он уравнивал интересы и страсти кандидатов, обратив их зависть и ненависть друг к другу; и заставил каждого конкурента признать, что после его собственных претензий, претензии Палеолога были наиболее заслуживающими предпочтения.

Под титулом великого князя он принял или взял на себя в течение долгого периода несовершеннолетия активные полномочия правительства; патриарх был почтенным именем, а раздробленные дворяне были соблазнены или угнетены его гением. Плоды экономии Ватацеса были помещены в крепость « » на берегу Эрмаса под охраной верных варягов; констебль сохранил свое командование или влияние над иностранными войсками. Он использовал стражу для охраны сокровищ, а сокровища — для подкупа стражи; и каким бы ни было злоупотребление государственными деньгами, его характер был выше подозрений в личной алчности. Сам или через своих посланников он стремился убедить всех подданных, что их собственное процветание будет расти пропорционально укреплению его власти. Было отменено бремя налогов, вечная тема народных жалоб, и он запретил испытания и судебные поединки. В интересах князя и народа, без каких-либо корыстных целей для себя или своей семьи, великий князь согласился охранять и обучать сына Феодора. Впоследствии было решено, что Иоанн и Михаил будут провозглашены совместными императорами и подняты на щит, но превосходство будет закреплено за первым по праву рождения.

МИХАИЛ ПАЛЕОЛОГ КРОНОВАН ИМПЕРАТОРОМ (1259 г. н. э.)

СВЕЧНИК XII ВЕКА

Палеолог был доволен, но в день коронации в соборе Никеи его ревностные сторонники самым горячим образом настаивали на справедливом приоритете его возраста и заслуг. Неуместный спор был обойден путем переноса коронации Иоанна Ласкариса на более

подходящий момент; и он шел с легкой диадемой в свите своего опекуна, который единственный получил императорскую корону из рук патриарха. Благодарный Палеолог раздал своим друзьям полный урожай почестей и должностей. В своей семье он создал одного деспота и двух себастократоров; Алексей Стратегопул был удостоен титула цезаря, и этот ветеран-полководец вскоре оплатил за эту милость, вернув Константинополь, как мы уже видели, греческому императору.

[1261-1282 гг. н. э.]

Это было во второй год его правления, когда он проживал во дворце и садах Нимфея, недалеко от Смирны, что в глубокой ночи прибыл первый гонец; и потрясающая весть была сообщена Михаилу после того, как его нежно разбудила его сестра Эулогия. Человек был неизвестен или малоизвестен: он не принес никаких писем от победоносного цезаря; кроме того, после поражения Ватацеса и недавнего провала самого Палеолога было трудно поверить, что столица была захвачена отрядом из восьмисот солдат. В качестве заложника сомнительный автор был заключен под стражу с обещанием смерти или щедрого вознаграждения; и двор несколько часов пребывал в тревожном ожидании, полном надежды и страха, пока не прибыли гонцы Алексея с достоверной вестью и не продемонстрировали трофеи завоевания — меч и скипетр, сапоги и шапку узурпатора Болдуина, которые он уронил в спешном бегстве.^[85]

ВОЗВРАЩЕНИЕ И ПРАВЛЕНИЕ ГРЕЧЕСКОГО ИМПЕРАТОРА

Нетерпение князя и народа было столь велико, что Михаил торжественно въехал в Константинополь всего через двадцать дней после изгнания латинян. Золотые ворота были распахнуты при его приближении; набожный завоеватель спешил с лошади, и перед ним понесли чудотворный образ Марии-Проводницы, чтобы божественная Дева лично явилась и провела его в храм своего Сына, собор Святой Софии. Но после первых порывов благочестия и гордости он вздохнул, увидев мрачную перспективу одиночества и разрухи. Дворец был осквернен дымом, грязью и грубой невоспитанностью франков; целые улицы были уничтожены огнем или разрушены временем; священные и светские здания были лишены своих украшений; и, как будто осознавая свое приближающееся изгнание, латиняне ограничились грабежом и разрушением. Торговля прекратилась под давлением анархии и бедствий, а число жителей уменьшилось вместе с богатством города.^b

Михаил VIII стремился стереть следы иностранного господства из столицы империи и исправить повреждения, нанесенные временем, но его планы были неразумны, а успех чрезвычайно ограничен. Он стремился стать вторым основателем города Константинополя, а также Восточной Римской империи. Знать его владений была приглашена поселиться в столице с помощью дарения земель и пенсий; торговцев привлекали монополии и привилегии. Богатство, которое следовало бы потратить на восстановление связи между разрозненными и разобщенными частями греческой нации, на ремонт дорог и мостов, было растрчено на строительство дворцов и украшение церквей в столице, где они больше не были нужны для сократившегося и обедневшего населения. Толпы императорских принцев и принцесс, деспотов и цезарей, государственных чиновников и придворных потребляли доходы, которые должны были покрывать расходы на укрепление границ неприступными крепостями, содержание дисциплинированной постоянной армии и хорошо обученного флота. Однако, растрчивая государственные доходы для удовлетворения своей гордости и

приобретения популярности, он пожертвовал общими интересами средних классов в пользу эгоистичной и хищнической финансовой политики.

Вся собственность в пределах стен Константинополя, принадлежавшая как грекам, так и латинянам, была присуждена императорскому правительству по праву завоевания; но их древние владения были возвращены великим семьям, чьей власти он боялся, и тем лицам, чьи услуги он хотел обеспечить. Участки под застройку затем сдавались гражданам в аренду за фиксированную плату; однако греческое правительство было настолько деспотичным, а Михаил настолько произвольным в своем управлении, что двенадцать лет спустя он притворился, что уступки, которые он сделал частным лицам, были лишь актом личной милости, и потребовал выплаты арендной платы за последние двенадцать лет, взыскание которой он осуществлял с большой строгостью. Михаил использовал и другие махинации, чтобы перевести имущество своих подданных в государственную казну или лишить их части денег, по праву причитающихся им от государства. Под предлогом изменения типа золотых монет и увековечения восстановления Константинополя путем отчеканивания изображения его стен на безанцах, он понизил стандарт монетного двора и выпустил монеты, содержащие только пятнадцать частей золота и девять частей сплава.

С одной стороны, он лишил подданных безопасности их собственности и обнищал их, а с другой — стремился другими мерами увеличить греческое население столицы, чтобы уравновесить богатство и влияние иностранных торговцев. Многие были привлечены с островов Архипелага, а колония тзаконцев или лаконов из Монемавасии и соседних районов была поселена в столице, которая снабжала императорский флот лучшими моряками. Но объектом заботы Михаила была не торговля, а война; и пока он стремился увеличить средства для набора своей армии и флота, он позволил генуэзцам воспользоваться своими политическими ошибками и стать хозяевами торговли на Черном море и большей части транспортной торговли Греческой империи. Тем временем были отремонтированы укрепления Константинополя, и когда Карл Анжуйский угрожал вторгнуться на Восток, к укреплениям со стороны суши была добавлена вторая линия стен, а уже существующие укрепления со стороны моря были укреплены.

Михаил VIII выполнил все условия договора, заключенного с генуэзцами. Государственная собственность Венецианской республики была конфискована, а генуэзцы получили во владение дворец, ранее занимаемый байли Венеции. Бурное поведение его союзников уже вызвало недовольство Михаила, а их поражение от венецианцев под Монемавасией и падение Бакканегры, который заключил договор в Нимфее в 1261 году, поставив у власти партию, противостоящую греческому союзу, заставили его усомниться в верности их услуг, и он уволил шестьдесят генуэзских галер, которые он взял на свою службу. Вскоре после этого Карл Анжуйский завоевал Неаполитанское королевство, и генуэзское правительство стало более заинтересованным в поддержании дружбы с ним, чем с греческим императором.

Характер и поведение Михаила VIII типично отражают дух греческого общества от восстановления Константинополя до падения империи. Они демонстрируют странное незнание ценности откровенности и честности в публичных делах, постоянную подозрительность по отношению к каждому другу, беспокойные интриги, направленные на обман каждого союзника, и колеблющуюся политику, направленную на примирение каждого могущественного врага. Результатом этой подозрительности, интриг и слабости стало то, что очень скоро никто не доверял ни императору, ни грекам. Вторжение в Италию Карла Анжуйского и претензии папы на распоряжение коронами () встревожили как Венецию, так и Михаила и побудили их забыть все прежние причины вражды и заключить более тесный союз, чем тот, который греческий император заключил с Генуей, которой он теперь объявил войну. Этот договор датирован июнем 1265 года, примерно за месяц до того,

как Карл Анжуйский получил от папы в Латеране корону Обеих Сицилий. Условия договора примечательны как с политической, так и с коммерческой точки зрения. Император обязался изгнать генуэзцев из Константинополя и не заключать с ними мир, кроме как по согласованию с республикой. Венецианцы обязались сдавать свои галеры в аренду императору для службы даже против папы, короля Франции и Карла Анжуйского, а также против республик Генуи, Пизы и Анконы и любого князя или общины, которые могли бы напасть на Греческую империю.

Наконец, в 1275 году император Михаил заключил новый союз с генуэзцами, но, чтобы они не превратили улицы Константинополя в место беспорядков, он обязал их основать свою факторию в Геракле на Пропонтиде. Несколько лет спустя им было разрешено перенести свое поселение в Галату, где они образовали колонию, которая вскоре лишила греков части их торговли в Черном море.

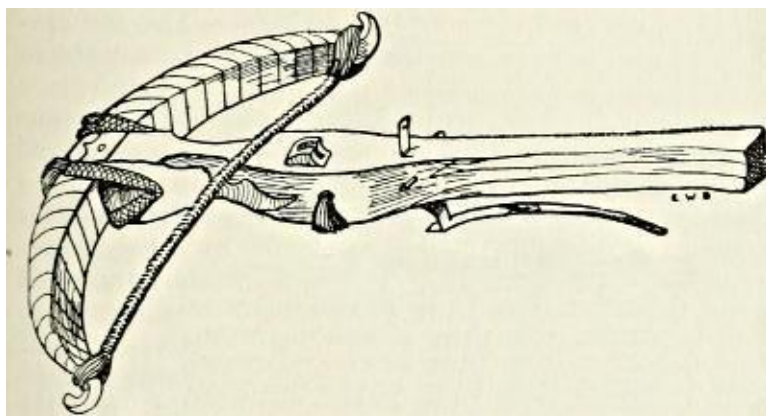
Болезненная амбиция Михаила Палеолога не была удовлетворена, пока он не стал единственным императором. Поэтому, вопреки многократным клятвам, которыми он поклялся уважать права своего подопечного, коллеги и суверена Иоанна IV, он воспользовался первым благоприятным моментом, чтобы свергнуть с престола несчастного мальчика, который был оставлен без внимания в Никее. В Рождество 1261 года агенты Михаила лишили Иоанна IV зрения, хотя ему еще не было и десяти лет, и объявили, что он лишился престола. Жестокий и вероломный император приказал замуровать его в крепости Дацибиза, где он оставался в заброшенном состоянии и почти забыт в течение двадцати восьми лет, пока его одиночество не было нарушено Андроником, фанатичным сыном лицемерного Михаила. Совесть фанатика не давала ему покоя из-за преступлений его отца, плодами которых он наслаждался; поэтому несколькими любезными словами он легко убедил свою заключенную жертву сделать то, что ложно называлось добровольной отказом от всех его прав на императорскую корону. Злые последствия этого преступления были глубоко ощутимы в империи, поскольку духовенство, дворянство и народ все участвовали в системе коррупции и хищений, с помощью которой Михаил VIII подготовил почву для своего узурпации. Нарушение всех чувств чести, патриотизма и добродетели было настолько несправедливым, что общественный характер греческой нации был унижен ее раболепством в этом случае; и чувства народа в провинциях на востоке, а также в Западной Европе, отомстили за несчастья Иоанна. Михаил Палеолог до сих пор считался смелым, откровенным и великодушным князем; отныне он показал себя трусливым, лицемерным и жестоким тираном.

Патриарх Арсений, который был одним из опекунов свергнутого императора, считал своим долгом протестовать против несправедливости и вероломства Михаила. Он созвал собрание прелатов, проживавших в Константинополе, и предложил, чтобы правящий император был отлучен от церкви синодом; но слишком многие из духовенства участвовали в интригах Михаила и наслаждались плодами своей покорности, чтобы такая мера встретила какую-либо поддержку. Поэтому Арсений, опираясь на свою власть как патриарх, запретил Михаилу участвовать во всех религиозных обрядах, но не осмелился произнести обычные слова, лишаящие его молитв правоверных. Греческая церковь при Палеологах была заражена тем же духом полумер и низкого двуличия, который характеризовал имперскую администрацию. Император принял смягченное осуждение церкви как справедливое и лицемерно попросил назначить ему покаяние. Получив таким образом разрешение, он рассчитывал, что общественное мнение сделает церковь соучастницей преступления, а он сам обеспечит себе дополнительную гарантию для наслаждения плодами своего преступления. Уверенный в своей власти, он жестоко наказал всех, кто осмелился публично выразить сочувствие свергнутому императору.

Хотя семья Ватацесов была непопулярна среди знати, она была любима азиатскими греками, и особенно горцами Вифинии. Жители окрестностей Никеи взяли в руки оружие, чтобы отомстить за Иоанна IV, и их восстание было подавлено с большим трудом. Слепой мальчик, найденный бродящим по окрестностям, был провозглашен их законным правителем, жертвой вероломства Михаила. Воинственное крестьянство взялось за оружие и захватило крепости и горные перевалы. Продвижение императорских войск, посланных для подавления восстания, было затруднено знаменитыми лучниками, которые ранее составляли одну из самых эффективных частей императорской армии. Каждый овраг был предметом борьбы, и каждое преимущество давалось дорогой ценой. Императорские войска наконец подчинили страну, применив политику, с помощью которой турки расширяли свои завоевания. Жилища были разрушены, а леса сожжены, так что коренное население лишилось средств к существованию, а солдаты Михаила стали хозяевами страны под прикрытием широкомасштабных пожаров. Ресурсы этой процветающей провинции были разрушены, а ее население настолько сократилось, что, когда османские турки напали на империю, знаменитые лучники Вифинии и горные ополченцы перестали существовать.

ПРОВИНЦИИ ИМПЕРИИ

Необходимо внимательно наблюдать за изменениями, которые произошли в азиатских провинциях империи к концу правления Михаила VIII. Когда он вззошел на престол, власть империи Сельджуков была настолько ослаблена завоеваниями монголов, а энергия греческого населения была настолько велика в результате мудрого правления Иоанна III и Феодора II, что греки, находившиеся под турецким господством, казались на пороге восстановления своей независимости. Азеддин Кайкус II, султан Икониума, был в изгнании; его брат Рокнеддин правил лишь небольшой частью империи сельджуков Рума; Хулаку, брат великих ханов Мангу и Кублай, владел большей частью Малой Азии, а многие турецкие племена жили в состоянии независимости. Жестокость и алчность правительства Михаила, а также продажность и вымогательство, которые он терпел среди имперских чиновников и администраторов, остановили прогресс греческой нации и подготовили почву для ее быстрого упадка. Ревность, которую Михаил проявлял ко всем проявлениям национальной независимости, и страх, который он испытывал перед оппозицией, являются яркими чертами его политики. Императорская казна была настолько алчна, что историк Пахимер, хотя и был придворным, считал, что император Михаил систематически ослаблял власть греческого населения из-за страха перед восстанием. В результате вся страна за Сангарием и горы, из которых берут начало реки Риндак и Макест, были заняты турками, которых жители часто приглашали овладеть небольшими городами.

АРБАЛЕТ XII ВЕКА

По мере продвижения правления Михаила VIII, вторжения кочевых турок становились все более смелыми. Иоанн Палеолог, который в течение некоторого времени сдерживал их набеги, был лишен всех военных полномочий из-за ревности своего брата, а Андроник, старший сын императора, был отправлен на границу в качестве главнокомандующего. В 1280 году неспособность молодого принца открыла все имперские провинции для вторжения. Нестонг, командовавший в городе Нисса, был разгромлен и взят в плен. Нисса была взята, и турки осадили Траллес, который был недавно восстановлен и заселен. Турки наконец пробили брешь в стенах, подкопавшись под них, и затем взяли город штурмом. Жители, спасшиеся от массового убийства, были обращены в рабство.

Примерно в то же время, когда Михаил VIII узурпировал трон Греческой империи, небольшое турецкое племя впервые появилось в империи сельджуков. Осман, давший имя этой новой группе иммигрантов, родился, по некоторым данным, в 1258 году, а его отец, Эртогрул, пришел в империю сельджуков как вождь всего лишь четырехсот семей; однако Орхан, сын Османа, заложил основы институтов и власти Османской империи. Ни одна нация никогда не росла так быстро, начав с таких скромных истоков, и ни одно правительство никогда не формировалось с большей мудростью, чем османское; но никакая сила или благоразумие не смогли бы помочь этому небольшому племени кочевников так быстро прийти к власти, если бы император Михаил и греческий народ не были парализованы политической и моральной коррупцией и не оставили после себя столь же слабых и бесполезных потомков. Когда история записывает, что Михаил Палеолог случайно вернул себе власть над Константинополем, она должна также провозгласить, что своей обдуманной политикой он подготовил почву для гибели греческой расы и завоевания Константинополя османскими турками. В истории нет другого примера, когда нация, столь многочисленная, богатая и цивилизованная, как греки в XIV веке, была навсегда покорена врагом, столь уступающим ей в политических и военных ресурсах. Это обстоятельство становится еще более позорным, поскольку его объяснение следует искать в социальных и моральных причинах.

[1261-1271 гг. н.э.]

Восстание его подданных в Азии заставило Михаила позаботиться об обеспечении мира в Европе. Чтобы уравновесить успехи деспота Эпира и склонить его к заключению договора, Михаил решил освободить князя Ахайи, который был взят в плен в битве при Пелагонии в 1259 году. Уильям Вильярдун, князь Ахайи, был освобожден от феодальных связей, которые связывали его с троном Балдуина II, в результате разрушения Латинской империи Румынии. Чтобы обрести свободу, он согласился стать вассалом Греческой империи и

восстановил имперскую власть на Пелопоннесе, передав Михаилу крепости Монемвасия, Миситра и Майна (). Присягнув на верность Михаилу VIII, он был освобожден из плена после трех лет заключения. Однако папа был настолько встревожен этим примером католического князя, ставшего вассалом греческого императора, что, как только князь Ахайи прочно обосновался в своем княжестве, его святейшество освободил его от всех клятв и обязательств перед греческим императором. Папа Урбан IV даже пошел так далеко, что провозгласил крестовый поход против Михаила и пригласил святого Людовика взять на себя командование; но король Франции, который был гораздо более проникнут христианским духом, чем папа, отказался от этой должности. Крестовый поход закончился партизанской войной между князем Ахайи и губернаторами, которых Михаил поместил в крепости, которые он захватил на Пелопоннесе.

Завоевание Неаполя Карлом Анжуйским угрожало Греческой империи новым вторжением. Под эгидой Климента IV был заключен договор между свергнутым императором Балдуином, Карлом Анжуйским и принцем Ахайи Вильгельмом, по которому Балдуин уступал Карлу сюзеренитет над Ахайей, а принц соглашался перенести свою верность от титульного императора к королю Неаполя, который уже получил абсолютную власть над Корфу и городами Эпира, переданными деспотом Михаилом II в качестве приданого своей дочери, вышедшей замуж за короля Сицилии Манфреда. Взамен Карл Анжуйский обязался предоставить Болдуину две тысячи рыцарей и их последователей, чтобы тот мог вторгнуться в Греческую империю. Этот договор был заключен в Витербо 27 мая 1267 года. Его положения встревожили Михаила Палеолога, который уже был вовлечен в церковные споры со своими подданными; и чтобы отсрочить нападение на Константинополь, он послал посольство к папе Клименту IV, предлагая меры по объединению греческой и латинской церквей. В этом случае Михаил был избавлен от страха благодаря вторжению Конрадина в королевство Неаполь, что позволило ему заключить перемирие с князем Ахайи. Затем он пренебрег своими предложениями папе и сосредоточил все свое внимание на оснащении флота, который он укомплектовал *гасмулами*, цаконами и греками из Архипелага. Неискренние переговоры Михаила о союзе с римской церковью часто возобновлялись под давлением страха перед вторжением из-за границы и опасений восстания внутри страны. Слабость, вызванная противодействием греческого духовенства и народа его власти, поощряла предприятия его иностранных врагов, в то время как запутанная паутина его дипломатии, принимавшая новую форму при каждом изменении его личных интересов, в конце концов так запутала его в своих сетях, что он не имел возможности скрыть свою недобросовестность, жестокость и лицемерие.

[1271-1282 гг. н.э.]

В 1271 году измена Андроника Тарханиота, племянника императора, возобновила войну в Фессалии. Пригласив татар вторгнуться в империю с севера, он оставил гору Эмус, которой он управлял, на произвол их разрушений и бежал к Иоанну Дуку, князю владов, своему тестю, которого он убедил вторгнуться в Фессалию. Император послал своего брата Иоанна Палеолога с армией в сорок тысяч человек и флотом из шестидесяти трех галер, чтобы восстановить имперское господство. Иоанн Дука был осажден в своей столице Неопатра, и город был доведен до крайней степени, когда князь, переодевшись в слугу, прошел через вражеский лагерь, чтобы обратиться за помощью к своим латинским союзникам. Ведя лошадь за уздечку, он шел и кричал, что его хозяин потерял еще одну лошадь и вознаградит того, кто ее найдет. Когда он достиг равнины Сперхиус, он сел на лошадь и добрался до территории франкского маркиза Будоницы. Герцог Афинский снабдил его отрядом из трехсот рыцарей, и он вернулся в Неопатру с такой быстротой, что застал врасплох императорский лагерь и полностью рассеял армию. Иоанн Палеолог бежал в Деметриадес

(Воло), где стоял его флот. Эскадра, состоящая из венецианских кораблей и галер герцога Наксоса и баронов Негропонта, наблюдала за императорским флотом. Узнав о полном разгроме армии, они атаковали адмирала Алексея Филантропена в порту и были на грани захвата всего греческого флота, когда Иоанн Палеолог прибыл на место событий с частью бежавших войск. Он немедленно переправил большую группу солдат на корабли и воодушевил моряков. Латиняне были вынуждены отступить, потеряв часть своих кораблей, но им удалось увести несколько греческих галер.

В следующем году императорский флот под командованием Захарии, генуэзского сеньора Тасоса, разгромил франков у Ореуса в Эвбее и взял в плен Жана де ла Роша, герцога Афинского. Но, с другой стороны, Иоанн Дукас снова разгромил армию в Фессалии и благодаря своей активности и военному мастерству стал самым грозным врагом Михаила; так что, когда большинство греческого населения открыто выступило против проекта императора по объединению с латинской церковью, князь Валахской Фессалии стал защитником православной церкви и созвал синод, который отлучил Михаила VIII (1277).

В 1278 году Карл Анжуйский, по всей вероятности, осадил бы Константинополь, если бы его не остановил прямой приказ его сюзерена, папы Николая III, который, убежденный подчинением Михаила, ожидал немедленного союза греческой и папской церковей. Но возведение Мартина IV на римский престол изменило его политику. Император Михаил был отлучен от церкви, и, чтобы сделать отлучение более оскорбительным, его упрекнули в преследовании греков, которые последовательно воздерживались от его собственных обманчивых уступок. Михаил отомстил, перестав молиться за папу в восточных церквях.

Между папой, королем Неаполя и Венецианской республикой был заключен союз с целью завоевания Греческой империи, и 3 июля 1281 года в Орвието был подписан договор. Опасность была серьезна. Карл Анжуйский обещал предоставить восемь тысяч всадников, а венецианцы обязались вооружить сорок галер, чтобы начать операции весной 1283 года. Тем временем отряд войск под командованием Солимона Росси был отправлен для занятия Диррахия и оказания помощи албанцам, недавно восставшим против Михаила. Эта экспедиция оказалась неудачной; Росси был взят в плен во время осады Белграда (Берата), а неаполитанцы и албанцы потерпели полное поражение. Но греческий император мог только интриговать, чтобы отвлечь великую бурю, угрожавшую ему в результате Орвиетского договора, и в конце концов его спасли поступки других. Сицилийская Вечерня избавила греков от всякого дальнейшего страха перед Карлом Анжуйским и французским вторжением, и Михаил мог улыбаться бессильной ярости Мартина IV и презирать его отлучения от церкви.

Близость болгар, соединенная с их национальной мощью и влиянием на многочисленных соотечественников, поселившихся в Греческой империи, вызывала у Михаила некоторое беспокойство в начале его правления. Константин, царь Болгарии, женился на сестре свергнутого императора Иоанна IV и был побужден чувствами своей жены, интригами беглого султана Икониума и надеждами на помощь могольского императора Хулаку напасть на Греческую империю. Михаил выступил против болгар и в 1265 году изгнал их за гору Эмус. Договор, заключенный императором с могущественным татарским вождем Ногаем, а также гражданские распри среди болгар избавили Михаила от всякой серьезной опасности на северной границе в течение всего остального периода его правления. Дела Сербии также доставляли императору очень мало хлопот.

Период греческой истории, охватываемый настоящей главой этой работы, простирающийся на полтора века, в течение которых империя Константинополя находилась под деспотическим правлением династии Палеологов, является самым унижительным участком национальной летописи. Литературный вкус, политическая

честность, патриотические чувства, военная честь, гражданские свободы и чистота судебной системы, казалось, покинули греческий народ, и общественное мнение, по всей вероятности, не существовало бы — оно, безусловно, не нашло бы способа выражения, — если бы греческая церковь не выступила в оппозиции к имперскому правительству и не пробудила в сердцах греческого народа дух пристрастности в церковных вопросах, который подготовил почву для открытого выражения народной воли, если не для фактического формирования общественного мнения. Церковь превратилась в арену, где политическое и социальное недовольство всех видов объединяло свои силы под знаменами православия, ереси или раскола, в зависимости от случая или страсти.

Стремление императора Михаила VIII избавиться от церковного осуждения, вынесенного ему патриархом Арсением за измену своему ученику и повелителю Иоанну IV, стало началом его споров с греческой церковью и переговоров с папами. Михаил просил патриарха наложить на него какое-нибудь наказание, которое могло бы искупить его преступление, но Арсений не мог предложить ничего, кроме возмещения ущерба. Император счел это равносильным приговору к свержению с престола и решил сместить Арсения. Арсений был смещен и сослан в Проконнес. Его преемником был назначен Германус, епископ Адрианополя, мягкий и ученый прелат.

Даже в изгнании Арсений считался законным патриархом большинством православных, и его посещали тысячи людей, желающих услышать его слова и получить его благословение. Император был полон решимости наказать его, но его популярность делала опасным попытку сделать это произвольным образом. Был раскрыт заговор против жизни императора, и некоторые из обвиняемых, подвергнутые пыткам, заявили, что Арсений был причастен к этому заговору. Расследование дела было передано синоду, который угодил императору, отлучив Арсения от церкви, не дожидаясь его осуждения. Германус заступился за своего предшественника. Арсений был оправдан, и ему была назначена пенсия в размере трехсот безантов на проживание, выплачиваемая из личной казны императрицы, поскольку считалось, что Арсений не примет ничего от отлученного от церкви императора.

Придворные Михаила были столь же активны в своих интригах, как и император. Одна из партий в церкви заявила, что избрание Германа было недействительным, поскольку он был отстранен от епископства Адрианополя в нарушение канона, запрещающего перевод епископа из одной епархии в другую. Исповедник императора Иосиф объявил, что новый патриарх не может дать императору законное отпущение грехов вследствие этого недостатка в его титуле на патриарший престол. Германус вскоре понял, что и Михаил, и Иосиф поощряют оппозицию его власти. Он немедленно подал в отставку, и Иосиф был назначен его преемником. Император получил отпущение грехов как само собой разумеющееся. Церемония была проведена у ворот собора Святой Софии. Михаил, стоя почти у ног патриарха, исповедовался и умолял о прощении. Патриарх зачитал форму отпущения грехов. Эта форма повторялась каждым епископом по очереди, и император преклонял колени перед каждым из них и получал прощение. Затем он был допущен в церковь и причастился. Эта бессмысленная и помпезная церемония убеждала греков в том, что их церковь может простить клятвопреступление и узаконить узурпацию.

Примерно в это же время договор Витербо отвлек внимание Михаила от раскола арсенитов к внешней политике, и, поскольку его главной целью было отделить папу от союза с Карлом Анжуйским, он начал строить интриги, с помощью которых надеялся обмануть папу, убедив его, что он стремится и способен установить папское верховенство в греческой церкви (), в то время как, с другой стороны, он надеялся обманом заставить восточное духовенство пойти на уступки, которые он считал необходимыми для успеха своих планов, на том основании, что их согласие было лишь вопросом дипломатии. Григорий X знал, что легче будет осуществить союз греческой и латинской церквей с помощью греческого императора, чем иностранного завоевателя. Поэтому он запретил Карлу Анжуйскому, который был его вассалом и носил корону Неаполя, вторгаться в империю, но заставил Михаила, угрожая вторжением, созвать синод в Константинополе, на котором император с помощью жестокости и насилия добился признания верховенства папы. Чтобы заставить греков подписать статьи об объединении, потребовались самые суровые преследования, и многие семьи эмигрировали в Валахию, Фессалию и империю Трапезунд. Объединение греческой и латинской церквей было завершено в 1274 году на Лионском соборе.^[86]

[1274-1280 гг. н. э.]

Когда весть об этом подчинении дошла до Константинополя, это вызвало всеобщее возмущение. Патриарх Иосиф, который выступал против союза, был смещен, и на его место был назначен Веккус, видный церковный деятель, недавно принявший латинское вероисповедание. Расколы в греческой церкви теперь умножились, поскольку Иосиф стал главой новой партии. Однако Веккус созвал синод и отлучил от церкви тех членов греческого духовенства, которые отказались признать папу главой церкви Христовой. Никифор, деспот Эпира, и его брат Иоанн Дукас, князь Валахии, защищали православных. Оба были отлучены от церкви, и император послал армию против Иоанна Дукаса, чье положение в Фессалии угрожало спокойствию Македонии; но имперские офицеры и войска не проявляли активности в деле, которое они считали изменой своей религии, и многие из родственников императора дезертировали.

Благодаря ряду интриг, двуличию, подлости и жестокости Михаил сумел достичь своей непосредственной цели. Николай III, взойшедший на папский престол в 1277 году, официально отказал Карлу Анжуйскому в разрешении на вторжение в Греческую империю и послал четырех нунциев в Константинополь для завершения объединения церквей. Папские

инструкции интересны как изложение политических взглядов римского двора и демонстрируют проницательную дипломатию, действующую по подсказке алчной амбиции, но ослепленную церковным фанатизмом. Первой целью было побудить всех высокопоставленных деятелей греческой церкви подписать римскую формулу вероучения и убедить их принять отпущение грехов за то, что они жили отдельно от римской общины; второй — убедить императора принять кардинала-легата в Константинополе.

До прибытия послов папы произвольное поведение Михаила привело его к ссоре с новым патриархом Веккусом, которого он был готов сместить. Михаил применил все свои интриганские таланты, чтобы не допустить открытого восстания греческого духовенства во время пребывания послов папы и скрыть состояние своих отношений с Веккусом, который занимал высокое положение при дворе Рима. Подкуп, лесть и подлость с его стороны, а также эгоизм и раболепие со стороны восточного духовенства позволили ему добиться успеха. Но смерть Николая III в 1280 году сделала его интриги бесполезными. Папой стал Мартин IV, француз из рода Анжуйцев (), преданный интересам Карла Анжуйского. Он открыто демонстрировал свою ненависть к грекам и отлучил Михаила от церкви как лицемера, скрывающего свою ересь. В то время как Мартин IV открыто вел переговоры по договору Орвието, Михаил тайно помогал заговору Прочиды.

[1281-1282 гг. н. э.]

Положение греческого императора было почти безнадежным. Он был всеобщим предметом ненависти за свои притеснения и гонения, а многочисленная и фанатичная партия была готова использовать любое иностранное вторжение как сигнал к внутренней революции. Буря вот-вот обрушилась на Михаила, когда страшная трагедия Сицилийской вечерни сломила власть Карла Анжуйского.

Затем Михаил покинул столицу, чтобы наказать Иоанна Дуку, которого он считал почти своим соперником, но смерть остановила его продвижение в Пахомионе, недалеко от Лисимахии во Фракии, 11 декабря 1282 года, после двадцати четырех лет правления. Он был типичным представителем константинопольской греческой знати и чиновников в империи, которую он восстановил и передал своим потомкам. Он был эгоистичным, лицемерным, способным и образованным; прирожденным лжецом, тщеславным, вмешивающимся в чужие дела, амбициозным, жестоким и алчным. Он известен в истории как восстановитель Восточной империи; его следует проклинать как развратителя греческой расы, поскольку его правление является ярким примером того, до какой степени может деградировать нация из-за неправомерных действий своего правителя, когда она доверяет ему деспотическую власть.

АНДРОНИК II (1282-1325 гг. н. э.)

[1282-1301 гг. н. э.]

Андроник II взошел на престол в возрасте двадцати четырех лет, родившись примерно в то время, когда его отец получил императорскую корону в Никее. Он унаследовал большинство недостатков характера своего отца, но не обладал его личным достоинством и военными талантами. В молодости ему не хватало энергии, а в старости — благоразумия. Его правление отличалось теми же привычками коварства и лжи, которые отличали поведение его отца; в результате к концу своего долгого правления он был так же всеобщим предметом презрения, как его отец был предметом ненависти. В частной жизни он был

деспотичным, раздражительным и религиозным; в государственном управлении — деспотичным, любящим вмешиваться, трудолюбивым и непоследовательным.

Андроник, стремясь стереть пятно своего греховного согласия с союзом церквей, позволил лишить тело своего отца обычных почестей при погребении и публичных молитв. Императрица, вдова Михаила, была вынуждена отречься от союза и одобрить оскорбления его памяти, прежде чем ее имя было включено в публичные молитвы за императорскую семью. Патриарх Веккус был вынужден уйти в отставку, и его предшественник Иосиф был восстановлен на патриаршем престоле.

Фанатизм Андроника побудил его санкционировать создание трибунала, состоящего в основном из монахов, который был уполномочен устанавливать покаяние, которое должны были совершить те, кто желал получить отпущение грехов от общего приговора об отлучении от церкви, вынесенного всем, кто общался с латинской церковью. Поскольку почти все население империи подпало под этот приговор об отлучении от церкви, власть трибунала была неограниченной. Богатые подвергались штрафам в зависимости от чувствительности их совести и злобы их врагов, а духовенство, вызывавшее неприязнь фанатиков, было отстранено от исполнения своих обязанностей.^[87]

В первые годы правления Андроника власть турок не вызывала беспокойства. Гарнизоны в пограничных крепостях были сокращены, число легионов уменьшено, а многие корабли, которые Михаил VIII держал в боевой готовности, были поставлены на хранение в арсенале. Андроник требовал все деньги, которые он мог отвлечь от военных и военно-морских служб, для двора и церкви. Офицеры могли получить повышение только став придворными, а солдаты могли избежать пренебрежения только став монахами. Армия Андроника состояла в основном из аланов, гасмулов, турок, туркопулов и беженцев-критян. Аланы получали вдвое больше жалованья, чем лучшие местные войска. Армии, с помощью которых императоры Никеи победили турецких султанов, латинских императоров, королей Болгарии и французских рыцарей Ахайи и Афин, теперь были распущены и заброшены. Государственная максима имперского Рима, согласно которой ни один человек, плативший земельный налог, не имел права носить оружие, была вновь возрождена, и наемники и турки грабили Греческую империю, как готы и гунны грабили Римскую.

КАТАПУЛЬТА XII ВЕКА

Греческая империя Константинополя при вступлении на престол Андроника II охватывала все побережье Малой Азии от устья Сангариса до Родосской Переи, но кочевые племена, жившие под властью сельджуков, с каждым днем все дальше проникали в греческие территории. В 1296 году регулярная армия империи продолжала сохранять явное превосходство на поле боя над любыми силами, которые могли быть приведены в действие турками; но небрежность императора, оставившего войска в Азии без жалованья, привела к тому, что эта заброшенная армия подняла восстание. Турецкие наемники в ее рядах грабили греческих помещиков; критяне продавали свои услуги тому, кто больше заплатит. Алексей

Филантропен, который успешно сопротивлялся сельджукским племенам, был провозглашен императором своими мятежными войсками, но позволил себя взять в плен и был лишен зрения. Его преемник, Иоанн Тарханиот, тщетно пытался исправить злоупотребления, которые делали армию более угнетающей для подданных императора, чем опасной для его врагов. Анархия, царившая в гражданской, военной и церковной администрации, лишила его власти, и он был вынужден отказаться от своих начинаний.

В 1301 году Михаил, старший сын Андроника, который получил императорский титул от своего отца в 1295 году, принял командование армией в Азии; примерно в то же время на императорскую службу поступила группа опытных воинов, которые под руководством способного полководца обеспечили бы победу грекам. Андроник разрешил колонии аланов поселиться в его владениях, и около восьми тысяч человек, которые служили в татарских войнах за Дунаем, были зачислены на византийскую службу. После короткого срока службы они взбунтовались, дезертировали из лагеря и двинулись к Геллеспонту, грабя греческих жителей проходящих земель. Тогда молодой император разобрал свой лагерь и, оставив штаб-квартиру в Магнезии на Гермесе, отступил в Пергам, позволив турецким племенам расширить свои грабительские походы до Адрамиттия, Лампсака и Кизика.

[1301-1303 гг. н. э.]

Примерно в то же время венецианцы и генуэзцы, которые вели войну, были настолько ободрены слабостью Греческой империи и запущенным состоянием ее флота, что продолжили свои военные действия в порту Константинополя, в то время как частные суда грабили острова Пропонтиды на глазах у дворца Андроника и вынуждали его выкупать пленных жителей, выставляя их на всеобщее обозрение перед стенами столицы, подвешенных к такелажу своих кораблей.

Сельджукские эмиры совершали быстрые завоевания, а кочевые племена, которые были более заинтересованы в истреблении сельскохозяйственного населения, чем в его подчинении, вели разрушительную войну против греческой расы. Греки повсюду были в отчаянии. В империи Трапезунда дела обстояли не намного лучше, чем в империи Константинополя. Но наибольшая неразбериха царила в провинциях между Никомедией и Смирной, вдоль Пропонтиды и Эгейского моря. Дороги к побережью были завалены беженцами из внутренних районов, пытавшимися спасти свое имущество и семьи. Тысячи людей были обречены на гибель от нужды, а тысячи умерли от страданий. Целые провинции были покинуты их жителями и превратились в пастбища для орд туркмен. За одно поколение греческая раса и язык исчезли из стран, в которых они существовали две тысячи лет, а турецкие колонии захватили Эолию и Ионию. Андроник II был свидетелем этих ужасных бедствий, но его чувства были ошеломлены благочестием; даже истребление православных не смогло пробудить его энергию.

После двенадцати лет подготовки Осман решился атаковать регулярную армию Греческой империи в 1301 году. Сражение произошло в Бафеоне, недалеко от Никомедии. Пахимеры оценивают численность императорских войск под командованием Музалона всего в две тысячи человек, в то время как силы Османа насчитывали пять тысяч. Греческая пехота бежала, и их проступок был объяснен недовольством, вызванным тем, что их лишили лошадей. Аланы сражались храбро и прикрывали отступление в Никомедию. Осман теперь опустошил всю Вифинию, от Никомедии до Лопадииона. Пригороды города на азиатском берегу Босфора были сожжены османами, чьи отряды, занимавшиеся добычей продовольствия, иногда были видны с башен императорского дворца в Константинополе.

Позорное отступление его сына Михаила в Пегес побудило Андроника сменить военных губернаторов в Азии, вместо того чтобы научить его необходимости реформирования

военной системы. Командование Никомедией было поручено татарскому вождю, недавно принявшему христианство; благодаря браку дочери этого татарина с Сулейманом, турецким эмиром, в небольшом районе был восстановлен мир и создана преграда против вторжений Османа. Но безработные турецкие войска перешли на службу к другим вождям и продолжили свои вторжения в более отдаленные провинции. Это предпочтение татарского генерала свидетельствует о глубоко укоренившемся недоверии к мужеству и верности греческих дворян, а также о презрении к их военному мастерству; и, действительно, только дух раздора, направленный на личную выгоду, мог вызвать безразличие к национальной чести, которое заставило дворян и войска покорно подчиняться оскорблениям, которые они получали от своего императора. Смелое заявление старого испанца Мунтанера о том, что Бог проклял греческий народ, был вполне оправданным, поскольку каждый мог попать его в носки.

Новый кризис в судьбе Византийской империи внезапно наступил с приходом армии испанцев, состоявшей в основном из каталонцев и арагонцев; но эта раса чужеземцев, до сих пор неизвестная на Востоке, вскоре исчезла со сцены. Они пришли и ушли, как будто их вел ангел-разрушитель. По смелости, дисциплине и военному мастерству они не уступали ни одной греческой или римской армии. Их воинские подвиги давали им право считаться героями, а их индивидуальные действия делали их похожими на банду демонов. Они доказали свою непобедимость на всех полях сражений. Они сломали копья французских рыцарей во многих сражениях и были твердо убеждены, что ни одна армия на земле не сможет противостоять их удару. Под руководством такого правителя, как Лев III или Василий II, они могли бы победить сельджукских турок, задушить османскую власть в зародыше и пронести двуглавого орла Византии в победном шествии к подножию горы Тавр и к берегам Дуная, но Андроник не смог ни использовать их доблесть, ни обеспечить их послушание. Его собственные бессмысленные интриги пробудили в них враждебные чувства, и после того, как они на мгновение заставили дрожать все племена империи сельджукских, они обернулись против Греческой империи, где они продолжали свои бесчеловечные грабежи с такой жестокостью и алчностью, которые история не может даже попытаться описать. Они повергли империю и греческий народ в прах, истекающий кровью от ран, от которых они так и не оправились.

Каталонская великая компания — так в восточной истории называется эта испанская армия — состояла из войск, сформированных в ходе двадцатилетней войны, последовавшей за Сицилийской Весперы.^с

КАТАЛАНСКАЯ ВЕЛИКАЯ КОМПАНИЯ

[1303-1307 гг. н.э.]

После заключения мира в Сицилии многие тысячи генуэзцев, каталонцев и т. д., которые сражались на море и на суше под знаменем Анжу или Арагона, слились в одну нацию благодаря сходству своих нравов и интересов. Узнав, что греческие провинции Азии были захвачены турками, они решили разделить между собой добычу и награду, а Фридрих, король Сицилии, щедро предоставил им средства для отправления. В ходе двадцатилетней войны корабль или лагерь стали их родиной; оружие было их единственной профессией и собственностью; доблесть была единственной добродетелью, которую они знали; их женщины впитали в себя бесстрашный нрав своих возлюбленных и мужей; ходили слухи, что одним ударом своих широких мечей каталонцы могли срубить всадника и лошадь, и сами эти слухи были мощным оружием.

Роджер де Флор был самым популярным из их вождей, и его личные заслуги затмевали достоинства его более гордых соперников из Арагона. Роджер, сын немецкого дворянина из двора Фридриха II и девушки из Бриндизи, был сначала тамплиером, затем отступником, пиратом и, наконец, самым богатым и могущественным адмиралом Средиземного моря. Он отплыл из Мессины (Messana) в Константинополь с восемнадцатью галерами, четырьмя большими кораблями и восемью тысячами авантюристов; и его предыдущий договор был добросовестно выполнен Андроником Старшим, который с радостью и страхом принял эту грозную помощь. Для его приема был выделен дворец (), а племянница императора была выдана замуж за доблестного чужестранца, который был немедленно назначен великим герцогом или адмиралом Румынии. После достойного отдыха он переправил свои войска через Пропонтис и смело повел их против турок; в двух кровопролитных сражениях было убито тридцать тысяч мусульман; он снял осаду с Филадельфии и заслужил имя освободителя Азии.

Но после короткого периода процветания облако рабства и разрухи вновь обрушилось на эту несчастную провинцию. Жители (как говорит греческий историк) спаслись из дыма в огонь, и враждебность турок была менее пагубной, чем дружба каталонцев. Жизни и имущество, которые они спасли, они считали своими; добровольные или невольные девушки были спасены от обрезания для объятий христианского солдата; взыскание штрафов и поставок осуществлялось с помощью разгульных грабежей и произвольных казней; а когда Магнезия оказала сопротивление, великий герцог осадил город Римской империи. Он оправдывал эти беспорядки обидами и страстями победоносной армии; кроме того, его собственная власть и личность были бы в опасности, если бы он осмелился наказать своих верных последователей, которые были обмануты в отношении справедливой и оговоренной цены за свои услуги.

Угрозы и жалобы Андроника обнажили всю наготу империи. Его золотая булла приглашала не более пятисот всадников и тысячи пеших солдат; однако толпы добровольцев, мигрировавших на Восток, были набраны и прокормлены его спонтанной щедростью. В то время как его самые храбрые союзники довольствовались тремя византийскими золотыми монетами в качестве ежемесячной платы, каталонцам выделяли одну или даже две унции золота, и их годовая пенсия таким образом составляла около 100 фунтов стерлингов [500 долларов]; один из их вождей скромно оценил свои будущие заслуги в триста тысяч крон, и из казны было выделено более миллиона на содержание этих дорогостоящих наемников. На зерно крестьян был наложен жестокий налог; на треть были урезаны зарплаты государственных служащих; а стандарт монеты был настолько позорно снижен, что из двадцати четырех частей только пять были из чистого золота.

По приказу императора Роджер эвакуировал провинцию, которая больше не давала повода для грабежей, но он отказался распустить свои войска; и хотя его тон был уважительным, его поведение было независимым и враждебным. Великий герцог Румынии снизошел до того, что принял титул и регалии цезаря, но отверг новое предложение правительства Азии о предоставлении субсидии в виде зерна и денег при условии, что он сократит свои войска до безобидного числа в три тысячи человек. Убийство — последнее средство трусов. Цезарь был соблазнен посетить королевскую резиденцию в Адрианополе; в апартаментах, на глазах у императрицы, он был заколот аланскими стражниками (1307).

Потеря своего лидера запугала толпу авантюристов, которые подняли паруса бегства и вскоре рассеялись по побережью Средиземного моря. Но отряд из полутора тысяч ветеранов-каталонцев или французов остался стоять на страже в крепкой крепости Галлиполи на Геллеспонте, вывесил знамена Арагона и предложил отомстить и оправдать своего вождя в равном бою десяти или ста воинов. Вместо того чтобы принять этот смелый

вызов, император Михаил, сын и соратник Андроника, решил подавить их силой многочисленности; были приложены все усилия, чтобы сформировать армию из тринадцати тысяч всадников и тридцати тысяч пехотинцев, и Пропонтис покрылся кораблями греков и генуэзцев. В двух сражениях на море и на суше эти могущественные силы были встречены и разгромлены отчаянием и дисциплиной каталонцев; молодой император бежал во дворец, а для защиты открытой местности осталась недостаточная охрана из легкой кавалерии.

Победа возобновила надежды и увеличила число авантюристов; все народы объединились под именем и знаменем Великой Компании; три тысячи турецких прозелитов дезертировали из императорской службы, чтобы присоединиться к этому военному объединению. Владея Галлиполи, каталонцы перехватили торговлю Константинополя и Черного моря, в то же время распространяя свои опустошения по обе стороны Геллеспонта, на границах Европы и Азии. Чтобы предотвратить их приближение, большая часть византийской территории была опустошена самими греками; крестьяне и их скот укрылись в городе, а мириады овец и волов, для которых не было ни места, ни корма, были без пользы забиты в тот же день. Четыре раза император Андроник просил о мире, и четыре раза он получал категорический отказ, пока нехватка провианта и раздоры между вождями не вынудили каталонцев покинуть берега Геллеспонта и окрестности столицы. После отделения от турок остатки великого войска продолжили свой поход через Македонию и Фессалию, чтобы найти новое место для поселения в сердце Греции.^b

В этом месте мы можем кратко оглянуться на историю Афин, которые попали в руки каталонцев.^a

Герцогство Афин

[1204-1311 гг. н.э.]

При разделе империи в 1204 году княжество Афин и Фивы было передано Оттону де ла Рошу, благородному воину из Бургундии, с титулом «великого герцога», который латиняне понимали в своем собственном смысле, а греки более глупо происходили от эпохи Константина. Отто следовал знамени маркиза Монферрата; обширное государство, которое он приобрел благодаря чудесному поведению или удаче, было мирно унаследовано его сыном и двумя внуками, пока семья, но не нация, не изменилась в результате брака наследницы со старшей ветвью дома Бриенн.

Вальтер де Бриенн и Кефис

[1311-1456 гг. н.э.]

Сын от этого брака, Вальтер де Бриенн, унаследовал герцогство Афинское и с помощью каталонских наемников, которых он награждал феодами, последовательно подчинил более тридцати замков вассалов или соседних лордов.

Но когда он узнал о приближении и амбициях великой армии, он собрал войско из семисот рыцарей, шести тысяч четырехсот всадников и восьми тысяч пехотинцев и смело встретил их на берегу реки Кефис в Беотии 15 марта 1311 года. Каталонцы насчитывали не более трех тысяч пятисот всадников и четырех тысяч пехотинцев, но недостаток численности компенсировался хитростью и дисциплиной. Они образовали вокруг своего лагеря искусственное наводнение; герцог и его рыцари без страха и предосторожности

выдвинулись на зеленый луг; их лошади погрузились в болото, и он был убит, вместе с большей частью французской кавалерии. Его семья и народ были изгнаны, а его сын Вальтер де Бриенн, титульный герцог Афинский, тиран Флоренции и констебль Франции, погиб на поле битвы при Пуатье.

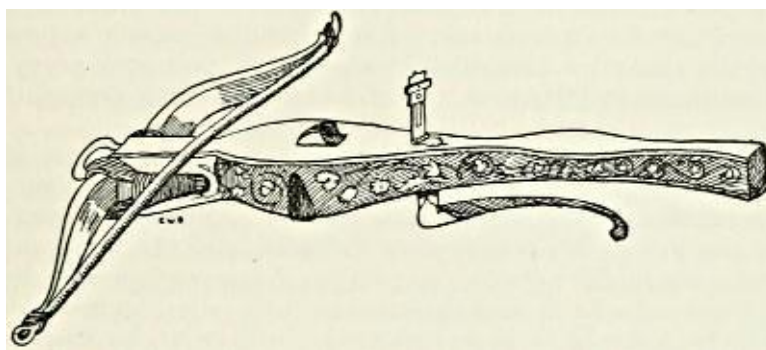
Аттика и Беотия стали наградой для победоносных каталонцев; они женились на вдовах и дочерях убитых; и в течение четырнадцати лет эта великая компания была ужасом греческих государств. Их фракции заставили их признать верховенство дома Арагона; и в течение остальной части XIV века Афины, как правительство или аппанаж, последовательно передавались королями Сицилии. После французов и каталонцев третьей династией стала династия Аккайуоли, семья, принадлежавшая к плебейскому сословию во Флоренции, обладавшая властью в Неаполе и суверенитетом в Греции. Афины, которые они украсили новыми зданиями, стали столицей государства, простиравшегося на Фивы, Аргос, Коринф, Дельфы и часть Фессалии; их правление было окончательно прекращено Мухаммедом II, который задушил последнего герцога и воспитал его сыновей в дисциплине и религии гарема.^{[b](#)}

Вернемся теперь к делам византийских императоров.

АНДРОНИК II ДО ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПАЛЕОЛОГОВ (1311-1355 гг. н. э.)

[1311-1320 гг.

Турецкие вспомогательные войска вернулись домой после битвы при Кефисе в 1311 году, чтобы насладиться богатствами, накопленными во время экспедиции. Император Андроник разрешил им беспрепятственно пройти через империю при условии, что они воздержатся от любых грабежей, и они достигли берега Геллеспонта в сопровождении отряда из трех тысяч греческих всадников. Имперское правительство никогда не могло действовать честно или смело. Был разработан заговор с целью разоружить турок, пока они ждали кораблей, которые должны были перевезти их в Азию; но греки теперь вызывали такое всеобщее недоверие, что их заговоры имели мало шансов на успех, поскольку все подозревали их в предательстве и следили за их действиями. Турки узнали об опасности, захватили соседний форт и начали грабить страну. Император Михаил напал на них с греческой армией, но поражение было его неизменным спутником. Халил, турецкий генерал, был солдатом, воспитанным в суровой дисциплине каталонского лагеря; его превосходные полководческие способности и совершенная тактика его войск принесли полную победу. Лагерь, багаж и императорская корона Михаила стали добычей завоевателей. Халил собрал остатки каталонских грабежей.

АРБАЛЕТ XIII ВЕКА

Филес Палеолог, человек, известный своей добродетелью, страдающий от бедствий своих соотечественников, просил императора разрешить ему сражаться против турок. Андроник, хотя и доверял больше его благочестию, чем предлагаемым им военным операциям, назначил его протостратором и уполномочил его набрать армию. Успех Филеса доказывает, что гибель империи была вызвана глупостью Андроника и коррупцией правительства. Филес набирал только опытных греческих солдат и отбирал опытных офицеров, не обращая внимания на их происхождение и придворные связи. Постоянные учения и строгая дисциплина вскоре восстановили дух византийской армии, и Филес повел своих людей на встречу с грабительской экспедицией турок в окрестностях Бизии, которой лично командовал Халил. Завязалась кровопролитная битва, поскольку турки были слишком привычны к победам над греками, чтобы сдаться без отчаянной борьбы. Однако Филес остался хозяином поля сражения и с такой энергией продолжил свой успех, что вскоре осадил турков в их укрепленном лагере, в то время как византийский флот, подкрепленный восемью генуэзскими галерами, блокировал их с моря. После ожесточенной борьбы лагерь был взят; большая часть турок была убита греками, а остальные были проданы в рабство генуэзцами. Это событие произошло в 1315 году. Его можно считать последней сценой каталонской экспедиции, в результате которой в течение двенадцати лет большая часть Греческой империи Константинополя была разграблена и опустошена Каталонской великой компанией и ее турецкими союзниками.

Другие враги воспользовались слабостью империи в этот бедственный период. Сельджукские турки почти завершили завоевание Малой Азии; османы расширили свои владения на южных берегах Пропонтиды; генуэзцы присвоили себе владение несколькими городами и островами, а различные вожди захватили разные города, оставшиеся без гарнизонов для их защиты, и жили в состоянии пиратской независимости. Казалось, что все узы общества в странах, населенных греческой расой (), были разорваны, и каждый чужеземец, будь то мусульманин или христианин, считал себя достаточно сильным, чтобы подчинить греков.

Однако самым важным завоеванием того времени было завоевание Родоса рыцарями-госпитальерами Святого Иоанна Иерусалимского, как с точки зрения его прочности, так и с точки зрения славы завоевателей. Андроник послал армию, чтобы снять осаду, но его войска были разгромлены, и рыцари взяли город Родос 15 августа 1310 года. Как правители этого прекрасного острова, они долгое время были оплотом христианской Европы против турецкой власти, а память о рыцарях, которые на протяжении многих веков находили свою раннюю могилу на этом краю христианского мира, еще долго будет придавать романтический оттенок истории Родоса. Они поддерживали угасающую славу общества, которое стремительно превращалось в видение прошлого; они были героями класса, в котором норвежские морские короли были полубогами. Небольшое королевство, которым они правили как независимым государством, состояло из Родоса и соседних островов Кос, Калимнос, Симе, Лерос, Нисирос, Телос и Халке; на противоположном континенте они владели классическим городом Галикарнас и несколькими крепкими фортами, живописные руины которых до сих пор возвышаются над морем.

Император Андроник II проявлял в личной жизни ту же неспособность к здравому суждению и правильным чувствам, что и в публичной деятельности, и его последние дни были омрачены семейными спорами, вызванными его собственной глупостью и несправедливостью. Его вторая жена, Ирина Монферратская, преследовала его требованиями разделить империю, чтобы сформировать апанажи для своих детей. Андроник сопротивлялся ее просьбам, что привело к ссоре, и Ирина долгое время жила отдельно от него в Салониках. Император Михаил позволял своему отцу контролировать дела своей семьи и регулировать его частные действия. Старшего сына Михаила звали

Андроник. Он был третьим императором с этим именем, занявшим византийский трон, но в истории он известен как Андроник Младший. В детстве он был особым любимцем своего деда, который руководил его образованием. Это образование, несомненно, было смесью неразумной потакания и капризного ограничения. Молодой Андроник вырос распутным юношей, и его развратные привычки привели к ужасной трагедии в его семье. Ему сообщили, что его любимая любовница приняла другого любовника, и он нанял головорезов, чтобы заманить своего соперника в засаду. Так случилось, что в ту же ночь его собственный брат Мануил поспешил в дом дамы, где он надеялся найти Андроника. Убийцы приняли деспота за любовника, и Мануил был убит на месте. Ужасная весть дошла до их отца Михаила в Фессалониках, где он проживал в ухудшающемся состоянии здоровья. Муки скоро положили конец его жизни (1320).

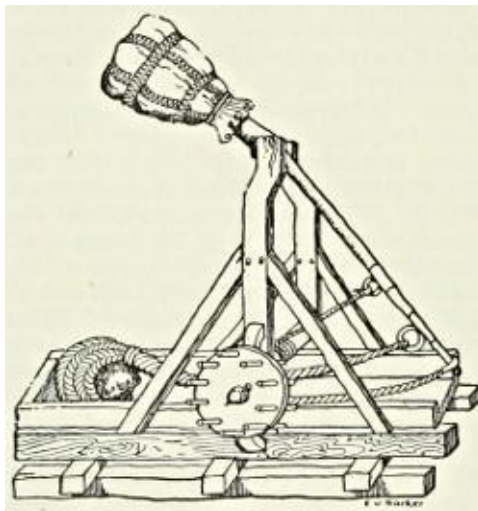
[1320-1321 гг. н. э.]

Молодой Андроник теперь был наследником империи, если такое выражение допустимо в государстве без установленного порядка наследования. Но убийство Мануила превратило привязанность старого императора в непримиримую ненависть, и все считали, что правящий монарх имеет право назначать своего преемника. Император Михаил VIII ввел обычай, согласно которому при каждом изменении в порядке престолонаследия должна была приниматься новая присяга на верность. Когда умер Михаил, сын Андроника II, новая присяга была принята только от имени Андроника II и не включала Андроника III, который был прямым наследником. Она также содержала пункт, обещающий безусловное повиновение тому, кого он объявит императором. Эти обстоятельства указывали на то, что он намеревался лишить своего внука права на престол; он не затягивал с выбором фаворита, которому, как предполагалось, он намеревался присвоить императорский титул. Этот выбор был отмечен той же странной упрямостью, которая характеризовала многие из его важнейших поступков. Он заставил своего второго сына Константина жениться на дочери своего любимого министра Музалона. Обстоятельства этого союза были одновременно смешными и позорными. Девушка была предназначена в жены Теодору, брату императора, когда выяснилось, что она уже вступила в незаконную связь с одним из своих родственников и очень рано подарила бы императорской семье нежеланного ребенка. Теодор расторг помолвку, но император, движимый привязанностью к отцу и раскаянием прекрасной грешницы, впоследствии заставил своего собственного сына Константина жениться на ней. Молодой принц считал, что имеет право иметь бастарда, как и его жена. Молодой человек получил имя Михаил Катар и стал настолько любимцем своего деда, императора Андроника, что тот проявил намерение усыновить его в качестве наследника империи, но протесты его министров помешали этому безумному поступку.

[1321-1332 гг. н. э.]

Правительство старого императора было теперь в целом непопулярным; и поскольку его подозревали в том, что он стремится помешать своему внуку Андронику вступить на престол, дело принца стало объединяющим фактором для недовольных. Наиболее выдающимися сторонниками Андроника Младшего были историк Кантакузен, человек высокого ранга, имевший обширные связи среди византийской аристократии, обладавший большим богатством, способностями и военными, а также литературными достижениями, но поглощенный амбициями и переполненный хитростью и самонадеянностью; Синаден, человек равного ранга и таланта; и сэр Джанни, человек исключительной смелости и способностей, но лишенный твердых принципов и постоянства в поведении, что придавало ему характер политического авантюриста. Наряду с ними необходимо упомянуть Апокаука, который был самым способным администратором и финансистом партии « ». Интриги сторонников молодого принца не ускользнули от внимания министров императора, которые, несомненно, поддерживали бы порядок, арестовав самых опасных, если бы Андроник не был более заинтересован в наказании своего внука, лишив его всякой возможности унаследовать империю, чем в предотвращении восстания. Теперь он решил подвергнуть принца публичному суду, и в Вербное воскресенье 1321 года молодой Андроник был неожиданно вызван во дворец Блачерны. Его сторонники поняли, что судьба их самих, а также судьба принца, будет решена до захода солнца. Кантакузен и Синаден собрали своих сторонников и заполнили дворец войсками, которые настолько запугали судей и императора, что принц был помилован, и между дедом и внуком произошло притворное примирение.

Андроник II решил удалить Кантакузена и Синадена из окружения своего внука, поскольку справедливо считал их виновниками заговоров против своего правительства. Кантакузен был назначен губернатором Фессалии, а Синаден — отправлен в Прилапос. Эти офицеры собрали столько войск, сколько смогли, под предлогом возвращения на свои посты; и когда их набор был завершен, они отправились в Адрианополь, где к ним присоединился молодой Андроник и поднял знамя восстания.

КАТАПУЛЬТА XIV ВЕКА

Принц был популярен; он завоевал народ, объявив, что провинция Фракия освобождается от некоторых из самых обременительных налогов, а его наемники позволили ему продвинуться на Константинополь. Но его солдаты, которые мало интересовались политическими вопросами, грабили жителей везде, где проходили; банды разбойников начали опустошать деревни, которые избежали разрушения каталанами и турками, а сборщики государственных доходов, пользуясь этими беспорядками, растрачивали деньги, находившиеся в их руках. Кантакузен говорит, что молодой Андроник не хотел выступать против своего деда, опасаясь, что его армия может штурмовать Константинополь. Поэтому, чтобы предотвратить свержение своего деда, он тайно написал старому императору, советуя принять меры, чтобы умерить первоначальный пыл его собственных войск. В Региуме, где принц установил свою штаб-квартиру, был заключен договор, по которому были признаны права Андроника Младшего на престол, и ему было предоставлено управление Фракией от Селимбрии до Христополя в качестве его аппанажа.

Этот мир продлился очень недолго. Грабежи войск принца и интриги сэра Джанни и императора побудили несколько городов Фракии покинуть партию молодого Андроника. Гераклея приняла императорский гарнизон, и принц, видя, что его дело теряет позиции, собрал свою армию и в ноябре 1321 года осадил город. Его войска летом требовали возобновления войны; они не хотели оставаться в поле зимой, поэтому, когда атака на Гераклею была отбита, князь двинулся к стенам Константинополя. Теперь у него было мало сторонников в столице, и вскоре он был вынужден отступить в зимние квартиры в Дидимотихосе. В июле 1322 года в Эпибате был заключен новый мирный договор, который устранил некоторые причины недовольства обеих сторон.

2 февраля 1325 года Андроник Младший получил императорскую корону. Это можно считать доказательством того, что министры императора убедили его подавить всю свою обиду и отказаться от своих планов по отстранению внука от престола. Но в следующем году, оба императора позволили османским туркам захватить город Пруса, не предприняв никаких попыток его освободить. Этот факт, казалось, доказывал, что ни один из них не мог

позволить своим лучшим офицерам и войскам прийти на помощь этому важному городу, чтобы его коллега не воспользовался их отсутствием. Интриги следовали одна за другой.

Гражданская война возобновилась в условиях, крайне неблагоприятных для старого императора, чье поведение сделало ее неизбежной. Народ был всеобщим образом возмущен его деспотизмом и несправедливостью, и молодой Андроник, по-видимому, ожидал, что его немедленно примут в Константинополе. Поняв, что это невозможно, он поспешил в Македонию посреди зимы, оставив протостратора Синадена блокировать столицу. Щедрые обещания снижения налогов и заверения в том, что все задолженности перед императорской казной будут аннулированы, обеспечили ему вход в большинство городов и сделали его поход триумфальным. Салоники, Эдесса, Кастория, Верия, Пелагония, Ахрида и Деаболис открыли ему свои ворота. Крал [царь] Сербии, руководствуясь собственными интересами, отказался помогать офицерам правящего императора и воспользовался замешательством, чтобы захватить пограничную крепость Просакон. Струмбица и Меленикон были единственными крепостями, которые остались во владении сторонников Андроника II.

В то время как происходили эти события, Синаденус одержал полную победу над гарнизоном Константинополя, когда тот попытался снять блокаду. Когда весть об этой победе дошла до Андроника, он поспешил к армии перед стенами столицы. Вскоре была обеспечена помощь предателей, и в ночь на понедельник, 23 мая 1328 года, группа солдат взобралась на стены; гарнизон присоединился к провозглашению Андроника III; ворота были распахнуты, и молодой император направился прямо в императорский дворец, чтобы заверить своего деда, что, хотя он перестал править, к нему будут относиться со всей честью, подобающей суверенному принцу.

Через два года после взятия Константинополя Андроник III тяжело заболел, и его министры опасались, что его дед может вновь вернуть себе трон. Чтобы предотвратить такую возможность, Синаденус заставил старика стать монахом и подписать заявление о том, что он никогда больше не взойдет на трон и не будет претендовать на власть в империи в случае смерти своего внука. Андроник II уже потерял зрение, и этот его последний публичный акт был подписан двумя крестами: одним красными чернилами как император и другим черными как скромный монах. Патриарх Исая послал ему поздравление с изменением образа жизни, но раздражительный старик расценил это послание как оскорбление и ответил главе церкви резкими и, вероятно, несправедливыми упреками. Его имя продолжали упоминать в публичных молитвах как самого религиозного и самого христианского босния, монаха Антония. Однажды вечером, после литературного вечера, на котором присутствовала его дочь Симонида (), его внезапно схватила болезнь, которая вскоре положила конец его жизни. Он скончался 13 февраля 1332 года, в возрасте семидесяти четырех лет.

[1332-1352 гг. н.э.]

Андроник II был человеком, который, не имея личных пороков, обладал многими из худших качеств правителя. Он обладал достаточным потенциалом, чтобы руководить всеми гражданскими и церковными делами империи, но был лишен необходимого для этого здравого смысла. Он редко делал правильные шаги и никогда не делал их в нужное время, так что его раздражительная гордость и педантичный деспотизм оказались более губительными для империи, чем худшие пороки многих его предшественников. Его церковная фанатичность особенно послужила инструментом провидения для разрушения и деградации православной восточной церкви и греческой расы. То, что греки так долго позволяли себе быть введенными в заблуждение и угнетаемыми столь никчемным и

слабым правителем, можно, пожалуй, принять как доказательство того, что нация погрязла в эгоизме и фанатизме, подобно императору.⁴

Андроник III, теперь абсолютный монарх, проявил большую храбрость в борьбе с турками, но он не смог остановить их продвижение в Анатолии и не смог предотвратить их вторжения в Европу. Он также не смог завершить завоевание Эпира и жить в мире со своими соседями на полуострове.

Он умер в 1341 году, оставив своего сына Иоанна V (Палеолога), несовершеннолетнего, под регентством своей жены Анны Савойской. Лорд-камергер Кантакузен сначала притворялся, что защищает их, но его протеже вскоре сочли его слишком могущественным. Они устроили скандалы вокруг него, заключили в тюрьму его родственников, позволили разрушить дома его сторонников. Последние заставили его принять корону под именем Иоанна VI. В империи снова разразилась гражданская война. Кантакузен союзился со Стефаном, королем Сербии, и с Омур-бегом, эмиром Ионии из династии Сельджуков. Анна Савойская обратилась за помощью к сопернику последнего, Орхану, султану Османской империи.

Интриги сменялись массовыми убийствами. Кантакузен сумел переманить на свою сторону этого же Орхана, отдав ему свою дочь Феодору. Обе стороны разрешили неверным увозить византийских подданных, а порты и суда империи были предоставлены в их распоряжение, чтобы они могли перевозить пленников в Азию. Иностранцы воспользовались общей анархией, чтобы угнетать провинции и города. Крал Сербии завоевал Македонию вплоть до Фера и провозгласил себя царем греков и сербов. Генуэзцы отбили у Андроника III остров Хиос, который тот у них отнял, и блокировали Константинополь, защищаемый другими итальянцами под командованием Фаччолати.

Последний, пока императрица устраивала банкет для своих сторонников, открыл Золотые ворота Кантакузену. Анна была вынуждена пойти на соглашение. Было решено, что Кантакузен будет императором первым, но только в течение десяти лет, то есть до тех пор, пока Иоанн V не достигнет двадцати одного года. Сторонники ни одной из сторон не были удовлетворены этой сделкой.

Империя была настолько слаба, что генуэзцы осмелились навязать свою волю в самой столице. Кантакузен пытался восстановить греческий флот и оживить порт Византия, снизив портовые сборы. Генуэзцы сочли это ущербом для своей колонии в Галатии. Они убили экипаж греческого корабля и потребовали уступить им обширную территорию, прилегающую к Галатии. За этим последовала война, которая длилась четыре года (1348-1352). Для борьбы с генуэзцами греки привлекли венецианский и каталонский флоты. Под стенами города произошло кровопролитное морское сражение, в котором победу одержали греки. Кантакузен был вынужден капитулировать (6 мая 1352 г.) и удовлетворить все их требования.

Вскоре возобновилась и гражданская война. Вся страна была ужасно разорена. Османская армия под командованием Сулеймана (Солимана), сына Орхана и на службе у Кантакузена, увезла тысячи жителей. Иоанн V был лишен власти и частных владений; на место павшего принца Матиас, сын Иоанна VI, был назначен соправителем своего отца и коронован императором в соборе Святой Софии (1354). Затем, в 1355 году, с согласия Франческо Гаттилузио и других генуэзцев, Палеолог неожиданно вторгся в Константинополь. Ему пришлось вести переговоры.

Иоанн V и Иоанн VI продолжали жить во дворце с равными полномочиями. Матиас должен был сохранить корону на всю жизнь, а также Адрианополь. Лесбос уступил свою полную суверенитет Гаттилузио (1355).

Иоанн VI не чувствовал себя в безопасности. Возможно, он испытывал угрызения совести за то, что принес столько бедствий империи; возможно, он испытал приступ религиозного рвения и презрения к мирским вещам, но, в любом случае, он надел монашескую одежду и удалился в монастырь Мангана (1355). Он выходил оттуда только для того, чтобы присоединиться к молитвам Иоанна V, угрожавшего Матиасу, чтобы тот сложил с себя пурпур (1357).

Благодаря отречению, к которому он принудил своего сына, законный порядок преемственности возобновился в доме Палеологов. К сожалению, Греческая империя XIV века не была достаточно сильна, чтобы выдержать потрясения гражданской войны. Она понесла непоправимые потери в людях, деньгах и территориях. Генуя и Венеция все глубже и глубже впивались когтями в ее ослабленное тело. Греческая Морея и даже Фессалоники привыкли поступать по своему усмотрению. Наконец, различные партии показали османам методы, которые те вряд ли забудут.^[88]

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД XIV ВЕКА

[1343-1391 гг. н. э.]

Только латинская Европа могла спасти Греческую империю, но в XIV веке она была измотана войнами с одной страной за другой, антагонизмом между римским папой и папой в Авиньоне и даже между соборами. Когда появился суверенный понтифик, уполномоченный выступать от имени Европы, он поставил в качестве первого условия для неопределенного союза признание его верховенства Восточной церковью.

Было бы слишком долго перечислять все крестоносные проекты, которые возникали при папском дворе в Авиньоне и при дворе французских королей от Филиппа IV Красивого до Филиппа VI Валуа. При Бенедикте XII флот был поставлен под командование легата Генриха, патриарха *in partibus* Константинополя. Смирна была отвоевана у ионического эмира Омурбега (1343). Пятьдесят два пиратских корабля были уничтожены христианским флотом в поле зрения Афона (1344).

В 1366 году Амадей VI Савойский, дядя Иоанна V, появился в византийских водах. Он отнял у турок Галлиполи и Созополь, отразил вторжение болгар, отнял у них Месембрию и Варну и диктовал мир. В 1390 году Людовик II Клермонский, герцог Бурбонский, высадился в Тунисе, Африка (Мегахия), но не смог захватить город.

Таким образом, на Западе дух крестовых походов еще не угас. Многие из этих крестовых походов не вызывали особой любви к Греческой империи. Среди многочисленных проектов, представленных папам и западным правителям, был один, в котором утверждалось, что завоевание Византии является необходимым предварительным условием для освобождения Святой Земли.

Иоанн V Палеолог надеялся, что, несмотря на то, что этот грозный западный меч находился в руках стольких людей, он сможет обратить его против врагов империи.

Опасность была настолько велика, что глава православной церкви был вынужден согласиться отправиться в Рим и преклонить колени перед папой Урбаном V (1369). К сожалению, ресурсы папы были исчерпаны последним предприятием. В Венеции Иоанн V был вынужден взять в долг под высокие проценты достаточно денег, чтобы продолжить свое путешествие. После безрезультатного турне по югу Франции, когда Иоанн V проезжал через Венецию, не имея возможности погасить долг, он был заключен в тюрьму по просьбе своих кредиторов. Таким образом, священная личность наследника Константина Великого была удержана в залоге венецианскими ростовщиками.

ИМПЕРИЯ, ПЛАТЯЩАЯ ДАНЬ ТУРКАМ

[1369-1391 гг. н. э.]

У Иоанна V было два сына, между которыми он заранее разделил свои владения. Старший, Андроник, был соратником императора; второй, Мануил, был правителем Фессалии. Император сначала обратился к старшему, умоляя его собрать средства для выкупа. Андроник холодно ответил, что казна пуста. По правде говоря, он не спешил с возвращением своего отца и соратника. Мануил был более сострадателен. Он заложил свои земли и послал деньги.

Когда Иоанн вернулся в Константинополь, он вознаградил двух сыновей по их заслугам. Андроника он опозорил и связал с Мануилом в империи. Покинутый всеми своими сторонниками, он согласился платить дань Мураду I в 1381 году. Затем, под тяжестью сокрушительных нужд, ему пришлось перенести еще одно унижение. Помимо дани, он пообещал Мураду предоставить военный контингент и отдать ему одного из своих сыновей в заложники.

Греческая империя теперь оказалась в точно таком же положении по отношению к туркам, как русские князья по отношению к ханам Золотой Орды. Как и князья Москвы, Твери и Рязани, базилевс существовал только благодаря тому, что подчинялся унижениям; как и они, он должен был пресмыкаться перед ордой. Его положение было хуже, чем у них: хан требовал от русских князей только дань, повиновение и военный контингент. Что еще он мог найти, чтобы удовлетворить свою алчность в бедной России? Отношения султана и базилевса были не такими же. Один не мог простить другому за то, что тот увековечил его память в городе, который должен был стать столицей новой империи. Поэтому поборы были более суровыми, унижения более жестоко рассчитанными, а жажда грабежа неутолимой. Иоанн V закончил свою жалкое существование в 1391 году, и его преемником стал его сын Мануил.

Из всех Палеологов Мануил был самым образованным и самым щедрым. Он только еще сильнее стыдился упадка того времени. Возможно, его можно сравнить с русским князем Александром Невским.^e

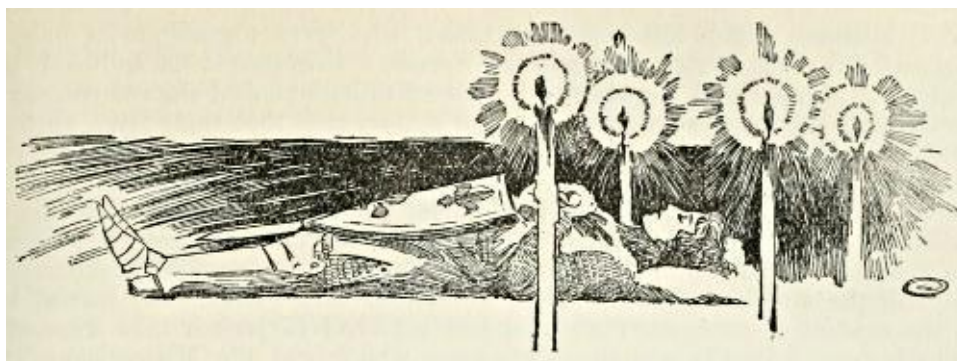
СНОСКИ

[85] [Гельцер^f вполне справедливо прокомментировал это событие: «Самый злейший враг греков не понял, что возвращение Константинополя было настоящим началом национального несчастья».]

[86] Церемония состоялась 2 февраля 1267 года. — ПАХИМЕР,^d I, 207. Власть Михаила была деспотичной, а его поведение — крайне произвольным. Чтобы заставить Веккуса и Ксифилина подчиниться его церковным доводам, он приказал разрушить их дома и выкорчевать их виноградники. — ПАХИМЕР, ^e I, 151, 165.

[87] [Здесь мы можем опустить, как более относящееся к религиозной истории, шествие патриархов, которых Андроник поднял к власти и которые довольно жестоко избивали друг друга отлучением от церкви. Векк был смещен Иосифом, который уступил Григорию, против которого заговорщики из числа арсенитов; он пал, и Афанасий продержался четыре года, оставив массовое отлучение от церкви в сосуде, который не находили в течение четырех лет и который вызвал огромную путаницу и ужас, пока Афанасий не сказал, что он отменил его несколько лет назад так же тайно, как и объявил. Затем он был восстановлен на время, пока не был вынужден уступить место Нефону, который накрывал стол лучше, чем император. За ним последовал Гликис, а затем Герасим, который был выбран потому, что был стар и глух, но умер через год. Его преемником стал Исая, чья неспособность подчиняться привела к многим бедам позднейших гражданских войн.

[88] [Судьба империи была предreshена, когда Мурад в 1361 году захватил Адрианополь, а в следующем году — Филиппополь и Серре.

ГЛАВА XI ОТ МАНУЭЛЯ II ДО ПАДЕНИЯ КОНСТАНТИНОПОЛЯ [1391-1453 гг. н. э.]

МАНУЭЛЬ II (1391-1399 гг. н. э.)

Император Мануил находился в Бруса^[89], когда узнал о смерти своего отца. Он пользовался всеобщим уважением, поскольку не был лишен ни таланта, ни личной храбрости, а его характер был мягким и примирительным. До того, как Баязит узнал о смерти Иоанна V, новый император успел бежать и благополучно добрался до Константинополя, но султан, вследствие его тайного отъезда, обращался с ним как с мятежным вассалом. Иоанн Палеолог, сын Андроника, который унаследовал от отца апанаж Селимбрии, был побужден претендовать на империю в силу договора 1381 года, которым была обеспечена преемственность его отцу и ему самому. Отряд турецких войск получил приказ разграбить греческую территорию вплоть до стен Константинополя, но, поскольку Баязету нужно было заниматься другими делами, он принял подчинение Мануила, и греческий император вновь явился вассалом в Высокую Порту.

Амбиции Баязета были безграничны, а его любовь к войне разжигалась чрезмерной уверенностью в своих военных талантах и силе османской армии. Он презирал христиан и считал своим первоочередным долгом подчинить их, если не в качестве рабов, то в качестве подданных. Поэтому положение Мануила было столь же опасным, сколь и унижительным;

хотя вид римского императора, стоящего перед его троном в качестве просителя, успокаивал гордость Баязета, было очевидно, что его тщеславие легко уступит его амбициям, если представится возможность завоевать Константинополь.

[1395-1399 гг. н. э.]

В течение нескольких лет Баязит занимался укреплением своих владений как в Европе, так и в Азии, и был вынужден следить за действиями западных держав, которые угрожали ему новым крестовым походом. Наконец, когда Сигизмунд, король Венгрии, собирался вторгнуться в османские владения, султан созвал собрание христианских князей, которые в то время были его вассалами, чтобы помешать им объединиться для помощи захватчикам. Мануил, греческий император, Иоанн, деспот Селимбрии, Феодор, деспот Пелопоннеса, Стефан, король Сербии, Константин Драгасес, сын Царко, князь долины Вардар, и несколько менее значительных греческих, сербских, болгарских, македонских () и албанских вождей, которые уже были независимы, явились в османский лагерь в Серресе. Обстоятельства заставили императора Мануила и деспота Феодора поверить, что их переписка с папой была известна султану и что их жизни были в опасности. Оба они бежали и благополучно добрались до своих государств. Иоанн Селимбрийский остался, чтобы извлечь выгоду из бегства своих дядей, но Баязит мог заниматься только войной с Венгрией. Его блестящая победа при Никополе в 1396 году показала всей Европе, что дисциплина янычар превосходит доблесть французского рыцарства, и дала ему возможность наказать греческих князей за их измену. Он немедленно обратил свое оружие против деспота Феодора и лично вступил в Фессалию. Епископ Фокиды был первым предателем, который присоединился к мусульманам и призвал их завоевать Грецию. Валахи из Фессалии и вдова графа Галоны подчинились навязанным им условиям, и султан, видя, что греки на Пелопоннесе не будут оказывать сопротивления его войскам, вернулся в Фракию. Его генералы Якуб и Эврен завоевали Коринф и Аргос, а Феодор заперся в стенах Мисифры и наблюдал за гибелью своих подданных, не предпринимая никаких попыток спасти их. Османская армия, разорив большую часть полуострова, отступила, унеся с собой огромную добычу и тридцать тысяч пленных, которых продала в рабство.

Поскольку Баязит не располагал достаточной морской силой, чтобы попытаться блокировать Константинополь, он решил подорвать власть Мануила таким образом, чтобы это как можно меньше вызвало ревность торговых республик Италии. Он раздувал пламя семейной розни, которое бросало мрачный свет на историю дома Палеологов, признав Иоанна, деспота Селимбрии, законным императором Константинополя и предоставив ему турецкую армию для блокады Мануила с суши.

Император Мануил, как только понял, что война с Баязетом неизбежна, послал посланника просить помощи у Карла VI, короля Франции. Маршал де Бусико, который уже отличился на Востоке и был взят в плен Баязетом при Никополе, был назначен командующим войсками, которые Карл VI послал на помощь греческому императору. Бусико отплыл из Эг-Морта и после некоторой задержки соединился с флотом, состоящим из восьми генуэзских, восьми венецианских, двух родосских галер и одной митиленской, и направился в Константинополь, куда прибыл в 1398 году. Прибытие Бусико и его небольшой армии, состоявшей из шестисот вооруженных людей без лошадей, шестисот пехотинцев и тысячи лучников и арбалетчиков, возродило мужество греков. Генуэзцы и венецианцы хорошо знали османское побережье и под руководством Константинополя проводили серию грабительских набегов вдоль азиатского побережья, от заливов Никомедии и Мудании до берегов Черного моря. Было очевидно, что такая система ведения войны не могла долго поддерживать империю, и Бусико, видя, что греки неспособны

приложить какие-либо усилия для своей защиты, посоветовал Мануилу обратиться за помощью к западным странам. Этот совет, по всей вероятности, пришел бы слишком поздно, если бы в этот момент османская власть не была угрожена великим татарским завоевателем Тимуром. Поэтому султан был так же склонен заключить временный мир, как и император. Единственным препятствием были притязания Иоанна Селимбрийского, но Мануил преодолел эту трудность, приняв великодушное решение. Он вступил в переговоры со своим племянником, которого легко убедил, что, если он войдет в Константинополь с турецкими войсками, его правление будет недолгим. Затем он предложил Иоанну стать его соправителем и возложить на него управление государством, пока он сам будет посещать Западную Европу. Маршал Бусико гарантировал выполнение этих договоренностей, и французские войска остались в столице, чтобы защищать интересы Мануила во время его отсутствия. 4 декабря 1399 года Иоанн вошел в Константинополь и был провозглашен императором, а 10 декабря Мануил покинул столицу вместе с Бусико, чтобы предстать в качестве просителя перед европейскими дворами.

[1399-1410 гг.]

Мануил II мало что получил от своего нищенского паломничества по Италии, Франции и Англии. Некоторые ценные подарки были подарены ему Висконти, великолепным герцогом Милана, а Карл VI Французский предоставил ему пенсию в тридцать тысяч крон; но через два года он был вынужден вернуться в Константинополь с небольшой суммой денег и несколькими добровольцами, собранными из людей, беднее и не многочисленнее греков. По дороге домой он узнал, что его враг Баязит был разгромлен Тимуром при Ангоре и что Османская империя была полностью разрушена. Добравшись до Константинополя, он лишил своего племянника Иоанна, правившего во время его отсутствия, императорского титула и сослал его на Лемнос. Иоанн уже поставил Греческую империю в состояние вассальной зависимости от татарского завоевателя; Мануил ратифицировал договор и заплатил Тимуру дань, которую ранее платил Баязету. Редко мир видел более полное поражение, чем то, которое потерпела османская армия. Баязет умер в плену у Тимура.

Редко такая великая победа оказывала столь незначительное влияние на судьбу побежденных. На мгновение османская держава была унижена, и появилась возможность для возрождения Греческой империи; но в политической организации эллинского народа не осталось энергии за пределами ограниченной сферы местных и индивидуальных интересов; в то время как институты Орхана, пережившие поражения и гражданские войны османов, вскоре восстановили власть центрального правительства и вновь сделали султана арбитром судьбы Греции.

Гражданские войны между сыновьями Баязета оказали немалое влияние на продление существования Греческой империи. Османские историки считают, что после битвы при Ангоре наступил десятилетний период безвластия, в течение которого четыре сына Баязета боролись за власть. Сулейман, Иса и Муса погибли один за другим, и самый младший из семьи, Мухаммед I, наконец, воссоединил все владения своего отца и был признан его законным преемником и пятым султаном Османской империи, включая Османа, основателя династии.

После битвы при Ангоре Сулейман искал убежища в Константинополе, где в 1403 году заключил договор с императором Мануилом, по которому он уступил грекам Салоники, долину Стримона, Фессалию и побережье Черного моря вплоть до Варны. Иоанн Селимбрийский был отозван с Лемноса и поселился в Фессалониках с титулом императора, но управление государством Мануил передал в руки византийского вельможи Деметрия Леонтариса. В обмен на уступку этих провинций император предоставил Сулейману деньги

на сбор армии и установление своей власти над остальными османскими владениями в Европе.

[1410-1421 гг. н.э.]

Но разврат Сулеймана в конце концов побудил янычар присоединиться к Мусе, и Сулейман был убит при попытке бежать в Константинополь в 1410 году. Тесный союз, существовавший между Сулейманом и Мануилом, побудил Мусу обратить свое оружие против Греческой империи. Он отвоевал все города в Македонии и Фессалии, которые его брат уступил Мануилу (), за исключением Фессалоник и Зейтуниона. Затем Муса осадил Константинополь, но его операции были парализованы уничтожением флота, который он оснастил. Император укрепил имперский флот, командование которым он доверил своему родственному брату, также по имени Мануил, человеку мужественному и обладающему военными талантами. Адмирал одержал полную победу над османским флотом, но его блестящий успех вызвал ревность его императорского брата. Вернувшись, чтобы принять благодарность своей страны, он был брошен в тюрьму по обвинению в измене и оставался в заключении в течение всей жизни своего брата. Осада Константинополя была лишь чередой стычек под его стенами, в которых погибло несколько греческих дворян, и вскоре внимание Мусы было полностью занято нападениями его брата Мухаммеда.

Муса сделал свое правление столь же непопулярным своей суровостью, как Сулейман своим развратом, и многие османские офицеры в Европе предложили Мухаммеду захватить трон. Император Мануил согласился предоставить транспорт для перевозки азиатских войск через Босфор, но отказался впустить их в Константинополь, хотя и разрешил им разбить лагерь под его стенами. Первые операции Мухаммеда были неудачными, но в конце концов он заставил Мусу отступить в Адрианополь, где тот в итоге был покинут всеми своими последователями и убит в 1413 году. Прошло чуть больше десяти лет с того дня, когда Мухаммед, тогда еще юноша, бежал с поля битвы при Ангоре с единственным верным спутником, до того момента, когда он воссоединил под своей властью почти все обширные владения, которыми правил его отец. Тимур не осознавал того факта, что дань христианских детей была краеугольным камнем, на котором держалась вся структура османской власти, и что ее ресурсы в Европе были гораздо больше, чем в Азии.

Рыцарь XIV века

Греческая империя наслаждалась непрерывным миром во время правления Мухаммеда I, которое длилось до 1421 года; и Мануил посвятил свое внимание в этот период восстановлению порядка в государственной администрации и восстановлению власти центральной власти в отдаленных провинциях империи. Завершив реформы в гражданском, финансовом, военном и церковном ведомствах Константинополя, он счел необходимым лично посетить провинции, чтобы ограничить местную власть греческих архонтов в разумных пределах. Он покинул Константинополь в июле 1413 года и начал свои операции с покорения острова Тасос, цитадель которого сопротивлялась его небольшой армии в течение двух месяцев. Затем император посетил Фессалоники, где, как следует из книги « », он пробыл более года. Его племянник Иоанн, который был губернатором города, принял монашество, но неизвестно, был ли он вынужден императором пойти на этот шаг, чтобы позволить осуществить новые реформы. Деспот Андроник, второй сын императора, был назначен правителем Фессалоник. После смерти отца он продал город венецианцам за пятьдесят тысяч секвин.

В марте 1415 года Мануил посетил Пелопоннес. Восточная Римская империя сократилась до таких жалких размеров, что византийская провинция, которая составляла лишь около трех четвертей этого полуострова, теперь была ее самой обширной провинцией. Первой заботой императора было укрепление средств защиты этой территории путем укрепления Коринфского перешейка. Затем он обратил свое внимание на реформирование злоупотреблений, которые были введены в администрацию феодальной тиранией франков и беспринципными финансовыми вымогательствами греческих архонтов. Эти злоупотребления быстро уничтожали греческое сельскохозяйственное население и открывали путь для иммиграции более грубого класса албанских рабочих.

Когда мы сравниваем реформы Мануила с законодательством Орхана, мы удивляемся огромному интеллектуальному превосходству, проявленному османами в этот период.

Греческий император принял лишь несколько временных мер, чтобы остановить процесс социального разложения в больном обществе. Его собственные таланты и энергия его народа были недостаточны для того, чтобы предпринять смелые усилия по искоренению источников зла и привитию духа честности и патриотизма греческому обществу. Тем не менее, тот факт, что греческое общество, как и имперское правительство, быстро разлагалось, был общепризнанным. Деспот Феодор, брат Мануила, умерший около 1407 года, считал задачу возрождения Греции настолько безнадежной, а управление Пелопоннесскими островами настолько сложным, что попытался продать свою провинцию рыцарям Родоса, после того как заселил ее многочисленными колониями албанцев, чтобы восполнить пустоту, образовавшуюся в результате сокращения коренного населения.

Из сатирика того времени мы узнаем, что в то время как император Мануил был занят уменьшением власти и пресечением злоупотреблений архонтов Пелопоннеса и константинопольских чиновников, многие придворные в его доме занимались созданием новых коррупционных схем в администрации, продавая имперские указы и золотые буллы. Он заявляет, что характер коренных греков не менее плох. Он говорит: «Они состоят из трех частей: их язык говорит одно, их ум размышляет другое, а их действия не согласуются ни с тем, ни с другим». Среди полностью деморализованного народа не может быть хорошего управления. Когда император вернулся в Константинополь, он привез с собой некоторых из самых буйных и интригантских вождей Пелопоннеса, которые до его прибытия ухитрились присвоить большую часть налогов, взимаемых с народа, для собственного использования. Действительно, самым важным результатом визита Мануила было введение такого порядка в провинциальное управление, что в императорскую казну в Константинополе можно было регулярно перечислять фиксированную сумму. Его сын Феодор остался его наместником в Миситре.

[1421-1431 гг. н.э.]

Смерть султана Мухаммеда I в 1421 году ввергла империю в борьбу с его сыном Мурадом II. Самонадеянность греков убедила их, что они могут направлять развитие Османской империи благодаря своему превосходству в дипломатии. Никакой опыт не мог научить их, что риторика и схоластическое образование — слабое оружие против военной дисциплины и национального мужества. В Константинополе проживал претендент на османский трон по имени Мустафа (), который утверждал, что он является сыном Баязета. Теперь он был признан законным султаном, и Мануил заключил с ним договор, по которому Мустафа обещал вернуть Галлиполи, Халкидику в Македонии и приморские города на Черном море, а император обязался предоставить деньги и военные запасы. Он был покинут своими сторонниками, взят в плен Мурадом II и повешен, чтобы убедить мир в том, что он был самозванцем.

Мурад решил наказать Мануила за его интриги. Император был уже ослаблен возрастом, и управление государственными делами в значительной степени было возложено на его сына Иоанна, который пытался умиловать султана униженными извинениями. Мурад не давал имперским послам никакого ответа, пока не завершил свои приготовления. Затем он двинулся вперед и начал осаду Константинополя, установив свой штаб в церкви Фонтана и начав строительство осадных сооружений в июне 1422 года. Его линии простирались от Золотых ворот до Деревянных ворот; для штурма стен были построены две подвижные башни, и османы впервые использовали пушки. Однако эта ранняя артиллерия была настолько плохо сконструирована и плохо обслуживалась, что не принесла практически никакого эффекта. Тысяча самых храбрых янычар пали перед стенами, в то время как греки, сражавшиеся под прикрытием своих зубцов, потеряли только 130 убитых и раненых. Мурад

II не возобновил нападения на Константинополь, и последним актом правления Мануила стало подписание мирного договора, по которому Мурад оставил империи несколько городов во Фракии, Фессалоники и несколько фортов у устья Стримона, гору Афон, Зейтунион и некоторые места в Фессалии. Мануил также обязался выплачивать султану ежегодную дань в размере трехсот тысяч аспер.

За два года до смерти Мануил принял монашество и взял имя Матфей, но продолжал давать советы по государственным делам. Он умер в июле 1425 года в возрасте семидесяти семи лет, пробыв на престоле тридцать четыре года.

ПРАВЛЕНИЕ ИОАННА VII (1423-1448 гг. н. э.)

Иоанн VII застал Восточную Римскую империю сокращенной до города Константинополя, нескольких соседних городов, Фессалоник и части Пелопоннеса. Его двадцатитрехлетнее правление прошло в почти непрерывном мире, однако этот длительный период спокойствия не принес никаких улучшений. Что касается доходов как правительства, так и нации, то император и народ до конца каждого года потребляли все, что было произведено за год.

Уменьшение численности греческого населения странно контрастировало с быстрым ростом численности османов, а их упадок в области богатства и промышленности еще более невыгодно отличал их от генуэзской колонии Галата. Торговля греков перешла в руки итальянцев, а власть византийских императоров перешла к османским султанам. Потеря личного достоинства и мужества последовала за потерей национальной чести и власти. Чума и эпидемии, как это часто бывает, стали следствием пренебрежения полицией, плохого управления и социальных беспорядков. В 1431 году заразная болезнь с ужасающей смертностью уничтожила население Константинополя; это была девятая эпидемия с момента великой чумы 1347 года. Однако народы редко осознают собственную деградацию, и в то время греки смотрели на латинян с презрением и ненавистью; они презирали западноевропейцев как еретиков, а турков — как варваров. Дворцовые процессии, религиозные церемонии и национальное тщеславие развлекали и утешали их, пока они мчались по пути деградации и гибели.

Все укрепленные посты были разрушены Мурадом II, когда он осаждал Константинополь, и страна до Селимбрии была заселена лишь несколькими греками, занимавшимися сельским хозяйством и жившими в открытых деревнях. Греческая империя заканчивалась в Селимбрии. Пограничная территория Османской империи представляла собой аналогичную картину опустошения, земля возделывалась несколькими христианскими крестьянами для своих турецких хозяев.

КРАТКОСРОЧНЫЙ СОЮЗ ГРЕЧЕСКОЙ И РИМСКОЙ ЦЕРКВЕЙ

[1430-1440 гг. н. э.]

Завоевание Фессалоник султаном Мурадом в 1430 году, распри деспотов Феодора, Константина и Фомы на Пелопоннесе, а также наглость генуэзцев из Галаты, которые напали на Константинополь из-за некоторых споров, связанных с торговлей на Черном море, предупредили императора Иоанна VII о том, что, если он не сможет обеспечить эффективную военную помощь со стороны иностранцев, османская держава вскоре поглотит Греческую империю. Папа был единственным правителем, обладавшим достаточной властью и влиянием, чтобы обеспечить эффективную помощь Восточной

империи, но не было никакой вероятности, что он воспользуется этим влиянием, если император Иоанн не согласится на союз греческой и латинской церквей и не признает верховенство папы. В этой критической ситуации государственные деятели и высокопоставленные церковные деятели в Константинополе решили, что политические обстоятельства их положения дают им право пойти на уступки даже в отношении доктрин своей церкви.

В 1438 году император Иоанн и греческий патриарх явились на собор в Ферраре. В следующем году собор был перенесен во Флоренцию, где после долгих обсуждений греческий император и все члены духовенства, присутствовавшие на соборе, за исключением епископа Эфесского, приняли доктрины римской церкви относительно исхождения Святого Духа, дополнению Никейского символа веры, природе чистилища, состоянию души после ее отделения от тела до дня Страшного суда, использованию пресного хлеба в таинстве Вечери Господней и верховенству папы. Союз двух церквей был торжественно ратифицирован в великолепном соборе Флоренции 6 июля 1439 года, когда греки отреклись от своей древней веры в более просторном здании и под более высоким куполом, чем их собственный хваленый храм Святой Софии.

Император Иоанн не получил ни одного из преимуществ, которые он ожидал от мнимого союза церквей. Папа Евгений, правда, щедро снабжал его деньгами, но его святейшество забыл о своем обещании послать флот на защиту Константинополя.

По возвращении Иоанн обнаружил, что его подданные возмущены тем, как честь и доктрины греческой церкви были принесены в жертву неудачной дипломатической спекуляции. Епископы, которые раболепно подписали статьи союза во Флоренции, теперь стремились завоевать популярность, отрекаясь от императора и демонстрируя свое раскаяние, сожалея о своем грехе, заключавшемся в том, что они на время отступили от чистой доктрины православной церкви. Единственным постоянным результатом этой неудавшейся попытки христианского союза было усиление фанатизма православных и предоставление латинянам справедливых оснований для осуждения вероломства и недобросовестности греков. В обоих случаях это способствовало прогрессу Османской империи.

Император Иоанн, видя безнадежное состояние государственных дел, думал только о том, как сохранить хорошие отношения с султаном. Однако его брат Деметрий, который сопровождал его во Флоренцию, разделил его вероотступничество и воспользовался папской щедростью, а теперь подло пытался воспользоваться народным недовольством союзом. Он претендовал на трон как первый ребенок Мануила, который был порфирородным, но он надеялся достичь своих целей с помощью турецких войск, а не благодаря своим титулам или предпочтению греков. Собрав большую армию, состоящую из турецких кочевников, готовых присоединиться к любому знамени, которое давало им возможность грабить и порабощать христиан, Деметрий двинулся на Константинополь, чтобы осадить своего брата. Султан Мурад не принимал непосредственного участия в конфликте, но позволил Деметрию без сопротивления набирать турецкие войска и с удовлетворением наблюдал за восстанием, которое ослабляло империю. Когда греческий народ был вынужден выбирать между двумя братьями, он признал превосходство правящего императора. Деметрий, разграбив пригороды Константинополя, увидел, как его армия тает, и был счастлив обнаружить, что умеренность и любовь к миру его брата были настолько велики, что ему было позволено сохранить свое княжество в Месембри с титулом деспота.

Подвиги Иоанна (Яноша) Хуньяди могли бы пробудить греков от их летаргии, если бы в народе сохранился какой-либо воинственный дух. Победа венгерской армии в ущелье Ислади и война с султаном Карамании угрожали Османской империи серьезной опасностью, но победа при Варне восстановила славу оружия султана. Ни успехи венгров, ни присутствие папских войск в Геллеспонте, которые наконец появились под командованием кардинала Гондольмьери, не смогли побудить императора Иоанна объединить свои силы с западными державами. Он получил слишком много доказательств нестабильности и неосторожности их советов. Как только он узнал о великой победе султана Мурада при Варне, он послал посольство, чтобы поздравить своего сюзерена и просить о возобновлении союза, на что султан немедленно согласился. Иоанн даже сумел избежать участия в войне, которую его брат Константин вел против султана в Греции, и ему удалось сохранить непрерывный мир до своей смерти в 1448 году. За двадцать три года своего бесславного правления он ни разу не забыл, что является вассалом Османской империи. Он оказался именно тем умеренным управленцем государства, которого требовали обстоятельства, и его гибкость позволила избежать бедствий, которые грозили греческой империи.

ПРАВЛЕНИЕ КОНСТАНТИНА XIII (1448-1453 гг. н. э.)

Константин XIII, последний из греческих императоров, проживал в своем деспотате в Спарте, когда умер его брат Иоанн VII. Поскольку он недавно участвовал в военных действиях против султана, было сомнительно, признает ли Мурад его императором, и Деметрий воспользовался этими сомнениями, чтобы сделать еще одну попытку занять трон. Недостаток правды, чести и патриотизма среди греческой аристократии в последнее столетие существования Восточной империи практически не имеет аналогов в истории; но Деметрий был слишком известен и слишком всеобщим презрением, чтобы найти большую партию даже в этой никчемной аристократии, готовой поддержать его дело, в то время как Константин, с другой стороны, был известен своей искренностью и энергией и пользовался уважением всех, кроме самых фанатичных среди православных греков.

[1451 г. н.э.]

Султан Мурад II умер в феврале 1451 года после тридцати лет процветающего правления, и его преемником стал его сын Мухаммед II, которому было всего двадцать один год. Мухаммед II был человеком с большими амбициями и большими талантами; он сочетал в себе необычайную активность и мужество с редкой для его высокого положения и еще более редкой для его раннего возраста способностью к суждению.

Завоевание Константинополя было первой целью его амбиций. По своей природе он был столицей его владений, и пока он оставался в руках греков, Османская империя была открыта для вторжений западных христиан. Заключив трехлетнее перемирие с Иоанном Хуньяди, молодой султан переправился в Азию, чтобы подавить враждебные действия Ибрагима, султана Карамании.

Константин, который, по-видимому, имел очень ошибочное представление о талантах и характере Мухаммеда, воспользовался этой возможностью, чтобы оскорбить его самым чувствительным образом, отправив посольство с требованием увеличить пенсию в триста тысяч аспров, которую османский двор предоставил греку для содержания Орхана, внука Сулеймана. Посланцы получили инструкции намекнуть, что, если требование не будет удовлетворено, Орхан может претендовать на османский трон.

МУХАММЕД II

(Из медальона в Королевском кабинете монет, Берлин)

Такое оскорбление вряд ли могло быть забыто высокомерным и амбициозным принцем. Однако осторожный молодой султан вежливо отпустил послов. Но как только его азиатская кампания закончилась, он приказал изгнать имперских агентов с территории в долине Стримона, которая была выделена для содержания Орхана, и прекратил все дальнейшие выплаты. Вскоре после этого, не сообщив Константину о своем намерении, он построил крепость на греческой территории в самом узком месте Босфора, напротив крепости,

построенной Баязетом I на азиатском берегу. Расстояние между двумя крепостями составляет около трех четвертей мили, а между ними протекает быстрое течение. Султан сделал все необходимое, чтобы завершить работу с необычайной быстротой. До того, как его цель стала известна, был собран большой запас материалов, и как только план крепости был начертан, тысяча каменщиков и две тысячи рабочих без перерыва трудились над возведением стен.

Константин имел веские основания считать строительство этой крепости на своей территории, в пяти милях от столицы и контролирующей подступы с Черного моря, нарушением договора между двумя империями, но он был слишком слаб, чтобы возмутиться этой явной местью за свои недавние угрозы. Он жаловался на враждебное вторжение на греческую территорию, но Мухаммед с презрением отнесся к его претензиям, заметив, что земля, на которой была построена крепость (), была куплена и оплачена, а значит, являлась турецкой собственностью, и император Константинополя, будучи вассалом Порты, не имел права оспаривать волю султана.

Первое открытое сопротивление оказали некоторые греки, которые пытались помешать инженерам Мухаммеда увезти мраморные колонны из церкви. Эти благочестивые христиане были изрублены на куски османскими войсками. По мере продвижения работ агрессия султана усиливалась. Его солдатам было позволено грабить; начались ссоры, в результате которых пролилась кровь, а затем турки напали на греков, которые собирали урожай, и убили жнецов. Константин в панике закрыл ворота Константинополя, прервал всякую связь между греками и османами и отправил еще одно посольство к султану с просьбой о возмещении ущерба. Мухаммед ответил официальным объявлением войны.

ВОЙНА С МУХАММЕДОМ

[1451-1452 гг. н.э.]

Обе стороны начали готовиться к смертельной схватке. Осада Константинополя должна была стать великим событием грядущего года. Султан, чтобы помешать братьям императора на Пелопоннесе послать помощь столице, приказал Турахану, паше Фессалии, вторгнуться на полуостров. Сам он поселился в Адрианополе, чтобы собрать военные припасы и осадную артиллерию. Константин, со своей стороны, сделал все, что было в его силах, для энергичной обороны. Он создал большие склады продовольствия, собрал военные припасы и набрал всех солдат, которых смог собрать среди греческого населения Константинополя. Но жители этого города были либо неспособны, либо не желали предоставить новобранцев в пропорции, соответствующей их численности. Воспитанные в мирных условиях, они, вероятно, не обладали ни активностью, ни привычной физической подготовкой, которые были необходимы, чтобы с легкостью передвигаться в тяжелых доспехах, которые тогда использовались.

Так мало кто был готов сражаться за свою страну, что за всю осаду под оружие встало не более шести тысяч греческих солдат. Численность греческой армии была настолько мала, что она не могла защитить такой большой город, как Константинополь, даже с учетом всех преимуществ, которые давали ему крепкие укрепления. Поэтому император был заинтересован в получении помощи от воинственных граждан итальянских республик, где в то время было много хороших офицеров и опытных солдат. Поскольку у него не было денег на наем наемников, он мог надеяться только на влияние папы. К папе Николаю V было отправлено посольство с просьбой о немедленной помощи и заявлением о готовности императора завершить объединение церквей любым способом, который укажет папа. Николай направил в качестве своего легата кардинала Исидора, митрополита Киевского,

который присоединился к латинской церкви. Исидор представлял русскую церковь на Флорентийском соборе, но по возвращении в Россию был заключен в тюрьму как отступник и с трудом бежал в Италию. Он был греком по происхождению, человеком образованным и примирительным, поэтому ожидалось, что он будет благосклонно принят в Константинополе.

Кардинал прибыл в Константинополь в ноябре 1452 года. Его сопровождал небольшой отряд избранных солдат, и он привез с собой некоторую денежную помощь, которую использовал для ремонта наиболее разрушенной части укреплений. И император, и кардинал обманывали себя, полагая, что опасности, которым подвергались греческий народ и христианская церковь, заставили бы православных пойти на уступки в своих церковных формах и формулировках. Было очевидно, что только иностранная помощь могла спасти Константинополь, и было абсурдно предполагать, что латиняне будут сражаться за тех, кто считал их еретиками и не хотел сражаться за себя. Поэтому кризис заставил греков выбирать между союзом с Римской церковью и подчинением Османской империи. Им пришлось решать, стоит ли сохранение Греческой империи тех церковных жертв, которые они должны были принести, чтобы сохранить свою национальную независимость.

РАЗНОГЛАСИЯ В ЦЕРКВИ

[1452-1453 гг. н. э.]

Тем временем 12 декабря 1452 года император Константин отпраздновал свой союз с папской церковью в соборе Святой Софии. Двор и большая часть высокопоставленного духовенства ратифицировали этот акт своим присутствием, но монахи и народ отвергли этот союз. По их мнению, собор Святой Софии был осквернен этой церемонией, и с того дня он был покинут православными. Историк Дукас заявляет, что они считали его пристанищем демонов и не лучше языческого святилища. Монахи, монахини и народ публично провозгласили свое отвращение к союзу, и их оппозиция была разжигается фанатизмом амбициозного педанта, который под именем Георгия Схолария выступал как горячий сторонник союза на Флорентийском соборе и под церковным именем Геннадия известен в истории как покорный патриарх султана Мухаммеда II. Вернувшись из Италии, он с большим размахом продемонстрировал свое раскаяние за то, что подчинился унионистам во Флоренции. Он заперся в монастыре Пантократора, где принял монашеский обет и имя Геннадий, под которым он осуществил союз между греческой церковью и османской администрацией.

В нынешнем кризисе он выступил в качестве лидера самой фанатичной партии и подбурив своих последователей к яростному противодействию мерам, которые он когда-то проповедовал как благотворные для церкви и необходимые для сохранения государства. Унионистов теперь обвиняли в том, что они приносят истинную религию в жертву иллюзиям человеческой политики, оскорбляют Бога, чтобы служить папе, и предпочитают интересы своих тел заботе о своих душах. Вместо того чтобы призывать своих соотечественников помочь императору, который прилагал все усилия для защиты их страны, вместо того чтобы вселять в их умы дух патриотизма и религии, эти учителя народа без устали осуждали злобность унионистов и вероотступничество императора.

Их фанатизм настолько полностью уничтожил всякое чувство патриотизма, что великий князь Нотарас заявил, что он предпочел бы видеть Константинополь под властью султана, чем под властью папы. Его желание было исполнено, но, умирая, он, должно быть, почувствовал, как страшно он ошибся, сравнивая последствия папской гордыни с жестокостью мусульманской тирании. Император Константин, осознавая важность

приближающейся борьбы, проявил большую осторожность и умеренность в своем сложном положении. Дух христианской любви успокоил его нрав, а его решимость не пережить империю придала его военным действиям обдуманную хладнокровие. Хотя его греческие подданные часто поднимали мятежи и ругали его на улицах, император не обращал внимания на их поведение. Чтобы побудить православных сражаться за свою страну, имея лидера из своей партии, он оставил великого князя Нотараса на должности; однако он хорошо знал, что этот фанатик никогда не будет искренне сотрудничать с латинскими вспомогательными войсками, которые были лучшими войсками в городе; и у императора были некоторые основания не доверять патриотизму Нотараса, видя, что тот копил свое огромное богатство, вместо того чтобы потратить его часть на свою страну.

ПОДГОТОВКА К ОБОРОНЕ

Укрепления оказались в плохом состоянии. Два монаха, которым была доверена большая сумма для их ремонта, выполнили свою обязанность ненадлежащим образом и, как общепринято считалось, мошенническим образом. Крайняя нечестность, царившая среди греческих чиновников, объясняет выбор монахов в качестве казначеев для военных целей; и это должно уменьшить наше удивление от того, что люди их религиозного призвания разделяют общую алчность или терпят привычное растрачивание средств другими.

Пушки начали использоваться при осадах, но в более крупных артиллерийских орудиях использовались каменные ядра; и чем больше было орудие, тем больший эффект от него ожидался. Даже в Константинополе были некоторые артиллерийские орудия, слишком большие, чтобы быть полезными, поскольку наземная стена не была построена с учетом их отдачи, а валы были настолько слабы, что их сотрясала их ударная волна. Константин также располагал лишь умеренным запасом пороха. Машины, относящиеся к прошлой эпохе военной науки, но к использованию которых греки придерживались из-за своих консервативных предрассудков, были привезены из складов и установлены на стенах рядом с современной артиллерией. Иоганн Грант, немецкий офицер, прибывший вместе с Юстиниани, был самым опытным артиллеристом и военным инженером в этом месте.

Значительное число итальянцев поспешило в Константинополь, как только услышало о его опасности, стремясь защитить столь важный центр восточной торговли. Дух предприимчивости и любовь к военной славе стали столь же характерными чертами купеческой знати торговых республик, как в предыдущую эпоху они были отличительными чертами баронов в феодальных монархиях. Все народы, которые тогда торговали с Константинополем, предоставили контингенты для защиты его стен.

Незадолго до начала осады прибыл Джон Джастиниани с двумя генуэзскими галерами и тремя сотнями отборных солдат, и император так высоко оценил его услуги, что назначил его генералом гвардии. Постоянный представитель венецианцев предоставил три большие галеасы и отряд солдат для защиты порта. Консул каталонцев вместе со своими соотечественниками и арагонцами взял на себя оборону великого дворца Буколеона и порта Контоскалион. Кардинал Исидор с папскими войсками защищал Кинегезион и угол города у входа в порт вплоть до Святого Димитрия. Важность помощи, оказанной латинянами, подтверждается тем фактом, что из двенадцати военных подразделений, на которые Константин разделил укрепления, командование только двумя было доверено исключительно греческим офицерам. В остальных греки делили командование с иностранцами, либо же оборону осуществляли только иностранцы.

Когда все приготовления Константина к обороне были завершены, он оказался вынужден укомплектовать линию укреплений на суше длиной около пяти миль, каждая точка которой

была подвержена прямой атаке. Остальная часть стены в направлении порта и Пропонтиды превышала девять миль в длину, а весь его гарнизон едва насчитывал девять тысяч человек. Его флот состоял всего из двадцати галер и трех венецианских галеассов, но вход в порт был закрыт цепью, конец которой, со стороны Галаты, был закреплен в крепкой крепости, которую удерживали греки. Зимой император отправил свой флот грабить побережье Пропонтиды вплоть до Кизика, и дух греков был возбужден добычей, полученной в этих походах.

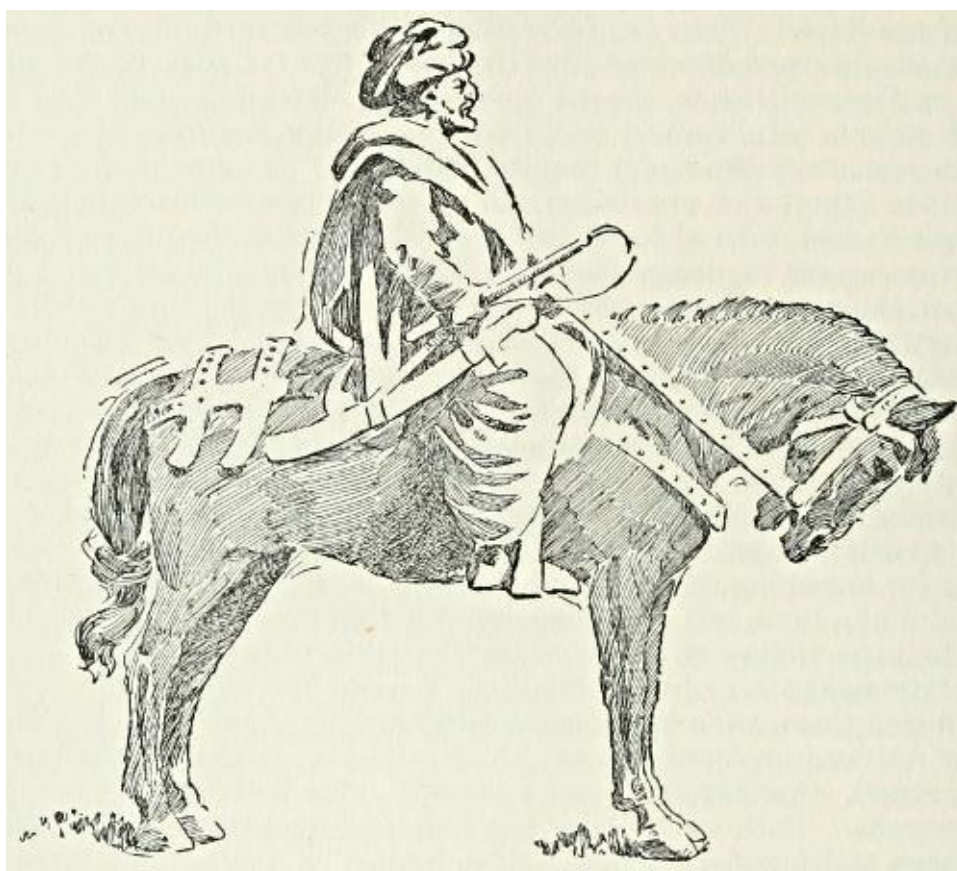
Мухаммед II провел зиму в Адрианополе, готовя все необходимое для начала осады. Все его мысли были поглощены славой завоевания Римской империи и захвата Константинополя, который более 1150 лет был столицей Востока. В то время как лихорадка амбиций разжигала его душу, его более хладнокровный разум предупреждал его, что османская власть будет находиться на шаткой основе, пока Константинополь, истинная столица его империи, остается в руках других. Мухаммед мог легко собрать достаточное количество войск для своего предприятия, но ему потребовались все его энергия и сила, чтобы собрать необходимые запасы провианта и снаряжения для огромных военных и военно-морских сил, которые он приказал собрать, а также подготовить артиллерию и боеприпасы, необходимые для обеспечения успеха. С раннего утра до позднего вечера, при дворе и в своем кабинете, молодой султан не мог говорить ни о чем другом, кроме приближающейся осады. С тростниковым пером и свитком бумаги в руках его часто видели, как он рисовал планы укреплений Константинополя и отмечал позиции для своих батарей. Все вопросы, касающиеся размеров и расположения различных складов, которые необходимо было построить для обеспечения войск, обсуждались в его присутствии; он сам распределял войска по соответствующим подразделениям и регулировал порядок их марша; он издавал приказы, касающиеся оснащения флота, и обсуждал различные методы, предлагаемые для прорыва, минирования и штурма стен. Его энтузиазм был импульсом героя, но огромное превосходство его сил обеспечило бы ему победу при любой обычной степени настойчивости.

Османе уже были знакомы с использованием пушек. Мурад II применял их при осаде Константинополя в 1422 году, но теперь Мухаммед решил сформировать более мощную артиллерийскую колонну, чем существовала ранее. Ни греки, ни турки не владели искусством литья больших пушек. Обе стороны были вынуждены нанимать иностранцев. Опытный артиллерист и литейщик по имени Урбан, уроженец Валахии, выполнил желание султана. Он некоторое время служил в греческой армии, но даже скромная зарплата, которую ему платил император, задерживалась, и он уволился и перешел на службу к султану, который лучше ценил военные знания. Теперь он доказал Мухаммеду свое мастерство, отливая самую большую пушку, которая когда-либо была изготовлена. Он уже установил одну пушку необычайных размеров в новой крепости на Босфоре, которая могла перебрасывать ядра через пролив. Пушка, предназначенная для осады Константинополя, значительно превосходила по размерам это чудовище, а диаметр ее дула, должно быть, составлял почти два с половиной фута. Были отлиты и другие пушки больших размеров, чьи каменные ядра весили 150 фунтов, а также много пушек меньшего калибра. Все они, вместе с рядом баллист и других древних орудий, все еще используемых при осадах, были установлены на лафетах для транспортировки в Константинополь. Перевозка этого грозного артиллерийского обоза и огромного количества боеприпасов, необходимых для его обслуживания, была отнюдь не тривиальной операцией.^[90]

НАЧАЛО ОСАДЫ

[1453 г. н.э.]

Первая дивизия османской армии выдвинулась из Адрианополя в феврале 1453 года. Тем временем многочисленный корпус пионеров неустанно работал над дорогой, чтобы подготовить ее к проходу длинного обоза с артиллерией и багажными повозками. Инженеры возводили временные мосты, которые можно было разобрать, над каждым ущельем и водотоком, и материалы для осады постепенно, хотя и медленно, продвигались к месту назначения. Чрезвычайная трудность перемещения огромных пушек с их гигантскими ядрами задерживала продвижение султана, и только в начале апреля весь осадный обоз достиг Константинополя, хотя расстояние от Адрианополя составляет всего сто миль. Дивизия армии под командованием Караджа-паши уже захватила Месембрию, Анхиалус, Бизию и замок Святого Стефана. Только Селимбрия продолжала сопротивляться, и ее укрепления были настолько сильны, что Мухаммед приказал подвергнуть ее строгой блокаде и оставить ее судьбу на откуп столице.

МУХАММЕД II

(Из медальона в Королевском монетном кабинете, Берлин)

6 апреля султан Мухаммед II разбил лагерь на склоне холма напротив квартала Блачерны, немного дальше от места, занятого крестоносцами в 1203 году, и немедленно приказал построить линии, простирающиеся от вершины порта до берега Пропонтиды. Эти линии представляли собой земляные валы, которые служили как для сдерживания вылазок осажденных, так и для прикрытия войск от огня вражеской артиллерии и снарядов. Затем были сформированы батареи; основные из них были установлены против ворот Charsiasæ в квартале Blachernæ и против ворот St. Romanus () в центре городской стены. Именно на эти ворота был направлен огонь огромной пушки и была сосредоточена основная атака.

Сухопутные войска турок, вероятно, насчитывали около семидесяти тысяч человек всех родов войск и званий, но реальная сила армии заключалась в корпусе янычар, тогда лучшей пехоте в Европе, число которых не превышало двенадцати тысяч.¹⁹¹ В то же время двадцать тысяч всадников, сидящих на лучших лошадях туркменской породы и закаленных долгой службой, были готовы сражаться как верхом, так и пешком под присмотром своего молодого султана. Флот, собранный вдоль азиатского побережья, от портов Черного моря до портов Эгейского моря, доставлял дополнительные запасы людей, провианта и военных припасов. Он состоял из 320 судов различных размеров и форм. Большая часть из них были только полупалубными каботажными судами, и даже самые большие из них значительно уступали по размеру галерам и галеасам греков и итальянцев. Укрепления Константинополя со стороны моря создавали большие удобства для атаки. Несмотря на то, что они были частично разрушены временем и ослаблены небрежными ремонтами, они все еще оказывали грозное сопротивление несовершенной науке инженеров в армии Мухаммеда.⁴

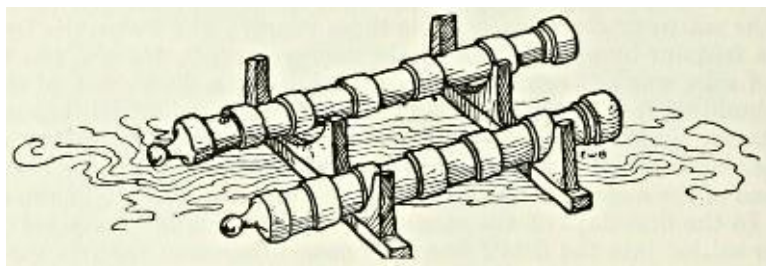
Из треугольника, составляющего фигуру Константинополя, две стороны вдоль моря были сделаны недоступными для врага: Пропонтида — по природе, а гавань — искусственно. Между двумя водами основание треугольника, сторона суши, было защищено двойной стеной и глубоким рвом глубиной сто футов. Против этой линии укреплений, которую Франц, очевидец, продлевают до шести миль, османы направили свою главную атаку; и император, распределив службу и командование на самых опасных постах, взял на себя оборону внешней стены. В первые дни осады греческие солдаты спускались в ров или выходили на поле, но вскоре обнаружили, что, учитывая их численность, один христианин был ценнее двадцати турок, и после этих смелых прелюдий они благоразумно согласились удерживать свои валы с помощью метательного оружия. Эту благоразумность не следует обвинять в малодушии. Нация действительно была малодушной и подлой, но последний Константин заслуживает звания героя; его благородная группа добровольцев была вдохновлена римской добродетелью, а иностранные вспомогательные войска поддерживали честь западного рыцарства.

Каждый день приносил христианам новые знания, но их недостаточные запасы пороха тратились впустую в ежедневных операциях. Их артиллерия не была мощной ни по размеру, ни по количеству, и если у них и были тяжелые пушки, они боялись устанавливать их на стенах, чтобы взрыв не пошатнул и не разрушил старое сооружение.

Большая пушка Мухаммеда была отмечена отдельно; это был важный и заметный объект в истории того времени; но эта огромная машина была окружена двумя почти равными по величине; длинный ряд турецкой артиллерии был направлен на стены; четырнадцать батарей одновременно обрушились на наиболее доступные места; и об одной из них неоднозначно сказано, что она была оснащена 130 пушками или что она выпустила 130 пуль. Тем не менее, в силе и активности султана мы можем разглядеть зарождение новой науки (). Под руководством мастера, который считал моменты, большая пушка могла быть заряжена и выстрелить не более семи раз в день. Нагретый металл, к сожалению, взорвался: несколько рабочих погибли; и восхищались мастерством художника, который догадался предотвратить опасность и несчастный случай, заливая масло после каждого взрыва в дуло пушки.

Первые случайные выстрелы приносили больше шума, чем эффекта, и только по совету одного христианина инженеры научились направлять огонь на две противоположные стороны выступающих углов бастиона. Несмотря на свою несовершенство, вес и повторяемость огня произвели некоторое впечатление на стены, и турки, продвигаясь к краю рва, попытались заполнить огромную пропасть и построить дорогу для штурма. После долгого и кровопролитного сражения паутина, сотканная днем, все еще оставалась

неразвязанной ночью. Следующим средством Мухаммеда было использование мин, но почва была каменистой, и при каждой попытке его останавливали и подрывали христианские инженеры; кроме того, еще не было изобретено искусство заполнять эти подземные ходы порохом и взрывать целые башни и города.

Пушка XV века

(По Де Монфокону)

Особенностью осады Константинополя было объединение древней и современной артиллерии. Пушки смешивались с механическими устройствами для метания камней и дротиков; пули и тараны были направлены на одни и те же стены; открытие пороха не заменило использование жидкого и неугасимого огня. Деревянная башня огромных размеров была выдвинута на роликах; башня Святого Романа была наконец опрокинута; после ожесточенной борьбы турки были отброшены от пролома и остановлены наступлением темноты. Каждый момент этой паузы в действиях, этого перерыва, дававшего надежду, был использован императором и Юстинианом, которые провели ночь на месте и подгоняли работы, от которых зависела безопасность церкви и города. На рассвете нетерпеливый султан с удивлением и огорчением обнаружил, что его деревянная башня превратилась в пепел; ров был очищен и восстановлен, а башня Святого Романа снова была крепкой и целой. Он сожалел о провале своего замысла и произнес кощунственное восклицание, что слово тридцати семи тысяч пророков не должно было заставлять его верить, что такое дело может быть выполнено неверными за столь короткое время.

При первых признаках осады Константин договорился об поставках самых необходимых припасов с островами Архипелага, Мореей и Сицилией. Пять больших кораблей, оборудованных для перевозки товаров и ведения войны, отплыли из гавани Хиоса. Один из этих кораблей нес императорский флаг; остальные четыре принадлежали генуэзцам и были загружены пшеницей и ячменем, вином, маслом и овощами, а главное — солдатами и моряками для службы столице. Турецкий флот у входа в Босфор растянулся от берега до берега в форме полумесяца, чтобы перехватить этих смелых помощников. Читатель, который имеет в уме географическую картину Константинополя, поймет и полюбуется величием этого зрелища.

Пять христианских кораблей продолжали продвигаться с радостными криками и полным ходом как парусов, так и весел, против вражеского флота из трехсот судов; а валы, лагерь, побережья Европы и Азии были заполнены бесчисленными зрителями, которые с нетерпением ждали исхода этой важной операции. На первый взгляд исход сражения не вызывал сомнений: превосходство мусульман было безграничным, и в спокойных условиях их численность и доблесть неизбежно взяли бы верх. Но их поспешный и несовершенный флот был создан не гением народа, а волей султана; на пике своего процветания турки признали, что если Бог дал им землю, то море он оставил неверным; и серия поражений, быстрое прогрессирующее упадничество подтвердили правдивость их скромного признания. В этом конфликте имперское судно, которое было почти побеждено, было

спасено геноуэзцами; но турки, в отдаленной и более близкой атаке, были дважды отбиты с значительными потерями.

Сам Мухаммед сидел верхом на лошади на берегу, чтобы воодушевить их своим голосом и присутствием, обещанием награды и страхом, более сильным, чем страх перед врагом. Страсти его души и даже жесты его тела, казалось, подражали действиям сражающихся; и, как будто он был повелителем природы, он без страха и без сил пришпорил свою лошадь и бросился в море. Его громкие упреки и крики лагеря подтолкнули османов к третьей атаке, более смертоносной и кровавой, чем две предыдущие; и мы должны повторить, хотя и не можем поверить, свидетельство Францеса, который утверждает из их собственных уст, что они потеряли более двенадцати тысяч человек в бойне того дня. Христианский флот, торжествующий и невредимый, проплыл по Босфору и безопасно бросил якорь в гавани.

Взятие города казалось безнадежным, если только не удастся провести двойную атаку как с моря, так и с суши; но гавань была недоступна; непроницаемая цепь теперь защищалась восемью большими кораблями, более чем двадцатью кораблями меньшего размера, несколькими галерами и шлюпами; и вместо того, чтобы прорвать эту преграду, турки могли опасаться вылазки флота и второго сражения в открытом море.

В этой затруднительной ситуации гениальный Мухаммед разработал и осуществил смелый и удивительный план по перевозке по суше своих более легких кораблей и военных запасов из Босфора в верхнюю часть гавани. Расстояние составляет около десяти миль; местность неровная и покрыта зарослями; и, поскольку дорога должна быть проложена за пригородом Галата, их свободное прохождение или полное уничтожение зависело от решения геноуэзцев. Но эти эгоистичные купцы стремились к чести быть последними, кого пожрут; и недостаток искусства компенсировался силой послушных мириад. Ровная дорога была покрыта широкой платформой из прочных и твердых досок; а чтобы сделать их более скользкими и гладкими, их смазали жиром овец и быков. Восемьдесят легких галер и бригантин с пятьюдесятью и тридцатью веслами были выгружены на берегу Босфора, расположены последовательно на роликах и продвигались вперед силой людей и блоков. Два лоцмана или пилота стояли у руля и на носу каждого судна; паруса были расправлены по ветру; и труд сопровождался песнями и восторженными возгласами. За одну ночь этот турецкий флот с трудом поднялся на холм, пересек равнину и был спущен с уклона в мелкие воды гавани, далеко от досягаемости более глубоких судов греков. Настоящее значение этой операции было преувеличено из-за того смятения и уверенности, которые она вызвала; но этот известный, неоспоримый факт был продемонстрирован на глазах и зафиксирован пером двух народов. Подобная стратегия неоднократно применялась древними.

Как только Мухаммед занял верхнюю гавань с флотом и армией, он построил в самой узкой части мост, или, скорее, мол, шириной в пятьдесят локтей и длиной в сто; он был сформирован из бочек и бочонков, соединенных стропилами, скрепленными железом и покрытыми прочным полом. На этой плавучей батарее он установил одну из своих самых больших пушек, в то время как восемьдесят галер с войсками и лестницами приближались к самой доступной стороне, которая ранее была взята штурмом латинскими завоевателями. Его бдительность не позволила приблизиться греческим кораблям; их передовые галеты были потоплены или захвачены; сорок юношей, самых храбрых из Италии и Греции, были безжалостно убиты по его приказу; и даже справедливое, хотя и жестокое возмездие, заключавшееся в том, что с крепостных стен были выставлены головы 260 мусульманских пленников, не смогло утешить императора.

После сорокадневной осады судьба Константинополя уже не могла быть изменена. Незначительный гарнизон был измотан двойной атакой; укрепления, которые веками противостояли вражескому насилию, были разрушены со всех сторон османскими пушками;

было пробито много брешей, а возле ворот Святого Романа четыре башни были сравнены с землей. Для оплаты своих слабых и мятежных войск Константин был вынужден ограбить церкви, пообещав четырехкратное возмещение, и его святотатство стало новым поводом для упреков со стороны противников союза. Дух раздора ослабил остатки христианской силы; генуэзские и венецианские вспомогательные войска утверждали превосходство своих соответствующих служб; а Юстиниани и великий герцог, чья амбиция не была погашена общей опасностью, обвиняли друг друга в предательстве и трусости.

Во время осады Константинополя иногда звучали слова о мире и капитуляции; между лагерем и городом прошло несколько посольств. Греческий император был смирен неблагоприятными обстоятельствами и согласился бы на любые условия, совместимые с религией и королевской властью. Турецкий султан желал пощадить кровь своих солдат, но еще больше желал заполучить для себя византийские сокровища, и он выполнил священный долг, предложив *габурам* выбор между обрезанием, данью или смертью. Жадность Мухаммеда могла бы быть удовлетворена годовой суммой в сто тысяч дукатов, но его амбиции охватили столицу Востока; принцу он предложил богатую компенсацию, народу — свободу вероисповедания или безопасное отправление, но после нескольких безрезультатных переговоров он объявил о своем решении найти либо трон, либо могилу под стенами Константинополя.

Чувство чести и страх всеобщего порицания не позволяли Палеологу сдать город в руки османов, и он решил дойти до последней крайности войны. Султан потратил несколько дней на подготовку к штурму, и его любимая наука астрология, определившая 29 мая как счастливый и роковой час, дала ему передышку. Вечером 27-го он отдал свои последние приказы. Толпа дервишей посетила палатки, чтобы внушить желание мученичества и уверенность в том, что они проведут бессмертную юность среди рек и садов рая и в объятиях черноглазых дев. Однако Мухаммед в основном полагался на эффективность временных и видимых наград. Победоносным войскам было обещано двойное жалованье. «Город и здания, — сказал Мухаммед, — принадлежат мне, но я оставляю вашей доблести пленников и добычу, сокровища золота и красоты; будьте богаты и счастливы. Многочисленны провинции моей империи: бесстрашный солдат, который первым взойдет на стены Константинополя, будет вознагражден управлением самой прекрасной и богатой из них, а моя благодарность приумножит его почести и богатство сверх меры его собственных надежд». Такие разнообразные и мощные мотивы распространили среди турок всеобщий энтузиазм, пренебрегающий жизнью и нетерпеливый к действию; лагерь оглашался мусульманскими криками «Бог есть Бог, есть только один Бог, и Мухаммед — апостол Бога», а море и суша от Галаты до Семи башен были освещены пламенем их ночных костров.

Совершенно иным было состояние христиан, которые громкими и бессильными жалобами оплакивали вину или наказание за свои грехи. Небесный образ девы был выставлен на всеобщее обозрение в торжественной процессии, но их божественная покровительница была глуха к их мольбам; они обвиняли императора в упрямстве за отказ своевременно сдаться, предвкушали ужасы своей судьбы и вздыхали о покое и безопасности турецкого рабства. Самые благородные из греков и самые храбрые из союзников были вызваны во дворец, чтобы подготовить их вечером двадцать восьмого числа к обязанностям и опасностям общего штурма. Последняя речь Палеолога была похоронной речью Римской империи: он обещал, умолял и тщетно пытался вселить надежду, которая погасла в его собственном сердце. В этом мире все было безрадостным и мрачным; и ни Евангелие, ни церковь не предлагали заметного вознаграждения героям, павшим на службе своей страны. Но пример их князя и осада вооружили этих воинов отчаянным мужеством; и эта трогательная сцена описана чувствами историка Францеса (1), который сам присутствовал

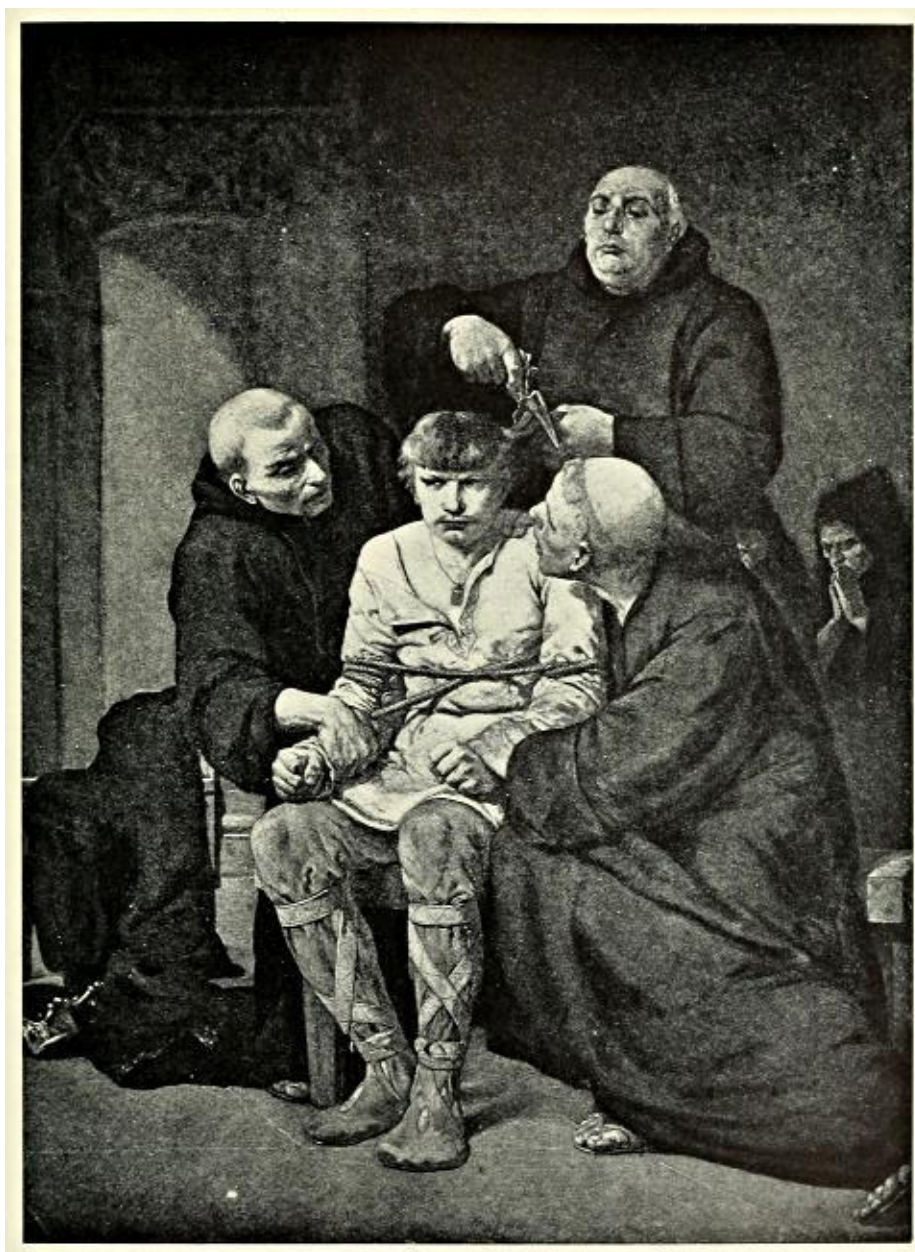
на этом печальном собрании. Они плакали, обнимались; не заботясь о своих семьях и состояниях, они посвятили свои жизни; и каждый командир, уходя на свой пост, всю ночь бодрствовал и тревожно наблюдал за валами. Император и некоторые верные спутники вошли в купол собора Святой Софии, который через несколько часов должен был быть преобразован в мечеть, и с слезами и молитвами благочестиво приняли таинство святого причастия. Он отдохнул несколько минут во дворце, который оглашался криками и плачем, попросил прощения у всех, кому он мог причинить вред, и сел на лошадь, чтобы посетить стражу и изучить движения врага. Страдания и падение последнего Константина более славны, чем долгое процветание византийских цезарей.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ АТАКА

В суматохе темноты штурм иногда может увенчаться успехом, но в этом великом и всеобщем нападении военное чутье и астрологические знания Мухаммеда подсказывали ему дожидаться утра, памятного 29 мая 1453 года по христианскому летоисчислению. Предыдущая ночь была напряженной. Под страхом смерти было предписано соблюдать тишину, но физические законы движения и звука не подчиняются дисциплине или страху; каждый человек мог подавлять свой голос и сдерживать шаги, но марш и труд тысяч людей неизбежно производили странную смесь диссонансных звуков, которые доносились до ушей стражей на башнях. На рассвете, без обычного сигнала утреннего выстрела, турки атаковали город с моря и суши; их линия атаки была похожа на скрученную или переплетенную нить.

В первых рядах шли отбросы войска, добровольная толпа, сражавшаяся без порядка и командования; старики и дети, крестьяне и бродяги, и все, кто присоединился к лагерю в слепой надежде на грабеж и мученичество. Общий импульс гнал их к стене: самые смелые, пытавшиеся взобраться на нее, мгновенно падали вниз; и ни один дротик, ни одна пуля христиан не были напрасно потрачены на скопившуюся толпу. Но их силы и боеприпасы были исчерпаны в этой тяжелой обороне; ров был заполнен телами убитых; они поддерживали шаги своих товарищей; и для этого преданного авангарда смерть была более полезной, чем жизнь.

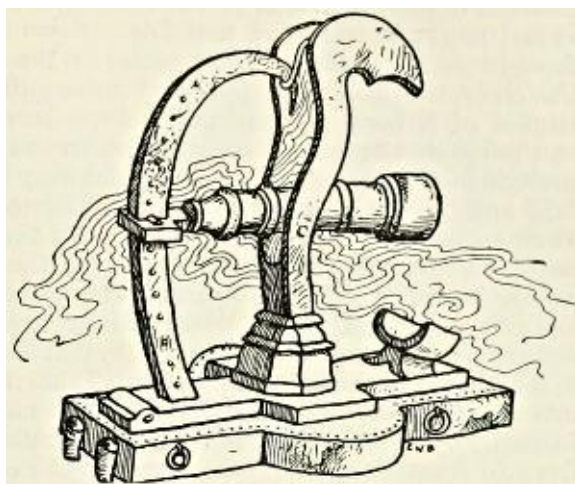
Под командованием своих паш и санжаков войска Анатолии и Румынии последовательно шли в атаку; их продвижение было неоднородным и сомнительным, но после двухчасового сражения греки по-прежнему удерживали и усиливали свое преимущество. В этот роковой момент янычары поднялись, свежие, энергичные и непобедимые. Сам султан, сидя на лошади с железной булавой в руке, был зрителем и судьей их доблести; он был окружен десятью тысячами своих внутренних войск, которых он приберегал для решающего момента; и ход сражения направлялся и подталкивался его голосом и взглядом. Его многочисленные министры юстиции были размещены за линией, чтобы подгонять, сдерживать и наказывать; и если впереди была опасность, то сзади беглецов ждали позор и неизбежная смерть. Крики страха и боли заглушались военной музыкой барабанов, труб и аттабалов; и опыт доказал, что механическое воздействие звуков, ускоряя кровообращение и поднимая настроение, действует на человеческий организм сильнее, чем красноречие разума и чести. С линий, галер и моста османская артиллерия гремела со всех сторон; лагерь и город, греки и турки были охвачены облаком дыма, которое могло быть рассеяно только окончательным освобождением или разрушением Римской империи.

ПОСЛЕДНИЙ КОРОЛЬ ИЗ ДИНАСТИИ МЕРОВИНГОВ: ХИЛЬДЕРИК ГЛУПЫЙ

Непосредственную потерю Константинополя можно приписать пуле или стреле, пронзившей перчатку Иоанна Юстиниани. Вид его крови и сильная боль потрясли мужество вождя, чьи руки и советы были самым надежным оплотом города. Когда он покинул свой пост в поисках хирурга, его бегство было замечено и остановлено неутомимым императором: «Ваша рана, — объяснил Палеолог, — незначительна; опасность неотложна; ваше присутствие необходимо; и куда вы собираетесь уйти?» «Я уйду, — сказал дрожащий генуэзец, — той же дорогой, которую Бог открыл туркам», — и с этими словами он поспешно прошел через один из проломов во внутренней стене. Этим малодушным поступком он запятнал честь военной жизни, и те несколько дней, которые он прожил в Галате или на острове Хиос, были омрачены его собственным и общественным порицанием.^[92] Его примеру последовала большая часть латинских вспомогательных войск, и оборона начала ослабевать, когда атака усилилась с удвоенной энергией. Число османов превосходило число христиан в пятьдесят, а может быть, и в сто раз; двойные стены были превращены пушками в груды руин; на протяжении нескольких миль наверняка находились места, более доступные или слабо охраняемые; и если осаждающие могли проникнуть в

одно единственное место, весь город был безвозвратно потерян. Первым, кто заслужил награду султана, был Хасан-янычар, гигантского роста и силы. С ятаганом в одной руке и щитом в другой он взобрался на внешнюю крепостную стену; из тридцати янычар, которые соперничали с ним в доблести, восемнадцать погибли в этой смелой авантюре. Хасан и его двенадцать товарищей достигли вершины; великан был сброшен с вала; он поднялся на одно колено и снова был засыпан градом дротиков и камней. Но его успех доказал, что это было возможно; стены и башни мгновенно покрылись роем турок, и греки, теперь изгнанные с выгодной позиции, были подавлены растущей толпой.

Пушка XV века

(По Де Монфокону)

Среди этой толпы долго было видно императора, который выполнял все обязанности полководца и солдата, но в конце концов он исчез. Вельможи, сражавшиеся вокруг него, до последнего вздоха поддерживали почетные имена Палеолог и Кантакузен; слышалось его печальное восклицание: «Неужели не найдется христианин, который отрубит мне голову?» И его последним страхом было попасть живым в руки неверных. Благоразумное отчаяние Константина заставило его отбросить пурпур; в суматохе он пал от руки неизвестного, и его тело было похоронено под горой убитых.

После его смерти сопротивление и порядок исчезли; греки бежали к городу, и многие были задавлены и задушены в узком проходе ворот Святого Романа. Победоносные турки ворвались через проломы во внутренней стене, и, продвигаясь по улицам, вскоре к ним присоединились их братья, которые взломали ворота Фенар со стороны гавани. В первом порыве преследования около двух тысяч христиан были преданы мечу, но вскоре алчность взяла верх над жестокостью, и победители признали, что они должны были бы немедленно дать пощаду, если бы доблесть императора и его избранных отрядов не подготовила их к подобному сопротивлению во всех частях столицы.

Так, после пятидесяти трех дней осады, Константинополь, который бросил вызов власти Хосрова, кагана и халифов, был безвозвратно покорен оружием Мухаммеда II. Его империя была свергнута только латинянами; его религия была поправа в грязь мусульманскими завоевателями.

РАЗГРАБЛЕНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛИЯ

Убедившись в неизбежности общественной катастрофы, жители мгновенно покинули свои дома и монастыри и, как стадо испуганных животных, собрались на улицах, словно надеясь, что в толпе каждый из них будет в безопасности и останется незамеченным, или же питая тщетную надежду, что в толпе каждый из них будет в безопасности и останется незамеченным. Со всех концов столицы они стекались в церковь Святой Софии; в течение часа святилище, хоры, неф, верхние и нижние галереи заполнились толпами отцов и мужей, женщин и детей, священников, монахов и монахинь; двери были заперты изнутри, и они искали защиты в священном куполе, который еще недавно они презирали как нечестивое и оскверненное сооружение. Их уверенность основывалась на пророчестве энтузиаста или самозванца, что однажды турки войдут в Константинополь и будут преследовать римлян до колонны Константина на площади перед Святой Софией, но что это будет конец их бедствий, что ангел сойдет с небес с мечом в руке и этим небесным оружием освободит империю, передавая ее бедному человеку, сидящему у подножия колонны. «Возьми этот меч, — скажет он, — и отомсти за народ Господень». Услышав эти воодушевляющие слова, турки немедленно бегут, а победоносные римляне изгоняют их из Запада и из всей Анатолии до границ Персии. Именно по этому поводу Дукас в ⁴ с некоторой долей фантазии и большой долей правды упрекает греков в раздоре и упрямстве. «Если бы тот ангел появился, — восклицает историк, — если бы он предложил истребить ваших врагов, если бы вы согласились на объединение церкви, даже тогда, в тот роковой момент, вы бы отвергли свою безопасность или обманули своего Бога».

Пока они ждали появления запоздавшего ангела, двери были взломаны топорами; и, поскольку турки не встретили сопротивления, их руки, не запачканные кровью, занялись отбором и захватом множества пленников. Их выбор привлекали молодость, красота и видимое богатство; право собственности решалось между ними путем предварительного захвата, личной силы и авторитета командования. В течение часа мужчины-пленники были связаны веревками, а женщины — своими вуалями и поясами. Сенаторы были связаны со своими рабами, прелаты — с церковными прислужниками, а молодые люди из плебейского сословия — с благородными девушками, чьи лица не видели ни солнца, ни их ближайших родственников. В этом общем плену социальные классы были смешаны, узы природы разорваны, и неумолимый солдат был безразличен к стонам отца, слезам матери и плачу детей. Громче всех плакали монахини, которых вытаскивали из церкви с обнаженной грудью, протянутыми руками и растрепанными волосами; и мы должны благочестиво верить, что немногие могли бы предпочесть бдения в гареме бдениям в монастыре.

Этих несчастных греков, этих домашних животных, целыми вересками грубо гнали по улицам; и поскольку завоеватели жаждали вернуться за новой добычей, их дрожащий шаг ускорялся угрозами и ударами. В то же время подобное ограбление происходило во всех церквях и монастырях, во всех дворцах и жилищах столицы; ни одно место, каким бы священным или уединенным оно ни было, не могло защитить людей или имущество греков. Более шестидесяти тысяч из этого преданного народа были вывезены из города в лагерь и на флот; обменены или проданы, в зависимости от прихоти или интересов их хозяев, и рассеяны в отдаленном рабстве по провинциям Османской империи. Среди них можно отметить несколько замечательных личностей. Историк Францес, первый камергер и главный секретарь, вместе со своей семьей был вовлечен в общую судьбу. После нескольких месяцев страданий от рабства он восстановил свою свободу; следующей зимой он отважился отправиться в Адрианополь и выкупил свою жену у *мир-баши*, или конюшего; но его двое детей, в расцвете молодости и красоты, были захвачены для использования самим Мухаммедом. Дочь Францеса умерла в гареме, возможно, девственницей; его сын,

пятнадцатилетний юноша, предпочел смерть позору и был заколот рукой королевского любовника.

Гордость или жестокость Мухаммеда были бы наиболее удовлетворены пленением римского легата; но ловкость кардинала Исидора позволила ему ускользнуть от преследования, и он сбежал из Галаты в одежде простолюдина. Цепь и вход во внешнюю гавань по-прежнему были заняты итальянскими торговыми и военными кораблями. Они продемонстрировали свою доблесть во время осады и воспользовались моментом отступления, пока турецкие моряки развлекались грабежом города. Когда они подняли паруса, пляж был покрыт молящей и жалостной толпой; но средств транспорта было мало; венецианцы и генуэзцы выбрали своих соотечественников; и, несмотря на самые справедливые обещания султана, жители Галаты покинули свои дома и сели на корабли со своими самыми ценными вещами.

При падении и разграблении великих городов историк обречен повторять рассказ об одинаковых бедствиях; одни и те же страсти приводят к одним и тем же последствиям; и когда этим страстям можно дать волю без всякого контроля, разница между цивилизованным и диким человеком, увы, становится незначительной. Среди неясных восклицаний фанатизма и ненависти турки не обвиняются в бессмысленном или чрезмерном пролитии христианской крови; но согласно их принципам (принципам древности) жизни побежденных были утрачены, а законная награда завоевателя происходила от службы, продажи или выкупа его пленников обоих полов. Богатства Константинополя были переданы султаном его победоносным войскам, и грабеж за один час приносит больше дохода, чем многолетний труд. Но поскольку не было предпринято никаких попыток разделить добычу, доли не были определены по заслугам, и награды за доблесть были украдены последователями лагеря, которые отказались от труда и опасности сражения. Рассказ об их грабежах не мог служить ни развлечением, ни поучением; общая сумма, в условиях крайней нищеты империи, была оценена в четыре миллиона дукатов; и из этой суммы небольшая часть принадлежала венецианцам, генуэзцам, флорентийцам и купцам из Анконы. У этих иностранцев капитал увеличивался благодаря быстрой и постоянной циркуляции, но богатства греков демонстрировались в празднично-вычурном виде или глубоко зарывались в сокровищах слитков и старых монет, чтобы их не потребовали у них для защиты своей страны.

Осквернение и разграбление монастырей и церквей вызвало самые трагические жалобы. Купол самой Святой Софии, земного рая, второго неба, средства передвижения херувимов, трона славы Божьей, был ограблен вековых подношений; а золото и серебро, жемчуг и драгоценные камни, вазы и священнические украшения были самым злобным образом обращены на службу человечеству. После того как божественные образы были лишены всего, что могло представлять ценность для нечестивого глаза, холст или дерево были разорваны, сломаны, сожжены, растоптаны или использованы в конюшнях или на кухне для самых гнусных целей.

Однако пример святотатства был подражен латинскими завоевателями Константинополя; и то обращение, которое Христос, Богородица и святые испытали от виновных католиков, могло быть нанесено ревностными мусульманами памятникам идолопоклонства. Возможно, вместо того, чтобы присоединиться к общественному возмущению, философ заметит, что в « » (Смерть и жизнь искусств) мастерство не может быть ценнее самого произведения, и что новые видения и чудеса будут быстро возобновлены благодаря искусству священников и легковёрности народа. Он будет более серьезно сожалеть о потере византийских библиотек, которые были уничтожены или

рассеяны в общей суматохе; говорят, что исчезло 120 000 рукописей; десять томов можно было купить за один дукат; и эта же позорная цена, возможно, слишком высокая для полки с теологическими трудами, включала в себя все произведения Аристотеля и Гомера, самые благородные произведения науки и литературы древней Греции. Мы можем с удовольствием подумать о том, что неоценимая часть наших классических сокровищ была надежно сохранена в Италии и что механики немецкого города изобрели искусство, которое высмеивает разрушительное воздействие времени и варварства.

С первого часа памятного 29 мая в Константинополе царили беспорядки и грабежи, вплоть до восьмого часа того же дня, когда сам султан торжественно прошел через ворота Святого Романа. Его сопровождали визири, паши и гвардейцы, каждый из которых (по словам византийского историка) был крепок, как Геракл, ловкий, как Аполлон, и в бою равен десяти обычным смертным. Завоеватель с удовлетворением и удивлением смотрел на странный, но великолепный вид куполов и дворцов, столь непохожих на стиль восточной архитектуры. На ипподроме, или *атмейдане*, его взгляд привлекли скрученные колонны из трех змей; и, чтобы проверить свою силу, он разбил железной булавой, или боевым топором, нижнюю челюсть одного из этих чудовищ, которые в глазах турок были идолами или талисманами города.

У главного входа в собор Святой Софии он спешил с лошади и вошел в купол; и настолько ревниво он относился к этому памятнику своей славы, что, заметив ревностного мусульманина, ломающего мраморную мостовую, он предупредил его своим ятаганом, что если добыча и пленники были предоставлены солдатам, то общественные и частные здания были зарезервированы для принца. По его приказу столица Восточной церкви была превращена в мечеть; богатые и переносные предметы суеверия были удалены; кресты были сброшены; а стены, покрытые изображениями и мозаикой, были вымыты, очищены и возвращены к состоянию голой простоты.

В тот же день или в следующую пятницу *муэдзин*, или глашатай, поднялся на самую высокую башню и провозгласил *эзан*, или публичное приглашение от имени Бога и его пророка; имам проповедовал, а Мухаммед II совершил *намаз*, молитву и благодарение на великом алтаре, где еще недавно перед последним из цезарей совершались христианские таинства. Из собора Святой Софии он направился в величественный, но опустевший дворец ста преемников великого Константина, который за несколько часов был лишен королевской роскоши. Меланхоличные размышления о превратностях человеческого величия навязались его уму, и он повторил изящный дистих из персидской поэзии: «Паук сплел свою паутину в императорском дворце, а сова спела свою песню на башнях Афрасиаба».

Однако его ум не был удовлетворен; победа не казалась полной, пока ему не сообщили о судьбе Константина — сбежал ли он, был ли взят в плен или пал в бою. Два янычара заявили о своей чести и награде за его смерть; тело, под грудой убитых, было обнаружено по золотым орлам, вышитым на его туфлях; греки со слезами признали голову своего покойного императора; и, выставив кровавый трофей, Мухаммед оказал своему сопернику честь достойных похорон. Милосердие было проявлено к главным государственным чиновникам, нескольких из которых он выкупил за свой счет; и в течение нескольких дней он провозгласил себя другом и отцом побежденного народа. Но ситуация скоро изменилась, и перед его отъездом Ипподром был залит кровью его самых знатных пленников. Его вероломная жестокость проклята христианами; они украшают цветами героического мученичества казнь великого князя и его двух сыновей; а его смерть приписывают великодушному отказу выдать своих детей на произвол тирана. Тем не менее, византийский историк проговорился о заговоре, освобождении и итальянской помощи; такая измена может быть славной, но мятежник, который смело рискнул, по праву лишился жизни; и мы

не должны винить завоевателя за уничтожение врагов, которым он больше не может доверять. 18 июня победоносный султан вернулся в Адрианополь и улыбнулся низким и пустым посольствам христианских князей, которые видели в падении Восточной империи свою приближающуюся гибель.

Константинополь остался голым и опустошенным, без князя и народа. Но он не мог быть лишен несравненного положения, которое делает его столицей великой империи; и гений этого места всегда будет торжествовать над случайностями времени и судьбы. Бруса и Адрианополь, древние резиденции османов, превратились в провинциальные города, а Мухаммед основал свою резиденцию и резиденцию своих преемников на том же величественном месте, которое было выбрано Константином. Укрепления Галаты, которые могли служить убежищем для латинян, были предусмотрительно разрушены, но ущерб, нанесенный турецкими пушками, был вскоре устранен. Поскольку вся собственность на землю и здания, будь то публичные или частные, светские или священные, теперь перешла к завоевателю, он сначала отделил участок площадью в восемь стадий от вершины треугольника для создания своего гарема или дворца. В новом качестве мечети собор Святой Софии был наделен щедрыми доходами, увенчан высокими минаретами и окружен рощами и фонтанами для поклонения и отдыха мусульман. Такая же модель была повторена в *джамиах*, или королевских мечетях; первые из них были построены самим Мухаммедом на руинах церкви святых апостолов и гробниц греческих императоров.

Константинополь больше не принадлежит римскому историку; мы также не будем перечислять гражданские и религиозные здания, которые были осквернены или возведены его турецкими хозяевами; население быстро обновилось, и до конца сентября пять тысяч семей из Анатолии и Румынии подчинились королевскому указу, который предписывал им под страхом смерти заселить свои новые жилища в столице. Трон Мухаммеда охраняли многочисленные и верные ему мусульманские подданные, но его разумная политика стремилась собрать остатки греков, и они вернулись толпами, как только им гарантировали жизнь, свободу и свободное исповедание своей религии. При избрании и интронизации патриарха был возрожден и имитирован церемониал византийского двора. С чувством удовлетворения и ужаса они смотрели на султана на его троне, который вручил Геннадию посох или пастырский жезл, символ его церковной должности, проводил патриарха к воротам сераля, подарил ему богато украшенного коня и приказал визирям и пашам отвести его во дворец, который был выделен для его проживания. Церкви Константинополя были разделены между двумя религиями, их границы были обозначены; и до тех пор, пока это не было нарушено Селимом, внуком Мухаммеда, греки более шестидесяти лет пользовались преимуществами этого равного разделения.^[1]

КОНЕЦ ДИНАСТИЙ КОМНИНОВ И ПАЛЕОЛОГОВ

Окончательное исчезновение двух последних династий, правивших в Константинополе, положило конец упадку и падению Римской империи на Востоке. Деспоты Мореи,^[94] Деметрий и Фома, два выживших брата по имени Палеологи, были потрясены смертью императора Константина и гибелью монархии. Не видя надежды на защиту, они вместе с благородными греками, которые примкнули к их судьбе, приготовились искать убежища в Италии, вне досягаемости османского гнева. Их первые опасения были развеяны победоносным султаном, который довольствовался данью в двенадцать тысяч дукатов; и пока его амбиции исследовали континент и острова в поисках добычи, он даровал Морее семилетнюю передышку. Но эта передышка была периодом скорби, раздора и страданий. *Гексамиллион*, вал перешейка, столь часто возводившийся и столь часто разрушавшийся, не мог долго защищаться тремястами итальянскими лучниками; ключи от Коринфа были захвачены турками; они возвращались из своих летних походов с обозом пленников и добычей; а жалобы пострадавших греков вызывали равнодушие и презрение. Албанцы, бродячее племя пастухов и разбойников, наполнили полуостров грабежами и убийствами; два деспота умоляли соседнего пашу о опасной и унижительной помощи; и когда он подавил восстание, его уроки заложили основу для их будущего поведения.

Ни кровные узы, ни клятвы, которые они неоднократно давали в причастии и перед алтарем, ни сильное давление необходимости не могли примирить или приостановить их внутренние распри. Они опустошали наследие друг друга огнем и мечом; милостыня и помощь Запада были израсходованы на гражданскую вражду, а их власть проявлялась только в жестоких и произвольных казнях. Бедствие и месть более слабого соперника вызвали их верховного повелителя; и в сезон зрелости и мести Мухаммед провозгласил себя другом Деметрия и вторгся в Морею с непреодолимой силой. Когда он овладел Спартой, султан сказал: «Ты слишком слаб, чтобы контролировать эту бурную провинцию; я возьму твою дочь в свою постель, а ты проведешь остаток своей жизни в безопасности и чести».

Деметрий вздохнул и подчинился; он отдал свою дочь и свои замки; последовал за своим повелителем и сыном в Адрианополь и получил для себя и своих последователей () город во Фракии и соседние острова Имброс, Лемнос и Самотраки. В следующем году к нему присоединился товарищ по несчастью, последний из рода Комнинов, который после захвата Константинополя латинянами основал новую империю на побережье Черного моря. В ходе своих завоеваний в Анатолии Мухаммед с флотом и армией осадил столицу Давида, который осмелился провозгласить себя императором Трапезунда; переговоры свелись к короткому и категоричному вопросу: «Хочешь ли ты сохранить свою жизнь и сокровища, отказавшись от своего королевства, или же ты предпочитаешь лишиться своего королевства, сокровищ и жизни?». Слабый Комнин был подавлен собственными страхами и примером соседа-мусульманина, князя Синопа, который, получив аналогичное требование, сдал укрепленный город с четырьмя сотнями пушек и десятью или двенадцатью тысячами солдат. Капитуляция Трапезунда была выполнена в точности, и император с семьей был перевезен в замок в Румынии, но по незначительному подозрению в переписке с персидским царем Давид и весь род Комнинов были принесены в жертву ревности или алчности завоевателя.

Имя отца также не смогло защитить несчастного Деметрия от изгнания и конфискации; его униженная покорность вызвала у султана сожаление и презрение; его последователи были переселены в Константинополь; а его бедность была облегчена пенсией в пятьдесят тысяч аспергов, пока монашеская ряса и медленная смерть не освободили Палеолога от земного господина. Трудно сказать, что было более бесславным: рабство Деметрия или изгнание его брата Фомы. После завоевания Мореи деспот бежал на Корфу, а оттуда в Италию с несколькими преданными ему последователями; его имя, его страдания и голова

апостола святого Андрея дали ему право на гостеприимство Ватикана; и его страдания были продлены пенсией в шесть тысяч дукатов от папы и кардиналов. Его два сына, Андрей и Мануил, получили образование в Италии, но старший, презренный для своих врагов и обременительный для своих друзей, был унижен низкостью своей жизни и брака. Его единственным наследством был титул, который он последовательно продал королям Франции и Арагона. Во время своего мимолетного процветания Карл VIII стремился присоединить Восточную империю к Неаполитанскому королевству; на публичном празднике он принял титул и пурпур августа; греки ликовали, а османы уже дрожали от приближения французского рыцарства. Мануил Палеолог, второй сын, был соблазнен вернуться в свою родную страну; его возвращение могло быть благодарным и не представляло опасности для Порты; он жил в Константинополе в безопасности и комфорте; и почетная свита христиан и мусульман сопровождала его до самой могилы. Если и существуют животные настолько благородной натуры, что отказываются размножаться в домашних условиях, то последний из императорского рода должен быть отнесен к низшему виду; он принял от щедрого султана двух прекрасных женщин, а его выживший сын был утрачен в привычках и религии турецкого раба.

Важность Константинополя была ощутима и усилилась с его потерей; понтификат Николая V, каким бы мирным и процветающим он ни был, был опозорен падением Восточной империи; и скорбь и ужас латинян возродили, или, по крайней мере, казалось, что возродили, старый энтузиазм крестовых походов. Если бы союз христиан соответствовал их храбрости; если бы каждая страна, от Швеции до Неаполя, предоставила справедливую долю кавалерии и пехоты, людей и денег, то вполне вероятно, что Константинополь был бы освобожден, а турки изгнаны за Геллеспонт или Евфрат. Но секретарь императора, который составлял каждое письмо и присутствовал на каждом собрании, Эней Сильвий, государственный деятель и оратор, описывает из собственного опыта отвратительное состояние и дух христианского мира. «Это тело, — говорит он, — без головы; республика без законов и магистратов. Папа и император могут блистать высокими титулами, великолепными образами, но они неспособны командовать, и никто не желает подчиняться; каждое государство имеет отдельного князя, и каждый князь имеет отдельные интересы. Какая красноречивость могла бы объединить столько несогласных и враждебных сил под одним знаменем? Могли бы они собраться под оружием, кто осмелился бы взять на себя должность генерала? Какой порядок можно было бы поддерживать, какую военную дисциплину? Кто взялся бы накормить такое огромное множество людей? Кто понял бы их разные языки или направил их чуждые и несовместимые нравы? Какой смертный смог бы примирить англичан с французами, Геную с Арагоном, немцев с жителями Венгрии и Богемии? Если бы небольшое число людей вступило в священную войну, они были бы побеждены неверными; если бы их было много, то они были бы побеждены собственным весом и замешательством».

Тем не менее, тот же Эней, когда он был возведен на папский престол под именем Пия II, посвятил свою жизнь ведению войны с турками. На соборе в Мантуе он разжег несколько искр ложного или слабого энтузиазма; но когда понтифик появился в Анконе, чтобы лично вступить в строй с войсками, обязательства исчезли под предлогом оправданий; точный день был отложен на неопределенный срок; и его боеспособная армия состояла из нескольких немецких паломников, которых он был вынужден распустить, давая им индульгенции и милостыню.

Не заботясь о будущем, его преемники и власти Италии были вовлечены в интриги настоящего и внутренние амбиции; и расстояние или близость каждой цели определяла в их глазах ее кажущуюся значимость. Более широкий взгляд на их интересы научил бы их вести оборонительную и морскую войну против общего врага; а поддержка Скандербега

(Искандер-бей) и его храбрых албанцев могла бы предотвратить последующее вторжение в королевство Неаполь. Осада и разграбление Отранто турками вызвали всеобщее смятение; и папа Сикст готовился бежать за Альпы, когда буря мгновенно улеглась благодаря смерти Мухаммеда II в возрасте пятидесяти одного года. Его великий гений стремился к завоеванию Италии: он владел крепкой крепостью и вместительной гаванью, и его правление могло бы быть украшено трофеями нового и древнего Рима.^[a]

СНОСКИ

[89] [Название, данное древней Прусе после того, как она попала в руки турок].

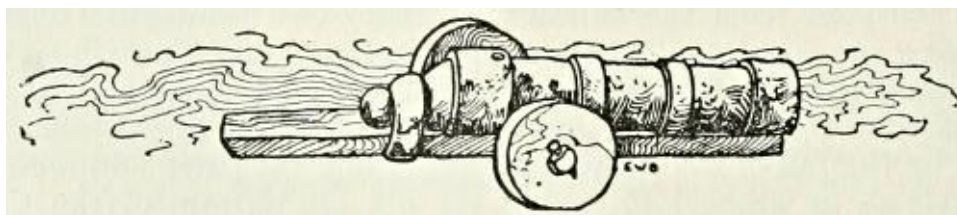
[90] Леонард говорит, что пули из большой пушки имели окружность в одиннадцать его ладоней.

[91] [Это рассказ Финлея, но Герцберг^[b] говорит: «Число войск (помимо большого лагеря и массы фанатичных имамов, мулл и дервишей) по самым скромным и, следовательно, наиболее достоверным оценкам составляло 165 000 человек, из которых, вместе с 15 000 янычарами, более 80 000 были регулярными солдатами. Флот, согласно, по-видимому, достоверным данным, насчитывал 145 судов, а именно 12 больших галер, около 80 двухпалубных кораблей, около 25 небольших каботажных судов и ряд бригов».

[92] Джастиниани защищает Финлей^[c] на, по-видимому, веских основаниях. Он потребовал дополнительные пушки для защиты большого пролома; в этом ему отказал великий герцог Нотарас, который имел официальный контроль над артиллерией, и Константин был вынужден применить всю свою власть, чтобы предотвратить драку между двумя генералами. Ранение Джастиниани, должно быть, вывело его из строя; он удалился на свой корабль, чтобы перевязать рану, и оказалось, что она смертельна. Его диалог с Константином, по словам Финлея, «явно является риторическим вымыслом».

[93] [Что касается значения «падения» Константинополя и надежды на его возрождение, то здесь уместно процитировать теорию русофила-историка Гельцера^[e]: «Май 1453 года окончательно погрузил Византийскую империю в могилу. Греческое господство давно ушло в прошлое; теперь исчезал и его пустой призрак. Но Византия обрела могущественного наследника. Царь России взял в жены принцессу из рода Палеологов; корона Константина Мономаха была возложена на голову самодержца всех русских земель в Кремле. Российская империя является *де-факто* продолжением Византийской. И если когда-нибудь Святая София будет возвращена к истинной вере, а Малая Азия освобождена от ужасного турецкого гнета, то это может произойти только благодаря усилиям царя России. Никто, кроме царя России, «защитника православной веры», вдохновленного чувством обязательств, связанных с его великим служением, не может стать императором Константинополя».

[94] [Современное название Пелопоннеса.]

КРАТКИЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПО ГЛАВАМ

[Буква ^a зарезервирована для редакционных материалов.]

ГЛАВА I. ЦАРСТВОВАНИЕ АРКАДИЯ

^b АЛЬБЕРТ ГЕЛЬДЕНПЕННИНГ, *«История Восточной Римской империи»*.

^c ДЖОРДЖ ФИНЛЕЙ, *Греция под властью римлян*.

^d ЭДВАРД ГИББОН, *«История упадка и падения Римской империи»*.

^e ГРАФ ЗОСИМ, *История графа Зосима*.

ГЛАВА II. ЦАРСТВОВАНИЕ ФЕОДОСИЯ МЛАДШЕГО ДО ВОЗВЫШЕНИЯ ЮСТИНИАНА

^b ЭДВАРД ГИББОН, *указ. соч.*

^c ГЕНРИ Х. ХОУОРТ, «Западное перемещение кочевников» в *Журнале антропологического института*, т. V.

^d АММИАН МАРЦЕЛЛИН, *«Римская история Аммиана Марцеллина»* (перевод с латинского С. D. Yonge).

^e ДЖ. Б. БЕРРИ, *«История поздней Римской империи»*.

ГЛАВА III. ЮСТИНИАН И ФЕОДОРА

^b ЭДВАРД ГИББОН, *указ. соч.*

^c АГАФИЙ, *Ἀγαθίου Σχολαστικοῦ Μυριναίου Ἱστορίων* E.

^d ДЖОРДЖ ФИНЛЕЙ, *указ. соч.*

^e ПРОКОПИЙ, *Ἀνέκδοτα* (Historia Arcana).

^f ПРОКОПИЙ, *Ἱστορία* (Книги о войнах).

^g ПРОКОПИЙ, *Κτίσματα* (Здания Юстиниана).

^h ИОАНН МАЛАЛАС, *Χρονογραφία*.

ⁱ ИОРДАНЕС (ЙОРНАНДЕС), *De Getarum origine et rebus gestis*.

^j МАГНУС АВРЕЛИЙ КАССИОДОР, *Variorum (Epistolarum) Libri XII*.

^k JOSEPH VON HAMMER-PURGSTALL, *Geschichte des Osmanischen Reiches*.

^l J. B. BURY *op. cit.*

^m Л. ФОН РАНКЕ, *Weltgeschichte*.

ⁿ АММИАН МАРЦЕЛЛИН, *op. cit.*

ГЛАВА IV. ПОЗДНИЕ ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ ЮСТИНИАНА

^b ДЖОРДЖ ФИНЛЕЙ, *указ. соч.*

^c ЭДВАРД ГИББОН, *указ. соч.*

^d ПРОКОПИЙ, *«Готская война»*, *op. cit.*

^e ДЖ. Б. БЕРРИ, *указ. соч.*

- ^f Е. А. FREEMAN, *General Sketch of European History*.
- ^g ТОМАС ХОДКИН, «Италия и ее завоеватели».
- ^h ИСИДОР СЕВИЛЬСКИЙ, «История готов».
- ⁱ ПАВЕЛ ДИАКОН, «История лангобардов».
- ^j JOHANN KASPAR ZEUSS, *Die Deutschen und die Nachbarstämme*.
- ^k ИОРДАНЕС, *De Regnorum ac temporum successionе*.
- ^l РОБЕРТ РОСЛЕР, «Римские исследования».
- ^m ТЕОФИЛАКТ СИМОКАТТА, *Ἱστορία οἰκουμένης*.
- ⁿ ИОАНН МАЛАЛАС, указ. соч.
- ^o АГАФИЙ, указ. соч.
- ^p ПРОКОПИЙ, указ. соч.

ГЛАВА V. ЮСТИН II — ИРАКЛИЙ

- ^b Э. ГИББОН, указ. соч.
- ^c ФЛАВИЙ КРЕСКОНИЙ КОРИПП, *Corippi Africani Grammatici fragmentum carminis in laudem ... De laudibus Justini Augusti Minoris*.
- ^d ИОАНН ЭФЕССКИЙ, *Третья книга Церковной истории* (под редакцией У. Кьюртонa).
- ^e ФЕОФИЛАКТ СИМОКАТТА, *op. cit.*
- ^f ФЕОФАН ВИЗАНТИЙСКИЙ, *ἱστορικῶν λόγοι δέκα*.
- ^g ДЖ. Б. БЕРРИ, указ. соч.
- ^h Н. GELZER, *Abriss der byzantinischen Kaisergeschichte* (в Karl Krumbacher's *Gesch. der byzantinischen Litteratur*).
- ⁱ G. FINLAY, *op. cit.*
- ^j BARONIUS, *Annales Ecclesiastici*.

ГЛАВА VI. ИРАКЛИЙ И ЕГО ПРЕЕМНИКИ

- ^b ДЖ. Б. БЕРРИ, указ. соч.
- ^c G. FINLAY, *op. cit.*
- ^d ФЕОФАН, указ. соч.

ГЛАВА VII. От Льва Исаврийского до Иоанна Зимиска

- ^b Г. Ф. ГЕРЦБЕРГ, *Geschichte der Byzantiner und des Osmanischen Reichs*.
- ^c К. SCHENK, в *Byzantinische Zeitschrift*.
- ^d Н. GELZER, *op. cit.*
- ^e Ф. Х. КЛИНТОН, *Fasti Romani*.

^f Ф. Ж. Солси, *Essai de classification des suites monétaires byzantines*.

^g Е. GIBBON, *op. cit.*

^h Дж. Б. Берри, *указ. соч.*

ⁱ G. FINLAY, *op. cit.*

^j Феофан, *указ. соч.*

^k Никифор Патриарх, *Ἱστορία σύντομος*.

^l Август Фр. Гфрорер, *Byzantinische Geschichte*.

^m Карл Йозеф фон Хефеле, *Konciliengeschichte*.

ⁿ Джордж Финлей, *История Византийской и Греческой империй с 716 по 1453 год*.

^o Лео Диакон, *История*.

ГЛАВА VIII. СЛАВА И УПАДОК ИМПЕРИИ

^b Лео Диакон, *op. cit.*

^c Георгий Кедренский, *Σύνοψις ἱστορίων (Compendium Historiarum ab Orbe Condita ad Isaacum Comnenum)*.

^d Иоанн Зонарас, *Χρονίκον (Летопись)*.

^e Г. Финлей, *указ. соч.*

^f Н. Gelzer, *op. cit.*

^g Георгий монах, «Хроника жизни новых царей».

^h Эдвард Гиббон, *указ. соч.*

ⁱ Анна Комнина, *Ἀλεξιάς*.

^j Никита Акоминат, *Ἱστορία*.

ГЛАВА IX. ЛАТИНСКАЯ ИМПЕРИЯ

^b Джеффри де Вильардуэн, *Histoire de la conquête de Constantinople*.

^c Эрнест Лависс и Альфред Рамбо, *Histoire générale du IVe siècle à nos jours*.

^d Ж. Ф. Мишо, *История крестовых походов* (перевод с французского В. Робсона).

^e С. Du F. Duc Cange, *Histoire de l'empire de Constantinople sous les empereurs français*.

^f Эдвард Гиббон, *указ. соч.*

^g Джордж Финлей, *История Греции от завоевания крестоносцами до завоевания турками, и империи Трапезундской*.

ГЛАВА X. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ГРЕЧЕСКОЙ ИМПЕРИИ

^b Эдвард Гиббон, *указ. соч.*

^c Джордж Финлей, «История Византийской и Греческой империй с 716 по 1453 год».

^d Георгий Пахимер, «Византийская история».

^e ЭРНЕСТ ЛАВИСС и АЛЬФРЕД РАМБО, *указ. соч.*

^f Н. GELZER, *op. cit.*

ГЛАВА XI. От МАНУИЛА II до падения КОНСТАНТИНОПОЛЯ

^b Г. Ф. ГЕРЦБЕРГ, *указ. соч.*

^c ДЖОРДЖ ФИНЛЕЙ, *указ. соч.*

^d ЭДВАРД ГИББОН, *указ. соч.*

^e Г. Ф. ГЕРЦБЕРГ, *указ. соч.*

^f ГЕОРГИОС ФРАНЗЕС, *Χρονίκον*.

^g ДУКАС, *Historia Byzantina*.

[Дополнительный список работ по поздней Римской империи на Востоке см. в Общей библиографии по римской истории в томе VI.]

КНИГА II

ПОЗДНЯЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ НА ЗАПАДЕ

ВВЕДЕНИЕ

ОБЩИЙ ОБЗОР ИСТОРИИ ЗАПАДНОЙ ИМПЕРИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР, СОДЕРЖАЩИЙ КРАТКИЙ ОБЗОР СОБЫТИЙ И ХРОНОЛОГИЧЕСКУЮ ТАБЛИЦУ

Проследив судьбу поздней Римской империи на Востоке до ее окончательного распада, мы теперь возвращаемся к древней столице Римской империи, где мы станем свидетелями одновременного процесса распада и развития — распада старого римского влияния и развития цивилизации и могущества новых народов Севера. Наше название «Поздняя Римская империя на Западе» или «Западная империя» следует понимать как довольно свободное обозначение народов, о которых сейчас идет речь. Мы уже (в томе VI) были свидетелями свержения Рима готами и отречения последнего законного императора старой римской династии. Однако утверждается, что это изменение не сопровождалось какими-либо действительно критическими изменениями в ходе мировых исторических событий.

Падение Рима знаменует собой удобную эпоху в ретроспективном взгляде историка; вряд ли это событие могло произвести большое впечатление на современных свидетелей. Одоакр признал власть Зенона, императора Запада, а когда сам Одоакр был атакован и свергнут Теодорихом, последний действовал под влиянием и властью того же императора. И в течение нескольких столетий правители Италии считали себя либо представителями, либо противниками Римской империи. Готы, лангобарды и франки поочередно вторгались в Италию и приходили к власти. Однако теоретически Западная империя по-прежнему оставалась Римской империей, хотя сам Рим уже давно утратил свое прежнее положение столицы. Следует напомнить, что еще во времена Диоклетиана резиденция правительства западной части империи была перенесена в Медиолан (Милан), а позднее Гонорий сделал своей столицей Равенну. Тем не менее, традиционная слава старого Рима не могла быть полностью стерта, и со временем древний город вновь стал считаться центром итальянского влияния. Именно в Риме в 800 году Карл Великий был коронован императором Запада, и его преемники в течение нескольких последующих столетий возвращались в ту же древнюю столицу, чтобы получить императорский титул.

Между тем, реальный центр мирового влияния на Западе сместился на север. Настоящей столицей империи Карла Великого был Аахен (Экс-ла-Шапель). Земля его рождения и место его главной деятельности находились к северу от Альп. Одним словом, несмотря на сохранение старого названия, западный римский император был правителем княжества, которое радикально отличалось от старого римского княжества. Латинская раса больше не была живой. Наступил период ее упадка. Вся надежда на прогресс и развитие, все перспективы нового мирового влияния лежали на народах севера — народах с удивительными способностями, чьи величайшие черты могли развиваться только после многих поколений цивилизации. Варварская раса не может сразу достичь всех плодов высшей культуры. Так же как в древности греки и римляне медленно пробивались к высокому уровню мирового исторического влияния через многие доисторические поколения, так и этим новым расам севера нужно дать время для развития, прежде чем они смогут надеяться соперничать в плодах своей цивилизации с достижениями старых империй юга. Они должны были быстро прогрессировать, отчасти потому, что у них была

старая цивилизация в качестве модели, по которой они могли строить; но не следовало ожидать, что даже эта помощь позволит им одним махом преодолеть пропасть между варварством и высшей цивилизацией.

На самом деле, для этого развития им потребовалось несколько столетий. А поскольку в это время старая цивилизация на юге перестала быть продуктивной, эти столетия известны потомкам как «темные века». Тем не менее, в этой мрачной картине есть и лучи света. В худшем случае западный мир не скатился в полное варварство, хотя, безусловно, значительно отстал от интеллектуального уровня более ранних времен. К счастью, наука создала достаточное количество записей, которые позволяют нам составить столь полную картину жизни и развития того периода, насколько это необходимо. Следуя нашей традиции, мы сначала кратко изложим ход событий в хронологическом порядке, а затем перейдем к подробному описанию.

ОТ ВОЗМУЩЕНИЯ ГУННОВ ДО ОСНОВАНИЯ ВЕСТГОТСКОГО ЦАРСТВА (375-415 гг. н. э.)

Вторжение варварских племен с севера в Римскую империю является одним из главных событий мировой истории. В этом движении главную роль сыграли около дюжины индогерманских народов, поселившихся между Волгой и Рейном, а также гунны, народ, который, как полагают, был монгольского происхождения. Оно начинается в конце IV века н. э., когда гунны и аланы вторгаются на территорию остготов на юге России. Последние объединяются с захватчиками и направляются против вестготов в восточной Венгрии и Румынии. Христианская часть вестготов из-за споров с римлянами продвигается на запад.

н. э.

378 Имперские войска противостоят им в Адрианополе. Император Валент убит.

382 Его преемник Феодосий заключает с ними мир в обмен на деньги и земли.

396 **Аларик**, вождь вестготов, не получив платы от Аркадия, вторгся в Пелопоннес, опустошая все на своем пути. Стилихон противостоял ему, но позволил ему сбежать. Аларик был назначен дуксом в восточной Иллирии.

403 Аларик возвращается в Иллирикум после неудачной попытки вторжения в Италию.

405-6 Поражение Радагаиса и его германских отрядов, вторгшихся в Италию. Вандалы, свевы и аланы покидают Дунай, продвигаются к Рейну, отбиваются галлами и в 409 году поселяются в Испании (см. Вестготское королевство). Тем временем салические франки покидают дельту Рейна и поселяются в северной Галлии (см. Меровингские короли), а бургунды — в среднем течении Рейна (см. Королевство Бургундия).

410 Аларик во время своего второго вторжения захватывает Рим и разграбляет его. Смерть Аларика.

411 **Атавульф**, брат жены Алариха, ведет вестготов в Галлию. Он берет с собой сестру Гонория в качестве заложницы и женится на ней (414).

415 г. Под сильным давлением римлян Атавульф отправляется в Испанию и завоевывает Барселону. Он убит. Его преемником становится **Сигерик**, правивший всего несколько дней. Его преемником становится **Валлия**. Он заключает союзный договор с Гонорием и получает территории на юге Галлии, подверженные римскому господству, и основано вестготское королевство Толуза [столица — Толуза (Tolosa)]. Этот союз, первый признак слияния латинского и германского народов, можно считать *началом современного мира*.

ВЕСТГОТСКОЕ ЦАРСТВО ВО ФРАНЦИИ И ИСПАНИИ (415-711 гг. н. э.)

На момент основания Вестготского королевства существовали два государства, основанных варварскими народами — свевами и вандалами, которые, как мы уже видели, вторглись в Испанию и поселились там (409 г.). У свевов было шесть королей, пока они не были подчинены вестготами в 469 г. **Годигисдус** или **Модигисдус** и его сын **Гундерик** правили вандалами до 425 года, когда их сменил **Гензерик**, брат Гундерика. В 429 году Гензерик, по приглашению, как говорят, римского наместника Африки Бонифация, привел весь свой народ и часть аланов в Карфаген (см. королевство вандалов в Африке).

415-418 **Валлия** как союзник Рима ведет войну против вандалов, свевов и аланов в Испании.

- 420 г. **Теодорих I**, сын Алариха, избран королем после смерти Валлии. Вестготы начинают освобождаться от Рима.
- 429 г. Вандалы уходят в Африку.
- 439 г. Теодорих наносит поражение римлянам при Толосе. Мирный договор с Авитом.
- 451 г. Римляне и вестготы объединяются против вторжения Атиллы, короля гуннов. Поражение Атиллы в битве при Шалоне, в которой погибает Теодорих. Его преемником становится его сын **Торисмонд**.
- 452 Торрисмонд убит своим братом **Теодорихом II**.
- 456 Как союзник Рима, Теодорих переправляется в Испанию и почти полностью уничтожает свевов в сражении под Асторга. Он укрепляет свою власть и не предпринимает попыток вернуть страну Риму.
- 466 Теодорих убит своим братом **Эвриком**.
- 469 г. Эврик делает свевов данниками. Вестготы становятся полностью независимыми от Рима. Эврик является не только воином, но и законодателем и публикует свод законов.
- 484 Смерть Эврика. Его преемником становится его сын **Аларик II**. Во время его правления публикуется свод законов *Breviarium Alaricianum*. Основанный на Феодосийском кодексе, он навязывает римские институты и идеи всему народу.
- 507 Смерть Алариха в сражении с Хлодвигом, королем Меровингов, при Вулоне. Его преемником становится его внебрачный сын **Гезалрик**. Остготы объединяются с вестготами и наносят поражение Меровингам при Арле. Теодорих Великий захватывает большую часть владений вестготов на юге Франции.
- 511 г. **Амаларик**, законный сын Алариха II, становится преемником. Он является внуком Теодориха Великого, который правит его королевством от его имени. Столица переносится из Тулузы в Толедо. Амаларик женится на дочери Хлодвига.
- 526 Смерть Теодориха Великого. Остроготское и вестготское королевства окончательно разделяются.
- 531 Смерть Амаларика в сражении с франками Меровингов. Преемником становится **Теудес**.
- 542 год Теудес отбивает франкское вторжение в Испанию.
- 548 **Теудисела** наследует Теуде.
- 549 **Агила** становится преемником. Во время его правления римляне отвоевывают многие города на побережье в попытке вернуть себе полуостров.
- 554 года — заключение в тюрьму и убийство Агилы. Его преемником становится **Атанагильд**, его политический противник.
- 567 **Люва** или **Левуа I** становится преемником. В следующем году к нему присоединяется **Левигильд**.
- 572 Смерть Лиува. Леувигильд становится единоличным королем. Он отвоевывает некоторые из городов, захваченных римлянами.
- 584 Окончательное завоевание свевов. Их страна становится провинцией Вестготского королевства.
- 586 **Рекард I** становится преемником. Во время его правления, в 587 году, вестготы переходят из арианства в православное католичество.

- 601 Смерть Рекареда, преемником становится **Люва II**.
- 603 Убийство Лювы, преемником становится **Виттерик**. Он отвоевывает у римлян некоторые города.
- 610 **Гундемар** сменяет убитого Виттерика.
- 612 **Сисибут** становится преемником.
- 621 **Рекаред II**, которого в том же году сменяет **Суинтила**. Все территории, захваченные римлянами, возвращены. Впервые весь полуостров становится вестготским.
- 631 год. Суинтила свергнут, королем становится **Сисенандо**.
- 636 год. Преемником становится **Чинталла**, за которым следует
- 640 году — **Тулга** или **Тулеа**.
- 642 **Циндасуинто** становится королем.
- 649 **Рецесуинто** становится соправителем.
- 652 Рецесуинто становится единоличным правителем после смерти Чиндасуинто.
- 672 **Вемба** становится королем.
- 680 Свержение Вамбы. Он уходит в монастырь. Ему наследует **Эрвигий**.
- 687 **Эргика** или **Эргиза** становится преемником.
- 698 **Витиза** становится соправителем.
- 702 Витиза становится единоличным королем.
- 709 **Родерик** «последний из готов» узурпирует трон.
- 710 Первые сарадины высаживаются в Испании.
- 711 Армия сарацин под командованием Тарика вторгается в Испанию. Битва при Хересе. Поражение и смерть Родерика. Сарацины легко завоевывают Испанию вплоть до горных районов на севере. Конец Вестготского королевства.

ЦАРСТВО ВАНДАЛОВ В АФРИКЕ (439-534 гг. н. э.)

- 429 Весь народ вандалов, насчитывавший около 80 000 человек, под руководством Гензериха переселяется в Испанию, а затем переправляется в Африку, по приглашению, как говорят, Бонифация, губернатора Африки, который в то время был в немилости при дворе Равенны. Вандалы осуществляют план быстрого завоевания и вскоре захватывают всю римскую Африку, за исключением Карфагена, Гиппона и Цирты.
- 431 Захват Гиппона после длительной осады. Смерть святого Августина.
- 435 Договор между Гензерихом и Валентинианом III, по которому римляне сохраняют только Карфаген и его окрестности.
- 439 Без каких-либо провокаций **Гензерик** или **Гайзерик** внезапно атакует и захватывает Карфаген. Он датирует основание своего королевства этим годом. Его правление проходит под знаком войн. Он строит большой флот для пиратских целей и делает Карфаген ведущей морской державой Средиземноморья. Католические христиане подвергаются жестоким преследованиям.

- 455 Захват и разграбление Рима Гензерихом по приглашению вдовы Валентиниана Евдоксии.
- 477 г. **Гунерик**, старший сын Гензериха, женат на Евдоции, дочери Евдоксии, наследует престол после смерти Гензериха. Ярый арианин, он преследует католиков.
- 484 **Гунтамунд** или **Гундамунд**, двоюродный брат Гуннерика, наследует ему после его смерти.
- 496 **Трасамунд** становится королем после смерти Гунтамунда. Народ быстро деградирует под влиянием климата, роскоши и пороков.
- 523 После смерти Трасамунда престол наследует **Хильдерик**, сын Хунерика. Он поддерживает католицизм и восстанавливает епископов и церкви.
- 531 Непопулярный Хильдерик свергнут и заключен в тюрьму, его двоюродный брат **Гелимер** возведен на престол.
- 533 Чтобы отомстить за обиды, нанесенные Хильдерiku, Юстиниан посылает Велизария вторгнуться в королевство. Захват Карфагена. Битва при Трикамаруме и разгром вандалов. Бегство Гелимера.
- 534 Сдача Гелимера. Конец королевства. Вандалы увезены в Константинополь и отправлены на службу против парфян. Несколько сотен бегут в Африку и принимают участие в восстании против Велизария, которое он с трудом подавляет (536). Вандалы исчезают из истории.

ГЕРУЛЫ И ОСТРОГОТЫ В ИТАЛИИ (476-555 гг. н. э.)

Аттила, царь гуннов, не смог основать государство в Римской империи. После его смерти (453 г.) царство гуннов распалось. Гепиды восстановили свою свободу; славянские племена последовали их примеру и постепенно проникли в Восточную Европу, где и проживают в настоящее время.

- 475 год **Одоакр**, вождь герулов, военачальник на службе у императора, возмущен действиями Ореста, свергнувшего Юлия Непоса, и нападает на Ореста в Павии. Орест пленен и казнен.
- 476 Это приводит к свержению императора Ромула Августула, сына Ореста, и Одоакр провозглашается королем. Император Зенон в Константинополе, который вместе со своими преемниками остается лишь номинальным императором Италии, присваивает Одоакру патрицианское достоинство.
- 488 Зенон поручает Теодориху, королю остготов, управлять делами Италии.
- 493 год. **Теодорих Великий** наносит поражение Одоакру в Равенне. Теодорих убивает Одоакра и становится королем Италии. Он поселяется в Равенне, столице Западной империи со времен Гонория, и принимает имя Флавий. Анастасий в Константинополе признает его власть. Хотя Теодорих и заявляет о своей верности Риму, он устанавливает независимую монархию.
- 507 После поражения вестготов при Вулоне Теодорих помогает им победить Меровингов при Арле. Теодорих присоединяет к своему королевству большую часть владений вестготов во Франции. Он также управляет вестготским королевством от имени своего молодого внука Амаларика.

- 524 Теодорих казнил философа Боэция и своего тестя Симмаха за их действия в интересах Альбина.
- 526 Смерть Теодориха. Его молодой внук **Аталарик** становится преемником под регентством своей матери Амаласунты.
- 534 Аталарик умирает от чумы. **Теодат** или **Теодахад**, племянник Теодориха, избран королем. Он убивает мать Аталарика, что приводит к войне с империей.
- 536 Теодат потерпел поражение от Велизария и был убит своими же солдатами. **Витигес** избран королем. Велизарий продолжает войну против остготов.
- 537-538 Осада Рима Велизарием.
- 540 г. Витиг, захваченный Велизарием, отправлен в Константинополь, где умирает три года спустя. Избран **Теодебальд** или **Хильдигальд**.
- 541 Теодебальд одерживает победу над Велизарием, но убит своей охраной, и его преемником становится **Эрарик**. Он вступает в переговоры с Юстинианом, что вызывает недовольство его подданных, и на его место избирают **Тотилу** или **Бадуйлу**.
- 542 год. Тотила захватывает Неаполь.
- 546 год. Тотила захватывает Рим. Белисарий отвоевывает его в следующем году.
- 552 Нарсес заменяет Велизария в Италии. Поражение и смерть Тотилы в битве при Тагинае. **Теяс** или **Теяс** избран королем.
- 553 Поражение и смерть Теиаса при Драко. Остготы заключают мир на условии, что им будет позволено покинуть Италию. Неудача экспедиции аламанных вождей Лейтариса и Бутилиана, направленной против Нарсеса. Италия вновь становится частью Римской империи.

ЭКЗАРХАТ НАД ВСЕЙ ИТАЛИЕЙ (553-568 гг. н. э.)

- 553 г. **Нарсес** правит Италией от имени византийских императоров в качестве экзарха. Он держит двор в Равенне.
- 562 г. Нарсес захватывает Верону и Бриксию (Брешию).
- 565 г. Нарсес отзывается в Константинополь из-за оскорбительного послания императрицы. Говорят, что из-за этого он приглашает вождя лангобардов Альбоина захватить Италию. Его преемником становится **Лонгин**.
- 568 г. Вторжение Альбоина, короля лангобардов, при поддержке гепидов. Он отвоевывает у византийцев северную и центральную Италию вплоть до Тибра. Венеция, Равенна, Генуя и Лигурия, Неаполь и южная Италия, за исключением Беневентума, продолжают составлять экзархат, и их история является частью восточной части империи. Теперь мы должны различать три центра власти в Италии: Павию, столицу лангобардов; Равенну, крепкую цитадель византийского экзархата, а в Риме, на который власть лангобардов распространяется лишь слабо, папа быстро приобретает силу и влияние.

ЛОМБАРДСКОЕ ЦАРСТВО ИТАЛИИ (568-774 гг. н. э.)

- Перед вторжением в Италию **Альбоин** с помощью аваров завоевал гепидов (567 г.). Затем вместе с гепидами он в 568 г. вторгся в Италию.
- 571 год. Захват Павии после трехлетнего сопротивления. Альбоин делает ее своей столицей.

- 573 г. Убийство Альбоина его женой Розамундой, по слухам, за то, что он пытался заставить ее пить из черепа ее отца, короля гепидов. **Клеф** становится преемником. Он расширяет завоевания лангобардов на юг Италии.
- 575 год. Клеф убит, и герцоги в течение десяти лет не избирают другого правителя. Центральная власть отсутствует.
- 584 Избрание на престол **Аутари**, сына Клефа.
- 588 Смарагд, византийский экзарх, формирует коалицию франков, римлян и аваров, чтобы уничтожить лангобардов. Ничего не выходит. Лангобарды начинают обращаться в православие.
- 590 **Агилульф** сменяет Аутари. Территория на северо-востоке Италии, включая Кремону, завоевана у экзарха. Продолжение обращения в православное католичество Григорием Великим.
- 593 Агилульф угрожает вторгнуться в Рим, но Григорий подкупает его.
- 615 **Адальвальд** наследует своего отца; он отравлен, и
- 625 г. избран **Аривальд**. Он является арианином.
- 636 **Ротари** наследует трон. Он завоевывает Геную и Лигурию у экзархата.
- 642 Экзарх и римляне терпят крупное поражение от Ротари на берегах Скультенны (Танаро).
- 644 г. Публикация кодекс законов лангобардов.
- 652 **Родвальд** наследует престол своего отца.
- 653 Убийство Родвальда. **Ариберт I**, баварец, избран королем. Он запрещает арианство.
- 661 Ариберт умер, и его преемниками стали сыновья **Перктарит** и **Годеберт**.
- 662 **Гримвальд**, герцог Беневенто, узурпирует трон. Он завершает обращение лангобардов в христианство.
- 671 **Перктарит** восстановлен в должности.
- 686 Смерть Перктарита. Его преемником становится его сын **Кунинкберт**.
- 700 **Лиутберт** наследует престол. В 701 году он свергнут **Рагинбертом**. В том же году королем становится **Ариберт II**.
- 712 **Анспранд** побеждает Ариберта в битве и занимает трон. Смерть Анспранда. Его преемником становится его сын **Лиутпранд**. Лиутпранд — великий князь, он намеревается завершить покорение Италии, но ему удается лишь лишить независимости два южных герцогства — Сполето и Беневенто.
- 726 год. Из-за иконоборческой полемики Григорий II вступает в союз с Лютпрандом и отказывается от верности Византийской империи. Устанавливается автономия Рима.
- 728 год. Лютпранд захватывает Классис недалеко от Равенны, но экзарх Евтихий отвоевывает его в следующем году. Папа обращается к Карлу Мартелю с просьбой о помощи против лангобардов, но тщетно.
- 744 После смерти Лютпранда его племянник **Хильдебранд** становится его преемником, но вскоре свергается, и королем становится **Ратчис**. Он продолжает план завоеваний

Лютпранда, но также свергается в 749 году и уходит в монастырь. Его брат **Айстульф** становится преемником.

751 год Айстульф захватывает Равенну. Византийская империя теряет все владения в центральной Италии. Пепин, австразийский майордом, отвечает на постоянные просьбы папы о помощи против лангобардов.

753 год Пепин заставляет Айстульфа просить о мире.

755 год. Айстульф нарушает мир и вместе с северными и беневентскими лангобардами нападает на Рим. Пепин приходит во второй раз и заставляет Айстульфа отказаться от всех своих завоеваний. Равенна, Пентаполис и другие территории передаются папе, и закладываются первые основы папского государства. Владения Византии ограничиваются южной Италией. Венеция остается независимой, хотя номинально подчиняется Константинополю.

756 Смерть Айстульфа. Его преемником становится **Дезидерий**, герцог Тосканы. Он вступает в союз с греками против папы и герцогов Сполето и Беневенто.

771 г. С вступлением на престол папы Адриана I вспыхивают споры с папством. Дезидерий грабит территории Рима. Адриан обращается за помощью к Карлу Великому, который является тестем Дезидерия.

774 Карл Великий захватывает Дезидерия в Павии и принимает титул короля лангобардов. Конец Лангобардского королевства. Лангобарды ассимилируются с итальянским населением, и их страна становится одной из великих провинций Италии, пока лангобардские города не восстанавливают свою независимость (1183).

ФРАНКСКИЕ КОРОЛИ И ИМПЕРАТОРЫ В СЕВЕРНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ИТАЛИИ (774-888 гг. н. э.)

774-781 **Карл Великий** остается королем лангобардов. Папа сохраняет за собой территории, предоставленные ему Пепином.

780 Папа призывает Карла выступить против коалиции византийцев и герцогов Сполето и Беневенто.

781 Карл Великий коронует своего сына **Пепина** «королем Италии». Это первый случай использования этого титула.

786 Карл Великий подчиняет Арихиса из Беневенто. Итальянские владения теперь простираются до Калабрии, хотя Беневенто так и не становится полностью зависимым.

800 Коронация Карла Великого императором.

812 Смерть Пепина. Его преемником становится его сын **Бернхард**.

817 Император Людовик I, прозванный «Добродушным», договаривается о своем преемнике, что не нравится Бернхарду, и тот поднимает восстание. **Людовик** захватывает Бернхарда, выкалывает ему глаза и забирает корону Италии. Смерть Бернхарда.

822 год. Людовик делает своего сына **Лотаря I** королем Италии.

840 Смерть Людовика.

843 г. По Верденскому договору Лотарь подтверждается императором и получает Италию в состав своего королевства.

- 844 г. **Людвик II**, сын Лотаря, коронован королем Италии.
- 850 год. Людвик делит императорский титул со своим отцом.
- 855 Лотарь отказывается от правления, уходит в монастырь и умирает в том же году.
- 875 После смерти Людовика его дядя **Карл Лысый** вторгается в Италию и захватывает корону. Папа коронует его императором.
- 877 Папа призывает Карла изгнать сарацин из Италии, но тот умирает по дороге. **Карломан Баварский**, сын Людвига Немецкого, захватывает корону Италии.
- 879 После смерти Карломана корона переходит к его брату **Карлу Толстому**.
- 888 Смещение Карла Толстого. Империя, которая во время его правления была восстановлена до размеров владений Карла Великого, вновь разделилась.

КВАЗИ-ИТАЛЬЯНСКАЯ СЛЕДОВАТЕЛЬСТВО (888-962 гг. н.э.)

- 888 Италия (за исключением, конечно, владений папы и территории, контролируемой Византийской империей) теперь разделена между Беренгаром Фриульским (внуком Людовика Добродушного) и Гвидо Сполетским. Ломбардское государство выбирает **Беренгара I** королем.
- 889 **Гвидо**, разочарованный в своих надеждах на получение короны Франции, возвращается в Италию и изгоняет Беренгара в Германию.
- 891 Гвидо и его сын Ламберт коронованы императорами папой Формозом.
- 894 Смерть Гвидо. Его сын **Ламберт** становится единственным императором.
- 896 Восточно-франкский король Арнульф по просьбе изгнанного Беренгара вторгается в Италию и коронуется императором.
- 898 Смерть Ламберта. Беренгар возвращает себе королевство. Во время этих борьбы сарацины часто вторгаются в Италию.
- 900 г. Магьяры вторгаются в Италию и наносят Беренгару тяжелое поражение. Это вызывает большое недовольство Беренгаром среди знати.
- 901 год. **Людвик Прованский** вторгается в Италию и коронуется императором **Людвиком III** Бенедиктом IV. Беренгар бежит в Германию, но возвращается и в следующем году (902) вновь завладевает своим королевством.
- 905 После многих сражений Беренгар захватывает Людовика и выкалывает ему глаза.
- 915 год. Беренгар коронован императором Иоанном X в награду за усилия в борьбе с сарацинами.
- 921 г. Заговор дворян против Беренгара; корона предлагается Рудольфу II Бургундскому. Беренгар призывает на помощь мажяр.
- 924 Жители Вероны, возмущенные союзом Беренгара, убивают его. Венгры грабят Павию и уходят из Италии. **Рудольф Бургундский** становится императором.
- 926 Рудольф уходит в отставку в Бургундию из-за отсутствия поддержки в Италии. **Хьюго**, граф Арля, возведен на престол влиятельной партией.
- 931 год. Хьюго привлекает своего сына **Лотаря II** к царствованию. Они являются не более чем марионетками в руках деморализованной аристократии. Хьюго терпит неудачу в попытке получить императорский титул. Он отказывается от своих владений в

Провансе в пользу Рудольфа при условии, что тот не будет предпринимать дальнейших попыток захватить Италию.

946 год. Беренгар, маркиз Ивреи, поднимает оружие против Уго из-за его тирании и угнетения. Уго свергнут с престола. Лотарь сохраняет титул, но Беренгар является реальным правителем.

950 Смерть Лотаря. **Беренгар II** и его сын **Адальберт** избраны королями Италии. Беренгар пытается заставить Адельхайду, вдову Лотаря, выйти замуж за Адальберта. После ее отказа он обращается с ней крайне жестоко.

951 Из-за несправедливости по отношению к Адельхайде Отто I, король Восточной Франкии, вторгается в Италию и заставляет двух королей стать его вассалами. Отто женится на Адельхайде.

962 год. Смещение Беренгара и Адальберта. Отто коронован императором. Объединение королевств Италии и Германии (Восточная Франция).

ПЕРВОЕ КОРОЛЕВСТВО БУРГУНДИИ (413-534 гг. н. э.)

Бургунды, готское племя, вторглись в Галлию в 275 году, но были изгнаны императором Пробом. Вернувшись в 287 году, они поселились на Неккаре и Рейне, а в 413 году основали королевство с **Гундикаром**, своим вождем, в качестве короля.

В 436 году **Гундерис** наследует престол своего отца. Он расширяет королевство, которое простирается от Сона и нижней части Роны и от Дижона до Средиземного моря.

470 г. Королевство делится между четырьмя сыновьями Гундериса: **Хильпериком**, **Гундобальдом**, **Годегизилом** и **Гондемаром**, но вскоре вновь объединяется под властью Гундобальда, который создает бургундский свод законов.

516 **Сигизмунд** наследует престол своего отца Гундобальда, а его, в свою очередь, наследует **Гундимар**.

534 Завоевание королевства Бургундии сыновьями Хлодвига. Оно становится частью Франкского королевства.

561 г. Франкское королевство вновь разделено между сыновьями Хлотаря. Бургундия остается отдельным королевством до 613 г. (см. Меровингские короли).

ВТОРОЕ КОРОЛЕВСТВО БУРГУНДИИ ИЛИ АРЛЯ (879-1032 гг. н. э.)

Когда Карломан захватывает королевство Италия в 877 году, он заставляет Бозона, имперского губернатора Карла Лысого, уйти в отставку во Францию, где он овладевает Провансом и соседними территориями.

879 **Бозон** основал королевство Цисуран или Нижняя Бургундия со столицей в Арле.

882 Бозон вынужден признать Карла Толстого своим сюзереном.

887 Смерть Бозона. Его сын **Людовик** наследует престол на три года под регентством своей матери.

888 **Рудольф I**, граф из рода Гвельфов, основывает королевство Трансжуран или Верхняя Бургундия. Его страна состоит из современной Швейцарии на востоке до реки Ройс.

- 901 год. Людовик Прованский, или Цисжуранский Бургундский, вторгается в Италию и коронуется императором Людовиком III.
- 905 год. Беренгар возвращает владение Италией и выкалывает глаза Людовику. Людовик возвращается в Арль.
- 911 Смерть Рудольфа I Верхней Бургундии. Его сын **Рудольф II** становится преемником.
- 921 Рудольф приглашен вторгнуться в Италию. Он провозглашен королем. Он становится реальным правителем после смерти Беренгара в 924 году.
- 925 год. Гуго, граф Арля, правивший от имени ослепшего Людовика, заставляет Рудольфа уйти в отставку и занимает трон Италии.
- 927 Смерть Людовика. Его преемником становится **Уго**.
- 931 год. Уго обменивает Цисжуранское королевство на права Рудольфа на Италию. Цисжуранское и Трансжуранское королевства Бургундии объединяются под властью Рудольфа.
- 937 г. Смерть Рудольфа. Его преемником становится его сын **Конрад**.
- 993 Смерть Конрада. Его преемником становится его сын **Рудольф III**.
- 1016 Рудольф уступает королевство императору Генриху II, но остается его владельцем до самой смерти.
- 1032 Смерть Рудольфа. На королевство претендует Эд, граф Шампани. Но император Конрад II провозглашает себя королем Бургундии, а в следующем году, после смерти Эда, мирно вступает во владение страной. Бургундия становится частью Священной Римской империи.

КОРОЛЕВСТВО ТЮРИНГИЯ

В IV и V веках тюринги имели обширное королевство от Эльбы до Дуная. В 531 году, когда королем был **Германфрид**, они подверглись нападению меровингских франков (сыновей Хлодвига) и саксов, которые объединились для этой цели. Германфрид был побежден и убит. Северная часть королевства была захвачена саксами, а южная стала франкской территорией.

КОРОЛЕВСТВО САЛИЧЕСКИХ ФРАНКОВ ИЛИ МЕРОВИНГИЕВ (486-751 гг. н. э.)

К началу V века салические франки или Меровинги вместе с рипуарскими франками поселились вдоль Рейна и его притоков от Майнца до моря. Они служили в легионах империи. В 406 году они оказывают большое сопротивление вандалам, свевам и аланам, которые пересекают Рейн и в конце концов поселяются в Испании. Салии начинают распространяться по северной Галлии, и в 429 году под руководством своего вождя **Клодиона** они одерживают великую победу в битве при Камбре и доходят до Луары.

447 г. **Меровеус** или **Мерове**, зять Клодиона, становится вождем.

451 г. Франки оказывают помощь римскому полководцу Аэтию в его победе над Аттилой при Шалоне.

458 **Хильдерик**, сын Меровея, становится вождем салиев.

481 г. **Хилдерик**, сын Хилдерика, становится вождем в возрасте пятнадцати лет.

486 г. Хлодвиг нападает на римлян под командованием Сиагира в Суассоне в северной Галлии. Его великая победа уничтожает последние остатки римской власти в стране, и создается салическое королевство. Хлодвиг делает Суассон своей столицей.

493 г. Хлодвиг женится на Клотильде, христианской принцессе.

496 Победа Хлодвиг над аламанами. Обращение Хлодвиг и франков в православное христианство.

507 г. Хлодвиг наносит поражение вестготам в великой битве при Вулоне и убивает короля Алариха. Теперь он владеет страной от Луары до Пиренеев и переносит столицу в Париж, где занимается укреплением своего королевства, уничтожая всех могущественных соседей, не проявляя ни угрызений совести, ни жалости.

511 г. Обнародование салического закона. Смерть Хлодвиг и разделение королевства между его четырьмя сыновьями.

(1) **Теодорих** или **Тьерри I** получает северо-восточную часть (впоследствии Австразия) со столицей в Меце.

(2) **Хильдеберт I** получает центральную часть с столицей в Париже.

(3) **Клодомир** получает западную Галлию вдоль Луары, столица — Орлеан.

(4) **Хлотарий** получает старую салическую землю со столицей в Суассоне.

Несмотря на раздел, национальное единство сохраняется, и франки продолжают нападать на своих соседей со всех сторон.

524 Смерть Клодомира в битве. Его братья захватывают его владения.

531 Завоевание тюрингов.

532 Завоевание королевства Бургундия.

534 Смерть Теодориха. **Теудеберт** наследует престол в Меце.

548 **Теудебальд** наследует Теудеберта в Меце.

555 Клотарий захватывает королевство Теудебальда.

558 После смерти Хильдеберта Хлотарий становится единоличным правителем воссоединенного королевства. Первое применение салического закона.

561 Смерть Хлотаря. Королевство вновь разделено.

(1) **Хариберт** правит в Париже.

(2) **Гонтрам** — в Орлеане.

(3) **Сигеберт** — в Меце.

(4) **Хильперик** в Суассоне.

567 Смерть Шариберта. Хильперик из Суассона захватывает королевство Шариберта. Три франкских королевства теперь приобретают окончательную форму. Они известны как (1) Австразия, столица Реймс. (2) Бургундия, столица Орлеан. (3) Нейстрия со столицей в Суассоне. Разделение семьи приводит к ужасным междоусобицам, в которых главную роль играют Австразия и Нейстрия. Бургундия слаба и сначала поддерживает одну сторону, а затем другую. Должность мэра дворца приобретает большое значение. Бенедиктинцы приезжают из Италии и помогают сохранить культуру.

- 575 Сигеберт Австразийский, воюющий с Хильпериком, убит наемными убийцами, нанятыми женой Хильперика Фредегундой. Его преемником становится сын **Хильдеберт II**.
- 584 г. Убийство Хильперика Нейстрийского (называемого «Нероном и Иродом своего времени»), вероятно, по инициативе Фредегунды. Его малолетний сын **Хлотарий II** наследует престол под регентством Фредегунды, которая казнила сыновей Хильперика от прежней жены.
- 593 Смерть Гонтрама Бургундского. По его завещанию королевство переходит к его племяннику Хилдеберту II Австразийскому.
- 596 Смерть Хильдеберта II. Его молодые сыновья **Теодорих** или **Тьерри II** и **Теудеберт II** принимают короны Бургундии и Австразии соответственно под регентством своей бабушки Брунехильды. Начинается ужасная вражда между Фредегундой и Брунехильдой.
- 598 После смерти Фредегунды **Брунехильда** захватывает почти всю Нейстрию. Она стремится укрепить власть Австразии против знати, которая вместе с епископом Меца Арнульфом и Пепином из Ландена (предком Каролингов) ведет с ней войну.
- 613 В сражении с дворянами и Хлотарем II армия Брунехильды покидает ее. Она попадает в плен и подвергается пыткам, а также сыновья Теудеберта и **Сигеберт II**, преемник Теодориха II. Клотарий II становится единственным королем франков, но реальная власть теперь переходит к мэрам дворца, на этот титул наследственное право в Австразии приобрела династия Пепинов. Остальные Меровинги известны как «les rois fainéants» (ленивые короли).
- 628 г. После смерти Клотария его преемником становится его сын **Дагоберт I**. Власть Меровингов достигает своего апогея.
- 638 Смерть Дагоберта, который делит королевство между своими двумя молодыми сыновьями.
- (1) **Хлодвиг II** получает Бургундию и Нейстрию.
- (2) **Сигеберт III** получает Австразию.
- 654 Смерть Сигеберта. Его сын Дагоберт отправлен в Ирландию и, по сообщениям, погиб. Хлодвиг правит всем франкским королевством.
- 656 Смерть Хлодвигу. Его сын **Хлотарий III** получает Нейстрию и Бургундию, а другой сын, **Хильдерик II**, получает Австразию.
- 670 Смерть Хлотария, не оставившего потомства. Хильдерик аннексирует его владения.
- 673 Убийство Хильдерика, его жены и сына. Его брат **Теодорих**, или **Тьерри III**, становится преемником.
- 674 **Дагоберт II** возвращается из Ирландии и захватывает королевство Австразия.
- 679 Убийство Дагоберта. Борьба за господство между Нейстрией и Австразией теперь полностью ведется между Эброином, мэром дворца Нейстрии, и Мартином и **Пепином из Геристаля** из Австразии. Короли утратили всякую власть.

- 681 Убийство Эброина, преемником которого становится Бертар, слишком слабый, чтобы противостоять Пепину из Геристаля.
- 687 Победа Пепина из Геристаля над Бертаром при Текстри. Конец борьбы между двумя франкскими державами. **Пепин из Геристаля** становится реальным монархом франков. Он принимает титул *dux* и *princeps Francorum*.
- 691 Смерть Тьерри III. Его молодой сын **Хлодвиг III** становится номинальным королем.
- 695 Смерть Хлодвига. Его брат **Хилдеберт (III) Справедливый** становится номинальным королем.
- 711 **Дагоберт III** наследует отцу в качестве номинального короля.
- 714 Смерть Пепина Геристальского. Он оставляет королевство своему внуку под опекой своей вдовы **Плектрудис**. Плектрудис заключает в тюрьму внебрачного сына Пепина Карла. Сразу же возникает состояние хаоса. Нейстрия сбрасывает иго, а Австразия подвергается нападениям со всех сторон. Австразийцы освобождают **Карла Мартелла** из тюрьмы и провозглашают его правителем франков.
- 715 Смерть Дагоберта. Его преемником становится **Хильперик II**, сын Хильдерика II.
- 717 Карл наносит поражение неустрианам при Винси и оттесняет вторгшихся саксов с Рейна. Хильперик свергается Карлом, и королем становится **Клотарий IV**, происхождение которого неизвестно.
- 720 Смерть Хлотаря и возвращение Хильперика, который умирает вскоре после этого. Карл наделяет **Теодориха** или **Тьерри IV**, сына Дагоберта III, королевским титулом.
- 732 Битва при Туре (или Пуатье). Карл приходит на помощь герцогу Аквитании Эду, который подвергся вторжению сарацин, и оттесняет их обратно в Испанию.
- 737 После смерти Тьерри IV Карл не предпринимает попыток назначить нового короля. Он продолжает войну со своими врагами.
- 741 Смерть Карла Мартелла, оставившего власть своим двум сыновьям **Пепину Краткому** и **Карломану**.
- 742 **Хильдерик (III) Глупый**, сын Хильперика II, получает право носить королевское имя и титул. Продолжается война с аламанными и другими враждебными народами.
- 747 Карломан отрекается от своего княжества, германской части королевства (Австразия, Швабия и Тюрингия), и становится бенедиктинским монахом. Пепин Короткий становится единоличным правителем.
- 751 год. Смещение Хильдерика, который помещается в монастырь. Пепин возведен в ранг короля и утвержден папой.

КАРЛОВИНГСКИЕ КОРОЛИ (751-800 гг. н. э.)

- 751 год. **Пепин** — король франков. Он проводит успешную кампанию против саксов. Кампания против Айстульфа Ломбардского.
- 755 г. Пепин во второй раз выступает против Айстульфа, нарушившего мир, и заставляет его уступить папе Равенну, Эмилию, Пентаполис и герцогство Римское. Это «дарение Пепина» является основой светской власти папы.
- 758 Захват Нарбонны, столицы сарацин. Изгнание мусульман. Пепин захватывает Аквитанию.

- 768 Смерть Пепина, оставившего королевство своим двум сыновьям **Карлу Великому** и **Карломану**.
- 771 Смерть Карломана. Карл Великий провозглашен единоличным правителем. Он подавляет восстание в Аквитании и делает своего сына Людовика королем.
- 772 Начало завоевания и обращения саксов в христианство — тридцатилетняя борьба. Штурм Эресбурга. Свержение идола Ирминкуля, что заставляет вестфальских саксов подчиниться.
- 774 Карл Великий, вызванный в Италию папой Адрианом I, на которого напал король лангобардов Дезидерий, захватывает Дезидерия в Павии и принимает корону Ломбардии. Саксы изгоняют франкские гарнизоны и возобновляют свои грабежи.
- 776 Карл Великий делает своего сына Пепина королем Италии.
- 777 г. После двух поход саксы, по-видимому, подчиняются. В Падерборне Карл Великий принимает их присягу на верность. Многие из них принимают крещение. Карл посещает Испанию, чтобы принять присягу на верность.
- 778 г. На обратном пути из Испании арьергард под командованием Роланда подвергается нападению в Ронсесвальесе, и Роланд погибает. Саксы, при поддержке датчан, поднимают восстание.
- 779 Карл Великий вновь подчиняет саксов, но как только он покидает страну, они снова восстают.
- 782 г. Великая резня саксов в Вердене.
- 785 Саксы снова успокоились. Обращение в христианство вождя Виттикинда и его последователей. Германия становится христианской страной.
- 788 Бавария включена в владения Карла Великого.
- 791-798 Походы против аваров, закончившиеся их завоеванием. Паннония присоединяется к королевству. Датчане, венды и чехи также становятся подданными. Герцог Беневенто вынужден принести присягу на верность. Власть Карла простирается от Эйдера до Сицилии и от Эбро до Тиса. Новые восстания среди саксов.
- 799 Папа Лев III, изгнанный из Рима, ищет убежища в лагере Карла Великого в Падерборне. Король возвращает его в Рим.

ИМПЕРИЯ КАРЛА ВЕЛИКОГО И КОРОЛЕВСТВО ВОСТОЧНАЯ ФРАНКИЯ (800-961 гг. н. э.)

- 800 г. **Карл Великий** коронован Леоном императором римлян в канун Рождества.
- 801 г. Харун ар-Рашид посылает посольство с подарками к Карлу Великому.
- 804 Подавлены новые восстания саксов и датчан. Саксы окончательно покорены. Готфрид, король Дании, вторгается в франкские провинции.
- 808 г. Поражение датчан от Карла, сына Карла Великого.
- 810 Карл Великий лично выступил против Готфрида. Убийство Готфрида его слугами и мир с датчанами.
- 813 Карл Великий коронует своего единственного выжившего сына **Людовика (I) Лебонара** императором.

814 Смерть Карла Великого. Людовик наследует всю империю, за исключением Италии, которая находится в руках сына Пепина Бернхарда.

817 год. Людовик объявляет своего старшего сына Лотаря своим преемником в империи, отдавая ему Австрию и большую часть Германии. Пепин получает Аквитанию, а Людвиг — Баварию и прилегающие провинции. Недовольный этим Бернхард Итальянский поднимает восстание. Он захвачен и ослеплен Людовиком, а королевство отдано Лотарю (820 год).

829 год. Людовик вновь делит империю в пользу своего младшего сына Карла (родившегося в 823 году). Это вызывает недовольство трех других сыновей, и начинается гражданская война.

833 год. Пленение Людовика его сыновьями на Поле Лжи в Компьене.

834 год. Людовик освобожден своим сыном Людвигом и вновь возведен на престол.

838 Смерть Пепина. Лотарь и Карл делят его долю империи, что вызывает восстание Людвига против них.

840 Смерть Людовика в разгар гражданской войны. Его сын **Лотарь I** наследует титул императора и заявляет о своем праве управлять всей империей. Его братья Людвиг и Карл объединяются против него.

841 г. Поражение Лотаря при Фонтене, приведшее к

843 Договор в Вердене, разделивший империю между братьями следующим образом:

(1) **Лотарь I** сохраняет императорский титул. Он получает Италию и центр франкских земель — узкую полосу, простирающуюся до Северного моря, Прованс и большую часть Бургундии.

(2) **Людвиг Немецкий** получает восточную часть франкских земель между Рейном и Эльбой.

(2) **Карл Лысый** получает западные земли, Неустрию, Аквитанию, Северную Бургундию, Септиманию и Испанскую марку.

Начинается история Франции, отличная от истории Германии. Территория Лотаря к северу от Италии называется королевством Лотарингия или Лотарингия.

849 год Лотарь присоединяет своего сына Людовика II к империи.

850 год Лотарь делит свои владения между тремя сыновьями.

(1) Людовик II (император) получает Италию (см. Италия).

(2) Лотарь II получает Лотарингию. Он уступает Эльзас императору Людовику II.

(3) Карл получает Прованс и т. д.

Смерть Лотаря I.

858 Людвиг Немецкий нападает на владения Карла Лысого, но вынужден отступить.

863 Смерть Карла Прованского. Его королевство делится между императором Людовиком и Лотарем II Лотаринским.

869 Смерть Лотаря. Карл Лысый захватывает Лотарингию и коронуется.

870 Договор в Мерсене между Карлом Лысым и Людовиком Немецким. Людовик получает восточную половину королевства Лотаря, а Карл — западную.

875 Людвиг Немецкий рассчитывает на императорскую корону после смерти Людовика II. Карл Лысый получает ее, и Людвиг готовится отомстить за свои обиды.

876 Смерть Людвига Немецкого. Его три сына по-дружески делят королевство.

(1) **Карломан** получает Баварию, Богемию и восточные провинции.

(2) **Людвиг** или **Людвик III** получает Саксонию, Франконию, Фрисландию и северную Лотарингию.

(3) **Карл Толстый** получает остальную часть.

Император Карл Лысый пытается захватить территории Людвига, после чего Карломан Баварский захватывает корону Италии.

877 Смерть Карла Лысого и начало борьбы между Людвигом III и Карломаном за императорскую корону.

880 Смерть Карломана. Его внебрачный сын Арнульф претендует на баварскую корону, но, удовлетворившись подарком в виде Каринтии, она передается Людвигу. Карл Толстый захватывает Италию и

881 г. Коронован императором папой Иоанном VIII.

882 Смерть Людвига без наследников. Все владения Германии переходят к Карлу Толстому.

884 Карл становится королем Франции (см. Франция). Вся империя Карла Великого (за исключением Арля) вновь объединяется под властью одного правителя, но он оказывается совершенно неспособным к управлению и

887 После позорного договора с норманнами (см. Франция) он свергается в Трибурге и почти сразу после этого умирает.

Восточная Франция (впоследствии Германия), Западная Франция (Франция) и Италия вновь разделены. Восточные франки или германцы избирают своим королем **Арнульфа Каринтийского**, внебрачного сына Карломана Баварского.

891 Арнульф наносит поражение норманнам при Ловене.

893 Он вступает в союз с мадьярами или венграми, финским племенем, проникшим в Венгрию из Уральского региона, для ведения кампании против короля Моравии. Он добивается лишь частичного успеха и открывает путь для вторжения мадьяров в Западную Европу.

895 Арнульф захватывает западнофранкскую провинцию Лотарингию и превращает ее в королевство для своего внебрачного сына Цвентибольда.

896 Арнульф вторгается в Италию в интересах изгнанного короля Беренгара I. Он побеждает императора Ламберта и восстанавливает Беренгара. Папа коронует его императором, и этот титул он без споров удерживает после смерти Ламберта (898).

899 Смерть Арнульфа. Его шестилетний сын **Людвиг (IV) Младенец** становится королем Восточной Франции (Германии). Он находится под влиянием Хатто, архиепископа Майнца.

900 Восстание подданных Цвентибольда. Он убит мятежниками, и Лотарингия переходит к Людвигу.

908 Вторжение мадьяр начинает принимать серьезные масштабы.

910 Людвиг потерпел поражение от мадьяр на реке Лех.

- 911 Смерть Людвига — последнего каролинговского принца в Германии. Феодалная система прочно укоренилась в Германии, а королевская власть стала лишь тенью той, которой обладали ранние каролинговцы. От короны отказывается Отто Прославленный из Саксонии, и королем избирается **Конрад I**, герцог Франконский.
- 911-918 Датчане, славяне и мадьяры продолжают свое вторжение. Герцог Лотарингии или Лотарингии переходит на сторону короля Франции. Конрад посылает войска во Францию, но не может предотвратить потерю Лотарингии. Он борется с растущей мощностью герцогов, особенно с Генрихом Саксонским — ссора, вызванная духовенством. Конрад раскаивается в этом и на смертном одре советует избрать Генриха своим преемником.
- 918 После смерти Конрада **Генрих (I) Птицелов** избирается королем Восточной Франции. Начинается саксонская династия и основана германская монархия. Генрих — мудрый и великий правитель. В первый год своего правления он добивается признания своего верховенства от непокорных герцогов Швабии и Баварии.
- 924 Генрих заключает девятилетнее перемирие с по-прежнему беспокойными мадьярами и платит им ежегодную дань.
- 925 Лотарингия вновь присоединяется к Германии, к которой она будет принадлежать в течение следующих восьми веков.
- 929 Победа в Ленцене над вендами и датчанами.
- 933 По истечении перемирия Генрих отказывается платить мадьярам дань. Они совершают новое вторжение, но терпят полное поражение от Генриха в Тюрингии.
- 936 Генрих готовится отправиться в Рим, чтобы претендовать на императорскую корону, которую не завоевывал ни один германец со времен Арнульфа. Он умирает, не успев отправиться в путь. Его сын от Матильды, **Отто (I) Великий**, избран его преемником.
- 937 Попытка вторжения мадьяров отражена, и захватчики уходят во Францию.
- 938 Отто подавляет восстание герцогов Баварии и Франконии, а также своего сводного брата Танкмара, который падает в битве при Эресбурге.
- 939 Восстание брата Оттона Генриха при поддержке герцога Лотарингии. Они потерпели поражение при Биртене и обратились за помощью к французам.
- 941 Генрих, прощенный, становится верным союзником Оттона и получает титул герцога Баварии (946).
- 944 год Отто назначает Конрада Красного герцогом Лотарингии.
- 948 год. Отто назначает своего сына Людольфа герцогом Швабии.
- 946-950 Отто вмешивается в гражданские войны во Франции.
- 950 Успешная война с вендами. Подчинение герцога Богемии.
- 951 Первая экспедиция Оттона в Италию, чтобы отомстить за обиды Адельхайд. Брак Оттона и Адельхайд. Беренгар II подчиняется Оттону.
- 953 Восстание Людольфа и Конрада.
- 954 Первое вторжение мадьяр, к которым присоединились мятежники. Людольф и Конрад подчиняются, но лишаются своих герцогств. Подчинение Баварии Генрихом.

- 955 Великая победа над венграми на Лехфельде. Они больше не вторгаются в Германию. Отто проводит победную экспедицию против вендов. Восстановление баварской Остмарки (впоследствии герцогства Австрия).
- 961 Папа обращается к Оттону с просьбой о помощи против Беренгара II. Оттон отправляется в Италию и свергает Беренгара и Адальберта. Сын Оттона, Оттон II, коронован королем Германии.
- 962 Отто коронован императором Иоанном XII. Объединение Германского королевства и империи.

СВЯЩЕННАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

САКСОНСКИЕ ИМПЕРАТОРЫ (962-1024 гг. н.э.)

Отто отказывается от титула *Rex Francorum Orientalium* в пользу титула *Imperator Augustus*. Папа понимает, что Отто будет жестким правителем, и вступает в союз с свергнутым Адальбертом.

963 год. Отто захватывает Рим и свергает Иоанна XII. На его место избирают Льва VIII.

964 г. Римляне восстают и смещают Иоанна. Беренгар вынужден сдаться в попытке вернуть Италию. Смерть Иоанна и избрание Бенедикта V. Отто второй раз захватывает Рим и восстанавливает Льва VIII. Он возвращается в Германию, увозя с собой Бенедикта.

967 год. Отто мстит римлянам за свержение преемника Лева, Иоанна XIII, с особой жестокостью. Отто вызывает Отто II в Рим, где Иоанн XIII дарует ему императорскую корону. Устанавливаются две великие максимы империи.

(1) Избрание папы без согласия императора недействительно.

(2) Немецкий король является королем Италии и Рима, но не может принимать императорский титул до коронации папой.

968 г. Отто вторгается в греческие провинции из-за трудностей с брачными договоренностями между Отто II и Феофано, дочерью византийского императора. Вопрос урегулирован мирным путем после вступления на престол Иоанна Зимиска.

973 Смерть Оттона I. **Оттон II** становится единственным обладателем королевского и императорского титулов.

976 Заговор двоюродного брата Оттона, Генриха Спорщика из Баварии, который увенчал себя в Ратисбоне. Он потерпел поражение и был свергнут.

977 Война с Францией за Лотарингию. Отто едва спасается в Аахене.

980 Мир с Францией. Отто удерживает Лотарингию как владение Франции.

981 год. Отто отправляется в Рим для урегулирования междоусобных распрей.

982 год. Отто вторгается в южную Италию в попытке завоевать византийские провинции. После победы он терпит поражение от греков и их сарацинских союзников в Калабрии.

983 Датчане и венды успешно вторгаются в северные провинции. Смерть Оттона. Его трехлетний сын **Оттон III** становится королем Германии и Италии. Теофано осуществляет регентство в Германии, а Адельхайд — в Италии.

991 Смерть Феофано. Адельхайд и Виллигис, архиепископ Кельна, принимают на себя регентство в Германии.

- 995 год. Отто берет на себя управление делами.
- 996 год. Отто вызван в Рим из-за конфликта между папой и Крещением, римским консулом. Коронация Отто императором Григорием V. Крещентий клянется в верности Отто, но нарушает свою клятву.
- 998 год. Отто второй раз приезжает в Рим и казнит Крещенция.
- 999 год. Отто и папа Сильвестр II планируют великий союз Восточной и Западной империй под властью Отто.
- 1000 Распространение веры в то, что в этом году наступит конец света, приводит в Рим большие толпы паломников. Польша признает верховенство императора.
- 1001 Восстание римлян.
- 1002 Смерть Отто. Итальянская знать и епископы сразу же избирают **Ардуина**, маркиза Ивреи, королем Италии. Он коронуется в Павии. Немцы, после ожесточенной борьбы, избирают **Генриха II**, сына Генриха Спорщика, королем Германии.
- 1004 Генрих, умиротворив Германию, выступил против непопулярного Ардуина, был провозглашен королем Италии и коронован. Немцы сожгли Павию. Война с Польшей вынудила Генриха вернуться в Германию, не покорив Ардуина.
- Болеслав, герцог Польши, захватил Богемию, и Генрих заставляет его отказаться от нее, но Болеслав продолжает вести войну в течение нескольких лет. Война с Фландрией. Болдуин вынужден подчиниться, но получает землю Валенсьен и большую часть Зеландии.
- 1014 Генрих во второй раз выступает против Ардуина, который прекращает сопротивление и уходит в монастырь. Коронация Генриха императором в Риме.
- 1015 Норманны поселяются в южной Италии.
- 1016 Рудольф III Бургундский сдает свою корону Генриху, удерживая королевство до своей смерти.
- 1018 г. Заключение мира с Польшей.
- 1021 Генрих выступает против византийцев в южной Италии. Ему помогают вновь прибывшие норманны. Капуя и Салерно покорены, но чума вынуждает его отступить (1022). Генрих призывает лангобардов и норманнов изгнать греков.
- 1024 Смерть Генриха без наследников.

ФРАНКОНСКИЕ ИЛИ САЛИЙСКИЕ ИМПЕРАТОРЫ (1024-1137 гг. н.э.)

- 1024 Избрание **Конрада II** Каринтийского королем Германии. Восстание в Павии. Корона Италии предлагается различным французским дворянам, но они отказываются от нее.
- 1025 Восстание герцога Эрнста Швабского.
- 1026 Конрад отправляется в Италию. Коронован королем Италии в Милане. Павия и Равенна подчиняются силой.
- 1027 Коронация Конрада императором. Шлезвиг отдан датчанам.
- 1030 Катастрофическое вторжение поляков. Десять тысяч немцев увезены в Польшу.

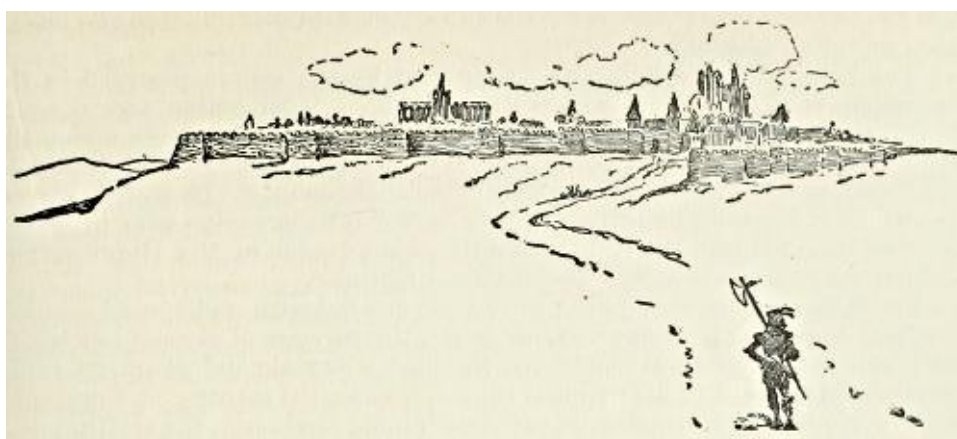
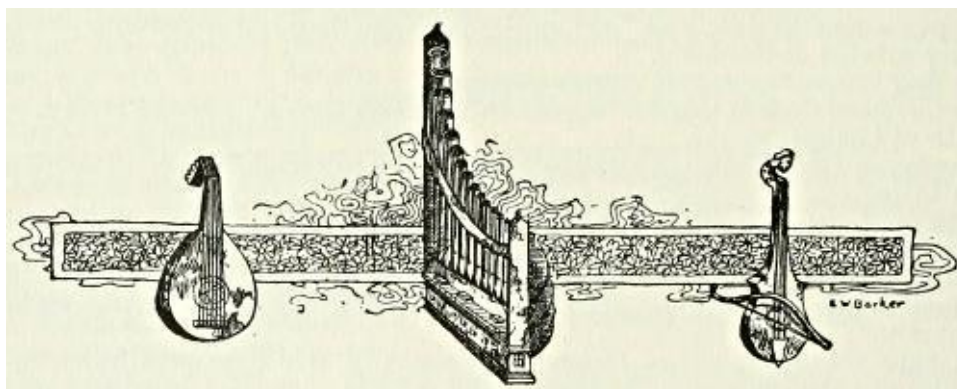
- 1031 Конрад заставляет поляков вернуть пленных и воссоединяет Лужицу с империей.
- 1033 Конрад присоединяет Бургундию к империи после борьбы с претендентом на престол, графом Эдемом Шампанским.
- 1035 Гражданская война в Ломбардии приводит Конрада в Италию.
- 1037 Обнародование феодального эдикта Конрада. Бесплодная осада Милана. Конрад отступает из-за эпидемии чумы.
- 1039 Смерть Конрада. Его преемником становится его сын **Генрих III**, уже коронованный королем Германии (1026). Расцвет имперской власти. Гражданская война в Италии продолжается.
- 1041 Поход против Бретислава Богемского, который предлагает свою страну в качестве феода короне.
- 1042-1044 Поход против Венгрии, где впервые утверждается германское господство. Король Петр становится вассалом империи.
- 1044 Падение Милана перед Генрихом.
- 1046 На соборе в Сутри Генрих смещает трех соперничающих пап и назначает Климента II на Святой престол. Он также назначает трех последующих пап.
- 1047 Климент коронуется Генриха императором. Генрих отправляется в южную Италию и наделяет норманнов завоеванными ими территориями. Впоследствии он раскаивается в этой щедрости и помогает Льву IX против вторгающихся чужеземцев.
- 1049 После долгой борьбы с Готфридом Лотаринским герцогство передается Герхарду, предку современного дома Лотарингов.
- 1052 Генрих отказывается от борьбы с великими герцогами, которые опасаются, что он попытается подчинить герцогства своей прямой власти. Он осаждает Пресбург в течение десяти месяцев, но внезапно отказывается от этой затеи.
- 1055 Генрих возвращается в Италию, чтобы сразиться с могущественным герцогом Тосканы.
- 1056 Смерть Генриха. Его преемником становится шестилетний сын **Генрих IV**. Он был коронован два года назад. Регентом становится императрица Агнесса, но за ней внимательно следит Генрих, архиепископ Аугсбурга. Подавлено восстание Оттона Тюрингского против молодого короля.
- 1062 Ганно, архиепископ Кельна, похищает короля из-под опеки архиепископа Аугсбурга. Влияние Агнессы заканчивается. Ганно находит сильного соперника в лице Адальберта, архиепископа Бремена, который в 1065 году контролирует верховную власть.
- 1066 Генрих принимает на себя управление государством. Ганно устраивает изгнание Адальберта.
- 1069 г. Возвращение Адальберта. Восстановив свою власть, он влияет на саксов против Генриха.
- 1072 Смерть Адальберта и восстание саксов.
- 1073 г. Саксы вынуждают Генриха бежать из Харцбурга. Унизительный мир.
- 1075 Генрих наносит поражение саксам на Унструте. Он диктует свои условия мира. Генрих обращается к папе Григорию VII с просьбой низвести прелата, который встал на сторону

мятежных саксов. Григорий отвечает, призывая короля ответить на определенные обвинения, выдвинутые против него его подданными. Папа издает буллу против светской инвеституры.

- 1076 Генрих созывает собор в Вормсе и объявляет папу отстраненным от должности. Григорий отлучает короля от церкви, который отстранен от королевской власти рейхстагом в Трибуре. Начало войны инвеститур — церковной власти против светской.
- 1077 г. Покинутый многими сторонниками, Генрих смиряется перед папой в Каноссе. Немцы избирают королем **Рудольфа Швабского**.
- 1080 После победы Рудольфа Григорий признает его королем. Генрих созывает совет духовенства, верного ему. Совет объявляет Григория свергнутым и избирает Климента III. Рудольф погибает в сражении. Поражение армии, собранной графиней Матильдой. Вторая отлучение Генриха от церкви. Он немедленно осаждает Рим.
- 1084 Генрих захватывает город. Григорий замыкается в замке Святого Ангела. Коронация Генриха антипапой Климентом III. Роберт Гвискар освобождает Григория, который умирает в следующем году в Салерно.
- 1085 г. Поражение Генриха от **Германна Люксембургского**, избранного преемником Рудольфа Швабского.
- 1087 Отставка Германа. **Экберт Мейсенский** избран его преемником.
- 1089 Смерть Экберта. Мятежная фракция приходит к соглашению с Генрихом.
- 1090 Генрих отправляется в Рим, чтобы поддержать антипапу Климента III. Мантуя захвачена, но в целом он не добивается успеха.
- 1092 Восстание старшего сына Генриха Конрада, который был помазан на царство Германии в 1087 году. Конрад коронован королем Италии, и папа обещает ему императорскую корону при условии, что он уступит в вопросе об инвеституре.
- 1096 Генрих возвращается в Германию.
- 1097 Первая группа крестоносцев пересекает Германию.
- 1099 г. Немцы объявляют Конрада свергнутым королем и избирают его брата Генриха.
- 1101 Смерть Конрада.
- 1105 Сын Генриха, Генрих, при поддержке папы Пасхалия II, восстает против отца. Император бежит в Льеж.
- 1106 Смерть Генриха IV. На престол вступает **Генрих V**.
- 1107 Милан провозглашает себя республикой.
- 1110 Уверенный в поддержке немецких князей, Генрих отправляется в Рим, чтобы урегулировать вопрос об инвеституре. Договор в Сутри, ущемляющий права церкви.
- 1111 Папа отказывается короновать Генриха из-за этого договора, и Генрих заключает папу и кардиналов в тюрьму. Папа вынужден возложить императорскую корону.
- 1112 Когда Генрих уезжает, Латеранский собор объявляет уступки Сутри недействительными, а императора отлучает от церкви.
- 1114 Восстание в Германии во главе с Лотарем Саксонским и архиепископами Майнца и Кельна.

- 1115 Победа мятежников под Мансфельдом. Спор с папой о разделе имения графини Матильды.
- 1116 Генрих посещает Рим и в отсутствие Пасхалия вновь коронуется.
- 1119 Отлучение Генриха и его антипапы Григория от церкви папой Каликстом II.
- 1122 Война за инвеституру урегулирована Вормским конкордатом. Это компромисс, но папство остается хозяином положения. Отпущение грехов Генриху.
- 1125 Генрих готовится к нападению на Реймс, но умирает в Нимвегене. Его преемником избран **Лотарь II Саксонский**.
- 1127 Война между Фридрихом Швабским и Конрадом Франконским, племянниками Генриха V. Фридрих вскоре отказывается от своих притязаний в пользу Конрада, и последний вступает в Ломбардию.
- 1128 Коронация Конрада как короля Италии.
- 1130 Союз антипапы Анаклета и Роджера II Сицилийского против Лотаря.
- 1132 Лотарь отправляется в Италию против союза и Конрада. Последний отступает.
- 1133 Коронация Лотаря императором Иннокентием II. Он получает от папы в феодаллодиальные владения Матильды.
- 1134 Альбрехт Медведь завоевывает Бранденбург.
- 1135 Конрад и Фридрих подчиняются императору.
- 1137 Осада Салерно в походе Лотаря и Иннокентия II против Роджера. Роджер изгнан из Италии. Смерть Лотаря на пути обратно в Германию. К этому времени верховная власть в Германии постепенно перешла от императора к сейму, а феодалы были преобразованы в наследственные владения. Конец франконской династии.

Мы прерываем рассказ о «Западной империи» или «Священной Римской империи» на этом месте отчасти из соображений удобства, отчасти потому, что империя перестала быть римской в традиционном смысле этого слова. Поскольку она остается империей, она стала по сути немецкой. Между северными и южными владениями практически нет единых интересов. Позднее императоры иногда вообще не приезжают в Италию, а иногда приезжают скорее как завоеватели и покорители, чем как признанные суверены. Долгое время германские владения отнюдь не были надежно объединены, а итальянские государства находились в полной дисгармонии. История междоусобных распрей в каждом из этих владений, приведших в конце концов, после столетий споров, к образованию итальянского королевства и австрийской и германской империй наших дней, будет рассказана в последующих томах.

ГЛАВА I

ОТ ОДОАКРА ДО ТРИУМФА НАРСЕСА

[476-568 гг. н. э.]

[476-489 гг. н. э.]

Неудачное выражение «падение Западной империи» придало ложное значение событиям 476 года: обычно считается, что эта дата знаменует собой начало новой эры в истории мира. Но в 476 году никакая империя не пала; не было никакой Западной империи, которая могла бы пасть. Существовала только одна Римская империя, которой иногда правили два или более августов. Если бы после смерти Гонория в 423 году не было Валентиниана, который бы унаследовал его власть, и если бы Феодосий II взял на себя управление западными провинциями, и если бы, как вполне возможно, не появился второй Август до того, как все западные провинции перешли под власть германских правителей, то, конечно, никто бы не говорил о «падении Западной империи». И все же этот гипотетический случай формально совпадает с реальным событием 476 года. Тот факт, что объединение Востока и Запада под властью Зенона сопровождалось правлением германцев в Италии, замаскировал истинный облик событий. И в любом случае можно сказать, что Юлий Непос все еще был императором; он был признан Зеноном, он был признан в южной Галлии; так что вполне законно можно

отнести «падение Западной империи» к 480 году, году его смерти. Итальянские провинции теперь, как и Африка, Испания и большая часть Галлии, были практически независимым королевством, но теоретически Римская империя вновь стала такой, какой она была во времена Феодосия Великого или Юлиана.

Когда граф Марцеллин^{—e} в своей «Хронике» написал, что со смертью Аэция «пало Гесперийское царство», он мог оправдать свое утверждение лучше, чем те, кто относит 476 год к числу критических дат в мировой истории. Более полезно признать непрерывность истории, чем навязывать ей произвольные деления; более полезно понять, что Одоакр^[95] был преемником Меробауда, чем торжественно заикливаться на мнимом падении империи.^b

Унижение Рима было завершено событиями, описанными в предыдущем томе. Несомненно, по-прежнему существовала юридическая фикция, согласно которой Рим и Италия все еще принадлежали империи и находились под властью преемника Августа, который правил не в Старом Риме на Тибре, а в Новом Риме на Фракийском Боспоре. Однако на самом деле в Италии господствовала одна воля — воля высокого варвара, который однажды в грязной одежде вошел в келью Северина, лидера мятежников из племен герулов и ругов, завоевателя Павии, Одоакра.

В течение тринадцати лет этот солдат удачи бесспорно властвовал над римским государством. Он, без сомнения, использовал услуги римских чиновников для управления государственным аппаратом. Он неоднократно проявлял определенное почтение к воле своего номинального начальника, Зенона, императора в Константинополе. Он наблюдал, и мы можем быть уверены, что гораздо более тревожно, за меняющимися настроениями среди грубых наемников, которые возложили на него корону и которым он подарил треть земель Италии. Но в целом, учитывая необходимость концентрации силы в таком нестабильном государстве, как то, которое основали наемники, мы, вероятно, не ошибемся, если припишем Одоакру реальную власть, хотя, конечно, он не использовал титул автократа.

Самая высокая похвала, которую можно высказать в адрес правительства этого авантюриста из дунайских земель, заключается в том, что мы так мало слышим о нем. Некоторые трудности, возможно, даже насилие, вероятно, сопровождали принудительную экспроприацию римлян из одной трети земель Италии. Однако есть основания полагать, что в основном это была только потеря собственности, которая обрушилась на крупных землевладельцев.^c

Одоакр был первым варваром, правившим в Италии над народом, который когда-то утверждал свое справедливое превосходство над остальным человечеством. Позор римлян до сих пор вызывает наше уважительное сочувствие, и мы с теплотой сопереживаем воображаемому горю и возмущению их выродившихся потомков. Но бедствия Италии постепенно подавили гордое сознание свободы и славы. В эпоху римской добродетели провинции подчинялись оружию, а граждане — законам республики, пока эти законы не были свергнуты гражданскими раздорами, и как город, так и провинции стали рабской собственностью тирана. Формы конституции, которые смягчали или маскировали их унижительное рабство, были отменены временем и насилием; итальянцы попеременно оплакивали присутствие или отсутствие правителей, которых они ненавидели или презирали; и пять веков подряд на них обрушивались различные бедствия: военная вседозволенность, капризный деспотизм и изощренное угнетение.

В тот же период варвары вышли из неизвестности и презрения, и воины Германии и Скифии были введены в провинции в качестве слуг, союзников и, в конце концов, хозяев римлян, которых они оскорбляли или защищали. Ненависть народа была подавлена

страхом; он уважал дух и величие военачальников, удостоенных почестей империи; и судьба Рима долгое время зависела от меча этих грозных чужеземцев. Суровый Рицимер, который попирает руины Италии, обладал властью короля, не имея его титула; и терпеливые римляне были незаметно готовы признать королевскую власть Одоакра и его варварских преемников.

Король Италии был достоин высокого положения, на которое его вознесли его доблесть и удача; его дикие манеры были сглажены привычками общения; и он, хотя и был завоевателем и варваром, уважал учреждения и даже предрассудки своих подданных. Спустя семь лет Одоакр восстановил консульство на Западе. Сам он скромно или гордо отказался от чести, которую по-прежнему принимали императоры Востока, но курульный трон последовательно занимали одиннадцать самых прославленных сенаторов, и этот список украшает уважаемое имя Василия, чьи добродетели заслужили дружбу и благодарность его клиента Сидония.

Законы императоров строго соблюдались, а гражданское управление Италией по-прежнему осуществлялось преторианским префектом и его подчиненными. Одоакр возложил на римских магистратов ненавистную и угнетающую задачу сбора государственных доходов, но оставил за собой право на своевременные и популярные льготы. Как и остальные варвары, он был обучен арианской ереси, но почитал монашеский и епископский сан, а молчание католиков свидетельствует о терпимости, которой они пользовались. Мир в городе требовал вмешательства его префекта Василия в выбор римского понтифика; указ, запрещавший духовенству отчуждать свои земли, в конечном итоге был направлен на благо народа, чья преданность была бы обложена налогом для восстановления разрушенных церквей.

Италия была защищена оружием своего завоевателя, и ее границы уважались варварами Галлии и Германии, которые так долго оскорбляли слабую династию Феодосия. Одоакр пересек Адриатическое море, чтобы наказать убийц императора Непоса и захватить приморскую провинцию Далмацию. Он пересек Альпы, чтобы спасти остатки Норика от Фавы, или Фелетея, короля ругов, который имел свою резиденцию за Дунаем. Король был побежден в битве и увезен в плен; многочисленная колония пленников и подданных была переселена в Италию; и Рим, после долгого периода поражений и позора, мог претендовать на триумф своего варварского повелителя.

Несмотря на благоразумие и успехи Одоакра, его королевство представляло собой печальную картину нищеты и опустошения. Со времен Тиберия в Италии ощущался упадок сельского хозяйства, и было справедливым предметом жалоб то, что жизнь римского народа зависела от капризов ветров и волн. В результате раскола и упадка империи были утрачены данью урожаи Египта и Африки; число жителей постоянно сокращалось вместе со средствами к существованию; страна была истощена безвозвратными потерями от войн, голода и эпидемий. Святой Амвросий сожалел о разрушении густонаселенного района, который когда-то украшали процветающие города Бонония (Болонья), Мутина (Модена), Региум (Реджо) и Плацентия (Пьяченца).

Папа Геласий был подданным Одоакра и с сильным преувеличением утверждает, что в Эмилии, Тоскане и соседних провинциях человеческий род был почти истреблен. Плебеи Рима, которых кормила рука их господина, погибли или исчезли, как только его щедрость была подавлена; упадок искусств привел трудолюбивых мастеров к праздности и нужде; а сенаторы, которые могли с терпением переносить разрушение своей страны, оплакивали свою личную утрату богатства и роскоши. Треть тех обширных поместий, которым первоначально приписывают гибель Италии, была отнята для использования завоевателями. Оскорбления усугублялись оскорблениями; ощущение реальных страданий

усугублялось страхом перед еще более ужасными бедствиями; и по мере того, как новые земли распределялись между новыми роями варваров, каждый сенатор опасался, что произвольные землемеры могут подойти к его любимой вилле или самой прибыльной ферме. Наименее несчастными были те, кто безропотно подчинился власти, которой было невозможно сопротивляться. Поскольку они хотели жить, они были обязаны некоторой благодарностью тирану, который пощадил их жизни; и поскольку он был абсолютным хозяином их судьб, ту часть, которую он им оставил, нужно было принимать как его чистый и добровольный дар.

Бедствие Италии смягчалось благоразумием и гуманностью Одоакра, который в обмен на свое возвышение обязался удовлетворить требования разнузданной и буйной толпы. Короли варваров часто подвергались сопротивлению, были свергаемы или убиваемы своими подданными, а различные отряды итальянских наемников, объединившиеся под знаменем выборного генерала, требовали больших привилегий свободы и грабежа. Монархия, лишённая национального единства и наследственного права, быстро пришла к распаду. После четырнадцати лет правления Одоакр был подавлен превосходным гением Теодориха, короля остготов, героя, превосходного как в военном деле, так и в государственном управлении, который восстановил эпоху мира и процветания и чье имя до сих пор вызывает интерес и заслуживает внимания человечества.

ВОЗВЫШЕНИЕ ТЕОДОРИХА

После падения Западной Римской империи промежуток в пятьдесят лет до памятного правления Юстиниана слабо отмечен малоизвестными именами и неполными летописями Зенона, Анастасия и Юстина, которые последовательно вззошли на престол Константинополя. В тот же период Италия возродилась и процветала под правлением готского короля, который, возможно, заслуживал статуи среди лучших и самых храбрых древних римлян.

Теодорих Остготский, четырнадцатый по счету в прямой линии королевского рода Амали, родился в окрестностях Вены через два года после смерти Атиллы.^[96] Недавняя победа восстановила независимость остготов, и три брата, Валамир, Теодемир и Видимир, которые правили этим воинственным народом, объединив свои советы, по отдельности обосновались в плодородной, хотя и опустошенной провинции Паннония. Гунны по-прежнему угрожали своим восставшим подданным, но их поспешная атака была отбита силами одного только Валамира, и весть о его победе достигла отдаленного лагеря его брата в тот самый благоприятный момент, когда любимая наложница Теодемира родила сына и наследника. В восьмом году своей жизни Теодорих был с неохотой отдан отцом в распоряжение общественности в качестве залога союза, который император Востока Лев согласился приобрести за ежегодную субсидию в триста фунтов золота. Королевский заложник получил образование в Константинополе с заботой и нежностью. Его тело было подготовлено ко всем военным упражнениям, его ум был расширен привычкой к свободным беседам; он посещал школы самых искусных мастеров, но презирал или пренебрегал искусствами Греции и оставался настолько невежественным в первых элементах науки, что для подписи неграмотного короля Италии была придумана грубая отметка.

[473-476 гг. н. э.]

Как только он достиг восемнадцатилетнего возраста, он был возвращен по желанию остготов, которых император стремился завоевать своей щедростью и доверием. Валамир пал в бою: младший из братьев, Видимир, увёл в Италию и Галлию армию варваров, и весь

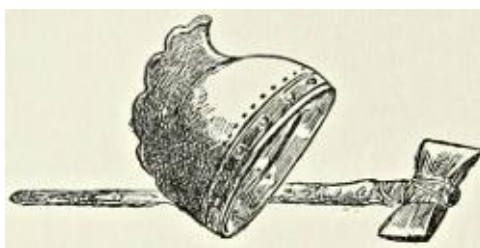
народ признал своим королём отца Теодориха. Его свирепые подданные восхищались силой и ростом своего молодого принца; и он вскоре убедил их, что не утратил доблести своих предков. Во главе шести тысяч добровольцев он тайно покинул лагерь в поисках приключений, спустился по Дунаю до Сингидунума или Белграда и вскоре вернулся к отцу с добычей сарматского царя, которого он победил и убил. Однако такие триумфы приносили только славу, а непобедимые остготы были доведены до крайней нищеты из-за нехватки одежды и еды. Они единодушно решили покинуть свои паннонские лагеря и смело продвинуться в теплые и богатые окрестности византийского двора, который уже содержал в роскоши и гордости столько союзных готских отрядов. Доказав несколькими враждебными действиями, что они могут быть опасными или, по крайней мере, неприятными врагами, остготы продали за высокую цену свое примирение и верность, приняли дар в виде земель и денег и были поручены защитой нижнего Дуная под командованием Теодориха, который после смерти своего отца унаследовал наследственный трон Амали.

[476-488 гг. н. э.]

Зенон щедро одарил короля остготов всем, что только можно было дать из страха или любви: званием патриция и консула, командованием палатинскими войсками, конной статуей, сокровищами из золота и серебра на многие тысячи фунтов, званием сына и обещанием богатой и почетной жены. Пока Теодорих снисходил служить, он мужественно и верно поддерживал дело своего благодетеля: его быстрый поход способствовал восстановлению Зенона; а во время второго восстания валамиры, как их называли, преследовали и давили азиатских мятежников, пока те не оставили имперским войскам легкую победу. Но верный слуга внезапно превратился в грозного врага, который распространил пламя войны от Константинополя до Адриатики; многие процветающие города были обращены в пепел, а сельское хозяйство Фракии было почти уничтожено безжалостной жестокостью готов, которые лишали своих плененных крестьян правой руки, управлявшей плугом. В таких случаях Теодорих подвергался громким и убедительным упрекам в нелояльности, неблагодарности и ненасытной алчности, которые можно было оправдать только тяжелой необходимостью его положения. Он правил не как монарх, а как министр жестокого народа, дух которого не был сломлен рабством и который не терпел реальных или мнимых оскорблений. Их бедность была неизлечима, поскольку самые щедрые подарки быстро расходовались на расточительную роскошь, а самые плодородные поместья становились бесплодными в их руках; они презирали, но завидовали трудолюбивым провинциалам, и когда их средства к существованию иссякли, остготы прибегли к привычным средствам войны и грабежа.

Теодорих (по крайней мере, так он заявлял) желал вести мирную, скромную и послушную жизнь на границах Скифии, пока византийский двор не соблазнил его великолепными и обманчивыми обещаниями напасть на союзное племя готов, которое было на стороне Василиска. Он выступил из своего лагеря в Мезии, получив торжественное заверение, что до того, как он достигнет Адрианополя, его будет ждать обильный конвой с провизией и подкрепление в виде восьми тысяч всадников и тридцати тысяч пехотинцев, а легионы Азии разбивают лагерь в Гераклее, чтобы поддержать его операции. Эти меры были сорваны взаимной ревностью. Наступая на Фракию, сын Теодемира обнаружил, что его ждет негостеприимная пустыня, а его готские последователи с тяжелым обозом лошадей, мулов и повозок были преданы своими проводниками среди скал и обрывов горы Сондис (), где он подвергся нападению и оскорблениям со стороны Теодориха, сына Триариуса. С соседней высоты его коварный соперник произнес речь перед лагерем валамиров и обозвал их вожда презренными словами «ребенок», «сумасшедший», «клятвопреступник», «враг своей крови и

народа». «Неужели ты не знаешь, — воскликнул сын Триария, — что постоянной политикой римлян является уничтожение готов мечами друг друга? Неужели ты не понимаешь, что победитель в этой неестественной борьбе будет подвергнут, и справедливо подвергнут, их неумолимой мести? Где те воины, мои соплеменники и твои соплеменники, чьи вдовы теперь оплакивают, что их жизни были принесены в жертву твоей опрометчивой амбиции? Где богатства, которыми обладали твои солдаты, когда их впервые заманили из родных домов, чтобы они вступили в твой отряд? Каждый из них был тогда владельцем трех или четырех лошадей; теперь они следуют за тобой пешком, как рабы, через пустыни Фракии; эти люди, которых соблазнила надежда измерять золото мерами, эти храбрые люди, которые так же свободны и благородны, как и ты сам».^[97] Такие слова, так хорошо подходящие к нраву готов, вызвали шум и недовольство; и сын Теодемира, опасаясь остаться в одиночестве, был вынужден принять своих братьев и последовать примеру римского вероломства.

Ранний готский шлем и топор

В любом положении Теодорих всегда отличался осторожностью и твердостью: будь то угроза Константинополю во главе союза готов или отступление с верной группой в горы и на побережье Эпира. Наконец, случайная смерть сына Триария^[98] разрушила равновесие, которое римляне так стремились сохранить; весь народ признал верховенство Амали, а византийский двор подписал позорный и угнетающий договор. Сенат уже заявил, что необходимо выбрать одну из готских партий, поскольку государство не в состоянии поддерживать их объединенные силы; для самой малочисленной из их армий требовалась субсидия в размере двух тысяч фунтов золота и щедрая плата за содержание тринадцати тысяч человек; а исаврийцы, которые охраняли не империю, а императора, помимо привилегии грабежа, получали ежегодную пенсию в размере пяти тысяч фунтов.

Проницательный ум Теодориха скоро понял, что он ненавистен римлянам и подозрителен варварам; он понял народное недовольство тем, что его подданные подвергались невыносимым лишениям в своих замерзших хижинах, в то время как их царь растворялся в роскоши Греции; и он предотвратил мучительный выбор между тем, чтобы встретить готов как защитник или повести их на поле боя как враг Зенона. Приняв решение, достойное его мужества и амбиций, Теодорих обратился к императору со следующими словами: «Хотя ваш слуга живет в достатке благодаря вашей щедрости, милостиво выслушайте желания моего сердца! Италия, наследие ваших предшественников, и сам Рим, глава и госпожа мира, теперь колеблются под насилием и угнетением наемника Одоакра (). Направьте меня с моими национальными войсками против тирана. Если я паду, вы избавитесь от дорогостоящего и хлопотного друга; если, с божьей помощью, я преуспею, я буду править от вашего имени и во славу вашу римским сенатом и той частью республики, которую мои победоносные войска освободили от рабства». Предложение Теодориха было принято и, возможно, было предложено византийским двором. Но форма комиссии или гранта, по-видимому, была сформулирована с осторожной двусмысленностью, что можно объяснить событиями; и осталось неясным, должен ли завоеватель Италии править как наместник, вассал или союзник императора Востока.^{.d}

Речь Теодориха, процитированная выше, приводится Иорданом,^h который, как полагают, цитирует Кассиодора,ⁱ друга и министра Теодориха. Прокопий,^j однако, говорит, что Зенон, будучи искусным в временных уловках, «советовал Теодориху пойти на Италию и, сразившись с Одоакром, завоевать Западную империю для себя и своих готов. Он показал ему, что для него лучше править итальянцами, чем с таким риском сражаться с императором». Анонимный *фрагмент Вalezия*^k еще более определенно указывает на участие Зенона в этой идее; в нем говорится, что Зенон «послал его в Италию» и предложил ему «в награду за его труды», что «до прибытия самого Зенона» он может считать себя правителем.

Ходкин^c говорит: «Более важным, чем вопрос о приоритете изобретения между Зеноном и Теодорихом, является неопределенность, в которой, без сомнения, намеренно были оставлены права договаривающихся сторон. Гог просит у императора разрешения вторгнуться в Италию. Если Италия была признана навсегда утраченной для Римской империи, если она была похожа на Дакию или Британию, зачем было нужно это разрешение? Он говорит, что будет владеть новым королевством как подарком своего приемного отца. Обязал ли этот подарок получателя какими-либо обязанностями? Давал ли он право дарителю быть проконсультированным при последующем распоряжении короной? По-видимому, все, что мы можем сказать, это то, что Теодорих был отправлен в свою опасную экспедицию с императорского одобрения; что будущие отношения между сторонами были оставлены на волю случая; но что в основе всего разговора лежало признание того факта, что Италия и Рим по-прежнему составляли часть *Respublica Romana*; и из этого факта вытекали претензии, которые любой император, достаточно сильный для этого, обязательно бы осуществил». Оставив в стороне вопрос о приоритете и столь же неразрешимую загадку о политических последствиях титула, давайте проследим за судьбами Теодориха и Одоакра на поле битвы, где, как два благородных оленя, они скрещивают рога в споре за завоевание Италии.^a

ГОТЫ НАСТУПАЮТ НА ИТАЛИЮ

[488-493 гг. н. э.]

Репутация как вождя, так и войны вызвала всеобщий энтузиазм; валамиры пополнились готскими полчищами, уже служивших в империи или поселившихся в ее провинциях; и каждый смелый варвар, слышавший о богатстве и красоте Италии, с нетерпением стремился, несмотря на самые опасные приключения, завладеть такими очаровательными объектами. Поход Теодориха следует рассматривать как эмиграцию целого народа; жены и дети готов, их престарелые родители и самые ценные вещи были тщательно перевезены; и можно представить себе, каким тяжелым был багаж, который теперь следовал за лагерем, если учесть потерю двух тысяч повозок, которая произошла в ходе одного сражения в войне в Эпире. Для своего пропитания готы полагались на запасы зерна, которое их женщины мололи в переносных мельницах; на молоко и мясо своих стад; на случайную добычу охоты и на дань, которую они могли взимать со всех, кто осмеливался препятствовать их проходу или отказывался оказывать им дружескую помощь. Несмотря на эти меры предосторожности, они подвергались опасности и почти страдали от голода во время похода длиной в семьсот миль, который был предпринят в разгар суровой зимы.

После падения Римской империи Дакия и Паннония больше не представляли собой богатых, густонаселенных городов, хорошо возделанных полей и удобных дорог: воцарились варварство и опустошение, и племена болгар, гепидов и сарматов, занявшие пустующую провинцию, под влиянием своей природной жестокости или по просьбе Одоакра

решили сопротивляться продвижению врага. В многих малоизвестных, но кровопролитных сражениях Теодорих сражался и побеждал, пока, преодолев все препятствия благодаря умелому руководству и неустанной храбрости, он не спустился с Юлианских Альп и не развернул свои непобедимые знамена на границах Италии (489 г.).

Одоакр, соперник, достойный его оружия, уже занял выгодную и хорошо известную позицию на реке Сонтиус, недалеко от руин Аквилеи, во главе мощного войска, чьи независимые короли или вожди презирали обязанности подчинения и осторожность отсрочек. Едва Теодорих дал возможность своей утомленной кавалерии немного отдохнуть и подкрепиться, как он смело атаковал укрепления врага; остготы проявили больше рвения к завоеванию земель Италии, чем наемники к их защите, и наградой за первую победу стало владение венецианской провинцией вплоть до стен Вероны. В окрестностях этого города, на крутых берегах быстрой реки Адидже, ему противостояла новая армия, усиленная по численности и не утратившая мужества; сражение было более упорным, но исход оказался еще более решительным; Одоакр бежал в Равенну, Теодорих продвинулся к Медиолану, и побежденные войска приветствовали своего завоевателя громкими возгласами уважения и верности. Но их нехватка либо постоянства, либо веры вскоре подвергла его самой серьезной опасности; его авангард с несколькими готскими графами, который был опрометчиво доверен дезертиру, Одоакру (^[99]), был предан и уничтожен возле Фавенции (Faenza) его двойным предательством; Одоакр вновь стал хозяином поля сражения, а захватчик, прочно укрепившийся в своем лагере в Тицинуме, был вынужден просить помощи у родственного народа, вестготов Галлии.

В ходе этой истории самый ненасытный аппетит к войне будет вполне удовлетворен; и мы не можем сильно сожалеть о том, что наши скудные и несовершенные материалы не позволяют более подробно рассказать о бедствиях Италии и о жестоком конфликте, исход которого в конечном итоге был решен способностями, опытом и доблестью готского короля.

[493 г. н. э.]

От Альп до крайней точки Калабрии Теодорих правил по праву завоевания; послы вандалов сдали остров Сицилия как законное придание его королевства; и он был принят как освободитель Рима сенатом и народом, которые закрыли свои ворота перед бежавшим узурпатором. Только Равенна, защищенная укреплениями искусства и природы, все еще выдерживала осаду, длившуюся почти три года; и смелые вылазки Одоакра приносили смерть и ужас в готский лагерь. Наконец, лишенный провианта и надежды на помощь, этот несчастный монарх сдался под стонами своих подданных и криками своих солдат. Епископ Равенны заключил мирный договор; остготы были допущены в город, и враждующие короли согласились под присягой править провинциями Италии на равных и без разделения власти. Результат такого соглашения был легко предсказуем. После нескольких дней, посвященных видимости радости и дружбы, Одоакр во время торжественного банкета был убит рукой или, по крайней мере, по приказу своего соперника (15 марта 493 года). Ранее были отправлены тайные и эффективные приказы; неверные и алчные наемники в тот же момент и без сопротивления были всеобщие убиты; и готы провозгласили Теодориха королем с запоздалым, неохотным и двусмысленным согласием императора Востока.

Согласно обычной практике, заговор был вменен поверженному тирану, но его невиновность и вина его победителя достаточно доказаны выгодным договором, который сила не дала бы искренне, а слабость не нарушила бы опрометчиво. Ревность к власти и вредные последствия раздора могут послужить более приемлемым оправданием, и за преступление, которое было необходимо для установления в Италии общественного

благополучия, может быть вынесен менее строгий приговор. Живой автор этого счастья был смело восхвален в его собственном присутствии священными и светскими ораторами; но история (в его время она была безмолвной и бесславной) не оставила никакого справедливого описания событий, которые продемонстрировали, или недостатков, которые затмили добродетели Теодориха.

Репутация Теодориха может с большей уверенностью основываться на видимом мире и процветании его тридцатитрехлетнего правления, на единодушном уважении его современников и на памяти о его мудрости и мужестве, его справедливости и гуманности, которые глубоко запечатлелись в умах готов и итальянцев.

ТЕОДОРИК ВЕЛИКИЙ (493-526 гг. н. э.)

[493-526 гг. н. э.]

Раздел земель Италии, третью часть которых Теодорих отдал своим солдатам, по праву считается единственной несправедливостью в его жизни. И даже этот поступок можно справедливо оправдать примером Одоакра, правами завоевателя, истинными интересами итальянцев и священным долгом обеспечить существование целого народа, который, поверив его обещаниям, переселился в далекую страну. При правлении Теодориха и в благоприятном климате Италии готы вскоре размножились до внушительной армии в двести тысяч человек, а общее количество их семей можно рассчитать, просто прибавив к этому числу женщин и детей. Их вторжение в собственность, часть которой, должно быть, уже была пустующей, маскировалось под щедрым, но неуместным названием гостеприимства; эти нежелательные гости были неравномерно рассеяны по всей Италии, и доля каждого варвара соответствовала его рождению и должности, числу его последователей и сельскому богатству, которым он обладал в виде рабов и скота. Различия между знатными и плебеями признавались, но земли каждого свободного человека были освобождены от налогов, и он пользовался неоценимой привилегией подчиняться только законам своей страны. Мода и даже удобство вскоре убедили завоевателей принять более элегантную одежду коренных жителей, но они по-прежнему упорствовали в использовании своего родного языка; и их презрение к латинским школам одобрял сам Теодорих, который удовлетворял их предрассудки, или свои собственные, заявляя, что ребенок, который дрожал перед розгой, никогда не осмелится взглянуть на меч.

Теодорих стремился защищать своих трудолюбивых подданных и сдерживать насилие, не ослабляя при этом доблести своих солдат, которые содержались для общественной защиты. Они владели своими землями и бенефициями в качестве военного жалованья; при звуке трубы они были готовы выступить под командованием своих провинциальных офицеров; и вся Италия была разделена на несколько кварталов хорошо организованного лагеря.

Среди варваров Запада победа Теодориха вызвала всеобщую тревогу. Но как только стало ясно, что он доволен завоеванием и желает мира, страх сменился уважением, и они подчинились мощному посредничеству, которое было единодушно использовано для лучших целей примирения их споров и цивилизации их нравов. Послы, прибывшие в Равенну из самых отдаленных стран Европы, восхищались его мудростью, великолепием и вежливостью; и если он иногда принимал в дар рабов или оружие, белых лошадей или странных животных, то подарок в виде солнечных часов, водяных часов или музыканта напоминал даже принцам Галлии о превосходном искусстве и трудолюбии его итальянских подданных. Его семейные союзы — жена, две дочери, сестра и племянница — объединили

семью Теодориха с королями франков, бургундов, вестготов, вандалов () и тюрингов и способствовали поддержанию гармонии или, по крайней мере, равновесия в великой республике Запада. Трудно в темных лесах Германии и Польши проследить эмиграцию герулов, свирепого народа, который презирал использование доспехов и обрекал своих вдов и престарелых родителей на смерть после потери мужей или угасания сил. Король этих диких воинов просил Теодориха о дружбе и был возвышен до ранга его сына в соответствии с варварскими обрядами военного усыновления. С берегов Балтики эсты, или ливоны, возложили свои дары из местного янтаря к ногам принца, чья слава побудила их отправиться в неизвестное и опасное путешествие длиной в полторы тысячи миль.

Жизнь Теодориха представляет собой редкий и достойный пример варвара, который опустил свой меч в гордости победы и силе своего возраста. Тридцатитрехлетнее правление было посвящено обязанностям гражданского управления, а военные действия, в которые он иногда вступал, быстро заканчивались благодаря поведению его лейтенантов, дисциплине его войск, оружию его союзников и даже страху, который внушало его имя. Под сильным и упорядоченным правительством он подчинил нерентабельные страны Ретию, Норикум, Далмацию и Паннонию, от истоков Дуная и территории баварцев до мелкого королевства, основанного гепидами на руинах Сирмиума. Его благоразумие не позволяло ему безопасно доверять оплот Италии таким слабым и беспокойным соседям, а его справедливость могла требовать земли, которые они угнетали, либо как часть его царства, либо как наследство его отца.

Величие слуги, которого называли вероломным, потому что он был успешен, пробудило ревность императора Анастасия; и на дакийской границе разгорелась война из-за защиты, которую готский король, в переменчивости человеческих дел, оказал Мундо, потомку Аттилы. Сабиниан, полководец, прославившийся своими собственными заслугами и заслугами своего отца, выступил во главе десяти тысяч римлян; а провизия и оружие, которые заполняли длинный обоз, были распределены среди самых свирепых болгарских племен. Но на полях Маргуса восточные державы были разгромлены меньшими силами готов и гуннов; цвет и даже надежда римских войск были безвозвратно уничтожены; и такова была умеренность, которой Теодорих вдохновил свои победоносные войска, что, поскольку их вождь не дал сигнала к грабежу, богатые трофеи врага лежали нетронутыми у их ног.

Разгневанный этим позором, византийский двор отправил двести кораблей и восемь тысяч человек, чтобы разграбить побережье Калабрии и Апулии; они напали на древний город Тарент, прервали торговлю и сельское хозяйство счастливой страны и отплыли обратно в Геллеспонт, гордясь своей пиратской победой над народом, которого они все еще считали своими римскими братьями. Их отступление, возможно, было ускорено деятельностью Теодориха; Италия была покрыта флотом из тысячи легких судов, которые он построил с невероятной быстротой; и его твердая умеренность вскоре была вознаграждена прочным и почетным миром. Он мощной рукой поддерживал равновесие на Западе, пока оно не было окончательно нарушено амбициями Хлодвига; и хотя он не смог помочь своему опрометчивому и несчастному родственнику, королю вестготов, он спас остатки его семьи и народа и остановил франков в разгаре их победоносной кампании.

Нет желания продлевать или повторять это повествование о военных событиях, наименее интересных в правлении Теодориха; и мы ограничимся тем, что добавим, что аламанны были защищены, что вторжение бургундов было сурово наказано, и что завоевание Арля и Марсея открыло свободную связь с вестготами, которые почитали его как своего национального защитника и как опекуна своего внука, младенца Аларика. Под этим уважаемым именем король Италии восстановил преторианскую префектуру галлов (),

реформировал некоторые злоупотребления в гражданском правительстве Испании и принял ежегодную дань и кажущееся подчинение ее военного губернатора, который мудро отказался доверять свою личность дворцу в Равенне. Готское господство было установлено от Сицилии до Дуная, от Сирмиума или Белграда до Атлантического океана; и сами греки признали, что Теодорих правил над самой прекрасной частью Западной империи.

Союз готов и римлян мог бы на века закрепить преходящее счастье Италии, и из взаимного соперничества их соответствующих добродетелей постепенно мог бы возникнуть новый народ свободных подданных и просвещенных солдат, первый среди народов. Но высокая честь руководить или поддерживать такую революцию не была уготована правлению Теодориха; ему не хватало ни гения, ни возможностей законодателя; и, потакая готам в их грубой свободе, он рабски копировал институты и даже злоупотребления политической системы, созданной Константином и его преемниками. Из нежной заботы о умирающих предрассудках Рима варвар отказался от имени, пурпура и диадемы императоров, но под наследственным титулом короля он принял всю сущность и полноту императорских прерогатив. Его обращения к восточному трону были уважительными и двусмысленными; он торжественно прославлял гармонию двух республик, восхвалял свое собственное правительство как совершенное подобие единой и нераздельной империи и претендовал на то же превосходство над земными царями, которое он скромно предоставлял личности или рангу Анастасия. Союз Востока и Запада ежегодно провозглашался единодушным выбором двух консулов, но, по-видимому, итальянский кандидат, назначенный Теодорихом, принимал официальное подтверждение от правителя Константинополя.

Готский дворец в Равенне отражал образ двора Феодосия или Валентиниана. Префект претория, префект Рима, квестор, магистр канцелярии, а также государственные и родовые казначеи, чьи функции ярко описаны в риторике Кассиодора (), по-прежнему продолжали действовать в качестве государственных министров. А подчиненные заботы о правосудии и доходах были делегированы семи консулам, трем корректорам и пяти президентам, которые управляли пятнадцатью регионами Италии в соответствии с принципами и даже формами римской юриспруденции. Насилие завоевателей было ослаблено или обойдено медленным искусством судебных разбирательств; гражданская администрация с ее почестями и вознаграждениями была ограничена итальянцами; а народ по-прежнему сохранял свою одежду и язык, свои законы и обычаи, свою личную свободу и две трети своей земельной собственности. Август стремился скрыть введение монархии; Теодорих же проводил политику маскировки правления варвара. Если его подданные иногда пробуждались от этого приятного видения римского правительства, они получали более существенное утешение от характера готского принца, который обладал проницательностью, позволявшей ему различать, и твердостью, позволявшей ему преследовать свои собственные и общественные интересы. Теодорих любил добродетели, которыми он обладал, и таланты, которых он был лишен. Либерий был повышен до должности преторианского префекта за свою непоколебимую верность несчастной делу Одоакра. Министры Теодориха, Кассиодор и Боэций, отразили на его правлении блеск своего гения и учености. Будучи более осторожным и удачливым, чем его коллега, Кассиодор сохранил свое уважение, не утратив королевской милости, и после тридцати лет, проведенных в почестях мира, он был благословлен таким же сроком покоя в благочестивом и ученых уединении Сквилаче (Силациум).

Публичные игры, которые греческий посол мог бы вежливо приветствовать, представляли собой бледное и слабое подобие великолепия цезарей: однако музыкальное, гимнастическое и пантомимическое искусство не канули полностью в лету; дикие звери Африки по-прежнему демонстрировали в амфитеатре мужество и ловкость охотников; а

снисходительный гот либо терпеливо милостиво относился к синим и зеленым фракциям, чьи состязания так часто наполняли цирк шумом и даже кровью, либо мягко сдерживал их. На седьмой год своего правления Теодорих посетил Рим, старую столицу мира; сенат и народ вышли в торжественной процессии, чтобы приветствовать второго Траяна, нового Валентиниана; и он благородно поддержал этот образ, заверив в справедливом и законном правлении в речи, которую он не побоялся произнести публично и высечь на медной табличке.

Рим в этой торжественной церемонии пролил последний луч угасающей славы; и святой, наблюдавший за этой помпезной сценой, мог только надеяться в своем благочестивом воображении, что она превосходила небесное великолепие Нового Иерусалима. За шесть месяцев пребывания слава, личность и вежливое поведение готского короля вызвали восхищение римлян, а он с равным любопытством и удивлением созерцал памятники, оставшиеся от их древнего величия. Он оставил следы завоевателя на Капитолийском холме и откровенно признался, что каждый день с новым удивлением смотрел на Форум Траяна и его высокую колонну. Театр Помпея, даже в своем упадке, казался огромной горой, искусственно выдолбленной, отполированной и украшенной человеческим трудом; и он смутно подсчитал, что для возведения колоссального амфитеатра Тита, должно быть, была израсходована целая река золота. Из устьев четырнадцати акведуков чистый и обильный поток распространялся по всем частям города; среди них вода Клаудиана, берущая начало на расстоянии тридцати восьми миль в Сабинских горах, транспортировалась по пологому, но постоянному уклону прочных арок, пока не спускалась на вершину Авентинского холма. Длинные и просторные своды, построенные для общественных канализационных систем, сохранились после двенадцати веков в первозданном виде; и подземные каналы были предпочтительнее всех видимых чудес Рима.

Готические короли, которых так несправедливо обвиняли в разрушении древности, стремились сохранить памятники народа, который они покорили. Королевские указы были разработаны для предотвращения злоупотреблений, халатности или грабежей со стороны самих граждан; для обычного ремонта стен и общественных зданий был выделен профессиональный архитектор, ежегодная сумма в двести фунтов золота, двадцать пять тысяч черепиц и поступления от таможни в порту Лукрине. Аналогичная забота распространялась на статуи из металла или мрамора, изображающие людей или животных. Дух лошадей, которые дали современное название Квириналу, был одобрен варварами; медные слоны на Виа Сакра были тщательно восстановлены; знаменитая телка Мирона обманывала скот, когда его гнали через форум мира, и был создан офицер для защиты этих произведений искусства, которые Теодорих считал самыми благородными украшениями своего королевства.

По примеру последних императоров Теодорих предпочитал резиденцию в Равенне, где он своими руками возделывал фруктовый сад. Всякий раз, когда мир его королевства угрожал (поскольку оно никогда не подвергалось вторжениям) варварами, он переносил свой двор в Верону, на северную границу, и изображение его дворца, до сих пор сохранившееся на монете, представляет собой старейший и наиболее аутентичный образец готической архитектуры. В условиях мира возродилось сельское хозяйство, а число земледельцев увеличилось за счет выкупа пленников. Железные рудники Далмации, золотой рудник Бруттия были тщательно исследованы, а Понтийские болота, как и болота Сполето, были осушены и возделаны частными предпринимателями, чья отдаленная награда должна была зависеть от продолжения общественного процветания. Всякий раз, когда сезоны были менее благоприятными, сомнительные меры предосторожности по созданию запасов зерна, фиксации цен и запрету на экспорт, по крайней мере, свидетельствовали о благожелательности государства; но такое необычайное изобилие, которое трудолюбивый

народ производил из благодарной земли, что галлон вина иногда продавался в Италии менее чем за три фартинга (1½ цента), а четверть пшеницы (8 бушелей) — примерно за пять шиллингов и шесть пенсов (1,37 доллара). Страна, обладающая столь многими ценными предметами обмена, вскоре привлекла к себе купцов со всего мира, чья выгодная торговля поощрялась и защищалась либеральным духом Теодориха. Было восстановлено и расширено свободное сообщение между провинциями по суше и по воде; городские ворота никогда не закрывались ни днем, ни ночью; а распространенная поговорка, что мешок с золотом можно безопасно оставить в поле, отражала осознанную уверенность жителей в своей безопасности.

ТЕОДОРИК И ЦЕРКОВЬ

Различия в религии всегда пагубны и часто губительны для гармонии между правителем и народом; готский завоеватель был воспитан в арианстве, а Италия была преданно привержена никейской вере. Но убеждения Теодориха не были заражены фанатизмом, и он благочестиво придерживался ереси своих отцов, не снисходя до того, чтобы взвешивать тонкие аргументы теологической метафизики. Удовлетворенный частной терпимостью к своим арианским сектантам, он справедливо считал себя хранителем общественного культа; и его внешнее почтение к суеверию, которым он презирал, возможно, питало в его уме благотворное безразличие государственного деятеля или философа. Под защитой Теодорих принял законное верховенство церкви; и его твердое управление восстановило или расширило некоторые полезные прерогативы, которые были пренебрежены слабыми императорами Запада. Он не был невежественен в отношении достоинства и важности римского понтифика, которому теперь принадлежало почтенное имя папы. Мир или восстание в Италии могли зависеть от характера богатого и популярного епископа, который претендовал на столь обширное господство как на небе, так и на земле, который был объявлен на многочисленном соборе чистым от всякого греха и освобожденным от всякого суда. Когда за престол святого Петра боролись Симмах и Лаврентий, они явились по его вызову перед трибунал арианского монарха, и он утвердил избрание наиболее достойного или наиболее покорного кандидата. В конце своей жизни, в порыве ревности и обиды, он помешал выбору римлян, назначив папу в дворце Равенны. Опасность и яростные споры о расколе были мягко сдержаны, и последний указ сената был принят, чтобы, по возможности, положить конец скандальной продажности папских выборов.

Мы с удовольствием рассуждали о благоприятном положении Италии, но наша фантазия не должна поспешно предполагать, что золотой век поэтов, порода людей без пороков и страданий, был реализован во время готского завоевания. Прекрасная перспектива иногда затуманивалась облаками; мудрость Теодориха могла быть обманута, его власти могли сопротивляться, и закатная старость монарха была омрачена народной ненавистью и кровью патрициев. В первом порыве победы он был соблазнен лишить всю партию Одоакра гражданских и даже естественных прав общества; налог, неуместно введенный после бедствий войны, раздавил бы развивающееся сельское хозяйство Лигурии; жесткое право преимущественной покупки зерна, предназначенного для общественной помощи, усугубило бы бедственное положение Кампании. Эти опасные проекты были сорваны добродетелью и красноречием Епифания и Бозция, которые в присутствии самого Теодориха успешно отстаивали интересы народа: но если королевское ухо было открыто для голоса правды, то святой и философ не всегда находятся у уха королей. Привилегии, связанные с рангом, должностью или благосклонностью, слишком часто злоупотреблялись итальянским мошенничеством и готским насилием; а алчность племянника короля была публично разоблачена сначала узурпацией, а затем возвращением поместий, которые он

несправедливо вымогал у своих тосканских соседей. Двести тысяч варваров, внушавших страх даже своему господину, обосновались в самом сердце Италии; они с негодованием относились к ограничениям, налагаемым миром и дисциплиной; беспорядки, сопровождавшие их поход, всегда ощущались и иногда компенсировались; а там, где было опасно наказывать, было разумно притворяться, что не замечаешь проявлений их природной жестокости.

Даже религиозная терпимость, которую Теодорих имел честь ввести в христианский мир, была болезненной и оскорбительной для православного рвения итальянцев. Они уважали вооруженную ересь готов, но их благочестивый гнев был безопасно направлен против богатых и беззащитных евреев, которые основали свои поселения в Неаполе, Риме, Равенне, Медиолане и Генуе для ведения торговли и под санкцией законов. Их оскорбляли, грабили, а их синагоги сжигали разъяренные толпы Равенны и Рима, возбужденные, как представляется, самыми нелепыми и нелепыми предлогами. Правительство, которое могло бы игнорировать это, заслуживало бы такого возмущения. Было немедленно проведено судебное расследование, и, поскольку виновники беспорядков скрылись в толпе, вся община была осуждена на возмещение ущерба, а упрямые фанатики, отказавшиеся внести свой вклад, были выведены на улицы и подвергнуты порке палачом (). Этот простой акт правосудия усугубил недовольство католиков, которые приветствовали заслуги и терпение этих святых исповедников; триста амвонов осуждали преследование церкви; и если часовня Святого Стефана в Вероне была разрушена по приказу Теодориха, то, вероятно, в этом священном месте произошло какое-то чудо, враждебное его имени и достоинству. В конце своей славной жизни король Италии обнаружил, что он вызвал ненависть народа, счастье которого он так усердно стремился обеспечить; и его разум был омрачен негодованием, ревностью и горечью неразделенной любви. Готский завоеватель снизошел до того, что разоружил невоинственных жителей Италии, запретив все наступательное оружие, за исключением небольшого ножа для домашнего использования. Освободитель Рима был обвинен в сговоре с самыми подлыми доносчиками против жизни сенаторов, которых он подозревал в тайной и предательской переписке с византийским двором.

После смерти Анастасия диадема была возложена на голову слабого старика, но власть в государстве перешла к его племяннику Юстиниану, который уже замыслил искоренение ереси и завоевание Италии и Африки. Суровый закон, обнародованный в Константинополе с целью удержать арианцев в пределах церкви страхом наказания, вызвал справедливое возмущение Теодориха, который требовал для своих страдающих братьев на Востоке той же снисходительности, которую он так долго проявлял к католикам своих владений. По его приказу римский понтифик Иоанн I вместе с четырьмя выдающимися сенаторами отправился в посольскую миссию, неудачу или успех которой он, должно быть, одинаково опасался. Необычное почтение, проявленное к первому папе, посетившему Константинополь, было наказано как преступление его ревнивым монархом; искусный или категорический отказ византийского двора мог бы оправдать равные и даже более суровые меры возмездия; в Италии был подготовлен указ, запрещающий после определенного дня отправление католического культа. Фанатизм его подданных и врагов довел самого терпимого из правителей до грани преследования; и жизнь Теодориха была слишком длинной, поскольку он дожил до осуждения добродетели Боэция и Симмаха.

СУДЬБА БОЭЦИЯ И СИММАХА

Сенатор Боэций — последний из римлян, которого Катон или Туллий могли бы признать своим соотечественником. Будучи богатым сиротой, он унаследовал наследство и почести семьи Анициев. Говорят, что Боэций провёл восемнадцать лет в школах Афин, которые поддерживались усердием, знаниями и трудолюбием Прокла и его учеников. После возвращения в Рим и женитьбы на дочери своего друга, патриция Симмаха, Боэций продолжал заниматься теми же исследованиями в дворце из слоновой кости и мрамора. Церковь была вдохновлена его глубокой защитой православного вероучения против ересей Ария, Евтихия и Нестория; католическое единство было объяснено или раскрыто в формальном трактате о безразличии трех отдельных, хотя и единосущных лиц. Для пользы своих латинских читателей его гений подчинился задаче преподавать первые элементы искусств и наук Греции. Геометрия Евклида, музыка Пифагора, арифметика Никомаха, механика Архимеда, астрономия Птолемея, теология Платона и логика Аристотеля с комментариями Порфирия () были переведены и проиллюстрированы неутомимым пером римского сенатора. И только он один считался способным описать чудеса искусства, солнечные часы, водяные часы или сферу, изображавшую движения планет.

От этих заумных размышлений Боэций отступил, или, точнее говоря, он поднялся до социальных обязанностей общественной и частной жизни; бедные получали помощь от его щедрости; а его красноречие, которое лезть могла бы сравнить с голосом Демосфена или Цицерона, неизменно использовалось в защиту невинности и человечности. Такие заметные заслуги были замечены и вознаграждены проницательным принцем; достоинство Боэция было украшено титулами консула и патриция, а его таланты были с пользой использованы на важной должности главы канцелярии. Несмотря на равные права Востока и Запада, его два сына в юном возрасте были назначены консулами одного и того же года.

Но благосклонность и верность Боэция уменьшались пропорционально общественному счастью; ему был навязан недостойный коллега, чтобы разделить и контролировать власть магистра канцелярии. В последний мрачный период правления Теодориха он с возмущением почувствовал себя рабом, но, поскольку его господин имел власть только над его жизнью, он без оружия и без страха встал перед лицом разгневанного варвара, которого спровоцировали на мысль, что безопасность сената несовместима с его собственной. Сенатор Альбин был обвинен и уже осужден по предположению, что он, как говорили, надеялся на свободу Рима. «Если Альбин преступник, — воскликнул оратор, — то сенат и я виновны в том же преступлении. Если мы невиновны, то Альбин имеет такое же право на защиту законов». Эти законы, возможно, не наказали бы простое и бесплодное желание недостижимого благословения, но они проявили бы меньшую снисходительность к опрометчивому признанию Боэция, что, если бы он знал о заговоре, тиран никогда бы об этом не узнал. Защитник Альбина вскоре оказался вовлеченным в опасность и, возможно, в вину своего клиента; их подписи (которые они отрицали как подделку) были поставлены на оригинальном обращении, призывающем императора избавить Италию от готов; и три свидетеля почтенного ранга, возможно, с дурной репутацией, подтвердили изменнические замыслы римского патриция. Тем не менее, его невинность должна быть признана, поскольку Теодорих лишил его возможности оправдаться и строго заключил в башне Павии, в то время как сенат, находящийся на расстоянии пятисот миль, вынес приговор о конфискации имущества и смертной казни в отношении самого выдающегося из своих членов. Преданность сенату, основанная на благочестии и долге, была осуждена как

преступление дрожащими голосами самих сенаторов; и их неблагодарность заслуживала желая и предсказания Боэция, чтобы после него никто не был признан виновным в том же преступлении.

В то время как Боэций, угнетенный кандалами, с каждой минутой ожидал приговора или смертного удара, он сочинил в башне Павии *«Утешение философией»* — золотой том, достойный внимания Платона или Туллия, но обладающий несравненной ценностью ввиду варварства того времени и положения автора. Небесный проводник, к которому он так долго взывал в Риме и Афинах, теперь снизошел, чтобы осветить его темницу, возродить его мужество и излить на его раны свой целебный бальзам. Неизвестность, худшее из зол, была наконец решена министрами смерти, которые выполнили, а может быть, и превзошли бесчеловечный приказ Теодориха. К голове Боэция привязали прочную веревку,^[100] и с силой затащили, так что его глаза почти вылезли из орбит; и некоторое милосердие можно увидеть в более мягкой пытке — избиении его дубинками до самой смерти. Но его гений выжил, чтобы распространить луч знания над самыми мрачными веками латинского мира; сочинения философа были переведены самым славным из английских королей, а третий император по имени Отон перенес в более почетную гробницу кости католического святого, который от своих арианских преследователей получил честь мученичества и славу чудотворца.

В последние часы своей жизни Боэций находил некоторое утешение в безопасности своих двух сыновей, жены и тестя, почтенного Симмаха. Но скорбь Симмаха была нескромной и, возможно, неуважительной; он осмелился оплакивать смерть обиженного друга, он мог бы осмелиться и отомстить (). Его в цепях увезли из Рима во дворец в Равенне, и подозрения Теодориха можно было успокоить только кровью невинного и престарелого сенатора.

[524-526 гг. н. э.]

Человечество будет склонно поощрять любые сообщения, свидетельствующие о юрисдикции или совести и раскаянии королей; а философия не игнорирует тот факт, что самые ужасные призраки иногда создаются силами беспорядочного воображения и слабостью нездорового тела. После жизни, полной добродетели и славы, Теодорих теперь с позором и виной спускался в могилу; его ум был смирен контрастом с прошлым и справедливо встревожен невидимыми ужасами будущего. Однажды вечером, как рассказывают,^[101] когда на королевском столе подали голову большой рыбы, он вдруг воскликнул, что видит гневное лицо Симмаха, его глаза, сверкающие яростью и местью, и его рот, вооруженный длинными острыми зубами, которые угрожают пожрать его. Монарх немедленно удалился в свои покои и, лежа в постели, дрожа от муки и холода под тяжестью одеял, прерывистым шепотом выразил своему врачу Элпидию глубокое раскаяние за убийства Боэция и Симмаха. Его болезнь усугубилась, и после трехдневной дизентерии он скончался во дворце Равенны в тридцать третьем, или, если считать с момента вторжения в Италию, в тридцать седьмом году своего правления, 30 августа 526 года.

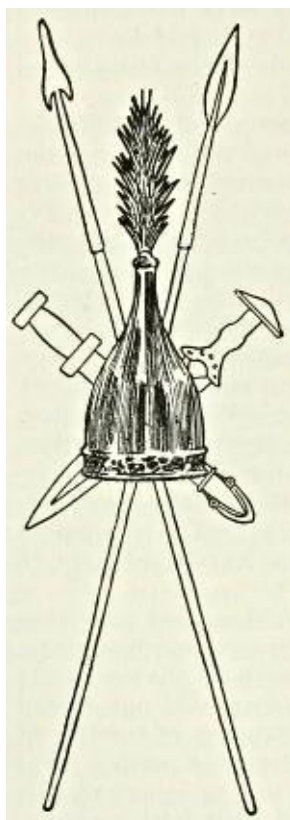
Осознавая приближение конца, он разделил свои сокровища и провинции между двумя внуками и установил Рону в качестве их общей границы. Амаларик был восстановлен на испанском троне. Италия со всеми завоеваниями остготов была завещана Аталарику, возраст которого не превышал десяти лет, но который был любим как последний мужской потомок рода Амали, благодаря недолгому браку его матери Амаласунты с королевским беглецом той же крови. В присутствии умирающего монарха готские вожди и итальянские магистраты взаимно поклялись в верности и преданности молодому принцу и его опекунше-матери и в тот же страшный момент получили его последний благотворный совет: соблюдать законы, любить сенат и народ Рима и с должным почтением

культивировать дружбу с императором. Памятник Теодориху был воздвигнут его дочерью Амаласунтой на видном месте, откуда открывался вид на город Равенну, гавань и прилегающее побережье. Часовня круглой формы, диаметром тридцать футов, увенчана куполом из цельного куска гранита: из центра купола поднимаются четыре колонны, которые поддерживают в вазе из порфира останки готского короля, окруженного бронзовыми статуями двенадцати апостолов. Его дух, после некоторого предварительного искупления, мог бы смешаться с благодетелями человечества, если бы итальянский отшельник не был свидетелем в видении проклятия Теодориха, чья душа была погружена служителями божественной мести,^[102] в вулкан Липари, одно из пламенных устьев подземного мира.

БЕДСТВИЯ АМАЛАСУНТЫ

[526-536 гг. н. э.]

Рождение Амаласунты, регентши и королевы Италии, объединило две самые знатные семьи варваров. Ее мать, сестра Хлодвига, была потомком длинноволосых королей из рода Меровингов, а королевская преемственность Амали была продемонстрирована в одиннадцатом поколении ее отцом, великим Теодорихом, чьи заслуги могли бы облагородить плебейское происхождение. Пол его дочери исключал ее из готского престола, но его бдительная нежность к своей семье и народу позволила обнаружить последнего наследника королевской линии Амали (), чьи предки укрылись в Испании; и счастливый Эутарик был внезапно возвышен до ранга консула и принца. Он наслаждался очарованием Амаласунты и надеждами на престолонаследие лишь недолго; после смерти мужа и отца его вдова осталась опекуном своего сына Аталарика и королевства Италия. В возрасте около двадцати восьми лет ее умственные и физические данные достигли совершенной зрелости. Ее красота, которая, по мнению самой Феодоры, могла бы соперничать с завоеваниями императора, была одухотворена мужественным умом, энергией и решимостью. Образование и опыт развивали ее таланты; ее философские исследования были лишены тщеславия; и, хотя она с одинаковой элегантностью и легкостью выражала свои мысли на греческом, латинском и готском языках, дочь Теодориха сохраняла в своих советах сдержанное и непроницаемое молчание.

Готский шлем и оружие

Верно подражая его добродетелям, она возродила процветание его правления; в то же время она с благочестивой заботой стремилась искупить ошибки и стереть мрачные воспоминания о его угасающей старости. Дети Боэция и Симмаха были возвращены к отцовскому наследству; ее крайняя мягкость никогда не позволяла ей налагать телесные или денежные наказания на своих римских подданных; и она великодушно презирала вопли готов, которые даже через сорок лет все еще считали народ Италии своими рабами или врагами. Ее благотворные меры были направлены мудростью и прославлены красноречием Кассиодора¹; она добилась и заслужила дружбу императора, а королевства Европы уважали, как в мирное, так и в военное время, величие готского престола.

Но будущее счастье королевы и Италии зависело от образования ее сына, который по рождению был предназначен поддерживать различные и почти несовместимые характеры вождя варварского лагеря и первого магистрата цивилизованной нации. С десяти лет Аталарик усердно обучался искусствам и наукам, полезным или декоративным для римского принца; и трое почтенных готов были выбраны, чтобы привить принципы чести и добродетели в ум своего молодого короля. Но ученик, не чувствующий пользы от образования, должен ненавидеть его ограничения, а забота королевы, которую любовь сделала тревожной и строгой, оскорбляла неуправляемый характер ее сына и его подданных. Во время торжественного праздника, когда готы собрались во дворце в Равенне, королевский юноша сбежал из покоев своей матери и со слезами гордости и гнева жаловался на удар, который ее упрямое непослушание вызвало ее нанести. Варвары возмутились оскорблением, нанесенным их королю, обвинили регента в заговоре против его жизни и короны и властно потребовали, чтобы внук Теодориха был спасен от подлой дисциплины женщин и педантов и воспитан, как доблестный гот, в обществе своих равных и в славном невежестве своих предков. Под давлением этого грубого шума, настойчиво

выдвигаемого как голос нации, Амаласунта была вынуждена уступить своему разуму и самым заветным желаниям своего сердца.

[534-535 гг. н. э.]

Король Италии предался вину, женщинам и деревенским забавам, а нескромное презрение неблагодарного юноши выдавало злые замыслы его фаворитов и врагов Амаласунты. Окруженная внутренними врагами, она вступила в тайные переговоры с императором Юстинианом, получила заверения в дружеском приеме и фактически хранила в Диррахии в Эпире сокровище в сорок тысяч фунтов золота. Ее слава и безопасность были бы обеспечены, если бы она спокойно удалилась от варварских распрей в мир и великолепие Константинополя. Но ум Амаласунты был охвачен амбициями и местью; и пока ее корабли стояли на якоре в порту, она ждала успеха преступления, которое ее страсти оправдывали или приветствовали как акт справедливости. Трое из самых опасных недовольных были по отдельности отправлены под предлогом доверия и приказа на границы Италии: они были убиты ее личными посланцами; и кровь этих благородных готов сделала королеву-мать абсолютной владычицей при дворе Равенны и справедливо ненавистной свободному народу. Но если она и оплакивала беспорядки, устроенные ее сыном, то вскоре она оплакивала его безвозвратную утрату; и смерть Аталарика в 534 году, который в возрасте шестнадцати лет был измучен преждевременной распущенностью, лишила ее любой твердой опоры или законной власти. [Аталарик умер от чумы.]

Вместо того чтобы подчиниться законам своей страны, которые считали основополагающим принципом, что престол никогда не может переходить от копья к прялке, дочь Теодориха замыслила невыполнимое: разделить королевский титул с одним из своих двоюродных братьев и оставить в своих руках сущность верховной власти. Он принял это предложение с глубоким уважением и притворной благодарностью, а красноречивый Кассиодор объявил сенату и императору, что Амаласунта и Теодат [или Теодахад] взошли на престол.^[103] Его происхождение (ведь его мать была сестрой Теодориха) можно было считать недостаточным основанием для престолонаследия, а выбор Амаласунты был в большей степени продиктован ее презрением к его алчности и малодушию, которые лишили его любви итальянцев и уважения варваров. Но Феодат был раздражен заслуженным презрением; ее справедливость подавляла и осуждала угнетение, которое он осуществлял в отношении своих тосканских соседей; и главные готы, объединенные общей виной и обидой, сговорились, чтобы подстегнуть его медлительный и робкий характер. Едва были отправлены поздравительные письма, как королева Италии была заключена в тюрьму на небольшом острове озера Волсиниенсис (Болсена), где после короткого заключения она была задушена в бане по приказу или с молчаливого согласия нового короля,^[104] который приказал своим буйным подданным пролить кровь своих правителей (май? 535 г.).

ЮСТИНИАН ВМЕШИВАЕТСЯ

[535-536 гг. н. э.]

Юстиниан с радостью наблюдал за распрями готов, а посредничество союзника скрывало и способствовало амбициозным планам завоевателя. Его послы на публичной аудиенции потребовали крепость Лилибей, десять беглых варваров и справедливую компенсацию за разграбление небольшого городка на границе Иллирии; но они тайно вели переговоры с Феодотом о предательстве провинции Тоскана и соблазняли Амаласунту избавиться от опасности и затруднительного положения, добровольно сдав королевство Италия. Ложное и раболепное письмо было подписано неохотно плененной королевой, но признание римских

сенаторов, отправленных в Константинополь, раскрыло правду о ее плачевном положении, и Юстиниан, через нового посла, самым решительным образом заступился за ее жизнь и свободу. Однако тайные инструкции того же министра были приспособлены для удовлетворения жестокой ревности Феодоры, которая боялась присутствия и превосходного очарования соперницы: он подсказал, с помощью искусных и двусмысленных намеков, совершение преступления, столь полезного для римлян; с горечью и возмущением воспринял известие о ее смерти и от имени своего господина объявил вечную войну вероломному убийце.

Как в Италии, так и в Африке вина узурпатора, казалось, оправдывала применение оружия Юстинианом; но силы, которые он подготовил, были недостаточны для свержения могущественного царства, если бы их слабое число не было умножено именем, духом и поведением героя. Избранный отряд гвардейцев, которые служили верхом и были вооружены копьями и щитами, сопровождал Белисария: его кавалерия состояла из двухсот гуннов, трехсот мавров и четырех тысяч союзников, а пехота — только из трех тысяч исавров. Следуя тем же курсом, что и в своей предыдущей экспедиции, римский консул бросил якорь у Катании на Сицилии, чтобы оценить силу острова и решить, следует ли ему пытаться его завоевать или мирно продолжить свое путешествие к африканскому побережью. Он обнаружил плодородную землю и дружелюбный народ. Несмотря на упадок сельского хозяйства, Сицилия по-прежнему снабжала зерном Рим; фермеры были милостиво освобождены от угнетения военными кварталами; а готы, которые доверили защиту острова его жителям, имели некоторые основания жаловаться, что их доверие было вероломно предано: вместо того чтобы просить и ожидать помощи от короля Италии, они с радостью подчинились первому призыву, и эта провинция, первая добыча Пунических войн, после долгого разлучения вновь присоединилась к Римской империи (535 г.).

Готский гарнизон Палермо, который единственный пытался сопротивляться, был покорен после короткой осады с помощью необычной уловки. Велизарий ввел свои корабли в самую глубокую часть гавани; их шлюпки с трудом поднимали с помощью веревок и блоков на верхушку мачты, и он заполнил их лучниками, которые с этой возвышенной позиции контролировали городские укрепления. После этой легкой, но успешной кампании завоеватель вошел в Сиракузы в сопровождении своих победоносных войск, раздавая людям золотые медали в день, который так славно завершил год консульства. Он провел зимний сезон во дворце древних царей, среди руин греческой колонии, которая когда-то простиралась на двадцать две мили, но весной, около праздника Пасхи (), осуществление его планов было прервано опасным восстанием африканских войск.

Хотя Феодат происходил из рода героев, он был невежественен в искусстве войны и не любил опасностей. Хотя он изучал сочинения Платона и Туллия, философия не смогла очистить его ум от низменных страстей, алчности и страха. Он приобрел скипетр благодаря неблагодарности и убийству: при первом же угрозе со стороны врага он унизил свое собственное величие и величие нации, которая и без того презирала своего недостойного правителя. Потрясенный недавним примером Гелимера, он увидел себя в цепях, ведомым по улицам Константинополя; ужас, который внушал Велизарий, усилился благодаря красноречию Петра, византийского посла; и этот смелый и хитрый адвокат убедил его подписать договор, слишком позорный, чтобы стать основой прочного мира.

Юстиниан потребовал и принял отречение готского короля. Его неутомимый агент вернулся из Константинополя в Равенну с подробными инструкциями и справедливым посланием, в котором восхвалялись мудрость и великодушие королевского философа, предоставлялась ему пенсия с гарантией всех почестей, которыми мог пользоваться

подданный и католик, и мудро передавалось окончательное исполнение договора в руки и под власть Велизария. Но в период неопределенности два римских генерала, вторгшиеся в провинцию Далмация, были разгромлены и убиты готскими войсками. Из слепого и глубокого отчаяния Феодат капризно поднялся до беспочвенной и роковой самонадеянности и осмелился принять с угрозой и презрением посла Юстиниана, который требовал выполнения обещания, просил о верности его подданных и смело отстаивал неприкосновенность своего собственного достоинства. Поход Велизария развеял эту иллюзорную гордость.

Оставив достаточные гарнизоны в Палермо и Сиракузах, Велизарий погрузил свои войска в Мессине и без сопротивления высадил их на противоположном берегу Региума. Готский принц, женившийся на дочери Феодота, был размещен с армией для охраны входа в Италию, но он без зазрения совести последовал примеру правителя, неверного своим публичным и частным обязанностям. Вероломный Эбермор сбежал со своими последователями в римский лагерь и был уволен, чтобы наслаждаться рабскими почестями византийского двора. От Региума до Неаполя (Неаполь) флот и армия Велизария, почти всегда находясь в поле зрения друг друга, продвинулись почти на триста миль вдоль побережья.

В гораздо более поздний период окрестность Неаполя составляла всего 2363 шага: укрепления защищались обрывами или морем: когда акведуки были перекрыты, воду можно было черпать из колодцев и фонтанов, а запасы провианта были достаточными, чтобы измотать терпение осаждающих. Через двадцать дней запасы Велизария были почти исчерпаны, и он смирился с позором отказа от осады, чтобы до наступления зимы выступить против Рима и готского короля. Но его беспокойство было снято смелым любопытством одного из айварийцев, который исследовал сухой канал акведука и тайно доложил, что можно пробить проход, чтобы ввести отряд вооруженных солдат в самое сердце города. Когда работа была выполнена в тишине, гуманный полководец рискнул раскрыть свою тайну, в последний раз безрезультатно предупредив о надвигающейся опасности. В темноте ночи четыреста римлян вошли в акведук, поднялись по веревке, которую привязали к оливковому дереву, в дом или сад одинокой матроны, затрубили в трубы, застали врасплох часовых и впустили своих товарищей, которые со всех сторон взобрались на стены и взломали ворота города. Все преступления, которые наказываются социальной справедливостью, практиковались как права войны; гунны отличались жестокостью и кощунством, и только Велизарий появился на улицах и в церквях Неаполя, чтобы смягчить бедствия, которые он предсказывал.

Гот, крестьянский костюм

Верные солдаты и граждане Неаполя ожидали своего освобождения от принца, который оставался пассивным и почти безразличным зрителем их гибели. Феодот укрылся в стенах Рима, в то время как его кавалерия продвинулась на сорок миль по Аппиевой дороге и разбила лагерь в Понтийских болотах, которые недавно были осушены с помощью канала длиной девятнадцать миль и превращены в отличные пастбища. Но основные силы готов были рассеяны по Далмации, Венеции и Галлии, а слабый ум их короля был сбит с толку неудачным исходом гадания, которое, казалось, предвещало падение его империи. Самые презренные рабы обвинили несчастного господина в вине или слабости. Характер Феодота был подвергнут строгому рассмотрению со стороны свободного и праздношатающегося лагеря варваров, осознававших свои привилегии и власть: он был объявлен недостойным своего рода, своего народа и своего трона; и их генерал Витиг, прославившийся своей доблестью в Иллирийской войне, был поднят на щитах своих товарищей под единодушные аплодисменты. Услышав первые слухи, отрекшийся от престола монарх бежал от правосудия своей страны, но его преследовала частная месть.^[105] Гот, которому он причинил боль в любви, догнал Феодота на Фламиниевой дороге и, не обращая внимания на его немужественные крики, убил его, когда тот лежал на земле (536).

ВИТИГЕС, КОРОЛЬ ГОТОВ

Выбор народа — лучший и чистейший титул для правления им: однако таково предубеждение всех веков, что Витиг нетерпеливо желал вернуться в Равенну, где он мог бы захватить, с помощью нежелательной руки дочери Амаласунты, какую-то слабую тень наследственного права. Был немедленно созван национальный совет, и новый монарх примирил нетерпеливый дух варваров с мерой позора, которую неправомерное поведение

его предшественника сделало мудрой и необходимой. Готы согласились отступить в присутствии победоносного врага; отложить до следующей весны операции наступательной войны; собрать свои разрозненные силы; отказаться от своих отдаленных владений и довериться даже самому Риму, полагаясь на веру его жителей. В столице остался пожилой воин Леудерис с четырьмя тысячами солдат — слабый гарнизон, который мог поддержать рвение римлян, хотя и был неспособен противостоять их желаниям. Но в их умах разгорелся мимолетный энтузиазм религии и патриотизма. Они яростно восклицали, что апостольский престол не должен больше оскверняться триумфом или терпимостью арианства; что гробницы цезарей не должны больше попирались дикарями севера; и, не задумываясь о том, что Италия должна превратиться в провинцию Константинополя, они с восторгом приветствовали восстановление римского императора как новую эру свободы и процветания. Представители папы и духовенства, сената и народа пригласили наместника Юстиниана принять их добровольную верность и войти в город, ворота которого будут открыты для его приема.

БЕЛИЗАРИЙ И ОСАДА РИМА (536-538 гг. н. э.)

Как только Велизарий укрепил свои новые завоевания, Неаполь и Кумы, он вошел через Асинарские ворота, гарнизон без помех ушел по Фламиниевой дороге, и город, после шестидесяти лет рабства, был освобожден от ига варваров. Только Леудерис, из гордости или недовольства, отказался сопровождать беженцев; и готский вождь, сам став трофеем победы, был отправлен с ключами от Рима к трону императора Юстиниана.

Замыслы Витигеса были осуществлены в течение зимы с усердием и эффективностью. Из своих деревенских жилищ, из своих отдаленных гарнизонов готы собрались в Равенне для защиты своей страны; и их было так много, что после того, как часть армии была отправлена на помощь Далмации, 150 000 воинов выступили под королевским знаменем. В соответствии со степенью звания или заслуг готский король раздавал оружие и лошадей, богатые подарки и щедрые обещания; он двинулся по Фламиниевой дороге, отказался от бесполезных осад Перузии и Сполето, уважал неприступную скалу Нарни (Нарния) и прибыл в двух милях от Рима, у подножия Мильвийского моста. Узкий проход был укреплен башней, и Велизарий рассчитал, что на строительство другого моста уйдет двадцать дней. Но паника солдат, находившихся в башне, которые либо бежали, либо дезертировали, разочаровала его надежды и подвергла его самому крайней опасности. Во главе тысячи всадников римский полководец выехал из Фламиниевых ворот, чтобы обозначить выгодное положение и осмотреть лагерь варваров; но, полагая, что они все еще находятся на другой стороне Тибра (), он был внезапно окружен и атакован их бесчисленными отрядами. Судьба Италии зависела от его жизни, и дезертиры указали на заметного коня, гнедого с белым лицом, на котором он ехал в тот памятный день. «Цельтесь в гнедого коня», — раздался всеобщий крик. Все луки были натянуты, все копыта были направлены на эту роковую цель, и приказ был повторен и выполнен тысячами людей, не знавших его истинной причины. Более смелые варвары перешли к более почетной схватке на мечах и копьях; и похвала врага украсила падение Висандуса, знаменосца,^[106] который удерживал свою передовую позицию, пока не был пронзен тринадцатью ранами, возможно, рукой самого Велизария.

Римский полководец был силен, активен и ловкий; со всех сторон он наносил свои тяжелые и смертельные удары; его верные стражники подражали его доблести и защищали его личность; и готы, потеряв тысячу человек, бежали перед оружием героя. Их опрометчиво преследовали до их лагеря, и римляне, угнетенные многочисленностью противника, постепенно, а в конце концов и стремительно отступили к воротам города; ворота были закрыты перед беглецами, и общественный страх усилился из-за сообщения о

том, что Велизарий был убит. Его лицо действительно было обезображено потом, пылью и кровью; его голос был охрипшим, его силы почти иссякли, но его непобедимый дух оставался; он передал этот дух своим унывающим товарищам, и их последняя отчаянная атака была воспринята бегущими варварами так, как будто из города высыпалась новая армия, энергичная и целостная. Фламинийские ворота были распахнуты для настоящего триумфа, но только после того, как Велизарий посетил все посты и обеспечил общественную безопасность, его жена и друзья смогли убедить его отведать необходимые пищу и сон. В более совершенном состоянии военного искусства от генерала редко требуется или даже допускается проявление личного мастерства солдата; и пример Белисария можно добавить к редким примерам Генриха IV, Пирра и Александра.

[537 г. н. э.]

После этой первой и неудачной попытки разгромить своих врагов, вся армия готов перешла Тибр и осадила город, которая продолжалась более года, до их окончательного ухода. Рим в своем тогдашнем состоянии мог выставить на поле боя более тридцати тысяч мужчин призывного возраста; и, несмотря на отсутствие дисциплины и подготовки, большая часть из них, закаленная лишениями бедности, могла бы взять в руки оружие для защиты своей страны и религии. Белисарий, проявляя благоразумие, не пренебрег этим важным ресурсом. Его солдаты были поддержаны рвением и усердием народа, который бодрствовал, пока они спали, и трудился, пока они отдыхали; он принял добровольную службу самых храбрых и самых бедных римских юношей; а отряды горожан иногда заменяли на пустых постах войска, которые были отправлены на более важные задания. Но его справедливое доверие было возложено на ветеранов, которые сражались под его знаменем в персидских и африканских войнах; и хотя эта доблестная группа была сокращена до пяти тысяч человек, он взялся с таким незначительным количеством людей защищать круг в двенадцать миль от армии из 150 000 варваров. В стенах Рима, которые построил или восстановил Велизарий, можно различить материалы древней архитектуры; и все укрепления были завершены, за исключением пропасти, все еще существующей между Пинцианскими и Фламинийскими воротами, которую предрассудки готов и римлян оставили под эффективной охраной апостола Петра. , зубцы или бастионы имели форму острых углов; широкий и глубокий ров защищал подножие вала; лучникам на валу помогали военные машины — баллиста, мощный арбалет, который метал короткие, но массивные стрелы; онагри, или дикие ослы, которые по принципу пращи метали камни и пули огромных размеров. Через Тибр была перекинута цепь; арки акведуков были сделаны непроницаемыми, а мол или гробница Адриана впервые была преобразована в цитадель. Это почтенное сооружение, в котором хранились прах Антонинов, представляло собой круглую башню, возвышающуюся над четырехугольным основанием; оно было покрыто белым мрамором Пароса и украшено статуями богов и героев; и любитель искусства не может без вздоха читать о том, что произведения Праксителя или Лисиппа были сорваны с высоких пьедесталов и брошены в ров на головы осаждающих. Каждому из своих лейтенантов Велизарий поручил защиту ворот, дав мудрое и категорическое указание, что, каким бы ни был сигнал тревоги (), они должны твердо держаться своих постов и доверять своему генералу безопасность Рима.

Грозная армия готов была недостаточна, чтобы охватить обширную территорию города; из четырнадцати ворот были осаждены только семь, от Пренестинской до Фламинийской дороги; и Витигес разделил свои войска на шесть лагерей, каждый из которых был укреплен рвом и валом. На тосканской стороне реки был образован седьмой лагерь на поле или цирке Ватикана с важной целью контролировать Мильвийский мост и течение Тибра; но они с

благоговением относились к соседней церкви Святого Петра, и порог святых апостолов уважался во время осады христианским врагом.

Осаждающие потратили восемнадцать дней на то, чтобы подготовить все орудия нападения, которые были изобретены в древности. Были приготовлены фаскины для заполнения рвов и лестницы для подъема на стены. Самые большие деревья леса послужили материалом для четырех таранов; их головки были укреплены железом; они подвешивались на веревках, и каждый из них приводился в движение силой пятидесяти человек. Высокие деревянные башни двигались на колесах или роликах и образовывали просторную платформу на уровне вала. Утром девятнадцатого дня было начато общее наступление от Пренестинских ворот до Ватикана; семь готских колонн с военными машинами выдвинулись в атаку, а римляне, выстроившиеся вдоль валов, с сомнением и тревогой слушали бодрые заверения своего полководца. Как только враг приблизился к рву, Белисарий сам выпустил первую стрелу; и такая была его сила и ловкость, что он пронзил первым из варварских вождей. Взрыв аплодисментов и криков победы разнесся по всей стене. Он натянул вторую тетиву, и удар был столь же успешным и вызвал столь же бурные овации. Затем римский полководец отдал приказ лучникам целиться в упряжки волов; они были мгновенно покрыты смертельными ранами; башни, которые они тянули, остались бесполезными и неподвижными, и одно мгновение сорвало кропотливые планы короля готов.

После этого разочарования Витигес все еще продолжал, или делал вид, что продолжает, штурм Саларийских ворот, чтобы отвлечь внимание противника, в то время как его основные силы более энергично атаковали Пренестинские ворота и гробницу Адриана, расположенные на расстоянии трех миль друг от друга. Рядом с первыми двойные стены Вивариума были невысокими или разрушенными; укрепления вторых слабо охранялись: энергия готов была возбуждена надеждой на победу и добычу; и если бы единственный пост уступил, римляне и сам Рим были бы безвозвратно потеряны. Этот опасный день был самым славным в жизни Велизария. Среди суматохи и смятения весь план нападения и обороны был отчетливо представлен в его уме; он наблюдал за изменениями в каждое мгновение, взвешивал все возможные преимущества, переносился на места опасности и передавал свой дух в спокойных и решительных приказах. Сражение продолжалось с утра до вечера; готы были отбиты со всех сторон, и каждый римлянин мог похвастаться тем, что победил тридцать варваров, если бы странное несоответствие в численности не было компенсировано заслугами одного человека. Тридцать тысяч готов, по признанию их собственных вождей [так утверждает Прокопий¹], погибли; а число раненых было равно числу убитых. Когда они шли в атаку, их плотная неорганизованность не позволяла ни одному копью упасть безрезультатно; а когда они отступали, жители города присоединились к преследованию и безнаказанно нападали на спины своих бегущих врагов. Белисарий немедленно вышел из ворот, и пока солдаты скандировали его имя и победу, вражеские военные машины были обращены в пепел. Потери и смятение готов были настолько велики, что с этого дня осада Рима превратилась в утомительную и вялую блокаду, и они подвергались непрерывным нападениям римского полководца, который в частых стычках уничтожил около пяти тысяч их самых храбрых воинов.

Белисарий хвалил дух своих войск, осуждал их самонадеянность, уступал их требованиям и готовил меры на случай поражения, возможность которого только он один имел смелость предположить. В районе Ватикана римляне одержали верх, и если бы не были потрачены впустую драгоценные минуты на грабеж лагеря, они могли бы занять Мильвийский мост и атаковать с тыла готское войско. На другой стороне Тибра Велизарий продвигался от Пинцианских и Саларианских ворот. Но его армия, насчитывавшая, пожалуй, четыре тысячи солдат, затерялась на просторной равнине; они были окружены и придавлены свежими

толпами, которые постоянно подменяли разбитые ряды варваров. Храбрые вожди пехоты не умели побеждать: они погибли; отступление (поспешное отступление) было прикрыто благоразумием генерала, и победители с ужасом отступили перед грозным видом вооруженного вала. Репутация Велизария не была запятнана поражением, и тщетная уверенность готов не менее послужила его замыслам, чем раскаяние и скромность римских войск.

СТРАДАНИЯ РИМЛЯН

С того момента, как Велизарий решил выдержать осаду, его неустанная забота обеспечила Рим от опасности голода, более страшного, чем готское оружие. Из Сицилии было привезено чрезвычайное количество зерна; урожай Кампании и Тосканы был насильно собран для нужд города, а права частной собственности были ущемлены под сильным предлогом общественной безопасности. Можно было легко предвидеть, что враг перекроет акведуки, и первым неудобством стало прекращение работы водяных мельниц, которое было быстро устранено путем швартовки больших судов и установки жерновов в течении реки. Река вскоре была завалена стволами деревьев и загрязнена трупами, но меры предосторожности римского полководца были настолько эффективны, что воды Тибра по-прежнему приводили в движение мельницы и снабжали жителей питьем; более отдаленные кварталы снабжались из домашних колодцев, и осажденный город мог без нетерпения переносить лишение общественных бань (). Большая часть Рима, от Пренестинских ворот до церкви Святого Павла, никогда не была захвачена готами; их вылазки сдерживались активными действиями мавританских войск; судоходство по Тибру и латинские, аппиановские и остианские дороги оставались свободными и не подвергались нападению, что позволяло доставлять зерно и скот или обеспечивать отступление жителей, которые искали убежища в Кампании или Сицилии.

Стремясь избавиться от бесполезной и прожорливой толпы, Велизарий отдал категорический приказ о немедленном отправлении женщин, детей и рабов; потребовал от своих солдат уволить своих слуг и служанок и установил, что половина их жалованья должна выплачиваться продовольствием, а другая половина — деньгами. Его дальновидность оправдалась, поскольку, как только готы заняли два важных поста в окрестностях Рима, бедственное положение населения усугубилось. Потеряв порт, или, как его теперь называют, город Порто, он лишился территории на правом берегу Тибра и лучшего сообщения с морем; и он с горечью и гневом размышлял о том, что триста человек, если бы он мог выделить столь слабую группу, могли бы защитить его неприступные укрепления. В семи милях от столицы, между Аппиевой и Латинской дорогами, два главных акведука, пересекаясь и снова пересекаясь, образовывали между своими прочными и высокими арками укрепленное пространство, где Витигес разбил лагерь из семи тысяч готов, чтобы перехватить конвои из Сицилии и Кампании. Зернохранилища Рима незаметно истощались, прилегающие земли были опустошены огнем и мечом; те скудные запасы, которые еще можно было получить благодаря поспешным вылазкам, были наградой за доблесть и приобретением богатства: корм для лошадей и хлеб для солдат никогда не заканчивались, но в последние месяцы осады народ подвергался страданиям от нехватки продовольствия, нездоровой пищи и заразных болезней.

Белисarius видел их страдания и сочувствовал им, но он предвидел и наблюдал за угасанием их верности и ростом их недовольства. Несчастья пробудили римлян от грез о величии и свободе и преподали им унижительный урок: для их настоящего счастья не имело значения, происходило ли имя их господина из готского или латинского языка. Помощник Юстиниана выслушал их справедливые жалобы, но с презрением отверг идею бегства или

капитуляции; подавил их громкое нетерпение в ожидании сражения; развлекал их перспективой верного и скорого освобождения; и обезопасил себя и город от последствий их отчаяния или измены. Дважды в месяц он менял место дислокации офицеров, которым было поручено охранять ворота; неоднократно применялись различные меры предосторожности — патрули, пароли, огни и музыка, — чтобы обнаружить все, что происходило на валах; за рвом были выставлены стражи, а надежная бдительность собак компенсировала более сомнительную верность людей.

ПОДВЕРГНУТЫЙ ДЕПОЗИТИРОВАНИЮ П

Было перехвачено письмо, в котором королю готов утверждалось, что Асинарские ворота, примыкающие к Латеранской церкви, будут тайно открыты для его войск. На основании доказательств или подозрений в измене несколько сенаторов были изгнаны, а папа Сильверий был вызван для встречи с представителем своего суверена в его штабе в дворце Пинчио. Завоеватель Рима и Карфагена скромно сидел у ног Антонины, которая полулежала на величественном диване: генерал молчал, но из уст его властной жены раздавались упреки и угрозы. Обвиненный достоверными свидетелями и собственными подписями, преемник святого Петра был лишен своих папских регалий, одет в скромную монашескую одежду и без промедления отправлен в далекое изгнание на Восток. [Согласно Ходжкину ⁴, «его современники, по-видимому, полностью оправдали его в этом деле», а «потомки почитали его как мученика».]

Поскольку Юстиниан был амбициозен и стремился к славе, он предпринял некоторые усилия, хотя и слабые и вялые, чтобы поддержать и спасти своего победоносного полководца. Подкрепление из шестнадцати сотен славян и гуннов возглавили Мартин и Валериан; поскольку они зимовали в гаванях Греции, силы людей и лошадей не были ослаблены утомительным морским путешествием, и они проявили свою доблесть в первом вылазке против осаждающих. Примерно в день летнего солнцестояния Евфалий высадился в Таррацине с большими суммами денег для оплаты войск; он осторожно продвигался по Аппиевой дороге, и этот конвой вошел в Рим через ворота Капена, в то время как Велизарий с другой стороны отвлек внимание готов энергичной и успешной стычкой. Эти своевременные подкрепления, использование и репутация которых были умело организованы римским полководцем, возродили мужество или, по крайней мере, надежды солдат и народа. Историк Прокопий был отправлен с важным поручением собрать войска и провизию, которые могла предоставить Кампания или которые прислал Константинополь; за секретарем Велизария вскоре последовала сама Антонина, которая смело прошла через посты врага и вернулась с восточной помощью на подмогу своему мужу и осажденному городу. Флот из трех тысяч исавров бросил якорь в бухте Неаполя, а затем в Остии. Более двух тысяч всадников, часть из которых были фракийцами, высадились в Таренте; и после соединения с пятью сотнями солдат из Кампании и обозом, груженным вином и мукой, они направились по Аппиевой дороге из Капуи в окрестности Рима. Войска, прибывшие по суше и по морю, соединились в устье Тибра.

ТРЕХМЕСЯЧНОЕ ПЕРЕМИРИЕ (537-538 гг. н. э.)

Антонина созвал военный совет: было решено преодолеть противное течение реки с помощью парусов и весел; готы опасались, что поспешные военные действия могут помешать переговорам, которые Белисарий хитроумно выслушал. Они легковерно полагали, что видели лишь авангард флота и армии, которые уже покрывали Ионическое море и равнины Кампании; и эту иллюзию подкрепляли высокомерные слова римского полководца, когда он принимал послов Витигеса. После красивой речи, оправдывающей справедливость его дела, они заявили, что ради мира готовы отказаться от владения Сицилией. «Император не менее великодушен», — ответил его лейтенант с презрительной улыбкой, — «в обмен на дар, которым вы больше не владеете, он дарит вам древнюю провинцию империи — он уступает готам суверенитет над Британским островом». Белисарий с такой же твердостью и презрением отверг предложение о дани, но позволил готским послам узнать свою судьбу из уст самого Юстиниана и с видимой неохотой согласился на перемирие на три месяца, с зимнего солнцестояния до весеннего равноденствия. Осторожность не позволяла доверять ни клятвам, ни заложникам варваров, но сознательное превосходство римского вождя проявилось в распределении его войск.

Когда страх или голод заставили готов эвакуировать Альбу, Порто и Центумцеллы (Чивита-Веккья), их место было быстро заполнено; гарнизоны Нарни, Сполето и Перузии были усилены, и семь лагерей осаждающих постепенно оказались окружены бедствиями осады. Молитвы и паломничество Датия, епископа Милана, не остались без результата; он получил тысячу фракийцев и исаврийцев для помощи в восстании Лигурии против ее арианского тирана. В то же время Иоанн Кровавый, племянник Виталиана, был отправлен с двумя тысячами отборных всадников сначала в Альбу на озере Фучине, а затем на границы Пиценума на Адриатическом море. «В этой провинции, — сказал Велитарий, — готы оставили свои семьи и сокровища без охраны и подозрений об опасности. Несомненно, они нарушат перемирие; дайте им почувствовать ваше присутствие, прежде чем они услышат о ваших действиях. Пощадите итальянцев; не допускайте, чтобы какие-либо укрепленные места оставались враждебными в вашем тылу; и добросовестно сохраняйте добычу для равного и общего раздела. Было бы неразумно, — добавил он со смехом, — чтобы, пока мы трудимся над уничтожением трутней, наши более удачливые братья грабили и наслаждались медом».

ПОСЛЕДНИЕ УСИЛИЯ ГОТОВ (538 г. н. э.)

Весь народ остготов был собран для нападения и почти полностью уничтожен при осаде Рима. Если верить разумному наблюдателю, то по крайней мере треть их огромного войска была уничтожена в частых и кровопролитных сражениях под стенами города. Плохая слава и пагубные свойства летнего воздуха, возможно, уже были причиной упадка сельского хозяйства и населения; а бедствия голода и моровой язвы усугублялись их собственной распущенностью и недружелюбным расположением страны. Пока Витиг борлся со своей судьбой, колеблясь между позором и гибелью, его отступление ускорили внутренние беспорядки. Посланцы сообщили королю готов, что Иоанн Кровавый распространил разрушения войны от Апеннин до Адриатики; что богатые трофеи и бесчисленные пленники из Пикена были размещены в укреплениях Римини (Ariminum) и что этот грозный вождь разгромил его дядю, оскорбил его столицу и тайной перепиской соблазнил его жену, властную дочь Амаласунты. Однако перед тем, как отступить, Витигес предпринял

последнюю попытку штурмовать или захватить город врасплох. Один из акведуков обнаружил тайный проход; двух граждан Ватикана подкупили, чтобы они опьянили стражников у ворот Аурелиана; было запланировано нападение на стены за Тибром в месте, которое не было укреплено башнями; и варвары с факелами и лестницами для штурма продвинулись к воротам Пинчио. Но все попытки были сорваны неустрашимой бдительностью Велизария и его отряда ветеранов, которые в самые опасные моменты не сожалели об отсутствии своих товарищей; и готы, лишенные надежды и средств к существованию, шумно требовали отступления, пока не истекло перемирие и римская кавалерия не объединилась снова.

Через год и девять дней после начала осады армия, еще недавно сильная и торжествующая, сожгла свои палатки и в суматохе перешла Мильвийский мост. Они не перешли безнаказанно: их толпы, скученные в узком проходе, были сброшены в Тибр собственными страхами и преследованием врага; а римский полководец, выйдя из Пинцианских ворот, нанес их отступлению тяжелый и позорный удар. Медленная колонна болезненных и унылых воинов тяжело продвигалась по Фламиниевой дороге, откуда варвары иногда были вынуждены отклоняться, чтобы не столкнуться с вражескими гарнизонами, охранявшими главную дорогу в Римини и Равенну. Тем не менее, эта бегущая армия была настолько мощной, что Витигес оставил десять тысяч человек для защиты городов, которые он больше всего хотел сохранить, и отделил своего племянника Ураиаса с достаточной силой для наказания мятежного Милана.

Во главе своей главной армии Урайяс осадил Римини, расположенный всего в тридцати трех милях от готской столицы. Слабый вал и неглубокий ров поддерживались благодаря мастерству и доблести Иоанна Кровавого, который разделил опасность и усталость самых простых солдат и на менее славном поле боя подражал военным добродетелям своего великого полководца. Башни и боевые машины варваров оказались бесполезными; их атаки были отбиты; и утомительная блокада, которая довела гарнизон до крайней степени голода, дала время для объединения и марша римских войск. Флот, который неожиданно появился в Анконе, плыл вдоль побережья Адриатики, чтобы прийти на помощь осажденному городу. Евнух Нарсес высадился в Пиценуме с двумя тысячами герулов и пятью тысячами самых отважных воинов Востока. Скала Апеннин была взята; десять тысяч ветеранов под командованием самого Велизария двинулись к подножию гор, и новая армия, чей лагерь сиял бесчисленными огнями, появилась на Фламиниевой дороге. Ошеломленные удивлением и отчаянием, готы бросили осаду Римини, свои палатки, знамена и вождей; а Витигес, который дал пример бегства или последовал ему, не останавливался, пока не нашел убежище в стенах и болотах Равенны.

РЕВНОСТЬ РИМСКИХ ГЕНЕРАЛОВ

[538-539 гг. н. э.]

Готическая монархия теперь была ограничена этими стенами и несколькими крепостями, лишенными какой-либо взаимной поддержки. Провинции Италии поддерживали императора, и его армия, постепенно пополнившаяся до двадцати тысяч человек, могла бы легко и быстро одержать победу, если бы ее непобедимая сила не была ослаблена раздором между римскими вождями. Уверенные в приближающейся победе, они подговорили могущественного соперника противостоять завоевателю Рима и Африки. Из домашней службы дворца и управления частными доходами евнух Нарсес был внезапно возвышен до главы армии, и дух героя, который впоследствии сравнился по заслугам и славе с Велизарием, только затруднил проведение готской войны. Его благоразумные советы

привели к освобождению Римини, что было приписано лидерами недовольной фракции, которые убеждали Нарса взять на себя независимое и отдельное командование. В послании Юстиниана действительно предписывалось ему подчиняться генералу, но опасное исключение, насколько это могло быть выгодно для государственной службы, оставляло некоторую свободу суждения благоразумному фавориту, который так недавно покинул священные и привычные беседы своего повелителя. Осуществляя это сомнительное право, евнух постоянно расходился во мнениях с Велизарием и, с неохотой уступив осаде Урбино, ночью покинул своего коллегу и отправился на завоевание провинции Эмилия.

Свирепые и грозные отряды герулов примкнули к Нарсесу; десять тысяч римлян и союзников были убеждены выступить под его знаменами; каждый недовольный воспользовался благоприятной возможностью отомстить за свои личные или мнимые обиды; а оставшиеся войска Велизария были разделены и рассеяны от гарнизонов Сицилии до берегов Адриатики. Его умение и настойчивость преодолели все препятствия: Урбино был взят; осады Фесулы (Urbs Vetus), Орвието (Fiesole) и Аксиму (Osmio) были энергично продолжены; и евнух Нарсес был отозван для выполнения внутренних обязанностей во дворце. Все разногласия были устранены, а всякое сопротивление подавлено умеренной властью римского полководца, которому его враги не могли отказать в уважении; и Велизарий внушил полезный урок о том, что силы государства должны составлять одно целое и быть одухотворены одной душой. Но в период раздора готам было позволено передохнуть; был упущен важный момент, Милан был разрушен, а северные провинции Италии пострадали от нашествия франков.

ФРАНКСКОЕ ВТОРЖЕНИЕ (539 г. н. э.)

[539 г. н. э.]

Костюм готской женщины

Когда Юстиниан впервые задумал завоевание Италии, он послал послов к королям франков и, ссылаясь на общие узы союза и религии, убеждал их присоединиться к святому делу против ариан. Готские племена, поскольку их потребности были более насущными,

прибегли к более эффективным средствам убеждения и тщетно пытались с помощью даров в виде земель и денег купить дружбу или, по крайней мере, нейтралитет легкомысленного и вероломного народа. Но оружие Велизария и восстание итальянцев едва успели пошатнуть готскую монархию, как Теудеберт Австразийский, самый могущественный и воинственный из королей Меровингов, был убежден оказать им косвенную и своевременную помощь. Не дожидаясь согласия своего правителя, десять тысяч бургундов, его недавних подданных, спустились с Альп и присоединились к войскам, которые Витигэс послал для подавления восстания в Милане. После упорной осады столица Лигурии была покорена голодом, но капитуляции добиться не удалось, за исключением безопасного отступления римского гарнизона. Датиус, православный епископ, который соблазнил своих соотечественников на восстание и гибель, бежал к роскоши и почестям византийского двора, но духовенство, возможно арианское, было убито у подножия своих алтарей защитниками католической веры. Сообщалось, что было убито триста тысяч мужчин; женский пол, а также более ценная добыча, были переданы бургундам; а дома, или по крайней мере стены Милана (), были сравнены с землей. Готы в последние минуты своей жизни отомстили за унижение, разрушив город, уступавший только Риму по размеру и богатству, по великолепию зданий и количеству жителей; и только Велизарий сочувствовал судьбе своих покинутых и преданных друзей.

Воодушевленный этим успешным вторжением, Теудеберт сам весной следующего года вторгся в равнины Италии с армией из ста тысяч варваров. Король и некоторые избранные последователи были на лошадях и вооружены копьями; пехота, не имея луков и копий, довольствовалась щитом, мечом и обоюдоострым боевым топором, который в их руках становился смертоносным и безошибочным оружием. Италия задрожала от наступления франков, и готский принц и римский полководец, не зная об их планах, с надеждой и страхом просили о дружбе этих опасных союзников.

До тех пор, пока он не обеспечил себе проход через По на мосту Павии, внук Хлодвиг скрывал свои намерения, которые он в конце концов объявил, почти одновременно атаковав вражеские лагеря римлян и готов. Вместо того чтобы объединить свои силы, они с одинаковой поспешностью бежали, и плодородные, хотя и опустошенные провинции Лигурия и Эмилия были преданы на произвол разнузданной орды варваров, чья ярость не смягчалась никакими мыслями о поселении или завоевании. Среди разрушенных ими городов особо выделяется Генуя, еще не построенная из мрамора; и гибель тысяч людей, согласно обычной практике войны, по-видимому, вызвала меньший ужас, чем некоторые идолопоклоннические жертвоприношения женщин и детей, которые безнаказанно совершались в лагере самого христианского короля.

Если бы не печальная истина, что первые и самые жестокие страдания должны быть уделом невинных и беспомощных, история могла бы ликовать над несчастьем завоевателей, которые, находясь среди богатств, остались без хлеба и вина, вынужденные пить воду из По и питаться мясом больного скота. Дизентерия унесла треть их армии, а протесты подданных, нетерпеливо желавших перейти Альпы, заставили Теудеберта с уважением прислушаться к мягким увещаниям Велизария. Память об этой бесславной и разрушительной войне была увековечена на галльских медалях, а Юстиниан, не вынимая меча из ножен, принял титул завоевателя франков. Принц из династии Меровингов был оскорблен тщеславием императора; он притворялся, что сочувствует падшим судьбам готов, и его коварное предложение о федеративном союзе было подкреплено обещанием или угрозой спуститься с Альп во главе пятисот тысяч человек. Его планы завоевания были безграничны и, возможно, химеричны. Король Австразии угрожал наказать Юстиниана и маршем на Константинополь; он был сражен и убит диким быком во время охоты в бельгийских или германских лесах.

Как только Велизарий избавился от своих внешних и внутренних врагов, он серьезно приступил к окончательному покорению Италии. Во время осады Озимо генерал едва не был пронзен стрелой, если бы смертельный удар не был перехвачен одним из его охранников, который в результате этого благочестивого поступка лишился возможности пользоваться рукой. Готы из Озимо, четыре тысячи воинов, вместе с готами из Фьезоле и Коттийских Альп, были среди последних, кто сохранил свою независимость; и их доблестное сопротивление, которое почти исчерпало терпение, заслуживало уважения завоевателя. Его благоразумие не позволило ему подписать просьбу о безопасном проходе, которую они выдвинули, чтобы присоединиться к своим братьям-м из Равенны; но они спасли, благодаря почетной капитуляции, по крайней мере, половину своего богатства, с возможностью свободно выбрать между мирным уходом на свои земли или поступлением на службу к императору в его персидских войнах.

ПРОВЕРКА ВЕРНОСТИ БЕЛИСАРИЯ

[539-540 гг. н. э.]

Множество людей, которые все еще придерживались стандартов Витигеса, значительно превосходило по численности римские войска; но ни молитвы, ни вызов, ни крайняя опасность, грозившая его самым верным подданным, не могли соблазнить готского короля выйти за пределы укреплений Равенны. Эти укрепления были действительно неприступны для атак с помощью оружия или насилия; и когда Велизарий осадил столицу, он скоро убедился, что только голод может укротить упрямый дух варваров. Море, суша и каналы По охранялись бдительным римским полководцем, а его мораль распространяла права войны на отравление вод и тайное поджоги зернохранилищ осажденного города. В то время как он усиливал блокаду Равенны, его застало врасплох прибытие двух послов из Константинополя с мирным договором, который Юстиниан неосторожно подписал, не удосужившись проконсультироваться с автором своей победы. Этим позорным и ненадежным соглашением Италия и готское сокровище были разделены, а провинции за По были оставлены с королевским титулом преемнику Теодориха. Послы были полны желания выполнить свою благотворную миссию; пленный Витиг с восторгом принял неожиданное предложение о короне; честь была менее распространена среди готов, чем нужда и жажда пищи; а римские вожди, которые роптали на продолжение войны, заявили о своей безоговорочной покорности приказам императора.

Если бы Белисарий в этот момент обладал только мужеством солдата, лавры были бы вырваны из его рук робкими и завистливыми советниками; но в этот решающий момент он решил с великодушием государственного деятеля в одиночку взять на себя опасность и заслугу великодушного неповиновения. Каждый из его офицеров дал письменное заключение о том, что осада Равенны невыполнима и безнадежна; тогда генерал отверг договор о разделе и объявил о своем решении привести Витигеса в цепях к ногам Юстиниана. Готы отступили в сомнении и смятении; этот категорический отказ лишил их единственной подписи, которой они могли доверять, и наполнил их умы справедливым опасением, что проницательный враг обнаружил всю полноту их плачевного положения. Они сравнили славу и удачу Велизария со слабостью своего несчастного короля; и это сравнение подсказало им необычный план, с которым Витиг, с видимой покорностью, был вынужден согласиться. Раздел разрушил бы силу, изгнание опозорило бы честь нации; но они предложили свои войска, свои сокровища и укрепления Равенны, если Велизарий откажется от власти господина, примет выбор готов и возьмет на себя, как он того заслуживал, королевство Италии. Если бы ложный блеск диадемы мог соблазнить верность

преданного подданного, его благоразумие должно было бы предвидеть непостоянство варваров, а его разумная амбиция предпочла бы безопасное и почетное положение римского генерала. Даже терпение и кажущееся удовлетворение, с которыми он отнесся к предложению о предательстве, могли быть подвергнуты злобной интерпретации. Но лейтенант Юстиниана был уверен в своей праведности: он вступил на темный и извилистый путь, поскольку это могло привести к добровольному подчинению готов (), и его ловкая политика убедила их, что он готов удовлетворить их желания, не давая клятвы или обещания выполнить договор, который он тайно ненавидел.

[540-541 гг. н. э.]

День капитуляции Равенны был оговорен готскими послами: флот, груженный провизией, вошел как желанный гость в самые глубины гавани; ворота были открыты для мнимого короля Италии, и Велизарий, не встретив ни одного врага, торжественно прошествовал по улицам неприступного города. Римляне были потрясены своим успехом; толпы высоких и крепких варваров были сбиты с толку образом собственного терпения; а мужественные женщины, плевая в лицо своим сыновьям и мужьям, горько упрекали их за то, что они предали свое господство и свободу этим пигмеям с юга, презренным по численности и маленьким по росту. Прежде чем готы смогли оправиться от первого удивления и заявить о выполнении своих сомнительных надежд, победитель установил свою власть в Равенне, вне опасности раскаяния и восстания. Витигес, который, возможно, пытался сбежать, был с честью заключен под стражу в своем дворце (540).^d

Вскоре он был вместе со многими своими товарищами отправлен в Константинополь, куда победоносный Велизарий отправился для своего триумфа, и в награду за свою непоколебимую верность Юстиниану получил отказ в триумфе, хотя народ приветствовал его на улицах и восхищался гигантами, которых он победил мечом и хитростью.^a

ВОСХОЖДЕНИЕ ТОТИЛЫ

[541-542 гг. н. э.]

Ревность византийского двора не позволила Велизария завершить завоевание Италии, и его внезапный отъезд возродил мужество готов, которые уважали его гений, его добродетель и даже похвальное побуждение, которое подтолкнуло слугу Юстиниана обмануть и отвергнуть их. Они потеряли своего короля (незначительную потерю), свою столицу, свои сокровища, провинции от Сицилии до Альп и военную силу в двести тысяч варваров, великолепно оснащенных лошадьми и оружием. Однако все еще не было потеряно, пока Павию защищала тысяча готов, вдохновленных чувством чести, любовью к свободе и воспоминаниями о своем былой величии. Верховное командование было единодушно предложено храброму Ураиасу; и только в его глазах позор его дяди Витигеса мог показаться причиной для исключения. Его голос склонил выбор в пользу Хильдибальда, чьи личные заслуги были рекомендованы тщетной надеждой, что его родственник Теудес, испанский монарх, поддержит общие интересы готского народа. Успех его войск в Лигурии и Венеции, казалось, оправдывал их выбор, но вскоре он объявил всему миру, что не способен простить или подчинить себе своего благодетеля. Супруга Хильдибальда была глубоко уязвлена красотой, богатством и гордостью жены Ураиаса, а смерть этого добродетельного патриота вызвала возмущение свободного народа. Смелый убийца привел в исполнение их приговор, отрубив голову Хильдибальду посреди банкета; руги, иностранное племя, присвоили себе право выбора;¹¹⁰²¹ и Тотила, племянник покойного короля, поддавшись мести, сдал себя и гарнизон Тревизо (Тарвизиум) в руки римлян. Но

отважного и образованного юношу легко убедили предпочесть готский трон службе Юстиниану; и как только дворец в Павии был очищен от ругианского узурпатора, он проинспектировал национальные войска численностью в пять тысяч солдат и великодушно взялся за восстановление королевства Италии.

[542-544 гг. н. э.]

Преемники Велизария, одиннадцать генералов равного ранга, не спешили разгромить слабых и разобщенных готов, пока их не подтолкнули к действию успехи Тотилы и упреки Юстиниана. Ворота Вероны были тайно открыты для Артабаза, возглавлявшего сто персов, служивших империи (542 г.). Готы бежали из города. На расстоянии шестидесяти стадий римские генералы остановились, чтобы распределить добычу. Пока они спорили, враг обнаружил реальное число победителей: персы были мгновенно побеждены, и только прыжок со стены спас жизнь Артабазу, которую он потерял через несколько дней от копья варвара, вызвавшего его на единоборство. Двадцать тысяч римлян столкнулись с войсками Тотилы недалеко от Фазнцы и на холмах Муджелло на территории Флоренции. Энтузиазм вольноотпущенников, сражавшихся за возвращение своей страны, противостоял вялому нраву наемных войск, которые были лишены даже достоинств сильной и дисциплинированной службы. При первой атаке они бросили свои знамена, бросили оружие и разбежались во все стороны с такой быстротой, что это уменьшило потери, но усугубило позор их поражения.

Король готов, покрасневший от подлости своих врагов, быстрыми шагами пошел по пути чести и победы. Тотила перешел По, пересек Апеннины, приостановил важное завоевание Равенны, Флоренции и Рима и прошел через сердце Италии, чтобы осадить, или, скорее, заблокировать Неаполь. Римские вожди, заключенные в своих городах и обвиняющие друг друга в общем позоре, не осмелились помешать его предприятию. Но император, встревоженный бедствием и опасностью своих итальянских завоеваний, отправил на помощь Неаполю флот галер и отряд фракийских и армянских солдат. Они высадились на Сицилии, которая предоставила свои обильные запасы провианта, но промедления нового командующего, не имевшего военного опыта, продлили страдания осажденных, а помощь, которую он оказывал робко и нерешительно, была перехвачена вооруженными кораблями, размещенными Тотилой в бухте Неаполя. Главный офицер римлян был привязан веревкой за шею и притащен к подножию стены, откуда дрожащим голосом он призывал горожан, как и он сам, умолять завоевателя о пощаде. Они просили перемирия, обещая сдать город, если через тридцать дней не появится эффективная помощь. Вместо одного месяца дерзкий варвар дал им три, справедливо полагая, что голод наступит раньше срока их капитуляции. После падения Неаполя и Кумы провинции Лукания, Апулия и Калабрия подчинились королю готов (543 г.). Тотила привел свою армию к воротам Рима, разбил лагерь в Тибуре, или Тиволи, в двадцати милях от столицы, и спокойно призвал сенат и народ сравнить тиранию греков с благами готского правления.

Быстрый успех Тотилы можно отчасти объяснить революцией, которая произошла в настроениях итальянцев за три года. По приказу, или, по крайней мере, от имени католического императора, папа, их духовный отец, был изгнан из римской церкви и либо умер от голода, либо был убит на безлюдном острове. Добродетели Велизария были заменены разнообразными или одинаковыми пороками одиннадцати вождей в Риме, Равенне, Флоренции, Перудже, Сполето и т. д., которые злоупотребляли своей властью для удовлетворения похоти и алчности. Подданные Юстиниана, которые избежали этих частичных притеснений, были угнетены нерегулярным содержанием солдат, которых обманывали и презирали; а их поспешные вылазки в поисках богатства или средств к

существованию провоцировали жителей страны ждать или умолять о своем избавлении от добродетелей варвара. Тотила был целомудрен и умерен; и никто, ни друзья, ни враги, кто полагался на его веру или милосердие, не был обманут. Итальянским земледельцам готский король издал приветственную прокламацию, предписывающую им продолжать свою важную работу и быть уверенными, что при уплате обычных налогов они будут защищены его доблестью и дисциплиной от бедствий войны. Он последовательно атаковал крепкие города, и как только они сдавались его войскам, он разрушал укрепления, чтобы спасти людей от бедствий будущей осады, лишить римлян средств обороны и разрешить утомительную ссору двух народов путем равного и честного сражения на поле боя.

Римские пленники и дезертиры были склонны поступить на службу к либеральному и вежливому противнику; рабов привлекало твердое и верное обещание, что они никогда не будут возвращены своим хозяевам; и из тысячи воинов Павии в лагере Тотилы незаметно сформировался новый народ под тем же названием готов. Он искренне выполнил условия капитуляции, не ища и не принимая никаких зловещих преимуществ от двусмысленных выражений или непредвиденных событий: гарнизон Неаполя оговорил, что их должны перевезти по морю; упрямые ветры помешали их путешествию, но им щедро предоставили лошадей, провизию и безопасный проход до ворот Рима. Жены сенаторов, которые были захвачены в виллах Кампании, были возвращены своим мужьям без выкупа; нарушение женской целомудрия было неумолимо наказано смертью; и в благотворном регулировании питания голодающих неаполитанцев завоеватель взял на себя роль гуманного и внимательного врача. Добродетели Тотилы столь же похвалы достойны, независимо от того, были ли они продиктованы истинной политикой, религиозными принципами или инстинктом человечности; он часто обращался к своим войскам с речами, и его постоянной темой было то, что национальные пороки и гибель неразрывно связаны между собой, что победа является плодом как моральной, так и военной добродетели, и что князь, и даже народ, несут ответственность за преступления, которые они не наказывают.

БЕЛИЗАРИЙ СНОВА В ИТАЛИИ

[544 г. н. э.]

Возвращение Велизария, чтобы спасти страну, которую он покорил, с одинаковой настойчивостью требовали как его друзья, так и враги; и война с готами была возложена на ветерана-полководца как доверие или изгнание. Герой на берегах Евфрата, раб во дворце Константинополя, он с неохотой принял на себя болезненную задачу поддержать свою репутацию и исправить ошибки своих преемников. Море было открыто для римлян; корабли и солдаты были собраны в Салоне, недалеко от дворца Диоклетиана; он освежил и проверил свои войска в Поле в Истрии, обогнул мыс Адриатики, вошел в порт Равенны и отправил подчиненным городам скорее приказы, чем припасы. Ни один человек не был соблазнен покинуть знамя готского короля.

Белисарий вскоре обнаружил, что его послали, чтобы он оставался бездействующим и бессильным зрителем славы молодого варвара; и его собственное письмо^[108] дает подлинную и яркую картину страданий благородного ума: «Превосходный принц! Мы прибыли в Италию, лишённые всех необходимых средств для ведения войны: людей, лошадей, оружия и денег. Во время нашего недавнего похода по деревням Фракии и Иллирии мы с огромным трудом собрали около четырех тысяч новобранцев, обнаженных и неискушенных в обращении с оружием и лагерных учениях. Солдаты, уже расквартированные в провинции, недовольны, напуганы и приведены в смятение; при звуке

врага они отпускают своих лошадей и бросают оружие на землю. Невозможно взимать налоги, поскольку Италия находится в руках варваров; неуплата лишила нас права командования и даже права порицания. Будьте уверены, страшный господин, что большая часть ваших войск уже перешла на сторону готов. Если войну можно было бы выиграть одним лишь присутствием Велизария, ваши желания были бы удовлетворены; Велизарий находится в центре Италии. Но если вы желаете победить, необходимы совсем другие приготовления; без военной силы звание генерала — пустое имя. Было бы целесообразно вернуть на мою службу моих ветеранов и домашнюю стражу. Прежде чем я смогу выйти на поле боя, я должен получить достаточное количество легких и тяжелых вооруженных войск; и только с помощью наличных денег вы можете получить незаменимую помощь мощного отряда гуннской кавалерии».

Офицер, которому Белисарий доверял, был отправлен из Равенны, чтобы ускорить и провести подкрепление; но сообщение было проигнорировано, а посланник задержался в Константинополе из-за выгодного брака. После того как его терпение было исчерпано задержками и разочарованиями, римский генерал пересек Адриатику и ожидал в Дыррахии прибытия войск, которые медленно собирались среди подданных и союзников империи. Его силы по-прежнему были недостаточны для освобождения Рима, который был плотно осажден готским королем. Аппиева дорога, марш в сорок дней, была занята варварами; и поскольку Белисарий, проявляя благоразумие, отказался от сражения, он предпочел безопасное и быстрое плавание в пять дней от побережья Эпира до устья Тибра.

ВТОРАЯ ОСАДА РИМА (МАЙ 544 Г. — ДЕКАБРЬ 545 Г. Н. Э.)

[544-545 гг. н. э.]

После того как Тотила силой или договором подчинил себе менее значимые города в центральных провинциях Италии, он решил не штурмовать древнюю столицу, а окружить ее и заморить голодом. Рим страдал от алчности и был охраняем доблестью Бессаса, ветерана готского происхождения, который с гарнизоном из трех тысяч солдат заполнил просторный круг его почтенных стен. Из бедственного положения народа он извлек выгодную торговлю и тайно радовался продолжению осады. Именно для его нужд были пополнены зернохранилища; милосердие папы Вигилия позволило закупить и отправить в путь большой запас сицилийского зерна; но суда, ускользнувшие от варваров, были захвачены алчным правителем, который давал солдатам скудное пропитание, а остальное продавал богатым римлянам. Медимнус, или пятая часть четверти пшеницы, обменивался на семь золотых монет; пятьдесят монет давали за вола, редкую и случайную добычу; прогрессирующий голод усиливал эту непомерную ценность, и наемники были склонны лишать себя пособия, которое едва хватало на поддержание жизни. Безвкусная и нездоровая смесь, в которой отруби в три раза превышали количество муки, утоляла голод бедняков; постепенно они были вынуждены питаться мертвыми лошадьми, собаками, кошками и мышами, а также жадно хватать траву и даже крапиву, которая росла среди руин города.

Толпа бледных и истощенных призраков, тела которых были подавлены болезнями, а умы — отчаянием, окружила дворец губернатора, настаивая, с тщетной правдивостью, что долг хозяина — содержать своих рабов, и смиренно просила его обеспечить их пропитание, разрешить им бежать или приказать их немедленную казнь. Бессас ответил с бесчувственным спокойствием, что невозможно прокормить, небезопасно отпустить и незаконно убить подданных императора. Однако пример частного гражданина мог бы показать его соотечественникам, что тиран не может лишить человека права на смерть. Пронзенный криками пятерых детей, тщетно просивших у отца хлеба, он приказал им

следовать за ним, с спокойным и молчаливым отчаянием подошел к одному из мостов через Тибр, закрыл лицо и бросился в воду на глазах у своей семьи и римского народа. Богатым и малодушным Бессас продавал разрешение на отъезд, но большая часть беженцев погибла на общественных дорогах или была перехвачена отрядами бегущих варваров. Тем временем хитрый правитель успокоил недовольство и возродил надежды римлян, распространяя смутные слухи о флотах и армиях, которые спешили им на помощь из дальних краев Востока. Более разумное утешение им принесло уведомление о том, что Велизарий высадился в порту, и, не зная численности его войск, они твердо полагались на человечность, мужество и умение своего великого освободителя.

Прозорливость Тотилы создала препятствия, достойные такого противника. В девяноста стадиях ниже города, в самом узком месте реки, он соединил два берега прочными и крепкими бревнами в виде моста, на котором воздвиг две высокие башни, укомплектованные самыми храбрыми из его готов и обильно снабженные метательным оружием и боевыми машинами. Подход к мосту и башням был закрыт прочной и массивной железной цепью, а цепь с обоих концов, на противоположных берегах Тибра, защищалась многочисленным отборным отрядом лучников. Но предприятие по преодолению этих барьеров и освобождению столицы является ярким примером смелости и мастерства Велизария. Его кавалерия выдвинулась из порта по общественной дороге, чтобы устроить врага и отвлечь его внимание. Его пехота и провизия были распределены по двумстам большим лодкам, и каждая лодка была защищена высоким валом из толстых досок, пробитых множеством маленьких отверстий для стрельбы из метательного оружия. Впереди два больших судна были соединены между собой, чтобы поддерживать плавучий замок, который контролировал башни моста и содержал запас огня, серы и битума. Весь флот, которым лично командовал генерал, с трудом продвигался против течения реки. Цепь поддавалась их весу, и враги, охранявшие берега, были либо убиты, либо рассеяны. Как только они коснулись главного барьера, брандер был мгновенно пришвартован к мосту; одна из башен с двумя сотнями готов была поглощена пламенем; нападавшие кричали о победе, и Рим был спасен, если бы мудрость Велизария не была побеждена неправомерными действиями его офицеров. Ранее он послал приказ Бессасу поддержать его операции своевременным выходом из города; и он назначил своего лейтенанта Исаака, построющему приказу, на пост в порту. Но алчность сделала Бессаса непоколебимым; в то время как юношеский пыл Исаака предал его в руки более сильного врага.

[545-546 гг. н. э.]

Преувеличенные слухи о его поражении поспешно дошли до ушей Велизария: он замер, в этот единственный момент своей жизни проявив некоторые эмоции удивления и недоумения, и с неохотой отдал приказ об отступлении, чтобы спасти свою жену Антонину, свои сокровища и единственную гавань, которой он владел на побережье Тосканы. Разочарование вызвало у него сильную, почти смертельную лихорадку, и Рим остался без защиты, на милость или гнев Тотилы. Продолжение военных действий усугубило национальную ненависть; арианское духовенство было позорно изгнано из Рима; архидиакон Пелагий безрезультатно вернулся из посольства в готский лагерь; а сицилийский епископ, посланник или нунций папы, был лишен обеих рук за то, что осмелился произнести ложь на службе церкви и государства.

ТОТИЛА ЗАХВАТЫВАЕТ РИМ (546 г. н. э.)

Готский офицер

Голод ослабил силу и дисциплину римского гарнизона. Умиравший народ не мог оказать эффективной помощи, а бесчеловечная алчность купцов в конце концов отвлекла внимание губернатора. Четверо стражников из Исаурии открыли Асинарские ворота и впустили готов. До рассвета они оставались в боевом порядке, опасаясь предательства или засады, но войска Бесса с их вождем уже успели скрыться, и когда король был принужден помешать их отступлению, он благоразумно ответил, что нет ничего более приятного, чем вид убегающего врага. Патриции, которые еще имели лошадей, Деций, Василий и др., сопровождали правителя; их братья, среди которых историк называет Олибрия, Ореста и Максима, укрылись в церкви Святого Петра; но утверждение, что в столице осталось только пятьсот человек, вызывает некоторые сомнения в достоверности либо его рассказа, либо его текста.^[109] Как только рассвет показал полную победу готов, их монарх благочестиво посетил гробницу князя апостолов; но пока он молился у алтаря, двадцать пять солдат и шестьдесят граждан были преданы мечу в притворе храма. Жизни римлян были пощажены, а целомудрие девушек и матрон было сохранено нетронутым от страстей голодных солдат. Но они были вознаграждены свободой грабежа после того, как самые ценные трофеи были отложены для королевской казны. Дома сенаторов были богато забиты золотом и серебром, а алчность Бессы принесла столько вины и позора на благо завоевателя. В ходе этой революции сыновья и дочери римских консулов испытали на себе то несчастье, которое они презирали или облегчали, бродили в лохмотьях по улицам города и просили хлеба, возможно, без успеха, у ворот своих наследственных особняков.

[546-547 гг. н.э.]

Тотила произнес две речи, чтобы поздравить и увещевать своих победоносных готов, а также упрекнуть сенат, как самых презренных рабов, в их вероломстве, глупости и неблагодарности; он строго заявил, что их поместья и почести были справедливо утрачены в пользу его соратников. Тем не менее он согласился простить их восстание, и сенаторы оплатили ему за милосердие, разослав циркулярные письма своим арендаторам и вассалам

в провинциях Италии, строго предписывая им покинуть греческое знамя, возделывать свои земли в мире и учиться у своих господ долгу повиновения готскому правителю. По отношению к городу, который так долго задерживал ход его побед, он проявил неумолимость: по его приказу была разрушена треть стен в разных частях города; были приготовлены огонь и орудия, чтобы уничтожить или разрушить самые величественные сооружения древности; и мир был потрясен роковым решением превратить Рим в пастбище для скота. Решительное и умеренное возражение Велизария приостановило исполнение приказа; он предупредил варвара, чтобы тот не запятнал свою славу разрушением тех памятников, которые были славой мертвых и радостью живых; и Тотила, по совету врага, был убежден сохранить Рим как украшение своего царства или как прекрасный залог мира и примирения. Сообщив послам Велизария о своем намерении пощадить город, он разместил армию на расстоянии 120 стадий, чтобы наблюдать за действиями римского полководца. С остатками своих сил он вторгся в Луканию и Апулию и занял на вершине горы Гарганус один из лагерей Ганнибала. Сенаторы были увезены в его обозе, а затем заключены в крепости Кампании; граждане с женами и детьми были рассеяны в изгнании, и в течение сорока дней Рим был предан опустошенной и мрачной одиночестве.

БЕЛИЗАРИЙ ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ОПУСТЕЛЫЙ ГОРОД

[547-549 гг. н. э.]

Потеря Рима была быстро компенсирована действием, которое, в зависимости от исхода событий, общественное мнение могло бы назвать опрометчивостью или героизмом. После ухода Тотилы римский полководец вышел из порта во главе тысячи всадников, разгромил врага, который противостоял его продвижению, и с состраданием и почтением посетил пустое пространство Вечного города. Решившись сохранить столь заметную в глазах человечества позицию, он созвал большую часть своих войск под знамя, которое он воздвиг на Капитолии: старые жители были возвращены любовью к своей стране и надеждой на пропитание; и ключи от Рима были во второй раз отправлены императору Юстиниану. Стены, насколько они были разрушены готами, были отремонтированы с помощью грубых и разнородных материалов; ров был восстановлен; по дорогам были разбросаны железные шипы, чтобы мешать лошадям; а поскольку новые ворота не могли быть изготовлены в одночасье, вход охранялся спартанским валом из самых храбрых солдат. По истечении двадцати пяти дней Тотила вернулся поспешным маршем из Апулии, чтобы отомстить за обиду и позор. Велизарий ожидал его приближения. Готы были трижды отбиты в трех общих атаках; они потеряли лучших своих солдат; королевский штандарт едва не попал в руки врага, и слава Тотилы упала, как и поднялась, вместе с удачей его войск.

Все, что можно было достичь с помощью умения и мужества, было сделано римским полководцем; оставалось только Юстиниану сильным и своевременным усилием положить конец войне, которую он амбициозно начал. Лениость, а может быть, и бессилие правителя, который презирал своих врагов и завидовал своим слугам, затягивали бедствия Италии. После долгого молчания Белисарию было приказано оставить в Риме достаточный гарнизон и перебраться в провинцию Лукания, жители которой, возбужденные католическим рвением, сбросили иго своих арианских завоевателей. В этой недостойной войне герой, непобедимый против силы варваров, был подло побежден задержками, непослушанием и

трусостью своих собственных офицеров. Он отдыхал в своих зимних кварталах в Кротоне, будучи полностью уверенным, что два перевала в Луканских горах охраняются его кавалерией. Они были преданы из-за вероломства или слабости, и быстрый марш готов едва ли дал Белисарию время для бегства на побережье Сицилии. Наконец, был собран флот и армия для освобождения Русканума, или Россано, крепости в шестидесяти стадиях от руин Сибариса, где укрылись знатные люди Лукании. При первой попытке римские войска были рассеяны штормом. Во второй попытке они приблизились к берегу, но увидели холмы, покрытые лучниками, место высадки, защищенное линией копьев, и короля готов, нетерпеливо ожидающего сражения. Завоеватель Италии с вздохом отступил и продолжал томиться, бесславный и бездеятельный, пока Антонина, которая была отправлена в Константинополь за помощью, не получила после смерти императрицы разрешение на его возвращение в 548 году.

Последние пять кампаний Велизария могли умерить зависть его соперников, чьи глаза были ослеплены и ранены блеском его былой славы. Вместо того чтобы освободить Италию от готов, он блуждал как беглец по побережью, не осмеливаясь вторгнуться в страну или принять смелый и неоднократный вызов Тотилы. Однако по мнению тех немногих, кто мог отличить советы от событий и сравнить средства с результатами, он казался более совершенным мастером военного искусства, чем в период своего процветания, когда он представил двух плененных королей перед тронем Юстиниана. Доблесть Велизария не охладела с возрастом; его благоразумие созрело благодаря опыту, но моральные добродетели человечности и справедливости, похоже, уступили место суровой необходимости времени.

ТОТИЛА СНОВА ЗАХВАТЫВАЕТ РИМ (549 г. н. э.)

До отъезда Велизария Перуджа была осаждена, и лишь немногие города оставались неприступными для готских войск. Равенна, Анкона и Кротона все еще сопротивлялись варварам; и когда Тотила попросил руки одной из дочерей Франции, он был уязвлен справедливым упреком, что король Италии недостоин своего титула, пока он не будет признан римским народом. Три тысячи самых храбрых солдат были оставлены для защиты столицы. Подозревая их в монополии, они убили губернатора и объявили Юстиниану через делегацию духовенства, что, если их проступок не будет прощен и их задолженности не будут погашены, они немедленно примут заманчивые предложения Тотилы. Но офицер, который сменил его на посту (его звали Диоген), заслуживал их уважения и доверия; и готы, вместо легкой победы, встретили энергичное сопротивление со стороны солдат и народа, которые терпеливо переносили потерю порта и всех морских поставок. Осада Рима, возможно, была бы снята, если бы щедрость Тотилы по отношению к исаврийцам не побудила некоторых из их продажных соотечественников последовать примеру измены. В темную ночь, пока с другой стороны звучали готские трубы, они бесшумно открыли ворота Святого Павла: варвары ворвались в город, и бегущий гарнизон был перехвачен, не успев достичь гавани Центумцелла (Чивита-Веккья).

Более четырехсот врагов, укрывшихся в святилищах, были спасены милосердием победителя. Он больше не питал желания разрушить здания Рима, который теперь уважал как столицу готского королевства; сенат и народ были возвращены в свою страну; средства к существованию были щедро предоставлены; и Тотила, в одежде мира, устроил конные игры в цирке. Пока он развлекал глаза толпы, четыреста кораблей были подготовлены для погрузки его войск. Города Региум и Тарент были покорены; он переправился на Сицилию, объект его неумолимой ненависти, и остров был ограблен дочиста: его золото и серебро, плоды земли, бесконечное количество лошадей, овец и волов. Сардиния и Корсика последовали судьбе Италии, а побережье Греции посетил флот из трехсот галер. Готы высадились в Коркире и на древнем континенте Эпир; они продвинулись до Никополя, трофея Августа, и Додоны, когда-то прославленной оракулом Юпитера. На каждом этапе своих побед мудрый варвар повторял Юстиниану свое желание мира, приветствовал согласие своих предшественников и предлагал использовать готское оружие на службе империи.

НАРСЕС ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ИТАЛИЮ (551 г. н. э.)

Юстиниан был глух к голосу мира, но он пренебрегал ведением войны, и его ленивый характер в некоторой степени разочаровывал упрямство его страстей. Из этого благотворного сна императора разбудили папа Вигилий и патриций Цетег, которые явились перед его троном и, во имя Бога и народа, умоляли его возобновить завоевание и освобождение Италии.^d

Наконец Юстиниан принял меры и послал на помощь Сицилии флот под командованием Артабана, который был освобожден из тюрьмы, чтобы командовать кораблями; он отвоевал Сицилию. На суше Герман был назначен на должность Велизария. Он женился на внучке Теодориха, и на его экспедицию возлагались большие надежды, но он умер, не успев нанести ни одного удара. Тотила теперь опустошал греческое побережье в 551 году с тремя сотнями кораблей и осаждал Анкону, но в морском сражении у Синигальи его флот был разгромлен, и ему пришлось снять осаду с Анконы. Затем пришел Нарсес.

Народы были вынуждены улыбнуться, услышав странную новость о том, что командование римскими войсками было передано евнуху. Но евнух Нарсес входит в число

немногих, кто спас это несчастное имя от презрения и ненависти человечества. Хрупкое, миниатюрное тело^[110] скрывало душу государственного деятеля и воина. В юности он занимался ткачеством и прядением, вел хозяйство и обслуживал роскошную жизнь женщин, но, пока его руки были заняты, он тайно развивал способности энергичного и проницательного ума. Не зная школ и лагерей, он учился во дворце притворяться, льстить и убеждать; и как только он приблизился к императору, Юстиниан с удивлением и удовольствием слушал мужественные советы своего камергера и личного казначея. Таланты Нарсеса были проверены и усовершенствованы в частых посольствах; он возглавил армию в Италии, приобрел практические знания о войне и стране и осмелился соперничать с гением Велизария. Через двенадцать лет после своего возвращения евнух был выбран для достижения завоевания, которое осталось незавершенным первым из римских полководцев. Вместо того чтобы ослепиться тщеславием или соперничеством, он серьезно заявил, что, если он не будет вооружен достаточной силой, он никогда не согласится рисковать своей славой и славой своего повелителя. Юстиниан дал своему фавориту то, что он мог бы отказать герою; готская война была возрождена из пепла, и приготовления были достойны древнего величия империи.

[551-552 гг. н. э.]

Осторожность Нарсеса побудила его к быстрым и решительным действиям. Его силы были последним усилием государства: с каждым днем нарастали огромные расходы, а народы, не приученные к дисциплине и усталости, могли быть опрометчиво спровоцированы на то, чтобы обратить свое оружие друг против друга или против своего благодетеля. Те же соображения могли бы умерить пыл Тотилы. Но он сознавал, что духовенство и народ Италии стремились к второй революции; он чувствовал или подозревал быстрое развитие измены и решил рискнуть готским королевством, надеясь на случай, когда храбрые будут воодушевлены неминуемой опасностью, а недовольные будут уstraшены взаимным незнанием. Во время своего марша из Равенны римский полководец наказал гарнизон Римини, пересек холмы Урбино по прямой линии и вновь вышел на Фламиниеву дорогу в девяти милях за пробитой скалой, искусственным и природным препятствием, которое могло остановить или замедлить его продвижение. Готы собрались в окрестностях Рима; они без промедления двинулись вперед, чтобы найти более сильного врага; и две армии приблизились друг к другу на расстоянии ста стадий, между Тагина и гробницами галлов.^[111] Высокомерное послание Нарсеса было предложением не мира, а прощения. В ответе готского короля он заявил о своем решении умереть или победить. «Какой день (сказал посланник) вы назначите для сражения?» «Восьмой день», — ответил Тотила, но ранним утром следующего дня он попытался застать врага врасплох, подозревая его в обмане и готовясь к сражению.

БИТВА ПРИ ТАГИНАХ И СМЕРТЬ ТОТИЛЫ (552 г. н. э.)

Первая линия кавалерии продвигалась с большей смелостью, чем осторожностью, оставив позади пехоту второй линии. Вскоре они оказались в тисках между рогами полумесяца, в который незаметно выгнулись противоположные крылья, и были встречены с обеих сторон залпами четырех тысяч лучников. Их пыл и даже отчаяние подтолкнули их к близкому и неравному сражению, в котором они могли использовать только свои копья против врага, одинаково искусного во всех видах военного искусства. Щедрая соперничество вдохновляло римлян и их варварских союзников, и Нарсес, который спокойно наблюдал за их усилиями и направлял их, сомневался, кому из них присудить награду за превосходную храбрость. Готская кавалерия была потрясена и дезорганизована, сдавлена и разбита; а пехота, вместо

того чтобы выставить копья или открыть промежутки, была растоптана под копытами бегущих лошадей. Шесть тысяч готов были без пощады убиты на поле битвы при Тагинае. Их князь с пятью слугами был настигнут Асбадом из рода гепидов. «Пощади короля Италии!» — раздался громкий крик, и Асбад пронзил копьем тело Тотилы. Удар был немедленно отомщен верными готами; они перенесли своего умирающего монарха на семь миль от места его позора, и его последние минуты не были омрачены присутствием врага. Сострадание предоставило ему убежище в неизвестной могиле, но римляне не были удовлетворены своей победой, пока не увидели труп готского короля. Его шапка, украшенная драгоценными камнями, и окровавленная мантия были представлены Юстиниану посланцами триумфа.^d

Так закончилась карьера германского героя Бадуила — ибо мы должны восстановить его имя после смерти — человека, который, возможно, даже больше, чем сам Теодорих, заслуживает быть считаемым типом и воплощением всего самого благородного в остготском народе; и который, если бы он занял место Аталана или даже Витигеса, несомненно, сделал бы себе всемирно известное имя в европейской истории. Если бы остготское королевство Италии смогло бы просуществовать, Бадуила занял бы в его анналах такое же высокое место, какое англичане отводят Альфреду, французы — Карлу Великому, а немцы — могучему Барбароссе.^c

ПРОГРЕСС НАРСЕСА

Готский воин

[552 г. н. э.]

Победоносный евнух продолжил свой поход через Тоскану, принял подчинение готов, выслушал восторженные возгласы и часто жалобы итальянцев и окружил стены Рима остатками своего грозного войска. Ни укрепления Адриана на моле (), ни укрепления порта не смогли надолго задержать продвижение завоевателя, и Юстиниан вновь получил ключи

от Рима, который за время его правления пять раз был захвачен и отвоеван. Но освобождение Рима стало последним бедствием для римского народа. Варварские союзники Нарсеса слишком часто путали привилегии мира и войны; отчаяние бежавших готов находило некоторое утешение в кровожадной мести; и триста юношей из самых знатных семей, которые были отправлены в качестве заложников за По, были бесчеловечно убиты преемником Тотилы. Судьба сената дает ужасный урок о переменчивости человеческих дел. Из сенаторов, изгнанных Тотилой из своей страны, некоторые были спасены офицером Велизария и перевезены из Кампании на Сицилию, в то время как другие были слишком виновны, чтобы надеяться на милосердие Юстиниана, или слишком бедны, чтобы обеспечить лошадей для бегства к побережью. Их собратья пять лет томились в нищете и изгнании: победа Нарсеса возродила их надежды, но их преждевременное возвращение в столицу было предотвращено разъяренными готами, и все крепости Кампании были окрашены кровью патрициев. После тринадцати веков существования институт Ромула прекратил свое существование, и хотя римские аристократы по-прежнему носили титул сенаторов, впоследствии почти не осталось следов публичного совета или конституционного порядка. Пройдите шестьсот лет вперед и представьте себе, как короли земли просят аудиенции, как рабы или вольноотпущенники римского сената!

[552-553 гг. н. э.]

Готская война еще продолжалась. Самые храбрые из народа ушли за По, и Теяс был единодушно избран преемником и мстителем их ушедшего героя. Новый король немедленно послал послов, чтобы умолять, или, скорее, покупать помощь франков, и великодушно растратил на общественную безопасность богатства, которые были хранились во дворце Павии. Остатки королевского сокровища охранял его брат Алигерн в Кумах в Кампании, но крепкая крепость, укрепленная Тотилой, была плотно осаждена войсками Нарсеса. От Альп до подножия Везувия готский король быстрыми и тайными маршами продвигался на помощь своему брату, ускользая от бдительности римских военачальников, и разбил лагерь на берегах Сарнуса или Драко, который течет из Нуцерии в Неаполитанский залив. Река разделяла две армии; шестьдесят дней прошло в дальних и бесплодных сражениях, и Теяс удерживал этот важный пост, пока его не покинул флот и не исчезла надежда на пропитание. С неохотой он поднялся на гору Лактариан, куда врачи Рима со времен Галена посылали своих пациентов для лечения воздухом и молоком. Но готы вскоре приняли более великодушное решение — спуститься с холма, отпустить своих лошадей и умереть с оружием в руках, сохранив свободу. Король шел во главе их, держа в правой руке копье, а в левой — большой щит: одним он убивал самых смелых из нападающих, а другим отражал оружие, которое все стремились направить на его жизнь. После многочасового сражения его левая рука устала от веса двенадцати копьев, висевших на его щите. Не сдвигаясь с места и не прекращая наносить удары, герой громко позвал своих слуг, чтобы они принесли ему новый щит, но в тот момент, когда его бок остался незащищенным, он был пронзен смертельным дротиком. Он упал, и его голова, возвышенная на копье, провозгласила народам, что готского королевства больше нет.

Но пример его смерти только воодушевил товарищей, которые поклялись погибнуть вместе со своим вождем. Они сражались до тех пор, пока на землю не опустилась темнота. Они отдохнули на оружии. Сражение возобновилось с возвращением света и продолжалось с неослабевающей силой до вечера второго дня. Отдых второй ночью, нехватка воды и потеря самых храбрых воинов заставили выживших готов принять справедливую капитуляцию, которую благоразумие Нарсеса склонялось предложить. Они приняли альтернативу: остаться в Италии в качестве подданных и солдат Юстиниана или уйти с частью своего личного богатства в поисках какой-нибудь независимой страны. Однако клятва верности

или изгнание были одинаково отвергнуты тысячей готов, которые откололись до подписания договора и смело осуществили свое отступление к стенам Павии. Дух Алигерна, как и его положение, побудили его скорее подражать брату, чем оплакивать его; будучи сильным и ловким лучником, он пронзил одной стрелой доспехи и грудь своего противника, а его военные действия защищали Кумы более года от сил римлян. Их трудолюбие превратило пещеру Сивиллы в огромную шахту; туда занесли горючие материалы, чтобы сжечь временные опоры: стены и ворота Кумы обрушились в пещеру, но руины образовали глубокий и недоступный обрыв. На обломках скалы, Алигерн стоял один и непоколебимый, пока спокойно осмотрел безнадежное положение своей страны и решил, что более почетно быть другом Нарсеса, чем рабом франков. После смерти Теиаса римский полководец разделил свои войска, чтобы завоевать города Италии; Лукка выдержала долгую и энергичную осаду: и такова была гуманность или благоразумие Нарсеса, что неоднократное вероломство жителей не могло побудить его потребовать жизни их заложников в качестве наказания. Эти заложники были отпущены в безопасности, и их благодарный энтузиазм в конце концов покорил упрямство их соотечественников.

ВМЕШАТЕЛЬСТВО ФРАНКОВ

[553-554 гг. н. э.]

До капитуляции Лукки Италия была захлестнута новым потоком варваров. Слабый юноша, внук Хлодвига, правил над австразийцами, или восточными франками. Опекуны Теудебальда с холодностью и нежеланием отнеслись к великолепным обещаниям готских послов. Но дух воинственного народа превзошел робкие советы двора: два брата, Лейтар^{[1112](#)} и Бутилинус, герцоги аламанных, выступили в качестве лидеров итальянской войны; и семьдесят пять тысяч германцев спустились осенью с Ретийских Альп на равнину Милана. Авангард римской армии был размещен у реки По под командованием Фулкариса [или Фулкариса], герула, который считал, что личная храбрость — единственный долг и заслуга полководца. Когда он без порядка и предосторожностей шел по Эмилийской дороге, из амфитеатра Пармы внезапно выскочила засада франков: его войска были застигнуты врасплох и разгромлены, но их вождь отказался бежать, до последнего момента заявляя, что смерть менее страшна, чем гневный взгляд Нарсеса. Смерть Фулкариса и отступление выживших вождей повлияли на колеблющееся и мятежное настроение готов; они примкнули к знамени своих освободителей и впустили их в города, которые все еще сопротивлялись войскам римского полководца. Завоеватель Италии открыл свободный проход для неудержимого потока варваров. Они прошли под стенами Чезена и ответили угрозами и упреками на совет Алигерна, что готские сокровища больше не могут окупить труд вторжения.

Две тысячи франков были уничтожены благодаря умению Нарсеса, который выступил из Римини во главе трехсот всадников, чтобы наказать разгульные грабежи во время их похода. На границе Самния два брата разделили свои силы. С правым крылом Бутилину досталась добыча Кампании, Лукании и Бруттия, а с левым — Леутару досталась добыча Апулии и Калабрии. Они следовали по побережью Средиземного и Адриатического морей до Регия и Отранто, и крайние земли Италии стали конечной точкой их разрушительного продвижения. Франки, которые были христианами и католиками, довольствовались простым грабежом и случайными убийствами. Но церкви, которые их благочестие пощадило, были ограблены кощунственными руками аламанных, которые приносили в жертву головы лошадей своим родным божествам лесов и рек: они расплавили или осквернили освященные сосуды, а руины святынь и алтарей были запятнаны кровью

верующих. Бутилином двигала амбиция, а Лейтаром — алчность. Первый стремился восстановить готское королевство; второй, пообещав своему брату скорую помощь, вернулся той же дорогой, чтобы спрятать свое сокровище за Альпами. Силы их армий были уже истощены изменением климата и заражением болезнями: германцы развлекались в виноградниках Италии, и их собственная невозддержанность в некоторой степени отомстила за страдания незащитного народа.

БИТВА ПРИ КАПУЕ ИЛИ ВУЛЬТУРНУСЕ (554 г. н. э.)

[554 г. н. э.]

С наступлением весны императорские войска, охранявшие города, собрались в окрестностях Рима в количестве восемнадцати тысяч человек. Зимние месяцы не прошли для них в праздности. По приказу и по примеру Нарсеса они каждый день повторяли военные учения пешком и верхом, приучали свои уши к звуку трубы и отрабатывали шаги и движения пиррового танца. Из Сицилийского пролива Бутилинус с тридцатью тысячами франков и аламаннов медленно продвигался к Капуе, занял деревянной башней мост Казилину, прикрыл свое правое крыло ручьем Вультурнус и обезопасил остальную часть своего лагеря валом из острых кольев и кругом повозок, колеса которых были зарыты в землю. Он с нетерпением ждал возвращения Лейтара, не зная, увы, что его брат никогда не вернется, и что вождь и его армия были сметены странной болезнью на берегах озера Бенакус, между Тренто и Вероной. Знамена Нарсеса вскоре приблизились к Вультурну, и глаза Италии с тревогой были прикованы к исходу этой последней битвы. Возможно, таланты римского полководца были наиболее заметны в спокойных операциях, предшествующих суматохе сражения. Его умелые действия перекрыли варварам пути снабжения, лишили их преимущества моста и реки и, благодаря выбору места и момента для действия, заставили их подчиниться желаниям врага. Утром в тот важный день, когда ряды уже были сформированы, слуга за какую-то незначительную провинность был убит своим хозяином, одним из вождей герулов. Справедливость или страсть Нарсеса пробудились; он вызвал преступника к себе и, не выслушав его оправданий, дал сигнал министру смерти. Если жестокий хозяин и не нарушил законов своего народа, то эта произвольная казнь была не менее несправедливой, чем, по-видимому, неосторожной. Герулы почувствовали оскорбление; они остановились, но римский полководец, не успокаивая их ярости и не дожидаясь их решения, громко провозгласил под звуки труб, что, если они не поспешат занять свои места, то утратят честь победы. Его войска были выстроены в длинный фронт, кавалерия — на флангах, в центре — тяжеловооруженная пехота, в тылу — лучники и пращники.

Германцы сделали свой первый выпад в виде остроконечной колонны, имевшей форму треугольника или твердого клина. Они пробili слабый центр Нарсеса, который с улыбкой принял их в роковую ловушку и незаметно направил свои крылья кавалерии, чтобы обойти их фланги и окружить тыл. Войска франков и аламаннов состояли из пехоты: у них на боку висели меч и щит, а в качестве оружия они использовали тяжелый топор и крюкообразное копье, которые были опасны только в ближнем бою или на небольшом расстоянии. Лучшие римские лучники, верхом на лошадях и в полном доспехе, без опасности сражались вокруг этой неподвижной фаланги; их скорость компенсировала недостаток численности, и они направляли свои стрелы на толпу варваров, которые вместо панцирей и шлемов были одеты в свободную одежду из меха или льна. Они остановились, задрожали, их ряды были сбиты с толку, и в решающий момент герулы, предпочтя славу мести, с быстрой яростью атаковали головную часть колонны. Их вождь Синдуал и готский принц Алигерн заслужили

награду за исключительную доблесть, и их пример подтолкнул победоносные войска к тому, чтобы с помощью мечей и копий уничтожить врага. Бутилину и большая часть его армии погибли на поле битвы, в водах Вультурна или от рук разъяренных крестьян; но может показаться невероятным, что победа, ^[113] в которой выжило не более пяти аламаннов, была достигнута ценой жизни восьмидесяти римлян. Семь тысяч готов, оставшихся в живых после войны, защищали крепость Кампса до следующей весны; и каждый гонец Нарсеса сообщал о покорении итальянских городов, названия которых были искажены невежеством или тщеславием греков. После битвы при Казилинуме Нарсес вошел в столицу; были выставлены оружие и сокровища готов, франков и аламаннов; его солдаты с венками в руках воспевали хвалу завоевателю; и Рим в последний раз увидел подобие триумфа.

КОНЕЦ ГОТСКОГО ВЛАСТЕЛЬСТВА

[553-568 гг. н. э.]

После шестидесяти лет правления трон готских королей заняли экзархи Равенны, представители императора римлян в мирное и военное время. Их юрисдикция вскоре была ограничена пределами узкой провинции, но сам Нарсес, первый и самый могущественный из экзархов, около пятнадцати лет управлял всем королевством Италии. Как и Велизарий, он заслужил почести, зависть, клевету и позор, но любимый евнух по-прежнему пользовался доверием Юстиниана, а лидер победоносной армии внушал страх и подавлял неблагодарность робкого двора. Укрепления были восстановлены; для обороны и военного командования каждым из главных городов был назначен герцог; и взгляд Нарсеса простирался от Калабрии до Альп. Остатки готского народа покинули страну или смешались с местным населением; франки, вместо того чтобы отомстить за смерть Бутилина, без борьбы отказались от своих итальянских завоеваний; а мятежный Синдуал, вождь герулов, был подавлен, взят в плен и повешен на высокой виселице благодаря неукоснительным мерам правосудия экзарха. Гражданское положение Италии после бурных волнений было урегулировано прагматическим санкционированием, которое император обнародовал по просьбе папы. Юстиниан ввел свою собственную юриспруденцию в школы и суды Запада: он ратифицировал акты Теодориха и его непосредственных преемников, но все акты, которые были вынуждены силой или подписаны из страха под узурпацией Тотилы, были отменены и аннулированы. Была сформулирована умеренная теория, примиряющая права собственности с безопасностью предписаний, требования государства с бедностью народа и прощение преступлений с интересами добродетели и порядка в обществе.

Под властью экзархов Равенны Рим вскоре был низведен до второго ранга. Однако сенаторы были удовлетворены разрешением посещать свои поместья в Италии и беспрепятственно приближаться к трону Константинополя; регулирование мер и весов было делегировано папе и сенату; а зарплаты юристов и врачей, ораторов и грамматиков были предназначены для сохранения или возрождения света науки в древней столице. Юстиниан мог издавать благожелательные указы, а Нарсес мог поддерживать его желания, восстанавливая города и, в особенности, церкви. Но власть королей наиболее эффективна в разрушении: двадцать лет Готской войны привели к полному разорению и обезлюдению Италии.^d

СНОСКИ

^[95] [Бэри^b использует здесь это написание, как и большинство немецких авторов, в то время как Ходкин^c предпочитает сохранять «*Одовакара*» современных авторитетов во всей его первобытной суровости, вместо того, чтобы смягчать его с

помощью более поздних историков (главным образом византийских летописцев) до гладкого и скользкого Одоакра». В этой работе, однако, продолжает использоваться более знакомая форма, освященная долгим употреблением.

[96] Так Гиббон,^d , но Ходкин,^c , который относит рождение Теодориха к 454 году, помещает смерть Аттилы на год раньше, в то время как Бэри^b относит ее к тому же году.

[97] [Эти любопытные детали включены в рассказ о Мальхе.^f]

[98] [Этот человек, который носил имя великого Теодориха и угрожал его власти, верхом на неуправляемой лошади был сбит копьем, висевшим перед входом в его палатку. Рана оказалась смертельной, согласно рассказу Эвагрия,^e который повествует об этом событии.]

[99] [Его звали Туфа; сначала он покинул Одоакра и перешел на сторону Теодориха, а затем снова дезертировал. Ходкин сравнивает его переход на другую сторону с переходом маршала Нея на сторону Наполеона, когда тот вернулся в 1815 году. Позже Туфа был убит в ссоре с другим дезертиром из войска Теодориха, Фредериком Ругианским.]

[100] [Ходкин^c сомневается в этой истории, которая основана исключительно на анонимном валезийском рукописном документе^k]

[101] [Эта история рассказана Прокопием.^j]

[102] [Эта история рассказывается в «Диалогах» папы Григория. О легенде Ходкин^c комментирует: «Для этого благородного сердца сам ад едва ли мог приготовить более жестокое наказание, чем осознание того, что труды всей жизни были потрачены впустую из-за одного яростного приступа берсеркского гнева». Прокопий^j называет свое отношение к Боэцию и Симмаху «первым и последним актом несправедливости, который он совершил по отношению к любому из своих подданных; и причиной этого было то, что он не изучил достаточно глубоко доказательства, прежде чем вынести свой приговор».]

[103] [«Мое предположение, — говорит Ходкин,^c — состоит в том, что после смерти Аталарика были проведены какие-то формальные народные выборы, в соответствии с которыми на трон взошли его мать и ее коллега».]

[104] [Ходкин, сожалея о ее несчастьях, называет Амаласунту «своего рода готской Минервой, рожденной готским Юпитером».]

[105] [Бэри^b говорит: «Витигес казнил Теодата», Ходкин^c говорит, что он послал Оптария, у которого Теодат взял свою невесту, убить свергнутого монарха.]

[106] [Генри Брэдлиⁿ заявляет, что эпитет этого варвара должен быть скорее «бизон», поскольку перевод Гиббона как «знаменосец» является «лингвистически невозможным».]

[107] [Этот король, Эрарик, правил всего пять месяцев.]

[108] [Это цитируется Прокопием.^j]

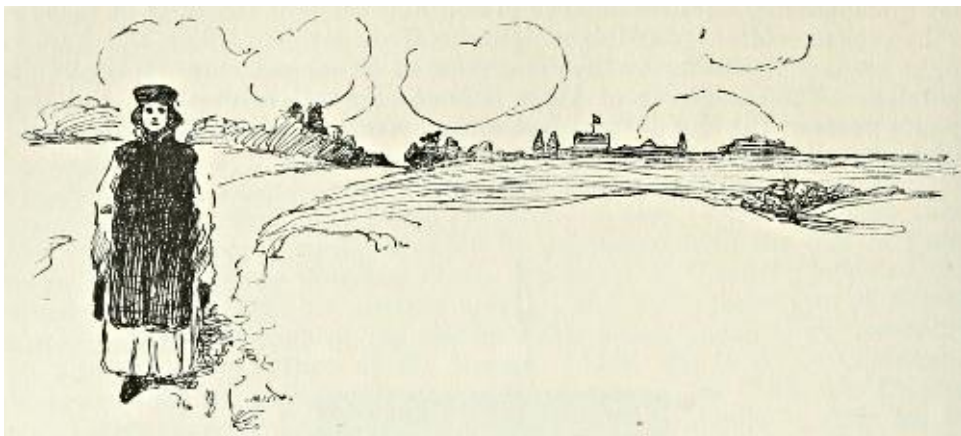
[109] [Ходкинⁱ считает, что нет необходимости сомневаться в утверждении, что осталось только пятьсот человек.]

[110] [По словам Ходкина^c , ему в то время было семьдесят пять лет.]

[111] [Ходкин,^c , по многим причинам дискредитируя Прокопия, помещает место сражения вблизи Шегги.]

[112] [Ходкин^c считает, что имя Лейтар не следует рассматривать как эквивалент Лотару, как это сделал Гиббон. Бутилину часто пишут как Буцелин.]

[113] Агафий^m написал шестистрочное греческое эпиграмма об этой победе Нарсеса, которую он сравнивает с битвами при Марфоне и Платеях. Главное различие заключается в их последствиях — столь незначительных в первом случае и столь долговечных и славных во втором.

ГЛАВА II

ВТОРЖЕНИЕ ЛОМБАРДОВ И СМЕРТЬ ЛЮТПРАНДА

[568-744 гг. н. э.]

РАННЯЯ ИСТОРИЯ ЛОМБАРДОВ

Четыре вторгшиеся народа, история которых уже была рассказана, не оставили после себя никаких следов своего пребывания в Италии. Вестготы, гунны, вандалы и остготы не смогли связать свои имена ни с одной провинцией или городом имперских земель. То, что не удалось этим могущественным народам, удалось малоизвестной и дикой орде из Паннонии. Прибыв последними через Альпы, лангобарды обнаружили, что почтенная Мать империй была истощена всеми предыдущими конфликтами и не могла больше оказывать даже пассивного сопротивления отчаяния. Так случилось, что там, где другие пришли, как пожирающий наводнение, а затем исчезли, лангобарды остались. Так случилось, что он навсегда вписал свое имя в это чудо щедрости природы — «бесволную равнину Ломбардии».

[5-400 гг. н. э.]

Вероятно, самое древнее упоминание о лангобардах (Langobardi) можно найти у Веллея Патеркула в [e](#), который говорит о них как о народе, проживавшем к западу от Эльбы и только в нижней части, где они были с большим трудом покорены Тиберием в 5 году н. э.; ведь именно с завоеванием хауков — то есть хауков-майоров и хауков-миноров, которые жили по обе стороны нижней части Визургиса (Везер) — он связывает экспедицию Тиберия на Альбис (Эльбу) и соединение армии с римским флотом, который вошел в эту реку. Вероятно, чтобы избежать римской армии, отдельные группы лангобардов (и гермундуров) поселились на правом берегу Эльбы, а за ними последовали другие во время более поздней экспедиции римлян; по-видимому, это дало повод Страбону сделать ошибочное замечание ([d](#)), согласно которому гермундуры и лангобарды жили к северу от Эльбы и во времена рассказчика все отступили на правый берег; ведь у нас нет других точных сведений о прежнем проживании лангобардов и гермундуров на правом берегу Эльбы, в то время как следы лангобардов к югу от реки мы находим в гораздо более поздние времена. В *песне о Видсиде* (в стихе 49) упоминается народ хедхобеарды (Headhobeardan,), который, как доказывает его название, был тождественен лангобардам и, поскольку он сражался с данами за владение Зеландией, должен был занимать часть побережья Балтийского моря; а в стихе 42 упоминается племя Myrginge, которое, по мнению Мюллера [e](#), вероятно, можно считать частью тех же Headhobeardan, поселившихся в Гольштейне на Эйidere. Вскоре после этого лангобарды, вероятно, были подчинены Марбодусом, поскольку, согласно упоминанию Тацита, [f](#) в 17 году н. э., когда разразилась война между королем маркоманнов и Арминием, «из царства Марбодуса как семноны, так и лангобарды» перешли на сторону херусков в надежде восстановить свою прежнюю независимость. Падение Марбодуса обеспечило им свободу, к которой они стремились, и через несколько десятилетий они обрели значительную власть. Когда в 47 году племянник Арминия Италик, которого херуски просили у римлян в качестве короля, был изгнан после короткого правления, лангобарды силой восстановили его права.

Следующая информация о наших лангобардах [\[114\]](#) была взята Петром Патрицием [h](#) из Диона Кассия [i](#); из нее мы видим, что в 165 году, в начале великой Маркоманнской войны, шеститысячное войско германских воинов, среди которых, помимо маркоманнов (вероятно, организаторов экспедиции), были также лангобарды — предприняло грабительский поход

в Паннонию, где кавалерия потерпела полное поражение под командованием Виндекса, а пехота — под командованием Кандида, так что побежденные были вынуждены незамедлительно просить о мире, а затем тихо вернуться в свои дома.

ИХ СТРАНСТВИЯ ОТ ЭЛЬБЫ ДО ДУНАЯ

Наши источники практически не дают нам никакой достоверной информации об уходе лангобардов из своих владений на нижней Эльбе; мы вынуждены полагаться исключительно на рассуждения и догадки. Но рассказ в «[Origin](#) j » о том, что голод заставил лангобардов покинуть Скоринг, возможно, основан на правде, поскольку его давление, по-видимому, сыграло немаловажную роль во время народных переселений, особенно с учетом быстрого роста германских племен. Тем не менее, только небольшая часть народа покинула свои дома; об этом можно судить по сохранению власти теми, кто остался на родине (барды на левом берегу Эльбы и в Гольштейне), а также по историческим источникам, в которых часто упоминается необычайно малое число кочующих лангобардов. Затем у нас нет никаких достоверных сведений о лангобардах до тех пор, пока они не появляются в Ругии, то есть к северу от Дуная, напротив римской провинции Норик, в которую они, вероятно, прибыли около 490 года. В этот период правил пятый король лангобардов Гудеок. Первый, Агельмунд, который был первым поднятым на щит, должен быть отнесен, поскольку народ уже некоторое время кочевал, где-то к середине IV века, если считать по четыре правителя на век. Поскольку в 165 году н. э. лангобарды все еще считались проживающими на нижней Эльбе, миграция, вероятно, произошла в течение III века. Вероятно, что семноны и бургундионы, непосредственно граничащие с ними, только что ушли на юго-запад, подтолкнутые миграцией готов в середине II века н. э., и лангобарды вторглись в покинутый район справа от Эльбы; что лангобарды продвинулись к западу от Эльбы, как Ф. Блуме [k](#) и Фёрстеманн [l](#) утверждали, основывая свою теорию на весьма неопределенной и отчасти очень произвольной этимологии, маловероятно, поскольку земля для колонизации вряд ли могла быть завоевана там без борьбы с могущественными племенами.

Традиции народного фольклора лангобардов, по-видимому, указывают на страну к востоку от Эльбы, но эта история весьма сомнительна. Блуме переносит родину лангобардов в Моринген в Нортхайме и связывает ее с поселением лангобардов в Вестфалии.

В качестве доказательства Блуме приводит тот факт, что Птолемей ([j](#) или [Птолемей](#) ([j](#)) знал лангобардов как соседей сугамбров; но он упускает из виду обстоятельство, что эти лангобарды жили к югу от сугамбров на Рейне, а следовательно, не в Вестфалии. Блуме, а после него и Платнер, утверждают, что население Вестфалии имеет сходства в именах семей, управлении землей и позднейшем развитии права с Люнебургским районом Эльбы и Любеком, а древнее право Соеста-Любека во многих пунктах напоминает *Edictum Langobardorum*. Однако следует считать ошибкой использование совпадений отдельных принципов права и управления в качестве аргументов в этнографических исследованиях. Ведь известно, что, например, право и управление англосаксов и лангобардов во многих отношениях, за исключением случаев, когда можно предположить прямую передачу, демонстрируют сходное развитие; с другой стороны, язык доказывает, что первые принадлежали к низкогерманцам, а вторые — к высокогерманцам и, следовательно, не были близкородственными народами. Во всех этих вопросах нам совершенно невозможно принять определенное решение; Блуме работал практически без необходимых материалов, а саксонский элемент, который позднее проник в Вестфалию и нижнюю Эльбу, сначала необходимо было идентифицировать и учесть.

ЛОМБАРДСКИЙ ВОИН

[400-491 гг. н. э.]

С определенной долей уверенности можно утверждать, что мигрирующие лангобарды сначала расселились на территории современной Бранденбургии, а затем были вынуждены уйти на юго-запад под натиском славян, продвигавшихся с востока, и искать убежища в Богемии, земле, хорошо защищенной со всех сторон естественными границами. Именно здесь, возможно, первый король Агельмунд, как гласит легенда, был вознесен на щите. С началом исторически подтвержденной династии королей традиция также начинает приобретать более твердый характер и все больше приближаться к реальной истории. В целом история Агельмунда и его преемника Ламиссио пока что полностью окутана тайной, поскольку то, что рассказывается об этих двух королях, не является популярной легендой, основанной на истории, а лишь вымышленным развитием первобытного мифа о Скеафе, который Лео описал очень подробно и тщательно. Суть этого широко распространенного и локализованного в разных местах мифа заключается в том, что герой неизвестного происхождения, восставший из воды, приходит на помощь стране в период великого бедствия; и эта история была перенесена в историю Ломбардии, потому что в северной Италии общелатинское слово *lana* (для *piscina*) было этимологически связано народом с именем Ламиссио. Эти рассказы не могут быть интерпретированы с исторической точки зрения, и, например, было бы неправильно считать битву с болгарами, описанную Павлом [в](#), историческим фактом; но из этого очевидно, что название Болгария не появлялось до конца V века. Мы также ничего не узнаем об истории лангобардов при следующих королях, Лету и Хильдеоке; при короле Гудеоке, пятом по счету, мы снова находим их на территории ругов, куда они ушли, когда последние были завоеваны и изгнаны Одоакром в 487 и 488 годах. Эта земля ругов, насколько мы можем судить по скудным источникам информации, простиралась где-то между современными Линцем и Веной, на левом берегу Дуная; правый берег реки, по-видимому, не входил в ее состав. Напротив лежала Норикум, которая в то же время была частично заброшена Одоакром как нежизнеспособная и теперь, вероятно, сразу

после эвакуации была занята боями, поселившимися в Богемии. Ломбарды тогда должны были довольствоваться гораздо менее привлекательной и более бесплодной землей ругов — по всей вероятности, потому что они ранее были поселены в тылу маркоманнов, то есть в Северной Богемии, и продвигались на юг в их следе.

ЛОМБАРДЫ В РЕГИОНАХ ДУНАЯ

[491-508 гг. н. э.]

К сожалению, история Ломбардского королевства в Ругии также окутана тайной, поскольку наши источники не дают никакой достоверной информации о нем; поскольку история, основанная на хвастливом рассказе о герулах в Прокопии,^{[m](#)} согласно которому в 491 году лангобарды были вассалами герулов — что было бы во время пребывания в Ругии, поскольку лангобарды впервые прибыли туда в 490 году и, как говорят, прожили там много лет — должна, согласно убедительным аргументам Палльмана^{[-n](#)}, считаться вымыслом. Возможно, Прокопий правдиво описывает лангобардов как уже арианских христиан в это время, хотя искаженные отрывки из «Войны с готами» вряд ли можно считать подтверждением. Согласно *Оригену*,^{[-j](#)} лангобарды под предводительством короля Тато перекочевали из Ругии в далекую равнину, называемую варварами «Фельд», под чем, вероятно, подразумеваются равнины между Тессой и Дунаем, как показывает замечательный отрывок из «Анналов» *Эйнхарда*^{[-c](#)} за 796 год. Здесь лангобарды пробыли около трех лет, пока между ними и герулами, с которыми они ранее были в мирных и дружеских отношениях, не разразилась война. Мы хорошо осведомлены об этой войне благодаря герульскому рассказу в *Procopius*^{[-m](#)} и лангобардскому рассказу в *Origin*; жаль только, что в оба повествования вкрались легендарные истории. Согласно первому, герулы объявили войну только из-за чистой жажды сражений; согласно *Оригину*, конфликт разгорелся из-за того, что дочь короля Тато убила герулского посла. Примечательно, что ни один из двух народов не приписывал это врагу, а считал себя инициатором; поэтому мы должны предположить, что в обоих сообщениях есть доля правды, что обе народности, как герулы, так и лангобарды, были ответственны за начало войны. Дальнейшие подробности затуманены легендами и уже не могут быть установлены. Оба сообщения сходятся в том, что герулы были полностью разгромлены и в большинстве своем уничтожены; кроме того, нам известно, что их король Родульф погиб в сражении.

Трудно определить, когда именно произошло это событие; прийти к окончательному выводу по этому вопросу невозможно. Согласно Прокопию, поражение произошло через три года после вступления на престол императора Анастасия; но из *Оригина* мы видим, что пребывание в Ругии должно было быть гораздо дольше, чем в этом случае, поскольку в этот период входит все правление царя Клаффо и часть правления двух царей, Гудеока и Тато.

Поэтому время, указанное Прокопием, «через три года», следует считать пустой фразой; это же относится и к упоминанию в «*Происхождении*», согласно которому война с герулами началась через три года после оккупации равнин Фельда, и которое следует оценивать таким же образом, тем более что хронологическим таблицам в первой части «*Происхождения*» нельзя придавать никакого значения. С другой стороны, несомненно, что после своего поражения герулы покинули свои прежние места обитания и, прежде чем перейти на римскую территорию, сначала поселились в Ругии, а затем среди гепидов; поскольку Прокопий утверждает, что эти странствия заняли лишь короткое время, мы не ошибемся, если отнесем их к периоду от трех до четырех лет и, таким образом, отнесем сражение к примерно 508 году.^{[\[115\]](#)} В качестве отправной точки для расчета было использовано письмо короля остготов Теодориха: оно было отправлено царям герулов,

варнов и тюрингов, когда Хлодвиг угрожал вестготам войной, и, вероятно, относится к 501 году; из этого можно сделать вывод, что королевство герулов на Дунае в это время еще существовало в полной целостности и что памятная битва могла произойти только через некоторое время после этого.

Примечательно, что главным средством, которое Теодорих использует для того, чтобы побудить этих королей поддержать вестготов, является попытка усилить их страх перед франками, которых боялось королевство вестготов, и которые не могли без тревоги наблюдать за ростом могущества Хлодвига. Это указывает на более или менее близкое соседство с франками; в противном случае опасность не была бы столь велика и не столь неминуема. Липперт^[1] показал, что тюринги и варны, должно быть, были поселены непосредственно на границах Франкской империи с центральной Германией; герулы, которым было адресовано это письмо, должны были быть поселены недалеко от франкских границ.

Без сомнения, их следует отождествлять с герулами, которые предпринимали многочисленные походы на Рейн, в Галлию и даже в Испанию, и их следует отличать от герулов Дуная; их поселения также следует размещать в различных точках северного побережья Германии и Нидерландов, а также в Кимбрийском Херсонесе. В этой связи следует отметить, что Сидоний Аполлинарий^[2] упоминает о посольстве этих герулов к вестготскому королю Эврику, а Кассиодор^[3] упоминает о письме, напоминающем герульскому королю о милостях, оказанных Эвриком; благодаря этому посольству между двумя народами были установлены дружеские отношения.

ВОЙНЫ С ГЕПИДАМИ

[508-548 гг. н. э.]

С этой победой начинается самая блестящая эпоха в истории лангобардов. За ней последовало вторжение лангобардов с юго-востока на территорию герулов, которые были вынуждены искать убежища в Ругии. Как утверждает Прокопий^[4], голод и, вероятно, продвижение лангобардов в эти регионы заставили побежденных снова мигрировать, пока они наконец не нашли защиту у могущественных гепидов, которые были родственной расой. В связи с этим продвижением лангобардов произошло также подчинение суавов, которое *Ориген*^[5] датирует правлением короля Вахо, преемника Тато.

Имя Вахо стало известным, а лангобарды — очень желанными союзниками; так, весной 539 года король остготов Витигес пытался заручиться их помощью против византийцев, но получил отказ, поскольку лангобарды уже заключили союз с византийцами. Похоже, что союз существовал и с тюрингами, поскольку первая жена Вачо, Радегунда, была дочерью тюрингского короля Бизинуса. Затем Вачо женился на Остроготе, дочери гепидского короля, что делает весьма вероятным, что лангобардское королевство граничило с гепидским, как подтверждает наше утверждение о положении равнины «Фельд». Две дочери, которых он имел от нее, были снова выданы замуж за франкских королей, а именно: Визигарда за короля Теудеберта (534-548), Вальдерада за Теудебальда (548-555), а затем также за Хлотария I (561, который, под давлением духовенства, отдал ее баварскому герцогу Гарибальду). В связи с этим, а также с более поздними союзами, Теудеберт планировал свергнуть Византийскую империю с помощью лангобардов и гепидов во время войны в Италии против Тотилы.

ЛОМБАРДСКИЙ КОРОЛЬ

Третьей женой Вачо была Салинга, которая родила ему сына Вальтари. Последний, согласно *Оригину*, правил после смерти отца в течение семи лет, но, поскольку он был несовершеннолетним, находился под опекой лангобарда благородного происхождения по имени Аудоин, который впоследствии сменил его на троне. Вскоре после вступления на престол Аудоина лангобарды перешли в Паннонию, которая была передана им императором Юстинианом, который сначала отнял ее у готов, как утверждает Прокопий. Это не могло быть добровольной уступкой. Юстиниан был вынужден эвакуировать страну, поскольку больше не мог защитить ее от вторжения лангобардов. Суммами денег, которые он дал лангобардам, он, несомненно, надеялся купить мир для тяжело испытанных провинций, так же как гепиды и другие были удержаны от опустошения римской провинции дарами золота.

[548-555 гг. н. э.]

Вскоре после оккупации Паннонии — по словам Прокопия, по-видимому, в 548 году — между гепидами и лангобардами разразилась война. Главной причиной можно считать подстрекательство императора Юстиниана; в его интересах было разрушить дружбу между двумя народами, которые угрожали стать опасными для империи. Ему помогло постоянно растущее желание лангобардов завладеть важным городом Сирмием в нижней Паннонии, который был занят гепидами, и, прежде всего, враждебные чувства, которые возникли между двумя народами из-за споров при лангобардском дворе по поводу престолонаследия (споры, начавшиеся еще во времена Вахо).

Об этих интересных событиях нам сообщают Прокопий и *Ориген*. Прокопий [m](#) рассказывает следующее: «У короля Вахо был двоюродный брат, который по закону должен был

наследовать ему после его смерти; но чтобы обеспечить корону для своего сына, он изгнал Ризиульфа из страны под ложным обвинением».

Ризиульф со своими двумя сыновьями, один из которых звался Хильдихис, и небольшим числом своих сторонников бежал к варягам и по наущению Вачо был ими убит; Брат Хильдихиса скончался от болезни, а сам он бежал и поселился у славянского племени, а затем, во времена короля Аудоина, когда между лангобардами и гепидами разразилась война, он сдался последним, которые также пообещали достать ему королевскую корону лангобардов. Согласно «*Происхождению*» ¹) Вачо, сын Винигиса и племянник короля Тато, изгнал его с трона. Сын Тато, законный наследник престола по имени Хильдихис, который пытался отстоять свои права, был подавлен и вынужден укрыться у гепидов, которые с момента его прибытия проявляли большую ненависть к лангобардам. Оба сообщения являются неполными, но хорошо дополняют друг друга. Событие, без сомнения, заключалось в том, что Вачо сверг своего дядю Тато, а затем, став королем, изгнал из страны сына Тато Ризиульфа (своего двоюродного брата) и сына последнего (Хильдихиса), поскольку хотел обеспечить корону для своего собственного сына Валтари, в то время как не закон, как ошибочно утверждает Прокопий, но его происхождение и любовь народа обеспечили бы власть наследникам свергнутого короля Тато.

Ризиульф был убит во время бегства. Хильдихис бежал к гепидам в то время, когда разногласия между ними и лангобардами уже достигли высокой точки, и, по-видимому, своим присутствием ускорил начало войны. Его надежда, что гепиды помогут ему восстановить его права, не оправдалась.

Поскольку лангобарды не считали себя равными гепидам, они послали послов к Юстиниану с просьбой о помощи, которая была предоставлена не в силу прежних соглашений, которые император редко соблюдал, а потому, что византийский принцип заключался в том, чтобы поддерживать более слабую сторону, чтобы более сильная была полностью уничтожена. Гепидам, которые требовали поддержки или, по крайней мере, нейтралитета на основании прежнего договора, обещавшего им помощь Рима в случае войны, было отказано, и римская армия, состоящая из десяти тысяч всадников и полутора тысяч герульских воинов, выступила против них. До того, как они встретились, имперские войска уничтожили отряд из трех тысяч герулов, которые были союзниками гепидов, и заставили их заключить отдельный мир с лангобардами. В качестве гарантии вновь установленных дружеских отношений Аудоин призвал короля гепидов Торисинда сдать Хильдихиса; тем временем последний сбежал и долгое время скитался как авантюрист по разным землям.

За первой войной лангобардов и гепидов вскоре последовала другая (549 г.), которая также закончилась быстро, не принеся никакого решения.

По словам Прокопия, перед сражением обе армии, по-видимому, охватила паника, и они беспорядочно разбежались. Поэтому короли снова встретились и заключили двухлетнее перемирие; по истечении этого срока военные действия возобновились. На этот раз Юстиниан также встал на сторону лангобардов — он разорвал недавно заключенный договор с гепидами и отправил на поле боя войска, часть которых находилась под командованием Амалафрида; только последний и его солдаты достигли лангобардов; остальные войска остались в Ульпиане по приказу императора, очевидно, с целью подавить беспорядки там. Тем не менее лангобардам удалось вторгнуться на территорию гепидов и полностью разгромить своих противников; местом боевых действий, вероятно, был Сирмий. Прокопий относит эту битву к семнадцатому году войны, вероятно, к июлю 551 года. Весьма вероятно, что это та же самая битва, которую описывает Паулус ² и в ходе которой Альбоин,

сын Аудоина, сбил с лошади сына гепидского царя Торисмонда в единоборстве. Это ужасное поражение заставило гепидов искать мира, который был им предоставлен благодаря посредничеству Юстиниана.

В качестве условия лангобарды и император потребовали выдачи Хильдихиса, поскольку после его бегства от гепидов в 548 году — после того, как он сначала скитался по Италии с византийскими войсками, затем жил среди славянского народа и в качестве вождя отряда служил в императорской дворцовой страже в Константинополе — он недавно вернулся к ним, чтобы вновь заявить о своих правах на лангобардский трон. Но поскольку гепиды были решительно настроены не нарушать законы гостеприимства, а лангобарды по той же причине не хотели выдавать Острогота, который искал у них убежища после того, как Торисинд изгнал его с законного престола, и чья выдача теперь требовалась в ответ, Хильдихис не был выдан; вскоре после этого оба князя, не без попустительства короля, были убиты (552 г.), чтобы не было больше повода для нарушения только что заключенного мира.

До начала войны Аудоин по просьбе Юстиниана отправил две с половиной тысячи отборных лангобардских воинов, а также три тысячи солдат в Италию к армии Нарсеса; вместе с ними они прошли знаменитую кампанию против Тотилы, но из-за своего разгульного поведения после решающей битвы при Тагине (осень 552 года) они были щедро вознаграждены и отправлены домой под конвоем.

Мир, заключенный с гепидами, продлился до тех пор, пока жили Аудоин и Торисинд; но когда они оба умерли, и Альбоин стал правителем лангобардов (555 г.), а Кунимунд стал королем гепидов, с трудом сдерживаемая вражда вновь разразилась с удвоенной силой.

АЛЬБОИН УНИЧТОЖАЕТ МОГУЧНОСТЬ ГЕПИДОВ

[555-567 гг. н. э.]

Согласно преданию, *Ориген* рассказывает, что после битвы, в которой он прославился, Альбоин отправился прямо в вражескую страну к королю Торисинду, чтобы забрать оружие в соответствии с древним обычаем; во время этого визита он впервые увидел прекрасную Розамунду, младшую дочь покойного короля Кунимунда, в которую он страстно влюбился (551 г.).

Но политические соображения теперь заставили его взять в жены Клотосуинду, дочь франкского короля Хлотаря I; когда она умерла, его мысли вновь обратились к любви его юности, и, поскольку она не хотела добровольно следовать за ним, он силой привез ее в свое королевство.

Кунимунд потребовал вернуть ему дочь, поскольку не одобрял союз с ненавистным лангобардом: в конце концов разразилась война. Сначала лангобарды имели преимущество, но в конце концов потерпели поражение, когда гепидам удалось переманить на свою сторону императора Юстиниана II (14 ноября 565 года); в результате Розамунда была освобождена. Чтобы отомстить за поражение и освободиться от угнетения, Альбоин стал искать союзников со всех сторон; наконец он нашел их в лице могущественных и всеми боящихся аварцев (селившихся к востоку от Прута на Черном море), которые согласились помочь только после долгих уговоров и на очень тяжелых условиях: лангобарды должны были отдать десятую часть своего скота и пообещать после победы отдать половину добычи и отказаться от всего района гепидов. То, что эти требования были удовлетворены, лучше любых прямых доказательств показывает, в каком бедственном положении находились тогда лангобарды. Узнав об этом грозном союзе, Кунимунд обратился к

императору Юстину с просьбой прислать ему вспомогательные войска в соответствии с договором; он также пообещал уступить Сирмий и земли по эту сторону Дравы Восточной Римской империи. Юстин) не сразу прямо отказал в просьбе, но умышленно затягивал отправку войск и в конце концов удержал их, не только по причине, указанной Менандром, но, вероятно, потому, что не хотел ставить себя в неловкое положение и позволять грозной силе аваров и лангобардов, превосходившей силы византийцев и гепидов вместе взятых, править его империей. Поэтому он остался нейтральным и бездействующим зрителем неравной борьбы; он, по-видимому, воспользовался благоприятной возможностью, чтобы завоевать город Сирмий, так как после падения королевства гепидов он уже фигурирует среди византийских владений. Война началась с одновременного вторжения союзников в королевство гепидов с двух сторон.

Кунимунд сначала выступил против лангобардов, чтобы помешать их союзу с аварами, но был разгромлен противниками в кровопролитной битве, а его армия почти полностью уничтожена. Сам он пал в бою от руки Альбоина, как много лет назад его брат Торисмонд; его дочь Розамунда вместе со многими другими попала в плен к лангобардам, и их король взял ее в жены, не опасаясь сопротивления отца.

Добыча была неизмеримой; тем не менее, епископ Трасарик и внук павшего короля Рептила сумели благополучно доставить королевское сокровище в Константинополь.

Но этим поражением королевство гепидов было полностью уничтожено; то, что лангобарды не подчинили своей власти, попало под жестокое иго аваров; а византийцы самонадеянно радовались быстрому уничтожению своих опасных врагов.[ц](#)

АЛЬБОИН ПЛАНИРУЕТ ВТОРЖЕНИЕ В ИТАЛИЮ

[565-569 гг. н. э.]

Уничтожение могущественного королевства утвердило славу Альбоина. Во времена Карла Великого баварцы, саксы и другие племена германского языка все еще повторяли песни, в которых описывались героические добродетели, доблесть, щедрость и удача короля лангобардов. Но его амбиции были еще не удовлетворены, и завоеватель гепидов обратил свой взор с Дуная на более богатые берега По и Тибра. Не прошло и пятнадцати лет с тех пор, как его подданные, союзники Нарсеса, посетили приятный климат Италии; горы, реки, шоссе были им хорошо знакомы; рассказы об их успехах, а может быть, и вид их добычи, разжгли в подрастающем поколении пламя соперничества и предприимчивости. Их надежды были подкреплены духом и красноречием Альбоина; и утверждается, что он обратился к их чувствам, представив на королевском пиру самые красивые и изысканные фрукты, которые произрастали в саду мира.

Едва он поднял свое знамя, как естественная сила лангобардов умножилась благодаря приходу предприимчивой молодежи из Германии и Скифии. Крепкие крестьяне Норика и Паннонии вернулись к варварским обычаям, и имена гепидов, болгар, сарматов (или славян) и баварцев можно ясно проследить в провинциях Италии. Из саксов, старых союзников лангобардов, двадцать тысяч воинов с женами и детьми приняли приглашение Альбоина. Их храбрость способствовала его успеху, но присоединение или отсутствие их численности не ощущалось в величине его войска. Все религии свободно исповедовались их приверженцами. Король лангобардов был воспитан в арианской ереси, но католикам в их публичном богослужении было позволено молиться о его обращении, в то время как более упрямые варвары приносили в жертву богам своих отцов козу или, возможно, пленницу. Ломбарды и их союзники были объединены общей привязанностью к вождю, который

превосходил всех в добродетелях и пороках дикого героя; а бдительность Альбоина обеспечила экспедицию достаточным запасом наступательного и оборонительного оружия. Переносимое богатство лангобардов сопровождало поход (2 апреля 568 г.); они с радостью уступили свои земли аварам, получив торжественное обещание, которое было дано и принято без улыбки, что если они не смогут завоевать Италию, эти добровольные изгнанники будут восстановлены в своих прежних владениях.

КОНЕЦ НАРСЕСА

Они могли бы потерпеть неудачу, если бы Нарсес был противником лангобардов; и ветераны-воины, соратники его готской победы, с неохотой встретили бы врага, которого они боялись и уважали. Но слабость византийского двора способствовала делу варваров; и именно для гибели Италии император однажды прислушался к жалобам своих подданных. Добродетели Нарсеса были запятнаны алчностью; за пятнадцать лет своего правления в провинции он накопил сокровища из золота и серебра, которые превосходили скромные частные состояния. Его правление было деспотичным и непопулярным, и общее недовольство свободно выражалось депутатами Рима. Перед тронем Юстина они смело заявили, что их готское рабство было более терпимым, чем деспотизм греческого евнуха, и что, если их тиран не будет немедленно смещен, они будут сами решать, кто будет их господином, исходя из своего собственного счастья. Опасения по поводу восстания были подкреплены голосами зависти и клеветы, которые недавно торжествовали над заслугами Велизария.

На смену завоевателю Италии был назначен новый экзарх Лонгин (565 г.), и низкие мотивы его отзыва были раскрыты в оскорбительном указе императрицы Софии: «Он должен оставить оружие мужчинам и вернуться на свое место среди дев дворца, где в руки евнуха снова будет вложена прялка».

«Я сотворю такую нить, которую она не сможет легко распутать!» — таков, по преданию, был ответ, который возмущение и сознание собственной добродетели вырвали из уст героя. Вместо того чтобы служить рабом и жертвой у ворот византийского дворца, он удалился в Неаполь, откуда (если верить поверьям того времени) Нарсес пригласил лангобардов, чтобы наказать неблагодарность принца и народа.^[116] Но страсти народа яростны и изменчивы, и римляне вскоре вспомнили о заслугах своего победоносного полководца или испугались его гнева. Посредством папы, который совершил специальное паломничество в Неаполь, их раскаяние было принято, и Нарсес, приняв более мягкий вид и более почтительный тон, согласился поселиться в Капитолии. Его смерть (572 или 573 г.), хотя и наступившая в глубокой старости, была несвоевременной и преждевременной, поскольку только его гений мог исправить последнюю и роковую ошибку его жизни. Реальность или подозрение о заговоре разоружило и разобщило итальянцев. Солдаты возмутились позором и оплакивали потерю своего полководца. Они не знали своего нового экзарха, а Лонгин сам не знал положения армии и провинции. В предыдущие годы Италия была опустошена мором и голодом, и недовольный народ приписывал бедствия природы вине или глупости своих правителей.

ЛОМБАРДЫ ВХОДЯТ В ИТАЛИЮ

Какими бы ни были основания для его уверенности, Альбоин не ожидал и не встретил на поле боя римскую армию. Он поднялся на Юлианские Альпы и с презрением и вожделием смотрел на плодородные равнины, которым его победа дала вечное название Ломбардия. Верный вождь и отборная группа были размещены в Форум-Юлии, современном Фриули, чтобы охранять горные перевалы. Ломбарды уважали силу Павии и прислушались к мольбам тревизанцев: их медлительные и тяжелые толпы двинулись на захват дворца и города Вероны; а Милан, только что восставший из пепла, был осажден войсками Альбоина (3 сентября 569 г.).

ЛОМБАРДСКИЙ КОСТЮМ

Его поход сопровождал террор; везде он находил или оставлял после себя мрачную пустошь;^{[117](#)} , а малодушные итальянцы без суда и следствия полагали, что чужеземец непобедим. Спасаясь в озерах, на скалах или в болотах, испуганные толпы скрывали некоторые фрагменты своего богатства и отсрочили момент своего порабощения. Паулин, патриарх Аквилеи, перенес свои сокровища, священные и профанные, на остров Градо, а его преемники были приняты молодой республикой Венеция, которая постоянно обогащалась за счет общественных бедствий. Онорат, занявший кресло святого Амвросия, легковерно принял неверные предложения о капитуляции, и архиепископ вместе с духовенством и дворянами Милана были вынуждены из-за вероломства Альбоина искать убежища в менее доступных укреплениях Генуи. Вдоль морского побережья мужество жителей поддерживалось легкостью снабжения, надеждами на помощь и возможностью бегства; но от холмов Тренто до ворот Равенны и Рима внутренние районы Италии без сражений и осад стали постоянным достоянием лангобардов. Подчинение народа побудило варвара- а принять на себя роль законного правителя, а беспомощный экзарх был ограничен

Энн-Энн-Энн-Энн-Энн-Энн-Энн-Энн-Энн-Энн-Энн-Энн-Энн-Энн-Энн В этой ситуации он предпочел быть соучастником, а не жертвой Розамунды, чей неустрашимый дух был неспособен к страху или раскаянию. Она дождалась и вскоре нашла благоприятный момент, когда король, опьяненный вином, удалился от стола, чтобы вздремнуть после обеда. Его неверная супруга заботилась о его здоровье и отдыхе; ворота дворца были закрыты, оружие убрано, слуги отпущены, и Розамунда, убаюкав его нежными ласками, открыла дверь спальни и подтолкнула нерешительных заговорщиков к действию.

При первом тревожном сигнале воин вскочил с ложа. Его меч, который он пытался вытащить, был прикреплен к ножнам рукой Розамунды, и маленький табурет, его единственное оружие, не мог долго защищать его от копий убийц. Дочь Кунимунда улыбнулась, когда он пал; его тело было похоронено под лестницей дворца, и благодарные потомки лангобардов почитали могилу и память своего победоносного вождя.

Амбициозная Розамунда стремилась править от имени своего возлюбленного. Город и дворец Вероны были потрясены ее властью, и верная группа ее соплеменников-гепидов была готова приветствовать месть и поддержать желания своей правительницы. Но вожди лангобардов, которые бежали в первые минуты смятения и беспорядка, вновь обрели мужество и собрали свои силы; и народ, вместо того чтобы подчиниться ее правлению, единодушно требовал, чтобы виновная супруга и убийцы их короля были преданы правосудию. Она искала убежища среди врагов своей страны, и преступница, заслуживавшая презрения всего человечества, была защищена эгоистичной политикой экзарха. Вместе со своей дочерью, наследницей лангобардского престола, двумя любовниками, верными гепидами и добычей из дворца в Вероне, Розамунда спустилась по Адидже и По и была перевезена греческим кораблем в безопасную гавань Равенны. Лонгин с восторгом созерцал прелести и сокровища вдовы Альбоина: ее положение и прошлое поведение могли оправдать самые развратные предложения; и она с готовностью прислушалась к страсти министра, который даже в период упадка империи пользовался уважением, равным уважением к королям. Смерть ревнивого любовника была легкой и благодарной жертвой; и когда Хельмихис вышел из бани, он получил смертельное зелье из рук своей любовницы. Вкус напитка, его быстрое действие и его опыт общения с Розамундой убедили его, что он был отравлен. Он направил кинжал на ее грудь, заставил ее выпить остатки чаши и через несколько минут скончался, утешаясь тем, что она не сможет дожить до того момента, когда сможет насладиться плодами своего злодеяния. Дочь Альбоина и Розамунды с богатейшей добычей лангобардов отплыла в Константинополь. Удивительная сила Передео развлекала и пугала императорский двор; его слепота и месть были несовершенной копией приключений Самсона. По результатам свободного голосования народа на собрании в Павии Клеф, один из их самых благородных вождей, был избран преемником Альбоина. Не прошло и полутора лет, как трон был осквернен вторым убийством — Клеф был заколот рукой слуги. Царская власть была приостановлена на десять лет, пока его сын Аутари был несовершеннолетним, и Италия была разделена и угнетаема герцогской аристократией из тридцати тиранов.^{[w](#)}

[573-590 гг. н. э.]

Несмотря на жестокость правления этих «гостей», они брали только треть урожая страны, в то время как вестготы брали две трети, а бургунды — почти столько же. Затем 26 000 саксов, уставших от высокомерия своих лангобардских союзников, решили покинуть Италию и переселиться в Галлию. Во время их первого визита в Дофине римский полководец Муммол изгнал их, устроив резню. Примерно через год саксы повторили попытку во время сбора урожая. Муммол позволил им пройти только после уплаты высокой

пошлины. Саксы вернулись в свои прежние дома, но туда уже переселились швабы, которые, будучи загнаны в угол, убили почти всех саксов.

Ломбарды вскоре обступили Рим и в 574 году под предводительством Клефа осадили город. Император Юстин послал флот с зерном, чтобы спасти город от голода, а в 575 году послал армию под командованием своего зятя Брадуария, который проиграл сражение и лишился жизни.

В 579 году папы по-прежнему взывали о помощи на восток. В 578 году новый император Тиберий II послал деньги, чтобы купить небольшую передышку. Между тем, в период с 568 по 575 год лангобарды пять раз совершали набеги на Галлию. Дважды храбрый Муммол отбивал их. В 584 году австразийцы, подкупленные императором Маврикием, вторглись в Италию под предводительством своего молодого лидера Хильдеберта, и лангобарды были вынуждены заплатить им, чтобы те покинули страну. Это убедило лангобардов в том, что их герцогская олигархия провалилась, и они провозгласили королем сына Клефа Аутари, дав ему имя Флавий, которое впоследствии сохранили все лангобардские короли.

Под знаменем своего нового короля завоеватели Италии выдержали три последовательных вторжения, одно из которых возглавил сам Хильдеберт, последний из рода Меровингов, спустившихся с Альп. Первая экспедиция потерпела поражение из-за ревнивой вражды франков и аламаннов. Во второй они были разгромлены в кровопролитной битве, понеся больше потерь и позора, чем за все время существования своей монархии. Нетерпеливые отомстить, они вернулись в третий раз с накопленными силами, и Аутари уступил ярости потока. Войска и сокровища лангобардов были распределены по укрепленным городам между Альпами и Апеннинскими горами. Народ, менее чувствительный к опасности, чем к усталости и задержкам, вскоре зашумел против глупости своих двадцати полководцев; и горячие пары итальянского солнца заразили болезнями те тела, которые уже пострадали от перемен неблагоприятных обстоятельств и голода. Силы, которые были недостаточны для завоевания, оказались более чем достаточными для опустошения страны; дрожащие туземцы не могли отличить своих врагов от своих освободителей. Если бы объединение меровингских и имперских сил произошло в окрестностях Милана, возможно, они смогли бы свергнуть трон лангобардов; но франки шесть дней ждали сигнала в виде горящей деревни, а оружие греков было бездейственно задействовано в покорении Модены и Пармы, которые были отняты у них после отступления их трансальпийских союзников. Победоносный Аутари заявил о своих правах на власть в Италии. У подножия Ретийских Альп он подавил сопротивление и разграбил скрытые сокровища уединенного острова на озере Комо. На крайней точке Калабрии он коснулся копьем колонны на берегу моря в Региуме, провозгласив этот древний ориентир непоколебимой границей своего королевства.

ПРОСТРАНСТВО ВЛАСТИ ЛОМБАРДОВ

[568-774 гг. н. э.]

В течение двухсот лет Италия была неравномерно разделена между королевством лангобардов и экзархатом Равенны. Должности и профессии, которые ревность Константина разделила, были объединены по снисходительности Юстиниана; и восемнадцать последовательных экзархов были наделены, в период упадка империи, полной гражданской, военной и даже церковной властью. Их непосредственная юрисдикция, Алабария (), которая впоследствии была освящена как наследие святого Петра, простиралась на современную Романью, болота или долины Феррары и Коммакио; пять приморских городов от Римини до Анконы и вторую внутреннюю Пентаполис, между

побережьем Адриатики и холмами Апеннин. Три подчиненные провинции — Римская, Венецианская и Неаполитанская, которые были отделены враждебными землями от дворца Равенны, признавали как в мирное, так и в военное время верховенство экзарха. Герцогство Рима, по-видимому, включало в себя тосканские, сабинские и латинские завоевания первых четырехсот лет существования города, и его границы можно четко проследить вдоль побережья от Чивита-Веккья до Таррацины и по течению Тибра от Америи и Нарни до порта Остии. Многочисленные острова от Градо до Кьюцца составляли зарождающееся владение Венеции, но более доступные города на континенте были захвачены лангобардами, которые с бессильной яростью наблюдали за возвышением новой столицы из волн. Власть герцогов Неаполя была ограничена заливом и прилегающими островами, враждебной территорией Капуи и римской колонией Амальфи, чьи трудолюбивые граждане, изобретя морской компас, открыли мир. Три острова — Сардиния, Корсика и Сицилия — по-прежнему принадлежали империи, а завоевание более отдаленной Калабрии перенесло границу владений Автария с берега Регия на перешеек Консентия. На Сардинии дикие горцы сохранили свободу и религию своих предков, но земледельцы Сицилии были прикованы к своей богатой и возделанной земле. Рим был угнетен железным скипетром экзархов, а грек, возможно евнух, безнаказанно оскорблял руины Капитолия. Но Неаполь вскоре получил привилегию избирать своих герцогов; независимость Амальфи была плодом торговли; а добровольная привязанность Венеции была окончательно возвышена равным союзом с Восточной империей. На карте Италии экзархат занимает очень небольшую площадь, но он включал в себя значительную часть богатства, промышленности и населения.

Наиболее верные и ценные подданные сбежали из-под ига варваров; и знамена Павии и Вероны, Милана и Падуи были вывешены в своих кварталах новыми жителями Равенны. Остальная часть Италии была захвачена лангобардами, и из Павии, королевской резиденции, их королевство простиралось на восток, север и запад, до границ аваров, баварцев и франков Австразии и Бургундии. На языке современной географии оно теперь представлено Terra Firma Венецианской республики, Тиролем, Миланом, Пьемонтом, побережьем Генуи, Мантуей, Пармой и Моденой, великим герцогством Тосканы и большей частью церковного государства от Перуджи до Адриатики. Герцоги, а в конце концов и князя Беневенто пережили монархию и распространили имя лангобардов. От Капуи до Тарента они правили почти пятьсот лет.

Сравнивая соотношение победителей и побежденных, можно сделать наиболее вероятный вывод на основе изменения языка. Согласно этому критерию, окажется, что лангобарды Италии и вестготы Испании были менее многочисленны, чем франки или бургунды; а завоеватели Галлии, в свою очередь, должны уступить многочисленным саксам и англам, которые почти полностью искоренили языки Британии. Современный итальянский язык был незаметно сформирован смешением народов: неуклюжесть варваров в тонком управлении склонениями и спряжениями свела их к использованию артиклей и вспомогательных глаголов; и многие новые идеи были выражены германскими названиями. Тем не менее, основной запас технических и бытовых слов имеет латинское происхождение; и если бы мы были достаточно знакомы с устаревшими, деревенскими и муниципальными диалектами древней Италии, мы могли бы проследить происхождение многих терминов, которые, возможно, были бы отвергнуты классической чистотой Рима.

Многочисленная армия составляет лишь небольшую нацию, и сила лангобардов вскоре уменьшилась из-за отступления двадцати тысяч саксов. Когда Альбоин спустился с Альп, он

поручил своему племяннику, первому герцогу Фриули, управление провинцией и народом; но благоразумный Гисульф отказался бы от этой опасной должности, если бы ему не разрешили выбрать из числа лангобардской знати достаточное количество семей, чтобы сформировать постоянную колонию солдат и подданных. В ходе завоевания такой же выбор не мог быть предоставлен герцогам Брешии или Бергамо, Павии или Турина, Сполето или Беневенто; но каждый из них и каждый из их коллег поселился в назначенном ему районе с группой последователей, которые прибегали к его знамени в войне и к его суду в мирное время. Их привязанность была свободной и почетной: отказавшись от подарков и льгот, которые они приняли, они могли эмигрировать со своими семьями в юрисдикцию другого герцога; но их отсутствие в королевстве каралось смертью как преступление военного дезертирства.

Потомки первых завоевателей пустили более глубокие корни в землю, которую они были обязаны защищать из соображений интереса и чести. Ломбард рождался солдатом своего короля и герцога; гражданские собрания нации выставляли знамена и принимали название регулярной армии. Заработная плата и вознаграждения этой армии выплачивались из завоеванных провинций; распределение, которое было осуществлено только после смерти Альбоина, опорочено гнусными следами несправедливости и грабежа.

Многие из самых богатых итальянцев были убиты или изгнаны; остальные были разделены между чужеземцами; и была введена дань (под названием гостеприимства), обязывающая платить лангобардам треть урожая земли. Менее чем через семьдесят лет эта искусственная система была отменена и заменена более простой и прочной системой владения землей. Либо римский землевладелец был изгнан своим сильным и надменным гостем, либо ежегодная плата, составлявшая треть урожая, была заменена более справедливой сделкой на адекватную долю земельной собственности. Под властью этих иностранных господ сельское хозяйство, выращивание зерна, винограда и оливок, велось с упадническим мастерством и трудолюбием рабами и туземцами. Но занятия пастушеской жизнью больше нравились ленивым варварам. На богатых лугах Венеции они восстановили и улучшили породу лошадей, которой когда-то славилась эта провинция.

ПРАВЛЕНИЕ И УХАЖИВАНИЕ АУТАРИ

Влияние климата и примера было настолько быстрым, что лангобарды четвертого поколения с любопытством и страхом рассматривали портреты своих диких предков. Их головы были выбриты сзади, но мохнатые пряди волос свисали над глазами и ртом, а длинная борода символизировала имя и характер нации. Их одежда состояла из свободных льняных одежд, по моде англосаксов, которые, по их мнению, были украшены широкими полосами разноцветных цветов. Ноги и ступни были одеты в длинные чулки и открытые сандалии; и даже в условиях безопасности мира верный меч постоянно висел у них на поясе. Однако эта странная одежда и ужасный вид часто скрывали мягкий и щедрый характер: и как только ярость сражения утихала, пленники и подданные иногда удивлялись человечности победителя. Пороки лангобардов были следствием страсти, невежества, опьянения; их добродетели тем более похвалы достойны, что они не были подвержены влиянию лицемерия общественных нравов и не навязывались жесткими ограничениями законов и образования. Авантюрная галантность Аутари дышит истинным духом рыцарства и романтики. После потери своей обещанной невесты, принцессы Меровингов, он попросил руки дочери короля Баварии, и Гарибальд согласился на союз с итальянским монархом. Нетерпеливый из-за медленного хода переговоров, горячий любовник сбежал из своего дворца и посетил двор Баварии в сопровождении своей собственной посольской миссии. На публичной аудиенции неизвестный незнакомец подошел к трону и сообщил Гарибальду,

что посол действительно является государственным министром, но что только он один является другом Аутари, который доверил ему деликатную задачу составить правдивый отчет о прелестях своей супруги.

Теуделинда была вызвана для прохождения этого важного испытания; и после паузы молчаливого восторга он приветствовал ее как королеву Италии и смиренно попросил, чтобы, согласно обычаю народа, она подарила чашу вина первому из своих новых подданных. По приказу отца она подчинилась: Аутари принял чашу и, возвращая ее принцессе, тайно коснулся ее руки и провел пальцем по своему лицу и губам. Вечером Теуделинда рассказала своей кормилице о нескромной фамильярности незнакомца и была утешена заверениями, что такая смелость могла исходить только от короля, ее мужа, который своей красотой и мужеством казался достойным ее любви. Послы были отпущены; едва они достигли границ Италии, как Аутари, поднявшись на лошади, с несравненной силой и ловкостью бросил свой боевой топор в дерево. «Таковы, — сказал он изумленным баварцам, — таковы удары короля лангобардов». При приближении французской армии Гарибальд и его дочь укрылись в владениях своего союзника, и брак был заключен во дворце Вероны. Через год он был расторгнут в связи со смертью Аутари (5 сентября 590 г.), но добродетели Теуделинды снискали ей любовь народа, и ей было позволено передать по наследству скипетр Итальянского королевства.

ПРАВЛЕНИЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЛОМБАРДОВ

Из этого факта, а также из подобных событий, можно с уверенностью заключить, что лангобарды обладали свободой выбирать своего правителя и здравым смыслом, чтобы отказаться от частого использования этой опасной привилегии. Государственные доходы поступали от доходов с земли и прибыли от правосудия. Когда независимые герцоги согласились, что Аутари должен взойти на престол своего отца, они наделили королевскую должность справедливой долей своих соответствующих владений. Самые гордые дворяне стремились к чести служить рядом со своим князем: он вознаграждал верность своих вассалов ненадежными подарками в виде пенсий и «благодетений» и искупал ущерб от войны богатым основанием монастырей и церквей. В мирное время он был судьей, в военное — вождем, но никогда не узурпировал полномочия единоличного и абсолютного законодателя. Король Италии созывал национальные собрания во дворце или, что более вероятно, на полях Павии: его великий совет состоял из лиц, наиболее выдающихся по своему происхождению и достоинствам; но действительность, а также исполнение их декретов зависели от одобрения «верного» народа, «счастливой» армии лангобардов.

Примерно через восемьдесят лет после завоевания Италии их традиционные обычаи были переписаны на германском латинском языке и ратифицированы с согласия князя и народа: были введены некоторые новые правила, более подходящие для их нынешнего положения; пример Ротари был подражаем самыми мудрыми из его преемников, и законы лангобардов считались наименее несовершенными из варварских кодексов. Уверенные в своей свободе благодаря своей храбрости, эти грубые и поспешные законодатели были неспособны уравновесить полномочия конституции или обсудить тонкую теорию политического правления.

Такие преступления, как угроза жизни правителя или безопасности государства, карались смертной казнью, но их внимание в основном было сосредоточено на защите личности и собственности подданных. Согласно странной юриспруденции того времени, вина за пролитую кровь могла быть искуплена штрафом, однако высокая цена в девятьсот золотых монет свидетельствует о справедливом понимании ценности простого гражданина. Менее жестокие травмы, рана, перелом, удар, оскорбительное слово, оценивались с щепетильной и

почти смешной тщательностью; а благоразумие законодателя поощряло недостойную практику обмена чести и мести на денежную компенсацию.

Невежество лангобардов, находившихся в состоянии язычества или христианства, давало безоговорочный кредит злобе и вреду колдовства; но судьи XVII века могли бы поучиться и постыдиться мудрости Ротари, который высмеивает абсурдное суеверие и защищает несчастных жертв народной или судебной жестокости. Тот же дух законодателя, превосходящий его эпоху и страну, можно приписать Лютпранду, который осуждает, но при этом терпит, нечестивое и закоренелое злоупотребление дуэлями, наблюдая из собственного опыта, что более справедливая причина часто угнеталась успешным насилием.

Какие бы достоинства ни обнаруживались в законах лангобардов, они являются подлинным плодом разума варваров, которые никогда не допускали епископов Италии в свои законодательные советы. Но преемственность их королей отмечена добродетелью и способностями; беспокойная череда их летописей украшена прекрасными перерывами мира, порядка и домашнего счастья; и итальянцы пользовались более мягким и справедливым правительством, чем любое другое королевство, основанное на руинах Западной империи.

УПАДОК РИМА

Находясь в тисках лангобардов и под гнетом греков, мы вновь обращаемся к судьбе Рима, который к концу VI века достиг самого низкого пункта своего упадка. В результате переноса столицы империи и последовательной потери провинций источники общественного и частного богатства были исчерпаны; высокое дерево, в тени которого отдыхали народы земли, было лишено листьев и ветвей, а безжизненный ствол был оставлен увядать на земле. Военачальники и вестники победы больше не встречались на Аппиевой или Фламиниевой дорогах; враждебное приближение лангобардов часто ощущалось и вызывало постоянный страх. Жители с дрожащей рукой закрывали или открывали свои ворота, со стен наблюдали за пламенем своих домов и слышали стенания своих братьев, которых, как собак, связывали парами и увозили в далекое рабство за море и горы. Кампания Рима быстро превратилась в унылую пустыню, где земля бесплодна, воды нечисты, а воздух заразен.

Любопытство и амбиции больше не привлекали народы в столицу мира: но если случайность или необходимость направляли шаги странника, он с ужасом созерцал пустоту и одиночество города и мог быть соблазнен спросить: «Где сенат и где народ?». В сезон чрезмерных дождей Тибр вышел из берегов и с неотразимой силой устремился в долины Семи холмов. Застой воды привел к возникновению эпидемии, и заражение распространялось так быстро, что за час умерли восемьдесят человек, которые участвовали в торжественной процессии, умолявшей о милости Небес.

Общество, в котором поощряется брак и преобладает трудолюбие, быстро восполняет случайные потери от эпидемий и войн; но поскольку подавляющая часть римлян была обречена на безнадежную нищету и безбрачие, депопуляция была постоянной и заметной, и мрачные энтузиасты могли ожидать приближающегося исчезновения человеческого рода. Тем не менее, число граждан все еще превышало уровень прожиточного минимума: их ненадежное пропитание поставлялось из урожаев Сицилии или Египта; а частое повторение голода свидетельствует о невнимании императора к отдаленной провинции. Здания Рима подвергались той же разрухе и упадку; гниющие постройки легко разрушались наводнениями, бурями и землетрясениями; а монахи, занявшие самые выгодные позиции, ликовали в своем низком торжестве над руинами древности.

Обычно считается, что папа Григорий I напал на храмы и изуродовал статуи города; что по приказу варвара Палатинская библиотека была превращена в пепел; и что история Ливия была особым знаком его абсурдного и вредного фанатизма. Сами сочинения Григория свидетельствуют о его непримиримом отвращении к памятникам классического гения : он подвергает самой суровой критике светское образование епископа, который преподавал грамматику, изучал латинских поэтов и одним голосом прославлял Юпитера и Христа. Но свидетельства его разрушительной ярости сомнительны и относятся к недавнему времени; храм Мира или театр Марцелла были разрушены медленным течением веков, а официальный запрет привел бы к умножению копий Вергилия и Ливия в странах, которые не подчинялись церковному диктатору.

Как Фивы, Вавилон или Карфаген, имя Рима могло бы быть стерто с лица земли, если бы город не был одушевлен жизненным принципом, который вновь вернул ему честь и господство.^W

ЛОМБАРДСКИЕ КОРОЛИ (636-712 гг. н. э.)

Теуделинда выбрала в мужа и соправителя тюрингского герцога Агилульфа, который правил с 590 по 615 год. Под их правлением арианские лангобарды сохраняли мир с католической церковью, и папа Григорий Великий, о котором более подробно рассказывается в истории папства, заслуживает чести за то, что он устроил мир и предотвратил заговор с целью массового убийства лангобардов, подобно тому, как французы были убиты в день Сицилийской вечерни.

За Агилульфом последовал Адальвальд (Аделоальд), 615-624, а за ним — Аривальд (Ариоальд), 624-636, за которым последовал Ротари (636-652).

Со времени, когда Ротари сильной рукой установил лангобардскую монархию, до правления Лютпранда, первого короля, который сознательно задумал объединить всю Италию под своим скипетром, трон Павии пережил много перипетий, и монархия с трудом удерживала свою власть перед лицом амбициозных дворян, в частности герцогов. Родвальд, сын Ротари, был убит после всего шести месяцев правления (652 г.) лангобардом, которого он тяжело оскорбил, и верность памяти королевы Теуделинды побудила народ возвести на престол ее племянника Ариберта, сына Гундвальда из Асти. Правление этого монарха (653-661), первого католического короля лангобардов, окутано тайной. Согласно распоряжениям, сделанным им на смертном одре, его два юных сына, Годаберт и Перктарит, должны были разделить его владения, один установив свою столицу в Павии, а другой — в Милане. Результатом этого непродуманного решения стала братоубийственная гражданская война. Обе воюющие стороны обратились за помощью к Гримвальду, герцогу Беневенто, и тем самым дали этому могущественному и амбициозному правителю возможность возложить корону на свою голову (662-671). Он вошел в Павию как союзник Годаберта, но при первом же удобном случае убил молодого короля. Тогда Перктарит из Милана, другой брат, опасаясь подобной участи для себя, бежал к аварам, оставив свою жену Роделинду и маленького сына Кунинкберта.

Гримвальд, который женился на дочери Ариберта, затем десять лет энергично и благоразумно правил Ломбардским королевством и успешно отразил нападения франков на западе и греков на востоке. Когда ломбардский герцог по имени Лупус из Фриули отказался присягнуть ему на верность, он подговорил хагана аваров начать войну против непокорного вельможи. Нелояльный правитель и большинство его соратников пали в четырехдневной битве с варварами (663 г.). Однако авары упорно отказывались покидать территорию, которую они приобрели ценой своей крови. Гримвальд был вынужден собрать армию, чтобы заставить их уйти, но он избегал сражения и в конце концов хитростью убедил своих диких гостей уйти. Чтобы обезопасить себя от восстаний и измен в будущем, он передал самые важные герцогства своим сторонникам и друзьям, позаботившись о том, чтобы муниципальные территории (*civitates*) были переданы лицам, которые не были уроженцами соответствующих городов и, следовательно, не имели никаких связей с этой землей. Соответственно, Беневенто досталось его сыну Ромвальду; Сполето — его верному товарищу Трансамунду, на которого он также выдал свою дочь замуж; а герцогство Фриули — Вехтари из Виченцы.

[671-712 гг. н. э.]

Тем не менее Гримвальд не смог обеспечить корону для своей линии. Едва смерть закрыла глаза грозного монарха, как Перктарит был доставлен с границы в Павию и провозглашен королем среди громких ликований, а Гарибальд, сын Гримвальда, исчез со сцены. О последующем правлении Перктарита (671-686), в ходе которого он привлек своего сына Кунинкберта (686-700) к управлению государством, мы ничего не знаем, кроме того, что он вел затяжную войну с Алахисом, герцогом Тренто, который восстал против него.

После смерти Перктарита борьба приняла столь неблагоприятный для королевской власти оборот, что Алахис, который тем временем присоединил герцогство Брешиа к герцогству Тренто, вторгся в Павию, заставил короля укрыться на острове на озере Комо и провозгласил себя королем. Его правление было недолгим. Дезертирство и измена ослабили его дело, и он пал в решающей битве против Кунинкберта недалеко от Комо. Кунинкберт снова поселился в королевском дворце в Павии.

УПАДОК ЛОМБАРДСКОГО ЦАРСТВА

При сыне Кунинберта, Лютберте, который вступил на престол несовершеннолетним под опекой герцога Анспранда, королевство Ломбардия пережило тяжелые времена. Рагинберт, сын Годаберта, потомок королевского дома, который при Кунинберте поднялся до ранга герцога Турина, теперь выдвинул свои притязания на трон. Анспранд и его союзник Ротари из Бергамо были разгромлены на поле Новары, где так часто решалась судьба Италии. Рагинберт не прожил долго после своей победы, но его сын Ариберт отстаивал свои права и одержал вторую победу над противниками в Павии. Анспранд бежал на остров на озере Комо, где ранее укрывался Кунинкберт, а молодой король попал в руки победителей. Ротари удалился в свое герцогство Бергамо, но искупил свою недолгую мечту о власти (ведь он сам претендовал на трон) преждевременной смертью в тюрьме в Турине. Несчастный Лютберт был убит в своей бане примерно в то же время, и Анспранд был вынужден покинуть свое последнее убежище на итальянской земле и бежать через Альпы.

Ариберт теперь правил в Павии без соперников (701-712). Но, несмотря на все его усилия по ограничению власти герцогов и завоеванию популярности благодаря справедливости своего правления, он не смог сохранить свою власть. В течение восьми лет Анспранд тщетно ждал при дворе герцога Баварии помощи, в которой он нуждался. На девятый год она была оказана. Он вступил в верхнюю Италию во главе внушительной армии, «чтобы возложить на свою голову корону, которую он не смог сохранить для своего подопечного». Ариберт, хотя и не потерпел поражения на поле боя, потерял дух и бежал в Павию. В результате в армии поднялся мятеж, жизнь короля оказалась в опасности, и он решил бежать. Он попытался переплыть Тичино, но вес золота, которое он взял с собой, потянул его на дно, и он утонул. В 712 году бразды правления перешли к Анспранду, «человеку, отличавшемуся выдающейся доблестью и редкой мудростью». Он смог наслаждаться счастьем, к которому так долго стремился, всего три месяца, но на смертном одре он испытал радость, увидев, как его сын Лиутпранд вззошел на престол и был признан королем на торжественном собрании народа.^x

ПРАВЛЕНИЕ ЛЮТПРАНДА (712-744 гг. н. э.)

[712-724 гг. н. э.]

Между 6 и 13 июня 712 года, что является датой, насколько мы можем определить, когда Флавий Лютпранд вступил на престол, он, согласно всем записям, был в расцвете сил. Он взял в жены баварскую принцессу Гунтруду, дочь Теудиберта, которая родила ему дочь, их единственного ребенка. Точная дата его брака неизвестна. Он состоялся вскоре после того, как Ариберт из Коттийских Альп сделал пожертвование римской церкви; в том же году Григорий II стал папой. Если учесть это обстоятельство в связи с тем фактом, что между 715 и 716 годами баварский герцог Теодо I (отец Теудиберта), совершил паломничество в Рим (), имевшее большое значение для церковных интересов Баварии, то несомненно, что этот герцог, чей род так долго был связан дружбой с Лютпрандом, должен был задержаться в

Павии, чтобы встретиться с королем, и что во время этой встречи впервые был обсужден вопрос о дальнейшем союзе через брак.

Тесные отношения между баварцами и лангобардами продолжались до позднего периода; в одно время они были соседями в Паннонии, а еще раньше есть подтвержденные сведения о том, что они были родственниками, о чем свидетельствует близкое сходство в их обычаях и речи. Большую часть информации, почерпнутой из самых ранних баварских хроник, мы обязаны Паулусу, ^р историку лангобардов. Еще до того, как последние переселились в Италию, состоялась свадьба Вальдерады, вдовы Теудебальда Австразийского и дочери лангобарда Вачо, с Гарибальдом, первым герцогом Баварии, под чьим правлением эта страна фактически стала зависимой от Франции.

Ранее существовавшая теория о том, что баварцы когда-то входили в народы Альбоина, действительно встретила энергичное сопротивление, но, по мнению автора этой истории, оно было необоснованным. Еще во времена трех королей в Италии Аутари взял в жены баварскую принцессу, широко известную Теуделинду, которая дала королевству новую династию — если такое слово можно использовать в отношении лангобардов — и, в определенной степени, новую веру.

Можно найти много следов последующих контактов между двумя народами, но, насколько можно судить по скудным источникам информации, имеющимся в нашем распоряжении, тесная и действительно важная связь возникла только во времена короля Анспранда.

Теодо I разделил свою страну на пять частей, одну из которых оставил себе, а остальные четыре отдал своим четырем сыновьям — Теудиберту, Гримвальду, Тассило II и Теодобальду. Рудхарт предполагал, что Теудиберт, с которым лангобарды почти исключительно и контактировали, сохранил за собой южную часть, примыкавшую к королевству Лютпранда, вместе с епископством Зальцбурга.

После ранней смерти Теодобальда его наследство перешло к его выжившим братьям; то же самое произошло с землями Теодо после его смерти в 717 или 722 году.

В 724 году умер и Теудиберт. По-видимому, он обладал своего рода верховной властью над своим братом. Он оставил после себя сына, Хуперта (), зятя Лютпранда; когда, как это и произошло вскоре, Гримвальд захотел стать верховным правителем Баварии и свергнуть Хуперта, он обратился за помощью к своим соседям за границей. Он получил ее, и именно по этому случаю Лютпранд построил несколько фортов на реке Эч (Адидже).

ЛИУТПРАНД И МАРТЕЛ

[534-725 гг. н. э.]

Странствия баварских герцогов дали возможность другому могущественному соседу, Карлу Мартелю, правителю франков, вмешаться в их дела. Есть доказательства того, что между франками и лангобардами существовали дружеские отношения еще до того, как последние мигрировали в Италию. Теудеберт I, один из немногих потомков Хлодвига, оставивший после себя доброе имя в истории, был женат на Визигарде, дочери короля Вачо, чья вторая дочь, Вальдерада, была первой женой Теудебальда, внебрачного сына преемника Теудеберта. Все дружеские отношения между этими двумя народами прекратились с Альбоином, который, прежде чем жениться на печально известной Розамунде, взял в жены дочь Хлотаря I по имени Клотосуинда или Флутсвинда, и после его смерти мы видим, что они противостоят друг другу и враждуют. Сначала, в 568, 571, 572, 574 и 575 годах, были

только незначительные сражения, вызванные вторжениями лангобардских племен, которые еще не поселились на франкской территории. Более серьезными и не совсем способствующими славе или успеху франков были войны, которые Хильдеберт II, в соответствии с соглашением, заключенным им с восточно-римским императором, сам вел против Аутари до 590 года. Только при Агилульфе в 591 году был фактически обеспечен мир.

В 605 году в связи с браком короля Адальвальда с дочерью Теудеберта II была заключена клятва «вечного мира между франками и лангобардами». Паулус также сообщает нам, что король Гримвальд почти полностью уничтожил франкское войско, которое прошло из Прованса в верхнюю Италию, но точная дата не указана. Только когда под сильным правлением первых Каролингов, с одной стороны, и Лютпранда, с другой, порядок в обоих королевствах был в некоторой степени восстановлен, два правителя вновь сблизились с целью обсуждения внешней политики. В 725 году Карл Мартелл предпринял свою первую кампанию, чтобы напомнить баварцам об их давно забытой зависимости от франков. Нет никаких хроник, которые рассказывали бы нам, вступил ли Лютпранд в то время в контакт со своим великим современником. Но несомненно, что в последующие годы между ними существовали хорошие отношения, а с течением времени их дружба только укреплялась. Об этом свидетельствует прежде всего тот факт, что Карл Мартелл, которому было тогда около тридцати лет, послал своего юного сына Пепина (родившегося в 714 или 715 году) к королю лангобардов, чтобы тот «по обычаю» обрезал ему волосы. Лютпранд так и поступил, став для молодого человека вторым отцом, а затем отправил его домой, обогатив множеством подарков. Согласно двум более поздним летописцам, Карл уже заключил союз с Лютпрандом, но это утверждение историк скорее вывел из более поздних событий, чем основал на точном знании фактических обстоятельств.

Когда сарацины вновь вторглись в Галлию и продвинулись в Прованс, Карл послал послов с подарками к Лютпранду и попросил его о помощи, которая была оказана. Сообщение о приближении лангобардской армии было достаточно, чтобы заставить «неверных», достигших долины Сузы, отступить и покинуть Арль (Arelate).

ЛИУТПРАНД И ИТАЛЬЯНСКИЕ МОГУЩЕСТВА

[731-744 гг. н. э.]

Экспедиции в Баварию и Францию — единственные, которые Лютпранд предпринял за пределами Италии. Даже на полуострове его предшественники не оставили ему много дел. Смена правителей, неоднократно происходившая во второй половине VII и в начале VIII века, была, конечно, далеко не благоприятной для укрепления власти лангобардского королевского дома. Ведущие силы в стране, герцоги, чья власть восходила к самым ранним временам монархии в Италии, использовали междоусобные распри, чтобы утвердить свою власть.

На крайней точке независимости от короны стояли герцоги Беневента, которые с незапамятных времен занимали уникальное положение на юге, будучи фактически признанными конституционным правом почти независимыми от королевской власти. Они прослеживали свое происхождение до королевской крови, до герцога Гисульфа Фриульского, брата Альбоина.

В 731 году Лиутпранд нашел возможность вмешаться в дела Беневента. Он лично прибыл в Беневенто и увез с собой своего несовершеннолетнего внучатого племянника, а на его

место назначил своего племянника Григория (), оставив его на этом посту до своего возвращения.

Григорий, после примерно семилетнего правления, был насильственно убит в 738 году. К этому времени противники на юге Ломбардии выбрали себе герцога в лице неизвестного Гоцхалька. Имел ли он какое-либо отношение к местному княжескому роду и, если да, то какое, из никаких записей не следует. Согласно Паулусу [.p](#), он правил в течение трех лет, с 738 или 739 по 742 год. В последний год, когда Лютпранд, полностью подчинив себе Сполето, отправился в поход на Беневенто, Готтшалк был атакован враждебно настроенными к нему беневентинцами и убит. Таким образом, по прибытии Лютпранд обнаружил, что его путь свободен, и посадил своего внучатого племянника, к тому времени уже повзрослевшего, на герцогский трон под именем Джисульф II. Затем он вернулся в Павию и с тех пор не имел повода больше вмешиваться в дела Беневенто. В Сполето аналогичная ситуация сложилась в результате схожих обстоятельств.

[719-744 гг. н. э.]

Фриульские князья обязаны своим выдающимся положением провинции, которую Альбоин «предоставил своему двоюродному брату Гисульфу, своему марпахису», и которая была занята лучшими воинами лангобардов, а также, в частности, тому обстоятельству, что она составляла границу, которая была так сильно подвержена нападениям аваров. После страшного поражения, которое Гисульф однажды потерпел от аваров, лангобарды мужественно выдерживали постоянно повторяющиеся нападения; сыновья и преемники первых герцогов, Тасо и Какко, сумели расширить свою территорию до того, что впоследствии стало называться Виндишской пограничной землей, славянские жители которой платили дань Фриули до времени герцога Ратчиса. Второе крупное поражение, которое герцог Фердульф потерпел на рубеже VII века, по-видимому, не имело дальнейших последствий.

Вскоре после смерти Фердульфа, за которой последовал короткий период междоусобицы, Пеммо, отец двух королей с совершенно разными характерами, короля Ратчиса и Айстульфа, получил герцогство от Ариберта II. Его правление, по-видимому, было долгим и продолжалось более сорока лет, то есть до самого времени Лютпранда. Его первым делом было залечить раны, нанесенные его стране опрометчивостью Фердульфа. Благодаря победе в окрестностях Филлаха ему удалось отправить домой вновь прибывшее племя славян (аварцев) после того, как они были жестоко наказаны. Он заключил мир со своим врагом, который с тех пор питал благотворное уважение к фриульскому оружию (). Однако в последующие годы из-за конфликта с Каллистом, патриархом Аквилеи, он навлек на себя серьезное недовольство короля, что в конечном итоге привело к потере его герцогства. До тех пор патриархи, не чувствуя себя в безопасности в своих владениях из-за вражды со стороны восточных римлян, всегда проживали в Кормоне, но Каллист, который был «очень элегантным дворянином» и, кроме того, особым фаворитом Лютпранда, помогавшего ему в достижении его достоинства, считая резиденцию своих предшественников в власти слишком невзрачной и решил переехать во Фриули, которое казалось ему гораздо более подходящим. К сожалению, здесь уже проживал, с согласия герцогов, епископ соседней Тулии Карнической, чью кафедру в то время занимал Амур. Амбициозный и энергичный патриарх без церемоний изгнал его из собственного дома и хладнокровно завладел им. Пеммо, который был свидетелем этого происшествия, но с большим неодобрением, не был готов допустить, чтобы такое произошло в его собственном городе. Он арестовал Каллиста, жизнь которого некоторое время была в опасности, держал его в тюрьме и «заставлял есть хлеб скорби». Когда Лютпранд узнал об угнетении одного из своих протеже, он принял

энергичные меры, сместил правящего герцога и поставил на его место Ратчиса, старшего сына герцога.

Вскоре после своего назначения он предпринял успешную экспедицию по уничтожению славянского населения в Каринтии с целью предупредить их о недопустимости вторжения на его территорию. На этом заканчивается наша информация об истории Фриули во время правления Лютпранда.

ЛИУТПРАНД, ПАПА РИМСКИЙ И КОНСТАНТИНОПОЛЬ

[712-728 гг. н. э.]

Когда Лютпранд вступил на престол, Петр Константин был папой в Риме (708-715) и, по-видимому, не имел никаких отношений с королем лангобардов. Первое упоминание о каких-либо контактах между двумя державами связано с дарением церковных владений в Коттийских Альпах, которое король Ариберт II когда-то сделал папе Иоанну VII (705-707) и которое Лютпранд после своего вступления на престол подтвердил Константину I, после смерти которого дарение было отменено, но в конце концов, по просьбе Григория II, вновь возобновлено.

Где-то в этом году (717-718) можно датировать первый раскол между восточными римлянами и лангобардами, и действительно, именно беневентинцы были ответственны за первые военные действия. По-видимому, Константинополь владел немалым районом в центре территории Беневенто, герцогством, которое включало, среди прочих городов, Неаполь, Амальфи, Сорренто, Мисенум, ПUTEОЛИ и Кумы. В мирное время Ромвальд II захватил последний из названных городов, который был укреплен и поэтому имел некоторое значение. Григорий II, который в это время, до спора об иконоборчестве, был хорошо настроен по отношению к византийцам, вмешался с аргументами, угрозами недовольства и требованиями возмещения ущерба, но тщетно. В конце концов он убедил греческого герцога Иоанна Неаполитанского вмешаться, что с самого начала было его очевидной обязанностью. Иоанн ворвался в Кумы глубокой ночью и захватил город; триста лангобардов, среди которых был один Гастальд, погибли, а пятьсот были увезены в плен в Неаполь. В награду Григорий дал Иоанну Неаполитанскому 70 фунтов золота, которые он обещал ему, если тот возьмется за это дело.

Лиутпранд лично не был затронут этим событием, поскольку Беневенто в то время не имело никакого отношения к Ломбардскому королевству и существовало как независимое герцогство.

Однако с момента открытого развязывания спора об изображениях (как описано ранее в истории Льва Исаврийского и более подробно в истории папства) он проявил враждебность сначала к расширению владений императора в Италии, а затем, в соответствии с той же политикой, и к Риму, который, по крайней мере номинально, все еще находился под имперским правлением.

Стороны, принявшие участие в последующих конфликтах, хотя и менялись от времени к времени, можно кратко описать следующим образом: С одной стороны, Лютпранд против Восточного Рима — законного императора, с которым он никогда не был в дружеских отношениях; с другой — папа — недвусмысленный враг императора со времени спора об иконах, но тем не менее не искренний союзник лангобардского короля, чьей постоянно расширяющейся власти он всячески противодействовал, оставаясь начеку, чтобы его

махиации в этом направлении не способствовали продвижению интересов Византии. Он также, когда представлялась возможность, прибегал к помощи герцогов Беневента и Сполето.

Конфликт был инициирован Лютпрандом в момент, весьма благоприятный для его главного желания, которое, без сомнения, заключалось в том, чтобы вся Италия была объединена в одно королевство под властью лангобардского короля, а именно в 726 году, когда его энергичная атака на иконопочитателей на своей территории император создал вокруг себя атмосферу горечи и восстания, особенно нажил себе вечного врага в лице епископа Рима, который считался в Западной Европе главой христианской церкви и никоим образом не был в состоянии бороться с восстаниями в своих итальянских провинциях или удерживать своих нежелающих вассалов под своей властью. Все эти обстоятельства содействовали Лютпранду в его предприятии — расширении своей власти за счет империи. Никто не мог лучше понять, как использовать ошибки, допущенные в Риме и Константинополе.

Кольчуга короля VIII ВЕКА

Около 726 года лангобарды захватили укрепленный город Нарни (Narni), который в то время принадлежал Восточной Римской империи. После этого Лютпранд лично возглавил объединенные силы своего королевства (*generalis motione facta*) и двинулся на Равенну, центр византийской власти в Италии. После многодневной осады ему удалось захватить Классис, порт Равенны, который он разрушил, предварительно разграбив с большой выгодой для себя.

[728-741 гг. н. э.]

Император, вместо того чтобы уступить Григорию II, по крайней мере внешне, и таким образом обеспечить себе его помощь в сопротивлении посягательствам Лютпранда, еще больше углубил пропасть между папой и собой своим упрямым и невежливым поведением. Последствия не заставили себя долго ждать. Даже если многочисленные покушения на его жизнь и положение, описанные в биографии папы, являются скорее вымышленными (и обусловленными страхом, который испытывали в Риме перед Львом III), чем реальными

нападениями, они все же дают нам правильное представление о настроениях в Риме в то время; нет сомнений, что в Италии рассматривалась возможность назначения нового папы, пользующегося поддержкой императора и которого можно было бы переселить в Константинополь. Факт более позднего успешного соглашения между ними, как хотели бы нас убедить Грегорович^{[aa](#)} и Шлоссер^{[bb](#)}, не имеет подтвержденной вероятности. В 728-729 годах Лютпранд и Евтихий по-прежнему действовали сообща против папы и его друзей; а императорский указ 728 года, в котором «все изображения ангелов, святых и мучеников были запрещены под страхом наказания», не показывает никакой склонности к примирению. Действовали ли лангобарды, которые защищали папу на Понте Саларио от войск Евтихия и экзарха Павла, которые приближались, чтобы сместить его с папского престола, по указанию Лютпранда, Трансамунда II, герцога Сполето, или по собственной инициативе, мы не можем узнать из *Vita Gregorii*,^{[z](#)} где содержится запись об этом.

Соответственно, в то время как в восточной и западной Италии, а также в окрестностях Неаполя царила большая неразбериха и велись военные действия, Лютпранд продолжал свою победоносную карьеру.

Он не был настроен благосклонно к грекам, пока папа не давал ему повода для обиды; кроме того, он испытывал определенное благоговение перед церковью и ее главой, которое никогда не исчезало из его души. К тому же его положение, независимая от обеих сторон и поэтому поочередно вызывавшая у них страх и заискивание, было наилучшим для осуществления его амбициозных и далеко идущих планов.

С сентября 727 года по сентябрь 728 года он обратил свое внимание на довольно опасное соседство с Римом, захватив город Сутриум (Сутри), который, как и полоса земли между герцогствами Сполето и Тоскана, еще не был включен в Ломбардское королевство. Благодаря большому количеству убеждений и еще большому количеству золота, он согласился через 140 дней вернуть эту территорию и оставить ее в владении папы, «первое представление города церкви» — «первый зародыш папского государства за стенами Рима».

В следующем году, после уже упомянутого подчинения Сполето и Беневенто, он последовал за Евтихием против Рима и разбил лагерь на Нероновых лугах, к большому ужасу жителей. Тем не менее, дело было решено мирным путем. После трогательной беседы с Григорием II лангобардский король не только не начал военных действий, но и проявил все возможное уважение к папскому престолу, одновременно предупредив папу, чтобы тот наладил отношения с Евтихием и другими союзниками (Лютпранда). По этой причине нельзя допускать мысли о существовании серьезного союза между Лютпрандом и императором.

Вскоре после этого, 11 февраля 731 года, Григорий II скончался. При правлении его преемника, Григория III, восторженного поклонника икон, чья жизнь в *Liber Pontificalis*^{[z](#)} описана очень скупо и неудовлетворительно, «римский округ был поставлен под контроль проклятых лангобардов под руководством самого короля Лютпранда», — фраза, которую, конечно, нельзя понимать буквально и которая, к сожалению, остается без дальнейших пояснений.

Вероятно, десятилетие, в течение которого Григорий III занимал престол Святого Петра, было периодом, когда произошли эти события, о которых рассказывает только Павел Диакон.^{[z](#)} Дать даже примерно правильную хронологию последовательности событий было бы безнадежным предприятием. Сражения против восточных римлян, о которых здесь упоминается, ограничиваются теми, которые происходили в экзархате Равенны. Везде, где король сам возглавлял сражение, он всегда выходил победителем (по словам Павла), в то время как в его отсутствие лангобарды терпели много поражений. В последний год правления Григория III осложнения между Римом и Лютпрандом приняли очень серьезный

характер, и вмешательство папы в дела лангобардов, которые были чисто светскими, дорого обошлось ему.

Теперь, по-видимому, только за счет щедрых расходов ему удалось установить дружеские отношения. Крепость Галлезе, расположенная к северу от Неви на Тибре, до сих пор бывшая предметом стольких желаний, была уступлена Сполето Дукатусу Романусу, *то есть* номинально Восточному Римскому царству, но на самом деле Патримониуму Петри. Мы располагаем достоверной информацией о том, что между папой, с одной стороны, и герцогами Сполето и Беневенто, с другой, был заключен официальный договор с явной целью восстановления и защиты автономных прав герцогов () и охраны как восточных, так и западных владений папы от захвата Лютпрандом.

Поэтому, когда в 738 году король начал кампанию в римском округе, в ходе которой не были пощажены окрестности, в частности церковная собственность, два герцога отказались ответить на призыв Лютпранда последовать за ним и принять участие в грабеже. Тогда Лютпранд отказался от идеи захватить Рим и двинулся на восставшего герцога Сполето через опустошенную территорию Кампании. Трансамунд не осмелился противостоять ему, а бежал в сторону Рима к Григорию III. Хильдерик был назначен королем герцогом вместо него и, вероятно, в июне 739 года взял на себя управление. Затем Лютпранд обратился к папе с настоятельной просьбой о сдаче мятежных вассалов, но, как и следовало ожидать, без успеха, поскольку Патриций Восточно-Римский и герцог Стефан, командующий войсками в римском герцогстве, решительно выступили против желаний Лютпранда. Последний отомстил, захватив четыре города. После этого, а также осады Святого города, он вернулся в августе 739 года в Павию. Сохранившееся письмо, второе из написанных Григорием III в 739 году Карлу Мартелю, содержит описание бедности и беспокойства в папских владениях и является настоящим шедевром подлого вероломства, в котором он умоляет Карла Мартеля клясться ключами от Гроба Господня, которые он ему подарил, оказать помощь и поддержку против страшного Лютпранда.

Едва король удалился, как Трансамунд II, при поддержке войск римского герцогства, которые остались с ним в надежде, что он вернет города, утраченные римлянами, приступил к восстановлению своей суверенной власти. Все римские войска вторглись в герцогство Сполето двумя колоннами, один город за другим сдавались после короткого сопротивления, и в декабре 739 года Трансамунд торжественно вступил в свою столицу; Хильдерик был убит. «И в это время среди лангобардов царило большое беспокойство, так как жители Беневента и Сполето вступили в союз с римлянами».

Теперь, когда Трансамунд снова чувствовал себя в некоторой степени в безопасности в своем герцогстве, папа и Патриций тщетно увещевали его выполнить свое обещание и отнять у короля четыре города, которые были утрачены по его вине. Затем была предпринята попытка получить их дружественным путем, через посредничество лангобардского епископа, которому 15 октября 740 года Григорий III направил настоятельное письмо. Все было тщетно. Уже появились новые предзнаменования беды, уже Лютпранд готовился к новой кампании против Рима, когда, прежде чем разразилась буря, 29 ноября 741 года, через пять недель после смерти Карла Мартелля и через пять месяцев после смерти императора Льва III Исаврийского, его непримиримого врага, скончался Григорий III. Захария, его преемник, рукоположенный 3 декабря, остался, чтобы потушить пожар, который из-за отсутствия дара предвидения разгорелся.

[741-743 гг. н. э.]

Захария, грек и, как сообщает его летописец [з](#), необычайно мягкий и добродетельный правитель, был достаточно мудр, чтобы понять, что с человеком такого характера, как

Лютпранд, разумным и наиболее выгодным решением было наладить с ним хорошие отношения.

Вскоре после своего посвящения новый папа направил в Павию посольство, специальной миссией которого было вести переговоры о возвращении четырех городов, которые два года назад были отторгнуты от римского герцогства. Лиутпранд не создавал особых препятствий и обещал желаемую уступку. В обмен он потребовал, чтобы папа предоставил в его распоряжение римские войска для кампании, которую он планировал провести с целью покорить неверного Трансамунда. В результате этого союза Трансамунд лишился всякой надежды на то, что ему удастся удержать свою позицию. Он понял, что больше ничего не остается, отказался от всякой мысли о сопротивлении и вышел навстречу Лютпранду, которому сдался в плен. Вероятно, этим добровольным подчинением он намеревался еще раз воззвать к мягкому характеру короля. Но Лютпранд не осмелился во второй раз положиться на верность своего побежденного врага, и Трансамунд оказался в монастыре. Племянник Лютпранда, вероятно, несколько лет спустя занял освободившееся место. Уход Готшалка из Беневенто, который, по словам Павла, последовал вскоре за уходом Трансамунда, уже был описан. Все это произошло между февралем и сентябрем 742 года. Таким образом, единство королевства Ломбардии было наконец восстановлено, и было положено конец высокомерному неповиновению вассалов короны.

МИР С РИМОМ

[743-744 гг. н. э.]

МОНАХ, VIII ВЕК

В Павии не спешили выполнить обещание о возвращении четырех городов, и эта медлительность вызывала у папы большую озабоченность. Чтобы положить конец этой

неопределенности и выяснить, действительно ли есть шанс урегулировать этот вопрос мирным путем, Захария, «как истинный пастырь стада, вверенного ему Богом», вышел из Святого города во главе своей духовной свиты и «полный уверенности и мужества в сердце» отправился в очаровательно расположенный Интерамна (Терни), в то время являвшийся штаб-квартирой лангобардов, чтобы попробовать, что его личное влияние сможет сделать для достижения желаемого соглашения. Лютпранд оказал ему все почести. «Взволнованный благочестивой речью и полный восхищения твердой храбростью и наставлениями святого человека», Лютпранд уступил все, о чем тот просил, «благодаря влиянию Святого Духа» (), и подарил церкви Святого Петра четыре спорных города, которые он захватил из-за спора с Трансамундом, вместе с их жителями ().

Примечательно, что, как указывает Грегорович [aa](#) , эта реституция никак не затронула византийского императора, а только преемника Петра. А чтобы папа мог наслаждаться полным душевным спокойствием, ему было дополнительно гарантировано двадцатилетнее перемирие. Чтобы угодить ему, Лютпранд даже освободил всех греческих и римских военнопленных, которых он взял в Тоскане и на территории к северу от реки По, среди которых были высокопоставленные лица, такие как консулы Сергей, Лев, Виктор и Агнелл. Таким образом, было достигнуто окончательное примирение, условия которого были всемирно желаемыми для Рима.

В тот же день, в воскресенье, после торжественного празднования мессы, папа пригласил своего королевского друга к своему столу, чтобы он, папа, мог дать апостольское благословение. Лютпранд ел в этот раз с таким аппетитом, что папа весело заметил, что никогда раньше он не ел так хорошо в полдень. На следующий день, в понедельник, они попрощались друг с другом.

Лютпранд теперь обратил свое внимание в другое русло. Спор о престоле, в который был вовлечен преемник Льва III, император Константин V (Копроним), и его шурин Артавазд, побудил его к новому нападению на владения Восточной Римской империи в Италии. Равеннский округ почувствовал на себе всю тяжесть его недовольства, и он уже закончил все приготовления к повторной осаде главного города, когда Патриций, экзарх Евтихий и архиепископ Равенны Иоанн вместе с жителями города обратились к папе с просьбой о посредничестве, сначала в письме, а затем через послов.

28 июня 743 года папа достиг реки По. Здесь его встретили высокопоставленные вассалы лангобардской короны и сопровождали в их столицу.

Папа изложил свое желание, чтобы король не угнетал провинцию Равенна разрушениями и вернул города, отнятые у Равенны, включая крепость Чезена. Наивность таких требований, безусловно, удивляет, но еще более удивительны неизвестные обстоятельства, которые побудили Лютпранда пойти на такие уступки. Сначала он, правда, встретил их решительным отказом. Но что ему оставалось, если он хотел избежать открытого конфликта с церковью, которого он так боялся, и его последствий, кроме как подчиниться, если только он не хотел пожертвовать безопасностью и миром своего королевства, результатом многолетней деятельности по расширению своих внешних владений? Несмотря на обещание, данное папе, Лютпранд, по-видимому, продолжал преследовать экзархат.

В январе 744 года, после тридцати одного года и семи месяцев правления, Лютпранд завершил свою насыщенную событиями жизнь. Он был похоронен в церкви Святого Адриана, где нашел свое последнее пристанище и его отец. В 1173 году его останки были перенесены в церковь монастыря Святого Петра, часто называемого «Ecclesia di Ciel d'Oro», монастыря, который обязан своим существованием именно ему.^u

ОЦЕНКА ЛЮТПРАНДА ХОДЖКИНОМ

[712-744 гг. н. э.]

В некоторых отношениях государственная деятельность Лютпранда, на мой взгляд, была слишком высоко оценена. Единственной целью, которую он, по-видимому, последовательно и успешно преследовал, было укрепление лангобардской монархии и приведение великих герцогов в состояние реального подчинения его короне. Он использовал (а какой лангобардский король не поступил бы так?) любую возможность, которая представлялась, чтобы еще больше сократить уменьшенные и раздробленные территории, которые все еще называли себя частями «Римской республики». Но как из соображений политики, так и из-за своего благочестивого характера он не был склонен делать что-либо, что могло бы привести к разрыву с Римской курией, и папы, понимая это, часто побуждали его отказаться от с трудом завоеванных территорий, апеллируя к «его преданности святому Петру».

Я не могу лучше завершить эту главу, чем процитировать характеристику Лютпранда, данную нам любящей, но верной рукой Павла Диякона^[114] в заключительных словах той истории, которая была нашим главным путеводителем через два мрачных и беспокойных столетия:

«Он был человеком великой мудрости, благоразумным в советах и любителем мира, могущественным в войне, милосердным к преступникам, целомудренным, скромным, молящимся всю ночь напролет, щедрым в милостыне, неграмотным в литературе, но человеком, которого можно было бы сравнить с философами, покровителем своего народа, усилившим его законы».^[114]

На данный момент мы должны оставить судьбу лангобардов, чтобы проследить происхождение и подъем франкского народа, который теперь занимает важное место на горизонте Италии и к которому папство обращается за помощью против сил, угрожающих его огромным и жадным амбициям.^[114]

СНОСКИ

[114] [Здесь мы можем сказать вместе с Ходжкином^[114], используя слово «ламбарды» до его строгого времени, «не стоит загромождать текст постоянным повторением длинного и несколько грубого названия расы, но читателю следует помнить, что в строгом смысле следует сохранять форму Langobardi». Только в XII веке слова «ломбард» и «Ломбардия» вошли в общее употребление, причем в основном в географическом смысле, относящемся к Северной Италии, а не в историческом, относящемся к лангобардским завоевателям, владевшим гораздо большей территорией, чем Ломбардия. Происхождение названия «лангобард» обсуждалось в главе IV «Восточная империя».

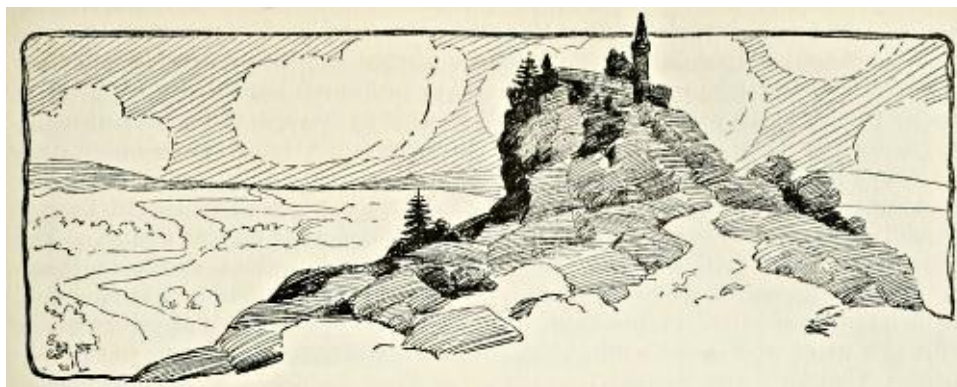
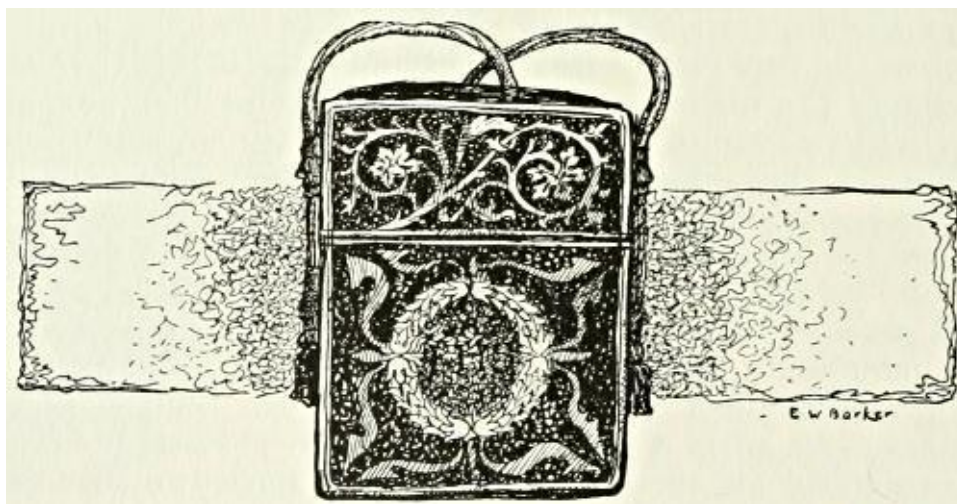
[115] [Однако Ходкин,^b говорит: «О войне между королем Тато и королем Родульфом рассказывают Прокопий и Паулус, и ее можно без особого риска ошибки отнести к определенной дате — 511 или 512 году».

[116] [Другая версия этой истории рассказывается Павлом^p Диаконом, который писал два века спустя и цитировал работу, написанную столетием ранее. Однако Исидор Севильский,^v который писал всего полвека после отзыва Нарсеса, обвиняет его в привлечении лангобардов. Тем не менее, эта история вызывает некоторые сомнения.]

[117] [Ходкин^b говорит о лангобардах: «Они — анархисты *Völkerwanderung*, чье удовольствие заключается только в разрушении и которые кажутся неспособными к культуре. Однако именно из этой расы, со временем, под преобразующей силой старой итальянской цивилизации, возникли Ансельм и Ланфранк, Хильдебранд и Данте Алигьери».]

[118] Этот обычай изготавливать чашу для питья из черепа врага первоначально пришел из азиатской Скифии и был широко распространен в Северной Европе: нигде он не соблюдался так религиозно, как в Скандинавии, колыбели лангобардов. Их историк утверждает, что он видел эту чашу собственными глазами: *Hoc ne cui videretur impossibile,— veritatem in Christo loquor—ego hoc poculum vidi in quodam die festo, etc. Paulus Diaconus,*^p lib. ii. cap. 28.

Современный итальянский историк (Ботта), совершенно не знакомый с нравами севера, выражает большое удивление по поводу этого поступка Альбоина: *La naturale ferocia pel vino e per la vittoria a oltraggio fatta insolente, lo menava a tal atto di cui non è memoria nelle storie delle piu barbare nazioni, etc.* Это было довольно распространенным явлением, о чем свидетельствуют скандинавские летописи.

ГЛАВА III

ФРАНКИ ДО ВРЕМЕН ЧАРЛЬЗА МАРТЕЛЯ

[55 г. до н. э. — 732 г. н. э.]

Хорошо известно, что название «франки» не встречается в длинном списке германских племен, сохранившемся в «Германии» Тацита.^b До правления Гордиана III о них почти ничего не известно. В 240 году н. э. Аврелиан,^[119] тогдашний трибун шестого легиона, дислоцированного на Рейне, столкнулся с отрядом грабителей-франков недалеко от Могонтиакума и загнал их обратно в болота. Слово «Francia» встречается и в более ранних источниках, например, в старинной римской карте под названием *Charta Peutingeria*, где оно обозначает правый берег Рейна от Кобленца до моря. Происхождение франков было предметом частых споров, которым французский патриотизм иногда придавал некоторую остроту. В то время, когда они впервые появляются в истории, римляне не имели ни интереса, ни средств для исторических исследований, и поэтому мы вынуждены в значительной степени полагаться на догадки и предположения. Существует спор о том, было ли слово «франк» первоначальным названием племени, которое в результате смены места проживания появилось в вышеупомянутый период на свет истории, или же это было название нового союза, образованного для какой-то общей цели агрессии или обороны народами, до сих пор известными нам под другими именами.

Здесь мы можем лишь сослаться на спор, значение и интерес которого утратили актуальность в связи с прогрессом исторических исследований. Как обычно, пробелы и неясности в истории заполняются призрачными теориями, которые исчезают под натиском критики и перед постепенно растущим светом знаний.

[55 г. до н. э. — 12 г. н. э.]

Не нужно говорить, что происхождение франков связывают с беглыми колонистами из Трои; ведь какой народ под небом не стремился каким-то образом связать себя с прославленными героями бессмертной песни « »? Неудивительно также, что французские писатели, желая перенести с германцев на себя честь франкского имени, сделали из них племя галлов, которых какая-то неизвестная причина побудила поселиться в Германии и которые впоследствии пытались отвоевать свою древнюю страну у римских завоевателей. Однако в настоящее время историки всех народов, включая французов, в целом согласны считать франков мощным союзом германских племен, которые во времена Тацита населяли северо-западные районы Германии, граничащие с Рейном. И эта теория настолько хорошо подкреплена множеством разрозненных упоминаний, незначительных сами по себе, но мощных в совокупности, что мы можем только удивляться, как она вообще могла быть поставлена под сомнение. Это объединение племен под новым названием «франки» не было единичным случаем; то же самое произошло с алеманами и саксами.

Причины, побудившие к созданию этих новых союзов, неизвестны. Их можно искать либо во внешних обстоятельствах, таких как давление сильных внешних врагов, либо в расширении их собственных желаний и планов, требующих больших средств и побуждающих к более широкому сотрудничеству тех, кому сходство языка и характера облегчало объединение. Но, возможно, нам не нужно искать более эффективной причины, чем дух объединения, который естественным образом возникает среди племен родственной расы и языка, когда их растущее число и увеличение возможности перемещаться с места на место приводят к более частому контакту между ними. То же явление можно наблюдать в определенные периоды истории почти каждой нации, и дух, который его вызывает, как

правило, оказывается достаточно сильным, чтобы преодолеть силу частных интересов и мелких национальностей.

Этимология названия, принятого новой конфедерацией, также неопределенна. Наиболее вероятным является предположение, выдвинутое давно Гиббоном ([д](#)) и подтвержденное в последнее время авторитетом Гримма ([е](#), который связывает его с немецким словом *frank* (свободный). Происхождение, предпочитаемое Аделунгом [f](#) от *frak* (в современном немецком *frech*, смелый), с вставленной носовой, отличается от происхождения Гримма только внешне. Немалое значение этому происхождению придает постоянное повторение в более поздние времена эпитета *truces*, *feroces*, который франки так любили применять к себе и который они, безусловно, делали все, чтобы заслужить. Тацит [b](#) говорит о почти всех племенах, чьи различные названия впоследствии слились в одно — франки, — как о живущих в окрестностях Рейна. Главными из них были сугамбры (главный народ древнего племени иставонов), которые, как есть основания полагать, были тождественны салийским франкам. В конфедерацию также входили бруктери, хамавы, ансбарии, тубанти, марсы и хасуары, из которых пять последних ранее принадлежали к знаменитому союзу херусков, который под предводительством героя Арминия уничтожил три римских легиона в Тевтобургском лесу.

Наиболее весомым доказательством идентичности этих племен с франками является тот факт, что долгое время после их поселения в Галлии отличительные названия коренных народов по-прежнему иногда использовались как синонимы названия конфедерации. Сугамбры [или сикамбры] известны в римской истории своим активным и предприимчивым духом, а также решительным сопротивлением, которое они оказали величайшим полководцам Рима. Именно из-за них Цезарь построил мост через Рейн в окрестностях Бонна и провел восемнадцать дней, как он сообщает нам с значительной подробностью, на германской стороне этой реки. Друз предпринял аналогичную попытку против них с немного большим успехом. Тиберий был первым, кто добился какого-либо решающего преимущества над ними (); и даже он, по собственному признанию, был вынужден прибегнуть к вероломству. Огромное количество из них было затем перевезено по приказу Августа на левый берег Рейна, «чтобы», как выражается панегирист [g](#)), «их можно было заставить сложить не только оружие, но и свою жестокость». Однако то, что они даже тогда не были полностью уничтожены или изгнаны из страны, как хотели бы нас убедить льстецы императора, очевидно из того факта, что менее чем через три столетия они вновь появляются под тем же именем как самое могущественное племя в франкском союзе.

[12-240 гг. н.э.]

Созданный таким образом союз был обусловлен двумя сильными мотивами, каждый из которых в отдельности мог быть достаточным, чтобы подтолкнуть храбрый и активный народ к миграции и завоеваниям. Первым из них была необходимость — фактическая нехватка средств к существованию для их растущего населения, а вторым — желание, доведенное до крайней степени зрелищем богатства и цивилизации галльских провинций.

Ранние Франкские воины

Пока римляне прочно удерживали Галлию, германцы мало что могли сделать, чтобы удовлетворить свои желания; они могли получить поселение в этой стране только с согласия императора и на определенных условиях. Примерами такой просто терпимой колонизации были трибоки, вангионы и убии в Колонии Агриппине (Кёльне). Но когда Римская империя начала ощущать приближение своего распада, как это обычно бывает, сначала на окраинах, франки были среди самых активных и успешных противников своего ослабевшего врага: и если их привлекал на Запад изобилие всего, что могло удовлетворить их нужды и удовлетворить их жажду добычи, то в том же направлении их подталкивали и саксы, соперничающий союз, народ столь же храбрый и, возможно, более варварский, чем они сами. Взгляд на карту Германии того периода поможет нам понять миграцию франков и ту долгую и кровопролитную вражду между ними и саксами, которая началась с хаттов и херусков и потребовала всей силы и энергии Карла Великого, чтобы привести ее к успешному завершению. Саксы сформировались позади франков и могли достичь провинций Галлии только по морю. Поэтому было естественно, что они с крайней ненавистью относились к народу, который преграждал им путь к более благоприятному климату и лишал их доли в добыче римского мира.

Франки продвигались в Галлию с двух разных направлений и под разными названиями: салианцы и рипуары, причем первых мы имеем основания связывать, в частности, с племенем сугамбров. Происхождение слов «салианцы» и «рипуары», впервые употребленных соответственно Аммианом Марцеллином^{[h](#)} и Иорданом^{[i](#)}, весьма неясно и послужило предметом для размышлений этнографов. Однако нет достаточных оснований для вынесения окончательного заключения. В то же время вполне вероятно, что река Иссел (, Yssel, Isala или Sal, поскольку она носила все эти названия) могла дать название той части

франков, которые жили вдоль ее течения. Еще более вероятно, что название Ripuarii или Riparii происходит от Ripa, термина, используемого римлянами для обозначения Рейна. Эти жители «берега» были теми, кто остался в своих древних поселениях, в то время как их соплеменники-салии продвигались вглубь Галлии.

ПЕРВЫЕ КОНФЛИКТЫ С РИМОМ

[240-321 гг. н. э.]

Однако даже краткое упоминание о всех последовательных попытках франков закрепиться на римской территории вышло бы за рамки вводной части этой главы. Несмотря на частые поражения, они постоянно возобновляли борьбу; и когда римские историки и панегиристы сообщают нам, что весь народ был несколько раз «полностью уничтожен», их численность и географическое положение, в котором мы находим их вскоре после каждого такого уничтожения, доказывают нам тщетность таких сообщений. Аврелиан, как мы видели, разгромил их в Майнце в 242 году н. э. и изгнал их в болота Голландии. Они были снова разгромлены примерно двенадцать лет спустя Галлиеном, но быстро оправались от этого удара, поскольку в 276 году н. э. мы видим, что они владели шестидестью галльскими городами, которых, как говорят, лишил их Проб, и уничтожил четыреста тысяч из них и их союзников на римской территории. В 280 году н. э. они оказали помощь узурпатору Проклу, который утверждал, что имеет франкское происхождение, но тем не менее был ими предан; а в 288 году н. э. менапиец Караузий был послан, чтобы очистить моря от их бродячих лодок. Но последний счел более выгодным закрыть глаза на их пиратство в обмен на долю добычи, и впоследствии они помогли защитить его от наказания за его измену и надеть на него императорскую пурпурную мантию в Британии.

Во время правления Максимиана мы видим франкскую армию, вероятно, рипуарцев, в Трире, где они были разгромлены этим императором; и он, и Диоклетиан приняли титул «Францикус», который с гордостью носили многие последующие императоры. Первое появление салийских франков, которые нас в основном интересуют, связано с оккупацией Батавских островов в нижней части Рейна. В 292 году н. э. они были атакованы на этой территории Констанцем Хлором, который, как говорят, не только изгнал их из Батавии, но и прошел, торжествуя и не встречая сопротивления, через их собственную страну до Дуная. Вторая часть этой истории имеет мало оснований как в историческом, так и в вероятностном плане.

[321-355 гг. н. э.]

Наиболее решительное и успешное сопротивление их продвижению оказал Константин Великий в первой половине IV века. Однако к экстравагантным рассказам имперских летописцев следует относиться с большой осторожностью. Даже из их собственных слов очевидно, что великий император добился большего с помощью хитрости, чем силы. Он снова нашел салиев в Батавии и, разгромив их в великой битве, увез большое количество пленников в Августу Тревирурум (Трир), резиденцию императора, соперничавшую с самим Римом по великолепию своих общественных зданий.

Именно в цирке этого города, в присутствии Константина, отмечался печально известный «Ludi Francisci», во время которого несколько тысяч франков, включая их королей Регаиса и Аскарика, были вынуждены сражаться с дикими зверями, к невыразимому удовольствию христианских зрителей. «Те из франкских пленников, — говорит Эумений, — чья

вероломность делала их непригодными для военной службы, а жестокость — для рабства, были отданы диким зверям в качестве зрелища и утомили разъяренных чудовищ своим многочисленным количеством». «Это великолепное зрелище», — восхваляет Назарий-а примерно через двадцать лет после того, как оно произошло, в самых восторженных выражениях, сравнивая Константина с юным Гераклом, который задушил двух змей в колыбели своей империи. Эумений называет это «ежедневной и вечной победой» и говорит, что Константин воздвиг террор как оплот против своих варварских врагов. Однако этот террор не помешал франкам взяться за оружие, чтобы отомстить за своих убитых соотечественников, а аламанам — присоединиться к восстанию. Умение и удача Константина в целом возобладали; он уничтожил большое количество франков и *inpagentes*, которые сражались на их стороне, и действительно, на время, похоже, остановил их продвижение.

Невозможно читать краткий, но сбивчивый отчет об этих непрекращающихся столкновениях между римлянами и варварами, не придя к выводу, что в нем изложена только половина правды; что в то время как каждое преимущество, полученное первыми, сильно преувеличено, успехи вторых замалчиваются. Самая славная победа римского полководца приносит ему лишь несколько месяцев покоя, а уничтожение «сотен тысяч» франков и аламаннов, кажется, только увеличивает их число. Мы можем справедливо сказать о франках то же, что Юлиан-л и Эвтропий-к сказали о готах, что они не были так полностью уничтожены, как утверждают панегиристы-а, и что многие из побед над ними стоили «больше денег, чем крови».

Смерть Константина стала сигналом для нового наступления со стороны франков. Либаний, л греческий ритор, восхваляя деяния Констанса, младшего сына Константина Великого, говорит, что император остановил стремительный поток варваров «любовью к войне, даже большей, чем их собственная». Он также говорит, что они получили надзирателей, но это, без сомнения, было на римской территории, что объясняет их подчинение, поскольку мы знаем, что франки были более заинтересованы в реальном, чем в номинальном владении. Во время частых борьбы за пурпур, которые имели место в этот период, различные претенденты обращались за помощью к франкам и, в случае успеха, вознаграждались большими земельными наделами в пределах империи. В действительности варвары согласились принять в дар то, что было завоевано их собственной доблестью и не могло быть удержано. Еще до правления Константина некоторые франкские полководцы заняли высокие посты на службе у римских императоров. Магненций, сам германец, пытался поддержать свою узурпацию с помощью франкских и саксонских миссионеров; а Сильван, который был вынужден поднять восстание из-за неблагодарности Констанция, которому он верно служил, был франком.

Состояние хаоса, в которое империя была ввергнута беспорядками и дерзостью римских войск, а также эгоистическими амбициями их вождей, было весьма благоприятно для продвижения франков в Галлии. Их следующее крупное и общее движение произошло в 355 году н. э., когда вдоль всей римской границы от Страсбурга до моря они начали пересекать Рейн и в огромных количествах набрасываться на галльские провинции, с полной решимостью основать там постоянные поселения. Но снова милостивая судьба Рима возвысила героя в лице императора Юлиана, достойного жить в самый славный период его истории. После одной или двух неудачных попыток Юлиан сумел отбить Колонию Агриппину (Кёльн) и другие места, которые германцы, верные своей традиционной ненависти к укрепленным городам, лишили всякой защиты.

ФРАНКИ В РИМСКОЙ АРМИИ

В ходе последнего общего наступления франков в 355 г. н. э. салии не только вновь отвоевали Батавию, но и распространили свое влияние на Токсандию, где прочно обосновались. Важно отметить дату этого события, потому что именно в это время салии впервые обосновались на левом берегу Рейна и, захватив Токсандрию, заложили основу королевства Хлодвиг. Юлиан действительно напал на них там в 358 году н. э., но у него, вероятно, были веские причины не доводить их до отчаяния, поскольку мы видим, что им было позволено сохранить свои вновь приобретенные земли при условии, что они признают себя подданными империи. Ему было приятнее иметь их в качестве солдат, чем врагов, а они, почувствовав силу его руки, были отнюдь не против служить в его рядах и обогащаться за счет грабежей на Востоке. Однажды бесспорно завладев Токсандрией, они постепенно распространялись все дальше и дальше, пока в начале V века мы не находим их оккупирующими левый берег Рейна. Тем временем рипуары распространялись от Андернаха вниз по среднему Рейну и завладели Кельном примерно в то же время, когда их салийские братья завоевали Торнакум.

Мы будем менее удивлены тем, что некоторые из самых прекрасных частей Римской империи таким образом стали почти без сопротивления добычей варварских завоевателей, если вспомним, что защита самой империи иногда поручалась франкским солдатам. Те франки, которые уже поселились в Галлии, часто занимались отбиванием все более многочисленных новых варваров, которые спешили через Рейн, чтобы разделить улучшившуюся судьбу своих соплеменников или даже ограбить их заново приобретенные богатства. Так, Маллобауд, называемый королем франков и занимавший должность *domesticorum comes* при Грациане, командовал императорской армией, которая разгромила аламаннов при Аргентарии. И снова, во время короткого правления Максима, который в конце IV века занял пурпурный трон в Галлии, Испании и Британии, нам сообщают, что три франкских короля, Генобауд, Маркомер и Сунно, пересекли нижний Рейн и разграбили земли вдоль реки вплоть до Кельна, хотя вся северная Галлия уже принадлежала их соплеменникам.

Генералы Нонний и Квинтин, которых Максим оставил в Августе Тревирорум, резиденции императорского правительства в Галлии, поспешили в Колонию Агриппину, откуда грабители-франки уже ушли со своей добычей. Квинтин переправился через Рейн в погоню за ними в Нойсе и, не помня о судьбе Варуса в Тевтобургском лесу, последовал за отступающим врагом в болота. Франки, вновь оказавшись на дружественной и знакомой территории, обернулись против своих преследователей и, как говорят, уничтожили почти всю римскую армию отравленными стрелами. Война продолжалась и была успешно завершена для римлян только благодаря мужеству и поведению Арбогаста, франка на службе у Феодосия. Неспособный заключить мир со своими варварскими соотечественниками и иногда терпя поражения от них, этот полководец перешел Рейн, когда леса были безлистными, опустошил земли хамавов, бруктеров и хаттов и, убив двух их вождей по имени Приам и Генобауд, заставил Маркомера и Сунно отдать заложников. Подчинение франков, должно быть, было недолгим, поскольку мы читаем, что в 398 году н. э. эти же короли, Маркомер и Сунно, были снова обнаружены Стилихоном, разоряющими левый берег Рейна. Этот знаменитый воин разгромил их в великой битве и отправил первого, а может быть, и обоих, в цепях в Италию, где Маркомер умер в тюрьме.

Первые несколько лет V века были заняты борьбой между готом Аларихом и Стилихоном, которая закончилась разграблением Рима первым из них в 410 году н. э., в том же году, когда он умер.

В то время как готы наносили смертельные раны самому сердцу империи, отдаленные провинции Германии и Галлии представляли собой картину неописуемого хаоса. Бесчисленные полчища астингцев, вандалов, аланов, свевов и бургундов набросились, как разбойники, на поверженное тело имперского Рима и бросились за драгоценными камнями, выпавшими из его дорогого диадемы. В такой буре франки больше не могли выполнять роль защитников империи, но, без сомнения, им хватало дел, чтобы защищаться и удерживать свои позиции. Мы можем только догадываться о судьбе народов в тот мрачный период, исходя из того состояния, в котором мы их находим, когда тусклый свет истории вновь озаряет хаос.

РАННИЕ КОРОЛИ И САЛИЧЕСКИЕ ЗАКОНЫ

О внутреннем состоянии франкского союза в те времена мы не знаем абсолютно ничего, на что можно было бы с уверенностью полагаться, из древних источников. Этот пробел заполняется народными легендами. Именно в этот период, около 417 года н. э., происходит правление Фарамонда, существование которого мы можем более чем усомниться. Этому герою впоследствии приписывали не только постоянные завоевания, совершенные в этот период различными племенами франков, но и установление монархии, а также сбор и публикацию известных салических законов. Единственным основанием для этой гармоничной конструкции является отрывок, вставленный в древнюю хронику (Проспер [m](#)) V века; и, за этим единственным исключением, имя Фарамонда никогда не упоминается до VII века. Вся история доведена до совершенства и завершена автором *Gesta Francorum*, [n](#), согласно которому Фарамонд был сыном Маркомера, принца, который закончил свои дни в итальянской тюрьме. Тот факт, что о нем ничего не известно ни Григорию Турскому [o](#), ни Фредегарию [p](#), достаточно, чтобы не считать его исторической личностью. К этому можно добавить, что он не упоминается в прологе к салическому закону, с которым его имя так тесно ассоциировалось более поздними писателями.

[425-429 гг. н. э.]

Хотя в настоящее время мы не располагаем достоверными именами людей и мест, нетрудно предположить, каковы были основные факты этого дела. В первой половине V века среди франков произошли большие изменения, которые в значительной степени подготовили их к последующей карьере. Большая часть из них были простыми мародерами, как и их германские братья из других народов: теперь они начали принимать на себя роль поселенцев; и поскольку идея основания обширной империи была еще далека от их мыслей, они предпочитали занимать земли, которые находились ближе всего к их древним домам. Есть много случайных причин, которые делают это изменение в их образе жизни естественным и неизбежным. Страна, поверхность которой когда-то давала богатую и легко собираемую добычу и хорошо окупала поспешные набеги, длившихся недели и даже дни, была лишена своих движимых богатств в результате неоднократных вторжений варваров, еще более жестоких, чем они сами. Все, что находилось над поверхностью, было сметено аланами и вандалами, а оставшиеся сокровища приходилось искать с помощью плуга. Франки были вынуждены обратить свое внимание на то земледелие, которое ненавидели их

ленивые и воинственные отцы, которое требовало постоянных поселений и всех законов о собственности и личности, неразрывно связанных с ними. Опять же, хотя нет достаточных оснований связывать салические законы с мифическим именем Фарамонда или предполагать, что они были полностью созданы в эту эпоху (поскольку мы знаем от Тацита [b](#), что германцы имели подобные законы в своих древних лесах), весьма вероятно, что этот знаменитый свод законов получил именно ту форму, в которой он дошел до нас.

ФРАНКСКИЙ ОФИЦЕР

Эта точка зрения на дело находит сильную поддержку во внутренних свидетельствах самих законов, которые, согласно *прологу*, были написаны, когда франки еще были язычниками, и особенно подходят для простых потребностей варварского народа. Даже вымышленная история основания франкской монархии Фарамондом может указывать на некоторые реальные и важные изменения в структуре государства.

Конечно, неправда, что в то время «во Франции» был только один король, но, тем не менее, если учитывать последующую историю, весьма вероятно, что князья, правившие различными франкскими племенами, поселившимися в Галлии, в этот период принадлежали к одной семье. И это, по-видимому, и есть правда, лежащая в основе истории этого мифического персонажа.

[429-451 гг. н. э.]

Следующим важным и хорошо установленным историческим фактом, с которым мы сталкиваемся в этой мрачной пустыне сомнений и догадок, является завоевание Камеракума (Камбре) Клодионом в 429 году н. э. Это завоевание составляет третий этап продвижения салийских франков к полному владению Галлией.

Ведущим среди вождей различных франкских племен в этот период был Клодион, которого некоторые современные историки, в том числе Гиббон, [d](#), на самом слабом

основании представляют как отца Меровея и первого из рода длинноволосых королей. Григорий Турский [a](#) не подтверждает это смелое утверждение; он не знает, что Меровег был сыном Клодиона, и ничего не говорит о самом Меровеге. О том, что власть Клодиона была значительной, свидетельствует масштабность его предприятий. Растущее число франков в Галлии, постоянно пополняемое новыми волнами переселенцев из их древних мест обитания, делало расширение их территории не просто желательным, но даже необходимым для их существования. Поэтому Клодион смело предпринял завоевание Бельгии Второй, часть которой все еще находилась во владении римлян. Послав шпионов в Камеракум и узнав от них, что город недостаточно защищен, он двинулся на него и успешно захватил его. Проведя несколько дней в стенах своего нового приобретения, он продвинулся до реки Самара (Сомма). Его продвижение было остановлено Аэтием и Майорианом, которые застали его врасплох в окрестностях Арраса, в местечке под названием Елена (Ланс), во время празднования свадьбы, и вынудили его отступить. Однако по окончании войны франки остались в полном владении страной, которую завоевал Клодион, и Самара стала границей земли салиев на юго-западе, которой она оставалась вплоть до времени Хлодвига.

Клодион умер в 447 году н. э. и таким образом избежал столь же пагубного союза или вражды с безжалостным завоевателем Атиллой. Этот «бич Божий», как он любил себя называть, появился в Галлии около 450 года н. э. во главе бесчисленного войска всадников-гуннов, народа, столь необычного по своему внешнему виду и обычаям, что он едва ли казался человеческим, и по сравнению с которым самые дикие франки и готы выглядели разумными и цивилизованными существами.

Время вторжения Атилы на Рейн было хорошо выбрано для осуществления его плана всемирного господства. Между фрагментом Римской империи, управляемым Аэтием, и франками под руководством преемников Клодиона шла либо открытая война, либо было заключено пустое перемирие. Преемственность главной власти в салийском племени была предметом ожесточенного спора между двумя франкскими принцами, старшего из которых некоторые считают Меровеем.

Мы видели, что есть некоторые основания сомневаться в существовании принца с таким именем; и нет никаких доказательств того, что кто-либо из соперничающих кандидатов был сыном Клодиона. Какими бы ни были их происхождение и имена, один из них присоединился к Атилле, а другой — к римлянину Аэтию, несомненно, на условии, что их союзники признают и поддержат их соответствующие претензии. В кровопролитной и решающей битве на Каталаунских полях около Шалона франки под именем Лети и Рипуарии служили под командованием так называемого Меровя в армии Аэция вместе с Теодорихом и его вестготами. Среди войск Атилы было еще одно подразделение франков, либо принужденное, либо подталкиваемое к этому неестественному поступку яростной ненавистью партийного духа. Исходя из результатов битвы при Шалоне, мы должны предположить, что союзник Аэция унаследовал трон Клодиона (451 г.).

[451-481 гг. н. э.]

Последствия вторжения Атилы в Галлию не были ни значительными, ни длительными, и его отступление оставило германскую и римскую партии в том же состоянии, в каком он их застал. Римская империя действительно пришла к концу в этой провинции, но доблесть и мудрость Эгидия позволили ему сохранить, как независимому вождю, власть, которую он верно исполнял в качестве генерал-губернатора Галлии при благородном и добродетельном Майориане. Границы его территории не определены точно, но, по крайней мере частично, она, вероятно, совпадала с территорией, которой его сын и преемник Сиагриус был лишен

Кловисом. По общему мнению, она ограничивалась страной между Уазой, Марной и Сеной, к которой некоторые авторы добавляют Осер и Труа. Уважение, которым Эгидий пользовался у франков, а также у своих соотечественников, позволило ему бросить вызов угрозам и интригам варвара Рицимера, который фактически правил в Риме, хотя и от чужого имени. Самым убедительным доказательством высокого мнения, которое они имели о заслугах Эгидия, считается то, что салианцы продемонстрировали во время правления своего следующего короля. На престол принца, которому произвольно присвоили имя Меровея, в 458 году вступил его сын Хильдерик. Поведение этого развратного юноши вызывало отвращение и отчуждение у его подданных, которые еще не перестали ценить женскую честь и не переняли распущенные нравы римлян и их галльских подражателей.

Власть салийских королей над своими свирепыми воинами была неустойчивой. Лояльность, которая отличала франков в более поздние времена, еще не возникла в их умах, и они без колебаний отправили развратителя своих жен и дочерей в позорное изгнание. Хильдерик нашел убежище у Биссинуса (или Бассинуса), короля тюрингов, народа, проживавшего на реке Унструт. Именно тогда франки, согласно несколько невероятному рассказу Григория,^o единодушно избрали Эгидия своим королем и фактически подчинялись его власти в течение восьми лет. По истечении этого срока франки, вернувшись к любви к своему родному князю, из-за простой любви к переменам или из-за интриг одной из партий, решили отозвать Хильдерика из изгнания или, во всяком случае, позволить ему вернуться.

Какова бы ни была причина его восстановления, оно, по-видимому, не было следствием улучшения его нравов. Период своего изгнания он провел, как и всегда, в соблазнении Базины, жены своего гостеприимного покровителя при тюрингском дворе. Эта королевская дама, характер которой, возможно, несколько смягчает вину Хильдерика в наших глазах, не хотела оставаться в стороне после возвращения своего возлюбленного на родину. Едва он восстановил свою власть, как неожиданно за ним последовала Базина, на которой он немедленно женился. Плодом этого сомнительного союза был Хлодвиг, родившийся в 466 году нашей эры. Остаток правления Хильдерика прошел в основном в борьбе с вестготами, в которой франки и римляне под руководством своих лидеров Хильдерика и Эгидия дружно объединились против общего врага.

Мы спешим перейти к правлению Хлодвиг (1201), который за тридцать лет своего правления не только объединил различные племена франков под властью одной могущественной династии и основал в Галлии широкое и прочное королевство, но и сделал свой трон центром объединения подавляющей части всего германского народа.

ПРАВЛЕНИЕ ХЛОВИСА

[481-486 гг. н. э.]

Когда Хлодвиг в возрасте пятнадцати лет унаследовал от своего отца титул короля салиев, его территория и число подданных были, как мы знаем, чрезвычайно малы; после своей смерти он оставил своим преемникам королевство, которое по площади превосходило современную Францию.

Влияние благодарной пристрастности, прослеживаемое в трудах католических историков и летописцев по отношению к «старшему сыну церкви», который обеспечил им победу над язычниками с одной стороны и еретиками с другой, мешает нам найти в них беспристрастную оценку его характера. Многие из его преступлений, по-видимому, были совершены во имя самой католической церкви, и они едва ли могли видеть их в правильном свете. Язычники и ариане изобразили бы его в других красках; и если бы какие-либо из их

работ дошли до нас, мы могли бы искать истину между позитивной пристрастностью и негативной ненавистью. Но, к счастью, хотя летописцы и восхваляют его действия в самых высоких выражениях, они рассказывают нам, какими были эти действия, и тем самым заставляют нас сформировать совершенно иное суждение, чем их собственное. Нелегко было бы найти на страницах его величайших поклонников малейшие свидетельства того, что он обладал какими-либо качествами, кроме тех, которые необходимы для завоевателя. В руках провидения он был инструментом величайшего блага для страны, которую он покорил, поскольку освободил ее от проклятия разделения на мелкие государства и способствовал распространению христианства в самом сердце Европы. Но в истории нет ни одного следа каких-либо слов или поступков, которые могли бы заставить нас восхищаться этим человеком или любить его. Его неоспоримая храбрость умалется степенью жестокости, необычной даже для его времени; а его совершенное мастерство и благоразумие, которые в большей степени, чем его военные качества, помогли ему подняться на высокую позицию, вызывают отвращение, поскольку принимают форму беспринципной лжи, подлости, хитрости и лицемерия.

Наше краткое повествование о завоеваниях Хлодвигу станет более понятным, если мы на мгновение остановимся, чтобы рассмотреть размеры и расположение различных частей, на которые была разделена Галлия во время его вступления на престол.

Всего было шесть независимых государств: (1) государство салиев; (2) государство рипуаров; (3) государство вестготов; (4) государство бургундов; (5) королевство Сиагрия; и (6) Арморика (под которой тогда понималось все побережье между Сеной и Луарой). О первых двух мы уже говорили. Вестготы занимали всю южную Галлию. Важно помнить об этих географических разделах, потому что они совпадают с последовательными завоеваниями франков под руководством Хлодвигу и его сыновей.

Было бы нефилософским приписывать Хлодвигу заранее разработанный план по завоеванию этих нескольких независимых государств и не только свержению единственной оставшейся опоры Римской империи в Галлии, но и, что было гораздо сложнее, покорить другие германские племена, столь же свирепые и независимые, а в некоторых случаях и более многочисленные, чем его собственное. Своими действиями он просто удовлетворял страсть к военным походам и завоеваниям, а также стремление к максимальному расширению своих владений, что естественно для любого активного, сильного и властного ума. Он должен был быть более чем человеком, чтобы предвидеть, несмотря на все препятствия, лежавшие на его пути, карьеру, которую ему судилось сделать по провидению. Он не был даже хозяином всего салийского племени; кроме салийцев, на Рейне, Скальде (Схельде), Мозе и Мозелле жили другие франки, ничем не уступавшие его подданным и управляемые королями из той же семьи, что и он сам.

Сиагриус, унаследовавший аномальную власть своего отца Эгидия, также был не пренебрежимым противником. Его заслуги, конечно, были скорее заслугами способного юриста и справедливого судьи, чем воина, но благодаря своим гражданским добродетелям он приобрел репутацию, которая сделала его объектом зависти Хлодвигу, который, возможно, опасался постоянного установления римской династии в Галлии. Были причины для нападения сначала на Сиагрия, которые вряд ли могли ускользнуть от хитрости Хлодвигу и которые, несомненно, руководили им при выборе его первой жертвы. Одной из этих причин была сама честность характера благородного римлянина. Если бы Хлодвиг начал дело разрушения, напав на своих соплеменников Сигеберта из Кельна и Рагнахара из Камбре (Камеракума), он не только не получил бы помощи от Сиагрия в своей несправедливой агрессии, но и мог бы столкнуться с его сопротивлением. Но против Сиагрия Кловису было легко возбудить национальный дух своих братьев-франков, как на

своей территории, так и за ее пределами. В такой экспедиции, даже если бы короли отказались принимать активное участие, он мог рассчитывать на множество добровольцев из всех франкских *гау*.

Поэтому, как только он вышел из вынужденной бездеятельности крайней молодости (период, в который, к счастью для него, его не беспокоили его менее алчные и беспринципные соседи), он решил как можно скорее решить вопрос о превосходстве между франками и римлянами. Не дожидаясь вероятного повода для ссоры, он вызвал Сиагрия, более известного как *Германико*, на поле боя, чтобы их судьбы были решены богом сражений. Рагнахар из Камбре был приглашен сопровождать своего вероломного родственника в этой экспедиции и согласился на это. Чарарик, другой франкский принц, с которым планировалось заключить союз, предпочел подождать, пока судьба не решит, с осторожным намерением примкнуть к победителю и вовремя выйти на поле боя, чтобы разграбить побежденных.

Хлодвиг I

(По мотивам старинной французской гравюры)

Сиагриус находился в Суассоне (Augusta Suessionum), который он унаследовал от своего отца, когда Хлодвиг с характерной для него решительностью и быстротой прошел через лес Арденн и напал на него с непреодолимой силой. Римлянин был полностью разгромлен, и победитель, захватив Соассон, Реймс, Дурокортурм и другие римские города в Белгике Второй, расширил свои границы до реки Луары, границы вестготов. Эта битва произошла в 486 году НАШЕЙ ЭРЫ.

Мы мало или ничего не знаем о составе римской армии. Если она состояла исключительно из галлов, привыкших полагаться на помощь римлян и лишенных духа свободных людей, то легкость, с которой был разгромлен Сиагриус, вызовет у нас меньшее удивление. Потеряв все в одной битве, несчастный римлянин бежал в Тулузу (Tolosa), корт Аларика, короля вестготов, который подло поддался угрозам молодого завоевателя. Но тех, кто стоял на пути Хлодвига, ждала одна судьба: Сиагриус был немедленно казнен, скорее не из-за гнева, а из-за расчетливой политики, которая направляла все действия бесчувственного сердца салиев.

[486-496 гг. н. э.]

В течение следующих десяти лет после смерти Сиагрия о Хлодвиге известно меньше, чем можно было бы ожидать от начала его карьеры. Нельзя предполагать, что такой дух действительно успокоился: вероятно, он копил силы и выжидал подходящего момента, поскольку, несмотря на всю свою импульсивность, он не был человеком, который мог бы взяться за дело без уверенности в успехе. В 496 году н. э. салианцы начали свою серию

завоеваний, которую они продолжали практически без перерыва до самой смерти своего воинственного короля.

Аламанны, распространившись со своих первоначальных мест обитания на правом берегу Рейна, между Майн и Дунаем, продвинулись в Германику Прима, где столкнулись с франкскими подданными короля Сигеберта из Кельна. Хлодвиг пришел на помощь своему родственнику и разгромил аламаннов в великой битве в окрестностях Цюльпиха. Затем он поселил значительное число своих франков на территории аламаннов, следы проживания которых можно найти в названиях Франкония и Франкфурт.

КЛОВИС ПРИНИМАЕТ ХРИСТИАНСТВО (496 г. н. э.)

[496 г. н. э.]

Этот же год стал знаменательным в истории церкви благодаря обращению Хлодвиг в христианство. В 493 году он женился на Клотильде ([121](#)), дочери короля Бургундии Хильперика, которая, будучи христианкой, естественно стремилась отвратить своего воинственного супруга от грубой веры его предков. Реальный результат ее усилий невозможно оценить, но, в любом случае, история не приписала ей заслугу успеха. Простые советы любящей жены были бы сочтены слишком простым и прозаичным объяснением изменения, повлекшего за собой столь серьезные последствия. Обращение Хлодвиг было настолько важно для интересов католической церкви, что летописцы той удивительной эпохи, щедрые в использовании необычных средств для достижения самых незначительных целей, никогда не могли поверить, что это великое событие было результатом чего-либо, кроме чуда самого публичного и поразительного характера.

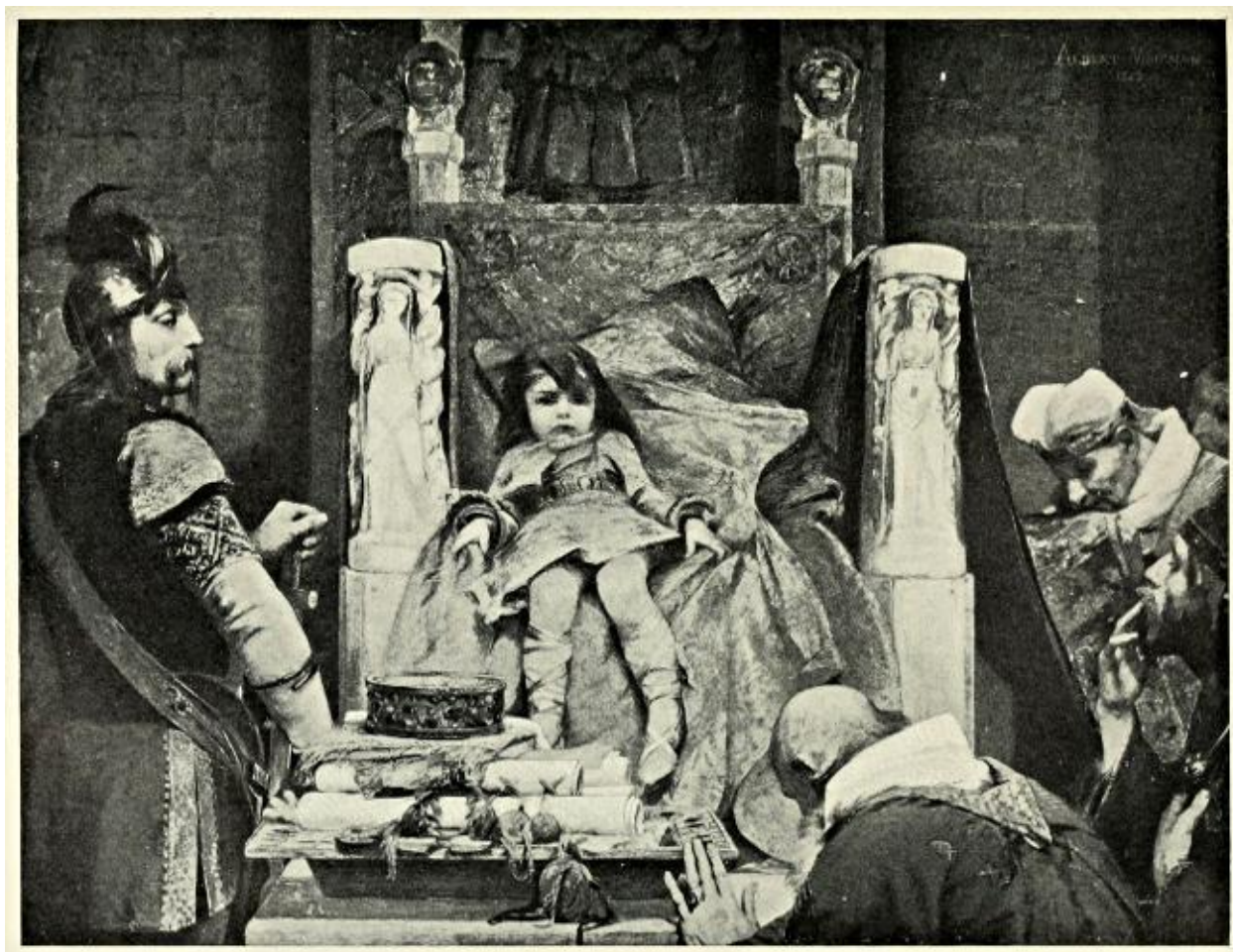
Нам неизвестно, каким образом изменились убеждения Хлодвиг, но в этом процессе действовали естественные факторы, и его обращение в христианство, с учетом обстоятельств, не вызывает удивления. Однако, согласно распространенному в римской церкви мнению, именно в битве при Цюльпихе [122](#) сердце Хлодвиг, невосприимчивое к благочестивой заботе его жены и мощному и манящему влиянию католического ритуала, было тронуту особым вмешательством провидения в его пользу. Когда удача в битве, казалось, повернулась против него, он подумал о Боге, которого почитала его жена, о чьей силе и величии он так много слышал, и поклялся, что если он избежит нынешней опасности и выйдет победителем, то позволит себя крестить и станет защитником христианской веры. Как другой Константин, он увидел на небесах знак, что его молитва была услышана; он победил и выполнил свое обещание в Рождество того же года, когда был крещен Ремигием в Реймсе вместе с тремя тысячами своих последователей.

Искренность обращения Хлодвиг подвергалась сомнению по многим причинам, таким как несоответствие его последующей жизни христианским принципам, но главным образом из-за многочисленных политических преимуществ, которые можно было извлечь из публичного исповедания католической веры (). Мы слишком легко даем такие объяснения поступкам выдающихся личностей, слишком склонны забывать, что политики тоже люди, и упускать из виду очень сильные влияния, которые ближе их сердцам, чем даже политические расчеты. В мире царил дух, увлекавший людей от могил мертвой веры к жизни и свету Евангелия — дух, которому не могло сопротивляться даже самое холодное и суровое сердце. Было также что-то особенно внушительное в позиции христианской церкви в тот период. Все остальное в римском мире казалось умирающим от простой слабости и старости; христианская церковь все еще была в силе молодости, и ее профессора были одушевлены неукротимой настойчивостью и безграничным рвением. Все остальное падало в ужасе перед варварским завоевателем; структура церкви казалась нерушимой, и ее

служители стояли перед ним с высоко поднятой головой, как будто черпая силу и помощь из силы, которая была тем более страшной, что была неопределенной по своей природе и неопределенной по своему действию.

И Кловис, скорее всего, поддавался воздействию таких средств, как и самые низкие из его последователей. Не следует полагать, что несоответствие между его христианским исповеданием и его публичными и частными поступками, которое мы так ясно различаем, было столь же очевидным для него самого. Как это могло быть? Его собственная совесть не была особенно просвещена сверх меры его времени. Самые храбрые воины его народа приветствовали его как патриота и героя, а служители Бога уверяли его, что его победы были одержаны на службе истине и небесам. Всегда опасно судить о искренности религиозных — возможно, следует сказать теологических — убеждений людей по характеру их морального поведения, и это даже в нашу эпоху и в нашей стране; но гораздо более опасно в отношении людей других времен и стран, находившихся на другой стадии цивилизации и религиозного развития, на которой шкала морали была не только ниже, но и отличалась от нашей.

Совесть Хлодвига оставалась спокойной среди деяний, от ужаса которых у нас мурашки по коже; и, с другой стороны, как тривиальны в наших глазах некоторые из тех преступлений, которые нагружали его тяжелым чувством вины! Вечные законы Бога справедливости и милосердия могли нарушаться безнаказанно; и средства, которые мы назвали бы низким предательством и отвратительной жестокостью, использовались для уничтожения еретиков или язычников; но горе тому, кто оскорблял святого Мартина или прикасался к имуществу самого ничтожного из его слуг! Когда Хлодвиг стремился удовлетворить свою жажду власти, он, без сомнения, верил, что одновременно сражается под знаменем Христа и уничтожает врагов Бога. И это неудивительно, ведь многие священники и епископы думали так же и говорили ему о своих мыслях.

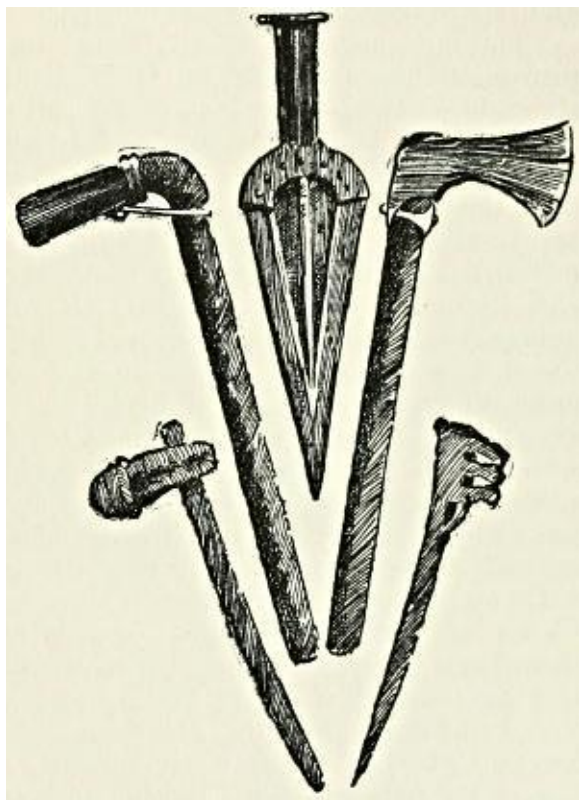

ПОСВЯЩЕНИЕ КЛОВИСУ II

Однако мы далеки от утверждения, что политические преимущества, которые можно было получить от открытого исповедания католической веры в этот момент, ускользнули от внимания такого проницательного ума, как у Кловиса. Никто не осознавал эти преимущества лучше него. Непосредственные последствия действительно были, по-видимому, катастрофическими. Он сам опасался того влияния, которое его смена религии могла оказать на его франков, и, как нам известно, многие из них покинули его и присоединились к его родственнику Рагнарику. Но негативные последствия, хотя и были немедленными, были незначительными и временными, в то время как положительные результаты накапливались из года в год. Во-первых, его крещение в католической церкви принесло ему горячую любовь его галло-римских подданных, чье количество и богатство, а прежде всего превосходные знания и интеллект делали их помощь чрезвычайно ценной. Что касается его собственных франков, то мы вправе предположить, что, будучи удаленными от священных мест, с которыми была тесно связана их вера, они либо относились к переменам с безразличием, либо, колеблясь между старыми ассоциациями и нынешними влияниями, нуждались лишь в примере короля, чтобы определиться со своим выбором и принять решение присоединиться к знамени креста.

Немецкие соседи Хлодвигу либо сохранили свою древнюю веру, либо приняли арианскую ересь. Поэтому его обращение было для него выгодным или невыгодным в отношении них, в зависимости от его целей. Если бы он действительно желал жить со своими соотечественниками-царями на равных и в дружбе, его принятие в враждебную церковь, безусловно, не способствовало бы достижению его целей. Но ничто не было более чуждо его мыслям, чем дружба и союз с каким-либо из соседних племен. Его желанием было

подчинить их всех себе (). Он обладал подлинным духом завоевателя, который не мог терпеть вид независимости, а его острый ум и непоколебимая смелость позволяли ему видеть свои преимущества и использовать их с максимальной выгодой.

ОРУЖИЕ ФРАНКОВ

(Они использовались для метания и скальпирования по образцу американских индейцев).

Даже в тех странах, где преобладало язычество или арианское христианство, обычно существовала ревностная и единая община католических христиан (включая всех романских жителей), которые, будучи в меньшинстве и иногда подвергаясь преследованиям, были склонны искать помощи за рубежом. Кловис своим обращением в христианство стал объектом надежды и привязанности такой партии почти во всех странах европейского континента. Он пользовался мощной поддержкой всего католического духовенства, в сердцах которого интересы церкви значительно превосходили все другие соображения. В другие времена и в других странах (например, в нашей) дух лояльности и любовь к родине часто были достаточными, чтобы противостоять влиянию теологических взглядов, и делали людей патриотами в час испытаний, когда их духовная верность чужому правителю соблазняла их стать предателями. Но какой патриотизм могли испытывать галло-римляне, которые веками были рабами рабов, или какую верность варварским угнетателям, которых они презирали и боялись?

[497-507 гг. н. э.]

Счастливые последствия обращения Кловиса не заставили себя долго ждать. Уже в следующем году после этого события (497 г. н. э.) арморики, населявшие землю между Сеной и Луарой, которые стойко защищались от языческих франков, с готовностью подчинились королю-обращенному, которого епископы с радостью почитали; и почти в каждой

последующей борьбе преимущества, которые он получал от энергичной поддержки католической партии, становились все более и более очевидными.

В 500 году н. э. Хлодвиг привел бургундов в состояние полузависимости после ожесточенной и кровопролитной битвы с их королем Гундобальдом при Дижоне на реке Уш. В этом конфликте, как и почти во всех других, Хлодвиг в значительной степени достиг своих целей, воспользовавшись разногласиями своих врагов. Гундобальд призвал своего брата Годегисила, правившего одной из частей их племени, помочь ему отразить нападение франков. Призыв был услышан, по крайней мере, внешне, но в решающей битве Годегисил, согласно тайной договоренности, перешел со всеми своими войсками на сторону врага. Гундобальд, конечно, потерпел поражение и подчинился условиям, которые, хотя и были обидными для его гордости и патриотизма, не могли быть очень суровыми, поскольку сразу после этого он наказал своего брата за измену, осадив его в городе Вьенне (римской Вене) и казнив в арианской церкви.

Обстоятельства того времени, а не умеренность Хлодвига, помешали ему призвать Гундобальда к ответу. Грянула гораздо более тяжелая борьба, для успешного завершения которой потребовались все ресурсы власти и политики хитрого салианца — борьба с могущественным королем и народом вестготов, ближайшими соседями которых он стал после добровольного подчинения армориканцев в 497 году нашей эры. Доблесть и поведение их прославленного короля Эврика позволили западным готам полностью овладеть всей частью Галлии, расположенной между реками Луара и Рона, а также почти всей Испанией. На смену этому выдающемуся монарху недавно пришел его сын Аларик II, который теперь был в расцвете молодости. Именно в войне с этим несчастным принцем — самой сложной и неопределенной из всех, в которых он участвовал, — Хлодвиг в полной мере ощутил преимущества своего недавнего обращения в другую веру. Король Эврик, который был арианином, мудрым и великим, как он, по-видимому, был во многих отношениях, оттолкнул от себя любовь множества своих подданных, преследуя католическое меньшинство; и хотя против Аларика, по-видимому, не выдвигается такое же обвинение, очевидно, что сердца его православных подданных не были искренне преданы своему еретическому королю. Крещение Хлодвига обратил их взоры на него как на того, кто не только освободит их от преследований со стороны их теологических врагов, но и обеспечит им и их церкви быструю победу и надежное господство. Надежды, которые они возлагали на него, и помощь, которую они были готовы ему оказать, не были неизвестны Хлодвигу, чья жадность сдерживалась лишь соображениями о том, какую роль в этом деле, вероятно, сыграет его шурин Теодорих, король остготов.

Этот великий и просвещенный гот, чье утонченное великолепие делает презрительное значение, которое мы вкладываем в термин «готический», более чем обычно неуместным, всегда был готов выступать посредником между родственными германскими племенами, которых при каждом удобном случае он призывал жить в единстве, помня об их общем происхождении. Говорят, что в этом случае он организовал встречу между Хлодвигом и Аларихом на небольшом острове на Луаре, недалеко от Амбуаза. Эта история, мягко говоря, весьма сомнительна. Если бы он сделал столько, он, вероятно, сделал бы еще больше и защитил бы своего молодого родственника своей сильной правой рукой. Что бы он ни делал, все было напрасно. Франкский завоеватель знал свои преимущества и решил использовать их по максимуму. Он получил помощь не только от своего родственника Сигеберта Кельнского, который послал ему на помощь армию под командованием Харарика, но и от короля бургундов (*burgundiones*), который также был католиком. С армией, объединенной общей верой, вдохновленной религиозным рвением и не менее франкской

любовью к добыче, Хлодвиг пошел на почти верную победу над неопытным вождем и раздробленным королевством.

Из слов Григория Турского [a](#) очевидно, что этот конфликт между франками и вестготами рассматривался ортодоксальной партией его собственного и предыдущих веков как религиозная война, от исхода которой, с человеческой точки зрения, зависело преобладание католического или арианского вероучения в Западной Европе. Хлодвиг сделал все, что было в его силах, чтобы усилить это впечатление. Он не мог, по его словам, вынести мысли о том, что «эти ариане» владели частью его прекрасной Галлии. Проходя через территорию Тура, которая, как считалось, находилась под особой защитой святого Мартина, он тщательно следил за соблюдением строжайшей дисциплины среди своих солдат, чтобы еще больше примирить церковь и освятить свое предприятие. По прибытии в город Тур он публично продемонстрировал свое почтение к святому покровителю и получил благодарность и добрые пожелания от всего хора священников, собравшихся в церкви Святого Мартина. Он был проведен (согласно одной из легенд, которыми так обильно украшен его путь) через разбухшие воды реки Вьенна «ланью удивительных размеров»; а когда он приблизился к городу Пуатье, из собора вырвался столб огня (происхождение которого мы можем объяснить, в соответствии с нашими взглядами, благосклонностью небес или вероломством человека), чтобы дать ему уверенность в успехе и осветить его ночной поход. Католические епископы в королевстве Алариха были единодушно благосклонны к делу Хлодвигу, и несколько из них, не имея терпения отложить проявление своей симпатии, были изгнаны Аларихом из своих епархий. Большинство же сделало из необходимости добродетель и непрерывно и громко, если не искренне, молилось за своего законного монарха. Возможно, даже в ту эпоху они научились ценить эффективность мысленного оговора.

Осознавая свою слабость, Аларик отступил перед своим страшным и неумолимым врагом, питая тщетную надежду на помощь остготов. В конце концов он остановился на равнинах Вулона, за Пуатье, но даже тогда скорее в соответствии с желаниями своих солдат, чем по собственному обдуманному решению. Его солдаты, принадлежавшие к поколению, еще не знакомому с войной и полному той чрезмерной уверенности, которая является результатом неопытности, были полны желания встретиться с врагом. Предательство также помешало ему принять единственное средство безопасности, которое заключалось в том, чтобы как можно дольше отложить слишком неравную битву. Франки наступали с обычной для них стремительностью и с обоснованной уверенностью в своей доблести; и исход сражения соответствовал предзнаменованиям обеих сторон. Хлодвиг, не менее энергичный в бою, чем мудрый и хитрый в совете, подвергал себя всякой опасности и сражался врукопашную с самим Аларихом. Однако последний был убит не на поле боя, а во время беспорядочного бегства, в которое готы были быстро ввергнуты. Победоносные франки преследовали их до Бордо (Бурдигала), где Хлодвиг провел зиму, в то время как его сын Тьерри захватывал Овернь, Кенси и Руэрг. Готы, чей новый король был несовершеннолетним, не оказывали дальнейшего сопротивления, и в следующем году салийский вождь завладел королевским сокровищем в Тулузе. Он также захватил город Ангулем, за что был вдвойне вознагражден за свои услуги церкви: не только жители этого места поднялись в его пользу против вестготского гарнизона, но и сами стены, как стены Иерихона, рухнули при его приближении!

Вскоре после этих событий Хлодвиг получил титулы и достоинства римского патриция и консула от греческого императора Анастасия, который, как кажется, был побужден к этому действию скорее мотивами ревности и ненависти к Теодориху Остготу, чем любовью к беспокойному и агрессивному франку (). Значение этих устаревших титулов, примененных к тем, кто не имел прямого отношения ни к одной из частей Римской империи, так и не было достаточно объяснено. Сначала мы удивляемся, что успешные воины и могущественные

короли, такие как Хлодвиг, Пепин и сам Карл Великий, согласились принять такие пустые почести от жалких монархов Востока, управляемых евнухами. То, что византийские императоры стремились продемонстрировать свое превосходство над современными им правителями, вполне понятно; даже самый слабый идиот из них, живший на милости своих женщин и рабов, никогда не отказывался от своих притязаний на то вселенское империи, которой когда-то владели Август и Траян. Но откуда взялось согласие Хлодвиг и его великих преемников с этим высокомерным утверждением? Лучше всего это можно объяснить, обратив внимание на то, как долго престиж власти переживает силу, которая ее дала. Солнце Рима зашло, но сумерки его величия все еще висели над миром. Немецкие короли и воины с удовольствием принимали и с гордостью носили титул, который связывал их с этим имперским городом, следы всемирного господства которого, его мастерства в оружии и искусстве, были повсюду вокруг них.

ФРАНКСКИЙ ОФИЦЕР

[507-508 гг. н. э.]

В обстоятельствах, в которых оказался Хлодвиг, это имело и некоторые весомые преимущества. Он правил огромным населением, которое не так давно перестало быть подданными империи и все еще радовалось римскому имени. Он полностью ценил их интеллектуальное превосходство и уже испытал ценность их помощи. Все, что способствовало повышению его личного достоинства в их глазах (а торжественное провозглашение его римских титулов, без сомнения, имело такую тенденцию), он считал весьма важным.

В том же году, когда он был коронован и облачен в пурпурную мантию в церкви Св. Мартина в Туре, вторгающиеся франки получили от могущественной руки Теодориха Великого южные и восточные границы своего королевства. Храбрый, но миролюбивый гот слишком доверял своему влиянию на Хлодвиг и до последнего надеялся спасти несчастного Алариха с помощью предупреждений и посредничества. Резня вестготов, смерть самого Алариха, падение Ангулема и Тулузы, продвижение франков к Роне, где они теперь осаждали Арль (Arelate), окончательно разубедили его. Теперь он готовился выдвинуть единственные аргументы, к которым Кловис всегда был восприимчив, — боевой

ключ превосходящей армии. Его верные остготы были созваны на собрание в июне 508 года, и он поставил могущественную армию под командование Евы (Иббы или Хеббы), которая повела его войска в Галлию через южные Альпы. Франки и бургунды, осаждавшие Арль и Каркассон, сняли осаду и отступили, но было ли это без сражения или в результате сражения, остается сомнительным из-за противоречивых свидетельств летописцев. Однако последующее территориальное положение участников сражения подтверждает версию Юлиана о том, что сражение действительно имело место, в котором Хлодвиг и его союзники потерпели самое решительное и кровопролитное поражение.

[508-509 гг. н. э.]

Таким образом, сдерживание расширения его королевства за счет других германских народов и, возможно, желание собрать новые силы для более успешной борьбы в будущем, по-видимому, побудили Хлодвига обратить свое внимание на уничтожение своих родственников из династии Меровингов. Способ, которым он осуществил свой замысел, описан с такой полнотой, что естественно вызывает подозрения. Но хотя в многих романтических деталях, которыми снабдил нас Григорий, легко обнаружить как нелепость, так и несоответствия, мы не видим причин отрицать историческую достоверность его утверждений.

Хлодвиг по-прежнему был лишь одним из нескольких франкских королей; и среди них Сигеберт Кельнский, король рипуаров, мало уступал ему по размеру своих владений и числу подданных. Но в других отношениях — в умственной активности и физической силе — «хромой» Сигеберт не мог сравниться со своим салийским братом. Другими франкскими правителями были Харарик, о котором упоминалось в связи с Сиагрием, и Рагнахар (или Рагнахас), который держал свой двор в Камбре. Королевство Сигеберта простиралось по обоим берегам Рейна, от Могонтиакума (Майнца) до Кельна; на западе вдоль Мозеля до Трира; а на востоке до реки Фульды и границ Тюрингии. Предполагается, что франки, занявшие эту страну, завладели ею во время правления Валентиниана III, когда Майнц, Кельн и Трир были завоеваны войском рипуарцев. Сигеберт, как мы видели, пришел на помощь Хлодвигу в двух очень важных сражениях с аламанными и вестготами и проявил себя как готовый и верный друг всякий раз, когда требовалось его содействие. Но благодарность не входила в число добродетелей поборника католицизма, который только ждал подходящего случая, чтобы лишиться своего союзника трона и жизни. Нынешняя ситуация была благоприятна для его желаний и позволила ему избавиться от своего благодетеля способом, который особенно соответствовал его вкусам. Попытка завоевать королевство Кельн силой оружия была бы слабо поддержана его собственными подданными и встретила бы упорное сопротивление рипуарцев, которые не считали себя уступающими салийскому племени. Поэтому его усилия были направлены на уничтожение королевского дома, падение которого ускорили внутренние разногласия.

Клотарий (или Клотарик), наследник Сигеберта, уставший от отложенных надежд, с готовностью прислушался к адским предложениям Хлодвига, который, апеллируя к его амбициям и алчности, подтолкнул его к убийству отца. Сигеберт был убит собственным сыном в Бухонском лесу недалеко от Фульды. Несчастный отцеубийца пытался обеспечить себе дальнейшую попустительность своего искусителя, предложив ему долю от кровавого сокровища, которое он приобрел. Но Хлодвиг, чья роль в этой сделке, вероятно, была неизвестна, притворился, что испытывает ужас от этого противоестественного преступления, и добился немедленного убийства Клотаря — действия, которое избавило его от соперника, заставило замолчать неудобного сообщника и скорее повысило, чем понизило его авторитет в глазах рипуарцев. Поэтому неудивительно, что когда Хлодвиг предложил

себя в качестве преемника Сигеберта и пообещал полное признание всех существующих прав, его предложение было с радостью принято. В 509 году он был избран королем рипуарами и, согласно франкскому обычаю, под общие восторженные возгласы поднят на щит в городе Кельне.

[509-511 гг. н. э.]

«И таким образом», — говорит Григорий Турский, ⁹ в той же главе, в которой он рассказывает о двойном убийстве своих родственников, — «Бог ежедневно повергал перед ним его врагов и увеличивал его царство, потому что он ходил перед Ним с чистым сердцем и делал то, что было угодно в Его глазах!» — настолько полностью его заслуги перед католической церковью скрывали его моральные уродства даже от глаз лучших церковных историков.

К уничтожению своей следующей жертвы, Харарика, чья власть была гораздо менее значительной, чем у Сигеберта, его подтолкнули как месть, так и амбиции. Этот осторожный князь, вместо того чтобы присоединиться к другим франкам в их нападении на Сиагриуса, остался в стороне и ждал удачи. Однако мы вряд ли можем объяснить поведение Хлодвиг по отношению к нему главным образом местью, поскольку его самым верным союзником был его первая жертва; для него друзья и враги были одинаковы, если только они пересекали путь его амбиций. После того как Хлодвиг завладел Харариком и его сыном, подкупив их последователей, он заставил их отрезать свои королевские локоны и стать священниками; однако впоследствии он приказал казнить их.

Рагнахар из Камбре, чье королевство простиралось к северу от Соммы и охватывало Фландрию и Артуа, мог бы оказаться более грозным противником, если бы не стал непопулярным среди своих подданных из-за отвратительной распущенности своих нравов. Описание Григория того, как произошло его падение, скорее любопытно, чем достоверно, и добавляет обвинение в мошенничестве к черному списку преступлений, зафиксированных против человека, который «ходил перед Богом с чистым сердцем». Согласно историку, Хлодвиг подкупил последователей Рагнахара доспехами из позолоченного железа, которые они, как он и предполагал, приняли за золото. Таким образом, ослабив силу своего врага предательством, Хлодвиг повел армию через Сомму, чтобы атаковать его на его собственной территории. Рагнахар готовился к встрече с ним, но был предан своими же солдатами и сдан в руки захватчика. Кловис с насмешливой жестокостью упрекнул павшего монарха в том, что тот опозорил их общий род, позволив себя связать, а затем расколол ему череп топором. Такое же абсурдное обвинение было предъявлено Ричару, брату Рагнахара, и ему было назначено такое же наказание. Третий брат был казнен в Мансе.

Григорий упоминает, хотя и не по имени, других королей из той же семьи, которые были уничтожены Хлодвигом. «Убив многих других королей, — говорит он, — которые были его родственниками, потому что боялся, что они могут лишить его власти, он распространил свое королевство на всю Галлию». Он также рассказывает нам, что королевский лицемер, созвав общее собрание, со слезами на глазах жаловался перед ним, что он «один в мире». «Увы, я остался чужим среди чужих и не имею родственников, которые могли бы мне помочь», — сказал он. По словам Григория, он сделал это «не из-за настоящей любви к своим родственникам или из-за раскаяния в своих преступлениях, а для того, чтобы найти еще родственников и убить их».

Хлодвиг умер в Париже в 511 году нашей эры, в сорок пятом году своей жизни и в тридцатом году своего активного, кровавого и полного событий правления. Таким образом, он прожил всего пять лет после решающей битвы при Вулоне.

Если бы мы не знали по его суждениям о других персонажах его истории, что Григорий Турский был способен ценить благородные и мягкие качества человеческой натуры, то, читая его слова о Хлодвиге, мы могли бы легко предположить, что, будучи христианским епископом, он имел совершенно иные представления о добре и зле, чем мы. Панегирист не нашел ни одного добродетельного или великодушного поступка, который можно было бы записать о его любимом герое, а все, что он о нем рассказывает, углубляет наше убеждение, что этот избранник небес, ради которого свободно творились чудеса, которого ушедшие святые вели к победе и которого живые служители Бога с радостью почитали, был настоящим явлением зла в моральном мире, сочетая в себе противоположные и, казалось бы, несовместимые пороки низкой вероломности и дерзкого злодеяния.

Мы можем объяснить эту удивительную косоугольность морального видения в таком человеке, как Григорий, только тем, что в те времена (и хотелось бы сказать, что только в те времена) придавали чрезвычайное значение внешним проявлениям благочестия и любому служению римской церкви. Если в гораздо более счастливые века, чем те, о которых мы говорим, самые загрязненные совесть приобретали утешение и даже надежду, строя церкви, наделяя монастыри и воздавая почтение раздающим Божью милость, можем ли мы удивляться, что необычайные услуги Кловиса католическому христианству покрывали даже его гнусные грехи, как снежным покровом?

Он действительно без малейшей причины лишил своего благородного и миролюбивого соседа власти и жизни. Он вероломно убил своих королевских родственников и лишил их детей их наследственного права. Во всех случаях он проявлял себя как бездушный грубиян, жадный завоеватель, кровожадный тиран; но своим обращением он проложил путь к триумфу католицизма; он спас римскую церковь от Сциллы и Харибды ереси и язычества, посадил ее на скале в самом центре Европы и закрепил ее доктрины и традиции в сердцах завоевателей Запада.

Есть и другие причины, которые могут примирить политиков с его памятью. Важность задачи, которую он выполнил (хотя и из самых низких побуждений), и влияние его правления на судьбы Европы трудно переоценить. Он основал монархию на прочной и устойчивой основе. Он сильной, хотя и кровавой рукой сровнял барьеры, разделявшие франков, и объединил ряд изолированных и враждебных племен в мощную и единую нацию. Правда, это единство вскоре было нарушено разнородными разногласиями, но идея его осуществимости и желательности глубоко укоренилась в сознании народа; к ней часто стремились вернуться и иногда достигали этого.⁴

«Единственным возможным оправданием для любого из преступлений, совершенных Хлодвигом, — говорит Ходкин,⁴ — могло бы быть обеспечение единства франкского государства. Однако это единство было немедленно нарушено разделом его владений между четырьмя сыновьями».

ПРЕЕМНИКИ КЛОВИСА ДО ПЕПИНА

[511-531 гг. н. э.]

Во время правления Хлодвиг за Рейном образовалась новая монархия тюрингов, которые после объединения с другими племенами напали на франков, проживавших за Рейном. Последние обратились за помощью к своим родственным племенам в Галлии: Тьерри,

старший сын Хлодвига, и Клотарий, другой его сын, перенесли войну в Тюрингию. Эти князья одержали победу над врагом, уничтожив его правителей, а страну Тьерри присоединил к своим владениям. Однако некоторые дети короля Германфрида бежали в Италию, откуда, судя по всему, они впоследствии вернулись и дали начало герцогскому дому Тюрингии. Таким же образом герцогства Швабия и Бавария были присоединены к владениям Тьерри, так что империя франков теперь простиралась от Богемии до Ла-Манша (), от устья Эльбы до Лангедока и Тулузы (). Но это не удовлетворило их амбиции, которые в следующий раз обратились к Бургундии (532).

[531-555 гг. н. э.]

Клотильда, вдова Хлодвига, которую суеверие канонизировало, помнила о массовом убийстве своих родителей и братьев, а также об опасностях, которым она подвергалась в детстве, и подтолкнула своих сыновей к мести. Сигизмунд, сын ее дяди Гундебальда, теперь занимал трон Бургундии. Он тоже почитается как святой, хотя вскоре после своего вступления на престол он убил собственного сына по наущению второй жены. Под влиянием увещеваний святой вдовы ее три сына, Хильдеберт, Клотарий и Клодомир (Тьерри, который не был ее сыном, отказался участвовать в войне), вторглись в провинцию и разгромили Сигизмунда. Клодомир взял его в плен и бросил вместе с женой и детьми в колодец. Годемар, брат Сигизмунда, собрал новую армию, разгромил франков и, захватив Клодомира, — такова карательная справедливость судьбы! — обезглавил его. После смерти Клодомира второй брат, Клотарий, у которого уже было две жены, женился на вдове и стал опекуном двух ее маленьких сыновей.

КЛОТАРИЙ

(По мотивам старинной гравюры)

Решив сохранить свое наследство, Хильдеберт и Клотарий послали своей бабушке Клотильде меч и ножницы, желая узнать, что она предпочитает: их смерть или их уединение

в монастыре. В порыве страсти она заявила, что лучше увидит их мертвыми, чем лишенными законного наследства, и ее слова решили их судьбу. Клотарий схватил старшего, которому не было и десяти лет, и вонзил ему нож в сердце; младший, которому не было и семи, испугавшись увиденного, преклонил колени перед Хильдебертом и жалобно молил о пощаде. Хильдеберт внезапно почувствовал жалость и со слезами на глазах умолял пощадить жизнь ребенка. «Это ты сам подтолкнул меня к этому!» — ответил злобный Клотарий (): «Отдай мне ребенка или умри вместо него!» Выживший был немедленно убит; их няни, пажи и слуги разделили ту же судьбу, а королевство Клодомира было поделено между двумя королевскими убийцами. Увеличив свою армию, они вновь вторглись в Бургундию, которую завоевали и поделили между собой, как раньше поделили королевство своего брата Клодомира.

После смерти Тьерри в 534 году его преемником стал его сын Теудиберт, который унаследовал его воинственный характер и, следовательно, был слишком грозным, чтобы ему служили, как сыновьям Клодомира. Он возглавил несколько экспедиций в Италию и Испанию, которые, однако, не отличались большим успехом; его сын и преемник Теудебальд (548-555) также не был более удачлив. После смерти последнего его дядя Хлотарий женился на его вдове и захватил его королевство, не разделив его с Хильдебертом: в результате все королевство франков оказалось в руках двух сыновей Хлодвига. В отместку Хильдеберт развязал гражданскую войну, но умер до ее окончания (558 г.), и его королевство было насильно захвачено Хлотарем, теперь единственным монархом франков, который изгнал его жену и дочерей. За год до своей смерти Клотарий приговорил к сожжению своего старшего сына, восставшего против него, а также жену и дочерей этого принца, с таким же хладнокровием, с каким он мог бы приказать казнить самого виновного чужеземца. Фактически, в обширном каталоге человеческих пороков едва ли найдется такой, который не был бы практикуем отвратительными принцами этой династии, память о которых будет вечно проклята.

[555-575 гг. н. э.]

Подробно следить за действиями, иными словами, преступлениями этой отвратительной династии, не вписывается в рамки нашего изложения и не доставит удовольствия читателю: мы должны быстро пробежаться по основным решениям Франкской империи. Как и его отец, Клотарий I после своей смерти оставил четырех сыновей, и все четверо разделили его государства между собой. Это разделение было осуществлено путем жеребьевки. Аустразия, или восточная Франция, включавшая провинции по обе стороны Рейна и простиравшаяся от Бар-сюр-Оба до Богемии, досталась Сигеберту, который перенес свою столицу из Реймса в Мец. Нейстрия, или западная Франция, простиравшаяся от Бара до Ла-Манша и даже до границ Аквитании, досталась Хильперiku, чей двор находился в Суассоне. Гонтрам, который владел Бургундией, обосновался в Шалон-сюр-Сон, а Хариберт из своей столицы Парижа правил Аквитанией и узкой полосой промежуточной территории. Но Хариберт вскоре умер, оставив свои владения для разделения между тремя братьями.

Читатель, несомненно, готов к тем же разногласиям между сыновьями Клотария, что и между сыновьями Хлодвига; он мог бы прочитать о гораздо более ужасных событиях, если бы наши ограничения или склонность побудили нас приоткрыть завесу, покрывающую их. Мы приоткроем один уголок завесы. Сигеберт и Хильперик были необычайно враждебны друг к другу, не столько из-за амбиций, сколько из-за вражды их жен, знаменитых Брунехильды и Фредегунды: первая была дочерью Атанагильда, вестготского короля Испании; вторая — простолюдинка из Франции, которая, увидев, что Хильперик отверг ее

ради Галесвинт, сестры Брунехильды, поклялась отомстить не только своей сопернице, но и Сигеберту с Брунехильдой.

Вскоре Фредегунда вновь завоевала сердце Хильперика, организовала убийство Галесвинти и собственную коронацию. Затем она подтолкнула своего мужа к длительной войне с Сигебертом, но, поскольку она не была столь успешной, как она желала, и Сигеберт был близок к тому, чтобы свергнуть с трона ее и ее мужа, она избежала этой участи с помощью кинжала: в 575 году победитель пал от руки одного из нанятых ею убийц. На престоле Австразии жертву сменил его сын Хильдеберт II, но, поскольку принц был слишком молод, чтобы править, управление перешло к новому чиновнику — мэру дворца, великому судье и генералу королевства. Брунехильда была взята в плен, и ее судьба вскоре была бы решена, если бы не Моровеус (), сын Хильперика, но не Фредегунды, который влюбился в нее и женился на ней.

Кловис II

(Из французской гравюры, 1832 г.)

Новобрачные укрылись в церкви Святого Мартина в Туре и были взяты под защиту историком и епископом Святым Григорием. Однако Хильперик разлучил их: он вернул Брунехильду австразийцам, которые вооружались в поддержку матери своего монарха, но Моровеус вскоре пал жертвой преследований Фредегунды. Кловис, другой сын ее мужа от прежней королевы, Фредегунда, без сомнения, с согласия Хильперика, был убит кинжалом: так что теперь только ее собственные дети остались наследниками королевства Нейстрии. Но после убийства ее мужа в 584 году, хотя она провозгласила своим наследником сына Хлотария II, армия, ненавидящая и ее, и ее потомство, провозгласила своим вождем Гундовальда, бастарда покойного монарха. Однако Гундовальд, не сумевший удержаться на троне, погиб в мучениях, а его самый верный сторонник, святой Претекстат, епископ Руана, пал от меча наемного убийцы, нанятого Фредегундой. В 593 году бездетный Гонтрам

скончался, и Хильдеберт Австразийский захватил Бургундию, в ущерб Клотарю II, считавшемуся наследником престола.^[123]

[575-654 гг. н. э.]

После смерти Хилдеберта, вероятно от яда, Австразия перешла к его старшему сыну Теудеберту, которому было всего десять лет, а Бургундия — к его второму сыну, Тьерри II, которому было всего девять лет. Поскольку Клотарю II, королю Нейстрии, было всего одиннадцать лет, монархия франков подчинялась трем несовершеннолетним, или, вернее, трем мэрам дворца, которые правили от их имени. В 612 году Тьерри II с помощью Клотария победил своего брата Теудеберта Австразийского, которого он спокойно казнил; в следующем году он внезапно умер; его сыновья попали во власть Клотария, который вряд ли проявил бы большую милость к потомкам своей матери Фредегунды (), врага Фредегунды. Двоих сыновей он убил; третьего, которого он держал над крестильной купелью, он согласился пощадить; а Брунехильду, их бабушку, которая в то же время стала его пленницей, он приговорил к самой жестокой казни. [Он привязал ее к копытам дикого коня.] Благодаря этим кровавым казням в 613 году он стал главой всей Франкской империи в Германии и Галлии.

За несколько лет до своей смерти он короновал своего старшего сына Дагоберта королем Австразии; после этого события (628 г.) Аквитания перешла к его второму сыну, Шариберту; но через три года Шариберт умер, его младенец-сын был убит Дагобертом, и единство монархии было восстановлено. Но Дагоберт, как и все князья его рода за последние полтора века его существования, был столь же слаб телом, сколь жесток сердцем; как и они, из-за своих ранних пороков он состарился в расцвете лет. После его смерти в 638 году его государства были разделены между двумя его малолетними сыновьями. Австразия досталась Сигеберту III, а Нейстрия и Бургундия — Хлодвигу II. Первую управлял мэр Пепин, а затем Гримвальд, сын Пепина; вторую — Эрцинвальд. Оба принца умерли в обычном возрасте, между двадцатью и двадцатью пятью годами.³

ВОЗНЕСЕНИЕ ПЕПИНА

Вступление пятилетнего Хильдеберта II на престол Австразии в 575 году оказалось отличной возможностью для вассалов усилить свою власть за счет трона: они избрали высокопоставленного дворцового чиновника, который взял на себя обязанности по воспитанию молодого короля и поддержанию мира.

Созданная австразийскими дворянами институция не была новой. С тех пор как дом мелкого вождя Турне стал дворцом короля Галлии, а его подданные — питомником высокопоставленных чиновников и королевских сановников, антрустионы, иногда рассеянные по завоеванным территориям, а затем вновь собравшиеся вокруг своего князя, сохранили свои отношения с ним и между собой. Вождь и его спутники вместе достигли величия, и люди, ставшие богатыми и могущественными, продолжали выполнять в общинном доме функции *сенескалька* (сенешаля), *марискалька* (маршала) и *сканке* (чашчика); в то время как он среди антрустийцев, которые осуществляли общий надзор за хозяйством, заботились о благосостоянии народа и судили споры, возникавшие между вассалами, был, естественно, первым чиновником дворца, генеральным интендантом королевских владений, премьер-министром и высшим лицом в государстве после самого короля. Мы не уверены в германском титуле этого чиновника; похоже, что в германском языке его обычно называли *herzog*, герцогом или лидером *par excellence*. Галло-римляне

называли его *major domus*, «величайший, первый в доме», титул, который ранее давали среди богатых римлян вольноотпущенникам или даже рабам, которые имели власть над другими рабами и руководили управлением домом.

До вступления на престол Хилдеберта этот дворцовый наместник был представителем короля перед вассалами, но теперь аустразийская знать сделала его представителем вассалов перед королем и надзирателем за королевской властью. В этом заключалась полная революция.^{[w](#)}

После смерти Дагоберта в 638 г. его преемником стал его сын, шестилетний Хлодвиг II. Во время его несовершеннолетия правительство Нейстрии и Бургундии осуществляли его мать Нантильда и мажордом Эга, в то время как Пепин и другие делили верховную власть в Австразии. Пепин умер в 639 или 640 году н. э., и за вакантное место мэра развернулась долгая и ожесточенная борьба, в результате которой власть в конечном итоге перешла к сыну Пепина, Гримвальду. Власть номинальных монархов уже настолько ослабла, что после смерти Сигеберта III в 654 году Гримвальд осмелился обрезать волосы законного наследника Дагоберта II и, объявив его мертвым, отправил в Ирландию; затем он предложил своего собственного сына на вакантный трон под предлогом того, что Сигеберт усыновил его. Но время еще не созрело для столь смелой узурпации, да и Гримвальд, по-видимому, не был человеком, способным возглавить революцию. Как сама попытка, так и ее плачевное исходное свидетельствуют о том, что сын Пепина не унаследовал мудрость и энергию знаменитого рода, к которому он принадлежал. Король Бургундии и Нейстрии, притворившись, что соглашается с вступлением на престол сына Гримвальда, вызвал отца в Париж и приказал схватить его во время путешествия некоторыми франками, которые, как утверждается, были крайне возмущены его самонадеянностью, и казнить.

Таким образом, вся Франкская империя вновь объединилась, по крайней мере номинально, под властью Хлодвиг II (умершего в 656 г. н. э.) и его сына и преемника Хлотаря III, чья мать, Бальтильда, англосаксонка по происхождению, управляла королевством с большим умением и успехом. Но интересы и чувства германских провинций слишком отличались от интересов и чувств Бургундии и Нейстрии, чтобы позволить им долго оставаться даже номинально под единым правлением. Австразийцы стремились иметь своего собственного короля, и поэтому другой сын Хлодвиг был возведен на престол Австразии под именем Хильдерика II, а Вульфвальд стал его майорандом.

После смерти Хлотаря III в Нейстрии (в 670 г. н. э.) вся империя была ввергнута в хаос из-за амбициозных планов Эброина, его майоранда, который стремился посадить на трон Тьерри III, младшего брата Хлотаря, который был еще ребенком, чтобы он мог продолжать править от его имени. Эброин, по-видимому, преследовал свою цель, не обращая должного внимания на мнения и чувства других сеньоров, которые восстали против него и его марионеточного короля и изгнали их из резиденции власти. Успешные заговорщики затем предложили корону Нейстрии Хильдерiku II, королю Австразии, который немедленно вступил во владение ею, в то время как Эброин укрылся в монастыре. Хильдерик вззошел на трон Нейстрии без сопротивления, но его попытки контролировать сеньоров, одного из которых, по имени Бадило, он, как говорят, подверг бичеванию, вызвали грозный заговор, и вскоре он был убит вместе со своей королевой и сыном в Шелле. Вульфвальд с трудом спасся и вернулся в Австразию. Другой сын Хильдерика, Хильдеберт III, был тогда возведен на трон сеньорами, в то время как королевская партия выдвинула Тьерри III из монастыря, в который он удалился, и сумела отстоять его права. Неустойчивый и беспринципный, но способный Эброин снова рискнул покинуть свое убежище и, совершив длинную серию самых вероломных убийств и поставив претендента на престол — Кловиса, сына Клотара III, — он сумел (в 673 или 674 году) навязать себя Тьерри в качестве майоранта Нейстрии.

Тем временем Дагоберт II, которого Гримвальд отправил в детстве в Ирландию и который впоследствии обрел верного друга в лице известного святого Вильфрида, епископа Йоркского, был отозван и возведен на престол Австразии. Но восстановленный принц вскоре (в 679 году) пал жертвой интриг Эброина и нюстрийской фракции среди сеньоров, которые стремились подчинить всю империю своей произвольной власти. И вовсе не

кажется невероятным, что способности и смелость Эброина могли бы позволить им осуществить свои замыслы, если бы Австразия не имела лидера, вполне равного этой чрезвычайной ситуации.

ПЕПИН ИЗ ХЕРИСТАЛА

[656-679 гг. н. э.]

Пепин, прозванный «из Эристаля» по названию замка, принадлежавшего его семье в окрестностях Льежа, был сыном Ансегиса и Бегги, прославленной дочери Пепина из Ландена. Этот великий человек, который доказал, что достоин своего деда и матери, в то время был связан с герцогом Мартином в управлении Австразией, которая до 678 года н. э. управлялась Вульфвальдом. Мартин и Пепин призвали своих последователей к оружию, чтобы противостоять ожидаемому нападению нестриев. Однако в первую очередь австразийцы были застигнуты врасплох действиями Эброина, который напал на них, прежде чем они завершили свои приготовления, и нанес им полное поражение в окрестностях Луко-Фаго.^[124] Мартин бежал в город Лаон (), и уловки, с помощью которых его враги выманили его из этого убежища на верную гибель, заслуживают внимания, поскольку дают нам замечательную картину нравов того времени в целом и печального состояния церкви в частности.

[679-687 гг. н. э.]

Эброин, узнав, что его предполагаемая жертва достигла безопасного места, послал Агильберта, епископа Парижа, и Проба, епископа Реймса, чтобы убедить Мартина вернуться в лагерь Нейстрии. Чтобы развеять опасения, с которыми он их слушал, эти святые люди прошли через нередкую церемонию клятвы на сосуде, содержащем священные реликвии, что он не пострадает, если последует их совету. Однако епископы, чтобы избавить себя от вины за клятвопреступление, позаботились о том, чтобы сосуды, которые были закрыты, оставались пустыми. Мартин, которого они не проинформировали об этом важном факте, удовлетворился их клятвами и сопровождал их в Экри, где он и его последователи были немедленно убиты, как полагали, без ущерба для веры послов! Однако Пепин не поддался ни уговорам, ни угрозам и вскоре оказался во главе мощной армии, состоящей отчасти из неистских изгнанников, которых тирания Эброина разорила или обидела. Столкновение казалось неизбежным, когда положение дел внезапно изменилось в связи со смертью Эброина, который был убит в 681 году н. э. Херменфридом, выдающимся неистским франком. Варатто сменил его на посту мэра Нейстрии и, казалось, был склонен поддерживать дружеские отношения с Пепином, но его сын Гислемар, возглавлявший партию, наиболее враждебно настроенную по отношению к Пепину, сумел на время захватить власть и возобновил войну против австразийцев. Смерть Гислемара (в 684 году н. э.), которую летописцы—² приписали божественному гневу, вернула Варатто его прежнюю власть, и военные действия на время прекратились. Когда Варатто также умер, примерно через два года после смерти своего непослушного сына, его сменил Берхар, его зять, которого летописец лаконично описывает как *statura parvus, intellectu modicus*.

Король ЛАНГОБАРДОВ

Наглое пренебрежение, которое этот человек проявил к чувствам и желаниям самых влиятельных нейстрийцев, побудило многих из них объединиться с Пепином, с которым, как говорят, они связали себя заложниками. В 687 году Пепин был достаточно силен, чтобы перейти в наступление, и, уступив просьбам неустрианских беженцев, он послал посольство к Тьерри III с требованием вернуть изгнанникам их конфискованные земли. Король Неустрии, подсказанный своим мажордомом Берхаром, высокомерно ответил, что он сам приедет и заберет своих сбежавших рабов. Пепин приготовился к войне с единодушного согласия аустразийских сеньоров, с которыми он тщательно советовался. Пройдя через Сильва Карбонария, он вошел на территорию Нейстрии и занял позицию в Текстри (Тестри) на реке Сомме. Тьерри и Берхар также собрали большую армию и выступили навстречу захватчикам. Обе армии разбили лагеря напротив друг друга недалеко от деревни Текстри, по разные стороны небольшой реки Дауминьон: нейстрийцы на южном берегу, аустразийцы — на северном. Будь то из политических соображений или по более высоким мотивам, Пепин даже тогда проявлял большую нежелание доводить дело до крайности и, отправив послов в лагерь Тьерри, он еще раз попытался вести переговоры, требуя, среди прочего, чтобы имущество, которое было «разграблено злыми тиранами», было возвращено церквям. Он пообещал, что, если его условия мира будут приняты и кровопролитие между родственниками будет предотвращено, он даст королю большое количество серебра и золота.

[687-717 гг. н.э.]

Мудрое и гуманное нежелание Пепина было естественно истолковано Тьерри и его «мелочным» мэром как страх и недоверие к его армии, которая уступала их армии по численности; был дан высокомерный ответ, и все переговоры были прерваны. Обе стороны приготовились к завтрашней битве. Пепин, проведя ночь в разработке своих планов, переправился через реку до рассвета и выстроил свою армию к востоку от позиций Тьерри,

чтобы восходящее солнце ослепило врага. Шпионы Тьерри доложили, что лагерь австразийцев был покинут, после чего нестриане вышли в погоню за бегущим врагом. Ошибка разведчиков вскоре стала очевидной, когда Пепин начал энергичное наступление; после ожесточенного, но короткого сражения нестриане были полностью разгромлены, а Тьерри и Берхар бежали с поля боя. Последний был убит своими же последователями; король был взят в плен, но его жизнь была милосердно пощажена.

Битва при Текстри известна в истории франков как сражение, в котором смертельный удар был нанесен династии Меровингов предком гораздо более славной династии монархов. «С этого времени, — пишет летописец Эрханберт, — короли стали иметь только королевское имя, но не королевское достоинство». Очень яркую картину *Rois Fainéants* передал нам Эйнхард (Эгхард) в своей знаменитой биографии Карла Великого, которую мы цитируем в главе V. «Род Меровингов, — говорит он, — из которого франки раньше привыкли выбирать своих королей, как правило, считается закончившимся с Хильпериком, который по приказу римского понтифика Стефана был свергнут, лишен волос и отправлен в монастырь. Но хотя род умер вместе с ним, он уже давно был лишен жизни и энергии и не имел никакого отличия, кроме пустого титула короля; ведь власть и управление находились в руках высших чиновников дворца, которые назывались *maiores-domus* и полностью управляли делами. Королю не оставалось ничего, кроме как довольствоваться одним лишь королевским титулом, сидеть на троне с длинными волосами и нестриженной бородой, играть роль правителя, принимать послов из любых стран и при их отъезде сообщать им ответы, которые ему были подсказаны или даже предписаны, как будто от своего имени. Помимо бесполезного титула короля и скудного содержания, которое майорес-домус выделял по своему усмотрению, король владел только одной фермой, и то отнюдь не прибыльной, на которой у него был жилой дом и несколько слуг, едва достаточных для удовлетворения его самых насущных потребностей. Куда бы ему ни приходилось ехать, он путешествовал в повозке, запряженной парой волов и управляемой пастухом в деревенском стиле. Так он ездил во дворец, на общее собрание народа, которое собиралось каждый год для блага королевства; после чего он возвращался домой. Но все управление государством и все, что нужно было регулировать или выполнять, как внутри страны, так и за ее пределами, осуществлялось мэрами».

Таким образом, вся власть трех королевств внезапно перешла в руки Пепина, который в своей дальнейшей карьере показал, что он способен справиться с гораздо более сложной задачей — сохранить своей мудростью и умеренностью то, что он завоевал благодаря энергии своего интеллекта и неустрашимой доблести. Он также был счастливо свободен от той небольшой тщеславности, которая больше радуется пышности, чем реальности власти, и, при условии, что он обладал существенной властью, был доволен тем, что оставлял королевское имя другим. Он, должно быть, чувствовал себя достаточно сильным, чтобы сделать то, что тщетно пытался сделать его дядя Гримвальд и что счастливо осуществил его внук, но он понимал, что, хватаясь за тень, он может потерять сущность. Он был окружен гордыми и подозрительными сеньорами, чья ревность была бы больше возбуждена его принятием титула, чем осуществлением королевской власти; и, как ни странно это может показаться, почитание древнего рода и представление об их исключительных и неотъемлемых правах были далеки от исчезновения в сердцах простого народа. Сохранив Тьерри на троне и правя от его имени, он объединил как разум, так и предрассудки в поддержку своего правительства. Тем не менее, были сделаны некоторые шаги, хотя, вероятно, не по его собственному желанию, к признанию суверенитета в случае с Пепином.

Его называли *dux et princeps Francorum*, и годы его пребывания в должности, как и годы правления короля, учитывались во всех официальных документах.

Установив резиденцию своего правительства в Австразии, как в более германской и воинственной части своих владений, он назначил своих подданных, а впоследствии своих двух сыновей, Дрого и Гримвальда, правителями в двух других частях империи. Он дал самое яркое доказательство своей власти и популярности, восстановив собрания на Марсовом поле, чисто германское учреждение, которое под влиянием римлянизирующих меровингских монархов постепенно пришло в упадок. На этих ежегодных собраниях, которые проводились 1 марта, весь народ собирался для обсуждения мер на предстоящий год. Никто кроме правителя, осознающего свою силу и искренне желающего благополучия своему народу, не подверг бы себя и свои действия испытанию таким испытанием.

Как только он прочно укрепился на своем троне и обеспечил себе подчинение завистливых сеньоров и любовь народа, который видел в нем единственного человека, способного спасти его от бедствий анархии, он обратил свое внимание на восстановление Франкской империи в полном объеме. Соседние племена, которые с трудом и в большинстве своем не полностью были подчинены Хлодвигом и его преемниками, были готовы воспользоваться любой благоприятной возможностью, чтобы избавиться от ненавистного ига. Ни бедные слабоумные мальчики, носивших титул королей, ни буйные мэры и сеньоры, полностью занятые интригами и противостояниями, ругательствами и ссорами друг с другом, не были в состоянии призвать подданные государства к ответу или пробудить в них желание присоединиться к империи, измученной и раздираемой внутренними распрями. Франкская империя находилась в процессе распада, и все более отдаленные племена, такие как баварцы, аламанны, фризы, бретонцы и гасконцы, фактически восстановили свою независимость. Но этот частичный упадок франкской власти был просто результатом плохого управления и внутренних распрей, которые поглощали воинскую энергию нации, и ни в коем случае не означал угасания военного духа франкского народа. Им нужен был только центр объединения и достойный лидер (), и они нашли и то, и другое в лице Пепина, который вновь обеспечил им гегемонию над всеми германскими племенами и подготовил их к завоеванию Европы. Фризы были покорены, или, скорее, на время подавлены, в 697 году н. э., после доблестного сопротивления под руководством своего короля Ратбода; и примерно двенадцать лет спустя мы видим, как сын Пепина, Гримвальд, заключает брачный союз с Теуделиндой, дочерью фризского монарха; этот факт ясно указывает на то, что Пепин желал поддерживать дружеские отношения со своими воинственными соседями. Швабы, или аламанны, также были атакованы и разгромлены Пепином на своих собственных территориях, но их окончательное подчинение было завершено его сыном Карлом Мартеллом.

Войны, которые Пепин вел с вышеупомянутыми народами, о которых мы здесь можем только кратко упомянуть, занимали его почти двадцать лет и в значительной степени способствовали сохранению мира внутри страны и укреплению основ трона Каролингов. Упорное сопротивление, с которым он столкнулся со стороны все еще языческих германцев, было проникнуто тем же рвением, с которым его великий потомок Карл Великий должен был бороться в своих бесконечных саксонских войнах; ведь принятие христианства, которое ненавидели не только как враждебное суевериям их предков, но и из-за тяжелых налогов, сопровождавших его, Пепин всегда ставил в качестве обязательного условия милосердия и мира. Но, к счастью для дела евангельской истины, для распространения христианства использовались другие средства, кроме меча и бича; и труды многих ревностных и самоотверженных миссионеров из Ирландии и Англии послужили тому, чтобы убедить грубые германские племена в том, что воины-священники, которых они встречали на поле битвы, и жадные сборщики налогов, которые опустошали их дома, не были истинными

посланниками Князя мира. А Пепин, который отнюдь не был простым воином, хорошо понимал ценность этих мирных усилий и оказывал ревностную помощь всем, кто рисковал своей жизнью во имя святого дела улучшения и спасения человечества. Гражданские правители, которых он назначил в завоеванных провинциях, получили указание делать все, что в их силах, для распространения христианства мирными средствами; и, чтобы его указания были выполнены, Пепин предупредил их, что он будет считать их ответственными за жизнь своих благочестивых миссионеров.

В течение тех же двадцати лет, когда Пепин играл важную и блестящую роль, отведенную ему провидением, бледные и безжизненные тени четырех королей из династии Меровингов () мрачно проносились по сцене. Мы знаем о них мало или ничего, кроме их имен и порядка, в котором они сменяли друг друга. Тьерри III умер в 691 году, и его преемником стал Кловис III, который правил до 695 года, а после него на престол вступил Хильдеберт III. После смерти Хильдеберта в 711 году н. э. Пепин возвел Дагоберта III на номинальный трон, где и оставил его, когда сам ушел со сцены своих трудов и триумфов; и это действительно все, что мы чувствуем себя обязанными сказать о потомках завоевателей Галлии и основателей Западной империи; *inclitum et notum olim, nunc tantum auditur!*

[714 г. н. э.]

Хлодвиг III

(Из французской гравюры 1832 года)

Необычайная власть, которую Пепин осуществлял в период, когда закон был слаб, а авторитет распространялся не дальше, чем мог дотянуться меч; когда борьба восходящей феодальной аристократии за независимость потрясла империю и довела ее до грани анархии, в достаточной мере свидетельствует о способностях и мужестве, мудрости и умеренности, с которыми он правил. Его победы над древней династией и нейстрийской фракцией были далеко не самыми сложными из его достижений. Ему пришлось контролировать тот самый класс, к которому он сам принадлежал; сдерживать буйные настроения тех самых людей, которые подняли его на вершину славы; и установить королевскую власть над теми, с чьей помощью он унизил древних королей: и все это ему удалось сделать благодаря необычайному влиянию его личности. Он настолько прочно

установил свою власть и подчинил себе волю завистливых сеньоров, окружавших его, что даже когда он проявил намерение сделать свою власть наследственной в своей семье, они не осмелились в то время противостоять его воле. После смерти Норберта, майоранта при дворе Хилдеберта III, Пепин — по всей вероятности, даже не посоветовавшись с сеньорами, в руках которых находилось право избрания — назначил на вакантную должность своего второго сына Гримвальда. Своему старшему сыну Дрого он уже дал должность мэра Бургундии с титулом герцога Кампаний. Но хотя они не осмелились выступить с каким-либо сопротивлением в то время, из последующих событий очевидно, что только страх перед Пепином сдерживал их ярость по поводу этого открытого узурпации. В 714 году, когда жизнь Пепина подходила к концу и он лежал в Юпилле недалеко от Льежа на больничной койке, терпеливо ожидая приближающегося конца, великие вассалы набрались мужества () и сговорились лишить его потомков должности мэра. Они использовали обычные средства для достижения своей цели — предательство и убийство. Гримвальд был убит, когда молился в церкви Св. Ламберта в Жюпилле, фризом по имени Рантгар, который, без сомнения, рассчитывал на соучастие сеньоров и слабость Пепина, чтобы остаться безнаказанным. Но заговорщики просчитались, недооценив угасающую жизнь старого воина и не зная, какое воздействие на него окажет вид крови его сына. Он внезапно оправился от болезни, которой, казалось, поддался. Как другой Приам, он вновь взял в руки непривычное оружие, хотя, в отличие от троянского царя, он использовал его с ужасающим эффектом. Отомстив убийцам своего сына и подавив дух сопротивления кровью заговорщиков, он был далек от того, чтобы отказаться от своей цели или проявить какую-либо слабость, и назначил младенца и внебрачного сына Гримвальда, как будто по наследственному праву, совместным мэром Бургундии и Нейстрии — должность, которую с гордостью занимали бы самые высокопоставленные лица в стране. Таким образом, своим последним поступком он продемонстрировал абсолютное господство, которое он обрел не только над «бездеятельными» королями, но и над раздробленными сеньорами, которые с ужасом съезжились перед гневом того, кто, как бы, вернулся из загробного мира, чтобы обрушить на их головы разрушение. Его фактическая кончина произошла в том же году, 16 декабря 714 года.

У Пепина было две жены, первая из которых, Плектрудис, родила ему двух сыновей, Дрого и Гримвальда, ни один из которых не пережил своего отца. В 688 году он женился на второй жене, «благородной и элегантной» Альпайде, хотя Плектрудис еще была жива. От этого второго брака родился настоящий преемник карловингских майоранов (), которого отец назвал на своем языке Карлом и который вошел в историю как Карл Мартелл, оплот христианства, отец королей и императоров.

Наша оценка личного величия карловингских мэров значительно повышается, когда мы замечаем, что каждый из них по очереди, вместо того чтобы спокойно завладеть тем, что завоевали его предшественники, должен заново завоевывать свою позицию перед лицом многочисленных, могущественных и разъяренных врагов. Так было с Пепином из Ландена, с Пепином из Эристаля и, прежде всего, с Карлом Мартеллом.

КАРЬЕРА ШАРЛЯ МАРТА (714-732 гг. н. э.)

[714-717 гг. н. э.]

После смерти Пепина буря, которая долгое время надвигалась и предвещалась многими предзнаменованиями еще при его жизни, разразилась с огромной яростью. Узы правительства внезапно ослабли, и власть, которой Пепин обладал с такой силой и ловкостью, стала предметом жестокой борьбы. Плектрудия, его первая жена, амбициозная и

смелая женщина, решила править в качестве опекуна своего внука Теудвальда, с которым она в то время проживала в Кельне. Теудвальд имел, по крайней мере, то преимущество, что был единственным кандидатом на власть, установленным самим Пепином, и, без сомнения, Плектрудия основывала свои надежды на его квази-наследственных правах. Она проявила свою дальновидность, проницательность и энергию в начале последовавшей борьбы, захватив своего пасынка Карла, своего самого грозного соперника. Но Карл и его партия были не единственными ее противниками. Нейстрийцы и бургунды, которые, помня о Брунехильде и Фредегунде, ни в коем случае не были склонны согласиться с очередным женским регентством, отказались подчиняться ее приказам и пытались подтолкнуть марионеточного монарха Дагоберта к самостоятельному осуществлению своей власти. Их рвение как нестриев было также подогрето желанием сбросить иго Австразии или Германии (), которое, по их мнению, было наложено на них победами и энергичным правлением Пепина.

Именно из-за этой вражды между романской и германской частями империи многие даже из сторонников Пепина встали на сторону Теудвальда и Плектрудис, хотя последняя держала их вождя в заключении. Восставшие нестриане и армия Плектрудиса столкнулись в лесу Гиз, недалеко от Компьень, и, насколько можно судить по путанным и противоречивым сообщениям летописцев, Плектрудис и Теудвальд потерпели поражение. Нестриане, одержав верх над ненавистными германцами в своей стране, приготовились распространить свою власть на саму Австразию. Выбрав Рагинфрида своим майором, они внезапно вторглись на территорию Австразии и опустошили ее огнем и мечом вплоть до реки Маас. Несмотря на свою христианскую веру, они стремились еще больше укрепить свою власть, заключив союз с Ратбодом, языческим королем фризов, который после смерти Пепина восстановил свою независимость и большую часть своей территории.

Между тем, бегство Карла из-под стражи внезапно изменило весь ход событий. Разгромленная армия Плектрудис и многие австразийские сеньоры, которые не желали поддерживать ее дело даже против нейстрийцев, теперь с величайшей готовностью собрались вокруг молодого героя и провозгласили его *Dux Francorum*, присвоив ему титул его славного отца. Вскоре после обретения свободы Карл () оказался во главе очень эффективной, хотя и не многочисленной армии. Однако он по-прежнему был окружен опасностями и трудностями, под гнетом которых человек с менее выдающимися способностями неизбежно бы погиб.

Дагоберт III умер вскоре после битвы при Компьене, и неустрийцы, которые ощущали на себе последствия его слабости, проигнорировали права его сына и возвели на престол священника по имени Даниэль, считавшегося сыном Хильдерика, под именем Хильперика II. Этот монарх, который, по-видимому, обладал большей энергией, чем его непосредственные предшественники, разработал вместе с королем фризов план совместного нападения на Кельн, с помощью которого он надеялся сразу же привести войну к успешному завершению. Ратбод, верный своим обязательствам, продвигался с многочисленным флотом по Рейну, в то время как Хильперик и Рагинфрид шли на Кельн через Арденнский лес. Чтобы предотвратить это хорошо спланированное объединение, Карл решил напасть на фризов, прежде чем они достигнут Кельна. Его положение, должно быть, стало еще более критическим из-за неудачи этой атаки. Мы читаем, что после того, как обе стороны понесли значительные потери в тяжелой битве, они отступили на равных условиях.

Короткое время, прошедшее до прибытия неустрийцев, Карл потратил на то, чтобы созвать своих друзей со всех концов, чтобы они помогли ему в отчаянной борьбе, в которую он вступил. Тем временем прибыл Хильперик и, разбив лагерь в окрестностях Кельна, соединился с фризами. Однако, вопреки ожиданиям, нападения на Плектрудис не последовало, поскольку, как говорят, она подкупила фризов, чтобы те отступили. Более вероятной причиной поспешного отступления нестриев и фризов (которое теперь состоялось) была опасность, что Карл, занявший сильную позицию в их тылу и постоянно увеличивавший свои силы, отрежет им путь к отступлению; в результате они не смогли отступить в безопасности. Карл атаковал их в Амлаве, недалеко от Стабло, в Арденнах, и нанес им полное поражение. Эта победа позволила ему овладеть Кельном и Плектрудис, которая вернула ему сокровища его отца.

[717-720 гг. н. э.]

В следующем году, 717 году н. э., Карл перешел в наступление и, промаршировав через Сильва Карбонария, начал опустошать территорию Нейстрии. Хильперик и Рагинфрид выступили ему навстречу, несомненно, с гораздо меньшей уверенностью, чем раньше, и обе армии разбили лагерь в Винси, на территории Камбре. Карл, обладавший наследственной умеренностью, особенно примечательной для человека с его воинственным духом, послал послов в лагерь Нейстрии, чтобы предложить условия мира и убедить Хильперика признать его право на должность майоранда в Австразии, «чтобы не пролилась кровь стольких благородных франков». Сам Карл не мог ожидать от этих предложений иного результата, кроме как убедить своих собственных последователей в неразумности их врагов. Неустрийский король и его злой советник с негодованием отвергли предложенные условия и заявили о своем намерении отнять у Карла даже ту часть его наследства, которая уже перешла в его руки. Обе стороны приготовились к сражению; как нам прямо сказано, Карл сначала сообщил вождям своего лагеря о высокомерном и угрожающем ответе короля. Хильперик полагался на свое значительное численное превосходство, хотя его армия в

основном состояла из отбросов общества; Карл готовился встретить его небольшим, но хорошо дисциплинированным отрядом хорошо вооруженных и искусных воинов. В сражении, которое произошло 21 марта, нестриане были разгромлены с огромными потерями и преследованы победителями до самых ворот Парижа. Но Карл еще не был в состоянии удержать власть над Нестрией, и поэтому он повел свою армию обратно в Кельн и взшел на «трон своего королевства», как уже называет его летописец⁴, *dignissimus hæres* своего могущественного отца.

Несчастный Хильперик, чувствуя себя неравным в борьбе с таким воином, как Карл, вновь поддался на уговоры злых советников и возобновил войну. С этой целью он искал союза с не полностью подчиненными соседними государствами, которых смерть Пепина пробудила к мечтам о независимости. Первым среди них была Аквитания, которая полностью освободилась от франкского господства. Аквитания Римской империи, как хорошо известно, простиралась от Пиренеев до реки Луары. Эта страна после распада Западной империи попала в руки вестготов, а затем была завоевана и в определенной степени подчинена ранними Меровингами. Но, хотя номинально она входила в состав Франкской империи, она продолжала пользоваться полунезависимостью под властью своих родных герцогов и на протяжении многих веков оставалась камнем преткновения для франкских правителей. Ее население, несмотря на примесь германской крови в результате готского завоевания, оставалось преимущественно римским по своему характеру и в VII веке достигло необычайного уровня богатства и цивилизации. Южная часть Аквитании была занята народом под названием васконы или гасконы, которые распространились до Гаронны и также подчинились франкскому правлению в лучшие времена старшей династии.

Временный упадок франкской власти в результате кровавых распри в королевском доме и борьбы между сеньорами и короной позволил Эду, герцогу Аквитании, утвердиться в качестве полностью независимого князя; он и его сыновья правили в полной суверенности как Аквитанией, так и Гасконью и назывались без различия *Aquitaniæ* или *Vasconiaë duces*.

В этих условиях неудивительно, что Эуд с радостью принял подарки и предложения, сделанные ему Хильпериком, который согласился оставить ему спокойное обладание независимостью, которую он упрямо отстаивал, при условии, что он выступит против австразийского мэра. Он не терял времени и повел армию гасконцев в Париж, где присоединился к войскам Хильперика и приготовился встретить страшного врага. Карл продвигался с обычной для него быстротой и, опустошив часть Нейстрии, наткнулся на врага в окрестностях Суассона. Новые союзники, едва успевшие укрепить свой союз и выработать планы, по-видимому, оказали лишь слабое сопротивление, и Хильперик, не считая себя в безопасности даже в Париже, бежал со своими сокровищами в компании с Эудо в Аквитанию. Рагинфрид, мажордом Нейстрии, который с частью объединенной армии также пытался остановить продвижение Карла, был также разгромлен и вынужден сложить с себя должность мажордома; в качестве компенсации он получил от великодушного завоевателя графство Анжу.

Победоносные австразийцы преследовали беглецов до реки Луары и Орлеана, откуда Карл послал посольство к Эуду и предложил ему условия мира при условии, что тот выдаст Хильперика и его сокровища. Трудно сказать, какой ответ мог дать Эуд, окруженный со всех сторон (ведь сарацины были у него в тылу), на это требование — руководствовался ли бы он своими интересами или долгом перед союзником и гостем. Но своевременная смерть Клотаря, которого Карл сделал королем Австразии после битвы при Амлаве, избавила его от дилеммы. Карл, который был замечательно свободен от духа мести, заявил о своей готовности признать Хильперика II королем при условии, что он сам будет назначен майором-домом объединенных королевств Австразии, Нейстрии и Бургундии. Эти условия,

предложенные победителем тому, чья жизнь была в его руках, не могли не быть с радостью приняты; и таким образом, в 720 году н. э. Карл стал номинально майором дворца короля Хильперика II, но фактически бесспорным хозяином самого короля и всей Франкской империи.

[720-727 гг. н. э.]

Умеренный курс, которого придерживался Карл в этих сделках, в значительной степени объяснялся естественной сдержанностью его характера. [Хилперик умер в 720 году, и Карл присвоил королевский титул Тьерри IV, сыну Дагоберта III. Но когда Тьерри умер (737), мажордом не предпринял никаких попыток занять вакантный трон].

После смерти Ратбода, «жестокого и языческого» короля фризов, в 719 году н. э. Карл вернул западную часть Фрисландии и вернул фризов к их прежнему состоянию неопределенного подчинения. Примерно в то же время он отразил саксов, неутомимых и непримиримых врагов франков, которые вторглись в франкские *гаусы* на правом берегу Рейна. Мы мало знаем о подробностях этих кампаний, поскольку летописцы— довольствуются общими записями о том, что «непобедимый Карл» всегда одерживал победу, а его враги были полностью уничтожены; это утверждение вызывает подозрения, поскольку их уничтожение приходится повторять часто и с небольшими интервалами.

ХИЛПЕРИК II

(Из французской гравюры 1832 года)

В год после саксонской кампании (дата которой довольно неопределенна) Карл пересек Рейн и напал на аламаннов (в Вюртемберге) на их собственной территории, которую он опустошил без серьезного сопротивления. Впоследствии, около 725 года н. э., он пересек Дунай и вторгся на территорию баварцев; после двух успешных кампаний он заставил и этот народ признать свою верность франкам. По словам летописца, «с помощью Господа он вернулся в свои владения с большими сокровищами и некой матроной по имени Пилтрудис и ее племянницей Сонихильдой». Последняя, которую Эйнвард называет «Сванахильдой,

племянницей Одило», впоследствии стала одной из жен Карла и матерью несчастного Грифо.

Естественно предположить, что у Чарльза был важный скрытый мотив для этих необычных и непрерывных усилий. Они были лишь прелюдией к грандиозному зрелищу, которое вскоре предстояло представить восхищенному миру и в котором этот могущественный монарх со скромным именем должен был сыграть заметную и славную роль. Его ждало состязание, которое он, должно быть, давно предвидел со смешанными чувствами нетерпения и опасения и в которое он не смел вступать неподготовленным; состязание, которое требовало максимального проявления его собственного активного гения и неограниченного распоряжения всеми материальными ресурсами его империи. До сих пор он боролся за свои наследственные почести против личных врагов — за превосходство германцев над галло-римлянами, своего племени над родственными германскими племенами — и, наконец, за порядок и хорошее правление против анархии и фракций. В дальнейшем ему предстояло возобновить старую борьбу между Западом и Востоком — стать защитником христианства и германских институтов против ложной и унижительной веры Мухаммеда и всех развращающих и ослабляющих привычек восточного мира.

[600-710 гг. н. э.]

Самая трезвая история возникновения и развития ислама и основанной на нем Арабской империи имеет все черты восточной сказки. В начале VII века араб из священнического рода Хашим уединился в пещере в Мекке, чтобы размышлять над видениями своего мощного, но болезненного воображения. Предложения его собственного нездорового ума и порывы его сильной воли были ошибочно приняты за вдохновение и повеления Всемогущего, представления о котором он частично позаимствовал из иудейских и христианских Священных Писаний. Он научился считать себя избранным инструментом Бога для внедрения новой веры и установления власти, перед которой должны поклониться все народы земли.

Когда его размышления приобрели целостность, он сформировал их в систему веры и практики, которую он с уверенностью предложил человечеству как наиболее совершенное и славное выражение божественного разума и воли. Его вера в себя, в свою непогрешимость и совершенство своей системы была настолько абсолютной, что он рассматривал всех других людей как детей, которых, если их нельзя убедить, нужно заставить идти по правильному пути. Меч был единственной логикой, которую он считал подходящей для этого случая; а смерть или *Коран* были единственной альтернативой, которую его последователи считали целесообразной предложить.

В течение некоторого времени высокие притязания пророка признавали лишь немногие, и эти немногие принадлежали к его собственной семье. Но его система, возникающая из выдающегося восточного ума, была удивительно приспособлена к потребностям и вкусам восточных народов. Но в то время как возвышенность некоторых доктрин давала подходящие объекты для созерцания более благородным способностям души, самые сильные страсти падшей человеческой природы — гордость, месть и похоть — не были лишены соответствующего удовлетворения. Что может быть более приемлемым для естественного человека, чем система, которая успокаивает совесть среди излишеств чувственной любви, которая устраняет необходимость самодисциплины доктриной фатализма, которая учит людей с высокомерным презрением смотреть на всех, кто думает иначе, чем они сами, и, наконец, предлагает в качестве награды за принуждение и

уничтожение противников вечность сладострастных наслаждений в обществе небесных куртизанок?

Нет сомнения, что многое было сделано мечом отважных и стремительных сыновей Измаила, но это само по себе не могло распространить Коран по половине мира; именно те недостатки, которые делают его отвратительным в глазах христиан, дали крылья его прогрессу и вызвали в его пользу глубокую и безумную преданность.

В 622 году н. э. Мухаммед был вынужден бежать в Медину из-за яростного сопротивления членов своего собственного племени. В течение девяноста лет с того момента его преемники и ученики завоевали и обратили в свою веру не только Аравию, но и Сирию, Персию, Палестину, Финикию, Египет, Малую Азию, Армению, страны между Черным и Каспийским морями, часть Индии и всю северную Африку от Нила до Атлантического океана.

[710-724 гг. н. э.]

В 710 году н. э. они с тоской смотрели на Гибралтарский пролив, с нетерпением ожидая момента, когда смогут водрузить на скале Кальпе знамя своего пророка и оттуда окинуть взглядом прекрасную и плодородную страну, которая вскоре должна была стать их владением. Их надежды не заставили себя ждать: их вторжение в Испанию, которое могло бы оказаться трудным, если не невозможным, в условиях наличия храброго и единого народа, было обеспечено предательством, трусостью и теологическими разногласиями.

Первое столкновение арабских завоевателей с воинами Запада, по сути, было скорее рассчитано на то, чтобы охладить их надежды на завоевание Европы. Вестготские короли Испании владели городом Сеута на африканском побережье, военным губернатором которого в то время был граф Юлиан. Умение и мужество этого великого воина и его гарнизона до сих пор срывали все попытки Мусы, генерала халифа Валида, овладеть этим местом. Сарацины уже начинали отчаиваться в успехе, когда внезапно получили предложение от самого графа Юлиана, который теперь предлагал не только открыть ворота Сеуты, но и обеспечить сарацинам свободный вход в Испанию. Причины этого внезапного предательства со стороны человека, рисковавшего жизнью на почетном посту, невозможно установить с какой-либо степенью уверенности. Некоторые приписывают его желанию отомстить своему королю Родерику, который, как говорят, надругался над его дочерью; другие — тому факту, что он поддержал дело сыновей Витизы, в то время претендовавших на испанский трон. Сарацинский полководец Муса, обрадовавшись тому, что нашел ахиллесову пяту Европы, немедленно отправил через пролив несколько сотен мусульман под командованием Тарика, от которого и происходит название современного Гибралтара (Гебель-аль-Тарик). Эти авантюристы были хорошо приняты в городе и замке графа Хулиана в Альхесирасе и вскоре вернулись к своим ожидающим товарищам с богатой добычей и захватывающими рассказами о плодородии страны и изнеженности выродившихся готов.

В апреле следующего года, 711 года н. э., отряд из пяти тысяч сарацин высадился на побережье Испании и укрепился вблизи Гибралтарской скалы. Вскоре за ними последовали другие войска, и вскоре на испанском побережье собралась значительная мусульманская армия. Слабое сопротивление, оказанное этому вторжению, было роковым предзнаменованием для империи вестготов. Это некогда храброе и выносливое племя германцев за долгий период мира утратило доблесть и выносливость, благодаря которым оно завоевало богатые провинции Испании, и, погрузившись в удовольствия этой роскошной страны, настолько отвыкло от оружия, что потребовалось много времени, чтобы поднять его на борьбу с врагом. Однако в конце концов невоинственный Родерик, собрав

армию, в четыре раза превосходившую по численности армию врага, но не имея уверенности ни в своем вожде, ни в себе самом, разбил лагерь в Херес-де-ла-Фронтера, недалеко от Кадиса. Ожидая в этом месте приближения врага, готский король, по описаниям, сидел в слоновой колеснице, одетый в шелковые одежды, недостойные мужчины даже в мирное время, и с золотой короной на голове. Сражение, которое быстро последовало, произошло 26 июля 711 года. Оно было коротким и исход его не вызывал сомнений. Боязливое стадо готов, едва дождавшись яростной атаки сарацин, развернулось и бежало в беспорядочной панике. Сам Родрик, достойный вождь такой армии, был одним из первых, кто покинул поле битвы на спине быстрого скакуна, который по его желанию был поставлен рядом с его палаткой, как будто его трепещущее сердце предвидело исход сражения.

Вестготская империя в Испании пала одним ударом. Тарик продвинулся со своей победоносной армией до Кордовы (Corduba), которая немедленно сдалась по его приказу; и он, без сомнения, захватил бы всю Испанию, если бы его не отозвал ревнивый Муса, который оставил себе славу завершения великолепного завоевания.

Из всех испанских городов, захваченных в этот раз, только Севилья и Мерида, по-видимому, сохранили древнюю славу готского имени; но даже они в конце концов были покорены, и последние остатки вестготов были изгнаны из богатых равнин, которыми они так долго владели, в горы Астурии. Именно в этих суровых пустынях, среди лишений и лишений, которые они там переносили, они вновь обрели свою древнюю силу и сохранили свою христианскую веру. Именно оттуда в более поздний период они спустились на своих мавританских врагов и в многочисленных тяжелых сражениях, часто становящихся темой баллад и романов, шаг за шагом вернули себе прекрасные владения, которые их предки завоевали и потеряли.

И таким образом, благодаря одной единственной победе, Испания была присоединена к обширным владениям халифа, и крест вновь уступил место полумесяцу. Не казалось, что Пиренеи, как и Гибралтарская скала, смогут стать преградой на пути разрушительного натиска ислама. Около 718 года нашей эры Зама, арабский наместник Испании, стал властелином той части Галлии, расположенной на склонах восточных Пиренеев, которая до сих пор оставалась во владении готов. В 731 году он штурмом взял Нарбонну, столицу провинции, и, перебив всех мужчин, способных носить оружие, отправил женщин и детей в плен. Затем он продвинулся в Аквитанию и осадил Тулузу, которая оказалась пределом его продвижения, поскольку именно там он был разгромлен Эудо, герцогом этой страны, которого опасность, угрожавшая его столице, подтолкнула к отчаянной борьбе. Однако это сдерживание продвижения мусульман было недолгим. Анбаса, преемник Замы, примерно через четыре года вновь предпринял поход вперед. Двигаясь в более восточном направлении, он штурмовал и разграбил Каркассон и Ним (Немаус), а после опустошения местности вплоть до Роны вернулся через Пиренеи, груженный добычей.

Герцог Эд Аквитанский, лишенный плодов своей единственной победы, отказался от всякой надежды на успешное сопротивление захватчикам и попытался спастись от полного разорения, заключив союз со своими грозными врагами. Говорят, что он даже настолько предал свой характер христианского князя, что отдал свою дочь в замужество, или в наложницы, Мунузе, правителю недавно завоеванных галльских земель.

Похоже, что до этого экспедиции сарацин в Галлию проводились отдельными генералами в относительно небольших масштабах и под их собственную ответственность. Необычно медленное продвижение их войск в этот период следует объяснять не столько страхом перед сопротивлением, сколько внутренними разногласиями в Арабской империи и быстрой сменой халифов, которые были совершенно непохожими по своему характеру и

взглядам. За девять коротких лет (715-724 гг. н. э.) жестокого Сулеймана сменили суровый, но справедливый и честный Омар, роскошный эпикуреец Язид и мелочный и расчетливый Хишам.

Поэтому вполне вероятно, что на фоне более насущных забот и интересов дальний завоевание Испании было забыто или игнорировано двором в Дамаске, а генералы, командовавшие в этой стране, склонялись к идеям, несовместимым с их реальным положением сатрапов и рабов- , подчиненных императорскому господину. Но перемены были не за горами, и новый деятель Абдеррахман (Абд аль-Рахман), внезапно появившийся на сцене с армией в четыреста тысяч человек, был наделен двойной миссией: наказать за самонадеянность Мунузу, чей союз с Эудо вызывал подозрения, и подчинить всю Галлию скипетру халифа и закону Мухаммеда. Считая Мунузу мятежником и полувероотступником, Абдеррахман осадил его в городе Сердань, куда тот бежал в поисках убежища, и, заставив его покончить жизнь самоубийством, отправил его голову вместе с его женой, дочерью Эуда, в качестве приветственного подарка халифу Хишаму.

Затем победоносные сарадины прошли мимо Пампелуны,^{[125](#)} и, пробравшись через узкие ущелья на западной стороне Пиренейского хребта, хлынули на равнины со своими бесчисленными войсками до реки Гаронны. Город Бордо был взят и разграблен, но они продолжали стремительно и без сопротивления продвигаться вперед, пока не достигли реки Дордонь, где Эд, горя от ярости из-за того, как обошлись с его дочерью, предпринял тщетную попытку остановить их. Раздраженные, а не сдержанные его слабыми усилиями, они продолжили свое стремительное продвижение. Вскоре знамя пророка развевалось на башнях Пуатье, и даже Тур, город святого Мартина, был в опасности быть оскверненным присутствием оскорбительных неверных, когда в час величайшего страха и опасности для Европы наконец появился защитник христианства, чтобы сразиться с до сих пор торжествующими врагами креста.

На первый взгляд кажется странным, что опасность, которая так долго угрожала Европе со стороны Испании, не вызвала более раннего и более эффективного сопротивления со стороны тех, чье национальное и религиозное существование было поставлено на карту. Абдеррахман проник в самый центр современной Франции, захватил и разграбил некоторые из самых богатых городов Франкской империи и, сожгив или осквернив все христианские церкви, которые встретил на своем пути, шел на святое святилище покровителя, обогащенное вековыми подношениями, не встретив ни одного врага, который мог бы хотя бы надеяться остановить его продвижение. Где был «непобедимый» и вездесущий Карл, который привык обрушиваться на своих врагов как гром среди ясного неба? Мы могли бы действительно удивиться его кажущейся медлительности, если бы не знали о чрезвычайных трудностях, с которыми ему приходилось бороться, и о казавшейся невозможной задаче, которую ему предстояло выполнить. Ему приходилось бороться не только с современным суеверием Мухаммеда, но и с древним язычеством севера; не только с сарацинами, но и со своими варварскими соплеменниками — с народами, столь же выносливыми и воинственными, как его собственные австразийские воины, и не менее одушевленными, чем последователи Мухаммеда, неукротимой ненавистью к христианскому имени. Враги были готовы обрушиться на него со всех сторон, с зеленых склонов Пиренеев и через широкие воды Рейна; он также не мог рассчитывать на верность всех, кто находился в пределах этих границ.

В течение всех десяти лет, когда сарадины пересекали Пиренеи и обосновывались в Галлии, Карл постоянно вел войны со своими германскими соседями. За этот короткий период он проводил кампании против фризов, швабов и баварцев (), последних из которых

(как мы уже видели) он даже атаковал в их собственной стране, перейдя Дунай. Еще в 728 году, когда Абдеррахман, должно быть, уже обдумывал свой разрушительный поход, Карл был вынужден вновь обратить свое оружие против саксов; а в 731 году, за год до встречи с сарацинами при Пуатье, он ввел армию в Аквитанию, чтобы подавить восстание герцога Эда.

Таковы были некоторые из неблагоприятных обстоятельств, в которых Карл должен был вести свои приготовления и в которых он разбил лагерь со своими ветеранами в окрестностях Пуатье, где впервые в жизни он увидел белые палатки мусульманских захватчиков, покрывавшие землю, насколько хватало глаз.

Несомненно, он долго ждал этого часа с тревожным, но бесстрашным сердцем, ведь все зависело от него; и войны, в которых он участвовал в последнее время, были для него тем более важными, что их успешное завершение было необходимо для обеспечения тыла и расширения границ его военного полководчества, когда наступит время действовать.

До сих пор непобедимые сарацины, которые почти непрерывно несли знамя своего пророка от пустынь Аравии до берегов Луары, были обречены наконец найти непреодолимую преграду в храбрых сердцах Карла и его австразийских последователей.

В воскресенье, в октябре 732 года, после того как в течение всей предыдущей недели они испытывали силу друг друга в незначительных стычках, две армии, призывая на помощь Христа и Мухаммеда, вступили в общее сражение на равнинах между Пуатье и Туром. Быстрая атака измаильтян, с помощью которой они привыкли сметать все на своем пути, отскочила от стойкой доблести и железного фронта франков, чьи тяжелые мечи сеяли ужасное опустошение среди их легко вооруженных противников. Отраженные, но не сломленные в мужестве и решимости, решившие прорваться через эту стальную стену или разбиться о нее насмерть, доблестные мусульмане повторяли свои яростные атаки до заката солнца. При каждом отступлении их кровь текла рекой, и в конце дня они оказались дальше, чем когда-либо, от своей цели и смотрели на гораздо большее количество мертвых на скользком поле, чем осталось в живых в их рядах. Не имея надежды на возобновление сражения, они отступили ночью и впервые бежали перед врагом. На следующее утро, когда франки снова выстроились в боевом порядке, лагерь врага оказался пустым, так что вместо ожидания атаки им предстояла более приятная задача — грабить палатки и преследовать беглецов. Сам Абдеррахман был найден среди мертвых, и вокруг него, согласно не очень достоверному рассказу летописцев,¹ лежали триста тысяч его солдат, в то время как франки потеряли только полторы тысячи человек.

Зудо, который после поражения на Дордони укрылся у своего более милосердного врага Карла, присутствовал в сражении и принимал участие в преследовании и грабеже. Именно после этого славного триумфа над самыми грозными врагами своей страны и религии Карл получил прозвище Мартел (молот), под которым он с тех пор известен в истории.

Значение этой победы для всех последующих веков часто преувеличивалось, и его трудно переоценить. Судьба Европы, с человеческой точки зрения, зависела от меча франкского майора; и если бы не Карл и смелые немецкие воины, которые научились искусству и практике войны под его руководством и под руководством его славного отца, сердце Европы могло бы и сейчас находиться во владении мусульман; а мечеть и гарем могли бы стоять там, где сейчас мы видим шпиль христианской церкви и дом христианской семьи.²

СНОСКИ

[119] [Его солдаты пели песню, которую цитирует Вописк³ :

«Mille Sarmatas, mille Francos, semel et semel occidimus

Mille mille mille mille mille Persas quærimus.

Эта песня, ставшая уличной песней в Риме, является, пожалуй, первым упоминанием этого имени в римской истории.

[120] [Его также называют Хлодвигом и Клодвигом, он унаследовал трон своего отца в 481 году.

[121] [Также пишется как Hlothchild и Clothildis.

[122] [Кловис победил аламанных в 496 году, но не, как ошибочно утверждается, при Толбиакуме или Цюльпихе.

[123] [Поглощение Бургундского королевства франками смутно отражено в великой немецкой эпосе «Песнь о Нибелунгах».

[124] [Анри Мартин^W говорит, что *Луко-Фаго*, по-видимому, является тем же самым, что и *Латофао*, где в 596 году уже была сражена великая битва и которое отождествляется с деревней *Лафо* между Лаоном и Суассоном.

[125] [Согласно Страбону^X этот город, называвшийся в римские времена Помпело, получил свое название от Помпея Великого, который восстановил его в 68 году до н. э.]

ГЛАВА IV

ОТ ШАРЛЯ МАРТЕЛЯ ДО КАРЛА ВЕЛИКОГО

[732-768 гг. н. э.]

Хотя продвижению сарацин было нанесено эффективное поражение, и они были лишены главной опоры своей фанатичной доблести — веры в собственную непобедимость, — их сила ни в коем случае не была сломлена, да и Карл не был в состоянии упрочить свою победу. Нейстрийцы и бургунды были далеки от примирения с господством, которое германские франки установили над ними под руководством могущественных карловских мейордов. Их зависть к успехам Карла Мартеля и ненависть к его личности были настолько сильнее их рвения в деле христианства, что даже когда он был занят отчаянной борьбой с сарацинами, они поднимали восстание в его тылу. Но неутомимый воин не почивал на лаврах, которые он завоевал. , как только он получил информацию об их вероломных замыслах, он повел свои войска, только что вернувшиеся с битвы с неверными, в самое сердце Бургундии и нанес страшный удар своим внутренним врагам. Затем он сместил всех, кого имел основания подозревать, с их почетных и высокооплачиваемых должностей и передал их людям, на которых он мог положиться в час опасности.

В следующем году, 734 году нашей эры, он добился значительного прогресса в подчинении и, что было еще труднее, в обращении в христианство фризов, которые ненавидели христианство тем более, что в их представлении оно было связано с иностранным игом. Проповеди Бонифация были мощно поддержаны мечом Карла, который атаковал их по суше и по морю, разгромил их герцога Поппо, уничтожил их языческие алтари и, как Альфред в случае с датчанами, дал им выбор: христианство или смерть.

[735-737 гг. н. э.]

После победы при Пуатье Карл доверил защиту пиренейских границ герцогу Эду, которому он оставил мирное, хотя и зависимое владение его территориями. Эд получил суровый урок из своих прежних несчастий и прожил остаток своей жизни в дружеских отношениях со своим франкским сюзереном. После смерти Эда в 735 году между его сыновьями, Хунольдом и Хатто, возник спор о преемственности (), и, похоже, в ходе своей борьбы они забыли о своей общей зависимости от Карла Мартелла. В такой период и в непосредственной близости от сарацин междоусобица такого рода была чрезвычайно опасна для Аквитании и всей Франкской империи. Поэтому Карл не терял времени и направил армию в раздираемую конфликтами провинцию, чтобы урегулировать споры между противоборствующими сторонами и привести население в более полное подчинение. Дойдя до Гаронны и захватив город Бордо, он вступил в переговоры с Хунольдом и «с присущей ему набожностью,» ⁴ передал ему герцогство на условии, что тот возобновит клятву верности своему отцу и его двум сыновьям, которых он таким образом явно указал франкам как их наследственных правителей.

САРАЦЕНЫ СНОВА ОТБИТЫ

[737-739 гг. н. э.]

В 737 году н. э. неверные вновь проникли на юг Галлии благодаря предательству христиан. Влиятельный человек в Провансе по имени Мауронтус, который, вероятно, стремился к независимому герцогству, сформировал сильную партию среди сеньоров Неустрии против ненавистного германского мэра. Поскольку арабский союз был единственным, кто мог поддержать их в конфликте с Карлом, они без колебаний пригласили в свою страну Ибн Юсуфа, нового наместника Септимании (Лангедока), и передали ему город Авиньон в знак своей искренности. Сарацины, по указанию своих страных союзников, прошли в Бургундию, где партия, противостоящая Карлу, была сильнее всего; захватив Вьенну, они покрыли страну до Лиона своей дикой и быстрой кавалерией, которая повсюду оставляла следы огня и крови.

Наступление сарацин было настолько внезапным, а их продвижение настолько быстрым, что Карл Мартелл не был готов сразу же встретить их. Поэтому он послал своего брата Хильдебранда и своих главных сеньоров с теми войсками, которые были готовы, чтобы сдержать врага, а сам решил последовать за ними с многочисленной и хорошо вооруженной армией. Когда передовой отряд франков прибыл в окрестности Авиньона, сарацины отступили в это место и приготовились к осаде. По прибытии Карла город, который сопротивлялся Хильдебранду, был взят штурмом, а арабский гарнизон был перебит. Затем франки пересекли Рон и прошли через Септиманию к Нарбонне — месту, имевшему большое значение для сарацин, которые сделали его складом для своего оружия. В то время его защищал Аtima, наместник халифа в Септимании, с значительными силами. Сарацины Испании, опасаясь, что гарнизон может оказаться недостаточным для отражения нападения франков (которые окружили город со всех сторон), оснастили флот и переправили отряд

войск к устью реки Берре, недалеко от Нарбонна, в надежде снять осаду. Это движение не ускользнуло от быстрого взгляда Карла, который, оставив своего брата с частью осаждающих, напал с остальными на вновь высадившуюся армию врага и разгромил ее, устроив страшную резню. Однако его попытки захватить Нарбонну, которая осталась в руках сарацин, не увенчались успехом, в то время как Берзье, Агд, Мегалон и Ним, а также все территории к северу от реки Од (впоследствии известные как Лангедок) были воссоединены с Франкской империей.

Согласно Павлу Диакону,^[126] Карлу Мартелю в этом случае помогал Лютпранд, король лангобардов в Италии, с которым он заключил тесный союз и дружбу. У нас нет достаточных оснований полагать, что лангобарды принимали активное участие в этой войне, но само ожидание их приближения, возможно, оказало некоторое влияние на достижение вышеописанных результатов.^[126]

Деятельность его врагов на севере снова помешала Карлу воспользоваться своим преимуществом над мусульманами, которые, возможно, если бы германская Европа была объединена, были бы оттеснены даже к берегам Африки. В 737 году мы видим неутомимого воина, занятого отражением и местью за новое вторжение саксов, которых он разгромил с большими потерями и оттеснил вдоль реки Липпе. В 739 году он снова появился в Бургундии, где его присутствие стало необходимым для подавления тлеющих углей старого заговора.

ДЕЛА РИМА

[739-740 гг. н. э.]

Тем временем для франков готовилась новая арена, на которой им было суждено сыграть очень заметную и важную роль. Усилия и влияние Бонифация, великого апостола Германии, а также тесный религиозный союз, который он установил между франкской церковью и епископами Рима, должны были принести обеим сторонам еще более богатые плоды, чем те, которые были до сих пор.

Как мы уже видели, воссоединение лангобардов под единым главой естественным образом повлекло за собой дальнейшее расширение их границ за счет Римской империи; и это расширение стало непосредственной причиной столкновения между королями лангобардов и преемниками святого Петра, которое привело к важнейшим и долгосрочным последствиям.

Очевидное намерение епископов Рима натравить лангобардов и византийский двор друг на друга и сделать свою карьеру результатом противостояния этих двух противоположных сил, казалось, в течение некоторого времени, было полностью сорвано.

ФРАНКСКИЙ ОФИЦЕР

Лютпранд, справедливо раздраженный поведением римлян, к которым он проявлял столько терпения, привел свои войска к самым воротам Рима с полным намерением присоединить его к остальным своим итальянским владениям; и таким образом, со всей своей дальновидностью, Григорий подверг возникающую структуру папства величайшей опасности и, казалось, сам оказался во власти своих врагов.

В этой крайней ситуации святой отец вспомнил о могущественной нации, которая на протяжении многих веков была верным союзником католической церкви и в последнее время была объединена еще более тесными узами почтения и дружбы с престолом Святого Петра. В 739 году папа Григорий III обратился за помощью против лангобардов «к своему превосходному сыну, подкоролю Карлу».

О том, что эта просьба была сделана неохотно и со значительными опасениями относительно последствий, можно судить по крайним мерам, на которые пошел Григорий, прежде чем ее высказать.

Его колебания были, без сомнения, отчасти вызваны его инстинктивным страхом дать папскому престолу слишком могущественного защитника, который мог легко стать хозяином, а отчасти — его знанием о искренней дружбе, которая существовала между его противником Лютпрандом и его желанным союзником. Из всех обстоятельств, которые угрожали помешать реализации папских мечтаний о светской независимости и духовном господстве, ни одно не вызывало столь большого и оправданного страха, как союз между франками и лангобардами; и мы увидим, что Григорий III и его преемники не щадили усилий и не гнушались никакими средствами, какими бы сомнительными они ни были, чтобы разжечь ревность и ненависть между франками и их лангобардскими сородичами.

ПАПА ПРИЗЫВАЕТ КАРЛА

[740-741 гг. н. э.]

В то время как римляне дрожали за своими поспешно отремонтированными стенами и ждали решающего нападения лангобардов, Карл Мартелл отдыхал от утомительных поздних походов в Бургундию (); он все еще находился в этой стране, когда к нему прибыли папские посланники. Они принесли с собой жалостное письмо от Григория, в котором он с горечью жалуется на преследования своих врагов, которые, по его словам, ограбили саму церковь Святого Петра (стоявшую за стенами) и унесли светильники, а также благочестивые подношения франкских князей. Карл принял сообщение о страданиях понтифика с величайшим почтением. Интересы империи, и в особенности его собственной семьи, были слишком тесно связаны с существованием и честью епископов Рима, чтобы он мог оставаться равнодушным к тому, что происходило в Италии; и нет никаких оснований сомневаться в том, что он питал глубочайшее почтение к главе церкви. Однако это первое посольство, по-видимому, оправдало скорее опасения Григория, чем его надежды. Непрекращающиеся усилия, которые враги Карла заставляли его предпринимать для поддержания своей власти, давно бы уничтожили человека с обычной энергией и выносливостью и начинали сказываться даже на его железном здоровье. Он осознавал, что новый порядок вещей, главным создателем которого он был, зависел в своем продолжении и укреплении исключительно от его присутствия и бдительности. Он был далек от того, чтобы вести свои войска в далекую страну и наживать врагов из числа храбрых и могущественных друзей, и не так давно он сам обратился за помощью к лангобардам и не знал, как скоро она ему снова понадобится. Поэтому он довольствовался началом дружеских переговоров с Лютпрандом, который извинился перед Карлом и согласился пощадить папские владения при условии, что римляне перестанут вмешиваться в его отношения с мятежными подданными. Точные условия соглашения, заключенного между Григорием и Лютпрандом при посредничестве Карла Мартелла, не имеют большого значения, поскольку ни одна из сторон их не соблюдала.

В 740 году лангобарды вновь появились с оружием у ворот Рима, и папа снова стал просителем при франкском дворе. В письме, которое Карл Мартелл получил по этому поводу, Григорий горько жалуется, что ему до сих пор не была оказана эффективная помощь, что больше внимания было уделено «лживым» сообщениям короля лангобардов, чем его собственным заявлениям, и он искренне умоляет своего «христианского сына» не предпочитать дружбу Лютпранда любви князя апостолов. Из всего содержания этого второго послания ясно, что франкский мэр не изменил своего поведения по отношению к королю лангобардов вследствие обвинений и жалоб Григория, а скорее доверял собственному знанию своего друга, чем инвективам испуганного и разгневанного папы.

Чтобы придать дополнительный вес своим письменным протестам и просьбам, Григорий послал епископа Анастасия и пресвитера Сергия к Карлу Мартеллу с более секретными и важными инструкциями, которые он не хотел излагать в письменном виде. О характере их сообщений можно судить по символическим действиям, сопровождавшим их. Послы привезли с собой ключи от гробницы Святого Петра, которые они предложили Карлу, которому они также были уполномочены присвоить титул и достоинство римского патриция. Первым шагом — предложением ключей (честь, никогда ранее не оказывавшаяся франкскому правителю) — Григорий выразил свое желание сделать Карла могущественным майором-протектором Святого Престола; а присвоив ему звание римского патриция, по всей вероятности, без санкции греческого императора, он фактически отказался от верности последнему и признал Карла Мартелла сюзереном римского герцогства и народа. Именно в таком свете вся эта сделка рассматривалась в то время, поскольку в хронике Мойсиака «g», написанной в начале IX века, мы читаем, что к письму папы был приложен «указ римских принцев» и что римский народ, сбросив власть греческого императора, желал поставить себя под защиту вышеупомянутого принца и его «непобедимого милосердия».

Карл Мартелл принял послов с почестями, соответствующими достоинству отправителя и важности их миссии, и с готовностью принял из их рук значительные дары, которые они принесли. Когда они были готовы к возвращению, он нагрузил их дорогими подарками и приказал Гримо, аббату Корбея, и Сигеберту, монаху Сен-Дени, сопровождать их в Рим и передать его ответ папе Григорию. Рим вновь был спасен от разрушения благодаря вмешательству Карла и его влиянию на Лютпранда.

И так последние дни великого франкского героя и Григория III были посвящены выработке линии политики, основанной на взаимном уважении и заботе о великих мирских и духовных интересах, которые были им доверены и которые, благодаря ревностному следованию им со стороны их преемников, привели впоследствии к важнейшим и блестящим результатам. Оба они умерли почти одновременно, в том же 741 году, когда произошли вышеописанные события. Беспокойная деятельность Карла Мартелла преждевременно измотала его. Осознавая быстрое угасание своих сил, он начал наводить порядок в своем доме; и едва успел разделить свою обширную империю между сыновьями и примириться с небесами в церкви святого покровителя, как его схватила лихорадка в его дворце в Карициакуме (Кьери) на Оазе, где он умер 15 (или 21) октября^[127] года 741 году НАШЕЙ ЭРЫ, в возрасте всего пятидесяти лет. Он был похоронен в церкви Дени.

Карл Мартелл может быть отнесен к числу тех великих людей, которые были лишены более половины заслуженной им славы, «потому что им не хватает священного поэта». Поступки, которые в полном свете истории казались бы достаточными, чтобы сделать бессмертными дюжину воинов, франкские летописцы описывают несколькими сухими словами. Его величие, действительно, сияет даже в их скупых замечаниях; но, читая их, мы чувствуем, что если бы Цезарь или Ливий раскрыли его характер и описали его подвиги, а не бедный педантичный монах, подобный Фредегарию,^d то можно было бы найти соперника Цезарям, Сципионам и Ганнибалам.

КАРЛОМАН И ПЕПИН КОРОТКИЙ

[741-742 гг. н. э.]

Карл Мартелл оставил двух сыновей, Карломана и Пепина, от своей первой жены, о которой ничего не известно, и третьего, Грифо, от плененной баварской принцессы Сванахильды, которую иногда называют его второй женой, а иногда — наложницей. В первом разделе своих владений, о котором стало известно еще до его смерти, он отдал Австразию, Швабию (Аламанию) и Тюрингию, германские провинции, своему старшему сыну Карломану, а Нейстрию, Бургундию и Прованс — Пепину, главному наследнику его славы. В этом соглашении сын Сванахильды был мудро обойден, но мольбы его прекрасной супруги побудили Карла в самом конце своей жизни отделить часть от каждого из двух вышеупомянутых королевств для Грифо; это было несчастным шагом, который принес только гибель тому, кто получил роковой дар.

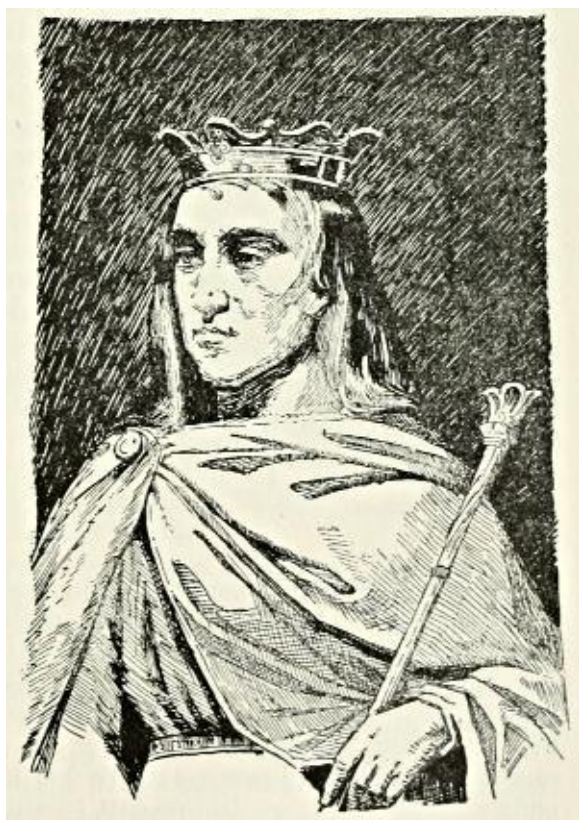
Вредные последствия нового раздела проявились сразу же. Подданные Грифо, среди которых он мог рассчитывать на сочувствие и поддержку, были недовольны тем, что их произвольно отделили от остальной части империи; и недовольство сеньоров и народа во всех частях страны, по-видимому, усугублялось предубеждением против Сванахильды как иностранки и из-за того большого влияния, которое она оказывала на сердце Карла. Настроения франков по этому поводу были настолько сильны, что можно с полным основанием усомниться, смогли ли бы Карломан и Пепин, даже если бы они того захотели, обеспечить своему брату владение отведенной ему территорией.

Какими бы ни были чувства двух старших братьев по отношению к Грифо, они вскоре стали открыто враждебными после бегства их сестры Хильтруды ко двору Баварии и ее несанкционированного брака с Отило, герцогом этой страны. Сванахильда и Грифо, которых естественно считали зачинщицами этого нежелательного союза, заперлись в крепости Лаон, но, будучи полностью лишены средств, сдались, как только Карломан и Пепин появились с армией у ее стен. Любимая жена могущественного Карла Мартелла была отправлена в монастырь в Шелле, а Грифо был заключен в замок Нёфшато в лесу Арденны.

Посадив на трон Меровинга по имени Хильдерик, который их отец за некоторое время до своей смерти оставил незанятым, молодые принцы направили армию в сторону Аквитании, поскольку Хунольд, сын Эудеса, присяжный вассал Карла Мартелла, проявил свои мятежные намерения, бросив в тюрьму Лантфреда, франкского посла. Переправившись через Луару, они опустошили Аквитанию вплоть до Буржа и были на грани захвата всей страны, когда известие о еще более серьезном восстании швабов заставило их внезапно прервать поход на юг и вернуться в сердце своих владений. Герцоги Швабии и Баварии, пригласив саксонские и славянские племена к объединиться против франков, провели необычайно масштабные приготовления к войне. Однако внезапное возвращение франкской армии сорвало их наполовину осуществленные планы. Осенью того же года Карломан перешел Рейн, напал на швабского герцога Теобальда, прежде чем его баварские союзники были готовы выйти на поле боя, и заставил его возобновить клятву верности и дать заложников для ее соблюдения.

[742-745 гг. н. э.]

Тем временем Отило, герцог Баварии, муж беглой принцессы Хильтруды, делал все, что в его силах, чтобы укрепить свои позиции перед ожидаемым нападением франков, и, очевидно, действовал в согласии с герцогом Аквитании Хунольдом. Поражение швабов было тяжелым ударом для его надежд, но он зашел слишком далеко, чтобы отступить, и, объединив отряд саксов и славянских наемников со своими подданными, занял позицию на другом берегу реки Лех и укрепил берега, чтобы помешать врагу переправиться. Франки прибыли вскоре после этого, но обнаружили, что баварцы так прочно укрепились, что пролежали пятнадцать дней на противоположном берегу, не предпринимая никаких действий. Однако после тщательных поисков они обнаружили брод, по которому переправились через реку ночью, напали на ничего не подозревающего врага, обратили его в бегство и с большими потерями прогнали через реку Инн.

Хильдерик

(Из французской гравюры 1832 года)

Говорят, что франкские князья пробыли в стране врагов пятьдесят два дня, но их поход был скорее набегом, чем завоеванием, и баварцы остались практически в том же состоянии полунезависимости, в котором они находились до этого. Деятельность восставших племен делала для Карломана и Пепина опасным вести свои войска слишком далеко в каком-либо одном направлении. Как Хунольд был спасен восстанием швабов, так и Отило теперь был избавлен от присутствия франков благодаря отвлекающим маневрам, предпринятым в его пользу в двух других направлениях: саксами, которые напали на Тюрингию, и Хунольдом, который, ободренный безнаказанностью и отсутствием франков, пересек Луару и опустошал земли вплоть до Шартра. Саксы требовали первоочередного внимания франкских вождей, поскольку последние не смели маршировать на юг с таким опасным врагом в тылу. Говорят, что Карломан разгромил саксонскую армию, которая, по всей вероятности, состояла из недисциплинированных мародеров, в двух великих сражениях и увез одного из их вождей по имени Теодорик в Австразию. Тем временем Пепин сражался со швабами под командованием Теобальда, которых он вскоре подчинил себе. Таким образом, обеспечив на время тыл, братья-воины в 745 году объединили свои силы и выступили против Хунольда (), который, осознавая свою полную неспособность противостоять их объединенной силе, без сопротивления сложил оружие, согласился дать заложников и возобновить свои хрупкие клятвы верности. Разочарованный своим неудачным поступком, он вскоре после этого уступил власть своему сыну Вайфару и удалился в монастырь Св. Филибера на острове Ре, у побережья Аквитании.

Хотя нелегко определить, в чем именно швабы были более виноваты в упомянутой войне, чем другие восставшие народы, очевидно, что они вызвали особую неприязнь своих франкских завоевателей. Все они нарушили свою верность и пытались силой вернуть независимость, которой были лишены насильственным путем. Однако в то время как баварцы и аквитанцы были просто вынуждены возобновить свои обязательства на честных условиях, обращение со швабами оставило неизгладимое пятно на репутации Карломана.

Этот храбрый и некогда могущественный народ после поражения от Пепина укрылся в неприступных Альпах, но вскоре был вынужден подчиниться и возобновить прежнюю верность. Однако в 746 году они, по-видимому, замыслили новое восстание и были обвинены в подстрекательстве баварцев к новой попытке счастья в войне. Разъяренный, казалось бы, бесконечным характером борьбы, Карломан, по-видимому, счел себя оправданным в том, чтобы ответить на вероломство гораздо более гнусным предательством; и это единственное оправдание, которое можно предложить для его поведения. Приведя свою армию в Каннштадт в 746 году, он приказал Теобальду, герцогу Швабскому, присоединиться к нему со всеми своими силами в соответствии с военным приказом. Теобальд подчинился без подозрений, полагая, что он будет использован вместе с остальными силами Карломана против какого-то общего врага. «И там, — говорит летописец из Меца, — произошло великое чудо: одна армия захватила и связала другую без каких-либо опасностей войны!» Как только две армии встретились, казалось бы, в дружеской обстановке, Карломан приказал своим франкам окружить аламаннов (швабов), разоружить и связать их. Затем он провел расследование относительно помощи, оказанной баварцам, и, схватив вождей, которые помогали Отило «против непобедимых князей Карломана и Пепина, милосердно наказал каждого по заслугам». Ланфрид II получил вакантный трон Теобальда, который, по всей вероятности, был одним из тех, кто погиб от милосердного наказания Карломана.

ПЕПИН — ЕДИНСТВЕННЫЙ ПРАВИТЕЛЬ

[747-748 гг. н. э.]

В следующем году связь между семьей Карловингов и римской церковью, которая становилась все более тесной, еще более укрепилась благодаря добровольной отречению Карломана и его вступлению в монашеский орден. Причины, которые побудили этого могущественного князя и успешного воина сделать такой необычный шаг, совершенно неизвестны. Раскаяние за недавнее предательство, отвращение к кровопролитию, которое он вызвал и которому был свидетелем, чувство неполноценности по сравнению со своим братом Пепином и сомнения в продолжении братской гармонии, естественная склонность к религиозному созерцанию, усилившаяся под влиянием Бонифация, чья искренняя вера и безупречная жизнь не могли не произвести глубокого впечатления на всех, кто его знал, — эти и другие причины приходят на ум каждому как достаточные, по отдельности или в различных комбинациях, для объяснения результата. Однако мы можем только догадываться о мотивах, которые были неизвестны поколениям, непосредственно следовавшим за ним, и которые, возможно, было бы трудно определить даже ему самому.

При полном согласии своего брата Пепина, чья жажда мирских почестей была далеко не удовлетворена, Карломан отправился в Рим^[128] с многочисленной свитой из главных деятелей своего королевства, взяв с собой великолепные подарки для папы. Он был принят Захарием с большими почестями, и по его совету Карломан поклялся в послушании правилам святого Бенедикта перед Оптатом, аббатом Монте-Кассино, и основал монастырь

святого Сильвестра на классических высотах горы Соракте. Но он был слишком серьезен в своем стремлении к уединению, чтобы считать окрестности Рима подходящим или приятным местом для проживания. Вскоре новооснованный монастырь был переполнен любопытными посетителями, жаждущими увидеть княжеского монаха, который отказался от всего, чтобы следовать за Христом. Поэтому он покинул гору Сораче и, скрывая, насколько это было возможно, свое имя и звание, вступил в число бенедиктинских монахов Монте-Кассино.

Поскольку никаких оговорок в пользу сына Карломана Дрого не было, Пепин теперь стал единоличным правителем всей Франкской империи. Не менее примечательным и приятным фактом является то, что одним из первых решений, которые Пепин принял, обладая неограниченной властью, было освобождение своего брата Грифо из долгого заключения; примечательным, потому что это, по-видимому, означает, что Карломан, чья восприимчивость к религиозным влияниям не вызывает сомнений, был единственным препятствием для этого акта великодушия и милосердия. Действительно, мы можем предположить, что Карломан более ясно, чем его брат, предвидел пагубные последствия восстановления Грифо в свободе, поскольку политическая целесообразность этого шага была, безусловно, более сомнительной, чем его великодушие. Освобожденный принц думал больше о том, что ему было отказано, чем о том, что ему было даровано, и никогда не переставал считать себя имеющим право на равную долю владений своего отца. В 748 году, вскоре после своего освобождения, пока Пепин проводил совет епископов и сеньоров в Дюрене, Грифо формировал партию среди молодых людей, чтобы поддержать свои притязания на трон. В компании с некоторыми из них он бежал к саксам, которые всегда были готовы объединиться против ненавистных франков. Пепин, хорошо осознавая, насколько воспламеняемыми материалами были окружены его границы, и опасаясь возобновления пожара, который он недавно потушил кровью, немедленно выступил в поход; промаршировав через Тюрингию, он атаковал и разгромил нордо-сквави, саксонское племя, которое жило на реке Виппер, между Боде и Заале. Саксонский вождь Теодорик был взят в плен в третий раз, и значительное число пленных, взятых в этот раз, были вынуждены принять христианское крещение, в соответствии с обычной политикой того времени.

После безрезультатных переговоров между братьями Грифо попытался оказать сопротивление на реке Окер; потерпев неудачу, он бежал к баварцам, среди которых враг Пепина был уверен, что найдет прием. Разрушив саксонскую территорию в течение сорока дней и вновь введя дань, ранее взимавшуюся Клотарем, Пепин направил свой поход в Баварию в погоню за братом. Отило, бывший герцог этой страны, к тому времени уже умер, и его преемником стал его сын Тассило, который правил под влиянием франкской принцессы Хильтруды. К этим закоренелым врагам Пепина присоединились также могущественный баварский вождь по имени Суитгер и швабский герцог Ланфрид II. Если мы правильно понимаем отрывок из анналов Меца, Грифо удалось лишить Тассило и его мать власти и стать правителем Баварии. Грифо, Суитгер и Ланфрид объединили свои силы, но, не рискуя дожидаться нападения франков на Лех, как это сделал Отило в предыдущий раз, они сразу отступили за Инн, который уже доказал свою эффективность в качестве защитного барьера. Пепин, однако, больше не сдерживаемый множеством врагов, решил окончательно решить вопрос и уже готовился перейти Инн, когда лидеры союзной армии, убедившись в бесполезности сопротивления превосходящим силам франков, добровольно сдались в плен. Мягкость, с которой обошлись с баварцами, по-видимому, означает, что им были предоставлены выгодные условия капитуляции. Тассило получил обратно свое герцогство, за что должен был присягнуть на верность франкскому правителю, а Аламания была окончательно включена в состав франкских владений. Судьба Ланфрида II, последнего

из швабских герцогов, неизвестна, но характер и общая политика Пепина гарантируют, что с ним не обошлись излишне сурово. Грифо в очередной раз был обязан своим братом Эрве () жизнью и свободой и не только получил полное помилование, но и был награжден двенадцатью графствами и городом Ле-Ман — достатком, достаточно великолепным, чтобы удовлетворить желания любого, кто не слишком мечтал о независимости и королевской власти.

Неудача, сопровождавшая усилия Грифо, чьи притязания всего несколько лет назад собрали бы тысячи недовольных под его знаменем, а также быстрое и легкое подавление восстаний в Швабии и Баварии, дают нам доказательства того, что когда-то ожесточенное сопротивление сеньоров, как светских, так и духовных, установлению каролингского трона было окончательно преодолено; и что Пепин обладал такой степенью устоявшейся власти, которой не обладали ни его отец, ни его дед.

СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ

[748-751 гг. н. э.]

МЕРОВИНГСКИЙ ФРАНК

Именно во время мэрства Пепина, а не, как обычно считается, во время мэрства Карла Мартеля, произошло знаменитое и важное событие секуляризации. Практика, к которой Карл Мартель был вынужден прибегнуть из-за необходимости, заключалась в предоставлении церковных бенефиций мирянам, которые принимали священство с чисто светскими взглядами, что было несовместимо с миром и порядком и противоречило всем

высшим интересам христианской церкви. Однако в качестве исключительной меры даже строгие дисциплинарии и благочестивые церковники, такие как Бонифаций, сочли целесообразным дать молчаливое согласие на использование церковных доходов для военных целей. Но когда, с одной стороны, последствия этих неправомерных и насильственных мер с течением времени стали более очевидными, а с другой — благодаря усилиям Бонифация и его школы среди большей части духовенства распространилась более строгая дисциплина и более религиозный и церковный дух, всем истинным друзьям церкви становилось все более неприятно видеть, как высшие должности занимают маскирующиеся миряне, которые не имели ничего общего со священниками, кроме имени и одежды. Есть все основания полагать, что Карломан и Пепин в значительной степени разделяли это отвращение; и все же, хотя они и не были вовлечены в междоусобную борьбу, как их отец, они вели дорогостоящие войны и нуждались в больших запасах земли и денег. Поэтому не следовало ожидать, что они освободят церковь от участия в общественных бременах, особенно в то время, когда она поглощала очень большую часть национального богатства. В этих условиях под влиянием Бонифация на синоде в Лестине был достигнут компромисс. На этом важном соборе собравшиеся епископы согласились, учитывая насущные нужды государства, добровольно сдать часть церковных средств, с оговоркой, что гражданские правители, со своей стороны, в будущем воздержатся от любого произвольного вмешательства в церковную дисциплину и собственность.

Огромные средства, которые «секуляризация» предоставила в распоряжение франкских князей, в немалой степени способствовали укреплению трона Каролингов, поскольку позволили им в полной мере реализовать систему благотворительных (или не наследственных) пожалований и обеспечить себе услуги могущественных сеньоров, которые были связаны с монархом не только чувством благодарности, но и надеждой на будущие милости и страхом лишения.

ПОМАЗАНИЕ ПЕПИНА (751 г. н. э.)

В период, к которому мы сейчас подошли, произошло изменение, которое, хотя и было легко и бесшумно, и, по-видимому, номинальным, сформировало важную эпоху в истории франков. Нам трудно вспомнить, что Карл Мартелл, Карломан и Пепин не были королями, а были чиновниками другого, который все еще носил королевский титул и время от времени и исключительно носил корону и сидел на троне. Карломан и Пипин, когда они возглавляли великие армии, принимали присягу на верность от покоренных князей и раздавали герцогства, были мэрами дворца Хильдерика III, короля из династии Меровингов. Даже они считали, что еще не настало время называть себя своими именами, и посадили Хильдерика на трон. Имя короля было башней силы, которую те, кто встречал и побеждал всех других врагов, казалось, боялись атаковать.

Фундамент меровингского трона, по сути, был тщательно, возможно, систематически подрыв. Мэры, создававшие королей, устанавливали монархов и свержали их по своему усмотрению; они даже оставляли трон вакантным на некоторое время, как будто хотели проверить, излечилась ли нация от своей укоренившейся идеи, что только меровингский род может носить франкскую корону. До трона оставался всего один шаг, и этот шаг был наконец сделан, когда в империи почти не осталось людей, которые имели бы силу или желание помешать этому.

В 751 году Пепин принял титул короля с полного согласия народа и санкции папы; последний из Меровингов был лишен своих королевских локонов, символов его власти, и отправлен доживать свои дни в монастырь Св. Бертина в Ситье (Св. Омер в Артуа).

Непосредственная причина этой перемены не ясна, и заметное отсутствие какого-либо нетерпения со стороны Пепина в отношении принятия королевского титула, по-видимому, подтверждает предположение, что *смертельный удар* по династии Меровингов был нанесен не им, а кем-то другим. Возможно, это событие было бы отложено, если бы не растущая близость между Каролингами и папой.

Все, что дошло до нас, — это тот факт, что в 750 (или 751) году посольство, состоящее из Бурхарда, епископа Вюрцберга, Фульрада, аббата Сен-Дени, и личного капеллана Пепина, явилось в Римский папский двор и поставило перед папой Захарием следующий вопрос для решения: целесообразно ли, чтобы тот, кто не обладает властью в стране, продолжал носить титул короля, или же этот титул следует передать тому, кто действительно осуществляет королевскую власть.

Невозможно даже представить, что Захарий был не готов с ответом на этот важный вопрос, который, безусловно, не был бы задан, если бы существовали какие-либо сомнения относительно ответа. Папа ответил, что тот, кто действительно правит, должен также носить королевское имя; и посольство вернулось к Пепину с этим сообщением или, как некоторые писатели с удовольствием называют это, с этим «приказом». В том же году в Суассоне (Augusta Suessionum) был созван великий совет нации, и мажордом был единогласно избран единственным королем франков, а вскоре после этого он был помазан и коронован вместе со своей женой Бертрадой своим старым и верным другом Бонифацем.

Это торжественное посвящение с использованием святого масла и другие церемонии, впервые проведенные при коронации короля из династии Карлов, имели важное значение. Чувство легитимности было очень сильно укоренилось в сердцах франков. Свергнутая семья всегда поставляла нацию исключительно своими правителями; ; никто не мог проследить их происхождение или указать на Меровинга, который не был бы либо королем,

либо родственником короля. С Пепином дело обстояло совсем иначе. Он был первым из своего рода, кто не боролся за должность майоранта с такими же знатными соперниками, как он сам. Прошло чуть больше века с тех пор, как его тезка из Ландена был уволен со своей должности по произвольной воле Дагоберта. Необычайная плодовитость семьи Карловингов в воинах и государственных деятелях до сих пор позволяла им противостоять всем противникам. Но если новая династия должна была опираться на что-то более надежное и прочное, чем непрерывная передача великих физических и умственных способностей в одной семье, для Карловингов было жизненно важно воздвигнуть свой трон на фундаменте, глубина которого была недоступна для постороннего взгляда. Таким фундаментом могло быть только одобрение небес, и его следовало искать в христианской церкви, в велении представителя Бога на земле, который мог бы выделить Карловингов как избранную расу и наделить их небесным правом на повиновение со стороны своих соотечественников.

Мы уже упоминали об успешных усилиях Бонифация и его последователей в деле установления верховенства Рима. Вера в силу епископов Рима, как преемников святого Петра, связывать и развязывать, устанавливать и отменять, уже укоренилась в сознании народа и сделала санкцию пап столь же эффективным средством легитимизации, как и облако тайны и легенд, окутывающее происхождение падших Меровингов.

Эта смена династии произошла так постепенно, новый трон был так искусно основан на прочной власти, воинской славе, хорошем правлении и религиозной вере, что, насколько мы можем судить по истории, ни один голос не был поднят против амбициозного мэра, когда его воины, *more majorum*, подняли его на щит и трижды пронесли через радостную толпу; и когда Бонифаций помазал его святым маслом как короля франков «по милости Божьей», во всей этой могущественной империи не нашлось ни одного воина, который бы обнажил меч в защиту последнего монарха из дома Хлодвиг.

Пепин не долго мог наслаждаться своим новым достоинством в мире, но вскоре был вынужден променять удобства королевского дворца на тяготы и опасности поля битвы.

Саксы уже оправились от нанесенного им наказания и жаждали мести; и, взбунтовавшись «по-своему» [как говорит Фредегарий [4](#)], теперь шли на Рейн. Но Пепин, который не перестал быть полководцем, когда стал королем, собрал большую армию, с которой переправился через Рейн, вторгся на территорию саксов, опустошил ее огнем и мечом и увез большое количество пленников в свои владения.

Именно по возвращении из этого похода он получил известие о смерти своего брата Грифо. Этот беспокойный и несчастный принц, которого неизгладимое представление о своем праве на трон лишало возможности наслаждаться благородной судьбой, уготованной ему братом, бежал к Вайфару, герцогу Гаскони, в надежде побудить его взяться за оружие. Но Вайфар не был в состоянии защитить его, и когда послы Пепина потребовали выдать Грифо, тот был вынужден искать другое убежище. Беглец направился к королю Айстульфу, вероятно, предвидя, что Пепин будет втянут в вражду между папой и лангобардами, подданными Айстульфа, и поэтому думая, что он уже может считать последнего врагом своего брата. Однако, когда он пересекал Альпы с небольшой свитой, он был нападён в долине Сен-Жан-де-Мориенн графом Теудесом из Вьенна и трансурским графом Фридрихом. Грифо был убит, но только после отчаянной борьбы, в которой погибли и оба вышеупомянутых графа.

Пепин теперь удалился в свою королевскую резиденцию в Дитенховене (Тионвиль, Вилла Теудонис) на Мозеле и провел несколько месяцев мира, последовавших за саксонской

войной, занимаясь делами церкви, что он осуществлял главным образом с помощью церковных синодов.^b

Теперь мы можем с пользой для себя кратко вернуться к делам лангобардов, которых мы оставили в момент смерти Лютпранда в 744 году.^a

ДЕЛА ЛАМБАРДОВ

[744-751 гг. н. э.]

Влияние Карла Мартелла на его союзника и друга Лютпранда, а также почтение, которое последний испытывал к папам как духовным лидерам, привели к временному затишью в делах Италии. Но Лютпранд умер примерно через два года после вступления на престол Пепина, и его преемником сначала стал его внук Хильдебранд, который правил семь месяцев, а затем Ратчис, герцог Фриули, под властью которого лангобарды возобновили войну против Рима. В этой чрезвычайной ситуации Захарий, который, как и многие другие папы, полагался на свое личное влияние на грубых королей и воинов того времени, сам отправился в Перуджу (Перузию), чтобы умолять Ратчиса о мире. Результат превзошел все его самые смелые ожидания. Ломбардский монарх не только отозвал свои войска, которые уже осаждали города Пентаполиса, и заключил мир на сорок лет, но и был настолько глубоко тронут достоинством и красноречивыми увещаниями святого отца, что, подобно другому Карломану, отказался от своей земной короны и укрылся от забот правления в тихих монастырях Монте-Кассино.^b

Такова история, рассказанная в «*Liber Pontificalis*»,ⁱ, но есть основания полагать, что Ратчис потерял благосклонность своих собственных лангобардов, завоевав улыбку папы, и что революция свергла его с трона, и ему посчастливилось быть замурованным в монастыре, вместо того чтобы встретить вероятную судьбу своего предшественника, Ильдебранда, исчезновение которого остается необъяснимым. Странно, что Ратчис отправился в тот же монастырь, где жил бывший король Карломан.^a

[749-753 гг. н. э.]

В 749 году Ратчиса сменил его брат Айстульф, человек, отнюдь не столь восприимчивый к духовным влияниям и отличавшийся энергией и целеустремленностью. За три года после вступления на лангобардский трон ему удалось изгнать Евтихия, последнего экзарха греческих императоров, из экзархата Равенны и стать хозяином города. Таким образом обеспечив себе владение южной частью римской территории, он двинулся на сам Рим; и когда 15 марта 752 года умер папа Захарий, он, должно быть, с грустным осознанием того, что все его усилия по сохранению независимости Рима и продвижению высоких притязаний папства окажутся тщетными. Ганнибал вновь стоял у ворот, но, к счастью для интересов угрожаемого города, преемник Захарии, Стефан II, был человеком, во всех отношениях соответствующим ситуации. С помощью своевременного посольства и дорогих подарков он на время остановил поднятую руку лангобардов и, как это часто бывает в человеческих делах, выиграв время, он выиграл все.

Пробыв в покое несколько месяцев, Айстульф вновь возобновил свою угрожающую позицию по отношению к римлянам и потребовал от них явного доказательства своей подчиненности в виде подушной подати в размере одного золотого солида с человека. Новое посольство от папы, которое лангобардский король принял в Непи (недалеко от Сутри, к северу от Рима), не увенчалось успехом, и святые аббаты Св. Винсента и Св. Бенедикта, которые его составляли, в отчаянии вернулись в свои монастыри. Не принесло

большого эффекта и прибытие Иоанна, императорского *силенциария*, посланного греческим императором из Константинополя. Этот помпезный посланник привез письма для папы и короля Айстульфа, в которых последний призывался отказаться от своего нынешнего предприятия и вернуть всю территорию, которую он несправедливо отнял у Греческой империи. Высокопарный язык и надменные требования византийцев, не подкрепленные никакой материальной силой, не могли произвести впечатления на такого человека, как Айстульф, и он отпустил императорского посланника с бессмысленным ответом.

Опасность для Рима достигла теперь своего апогея, и спасение не предвиделось. «Король Айстульф», по словам папского биографа, ⁴¹ » (был охвачен яростью и, как рычащий лев, не переставал высказывать самые страшные угрозы в адрес римлян, заявляя, что он убьет их всех мечом, если они не подчинятся его власти». Обращение папы к византийским императорам с просьбой о защите оказалось совершенно безрезультатным, и римляне были совершенно не в состоянии без посторонней помощи выдержать борьбу с воинственными лангобардами. В этой крайней ситуации Стефан решил еще раз проверить ценность тех тесных отношений, которые так много пап стремились установить с франкским народом, и в особенности с семьей Карловингов. Он знал, что будет нелегко убедить короля Пепина или его франков предпринять поход в Италию с силами, достаточными для достижения поставленной цели. Он также понимал, что простое письмо от Пепина, подобное тому, которое Карл Мартелл послал своему хорошему другу Лютпранду, не сможет отвратить амбициозного Айстульфа от его намерения. Поэтому он принял решение пересечь Альпы, броситься к ногам франкского монарха и таким образом убедительно доказать ему, что на карту поставлено само существование папства.

ПАПА ПОСЕЩАЕТ ПЕПИНА

[753-754 гг. н. э.]

С этой целью святой отец, видя, что все его мольбы «о стаде, вверенном ему (Риму), и о потерянных овцах» (Истрия и экзархат Равенны) были безрезультатны, 14 октября 753 года вышел из Рима в сопровождении аббата Дроктиганга и герцога Аучара, которых Пепин ранее послал к Стефану с общими обещаниями поддержки. За ним последовало также значительное число римского духовенства и знати. На своем пути на север он прошел через город Павию, где в то время находился Айстульф; и хотя последний запретил ему говорить о восстановлении территории, он еще раз попытался, с помощью богатых подарков и искренних просьб, убедить короля отказаться от своих завоеваний и отступить от своих враждебных намерений. Его горячо поддерживали посланцы Пепина и еще одно письмо от греческого императора, но решимость свирепого лангобарда осталась неизменной. Очевидно, что он бы силой помешал Стефану продолжить путь, если бы не угрозы франкских послов. В итоге он попытался запугать папу в присутствии Дроктиганга, чтобы тот отказался от своего желания отправиться ко двору Пепина, и только тогда отпустил его, когда понял, что Стефан не уступит ничему, кроме фактического насилия.

ПЕПИН

(Из французской гравюры 1830 года)

Пепин все еще находился в своем дворце в Дитенхофене, когда к нему пришла весть о том, что папа с великолепной свитой прошел через перевал Великий Сен-Бернар и, согласно договоренности, спешил в монастырь Св. Мориса в Агаунуме. Ожидалось, что сам король будет там, чтобы принять прославленного беженца, но по прибытии Стефан обнаружил вместо него аббата Фульрада и герцога Ротарда, которые приняли святого отца со всеми признаками радости и почтения и сопроводили его во дворец Понтион, недалеко от Шалона, куда он прибыл 6 января 754 года. В качестве еще одного знака почтения молодой принц Карл был послан встретить Стефана на расстоянии около семидесяти миль от Понтиона;^{[129](#)} а сам Пепин, как говорят, вышел ему навстречу на три мили пешком и действовал как его маршал, идя рядом с его конем. Необычайные почести, оказанные Пепином пожилому изгнаннику, были, без сомнения, частично вызваны почтением и сочувствием, которые вызывали его характер и обстоятельства. Но его поведение могло быть также результатом мудрого учета своих собственных интересов и желания внушить своим подданным таинственное благоговение перед духовным властителем, по приказу которого он сам принял корону.

Решающая встреча между Пепином и Стефаном состоялась в Понтионе 16 января. Папа предстал перед франкским монархом в одежде и позе просителя и получил обещание защиты и возвращения всех территорий, которых его лишили лангобарды.

[754-755 гг. н. э.]

Зиму, в течение которой не могли проводиться военные операции, Стефан провел в монастыре Сен-Дени в Париже. Зрелище гармонии и дружбы, существовавшей между римским понтификом и королем Пепином, было рассчитано на то, чтобы произвести

хорошее впечатление на романских подданных последнего, которые из-за его германского происхождения и склонностей относились к нему с меньшей привязанностью в Нейстрии и Бургундии, чем в его австразийских владениях.

Этот эффект был усилен тем, что Стефан лично отпраздновал торжественный акт посвящения, который он уже совершил по доверенности. Во время второй коронации Пепина, которая состоялась с большой торжественностью и помпой в церкви Св. Дени 28 июля 754 года, его королева Бертрада и ее два сына, Карл и Карломан, также были помазаны святым маслом, и последние двое были объявлены законными наследниками империи своего отца. Чтобы со стороны церкви не было недостатка в том, чтобы выделить семью Карловингов как избранных Богом, Стефан возложил на франков торжественное обязательство, что «на протяжении всех будущих веков ни они, ни их потомки не должны были бы сметь назначать над собой короля из какой-либо другой семьи».

Титул *Patricius Romanorum*, который впервые был присвоен Хлодвигу, был присвоен папой королю и его сыновьям. Трудно понять, как в этот период можно было присвоить такое достоинство кому-либо без разрешения византийского императора. Константин (прозванный Копронимом) действительно мог воспользоваться поездкой папы, чтобы предложить Пепину титул патриция; но более соответствует описанным нами обстоятельствам предположение, что Стефан действовал неправоммерно и без полномочий, присвоив франкскому королю римский титул, и что он намеревался одновременно дать явное доказательство своей независимости от императора, который не оказал ему помощи, и указать на Пепина как на своего будущего союзника и защитника.

1 марта 755 года^[130] Пепин созвал свой государственный совет в Бернакуме (Брене), где было решено начать войну против лангобардов, если не удастся найти других средств для восстановления папы. Тем временем к Айстульфу были отправлены послы с условиями, которые показывают, что франки отнюдь не были заинтересованы в этой экспедиции. Король Пепин в этом случае называет себя «защитником святой римской церкви по божественному назначению» и требует, чтобы территории и города были возвращены — не византийскому императору, которому они в любом случае номинально принадлежали, а «блаженному святому Петру, церкви и республике римлян».

Именно в этот кризисный момент на сцену вновь выходит Карломан, брат Пепина, и в необычном качестве, а именно в качестве противника папы. Айстульф, каким образом — нам неизвестно, — убедил его отправиться во франкский двор с целью противодействовать влиянию Стефана. Конечно, он не добился успеха и был отправлен Пепином и Стефаном в монастырь в Вьенне, где и умер в том же году.

ПЕПИН ВТОРГАЕТСЯ В ИТАЛИЮ (755 г. н. э.)

[755 г. н. э.]

Айстульф со своей стороны был столь же решителен, и война стала неизбежной. Он не давал никаких обещаний относительно завоеванных территорий, но гарантировал Стефану безопасный проход обратно в его епархию. Поздний сезон не позволял затягивать переговоры. Сразу после получения ответа Айстульфа Пепин начал свой поход в Италию в сопровождении Стефана; отправив отряд вперед, чтобы занять альпийские перевалы, он последовал за ним со всеми силами империи. Пройдя через Лион и Вьенну (), он направился в Мориенну с намерением пересечь Альпы через долину Суза у подножия Мон-Сени. Однако этот важный перевал был занят Айстульфом, который разбил там свой лагерь и был готов

оспаривать проход. Согласно летописцам, он пытался укрепить свои позиции с помощью тех же военных машин, которые он «злобно сконструировал для уничтожения Римского государства и апостольского престола». На данный момент продвижение франков было эффективно остановлено.

Пепин разбил лагерь на реке Арк. Однако вскоре несколько его самых смелых солдат пробрались через горы в долину Суза, где находился Айстульф. Их меньшее число ободрило лангобардов, которые немедленно напали на них. «Франки, — пишет Фредегарий, — [d](#) — видя, что их собственные силы и ресурсы не могут их спасти, призвали на помощь Бога и святого апостола Петра; после чего началось сражение, и обе стороны сражались храбро. Но когда король Айстульф увидел потери, которые несли его люди, он бросился бежать, потеряв почти всю свою армию, вместе с герцогами, графами и вождями лангобардов». Основные силы армии Пепина затем без сопротивления пересекли Альпы и распространились по равнинам Италии вплоть до Павии, где укрылся король лангобардов.

Ужасные разрушения, причиненные захватчиками, которые грабили и сжигали все города и деревни, лежавшие на их пути, а также неминуемая опасность, угрожавшая ему самому и его королевскому городу, на время укротили упрямый дух Айстульфа, и он искренне умолял франкских прелатов и дворян заступиться за него перед их «милосердным» правителем. Он обещал вернуть Равенну и все другие города, которые он отнял «у Святого Престола», верно служить Пепину и никогда больше не причинять вреда апостольскому престолу или римскому государству. Сам папа, не желавший, чтобы франки стали слишком могущественными в Италии, искренне умолял своего могущественного покровителя «не проливать больше христианской крови, а положить конец конфликту мирными средствами».» Пепин несколько не сожалел, что ему удалось избежать осады Павии, и, получив сорок заложников и заставив Айстульфа подтвердить свои обещания самыми торжественными клятвами, он отправил папу с великолепной свитой в Рим и повел свою армию домой, нагруженную добычей.

ВТОРАЯ ВОЙНА С ЛОМБАРДАМИ

[755-756 гг. н. э.]

Но Айстульф не был человеком, который мог бы смириться с поражением или отказаться от давно вынашиваемой цели. В следующем году он возобновил нападение на римскую территорию с яростью, усугубленной желанием мести. Сам Рим был осажден, а церковь Святого Петра на Ватиканском холме () была осквернена. Папа Стефан II ([n](#)), из жизни и писем которого мы черпаем знания об этих обстоятельствах, неоднократно писал Пепину и его сыновьям с просьбой о помощи, используя самые настоятельные и порой возмущенные выражения. В одном из своих посланий сам святой Петр обращается к ним как к «своим приемным сыновьям» и упрекает короля за промедление и нерешительность. Уверяя их, что не только он (апостол), но и «Матерь Божья, всегда Дева Мария», и «престолы и господства, и все воинство небесное, и мученики и исповедники Христа, и все, угодные Богу», искренне просят и умоляют их спасти святой престол, апостол обещает, в случае их согласия, что он приготовит для них «высшие и славнейшие скинии» и дарует им «награду вечного вознаграждения и бесконечные радости рая». «Но если», добавляет он, «что мы не ожидаем, вы будете медлить, знайте, что за пренебрежение моим увещанием вы отчуждены от Царства Божьего и от вечной жизни». Когда Стефан, выступая от своего имени, говорит: «Знайте, что апостол Петр крепко держит в руке дарственную грамоту, которая была дана вашими руками» (), он не забывает напомнить франкским князьям об их обязательствах перед папством и о том, что они должны выполнить. «Поэтому», говорит он, «Господь, по

заступничеству апостола Петра и посредством Он также не забывает напомнить франкским князьям об их обязательствах перед папством и о том, что от них ожидается в ответ. «Поэтому, — говорит он, — Господь, по заступничеству апостола Петра и благодаря нашему смирению, посвятил вас в короли, чтобы через вас была возвышена святая церковь и князь апостолов вернул свои законные владения».

Безграничные обещания и страшные угрозы папы могли бы оказаться тщетными, если бы другие, более веские мотивы не побудили короля к второму походу в Италию. Интересы его династии были настолько тесно связаны с интересами римской церкви, что он не мог бросить папу в этой крайней опасности, не ослабив основания своего трона; а его честь как воина и короля, казалось, требовала, чтобы лангобарды были наказаны за нарушение верности. Влияние Бонифация (который был еще жив, хотя и умер до окончания кампании) также, без сомнения, было использовано в интересах папства, которому он так много сделал для его возвышения. Пепин решил спасти папу, но сделал это с большим риском вызвать восстание среди своих вассалов, которые открыто и громко выражали свое несогласие с войной. «Эта война» (против лангобардов), говорит Эйнхард,^[131] «была предпринята с величайшим трудом, поскольку некоторые из главных людей франков, с которыми он (Пепин) привык советоваться, были настолько решительно против его желаний, что открыто заявили, что покинут короля и вернутся домой».

Пепин нашел способ умиротворить или запугать этих буйных несогласных и вновь настаивал на своем решении спасти главу церкви от его врагов.

В этой второй итальянской экспедиции Пепина сопровождал его племянник Тассило, который, подчиняясь военному приказу своего сеньора, присоединился к нему с баварскими войсками. Франкская армия прошла через Шалон и Женеву в ту же долину Мориенн и к перевалам Мон-Сени, которые, как и в предыдущем году, были заняты войсками Айстульфа. Однако франки, несмотря на все сопротивление, проникли в Италию и отомстили за нарушенный договор, уничтожив и сожгли все, что попало им на пути, и не пощадив своих вероломных врагов. Затем они плотно окружили Павию, и Айстульф, убедившись в своей полной неспособности справиться с Пепином, снова воспользовался услугами франкских сеньоров, чтобы договориться о мире. Пепин, со своей стороны, с необычайной легкостью принял предложенные ему условия, но обязал Айстульфа предоставить новых заложников, возобновить свои клятвы и, что было более важно, передать треть королевского сокровища в городе Павия.^[131] Айстульф также согласился возобновить ежегодную дань, которая, как говорят, в течение долгого времени выплачивалась франкским монархам.

И таким образом папство во второй раз было избавлено от опасности, которая едва не погубила его зарождающееся величие и не свела его к рангу ломбардского епископства.

Айстульф умер во время охоты в лесу (вероятно, в декабре 756 года), не успев забыть суровые уроки, которые ему были преподаны, и оправиться от потерь крови и сокровищ.

Опасность с другой стороны, угрожавшая развитию папской власти, также была отвергнута благодаря силе и стойкости Пепина. Когда экзархат Равенны был захвачен лангобардами, он был отнят не у папы, а у греческого императора; и даже города и территории, которые фактически находились под властью папского престола, по крайней мере номинально были частью Восточной Римской империи. Поскольку Стефан никогда официально не отказывался от своей верности императору, он мог получить даже римское герцогство только как представитель своего суверена, а на остальные остатки Римской империи в Италии он не имел никаких прав. Ломбарды изгнали греков из Равенны (), а франки изгнали ломбардов. Поэтому завоеватель мог распоряжаться своим новым приобретением по своему усмотрению, но в любом случае права греческого императора были сильнее прав его вассала, епископа Рима. Поэтому неудивительно, что, как мы читаем,

послы из Константинополя прибыли к Пепину в окрестности Павии и просили его вернуть Равенну и другие города экзархата римскому императору. «Но им не удалось, — пишет летописец, — ⁱ «поколебать непоколебимое сердце короля; напротив, он заявил, что ни в коем случае не позволит отчуждать эти города от власти римского престола и что ничто не сможет отвратить его от его решения». Соответственно, он отправил аббата Фульрада с полномочным представителем короля Айстульфа, чтобы получить владение городами и крепостями, которые лангобарды согласились уступить. Аббат получил также указание взять с собой делегацию самых уважаемых жителей этих городов и в их сопровождении отвезти ключи от их ворот в Рим и положить их в могилу святого Петра вместе с официальным актом дарения папе и его преемникам.

Таким образом, независимость Святого Престола в отношении Греческой империи была обеспечена, и был заложен прочный фундамент для светской власти пап, которые теперь, можно сказать, впервые заняли свое место среди правителей Европы. [Рост этой власти будет более подробно рассмотрен в томе, посвященном папству].

ДЕЗИДЕРИЙ СТАЛ КОРОЛЕМ ЛОМБАРДИИ

[756-760 гг. н. э.]

Восходящая судьба римских понтификов была еще более благоприятна благодаря спорному преемству на лангобардском троне. После смерти Айстульфа его брат Ратчис, который ранее променял корону на монашескую рясу, желал вернуться к своему прежнему достоинству и, по-видимому, был популярным кандидатом. Дезидерий, герцог Тусии (Тосканы), констебль Айстульфа, получил поддержку папы. Чтобы обеспечить этот ценный союз, он пообещал «выполнять все желания святого отца», передать ему другие города Италии, помимо тех, которые были упомянуты в дарственной грамоте Пепина, и сделать ему много других богатых подарков. «После этого, — говорит летописец, — ^j архипастырь посоветовался с почтенным аббатом Фульрадом и послал своих братьев, диакона Павла и примицерия Кристофера, в сопровождении аббата Фульрада к Дезидерию в Тусию (Тоскану), который немедленно подтвердил свои прежние обещания документом и страшной клятвой».

После этой разумной меры предосторожности в Риме было решено поддержать Дезидерия в его борьбе с Ратчисом, даже силой оружия, если понадобится. «Но Всемогущий Бог распорядился так, что Дезидерий с помощью папы взшел на престол без дальнейших споров». Обещанные города Фавенция (Фаэнца) с крепостями Тибериакум, Кавеллум и все герцогство Феррара были востребованы и, по некоторым сведениям, получены папскими посланниками, хотя следующий папа жалуется, что Дезидерий не сдержал своих обещаний. Стефан II закончил свою насыщенную событиями жизнь 24 апреля 757 года.

ПЕПИН И АКИТАНЦЫ

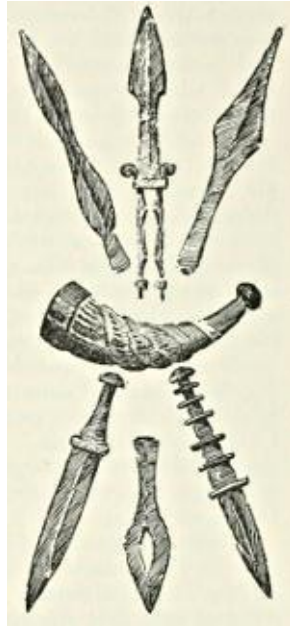
За исключением незначительной экспедиции против саксов, в которой Пепин одержал победу на реке Липпе, а затем и в Ситье, недалеко от Дюльмена на Стере (в Вестфалии), до 760 года, по-видимому, не было предпринято ничего важного с военной точки зрения; когда, по мнению некоторых авторов, Нарбонна была отвоевана у сарацин (), которые теперь были изгнаны со всех своих владений на галльской стороне Пиренеев.

[760-766 гг. н. э.]

В 760 году началась длинная серия ежегодных походов против Аквитании, страны, которая провозгласила свою независимость, что сильно возмутило франков. Аквитанские князья, как полагают, были особенно ненавистны Пепину, поскольку были потомками Меровингов. Вайфар, правящий герцог, сын Хунольда, который ушел из мира в отращении после поражения от франков, унаследовал беспокойный и высокомерный характер своего отца и был готов возобновить борьбу, от которой Хунольд отказался в отчаянии. Амбициозные желания Пепина, подкрепленные личной неприязнью к Вайфару, подкреплялись сильной взаимной антипатией, существовавшей между его подданными и аквитанцами. Немецкая кровь не входила в состав населения Аквитании в значительной степени, и та небольшая часть, которая текла в их венах, была предоставлена остготами, немецким племенем, но очень отличавшимся от своих франкских сородичей. Аквитанцы в это время, по-видимому, обладали степенью цивилизации, неизвестной франкам, которых они считали полуварварами, в то время как франки, в свою очередь, презирали деликатность и утонченность своих более слабых соседей. Их взаимная неприязнь и ревность поддерживались постоянными пограничными войнами, которые велись (как ранее между Англией и ее соседями на севере и западе) влиятельными лицами в обеих странах, без учета отношений, существовавших между их соответствующими правителями. Именно по этим причинам Пепин стал смотреть на аквитанцев и их герцога так же, как Эдуард I смотрел на валлийцев. Напускная независимость Вайфара и постоянные вторжения аквитанцев в его владения довели его до крайней степени раздражения, и он явно искал повода для ссоры, которая заняла его до конца жизни.

В 760 году Пепин направил к Вайфару посольство с требованиями, которые выдавали его враждебные намерения по отношению к этому несчастному принцу. И в этом случае франкский монарх выступил в роли защитника церкви. Он потребовал от Вайфара, чтобы тот передал ему всю церковную собственность в своих владениях, которая каким-либо образом была отчуждена от церкви, восстановил привилегии, которыми ранее пользовались земли духовенства, и в будущем перестал посылать туда своих чиновников и сборщиков налогов. Кроме того, он потребовал, чтобы Вайфар выплатил выкуп «за всех готов, которых он недавно казнил вопреки закону», и, наконец, чтобы он выдал всех беглецов из владений Пепина, которые укрылись в Аквитании.

Таким образом, Вайфар имел выбор: подчиниться и стать простым лейтенантом Пепина или подвергнуть себя уничтожению со стороны всей армии Франкской империи. Он выбрал второй вариант, как поступил бы любой высокомерный принц в таких обстоятельствах, и война началась сразу же. «Все это, — говорит Эйнхард, — Вайфар отказался сделать; и поэтому Пепин собрал армию со всех сторон, хотя и неохотно, и, так сказать, под принуждением» (h). Франкская армия прошла через Труа и Осер, пересекла Луару в деревне Масуа, прошла через Берри и Овернь и опустошила большую часть Аквитании огнем и мечом.

ФРАНКСКОЕ ОРУЖИЕ

В следующем году Вайфар, заключивший союз с графом Буржа Унибертом и графом Оверни Бландином, посчитал себя достаточно сильным, чтобы рискнуть вторгнуться на франкскую территорию, и вместе с этими союзниками повел свою армию, грабя и сжигая все на своем пути, до Шалона-на-Соне. Ярость Пепина, услышавшего, что аквитанцы осмелились взять на себя инициативу и опустошили большую часть Нейстрии, а также сожгли его собственный дворец в Мельциакуме, еще более усилилась, когда он узнал, что некоторые из его собственных графов помогали захватчикам. Спешно собрав свои войска, он отомстил с ужасающей жестокостью и продемонстрировал необычайное раздражение, казнив своих пленников и позволив погибнуть в пламени завоеванных городов большому количеству мужчин, женщин и детей.

Кампания 763 года примечательна внезапным отступничеством Тассило, герцога Баварии и племянника Пепина, который во время похода на Аквитанию внезапно отступил со своими войсками под предлогом болезни, твердо решив «никогда больше не видеть лицо своего дяди». В возрасте около двадцати одного года Тассило был вынужден присягнуть на верность Пепину на Кампус Майус, состоявшемся в Компьене в 757 году. С тех пор он постоянно находился рядом со своим дядей, как будто тот не был удовлетворен искренностью его подчинения. Измена Тассило в то время, когда франкская держава была вовлечена в отчаянную и ожесточенную борьбу с аквитанцами, вызвала большую тревогу у Пепина.

К 766 году Вайфар и его народ были полностью измотаны усилиями и бедствиями и, не имея средств для продолжения войны, находились в Конкуир-де-ла-Барбаре () на милости завоевателей. Этот несчастный принц, покинутый большей частью гасконцев и преследуемый от укрытия к укрытию, как дикий зверь, встретил общую судьбу несчастных монархов: он был предан и убит своими же последователями в лесу Эдобольд в Перигоре. С ним пала независимость Аквитании, и впоследствии страна управлялась франкскими графами, как и остальная часть империи Пепина.

Победитель вернулся с триумфом к своей королеве Бертраде (которая ждала его в Сент), несомненно, радуясь тому, что наконец достиг цели стольких лет упорных трудов. Его непримиримый и ненавистный враг больше не существовал; упрямые аквитанцы лежали у его ног; южная граница была в безопасности, и вся империя находилась в необычном состоянии мира. У него были все основания с уверенностью надеяться на период, по крайней мере, затишья, который он мог бы провести в домашних удовольствиях и в урегулировании внутренних дел обширной империи, которой он правил.

Но там, где он надеялся найти покой и безопасность, его ждал враг, более страшный, чем любой из тех, с кем он сталкивался на поле боя. Вскоре после прибытия в Сент он заболел болезнью, которую по-разному описывают как лихорадку и водянку. Убежденный, что его случай не поддается никакой человеческой помощи, он отправился с женой и детьми в Тур, вошел в церковь Святого Мартина и искренне молился о заступничестве этого покровителя франкских королей. Оттуда он отправился в Париж и провел некоторое время в монастыре Св. Дени, призывая помощь Бога через его избранных слуг. Но когда он понял, что воля небес такова, что он должен умереть, он позаботился о будущем благополучии своих подданных; созвав герцогов и графов, епископов и духовенство своих франкских владений, он с их согласия разделил всю империю между своими двумя сыновьями, Карлом и Карломаном. Он умер через несколько дней после урегулирования спора, 24 сентября 768 года, на двадцать первом году своего процветающего правления, и был похоронен своими сыновьями с большой помпой в церкви Сен-Дени в Париже.

Пепин был описан Алкуином, представителем следующего поколения, как «энергичный и почтенный» принц, «выдающийся как своими победами, так и своими добродетелями»; и хотя такие эпитеты использовались, особенно в ту эпоху, без достаточной дифференциации, в данном случае есть все основания принять их в их полном значении. На поле боя ему, конечно, приходилось сталкиваться с меньшими трудностями, чем его воинственному отцу. Во всех его военных предприятиях шансы были значительно в его пользу, и у него не было таких же возможностей, как у Карла Мартелла, продемонстрировать, чего он может достичь, опираясь исключительно на силу своего гения. Однако все, что от него требовалось, он делал энергично и успешно. Он быстро привел восставшие германские народы, баварцев и швабов, к повиновению, к которому их привел его предшественник, и оттеснил беспокойных саксов в их дикие убежища. Дважды он вел армию через Альпы против храброго и активного врага и дважды возвращался победоносным, спасая далекий город Рим от неминуемого разрушения и обеспечивая независимость папы.

Как гражданский правитель он проявил умеренность и мудрость. Хотя он во всех отношениях значительно превосходил своего брата, он не пользовался этим несправедливым преимуществом, а жил и действовал с ним в непрерывной гармонии. Хотя его амбиции побудили его принять титул короля, он сделал это без спешки и опрометчивости, в то время и при тех обстоятельствах, когда смена династии могла вызвать наименьшее количество недовольства и беспорядков.

В своих отношениях с церковью он проявлял как почтение, так и самоуважение. Исходя из своих убеждений, а также из соображений политики, он был стойким сторонником христианства и римской церкви, но не был слабым фанатиком; он лелеял и поощрял духовенство и пользовался их превосходными знаниями в ведении своих дел, но ни в коем случае не был склонен уступать их неумеренным притязаниям. Он всегда оставался их хозяином, хотя и добрым и внимательным; он также не стеснялся использовать их переполненные казны для общих целей государства.

О его частной жизни мы почти ничего не знаем, но у нас нет оснований полагать, что она противоречила тому уважению к религии, той любви к порядку, справедливости и

умеренности, которые он обычно проявлял в своих публичных действиях. Только в своих последних кампаниях против Вайфара и аквитанцев он, по-видимому, поддался жестокому и мстительному поведению; и от них, как мы видели, он получил наибольшее провоцирование.

С такими высокими качествами, важными сделками и славными деяниями, связанными с его именем, мы могли бы удивиться, что слава Пепина не больше, если бы не знали об ослабляющем влиянии неблагоприятного контраста. К сожалению, по крайней мере для его славы, у него был отец и сын, которые были еще величественнее его самого. Такой человек возвысился бы, как альп, над равнинной плоскостью обычных королей: а так он является лишь звеном в длинной цепи выдающихся личностей, в которой он не является высшей; и так случилось, что на могиле того, кто двадцать пять лет с неизменным успехом правил могущественной империей, основал новую династию королей и утвердил пап на их земном троне, высечено имя его еще более славного преемника; и все его высокие качества и славные деяния кажутся забытыми в связи с тем, что он был «*Pater Caroli Magni!*»^b

СНОСКИ

^[126] [Хотя Фредегарий^d умалчивает об этом, Ходкин^e принимает это.]

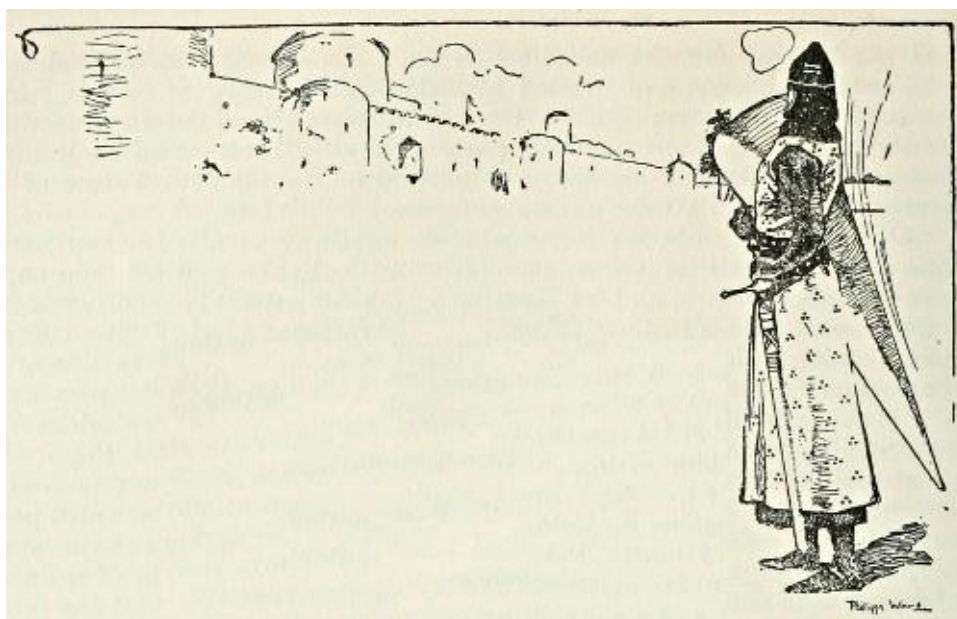
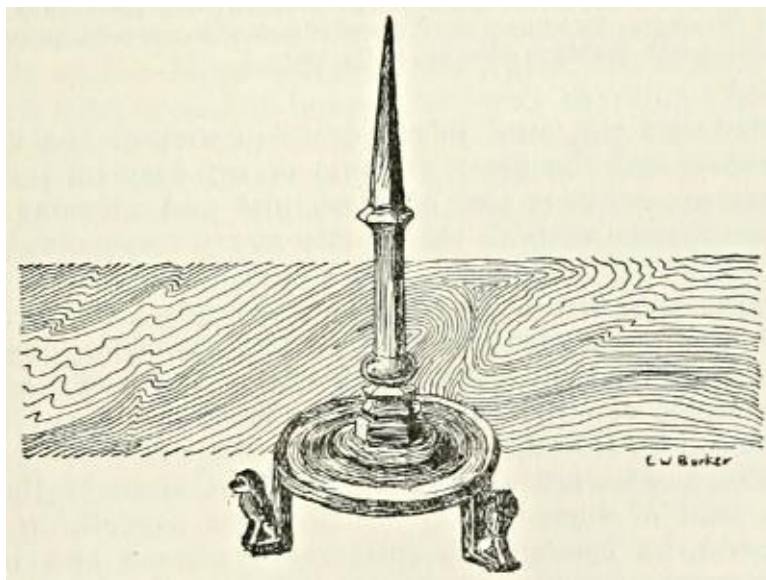
[127] [Ходкин^e в одном месте указывает 21 октября, в другом — 22 октября.]

[128] [В «Аннале» Эйнхарда^h это событие относится к 745 году, но Ходкин^e утверждает, что оно явно относится к 746 году.]

[129] [«Встреча, полная интереса», как отмечает Ходкин^e, поскольку четырнадцатилетний принц был будущим Карлом Великим.]

[130] [Оэльснер^k и другие считают, что первая итальянская кампания Пепина состоялась в 754 году, но Абель,^l Перри,^b и Ходкин^e сходятся во мнении, что это произошло в 755 году.]

[131] [Это утверждение в *Annales Mettenses*^c само по себе вызывает некоторые сомнения.]

ГЛАВА V

КАРЛ ВЕЛИКИЙ

[768-814 гг. н. э.]

ЕГО БИОГРАФИЯ, НАПИСАННАЯ СОВРЕМЕННОМ

[Основным источником информации о личности Карла Великого является биография, написанная Эгинхардом или Эйнхардом, который был близко связан с королем и его семьей, пользовался большим уважением и доверием. Вскоре после смерти своего господина он написал историю его жизни. Уникальность этого документа, его очаровательная манера изложения и интимность делают его бесценным, а его краткость позволяет нам перевести его с латыни и представить здесь в полном объеме. Читателю следует иметь в виду, что, как исторический документ, этот рассказ не всегда точен в деталях. Можно отметить следующие несоответствия: Карломан правил три года, а не два; империя не была разделена между двумя братьями так, как указано; нерешительные сражения, такие как битва при Берре, представлены как решающие; а имена пап в некоторых местах перепутаны (Ранке). Но, несмотря на эти ошибки, общая картина Карла, нарисованная Эйнхардом, остается реалистичной и, без сомнения, точной в основном.

[751-771 гг. н. э.]

Решив описать жизнь, государственную карьеру и в некоторой степени великие подвиги моего дорогого господина и благодетеля Карла, выдающегося короля, обладающего справедливой и славной репутацией, я постарался изложить все как можно кратко. Я позаботился о том, чтобы ничего из того, что могло бы привлечь мое внимание, не было упущено, а также о том, чтобы не оскорбить самые деликатные умы слишком подробным изложением каждой новой детали; если, конечно, можно каким-то образом добиться того, чтобы новое и свежее сочинение не оскорбляло тех, кто с презрением относится даже к древним хроникам, составленным самими учеными и ясными авторами. Несомненно, есть множество людей, поклонников беззаботной жизни и учеников литературы, которые считают, что современность не следует считать настолько незначительной, чтобы все, что происходит сейчас, было обречено на полное молчание и забвение, как будто оно недостойно упоминания. Такие люди, охваченные любовью к бессмертию, предпочитают включать блестящие деяния других в любые сочинения, чем лишать потомков славы своего имени, ничего не пишу. Однако я не счел нужным воздерживаться от написания этой категории, поскольку осознавал, что никто не сможет более правдиво, чем я сам, изложить то, в чем я сам принимал участие и что я знал как правда, благодаря знанию очевидца, как его называют, и я не мог точно знать, будут ли они записаны кем-то другим. Поэтому я счел лучшим передать потомкам записи, такие же, как и другие письменные произведения, чем допустить, чтобы самая славная жизнь выдающегося и величайшего из его веков царя исчезла в тени забвения вместе с великолепными победами, которые трудно повторить современным людям.

В моей душе таился еще один мотив (нелегкий, как мне кажется), который сам по себе был достаточным, чтобы побудить меня к написанию этой книги. Это была нежная забота, которой он меня окружал, и моя непрерывная дружба с ним и его детьми после того, как я начал жить в его дворце; этим он связал меня с собой самыми тесными узами и сделал меня своим должником при жизни и после смерти. Так что я мог бы справедливо показаться и быть осужденным как неблагодарный, если бы, забыв обо всех благодеяниях, оказанных мне, я промолчал бы о ясных и блестящих деяниях человека, столь многого для меня сделавшего, если бы я позволил его жизни пройти так, как будто он никогда не жил, не оставив после себя заслуженной письменной похвалы, для написания и раскрытия которой не требуется мой скудный ум, который слаб и немогущ — нет, который ничтожен, — а

скорее красноречие Туллия до последней капли. Вот, читатель, перед вами книга, содержащая « » — воспоминания о самом выдающемся и великом человеке, в которой вы не увидите ничего, кроме подвигов этого человека, достойных восхищения, если только я, иностранец^[132], очень мало знакомый с латинским языком, не посчитал себя способным писать правильно и аккуратно на латыни и впал в такую нескромность, что вообразил, будто можно пренебречь словами Цицерона, который, говоря о латинских писателях во второй книге *«Тускуланских бесед»*, якобы сказал: «Тот, кто записывает свои размышления, не умея ни упорядочить их, ни ясно изложить, ни привлечь читателя каким-либо изящным приемом, является человеком, который безрассудно злоупотребляет как своим свободным временем, так и профессией литератора».

Это мнение благородного оратора отвратило бы меня от моей работы, если бы я не был предвзято настроен скорее терпеть осуждение критиков и рисковать своим скромным умом в письменной форме, чем щадить себя и пройти мимо памяти о столь великом человеке.

Считается, что династия Меровингов, из которой франки обычно выбирали своих королей, закончилась с королем Хильдериком, который был свергнут по приказу римского понтифика Стефана; ему отрезали волосы и заточили в монастырь. С ним династия, казалось бы, прервалась, но на самом деле она уже давно утратила всякую силу, и ни один из ее членов не отличался ничем, кроме пустого титула короля; богатство и власть королевства перешли в руки префектов дворца, известных как «мэры дома», которым принадлежала высшая инициатива; и королю не оставалось ничего другого, как наслаждаться королевским титулом, длинными волосами, свисающей бородой, сидеть в государственном кресле и имитировать вид верховного правителя, принимать аудиенции послов, прибывающих со всех концов земли, и при их отъезде излагать им, как будто из глубин своего величия, ответы, которым его научили или которые ему велели давать.

Таким образом, за исключением бесполезного титула короля и неопределенной субсидии на проживание, которую префект дворца выделял ему по своему усмотрению, он не владел ничем, кроме одной фермы, приносившей крайне скромную прибыль. Здесь он содержал свой дом и слуг, которые обеспечивали его всем необходимым и проявляли уважительное почтение, свойственное небольшой толпе приспешников.

Куда бы ему ни нужно было ехать, он путешествовал в повозке, запряженной парой волов, с воловником в качестве возницы, по-настоящему по-деревенски. Так он ехал в свой дворец, на общественное собрание своего народа, которое собиралось каждый год в Авиньоне (), чтобы обсудить вопросы, касающиеся блага королевства, и так же он возвращался домой. Управление королевством и все внутренние и внешние дела вел мэр дворца.

Эту должность занимал Пепин, отец короля Карла, во время свержения Хильдерика. Она уже в некотором роде стала наследственной. Ведь отец Пепина, Карл, также занимал ее с отличием, и она перешла к нему от его отца Пепина. Этот Карл подавил по всей Франции тиранов, которые претендовали на независимую власть, а также разгромил сарацин, стремившихся занять Галлию, в двух великолепных сражениях: одном в Аквитании, недалеко от города Пуатье, другом — возле Нарбона, у реки Бирра. Это было такое сокрушительное поражение, что он заставил их вернуться в Испанию. Таким образом, должность мэра была честью, которую народ обычно воздавал только тем, кто отличался знатным происхождением и огромным богатством.

Когда Пепин, отец короля Карла, в течение нескольких лет занимал эту должность, которая перешла к нему и его брату Карломану от отца к деду, и оба они правили совместно в самой совершенной гармонии, Карломан, я не знаю почему, но, скорее всего, потому что его охватила страсть к жизни созерцания, оставил трудоемкое управление светским королевством и удалился в мирный Рим, где сменил обряд, стал монахом, построил

монастырь на горе Сораче, рядом с церковью Святого Сильвестра, и в компании братьев, которые сопровождали его туда, наслаждался долгим и радостным покоем, которого он жаждал в течение нескольких лет. Но поскольку многие группы франкских дворян обычно совершали паломничество в Рим, чтобы исполнить свои обеты, и не оставляли без посещения своего бывшего правителя, они нарушили его уединение, которое было его главным удовольствием, своими частыми приветствиями и вынудили его сменить место жительства. Увидев, что подобные компании мешают его твердому намерению, он покинул гору, удалился в провинцию Самниум, в святой бенедиктинский монастырь на горе Кассино, и там завершил всю свою мирскую жизнь, посвятив себя религиозным обрядам.

Но Пепин, бывший мэром дворца, был провозглашен королем с санкции римского понтифика и правил франками в одиночку в течение пятнадцати лет и более. Люди приближались к концу Аквитанской войны, которую он начал и продолжал вести против Вайфара, герцога Аквитании, в течение девяти долгих лет, когда он умер от водянки в Париже, оставив двух сыновей, Карла и Карломана, которые по воле Божьей унаследовали королевство. Франки торжественно созвали общее собрание и назначили их обоих королями с предварительным условием, что они должны поделить все королевство поровну, и Карл должен был взять на себя управление той частью, которая принадлежала их отцу Пепину, а Карломан — той частью, которой управлял их дядя Карломан. Условия были приняты обеими сторонами, и каждая из них получила свою часть разделенного королевства в том объеме, в котором она ей полагалась. Таким образом, эта система была мирно сохранена, хотя и с большим трудом, поскольку многие сторонники Карломана упорно стремились разорвать узы союза, настолько, что некоторые люди даже замыслили свергнуть братьев в войну. Но ход событий показал, что в этом деле было больше недоверия, чем реальной опасности, поскольку после смерти Карломана его жена и дети вместе с некоторыми представителями высшей знати без всякой причины проявили презрение к брату своего мужа и бежали в Италию, чтобы поместить себя и своих детей под защиту Дезидерия, короля лангобардов. Королевство находилось под совместным управлением в течение двух лет, пока Карломан не скончался от инфекционной болезни (). После смерти брата Карл был провозглашен королем с согласия всех франков (771 г.).

[771-774 гг. н. э.]

^[133] Я решил не упоминать о рождении, младенчестве и даже детстве Карла, поскольку об этом ничего не было записано, и не известно никого, кто мог бы подтвердить, что ему что-либо известно об этом. Поэтому я счел глупым писать о них и решил раскрыть и показать подвиги, характер и остальную часть жизни этого прославленного человека, опуская неизвестную часть. Так что мой рассказ сначала посвящен его достижениям в стране и за рубежом, затем его привычкам и вкусам, управлению его королевством и, наконец, его смерти, и я не опускаю ничего, что достойно или необходимо знать.

Первой из войн, которые он вел, была война с Аквитанией, начатая и не законченная его отцом. Казалось, что ее можно было быстро завершить, поэтому, пока его брат был еще жив, он попросил его о помощи и начал войну. Его брат, правда, обманул его, не оказав обещанной помощи, но он не отказался от своего рвения продолжить кампанию, раз уж взялся за дело, и благодаря своему долгому терпению он довел до конца то, к чему так стремился. Хунольд, который после смерти Вайфара пытался захватить Аквитанию и возобновить войну, к тому времени уже почти закончившуюся, был вынужден бежать из Аквитании и укрыться в Гаскони. Однако Карл не позволил ему остаться там, переправился через реку Гаронну и приказал Лупу, герцогу гасконскому, выдать беглеца (); если бы тот не сделал этого в кратчайшие сроки, Карл силой оружия вырвал бы его из рук врага. Но Луп,

будучи мудрым советником, не только выдал Хунольда, но и передал себя и провинцию, которой он управлял, в распоряжение Карла (769 г.).

ИТАЛЬЯНСКАЯ ВОЙНА (772-774 гг. н. э.)

Когда эти вопросы в Аквитании были урегулированы и война закончилась, а его соправитель удалился от дел этого мира, Карл был убежден мольбами Адриана, епископа Рима, начать войну против лангобардов. Это уже делал его отец по просьбе папы Стефана, несмотря на большие препятствия, поскольку среди главных франкских вельмож, с которыми король обычно советовался, были такие, которые так решительно противились его воле, что громко заявляли, что оставят короля на произвол судьбы и уйдут домой. Несмотря на это, война против короля Айстульфа была начата и быстро завершена. Но хотя та же самая причина для войны казалась Карлу еще более веской, чем его отцу, тем не менее ясно, что борьба была не столь тяжелой и не закончилась таким же результатом. Пепин со своей стороны осаждал короля Айстульфа в Павии в течение нескольких дней и заставил его отдать заложников, вернуть укрепленные города и замки, которые он отнял у римлян, и дать торжественную клятву, что он не будет пытаться отвоевать то, что он вернул. Карл, с другой стороны, развязав войну, не прекращал военных действий до тех пор, пока король Дезидерий, уставший от долгой осады, не сдался, а его сын Адельхис, на которого возлагались все надежды, не был вынужден бежать не только из своего королевства, но и из Италии. Все, что было силой отнято у римлян, было им возвращено. Хрудогаст, префект герцогства Фриули, который стремился к революции, был разгромлен, вся Италия была подчинена владычеству Карла, а его сын Пепин был провозглашен королем завоеванной территории.

Я бы описал, как трудно было пересечь Альпы при входе в Италию и каких огромных усилий стоило франкам преодолеть беспутные горные хребты и отвесные скалы, возвышающиеся в небо, если бы моим намерением в настоящем произведении не было рассказать о событиях, касающихся жизни моего героя, а не о войнах, которые он вел. Тем не менее, я добавлю, что война закончилась завоеванием Италии, король Дезидерий был изгнан в вечное изгнание, его сын Адельхис был изгнан из Италии, а имущество, похищенное у короля лангобардов, было возвращено Адриану, ректору римской церкви.

САКСОНСКАЯ ВОЙНА (772-804 гг. н. э.)

САКСОНСКАЯ

[772-804 гг. н. э.]

Едва это закончилось, как возобновилась саксонская война, в которой, казалось, наступила своего рода пауза. Франки никогда не занимались более длительной, жестокой и утомительной задачей, поскольку саксы, как и почти все народы, населяющие Германию, жестоки по своей природе, преданы культу демонов, враждебны нашей религии и не считают неправильным нарушать или преступать любые законы, будь то человеческие или божественные. У них было легкое средство ежедневно нарушать мир, ибо, по правде говоря, их границы и наши границы соприкасались почти в любой точке на открытой местности, за исключением нескольких мест, где либо обширные лесные массивы, либо хребты промежуточных гор устанавливали неоспоримую границу между землями обеих стран. Везде же без разбора происходили кровопролития, грабежи и поджоги. Это так раздражало франков, что они не довольствовались ответом злом на зло, но решили открыто воевать со своими соседями. Итак, им была объявлена война, которая велась в течение тридцати долгих лет с большой жестокостью с обеих сторон, но саксы понесли больший ущерб, чем франки. Военные действия могли бы закончиться раньше, если бы не вероломство саксов. Трудно сказать, сколько раз они были разгромлены и смиренно сдавались королю, обещая выполнять его приказы. Они с готовностью сдавали заложников и признавали посланных к ним послов. Иногда они были настолько запуганы и обессилены, что даже обещали отказаться от поклонения демонам, говоря, что с радостью примут христианскую религию; но, несмотря на то что иногда они были готовы сделать это, они всегда спешили отречься от своих слов, так что трудно сказать, к какому из этих курсов они склонялись больше; поскольку после начала войны с ними едва ли был год, который заканчивался бы без того, чтобы они не переходили от одной точки зрения к другой. Но их изменчивость, какой бы

великой она ни была, никогда не могла преодолеть высокий дух и стойкость ума короля, как в беде, так и в благополучии, и не могла утомлять его в выполнении того, что он начал. Ибо они никогда не совершали предательства, которое он позволял оставаться безнаказанным. Он отправлял армию под своим личным командованием или под командованием своих соратников и мстил врагам за их вероломство, наказывая их за преступления, до тех пор, пока, наконец, не подчинил своей воле всех несчастных мятежников, которые оказывали ему постоянное сопротивление. Затем он переселил десять тысяч жителей обоих берегов Эльбы вместе с их женами и маленькими детьми, расселив их по Галлии и Германии небольшими группами. Когда они согласились на следующие условия, навязанные им королем, война, длившаяся столько лет, была объявлена оконченной: культ демонов должен был быть отменен, местные обряды прекращены,^[134] должны были быть приняты таинства христианской веры и религии: объединившись с франками, они должны были образовать с ними один народ.

Хотя эта война длилась так долго, сам король сражался с врагом не более чем в двух открытых сражениях: одно произошло возле холма под названием Осненг в местечке под названием Теотмель (Детмольд), другое — на реке Хаса, оба в одном и том же месяце с интервалом в несколько дней. В этих двух сражениях враг был настолько деморализован поражением, что больше не осмеливался провоцировать короля на сражение или оказывать ему сопротивление, когда он атаковал, за исключением тех мест, где они были защищены укреплениями.

В этой войне погибло большое количество знатных людей, как франков, так и саксов, людей высокого положения. Наконец, на тридцать третьем году она подошла к концу. За это время против франков в разных частях земли разразилось столько войн, и столь великих, что король руководил ими с таким мастерством, что посторонний наблюдатель мог бы затрудниться, что же больше восхищать: терпение его попыток или успех, который их увенчал. За два года до итальянской войны началась эта война (против Дезидерия), которая велась без перерыва, и при этом не было ослабления ни в одной из других войн, которые приходилось вести, нигде не было передышки от сражений, сопровождавшихся равными трудностями. Король, превосходивший всех правителей своего времени в дальновидности и широте ума, никогда не уклонялся от выполнения своего долга до конца, даже если он был трудным или опасным. Он хорошо разбирался в том, как оценивать такие вещи по их истинной ценности, не сдаваться в беде и не давать себя обмануть улыбками обманчивой удачи в благополучии.

ПЕРЕВАЛ РОНСЕСВАЛЬЕС (778 г. н. э.)

[778-788 гг. н. э.]

В то время как саксонская война велась с большим упорством и без перерыва, на границах были размещены гарнизоны в наиболее подходящих местах, а Карл вторгся в Испанию с самым мощным военным снаряжением, которым он мог располагать. Он пересек Пиренеи, принял подчинение всех городов и замков, к которым он приближался, и вернулся со своей армией целым и невредимым. Именно на обратном пути через тот самый пиренейский перевал он случайно столкнулся с небольшим проявлением гасконского вероломства. Армия двигалась колонной, в растянутом строю, как того требовала узость перевала, когда гасконцы, устроившие засаду на высоком уступе горы (ведь густая растительность этого места, покрытого густым лесом, делает его подходящим для устраивания засад), устремились вниз со своего выгодного положения, набросившись на крайнюю часть обоза и тех, кто обслуживал обоз, и загнали их в долину внизу. Здесь гасконцы вступили с ними в

открытое сражение, убили всех до последнего, уничтожили обоз, воспользовались прикрытием наступающей ночи и с величайшей быстротой рассеялись в разных направлениях. Гасконам в этом подвиге помогли легкость их оружия и характер места, в котором произошло сражение; франки же, напротив, были уступали гасконам во всех отношениях из-за тяжести своей брони и неблагоприятного положения. В этой битве пали Эггихард, слуга короля, Ансельм Пфальцграф и Роланд, граф Бретонской марки, а также многие другие. Месть за это поражение не могла быть осуществлена в то время, потому что, совершив свое дело, враг рассеялся с такой хитростью, что не осталось даже намека на то, где их можно было бы выследить.

ТРЕТЬЕ ПОСЕЩЕНИЕ ИТАЛИИ (787 г. н. э.)

Карл также подчинил бретонцев, живших на побережье на крайнем западе Галлии. Они не подчинялись приказам короля, поэтому он послал против них экспедицию, после чего они были вынуждены предоставить заложников и пообещать выполнять все, что им будет велено. После этого король сам вступил в Италию со своей армией, прошел через Рим и двинулся на Капую, город в Кампании, и, разбив там лагерь, пригрозил беневентинцам войной, если они не сдадутся. Герцог Арихис избежал этого, отправив своих двух сыновей, Ромвальда и Гримвальда, с большой суммой денег на встречу с королем, которого он попросил принять их в качестве заложников, пообещав выполнять все его приказы, за исключением одного — если он сам будет вынужден встретиться с королем лицом к лицу. Карл, ставя благо народа выше упрямого характера герцога, принял предложенных ему заложников и в обмен на большую сумму денег согласился на его просьбу не вынуждать его встречаться с ним лицом к лицу. В качестве заложника был оставлен только младший сын Арихиса, старший был возвращен отцу. Послы, которые прибыли, чтобы получить клятву верности от жителей Беневента и заключить соглашение с Арихисом о принятии их от их имени, были теперь освобождены, и король вернулся в Рим. Он провел там несколько дней, посещая святые места города, а затем вернулся в Галлию.

БАВАРСКАЯ ВОЙНА С ТАСИЛО (787-788 гг. н. э.)

[787-796 гг. н. э.]

Затем началась баварская война, которая внезапно разгорелась и быстро угасла. Она была вызвана высокомерием и глупостью герцога Тассило. Он женился на дочери короля Дезидерия, которая надеялась отомстить за изгнание своего отца с помощью своего мужа. Тассило заключил союз с гуннами, граница которых граничит с баварцами на востоке. Он не только пытался завоевать независимость, но и провоцировал короля на войну. Его насилие казалось слишком большим, чтобы его мог терпеть высокомерный король, и он собрал войска со всех сторон для вторжения в Баварию и сразу же сам с большой армией продвинулся к реке Лех. Эта река разделяет баварцев и аламанных. Он разбил лагерь на берегу перед входом в провинцию и решил выяснить настроение герцога с помощью послов. Тассило, считая, что упрямство не принесет ни ему, ни его стране никакой выгоды, сдался на милость короля и отдал требуемых заложников, среди которых был его собственный сын Теодо. Кроме того, он принес присягу на верность, по которой обязался ни под чьим влиянием не восставать против власти короля.^[135] Таким образом, очень быстро закончилась война, которая обещала стать большой. Тассило, вскоре после этого вызванный к королю, не был, однако, допущен обратно; провинция, которой он управлял, больше не была верена герцогу, а передана под управление графам.

ВОЙНЫ НА СЕВЕРЕ И С АВАРАМИ (791-796 гг. н. э.)

[791-810 гг. н. э.]

Когда эти волнения улеглись, началась война против славян, которых мы привыкли называть вильцами, но которые более правильно называются на своем языке велатаби. В этой войне среди других народов, которые были призваны собраться под знаменами короля, саксы сражались как наши союзники, но их послушание было притворным и далеко не искренним. Причиной войны было то, что велатаби грабили абодритов, которые в прежние времена были союзниками франков; и их набеги не могли быть остановлены приказами. Есть определенная пролив, который простирается на восток от западного океана, длиной неизвестной, но шириной, которая нигде не превышает ста миль, а во многих местах и того меньше. Вокруг его берегов собралось много народов, таких как датчане и шведы, которых мы называем северянами, и они занимают северные берега и все острова в заливе. Но южные берега заселены славянами и айстами, а также различными другими народами, среди которых главными являются велатаби, против которых король теперь вел войну. В одной из экспедиций, которую он лично возглавил, он настолько сокрушил и унизил их, что в будущем им было рекомендовано выполнять все, что им говорят, без малейшего сопротивления.

Война, последовавшая за этой, была, за исключением войны с саксами, величайшей из всех, которые вел мой герой; это была та памятная война против аваров или гуннов. Король приступил к ней с еще большим энтузиазмом и с гораздо большими военными ресурсами, чем в предыдущих. Однако сам он совершил только одну экспедицию в Паннонию, провинцию, тогда населенную аварами. Остальные кампании были поручены его сыну Пепину и префектам провинций, а также графам и лейтенантам. Они проявили максимальную тщательность в ведении дел, но прошло почти восемь лет, прежде чем война закончилась. О том, сколько сражений было сражено, сколько крови пролито, свидетельствует опустошенная Паннония, лишенная всякой жизни. Более того, место, где находился королевский дворец хагана (хана), настолько заброшено, что в нем не видно никаких следов человеческого обитания. Вся аварская знать погибла в этой войне, и вся слава народа была уничтожена. Все их деньги и накопленные за долгие годы сокровища были захвачены; человеческая память не может вспомнить ни одной войны франков, в которой они получили бы большую добычу или обогатились бы больше.

До этого времени франки, безусловно, казались бедной нацией; но теперь в королевской казне было найдено столько золота и серебра, в битве было захвачено столько ценной добычи, что мы можем с уверенностью предположить, что франки захватили это новое богатство у гуннов, и совершенно справедливо, ведь разве гунны до этого не захватили его несправедливо у других народов? В этой войне погибли только два вождя франкской знати: Эрик, герцог Фриули, убитый в Либурнии, недалеко от Тарсатики (Фиуме), морского государства, который попал в засаду, устроенную горожанами; и Герольд, префект баварцев, убитый в Паннонии, когда он выстраивал своих людей в боевой порядок перед сражением с гуннами. Никто не знал, кто совершил это преступление, поскольку он был убит вместе с двумя другими, которые ехали в его компании, когда он произносил слова ободрения каждому из своих людей в строю. Но, за исключением этого, война была почти бескровной для франков и закончилась самым благоприятным образом, хотя и затянулась гораздо дольше, чем было естественно, учитывая ее масштабы.

ДАНСКАЯ ВОЙНА (808-810 гг. н. э.)

Когда эта война и война с саксами, которые были столь утомительными, что их окончание приветствовалось всеми, подошли к концу, две последующие войны, одна против богемцев, а другая против линонов, длились недолго, поскольку обе были быстро завершены под руководством Карла Младшего. Последней войной была война против северян, которых называют датчанами. Сначала они занимались пиратством, а затем с помощью большого флота разграбили побережья Галлии и Германии. Их король Годфрид ([1361](#)) был настолько ослеплен тщеславными амбициями, что полагал, будто сможет завоевать власть над всей Германией. Он просто считал Фризию и Саксонию своими провинциями; он уже подчинил соседних абодритов и сделал их своими вассалами. Он даже хвастался, что вскоре появится со своей огромной армией в Аахене, [1371](#) где король держал свой двор. Его слова, пусть и пустые, не были полностью лишены правдоподобности; напротив, он скорее приобрел репутацию человека, который начал бы такое предприятие, если бы его не остановила преждевременная смерть. Он был убит одним из своих слуг, и так внезапно закончилась его жизнь и война, которую он начал.

СЛАВА КАРЛА ВЕЛИКОГО

[768-810 гг. н. э.]

Таковы были войны, которые этот могущественный король вел в течение сорока семи лет — долгого правления — в разных частях земли с превосходным мастерством и удачей. Благодаря им он так благородно расширил королевство франков, которое унаследовал от своего отца Пепина, что, несмотря на то, что оно и без того было великим и могущественным, он почти удвоил его. Ведь ранее франки, называемые восточными, населяли только ту часть Галлии, которая лежит между Рейном и Луарой, океаном и Балеарским морем, а также ту часть Германии, которая расположена между Саксонией и Дунаем, Рейном и Заалем, который разделяет тюрингов и сорабов. Аламанны и баварцы также принадлежали к суверенитету франкского королевства. Но Карл, благодаря войнам, которые я перечислил, полностью подчинил и сделал данниками сначала Аквитанию и Гасконь, а также весь хребет Пиренейских гор вплоть до Эбро, реки, которая в Наварре пересекает самые плодородные земли Испании и впадает в Балеарское море под стенами города Тортоса; затем всю Италию от Аосты до нижней Калабрии, где люди прокладывают границы греков и беневентинцев, протяженностью более тысячи миль; затем Саксонию, которая составляет немалую часть Германии и, как полагают, в два раза шире той части, в которой проживают франки, с длиной, равной длине другой; затем Паннонию и Дакию, лежащие на другом берегу Дуная, Истрия, Либурия и Далмация, за исключением приморских городов, которые Карл позволил им удержать из-за их дружеских отношений с императором Константинополя и договора, который они оба заключили; наконец, все дикие и грубые народы, населяющие Германию между Рейном и Вислой, океаном и Дунаем, которые говорят почти на одном языке, но сильно различаются по характеру и одежде. Главными среди них были велатабы, сорабы, абодриты и беманны, поскольку они оказывали сопротивление в бою; остальные, которые были более многочисленны, сдались.

САКСОНСКИЙ ВОИН

Он также принес славу королевству, завоевав дружеские чувства некоторых королей и народов. Так, Альфонсо, король Галисии и Астурии, был настолько связан с ним узами дружбы, что, посылая ему письма или послов, он приказывал называть его слугой Карла. Короли Шотландии также были настолько подчинены его воле благодаря его щедрости, что никогда не упоминали о нем иначе, как о своем господине, и называли себя его покорными вассалами. Сохранились письма от них к нему, в которых можно увидеть, что их отношение к нему было именно таким. Харун, король персов, владевший почти всем Востоком, если не считать Индии, был настолько искренне симпатичен королю, что ценил его добрую волю больше, чем добрую волю всех королей и князей в мире, считая его единственным достойным его уважения и щедрости. Когда офицеры, посланные Карлом с дарами к святейшему гробу и месту воскресения нашего Господа и Спасителя, пришли к Харуну и рассказали ему о воле своего господина, он не только позволил им сделать то, что было необходимо, но даже уступил им это почитаемое и святое место, чтобы оно было зарегистрировано как принадлежащее суверенитету Карла. Когда послы вернулись, он послал своих сопровождать их, неся великолепные подарки королю: одежды, пряности и другие богатые продукты Востока, так же как несколько лет назад по просьбе Карла он послал ему единственного слона, которым тогда владел. Даже константинопольские императоры Никифор, Михаил и Лев явно стремились к его дружеской верности и посылали к нему многочисленные посольства. Чтобы устранить все источники возможного оскорбления для них в связи с тем, что он принял титул императора, что действительно могло быть воспринято как попытка отнять у них имперское верховенство, он заключил самый жесткий договор. Ведь власть франков всегда вызывала подозрения у греков и римлян, откуда и возникла греческая пословица: «Имей франка за друга, а не за соседа».

Несмотря на то, что король был великим в расширении королевства и завоевании иностранных народов, несмотря на то, что он был занят делами такого рода, он все же начал большое количество работ по украшению и благоустройству королевства. Некоторые из них он довел до конца. Первое место среди них, по-видимому, по праву принадлежит базилике Святой Богородицы, построенной в Аахене, чуду инженерного искусства, и мосту через Рейн в Майнце, длиной в пятьсот шагов, настолько широка река в этом месте. Однако этот мост был разрушен пожаром за год до смерти короля и не мог быть восстановлен из-за близости его кончины, хотя он намеревался заменить деревянные конструкции каменными. Он также начал строительство нескольких великолепных дворцов — одного недалеко от города Майнц, рядом с деревней Ингельхайм, и другого в Нимвегене на реке Ваал, протекающей мимо острова батавов на южной стороне. Но прежде всего он обратил внимание на священные церкви по всему королевству, которые пришли в упадок из-за своего возраста, и отдал приказ священникам и отцам, которые за ними ухаживали, проконтролировать их восстановление, назначив чиновников, которые следили за выполнением его приказа. Он также построил флот для войны против северян, создав для этой цели верфи на реках Галлии и Германии, впадающих в Северное море; а поскольку северяне опустошали побережья Галлии и Германии постоянными активными набегами, он установил башни и наблюдательные пункты во всех гаванях и у устьев всех судоходных рек. Этими защитными сооружениями он помешал врагу пройти. То же самое он сделал на юге, на побережье провинций Нарбонны и Септимании, а также вдоль всего побережья Италии вплоть до Рима, чтобы сдержать мавров, которые в последнее время занялись пиратством. Благодаря этому в его дни Италия не пострадала от мавров, а Галлия и Германия — от норманнов, за исключением того, что город Чивита-Веккья в Этрурии был предан маврам, которые разгромили его до основания, а некоторые острова во Фризии у побережья Германии были разграблены норманнами.

Таков был характер короля в деле защиты, расширения и украшения своего королевства. Мы можем только восхищаться его талантами и той превосходной стойкостью, которую он проявлял в любых обстоятельствах, будь то процветание или бедствие. Здесь я начну и продолжу рассказ о других вопросах, относящихся к его внутренней жизни и жизни в его доме.

ЕГО СЕМЬЯ

Когда умер его отец, он разделил королевство со своим братом и с образцовым терпением сносил его склонность к ссорам и зависти, так что все удивлялись тому, что его никогда не удавалось вывести из себя и заставить проявить малейшие признаки гнева. По настоянию матери он женился на дочери Дезидерия, короля лангобардов, но через год, по неизвестной причине, он отверг ее и взял в жены Хильдегард, швабскую даму высокого дворянского происхождения, от которой он имел трех сыновей, а именно Карла, Пепина и Людовика, и столько же дочерей, Хротруду, Бертраду и Гизилу. У него также было три другие дочери: Теодерада и Хильтруда от его жены Фастрады, немецкой дамы восточно-франкского происхождения, и третья, Ротаида, от наложницы, имя которой я не помню. Когда Фастрада умерла, он женился на Лютгарде из Аламаннов, но она не родила ему детей. После ее смерти у него было три наложницы: Герсвинда, саксонская девушка, которая родила ему дочь Адальтруду, Регина, мать Дрого и Хью, и Адалинд, от которой он зачал Теодориха. Его мать, Бертрада, прожила с ним до старости, пользуясь большим почетом. Он окружал ее величайшим почтением, так что, за исключением случая, когда он развелся с дочерью Дезидерия, на которой женился по настоянию матери, между ними ни разу не возникало разногласий. Бертрада умерла только после смерти Хильдегарды, дожив до того, что

увидела трех внуков и столько же внучек в доме своего сына. Карл похоронил свою мать с большими почестями в церкви Святого Дионисия, той же, в которой покоился его отец. Ее единственная сестра, Гисила, которая с юности посвятила себя святой жизни, пользовалась у короля такой же благочестивой любовью, как и его мать. Она умерла за несколько лет до него в монастыре, куда удалилась.

Что касается детей, он считал, что их, как сыновей, так и дочерей, следует воспитывать так, чтобы они в первую очередь получали образование в тех гуманитарных науках, которым он сам посвятил свое внимание. Для своих сыновей, как только их возраст позволял, он предписывал верховую езду по франкскому обычаю, обучение оружию и охоте; для своих дочерей — прядение шерсти, пользование прялкой и веретеном; они должны были остерегаться лени из-за своего досуга, их должны были обучать всем добродетельным занятиям. Из его многочисленной семьи двое сыновей и одна дочь умерли раньше него: старший Карл и Пепин, которого он сделал королем Италии, а также старшая дочь Хротруда, которая была обручена с Константином, императором греков. Пепин оставил сына Бернхарда и пятерых дочерей: Адальхайд, Атулу, Гунтраду, Бертайд и Теодераду. Король явно проявлял свою любовь к ним, позволив внуку унаследовать королевство своего отца, а внукам — получать образование вместе со своими дочерьми. Величие его души было настолько выдающимся, что он с чрезвычайным терпением перенес смерть своих сыновей и дочери, что нисколько не умаляло его любви, ибо он не мог сдерживать слез. Когда он услышал известие о смерти Адриана, римского понтифика и его главного друга, он плакал так горько, как будто потерял своего любимого сына или брата. Он проявлял величайшую верность в своих дружеских отношениях, легко завязывая их и сохраняя с предельной постоянностью, и питал чистейшую любовь к тем, кого он привязал к себе узами симпатии. Он уделял столько внимания образованию своих сыновей и дочерей, что никогда не обедал дома без них. Во время путешествий его сыновья ехали рядом с ним, а дочери следовали сразу за ними, и их свита охранялась слугами из числа « », специально назначенными для этой цели. Его дочери были настолько красивы, а его любовь к ним настолько нежна, что, как ни странно, он не соглашался выдать ни одну из них замуж ни за кого из своего народа, ни за иностранца, но держал их всех при себе до самой смерти в своем доме, говоря, что не может обойтись без их общества. По этой причине, хотя во всем остальном ему сопутствовала удача, он испытал злобу несчастья. Тем не менее, он скрывал свои мысли и вел себя так, как будто ни у кого из них никогда не возникало подозрений о каком-либо зле, как будто никогда не распространялись никакие слухи.

У него был сын от наложницы Энгелберты (^[138]) по имени Пепин, о котором я не упоминал среди других; он был хорош собой, но был уродлив из-за горба. Во время войны с гуннами, когда его отец зимовал в Баварии, этот мальчик притворился больным и замышлял заговор против своего отца с некоторыми франкскими дворянами, которые очаровали его пустыми обещаниями о королевстве. Когда обман был раскрыт и заговорщики понесли наказание, король велел мальчику сбрить бороду и разрешил ему проводить время в религиозных упражнениях в аббатстве в Прюме, против чего тот не возражал. Ранее в Германии был организован еще один мощный заговор против него; некоторые из его организаторов были ослеплены, а некоторые остались невредимыми, но все были сосланы. Смертная казнь была приведена в исполнение только в отношении троих, которые, выхватив мечи, чтобы избежать плена, даже убили некоторых из тех, кто был послан их арестовать, так что их казнили, потому что не было другого способа заставить их замолчать.

Предполагается, что причиной и источником этих заговоров была жестокость королевы Фастрады, и в обоих случаях объектом заговора был король, потому что, соглашаясь с

жестокостью своей жены, он, казалось, отступил от своей добродушной натуры и обычной милосердности. Всю оставшуюся жизнь он проявлял столько любви и внимания ко всем людям, как в своей стране, так и за рубежом, что никто и никогда не высказывал против него ни малейшего намека на чрезмерную жестокость.

Он очень любил иностранцев и проявлял столько заботы о них, что их многочисленность стала считаться обременительной не только для дворца, но и для всего королевства. Однако высокодуховный король сам нисколько не угнетался такой ответственностью, зная, что такие неудобства перевешиваются широкой репутацией щедрости и наградой в виде доброй славы, которой он пользовался.

ЕГО ВНЕШНИЙ ВИД И ПРИВЫЧКИ

Чарльз был крупного и крепкого телосложения и внушительного роста, хотя его рост не был чрезмерным (говорят, что он был в семь раз больше длины его собственной стопы). Верхняя часть его головы была круглой, глаза были больше обычного и полны жизни, нос довольно выдающийся; у него были благородные белые волосы, а лицо было оптимистичным и веселым. Стоя или сидя, он обладал очень большим присутствием и достоинством. Его шея была толстой и слишком короткой, а живот слишком выпуклым; однако эти недостатки терялись на фоне прекрасного баланса остальных частей тела. Его походка была твердой, вся осанка тела — мужественной, но его голос, хотя и был чистым, не гармонировал с размерами его телосложения: он был здоров, за исключением последних четырех лет жизни, когда его часто мучила лихорадка; в конце жизни он даже хромал на одну ногу. И даже в этой крайней ситуации он поступал скорее по своему желанию, чем по совету врачей, которых он глубоко ненавидел, потому что они настаивали, чтобы он отказался от жареного мяса, которое он привык есть, и привык к вареному. Он много занимался верховой ездой и охотой, что было национальной чертой его характера, ведь едва ли найдется на земле народ, который мог бы сравниться с франками в этом искусстве (). Он получал большое удовольствие от паров природных теплых источников и тренировал свое тело (), часто плавая, в чем он был таким мастером, что никто не мог по-настоящему превзойти его в этом. Из-за теплых источников он даже построил дворец в Аахене, где в последний год своей жизни он жил постоянно до самой смерти. Он приглашал в бани не только своих сыновей, но и своих дворян и друзей, а иногда даже толпу своих слуг и телохранителей, так что иногда в бане купались вместе сто и даже более человек.

Он носил одежду своей страны, то есть франкскую: на теле — льняную рубашку и льняные набедренные повязки; затем тунику с шелковым подолом и чулки. Он обвязывал ноги подвязками и обувал ноги в туфли. Его грудь и плечи были защищены от холода дублетом из кожи выдры и соболя. Окутанный морским синим плащом, он всегда носил меч на поясе, рукоять которого была переплетена серебром и золотом. Иногда он носил меч, инкрустированный драгоценными камнями, но только в торжественные дни и праздники или при посещении иностранных посольств. Он с величайшим презрением относился к иностранным стилям одежды, какими бы изысканными они ни были, и никогда не соглашался одеваться в них. Только однажды, в Риме, по просьбе понтифика Адриана, а затем по настоятельной просьбе его преемника Льва, он надел длинную тунику и хламиду и обул туфли римского образца. В праздничные дни он ходил в одежде, сотканной из золота, и обуви, инкрустированной драгоценными камнями; его плащ скрепляла золотая булавка, а на голове он носил великолепную корону из золота и драгоценных камней. В остальные дни его одежда мало отличалась от одежды обычного человека.

ФРАНКСКИЙ ТРУБАЧ

Он ел и пил умеренно, но особенно умеренно относился к выпивке, поскольку испытывал сильнейший ужас перед пьянством у любого человека, не говоря уже о себе и своих спутниках. В еде он был менее воздержан и часто ворчал, что пост вреден для его тела. Он очень редко устраивал банкеты, только в дни главных праздников, но тогда на них собиралось большое количество гостей. Его ежедневная трапеза состояла из четырех блюд в дополнение к жареному мясу, которое охотники приносили на вертелах и которое он ел с большим аппетитом, чем любое другое блюдо. Во время трапезы он слушал какие-то представления или чтения. Ему читали истории и рассказы о доблестных деяниях древних людей. Он любил произведения святого Августина, особенно те, что были озаглавлены «*De Civitate Dei*». Он очень умеренно пил вино и другие спиртные напитки, редко выпивая за трапезой более трех глотков. Летом после полуденного обеда он ел фрукты и выпивал один глоток, затем снимал одежду и обувь, как он делал по обыкновению ночью, и отдыхал два-три часа. Ночью он спал так легко, что просыпался и даже вставал четыре или пять раз. Пока он одевался и завязывал ремни на своих ботинках, он не только принимал своих друзей, но и, если граф дворца сообщал ему о каком-либо иске, который не мог быть решен без его приказа, он давал указание без промедления впустить истцов; затем он садился, как в суде, и выносил решение по спору, как только он его изучал. И это было не все, что решалось в это время: он давал распоряжения о выполнении всех официальных обязанностей на этот день и давал указания конкретным слугам выполнять свою работу.

Он был красноречив, находчив и изобретателен и мог с большой открытостью выразить все, что хотел сказать. Его не удовлетворял только его родной язык, и он приложил усилия, чтобы выучить иностранные языки; из них он так хорошо выучил латынь, что молился на латыни так же свободно, как на своем родном языке; однако он понимал греческий лучше, чем мог на нем говорить. Он был настолько разговорчив, что почти производил впечатление болтуна. Он испытывал глубокое уважение к гуманитарным наукам и их ученым представителям, которых он удостоивал больших почестей. Чтобы изучить грамматику, он посещал лекции пожилого диакона Петра Пизанского; в остальном его

учителем был Альбинус, также известный как Алкуин, тоже диакон, саксонец по происхождению, родом из Британии, самый ученый человек того времени. С ним король проводил большую часть своего времени и изучал риторику и диалектику, а особенно астрономию. Он изучил искусство счета и с глубокой мыслью и большим мастерством тщательно исследовал движение звезд. Он пытался научиться писать и для этой цели хранил свои планшеты и тетради под подушкой в постели, чтобы в свободное время тренировать руку, но прогресс был невелик.

Он посвятил себя христианской религии, которая была привита ему в детстве с величайшей святостью и благочестием, и по этой причине он построил базилику в Аахене, произведение великой красоты, которое он украсил серебром и золотом, подсвечниками, решетками и дверями из массивной латуни. Когда он не смог найти колонны и мрамор для этого сооружения нигде больше, он велел привезти их из Рима и Равенны. Пока позволяло здоровье, он был неутомимым прихожанином в церкви на утрене и вечерне, а также в ночные часы и во время жертвоприношения, и он очень заботился о том, чтобы все церковные службы проводились с величайшей чистотой. Очень часто он предупреждал ризничих, чтобы они не допускали, чтобы в здание приносили или оставляли что-либо неподобающее или грязное. Он предоставил большое количество священных сосудов, золота и серебра, а также священнических одеяний, чтобы во время мессы никто, даже привратники, которые являются самым низким сословием церковных служителей, не был вынужден выполнять свои обязанности в обычной одежде. Он усердно совершенствовал порядок чтения и пения. Ведь он был мастером и в том, и в другом, хотя и не читал публично и не пел громче шепота.

В помощи бедным, в бесплатной благотворительности, которую греки называют милостыней, он был набожен, заботясь об этом не только в своей стране и королевстве, но и часто посылая деньги за море в Сирию, Египет и Африку, в Иерусалим, Александрию и Карфаген, где, как он знал, христиане жили в бедности, из сострадания к их нищете. С этой целью он неустанно стремился к дружбе с королями за мостом, чтобы христиане, находившиеся под их властью, могли получить некоторое утешение и комфорт. Из всех священных и почитаемых мест в Риме он больше всего любил церковь апостола Петра, сокровищницу которой он обогатил огромной суммой в золоте, серебре и драгоценностях. Он посылал бесчисленные дары понтификам, и на протяжении всего своего правления ничто не было ему так дорого, как то, чтобы город Рим благодаря его усердию и покровительству () обрел свои древние привилегии, а церковь Святого Петра не только находилась под его защитой и покровительством, но и была украшена и обогащена его дарами больше, чем все другие церкви. Ценивая эту амбицию в течение сорока семи лет своего правления, он нашел время только четыре раза посетить Рим, чтобы исполнить свои обеты и помолиться.

ЕГО ИМПЕРСКИЙ ТИТУЛ (800 г. н. э.)

[800-814 гг. н. э.]

Это были не единственные причины его последнего визита в Рим, но римляне вынудили папу Льва обратиться за надежной помощью к королю, когда этот понтифик был тяжело ранен: ему вырвали глаза и вырезали язык. Поэтому король прибыл в Рим, чтобы исправить положение церкви, которая находилась в крайне тяжелом состоянии, и пробыл там всю зиму, занимаясь этим делом. В это время он получил титул императора и августа, к которому сначала был настолько равнодушен, что поклялся, что не позволил бы войти в церковь в тот день, хотя это был праздничный день, если бы он мог предвидеть намерения

папы. Тем не менее, он с большим терпением переносил зависть, которую это имя вызывало у римских императоров, которые были крайне возмущены его присвоением, и он укрощал их угрюмую враждебность своим любезным поведением, в котором он, безусловно, был их мастером, часто посылая им посольства и называя их своими братьями в своих письмах к ним.

Приняв императорский титул, он обратил внимание на многочисленные недостатки в законах своего народа, поскольку у франков было два закона, которые во многих местах значительно различались. Он размышлял, как восполнить пробелы, устранить противоречия и исправить вредные и ошибочные положения, но из этих замыслов не был реализован ни один, за исключением того, что он добавил к законам несколько глав, и те были фрагментарными. Но он распорядился окончательно кодифицировать законы всех народов, находившихся под его властью, которые не были зафиксированы в письменной форме. Так же он записал и заучил грубые песни древности, в которых воспевались подвиги и войны древних королей. Он также приступил к составлению грамматики своего родного языка. Он дал названия месяцам на национальном языке, поскольку до этого франки называли их частично латинскими, а частично иностранными именами. Кроме того, он дал двенадцати ветрам соответствующие названия, тогда как до этого можно было найти слова только для четырех из них. Месяц январь он назвал Wintarmanoth; февраль — Хорнунг; март — Лентзинманот; апрель — Остарманот; май — Виннеманот; июнь — Брачманот; июль — Хевиманот; август — Аранманот; сентябрь — Витуманот; октябрь — Виндумеманот; ноябрь — Хербистманот; декабрь — Хейлагманот. А ветры он назвал так: тот, который по-латыни назывался Субсоланус, он назвал Остронивинт; Eurus — Ostsunderen; Euroauster — Sundostren; Auster — Sundren; Austroafricus — Sundwestren; Africus — Westsundren; Zephyrus — Westren; Chorus — Westnordren; Circius — Nordwestren; Septenrio — Nordren; Aquilo — Nordostren; Vulturinus — Ostnorden.

ЕГО СМЕРТЬ (814 г. н. э.)

[814 г. н. э.]

Ближе к концу своей жизни, когда он был обременен болезнью и старостью, он призвал к себе своего сына Людовика, короля Аквитании и последнего выжившего сына Хильдегарды, торжественно собрал франкскую знать со всего королевства и с единодушного согласия назначил Людовика своим партнером по всему королевству и наследником императорского титула. Затем он возложил королевскую корону на его голову и объявил, что его следует приветствовать как императора и августа. Все присутствующие приветствовали его поступок с большим восторгом, ибо казалось, что король был божественно вдохновлен для блага своего королевства. Ведь разве этим поступком он не увеличил свое величие и не вселил немалый страх в соседние народы? Он отпустил своего сына в Аквитанию, а затем, несмотря на свой преклонный возраст, отправился на охоту, как обычно, в окрестности дворца в Аахене. Остаток осени он провел в этом занятии, а затем в начале ноября вернулся в Аахен.

Зимой, в январе, его охватила лихорадка, и он лег в постель. Как всегда, когда его атаковала лихорадка, он сразу же прописал себе воздержание от пищи, полагая, что таким образом болезнь может быть изгнана или, во всяком случае, ослаблена, но боль усилилась, пока его бок не воспалился (греки называют это «плевритом»). Тем не менее он продолжал голодать, поддерживая себя жизнью, время от времени делая глоток, до седьмого дня после того, как он лег в постель. Затем он принял святое причастие и умер 28 января в девять

часов утра, в семидесятом году своей жизни и в сорок седьмом году своего правления (814 г.).

Его тело торжественно омыли и уложили в церкви, где оно было похоронено среди великой скорби всего народа. Сначала люди сомневались, где он должен покоем, поскольку сам он при жизни не оставил никаких указаний по этому поводу. Наконец все пришли к единодушному мнению, что нет более подходящего места для его погребения, чем та церковь, которую он построил на свои средства в Аахене из любви к Богу и Господу нашему Иисусу Христу и во славу Пресвятой Богородицы, его матери. Здесь он и был похоронен в тот же день, когда скончался. Над его могилой был воздвигнут позолоченный памятник с его изображением и титулом. Этот знаменитый титул гласит:

ПОД ЭТОЙ ГРОБНИЦЕЙ ПОКОИЛСЯ ТЕЛО
КАРЛА ВЕЛИКОГО И ПРАВОСЛАВНОГО ИМПЕРАТОРА
КОТОРЫЙ СЛАВНО РАСШИРИЛ ЦАРСТВО ФРАНКОВ И
УДАЧНО УПРАВЛЯЛ ЦАРСТВОМ В ТЕЧЕНИЕ Сорок семь лет
ОН ПЕРЕСЕЧИЛ СЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ, КОГДА УМЕР
28 ЯНВАРЯ В ГОДУ ГОСПОДНЕМ 894
ИНДИКЦИЯ VII

ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЯ СМЕРТИ КАРЛА ВЕЛИКОГО

Было много предзнаменований его приближающейся смерти, ибо их ощущали не только другие, но и сам король. В течение всех трех последних лет его жизни происходили затмения и солнца, и луны, а на солнце в течение семи дней были видны черноватые пятна. Порттик, который он с большим трудом построил между церковью и дворцом, в день Вознесения Господня внезапно и полностью обрушился сверху донизу.

Кроме того, деревянный мост через Рейн в Майнце, на строительство которого король потратил десять лет огромных усилий, мост, столь великолепный, что казалось, будто он будет стоять вечно, случайно загорелся и был сожжен дотла за три дня, так что не осталось ни одного бруса, кроме тех, которые были защищены водой. И снова, когда король находился в Саксонии во время своей последней кампании против Готфрида, короля датчан, однажды, когда поход начался и он покинул лагерь до восхода солнца, он увидел, как внезапно с неба упал пылающий факел, пролетевший по ясному небу справа налево. Пока все гадали, что это может означать, внезапно лошадь короля упала прямо на его голову и с такой силой швырнула всадника на землю, что застежка его плаща сломалась, а пояс с мечом разорвался. Его слуги подбежали и ослабили его доспехи, и с помощью окружающих он смог подняться. Копье, которое он случайно держал в руке в тот момент, вылетело из его рук на расстояние двадцати футов или более. И это еще не все. Дворец в Аахене часто сотрясался, а потолки домов, в которых он жил, постоянно трескались. Церковь, в которой он был позже похоронен, была поражена молнией, и золотое яблоко, украшавшее вершину крыши, было сорвано и отброшено на соседний дом священника. В этой же церкви, на кольце карниза, который пролегал по внутренней части здания между верхними и нижними арками, была надпись красным мелом, рассказывающая о том, кто был основателем церкви, и последняя строка заканчивалась словами *Karolus Princeps*. Некоторые люди заметили, что в том же году, когда он умер, за несколько месяцев до этого события, буквы, составляющие слово *Princeps*, были настолько стерты, что стали почти невидимыми. Но король либо скрывал свои чувства по поводу всех этих предупреждений свыше, либо пренебрегал ими, считая, что они никак не относятся к нему.

ЕГО ЗАВЕЩАНИЕ

Карл намеревался составить завещание, в котором он мог бы в некоторой степени обеспечить своих дочерей и детей, рожденных от наложниц, но он начал его составлять поздно, и оно не было завершено. Однако за три года до своей смерти он разделил свои сокровища, деньги, одежду и другое движимое имущество в присутствии своих друзей и слуг, сделав их свидетелями того, что после его смерти распределение, сделанное им, вступит в силу и будет утверждено их согласием. Что он хотел сделать с каждой частью, он изложил в кратком изложении, аргументы и текст которого приводятся ниже:

ФРАНКСКАЯ ЖЕНЩИНА ВЫСОКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Описание и раздел, составленные славнейшим и благочестивейшим князем, императором Карлом Августом в 811 году от Рождества Христова, в сорок третьем году его правления во Франции, в тридцать седьмом году его правления в Италии, в одиннадцатом году его императорского достоинства и в четвертом индиктионе.

В то время как благочестивое и благоразумное соображение побудило его произвести и, с Божьей помощью, завершить раздел ценностей и денег, найденных в его сокровищнице в тот день. И поскольку упомянутый Чарльз был очень озабочен и стремился обеспечить, чтобы как обычное распределение милостыни, которое должным образом осуществляется христианами из своих владений (), было осуществлено им самим из своих денег, как это правильно и подобает, так и чтобы его наследники, избавившись от всяких сомнений относительно того, что им принадлежит, могли ясно знать и произвести раздел между собой в установленном порядке без раздора и споров. Настоящий договор свидетельствует о его воле и намерении, чтобы все его имущество и движимое имущество, будь то золото, серебро, драгоценные камни или королевские украшения, которые могут быть найдены в вышеупомянутый день в его сокровищнице, были разделены на три части, которые в свою очередь должны быть разделены, две из них на двадцать одну часть, а третья часть должна быть сохранена целиком; причина такого деления двух третей имущества на двадцать одну часть заключается в том, что это число признано числом митрополий в королевстве, и из этих двадцати одной части одна должна быть передана его наследниками и друзьями

каждой митрополии в качестве пожертвования, архиепископ, стоящий в то время во главе этой церкви, должен взять часть, предоставленную его церкви (), и разделить ее со своими суфраганами в следующих пропорциях: одна треть должна быть сохранена для его собственной церкви, а остальные две трети должны быть разделены между суфраганами. Эти части первого тройного деления, двадцать одна по количеству, что соответствует количеству митрополий, должны быть отделены друг от друга, и каждая из них должна храниться отдельно в своем хранилище с указанием названия города, в который она должна быть доставлена.

Названия митрополий, которым будет предоставлена эта щедрая дань, следующие: Рим, Равенна, Милан, Фриули, Грац, Кельн, Майнц, Юлавия, также называемая Зальцбургом; Трир, Сас, Безансон, Лион, Руан, Реймс, Арль, Вьенна, Мутье в Тарантезе, Эмбрун, Бордо, Тур, Борхес. И из одной трети, которая должна остаться нетронутой, будет произведено следующее распределение, а две другие части будут распределены в соответствии с вышеупомянутым разделом и запечатаны: эта третья часть будет использоваться для повседневных нужд как собственность, которая никоим образом не может быть передана из владения владельца, и будет сохраняться до тех пор, пока он жив или считает ее владение необходимым для себя. Но после его смерти или добровольного отказа от мирского имущества она будет разделена на четыре части. Из них первая часть должна быть добавлена к вышеупомянутым двадцати одной части; вторая часть должна быть распределена между его сыновьями и дочерьми и их детьми в справедливых и разумных пропорциях; третья часть должна быть использована для помощи нуждающимся в истинном христианском духе, а четвертая часть также должна быть использована в качестве милостыни, которая должна быть передана и распределена между слугами и служанками, составляющими домашний персонал дворца. Кроме того, здесь далее предписывается, что к этой одной трети от всего имущества, которая, как и остальная часть, состоит из серебра и золота, должны быть добавлены все сосуды и утварь, используемые в различных подразделениях дома, будь то из меди, железа или другого металла, вместе со всем оружием, одеждой и другими ценными или незначительными вещами, а именно: занавесями, покрывалами, гобеленами, волосатыми тканями, изделия из кожи, подушки и все, что будет найдено в его сундуках или шкафах в тот день, что позволит разделить эту часть на большее количество частей и дать возможность большему числу людей участвовать в распределении милостыни.

Кроме того, предписывается, чтобы его часовня, под которой подразумевается все, что относится к служению церкви, оставалась целой и неповрежденной, как то, что он сам создал и собрал, так и то, что досталось ему по наследству от отца. А если будут найдены сосуды, книги или другие украшения, которые явно не были принесены им в указанную часовню, эти сосуды, книги или другие украшения должны быть куплены по справедливой цене и переданы в собственность любому лицу, желающему их приобрести. Что касается книг, которых он собрал огромное количество в своей библиотеке, то также предписано, чтобы они были выкуплены по справедливой цене теми, кто желает их приобрести, а полученные деньги были распределены между бедными. Что касается трех серебряных столов и одного золотого стола большого размера и веса, находящихся среди остальных его сокровищ и денег, то завещано и постановлено следующее: во-первых, стол квадратной формы, на котором изображен план города Константинополя, вместе с остальными подарками, предназначенными для этой цели, должен быть перевезен в Рим, в церковь апостола Петра; второй стол круглой формы, украшенный изображением города Рима, должен быть отправлен в епископальную церковь Равенны; а третий, который намного превосходит другие по красоте исполнения и массивности веса и состоит из трех соединенных дисков, на которых в самой сложной и мелкой конфигурации изображен план

всего мира, — этот, вместе с вышеупомянутым золотым столом, будет добавлен к части, которая будет разделена между его наследниками и распределена в качестве милостыни.

Это распоряжение и соглашение были составлены и утверждены в присутствии епископов, аббатов и графов, которые в то время могли быть свидетелями, и их имена следующие:

Епископы: Хильдебальд, Рихульф, Арно, Вольфар, Берноин, Лайдрад, Иоанн, Теодульф, Иессе, Хайдо, Вальтгауд.

Аббаты: Фридрих, Адалунг, Ангильберт, Ирмин.

Графы: Валахо, Мегинхер, Отульф, Стефан, Унруох, Бурхард, Мегинхард, Хатто, Рихвин, Эдо, Эркангар, Герольд, Бери, Хильдигер, Роккульф.

Луи, сын Карла, который по божественному промыслу унаследовал его власть, внимательно изучив этот же абстракт, выполнил все содержащиеся в нем введения со всей возможной быстротой и с самой любящей преданностью, как только король умер.^b

Так заканчивается жизнь Карла Великого, рассказанная его преданным слугой и современником Эйнхардом. Давайте теперь рассмотрим ту же тему с точки зрения одного из величайших современных историков и посмотрим, как фигура великого короля и созданная им структура выросли за тысячелетнюю тень.^a

ГИЗЕБРЕХТ О КАРЛЕ ВЕЛИКОМ

[768-814 гг. н. э.]

Все независимые силы, которые еще осмеливались утверждать свою власть в бывшем королевстве Меровингов, были подавлены. В Аквитании все еще существовало наследственное герцогство, которое Пепин атаковал, но не смог завоевать; Карл положил этому конец. Бретонцы на протяжении веков сопротивлялись власти франкских королей; после долгой борьбы их сопротивление было сломлено. Бавария все еще существовала как независимое герцогство под властью Агилольфингера Тассило, и даже во времена Пепина там произошло опасное восстание; Тассило был унижен и, хотя он еще некоторое время сохранял свою власть, он обязан был этим только личной дружбе с Карлом и вмешательству папы. В конце концов он был вынужден сдаться и уйти в монастырь.

Для нового королевского дома, который основал свою власть прежде всего на тех частях королевства, которые остались германскими, было жизненно важным положить конец свободе саксонского народа. Ведя вековую войну с франкскими королями и часто терпя поражения в кровопролитных сражениях, саксы, тем не менее, поднимались после каждого поражения и в последние годы даже постепенно расширяли свое господство на юго-западе в сторону земель франков. Каждое восстание против франкской королевской власти находило в них, последнем свободном германском племени, готовую поддержку (). В последние годы своей жизни Пепин вел непрерывную войну с этим народом; Карл унаследовал эту войну от своего отца и был полон решимости покончить с ней любой ценой, чтобы навсегда обеспечить королевскую власть и христианскую религию среди всех германцев. В завоевании последнего свободного языческого германского племени он видел великое дело своей жизни.

[768-772 гг. н. э.]

На протяжении полутысячелетия внутренние отношения саксов, которые остались на своих древних землях, не претерпели существенных изменений. Здесь сохранилась древняя народная свобода, противостоявшая монархии, древняя религия, противостоявшая христианству, и были верно сохранены обычаи предков; саксы того времени по-прежнему были подлинными потомками херусков, которых Германн повёл на римлян. Земля была разделена на ограниченную группу округов или графств (*Gaue*), которые, как и в прежние времена, управлялись князьями (*Gaufürsten*), избранными общинами для отправления правосудия и руководства армией. Не было общего главы всего народа, но существовала великая ежегодная национальная ассамблея () в Маркло на Везере, на которую съезжались делегаты от трех свободных сословий народа со всех округов. Здесь обсуждались общие дела, принимались решения о войне и мире, а также выбирались лидеры (*Herzöge*), когда армия должна была выступить против врага страны. Свободные люди нации были разделены на три сословия: дворяне (*Edliuge*), которые были влиятельными, но не очень многочисленными, свободные люди и крепостные, многочисленный класс зависимых людей, которые не имели собственности, но пользовались личной свободой. Географически саксы делились на вестфальцев (*Westfalen*), проживавших на реках Зиг, Рур и Липпе и по обе стороны Эмса; энгеров, проживавших на обоих берегах Везера, вплоть до Лейне, и остфальцев (*Ostfalen*), проживавших на территории, простирающейся до Эльбы. Еще одно разделение составляли нордальбинге или «северные народы», которые по-прежнему владели правым берегом нижней Эльбы вплоть до Эйдера, *то есть* теми регионами, в которых впервые прозвучало название «саксы».

Это был великий воинственный и отважный народ с нетронутой природной силой, полный дикого духа свободы и варварской хитрости, против которого Карл теперь обратил свое оружие. Конечно, это был также народ без прочной единства и сильной сплоченности, и поэтому его не было трудно победить в отдельных сражениях. Но все отдельные победы мало способствовали окончательному решению войны; район за районом должен был быть покорен, одна община за другой отдельно уничтожена. Война, которую Карл вел против саксов, была той же войной, в которой когда-то потерпели поражение римляне; она велась против тех же племен и в тех же регионах, и снова речь шла о подчинении германской свободы власти одного человека и присоединении ее к великой империи. В то же время война теперь была также борьбой за христианскую веру. Карл шел на битву с мощами святых; миссионеры сопровождали поход его воинов.

[772-777 гг. н. э.]

В 772 году на «поле мая» (*Maifeld, champ de Mai*, ранее *Märzfeld, champs de Mars*) в Вормсе была объявлена война саксам. Армия выступила и сначала захватила Эресбург, главную крепость саксов на Димеле, на месте нынешнего Штадтберге. Затем было разрушено святилище в Эгге, где стоял Ирминсул — могучий ствол дерева, который, согласно вере саксов, поддерживал вселенную. Вся страна до Везера была разорена огнем и мечом. Саксы не осмелились встретиться с воинственными франками в открытом бою, и когда последние продвинулись дальше вглубь страны, большинство племен поклялись в подчинении и дали королю заложников. Христианские священники сразу же прошли по стране и проповедовали, наряду с христианством, подчинение франкской монархии, но их проповеди остались без внимания; едва Карл покинул границы Саксонии, как народ поднялся массово, отвоевал Эресбург, захватил Зигбург на Руре и захватил территорию, оккупированную франками.

В 775 году Карл был вынужден вновь начать войну. Он поклялся подчинить «неверную и вероломную» нацию саксов или уничтожить их навсегда. Собрав все военные силы своего

королевства, он вторгся в Саксонию с огромной армией. Но и на этот раз враг нигде не стал противостоять франкам в открытом бою; только однажды вестфальцы под предводительством Витикинда рискнули совершить ночной налет. Среди ужасных разрушений армия Карла продвинулась к Океру; племена подчинились и дали заложников. Но порабощение этой земли еще не было решено. Как только Карл покинул эту землю, враг снова поднялся в его тылу и отбил крепость Зигбург.

Тогда в 776 году король вернулся с непобедимой армией. Саксы немедленно отказались от сопротивления; едва Карл достиг истоков Липпе, они пообещали принять христианство и подчиниться; многие сразу же приняли крещение. Теперь Карл построил в Саксонии крепости (), на некоторое время поселился там и в 777 году провел «майское поле» в Падерборне. По этому случаю перед могущественным королем явились знатные и свободные люди земли; не было слышно ни одного голоса протеста, всякое сопротивление, казалось, было сломлено. Саксы поклялись в безусловном повиновении приказам короля и признали его право, в случае невыполнения этой обязанности, лишить их земли и свободы навсегда. Народ массово принимал крещение; Саксония казалась действительно покоренной. Только Витикинд, в котором жил дух Германа, не хотел склониться перед франками и искал убежища у датского короля Зигфрида.

Ничто так не мешало Карлу обеспечить свой успех в Саксонии и быстро укрепить там свою власть, как войны, которые он, как союзник папы, должен был вести одновременно против лангобардов. Из-за развода своей дочери король Дезидерий стал самым ярым врагом Карла; он с радостью принял сыновей Карломана, которые были лишены престола, признал их королями франков и потребовал от папы Адриана их помазания. Но, несмотря на все усилия Дезидерия разлучить папу с Карлом, Адриан оставался «твердым, как алмаз»; он не колебался даже тогда, когда Дезидерий выступил с армией на Рим и захватил большую часть городов, которые Пепин подарил апостольскому престолу. Призыв папы о помощи достиг Карла в 773 году, и он не замедлил ни на мгновение, чтобы подчиниться ему. Перевалы Альп были плохо защищены; Карл прошел через них на равнины Ломбардии без существенного сопротивления. Здесь Дезидерий отказался дать сражение в открытом поле и ограничился обороной своих городов, которые пришлось осаждать один за другим.

[774-780 гг. н. э.]

Пока франкская армия была занята этими операциями, Карл в Пасху 774 года отправился в Рим, чтобы предстать перед городом как его патриций и лично возобновить свой союз с папой. Его приняли со всеми почестями, которые были обычны при въезде экзарха или патриция греческого императора. В церкви Святого Петра папа вышел ему навстречу, и под пение «Благословен грядущий во имя Господне!» оба прошли к могиле апостола и вместе помолились там. Затем с величайшей помпой был отмечен пасхальный праздник, после чего Карл не только подтвердил дар своего отца папе, но и сделал к нему дополнения. Карл, как и его отец, заявил, что он не вел войну с лангобардами, чтобы получить золото или серебро, земли или людей, а просто для защиты прав Святого Престола и возвышения Римской церкви. Но если папа надеялся, что Карл передаст Святому Петру все те части лангобардского королевства, на которые Рим претендовал в соответствии с обещанием, данным Пепином, но так и не выполненным, то он был обречен на горькое разочарование. Ибо когда после долгой осады Павия была взята, а Дезидерий попал в руки своих врагов, Карл принял дань верности от лангобардов и с тех пор называл себя «королем франков и лангобардов». Дезидерий был отправлен монахом в франкский монастырь.

После того как Карл приобрел эту обширную территорию в Италии, его отношения с Римской курией не были полностью свободны от неприятностей. Он стал могущественным

соседом папы, который сам стремился к светской власти в этой области. Между ними возникли значительные трения; обе стороны выдвигали и отвергали различные претензии. Но в условиях того времени было невозможно расторгнуть или даже ослабить этот союз. Уже в 776 году снова стало очевидно, насколько неразрывно интересы папы были связаны с властью франкского короля. Сын Дезидерия Адельхис, бежавший в Константинополь, угрожал Италии. Его поддерживал его шурин Арихис, гордый и все еще непокоренный герцог Беневенто; другие герцоги лангобардов были в тайном союзе с обоими. Папа находился в не меньшей опасности, чем франкское правительство. Карл снова поспешил через Альпы; угрожающая опасность была быстро подавлена его сильной позицией, а новые восстания были предотвращены реорганизацией всех дел Ломбардского королевства. Везде, кроме Сполето, где папа претендовал на феодальные права, герцогская власть была упразднена, земля была разделена на графства, была введена франкская военная и судебная система, политическая власть была отнята у епископов и аббатов; короче говоря, вся конституция франкской монархии была скопирована как можно точнее. Тем не менее, четыре года спустя Карл назначил Ломбардскому королевству собственного наместника в лице своего пятилетнего сына Пепина. Будучи основанной на своих собственных особенностях, служащей особой цели и постоянно подвергающейся нападениям опасных врагов, эта земля, казалось, нуждалась в отдельном правительстве.

[780-785 гг. н. э.]

[В это время состоялась неудачная экспедиция против мавров в Испании, и отсутствие франкских войск на северной границе побудило саксов снова поднять восстание.] Они разрушили недавно построенные церкви, убили священников, изгнали франков и напали на саму франкскую территорию. Карл немедленно послал против саксов войско франков и аламаннов, а в 779 и 780 годах сам король с могучей армией вторгся в мятежную землю. Все округа вновь подчинились и пообещали верность и принятие христианства. Но, наученный горьким опытом, Карл не поверил их обещаниям и разработал план по обеспечению послушания. По всей стране, особенно на франкской границе и вдоль Эльбы, были построены многочисленные крепости; сильные гарнизоны в этих крепостях сдерживали саксов с востока и запада и действительно поддерживали мир в течение некоторого времени. Карл использовал этот период для проведения мер, направленных на то, чтобы навсегда покончить со старым языческим культом и наследственной национальной свободой. Здесь была введена франкская военная и судебная система, как это было ранее в Ломбардском королевстве; земля была разделена на графства, управление которыми было передано франкским лордам или саксонским дворянам, подчинившимся Карлу. Также было начато разделение земли на епископства (). В стране поселились христианские священники, и люди, которые не принимали учение Христа добровольно, были принуждены к крещению, церковной жизни и уплате десятины. В 782 году король созвал великий и блестящий сейм у истоков Липпе; его власть в Саксонии казалась такой же неограниченной, как и в его собственном доме. Он уже строил планы по расширению своего королевства за пределы Саксонии на восток, среди славянских народов. Именно во время похода против сербов, живших между Заале и Эльбой, саксы впервые должны были нести военную службу королю. По-видимому, король желал направить воинственный дух этого народа в другое русло.

Новые постановления Карла глубоко затронули саму жизнь народа. Древняя германская свобода истекала смертельными ранами. Слишком изможденная, чтобы дольше держаться на ногах, она, тем не менее, все еще обладала достаточной энергией, чтобы судорожно бороться против уничтожения. Витикинд вновь появился среди саксов и призвал свой народ на защиту своей древней веры и наследственных прав. Вся Саксония взялась за оружие; даже фризы присоединились к Витикинду. Великая общая решимость вдохновляла этих

последних поборников древней германской свободы. Едва Карл выступил в поход, как вся страна поднялась на восстание. Священники были убиты, дворяне, подчинившиеся франкам, изгнаны, и начались приготовления к борьбе не на жизнь, а на смерть. Армия, посланная против сербов, была вынуждена развернуться и немедленно выступить против Витикинда и его орд, но в горах Зюнтель, недалеко от Везера, она потерпела полное поражение, и подкрепления, посланные с Рейна, с трудом спасли немногочисленные остатки войска.

Однако сам Карл уже выступил с новой армией, и его личное появление вновь парализовало сопротивление. Витикинд сдался, считая свободу саксов потерянной, и снова бежал к датчанам. Как суровый мститель и судья, Карл теперь призвал неверных к ответу. Он потребовал выдать виновных; 4500 саксов были переданы в его руки, и он приказал обезглавить их всех в один день в Вердене, полагая, что в этой отчаянной борьбе свобода, если ее сразить одним мощным ударом, сразу же истечет кровью.

Окончательное подчинение саксов

С ужасающей серьезностью Карл преследовал свою цель полностью подчинить саксов. Он думал, что достиг ее, пролив кровь в Вердене. Но, хотя саксы были унижены этим ужасным поступком, он еще больше наполнил их гневом и жаждой мести франкам. Вся земля снова поднялась на оружие, и Витикинд вновь вернулся от датчан. В 783 году Карл снова был вынужден выступить со всеми силами своего королевства против саксов, которые теперь впервые противостояли ему в больших открытых сражениях. Они поступили так к своему гибели: сначала в Детмольде, а затем на Хаазе недалеко от Оснабрюка Карл нанес им самые кровавые поражения. Саксонская молодежь была убита, ресурсы страны начали иссякать. Не встречая больше никакого особого сопротивления, король продвигался вперед, грабя и разоряя, вплоть до Эльбы. Тем не менее, Витикинд все еще продолжал сопротивляться ему, пока в 784 и 785 годах грабительские походы Карла не исчерпали последние силы сопротивления страны. Тогда Витикинд по приказу короля явился во дворец в Аттиньи, подчинился и принял крещение. Саксония была теперь завоевана, и христианство и королевская власть были навязаны народу. Под страхом смертной казни требовалось крещение, а языческие обычаи были запрещены. Любое оскорбление христианского священника, любое восстание против короля или неповиновение его приказам объявлялись смертным преступлением.

[785-796 гг. н. э.]

В течение нескольких лет в стране саксов царила тишина смерти, и Карл мог начать думать о том, чтобы направить свои войска против вендов за Эльбой. В 789 году он легко переправился через реку и завоевал всю страну вплоть до Пены, установив таким образом франкское правление в тылу саксов. Время от времени среди последних все еще вспыхивали разрозненные восстания, но они сразу же подавлялись железной рукой и больше никогда не становились опасными для франкского господства. Продолжение христианства было уже обеспечено, и страна была разделена на епархии.

В то время как Карл расширял границы своего королевства на северо-востоке, на юго-востоке также были совершены великие завоевания. Серия походов против аваров в 790-796 годах привела к их полному подчинению, расширению франкской власти далеко вниз по долине Дуная и восстановлению христианства на землях, где оно давно исчезло.

Силой своего оружия Карл удвоил размер унаследованного им королевства, своей неукротимой энергией он подавил всякое сопротивление внутри него и придал его

политическим и церковным институтам такое единство, какого Запад не знал со времен римлян. От Пиренеев и фризского побережья до восточных равнин в долинах Дуная, Эльбы и Одера, от Эйзера до самых высоких вершин Апеннин простиралось владение франков, сосредоточенное в руках одного человека, которому подчинялись не только все светские власти в этом обширном царстве, но и которого все духовенство также должно было безоговорочно признавать своим главой (). В предыдущие века казалось невозможным подчинить все племена внутренних районов Германии единому правлению, подчинить упрямую любовь всех германцев к свободе власти короля. Карл преуспел в этом и одновременно воссоединил под своим скипетром важнейшие земли Западной Римской империи, которые были разделены после ее падения. Первые города древней империи были в его владении, сам Рим признавал его власть. Борьба, противостояние между римлянами и германцами на протяжении веков было источником беспорядков на Западе; эта борьба, казалось, закончилась, это противостояние было урегулировано мирным путем, поскольку германцы и римляне теперь были объединены в одну империю, приняты в одну церковь.

Императорская коронация 800 г.

Таким образом, Карл поднял Франкское королевство до положения мировой державы, имеющей всемирное значение. Более того, эта поистине имперская держава возникла на Западе в то время, когда Восточная империя впала в полный дискредит. Именно в это время амбициозная Ирина, которая некоторое время управляла государством в качестве регента за своего сына, а затем была свергнута, вновь узурпировала власть самым позорным образом.

Восстав против собственного ребенка, которого она ослепила, эта женщина, вопреки всем традициям древности, получила императорский титул, который она покрыла невыразимым позором. Кто мог винить папство, если оно одним ударом навсегда разорвало слабую связь, которая, казалось, все еще сковывала его с Константинополем? По правде говоря, у епископа Рима почти не оставалось выбора; он был вынужден отвернуться от Константинополя и признать франкского короля своим императором и господином.

[795-800 гг. н. э.]

Последние годы жизни папы Адриана прошли мирно, но его преемник начал свое правление в бурных событиях. Когда Адриан умер в конце 795 года, его преемником стал Лев III, который немедленно послал Карлу ключи от гробницы Святого Петра с знаменем Рима и попросил его прислать легатов в Рим, чтобы принять дань уважения от жителей города. Новый папа с самого начала подчинился франку от своего имени и от имени Рима. Он считал, что права патрициата имеют тот же объем, как если бы Карл уже был императором; он искал защитника и очень скоро нуждался в его помощи. Весной 799 года среди римской знати разразились ожесточенные партийные борьбы; папа, подвергшийся нападениям и жестокому обращению со стороны своих врагов, бежал из города и поспешил с просьбой о помощи в Падерборн к трону короля Карла. Осенью франкские дворяне сопроводили его обратно в Рим и обеспечили ему временную защиту от противников, но без Карла он все еще находился в опасности. А сам король уже спешил в Рим; решение о создании Западной империи было принято.

Когда Карл на рождественском празднике 800 года вошел в церковь Святого Петра в одежде римского патриция, папа возложил на его голову золотую корону. Церковь огласилась криками толпы: «Боже, благослови и спаси Карла Августа, коронованного Богом, великого и мирного императора римлян!» Папа пал к ногам германского воина и воздал ему

дань уважения так же, как епископы Рима ранее воздавали дань уважения римскому императору в Константинополе.

Когда Карл взойшел на императорский трон Рима, было достигнуто то, к чему веками стремились амбициозные германские князья. Германцы получили от Рима первые впечатления о великой политической жизни, и именно под влиянием этих впечатлений были основаны все германские королевства. Величие римской империи, единство ее эффективных армий, пышность императорского двора, величие закона были и оставались идеалом германских королей. Даже когда на Западе ослабленная империя цезарей пала под натиском германских орд, самые благородные из их вождей по-прежнему считали высшей целью могущественного князя восстановить разрушенное сооружение своими силами и средствами. Но как это можно было осуществить, пока германские народы, не имея внутренней или внешней сплоченности, ослабляли и истощали друг друга в почти непрерывной череде войн, и пока вожди правили народами, которые, с их вызывающей любовью к свободе, сопротивлялись любому ограничению закона и любой энергичной власти? Так, вестгот Атавульф, остгот Теодорих и, наконец, первые Меровинги были вынуждены с самого начала отказаться от своих смелых планов по созданию Западной империи; им хватило того, что им удалось подчинить своей власти отдельные части великого целого и сформировать из них отдельные королевства.

Но первый германский князь, которому удалось навсегда сломить независимость общин и помочь королевской власти одержать окончательную решающую победу над народной властью, и который одновременно приступил к объединению своего королевства со всеми германскими племенами, остававшимися на своих древних местах, и к их воссоединению с германцами, которые эмигрировали и стали романизированными, также сразу же взял на вооружение идею Римской империи и представил себя преемником древних императоров.

Таким образом, впервые казалось, что наступило мирное урегулирование долгой борьбы между Римом и германцами, в которой речь шла не столько о свержении старой мировой державы, сколько о принятии германских племен в великую федерацию цивилизованных народов; не столько о разрушении прежней цивилизации, сколько о дальнейшем распространении всех интеллектуальных сокровищ, которые включала в себя и лелеяла римская держава. Германцы были включены в империю не как рабы, завоеванные легионами Рима; с оружием в руках они завоевали права граждан и господ империи, и когда они наполнили и преобразовали все элементами своей природы, свободное развитие событий поместило имперский скипетр Запада в сильную правую руку германского князя. Так Карл вступил в управление той великой германо-римской империей, в которую превратилась древняя римская держава.

Управление и реформы Карла

[800-814 гг. н. э.]

Но амбиции Карла как императора, безусловно, не заключались в том, чтобы возродить деспотизм языческого Рима над миром, вернуть к жизни забытые права древних императоров и таким образом установить для себя абсолютную власть. Его представление о новой власти, которая досталась ему как императору, скорее основывалось на той религиозной и политической концепции императорства, которую западная церковь развила в себе. Именно теократия старого завета, а не деспотизм римской империи, дала ему принципы, которыми он руководствовался в управлении вверенной ему мировой властью. В кругу своих друзей Карл назывался царем Давидом; по сравнению с его императорскими предшественниками его следует ставить не рядом с Юлианами или Флавиями, а рядом с

Константином или Феодосием, основателями римской государственной церкви. Таким образом, идеал нового имперского государства — это не что иное, как Царство Божие на земле, в котором император назначается самим Богом его наместником, чтобы он мог, в соответствии с божественными намерениями, направлять и управлять народом.

Именно в этом смысле Карл понимал свою позицию; в этом смысле он начал свое имперское правление. Вскоре после возвращения из Рима он распорядился пересмотреть в Аахене весь свод церковного и гражданского права, действовавший в его владениях, и исключить из него все, что казалось противоречащим повелению Бога. Затем он разослал королевских посланников, как церковных, так и светских, во все стороны, чтобы ввести в действие эти усовершенствованные законы и в то же время потребовать от всех подданных империи, достигших двенадцатилетнего возраста, новой присяги на верность, присяги, которая, как было явно подчеркнуто, налагала гораздо более высокие обязанности по отношению к его императорскому величеству, чем присяга, ранее данная королю. Этим посланникам Карл поручил почти апостольскую миссию: они должны были ревностно предупреждать народ о любом нарушении божественных заповедей, наставлять на христианские добродетели, напоминать всем, что когда-нибудь они должны будут отчитаться за свою жизнь перед судом Христа.

Хотя германское королевство с самого начала присвоило себе некоторые церковные права, теперь, когда оно возвысилось до имперской власти, оно, по-видимому, узурпировало почти всю полноту первосвященнической власти. И Карл был фактически открыто назван «регентом святой церкви»; церковные соборы не только требовали его разрешения для проведения заседаний, он дополнял их решения, исправлял их ошибки и везде имел решающий голос в них. Именно он, в не меньшей степени, реформировал все духовенство своей империи и с неумолимой строгостью навязал им каноническую жизнь, правила которой были в основном взяты из монашеских правил святого Бенедикта. Законодательство Карла, известное как « », повсеместно вторгается в сферу деятельности церкви, и даже в более поздних сборниках канонического права его законы фигурируют наряду с письмами пап и декретами соборов. Папа, хотя западная церковь и почитает его своим духовным главой, по сравнению с этим императором-первосвященником опускается почти до ранга первого советника по церковным делам, главы высшего корпоративного органа империи.

Но именно как король франков, как главнокомандующий и верховный судья своего народа Карл достиг императорской власти; вся его власть проистекала из военной и судебной власти, которую он осуществлял над свободными франками и всеми подчиненными им народами, и она рухнула бы, если бы эта основа, на которой она покоилась, была ослаблена или устранена. Для того чтобы империя Карла могла сохранить свое существование, было чрезвычайно важно, чтобы подчиненные части королевства были одновременно настолько полно включены в франкскую политическую систему, что они никогда больше не могли бы отделиться от нее — это была неизмеримая, бесконечно сложная задача, тем более что Карл не мог даже подумать о том, чтобы навязать своей империи деспотизм дряхлого Рима или подавить самобытную жизнь отдельных народов тяжестью своей верховной власти, установить единый закон, единую администрацию и единую форму правления от одного конца империи до другого. От этого его удерживал в первую очередь его идеал христианского государства, но еще больше — его собственный характер и характер народов, которыми он правил. Если политическое творение Карла должно было обрести какую-либо постоянность среди народов, которые были либо полностью германскими, либо, по крайней мере, были внутренне преобразованы германскими элементами, оно должно было исходить из германского духа, который не обладает творческой активностью там, где индивидууму не разрешается свободно

развиваться. Кроме того, оно должно было упорно придерживаться традиций и регулировать, объединять и направлять силы государства скорее через личное влияние, чем через безжизненный механизм.

Карл выполнил эту задачу с мудростью и величием души, которые всегда будут вызывать удивление. Несмотря на его могущественные и успешные военные подвиги, его слава как законодателя сияет гораздо ярче в истории человечества. Помимо личных и национальных законов, которые были частично кодифицированы под его руководством, он установил своими капитуляриями — эдиктами и постановлениями, которые он издавал по собственному решению или по совету имперских собраний — общий закон империи, свод законодательных актов самого всеобъемлющего характера, который не только регулировал важные дела всего политического организма, но даже распространялся на местные условия, чтобы привести их в соответствие с целым. Он в значительной степени осуществил то, что так долго казалось безнадежным — подчинил непокорные, свободолюбивые германские племена конституции, заставил их служить идеалам государства. Благодаря законодательству Карла был сделан гигантский шаг в развитии германского духа, и не следует думать, что, поскольку это была первая и поэтому грубая и неуклюжая попытка, она родилась из варварского духа.

Если мы правильно считаем, что высшее искусство законодателя заключается в способности проникательно воспринимать каждый зародыш нравственной жизни, который он встречает в обычаях и учреждениях своего народа, и заботиться о нем так, чтобы из него были получены самые прекрасные плоды, то Карл был одним из величайших законодателей, которых когда-либо видел мир. Он не позволил умереть ни одному из естественных порывов германского характера; напротив, каждый из них был взращен, облагорожен и приведен в состояние, позволяющее ему приносить более великолепные цветы и более полезные плоды. Поскольку франкская политическая система в целом, помимо ее церковных элементов, основывалась в первую очередь на германской основе, то и в политическом творчестве Карла были использованы прежде всего германские элементы. Содержание его законов, за исключением теократических примесей, является полностью германским, хотя капитулярии, как и национальные законы, были написаны на латыни. В определенном смысле все прошлое германских народов вливается в эти законы, вся их будущая жизнь проистекает из них. Римляне называли законы Двенадцати таблиц источником всей своей политической организации; с равным правом германцы, да и все народы Европы, могли бы сказать то же самое о законах Карла. С почтением и святым трепетом открываешь капитулярии великого императора, которые в совокупности составляют законодательное произведение, оказавшее плодотворное влияние на многие столетия. Здесь перед нашими глазами предстает образ каролингского государства с яркой реальностью; мы видим, как были достигнуты великие дела и к чему стремились самые высокие.

Самым сильным фактором, удерживавшим империю в единстве, была римско-католическая церковь; она распространяла единую веру, единый моральный закон, подобно религиозным учреждениям над народами, которые ранее отличались друг от друга языком, обычаями и законами, и охватывала их своей изобретательной компактной организацией, как мелкаячеистой сетью. Церковные соборы и имперские ассамблеи обычно собирались вместе, и в последних голос духовенства имел наиболее весомое влияние. Епископы считались самыми умелыми участниками всех политических переговоров, они пользовались таким же уважением, как и графы. Как и светские дворяне, они были богатыми землевладельцами, часто лично вели своих вассалов на войну и нередко меняли посох на меч. Хотя ранее духовенство было почти исключительно римского происхождения, теперь многие немцы также посвящали себя духовному сану; проповеди произносились на

немецком языке, религиозные книги переводились на немецкий. Таким образом, духовенство приблизилось к своеобразному характеру германских народов, но от этого не стало менее эффективно служить общим целям своего сословия и империи, тем более что в последнее время прочный союз церкви скорее укрепился, чем ослаб.

Второй, если не столь же сильной связью для империи, была франкская национальность и основанные на ней политические институты. Своими мечами победоносные франки завоевали контроль над Западом, сделали себя правителями германского и латинского мира; империя, хотя и называла себя римской, тем не менее была лишь продолжением королевства франков. Франкский король был сувереном империи; ее подразделения, провинции, округа и сотни, или как бы они ни назывались, в большинстве своем управлялись франкскими дворянами. По всей обширной территории империи повсюду встречались дворцы и дворы франкских королей, замки и обширные владения франкских дворян. Элементы франкской конституции были навязаны как завоеванным германским землям, так и подчиненной Италии. Франкский народ проник и окружил весь Запад своими политическими институтами; не обладая достаточной силой, чтобы уничтожить другие народности, он, однако, достиг такой власти, что мог удерживать их и заставлять служить себе.

Как глава западной церкви и король франков, император был верховным правителем во всех отношениях. Епископы, всегда выбиравшиеся в соответствии с его волей, хотя и не всегда непосредственно им, казались почти что простыми инструментами его замыслов. И в не меньшей степени все гражданское управление государством исходило от него. Только он назначал графов, которые от его имени осуществляли военную и судебную власть в своих графствах; их положение было просто положением имперских чиновников, которых можно было сместить или уволить, когда этого требовало общее благо. Он назначает королевских посланников, которые ежегодно путешествуют парами по различным частям империи, контролируют чиновников, принимают жалобы на них, отстаивают права трона во всех частях монархии и поддерживают постоянную связь между частями и императором. Он сам является верховным судьей с неограниченной юрисдикцией; он имеет исключительную юрисдикцию над дворянами и может принимать на себя всю юрисдикцию над другими. Он имеет право призывать к оружию, принимает решения о войне и мире, лично возглавляет армию или назначает главнокомандующего, а также герцогов (*Herzöge*) войск отдельных народов на время войны. Законодательная власть также в основном находится в его руках, хотя в этом вопросе он консультируется с имперским собранием и своим государственным советом.

Имперская ассамблея состояла из всех светских и духовных лордов, *т. е.* высоких придворных чиновников, епископов, аббатов, герцогов, графов (*Grafen*) и главных лиц королевской свиты. Она собиралась каждую весну, обычно в связи с большим смотром в мае, и ее совет запрашивался по всем важным государственным делам или важным имперским законам. Государственный совет, однако, состоял только из высокопоставленных придворных чиновников и магнатов империи, которых император считал достойными особого доверия и вызывал к себе временно или на постоянной основе. Осенью государственный совет обычно собирался на особо важные заседания, которые в основном служили предварительными консультациями для следующего имперского собрания, и для этой цели к нему присоединялись важные слуги императора со всех частей империи, и поэтому его можно было считать своего рода имперским собранием в миниатюре.

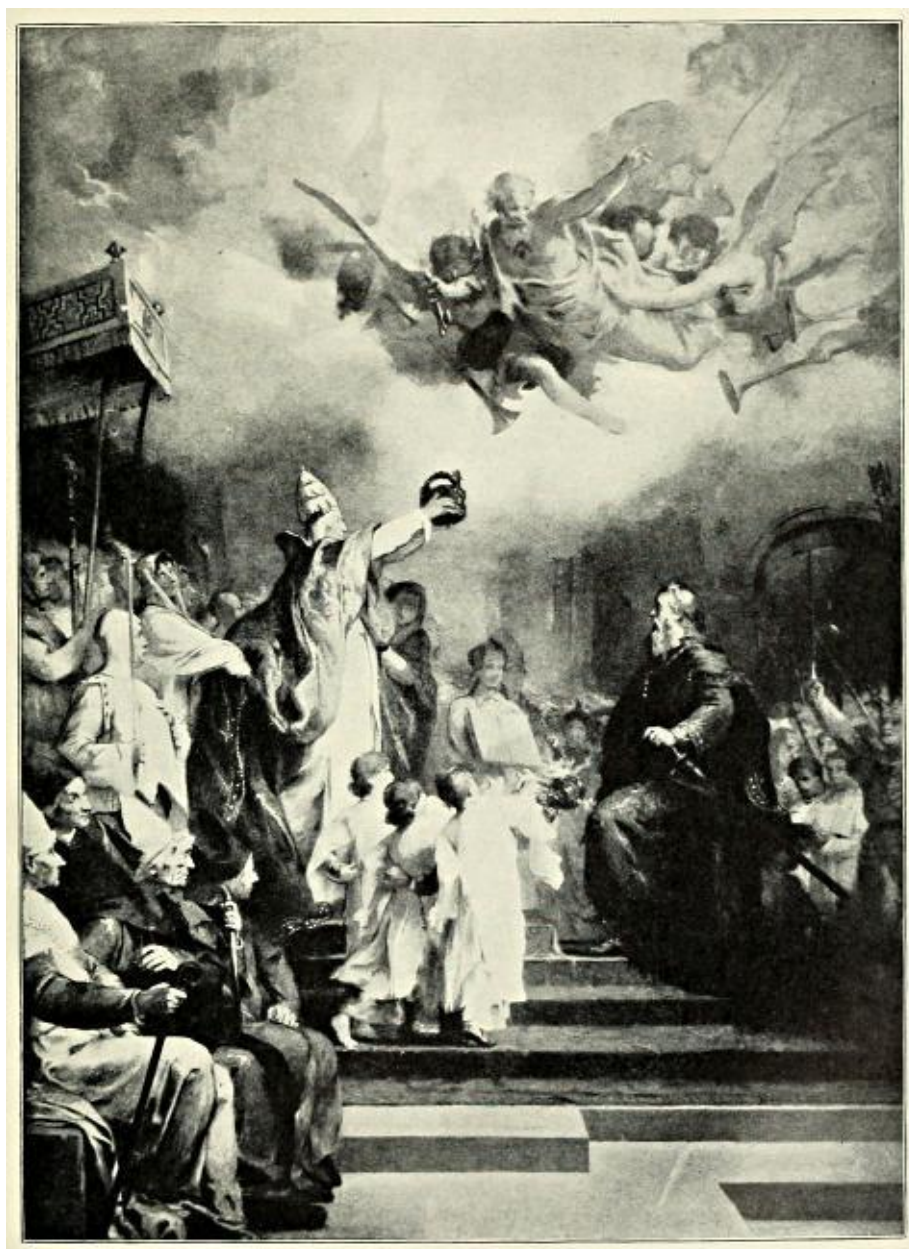
Древние произведения искусства и науки произвели на Карла большое впечатление в раннем возрасте. Он путешествовал по Италии среди руин ушедшего великого мира и украсил свои дворцы и новые церкви в своей родной стране древними произведениями

искусства. Таким образом, ему стало ясно, что особый дух божественного вдохновения оживлял искусство и науку, а также из немецких песен, презираемых другими, к нему доносился дух свежей, энергичной, интеллектуальной жизни. Карл поднял свой взор далеко за узкие границы, в которых западная церковь ограничивала искусство и науку, где только римская эрудиция, преобразованная духовенством в соответствии с его собственными идеями, удерживала свои позиции; он чувствовал, что христианство несет в себе тенденцию к всеобщей культуре человечества, но он также чувствовал, что оно должно ассимилировать все высшие интеллектуальные элементы, которые были рассеяны в индивидуальности разных народов. Прежде всего он, как никто до него, осознавал, какие сокровища ума хранятся в его немецком родном языке и могут быть извлечены из него. По этой причине он уделял особое внимание немецкому языку и поэзии « »; он сам работал над первой немецкой грамматикой и был первым, кто инициировал запись немецких героических поэм. Он требовал от духовенства проповедовать немцам на немецком языке, обучать их немецкому языку. Только так можно было заложить основу для немецкой национальной цивилизации, поскольку его целью была ни больше ни меньше цивилизация всего народа.

Идея общенациональной культуры, которая только в последнее время начала воплощаться в жизнь, причем весьма несовершенно, на самом деле уже зародилась в уме великого императора. Но национальная культура могла развиваться только на основе схоластической культуры, хотя последняя, сохранившаяся почти исключительно среди духовенства, уже давно носила преимущественно теологический характер. Только по этой причине Карл был вынужден поддерживать и культивировать эту теологическую науку, которой он также придавал наивысшее значение, во всех направлениях. Он собрал при своем дворе лучших ученых того времени, пригласив их не только из Италии, но и из Англии, куда новая латинская наука и литература были перенесены из Рима вместе с христианством и где, обогащенные свежими знаниями, они дали новый расцвет. Сам Карл был самым ревностным учеником этих людей, которых он ставил в пример своему духовенству и чей пример действительно оказал необычайное влияние. Даже если конечные цели императора были далеки от достижения, тем не менее школы вскоре начали процветать в епископальных церквях и монастырях; франкское духовенство вскоре стало отличаться своей ученостью, и даже миряне в некоторой степени были затронуты новой интеллектуальной жизнью. Теологическая литература вновь произвела произведения, оказавшие длительное влияние. Латинская поэзия тщательно культивировалась, немецкий язык получил правила и художественное развитие; искусство надежной исторической композиции, способное различать факты и вымыслы и улавливать великие события в их истинном положении, впервые зародилось тогда среди германцев. Во всем этом можно увидеть почти исключительно работу духовенства, которое позволило себе руководствоваться мыслями императора. Он пытался избавить епископов и аббатов от всех земных забот и приказал им назначать светских лиц судьями и чиновниками, которые должны были исполнять правосудие и собирать доходы капитулов, чтобы они сами могли с неослабевающей силой следовать своему духовному и интеллектуальному призванию.

Но каким бы могущественным и влиятельным ни было положение, достигнутое духовенством и гражданской знатью, реальная власть народа по-прежнему оставалась в руках сословия свободных людей, которое всегда было широким фундаментом германской политической организации. Только упорная сила и простота строгой морали, которые все еще сохранялись, особенно в германских частях франкской монархии, уберегли королевство Меровингов от полного разрушения и сделали возможным установление королевской власти дома Пепина. Никто лучше Карла не знал, что корни его власти лежали здесь и что она сама по себе неизбежно увянет и исчезнет вместе с ними. Поэтому он с неустанным рвением следил за тем, чтобы состояние свободных людей не уменьшалось и не лишалось

своих прав. Когда магнаты явно стремились вытеснить мелких землевладельцев, захватить их владения и таким образом поставить их в зависимое положение, Карл противостоял им всей силой своей власти и строго запрещал любое угнетение, которое могло быть использовано для этой цели. Карл с неумолимой строгостью противостоял такому угнетающему рабскому труду свободных людей и законодательно регламентировал услуги, которые могли требоваться от свободных людей. Более бедные люди были частично освобождены от обязанности личной военной службы, нескольким из них было разрешено объединиться, чтобы снарядить одного из своих соратников. Кроме того, при начале войны в большинстве случаев только те провинции, которые находились вблизи места конфликта, были обязаны предоставить полный комплект людей.

КОРОНОВАНИЕ КАРЛА ВЕЛИКОГО В РИМЕ, 800 ГОД

Если, как утверждается, Карл был единственным правителем всего средневековья, который глубоко проник в тайны политической экономии, он не мог не видеть, что питание и поддержка государства заключались в обеспеченности среднего и низшего классов землевладельцев. Конечно, в то время, когда внутренняя организация государства состояла почти исключительно из отправления правосудия, Карл не мог проводить какие-либо крупные общие меры по повышению национального благосостояния, но он мог подать другим пример того, как успешно заниматься сельским хозяйством. И он подал этот пример всей империи. Он был лучшим земледельцем в империи, его поместья были образцовыми хозяйствами, он лично следил за всем, сам проверял все счета и даже требовал отчет о каждом убитом на его территории волке. В других областях он также показывал пути и средства увеличения национального богатства. Он обратил свое внимание на отрасли промышленности, которые, по крайней мере в немецких провинциях, все еще были заняты только крепостными, и учил на своих поместьях, как можно заниматься ими с прибылью.

Он защищал торговлю, которой в немецких провинциях занимались в основном итальянцы и евреи, и открывал для нее новые пути. Вдоль Рейна пролегла торговая магистраль, соединявшая Средиземное море и Северное море. Другой путь вел от устья Эльбы до среднего течения Дуная и там разветвлялся в одну сторону к Черному морю, а в другую — к Адриатическому. Развитие обширной промышленной деятельности на основе этих фундаментов Карла было медленным и запоздалым; на тот момент они не были более успешными, чем те законодательные акты императора, которые запрещали вольным людям всякую месть и даже самооборону и предписывали им складывать оружие в мирное время. Несмотря на всю мощь императора, все еще существовали остатки старой личной свободы и нетерпеливость к ограничениям, которые даже он не мог преодолеть.

Таким образом, государство Карла Великого стремилось объединить в себе все различные элементы политической жизни, которые развились в христианско-германский период. В совокупности они должны были дополнять и уравнивать, контролировать и постепенно проникать друг в друга. Духовенство и гражданская знать должны были как поддерживать, так и контролировать друг друга. Чиновники и коммуны протягивали друг другу руку помощи, но в то же время сдерживали друг друга. Корона объединяла все это, но тем не менее она была фактически, если не юридически, ограничена и связана отдельными элементами государства. Был установлен определенный баланс сил, но его поддержание требовало большого мастерства и немалых затрат энергии. Могущественная личность Карла в значительной степени преуспела в этом, но его проницательный ум не мог не заметить, насколько сильны были индивидуальные интересы отдельных сословий и как трудно им было приспособиться к любой юридически регламентированной системе.

Не все сложилось так, как он хотел и планировал. Политические институты Карла были далеки от того, чтобы действительно проникнуть во все уголки его владений; идеал, который витал в его душе, фактически воплотился в жизнь только в его ближайшем окружении, при его дворе. В соответствии с церковным и светским характером империи, личность императора была окружена многочисленным дворянством и блестящей свитой светских вельмож. Во главе церковного двора стоял апокрисиар или архикапеллан; через его руки все церковные дела поступали к императору, и он также взял на себя обязанности референдаря. Ниже его стоял архиканцлер, который позже сам занял должность архикапеллана. Лучшие подготовленные люди, достойнейшие слуги церкви, первые ученые того времени были среди придворного духовенства, которое было школой подготовки епископов империи и под руководством которого также находилась придворная школа, в то время самое известное учебное заведение на всем Западе. Как придворная капелла — весь корпус придворного духовенства — была центром всей церковной и научной деятельности, так и в верховном суде правосудие и наука управления достигли своего расцвета. Здесь император либо председательствовал лично (), либо был представлен графом-палатином, который был главой гражданского дворянства и через которого все юридические вопросы поступали к императору.

Для непосредственного обслуживания короля назначались вассалы, которых можно было считать образцами рыцарского воспитания. При дворе Карла собирались самые выдающиеся и влиятельные люди со всех концов империи. Никто не попадал в присутствие императора, не найдя там соотечественника и в нем защитника. Служба в императорском дворце подчинялась строжайшим правилам; все было точно согласовано, чтобы приносить взаимную пользу. Старшие получали помощь и поддержку от младших, а младшие находили наставления и примеры в старших. Таким образом, двор был не только школой для духовенства, но в не меньшей степени и для знати. Благородные манеры и придворное поведение, которые позже стали отличительной чертой рыцарства, по-видимому, зародились при дворе Карла.

Как звезды вокруг солнца, паладины группировались вокруг великого императора, который затмевал их всех. Конечно, он не очаровывал взгляды тех, кто приближался к нему, блеском и пышностью внешнего вида, но вокруг его высокой, величественной фигуры играла ослепительная слава, как от какого-то высшего света, в котором, казалось, сияла ясность его великого духа. Длинные белые волосы, украшавшие его голову в старости, большие пронзительные глаза, спокойный, безмятежный лоб, мощная фигура, состарившаяся, но все еще не лишенная грации — вся эта картина не только глубоко запечатлелась в памяти его современников, но и история и традиции сохранили ее на все времена, и сегодня нет ни одного молодого человека, который не получил бы этого впечатления. За тысячу лет, прошедших со времени его правления, появилось много амбициозных правителей, но ни один из них не стремился к более высокому идеалу, чем быть поставленным рядом с Карлом Великим; этим довольствовались самые смелые завоеватели и мудрейшие миролюбивые князья. Французское рыцарство более поздних времен прославляло Карла как первого рыцаря, немецкие граждане почитали его как отцовского друга народа и самого справедливого из судей. Католическая церковь включила его в число святых; поэзия всех народов в последующие века неоднократно черпала силу и энергию из его могущественного облика. Возможно, никогда еще жизнь смертного человека не была столь насыщенной.

Последние годы жизни Карла

В последние годы своей жизни Карл был менее занят военными предприятиями, чем в более ранний период. Он передал военную славу своим сыновьям, Карлу, Пепину и Людовику, к которым он привлек в качестве советников способных полководцев. Пепин в Италии должен был вести многочисленные кампании против армий греческого императора Никифора, свергнувшего Ирины; только в 812 году византийский двор признал Карла императором, и были установлены границы Восточной и Западной империй. Примерно в то же время княжество Беневенто наконец подчинилось; оно осталось под властью лангобардских князей, но они должны были платить дань Карлу. В Альпах и долине Дуная дела уладились легче и быстрее после того, как Пепин уничтожил королевство аваров. Граница с аварами, марки Коринфии и Фрианы, приобрела четкие очертания, и славяне, жившие в пределах и вдоль этих границ, признали верховенство франков. В 806 году Карл, старший сын императора, также вел войну с богемами и сербами; они были покорены, и для надзора за ними были созданы франкская марка на верхнем Майне и тюрингская марка на Заале, Гере и Унструте.

[793-814 гг. н. э.]

Более упорными и опасными были войны с арабами на юго-западе империи. Ранние завоевания Карла были вновь утрачены, и в 793 году арабы даже пересекли Пиренеи и напали на франкские владения. Но в 797 году франкская армия под командованием Людовика вновь сумела проникнуть глубоко в Испанию, и четыре года спустя пала Барселона. Был заложен фундамент испанской марки, и ее территория постепенно увеличивалась благодаря ряду успешных кампаний. В то же время небольшие христианские государства, образовавшиеся в северных горах страны, поднялись на мужественную защиту против неверных. Королевство Астурия впервые обрело уверенность в своей устойчивости под руководством храброго короля Альфонсо II. Овьедо был построен как королевский город, а Компостела возникла над могилой святого апостола Иакова, чьи кости были чудесным образом обнаружены там. Почитание святого Иакова Компостельского и

мужество рыцарского Альфонсо вдохновили испанских христиан на дальнейшие успешные предприятия. Подвиги Карла дали первое вдохновение для их побед, и Альфонсо, называвший себя слугой императора (), положил свою лучшую добычу к ногам Карла. В то же время баски, Памплона и вся Наварра разорвали союз с арабами, временно подчинившись франкам; а вдоль Балеарских островов и на побережьях Корсики и Сардинии франкские флоты уже с некоторым успехом сражались с арабскими пиратами.

Несомненно, франкское оружие доказало свое превосходство над некогда столь страшным оружием арабов. Но теперь империя подверглась нападению новых врагов, которые с ужасающей силой и диким жестокостью ворвались на северные земли, казалось, обретая новую силу в жаре сражения. Этими врагами были датчане. В прежние времена они казались дружелюбным и близким родственниками германских народов, но христианство и прочный союз франкского королевства образовали прочную разделительную стену между германскими и скандинавскими народами и превратили кровную и расовую дружбу в жесточайшую вражду. Неугасимая любовь к свободе, смелость и героическое мужество, неиссякаемая природная энергия, дикая жажда добычи — все то, что когда-то делало германцев столь опасными для Римской империи, теперь обернулось против римско-германского господства Карла и угрожало ему тем более, что датчане были искусными как в морском, так и в сухопутном ведении войны, в то время как франки, долгое время сражавшиеся только на суше, должны были сначала научиться вести боевые действия на нестабильной стихии волн. С помощью мореплавателей-фризов Карл оснастил свои первые флоты, и так как франкские моряки уже сражались в Средиземном море, защищая побережья Италии и Галлии от арабов, то и франкские корабли вскоре стали защищать побережья Северного моря от нападений норвежских врагов; но франки так и не освоили военно-морское дело до конца.

Обширная империя теперь была защищена от соседних земель и народов полным кругом сильно укрепленных и хорошо защищенных марок, похожих на дамбы для защиты тщательно возделанной равнины от натиска диких наводнений. Франкские вассалы, поселившиеся повсюду для защиты границ, образовали постоянную военную силу, всегда находящуюся на страже от ближайшего врага и поэтому также освобожденную от любой службы в других частях империи. Эти вассалы, называемые *маркменнами*, были таким образом своего рода военной колонией на завоеванных землях и подчинялись своим графам, которые обладали обширными полномочиями и выбирались императором из самых храбрых воинов среди его дворян. Эти графы назывались *маркграфами* [отсюда наше слово «маркиз»].

[814 г. н.э.]

Когда Карл Великий почувствовал приближение своей кончины, он посадил своего младшего сына Людовика, единственного наследника после ранней смерти Карла и Пепина, на трон рядом с собой и собственными руками возложил императорскую корону на его голову в Аахене [Экс-ла-Шапель]. Четыре месяца спустя мир оплакивал смерть великого императора. 28 января 814 года Карл умер в своем дворце в Аахене, в возрасте 72 лет и на 46-м году своего правления.

ЛЕГЕНДАРНЫЙ КАРЛ ВЕЛИКИЙ

Едва великий император скончался, как трезвая правда о его достижениях приобрела оттенок чудесного, и исторический Карл, слишком великий, чтобы понять его таким, каким он был на самом деле, стал центром всего того богатства легенд, которое выросло в эпическую поэзию Франции. В 883 году болтливый старый монах в монастыре Св. Гауля на верхнем Рейне записал свою версию вторжения в Ломбардию, и благодаря его словам, которые тема делает красноречивыми, можно впервые увидеть образ Карла Великого средневековья.^a

Рассказ монаха из Св. Галлена

С Дезидерием (в Павии) был Откер, один из великих вельмож Карла, который несколько лет назад бежал от гнева страшного короля и нашел убежище у Дезидерия. Теперь, когда приближался ужасный Карл, они взобрались на высокую башню, с которой могли видеть во всех направлениях.

Появился авангард, сильнее всех армий Дария или Цезаря, и Дезидерий спросил Откера: «Как ты думаешь, Карл с этой великой армией?» Но тот ответил: «Пока нет». Затем он увидел авангард армии, собранной со всех концов обширной империи, и сказал Откеру: «Несомненно, завоеватель Карл в этой войске». Но Откер ответил: «Пока нет». Тогда Дезидерий, все больше тревожась, воскликнул: «Что мы будем делать, если с ним прибудет еще больше людей?» Откер ответил: «Ты скоро увидишь, как он прибудет, но что касается нас, я не знаю, что нас ждет». И вот, пока они еще говорили, появились, волна за волной, многочисленные слуги его дома. «Это Карл», — воскликнул Дезидерий в ужасе. Но Откер сказал: «Еще нет». Затем появились епископы, аббаты, капелланы и их свита, и ошеломленный и дрожащий король, заикаясь от страха, воскликнул Откеру: «Давайте спустимся и спрячемся в земле от гнева этого ужасного врага». Но Откер, который в лучшие дни видел силу несравненного оружия Карла, ответил со страхом: «Когда на полях колышется урожай стали, а По и Тичино разбиваются черными волнами стали о городские стены, тогда Карл приближается». Едва он произнес эти слова, как на севере и западе они увидели его приближение, темное и облачное, сопровождаемое тенью, которая затмевала ясный день. Затем, когда король приблизился, сверкнули блестящие оружия, что было для осажденных страшнее любой ночи. Тогда они увидели Карла, человека из стали, его руки, его железную грудь, его широкие плечи, защищенные стальным доспехом, его левую руку, держащую вверх железное копье, его правую руку, готовую к победному удару меча. Сталь заполнила поля и дороги и отражала лучи солнца; люди, парализованные страхом, поклонились торчащим копьям и обнаженным мечам.

И все это, о чем я, беззубый старик, рассказал, заикаясь и многословно, Откер увидел одним быстрым взглядом и сказал Дезидерию: «Вот Карл, которого ты так долго желал увидеть». И с этими словами он упал на землю, как мертвый.^d

Краткое изложение легенд Шеннарда

[800-814 гг. н. э.]

При любой попытке ума представить себе личные качества великого императора из династии Карловингов, он впадает в неопишное замешательство из-за двойного образа, представленного взору историческим и легендарным Карлом Великим. Для средневекового воображения, возбужденного романтическими настроениями менестрелей и труверов,

последний, несомненно, был преобладающим. Его мать, которую Вийон называет *Berthe aux grans pies* (Берта с большими ногами, возможно, прототип королевы с гусиными ногами, до сих пор известной в детских сказках), дочь короля Венгрии, невеста Пепина, которую подменила ложная Берта, была столь же мифическим персонажем, как Деянира или Ариадна. Ее блуждания по лесу; ее проживание у доброго мельника из Манса, для которого она так изящно и терпеливо прядет; прибытие короля Пепина, заблудившегося на охоте; его любовь с первого взгляда к кроткой крестьянской девушке; постепенное раскрытие правды; наказание предателей; брак влюбленных и рождение Карла — все это составляет введение в жизнь героя каролинговского романа, которое сразу же переносит его в область сказочного. И когда он наконец появляется в сумеречной стране, лежащей между миром легенд и миром истории, он становится, согласно вековой традиции мифов (), ядром, вокруг которого сгущаются бесчисленные предания о воинственных походах и религиозной вражде — спонтанные продукты времени, когда инстинкты, лежащие в основе и того, и другого, находятся в состоянии сверхъестественного возбуждения.

Карл Великий, окруженный своими паладинами и «двенадцатью парами», подобно британскому Артуру среди рыцарей Круглого стола, создавал в народном сознании гораздо более четкий и знакомый образ, чем великий монарх, который сидел как настоящий законодатель в своем дворце в Аахене. И, вероятно, его отношения с Харуном аль-Рашидом и реальные события сарацинских войн были полностью искажены и затуманены легендами о его походах в Испанию и Святую Землю, чтобы отнять у детей Махуна священные реликвии Голгофы, терновый венец, святое копье и гвозди истинного креста. Но именно через это обманчивое посредничество образ Карла Великого обычно представляется нашему современному восприятию. Окрашенный призматическим светом легенд, мифов и песен, образ величайшего человека ранней европейской истории приобретает в глазах зрителя блестящий, но странно изменчивый облик. Из смешанных источников истории и романтики мы составляем величественный, хотя и нечеткий облик: огромное, но хорошо сложенное тело, высокий рост, «куполообразный» череп, широкий, высокий лоб с «большими быстрыми глазами» под ним, снежные волосы и борода, достигавшие его пояса, как цветущий боярышник или цветущий лавр, гигантская сила, которая могла одним ударом разделить рыцаря пополам, от шлема до седла, его знаменитый меч *Joyeuse* с религиозной надписью, выгравированной на лезвии — *Decem præceptorum custos Carolus*; его смертоносное копье, которое, по мнению некоторых, было тем самым копьем, которое пронзило бок Спасителя; его сверкающая кольчуга; большие одежды из выдрычьей шкуры, в которые он закутывался, сидя долгими зимними вечерами и слушая *barbara et antiquissima carmina* своих любимых бардов, скорее всего, самые ранние рапсодии «*Песни о Нибелунгах*»; его сердечный, веселый нрав, проявление великой, сильной, чувственной натуры; его добродушие, проявлявшееся в шутках над педантами и глупцами; его здравый смысл, его вежливость, его покровительство науке, его подвиги силы, его любовные похождения, его неустанное передвижение, его кропотливые усилия по написанию книг, его отеческая любовь к « » к тем красивым, но недостойным дочерям, которых он не мог оставить даже во время своих военных походов — все это составляет сложный портрет, скорее всего, очень непохожий на «грубого, жесткого и лохматого старого монарха», как называет его сэр Ф. Палгрейв, который имел мужество, энергию и умение управлять тем диким миром девятого века. Однако можно усомниться, не отклонились ли некоторые современные писатели еще дальше от оригинала, игнорируя промежуток в тысячу лет и изображая конституционного монарха современной Европы. «Каждое поколение или школа, — с некоторым преувеличением говорит сэр Ф. Палгрейв, — стремилось представить его как нормальный образец совершенства. Придворный Мезерай наделяет сына Пепина вкусом Людовика XIV; утонченный аббат Велли наделяет франкского императора абстрактным совершенством драматического героя. Буленвильер, защитник знати, поклоняется основателю

наследственной феодальной системы; Мабли обнаруживает в *капитулярах* принципы народной свободы, а Монтескье — совершенную философию законодательства».^е

СНОСКИ

[132] [Считается, что он родился на Майн в современном Гессен-Дармштадте. Что касается его извинений за плохое знание латыни, то можно сказать, что для своего времени он был удивительно хорошо осведомлен в латыни].

[133] [Мы ничего не знаем о дате рождения Карла. Есть основания считать верными каждую из следующих дат: 742, 743, 744 и 747. Первая из них, вероятно, является правильной.]

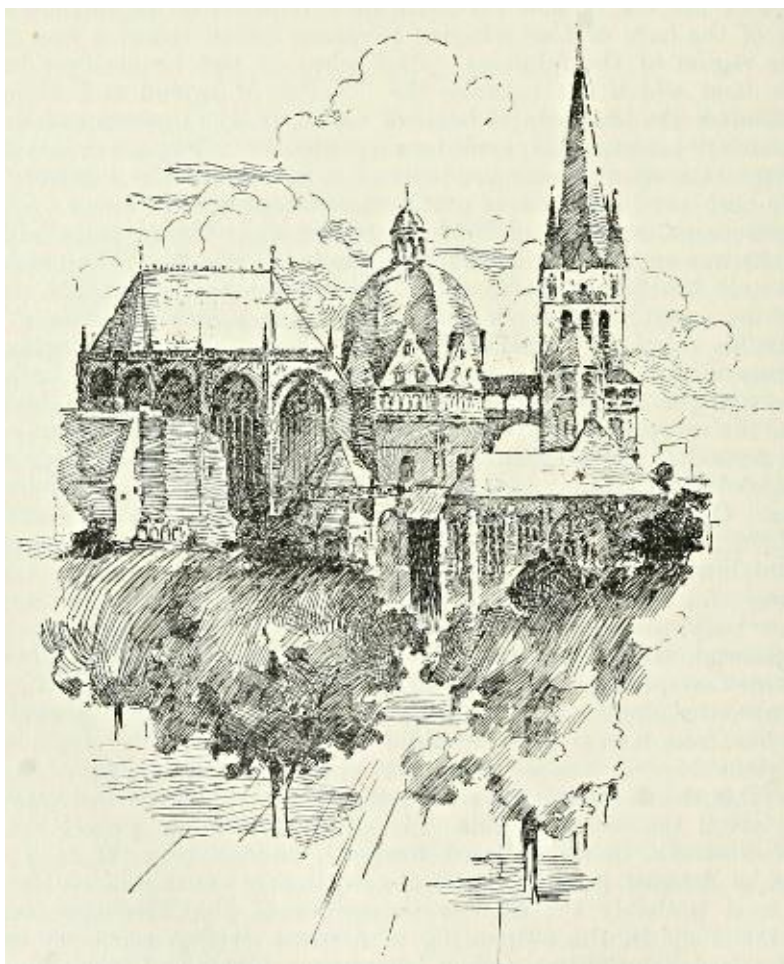
[134] [Во время одного из таких набегов в 772 году Карл срубил священный идол Ирминсул, символизировавший колонну, которая в космогонии Одина поддерживала мир; его армия была под угрозой гибели от жажды, что саксы приняли как доказательство святотатства; однако когда ливень спас армию, многие саксы обратились в более могущественное божество. Другой источник утверждает, что армия получила воду из внезапно забившего промежуточного источника. Нет сомнений, что разрушение Ирминсула бросило тень на саксонскую армию. В лагерь Карла были отправлены представители с обещаниями принять христианских священников и предложениями отправить двенадцать заложников для их безопасности. Карл отнесся к ним с большой умеренностью, надеясь, что они будут вести себя спокойно после нанесенного им сильного удара, пока он не сможет заняться другими неотложными делами.]

[135] [В том же году он был судим, его королевские локоны были обрезаны, а сам он был заточен в монастыре. С ним закончилась династия Агилольфингов.]

[136] [Также пишется как Godefrid или Göttrick.]

[137] [Аахен, *Аквисгранум* или *Civites Aquensis* у римлян.]

[138] [Ходкин^с называет его сыном жены Карла Химилтруды. Но этот заговор имел место в 972 году. См. более поздние замечания о положении наложниц.]

Собор в Аахене, где был похоронен Карл Великий

ГЛАВА VI
ПРЕЕМНИКИ КАРЛА ВЕЛИКОГО ПОСЛЕ ВЕРДУНСКОГО ДОГОВОРА
[814-843 гг. н. э.]

ЛУИ ДЕБОНАИР, ИЛИ ПИОС (814-840 гг. н. э.)

Преемник Карла Великого, Людовик Благочестивый (^[139]), не смог восстановить утраченный престиж своими силами. Мы можем восхвалять его доброту, добродетельность, чистоту нравов, усилия, которые он прилагал с самого начала своего правления, чтобы избавить двор от той вседозволенности, которую допустил Карл Великий, а также восстановление необходимой дисциплины среди монахов и светского духовенства; но ему не хватало твердости, необходимой для поддержания авторитета. С самого начала он проявлял к папе такое почтение, которое Карл Великий считал бы чрезмерным. Он позволил Стефану IV (816) быть избранным и вступить в должность без своего согласия и успокоился на запоздалых извинениях. Когда Стефан прибыл во Францию, чтобы короновать его, он позволил ему произнести слова, которые раскрывали стремление Святого Престола присвоить себе право свободно распоряжаться императорской короной: «Петр прославляет себя, даря вам этот дар, потому что вы гарантируете ему пользование его законными правами».

[817-822 гг. н. э.]

Папство уже работало над своим вторым освобождением, стремясь отвергнуть власть западных императоров, как оно отвергло власть восточных. Если Карл Великий считал целесообразным разделить власть со своими сыновьями из-за обширности империи, то для Людовика Благочестивого существовала еще более сильная необходимость сделать то же самое. Но его разделение государств, осуществленное на рейхстаге, состоявшемся в Аахене в июле 817 года, ничем не отличалось от того, которое было сделано Карлом Великим, и ни то, ни другое не ставило под сомнение или под угрозу имперское единство. Два подчиненных королевства — Аквитания и Бавария — были созданы для Пепина и Людовика [Людвига]. Лотарь, старший сын, был соправителем императора, или сорегентом.^b

Людовик не приписывал назначение Лотаря соправителем и своим будущим преемником только своей воле и выбору, но также и воле и выбору своего народа. Агобард^d не упоминает Бернхарда и Италию, хотя в записях они не были полностью опущены. Хроника повествует, что королевство Италия будет находиться в таких же отношениях с империей при его сыне, как и при его отце и нем самом. Договоренности, касающиеся двух младших сыновей императора Людовика, были тщательно взвешены и рассмотрены. Старший, Пепин, получил Аквитанию, Гасконь, марку Тулузы и несколько западно-франкских и бургундских земель. Младшему, Людвигу, были переданы Бойария (Бавария) и Карентания (Каринтия) с маркой славянских авар. Каждый из них получил титул короля, но особое внимание было уделено тому факту, что они были вассалами императора и ни в войне, ни в мире, ни в каких-либо внешних отношениях младшие братья не должны были действовать независимо от старшего. Их территории также не должны были делиться между их потомками; даже голос их народа имел решающее значение при выборе их преемников.

Мы можем оценить важность этих решений, сравнив их с указом 806 года, который фактически предполагал существование трех независимых королевств, связанных между собой взаимной лояльностью. Таким образом, идея империи, окончательно принятая Карлом Великим, была твердо поддержана. Было также принято решение, предусматривающее сохранение империи в случае смерти Людовика без законных наследников; один из его братьев должен был наследовать ему, так что в результате было бы применено право первородства. Людовик оставил за собой абсолютную власть над своими сыновьями на всю свою жизнь.

Эти имперские решения часто интерпретировались как означающие разделение, тогда как ничего подобного не предполагалось, поскольку все правила, как было установлено, были направлены на единство империи, за исключением нескольких уступок, сделанных в отношении наследственных прав. Они были ни чем иным, как попыткой скоординировать два принципа, на которых основывалась империя, а именно единство и право наследования. Право наследования основывалось на давно устоявшемся обычае, закреплённом после смерти короля Пепина. С другой стороны, империя была результатом политической идеи, возникшей с тех пор и составлявшей суть всей власти. В тот момент идея единства была преобладающей.⁴

Но эти новые усилия впоследствии не были поддержаны, и уже тогда, судя по движениям, которые волновали границы империи, было ясно, что сильной руки Карла Великого больше не было. Северяне удвоили свои грабежи; славяне пересекли Эльбу; авары поднялись на восстание; хорваты обрели независимость; герцог Беневенто отказался платить дань; африканские сарадины разграбили Корсику и Сардинию; испанские сарадины вторглись в Септиманию и поддержали восставших гасконцев; бретонцы провозгласили королем Морвана и вторглись в Нейстрию. Правда, франки имели преимущество повсюду. В частности, Морван был убит, а Людовик сделал Номеноз герцогом бретонцев.

[822-833 гг. н. э.]

Но вскоре стало известно о удручающей слабости императора. «В 822 году он созвал в Аттиньи общее собрание, состоящее из епископов, аббатов и дворян своего королевства, и перед всеми ими публично признался в своих ошибках и подчинился их воле, приняв покаяние за все, что он сделал, как своему племяннику Бернхарду, так и другим». Когда Феодосий смирился перед святым Амвросием в Милане, он представил миру грандиозное зрелище и поднялся еще выше после публичного признания своих проступков. Исповедь Людовика в Аттиньи была менее ценимой и унизила его, потому что он получил отпущение грехов от политического органа, власти, соперничающей с его собственной. С тех пор все знали, как далеко он может зайти с таким человеком.

Людовик Добродушный

(Из французской гравюры 1532 года)

Его второй женой (819) была красивая и одаренная Юдифь, дочь баварского вождя, от которой у него родился сын, которого он назвал Карлом (823). Она, вместе со своим фаворитом Бернхардом, герцогом Септимании, умелым и интриганом, оказывала большое влияние как на императора, так и на империю. В 829 году она убедила мужа отдать часть владений ребенку, которого она ему родила, и, наконец, на сейме в Вормсе (829) он основал для своего сына королевство, состоящее из Аламании, Раэтии, части Бургундии, Прованса и Готы (Септимания и испанские марки).

Это разделение сильно возмутило старших сыновей Людовика, которые посчитали себя ущемленными. Сторонники единства, которые видели, что соглашение 817 года было нарушено, и дворяне присоединились к недовольным сыновьям в надежде свергнуть влияние Юдифь и Бернхарда, которое уменьшало их авторитет. Восстание началось во время похода против бретонцев, которым Номеноз только что даровал независимость. Лотарь, Пепин Аквитанский и Людвиг Баварский подняли оружие против своего отца, взяли его в плен и заперли в Компьене вместе с монахами, надеясь, что они смогут убедить его принять монашеский образ жизни. В то же время они отправили императрицу и ее сына в монастырь (830 г.). Конституция 817 года была восстановлена. Однако Людовик Благодущный добился того, чтобы общее собрание, которое должно было разработать законы для новой ситуации, было созвано в Нимвегене среди германцев, которым он доверял. Это доверие оправдалось. Германцы превосходили римских франков по численности и одержали победу (830 год). Хитрый монах предотвратил раздор между тремя братьями, и Людовик Благодущный, вновь ставший хозяином положения, подтвердил дар, который он сделал своему четвертому сыну. В 833 году он пошел еще дальше: устав от постоянных интриг Пепина, он отобрал у него Аквитанию и отдал ее Карлу. Это стало сигналом к новому восстанию. Сыновья императора выступили против него, взяв с собой папу Григория IV, который прибыл во Францию, чтобы защитить разделение 817 года. Был ли Григорий сторонником единства? Да, но он был сторонником единства, которое было результатом акта 817 года, то есть слабого императора, ввиду слабости которого религиозное единство имело большую силу. Армия Людовика и армия его сыновей встретились на равнине Ротфельд, недалеко от Кольмара в Эльзасе (833 г.). Его солдаты покинули его без единого выстрела, и эта измена дала этому месту название « » (Поле лжи). Победители оскорбили возраст и звание своего отца, подвергнув его публичному унижению.

[b](#)

УНИЖЕНИЕ ЛЮДОВИКА

[833-834 гг. н. э.]

Церковь наложила на императора в Суассоне покаяние, исключив его из общины верующих, так что он не мог удержать бразды правления. Хотя никто не сомневался в его императорском достоинстве, император находился в печальном и меланхоличном настроении. Сообщается, что ему сообщили, что его младший сын Карл был вынужден стать монахом, а его супруга не только стала монахиней, но и уже умерла вдали от него. Он был отрезан от всего общества, и, по преданию, его уже убедили приказать окружающим его монахам отслужить мессы за усопших.

Такая ситуация вдвойне болезненна для обладателя верховной власти, который часто вынужден осознавать, что ответственность лежит на нем самом.

Именно в таком отчаянном одиночестве находился император Людовик, когда к нему пришло сообщение от церковного собора в Суассоне, напоминающее ему обо всех его прегрешениях и призывающее его не подвергать опасности свою душу, поскольку он утратил светскую власть по решению Бога и авторитету церкви.

Луи просил дать ему время на размышление. Когда наступил назначенный им сам день, все высокопоставленные церковные деятели Компьенье отправились в Суассон, чтобы напомнить ему о тех деяниях, которыми он оскорбил Бога, нанес ущерб церкви и принес бедствие народу. Император выслушал их без возражений и заявил о своей готовности подчиниться суду церкви. По его просьбе Лотарь прибыл с некоторыми из своих главных сторонников, чтобы присутствовать на торжественном покаянии. Это мучительное испытание состоялось в начале октября 833 года в церкви Св. Медарда в Суассоне в присутствии Лотаря и высших придворных сановников, а также толпы, заполнившей церковь. Людовик сделал общее признание, что он ненадлежащим образом выполнял свои обязанности и тем самым согрешил перед Богом; что он также пренебрег христианской церковью и тем самым принес смуту народу, и что в искупление этих преступлений он готов подчиниться публичному и церковному покаянию, чтобы теперь получить отпущение грехов от тех, кому дана власть на земле связывать и отпускать.

Церковные вельможи не были полностью удовлетворены этим заявлением; они требовали от него явного признания своих проступков; они выразили свои опасения, что император вернется к своему прежнему предосудительному поведению, как он уже делал три года назад.

На это Людовик еще более решительно повторил, что он оскорбил церковь и намерен быть образцовым кающимся; тогда церковные вельможи вручили ему список его преступлений, содержание которого легко увидеть в трех пунктах: святотатство, клятвопреступление и убийство. Неясно, признал ли Людовик правдивость этих обвинений в деталях. Если бы он это сделал, история его жизни представляла бы собой самое отвратительное зрелище и была бы абсолютно непонятна.

Говоря, он держал в руках список своих грехов, а затем вернул его церковникам, которые положили его на алтарь. Сам он снял с себя оружие и королевские регалии и надел одежду покаяния. Мрачная, унылая сцена, символизирующая триумф церковной партии над светскими интересами. Как мог принц противостоять такому суду?

Чтобы полностью овладеть империей, Лотарь отправился в Аахен, где снова была сделана попытка убедить Людовика вступить в монастырь. Его ответ был решительным: он заявил, что не может принять обет, пока не будет свободен. Его характер хорошо известен: он был покладистым и уступчивым, но упорно держался за суть своих прав; он обладал способностью находить веские оправдания, чтобы избавить себя от необходимости сделать последний шаг. Из глубочайшего унижения он вновь поднялся триумфально.

ЛУИ ВОЗВРАЩАЕТСЯ К ВЛАСТИ

[834 г. н.э.]

Перемены этих времен представляют собой самое необыкновенное зрелище. На карту поставлены самые важные вопросы: владение и управление империей, права духовенства и мирян, а также будущее королевства в обоих отношениях. Но те, кто в основном и активно заинтересован в этом, отец и его сыновья, не проявляют никакой определенной цели; они движутся в противоположных направлениях — император Людовик, решительный в отстаивании своих прав в целом, но в любой момент готовый уступить в мелких деталях;

Лотарь, не забывающий о сыновнем долге, но соблазненный неожиданным успехом своего восстания, стремится к деспотической власти; Людвиг, прозванный Германом, как и в предыдущих случаях, так и сейчас, не без симпатии к своему отцу, но все время строит планы, как лучше всего сохранить и увеличить наследство, которое он получил; Пепин, в чью пользу было предпринято все это движение, не желал ждать развития событий или отказываться от прямого участия в суверенной власти: он продолжал датировать свои документы по годам правления своего отца, в то время как его брат Людвиг довольствовался упоминанием своего отца в своих документах как августа и императора.

В таких ситуациях события становятся сильнее людей, то есть общие движения становятся сильнее индивидуальных намерений. Сначала стало очевидно, что два младших брата не намерены подчиняться диктату старшего; они требовали от него лучшего обращения с отцом. Лотарь намекнул братьям, что именно из-за них их отец утратил свою власть, что его самого нельзя винить за то, что он осуществляет права старшинства, и что его решение держать отца, чьи несчастья глубоко трогали его, в плену, было оправдано суждением епископата. Однако все формальные доводы, которые он приводил, не могли развеять впечатление, что власть отца была фактически узурпирована сыном. Весь цивилизованный мир был встревожен и обеспокоен этим зрелищем, и когда Пепин и Людвиг начали военные приготовления, которые могли быть направлены только против Лотаря, они могли рассчитывать на поддержку магнатов и народа. Не желая быть застигнутым врасплох в Аахене, Лотарь собрал свои войска в Париже (римская *Lutetia Parisiorum*), городе, который даже в то время был центром всех политических и интеллектуальных движений в Западной Франкской империи и где было подготовлено и организовано первое восстание против Людовика. Но даже по дороге туда Лотарь почувствовал угрозу со стороны того или иного магната; осознав, что он не сможет удержать свои позиции в Париже против врагов, наступающих на него со всех сторон, и убедившись, что только в Бургундии он найдет безопасную цитадель, он отправился туда со своими верными сторонниками, оставив отца в монастыре Сен-Дени.

Но тем временем в Париже распространились разнородные мнения. Поскольку Людовик не решался принять приглашение возобновить императорскую власть, пока он находился под запретом церкви, то весьма значимым событием стало то, что все епископы, находившиеся в столице, собрались в Сен-Дени, чтобы объявить о его отпущении. Они вернули ему оружие и императорские регалии.

Оправданный церковью и поддерживаемый симпатией народа, Людовик вновь занял императорский трон; он радушно принял своих двух младших сыновей, которые вернулись к нему со своими последователями, и отправился в Аахен, где к нему присоединилась Юдифь, которая, несмотря на безопасный пропуск, пережила опасное путешествие из Италии. Там же находился ее сын Карл. Император, как и прежде, жил удовольствиями охоты и своими личными делами, а все внешние дела вновь были предоставлены самотеку. Но Лотарь все еще находился в поле. Он приобрел немалый авторитет благодаря тому, что его родственник, Уго Матфрид, к которому присоединился Лантберт, граф Нанта, устоял перед нападением имперских войск, превосходивших его по численности. Как выражается Нитард, из-за своей малочисленности и угрожавшей им опасности они были вынуждены держаться вместе и защищаться с максимальной отвагой. Шалон-сюр-Сон, удерживаемый злейшими врагами Лотаря, также был атакован и взят после короткой осады. О том, насколько сильно разгорелась старая вражда, свидетельствует тот факт, что Лотарь приказал схватить сестру Бернхарда Септиманского, которая жила в местном монастыре, и утопить ее в Соне; он отомстил сестре за вражду брата.

Эта двойная победа вновь пробудила в Лотаре надежду на покорение всей империи. Но, учитывая опасность, император собрал все свои силы, чтобы выступить против него. В Лангре он вновь принял дары, которые по обычаю приносились императору. К нему присоединился его сын Людвиг со всей армией из-за Рейна. Пепин также появился со своим войском. Многочисленные и преданные войска выступили против Лотаря, который, со своей стороны, не колеблясь, двинулся против своего отца и двух братьев. Армии встретились лицом к лицу в Кальвиакусе, недалеко от Блуа. Казалось, что грядет великая и решающая битва. Но чувство товарищества между солдатами обеих армий, которые не могли забыть, что они составляют одну сплоченную силу — «Хеербанн», — предотвратило столкновение. Солдаты испытывали естественное отвращение к сражению друг против друга. Именно это чувство товарищества заставило солдат в Кольмаре перейти со стороны императора на сторону его сыновей. Но в душе они всегда испытывали некоторое чувство стыда за свое поведение; они предали императора, которому больше всех других были обязаны верностью; они не хотели снова брать на себя это бремя вины.

Все попытки Лотаря убедить их вступить в повторное дезертирство потерпели полную неудачу. Осознание того, что от «Хеербанна» зависела сила империи и что сражение не могло не обернуться катастрофой для общего блага, было в действительности решающим фактором, который в этом крайне опасном кризисе привел к урегулированию. Лотарь, который не мог надеяться на победу без помощи «Хирбанна», решил принять предложенные условия, главным из которых было то, что он должен был уйти в Италию, оставить остальную часть королевства своему отцу и больше не вмешиваться. В императорском лагере была организована встреча, и Людовик, сидя между двумя младшими сыновьями, принял присягу Лотаря.

Это событие было решающим, поскольку, чтобы привязать двух младших сыновей к себе, отец должен был обеспечить им надежное будущее; но в то же время они должны были подчиниться договоренности, заключенной с младшим сыном, против которой они до этого самым решительным образом выступали. До нас дошел один план, согласно которому предполагалось трехстороннее разделение неитальянских территорий империи между Пепином, Карлом и Людовиком (), и в котором нас поражает тот факт, что в точности следуя договоренности, заключенной Карлом Великим, Людовику были обещаны германские территории, однако с оговоркой, что император вправе увеличить или уменьшить их площадь в зависимости от степени их повиновения ему.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДА ЖИЗНИ ЛУИ

На тот момент было чрезвычайно важно восстановить авторитет императора, который был сильно пошатнут отношением духовенства, путем заключения с ним официального соглашения. На общем сейме империи, состоявшемся в Тионвиле, акт отлучения от церкви был должным образом отменен, и в указе было провозглашено, что Людовик отныне должен быть верно и послушно признан императором. Все священнослужители подписали эту декларацию и затем отправились в Мец, где епископом был Дрого, родной брат императора, и где император провел предыдущее Рождество, чтобы провозгласить возобновление верности. Эббо также был присутствовал; он тоже подписал протокол и был одним из самых заметных среди тех, кто его обнародовал. После этого вся компания вернулась в Тионвиль, и все казалось улаженным, когда император выдвинул обвинение против самого Эббо, и возникли новые трудности общего значения. Император обвинил Эббо в том, что тот отнял у него оружие с помощью ложных обвинений, изгнал его из церкви и лишил его королевства. Эббо не решился ответить на эти обвинения в присутствии императора, хотя и не из почтения или стыда; он должен был учитывать свой иерархический статус; такое поведение противоречило бы справедливому требованию епископа быть судимым только церковным трибуналом. Кроме того, некоторые другие епископы советовали ему избегать дальнейших споров, поскольку это не могло не нанести ущерб епископату и дать повод для клеветы. С их помощью Эббо составил примирительный документ, который он подписал и передал собранию.

После этого синод вынес решение: Эббо должен был прекратить исполнение обязанностей епископа. Противники Эббо считали его заявление подлинной и действительной формой отставки.

Поразительно, что это заявление было принято во внимание и преемник Эббо не был назначен. Было сочтено достаточным поручить обязанности этой должности пресвитеру. Отставка не была признана достаточно действительной, чтобы синод мог объявить кафедру вакантной. Император провел переговоры с папой Григорием IV по этому вопросу. Зафиксируем характерные черты этих событий. Многочисленные претензии, простирающиеся от настоящего до будущего, находились в противоречии, и речь шла о территориальном устройстве, которое в конечном итоге должно было принять великое империя. Все находилось в состоянии беспорядка; не только собственность и власть постоянно переходили из рук в руки, но и высшие принципы правления были вовлечены в вопросы о том, можно ли сместить императора, и может ли духовенство сохранить свою автономию при императоре, теперь восстановленном во власти, или оно должно снова сдаться. Папа, хотя этот вопрос его непосредственно касался, не решался высказать свое мнение по этому поводу. Он отказался присоединиться к отлучению от церкви (), но из сочувствия к духовенству не поддержал приговор, вынесенный императором одному из его главных противников.

Поскольку фундаментальная доктрина, согласно которой духовенство не могло быть привлечено к светскому суду, послужила основанием для возбуждения дела против императора Людовика, она была принята во внимание при восстановлении императорской власти. Император сумел добиться признания этой отлучения от церкви недействительным. Он не смог наказать главного зачинщика официальным приговором суда, но сумел лишить его должности. Как и в конфликте со своими сыновьями, так и в борьбе с епископами он смог считать себя победителем. Вала также уступил; он энергично содействовал подчинению Лотаря.

Император Людовик смог насладиться несколькими годами мира, в течение которых он был объектом всеобщего уважения. Его главной заботой было оставить своему младшему сыну достаточную компетенцию. В 837 году этому сыну было назначено королевство, состоящее из северных германских и римских элементов, простирающееся от Везера до Луары, с Парижем в центре, так что мы имеем четыре королевства, которые необходимо учитывать, а именно: Германию, Италию, Аквитанию и территорию, назначенную для Карла, которую следует рассматривать как франкскую. Смерть Пепина, произошедшая в декабре 838 года, была, таким образом, событием первостепенной важности. Ни император, ни его вельможи не были склонны признавать его сыновей его наследниками. Лотарь, которому было обещано не только возвращение империи в его личное владение, но и участие с Карлом в оставшихся провинциях, был привлечен на эту сторону. Аквитания теперь была отведена Карлу, но с перспективой нового разделения королевства в ущерб немецкому Людвигу, которого император хотел снова лишить провинций за Рейном, которыми он до сих пор владел. Результатом стал ожесточенный спор между ними, который грозил перерасти в кровопролитие.

В этот момент, когда все, казалось, достигло кульминации в новом кризисе, 20 июня 840 года умер Людовик Благочестивый (или Дебонар). Это был яркий пример контраста между великим отцом и менее одаренным, хотя и отнюдь не неспособным сыном.

Людовик заслужил свои лавры как своего рода наместник Карла, и у него были определенные заслуги, в частности, его поведение в отношении Марки Испанской, хотя он всегда действовал в зависимости от высшей контролирующей власти. Но задача самостоятельного управления высшей властью после смерти отца была не по его силам. Ему не хватало живого воображения, которое только и могло объединить разрозненные элементы и таким образом сохранить высшую власть и обеспечить существование империи в будущем. Сначала он следовал советам старых советников Карла Великого, но впоследствии поддался противоположному влиянию второй семьи, которой он себя окружил.

Так он оказался втянутым в интриги фракций, которые возникали вокруг него в самом начале конфликта. Он вступил в открытую вражду со своими ближайшими родственниками, некоторые из которых следовали в одном направлении, а другие — в другом. Маловероятно, что он потерпел неудачу из-за чрезмерной добродушия; мы видели, как он отступал под давлением враждебных элементов, спокойно все переносил и уступал; но он никогда не уступал в главном, а ждал момента, когда сможет вновь утвердить свои права. Более того, он никогда не переставал думать о том, как наказать своих врагов; он отождествлял империю со своей личностью.

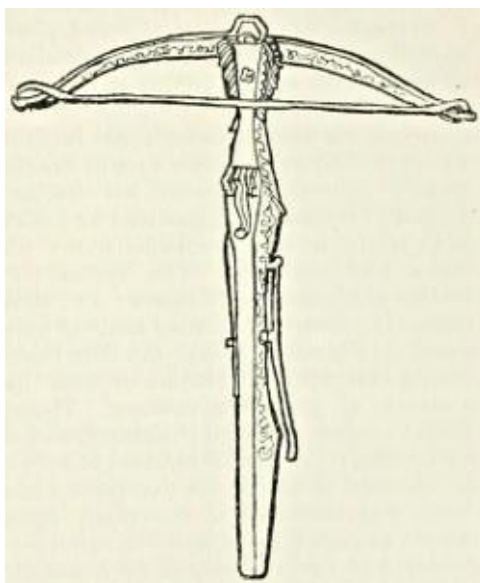
Но менее важным, чем светские, было церковное осложнение, в которое он ввязался. Не удерживая высокомерие светских магнатов в надлежащих пределах, он пробудил притязания церковной иерархии, которая при его правлении достигла полного развития. Они были направлены не только на существование, но и на саму идею империи. И, возможно, можно сказать, что все произошло так, как и должно было произойти. Элементы, стремившиеся к независимости, существовали. Людовик не был человеком, способным отразить их и вернуть к прежнему повиновению. Пытаясь сделать это, он обнаружил, что он слабее, и в результате ему пришлось испытать мучения, которые приходится переносить оспариваемой власти во времена фракционных распрей. Он не смог согласовать владение верховной властью с претензиями на право наследования.

Эта эпоха характеризуется осложнением споров о престолонаследии и попыткой поднять церковную власть до положения превосходящего престижа в империи. Заслуга Людовика в том, что ни в одном, ни в другом случае он не позволил своей власти пасть. Он никогда не позволял отнять у себя юрисдикцию над духовенством и, полагаясь на добрую волю своего народа, всегда удерживал власть над империей. После смерти он завещал символы королевской власти своему старшему сыну.^c

РАЗБОРОКИ ЕГО ПРЕЕМНИКОВ

[840 г. н. э.]

Еще при жизни Людовика Благочестивого было очевидно, что его сыновья жили в взаимной ненависти и ревности и не могли договориться между собой. С самого начала сыновья от первого брака и их сводный брат были в отношениях зависти и вражды, а между первыми также царили разногласия, поскольку их цели и стремления противоречили друг другу. Людвиг, король Баварии, впоследствии названный Германским, был более справедливым и доброжелательным по своему характеру; кроме того, он имел самые мудрые намерения, когда империя Карла I была разбита, поскольку хотел, чтобы разделение происходило на основе национального принципа. Но старший брат, Лотарь, был лживым и мстительным; и поскольку он в то же время был полон неиссякаемого эгоизма, он был полон решимости с помощью вероломства лишить своих братьев и племянников всякой доли в империи или, во всяком случае, превзойти их по мере своих сил.

АРБАЛЕТ IX ВЕКА

В таких условиях резкое противостояние между братьями было неизбежно. И оно действительно произошло сразу после смерти первого Людовика. Чтобы осуществить свои неблагородные замыслы, старший брат Лотарь сначала постарался посеять раздор, чтобы с помощью одного брата победить другого, а затем и своего союзника. Преследуя эти цели, он отправился через Альпы, как только получил известие о смерти отца. Затем он послал послов по всем странам Франкской империи, чтобы объявить, что он унаследовал от отца титул императора, и потребовать от всех своих вассалов покорности и верности. Никто не знал, какие права император имел по отношению к королям, и приказ Лотаря присягнуть ему на верность в качестве императора был лучшим способом запутать вассалов и

впоследствии переманить их на свою сторону. В те времена могущественные люди знали о справедливости не больше, чем во многие последующие периоды; закон для них составляла сила сильнейшего, и вассалы были привыкли, особенно во время гражданских войн при Людовике I, переходить сначала на сторону одной партии, а затем на сторону другой, с полным пренебрежением к своей клятве верности, в зависимости от благосклонности или неблагосклонности судьбы. Лотарь предпринял поход через Альпы во главе значительной армии, и поскольку по прибытии в Галлию он считался более сильным из-за ослабления своего младшего брата Карла в результате войны с племянником, многие вассалы во Франции перешли на сторону императора. Не было недостатка в обещаниях, и вскоре он возглавил могущественную фракцию.

Его самым опасным соперником был Людвиг Немецкий, и чтобы сначала уничтожить его, Лотарь попытался убедить своего сводного брата Карла стать его союзником. С этой целью он пообещал последнему уважать раздел, который его отец сделал при жизни. Полагая, что таким образом он убедил своего брата, он выступил из Вормса во главе своей армии через Рейн и приблизился к Франкфурту-на-Майне. Людвиг заранее укрепился против своего брата и, в частности, попытался объединить всех немцев в противостоянии Лотарю. Но в Германии царила большая неразбериха как в области мировой политики, так и в области политики, представлявшей интерес для нации. Немцы относились к франкским королям с определенной долей безразличия, и поэтому, особенно в отношении северных немцев, Людвигу было не менее важно, чем его брату, организовать серьезное сопротивление среди истинных немцев. Они не понимали, почему должны поддерживать того или другого брата, поскольку ссора, по-видимому, была лишь делом личной выгоды. Поэтому, когда Лотарь перешел Рейн, Людвиг осадил Франкфурт и был полон решимости противостоять наступлению своего брата; однако равнодушное отношение народа вызывало у него беспокойство, и он с радостью принял предложения Лотаря. Оба были нерешительны, и поэтому легко согласились отложить принятие решения. Лотарь стремился выиграть время, чтобы еще больше запутать своего сводного брата Карла, а Людвиг желал прекращения военных действий, чтобы поднять в Германии общественный дух и вызвать более живой интерес к своему делу. Император действительно добился успеха в достижении соглашения с Карлом, и, почувствовав, что с этой стороны почва надежна, он решил нанести более серьезный удар по Людвигу. В начале 841 года он выступил с сильной армией, чтобы во второй раз перейти Рейн, после того как различными обещаниями попытался завоевать расположение германцев. Усилия Людвиг в том же направлении по указанным причинам не увенчались особым успехом; превосходство в вооружении было на стороне Лотаря, и поэтому Людвиг был вынужден отступить перед ним.

КАРЛ ЛЫСЫЙ И ЛЮДВИГ НЕМЕЦКИЙ ОБЪЕДИНЯЮТСЯ

[840-841 гг. н. э.]

Этот поворот в ходе войны был очень опасен для интересов Германии, поскольку решительная победа Лотаря только продлила бы неестественное существование всеобщей франкской империи и еще больше отсрочила бы, в условиях крайней сложности, разделение национальных государств. Однако, к счастью, младший сын Людовика, Карл Лысый (), прозванный Лысым, изменил ситуацию в лучшую сторону, поскольку его недоверие к старшему брату пробудилось рано и заставило его перейти в наступление против него. Карл сумел завоевать симпатии многих вассалов в Аквитании и, опираясь на их поддержку, захватил Париж. Этот *переворот* заставил Лотаря вернуться во Францию, тем самым снова дав Людвигу свободу действий. В то же время и Карл Лысый, и Людвиг Немецкий получили

более четкое и ясное представление о своих истинных интересах. Оба они поняли, что один может основать Французскую империю, а другой — Германскую, не вступая в конфликт друг с другом, и что их общим врагом является их старший брат. Последний, кроме того, под прикрытием императорского достоинства замыслил сохранить империю Карла Великого в полном объеме и возродить это неудачное объединение самых разнородных народов. Людвиг предложил своему сводному брату заключить с ним союз, который тот с радостью принял. Людвиг решил перейти Рейн и объединить силы с Карлом, чтобы заставить Лотаря разделить империю в соответствии с принципом однородности национальностей.

Союз был заключен в 841 году, и два брата давали императору понять, что он должен либо согласиться выполнить их справедливые требования в отношении вышеупомянутого раздела, либо готовиться решить вопрос силой оружия. Между тем, однако, Лотарю удалось переманить на свою сторону своего племянника, Пепина Аквитанского, которого Карл Лысый несправедливо пытался лишить владений. Чтобы выиграть время для объединения с армией Пепина, он начал переговоры с Карлом и Людвигом, которые привели к заключению перемирия. Противостоящие армии уже были выстроены неподалеку, поскольку Лотарь двинулся к Осеру, где расположились лагерем Карл и Людвиг, чтобы встретиться со своим племянником Пепином. Во время перемирия произошло объединение боевых сил Лотаря и Пепина, после чего первый немедленно прервал переговоры и принял сражение, которое братья предложили в качестве испытания.

Решающая битва произошла в Фонтенейле 25 июня 841 года. На правом фланге союзной армии Карла и Людвига стояли германцы, а против них — император Лотарь. Именно там начались боевые действия; сражение было упорным, но войска Лотаря были решительно разгромлены германцами. Племянник Пепин лучше удерживал свои позиции на правом фланге, но после поражения Лотаря немцы сильно давили на Пепина, и он также был вынужден сдаться. Таким образом, Карл Лысый и Людвиг Немецкий одержали полную победу. Это было самым счастливым событием для народа, но оно было бы еще более благоприятным, если бы они знали, как воспользоваться своей победой. Однако здесь они потерпели неудачу, поскольку Карл и Людвиг, вместо того чтобы преследовать остатки разгромленной армии и энергичными мерами вынудить ее заключить прочный мир, последовали совету духовенства и приказали посвятить следующие три дня посту и молитвам, чтобы получить свыше совет о дальнейших действиях.

Лотарь бежал в Аахен, а Пепин — в Аквитанию. Это привело к разделению победоносных войск, поскольку Людвиг отступил на правый берег Рейна, чтобы защитить Германию от Лотаря, а Карл — в Аквитанию, чтобы защитить ее от Пепина. Как только он прибыл в Аахен, Лотарь решил прибегнуть к другим средствам для осуществления своих планов.

Саксы не предпринимали никаких попыток во время правления Людовика Благочестивого отделиться от империи и восстановить свою первоначальную конституцию. Причина этого, вероятно, кроется в мягких мерах, принятых против них Людовиком I (), иначе его слабое правительство, как нам кажется, предоставило бы наиболее благоприятную возможность для избавления от франкского господства. Но горечь, царившая среди северных германцев из-за сильного угнетения Карла I, ни в коем случае не исчезла, а, напротив, была по-прежнему довольно широко распространена. Хитроумный Лотарь воспользовался этим обстоятельством, чтобы переманить саксов на свою сторону. При условии, что они помогут ему против его брата Людвига, он пообещал восстановить их древнюю конституцию. Знать Саксонии разделилась на две фракции, примкнувшие либо к Лотарю, либо к Людвигу Немецкому. Тогда Лотарь обратился к вольным людям и крепостным, которые, естественно, составляли большинство по сравнению со знатью; они прислушались к его предложениям. Свобода в том смысле, в каком она обычно используется

современными историками, не могла быть предоставлена путем восстановления древней конституции Саксонии, поскольку в древние времена среди германцев не было свободы. Но гнев по поводу десятины, которой Карл Великий () особенно обременял саксонских крепостных, угнетение со стороны чиновников, назначенных франкским королем, ненависть к христианству, которое считалось причиной и того, и другого, а также злоупотребление их конституционными правами в конце концов побудили саксонских свободных людей и крепостных принять вероломные предложения Лотаря. Если бы планируемое восстание увенчалось успехом, то произошло бы внезапное разделение северной и южной Германии, а установление единства Германской империи было бы отложено надолго. Поэтому союз саксов с Лотарем был в высшей степени вреден для патриотических целей. Чтобы еще больше укрепить свою мощь, император попытался привлечь на свою сторону и норманнов, подло пообещав им разрешить грабить различные страны, если они придут ему на помощь.

[841-842 гг. н. э.]

Доверяя всем этим союзникам, Лотарь решил напасть на своего брата Людвига и собрал армию возле Вормса. Карл Лысый проницательно осознал опасность ситуации и выдвинулся со своими войсками к Рейну, чтобы поддержать Людвига. Лотарь был вынужден изменить свою тактику и заставить Карла отступить, прежде чем вести свою армию на борьбу с Людвигом. Поэтому он двинулся вглубь Галлии. Карл отступил в Париж, где укрепился. Лотарь все же решил атаковать его, но не смог переправиться через Сену из-за поднятия уровня воды в реке. После возобновления мирных переговоров между двумя братьями, которые вновь оказались безрезультатными, Лотарь двинулся навстречу своему племяннику Пепину, чтобы вновь объединить с ним силы. Ему удалось это сделать выше по течению Сены, в Сене. Карл Лысый тем временем поспешил присоединиться к Людовику Немецкому у Рейна, куда Людвиг уже успел добраться. Обе армии соединились в Страсбурге в феврале 842 года. С этого момента братья твердо решили положить конец всем колебаниям и бесцельным скитаниям и довести дело до конца. Они взаимно поклялись в верности и нерушимости союза в присутствии своих войск. Затем Людвиг обратился к собравшимся воинам, перечислив все несправедливости, которые они перенесли от Лотаря, и заявив о своей твердой решимости заключить почетный союз с Карлом, освобождая своих людей от верности ему, если он нарушит клятву. В то время национальное разделение между французами и немцами было уже очень заметным, поскольку Людвиг произнес свою речь на немецком языке, повторив ее на романском языке, чтобы воины Карла также могли ее понять. После этого два короля и их армии принесли торжественную клятву взаимной верности и поддержки.

ЛОТАР ПРИНЯЛ УСЛОВИЯ (842 г. н. э.)

[842 г. н. э.]

Затем лагерь был разобран, чтобы сразу же перейти к решающей стадии. Лотарь вернулся из Галлии в Аахен, куда его противники двинулись со своими армиями. Он пытался укрепиться на берегах Мозеля и помешать переходу врага, но его оборонительные сооружения были крайне слабы. Войска Людвига и Карла без малейших затруднений переправились через реку, и Лотарь настолько растерялся, что поспешно бежал, не останавливаясь, пока не достиг Лиона.

Победоносные братья направились в Аахен, который по-прежнему считался резиденцией всей империи. Там они призвали епископов вынести решение между ними и Лотарем; что те с готовностью и сделали, объявив, что Лотарь тяжело провинился перед церковью и государством, а кроме того, показал себя совершенно неспособным управлять империей, которая поэтому должна перейти к Людвигу и Карлу. Поскольку сила сильнейшего была таким образом подтверждена моральным авторитетом, Лотарь наконец начал испытывать беспокойство и серьезно пытался прийти к соглашению со своими братьями. Поэтому он сделал им предложения относительно раздела империи, которые казались разумными и привели к дальнейшим переговорам. Однако из-за новых уловок Лотаря было невозможно сразу достичь примирения, но в июне 842 года трое братьев провели встречу на острове Ансилла на реке Сона, где они взаимно дали торжественную клятву мира и договорились встретиться снова 1 октября того же года в Меце, когда раздел империи должен был быть окончательно утвержден трибуналом из 120 арбитров, из которых каждый из братьев должен был выбрать сорок из своих самых выдающихся людей. Это соглашение известно как Ансильский договор и было предшественником Верденского договора.

Король IX века

(Из старинной гравюры)

Все три брата стремились максимально использовать время, которое должно было пройти до фактического заключения мира, для укрепления своей власти. Лотарь, столь же мстительный и жестокий, сколь и трусливый, по возвращении в Аахен выместил свою ярость на тех из своих вассалов, которые, по его мнению (), были ответственны за катастрофу на Мозеле, конфисковав у них многие феодалы. Карл, с другой стороны, пытался разорить своего племянника Пепина в Аквитании, хотя последний, если бы существовало какое-либо право наследования государств, имел бы на это большее право, чем его дядя.

Третий брат решил подавить восстание в Саксонии, которое угрожало стать опасностью для Германии. Правда, нет никаких исторических свидетельств того, что саксонские вольноотпущенники и крепостные оказали какую-либо реальную помощь Лотарю, зачинщику восстания; но, с другой стороны, они тем более энергично приступили к реорганизации своей устоявшейся религии и конституции. В результате они изгнали не только христианских священников, но и многих дворян, в особенности тех, кто осознавал безнадежность этого предприятия и не хотел присоединяться к движению. Возможно, что в ходе событий сформировалась более свободная тенденция, и что улучшение положения средних классов, и в особенности крепостных или крестьян, было целью их усилий. На протяжении многих веков этот многочисленный класс, так угнетаемый немцами, терпел свою нищету, не пытаясь из нее вырваться; и все же было неизбежно, что постепенно даже те из них, кто не имел прав, пробудились к осознанию своего недостойного положения и почувствовали желание его улучшить.

УГНЕТАНИЕ САКСОНСКИХ СВОБОДНЫХ ЛЮДЕЙ

[842-843 гг. н.э.]

Во время правления Людовика Благочестивого уже произошло опасное восстание крепостных во Фландрии и в северных приморских странах, которое, согласно обычаю верховных лордов, было подавлено не с помощью правосудия, то есть признанием прав человека, которыми обладали несчастные угнетенные, называемые в юридическом языке «животными», и мягким и разумным улучшением их положения, а с помощью меча.

Как прообраз Наполеона, который считал муниципалитеты ответственными за отдельные действия, которые ему не нравились, Людовик, или, вернее, его совет, обращался с господами крепостных таким же образом, чтобы предотвратить подобные восстания в будущем. Владельцу крепостного, участвовавшего в заговоре, грозил королевский запрет (60 *солидов*).

Эти факты следует рассматривать как знак времени. Они показывают, что в душе крепостного, лишенного гражданских прав, начинало пробуждаться стремление к свободе, и движение в Саксонии могло бы пойти в этом же направлении, как уже отмечалось; но это была не борьба за восстановление мнимой прежней свободы, как считают новые историки, а наоборот — попытка свергнуть тиранию старых времен. Такое положение дел противоречило бы восстановлению старой саксонской конституции, которая, безусловно, была включена в заговор, поскольку это правительство поддерживало крепостное право; однако саксы включили в него религию предков, свою независимость от франков и освобождение от десятины, и поэтому в этом смысле борьба за свободу была совместима с восстановлением древней конституции. В крестьянских восстаниях в Германии было принято принимать особое название, такое как «бундшух», «шнурковый башмак». Свободные саксы и крепостные называли свое восстание «стеллинга». Когда целью восстания является обретение свободы, вполне естественно, что король дрожит; но было ли это действительно так или же это была естественная неприязнь всех немцев к династии Карловингов, которая угнетала не только саксов и фризков, но и аламанных и баварцев, несомненно, что Людвиг опасался распространения саксонского восстания на Швабию и Баварию и приложил все усилия, чтобы его подавить. Для этого он прибег к таким жестоким средствам, что его имя, как и имя его деда Карла, заслуживает того, чтобы быть заклеянным историей.

Даже если саксы своими действиями поставили под угрозу национальные цели Германии, и Людвиг поэтому имел полное право не нести ответственности за попытку подавить это

движение, нельзя забывать, что саксы были спровоцированы самыми отвратительными правилами, десятиной и другими бременами, неизвестными до того дня, и что они были жестоко ранены во всем, что считали святым. Кроме того, поскольку саксонские вольноотпущенники и крепостные были подстрекаемы к восстанию монархом, называвшим себя императором и который, согласно существующим государственным договорам, должен был осуществлять власть над своими братьями, справедливость требовала, чтобы к людям, которые были таким образом введены в заблуждение, относились с мягкостью, а их недовольство постепенно сглаживалось путем облегчения наложенных на них бремени и справедливого обращения. Вместо того чтобы поступить так гуманно, Людвиг использовал свою власть как трусливый деспот, чтобы подвергнуть несчастных саксов невыразимым пыткам. Сто сорок человек были обезглавлены, четырнадцать повешены на виселице, а другие, согласно древнему обычаю римлян, были изуродованы, чтобы лишить их возможности снова сражаться. По словам летописцев, бесчеловечность дошла до такой степени, что число искалеченных саксов было настолько велико, что их было невозможно сосчитать. Таким образом, в Саксонии был восстановлен покой, но это был покой могилы и безмолвное проклятие, которое последовало за безжалостным разрушителем, истинным внуком «великого» Карла.

ВЕРДУНСКИЙ ДОГОВОР (843 г. н. э.)

[843 год н. э.]

Между тем настал момент, когда, согласно Ансильскому договору, арбитражный суд должен был принять решение о разделе империи. Поэтому в начале октября Карл и Людвиг отправились на встречу с Лотарем в Мец. Однако ни один из них не доверял другому, поэтому Людвиг и Карл держали армию в готовности недалеко от Вормса, а Лотар привел свою армию в восемь часов езды от Меца. Это вызвало новую напряженность между братьями; в конце концов было решено, что арбитры обеих фракций, за безопасность которых Людвиг и Карл опасались из-за близости вражеской армии, должны встретиться в Кобленце. Там сразу же начались предварительные переговоры о разделе, но вскоре стало очевидным, что арбитры едва знали географическое положение стран, которые им предстояло разделить, не говоря уже об их относительных размерах и особенностях внутренних условий. В результате с обеих сторон раздались обвинения и жалобы, а затем гнев, ярость и новый разрыв. Раздор принял такие масштабы, что возникла опасение, что переговоры будут прерваны и война станет неизбежной. Положение народа было настолько плачевным, что общественное мнение, по крайней мере мнение дворян, начало постепенно настойчиво требовать урегулирования этих нечестивых споров. Галлия была опустошена военными кампаниями и, как естественное следствие, была захвачена бандами грабителей. К этому несчастью добавился голод, вызванный нехваткой урожая, и, наконец, пришла весть, что *стеллинги* в Саксонии, доведенные до отчаяния жестокостью Людвиг, после его отъезда снова взялись за оружие. Принимая во внимание все эти обстоятельства, самые выдающиеся деятели всех фракций решительно и единодушно заявили королям (), что заключение окончательного прочного мира является крайне необходимым и что, если переговоры вновь будут прерваны, они не будут участвовать в новой войне.

В то же время было предложено, чтобы преодолеть все препятствия на пути к разделу, уполномоченные представители или арбитры немедленно объехали всю империю, чтобы получить необходимые сведения для ее раздела, а также заключить перемирие на подходящий срок, чтобы облегчить подготовку к реальному заключению мира. Сила обстоятельств заставила королей уступить; предложенная комиссия была создана

совместно, перемирие было продлено до июля 843 года, и на этот год была назначена еще одна встреча для заключения мира.

Пока арбитры путешествовали по странам, которые должны были быть разделены, Людвиг вновь вернулся в Саксонию, чтобы подавить возобновившееся восстание. *Стеллинга* оказали отважное сопротивление, но превосходящая сила короля была обречена на победу, и безжалостная жестокость вновь опозорила оружие кровожадного деспота.

КАРЛ ЛЫСЫЙ

(Из французской гравюры 1832 года)

В июле 843 года представители трех братьев наконец встретились в Вердене, чтобы вести переговоры о мире. И именно там в августе того же года был подписан окончательный договор. Его основные положения были следующими: (1) Карл Лысый получил Галлию и часть Германии, расположенную между устьем Шельды и ее истоком на левом берегу, а оттуда до Мааса. Граница его королевства простиралась оттуда до Сона и вдоль Роны до ее устья в Средиземном море. (2) Людвиг получил все немецкие земли на правом берегу Рейна и на левом берегу Шпайер, Вормс и Майнц с прилегающими к ним районами. (3) Лотарь остался обладателем титула императора и всех земель за пределами Италии, расположенных между владениями Карла Лысого и Людвига. В этом заключалась суть знаменитого Верденского договора, который стал основой для окончательного образования чисто германской нации и единства империи.

Что касается ценности договора, то сразу же становится очевидным, что он был далек от адекватного с точки зрения интересов народа и был лишь вынужденной мерой, вызванной конфликтом частных интересов королей. Устранение всех независимых наций и организованный союз всех родов каждой расы в одно государство были величайшей необходимостью того периода; но по Верденскому договору Германия осталась разделенной, поскольку большая часть Рейнского района и Бельгии были от нее отделены.

Точно так же остался нерешенным вопрос о границе между германцами и славянами внутри страны, и поэтому разграничение наций вновь было стерто. Главной причиной этого прискорбного зла была неудачная идея императорского достоинства, которое должно было

охватывать все христианство. Лотарь был настолько одержим идеей этого достоинства, что ни при каких обстоятельствах не хотел от него отказываться. Аахен был столицей императора, и Лотарь так упорно настаивал на сохранении владения этим городом, что, волей-неволей, ему пришлось уступить ему полосу земли из германского королевства. В этих условиях не было альтернативы новой войне или расчленению Германии. В сложившихся условиях первое было ни осуществимо, ни желательно; кроме того, в то время национальный дух практически отсутствовал у многих величайших людей, и, следовательно, для них органическое единство наций не имело большого значения — если они вообще его признавали. Поэтому расчленение Германии не считалось большой жертвой, которую нужно было принести на алтарь мира.

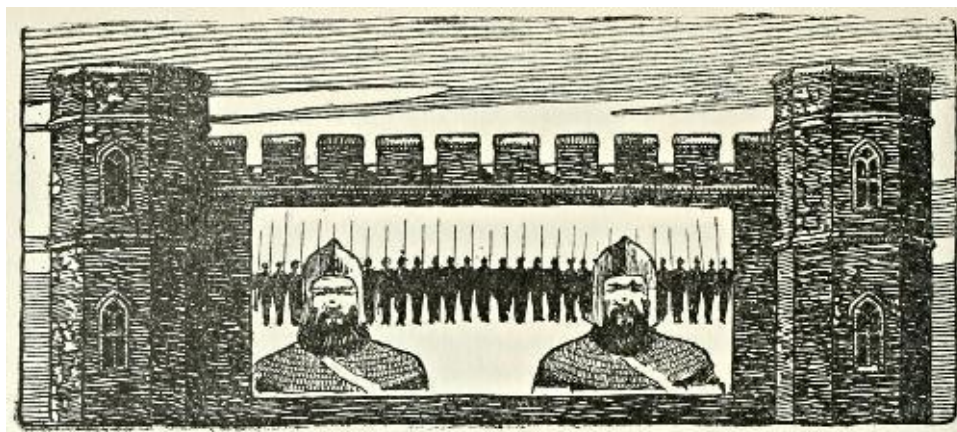
И все же, каким бы неудовлетворительным ни был Верденский договор для интересов Германии, следует признать, что с учетом сложившейся ситуации даже частичное объединение немцев в отдельную империю было неоценимым преимуществом. Союз северной и южной Германии, навязанный Карлом I, не мог принести плодов, потому что независимое национальное развитие было затруднено принудительным союзом немцев с римлянами, галлами и итальянцами. С другой стороны, по Верденскому договору немцы были отделены от гвельфов, и даже если важная чисто германская часть была отрезана, большинство все же оставалось объединенным в одном независимом государстве, свободном развиваться в соответствии с наследственным духом.

Наконец, империя, переданная Лотарю в результате раздела Германии, была настолько противоречива с точки зрения здравого смысла в своем положении и границах, что продолжение этого странного соглашения было за пределами вероятности. Владения Лотаря за пределами Италии были отделены от его основного королевства Альпами; между итальянцами и немцами не было абсолютно ничего общего, и в то же время часть Лотаря по эту сторону Альп состояла только из чрезвычайно узкой полосы к морю, которая нигде не обеспечивала надлежащей защиты. Часть этой полосы земли была заселена романизированными германцами или гвельфами, а остальная и большая часть — чистыми германцами; следовательно, было только ожидаемо, что гвельфская часть будет бороться за объединение с Францией, а германская — с родиной. Именно это и произошло позже; поэтому в Верденском договоре были заложены элементы для создания национальной германской империи и единства. Поэтому мы теперь рассматриваем этот договор как основу для обоих.^e

Германия считает началом своего национального существования Верденский договор. Восточная или германская часть была тогда навсегда отделена от западной или латинской Франции, которая в более позднее время получила исключительное право на это название, а сердце франкских владений стало известно как Франкония. Клятвы, принесенные армиями Людвига и Карла, показывают, что эти два языка уже были разными. Франкские завоеватели Галлии были в значительной степени латинизированы в результате общения с бывшими подданными цезарей; и в то время как солдаты Людвига приносили присягу на старом немецком языке, клятва армии Карла была почти одинакова с латинским, провансальским и современным французским языками. С этого момента германские и римские элементы в европейском обществе и речи были разделены.^f

СНОСКИ

^[139] [Хотя немцы яростно протестовали против галлицизации их Карла Великого и Людвига Благочестивого в Карла Великого и Людовика Благочестивого, мы предпочитаем использовать более привычные формы.]

ГЛАВА VII

РОЖДЕНИЕ НЕМЕЦКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ

[843-936 гг. н. э.]

Хотя по Верденскому договору империя оставалась в некоторой степени единой, а император имел определенное превосходство над королем, он, безусловно, не обладал верховными прерогативами; провинции были так же отличались друг от друга, как и в времена Меровингов. Идея имперской теократии исчезла, возобладала традиционная система наследования франкской монархии. Эта победа имела серьезные последствия для Франкского королевства и всех народов, находившихся под властью франков.

Хотя к Верденскому договору привели не интересы народа, а интересы правителей, он имел огромное значение для развития и культивирования национальности на Западе. В то время как королевство Людвига почти полностью состояло из германских земель, Карл, с другой стороны, владел теми частями Галлии, которые уже были проникнуты римским характером; и из великой германско-римской империи в Восточно-Франкском королевстве возникло государство, народ которого, хотя и разделенный на кланы, был схож по языку, обычаям и мышлению, и их связь начала проявляться в их языке.

В отличие от римского языка образованного духовенства и романизированного языка их южных и западных соседей, они называли этот язык немецким, *то есть* «народным» языком, а себя — немецкоязычными, чтобы отличаться от римлян.

Чувство их единства, несомненно, усилилось, поскольку они были объединены в одно королевство и отделены от других народов узами королевства. Точно так же франкско-римская национальность более заметно развилась в Западно-Франкском королевстве после распада союза с чисто германскими народами.

[843-845 гг. н. э.]

Поэтому немцы, как и французы, не без оснований считают Верденский договор часом рождения своей национальности. После распада королевства Карловингов естественные различия между различными народами не проявились вновь в виде узких, резких различий, но они начали формировать новые национальности на более широкой и универсальной

основе, и этот факт привел к важнейшим результатам. Было много причин, которые задержали дальнейшее разделение Восточного и Западного Франкского королевства. Политические элементы, которые Карл объединил в своем королевстве, были далеко не равномерно распределены по всем районам и не приобрели одинаковую силу везде. Феодалная система особенно укрепилась на галльской земле и достигла там такой силы, что свобода низших классов была полностью подавлена; все низшие слои населения зависели от могущественных феодальных князей. Великие вассалы стали настолько сильны, что вскоре установили наследственность своих феодалов, и король сохранил реальную власть только над королевскими владениями, имея в остальных местах лишь права верховного феодала. Королевская власть, которой обладали Меровинги и первые Каролинги, все больше и больше ослабевала, и королевская власть была установлена здесь только позже, на совершенно новой основе.

В Восточно-Франкском королевстве дело обстоит иначе. Свобода общин там укоренилась слишком глубоко, чтобы ее можно было так легко устранить; вассальство завоевывало позиции лишь постепенно и в основном только потому, что королевские феодалы были представлены народу в качестве чиновников. Поэтому в правительстве было гораздо больше силы и единства; король по-прежнему был королем народа и мог напрямую призывать к оружию боевые силы масс. Это было главной причиной, по которой Людвиг Немецкий превосходил Карла Лысого, а также Лотаря. Почти таким же образом королевство Лотаря состояло из немецких и римских округов без какого-либо национального единства; поэтому оно было слабым и нестабильным, хотя главные земли правительства и первые города королевства принадлежали ему.^b

ПРАВЛЕНИЕ ЛЮДВИГА НЕМЕЦКОГО (843-876 гг. н. э.)

[845-853 гг. н. э.]

^[140] Независимое правление Людвига началось в момент великой национальной катастрофы. В 845 году король Дании Хорик, располагавший большим флотом норвежских пиратских кораблей, начал общее наступление на все приморские провинции Франкской империи. Одна часть его флота, насчитывавшая, по некоторым данным, шестьсот кораблей, поднялась вверх по устью Эльбы и совершила неожиданное нападение на Гамбург, центр миссионерской деятельности в скандинавском севере. Город был захвачен и сожжен дотла, прежде чем местные ополченцы (Heerbann) успели приспеть на помощь из окрестных селений. Многие жители пали от мечей северян, остальные были рассеяны или погибли при бегстве. Епископ Анскар искал убежища для себя, своих книг и реликвий в пустынной болотистой местности между Эльбой и Везером. Другой отряд норманнского флота нанес ужасающий ущерб королевству Западных франков; Париж был предан пламени, а большинство его жителей убито северянами. Король Карл Лысый даже собрал армию, но не осмелился противостоять захватчикам; на самом деле, он был вполне доволен тем, что смог добиться ухода пиратов — которые боялись мести святых покровителей церквей, которые они разграбили и сожгли, гораздо больше, чем франкского *arrière-ban* — путем выплаты значительной суммы денег. С севера принесли с собой смертельную чуму, от которой после мучительных страданий скончался сам король Хорик. Перед смертью он послал посольство к Людвигу Немецкому, чтобы просить прощения за разрушение Гамбурга () и пообещал вернуть пленных и добычу.

Северяне повторили свое вторжение не позднее следующего года. Они уважали владения Людвиг Немецкого, но опустошили все побережье западной Франции вплоть до Бордо. В то же время сарацины грабили побережье Италии; казалось, что норманнские пиратские

набеги вдохновили их на подобные предприятия. Из Африки их флот отплыл в Рим и захватил город на правом берегу Тибра, включая ную церковь Святого Петра. Затем они вторглись в южную Италию, грабя и убивая на своем пути. На обратном пути шторм на море погубил часть флота, и христианский мир увидел в их гибели руку Божью, мстящую за свои грехи. С другой стороны, он остро ощущал позор от того, что Рим и другие известные святые места попали в руки неверных.

ВОЙНА С СЛАВЯНСКИМИ ПЛЕМЕНАМИ

В это время король Людвиг был вовлечен в войну со славянскими племенами. Еще в 845 году он не мог удержать аварцев в подчинении иначе, как силой. В начале 846 года он завоевал славянское племя на Эльбе, которое мы не можем точно идентифицировать, а затем выступил против моравцев, чей князь Моймир подозревался в подготовке восстания. Людвиг сверг герцога и назначил его племянника Ратислава его преемником. На обратном пути король прошел через Богемию, где в гористой местности и в глубине леса он внезапно подвергся нападению чехов, и немецкая армия понесла тяжелые потери, прежде чем смогла вырваться из засады. Сразу после этого чехи, которые до этого момента номинально подчинялись франкскому господству, начали военные действия против королевства восточных франков, и Людвиг был вынужден в 849 году организовать против них крупную экспедицию. Сам он не смог принять участие в кампании из-за болезни и был вынужден отправить свою армию под командованием нескольких графов, которые были между собой в раздоре. Эти полководцы, после нескольких незначительных предварительных успехов, понесли тяжелые потери в лесах Богемии и были вынуждены отдать чешцам заложников, чтобы обеспечить себе безопасное возвращение домой. Это событие вызвало глубокое возмущение среди восточных франков, которые до этого гордились своей военной славой превыше всего.

Поскольку ни одно из трех королевств не испытывало недостатка во врагах, три брата решили сохранять дружеские отношения друг с другом и объединиться для защиты от своих врагов, урегулировав свои небольшие разногласия на съезде князей (Fürstentag), который должен был проводиться через короткие промежутки времени. Впервые они встретились в 844 году в Диденхайме, затем в 847 году в Мерсене на Маасе [Мёзе] и снова в Мерсене в 851 году. Вместе с ними появились их великие вассалы, светские и духовные. Братья поклялись помогать друг другу советом и делом против своих врагов и распорядились, чтобы их взаимное соглашение было зафиксировано и доведено до сведения их подданных. Но, к сожалению, этот акт братского согласия был лишен искренних намерений, поскольку каждый из них молча наблюдал за другими и подозревал их, как будто они были его злейшими врагами.

ЛЮДВИГ ВЫСТУПАЕТ ПРОТИВ КАРЛА ЛЫСОГО (853-860 гг. н. э.)

До этого момента Людвиг оставался самым верным из троих участникам этого дружественного союза, но в 853 году его жажда новых территорий подтолкнула его к предательству по отношению к Карлу Лысому. Аквитанцы, которые долгое время под руководством Пепина, сына брата трех королей, умершего в молодом возрасте, боролись против объединения с владениями Карла Лысого, после смерти своего князя обратились к королю Людвигу с просьбой о помощи, предложив ему либо самому стать их королем, либо послать одного из своих сыновей. Война со славянами принимала все более широкие масштабы, и Людвиг не мог покинуть Германию. Поэтому он отправил своего второго сына, Людвиг Младшего, с армией в Аквитанию. Карл Лысый в то время находился под сильным давлением со стороны норманнов и мог выделить лишь небольшие силы для противостояния немецким войскам. Но экспедиция сына немецкого монарха в Аквитанию не увенчалась ожидаемым успехом. Только часть знати встала на его сторону; другая часть осталась верна сыну своего покойного правителя; третьи же поддерживали Карла Лысого. Вся эта попытка закончилась ничем. Людвиг был вынужден искать спасения в отступлении, которое походило на бегство. Аквитанцы вернулись к верности Карлу Лысому, когда он поставил своего сына, который еще был несовершеннолетним, их королем и тем самым обеспечил своей стране определенную степень независимости.

В 855 году король Людвиг был вынужден предпринять новые военные действия. Моравцы стали беспокойными и угрожали вторжением в восточные районы королевства. Людвиг предпринял поход против их князя Ратислава, но безрезультатно, поскольку враг укрылся в надежных укрепленных местах за высокими земляными валами. После того как король отступил, моравцы продвинулись в Германию по правому берегу Дуная, грабя все на своем пути. Людвиг мало что мог сделать для защиты этой части страны, поскольку славяне снова начали беспокоиться на северо-востоке. В последующие годы ему пришлось предпринять несколько небольших походов против далеминций, которые жили между Эльбой и Мульде, и чехов из Богемии. Результаты в большинстве случаев были незначительными, но даже в этих небольших кампаниях потери Германии в боевых действиях были тяжелыми. Наибольшая опасность, угрожавшая Людвигу в то время, надвигалась с востока. Весь славянский мир был в брожении и стремился получить передышку, продвигаясь на запад.

В этих условиях не может не удивлять, что Людвиг считал момент благоприятным для проведения широкомасштабных военных операций против Карла Лысого. В Западно-Франкском королевстве царил ужасная обстановка, поскольку не только северяне почти ежегодно опустошали самые плодородные регионы, особенно низменности Луары, но и внутри королевства непокорные дворяне воевали друг с другом и с королем. Недовольные жители западного королевства неоднократно обращались к германскому королю. Поэтому, когда в 858 году он получил просьбу от многих влиятельных лиц королевства Карла Лысого избавить их от тирании короля и защитить их страну от вторжений язычников, Людвиг отказался от идеи похода против славян, к которому он уже подготовился, и направил свою армию на запад, прикрывая свое подлое нарушение мира множеством красивых фраз. Император Лотарь умер незадолго до этого, и промежуточное королевство Лотарингия перешло по наследству к его сыну Лотарю II, молодому и неспособному правителю, и поэтому Людвиг имел веские основания надеяться, что ему удастся воссоединить большую часть владений Карла Великого под своим скипетром. Он продвинулся со своими войсками до Орлеана, пока Карл Лысый и его племянник Лотарь были заняты совместной борьбой с

норманами на берегах Луары. Воображая, что он уже надежно владеет западным королевством, король распустил большую часть своей армии, которая, согласно древнему обычаю, могла требовать возвращения домой после трех месяцев службы в поле. Тогда настроение народа внезапно изменилось. Большая часть аустразийского духовенства осталась верна Карлу Лысому, светские лорды были недовольны тем, что Людвиг управлял страной жесткой рукой, а солдаты его армии совершили серьезную ошибку, позволив себе совершать акты насилия против сельских жителей. Людвиг внезапно обнаружил, что аустразийская знать его покинула, вокруг него царило недовольство, а войска вассалов собирались вокруг его брата Карла. Подозревая везде измену, он как можно скорее покинул страну, не получив от всей кампании ничего, кроме значительной потери престижа. После затяжных переговоров в 860 году в Кобленце между Карлом и Людвигом был заключен мир. Последний был вынужден довольствоваться тем, что ему было пощажено публичное унижение и что аустразийская знать, присягнувшая ему на верность, была помилована.

КОНЕЦ ЛОТАРА

[860-869 гг. н. э.]

С 860 года дела Лотарингии занимали передний план в политической жизни как германского, так и австразийского королей. В 855 году император Лотарь умер в монастыре Прюм, куда он удалился, будучи больным и уставшим от жизни. Его несыновнее поведение по отношению к отцу, по-видимому, тяжело давило на его душу и отдалило от него сердца других людей настолько, что впоследствии он так и не смог завоевать уважение людей. В соответствии с древним франкским обычаем, его три сына разделили между собой оставленные им владения. Италия и императорский титул достались Людовику II ([\[141\]](#)), провинции Роны — Карлу, который был еще несовершеннолетним, а самая важная часть — Лотарингия (Lotharingia) и Фрисландия — Лотарю II. С самого детства молодой король Лотарь с молчаливого согласия отца жил в бракоподобных отношениях с высокопоставленной дамой по имени Вальдрада, которая родила ему нескольких сыновей. После смерти отца он взял в жены не любовь своей юности, а Тиетбергу, дочь выдающегося бургундского дворянина, чьи владения находились в альпийских долинах между Италией и королевством Западных франков. Брак остался бездетным, и король замыслил избавиться от своей супруги, чтобы жениться на Вальдраде и таким образом обеспечить королевство для своих детей. С этой целью он распространил всевозможные скандальные слухи о Титберге, намекая, что до замужества она жила в кровосмесительных отношениях со своим собственным братом.

Карл Лысый

Служители церкви Лотарингии, во главе с архиепископом Трира Титгандом и Гюнтером из Кельна, были настолько продажны, что на синоде, состоявшемся в Аахене в 860 году, разрешили развод на основании этих клеветнических сообщений и приговорили королеву к покаянию в монастыре в Энн- . После этого Лотарь с большой помпой отпраздновал свою свадьбу с Вальдрадой. Но оба его дяди, Карл Лысый и Людвиг, были против развода, потому что, если бы Лотарь не оставил законных наследников, они стали бы наследниками его королевства. По инициативе Карла Лысого Хинкмар, ученый и спорный архиепископ Реймса, опубликовал памфлет, в котором разоблачал всю сеть лжи, придуманную в ущерб Тиетберге, и яростно оспаривал решения синода в Аахене. Несчастливая королева сбежала из монастыря и обратилась за защитой к Карлу; она также обратилась за помощью к папе. В то время папский престол занимал Николай II, могущественный церковный деятель, который с радостью воспользовался предоставленной ему возможностью вызвать короля перед свой суд. Он послал легатов в Лотарингию, чтобы расследовать брачные дела короля на франкском синоде. Но легаты не устояли перед взяткой и на синоде в Меце в 863 году вынесли решение в пользу короля.

Николай, узнав о подкупности своих агентов, осудил выводы Мецкого синода на Латеранском синоде и сместил архиепископов Трира и Кельна. В Лотарингии разгорелась длительная и отвратительная полемика по поводу королевского развода, которая нашла отклик даже в комнатах, где женщины сидели за прялками. Лотхар был вынужден подчиниться воле папы, и его супруга Титберга вернулась ко двору. Но вскоре он снова начал жить с Вальдрадой, хотя не смог получить санкцию церкви на развод и брак со своей любовницей. Эта скандальная ссора, которая держала в напряжении весь западный мир, все еще продолжалась, когда в 867 году умер Николай II. Лотарь надеялся, что он сможет достичь своей цели с новым папой Адрианом II, и с этой целью в 869 году он отправился в Италию. Во время встречи с папой Адрианом II он, к ужасу всех благочестивых душ, принес явно ложную клятву, заявив, что в последние годы он избегал всяких отношений с

Вальдрадой. Но новый папа, который глубоко презирал короля за его развращенную мораль, также отказался дать развод и смог обещать лишь то, что он еще раз рассмотрит этот вопрос на синоде, который он созывает в Риме. Лотарь умер от сильной лихорадки по дороге домой, и его набожные современники увидели в его смерти божественное наказание за его преступление. Его дети не были признаны законом, и поэтому его владения перешли к другим монархам, которые были его родственниками. Его брат, император Людвиг II, был бездетным, поэтому Людвиг Немецкий и Карл Лысый были единственными наследниками, которых необходимо было принимать во внимание.

ЛЮДВИГ И КАРЛ РАЗДЕЛЯЮТ ВЛАДЕНИЯ ЛОТАЙРА (870 г. н. э.)

[870 г. н. э.]

Во время неожиданной смерти Лотаря король восточных франков был вовлечен в войну со славянами. Его старший сын, Карломан [или Карлман], в течение многих лет воевал с Ратиславом, князем Моравии, и добился некоторых успехов. В этот период чехи также часто совершали набеги на Баварию, уводя жителей этой страны в плен. Поэтому Людвиг решил атаковать чехов по всей линии в одной большой кампании. В августе 869 года его армии были вооружены и готовы к походу на врага. Его второй сын, Людвиг Младший, должен был атаковать сербов, а он сам вместе со своим сыном Карломаном должен был вновь подчинить моравцев. В этот момент он внезапно заболел тяжелой болезнью в Ратисбоне, и его третий сын, Карл, еще не испытанный в боях, возглавил армию, чтобы присоединиться к Карломану вместо него. Война велась успешно на всех фронтах. Сорбы были вынуждены подчиниться. Немецкие воины атаковали моравцев за их, казалось бы, непреодолимыми земляными укреплениями, сожгли многие места дотла и вернулись домой, нагруженные добычей.

Тем временем Карл Лысый спешил завладеть владениями Лотаря. Он был занят оборонительными мерами против норманнских пиратов, когда к нему пришла весть о смерти его племянника. Император Людвиг II, брат Лотаря, находился далеко, и его войска были незначительными, а сообщения о болезни Людвиге звучали настолько неблагоприятно, что шансов на его выздоровление, казалось, не было; поэтому Карл Лысый надеялся, что ему удастся стать единственным наследником Лотаря. Он поспешил в Мец, где короновался королем Лотарингии, а оттуда отправился в Аахен, чтобы принять дань уважения от знати. Однако явилось очень мало дворян. Тогда он решился посягнуть на королевство восточных франков, захватив Эльзас, который Лотарь ранее уступил Людвигу в обмен на обещание поддержки в его брачном споре.

Но Карл Лысый не был суждено долго наслаждаться своей бескровной победой, поскольку Людвиг оправился и пригрозил ему войной, если тот не согласится на братское разделение владений, оставленных Лотарем. Так был заключен знаменитый договор о разделе, который был подписан в Мерсене в 870 году. По этому договору половина Лотарингии отошла к западному королевству, а другая половина — к восточному. Граница пролегла на юг от устья Мааса [Meuse], следовала по течению реки на некотором расстоянии до Орт, затем пересекала среднюю Мозель, слегка касалась Марны, а затем пролегла вдоль Соны до уровня Женевского озера. Таким образом, восточная Лотарингия, Эльзас и северная Бургундия перешли к Германии. Договор в Мерсене был следствием договора в Вердене (Verdun); все чисто германские элементы населения теперь были объединены с восточным королевством, и был подготовлен путь для образования двух великих государств и наций, одного германского, а другого романского.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДА ЖИЗНИ ЛЮДВИГА НЕМЕЦКОГО

[870-876 гг. н. э.]

В последние годы своей жизни король Людвиг пострадал от той же беды, которую он и его братья замыслили навлечь на своего отца: его взрослые сыновья восстали против него. Он рано передал им часть власти над своими владениями, и после того, как его королевство было значительно расширено по договору в Мерсене, они потребовали соответствующего расширения своих владений. Карломан, старший сын, правил Баварией почти как независимым королевством и поэтому получил значительное присоединение территории. Младшие сыновья, Людвиг и Карл, почувствовали себя ущемленными этим шагом и отказались дальше подчиняться отцу. Это произошло в неблагоприятное для короля время, так как моравский князь Суатоплек только что нанес сокрушительное поражение баварскому контингенту. В этих обстоятельствах Людвиг попытался прийти к компромиссу со своими сыновьями. На сейме в Форххайме они примирились с ним на условии, что все они получают равные доли наследства Лотарингии. После этого в 872 году была предпринята большая экспедиция против моравцев. Но удача не благоволила германцам. Отряд саксов, раздираемый внутренними разногласиями, потерпел поражение в сражении и повернул назад в позорном бегстве, а другая армия под командованием епископа Арно из Вюрцбурга вернулась с тяжелыми потерями, не достигнув своей цели. Карломан был атакован с тыла моравцами и вынужден был отступить с тяжелыми потерями. Сам король не смог принять участие в войне, будучи занят делами Италии.

К этим военным неудачам вскоре добавились тяжелые внутренние проблемы. Двое его младших сыновей замыслили преступный план свергнуть своего отца с престола и удержать его в плену. Этот замысел вскрылся как по чуду. Карл, обремененный тяжелым грузом совести, был охвачен приступом эпилепсии, от которой он страдал, и, вероятно, во время судорог выдал часть своей тайны. Согласно представлениям того времени, считалось, что в него вселился дьявол, и его отвели в церковь, где духовенство пыталось исцелить его молитвами и экзорцизмом. Вид бредней своего брата произвел такое впечатление на Людвига Младшего, что, охваченный угрызениями совести, он признался отцу в их замысле. Король воздержался от наказания своих сыновей; он снова примирился с ними и оставил свои распоряжения о престолонаследии без изменений. Помудрев от таких опытов, он с тех пор предоставил своим сыновьям большую независимость в их подчиненных владениях.

К концу правления Людвига был заключен мир с датчанами, к его большому удовлетворению. После смерти короля Хорика его два сына заявили о своей готовности заключить договор с Людвигом, которого они были готовы почитать как отца, о том, что Эйдер будет составлять границу между двумя королевствами, и что отныне два народа будут жить в мирных отношениях друг с другом. На этой основе был заключен мир, что принесло большую пользу, в частности, миссионерской деятельности. Архиепископская кафедра Гамбурга и Бремена в то время управлялась Римбертом, учеником Анскара, который работал в полной гармонии с духом своего предшественника. Он перенес тяготы многих морских путешествий, трудясь над распространением христианства среди датчан и шведов.

В следующем году закончилась и долгая война с моравцами. В 874 году в Форххайме появилось моравское посольство, чтобы просить о мире. Князь Суатоплек обязался присягнуть на верность королю Германии и платить регулярную ежегодную дань. Таким образом, Моравия из немецкой провинции превратилась в феодальное государство под германским сюзеренитетом, что можно считать почти поражением Людвига.

В последний год жизни Людвига произошло событие, которому он в последнее время посвятил все свое внимание. Итальянский император Людвиг II умер, не оставив наследника, и трон Римской империи оказался вакантным. На этот титул претендовали как Людвиг II «Лысый», так и Карл «Лысый». Энгельберга, вдова покойного монарха, отдавала предпочтение немецкому королю, который в 872 году в Тренте заключил с ней соглашение о том, что его старший сын Карломан должен стать преемником Людвига II; Папа Иоанн VIII, напротив, желал передать престол Карлу Лысому. Когда весть о смерти Людвига II дошла до Рима, папа немедленно отправил посольство к королю Западных франков и пригласил его приехать и быть коронованным императором. С другой стороны, собрание ломбардской знати, на котором присутствовала императрица Энгельберга, высказалось в пользу короля Германии.

Карл Лысый перехитрил своего соперника благодаря быстроте своих действий, поскольку менее чем через четыре недели после того, как он получил известие о смерти императора, он со своей армией стоял на итальянской земле. Но путь в Рим ему преградили сыновья Людвига, поскольку Карл в то время находился в Италии, а Карломан поспешил туда из Баварии с армией. Однако с помощью грубого обмана Карл Лысый сумел обезвредить своих противников; он заключил с Карломаном соглашение, согласно которому оба должны были покинуть Италию, уводя с собой свои армии, а судьба этой страны должна была быть решена по дружественному соглашению между двумя королями. Когда Карломан, полагаясь на этот договор, ушел из Италии, Карл Лысый поспешил в Рим и там получил императорскую корону от папы в обмен на щедрые подарки и обещания. Это неуклюжее мошенничество так разгневало Людвига Немецкого, что он предпринял поход против королевства Западных франков, не с целью завоевания страны, а для того, чтобы заставить своего брата вернуться из Италии и заключить с ним справедливое соглашение. Но старый король сам был вызван домой печальной вестью: его жена Имма, верная спутница на протяжении многих лет, умерла после длительных страданий, и ее смерть погрузила его в глубокую уныние. Тем не менее он решил дождаться возвращения брата, а затем выступить против него со своими сыновьями во главе хорошо вооруженной армии. Но запланированная экспедиция так и не состоялась, поскольку Людвиг умер вскоре после этого, в августе 876 года. Таким образом, важный вопрос о том, должно ли императорское достоинство и суверенитет Италии перейти к королевству Западных франков или к королевству Восточных франков, остался нерешенным.

В ретроспективе общий результат правления Людвига Немецкого можно считать неблагоприятным. В условиях жестоких борьбы он сохранил свои владения практически во всех точках и обеспечил ценное присоединение территорий, оставленных Лотарем II. Кроме того, первое яростное наступление славянских племен на восточную часть Франкской империи было успешно отбито.

СЫНОВЬЯ ЛЮДВИГА НЕМЦА; КАРЛ ТОЛСТЫЙ (876-887 гг. н. э.)

[876-877 гг. н. э.]

После смерти Людвига его три сына совместно взяли на себя управление государством. Карломан считал Баварию своим законным наследием и надеялся завоевать Италию и императорскую корону в придачу. Карл Толстый правил в Швабии, а Людвиг Младший — в северных провинциях королевства. Это трехстороннее разделение было согласовано тремя братьями на встрече в Риссе, но оно едва успело вступить в силу, как последовали нападения внешних врагов и другие серьезные бедствия, которые сменяли друг друга с такой быстротой, что братья были полностью заняты устранением неотложных проблем.

Как только Карл Лысый получил радостную весть о смерти своего брата, он приготовился ограбить своих восточнофранкских племянников; он был полон желания захватить все владения, оставленные Лотарем II, и овладеть промежуточным королевством Лотарингия, а также императорской короной. Хотя его собственная страна в это время страдала от рук норманнов, он повёл свою армию в Лотарингию и занял важные города Кельн и Аахен. Но он ошибся в характере Людвига Младшего, который был одним из последних энергичных потомков могущественного рода Карловингов, храбрым воином и мудрым вождем. Карл позволил Людвигу заманить его в битву на невыгодных условиях в Андернахе и потерпел тяжелое поражение, в результате которого большая часть западнофранкской армии была убита, а многие дворяне были взяты в плен или ограблены, лишившись своих дорогих одежд и драгоценностей. Многие из них были вынуждены вернуться домой даже без оружия, а их трусливый король спасся позорным бегством.

После того как Карл Лысый вернулся в свое королевство, норманнская чума началась заново. Пиратов удалось заставить уйти только путем выплаты огромной суммы денег, которую Карл взимал со всей страны под названием «норманнский налог» (*Normannensteuer*). Вскоре после этого к нему поступил срочный призыв о помощи из Италии от папы, который одновременно страдал от угнетения сарацинов и итальянской знати. Последние находились в постоянной вражде с ним и не уважали даже церкви и освященные сосуды. Карл не был глубоко тронут мольбами папы, но он остро ощущал страх, что какой-нибудь итальянский дворянин может возложить императорскую корону на свою голову, и поэтому, несмотря на отчаянное положение своей страны, он решил предпринять новую военную экспедицию в Италию. Летом 877 года он созвал в Кьери собрание светских и духовных вельмож, чтобы посоветоваться с ними по поводу римской экспедиции. Большинство из них пытались отговорить его от этого, указывая на бедствия, от которых страдало его собственное королевство, но Карл, тем не менее, отправился в Италию во главе армии.

[877-879 гг. н. э.]

Папа Иоанн VIII, который незадолго до этого на синоде в Равенне утвердил избрание Карла императором, поспешил в Павию, чтобы встретиться с ним. Там их встретила тревожная весть о том, что король Карломан поспешно выступил с армией из королевства Восточных франков и уже находился в верхней Италии. Боязливый характер слабого монарха заставил его приветствовать дальнейшие известия, пришедшие из его собственной страны, о том, что дворяне, которых он оставил в королевстве Западных франков, замышляют против него заговор. Он поспешил вернуться в свои владения, не дожидаясь встречи с противником, и папа был вынужден вернуться домой, не достигнув своей цели.

Смерть настигла западнофранкского монарха внезапно, когда он пересекал Альпы. Ходили слухи, что его еврейский лечащий врач Зедекия отравил его порошком, который дал ему как лекарство. Презируемый всеми и не любимый никем, король ушел из жизни в сорок шестом году своего возраста, будучи, по словам его современников, совершенно презренным человеком, а летописец из Фульды [с](#) называет его «трусливым, как заяц».

ЛЮДВИГ МЛАДШИЙ

Карломан тем временем оставался в верхней Италии. Когда до него дошла весть о смерти Карла Лысого, он направил папе письмо с просьбой предоставить ему императорский титул в обмен на обычные обещания. Переговоры по этому вопросу почти завершились, когда среди немецких войск разразилась инфекционная болезнь, жертвой которой стал Карломан.

Армия была вынуждена поспешно отступить через Альпы, унося своего больного короля на носилках. Этот замечательный принц не был обречен на выздоровление. Как и все сыновья Людвига Немецкого, он был склонен к заболеваниям мозга и параличу, унаследованным, вероятно, от их матери Иммы. С этого времени он жил в одном из своих поместий в Эттинге в Баварии. Позже несчастный человек был поражен паралитическим ударом, лишившим его способности говорить и двигаться. Он умер осенью 880 года, после трех лет страданий в состоянии, которое лишило его возможности выполнять какие-либо правительственные функции. В браке у него не было детей, но у него был внебрачный сын, рожденный от связи с дамой высокого ранга, которой он во время своей болезни передал марку Каринтии. Все его современники сходятся во мнении, что Карломан был принцем великой доблести и исключительных способностей, а угасание его сил в расцвете лет было большим несчастьем для империи.

ЗАПАДНЫЙ ФРАНК

С 877 года Людвиг Младший, второй сын Людвига Немецкого, правил практически в одиночку, проявив большую энергию и мудрость. Сначала он достиг хорошего взаимопонимания с королевством Западных франков, где на престол взошел сын Карла Лысого, Людовик Заика. Слабое здоровье последнего не позволяло ему лично вести войну, и поэтому он стремился договориться с восточным королевством. С этой целью он встретился с Людвигом Младшим в Фуроне на севере Лотарингии и в ходе беседы в этом месте ратифицировал договор, заключенный с королем восточных франков в Мерсене в 870 году, и отказался от всех притязаний на императорский титул. Почти сразу после этого король Западных франков заболел тяжелой болезнью, от которой умер в следующем году, оставив наследниками своего королевства двух несовершеннолетних сыновей. Поэтому амбициозный король Людвиг Младший с готовностью пришел к мысли завоевать для себя австразийскую корону и таким образом вновь объединить все владения Карла Великого под своим скипетром. Та же идея пришла в голову многим западнофранкским дворянам. Влиятельный аббат Гаузлин из Сен-Жермен и граф Конрад из Парижа пытались убедить своих соотечественников, что Людвиг Младший, чьи подвиги в битве при Андернахе все еще

живы в памяти, должен быть избран королем. Большое число дворян, придя на совете к такому решению, послали гонцов, чтобы пригласить Людвига вступить во владение страной. Он ответил, войдя в нее во главе армии, но не сумел завоевать расположение народа, поскольку позволил своим солдатам грабить так же безжалостно, как это делали норманны. Среди аустразийских дворян была еще одна партия, которая желала сохранить корону Западного королевства () за сыновьями Людовика Заика. Поэтому они предложили Людвигу Младшему компенсацию в виде западной части Лотарингии, которая по договору в Мерсене досталась Западному королевству. Он согласился на это соглашение, и корона была совместно передана Людовику и Карломану, сыновьям Людовика Заика. Но бедствия западного королевства только начинались. Бозон, амбициозный граф Прованса, зять императора Людовика II, поднял восстание и провозгласил свое графство независимым королевством, в результате чего монархия лишилась важной части своих владений. И, как будто этого было мало, норманны возобновили свои пиратские набеги.

[879-882 гг. н. э.]

После заключения договора Людвиг Младший отправился в Баварию, чтобы обеспечить наследство своего брата, который, хотя и был смертельно болен, но все еще был жив; он лишил бессильного правителя его владений, оставив ему только поместья. Вернувшись из Баварии в западную часть своего королевства, он вновь задумал завоевать соседнее государство, с которым только что заключил договор. Он вторгся в страну и повсюду наткнулся на следы разорения, причиненного норвежцами. Даже местная знать держалась от него в стороне, и он понял, что сейчас не время для Франкской империи раздирать себя братоубийственной борьбой, а все ее объединенные силы должны быть направлены на изгнание пиратов из своих границ. По этой причине, когда он столкнулся с армией Западной Франкии, он не вступил в сражение, а заявил о своей готовности возобновить мир. В 880 году был заключен новый договор, по которому Людвиг вновь отказался от своих притязаний на западное королевство в обмен на уступку некоторых приграничных районов в Лотарингии. По этому соглашению четыре епископства Лотарингии — Льеж, Камбре, Туль и Верден — перешли к восточному королевству. Граница теперь начиналась от Шельды, оттуда проходила до Мааса, где эта река вытекает из Арденн, затем широким изгибом направлялась на запад, проходя примерно на полпути между Маасом и Марной, и, наконец, поворачивала к южной оконечности Эльзаса. По этому договору вся Лотарингия перешла к Германии, и ее господство было таким образом обеспечено на долгое время.

Людвиг Младший незамедлительно приступил к избавлению своей территории от северных пиратов. Последние обосновались в устье Шельды, где построили крепкие укрепления, за которыми они обычно укрывали свои корабли, пока грабили страну. Годфрид, король датчан, в то время возвращался к своим кораблям, груженным богатыми трофеями, добытыми в результате набега на внутренние районы. Людвиг настиг грабительскую орду на марше и нанес ей такое тяжелое поражение, что пять тысяч врагов остались на поле боя, а остальные бежали.

Когда король возвращался с места своей победы, его встретили известия о бедствии, которые погрузили его в глубокую скорбь. Саксонский отряд (Heerbann) потерпел поражение от неожиданного нападения северян. Последние атаковали район Эльбы, недалеко от Гамбурга (). Саксонский отряд поспешил туда, но был рассеян неожиданно высоким приливом и оказался в окружении между рукавами реки, где стал беззащитной жертвой норманнов, атаковавших его со всех сторон со своих кораблей. Бруно, командир и шурина короля, был убит вместе со многими епископами и графами, а многие дворяне были увезены в плен.

С этого времени король, когда-то столь энергичный, постепенно поддался болезни, которой подвергся его брат Карломан. В течение двух лет он был вынужден беспомощно наблюдать за бедствиями своей страны из своего дворца в Гюннгау (), прикованный к постели параличом и неспособный возглавить армию. Он прожил до 882 года. Он был женат на Лютгарде, дочери Людольфа, графа Саксонии, от которой, по утверждению королевского дома Саксонии, происходит его род. Его сын, которого он предназначил своим преемником, в 879 году выпал из окна в Ратисбоне и сломал шею. Незаконнорожденный сын по имени Хьюго уже погиб в битве с норманнами на Шельде.

РАЗРУШЕНИЯ СЕВЕРЯН

Людвиг Младший

[880-882 гг. н. э.]

В течение двух лет, когда Людвиг Младший медленно угасал, королевство стало местом настоящего горя. Можно было ожидать, что Карл Толстый, третий сын Людвига Немецкого, возьмет на себя управление королевством, но, в отличие от своих энергичных братьев, он был слабоумен и с юности страдал эпилепсией. Пока его брат был жив, он занимался исключительно делами Швабии и Италии, так что в течение двух лет Германия практически оставалась без правителя. Состояние королевства соответствовало этому недостатку. Северяне вернулись к Шельде и устью Рейна и оттуда совершали грабительские набеги, направленные в основном против Австрийского королевства, но иногда затрагивавшие и германскую территорию. Вскоре после этого они поднялись по Ваалу с большим флотом, дошли до Ксантена и продолжили свой путь, чтобы обосноваться в Нимвегене, имперской резиденции Карла Великого. Это побудило больного короля Людвига поспешить с армией к Рейну, но, не имея возможности изгнать захватчиков силой оружия, он был вынужден дать им разрешение на беспрепятственное отступление, и во время отступления они подожгли замок Карла Великого. Только часть норвежского войска осталась на зиму, другая часть захватила побережье Западного Франкского королевства и, сея ужасающие разрушения по всей стране. Весной 881 года полчища норманнов снова появились. На этот раз их грабежи ограничились в основном районами вокруг Шельды и Соммы. И вот снова больной король Германии появился на сцене с отрядом своей армии и договорился о встрече с Людовиком, королем Западных франков, чтобы посоветоваться с ним о совместной обороне против норманнов, поскольку несчастный человек был неспособен командовать своей армией на

поле боя. Вид ужасов, совершаемых норманнами, так возмутил воинов Западной Франкии и их молодого короля, что они бросились на грабительские орды и одержали блестящую победу при Сокуре на Сомме в 881 году. Радость от этого счастливого события вдохновила современного писателя, несомненно, священнослужителя, на создание знаменитой «*Песни о Людовике*», благородного памятника древней немецкой поэзии. Северяне покинули территорию Западных франков, но только для того, чтобы немедленно подняться по Маасу и продолжить свои грабежи на восточно-франкской земле, где болезнь короля не давала им повода для опасений. В Элслоо, недалеко от Маастрихта, вблизи королевского дворца, они построили большой лагерь для защиты своих кораблей и оттуда под руководством своих вождей-королей (*heerkönige*) Годефрида и Зигфрида совершали набеги на города Рейна, которые до сих пор были для них неизведанной территорией. Кёльн и Бонн были сожжены, Аахен опустошен, дворец Карла Великого там подожжен, а знаменитая *Мариенкирхе* превращена в конюшню; аббатства Мальмеди, Стабло и Прюм затем попали в их руки и были ограблены всех своих сокровищ. Везде, где появлялись северяне, они поджигали дома и убивали жителей. Сельские жители часто собирались в отряды для самообороны, но, как правило, они были окружены опытными воинами северян, которые наслаждались мучениями, в которых гибли их жертвы. Пораженный зрелищем такого страдания, больной король послал армию к Маасу, но весть о его смерти догнала ее, и она вскоре повернула назад.

[882-884 гг. н. э.]

В следующем году, 882 году, норманны опустошили район вдоль Мозеля. Немецкий король, которого они боялись, был уже мертв, и поэтому они беззаботно предались грабежам. Вскоре весь регион между Маасом, Мозелем и Рейном превратился в место разрушений и черных руин; города Трир и Мец были уничтожены огнем. Архиепископ Трира и епископ Меца вместе с несколькими соседними дворянами собрали небольшую армию, но они были разгромлены, а сам епископ Меца пал в битве. Несчастные жители страны в отчаянии обратились к Людовику, молодому королю Западных франков и победителю при Сокуре, и заявили о своей готовности избрать его своим королем. Он отклонил это предложение, сославшись на существующие договоры, но, движимый состраданием, послал армию, чтобы изгнать норманнов. Никогда прежде Германия не переживала таких тяжелых времен.

Во время смерти Людовика его наследник Карл Толстый находился в Италии, где он провел большую часть времени в период безмерных бедствий, опустошивших его страну. Папа Иоанн VIII, который в других обстоятельствах не был другом немецкой ветви Каролингов, пригласил его туда, потому что он был единственным князем, который, как носитель императорской короны, мог гарантировать хотя бы возможность защиты церкви. После затяжных переговоров об условиях, на которых он должен был получить корону, касавшихся в основном давно заявленной папской территории и определенных суверенных прав на нее, Карл Толстый был коронован императором в Риме в феврале 881 года. Но папа, который был настолько измучен ссорами между дворянами и близостью сарацин, что его жизнь была в опасности, оказался в не лучшем положении, чем раньше, потому что, несмотря на все его настоятельные призывы, Карл Толстый остался в верхней Италии и не сделал никаких приготовлений для приезда в Рим. Папа Иоанн VIII скоро после этого встретил свою смерть, будучи убит в Риме в 882 году.⁴

ЧАРЛЬЗ ТОЛСТЫЙ (882-887 гг. н. э.)

Карл Толстый [или Тучный], младший сын Людвига Немецкого, унаследовал в 882 году, после смерти своего бездетного брата Людвига Младшего, все германские и лотарингские территории, за исключением Бургундии; а в 884 году — также Францию, которая по праву принадлежала Карлу Простому, чьи два старших брата были мертвы, но который был рожден в браке, объявленном папой незаконным, и из-за своей слабоумия был признан самими французами неспособным унаследовать трон. Карл Толстый легко завладел страной и вскоре воссоединил Францию с Германией, в чем ему очень помог папа, которому он тайно сделал большие уступки, чтобы быть признанным им законным наследником короны.

Карл Толстый был добродушным и ленивым человеком. Свой любимый проект — восстановление империи в том виде, в каком она существовала при Карле Великом — он стремился реализовать с помощью взяток и обещаний, мирных договоров и других сделок, что вполне соответствовало его характеру, в котором он всегда без колебаний жертвовал честью ради интересов. Он полагал, что те же средства, которые принесли успех в отношениях с папой, окажутся столь же успешными в отношениях с норманнами, которые после смерти Людвига Младшего возобновили свои грабежи под предводительством Годефрида и опустошили земли по Рейну. Дворец Карла Великого в Аахене был превращен ими в конюшню. Епископ Вала пал, храбро сражаясь во главе неравных сил перед воротами Меца. Города на берегах Рейна были сожжены дотла, а вся страна между Льежем, Кельном и Майнцем была опустошена. Наконец, Зигфрид, брат Годефрида, был убежден отозвать свои грабительские орды в обмен на две тысячи фунтов золота и дополнительную сумму в двенадцать тысяч фунтов серебра (для оплаты которой Карл Толстый конфисковал все сокровища церквей) и согласился на перемирие на двенадцать лет. Кроме того, Годефрид был официально наделен Фрисландией в качестве феода империи. Однако, несмотря на эти условия, северяне продолжили свои грабежи, продвинулись до Мозеля и разрушили город Трир, но были внезапно атакованы в Арденнском лесу угольщиками и крестьянами, и десять тысяч из них были убиты [883 г. н. э.]. Карл теперь стремился избавиться от своего проблемного вассала во Фрисландии, и маркграф Генрих, который охранял границу в Граффельде от сербов, брат Поппо, герцог Тюрингии, доверенное лицо императора, пригласил Годефрида на встречу, на которой он вероломно убил его. Зять Годефрида, бастард Уго, также был взят в плен и лишен зрения. Эти акты насилия и измены были совершены, как только северяне, пылающие местью, устремились, как поток, по стране и опустошили ее со всех сторон, прорываясь огромными ордами вверх по Рейну, Маасу и Сене. На Рейне им противостоял Адальберт из рода Бабенбергов (Бамберг).^е

Осенью 885 года большой норвежский флот, состоящий из больших и малых кораблей, почти бесчисленных, и перевозящий армию от тридцати до сорока тысяч человек, поднялся по Сене до Парижа, даже тогда процветающего города. Под руководством епископа Гаузлима и графа Эда Парижского жители поспешно отремонтировали старые укрепления и собрали небольшую армию из нескольких сотен человек, которая была введена в город для его защиты. Норманны разбили лагерь вокруг Парижа и в ноябре 885 года предприняли первую попытку штурмовать город, проведя двухдневную ожесточенную атаку. Норманны были вынуждены отступить, чтобы собрать в окрестностях дерево для строительства новых осадных орудий. В январе 886 года они предприняли новую атаку, которая длилась три дня, но снова были отбиты гарнизоном. Осада продолжалась до лета 886 года. Осажденные оказались в еще более отчаянном положении из-за наводнения, которое разрушило мост через Сену и привело к тому, что крепкая башня, расположенная на другом берегу, попала в руки норманнов. После этого граф Эд пробрался через кордон врага, чтобы умолять

императора о помощи. До этого Карл спокойно оставлял город на произвол судьбы, но теперь он созвал сейм и объявил о большом наступлении на Париж (). Когда в августе 886 года могучая армия двинулась на Париж, все ожидали, что там под глазом императора состоится великая битва. Однако Карл предпочел выкупить отступление врага. Договор, который он заключил с норманнами, был оскорблением для былой мощи Франции. Враг заявил, что не может отступить в зимний период, и поэтому он отдал им Бургундию для зимних квартир и обязался выплатить им семьсот фунтов золотом следующей весной. И тогда великая германская армия отправилась домой, не нанеся ни одного удара. Этот акт позорной трусости возмутил армию и народ и лишил Карла последних остатков его репутации. Более того, среди народа ходили всевозможные злые слухи о нем. Говорили, что с помощью папы он намеревался узаконить своего внебрачного сына Бернарда и обеспечить ему престолонаследие.⁴

На востоке он также позволил славянам завоевать территории и не поддержал своего племянника Арнульфа, который с трудом защищался от Суатоплука, продолжавшего расширять свои владения; в то же время сыновья старых маркграфов Энгельшалка и Вильгельма объявили друг другу войну, и Арибо, сын первого, перешел на сторону моравцев. Суатоплук одержал победу на Дунае и опустошил страну, пока Карл не появился лично, чтобы просить о мире, который был заключен в 884 году на Тульнерфельде. Этот монарх проявил себя слабым и презренным как в частной, так и в общественной жизни, возбудив скандальный процесс против своей жены Рикардис, которую он обвинил в прелюбодеянии с его канцлером, епископом Линтвардом, и которая доказала свою невиновность испытанием, пройдя неврежденной через огонь в восковом платье.

Великие вассалы империи, некоторые из которых видели в падении правителя, которого они справедливо презирали, падение династии Карловингов и свое собственное возвышение, в то время как другие были под влиянием своей неприязни к договорам, заключенным с иностранными державами, папой и северными народами, а также стремлением возместить ущерб, нанесенный национальной чести, созвали великий сейм в Трибуре в долине Рейна и лишили Карла короны (887 г. н. э.), после чего он прожил еще только один год.

АРНУЛЬФ (887-899 гг. н. э.)

КАРЛ ПРОСТОЙ

(Из французской гравюры 1832 года)

[887-892 гг. н. э.]

Антикаролингианская партия частично добилась успеха. Французы выбрали Эда, графа Парижа, в качестве преемника короны, в то время как нижние бургунды в Нижней Рона (Арль) избрали Бозона, сына Людвига (), а верхние бургунды в Западных Альпах — графа Рудольфа, потомка Вельфи. В Италии герцоги Гвидо Сполетский и Беренгар Фриульский стали настолько независимыми, что даже выдвинули свои кандидатуры на императорскую корону, пользуясь поддержкой папы. Только немцы остались верны династии Карловингов и избрали, исключив еще живого Карла Простодушного, Арнульфа, молодого и энергичного, но незаконнорожденного сына Карломана, брата Карла Толстого, который прославился как герцог Баварии в борьбе со славянами. Уважение к нему было настолько велико, что Эudes прибыл в Вормс, чтобы принести ему дань уважения как императору, и Арнульф остался доволен этой церемонией, поскольку северяне и славяне не давали ему возможности вернуть своих мятежных подданных к верности.

Сразу же вспыхнули новые военные действия со стороны норманнов, которые вторглись в Лотарингию и после кровопролитного сражения разгромили германцев под Маастрихтом, где пал архиепископ Майнца, выступивший против них во главе своих вассалов. Арнульф теперь лично вышел на поле боя, и произошла ужасная битва под Лионом, где разбили лагерь северяне. Арнульф, видя, что немецкая кавалерия не в силах справиться с норвежскими пехотинцами, которые сражались с невиданной ловкостью, первым спрыгнул с седла; все дворяне арьергарда последовали его примеру, и сражение превратилось в густую схватку, в которой бойцы сражались врукопашную. Победа осталась за германцами. Зигфрид и Годафрид пали на поле битвы вместе с несколькими тысячами своих последователей, тела которых также заблокировали течение реки Дайл, через которую они пытались бежать. Арнольф, в благодарность за это избавление, совершил великое паломничество и постановил, что этот день, день святого Гильгентага, 1 сентября, должен

отмечаться как ежегодный праздник . Северяне, охваченные паникой от этой страшной катастрофы, отныне избегали Рейна, но гораздо чаще совершали набеги на запад Франции.

Арнульф также был вынужден вести новые сражения со славянами; аводриты пересекли границы и опустошили страну. Лояльность Поппо и дома Бабенбергов, которые были в тесном союзе с Карлом Толстым и теперь оказались в заброшенном состоянии, стала более чем сомнительной, и Арнульф был вынужден отстранить первого от управления. Энгельшалк Младший также оказался неверным, соблазнил одну из дочерей Арнульфа, а затем укрылся в Моравии. Впоследствии он был помилован и назначен охранять австрийскую границу.

Чтобы защитить восточную границу своей империи, Арнульф заключил мир и союз с Суатоплуком, князем Моравии, который был христианином, в надежде, что создание великого христианского славянского королевства в конечном итоге станет эффективным оплотом против вторжений их языческих братьев в этой местности. Славяне-махараны или моравцы были обращены в христианство святыми Кириллом и Мефодием, которые посетили их из Греции. Боруей, князь Богемии, также был убежден Суатоплуком принять крещение, но его языческие подданные изгнали его с трона, и он (вместе со своей женой, святой Людмилой) поместил себя под защиту Суатоплука и Арнульфа. Арнульф передал Суатоплуку Богемию в феодальное владение и неограниченную власть на восточной границе. В знак дружбы Суатоплук стал крестным отцом сына Арнульфа, которому дал свое имя, Суатоплук, или Цвентибольд; однако их дружба оказалась недолгой. Моравский князь, понимая, что не сможет удержать свою власть над славянами, пока сохраняет дружеские отношения с Германией, поддался национальной ненависти, одновременно дав императору новые заверения в дружбе (892 г. н. э.) (). Его планы поддерживал и большой заговор среди немцев. Неблагодарный Энгельшалк снова замыслил измену, в которой его поддержала Хильдегарда, дева-дочь Людовика Немецкого, последнего из законных потомков Карла Великого, в то время как итальянцы, опасавшиеся угрозы присутствия Арнульфа в их стране, не замедлили в своих попытках поднять моравца на открытое восстание. Однако Арнульф раскрыл заговор, лишил Энгельшалка зрения и заключил Хильдегарду в тюрьму в Кимзее, но впоследствии вернул ей свободу.

[892-894 гг. н. э.]

Неожиданный союзник пришел на помощь Арнульфу в борьбе против Суатоплука. В тот период в древней Паннонии, сначала заселенной лангобардами, а позднее аварами, появился народ, называвший себя на своем языке мадьярами, или венграми (чужаками), от которых страна и получила свое название, или гуннами, как их в то время называли германцы, которые воображали, что вновь увидели в них гуннов прежних времен. Они были язычниками, дикими и жестокими по своим привычкам, и необыкновенными всадниками. Лев, греческий император, призвал их на помощь против болгар, и они сначала поселились под руководством семи вождей (среди которых самым выдающимся был некто по имени Арпад), каждый из которых построил крепость или *бург* в стране, известной с тех пор как *Siebenburgen*, но вскоре после этого они повернули на запад и угрожали Моравии. Арнульф заключил с ними союз, но никогда, как его обвиняли, не приглашал их в Германию, а Суатоплук, чувствуя давление с обеих сторон, с радостью остался в мире (894 г. н. э.).

АРНУЛЬФ ВХОДИТ В ИТАЛИЮ

В Италии Гвидо Сполетский одержал победу над Беренгаром Фриульским и в 891 году был коронован императором папой Стефаном V. Он умер в 894 году, и его сын Ламберт также получил императорскую корону от папы Формоза. Арнульф был признан императором на всей территории севера, но, не будучи помазанным или коронованным папой, его право могло быть оспорено Гвидо, и, будучи умоленным как Беренгаром, так и Формозом, который подвергался насмешкам со стороны дерзкого сполетского, он решил во главе мощной армии вторгнуться в Италию. Его обвиняли в том, что он покинул Германию, которая в тот период не была полностью умиротворена, и подверг себя и свою армию жаркому климату и болезням Италии, а также вероломству жителей, которые легко могли бы обернуться против них самих и никогда не могли бы угрожать ему на этой стороне Альп. Визит Арнульфа в Италию, первое так называемое паломничество в Рим, которое было предпринято с двойной целью — провести церемонию императорской коронации и принять клятву верности от своих мятежных вассалов, — считается несчастьем, потому что с этого периода визиты в Рим стали обычным явлением и всегда оказывались губительными для империи. Но судить следует с учетом разницы во временах и обстоятельствах. В то время союз между народами Ломбардии и Рима не был столь тесным, как в более поздний период; итальянские национальные интересы еще не противостояли интересам Германии; итальянцы не были подвержены желанию отделиться от империи, как в более поздние времена, а скорее были склонны отстаивать свои права над ней. Гвидо, который был связан с Каролингами, попытался использовать в своих интересах разрыв, произошедший между северными народами, и присвоил себе титул императора; и, с точки зрения этих обстоятельств, визит Арнульфа в Италию представляется оправданным. С другой стороны, визиты в Рим, предпринятые позднее, были неоправданны во всех отношениях, поскольку, как будет показано ниже, они навязывали Ломбардии и Риму, союз которых постепенно укреплялся, иностранного правителя, а их превращение в независимое государство, на которое они имели право в силу своего географического положения и сходства в языке и нравах, постоянно препятствовали новым вторжениям.

[894-914 гг. н. э.]

Арнульф пересек Альпы в 894 году н. э. Амвросий, граф Ломбардии, закрыл перед ним ворота Бергамо, но он взял город штурмом и повесил своего неверного вассала у ворот. Его дальнейшему продвижению помешала измена французского короля Эудеса, который

воспользовался его отсутствием, чтобы вооружиться против него, в то время как Рудольф из Верхней Бургундии фактически выступил на помощь сполетцам, и Арнульф был таким образом вынужден с неохотой повернуть назад. В 896 году он предпринял вторую экспедицию через Альпы и продвинулся в Тоскану, где его дружелюбно приняли Адальберт, неверный маркграф,^[142] и Беренгар, которые, как только поняли, что их надежды подчинить его своим интересам и легко обмануть его не оправдались, приняли угрожающую позицию. Арнульф, не смущаясь опасностями, которые его окружали, немедленно двинулся на Рим, ворота которого были закрыты для него сполетцами, которые успешно отразили все атаки на стены, и император был на грани отступления, когда его солдаты, разъяренные сарказмом итальянцев, укрепившихся на стенах, яростно бросились в атаку и взяли город штурмом. Сторонники Ламберта бежали, и спасенный папа возложил императорскую корону на голову Арнульфа.^{—e} Но Германия, раздробленная и беспомощная, не была в состоянии сохранить свою власть над южными землями; Арнульф поспешно отступил, оставив Рим и Италию на шестьдесят лет бурной независимости. Арнульф умер в 899 году в Эттингене и был похоронен в Ратисбоне.^a

После отступления Арнульфа Ламберт восстановил суверенитет Италии и вновь подчинил себе Беренгара и Адальберта.^[143] Он был убит в 898 году, и его сторонники пригласили в Италию Людвига, сына Бозона. Этот принц был каролингом, внуком Людвига II, и в то время правил Бургундией. Берта, амбициозная жена Адальберта, проживавшая в Лукке и чья гордость не могла смириться с мыслью, что ее сын Хьюго был всего лишь графом Арля и вассалом Людвига, замыслила его уничтожение. Чтобы успокоить его подозрения, она оказала ему дружеский прием, но, как только увидела, что он полностью в ее власти, предала его Беренгару, который лишил его зрения (905 г. н. э.). Хьюго затем стал правителем Нижней Бургундии (Арелат), а после убийства Беренгара (925 г.) был поставлен своей матерью на престол Италии. Эта страна, казалось, была обречена на то, чтобы ею правили женщины; после смерти Берты богатая римлянка по имени Феодора захватила бразды правления, возродила древний дух язычества и втянула всех в свою развратную жизнь. Одного из своих любовников она сделала папой под именем Иоанна X. Ее дочь Марозия, превосходившая свою мать в развратности, вышла замуж сначала за одного из сыновей Берты, Гвидо, а затем за другого, короля Уго, с которым она жила в крайней распущенности. Она держала любовников, а он — гарем любовниц, которым давал имена различных языческих богинь. Ее сын Октавиан, ставший папой под именем Иоанн XI, умер внезапно, и Уго был изгнан со своего трона (946 г. н. э.) своим пасынком Альбериком, сыном Гвидо и Марозии, который сделал Рим своей резиденцией, в то время как внук Беренгара, Беренгар II, правил в верхней Италии. Бывшее наследство Уго, Арелат или Нижняя Бургундия, было объединено с Верхней Бургундией под властью Рудольфа II, и даже его итальянское королевство казалось навсегда утраченным для его оставшегося сына Лотаря, чья жена, прекрасная Адельхайда, была предназначена решить судьбу Италии.

ФЕОДАЛЬНАЯ ВОЙНА БАБЕНБЕРГОВ

[895-946 гг. н. э.]

Арнульф при жизни посадил своего сына Звентибольда на трон Лотарингии, чтобы тот защищал границы империи от норманнов. Этот молодой принц заключил союз с Эдом Парижским, на чью дочь он женился, и своей дерзостью навлек на себя неприязнь духовенства. Его плохое обращение с Ратодом, архиепископом Трира, также сделало его непопулярным среди простого народа. В Лотарингии вспыхнуло восстание, и он потерял и корону, и жизнь в сражении, которое произошло на Маасе (900 г. н. э.). Правление Эудеса во

Франции также было недолгим. Карл Простой был смещен с трона епископами и вассалами, которые нашли выгоду в слабоумии своего монарха. Карл сделал Регингара герцогом Лотарингии и был вынужден признать Ролло, герцога Нормандии.

В Германии великие вассалы, а также епископы узурпировали управление делами. Людвиг, второй сын Арнульфа, прозванный Ребенком, поскольку в то время ему было всего семь лет, был возведен на императорский трон благодаря интригам Оттона, герцога Саксонского, и Хатто, архиепископа Майнца (Mayence), которые стремились править от его имени. Власть епископов стала чрезмерной без помощи пап, чье развратное поведение в этот период угрожало церкви. Хатто, человек смелый и хитрый, беспринципный и жестокий, обладал неограниченной властью во Франции и южной Германии, где его поддерживал Отто, стремившийся укрепить свою власть в Саксонии и возвеличить свой род с помощью церкви. Адальберт, противник северян, Генрих и Адельхарт, сыновья Генриха Бабенбергского, почувствовав себя пренебрегаемыми и подвергаясь давлению с севера со стороны саксов, а с запада со стороны епископов, выступили в оппозицию. Рудольф, епископ Вюрцбурга, поддерживаемый Хатто, получив значительное феодальное владение для своей семьи благодаря злоупотреблению своей духовной властью, Адальберт прибег к оружию, после чего Хатто, вероятно, пользуясь давней ненавистью остальных вассалов к дому Бабенбергов, добился его изгнания из империи.

Генрих был убит, а Адельхарт взят в плен и казнен. Адальберт, тем временем, оказал энергичное сопротивление и убил графа Конрада, брата епископа Рудольфа, но вскоре был осажден в своей крепости в Бамберге. Хатто, видя, что другие средства бесполезны, вероломно предложил ему свое посредничество и пообещал ему свободное и безопасное возвращение в его крепость, если он явится перед собравшимся сеймом. Доверившись слову коварного священника, граф вышел из своей крепости, у подножия которой его встретил Хатто, который самым дружелюбным образом предложил им позавтракать вместе в крепости, прежде чем отправляться в путь. Граф согласился, и вернулся с ним в крепость; затем он сопровождал его на сейм, где Хатто заявил, что он освобождается от своего обещания, поскольку вернул графа невредимым в его крепость для завтрака, и теперь он свободен действовать так, как считает нужным. Собравшиеся вассалы единодушно приговорили Адальберта к смерти, и он был обезглавлен. Конрад, племянник епископа Рудольфа, был провозглашен герцогом Франконии. Эта семья епископа Вюрцбурга носила фамилию Ротенбургеры, от Ротенбурга на Таубере; их потомки в более поздний период приобрели гораздо большую известность под именем Залиеров.

Однако вероломная политика епископа Хатто произвела глубокое впечатление на умы простого народа, среди которого верность все еще ценилась выше, чем священная голова церковника, и историки рассказывают, что, в то время как герцоги закрывали глаза на поведение епископа и уступали вспышке народного недовольства, имя Хатто и память о его позоре проклинали и высмеивали в народных балладах по всей Германии. Его имя олицетворяло идею иерархической жажды власти и алчности, отсюда и возникла легенда, в которой рассказывается о его жалкой смерти. Говорят, что во время голода несколько крестьян, пришедших к епископу и просивших хлеба, по его приказу были заперты в большом сарае и сожжены заживо. Из руин высыпали мириады мышей, которые без усталости преследовали несчастного епископа, который тщетно пытался ускользнуть от них и, в конце концов, доведенный до отчаяния, бежал в поисках спасения в крепкую башню, стоящую посреди Рейна недалеко от Бинген, но и здесь мыши продолжили преследование, переплыли воду и пожрали его. Башня стоит до сих пор и в настоящее время известна как Mäuseturm, или «мышьяная башня» (). Этот пример является явным доказательством того, что народные легенды были основаны на фактах и ясно отражают дух той эпохи. ⁴

ВЕНГЕРСКИЕ ВТОРЖЕНИЯ

[900-908 гг. н. э.]

Именно в это время произошло второе великое вторжение азиатов в Тевтонию. Гунны Аттилы не были более жестокими и победоносными, чем дикие мадьяры, которые унаследовали «бич Божий» и захватили Венгрию. Это второе вторжение, произошедшее в то время, когда северяне захватывали Западную Францию и по-прежнему представляли угрозу для северных побережий, повлияло на историю Германии и Европы в такой степени, которую мало кто замечает, не интересуясь туманными истоками современного общества. Как мы увидим, именно эта вторая великая волна варварского вторжения заставила свободных немцев, живших в сельской местности, подчиниться суровой дисциплине феодализма и защитным ограничениям городских стен. В этом свете темная страница истории, которая перед нами, становится яркой и значимой.

Великое венгерское, а точнее, мадьярское движение началось в первом году X века, после распада Моравского королевства.^a Венгры постоянно совершали новые завоевания вдоль Дуная. Однако один из их вождей, Куссал, был разгромлен в двух великих сражениях на Эннсе и под Венецией и остался на поле боя (900 г. н. э.). Не смутившись этими поражениями, венгры атаковали Каринтийские Альпы, в то время как аводриты под командованием Крито вторглись в Саксонию; но, снова потерпев поражение, они вторглись в Италию и опустошили эту страну (902 г. н. э.). В третий раз они появились в таком количестве, что Лютпольд, сын Эрнста, бывшего маркграфа, был разгромлен и убит под Пресбургом, а Людвиг, присутствовавший в этой битве, едва избежал плена. Затем они вторглись в Тюрингию () (908 г. н. э.), где новый маркграф Буркхард, после отважной обороны, также пал. В следующем году (909 г. н. э.) они вторглись во Франконию, где маркграф Гебхард тщетно пытался остановить их продвижение и был убит. Смерть этих лидеров сразу же доказывает упорное сопротивление немцев и численное превосходство врага.

[908-911 гг. н. э.]

Венгерский воин был неотразим в ярости своего наступления, непобедим в бою благодаря своему презрению к смерти, неутомим в преследовании или защищен от него благодаря быстрой скорости своего коня. Его кровожадность, бесчеловечное обращение с безоружными и беспомощными, разрушительные и грабительские привычки удивляли и пугали более мягких немцев, которые рассматривали его как злого духа, так же как готы ранее рассматривали гуннов, пока не привыкли к ним. Внезапность, с которой эти конные орды появлялись в центре страны и снова исчезали, значительно укрепила веру в их сверхъестественные силы. Они также действовали с своего рода религиозным фанатизмом, исходя из веры, что каждый убитый ими враг станет их вассалом в будущей жизни. Они были настолько кровожадны, что использовали трупы своих противников в качестве столов во время своих диких пиров. Они связывали плененных женщин и девушек их собственными длинными волосами и гнали их стадами в Венгрию.

Людвиг-ребенок, потрясенный этими повторяющимися бедствиями, заключил с этим народом мирный договор и согласился платить им десятилетнюю дань. Река Энс была объявлена границей Венгрии, и дикие арпады построили свой королевский замок на красивой горе Эрцберг () на Дунае, на которой сейчас стоит великолепный монастырь Мёльк. Немцы глубоко осознавали позор, который на них обрушился из-за этой бесчестной дани, опасность внутренних распрей и несчастье, связанное с тем, что ими правил такой бессильный монарх. С амвона даже публично проповедовали: «Горе земле, чей царь —

ребенок!». Юный монарх умер (911 г. н. э.), даже не успев вступить на престол, и с ним закончилась династия Карла Великого в Германии.

КОНРАД ПЕРВЫЙ (911-918 гг. н. э.)

[911-912 гг. н. э.]

Прекращение династии Карлингов не разорвало узы союза, существовавшие между различными народами Германии, хотя между ними возник спор по поводу избрания нового императора, и каждый из них претендовал на эту привилегию для себя; а поскольку рост герцогской власти естественным образом привел к более широкому различию между ними, созванный для этой цели сейм представлял народы, а не сословия. В результате было четыре народа и четыре голоса: франки под руководством герцога Конрада, чья власть, тем не менее, не могла соперничать с властью ныне почтенного Хатто, архиепископа Майнца, которого в тот период можно было назвать папой в Германии; саксы, фризляндцы, тюринги и некоторые покоренные славяне под руководством герцога Отто; швабы со Швейцарией и Эльзасом под руководством различных графов, которые, как непосредственные чиновники короны, назывались *Kammerboten*, чтобы отличать их от графов, назначаемых герцогами; баварцы с тирольцами и некоторыми покоренными восточными славянами под руководством герцога Арнульфа Злого, сына храброго герцога Лютпольда. Лотаринги (народ Лотарингии) составляли пятую нацию под руководством своего герцога Регингара, но в тот период были включены в состав Франции.

Первым импульсом сейма было присвоение короны самому могущественному из различных соперников, и она была соответственно предложена Оттону Саксонскому, который не только обладал самой обширной территорией и самыми воинственными подданными, но и чья власть, унаследованная от отца и деда, была также наиболее прочно закреплена. Но и Отто, и его давний союзник, епископ Хатто, считали, что система, которой они до сих пор следовали, то есть правление от имени слабоумного монарха, настолько способствовала их интересам, что они не были склонны от нее отказываться. Отто был человеком, который принимал за мудрость благоразумие, внушенное частными интересами, и его ум, узкий, как границы его герцогства, и сосредоточенный исключительно на интересах своей семьи, был неспособен к всеобъемлющему взгляду, необходимому германскому императору, и безразличен к благосостоянию большей части нации. Примеры Бозона, Эда, Рудольфа Верхней Бургундии и Беренгара, которые, пользуясь различиями в происхождении народа, которым они правили, сумели отделиться от империи, всегда были в его воображении, и он верил, что, поскольку по другую сторону Рейна франки, , бургунды и лангобарды подчинялись независимым правителям, то восточные франки, саксы, швабы и баварцы по эту сторону Рейна также стремились к подобной независимости, и что было бы легче и менее рискованно основать наследственное герцогство в мощном и отдельном государстве, чем поддерживать имперское достоинство, подрываемое всеобщей враждебностью.

Конрад I

(Из старинной гравюры)

Влияние Хатто и согласие Оттона поместили Конрада, герцога Франконии, на императорский трон. Происходя из недавно возникшей семьи, будучи простой марионеткой епископа, его дворянство как феодального господина датировалось только периодом феодальной войны Бабенбергов, он считался церковью податливым инструментом, а герцогами — малоопасным. Его слабость быстро проявилась в его неспособности удержать богатые аллоды династии Карлов как наследник императорской короны и в том, что он был вынужден разделить их с остальными герцогами; тем не менее, он более полно осознавал достоинство и обязанности своего положения, чем те, кому он, вероятно, был обязан своим избранием. Его первым шагом было возвращение Регингара Лотаринского, угнетаемого Францией, в подданство империи.

[912-917 гг. н. э.]

Отто умер в 912 году, и его сын Генрих, энергичный юноша, прославившийся в борьбе со славянами, вскоре поссорился с пожилым епископом Хатто (). Согласно легенде, епископ послал ему золотую цепь, искусно сконструированную так, чтобы задушить ее владельца. Правда заключается в том, что снова разгорелась древняя семейная вражда между домом Конрада и домом Оттона, который был связан с Бабенбергами, и что император снова попытался отделить Тюрингию, которой Оттон управлял со смерти Бурхарда, от Саксонии, чтобы помешать чрезмерному превосходству этого герцогского дома. Вероятно, Хатто посоветовал этот шаг, поскольку значительная часть Тюрингии принадлежала епархии Майнца, и поэтому столкновение между ним и герцогом было неизбежно. Генрих взялся за оружие и изгнал сторонников епископа из Тюрингии, что вынудило императора выступить от имени империи против своего высокомерного вассала.

Эта крайне неудачная гражданская война стала сигналом для нового вторжения славян и венгров. В этом же году богемцы и сербы также вторглись в Тюрингию и Баварию, а в 913

году венгры продвинулись до Швабии, но были застигнуты врасплох возле Эттинга баварцами под командованием Арнульфа, который в этот раз кроваво отомстил за смерть своего отца, и швабами под командованием Каммерботена, Эрхагена и Бертольда, все они, за исключением тридцати человек, были убиты. Впоследствии Арнульф изменил свою политику, женился на дочери венгерского короля Гейзы и вступил в союз с венгерским и швабским Каммерботеном с целью основания независимого государства на юге Германии, где он уже укрепил свою власть, назначив нескольких маркграфов: Рудигера из Пехларна в Австрии, Ратольда в Каринтии и Бартольда в Тироле. Затем он подговорил всех врагов империи одновременно напасть на франков и саксов, которые в тот момент находились в состоянии войны друг с другом (915 г. н. э.), и в то время как датчане под предводительством Горма Старого и абодриты (оботриты) разрушили Гамбург, огромные орды венгров, чехов и сербов опустошили страну вплоть до Бремена.

Тем временем император был занят войной с саксами. Однажды Генрих едва не попал в плен, но его спас хитрый ход его верного слуги Тиатмара, который заставил императора отступить, ложно сообщив ему о прибытии подкрепления. Наконец, в 915 году у Мерзебурга состоялась решающая битва между Генрихом и Эберхардом, братом императора, в которой франки потерпели поражение, и с тех пор превосходство саксов оставалось неоспоримым на протяжении более чем столетия. Император был вынужден вести переговоры с победителем, которого он убедил защищать северные границы империи, пока он сам занимался восстановлением порядка на юге.

[917-919 гг. н. э.]

В Швабии епископ Констанца Соломон, поддерживаемый простолюдинами, присоединился к императорской стороне, в то время как камерботы не смогли смягчить свою измену и постепенно были доведены до крайности. Эрхенгер, полагаясь на помощь Арнульфа и венгров, узурпировал герцогскую корону и взял епископа в плен. Чрезвычайная популярность Соломона наполнила его такой яростью, что он приказал отрубить ноги нескольким пастухам, которые пали на колени, когда мимо проходил пленный прелат. Его жена Берта, испуганная опрометчивостью мужа и предвидящая его гибель, приняла пленника со всеми проявлениями смирения и тайно помогла ему бежать. Как только он появился, тысячи людей собрались вокруг него: «*Хайль, Херро! Хайль, Либо!*» («Приветствуем, господин! Приветствуем, любимый!»), — кричали они, и в своем рвении « » напали на предателей и их сторонников и разгромили их. Бертольд тщетно защищался в своей горной крепости Хохентвиль. Народ так настойчиво требовал смерти этих предателей своей страны, что император созвал общее собрание в Альбингене в Швабии, приговорил Эрханджера и Бертольда к публичной казни через обезглавливание и назначил Бурхарда (917 г. н. э.), чей отец и дядя были убиты по приказу Эрханджера, преемником герцогского престола. Арнульф удалился в свою крепость в Зальцбурге и спокойно ждал более благоприятных времен. Его имя было заклеено позором народом, который отныне придавал ему эпитет «Плохой», а «*Песнь о Нибелунгах*» увековечила его ненавистную память.

Конрад умер в 918 году, не оставив потомства. На смертном одре, заботясь только о благополучии империи, он даже своим последним поступком доказал, что достоин короны, которую так достойно носил, поручив своему брату Эберхарду забыть давнюю вражду между их домами, и собственноручно передать корону своему врагу, свободолюбивому Генриху, которого он считал единственным, способным удовлетворить все потребности государства. Эберхард подчинился указаниям брата, и князья уважали волю умирающего правителя.

ПРАВЛЕНИЕ ГЕНРИХА (I) ПТИЧЕГО ЛОВЦА (918-936 гг. н. э.)

Князья, за исключением Бурхарда и Арнульфа, собрались во Фрицларе, избрали отсутствующего Генриха королем и отправили посольство, чтобы сообщить ему о своем решении. Говорят, что молодой герцог в то время находился в горах Харц, и что послы застали его в простой одежде охотника на птиц. Он без промедления и без видимого удивления подчинился призыву народа. Он был твердо намерен искупить свою ошибку, совершенную при восстании против государства, своим поведением в качестве императора. Высокий и величественный, хотя и худощавый и молодой, сильный и активный, с властным и проникновенным взглядом, он своим внешним видом привлекал к себе симпатию народа. Помимо этих личных достоинств, он был благоразумен и учен, обладал умным и проницательным умом. Влияние такого монарха на прогрессивное развитие общества в Германии не могло не принести результатов, полностью равных улучшениям, введенным Карлом Великим.

[919-936 гг. н. э.]

Молодой Генрих, Генрих-Герман ([144](#)), первый из саксонской династии, был провозглашен королем Германии во Фрицларе (919 г. н. э.) большинством голосов и, согласно древнему обычаю, поднят на щит. Архиепископ Майнца предложил помазать его в соответствии с обычной церемонией, но Генрих отказался, заявив, что он доволен тем, что его избрание является результатом милости Божьей и благочестия немецких князей, и что он оставляет церемонию помазания тем, кто желает быть еще более благочестивым.^e

Вступление Генриха I на престол является событием чрезвычайной важности в истории Германии. Со времен Людвига Немецкого восточные каролинги занимались защитой и объединением той восточной части империи, которую сегодня мы знаем как Германию. Но они правили различными германскими племенами по праву, которое Карл Великий завоевал для себя, а затем по праву завоевания. Это господство франкских королей из династии Карловингов над германцами закончилось со смертью Арнульфа. С провалом правления Конрада был сделан второй большой шаг к разрыву с прошлым. Господство восточных франков теперь должно было быть полностью отвергнуто, и с заменой Каролингов Людольфингами род Виттекиндов унаследовал то, что было захвачено Карлом.а

ОБЪЕДИНЕНИЕ ИМПЕРИИ

[916-936 гг. н. э.]

Прежде чем Генрих мог приступить к реализации своих более амбициозных планов, необходимо было получить согласие южных германцев, которые не признавали выбор своих северных соотечественников. Буркхард Швабский, который провозгласил свою независимость и в то время вел ожесточенную вражду с Рудольфом, королем Бургундии, которого он победил (919 г. н. э.) в кровопролитном сражении под Винтертуром, был первым, против кого он направил объединенные силы империи, от имени которой он одновременно предложил ему мир и прощение. Буркхард, видя, что ему приходится уступить, принес присягу на верность новоизбранному королю в Вормсе (), но продолжал действовать почти с прежней неограниченной властью в Швабии и даже предпринял поход в Италию в пользу Рудольфа, с которым он примирился. Итальянцы, разгневанные его беззастенчивым издевательством над ними, убили его. Генрих передал герцогство Швабия Герману, одному из своих родственников, за которого он выдал замуж вдову Бурхарда. Он

также передал часть юга Аламании королю Рудольфу, чтобы завоевать его расположение, и в ответ получил от него святое копье, которым был пронзен бок Спасителя, когда он висел на кресте. Поняв, что больше невозможно распустить герцогства и великие феодалы, Генрих, чтобы укрепить единство империи, ввел новую политику: он дарил герцогства, которые становились вакантными, своим родственникам и личным сторонникам, а остальных герцогов связывал с собой браками, тем самым объединяя различные могущественные дома в государстве в одну семью.

Бавария по-прежнему оставалась в нестабильном состоянии. Арнульф Злой, вступивший в союз с венграми, против которых Генрих имел большие планы, по-прежнему обладал большой властью, и Генрих, решивший любой ценой разорвать этот опасный союз, не только заключил мир с этим предателем на этом условии, но и выдал своего сына Генриха замуж за Юдифь, дочь Арнульфа (921 г. н. э.). Арнульф лишил богатые церкви большей части их сокровищ и в результате был возненавиден духовенством и летописцами того времени, которые в основном по этой причине описывали его характер в столь неблагоприятных тонах.⁴

С удивительной проницательностью Генрих понял ситуацию и осознал, каким единственным способом возможно объединение германских племен; другими словами, как можно сохранить существование восточно-франкского, *то есть* германского королевства. Он постарался не пойти по ложному пути короля Конрада; он проложил для себя новые пути с изобретательным и неустрашимым духом. Он не хотел устанавливать власть государства путем подчинения отдельных племен одному правителю, как делали Меровинги, а после них и Каролинги, и не хотел устанавливать саксонское господство в соответствии с франкскими правилами; он не планировал править и управлять землями из одного центра с помощью чиновников, которые зависели только от него, как это делали франкские короли. По мнению Генриха, только более либеральная организация королевства могла в то время сохранить единство немецкого народа. Идеал, который возник в его уме, был примерно таким: каждый род должен был самостоятельно решать свои дела и управлять собой в соответствии со старыми правами и традициями; в военное и мирное время им должен был управлять и руководить герцог-регент (), которому графы и лорды земли были обязаны военной службой и повиновением. Этот герцог должен был разрешать споры между феодалами на своих сеймах, сохранять мир и защищать границы от вторжений врага; но так же, как герцоги управляли отдельными племенами в королевстве, так и король должен был править всеми землями империи; он должен был быть высшим судьей и главнокомандующим всего народа. Так должно было быть, и так и было.

В представлении Генриха королевство выглядело почти как союз немецких племен под руководством совместно избранного ими короля. И все же они были далеки от того, чтобы добровольно признать это руководство. Бавария и Швабия на время отделились от королевства: в первой правил Арнульф, во второй — Буркхард, обладая полностью независимой властью; а Лотарингия уже много лет была союзником Западно-Франкского королевства. Сначала королевство составляли только Франкония и Саксония, поскольку на тот момент власть Генриха не распространялась за их пределы. И хотя он как король был выше Эберхарда, последний как герцог практически стоял наравне с ним. Так же как Генрих сохранил за собой полную герцогскую власть, которой он всегда обладал, так и в франкских землях она была сохранена для Эберхарда в том же виде; положение, которое его семья завоевала и упрочила при правлении Конрада, ни в коей мере не ухудшилось. Между Генрихом и Эберхардом больше никогда не возникало разногласий; они оставались

союзниками до самой смерти Генриха, и растущее государство основывалось главным образом на их согласии. Однако мысли Генриха не ограничивались Саксонией и Франконией; с самого начала они были направлены на объединение всех германских племен, и поэтому он поставил своей первоочередной задачей привести все племена, которые когда-то принадлежали Восточно-Франкскому королевству, к признанию его верховной власти.

На шестом году своего правления король Генрих выполнил огромную задачу по объединению всех германских земель и племен; ему удалось сделать то, к чему так упорно, но безуспешно стремился король Конрад. Он сделал это не поспешно и не с нетерпением, не с помощью террора и оружия, а благодаря спокойному, ясному пониманию истинного положения вещей и той прославленной миролюбивой натуре, которая не позволяла ему без причины проливать немецкую кровь против немцев. Таким образом, вокруг немецких племен была соткана нить единства, которая со временем становилась все более прочной и благодаря которой немцы впервые ясно осознали свою национальную принадлежность. Королевство в его тогдашнем виде выглядело почти как союз государств, но из него достаточно быстро выросло мощное, единое государство под властью сильной монархии, какую только могли создать те времена. Генрих достиг цели, которую поставили перед собой папа и епископы на соборе в Альтхайме, но не смогли достичь — объединения Германии; но он достиг этой цели совсем другим путем, чем тот, который избрали епископы. Таким образом, не они заложили краеугольный камень Германской империи, а человек, который отказался принять корону из рук священника.

Все было сделано почти без шума; новый порядок вещей на долгие века был установлен с легкостью — можно сказать, волшебным образом; бесконечная путаница была разрешена самым простым способом. Это было похоже на то, как когда неизвестный ужас обрушивается на большое количество людей в темноте ночи — все погружается в смятение, которое с каждой минутой усиливается, пока утром не взойдет солнце и его лучи не озарят поля: тогда сбившиеся с толку массы легко распределяются по местам, возвращается спокойствие, и мир снова сияет в ярком солнечном свете. Ясный ум Генриха был тем солнцем, которое превратило ночь немецких земель в день.

ВОЙНЫ ПРОТИВ ВНЕШНИХ ВРАГОВ

[924 г. н.э.]

Но какая польза была от всего этого строительства и созидания, если он не мог успешно защитить империю от внешних врагов, и прежде всего от венгров? Однако, несмотря на уныние, вызванное повторяющимися поражениями, Генрих не потерял веру в силу своего народа, и удача благоволила этому мужественному человеку. Именно удача привела венгров в то время к тому, что они надолго оставили в покое германские земли за Рейном и направили свои атаки главным образом на Италию, Западно-Франкское королевство и Лотарингию. Но в 924 году они появились снова и повернули в сторону Саксонии. Все, куда они приходили, было опустошено. Замки и крепости, монастыри и церкви, жилища бедных крестьян были превращены в пепел; старики и молодые, мужчины и женщины были убиты; снова по облакам дыма и появлению огня в небе можно было проследить путь, по которому прошел страшный враг; снова люди укрывались в лесах, на вершинах гор и в потайных пещерах. «Лучше молчать на эту тему, — говорит Виттекинд [историк], — чем усугублять страдания словами».

Король Генрих не осмелился встретить превосходящие силы врага в открытом бою. Он рано понял, что означает война с ними, и не верил, что его армия способна противостоять им. Правда, каждый свободный саксонец, достигший тринадцати лет, был обязан нести службу и брать в руки оружие против приближающегося врага; старые военные положения Франкского королевства также действовали в соответствии с буквой закона, и согласно им каждый свободный человек, владевший по крайней мере пятью кожами земли, должен был лично служить в ополчении, а мелкие землевладельцы должны были совместно снаряжать одного бойца. Но эти положения вышли из употребления; тяжелые времена уменьшили число свободных людей; ополчение, которое редко собиралось, состояло из людей, ничего не знающих о войне.

Кроме того, венгров нужно было встречать кавалерией, и хотя франкская феодальная армия состояла почти исключительно из всадников, в Саксонии кавалерийская служба была еще новой и не получила широкого распространения; большая часть дворян здесь держала только плохо вооруженных подданных, которые несли военную службу пешком. Поэтому Генрих избегал сражения и заперся со своими верными последователями в укрепленном замке Верла у подножия Харца, недалеко от Гослара. Удача снова не покинула его. Выдающийся венгр был захвачен людьми короля и приведен к нему. Пленник пользовался большим уважением у своего народа, и поэтому сразу же были отправлены послы, чтобы освободить его из плена врага. За него было предложено большое количество золота и серебра, но это было не то, чего хотел Генрих. Он хотел мира, только мира, и даже предложил, что в случае предоставления ему перемирия на девять лет он не только вернет пленника, но и будет платить венграм ежегодную дань. На этих условиях венгры, поклявшись соблюдать перемирие на девять лет, удалились в свои дома.

В то время в Саксонии и Тюрингии еще не было крупных укрепленных городов; только на берегах Рейна и Дуная, а также за этими реками, где когда-то жили римляне, на германской земле были густонаселенные города с укрепленными стенами и башнями, которые, однако, после походов норманнов и венгерских войн в основном лежали в руинах. Саксы, согласно древнему обычаю, по-прежнему жили в отдельных домах, стоящих посреди полей и лугов, или же собирались в открытых деревнях. Только здесь и там возникали королевские дворцы и замки знати, только здесь и там были огороженные резиденции епископов, священников и монахов (), первые места сбора для более активного общения. Границы также были плохо защищены; крепости, которые когда-то построил Карл Великий, были в основном разрушены в войнах с датчанами и вендами. Таким образом, земля, не имея возможности оказать сопротивление, была открыта для вторжений врага, которые также не могли быть остановлены внутри страны из-за разбросанных поселений. Поэтому Генриху казалось, что в первую очередь необходимо расширить существующие крепости и укрепить их, построить новые крепости, чтобы иметь возможность собирать более крупные силы в безопасных местах. Это было особенно важно на границах, чтобы отразить врага на самом пороге.

Генриху уже удалось уничтожить сербов на Заале, и в то же время вендские племена, прорвавшиеся через среднюю Эльбу, были отброшены обратно за реку. В этих пограничных регионах, которые достались ему как победителю, Генрих поселил большое количество своих вассалов и обязал их нести военную службу в обмен на большие или меньшие феодалы. Таким образом, он одновременно создал военные колонии на завоеванной территории, и здесь, где все было поставлено на военную основу, а также в соседних районах, которые в основном находились под тем же руководством, что и марки, он имел полную свободу для реализации своих планов. Точно так же король Эдуард Английский несколько лет назад восстановил или построил заново длинную линию пограничных фортов и таким образом

защитил свое королевство от вторжений врага; возможно, Генрих в своих начинаниях имел в виду пример англосаксов.

Днем и ночью люди работали над строительством в приграничных районах. Дома должны были примыкать друг к другу, а дворы — к дворам; все было окружено стенами и валами. Работа шла без перерыва. Генрих поощрял людей к непривычным усилиям, потому что хотел, чтобы они закалялись в мирное время, чтобы лучше переносить лишения войны. Так в этих районах выросли поселения, окруженные стенами и валами: небольшие населенные пункты были расширены, разрушенные укрепления восстановлены; часто большое количество жилищ внезапно появлялось там, где раньше стояла только простая хижина. В то время Кведлинбург в Харце был полностью перестроен (); Мерзебург, который всегда был любимым местом короля, был расширен и окружен каменной стеной.

В то же время Генрих открыл в Мерзебурге приют для преступников; это было сделано для того, чтобы заселить город и сделать его способным защищаться от врага. Эти подозрительные личности жили в пригороде Мерзебурга, в то время как сама цитадель была занята более надежными подданными. Этих преступников называли мерзебургцами, и они составляли отряд солдат, который Генрих, по-видимому, часто использовал в особо опасных предприятиях. «Это была, — говорит [Виттекинд](#) [историк], — банда, состоящая из разбойников; ибо король, который любил быть мягким по отношению к своим подданным, освобождал даже воров и разбойников, если они были храбрыми и воинственными людьми, от заслуженного наказания и заставлял их селиться в пригороде Мерзебурга. Он дал им поля и оружие и приказал им поддерживать мир со своими соотечественниками; однако против вендов он позволял им совершать грабительские набеги так часто, как им заблагорассудится». Эта мерзебургская войска была настолько сильна, что через несколько лет она предоставила 1000 человек для войны с Богемией.

Но Генрих пытался увеличить население укрепленных городов и другими способами. Он приказал, чтобы все сеймы, народные собрания и празднества проводились в стенах цитадели; всякий раз, когда саксы собирались вместе, они должны были собираться в крепостях, чтобы постепенно привыкнуть к жизни в закрытых местах, которые они все еще считали тюрьмой (). Здесь он, возможно, следовал примеру короля Эдуарда, который таким же образом приказал проводить все торговые сделки в пределах ворот цитадели. Но укрепленные места Саксонии и Тюрингии должны были не только обеспечить возможность оказать сильное сопротивление новому нападению врага, но и одновременно служить убежищем и обеспечить безопасность всем жителям приграничных районов. Следовательно, каждый девятый человек должен был переселиться в город, чтобы построить жилище для себя и своих восьми товарищей, а также обеспечить зернохранилища и склады, поскольку треть всех произведенных полевых плодов должна была поставляться в цитадель и храниться там. Однако восемь человек, оставшихся снаружи, возделывали поля того, кто находился внутри, сеяли и собирали урожай, а затем приносили его в его зернохранилища. Без цитадели не могло быть никаких построек или только бесполезных, поскольку они были разрушены при первом же нападении врага.

Его военные припасы, насколько можно судить по скудным записям, касались феодальной службы в Саксонии, которую он отныне обязывал выполнять с помощью лошадей и конных солдат. Генрих реорганизовал армию и ведение войны, приведя их в соответствие с новыми принципами, которые впоследствии долгое время следовали немцы.

[924-929 гг. н. э.]

Генрих был занят всеми этими делами в течение четырех лет. «Мой язык, — говорит Виттекинд, — не может описать, с какой осторожностью и бдительностью он делал в то

время все, что могло помочь защитить отечество». Однако, как только Генрих понял, что его армия готова к бою, он использовал ее для нападения на племена вендов (928 г.). Они были ближайшими врагами империи и Саксонии и в то же время менее опасными, чем венгры, поэтому война против них считалась лучшей школой для подготовки к более сильному врагу. Первая атака была направлена на хевелли, племя вендов, которое проживало по обе стороны Хавеля и в нижней части Шпрее. Они сражались несколько раз, и Генрих каждый раз побеждал, проникнув в конце концов в главную крепость племени, нынешний Бранденбург. Город, в то время называвшийся Бреннабург, был окружен Хавелем. Была середина зимы, когда Генрих осадил его, и он разбил лагерь на льду. Лед, железо и голод — эти три « » привели к падению Бреннабурга, и вместе с ним вся земля хевелей попала в руки завоевателя.

Затем Генрих двинулся на юг против далеминци, против которых он завоевал свои первые лавры. Они были знакомы с ударами меча Генриха и не осмеливались встретиться с ним в открытом бою. Они заперлись в своей крепости Гана, но и она была взята на двадцатый день. Между вендами и саксами давно царила смертельная ненависть, которая здесь требовала кровавых жертв. Город был разграблен, взрослые мужчины убиты, дети проданы в рабство. Так диктовал суровый обычай, и немцы позаимствовали слово «раб» у славян.

Генрих также выступил против чехов в Богемии, чьи земли граничили с землями далеминци, с которыми они были связаны племенными узами. Только одно поколение племени находилось под властью одной семьи, Премислидов; христианство добилось некоторых успехов под этим единым правлением, хотя и с трудом проникало в это упрямое племя.

От этого многочисленного племени, объединенного под единым правлением, следовало ожидать более сильного сопротивления, чем от других славянских племен. Поэтому король обратился за помощью к герцогу Арнульфу, и баварская армия одновременно с королем продвинулась через Богемский лес в землю чехов- . Это был первый случай, когда баварцы оказали саксам военную помощь. Они проникли в самый центр страны, где на берегу быстрой Молдавы расположена Прага. Здесь молодой чешский герцог Вацлав, который уже принял христианство под влиянием своей набожной бабушки Людмилы, сдался королю и отдал ему свою землю (929 г.). Он получил ее обратно в феоде и с тех пор платил саксам дань, которая, возможно, уже в то время, как и позже, состояла из 500 серебряных марок и 120 волов. С тех пор короли Германии требовали от чешских князей феодальной службы и повиновения, пока наконец сама земля в гораздо более поздний период не перешла к немецким князьям.

В то время как сам король подчинял себе эти славянские племена, его графы успешно сражались с вендами, жившими на севере. Сначала были покорены редарьи, жившие в озерных районах к северу от Хавеля до Пены, затем абодриты и вильцы, жившие к северу и западу от них, вплоть до берегов Балтийского моря. В течение короткого времени большая часть земель между Эльбой и Одером была завоевана для саксонского правления, но жесткая воля вендских племен, живших в этих районах, не была сломлена, и пролитая кровь их родственников взывала о мести. Сначала редарцы поднялись в ярости против германского правления; они собрались вместе и напали на Вальсбеген. Этот хорошо укрепленный город в то время был густонаселен, но не смог защититься от превосходящих сил врага. Он был взят штурмом, и все его жители были убиты; ни один из них не дождался следующего дня. Это стало сигналом к всеобщему восстанию. Вендские племена севера поднялись, чтобы сбросить ненавистное иго саксов.

Генрих быстро подготовился к сражению и приказал графу Бернхарду, которому он доверил опеку над редарцами, и графу Тиетмару немедленно начать войну, осадив Ленцен, крепость, которая находилась в руках вендов. Саксонская милиция была собрана, насколько это было возможно в общей спешке, и вместе с вооруженными силами из марок была поставлена под командование Бернхарда. Когда Ленцен был осажден в течение пяти дней, шпионы сообщили, что в окрестностях находится армия вендов и что она атакует саксонский лагерь с наступлением ночи. Бернхард немедленно собрал своих воинов в своем шатре и приказал им оставаться под ружьем всю ночь. Толпа распалась, и каждый предавался радости или печали, надежде или страху, в зависимости от того, желал ли он сражения или нет. Наступила ночь; она была темнее обычного, небо было покрыто тяжелыми облаками, и лил проливной дождь. В такую погоду мужество вендов пошатнулось, и они отказались от нападения. Однако, когда наступило утро, хотя саксы и провели всю ночь под оружием, Бернхард решил сам рискнуть нападением и дал сигнал к сражению. Тогда все поклялись простить друг другу свои проступки и давние вражды — так было принято перед битвой — и торжественной клятвой пообещали поддерживать и помогать друг другу в борьбе, как они помогали бы своим вождям. А когда взошло солнце — небо после ночной бури прояснилось и стало голубым — они вышли из лагеря.

При первом нападении Бернхард был вынужден отступить перед превосходящими силами врага. Но он заметил, что у вендов не было больше кавалерии, чем у него, хотя они имели бесчисленное количество пехоты, которая с большим трудом продвигалась по грязной земле и была отброшена силами кавалерии. В результате он не потерял мужества, а его уверенность в себе и своих последователях укрепилась, когда они увидели, что от мокрой одежды вендов поднимался густой пар, в то время как они сами были окружены ярким светом; было как будто бог христиан сражался вместе с ними против язычников. Снова был дан сигнал к атаке, и с радостным боевым кличем они бросились на ряды врага. Венды стояли плотно друг к другу, и попытки прорвать их плотные ряды были тщетными; только справа и слева несколько изолированных отрядов вендов были атакованы, побеждены и убиты. Обе стороны уже пролили много крови, но венды все еще держались. Тогда Бернхард послал гонца к Тиетмару с просьбой поспешить на помощь армии, и тот быстро отправил капитана с пятьюдесятью рыцарями в доспехах, чтобы атаковать врага с фланга. С грохотом доспехов эта группа бросилась на вендов, как буря; их ряды зашатались, и вскоре вся армия бросилась в беспорядочное бегство. Мечи саксов свистели по всему полю. Венды пытались добраться до Ленцена, но тщетно, поскольку Титмар занял все дороги. Тогда многие из них в отчаянии бросились в соседнее озеро, и те, кого пощадил меч, нашли смерть в волнах. Ни один из пехотинцев не спасся, и очень немногие из кавалерии. Восемьсот были взяты в

плен; им угрожала смерть, и все они нашли ее на следующий день. Говорят, что погибло более ста тысяч вендов. Саксы также понесли тяжелые потери и лишились многих знатных воинов из своей армии. Эта победа положила конец войне. Сражение произошло 4 сентября 929 года; на следующий день Ленцен сдался. Жители сложили оружие и просили только о пощаде; им было даровано прощение, но они должны были покинуть город обнаженными. Их жены и дети, рабы, имущество — все это попало в руки завоевателей.

[929-933 гг. н. э.]

Бернхард и Титмар завоевали большую славу среди всего германского народа, потому что они одержали славную победу над бесчисленной армией ненавистных вендов с помощью сравнительно небольших сил, собранных в спешке. Король принял их с величайшей честью, и из его уст их подвиги получили высочайшую оценку. Другие радостные звуки смешались с ликованием победы. Как раз в это время Генрих праздновал свадьбу своего старшего сына Отто. Он выбрал для него спутницу жизни из королевской семьи родственников по племени англосаксов; прекрасная Эдита, дочь короля Эдуарда и сестра короля Этельстана, который в то время твердой рукой правил Англией, должна была быть проведена к алтарю Оттоном. Этельстан был настолько польщен предложением Генриха, что отправил в Германию не только Эдиту, но и ее сестру Элгиву; Генрих и Отто могли выбрать между ними. В сопровождении канцлера Этельстана Торкетула принцессы плыли по Рейну до Кельна, где их встретили послы Генриха. Эдита осталась избранной, и свадьба была сразу же отпразднована с большой помпой (930 г.). В качестве богатого приданого от мужа Эдита получила Магдебург и много прекрасных поместий в Саксонии.

Но девять лет перемирия с венграми подходили к концу, и снова над империей нависла угроза войны с этими страшными врагами. Генрих хорошо использовал передышку. Саксония была защищена крепкими крепостями, король располагал опытной в войне и преданной ему армией; настало время сразиться с давним врагом. Не прошло много времени, как появились послов венгров, чтобы, как обычно, потребовать дань, но на этот раз они вернулись с пустыми мешками. Тогда венгерские конные отряды быстро оседлали лошадей, и бесчисленные толпы двинулись на запад через землю далеминци; но последние знали, что Генрих готов к войне, и вместо требуемой дани презрительно бросили врагу жирного пса. Как бы ни были венгры разгневаны этим оскорблением, они, тем не менее, не остановились, чтобы отомстить, а поспешили в землю Тюрингии, которую они опустошили зимой 932-933 годов. Когда Тюрингия больше не могла выдержать большого количества врагов, часть армии продвинулась дальше на запад, чтобы атаковать Саксонию с другой стороны.

[933-934 гг. н. э.]

Генрих уже собрал сильную кавалерию из Саксонии и Тюрингии и призвал ополчение. Сообщается, что многие рыцари из Баварии и других подчиненных ему земель также поспешили под его знамя. Он спокойно ждал момента, когда бесчисленные полчища врага разделятся. Однако едва эта часть войска разделилась и двинулась на запад, как саксы и тюрингицы стремительно напали на нее. В кровопролитной битве лидеры врага пали, а их орды в панике разбежались во все стороны. Многие погибли от зимних морозов, другие умерли от голода, а большое количество попало в плен.

Однако другая, более многочисленная часть венгерской армии, которая осталась на востоке, в Тюрингии, тем временем получила информацию о том, что поблизости находится замок, в котором жила сестра короля — она была рождена герцогом Оттоном вне брака и

вышла замуж за тюрингйца по имени Видо — и в котором было много золота и серебра. В результате они сразу же выступили и атаковали замок. Они бы взяли его с первой атаки, если бы наступление ночи не положило конец сражению. Однако едва они опустили оружие, как услышали о поражении своих товарищей, о победе саксов и о том, как король Генрих наступает на них с мощной армией. Они развели большие костры, чтобы собрать свои разрозненные войска, и сразу же начали отступление.

Генрих разбил лагерь в ту же ночь недалеко от венгров, в месте, которое тогда называлось Риаде, возможно, нынешний Ритебург, на золотой лужайке на Унструте, где со всех сторон были разбросаны многие крепости Люидольфингов. Когда наступило утро и стало известно, как близко находится враг, король решил немедленно атаковать его и выстроил свою армию в боевой порядок. Он призвал своих последователей полностью довериться Богу и заявил, что будет с ними сегодня, как и во многих других сражениях; венгры были врагами империи и всех них, они должны были сражаться, чтобы отомстить за свою родину и своих отцов; враг скоро отступит, если они только будут смело атаковать и смело наносить удары. Тогда сердца всех воинов наполнились мужеством; все с радостью видели, как их король мчался на коне то впереди, то посередине, то в последних рядах армии, и как повсюду перед ним развевалось знамя архангела Михаила, главное знамя империи. Король боялся, что, увидев большое количество вооруженных всадников саксов, венгры не устоят, а разбегутся, тем самым сорвав решающую битву. Поэтому он послал вперед небольшой отряд из тысячи тюрингских пехотинцев с несколькими вооруженными рыцарями. Он думал, что, увидев этот отряд, венгры сразу же вступят в бой и будут продвигаться вперед, прямо к боевым рядам его армии. И так и произошло. Венгры рискнули приблизиться к армии короля, но, как только они увидели отряд рыцарей, развернулись и бежали. И бежали они так быстро, что, хотя их преследовали на протяжении двух миль, лишь немногие из них были захвачены или убиты; король, однако, штурмовал их лагерь и освободил всех пленных. Это было 15 марта 933 года; после этого, пока жил Генрих, на немецкой земле не было видно ни одного венгра.

Когда эта памятная победа была одержана, в армии и во всей Саксонской земле не было конца ликованию. Как отец отечества Генрих приветствовал свою армию и свой народ; они прославляли его как правителя мира, и императора, почти как будто они предчувствовали величие и могущество, которые были уготованы его сыну Оттону. Он же, однако, воздал славу за победу Богу; он приписывал свой успех исключительно божественной помощи, и дань, которую он привык платить врагу, теперь он отдал церкви, чтобы она передала ее бедным. По всему миру разнеслась слава великого саксонского короля, который первым победил в великой битве столь страшных венгров и изгнал их со своей земли.

И меч Генриха должен был достичь даже последнего врага саксов — датчан. Последние уже давно переступили границы, которые когда-то обозначил для них император Карл. Они не только захватили приграничные районы между Эйдером, Трене и Шлей, но и после неудачной битвы, в которой пал герцог Бруно, с помощью вендов захватили все земли к северу от Эльбы и огнем и мечом опустошили плодородные районы Гольштейна. Все немецкое население, поселившееся здесь, было вытеснено за Эльбу, и даже на этой стороне широкой реки оно едва ли было в безопасности от грабежей врага. Только постепенно датчане были оттеснены, и саксы смогли вернуться на свои прежние места за Эльбой. Но немцы подвергались преследованиям со стороны датчан и с другой стороны: отряды северных пиратов постоянно высаживались на побережье Фрисландии и проникали далеко в Саксонию и Лотарингию.

Датчане, по-видимому, часто терпели поражение, поскольку мы знаем, что в 931 году Генрих крестил королей аводритов и датчан. Но борьба не закончилась. Поэтому старый герой в конце своей жизни вновь поднялся и повел свою армию через границы датчан (934 г.). Их король Горм Старый, хотя и был опытным воином, прославившимся в многих сражениях, и первым объединил королевство датчан на островах в Сконе и Ютландии, все же не осмелился встретиться с завоевателем венгров в открытом бою. Он просил о мире и обещал принять любые условия. Генрих восстановил старые границы империи, отдав заброшенные районы в феодал саксонским воинам; он дал этим северным районам военную организацию, аналогичную той, что была у вендов. Районы между Эйдером, Трене и Шлей, позже названные маркой Шлезвиг, оставались в составе Германской империи до тех пор, пока Конрад II, почти сто лет спустя, не уступил датчанам земли до Эйдера. Эта уступка казалась благоприятной с точки зрения обстоятельств, но она не была удачным шагом, поскольку она изменила границы, установленные Карлом Великим и восстановленные Генрихом.^b

В том же году (934 г. н. э.) состоялась дружеская встреча между ним и королями Франции и Бургундии на реке Шар, притоке Мааса. После этого Генрих планировал посетить Рим, но умер, не осуществив этот проект (936 г. н. э.), находясь на пике своего величия и славы. Он был похоронен в Кведлинбурге, своей любимой резиденции.^e

СНОСКИ

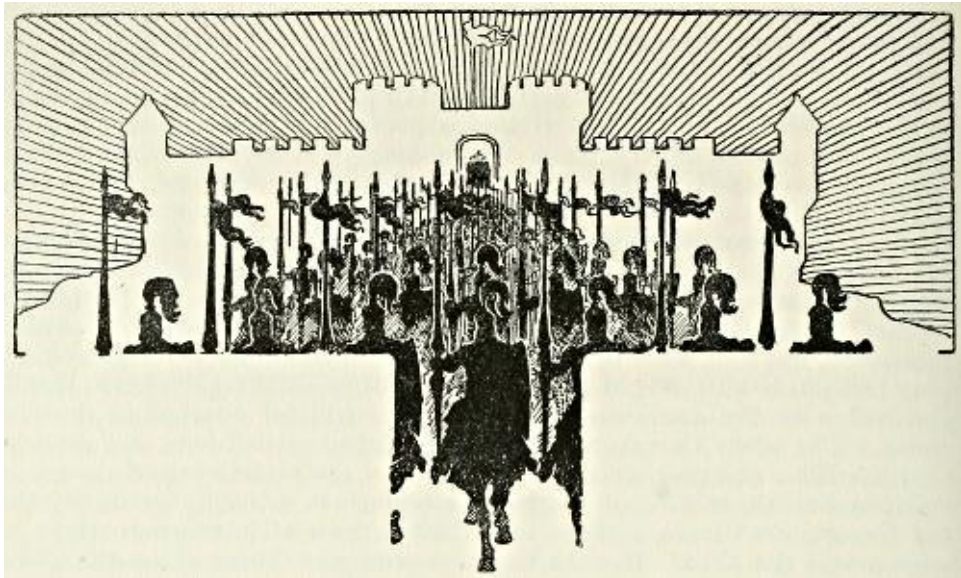
[140] [Форма «Louis» встречается очень часто, но мы предпочитаем немецкую.]

[141] [т. е. император Людвиг II; Людовик Лебонар был императором Людвигом I].

[142] Берта, жена Адальберта (который слепо ей доверял), женщина интригующего характера, была дочерью Лотаря II и Вальдрады. Ее первым мужем был Теобальд, граф Арля, от которого у нее был сын Уго, впоследствии король Италии. Сигониус рассказывает о том, как эта женщина вела все интриги того времени в Италии и Бургундии.

[143] Он взял последнего в плен в конюшне и сказал ему: «Твоя жена сделала бы из тебя либо короля, либо осла, а теперь ты стал последним».

[144] [Известен немцам как Генрих Воглер].

ГЛАВА VIII

ОТТО ВЕЛИКИЙ И ЕГО ПРЕЕМНИКИ

[936-1024 гг. н. э.]

КОРОНАЦИЯ ОТТО (936 г. н. э.)

[936-938 гг. н. э.]

Летом 936 года ведущие деятели светских и духовных кругов собрались в Аахене, чтобы избрать короля. Времена решительно изменились с 619 года, когда корону получил Генрих I. На его избрании, помимо саксонской знати, присутствовали только франкский герцог Эберхард со своими вассалами и архиепископ Майнца Геригер. В выборах Оттона приняло участие все королевство; все германские герцоги, архиепископы и, вероятно, многие другие высокопоставленные церковные и светские сановники отправились в Аахен. Саксонские лорды, которые уже высказались в пользу Оттона, сопровождали его туда; когда он приблизился, те, кто уже собрался в городе, вышли ему навстречу и привели его обратно в торжественной процессии. Выборы проходили в знаменитом дворце Карла Великого. Между замком и придворной капеллой (красивой церковью Девы Марии) находилась открытая колоннада, через которую великий император часто проходил по пути в церковь. В этом месте светские лорды избрали Оттона своим королем; он сел здесь и сразу же заставил их принести ему дань уважения; они положили свои руки в его руки и поклялись поддерживать его против врага. Затем Отто в сопровождении князей направился в церковь Богородицы, восхитительную часовню Карла Великого, построенную в форме восьмиугольника, частично из античных мраморных колонн. Поскольку на земле могло разместиться только ограниченное количество людей, многие поднялись на круглые галереи, чтобы оттуда наблюдать за торжественной церемонией. Сначала между архиепископами возник спор о том, кто из них должен короновать нового правителя; в конце концов было решено, что эта честь должна достаться Хильдеберту из Майнца ввиду особого достоинства его личности. Архиепископ провел Отто в центр часовни, а затем обратился к собравшимся: «Смотрите, — сказал он, — я представляю вам нового короля, избранного Богом, назначенного королем Генрихом и теперь выбранного всеми князьями. Если этот выбор вам нравится, проявите это, подняв правую руку». На что собравшиеся подняли правые руки и громким криком

одобрения выразили свое согласие. Затем архиепископ провел нового короля к алтарю, на котором лежали регалии королевской власти — меч с поясом, пурпурная мантия, браслеты, посох, скипетр и корона. Затем он повернулся к Оттону и вручил ему регалии власти, сопровождая их многими благочестивыми наставлениями. «Прими этот меч, — сказал он, — чтобы с его помощью изгнать всех врагов Христа, язычников и всех плохих христиан, поскольку Бог дал тебе власть над франкским царством, чтобы сделать его надежным убежищем для христианства». После того как Отто получил другие королевские регалии, сопровождаемые подобными благочестивыми словами, архиепископ Майнца помазал его, при содействии архиепископа Кельна Викфрида, возложил корону на его голову и провел его к трону, который был установлен между мраморными колоннами церкви Девы Марии. Когда служба закончилась, новый король вместе со светскими и духовными вельможами отправился на банкет, который был подготовлен во дворце Карла Великого. Четыре герцога королевства, Гизельберт Лотаринский, Эберхард Франконский, Герман Швабский и Арнульф Баварский, отвечали за коронационные торжества; они также лично обслуживали короля на банкете, как вассалы обычно обслуживали своего феодального господина в особо торжественных случаях.^b

Это не было пустой формальностью, когда князья, которые когда-то признавали его отца своим феодальным господином, теперь оказывали ему ту же услугу, которую они получали от своих подданных. Королевская власть уже означала нечто большее, чем простое руководство саксонскими герцогами, и Отто был именно тем человеком, который мог взять на себя право, которым на территории Германии обладал только один король. Если Генрих кажется скорее саксонским князем, чем королем германцев, то Отто, с другой стороны, хотя он и называл себя королем франков, с самого начала своего правления был королем германцев в полном смысле этого слова.^c

ПАДЕНИЕ ГЕРЦОГСТВ

[938-953 гг. н. э.]

В сознании молодого короля сразу же прослеживается возрождение каролинской концепции суверенитета. Сама коронация дала возможность проявить это. Герцог Баварии не пришел, чтобы принести ему дань уважения; Отто сместил его и установил, помимо герцогства Баварии, графа-палатина, чтобы следить за тем, чтобы интересы короля никогда не страдали от независимости великого вассала. Это было началом политики, радикально отличавшейся от политики Генриха, который оставил почти полную автономию различным народам и их герцогам. С этого момента и до времени Бисмарка основной сюжет немецкой истории — это борьба королей за централизованное правительство и срыв их усилий местными магнатами, представлявшими племена и народы древнейших времен.

История войн Оттона против этих великих герцогов слишком длинна и сложна, чтобы рассказывать о ней здесь подробно. Достаточно сказать, что каждый герцог в королевстве в то или иное время участвовал в восстании. Даже саксы обратились против них () и помогли восстанию его старшего, но незаконнорожденного брата Танкмара и его младшего брата Генриха, который был старшим из детей Генриха I после того, как тот стал королем. Сначала Отто потерпел поражение, но в битве при Андернах (Биртен) герцоги Франконии и Лотарингии были убиты, и молодой Генрих был вынужден подчиниться (939).

Тогда великий план Отто был реализован. Власть короля должна была быть обеспечена путем установления членов его собственной семьи на месте герцогов, которых народ до сих пор считал потомками древнего рода героев и единственными наследственными правителями германцев. Франконию он оставил за собой; Бавария была отдана

покаявшемуся брату Генриху (); Швабия осталась за его старшим сыном Людольфом (Ludolf); его зять Конрад (Conrad) был поставлен во главе Лотарингии. Но они уже не были старыми независимыми правителями. Разбросанные по разным герцогствам владения короля дали возможность создать систему пфальцграфов, которые, подобно *missi dominici* Карла Великого, должны были быть агентами королевской власти и централизации и с ревнивым вниманием следить за действиями своих соседей, даже если те принадлежали к королевской линии. Было очевидно, что у руля стоял другой Карл, но прежде чем королевские прерогативы были обеспечены, пришлось провести вторую гражданскую войну. Ничто так ясно не показывает реальные тенденции немецкой истории к местной свободе, а не к имперскому единству, как тот факт, что новые герцоги, родственники самого короля, вскоре возглавили войска своих народов против Оттона. Но мятежники поссорились между собой, и вторжение венгров заставило их объединиться для общей национальной обороны. Оттон, однако, понял, что никогда не сможет полагаться на герцогов, кем бы они ни были. Традиции местной независимости и племенные, или, как они считали, «национальные» интересы превосходили все узы крови или долга. Пфальцграфы не были достаточно сильны, чтобы служить достаточным сдерживающим фактором. Их необходимо было поддержать какой-то другой силой, иначе единство монархии было обречено. Единственным доступным союзником была церковь, и, преследуя ту же глубокую политическую цель, Отто выступил в роли защитника церкви и ее реформатора. Его защита означала возвышение церковных лордов до уровня, равного или превосходящего уровень светских лордов; его реформа означала назначение его брата, ученого Бруно, архиепископом Кельна (953 г.), а его сына Вильгельма — на место вероломного Фридриха, архиепископа Майнца, который был соучастником заговора с целью убийства Оттона.

РЕНЕССАНС ДЕСЯТОГО ВЕКА

Эти назначения были в высшей степени справедливыми, в немецкой истории не было более привлекательной и святой личности, чем Бруно, который в качестве канцлера и прелата провел реформы, приведшие к интеллектуальному пробуждению и религиозному возрождению. Благодаря его поддержке снова начали появляться редкие литературные произведения; ночь темных веков прошла, и Бруно, путешествуя со своей библиотекой и изучая греческий язык у шотландца Израиля, был похож на Эразма Десятого века. Его работа была работой реформатора и учителя.

Однако прежде всего Бруно пытался возродить научную деятельность духовенства. Благодаря ему и людям, которых он обучил, двор снова стал центром научного движения; королевская капелла приобрела характер высшей школы. Из семи свободных наук, которые в то время составляли всю совокупность земной мудрости, только три низшие — грамматика, риторика и диалектика — с незапамятных времен преподавались в школах; то, что Бруно направил свои исследования также на четыре высшие науки — арифметику, геометрию, музыку и астрономию, — сделало его в глазах современников восстановителем этих наук. Продолжая сам учиться, он одновременно стал учителем многих других; он никогда не давал почувствовать превосходство своего ума, а скорее своей привлекательной дружелюбием и мягкой серьезностью сумел очаровать всех. Сам «гигантскими шагами устремляясь вперед по пути добродетели», как выражается его биограф, он никогда не уставал оглядываться на тех, кто остался позади, чтобы помочь им на их пути.

[950-1000 гг. н. э.]

Ученые усилия двора приобрели широту и глубину после того, как Отто обратил на них свое внимание, и уже в 950 году они начали приносить плоды. Вскоре после этого к двору

был приглашен ученый Ратер. Он родился в Лотарингии, покинул свой дом и сделал состояние в Италии благодаря королю Хьюго, но был изгнан из своего епископства в Вероне (). Бруно сам учился у Ратера, который считался первым теологом своего времени. Чуть позже ко двору прибыл епископ Кремоны Лиутпранд, и его необычные знания древней латинской литературы, по-видимому, также не остались без внимания Бруно. Из-за Альп привозили уже не только кости святых, но и другие реликвии древности, которые в наших глазах гораздо ценнее, прежде всего ценные рукописи классических авторов. Более ста из них были привезены в германские страны итальянцем по имени Гунцо по приказу Оттона, а некоторые из самых ценных из них Италия вернула себе спустя несколько столетий. Люди с новым энтузиазмом принялись изучать древних поэтов, ораторов и историков — Вергилий, Гораций, Овидий, Теренций, Цицерон и Саллюстий вместе воскресли из мертвых и стали учителями немцев в области гуманитарных наук.

Из двора новые науки распространились по всему королевству, и особенно монастырские школы сыграли важную роль в общем прогрессе. Санкт-Галлен и Райхенау достигли своего расцвета; Фульда пыталась сохранить свое прежнее положение; Херсфельд подражал ей; в Вюрцбург был приглашен учитель из Италии. В Саксонии Корвей особенно культивировал науки; также в монастырях, особенно в Гандерсхайме и Кведлинбурге, девушки читали Вергилия и Теренция вместе с житиями святых. Едва научившись познавать древних, с умами, все еще ослепленными блеском их ораторского искусства, люди нашли в себе смелость соперничать с ними; за стенами монастырей люди приступили к работе, которая, несмотря на всю свою грубость, не лишена определенной возвышенной красоты, демонстрирует решительную попытку достичь совершенства формы и благодаря своему содержанию обладает для нас непреходящей ценностью.

В результате этих усилий сформировалась литература особого характера. Она опирается на национальную основу, но при этом одета в одежды классического римского языка; она монашеская и аскетичная, но в то же время натуралистическая в соответствии с представлениями древних; она церковная, но не скованная догматическими спорами и канонической схоластикой; наконец, она придворная, но в то же время простая, искренняя и честная. Старогерманский героический фольклор воспроизводится в гекзаметрах, которые имитируют или заимствуют у Вергилия; наивные басни должны подстраиваться под строгий ритм старого стихосложения; чудесные истории о происхождении саксов повторяются на языке Саллюстия и Тацита; монахиня обрабатывает легенды о святых в форме комедии Теренция. Бруно наложил отпечаток своего ума на всю эту литературу. Его вкус к филологическим знаниям, его аскетический пыл, его высокое положение при дворе, которое досталось ему по праву рождения (), оказали заметное влияние на нее на протяжении более века. Но действовал и другой дух, который он не мог и не хотел контролировать. В этих книгах живет также сильный, крепкий и истинный дух немецкого народа.

Десятый век, более чем другие, называют веком варварства, и его начало действительно свидетельствует о закате всего того, что было достигнуто в области искусства и литературы в каролингский период. Но уже в середине века мы можем обнаружить новые семена культуры в германских странах, и именно из них впервые зародилась цивилизация, которая проникла глубже в северные районы и прижилась там. Конечно, сначала эта цивилизация затронула только высшие слои общества — двор, духовенство и дворянство, которое было привлечено в ближайшее окружение двора, но она сыграла практически решающую роль в постепенном преобразовании всех условий жизни Германии. Никто, кроме историка немецкого народа, не осознает, какие изменения произошли в то время в культурных условиях. После того как он вышел из мрака традиций в свет истории уже в каролингский период, в начале X века он снова оказывается в сумерках, в которых невозможно отличить

факты от легенд; традиции спутаны, противоречивы, неполны и разрозненны. Но с середины века ему вновь открываются современные, надежные источники, которые в целом позволяют ему ясно следить за ходом событий; почва под его ногами становится твердой, и лишь изредка он вынужден ступать по неверному пути предположений.

Однако королевская капелла была не только школой обучения, но и одновременно рассадником для церкви и государства, поскольку почти все священники, которые в последующий период были возведены Оттоном и его преемниками на престолы немецких епископств, вышли из нее. Это новое поколение князей церкви, очень непохожее на то, которое породил поздний каролингский период. Эти епископы, проникнутые достоинством своего церковного положения, тем не менее искренне подчиняются центральной власти государства; они охотно участвуют в сражениях короля и с радостью переезжают из одной страны в другую в его интересах и для его выгоды. Иерархическо-теократические идеи далеки от их ума, не менее чем мысль о рабском повиновении Риму, хотя они уважают права святого Петра; однако они проникнуты чувством свободной независимой власти, которую Бог дал им над их епископствами, и правят своими епархиями с патриархальной, всеобъемлющей властью. Своими первоочередными обязанностями они считают организацию церковной дисциплины, реформу монастырей и капитулов, а также пробуждение схоластической жизни; но они считают своим призванием и укрепление своих городов стенами, получение или обеспечение для них привилегий рынков и чеканки монет, развитие торговли, возделывание пустошей, расчистку лесов, правовое регулирование службы своих подданных, сохранение права и справедливости в пределах своих иммунитетов. Все это — практические задачи, которые они ставят перед собой, и они верят, что, выполняя их, служат Богу и своим ближним.

Римская церковь включила многих из этих епископов в календарь святых, но и немецкий народ также обязан этим людям глубочайшей благодарностью. Они внесли немалый вклад в поднятие угнетенной части нации, в возрождение городской жизни и в развитие сельского хозяйства; можно даже сказать, что более определенное развитие национального духа в значительной степени обязано именно им. Из одного центра они разошлись по всем частям королевства; везде, куда бы они ни пошли, они распространяли одну и ту же культуру, одни и те же принципы управления, одни и те же церковно-политические взгляды, и сами оставались, хотя и разлученные, в тесных, часто интимных отношениях друг с другом. Можно сказать, что среди них впервые были установлены четкие очертания национальной политики, которая оставалась неизменной независимо от позиции лица, случайно занимавшего высшую власть в государстве. В этом ряду епископов мы встречаем большое количество самых достойных людей, которые почти на протяжении всего времени проявляли одинаковую любовь к своей немецкой родине, пока борьба за инвестиру не принесла нечестивую раздор во все слои общества. ⁴

УКРЕПЛЕНИЕ МАРКОВ

[936-955 гг. н. э.]

Но гражданские войны, укрепление королевской власти и деятельность церкви были лишь частью интересов Оттона. Со дня его коронации славяне опустошали границы на северо-востоке, а венгры нападали на богатые долины верхнего Дуная. В ходе одной кампании за другой король и его лейтенанты сдерживали вторжение захватчиков. Чтобы обеспечить безопасность своего королевства, Отто предоставил более широкие полномочия графом пограничных земель, маркграфам, и тем самым подготовил почву для усиления власти Бранденбурга и Австрии (Восточная Марка). Он поощрял немецкую колонизацию

вдоль Эльбы и призвал на помощь своим войскам влияние христианских миссионеров. Реформация духовенства принесла ему большую пользу, поскольку со времен Карла Великого миссионерская деятельность монахов и духовенства не приносила таких успехов в борьбе с язычеством и не приносила христианству столько земель и народов.

ПОБЕДА НАД МАГЯРАМИ И ВЕНДАМИ

Но венгры все еще не были покорены, и в 955 году они провели масштабную и окончательную проверку силы нового королевства.^a Мощная партия в Баварии, возглавляемая графом Вернером, братом павшего Арнульфа, под влиянием ненависти к Генриху обратилась за помощью к венграм, которых они пригласили в страну. Уверенные в успехе благодаря своей огромной численности, высокомерные варвары хвастались, что их лошади осушат все реки Германии. Аугсбург, чьи предполагаемые сокровища привлекали их алчность, был осажден ими, но под командованием Бурхарда Швабского был отважно защищен. Их король Пульцко разбил лагерь в Гюнсбурге. Оттон немедленно собрал арьергард всей империи; чехи объединили свои силы с его войсками; только саксы, в то время воевавшие со славянами, отказались. Две армии встретились на реке Лех, недалеко от Аугсбурга. Перед началом сражения Отто обратился к своим войскам, как сделал его отец в подобной ситуации, и, упомянув о победе Генриха, пообещал основать епископство в Мерсбурге, если Бог дарует ему успех.

Это было 10 августа 955 года. Солнце палило на равнину невыносимой жарой. Венгры быстро переправились через Лех, напали на тыл немецкой армии, рассеяли чехов и сильно давили на швабов, когда Конрад, стремясь исправить свою ошибку и вернуть доверие своего господина, совершил чудеса доблести во главе франконцев. Император сражался с мечом в руках в самой гуще боя. Огромное количество врагов утонуло, пытаясь спастись через реку. Конрад был смертельно ранен в шею стрелой, выпущенной в него одним из беглецов, когда он поднял шлем, чтобы дышать свободнее. Говорят, что в этом сражении пало сто тысяч венгров.^[145] Двое их князей, Лехель и Булц, по приказу императора были повешены на воротах Аугсбурга. По мнению некоторых авторов, король Пульцко и четверо военачальников были повешены перед воротами Ратисбона. Вернер был убит разъяренными венграми, но лишь немногие из них смогли бежать в свою страну, почти все беглецы были убиты или выслежены баварскими крестьянами, как дикие звери. Сторонники противоположной партии были безжалостно наказаны Генрихом Баварским, который приказал похоронить их заживо или сжечь в печах с негашеной известью. Епископ Зальцбурга Герольд по его приказу был лишен зрения, а патриарх Лупус Аквилейский постигла еще более ужасная судьба. Это было последнее вторжение венгров, которые в дальнейшем оставались в пределах своих границ, со своей стороны также не подвергаясь нападениям со стороны немцев. Добыча была настолько огромна, что, по преданию, один крестьянин заказал себе серебряный плуг из своей доли. Бесчисленные венгерские лошади, захваченные в ходе этого вторжения, также послужили поводом для создания лошадиного рынка в Кеферлохере.^d

ВОЗРОЖДЕНИЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

[936-962 гг. н. э.]

В течение четверти века Отто (936-962) правил, не имея более высокого титула, чем король франков. Только зимой 962 года этот преемник Карла Великого получил императорскую корону и вновь провозгласил миру факт союза римлян и германцев, на

котором должна была основываться структура современного общества. Теперь мы должны проследить историю того, что Брайс считает настоящим основанием Римской империи средневековья.

Немецкий крестьянин X века

Частью Каролингской монархии, которая больше всего пострадала в мрачный период распада, была Италия. Героические усилия Луи II, последнего достойного потомка Карла, были сведены на нет его ранней смертью без наследника. Тогда Италия стала добычей для дядей и двоюродных братьев, таких как Карл Лысый и Карл Толстый. После их смерти в стране наступила феодальная анархия, в которой наиболее заметными лидерами были герцоги Фриули на севере, Сполето в центре и Капуа и Беневенто на юге, а также маркизы Ивреи и Тосканы и гордые римские графы, такие как семья Крешенций, которые препятствовали консолидации и установлению мира. В самом Риме условия были самыми плохими. Папы избирались духовенством и народом, но насилие толпы вынуждало проводить выборы в условиях беспорядков и возмущения.

[950-962 гг. н. э.]

Над этим миром разрухи и беспорядка все еще висела тень императорской короны. С 900 года она поочередно была наградой для принцев Ломбардии и Прованса (или Бургундии).^[146]

В 950 году Лотарь Бургундский внезапно умер, оставив свою молодую, остроумную и красивую вдову Адельхайд (Аделаиду) один на один с коварством и силой Беренгара II. Беренгар решил выдать ее замуж за своего сына, а когда она отказалась, заключил ее в крепость на озере Комо. Оттуда она сбежала в замок Каносса.

Легенда гласит, что ее спасение произошло благодаря священнику, который пробурил стену ее тюрьмы, и что во время бегства ее так пристально преследовали, что она была вынуждена спрятаться в поле с нескошенным зерном. Ее бегство в Каноссу послужило поводом для вмешательства немецкого союзника, Людольфа Швабского, старшего сына Оттона. Людольф сразу же спустился с Альп; его дядя Генрих Баварский последовал за ним,

чтобы разделить добычу, и заявил свои права на большую часть Венеции, хотя ранее был союзником Беренгара. Но ни один из них не получил награды. В 951 году Отто сам спустился вниз и в Павии, старинном королевском городе лангобардов, отметил свой двойной триумф, приняв титул «короля лангобардов» и женившись на прекрасной Аделаиде. Отныне единственным препятствием для вступления на престол империи была формальность коронации.

Однако прошло девять лет, прежде чем Отто сделал последний шаг. Его сын уехал в Германию, чтобы возглавить грозное восстание против отца, который сорвал его планы. Конрад Рыжий, герцог Лотарингии, присоединился к нему, и гражданские войны разгорелись с новой силой. Именно тогда произошло великое вторжение венгров, чтобы восстановить верность единственному князю, который мог противостоять им. Мятежники подчинились и верно сражались за своего короля. Битва при Лехфельде оставила Отто бесспорным правителем Германии. Новые агрессивные действия Беренгара, которого он оставил подкоролем в Италии, заставили его сделать последний шаг.

Беренгар стремился к независимому суверенитету Италии, в чем его поддерживало большинство народа, чья национальная гордость не терпела деспотического правления ни духовенства, ни немцев. Ломбардские епископы, разгневанные ограничениями, наложенными на них Беренгаром, обратились за защитой к папе, который обратился за помощью к императору. Семейные споры, которые недавно нарушали домашний покой Оттона, борьба с венграми и славянами, в этот момент были благополучно завершены, и воссоединение Италии с империей вновь стало предметом его амбиций. Соответственно, после того как он короновал своего сына Оттона II королем Германии в Аахене и доверил управление империей своему брату Бруно, архиепископу Кельна, и своему внебрачному сыну Вильгельму, который сменил Фридриха на посту архиепископа Майнца, он пересек Альпы (961 г. н. э.), изгнал Беренгара и впервые вошел в Рим, где папа Иоанн XII (сын Альберика) был вынужден короновать его императором.^d

ИМПЕРСКАЯ КОРОНАЦИЯ (962 г. н. э.)

[962 г. н. э.]

Древний обычай требовал, чтобы папа послал римский сенат, то есть знать города, и граждан, носивших оружие, навстречу королю, который должен был получить императорскую корону, пока он располагался лагерем в садах Нерона под Монте Марио, недалеко от церкви Святого Петра, и сопровождал его обратно в город. Соответственно, эта делегация вышла в помпезном шествии с крестами и флагами, драконьими головами и высокими знаменами, в сопровождении корпораций иностранцев в Риме, каждая из которых приветствовала радостное событие веселыми песнями на своем языке. Аристократическая молодежь из первых семей города встретила короля на Монте Марио, поцеловала его ноги, а затем помогла ему сесть на лошадь, присланную папой, на которой они провели его через толпу людей к ступеням, ведущим к внешнему двору собора Святого Петра.

Перед ним сидел папа в полном облачении на золотом троне, окруженный с обеих сторон духовенством. После того как король сошел с лошади и поднялся по тридцати пяти мраморным ступеням, папа поднялся, предложил королю свои губы для поцелуя и протянул ему правую руку в братском приветствии. Затем они прошли через медные ворота просторного внешнего двора, который называли раем Святого Петра, и направились к главным дверям церкви, называемым серебряными дверями (). Однако прежде чем она открылась, король поклялся папе, что он прибыл с чистыми и праведными намерениями в отношении блага города и церкви, и пообещал ему пожертвования, сделанные

предыдущими императорами. Под звуки гимна «Благословен грядущий во имя Господне» они вошли в празднично украшенную и ярко освещенную церковь, которой не было равных во всем мире. Как только король вошел в церковь, он поспешил к могиле святого Петра и пал на колени, чтобы помолиться. Благословение и молитва папы завершили церемонию в церкви. Затем последовал праздничный банкет, который папа устроил для будущего императора, который вечером вернулся в свой лагерь за пределами города.

Так прошел день торжественного приема; сама коронация состоялась только в следующее воскресенье. В тот день люди собрались на улицах с раннего утра; все дома были украшены коврами и навесами; весь город приобрел праздничный вид. Затем все поспешили в город Льва, в собор Святого Петра, где король в пурпурной мантии и золотых поножах ждал папу. Папа появился в полном облачении своего высшего священнического сана. После того как король надел священнические одежды, он был помазан на священника у алтаря и таким образом, как член духовенства, получил императорскую корону и меч из рук папы.

Церковь огласилась громкими поздравлениями и радостными криками толпы. Как только они утихли, лектор зачитал документ, который император составил для папы в отношении владений Святого Петра, и император с великолепными дарами поблагодарил преемника Петра, который увенчал его голову высшей короной в мире.

С такими торжествами король Беренгар был принят в Риме и коронован императором. Мы не располагаем подробностями о приеме и коронации Оттона, но процедура не могла сильно отличаться, когда он въехал в Рим 31 января и 2 февраля 962 года получил императорскую корону от папы в соборе Святого Петра; вместе с ним была помазана и коронована Адельхайда.

Отто достиг цели долгих лет труда. Высшее положение в западном христианском мире, лидерство над всеми государствами, которые вышли из империи Карла Великого, стало его, и через него они стали владениями немецкой нации.⁴

В 964 году Отто вернулся в Германию и провел Пятидесятницу в Кельне, где его сопровождали все немецкие князья, среди которых был и Лотарь Французский. Во всей империи царили мир и безопасность.

ВОЙНЫ В ИТАЛИИ ПРОТИВ ВИЗАНТИИ

Отто вновь посетил Италию (966 г. н. э.), где Адальберт, сын Беренгара, поднял восстание в Ломбардии; он был разгромлен на По Бурхардом Швабским. Папа Лев VIII умер; новый папа, Иоанн XIII, ставленник императора, изгнанный из Рима противниками, был восстановлен в должности Пандольфом, доблестным князем Беневенто, последним лангобардом, сохранившим отцовскую храбрость и верность среди пороков Италии. Первым делом Отто, по прибытии в Рим, было наложение сурового наказания на непокорных римлян; тринадцать самых выдающихся граждан были повешены. Между императором и папой был заключен новый, более тесный договор, по которому папе были возвращены отнятые у него владения в Равенне, в обмен на что он торжественно возложил императорскую корону на голову Оттона II, что было редким событием при жизни и в присутствии отца.

Все сопротивление непреодолимой власти императора теперь прекратилось — вся верхняя и центральная Италия лежала в тихом подчинении у его ног. Его первым шагом было введение новой формы правления в Ломбардии. Он заменил великих герцогов, за исключением своего союзника Пандольфа, многочисленными мелкими маркграфами, большинство из которых были немцами по происхождению. Он также поселил значительное число немцев в разных городах и таким образом создал партию, благоприятную имперской власти, которая уравновешивала мятежный дух лангобардов и римлян. Пандольф из Беневенто, прозванный Железной Головой, и мелкий герцог Гисульф из Салерно, чья слабоумие делало его непостоянным по отношению к союзникам, защищали границы верхней и центральной Италии от греков, которые все еще удерживали власть над нижней Италией, и сарацинов, которые уже поселились на Сицилии. Отто и его императрица Адельхайда посетили Пандольфа (968 г. н. э.), который принял их с большой пышностью.

Во время своего пребывания в Беневенто Отто предпринял завоевание нижней Италии. Бари, сильно укрепленный греческий мегаполис, оказал доблестное и успешное сопротивление, и он прибег к своей излюбленной политике и отправил своего доверенного человека, Лютпранда, знаменитого историка, ко двору Никифора, греческого императора, чтобы просить руки прекрасной принцессы Феофано, дочери покойного императора Романа, для своего сына Оттона II, вероятно, в надежде получить Италию в качестве приданого. Его просьба была с презрением отклонена, и Отто в следующем году предпринял вторую кампанию, с большим расчетом выбрав маршрут следования через Альпы, разделяющие южную Италию на две части, и таким образом контролируя Апулию на востоке и Калабрию на западе. Открыв таким образом путь, он вернулся тем же путем, оставив завоевание низменной страны Пандольфу, который, имея несчастье быть взят в плен перед Бовино и отправлен в Константинополь, греки под командованием патриция Евгения пересекли границу, опустошили страну в окрестностях Капуи и Беневенто и с большой жестокостью обращались с жителями. Отто, который в тот момент находился в верхней Италии, послал графов Гунтера и Зигфрида, чтобы противостоять им; была одержана блестящая победа, и победители, воодушевленные духом мести, лишили греческих пленных правых рук, носов и ушей. В 970 году сицилийские сарацины вторглись в страну, но были разгромлены графом Гунтером при Кьярамонте. В это время император Иоанн, взошедший на престол Греции после убийства Никифора, восстановил свободу Пандольфа Железного, заключил мир с Оттоном и дал согласие на союз Оттона II с прекрасной Феофаной (), которую из Константинополя сопровождал архиепископ Кельнский Геро, преемник Бруно, во главе многочисленной свиты.

Ее приняли во дворце Пандольфа в Беневенто император и молодой жених. Ее необыкновенная красота вызвала всеобщее восхищение. Свадебная церемония была торжественно отмечена в Риме (972 г. н. э.). Эта принцесса внесла важные изменения в нравы Германии, введя греческие обычаи, которые постепенно распространялись от двора, где ее влияние было ощутимо в первую очередь, и повлияли на общие привычки народа благодаря изменениям, введенным в монашеских академиях. Немецкий двор перенял большую часть пышности и этикета греческого двора. С ростом роскоши увеличивалось число слуг, а простые манеры искренних немцев сменились утонченностью и льстивостью придворных. Император также принял греческий титул «священное величество» (*sacra majestas*). Южная Италия осталась в руках греков.^d

СРАВНЕНИЕ ГЕНРИХА ПТИЧЕЛА И ОТТО С КАРЛОМ ВЕЛИКИМ

Ощущение своей неприкосновенности, возможно, подбадривало императора в пути к его собственному палатинату и церкви в Мемлебене на Унструте, где река, мирная и спокойная на поверхности, но бурная в глубине, извивается из долины через соседние горы, которые до сих пор сохранили название, которое носили в древности. Предполагается, что это было древнее германское захоронение. Он прибыл туда 6 мая 973 года. Скорее всего, он приехал туда с предчувствием смерти. Но смерть витала над ним. 7 мая он все еще соблюдал часы молитвы, не без перерывов на отдых и «подачу руки бедным», как гласит хроника.

За столом он казался веселым. Во время вечерней службы, слушая пение Евангелия, его охватил ужас смерти. Охваченный жаром и слабостью, он был усажен на сиденье, принял причастие и умер без какой-либо предшествующей болезни или агонии. Так человек, которого можно было считать правителем всего западного мира, неожиданно постигла судьба смертных. Неиссякаемая энергия сопровождала его до конца жизни, когда она внезапно была побеждена. Ему было всего шестьдесят один год, когда он скончался; его отец умер примерно в том же возрасте, в том же месте, после очень активной жизни.

Даже рискуя повториться, добавим несколько замечаний о положении этих двух великих людей в мире.

Им предшествовали Пепин и Карл Великий, также отец и сын, благодаря преемственности и сотрудничеству которых Запад приобрел свою окончательную форму. То, что запланировал отец, сын осуществил с помощью осторожной политики и удачи в военном деле; под его долгим и мирным правлением была образована Западная империя. Отношения между Генрихом и Оттоном были не совсем такими же. В отношении Генриха нет ничего, из чего можно было бы сделать вывод, что его планы легли в основу действий его сына. Но, сменив друг друга в изменившихся обстоятельствах, они добились величайшего успеха. Именно им мы обязаны тем, что королевство Каролингов было сохранено. Отец и сын работали вместе, чтобы изгнать самых опасных врагов, которые когда-либо нападали на Германию. Благодаря Оттону Италия вновь тесно объединилась с империей, а западная Франция сохранила с ней мирные отношения. Западный мир, его мощь и цивилизация зависели от союза трех великих земель.

[973 г. н. э.]

Немецкий вождь

Для укрепления империи союз Карла Великого с папством был чрезвычайно важен; церковные и светские интересы сотрудничали друг с другом. Церковь принадлежала латинскому миру, но она оказала длительное влияние на германские племена. Она объединила их религиозные взгляды с идеей апостольской миссии святого Петра и с традициями древности. Таким образом, Саксония, которую Карл подчинил силой оружия, была организована как церковная провинция; Бавария была подчинена прямым влиянием папы великому королевству, которое затем стало империей, то есть конституция империи, включавшая латинские элементы, не была принята без влияния папы. Тем не менее, для поддержания единства всех своих провинций великому князю была необходима личная власть.

С тех пор, как уже отмечалось, произошли значительные изменения. Противостояние между духовенством и высшими властями, унаследованное от древности, вновь вспыхнуло; духовенство приобрело такое развитие и силу, что светская власть в руках Каролингов уже не могла вмешиваться в его дела. В Германии иерархические доктрины также были на переднем плане, и вполне могло показаться, что сущность немецкого духа была поглощена ими. Но как можно было избежать этого поглощения? Несомненно, это произошло главным образом благодаря созданию княжеского дома, который был по сути германским и полностью реализовал идею светской власти. Империя, которую завоевал Генрих I и которую Оттон Великий возвел в величественное сооружение, имела германскую жилу преобладающей силы и остроты; она вернула власть светской власти — не только верховной власти, но и подчиненной ей власти, и к ней присоединились те епископы, которые были свободны от власти папы в Риме, до сих пор абсолютной. Если бы произошло безусловное подчинение духовенства, это разрушило бы основу империи. Религиозная идея не была отвергнута саксонскими князьями, но церковная политика претерпела изменения. Теперь целью было обеспечить независимость имперской и королевской власти и спасти ее от вмешательства духовенства в управление.

Она стремилась к сосуществованию двух властей с преобладанием светской. Это был принцип Германской империи, автономно возведенной Генрихом и Оттоном на фундаменте Каролингов. Отношения европейских наций были реорганизованы в результате объединения Германии. В Англии и Франции они не были столь удачны, как в Германии; северные вторжения не были отбиты, национальности даже изменились под их влиянием. У них были другие требования, другие центры. Возвышение светской власти само по себе создало для них новые основы.

Если империя стремилась к всеобщей власти, от этой попытки пришлось бы отказаться. Полная аннулирование папской власти было бы невыносимо для Германской империи, а соседние народы были далеки от того, чтобы подчиняться такой центральной власти, которая бы таким образом возникла. Пробудившееся национальное чувство заложило основу Германской империи, хотя религия не осталась без влияния. В течение следующего столетия последнее приобрело большую силу. Все эти причины привели к возникновению сложной цивилизации, которую мы называем западным христианством, поскольку с тех пор хаотичные силы и тенденции продвигались к объединению. Основанное таким образом государство стало основой современной цивилизации.^e

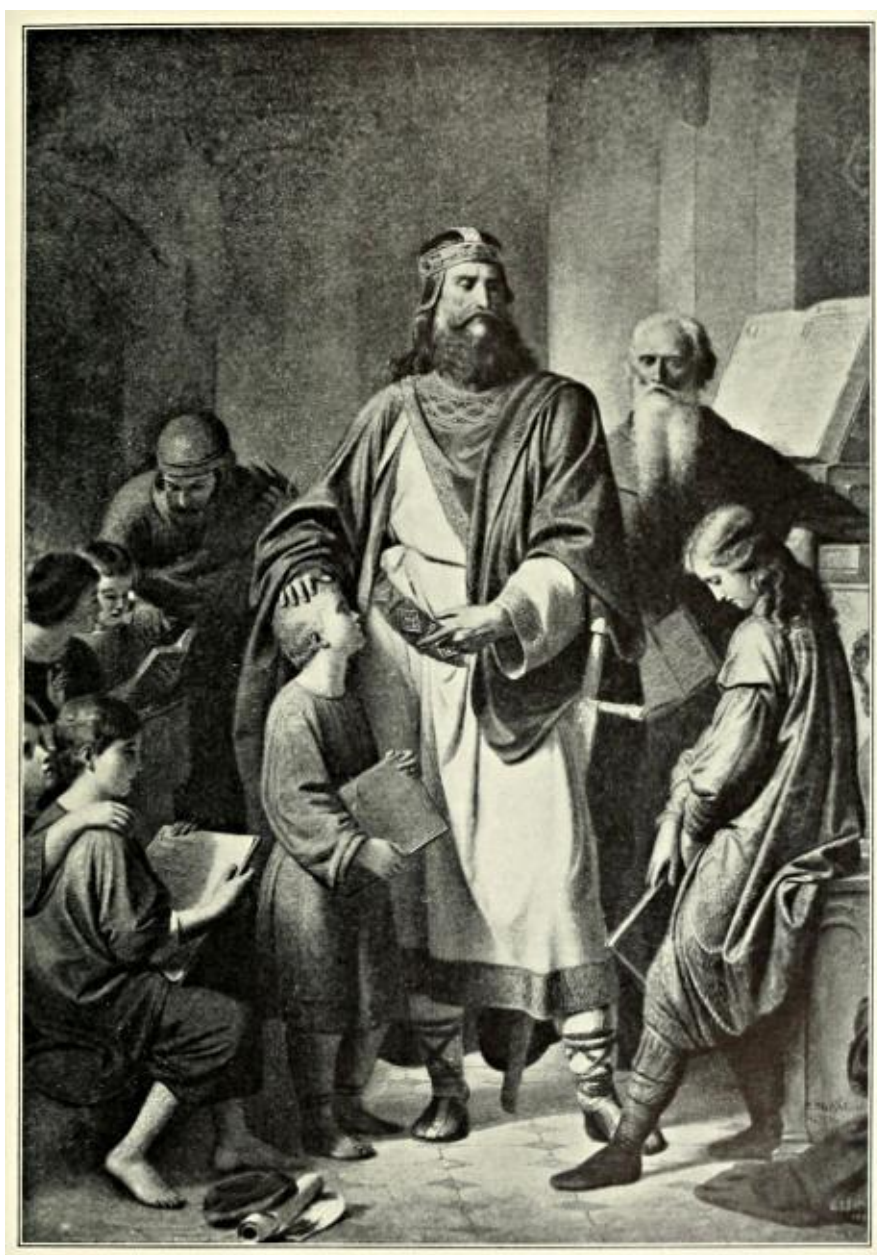
НЕВИДИМЫЕ ЗЛА ПРАВЛЕНИЯ ОТТО

[962 г. н. э.]

Безусловно, самым важным событием в насыщенной событиями жизни Оттона было его вступление на Ломбардский и императорский престолы. Его преемники так последовательно следовали его примеру, что монарх, коронованный в Аахене, считал своим правом быть впоследствии коронованным в Милане и Риме. Так возникла Священная Римская империя, это странное государство, которое, непосредственно унаследовав империю Карла Великого от империи цезарей, содержало в себе столько элементов, чуждых древней жизни. Мы здесь рассматриваем его только в той мере, в какой оно затрагивало Германию. Сама Германия до XIX века никогда не становилась империей. Правда, по крайней мере Священная Римская империя фактически ограничивалась Германией, но в теории это было совсем другое. Как и Франция, Германия была королевством, но отличалась от Франции тем, что ее король был также королем Италии и римским императором. Поскольку последний титул делал его номинально светским повелителем мира, можно было ожидать, что это возбудит гордость его немецких подданных; и, несомненно, со временем они научились высоко ценить себя как имперскую расу. Однако факты свидетельствуют о том, что поначалу они не стремились к этой чести и предпочли бы, чтобы их правитель ограничивался строго своим народом. Есть признаки того, что во время правления Оттона они начали осознавать свою национальную жизнь, и одним из таких признаков было использование слова «deutsch» для обозначения всего народа.

Связь их королевства с империей привела к тому, что на протяжении веков они были самой раздробленной из европейских наций. Франция состояла из ряда слабо связанных между собой земель, каждая из которых имела своего собственного правителя, в то время как Германия под властью Оттона в значительной степени управлялась единой волей, была хорошо организована и сильна. Но внимание французских королей было сосредоточено на их непосредственных интересах, и со временем они привели своих непокорных вассалов в порядок. Немецкие короли, как императоры, имели обязанности, которые часто уводили их на долгие периоды из Германии. Уже одно это могло пошатнуть их авторитет, поскольку во время их отсутствия великие вассалы захватывали права, которые впоследствии было трудно вернуть. Таким образом, императорская корона была самым роковым даром,

который мог быть предложен немецким королям; казалось бы, давая им все, она лишала их почти всего. И тем самым она причинила многим поколениям неисчислимые и ненужные страдания.

КАРЛ ВЕЛИКИЙ И УЧЕНЫЕ

Своей политикой в поздние годы Отто многое сделал для подготовки почвы к процессу распада, который он сделал неизбежным, восстановив империю. С разделением королевства на пять великих герцогств правитель всегда мог бы сохранить по крайней мере столько единства, сколько обеспечил король Генрих; и, как показал опыт самого Отто, были бы шансы на гораздо большую централизацию. Однако он упустил это преимущество. Отто отказался от практики удерживать герцогства либо в своих руках, либо в руках родственников. Даже Саксония, его родное герцогство и главный источник его силы, была передана маркграфу Биллунгу, чья семья впоследствии долгое время удерживала ее.

В качестве компенсации за власть князей — ведь непосредственные вассалы короны, находившиеся у власти, имели ранг князей — Отто, особенно после того, как он стал императором и стал считать себя защитником церкви, значительно увеличил влияние прелатов. Император считал, что, поскольку церковные земли и должности не могли быть наследственными, их обладатели будут неизбежно благосклонны к короне. Но он забыл, что у церкви был глава за пределами Германии и что страсть к правам ордена может быть не менее сильной, чем страсть к правам семьи. Пока империя была в мире с папами, прелаты церкви решительно поддерживали ее, и их влияние, в целом, было, несомненно, гораздо выше, чем влияние грубых светских дворян.

Но в условиях конфликта между империей и папством они не могли не подчиняться, как правило, той власти, которая имела наиболее священные права на их лояльность. Из всех этих обстоятельств любопытно, что правитель, который больше всех других способствовал укреплению королевской власти, был также правителем, который больше всех других способствовал ее упадку.^f

ОТТО II (973-983 гг. н. э.)

[973-977 гг. н. э.]

Отто II был невысокого роста, но сильным и мускулистым, с чрезвычайно румяным цветом лица; он имел вспыльчивый характер, но его смягчало изысканное и образованное воспитание, которое он получил благодаря заботе своей матери Адельхайд; его жена Феофано также разделяла его любовь к науке. Тем не менее, итальянская кровь, текла в его жилах, слишком отчуждала его от Германии и пробуждала в нем столь сильную тягу к югу, что его ум не мог полностью поглотиться заботой об империи, так же как его грубые, но честные немецкие подданные не могли принять пышность и изысканность его двора.

После смерти благочестивой Хедвиги Швабию унаследовал Отто, сын Людольфа, между которым и Генрихом Спорщиком из Баварии продолжалась древняя вражда, возникшая из-за протяженности границ между их отцами. Император решил вопрос в пользу Оттона, и сварливый Генрих немедленно попытался разжечь давнюю национальную ненависть баварцев и поднять их на открытое восстание. Он также заключил союз с Болеславом Чешским, но Отто опередил его в его замыслах, бросил его в тюрьму, передал Баварию Отто Швабскому, а Каринтию графу Генриху Младшему, сыну Бертольда, вероятно, Бабенбергу; этот граф встал на сторону Генриха Баварского, поднял восстание и был свергнут в 974 году. В результате Каринтия также была передана Оттону. В следующем году Харольд, король Дании, внезапно вторгся в Саксонию, откуда был успешно отбит. Вскоре после этого события Генрих сбежал из тюрьмы, вновь поднял знамя восстания, к нему присоединились чехи, но он снова потерпел поражение и был вновь взят в плен (977 г. н. э.).

ОТТО ВО ФРАНЦИИ И ИТАЛИИ

[978-983 гг.]

В 978 году н. э. на Западе вновь разразилась война, когда Карл, брат Лотаря, короля Франции, попытался захватить Лотарингию, но был отбит Оттоном, который продвинулся до Парижа и сжег пригороды. Тем не менее, город устоял перед его нападением, и на обратном пути домой Отто был застигнут врасплох вероломным графом Хеннегау и вынужден был пойти на уступки своим противникам: Карлу было позволено удерживать нижнюю Лотарингию в качестве феода империи, а верхняя Лотарингия была передана Фридриху, графу Бара.

Отто, чьи естественные склонности привлекали его к Италии, был вскоре вызван туда делами этой страны. Кресценций (Cencius) узурпировал власть в Риме и попытался возродить память о древних временах, провозгласив себя консулом. Папа Бенедикт VII был убит по его приказу и заменен его ставленником Бонифацием VII, против которого тосканские империалисты возвели на папский престол Бенедикта VIII (). Присутствие Оттона в Риме (980 г. н. э.) быстро восстановило порядок. Кресценций был помилован. Во время своего пребывания в Риме Оттон принял Хью Капета, тайного соперника Лотаря за трон Франции, чьи притязания были поддержаны императором из-за неблагодарности французского монарха за услуги, ранее оказанные его предкам императорским домом Саксонии.

Затем внимание императора привлекла Нижняя Италия, где он попытался силой захватить долю своей жены. Греки, до сих пор непрерывно воевавшие с арабами, немедленно объединились с ними против общего врага. Неаполь и Таранто были взяты Оттоном, а союзники были разгромлены под Котроной (981 г. н. э.); Абул Касим, ужас Нижней Италии, и множество арабов остались на поле битвы. Следующая кампания оказалась катастрофической для императора, который, во время сражения с греками на побережье недалеко от Басантэлло, недалеко от Таранто, был внезапно атакован с тыла арабами и настолько разгромлен, что был вынужден спасаться бегством и обязан своим спасением исключительно скорости своего коня. Блуждая по берегу в постоянном ожидании, что его схватят враги, он заметил греческое судно, к которому он поплыл верхом на лошади, надеясь, что его не узнают те, кто находится на борту. Его подняли на борт. Один раб узнал его, но вместо того, чтобы выдать, выдал его за одного из камергеров императора. Греки направились в Россано с намерением взять на борт сокровища мнимого камергера, который, как только корабль приблизился к берегу, внезапно прыгнул в море и сбежал.

Нижняя Италия осталась в руках греков и управлялась экзархом. Арабы также сохранили владение Сицилией.

ПОДЧИНЕНИЕ СЛАВЯН

[983-1004 гг. н. э.]

Мистевой, доблестный князь аводритов, благоволил к христианской религии, последовал за знаменем Оттона II и служил под его началом в Италии; по возвращении на родину он просил руки Мехтильды, сестры Бернхарда Саксонского, и, будучи оскорблен ревнивым Дитрихом, который назвал его собакой и недостойным христианской или немецкой невесты, ответил: «Если мы, славяне, собаки, то мы докажем вам, что мы умеем кусаться». Язычники-славяне, которые всегда были готовы к восстанию, с еще большей готовностью откликнулись на его призыв, из-за смерти Дитмара, который вместе со многими другими тираническими правителями пал в итальянской войне. Перед своим идолом Радегастом они принесли клятву вечной вражды немцам и священникам и, внезапно подняв открытое восстание, убили всех, кто попался им в руки (983 г. н. э.), сравняли с землей все церкви и полностью разрушили города Гамбург и Ольденбург, а также Бранденбург и Хавельбург.

Земли Дитриха превратились в одну большую пустошь. Шестьдесят священников были заживо сняты с кожи. Тем не менее, мятежники были полностью разгромлены Дитрихом и Риддагом в сражении под Тангермюнде. Однако император, более справедливый, чем его отец, лишил жестокого Дитриха власти и передал ее Ходо. Риддаг и его двоюродный брат, вышеупомянутый граф Дедо, остались в Мейсене, откуда Риддаг был впоследствии изгнан богемцами. Его вернул его двоюродный брат и преемник, храбрый Экхарт, чьи подвиги были сопоставимы с подвигами Бернхарда Биллунга, который вернулся из Италии, чтобы противостоять аводритам на западной границе. Упорство, с которым славяне, несмотря на ужасные поражения, все еще сопротивлялись, подтверждается тем фактом, что Бранденбург был впервые отвоёван в 994 году.

Мирное обращение богемцев и поляков в основном способствовало постепенному, но полному подчинению славян на границах. Независимость Богемии и Польши была возможна только до тех пор, пока за их спиной существовали могущественные славянские языческие государства. Теперь эта опора была утрачена. Польша уже была христианизирована, а пражский епископ Адальберт был прославленным богемским святым. Примерно в этот же период христианство прочно укоренилось в Дании, хотя и не без ожесточенных борьбы.

В этот период большие изменения произошли и во Франции. Умер Лотарь (986 г. н. э.), и в следующем году его единственный сын, Людовик V. Карл Лотаринский, брат Лотаря, претендовал на трон, но был исключен партией Капетингов. Неуважение, которым он пользовался из-за своих развратных привычек, и отказ в помощи со стороны Германии, где император, недовольный поведением Лотаря, больше не благоволил Карловингам, сделали его беззащитным; он попал в руки своего соперника, Гюго Капега, и умер в тюрьме (993 г. н. э.). Его сын Отто, последний из династии Каролингов, умер в заброшенности и презрении (1004 г. н. э.).

ОТТО III (983-1002 гг. н. э.)

Смерть Оттона II, вызванная тяготами, которые он перенес в Базантэлло, наступила в Италии (983 г. н. э.). Его сын Оттон III, трехлетний ребенок, был назначен его преемником под совместной опекой Феофано и Адельхайды, которые дали ему такое образованное воспитание, что он получил прозвище «*вундеркинд*» за свою раннюю интеллектуальную зрелость.

Генрих Спорщик, который претендовал на трон и захватил молодого монарха, своим поведением уже отдалил от себя своих соотечественников-саксов; память о жестокостях, совершенных его отцом, также сделала его непопулярным в Баварии, и он был быстро подчинен франконской партией, во главе которой стоял Виллигис, ученый архиепископ Майнца. Он был сыном колесного мастера и взял колесо в качестве герба архиепископства со словами: «Виллигис, Виллигис, помни свое происхождение». Следующими по рангу после этого духовного главы империи стояли Конрад, герцог Франконии и Швабии, и Генрих, герцог Баварии. Генрих Спорщик был вынужден выдать императора и принести ему клятву верности, в обмен на что он был восстановлен в герцогстве Баварии после смерти Генриха Младшего. Маркграфство Австрии было передано Леопольду I, внуку Адальберта Бабенбергского, которого предал Хатто. Этот храбрый маркграф проявил такую активность, что в 983 году изгнал венгров из Эмса, захватил их королевский замок Мёльк и заставил их оставаться в пределах современной Венгрии. Их король Гейса последовал примеру правителей Богемии и Польши и принял крещение из рук Пильгерина, епископа Пассау; он также стремился сохранить мирные отношения с Германской империей; тем не менее, христианство впервые стало национальной религией во время правления его сына, святого

Стефана, который взошел на престол в 997 году и умер в 1038 году. Этот монарх женился на Гизеле, дочери Генриха Спорщика, и этот союз укрепил его союз с Германией. Леопольд поселил многочисленных немецких колонистов в Нижней Австрии, стране, отвоеванной им у венгров, которую посетили новые миссионеры, оставившие там неизгладимые следы своего рвения.

Как только скипетр Германии вновь оказался в руках ребенка, духовенство и великие вассалы империи попытались вернуть себе власть, которой они были лишены во время предыдущих правлений. Молодой император, под влиянием своей матери и бабушки, которые очень благосклонно относились к духовенству, одарил его богатыми землями и бенефициями. Мир, безусловно, сохранялся во всей империи, герцоги довольствовались тем, что укрепляли свою власть внутри государства, не встречая сопротивления со стороны императора. Однако война все еще продолжалась на славянской границе, где Отто иногда разрешалось появляться лично, чтобы он мог проявить свою доблесть и заслужить звание рыцаря.

ОТТО III НАЗНАЧАЕТ И СНИМАЕТ ПАП

Теофано и Адельхайд, чьи мысли всегда были обращены к Италии, их родной стране, не бездействовали в своих усилиях пробудить амбиции юного Оттона, который, достигнув совершеннолетия, стремился к владычеству над этой страной, где после смерти Оттона II итальянская партия вновь поднялась на противостояние императору. Кресценций, узурпировавший неограниченную власть в Риме, организовал убийство папы Иоанна XIV и изгнал его преемника Иоанна XV, который созвал чрезвычайный собор в Реймсе (995 г. н. э.).

[996-1000 гг. н. э.]

Немецкие епископы и папа, возмущенные таким поведением, единодушно осудили его на соборе в Реймсе, и он был вынужден уступить. Папа скончался в следующем году, и император вторгся в Италию с целью наладить дела церкви. Крещентий был быстро побежден и помилован. Отто, воодушевленный юношеским энтузиазмом, полагал, что будущее счастье мира будет обеспечено более тесным союзом императорской и папской власти, и, хотя сам едва вышел из юности, собственноручно возложил тиару на голову Бруно, сына Отто Каринтийского, которому тогда было двадцать четыре года и который получил имя Григорий V.

Едва император покинул Рим, как Крещенций вновь поднял знамя восстания, разжег все мрачные и дьявольские страсти римского народа, и без того возмущенного тем, что тиару надел чужеземец, и избрал папой другого итальянского негодяя, Иоанна XVI. Император немедленно вернулся и, вновь войдя в Рим, где одного его присутствия было достаточно, чтобы успокоить бурю, приказал лишить претендента на папский престол зрения и провести его по городу на ослике. Крещентий, который тщетно бросился в Ангельбург, был казнен (998 г. н. э.). Однако обоснованные надежды германской партии были обречены на провал из-за итальянских козней, и нам остается только догадываться, какой могла бы стать Европа, если бы этим двум благородным молодым людям доверили на более длительный срок ее мирское и духовное благополучие.

Папа Григорий V внезапно скончался в 999 году. Его смерть была вполне справедливо приписана отравлению. Его преемником стал Герберт под именем Сильвестр II. Его глубокие знания и ученость привели к тому, что его повсеместно считали волшебником.

Смерть Григория, друга его юности, вызвала глубокую угрюмость в душе императора, на которую также повлияли увещевания двух итальянских энтузиастов, святых Ромвальда и Нила, которые приобрели над ним большую власть и, будучи соотечественниками Крешенция, упрекали его, в частности, за суровость, с которой он обошелся с этим предателем, и которую они осуждали как преступление.

В конце концов император был вынужден в течение четырнадцати дней каяться в пещере, посвященной архангелу Михаилу, на горе Гаргано в Апулии, а также совершить паломничество к мощам святого Адалберта в Гнезне, в Польше. Тем не менее, он вновь появился здесь в качестве императора, еще более укрепив дружеские отношения, которые уже существовали между Германией и Польшей (). Он присвоил титул короля Болеславу Хробру, сыну Мисеко и богемской Добровы [4](#).

Немецкий лучник

Отто поступил с венграми точно так же, как его шурин незадолго до этого поступил в Константинополе с русскими. Мы видим, что дом Порфирогенитов, к которому Отто принадлежал по материнской линии, тесно связан с распространением христианства как на восток от Константинополя, так и в Западной империи от Рима. Судьба распорядилась так, что одно королевство должно было объединиться с восточным, а другое — с западным христианством. Оба находились в руках рода пурпурных (Порфирогенетов), и в результате произошло новое разделение между Восточной и Западной империями по старым границам, поскольку византийцы не распространили свое влияние ни на Венгрию, ни на Польшу, оставив обе эти страны Западной империи.

Заметным событием этой эпохи является хронологическое совпадение обращения в христианство венгров, русских и поляков. Но личностью, которая объединяет всю массу, по-прежнему остается молодой император.^b

[1000-1014 гг. н. э.]

Во время визита в Аахен Отто распорядился открыть гробницу Карла Великого. Монарх был обнаружен сидящим на своем троне. По возвращении в Рим Отто объявил о своем намерении сделать город столицей современного мира, как он был столицей древнего мира, но римляне были неспособны ни понять его грандиозные планы, ни осознать преимущества, которые они получили бы, если бы их город вновь стал имперской резиденцией. Бессмысленный и жестокий народ снова поднял открытое восстание. Однажды Отто, обращаясь к ним с башни, упрекнул их за их глупость и убедил их разойтись. Его смерть, произошедшая в 1002 году, была приписана отравлению, но, скорее всего, была вызвана оспой. В следующем году скончался и папа Сильвестр, а вместе с ним исчезла всякая надежда на реформу церкви, которая вновь попала под влияние Италии.^d

Память о молодом императоре с таким чудесным чувством фантазии и такой печальной судьбой не могла легко исчезнуть из мира. Поэтические рассказы, возникшие после ранней смерти Оттона, сохранили память о нем среди народа дольше, чем трезвые исторические хроники. Говорили, что Оттон погиб из-за любовного предательства; это пылкое сердце, столь чувствительное к дружбе, не могло остаться незатронутым магией любви. Стефания, красивая, но гордая и бессердечная римская дама, вдова Крешенция — так гласит наиболее распространенная легенда — покорила императора своим очарованием и, когда он полностью отдал ей свое сердце, отравила его, чтобы отомстить за смерть мужа. В этой истории есть глубокая правда, но не дочь Рима, а сам Рим с его неувядаемым очарованием поработил, предал и убил юношу, увенчанного императорской короной.^c

ГЕНРИХ (II) СВЯТОЙ (1002-1024 гг. н. э.)

Отто умер бездетным, и вопрос о престолонаследии вновь стал предметом спора. Генрих Баварский, сын Генриха Спорщика, претендовал на престол как ближайший родственник и пользовался поддержкой духовенства благодаря своей набожности и щедрости по отношению к церкви. Партия Генриха значительно укрепилась благодаря присоединению к ней Виллигиса, набожного архиепископа Майнца. Экхарт, его самый опасный противник, погиб, не успев осуществить свои планы. После этого Генрих отправился в Аахен, где был коронован. Маркграф Генрих Швайнфуртский сразу после коронации императора потребовал герцогство Бавария, которое освободилось после вступления Генриха на престол и на которое также претендовал Бруно, брат императора. Оба соперника получили отказ от Генриха, который передал Баварию своему шурину Генриху, графу Люксембургскому, после чего два соперника вступили в заговор против него с Болеславом II Богемским, который не унаследовал миролюбивый характер своего отца. Они были разгромлены императором под Кройссеном (1003 г. н. э.) и помилованы.

На Востоке дела обстоят иначе: великий завоеватель Болеслав Храбр из Польши подчинил Киев в России своей власти. В Чехии Болеслав нарушил свою присягу на верность империи. Древний род Кракуса деградировал. Конкурирующая династия Вршовецев стояла во главе демократической и языческой партии, но могла лишь слабо сопротивляться более могущественной христианской партии с помощью мелких уловок. В конце концов, убийство одного из Вршовецев по приказу Болеслава () привело к образованию заговора против него;

Болеслав был заманен в Польшу, где попал в руки разъяренных Врсовцев, которые лишили его зрения и передали Богемию, Моравию и Силезию в руки Болеслава Польского. Последовала большая реакция. Болеслав, возглавив объединенных поляков и чехов, вторгся в Лаузиц и Мейсен.

[1014-1022 гг. н. э.]

После нескольких тяжелых кампаний император наконец сумел отделить Богемию от Польши и посадить на трон этого герцогства Удальриха или Ульриха, брата слепого Болеслава. Удальрих был вероломным и тираническим правителем. Чтобы более прочно укрепить свое владение короной, он лишил зрения своего второго брата, Яромира. Болеслав Польский попытался переманить его на свою сторону и послал своего сына Мечислава вести с ним переговоры. Удальрих выдал его императору, который немедленно вернул ему свободу. Тем не менее война продолжалась. Император потерпел поражение (1015 г.), вероятно, на Бобере, когда половина его армии, перешедшая реку, была внезапно атакована врагом. Мечислав, воодушевленный этим успехом, атаковал Мейсен; замок был подожжен, но пожар был потушен женщинами, которые облили распространяющиеся пламени медом. Затем император предпринял новую экспедицию в Силезию, где осадил город Нимпч, но без успеха. В конце концов, в Баутцене (1018 г. н. э.) был заключен мир с Польшей.⁴

В первые годы польской войны захват Валенсьена Бодуэном IV, графом Фландрии, также привлек войска Генриха в Лотарингию; немецкий правитель не мог похвастаться успехом своей экспедиции в этом регионе. Бодуэн, действительно, был вынужден подчиниться номинально, но он получил от Генриха не только графство Валенсьен, но и остров Валхерен, а также значительную часть Зеландии.⁴

ПОЛИТИКА ГЕНРИХА

Генрих не проводил в жизнь нереальную имперскую политику Оттонов. Хотя он несколько раз посещал Италию и был коронован королем в Павии (1005 г.) и императором в Риме (1013 г.), его интересы были явно германскими, и итальянские дела больше не занимали первостепенного места. Его родиной была Германия, а не Рим, и в этих более узких пределах его политика, скорее национальная, чем имперская, была успешной. Возведенный на престол без преимущества прямого происхождения от великого Оттона, он попробовал новый способ подчинить себе магнатов королевства, благосклонности которых он обязан был своей короной. С помощью церковных соборов и ассамблей или сеймов он пытался удержать свое королевство под контролем. Хотя он был хорошим другом духовенства, он не был их инструментом, как его часто обвиняли. Он использовал их, как делал это Отто I, в качестве инструментов своего светского правления, и благодаря его поощрению монашеских реформ Чени он, как и народ, пожнал много плодов.

Собрания, которые созывались по его призыву для обсуждения государственных дел, теперь считаются первыми рейхстагами, а его правление в некотором смысле является отправной точкой для создания некой конституционной организации Германии.⁴

В 1016 году Генрих обогатился благодаря пожертвованию еще одного королевства. Рудольф III, король Бургундии, не имея детей, решил передать свои владения императору, своему племяннику, и, несмотря на протесты своих подданных, которые требовали права избирать своего правителя, сдал свою корону Генриху, сохранив за собой на всю жизнь титул короля, но подчинившись империи как вассал. Рудольф прожил после этого шестнадцать лет и умер в 1032 году, завещав свою корону правящему императору.⁴

Генрих был чрезвычайно набожным и, следовательно, почитался духовенством. Он провел пять соборов в Германии, улучшил и исправил церковную дисциплину, восстановил церкви, разрушенные славянами, и воздвиг величественный памятник своей памяти, основав епископство Бамберга, которое он обогатил за счет соседних землевладельцев, среди которых был епископ Вюрцбурга, упорно сопротивлявшийся его нововведениям, пока не был умиротворен многочисленными подарками. Папа Бенедикт VIII () посетил Бамберг в 1020 году с целью освятить новое учреждение. Императрица Кунигунда была столь же набожной. Императорская чета дала взаимную клятву целомудрия и осталась бездетной. Однако добродетельность Кунигунды не ушла от клеветы, и она добровольно подверглась испытанию огнем и «прошла невредимой по раскаленному железу». Генрих на смертном одре назначил своим преемником графа Конрада, герцога Франконского, поскольку тот был самым способным потомком самого могущественного рода, оставшегося в Германии после вымирания рода Оттонов, тем самым с равной великодушием отплатив за щедрое поведение Конрада I, когда тот умирал, по отношению к дому Саксонии. Он скончался в 1024 году и был похоронен в Бамберге.^d

ОТНОШЕНИЯ ИТАЛИИ К ИМПЕРИИ ПОСЛЕ СМЕРТИ ГЕНРИХА II

[1002-1024 гг.

После смерти Оттона III бездетным в 1002 году был заключен договор между Италией и императорами из дома Саксонии. Ее обязательство верности, конечно, не распространялось на каждого правителя, которого германские князья могли возвести на свой трон. Соответственно, Ардуэн, маркиз Ивреи, был избран королем Италии. Однако среди ломбардских князей и епископов существовала немецкая партия, которой его надменное поведение вскоре дало повод пригласить Генриха II, нового короля Германии, являвшегося родственником их покойного правителя. Ардуэн был покинут большинством итальянцев, но сохранил своих бывших подданных в Пьемонте и в течение многих лет боролся за корону с Генрихом, который проводил в Италии очень мало времени. В этот период практически не существовало признанного правительства, и лангобарды по необходимости все больше привыкали защищать себя и обеспечивать собственную внутреннюю полицию.

Между тем немецкий народ стал ненавистным для итальянцев. Грубые солдаты, надменные и пристрастившиеся к пьянству, часто вступали в споры с горожанами, в которых последние, как обычно в подобных случаях, сначала подвергались суммарной мести войск, а затем наказанию за мятеж. В одном из таких беспорядков, произошедших при вступлении Генриха II в 1004 году, город Павия был сожжен дотла, что внушило его жителям постоянную вражду к этому императору. После его смерти в 1024 году итальянцы были готовы вновь разорвать свои связи с Германией, которая избрала своим правителем Конрада, герцога Франконского. Они предложили корону Роберту, королю Франции, и Гийому, герцогу Гиенскому, но ни один из них не был настолько неосторожен, чтобы ввязаться в сложную и непредсказуемую политику Италии. Может удивлять, что среди итальянских князей не нашлось ни одного кандидата. Но умелая политика Оттонов заключалась в том, чтобы ослабить великие итальянские феоды, которые все еще считались скорее наследственными правительствами, чем абсолютными родовыми владениями, путем отделения округов от их юрисдикции и передачи их под управление младшим маркизам и сельским графам.

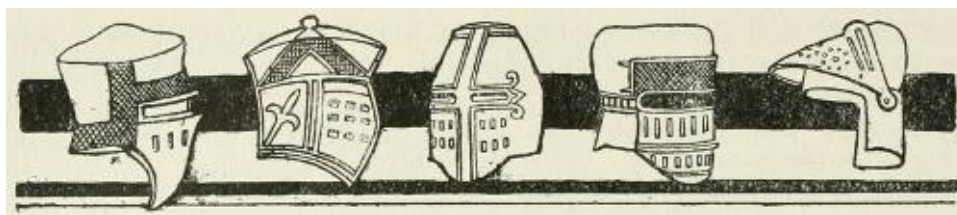
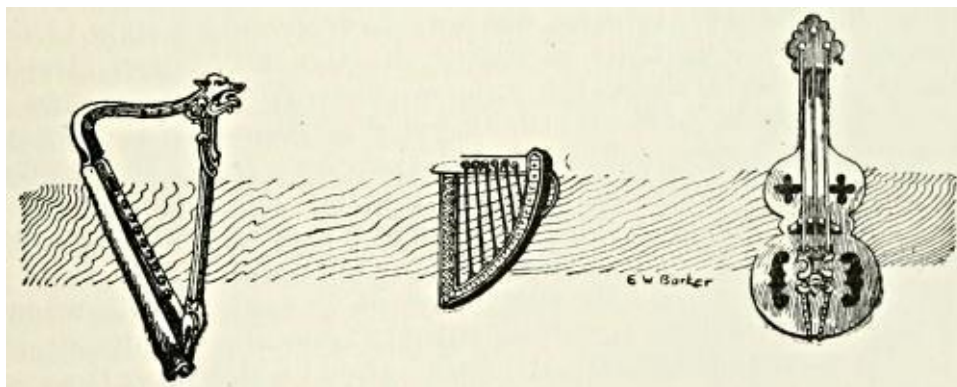
Епископы были неспособны стать конкурентами и в целом привержены германской партии. Города уже обладали материальным влиянием, но были разобщены взаимной ревностью. Поскольку древние предрассудки исключали создание федеративного союза

независимых княжеств и республик, для чего, возможно, не подходили реальные условия Италии, Гериберт, архиепископ Милана, в сопровождении некоторых других видных деятелей Ломбардии, отправился в Констанц и предложил корону Конраду, который уже был готов претендовать на нее как на своего рода зависимость от Германии. Не похоже, что Конрад или его преемники когда-либо были избраны законным образом для правления Италией, но независимо от того, состоялась ли эта церемония или нет, мы можем с уверенностью датировать с этого момента подчинение Италии германскому государству. Стало неоспоримым правилом, что голоса нескольких германских князей-ов давали право на суверенитет над страной, которая никогда не была завоевана и никогда официально не признавала этого превосходства. Но столь же фундаментальным правилом было то, что избранный король Германии не мог принять титул римского императора до своей коронации папой. Промежуточное звание короля римлян было придумано как своего рода приближение к императорскому достоинству. Но только при правлении Максимилиана отменили фактическую коронацию в Риме, и титул императора стали принимать сразу после избрания.^{[h](#)}

СНОСКИ

[145] [Но нужно помнить, что старый летописец, записавший этот факт, не был свидетелем сражения.

[146] [Хотя, по-видимому, некоторые из этих претендентов предпочитали королевский титул императорскому. См. первую итальянскую кампанию Оттона I.]

ГЛАВА IX

ДИНАСТИЯ ФРАНКОНОВ, ИЛИ САЛИАНОВ

[1024-1125 гг. н. э.]

Относительно эпохи Генриха II до нас дошло сочинение епископа Титмара ^b из Мерзебурга, которое, исходя из местных и личных точек зрения и демонстрируя непоколебимую лояльность автора к королю, которому епископ обязан был своим положением, сразу же раскрывает и поясняет в различных сообщениях условия, существовавшие внутри Германии. Хотя оно и не является беспристрастным в отношении короля, оно все же имеет неоценимое значение с точки зрения подробностей, которые оно предоставляет; внутренние условия империи ясно прорисовываются перед нашими глазами. С другой стороны, тенденции, характеризующие империю Генриха II, более или менее скрыты от глаз. Епископ, которого следует считать современным летописцем, уже умер, когда они приняли окончательную форму.

С другой стороны, Випо, ^c биограф Конрада II, с которого начинается династия Салиев, исходил исключительно из позиции империи. Он написал биографию Конрада после его смерти для обучения и назидания его сына и преемника Генриха III. Стремления Салиев к мировой власти занимают главное место в его работе. Переход империи к Салианской династии был событием огромной важности как в немецкой, так и в мировой истории. Однако в возвышении Конрада II нет ничего столь неожиданного и необычного.

Салии представляют одну из партий, которая когда-то, при Оттоне Великом, восстала против него из лона его собственной семьи. Как мы уже упоминали, они происходят от брака одной из дочерей Оттона с героическим Конрадом Рыжим, величайшим воином того времени. Его сын Оттон, граф Вормсгау, получил в феоде Каринтию, апанаж Баварии. Он является отцом Бруно, которого Отто III возвысил до папского престола, а также Конрада, который после смерти отца унаследовал герцогство Каринтия. Этот Конрад был женат на Матильде, дочери Германа Швабского. От их союза родился сын, известный под именем Конрад Младший.

[1024 год]

У герцога Конрада, отца младшего Конрада, был старший брат по имени Генрих, который владел графским феодеом во Франконии. Этот Генрих, который, следовательно, считался главным представителем власти этого дома и который, если бы не умер раньше своего отца, унаследовал бы герцогство, женился на Адельхайд, сестре могущественного эльзасского графа из дома Эгисхайм. Результатом этого брака был Конрад II, которому по праву наследования перешли права династии Конрадов. Право наследования старшего Конрада вряд ли можно подвергать сомнению. Ведь прерогатива старших линий должна быть соблюдена, если мы хотим быть справедливыми по отношению к постоянным изменениям в составе семей на троне.^d

После смерти Генриха II каждому другу Германии было очевидно, что единство нации необходимо укрепить без промедления, чтобы все, что было основано Конрадом I и Генрихом I, не было полностью уничтожено. Князья и высшие сословия дворянства, возможно, были бы вполне довольны, если бы империя вернулась к прежнему состоянию раздробленности; с другой стороны, духовенство не имело ничего, что могло бы выиграть от такого поворота судьбы, и поэтому оно с максимальным рвением трудилось над назначением способного главы империи. В сложившейся ситуации король мог быть избран только путем выборов, и в данном случае выборы должны были проходить с большей свободой и торжественностью, чем обычно, поскольку выбор не ограничивался детьми или потомками умершего монарха. В первые дни вакансии кандидатов на высший государственный пост не было, и поэтому вопрос о том, кому передать корону, долго обсуждался между князьями, высшей знатью и епископами.

В конце концов они решили созвать торжественное собрание народа и там позволить общественному мнению нации решить, кто станет преемником Генриха. Возможно, что лица, которые тайно руководили этим делом выборов, уже имели определенный план относительно того, кто должен стать королем; но такой план мог, тем не менее, представлять трудности в осуществлении, и по этой причине каждая партия пыталась использовать уловку национального собрания для продвижения своей собственной цели. Но, по всей видимости, общественное мнение нации занимало положение арбитра между различными партиями и, как таковое, оказывало на выборы более сильное влияние, чем можно было бы ожидать, учитывая состояние империи в то время.

Конечно, за исключением епископов и духовенства, это национальное собрание полностью состояло из высшей и низшей знати и их последователей, поскольку города еще не достигли такого уровня процветания, чтобы претендовать на прямое участие в делах империи. И, конечно же, подчиненные крепостные не имели права голоса, только дворяне имели право голосовать. Таким образом, мелкая знать как целое представляла общественное мнение нации, в отличие от суверенных князей; и именно им было позволено

оказывать столь большое влияние на государственные дела в вопросе торжественного избрания на престол после смерти Генриха II.

НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

Генрих скончался 13 июля 1024 года, и 4 сентября того же года все имеющие право голоса представители немецких племен собрались на Рейне, между Майнцем и Вормсом, в окрестностях старого «Кёнигштуля» (каменного сооружения в форме кресла, где провозглашались короли Германии), чтобы с всей торжественностью приступить к избранию нового главы империи. Толпа была значительной и распределилась в соответствии с великими герцогствами империи: лорренцы расположились на левом берегу Рейна, а саксы, франконы, швабы и баварцы — на правом. Князья и епископы, естественно, возглавили избирательные церемонии, и поэтому они собрались в Камбе, напротив Оппенхайма. Там они совещались о кандидатах в короли, которых следовало предложить народу, то есть вышеупомянутому собранию мелкой знати. Их мнения всегда доходили до сведения народного собрания, так что последнее могло оказывать по крайней мере моральное влияние на главных выборщиков посредством аплодисментов или несогласия. Конференция длилась долго, колебания мнений вызывали некоторое волнение в большой толпе, умы людей были в напряжении, и торжественные выборы превратились в сцену большого оживления. Наконец разногласия в мнениях урегулировались соглашением о том, что два человека были наиболее достойны носить корону: оба были франконскими дворянами, оба носили имя Конрад и оба были сыновьями двух братьев — внуками знаменитого Конрада Красного, зятя Оттона I. Чтобы различать их, одного называли Старшим, а другого Младшим.

Выборы между ними еще некоторое время оставались нерешенными, пока старший Конрад, рассчитав, какое влияние такой шаг окажет на народ, не обратился к младшему с дружеским предложением, чтобы каждый из них сделал все возможное, чтобы предотвратить ссору по поводу выборов, и с этой целью оба обязались искренне подчиняться тому, кто будет назначен большинством князей с согласия народа. Когда младший Конрад согласился на это, архиепископ Майнца торжественно предложил старшего Конрада в качестве главы империи, изложив его преимущества в краткой речи. Это предложение было решительно поддержано большинством епископов и получило согласие многих князей; и когда императрица Кунигунда, вдова Генриха II, поспешно передала королевские регалии Конраду Старшему, собрание провозгласило его королем германцев, и выборы были утверждены торжественными аплодисментами народа. Конрад Младший сам отдал свой голос за своего двоюродного брата, когда увидел, как складываются выборы, и таким образом удалось избежать ссоры. Герцог Лотарингии и архиепископ Кельна выразили свое недовольство результатами выборов, но более серьезных последствий это не имело, и Конрад Старший был признан всеми сторонами королем германцев, вторым с таким именем. Это обстоятельство в значительной степени способствовало продвижению национальных интересов Германии, как и сам результат выборов, поскольку новый король был человеком, способным придать империи новую силу и значение.

Конечно, Конрад II не был одухотворен благородным духом, который ведет через чистый патриотизм к самоотверженной преданности общественным делам; напротив, он ревностно преследовал свои собственные корыстные цели и часто сбивался с пути из-за мотивов, продиктованных исключительно личной выгодой. Тем не менее, как оказалось, его желания совпадали с интересами нации, поскольку он стремился усилить власть своего рода и, стремясь достичь этой цели путем установления наследственной монархии, он направил все

свои усилия на укрепление имперской власти и, как естественное следствие, на укрепление национального единства. Он не был лишен качеств, необходимых для достижения хотя бы приблизительного успеха в своих замыслах, хотя в нем не хватало более благородных качеств, которые помогают открыто продвигаться к поставленной цели с помощью гениальности, силы характера и непреклонной воли. Но вместо этих качеств он обладал настолько острой и тонкой политической прозорливостью, что мог осуществлять самые сложные замыслы с помощью скрытых мер. Эту проницательность он сочетал с энергией, мужеством и военным мастерством. Действительно, большую часть своей жизни он был занят военными делами, но, тем не менее, обладал настолько замечательной склонностью к политике, что, будучи столь же ясномыслящим, сколь и ловким, он руководил делами государства с совершенно исключительным мастерством.

КОНРАД II УКРЕПЛЯЕТ СВОЮ ВЛАСТЬ

В 1024 году наконец был избран одаренный и энергичный король; для такого человека, учитывая состояние, в которое пришла империя, коренная реформа политических условий, безусловно, представлялась настоящей необходимостью. Конрад II сначала должен был попытаться увеличить имущество короны, прежде чем он мог рискнуть вступить в борьбу с узурпацией власти со стороны дворян. Это было нелегко и не быстро, поэтому он сначала постарался выиграть время для укрепления своей власти, проявляя дружеское отношение к великим дворянам. По этой причине, после того как его супруга Гизела также была коронована в Кельне, он решил начать с поездки по Германии с двойной целью: обеспечить общее признание и изучить состояние королевских земель главы империи. Сначала он отправился в Аахен, где было созвано собрание дворян Лотарингии. Самыми грозными врагами короля были сеньоры высшей знати, и чтобы уравновесить их, Конрад был вынужден полагаться на средний класс, представленный в то время мелкой знатью, поскольку простолюдины еще не достигли достаточной степени власти.

Немецкая аристократка X века

Во время своего пребывания в Аахене король завоевал расположение мелкой знати благодаря очень хорошо рассчитанной политической мере. Большинство семей этого сословия в результате распространения феодализма уже оказались в положении вассалов какого-либо великого дворянина, и между ними и их феодалами часто возникали споры, поскольку в некоторых случаях последние не позволяли передавать феодалам вассала. Конрад II, хорошо знавший об этом положении дел и стремившийся любыми средствами ослабить власть великих дворян, во время своего пребывания в Аахене издал указ, согласно которому потомки вассала имели право на вечное наследование феодала.

Это была очень радикальная мера, которая значительно повысила популярность короля. Из Аахена Конрад отправился в Саксонию, чтобы расположить к себе саксонцев. Там ему пришлось прибегнуть к совсем другим средствам. К этому времени саксы уже привыкли к единству германского государства, но по-прежнему опасались ограничений своих национальных законов, и их первым и самым насущным требованием было их подтверждение. Эти законы состояли из суровых правил крепостного права, унаследованных от первобытных времен, строгого запрета на неравные браки и т. д., что приносило выгоду только дворянству.

[1024-1026 гг. н. э.]

Однако Конрад не мог позволить себе разгневать великих саксонских дворян, и поэтому он подтвердил «столь жестокие законы саксов», как выражается Випо-с. Таким образом обеспечив себе признание северных германцев, он затем собрал дань с пограничных славян,

которые были подданными империи, чтобы таким образом обеспечить себя материальными ресурсами для осуществления своих замыслов; а затем прошел через Франконию в Баварию и Швабию. В ходе этого похода Конрад прочно завоевал уважение народа, и к моменту его завершения его положение казалось гораздо более сильным, чем раньше.

В Италии возникли новые проблемы, поскольку одна из партий среди лангобардов стремилась свергнуть германское господство и для этой цели хотела перейти на сторону Франции. С другой стороны, архиепископ Милана Гериберт был хорошо настроен по отношению к германцам и поэтому отправился с визитом к Конраду II, который в то время находился в Констанце, где он также проживал в первый год своего правления. Король принял его очень любезно и благосклонно отнесся к просьбе епископа о проведении военной экспедиции в Италию. Посольство от оппозиционной партии, в частности от города Павии, также прибыло в Констанц, но было жестко встречено Конрадом; и вполне вероятно, что в то время он бы предпринял поход за Альпы, если бы не был занят делами поближе к дому. Достижение национального единства германской нации было, очевидно, замечательным средством укрепления власти короны, но значительная часть германской территории все еще оставалась вне империи. Часть Швейцарии на немецкой стороне Юры принадлежала Бургундии, которой правил независимый король.

Между этим монархом и Генрихом II уже произошла ссора из-за престолонаследия, о которой мы упоминали ранее, и она привела к заключению договора, по которому после смерти бездетного короля Рудольфа престолонаследие его владений было обеспечено главе Германской империи.

Однако после смерти Генриха король Бургундии попытался дать иное толкование договору, заявив, что он передал право наследования предшественнику Конрада лишь как сыну своей сестры, а не как королю германцев. Но Конрад II, как отмечает Випо⁴, стремился к расширению, а не к уменьшению империи, и немедленно поднял оружие против Рудольфа и занял город Базель, который в то время принадлежал Бургундии.

Этим он навлек на себя яростную вражду герцога Эрнста Швабского, который был «естественным» наследником Рудольфа и Гизелы от ее первого брака, а значит, пасынком Конрада II; и поскольку многие немецкие дворяне тайно перешли на сторону герцога, в то время как славянский князь по имени Болеслав восстал против империи, а дела Италии, казалось, требовали неотложного присутствия короля, последний отложил захват остальной части Бургундии до более благоприятного случая. Сначала он отправился в Саксонию, чтобы подчинить Болеслава, но славянский князь умер до его прибытия, и между его сыновьями разразилась гражданская война, которая истощила силы обеих сторон.

КОНРАД В ИТАЛИИ И ГЕРМАНИИ (1026-1039 гг. н. э.)

[1026-1030 гг.

Отложив, таким образом, подавление мятежных славян, Конрад немедленно подготовил все для своей экспедиции в Италию. Сначала он созвал сейм в Аугсбурге, где его сын Генрих был избран преемником его престола, а затем, уступив уговорам своей жены, примирился со своим пасынком, герцогом Швабии Эрнстом. Это произошло в 1026 году, и в том же году немецкая армия появилась в Италии. Сначала была осаждена Павия, и были предприняты неоднократные попытки взять ее штурмом, но отважные горожане победоносно отразили все атаки (), и Конрад оказался в очень затруднительном положении. Это так разгневало

его, что, в припадке ярости, он жестоко разорил окрестные земли. Немецкий король мало что выиграл от этих жестокостей, и, несмотря на свою победу, он понес большие потери при взятии Равенны и, возможно, был бы вынужден бесславно отступить из Италии, если бы ему не помогла его политическая прозорливость. Ему удалось переманить на свою сторону короля Бургундии, на чью помощь полагались лангобарды. Рудольф лично прибыл в Италию, чтобы присутствовать на коронации Конрада императором, и мужество жителей захваченной страны так понизилось, что даже Павия сдалась, и Конрад был признан королем Ломбардии. Затем он получил императорскую корону из рук папы Иоанна XIX 26 марта 1027 года; и, приняв некоторые меры для умиротворения Ломбардии, поспешил вернуться в Германию, где между тем его присутствие стало крайне необходимым.

Несмотря на видимое примирение, герцог Эрнст Швабский замышлял открытое восстание. Конрад был хорошо осведомлен о планах заговорщиков, хотя секрет тщательно хранился, и поэтому, перейдя Альпы, он поспешил в Ратисбон, чтобы подготовиться к подавлению угрожающего восстания. Планы Конрада в этом случае ярко демонстрируют его практические способности и дальновидность. Во время его отсутствия в Италии герцогский титул в Баварии стал вакантным в связи со смертью Генриха, и король постарался получить его для своей семьи. Учитывая посягательства великих дворян, которые накопили огромное богатство за счет империи, это принесло бы ему мало пользы, если бы он не смог одновременно увеличить герцогские доходы. Следовательно, добившись назначения своего десятилетнего сына Генриха герцогом Баварии, Конрад провел тщательное расследование состояния имущества империи в этой провинции и вернул короне многое из того, что было узурпировано епископами и графами. Этим шагом король действительно поразил зло в корне. Декреты мало способствовали укреплению единства империи; ей была необходима материальная основа. И самым необходимым элементом в условиях, в которых оказалась империя, было создание дохода, который сделал бы главу государства независимым от случайностей частной судьбы для поддержания своей власти.

Короли обычно совершали ошибку, пытаясь завоевать приверженность или дружбу великих вельмож подарками, сделанными за счет имущества империи; поэтому Конрад II поступил не только мудро, но и благородно, когда в условиях величайшей опасности избрал противоположный курс; ведь было благороднее погибнуть, чем превратить должность главы государства в тень, покупая благосклонность великих вельмож. Благотворный эффект его твердости быстро проявился: после того как он достиг своей цели в Баварии, король принял энергичные меры, чтобы положить конец волнениям в Швабии. С этой целью он незамедлительно созвал сейм в Ульме, чтобы вынести приговор герцогу Эрнсту в Аламании. Герцог собрал армию и выступил против короля, но твердая позиция последнего уже произвела большое впечатление на дворян. Два графа дезертировали из герцога, другие заговорщики последовали их примеру, и вскоре силы Эрнста так уменьшились, что он был вынужден подчиниться милости короля. Конрад отправил своего пасынка под стражей в крепость Гибихенштайн недалеко от Галле, а затем подчинил всю Швабию главе империи. Эти действия значительно укрепили его репутацию, открытые и тайные враги теперь заискивали перед королем, и к пятому году своего правления Конрад II существенно укрепил власть империи.

[1030-1032 гг. н.э.]

Теперь он решил взяться за экспедицию против славян, которая была отложена из-за неотложных дел в Италии, но она оказалась неудачной, и он был вынужден вернуться в Саксонию с большими потерями. В то же время возник конфликт с венграми, и герцог Эрнст возобновил попытку восстания. Конрад отозвал его из Гибихенштайна и предложил

восстановить его в герцогстве на определенных условиях, но переговоры ни к чему не привели, Эрнст сбежал из двора своего отчима и вместе со своим верным сторонником, графом фон Кибургом, попытал счастья в войне. Оба были объявлены вне закона и вскоре после этого убиты в бою в Шварцвальде.^[147]

Таким образом, безопасность Конрада в этом районе была обеспечена, и он немедленно вторгся в Венгрию с армией. Здесь он вновь пришел к выводу, что лучше восстановить мир с помощью политической мудрости, чем с помощью оружия, и поэтому ловко начал переговоры, которые привели к успешному результату. Стефан, король Венгрии, просил о мире, и он был заключен на условиях, выгодных для Германии. Во время второго восстания герцога Швабского славяне, против которых оружие Конрада оказалось столь неудачным, вторглись в Саксонию и Тюрингию и опустошили их.

Немецкий воин

Из-за войны с венграми мало что можно было сделать, чтобы противостоять им, но как только она закончилась, немецкий король решил добиться удовлетворения своих требований. Однако он снова хотел добиться успеха скорее политическими средствами, чем оружием. Мечислав, сын князя Болеслава, был вовлечен в войну (как уже упоминалось) со своим братом Оттоном. Теперь, в неудачной кампании Конрада против Мечислава, Отто, который склонялся на сторону немцев, был изгнан из страны. Вместе с ним Конрад снова вступил в переговоры, и в результате Отто (которого также поддерживали русские) вновь появился в районе между Эльбой и Одером, занятом славянскими племенами, которые даже тогда назывались поляками. Конрад послал армию из Саксонии на помощь своему протезе, и среди поляков вновь началась гражданская война. Мечислав стал более уступчивым, и, хотя Отто вскоре был убит, он попытался установить прочный мир с королем Германии. Мир был действительно заключен, польский князь согласился платить дань и отдать немцам часть страны между Эльбой и Одером.

[1032-1036 гг. н. э.]

Во время войны и переговоров с Мечиславом (в 1032 году) умер король Бургундии Рудольф. Конрад II давно претендовал на престол, и поскольку некий граф Шампани по

имени Эудес противостоял его притязаниям, он был вынужден после заключения мира с поляками направить свои войска на запад. Граф Шампани уже занял Нейенбург (Невшатель) и Муртен (Морат); но к зиме 1032 года он оказался в несколько невыгодном положении в Швейцарии, и когда в 1033 году Конрад II вторгся в Шампань, чтобы заставить своего соперника покинуть Бургундию, тот подчинился и пообещал королю германцев, что покинет страну, подтвердив свое обещание торжественной клятвой. Конрад был вынужден поспешно вернуться в Германию, поскольку другое славянское племя на Эльбе, на этот раз лютицы, беспокоило Германию, а Отельрик, герцог Богемии, угрожал восстанием. Отельрик был свергнут, и Конрад был готов напасть на лютицев, когда пришла весть, что Эудес Шампанский нарушил свое слово и снова попытался захватить власть в Бургундии. Весной 1034 года германский король во второй раз прошел через Баварию и Швабию в Бургундию, а другая армия по его приказу вторглась в нее, перейдя через Сен-Бернар из Ломбардии. С этого момента Эудес мог оказывать лишь бесполезное сопротивление. Конрад был признан королем всей Бургундии, и страна была торжественно включена в состав Германской империи. Таким образом, Швейцария также была полностью присоединена к метрополии, и немецкая национальность восстановила свою полную мощь. После этого Конрад вновь подчинил империи лютицев, но в этой войне были совершены такие жестокости, что он навлек на себя проклятия несчастных славян и осуждение истории.

Тем не менее, его внешнее положение было блестящим. Он не только значительно расширил границы империи, но и возвысил королевский сан до власти и достоинства. Внутри Германии царил покой; в Италии, напротив, возникли волнения, более серьезные, чем беспорядки, обычные для этой страны. Там, как и в Германии, власть великих вельмож была угнетающей, но в Италии среди вассалов царил недовольство, и они решили с оружием в руках противостоять высокомерным притязаниям своих господ. Буря разразилась сначала в Милане, и между этим городом и Лоди произошла большая битва, которая практически оставила все как было. Император позволил втянуть себя в эту ссору и в 1036 году предпринял вторую военную экспедицию в Италию.

В Италии император обнародовал знаменитый эдикт о феодах (*Edictum de beneficiis*), в котором он предписал, что вассал не может быть лишен такого поместья, за исключением определенных преступлений, и то только по приговору суда, вынесенному его сверстниками.

В этих судебных разбирательствах предусматривалась возможность апелляции к королю или его заместителю — еще одно ясное доказательство цели политики Конрада, направленной на ослабление власти великих вельмож.

[1035-1039 гг. н. э.]

С другой стороны, есть много свидетельств, показывающих, насколько сильно возросла королевская власть. С одной стороны, Конрад в 1035 году сместил герцога Адальберта Каринтийского с его высокого поста, поскольку тот не проявил себя достойно во время беспорядков в Ломбардии; а Италия сама стала свидетелем совершенно беспрецедентного события, когда архиепископ Милана Гериберт, могущественный князь и высокоуважаемый церковный сановник, занимавший почти первое место после папы, был арестован немецким королем за нелояльность.

Гериберт спасся от тюремного заключения бегством, и Конрад, которому он тогда открыто бросил вызов, едва ли мог принять против него какие-либо эффективные меры; тем не менее, это событие произвело глубокое впечатление. После двухлетнего отсутствия

король вернулся в Германию, где он занимался главным образом делами Бургундии и в конце концов передал управление этой страной своему сыну Генриху. В 1038 году он отправился в Северную Германию и там пытался укрепить империю, подготовив почву для установления правопорядка. В 1039 году он заболел в Утрехте и умер там 3 июля того же года.

ВСТУПЛЕНИЕ НА ТРОН ГЕНРИХА III (1039 г. н. э.)

[1039-1043 гг.]

Среди заслуг Конрада II особое место занимает забота, которую он уделял образованию своего сына и преемника. Генрих III обладал всеми качествами, составляющими основу истинного величия: не только его замечательные интеллектуальные способности позволили ему приобрести навыки государственного деятеля и полководца, но и его твердость и мужество дали ему возможность применять полученные знания на практике. С острым умом и энергией он сочетал высокую степень нравственной серьезности, проявлявшуюся в благородных стремлениях к совершенствованию; а поскольку естественная склонность его ума сильно тяготела к доброжелательности и справедливости, для того, чтобы сделать Генриха одним из самых благородных представителей своего рода, требовалось лишь мудрое воспитание.^[148]

К счастью, о развитии его характера хорошо заботились. Его мать, Гизела, женщина с сильным интеллектом и великой благородством души, высокообразованная для своего времени, оказала на него благотворное влияние в детстве, и когда мальчик вырос и окреп под ее опекой, его полностью передали под опеку ученого епископа Бруно из Аугсбурга, который в течение многих лет систематического обучения приобщил своего ученика ко всем знаниям того времени. Затем последовало обучение политическим делам у епископа Эйгельберта из Фрайзингена, от которого Генрих получил такую большую пользу, что с девятнадцати лет его отец мог использовать его в таких делах. В то же время он был тщательно обучен всем рыцарским навыкам и рано отправлен на поле боя.

Двадцатидвухлетний король ясно видел путь, по которому ему следовало идти. Еще при жизни отца он понял, в чем заключались сильные и слабые стороны империи, где он должен был продолжать действовать в духе отца, а где должен был пойти по совершенно иному пути. Генрих III, как и его предшественник, стремился к укреплению своего рода; как и он, он стремился сделать королевскую власть наследственной в своей семье, но презирал недостойные средства. Будучи убежденным, что его усилия способствуют интересам нации, а не подрывают их, он чувствовал свою совесть чистой и считал себя оправданным в осуществлении своих замыслов честными методами. Таким образом, он был вынужден избегать многого, чем Конрад II мог бы себе позволить, и первым признаком этого различия было твердое решение Генриха поднять уровень общественной морали, решительно отказываясь принимать подарки в обмен на церковные должности.

УСИЛИЯ ГЕНРИХА ПО ДОСТИЖЕНИЮ МИРА

Еще при жизни Конрада II Бретислав, герцог Богемии, сын Отельрика, вторгся в Польшу и совершил ужасные разрушения в стране. Немецкий король — либо по просьбе жителей, находившихся в бедственном положении, либо опасаясь за себя из-за распространения власти Богемии — в 1039 году отправил две армии для нападения на Бретислава в самой Богемии, но эта операция закончилась катастрофой для немцев. Чтобы восстановить свой подмоченный авторитет, Генрих был вынужден в следующем году предпринять новую

экспедицию против богемного герцога. Он провел ее с большой энергией, сам возглавив одну из двух армий, которые он снарядил. На этот раз победа сопутствовала германским войскам, Прага была осаждена, а Бретислав вынужден был подчиниться. Последний присягнул на верность главе Германской империи, обязался платить дань и дал заложников в качестве гарантии своей добросовестности. Несмотря на все это, Генрих еще не мог посвятить все свои силы внутренним делам империи, поскольку в Бургундии начались беспорядки, а в венгерском квартале надвигались новые опасности. Петр, король Венгрии, был изгнан из своей страны и обратился за помощью к Генриху в Ратисбоне; Ово, новый король, преследовал его с армией, и враги беспрепятственно грабили Баварию.

В результате в августе 1042 года Генрих с армией выступил в Венгрию, чтобы потребовать удовлетворения за это оскорбление. Он победоносно продвигался по стране, захватил несколько укрепленных городов и получил от жителей клятву верности, но не смог убедить их принять обратно изгнанного короля. Поэтому он поставил другого правителя и сразу же вернулся в Германию. Сразу же после этого, зимой 1042 года, он поспешил в Бургундию, где успокоил страну своим твердым и милосердным правосудием. Таким образом, он быстро подчинил непокорных дворян, но с другой стороны, в Венгрии возникли новые беспорядки, где народ изгнал нового правителя, которого Генрих установил, как только тот покинул страну. Ово неоднократно вторгался в Баварию и опустошал страну по обе стороны Дуная. Немецкий король, который в результате был вынужден предпринять вторую кампанию против венгров, вскоре положил конец бедствиям и заставил врага не только возместить ущерб, но и дать более широкие гарантии своего хорошего поведения в будущем.

[1043-1046 гг. н.э.]

Затем Генрих наконец решил посвятить все свое внимание внутренней политике. Одним из величайших зол того времени было злоупотребление правом самопомощи, которое породило грубую систему правления силой, при которой нация скатывалась к варварству. Слабые страдали от тяжелейшего угнетения, и мудрый король был поэтому глубоко озабочен тем, чтобы в первую очередь исправить этот аспект общественных дел. Чтобы подготовить почву для установления правовой системы, он созвал имперский сейм в Констанце, когда вернулся из своего второго венгерского похода. Это произошло в 1043 году, и на нем присутствовали многие светские лорды, а также епископы. Генрих III постоянно присутствовал на его заседаниях; он заразил всех присутствующих своим энтузиазмом в отношении мира и справедливости и привел их к единодушному решению о том, что отныне в Германии должен поддерживаться правопорядок. Король издал соответствующий указ с одобрения сейма и таким образом установил мир, до того неизвестный в стране. Чтобы обеспечить столь благоприятный результат, Генрих подал благородный пример, великодушно простив всех своих врагов.

Из Констанца Генрих отправился в Гослар, где зимой 1043 года его посетили посольства из нескольких стран, желавшие выразить свое уважение главе Германской империи. Уважение к нему было настолько велико, что русская посольская делегация торжественно предложила молодому королю, который уже был вдовцом, руку дочери царя. Однако Генрих высокомерно отверг такой союз, и русские с грустью покинули его двор (). В том же году король женился на Агнессе, дочери графа Пуатье, и на этой церемонии ярко проявилась одна из замечательных черт его характера. В стране царила большая беда из-за неурожая и вспышки чумы скота; и вместо того, чтобы пригласить на свои свадебные торжества жонглеров и музыкантов и одарить их богатыми подарками, он раздал деньги бедным, чтобы облегчить их страдания. Вскоре произошли другие события, усугубившие бедствия

того времени: венгры в третий раз нарушили свою клятву верности, а в Лотарингии проявились признаки восстания: герцог Готфрид пытался захватить для себя часть страны, которую его отец с согласия короля отдал Гозело, своему второму сыну. В этих условиях Генрих располагал лишь небольшими силами для борьбы с венграми, но его смелость и мужество вновь компенсировали недостаток материальных ресурсов.

Ово предложил сражение во главе огромной армии. Немецкий король еще не собрал все свои войска, многие из которых задержались в пути. Тем не менее Генрих смело переправился через Рааб под взглядами венгров, с небольшим отрядом совершил яростную атаку на вражеские позиции и одержал столь же полную, сколь и блестящую победу. В результате этого успеха Петр был восстановлен в качестве короля и получил корону Венгрии в качестве феода Германской империи. После этих великих достижений Генрих быстро обратил свое оружие против мятежного герцога Готфрида Лотаринского. Борьба не затянулась надолго; Готфрид вскоре осознал превосходство короля, подчинился и был наказан заключением в крепости Гибихенштайн. Таким образом, торжественным актом правосудия император германцев утвердил политический принцип, согласно которому герцоги были ответственными должностными лицами государства. Чтобы подтвердить на практике королевскую прерогативу назначать таких должностных лиц, в 1045 году герцогство Швабия было передано графу Оттону из Рейнского Пфальца, а в 1046 году Фридрих, брат герцога Баварии, был назначен в Верхнюю Лотарингию вместо Гозело. В том же духе Генрих предохранял себя от узурпации со стороны других великих дворян. Так, в 1046 году он наказал маркграфа Дитриха из Влэрдингена в Голландии за незаконное завладение тем, что ему не принадлежало.

ПАПСТВО ПОДЧИНИЛОСЬ ГЕНРИХУ

[1046-1047 гг.

Затем внимание германского короля привлекли дела Италии. Там царил крайний беспорядок не только в политических делах, но и в делах церкви. Церковные должности открыто покупались и продавались, церковные сановники боролись между собой за власть с помощью всевозможных интриг, а в довершение всего три папы сражались за власть верховного понтифика. Подобные сцены укрепили Генриха в его решимости начать реформу церкви. Поэтому он приготовился немедленно отправиться в Италию, но перед отправлением освободил герцога Готфрида из плена в Гибихенштайне и великодушно восстановил его в высокой должности. Затем осенью 1046 года он пересек Альпы с огромной армией. По прибытии в Италию он обнаружил, что по его приказу в Сутри собрался совет епископов, чтобы в первую очередь разрешить скандальный спор между папой и его соперниками. Король Германии отказался терпеть кого-либо из противников, потребовав, чтобы все трое были смещены. Благодаря сочетанию энергии и мудрости в своих действиях ему удалось добиться своего, и по его желанию главой церкви был назначен немецкий прелат, епископ Суиджер из Бамберга. Суиджер принял титул Климента II, и в 1047 году Генрих получил императорскую корону из его рук в соборе Святого Петра в Риме. Теперь был сделан важный шаг к осуществлению великих замыслов короля, и, убедившись, что новый папа прочно укрепился на своем посту, Генрих III в том же году вернулся в Германию.

Там благотворные результаты Констанцкого сейма были очевидны, поскольку по всей стране царил порядок, «какого никто никогда раньше не видел». Маркграф Дитрих из Влардингена действительно пытался воспользоваться отсутствием короля, чтобы возобновить свои высокомерные притязания, а герцог Готфрид Лотаринский по-прежнему

питал мысли о мятеже; эти двое даже образовали тайный союз против императора вместе с графом Болдуином Фландрским. Но их успехи были недолгими; Генрих III незамедлительно сместил мятежного герцога с его должности и лишил его всей власти. Дитрих лишился не только своих владений, но и жизни, а все его территории перешли под власть императора. Авторитет императорской власти был полностью восстановлен.

Немецкий воин XI века

Тем временем король проявил похвальное энергичное отношение к внутренней политике. Во время беспорядков в Лотарингии и Голландии, которые он оставил на усмотрение своих высокопоставленных чиновников, он путешествовал по всей Германии и занимался важными государственными делами в различных местах. Везде зоркий взгляд короля следил за ходом правосудия, и внутренние районы Германии достигли заметного процветания и благополучия. Об этом можно судить по тому факту, что города постепенно поднимались до положения независимого элемента в государстве. В войнах против Готфрида Лотаринского и Дитриха из Влардингена граждане, понуждаемые епископами, часто сами брали в руки оружие для защиты своих городов, что свидетельствует не только о прогрессе, достигнутом этими общинами как в богатстве, так и в численности населения, но и о политической значимости, которую они приобрели. Стоит также отметить, что даже тогда города были на стороне имперской власти против мятежных графов и герцогов.

[1047-1048 гг. н. э.]

Генрих III был теперь достаточно силен, чтобы провести давно обдуманную реформу церкви. Несмотря на то, что он был занят делами, он никогда не терял из виду церковные дела; напротив, он неуклонно готовился к достижению своей цели в этом отношении, проявляя энергию, вызывающую восхищение. Ранее папа претендовал на право назначать императора; Генрих III, напротив, оказывал решающее влияние на избрание папы, и стало

почти обычным, что эта должность присваивалась королем Германии. Возведение Климента II на папский престол произошло по желанию Генриха; Климент умер через девять месяцев, и король Германии назначил епископа Бриксена его преемником. Этот папа, принявший имя Дамас II, умер через несколько недель после прибытия в Рим; и Генрих снова заполнил вакансию в апостольском престоле, на этот раз возвысив своего родственника, епископа Бруно из Туля, до положения главы церкви. Примечательно, как летописцы описывают эти важные события. Они больше не ставят под сомнение право короля Германии назначать папу; они упоминают об этом как о факте, не требующем объяснений. «Поппо, епископ Бриксена», — пишет Герман,^f — «был избран папой императором и отправлен в Рим, где его приняли с большими почестями». То же самое говорится о назначении епископа Туля. Ламберт из Ашаффенбурга,^g который подтверждает это свидетельство, добавляет, что после смерти папы римляне всегда посылали посольство к королю Германии с просьбой назначить нового верховного понтифика. Такое положение дел было совершенно беспрецедентным, и благодаря ему Генрих возвысил власть империи выше, чем любой из его предшественников.

С завершением реформы церкви в 1050 году одна из главных целей императора была достигнута. Эта мера имела чрезвычайно благотворное влияние на страну: нравы были очищены, а в обществе воцарились более высокие стандарты серьезности и трудолюбия. Система закона и порядка была укреплена благодаря подчинению великой знати. Но Генрих удерживал в рамках не только герцогов и графов; он наказывал также членов низшей знати, конфискуя их имущество или другими методами, если они совершали какие-либо акты беспричинной несправедливости. Таким образом он наложил строгие ограничения на злоупотребление самоуправством, и города процветали и росли так быстро, что вскоре начали принимать непосредственное участие в делах империи.

В течение нескольких лет отношения Генриха с зарубежными странами были дружественными, но этот мир был нарушен с 1051 года совместной попыткой поляков и венгров освободиться от германского господства. Венгры вторглись в империю, и в 1051 году император лично выступил против них. Он продвинулся в саму Венгрию с большой силой и, хотя был вынужден отступить из-за суровой погоды, его отступление было отмечено доблестными подвигами германской армии. В следующем, 1052 году, была предпринята вторая экспедиция против Венгрии. Генрих III осадил Прессбург, но по заступничеству папы Льва IX снял осаду и вернулся в Германию. Однако подлинный мир не мог быть достигнут лишь посредством посредничества понтифика; вражда продолжалась.

[1052-1055 гг.]

Мир в Трибуре был наконец ратифицирован, и Генрих снова смог посвятить свои силы внутренним делам империи. До 1055 года он усердно работал над укреплением правовой системы и развитием ресурсов страны. Новые беспорядки в Италии вынудили его отправиться туда. В течение многих лет за Альпами царила ужасная неразбериха, поскольку в 1053 году папа Лев IX вступил в войну с норманами и был ими взят в плен. Кроме того, Готфрид, свергнутый герцог Лотарингии, который в 1050 году при посредничестве Льва IX примирился с императором и затем сопровождал папу в Италию, женился там на вдове маркиза Бонифацио Тосканского и завладел владениями своего бывшего мужа. Генрих III опасался, что Готфрид поднимет восстание в Италии, и это обстоятельство также казалось императору веским основанием для присутствия в этой стране. Поэтому он долго размышлял о новой экспедиции через Альпы, но недовольство, возникшее в самой Германии, и отдельные попытки некоторых непокорных дворян заставили его остаться в стране.

В 1054 году умер папа Лев, и римляне вновь направили посольство с просьбой к императору назначить нового папу. Сначала он скромно отказался это сделать, но, уступив их неоднократным просьбам, назначил епископа Гебхарда из Айхштедта, своего родственника и друга, преемником Льва IX. Гебхард был единодушно принят в этой должности и принял папский сан под именем Виктора II под восторженные приветствия народа. Таким образом, Генрих III в четвертый раз распорядился папским престолом и в четвертый раз передал его немцу. При назначении Виктора II сам Хильдебранд, влиятельный советник Льва IX, находился в составе посольства, которое просило императора назначить следующего папу, что доказывает, насколько мало Хильдебранд намеревался противостоять воле Генриха III. Как и император, он искренне желал реформ и этим шагом показал, что не боится чрезмерного посягательства со стороны императора на привилегии церкви. Таким образом, даже самые сильные личности в некотором роде подтверждают свое почтение к великому императору.

Немецкий дворянин XI века в придворном костюме

После назначения папы Виктора II король Германии почувствовал себя обязанным предоставить ему защиту своей императорской власти, и в 1055 году он отправился в Италию, почти одновременно с папой. В мае того же года он появился на равнинах Ронкалья, где также собрались князья и феодальные вассалы Италии, чтобы выразить искреннее почтение королю Германии и принести ему клятву верности. Папа Виктор II созвал синод во Флоренции, где в присутствии императора были либо повторно приняты, либо расширены законы против симонии и другие указы реформаторского характера. Затем было проведено расследование поведения Готфрида, бывшего герцога Лотарингии, которое закончилось оправданием подсудимого — не потому, как прямо заявляет старый летописец, что была доказана его невиновность, а потому, что судьи опасались, что, доведенный до отчаяния, он станет лидером норманнов в нижней Италии (). Его жена Беатрис была уведена в Германию Генрихом III, который оправдал свои произвольные действия в этом отношении, заявив, что Беатрис распорядилась своей рукой без его согласия и, более того, отдала ее врагу своей страны. К концу 1055 года император вновь пересек Альпы. Некоторые дворяне уже лелеяли планы восстания, поскольку против императора был организован заговор под руководством епископа Ратисбона Гебхарда; а Готфрид, при поддержке графа Болдуина, вновь появился в Лотарингии. Планы недовольных вновь были сорваны благодаря твердости Генриха; Гебхард был привлечен к суду и заключен в тюрьму, а Готфрид и Болдуин были разгромлены в открытом бою.

По этому случаю император встретился с королем Франции в Жови, чтобы урегулировать различные государственные дела, и здесь снова ярко проявились энергия и героический характер Генриха III. Французский король утверждал, что Германская империя незаконно

захватила Лотарингию, на что Генрих предложил доказать ложность этого утверждения в единоборстве. Король Франции слишком хорошо осознавал превосходство германского императора и ночью тайно бежал через границу.^h

БОЖЕСТВЕННОЕ ПЕРЕМИРИЕ

[1035-1056 гг. н. э.]

Времена были суровыми, нравы — не менее. Непрекращающиеся войны, междоусобицы знати, всевозможные акты насилия в сочетании с голодом и эпидемиями приносили народам невыразимые страдания. Согласно мнению того времени, папство должно было быть сильным помощником в этих бедствиях, но Рим был очагом самых страшных беспорядков, а большинство пап не заслуживали и не вызывали уважения. Наконец, бедствия той эпохи пробудили — сначала в монастыре Ключни в Бургундии, Франция — строгий и набожный религиозный дух, который сначала нашел свое выражение, в соответствии с модой того времени, в покаятельных упражнениях и монашеской дисциплине, но вскоре созрел в обширные проекты реформ.

Отсюда, в частности, возникла рекомендация «перемирия Божьего» (*Treuga Dei*), которая распространилась по Бургундии и Франции. Это была попытка обеспечить определенные дни мира и спокойствия в тот железный век; она предписывала, что с вечера среды () до раннего утра понедельника не должно было вестись никаких феодальных войн, и церковь одобрила это учреждение. Влияние примера, поданного Ключни (Clugny), было настолько сильным, что вскоре все многочисленные монастыри Франции и Бургундии присоединились к «конгрегации Ключни», и мрачная серьезность овладела лучшими людьми того времени.

Так было и с Генрихом III. В условиях коррупции того времени он не видел спасения, кроме как в самых радикальных мерах, и чувствовал, что он, как император, имеет особое призвание быть освободителем народа. Он сам подавал хороший пример; он назначал на епископские должности только серьезных и достойных людей, не принимая от них денег или подарков; своими действиями и наставлениями он неустанно трудился во имя мира и примирения. Он рассматривал свой императорский сан как священную должность, учрежденную для улучшения христианского мира, и никогда не надевал корону на голову без предварительной исповеди и покаяния, которое он даже налагал на себя с помощью бичей. Но чем больше он смирял себя, тем более настоятельным он чувствовал призыв поднять церковь могущественной рукой первого из земных правителей.

ГОРЕСТИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ ГЕНРИХА

[1045-1056 гг. н. э.]

День в Сутри стал кульминацией жизни императора; с того момента и до самой смерти он вел непрерывную борьбу с неблагоприятными обстоятельствами. Венгры, свергнув короля Петра и выколов ему глаза, сбросили иго империи, и частые походы Генриха против мятежников не принесли никаких результатов. Кроме того, до этих событий умер тот самый Гозело Лотаринский, которому Конрад II был так глубоко обязан и которому он подарил всю Лотарингию, и Генрих III передал в качестве феода только Верхнюю Лотарингию своему сыну Готфриду Бородатому. Готфрид восстал и, как мы уже видели, завоевал руку Беатрис

Тосканской, вдовы Бонифацио; таким образом, благодаря браку этот враг императора стал самым могущественным князем в Италии.

Важные изменения происходили и в южной Италии. Норманны основали там государство, которое начало угрожать границам церковных владений. Лев IX, как и его предшественник, был немцем по происхождению, и, следуя обычаю немецких епископов, лично выступил против них в поход. Он потерпел поражение и был взят в плен в битве при Чивитате, недалеко от Монте-Гаргано. Но норманны, столь же хитрые, сколь и набожные, относились к преемнику святого Петра с глубоким почтением, и Лев заключил с ними мир, по крайней мере внешне, и отменил приговор об отлучении от церкви, вынесенный им. После смерти Льва Гилдебранд, руководивший политикой папского престола, осознал ценность приобретенной таким образом дружбы и, видя, что норманны стремятся узаконить свои завоевания в южной Италии и на Сицилии, убедил их принять свои земли в феодальное владение от святого Петра, после чего они стали верными вассалами папы. Это обстоятельство, наряду с ростом могущества Готфрида, вынудило императора предпринять новую экспедицию в Рим. В вопросе о норманах Генрих ничего не смог достичь, поскольку дела в Германии заставили его срочно вернуться туда.

Среди дворян по всей империи царил недовольство, поскольку Генрих, как и его отец, стремился обеспечить герцогства для своей семьи или передать их незначительным людям, которые должны были бы зависеть от него. Саксы, чья древняя гордость не могла смириться с властью франкона, питали к нему самую жестокую неприязнь, а из саксов герцогский дом Биллинг наиболее остро воспринимал несправедливость, которую, как и многие другие великие саксонские семьи, он считал нанесенной им императором и его друзьями. Расходы на содержание двора, который император обычно держал в Госларе, чтобы держать саксов в узде, также тяжело давились на провинцию. Дворянство по всей империи было в возмущении; император держал его в узде железной рукой, но его положение было на самом деле таким, каким его увидел во сне один из его верных советников и друзей: «Император стоял перед своим троном с мечом в руке и с ужасным выражением лица кричал, что он еще поразит всех своих врагов». Но он был унесен из империи в расцвете сил, когда она больше всего нуждалась в сильном правителе. Папа Римский был у него в гостях, и его дворяне собрались вокруг него в его дворце в Бодфельде в Харце, куда он уехал на несколько дней, чтобы насладиться удовольствиями охоты. Там он узнал о поражении саксонских войск, нанесенном племенами вендов в Призлаве, в углу между верхней Гавель и Эльбой. За этой дурной вестью вскоре последовала смерть великого монарха, и его империя осталась в руках шестилетнего ребенка, беспомощного перед лицом грядущих бедствий.

ГЕНРИХ IV (1056-1106 гг. н. э.)

[1056-1066 гг.

Первые два императора из династии Франконии так сильно усилили контроль над правительством, что немецкие князья, казалось, вновь вернулись во времена Карла и Оттона Великого. Но старая неуступчивость, которая мешала полному объединению, все еще была жива в немецких племенах, и этот инстинкт теперь усилился частными интересами великих дворян, которые считали власть империи обременительной, когда она осуществлялась слишком энергично, и чьи суверенные привилегии были значительно урезаны при Конраде II и Генрихе III. Поэтому момент был благоприятен для всех, кто ненавидел сильную и единую империю, поскольку ребенок-король теперь сменил самого

сильного и сурового правителя, которого когда-либо знала империя. Императрица Агнесса должна была взять на себя регентство за юного монарха Генриха IV, как Теофано делала это для Оттона III. Она сделала это с помощью епископа Генриха Аугсбургского в качестве своего советника. Но зависть, эгоизм и вероломство уже подрывали власть короны. При первых франконских монархах времена и нравы были грубыми и суровыми, но теперь все ограничения были отброшены, и всякое соблюдение права и верности, казалось, исчезло из империи.

Вскоре начались беспорядки; по всей Саксонии ходили слухи о покушениях на жизнь молодого короля. Агнесса была вынуждена пойти на значительные уступки, чтобы завоевать друзей, которые, однако, оказались ненадежными. Саксонский дворянин Отто из рода Нордхаймов (), родственного роду Биллинг, чья родовая резиденция находилась недалеко от современного города Гёттинген, получил от императрицы герцогство Бавария, которое Генрих III приобрел для своего рода. Рудольф фон Райнфельден, бургундский дворянин, сумел завоевать расположение императрицы и получил герцогство Швабия вместе с рукой дочери императрицы. Герцогство Каринтия было отдано Бертольду, представителю рода Цэринген. Если бы только императрица могла купить верность этими уступками! Но ни один из этих людей не был надежен; а движущей силой всех заговоров, направленных на то, чтобы отнять у императрицы верховную власть и передать ее дворянам империи, был архиепископ Ганно из Кельна, человек низкого происхождения, но амбициозный, жестокий, коварный и хитрый, хотя внешне и носил вид святости монашества. Естественно, что власть империи ослабевала за рубежом — в Италии, Венгрии и над вендами; и в этом обвиняли императрицу, а также в том, что она воспитывала своего сына слишком изнеженно. Одним словом, в сердце Ганно, как и в сердцах его союзников-князей, зрел преступный замысел. Императрица находилась тогда в Кайзерверте на Рейне со своим двенадцатилетним сыном, когда Ганно появился при ее дворе и после праздничного банкета пригласил молодого короля на прогулку по Рейну на своей красивой лодке. Мальчик ничего не подозревая, сел в лодку вместе с Ганно и некоторыми из заговорщиков: крепостные епископа гребли веслами, и лодка быстро тронулась. С балкона его преследовала плача мать молодого короля; люди следовали за ним по берегу, проклиная грабителей; а сам мальчик, встревоженный и опасаясь худшего, прыгнул в реку, из которой его с трудом спасли. Но заговор удался, и Ганно, который теперь держал молодого короля в своих руках, с помощью знати сумел взять бразды правления в свои руки во главе епископов.

Это не улучшило положение в империи. Императрица вскоре удалилась из мира и закончила свои дни в Италии, занимаясь благочестивыми делами. При правлении Ганно любой желающий мог завладеть королевскими владениями, а через несколько лет молодой король стал свидетелем смертельной схватки в соборе в Госларе, где дракулирующие священнослужители сражались за мирские почести в самом святилище.

Такое воспитание посеяло семена недоверия, горечи и ненависти в сердце молодого правителя, и как только он смог, он бросился в объятия другого наставника, архиепископа Адальберта Бременского. Последний, не менее амбициозный, чем Ганнон, и даже более гордый, стремился возвысить свою знаменитую митрополию, откуда по-прежнему отправлялись миссии через Северное и Балтийское моря, до положения патриархата севера. Ранее бывший другом Генриха III, он теперь стремился завоевать дружбу юного Генриха IV. Когда Генриху исполнилось шестнадцать лет, он объявил его совершеннолетним в соответствии с немецким законом, опоясав его мечом, но в течение нескольких лет продолжал руководить его незрелой молодостью. В своих усилиях Адальберт часто вызывал недовольство саксонской знати. На самом деле их намерения были злыми, и именно против них он подогревал подозрения молодого короля. Тем временем последний начал взрослеть

и становиться независимым мужчиной. Он обнаружил, что от власти, имущества и привилегий его предшественников осталось очень мало; все его усилия были направлены на их восстановление, и в погоне за этой целью он проявил железную волю своих предков. Их горячая кровь текла и в его жилах, побуждая его к случайным произвольным действиям и, прежде всего, к эксцессам, которые усугублялись клеветническими языками его врагов. Сначала он попытался подчинить Саксонию. Средства, которые он использовал для этой цели, были такими же, как те, которые норманны применяли в южной Италии; он воздвиг крепости в стратегически важных местах страны. Однако из этих центров было совершено много актов насилия в окружающих землях, и таким образом он вызвал гнев не только отдельных дворян, но и всего саксонского народа.

Но Генрих сделал больше, чтобы добиться падения врагов, которые так долго правили. Примерно в это же время появился человек, который обвинил Оттона Норденхайма, герцога Баварии, в заговоре против жизни короля и предложил доказать это обвинение с помощью испытания. Генрих сместил герцога, подверг его имперскому анафеме вместе с Магнусом Саксонским из дома Биллинг и вскоре бросил последнего в темницу Харцбурга. Он, казалось, был полон решимости полностью упразднить герцогство Саксония, но Баварию он отдал члену древней швабской династии по имени Вельф. Тем временем Адальберт умер, увидев, как все его планы пошли прахом; ведь венды к востоку от Эльбы, среди которых он надеялся установить свои суфраганные епископства с помощью Годшалка, одного из их вождей, восстали и надолго искоренили христианство в пределах своих границ.

[1066-1075 гг. н. э.]

Генрих IV начал свое правление с энергией. Это обстоятельство только ускорило формирование заговоров против него среди дворян по всей империи. В Саксонии весь народ был в возмущении — духовенство, дворяне и простолюдины. Все жаловались на невыносимое угнетение, осуществляемое из крепостей Генриха. Во главе образовавшегося союза стоял Отто из Нордхайма. В Южной Германии с ним был согласен Рудольф Швабский; Вельф и Ганно были также осведомлены о заговоре. Папа, под влиянием Хильдебранда, теперь кардинала-субдиакона, также начал интересоваться делами Германии; он ревностно противостоял своей церковной властью злым желаниям короля Генриха, который хотел развестись со своей благородной женой Бертой; он также стремился выступить посредником по просьбе саксов.

Между тем вся империя была на грани восстания. В 1073 году саксы поднялись как один человек и шестьюдесятью тысячами человек двинулись на Харцбург близ Гослара, замок на возвышенности, откуда открывался широкий вид на окружающую местность, который король превратил в величественную королевскую резиденцию. Генрих, после бесплодных переговоров, едва спасся бегством. Когда он попытался собрать вокруг себя князей империи, никто не явился; более того, открыто обсуждалась идея полностью покинуть его и избрать другого императора. В этот кризисный момент только города с самого начала остались верны Генриху; и пока шли переговоры, он лежал при смерти в верном ему городе Вормсе. Но едва он оправился, как встретил и разгромил иностранного врага в Венгрии; а затем с неумной энергией занялся делами внутри страны. У него еще были друзья: архиепископ Майнца, герцоги Лотарингии и Богемии, а также Вельф Баварский перешли на его сторону; и, наконец, даже Рудольф, который незадолго до этого замыслил против него самые вероломные заговоры, счел целесообразным вновь продемонстрировать свою преданность. Согласие между южногерманскими князьями и саксонцами было нарушено, и Генрих умело воспользовался их разногласиями.

В приступе победоманства саксы разрушили Харцбург, сожгли церковь и осквернили могилы; архиепископ Майнца отлучил их от церкви за святотатство, и летом 1075 года Генрих IV выступил против них с таким великолепным войском, какое до него мало кто из императоров мог собрать, несмотря на их предложения о покаянии и подчинении. Генрих мог бы решить этот вопрос мирным путем, что было бы очень выгодно для него самого и его народа. Но его душа жаждала мести; он застал саксов и их тюрингских союзников врасплох в Хоэнбурге, на лугах Унструта, недалеко от Лангензальцы. Его армия выстроилась в том же порядке, что и армия Оттона Великого в битве при Лехе, и одержала кровавую победу (1075 г.). Но немцы сражались против немцев, и вечером после битвы в королевской армии раздались громкие причитания по павшим, многие из которых были убиты руками своих же родственников. Тем не менее, Генрих теперь был хозяином Саксонии и повелителем всей Германии; казалось, что он вновь прочно укрепил свой трон. Так бы и было, по всей вероятности, если бы он не вступил в гораздо более серьезную ссору.

СПОР МЕЖДУ ГЕНРИХОМ IV И ГРИГОРИЕМ VII

[1075 г. н. э.]

Мы знаем, как в условиях неопишемого варварства, нищеты и насилия XI века из монастыря Ключни началась реформа морали, пусть и в мрачной монашеской форме, и как сам император Генрих III стремился ее продвигать. Через Ильдебранда эта реформация была перенесена в Рим, ко двору пап, которые на протяжении почти двух веков забывали о призвании, возложенном на них верой того времени. Пока был жив Генрих III, римляне, от которых все еще зависела выборы, по совету Ильдебранда позволяли императору назначать пап. Во время несовершеннолетия Генриха IV выборы впервые были поручены коллегии кардиналов, и в 1075 году Ильдебранд был избран папой под именем Григория VII.

Этот великий и одаренный человек немедленно приступил к воплощению своих идей в жизнь. Он хотел, чтобы церковь отныне была свободна от всякой светской власти, включая власть императора. Поэтому он издал эдикт, который уже предлагался на предыдущих соборах, но никогда не выполнялся, предписывающий целибат духовенства. Не обремененные женой, детьми и земными заботами, священнослужители в будущем должны были чувствовать себя просто членами могущественной церковной общины, получающими приказы из Рима, от преемника святого Петра, наместника Бога и Христа на земле. Этот указ, глубоко затронувший жизнь нации, мог показаться незначительным для императора, но второй удар нанес удар по корням его власти. Отныне ни император, ни какой-либо светский правитель не имели права назначать епископов; в терминологии того времени инвеститура, *то есть* вручение кольца и посоха, символов епископского сана, больше не могла находиться в руках мирян. Кафедральный капитул, то есть коллегия духовенства, приписанная к каждому собору, должен был проводить выборы, а папа — их утверждать; при возвышении к священному сану не допускались подарки или покупки, иначе кандидат был виновен в симонии, как называлось это преступление со ссылкой на Деяния, viii, 18.

Этот указ был тяжелым ударом для немецких монархов, поскольку со времен правления Генриха II они искали и находили поддержку среди епископов против растущей власти дворян. Имущество церкви составляло значительную часть имперской территории; монарх распоряжался им и его доходами, если он назначал епископов, как он всегда делал до этого времени. Многие назначения Генриха IV были сделаны не с учетом строгих требований его отца к духовенству, а для его собственной выгоды и для удовлетворения нужд момента. Некоторые из этих епископов заплатили деньги советникам Генриха за свое назначение, и за это в 1075 году Григорий VII подверг их, а также советников анафеме, потребовав от

короля сместить их и пригрозив ему церковным наказанием в случае отказа. Генрих долгое время неохотно наблюдал за посягательствами папы; после того как победа над саксами восстановила его власть в империи, он попытался, следуя примеру своего отца, сместить Григория, не задумываясь о том, насколько его власть была слабее, чем у его отца, и насколько ум Григория VII был благороднее и величественнее, чем у предыдущих пап. В 1076 году в Вормсе он созвал синод немецких епископов, которых ни по своему достойному образу жизни, ни по образованию нельзя было назвать зеркалом церкви. По их надуманному обвинению он сместил Григория VII. Григорий ответил отлучением в 1076 году. Это был первый случай, когда папа предпринял такую меру против немецкого короля. И Генрих вскоре понял, что означает отлучение, которое в то время разрывало все узы феодальной верности. Это был сигнал для князей, которые с ревностью наблюдали за восстановлением королевской власти, покинуть его. Осенью того же года они созвали сейм в Трибурге на старом поле выборов и сообщили королю, что если через год и один день он не будет освобожден от отлучения, они больше не смогут считать его своим господином.

Генрих увидел, что его покинули все; он услышал, что Григорий VII уже направляется в Германию, чтобы вынести решение по его делу. Он решил, что лучший выход из сложившейся ситуации — примирение с папой. Он отправился в путь в суровую зиму, когда реки почти замерзли, и пересек заснеженные Альпы, но не как его предшественники с грозной армией, а как кающийся, в сопровождении своей благородной жены, нескольких верных слуг и тех, кто был вместе с ним под запретом. В Ломбардии, где сильное сопротивление противостояло нововведениям Григория, ему предложили средства сопротивления, но он отверг их и поспешил в Каноссу, крепость могущественной графини Матильды Тосканской, дочери той самой Беатрис, которая когда-то доставила Генриху III столько беспокойства. Она была так же преданна Григорию VII, как церковному отцу, и теперь предложила ему свой замок. Генрих прибыл не как нападающий, а как проситель.¹

Это паломничество было настолько живописным и важным, что вошло в пословицу, и «пойти в Каноссу» стало метафорой унижения. Контраст между нищенским покаянием Генриха IV и тем, как его предки входили в Италию и как их принимали папы, настолько ярок, что заслуживает обширной цитаты из старого историка Ламберта фон Херсфельда,² современника событий, которые он описывает.³

«ПУТЕШЕСТВИЕ В КАНОССУ»: СОВРЕМЕННОЕ ОПИСАНИЕ

[1075-1077 гг. н. э.]

Генрих IV прибыл, как ему было приказано, и, поскольку замок был окружен тремя стенами, его приняли во втором круге, который опоясывал замок, а все его спутники остались снаружи. Там, сняв знаки своего королевского достоинства и лишившись всех украшений, не имея больше великолепной одежды, он стоял босиком, постившись с утра до вечера, ожидая приговора римского папы. Так он провел свой второй, да, даже третий день! Только на четвертый день его привели к нему, и после долгих переговоров он был освобожден от запрета на следующих условиях:

ГЕНРИХ IV

(На основании изображения на его могиле)

(1) Он должен был явиться в любой день и в любое место, которое определит папа, и, когда все князья соберутся на общее собрание, прибыть туда, чтобы ответить на обвинения, которые будут предъявлены ему; папа же, если ему будет угодно, сидя на судейском кресле, должен был вынести решение по этому делу. После этого приговора он должен был сохранить империю, если ему удастся опровергнуть обвинения, или потерять ее без гнева, если, будучи признанным виновным, он будет признан по законам церкви недостойным королевских почестей. Но независимо от того, сохранит ли он королевство или потеряет его, он ни при каких обстоятельствах и ни в коем случае не должен мстить кому-либо за это унижение.

(2) Однако до того дня, когда его дело будет решено по закону, он не должен носить никаких одежд королевского великолепия, ни знаков королевского достоинства, не должен предпринимать ничего, что касается организации государства, что обычно является его правом, и не должен принимать никаких решений, которые должны быть действительными.

(3) За исключением взимания налогов, необходимых для содержания себя и своего народа, он не должен был использовать королевские или государственные деньги. Все те, кто присягал ему на верность, должны были быть свободны и освобождены от рабства клятвы () и обязанности оставаться верными ему перед Богом и людьми.

(4) Он должен был навсегда держаться подальше от Руотберта, епископа Бамбергского, Андальриха фон Косхайма и других, чьими советами он разрушил себя и свою империю, и никогда больше не допускать их в свой ближний круг.

(5) Если после оспаривания обвинений он останется во главе империи, обретя новую силу и могущество, он должен всегда подчиняться папе и повиноваться его приказам, а также

быть на его стороне, чтобы исправить все, что противоречит законам церкви, которые укоренились в его королевстве в результате дурных привычек, да, сделать все, что в его силах, для достижения этой цели.

(6) Наконец, если в будущем он поступит вопреки одному из этих пунктов, освобождение от отлучения, которого он так жаждал, будет считаться недействительным, более того, он будет считаться осужденным и признавшимся, и ему не будет предоставлено дальнейшее слушание для заявления о своей невиновности. Что касается князей империи, которым было разрешено объединить свои голоса и избрать другого короля, то они могли сделать это без дальнейшего расследования и были освобождены от всех обязанностей верности.

Король с радостью принял эти условия и с самыми торжественными заверениями пообещал их выполнить. Однако его словам не доверяли, поэтому аббат Клониаки, который отказался принести присягу из-за своих священнических обетов, поклялся перед всевидящим Богом; епископ Цейтса, епископ Верчелли, маркграф Аццо и другие князья принесли клятву, положив руки на кости святых, которые были представлены им, что король не отступит от своего намерения ни из-за каких-либо бедствий, ни из-за изменения обстоятельств.

Таким образом, освободившись от отлучения, папа отслужил торжественную мессу, призвав короля с остальными помощниками. После принесения жертвы святого таинства он сказал толпе, которая собралась вокруг алтаря, держа в руке тело Христово — священный хлеб: «Недавно я получил письма от вас и ваших последователей, в которых вы обвиняете меня в том, что я взошел на апостольский престол посредством ереси симонии и что до получения епископства и после его получения я осквернил свою жизнь некоторыми другими преступлениями, которые, согласно каноническим законам, запрещают мне приступать к святым таинствам. Словами многих свидетелей, без сомнения достойных доверия, я мог бы опровергнуть эти обвинения; я говорю о свидетелях, которые знают всю мою жизнь до мельчайших подробностей с ранней юности. Я говорю также о тех, кто выдвинул мою кандидатуру на святой престол. Вы не должны думать, что я полагаюсь на человеческие, а не на божественные свидетельства; чтобы избавить всех и каждого от этой ошибки, и в кратчайшие сроки, таинство, в котором я собираюсь принять участие, станет для меня сегодня пробным камнем моей невиновности. Да будет всемогущий Бог своим решением либо оправдать меня даже от подозрения в преступлении, в котором меня обвиняют, либо дать мне внезапную смерть, если я виновен».

Он произнес эти и другие слова, как того требовал обычай, и призвал Господа поддержать его, ибо Он — самый справедливый из судей и защитник невинности; затем он принял причастие. Приняв его с величайшим спокойствием, а толпа возвысила крик в честь Бога, который был одновременно данью уважения невинности, он, после того как воцарилась тишина, повернулся к королю и сказал:

«Сын мой, если тебе угодно, сделай то, что ты видел, как делал я. Герцоги Германии ежедневно беспокоят нас своими жалобами; они возлагают на твои плечи тяжелый груз ужасных преступлений, из-за которых они считают, что тебя следует держать подальше, и это до самого конца, не только от всех государственных дел, но и от посещения церкви, и что тебя следует держать в стороне от всех отношений в гражданской жизни. Они также настойчиво просят назначить день и предоставить аудиенцию для полного канонического расследования обвинений, которые они собираются выдвинуть против вас. Вы сами лучше всех знаете, что человеческое суждение обычно обманчиво и что в публичных судебных процессах часто принимается ложное вместо истинного, поскольку вещи излагаются неверно; люди любят слушать речи красноречивых людей, речи, богатые природными дарами, богатством и очарованием выражений, люди любят слушать неправду, одетую в

красоту слов — и вы также знаете, что правда, не подкреплённая красноречием, не принимается во внимание. Чтобы улучшить свое положение, разве вы в своих несчастьях не просили о защите престола апостола? В таком случае сделайте то, что я вам советую. Если вы знаете, что вы невиновны, и осознаете, что ваше доброе имя подвергается вероломным нападкам, избавьте церковь Божью от скандала, а себя — от сомнительного исхода долгой борьбы самым коротким путем и примите участие в той части тела Господня, которая еще осталась. Таким образом, вы докажете свою невиновность свидетельством Божиим и закроете все рты, которые говорят против вас неправду. Люди в будущем и те, кто знает истинное положение вещей, будут самыми горячими защитниками твоей невиновности; князья примирятся с тобой, империя будет возвращена, и все бури войны, которые так долго беспокоили королевство, утихнут навсегда».

Тогда король, ошеломлённый неожиданным поворотом всего дела, начал колебаться, искать выходы, советоваться со своими приближенными вдали от толпы и, полный страха, обдумывать, что ему делать и как избежать необходимости столь ужасного испытания. Набравшись мужества, он начал приводить папе в качестве оправдания отсутствие князей, по крайней мере тех из них, которые проявили ему непоколебимую верность во время его несчастий и без чьих советов он не мог действовать; кроме того, по его словам, в отсутствие его обвинителей любое доказательство невиновности, которое он мог бы представить в свое оправдание перед немногими присутствующими, было бы бесполезным и не имело бы никакого значения для неверующих. Вследствие этого он настоятельно просил папу оставить дело без изменений для общего собрания и публичного слушания, чтобы он мог открыто опровергнуть своих обвинителей и таким образом проверить как обвинения, так и обвинителей, которые должны были быть предварительно допрошены в соответствии с законами церкви. Только при этих условиях, признанных князьями империи справедливыми и честными, он смог бы оправдать себя.

Папа охотно удовлетворил его просьбу; после совершения священных обрядов он пригласил короля на завтрак, а затем самым любезным образом отпустил его, тщательно рассказав ему все, что он должен был иметь в виду, и с благословением отправил его обратно к своему народу, который остался за пределами замка. Он послал епископа Эппу из Цейта, чтобы тот снял отлучение с тех, кто поддерживал связь с королем, пока тот был отлучен от церкви, и сделал это из доброты, чтобы не осквернить только что установленную связь с церковью.⁴

Носитель императорской короны больше не мог претендовать на то, чтобы быть высшей властью на земле, созданной Богом и подотчётной только Ему. Григорий вынудил признать абсолютное превосходство духовной власти, провозгласив, что все человечество подчиняется папе как наместнику Бога, а все правители несут перед ним ответственность.¹

БОРЬБА ГЕНРИХА ЗА ВОЗВРАЩЕНИЕ ВЛАСТИ (1077-1090 гг. н. э.)

[1077-1085 гг.]

Таким образом, король был освобожден от анафемы, но пока он еще находился в Италии, немецкие князья избрали другого короля, Рудольфа Швабского, его зятя, которого города сразу же отвергли. Папа хотел решить, кто из них заслуживает быть королем. Тогда Генрих пробудился и взялся за оружие. Он снова был подвергнут анафеме, но продолжал с неослабевающей энергией сражаться в Германии. Вся земля была опустошена, пролито много крови. Удача долго колебалась от одной стороны к другой, и большинство дворян

колебались вместе с ней. Но Генрих нашел верную поддержку в лице молодого Фридриха Гогенштауфена, швабского дворянина, который первым принес славу своему роду и которому Генрих позже отдал свою дочь замуж, одновременно наделяя его герцогством Швабия. Богемия, герцог которой вскоре получил от него титул короля, оставалась верна ему в борьбе. В 1080 году Рудольф пал в сражении, которое обещало закончиться для него победой под Мерзебургом, убитый, как говорят, рукой молодого Годфрида Бульонского, сына герцога Лотарингии, который впоследствии завоевал еще большую славу.

Немецкий рыцарь XII века

(По изображению)

К этому времени Генрих настолько восстановил свою власть, что смог поднять антипапу и начать римскую кампанию против Григория VII. Он сильно давил на последнего в Риме, но Григорий с железной решимостью отказался заключать договор с изгнанником. Как раз в тот момент, когда он больше всего в этом нуждался, норманны, которые поспешили на помощь под предводительством своего короля Роберта Гвискара (сына Танкреда де Отавиль), спасли его от заключения. Он умер в изгнании среди них в Салерно (1085 г.), не сняв отлучение с Генриха и с осознанием того, что он является мучеником. Его неукротимый дух, его высокие идеалы папства перешли к его преемнику. Генрих IV остался внешне победителем; он получил императорскую корону из рук своего папы и в течение десятилетия пользовался уважением в Германии. Но различные несчастья разбили его семью, а взаимное недоверие разрушило отношения между ним и князьями; тем не менее, чаша несчастий, предназначенная ему, еще не была опустошена.

[1085-1099 гг. н. э.]

Религиозный энтузиазм, зародившийся в Ключи и принесенный в церковь Ильдебрандом и его последователями, вскоре обрел чрезвычайно заметную цель: западное христианство поднялось, чтобы освободить Гроб Господень от неверных. Многие тысячи людей взяли на себя крест в ответ на проповеди отшельника Петра Амьенского и призывы папы Урбана II. Волнение охватило Германию, а также Нижнюю Лотарингию, проходя, что весьма

примечательно (), без следа мимо народных масс и императора Генриха IV; почти с изумлением наблюдали, как безудержные толпы отшельника прошли через Германию, а затем дали выход своему дикому религиозному рвению, убивая евреев. Затем пришла регулярная армия крестоносцев под командованием Годфрида Бульонского, германского императорского принца, который в 1099 году действительно завоевал Гроб Господень, а его брат завоевал корону Иерусалима.ⁱ

Хотя смерть Григория VII избавила императора от его самого опасного врага, он оказался вынужден бороться с соперником в империи, которого поддерживали сторонники покойного Рудольфа. Пока Генрих был занят осадой Рима, Герман Люксембургский получил корону Германии и был поддержан саксонскими князьями, Вельфом, герцогом Баварии, и некоторыми государствами Швабии. По всей Германии царил крайняя неразбериха, и епископы отличались рвением, с которым они воодушевляли противоборствующие стороны. В то время как одни, под влиянием папского легата, поддерживали отлучение Генриха, другие объявляли действия папы Григория совершенно незаконными и недействительными и признавали антипапу Климента III истинным главой церкви.

В первую очередь император направил свое оружие против саксов, но среди этих мятежников царил большая раздора, а антицезарь Герман подвергся осуждению церкви за вступление в брак, запрещенный по закону. Многие саксы добровольно вернулись к верности императору, а Генриху удалось подчинить себе остальных, хотя и не без тяжелой борьбы и кровопролитного поражения при Плейхфельде. Герман Люксембургский, теперь подвергшийся всеобщему презрению, получил от Генриха разрешение удалиться в свои владения в Лотарингии и вскоре после этого погиб в результате инсценированного нападения на один из своих замков (1088 г.).

В разгар этой неразберихи император все еще обладал достаточной властью, чтобы распоряжаться двумя коронами. Из благодарности своему верному союзнику, Вратиславу, герцогу Богемии, он присвоил ему королевский титул и устроил его коронацию в Праге архиепископом Трира. А в Аахене Конрад, старший сын Генриха, был помазан на царство Германии архиепископом Кельна в 1087 году.

Помимо мятежных саксов, император был вынужден взять в руки оружие против своего двоюродного брата Экберта, маркграфа Тюрингии, который теперь претендовал на императорский титул. Еще один соперник, Людольф, герцог Каринтии, также вступил в борьбу. Но эти соперничающие претензии были без труда подавлены. Экберт был застигнут врасплох и убит в мельнице недалеко от Брауншвейга вассалами Аделаиды, аббатисы Кведлинбурга, сестры императора; а Людольф умер примерно в то же время, не нанеся ни одного удара.

ГЕНРИ И КОНРАД

[1087-1101 гг. н. э.]

После восстановления мира в Германии Генрих поспешил вернуться в Италию, где он надеялся извлечь выгоду из смерти своего заклятого врага, папы Григория VII. После короткого понтификата Виктора III папой был избран Урбан II, который, по-видимому, был полон решимости пойти по стопам Григория и получил сердечную поддержку графини Матильды. Эта принцесса вступила во второй брак с Вельфом, сыном Вельфа VI, герцога Баварского, и этот союз объединил одного из самых влиятельных немецких дворян против Генриха. Разрушив владения Матильды в Лотарингии, император прибыл в Ломбардию (),

осадил и взял Мантую (), и получил значительную поддержку в результате разрыва Вельфа с графией и отступничества отца и сына от папского дела.

Но эти благоприятные события были более чем компенсированы восстанием его собственного сына Конрада, чья неестественная амбиция подтолкнула его к этому роковому шагу. Соблазненный лестью Матильды и папы, он был коронован королем Италии в Милане с обещанием императорского достоинства при условии, что он уступит в важном вопросе об инвеституре. К счастью, зараза ограничилась Италией, и по возвращении в Германию Генрих IV не обнаружил никаких признаков недовольства. Собравшиеся государства сохранили верность, объявили Конрада лишенным короны и избрали вместо него Генриха, второго сына императора, который поклялся уважать авторитет своего отца и воздерживаться от вмешательства в управление. Услуги имперских сторонников были щедро вознаграждены, и Вельфу VI были возвращены герцогство Бавария и другие государства, которые он утратил в результате своего предыдущего восстания. Виновный Конрад вскоре обнаружил, что его мечты о владычестве полностью рассеялись. Разочарованные верностью немцев императору, сторонники молодого принца быстро отвернулись от него, и он умер в одиночестве и презрении во Флоренции, не без подозрений в отравлении (1101).

Генрих IV вновь объявил о своем намерении посетить Италию в надежде добиться примирения между империей и папством. Но его планы были сразу же сорваны новым восстанием. Не обращая внимания на торжественную клятву, которую он дал, и не извлекая урока из падения своего брата, Генрих, второй сын императора, нетерпеливый от долгого правления своего отца, поднял против него оружие. Мятежный принц нашел горячего сторонника в лице папы Пасхалия II, который сменил Урбана II в 1099 году и на соборе, состоявшемся в Риме, торжественно возобновил осуждение, которое его предшественник Григорий громогласно высказывал в адрес Генриха. Никакая претензия римского престола не была более отвратительной, чем право, которое он присвоил себе, освобождать людей от клятв, данными ими сознательно; и новый папа внушил принцу, что отлучение его отца полностью освобождает его от всех обязательств. В горечи своего сердца страдающий Генрих пытался вернуть сына к чувству долга самыми мягкими и трогательными увещеваниями, но эти мягкие попытки были полностью напрасны для принца, который решительно заявил о своем намерении избегать всяких отношений с отлученным от церкви человеком.^{[k](#)}

КОНЕЦ ГЕНРИХА IV

Возможно, он боялся, что из-за растущей слабости отца королевская власть может быть утрачена еще больше; возможно, его амбиции не могли дождаться того момента, когда корона перейдет к нему, или он боялся, что вместо него будет избран кто-то другой; в любом случае, в 1105 году он поднял восстание. Большинство немецких князей были на его стороне. Разгневанный отец также готовился к сражению, и гражданская война, более жестокая, чем все предыдущие, раздирала империю.

На реке Реген отец и сын стояли лицом к лицу, первый из них все еще сильный благодаря поддержке Леопольда Австрийского и герцога Богемского. Схватки продолжались три дня, но ничего решающего не произошло, и тогда молодой Генрих склонил на свою сторону Леопольда Австрийского, пообещав выдать за него замуж свою сестру Агнессу, вдову великого Штауфена. Все покинули пожилого императора, и он остался один, как когда-то Людовик Благочестивый на Люгенфельде. Но доброжелательное отношение к городам, которое проявляли его предшественники, и особенно он сам, теперь принесло обильные плоды. Благодаря правам и свободам, предоставленным им и расширенным императорами со времен Конрада II, они теперь стали процветающими общинами, а их многочисленные и хорошо укрепленные резиденции граничили с великим торговым водным путем Рейна. Все они заявили о своей поддержке пожилого императора; удача, казалось, покинула его злого сына. Под маской лицемерия он прибыл в Кобленц, смирился перед отцом и просил прощения: князья, собравшиеся в Майнце, должны были урегулировать последнюю ссору. Отец простил сына и со слезами обнял его; затем, ничего не подозревая, он поехал с ним к назначенному месту встречи. Но сын с злой хитростью заманил его в крепость Бёкельхайм в Наэтале: решетка опустилась за императором, когда он вошел, и он оказался пленником своего сына. Последний со своими князьями потребовал от него добровольной отречения и сдачи королевских драгоценностей. Сломанный несчастьем, старик был вынужден согласиться на эти требования. Но ему грозили новые злоупотребления и даже опасность смерти; тогда он бежал из-под стражи своего сына, и верные города снова вооружились для его безопасности. Война началась заново, и ее исход было трудно предсказать; затем из Люттиха пришла весть о смерти императора (1106 г.). Даже после смерти на нем лежала анафема, поскольку его гроб более пяти лет оставался непогребенным в неосвященных местах; но народ громко оплакивал горячо любимого правителя, который после коротких ошибок молодости так долго и тяжело страдал от несчастий. Конечно, его последние годы, если верить старым летописцам, во многом помогли смыть пятна его ранних глупостей и преступлений. Его представляют как человека, который после победы над Григорием VII защищал бедных от их угнетателей, пресекал грабежи, вершил правосудие и поддерживал общественный порядок.

ГЕНРИХ V И ВОЙНА ИНВЕСТИТУР

Генрих V был теперь признан во всей империи. Он обязан был своей короной папской партии и князьям, но, едва обретя власть, к которой он стремился, он показал, что обладает достаточной решимостью, чтобы противостоять всем претендентам. За рубежом ему удалось восстановить господство империи над Фландрией и укрепить западную границу; его кампании на восточной границе против Польши, Венгрии и Богемии были менее удачными. Внутри страны и в отношениях с князьями он не смог существенно изменить условия, сложившиеся при Генрихе IV. Феодалные владения, большие и малые, давно стали

наследственными, королевская собственность значительно сократилась; практически ни один район не находился под прямым управлением короля. В случае войны король созывал своих крупных вассалов, а те, в свою очередь, созывали своих феодальных вассалов и «министерялов», *то есть* вассалов, которые составляли армию империи. Таким образом, феодализм проник в самые низшие слои народа, но король по-прежнему считался главой государства; и могущественный монарх во главе этого многочисленного органа мог достичь большего, чем другие правители Европы, чья власть в своих владениях была не менее ограничена властью их великих вассалов.

Несмотря на то, что Генрих V был лишен сердца и совести, он ни в коем случае не испытывал недостатка в благоразумии и способности к управлению, которые были характерны для его предков. Он обладал решимостью и смелостью, но был поспешным и опрометчивым и часто срывал свои собственные великие планы своими произвольными актами насилия (). Папская партия вскоре поняла, что ошиблась в его характере, поскольку он оспаривал папское право инвеституры еще более решительно, чем его отец, и уже в 1110 году предпринял блестящую экспедицию в Рим в связи с этим вопросом. Когда он достиг Ломбардии и созвал имперский сейм на равнинах Ронкалья недалеко от Пьяченцы, итальянские города (за исключением Милана и Павии), которые развивались быстрее, чем немецкие, и достигли еще большего процветания, признали его верховенство, а графиня Матильда принесла ему дань уважения как своему феодальному господину. В 1111 году он прибыл в Рим.

[1111-1122 гг.

Спор с папой Пасхалом II вновь разгорелся по поводу его коронации и инвеституры, но в конце концов стороны пришли к соглашению, согласно которому император должен был отказаться от права инвеституры, а папа должен был убедить духовных лордов отказаться от всякой светской власти в империи. Затем папа, согласно древнему обычаю, в сопровождении хвалебных гимнов и великого ликования привел короля в собор Святого Петра. Однако Генрих уже окружил собор немецкими войсками. Когда епископы отказались отказаться от своих прав, как того от них требовали, и император вслед за этим потребовал полных прав инвеституры, папа засомневался, следует ли ему проводить коронацию в таких условиях. Один из свиты Генриха нетерпеливо воскликнул: «Зачем столько слов? Мой господин король желает быть коронованным, как был коронован Карл Великий!»

С этого момента папа и его кардиналы стали пленниками. Генрих увез с собой бывшего папу, несмотря на яростные беспорядки в Риме, через которые он и его рыцари пробились с помощью мечей. Но дух Григория VII продолжал жить в церкви; когда папа, сломленный заключением, предоставил королю право назначать епископов и аббатов и фактически короновал Генриха после его освобождения из тюрьмы, кардиналы и французское духовенство отлучили императора от церкви и продолжили конфликт с помощью своих духовных орудий. Тем временем Генрих V вернулся в Германию, где удача по-прежнему улыбалась ему ; в Варнштедте, к северу от Харца, его генерал Хойер фон Мансфельд разгромил саксонских и тюрингских дворян, среди которых были Людвиг дер Шпрингер («прыгун») и Випрехт фон Гройтш, которые подняли восстание против императорского дома со своим старым упрямым неповиновением (1113).

Император, который только что заключил блестящий брак с Матильдой Английской, был теперь на вершине своей власти; но, тем не менее, ему не удалось окончательно установить королевскую власть в Северной Германии, где, в частности, саксы постоянно стремились обеспечить себе более независимое положение. Когда Генрих был в походе против фризов, город Кельн поднял восстание, и князя Нижнего Рейна вступили с ним в союз. Удача

покинула Генриха перед стенами города, и его враги подняли голову со всех сторон. Своими действиями по заключению в тюрьму графа Людвиг Тюрингский он вызвал яростное недовольство саксонской и тюрингской знати. Они вновь подняли восстание и на этот раз нанесли императору поражение при Вельфесхольце недалеко от Мансфелда в Гарце (1115). Вся Северная Германия и почти вся немецкая церковь отвернулись от него; в Южной Германии, напротив, его племянник Фридрих фон Штауфен, герцог Швабский, остался верным императорской власти, как и Бавария под властью Вельфа.

Генрих сам снова уехал в Италию (1116-1118), поскольку к войне за инвеституру, которая все еще продолжалась, добавилась еще одна причина для спора. Графиня Матильда умерла и завещала все свои земли и имущество Святому Престолу. Однако большая часть земель принадлежала империи в качестве феода и поэтому должна была перейти к королю после ее смерти без наследников; Генрих также предъявил права на ее *аллодиум*, или собственность, на основании близкого родства. Во время его пребывания в Италии умер Пасхалий II.

В лице его следующего преемника папский престол впервые со времен правления Ильдебранда занял папа, который не был монахом. Им был Гвидо из Вьенна, бургундец высокого ранга и родственник Генриха, который принял имя Каликст II. Возвышение этого благоразумного и дальновидного человека давало императору надежду на примирение, хотя новый папа до сих пор был лидером его противников среди кардиналов; и были начаты переговоры. Каликст отправился во Францию, которая, стремясь к новому подъему со времен крестовых походов, стала ревностным защитником папства. Долгое время переговоры не приносили результатов; планировалась личная встреча между папой и императором, но многолетнее недоверие и память о пленении Пасхалия II помешали ее осуществлению. Каликст сохранил превосходство в Италии, Генрих — в Германии. Но, несмотря на многочисленные успехи обеих сторон, обе были склонны смягчить свои требования. Немецкие князья взяли на себя роль посредников, и после пятидесяти лет борьбы спор об инвеституре был урегулирован Вормским конкордатом в 1122 году.

[1122-1125 гг. н.э.]

Король отказался от инвеституры с кольцом и посохом, но получил привилегию, согласно которой выборы епископов должны были проводиться в его присутствии или в присутствии его представителя, и что — по крайней мере в Германии — они должны были получать территории, принадлежащие их епархиям (), в феодальное владение от императорской короны до своего посвящения. Таким образом, император многое обеспечил себе, но, с другой стороны, папство приобрело значительное влияние в имперских делах, и лояльность епископов, которая была самой прочной опорой трона, начала колебаться. Генрих умер в Нимвегене (1125) бездетным, и народ, который никогда его не любил, увидел в его бездетности возмездие за войну с отцом и нарушение им своих сыновних обязанностей.

Из рук Генриха II франконская династия получила вновь консолидированную империю, хотя крупные феодалы в ней уже стали наследственными. Первые князья этой линии, Конрад II и Генрих III, которые по величию не уступали ни одному из императоров Германии, настолько укрепили королевскую власть, что оба могли лелеять мечту о такой империи, какой была империя Оттона Великого. Их власть перешла к ребенку, и дворяне откололись от власти тем скорее, что она была слишком жесткой. В то же время церковь вышла на арену как новая сила, обладая силами, которые были лучше организованы и более глубоко укоренились в сознании народа, чем силы империи, и вооруженные средствами, более эффективными, чем меч.

Генрих V, характер которого давал столько поводов для нападок, потерпел поражение в конфликте с этими двумя силами. К концу XI века все феодалы стали наследственными, а

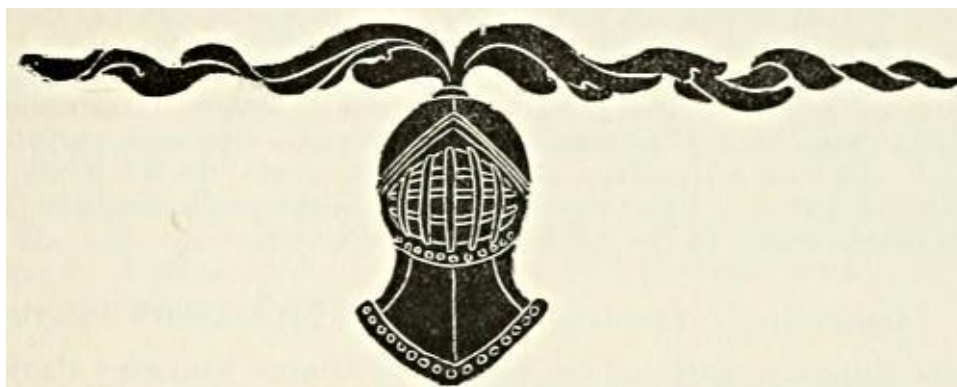
епископства больше не находились в безусловном распоряжении императора; поэтому он был вынужден полагаться на свои династические владения и моральное превосходство. В области нравов и образования Германия XI века отставала от пробуждающейся интеллектуальной жизни романских народов. Великие последствия крестовых походов должны были проявиться, прежде чем венц средневековья мог распространиться на эту страну.ⁱ

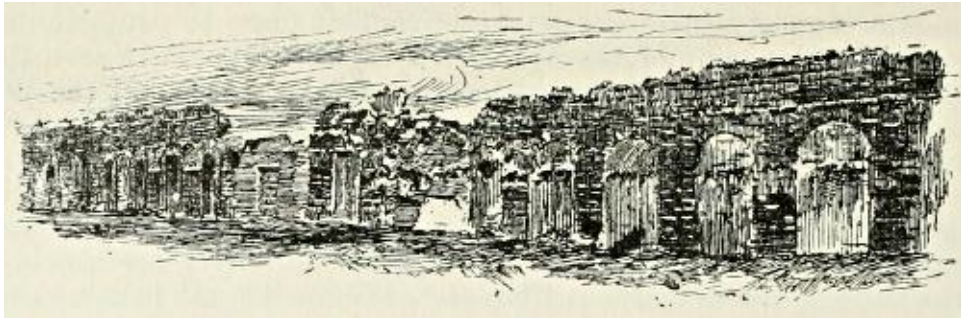
Со смертью Генриха V франконская династия прекратила свое существование. Смена династии дает нам удобный повод сделать паузу в нашем рассказе о развитии Западной империи. Мы видели, что центр влияния уже давно сместился на север и что Западная империя, хотя и носила римское название, по сути своей была германской. В следующие два-три столетия на сцену выйдут несколько важных императоров, и такие люди, как Фридрих Барбаросса и Фридрих II, сделают Италию полем для некоторых из своих наиболее выдающихся деяний. Тем не менее, эти императоры являются германцами, и записи об их жизни являются составной частью истории Германской империи. Мы снова вернемся к истории Германской империи в следующем томе с вступлением на престол Гогенштауфенов. А сейчас на время вернемся на Восток, чтобы стать свидетелями развития замечательной восточной цивилизации.^a

СНОСКИ

[147] [Как отмечает К. Т. Льюис^e : «В своих легендах и песнях люди принимали сторону несчастного юноши, который боролся за свое наследство против сурового отчима, и сравнивали его судьбу с судьбой столь же несчастного Людольфа, сына Оттона Великого. Действительно, легенда объединила две истории в одну, и так появилась песня об Эрнсте Швабском, которая долго пелась в средние века и изображает двух друзей, наконец отправляющихся на Восток в крестовый поход и переживающих множество приключений».

[148] [Брайс^j говорит: «При Генрихе III империя достигла зенита своей мощи. Внутри страны прерогативы Оттона Великого не были столь высоки».]

КРАТКИЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПО ГЛАВАМ

[Буква «а» зарезервирована для редакционных материалов.]

ГЛАВА I. ОТ ОДОАКРА ДО ТРИУМФА НАРСЕСА

Джон Б. Берри, «История поздней Римской империи».

[с](#) Томас Ходкин, «Италия и ее завоеватели».

Эдвард Гиббон, «История упадка и падения Римской империи».

[е](#) Аммиан Марцеллин, «*Rerum gestarum, Libri XXXI*».

[f](#) Мальх Филадельф, *Βυζανταϊκά*.

[g](#) Эвагрий Эпифанийский, *Ἱστορία ἐκκλησιαστικά*.

Иорданес (Йорнандес), *De Getarum origine et rebus gestis*.

[i](#) Магнус Аврелий Кассиодор, *Libri XII De Rebus Gestis Gothorum*.

[j](#) Прокопий, *Ἱστορίαι (de bello Gothica)*.

[k](#) Аноним, *Valesian Fragment*.

[l](#) Томас Ходкин, статья «Теодорих» в девятом издании *Encyclopædia Britannica*.

[m](#) Агафий, *Ἀγαθίου Σχολαστικοῦ Μυριναίου Ἱστορίων* E.

[n](#) Генри Брэдли, статья в *The Academy*, 15 мая 1886 г.

ГЛАВА II. ВТОРЖЕНИЕ ЛАНГОБАРДОВ И СМЕРТЬ ЛЮТПРАНДА

[b](#) Томас Ходкин, «Италия и ее завоеватели».

[c](#) Кай Велей Патеркул, «Краткая история Рима» (перевод с латинского Дж. С. Уотсона).

Страбон, *Γεωγραφικά*.

Фридрих Мюллер, *Grundriss der Sprachwissenschaft*.

Корнелий Тацит, *Annales*.

[g](#) Корнелий Тацит, *Germania*.

Петр Патриций, *Ἱστορίαι*.

[i](#) Коккей Дион Кассий, *Ῥωμαϊκὴ ἱστορία*.

[j](#) *Origo gentis Longobardorum*.

Фридрих Блуме, *Die Gens Langobardorum*.

^l Эрнст Вильгельм Фёрстеманн, *Geschichte des deutschen Sprachstamms*.

^m Прокопий, указ. соч.

ⁿ R. Pallmann, *Geschichte der Völkerwanderung*.

^o Claudius Ptolemæus, *Γεωγραφικὴ ὑφήγησις*.

^p Павел Диякон, *Historia Langobardorum*.

Эйнхард (Эгинхард), *Annales Francorum*.

^r Юлий Липперт, *Die Religionen der europäischen Kulturvölker*.

C. Sollius Apollinaris Sidonius, *Epistolarum Libri IX*.

^t Магнус Аврелий Кассиодор, *op. cit.*

Людвиг Шмидт, *Zur Geschichte der Langobarden*.

Исидор Севильский, «Хроника».

^w Эдвард Гиббон, указ. соч.

^x Георг Вебер, «Всемирная история».

^y Вильгельм Мартенс, «Политическая история королевства лангобардов при короле Лютпранде».

^z Анастасий, *Liber Pontificalis* (Жизнь Григория II и Захарии).

^{aa} Фердинанд Грегоровиус, *Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter*.

^{bb} Фридрих К. Шлоссер, *Geschichte der bilderstürmenden Kaiser des öströmischen Reichs*.

ГЛАВА III. ФРАНКИ ДО ВРЕМЕНИ КАРЛА МАРТЕЛЛА

^b Корнелий Тацит, указ. соч.

^c «Августовская история», Вописк, «В Аврелиане».

^d Эдвард Гиббон, указ. соч.

^e Якоб Гримм, *Geschichte der deutschen Sprache*.

Иоганн Кристоф Аделунг, *Versuch eines vollständigen grammatisch-kritischen Wörterbuchs der Hoch-Teutschen Mundart*.

PANEGYRICI VETERES (включая Эумения и Назария о «Константине»).

Аммиан Марцеллин, *op. cit.*

ⁱ Иорданес (Йорнандес), *op. cit.*

Флавий Клавдий Юлиан, *Император, Орации*.

Эвтропий, *Breviarium Historiæ Romanæ*.

^l Либаний, *Λόγοι* (Речи).

^m Проспер Аквитанский, *Chronicon*.

Аноним, *Gesta Francorum*, или *Liber Historiæ Francorum*.

Григорий Турский, *Historia Francorum*.

^d ФРЕДЕГАРИЙ СХОЛАСТИК, *Хроника*.

УОЛТЕР С. ПЕРРИ, «*Франки от их первого появления в истории до смерти короля Пепина*».

^e ТОМАС ХОДКИН, указ. соч.

С. АСТЛИ ДАНХЭМ, «*История Европы в средние века*».

^f ANNALES METTENSES.

^g ЭЙНХАРД (ЭГИНХАРД), «*Жизнь Карла Великого*».

^h PAULUS DIACONUS, *op. cit.*

ⁱ АНРИ МАРТИН, *Histoire de France*.

^j СТРАБОН, *op. cit.*

^k ERCHANBERTUS, *Breviarium Regum Francorum*.

ГЛАВА IV. ОТ КАРЛА МАРТЕЛЛА ДО КАРЛА ВЕЛИКОГО

WALTER C. PERRY, *op. cit.*

^l ANNALES METTENSES, *op. cit.*

FRETEGARIUS SCHOLASTICUS, *op. cit.*

^m THOMAS HODGKIN, *op. cit.*

ⁿ PAULUS DIACONUS, *op. cit.*

^o CHRONICLE OF MOISSIAC.

ЭЙНХАРД (ЭГИНХАРД), *Annales Francorum*.

^p АНАСТАСИЙ, указ. соч.

ОЭЛЬШЕР, *Zur Chronologie der Italienischen Ereignisse* (в его *Jahrbücher des Fränkischen Reiches unter König Pippin*).

^q СИГУРД АБЕЛЬ, *Der Untergang des Langobardenreiches in Italien*.

^r EINHARD (EGINHARD), *Vita Caroli Magni*.

CODEX CAROLINUS (Письма пап франкским королям).

ГЛАВА V. КАРЛ ВЕЛИКИЙ

^s ЭЙНХАРД (ЭГИНХАРД), *op. cit.*

^t ФРИДРИХ ВИЛЬГЕЛЬМ БЕНДЖАМИН ФОН ГИЗЕБРЕХТ, *Geschichte der deutschen Kaiserzeit*.

МОНАХ ИЗ САНКТ-ГАЛЛЕНА, *De Carolo Magno*.

^u J. Y. SHEPPARD, *The Fall of Rome and the Rise of New Nationalities*.

ГЛАВА VI. ПРЕЕМНИКИ КАРЛА ВЕЛИКОГО ПО ВЕРДЕНСКОМУ ДОГОВОРУ

ВИКТОР ДЮРЮИ, *Histoire du Moyen Âge*.

^v ЛЕОПОЛЬД ФОН РАНКЕ, «*Всемирная история*».

АГОБАРД, «Труды» (под редакцией Балюза).

g JOHANN G. A. WIRTH, *Geschichte der deutschen Staaten*.

f М. Э. ТАЛЬХАЙМЕР, «Средневековая и современная история».

ГЛАВА VII. ЗАРОЖДЕНИЕ НЕМЕЦКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ

b ФРИДРИХ ВИЛЬГЕЛЬМ БЕНДЖАМИН ФОН ГИЗЕБРЕХТ, указ. соч.

c ANNALES FULDENSES.

h ГЕНРИХ ГЕРДЕС, «История немецкого народа».

e ВОЛЬФГАНГ МЕНЦЕЛЬ, *История Германии от древнейших времен до наших дней* (перевод с немецкого Г. Хоррокса).

i ВИТТЕКИНД, *Res gestæ Saxonicæ*.

ГЛАВА VIII. ОТТО ВЕЛИКИЙ И ЕГО ПРЕЕМНИКИ

b Х. ГЕРДЕС, указ. соч.

c ФРИДРИХ ВИЛЬГЕЛЬМ БЕНДЖАМИН ФОН ГИЗЕБРЕХТ, указ. соч.

d В. МЕНЦЕЛЬ, указ. соч.

e Л. ФОН РАНКЕ, указ. соч.

f ДЖЕЙМС САЙМ, статья «Германия» в девятом издании *Encyclopædia Britannica*.

g R. СОМҮН, *op. cit.*

h ГЕНРИ ХАЛЛАМ, «Взгляд на состояние Европы в средние века».

ГЛАВА IX. ФРАНКСОНСКАЯ, или САЛИЙСКАЯ, ДИНАСТИЯ

b ТИТМАР МЕРЗЕБУРГСКИЙ, «Хроника».

c ВИПО, «Деяния императора Конрада II».

d ЛЕОПОЛЬД ФОН РАНКЕ, указ. соч.

e ЧАРЛТОН Т. ЛЬЮИС, «История Германии».

f ГЕРМАН ФОН РАЙХЕНАУ, *Chronicon*.

g ЛАМБЕРТ ФОН ХЕРСФЕЛЬД (или АШАФФЕНБУРГ), *Annales*.

h ИОГАНН Г. А. ВИРТ, указ. соч.

i ДЭВИД МЮЛЛЕР, *Geschichte des deutschen Volkes*.

j ДЖЕЙМС БРАЙС, указ. соч.

k ROBERT СОМҮН, *op. cit.*

[Дополнительный список работ по поздней Римской империи на Западе можно найти в *Общих библиографиях Рима, Италии и Германии*, тома VI, IX и XIV соответственно].

КАРТА ИМПЕРИИ КАРЛА ВЕЛИКОГО.

BORMAY & CO.

назад